

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Star 176.25

Bd. Oct. 1890.

Harvard College Library

FROM THE REQUEST OF

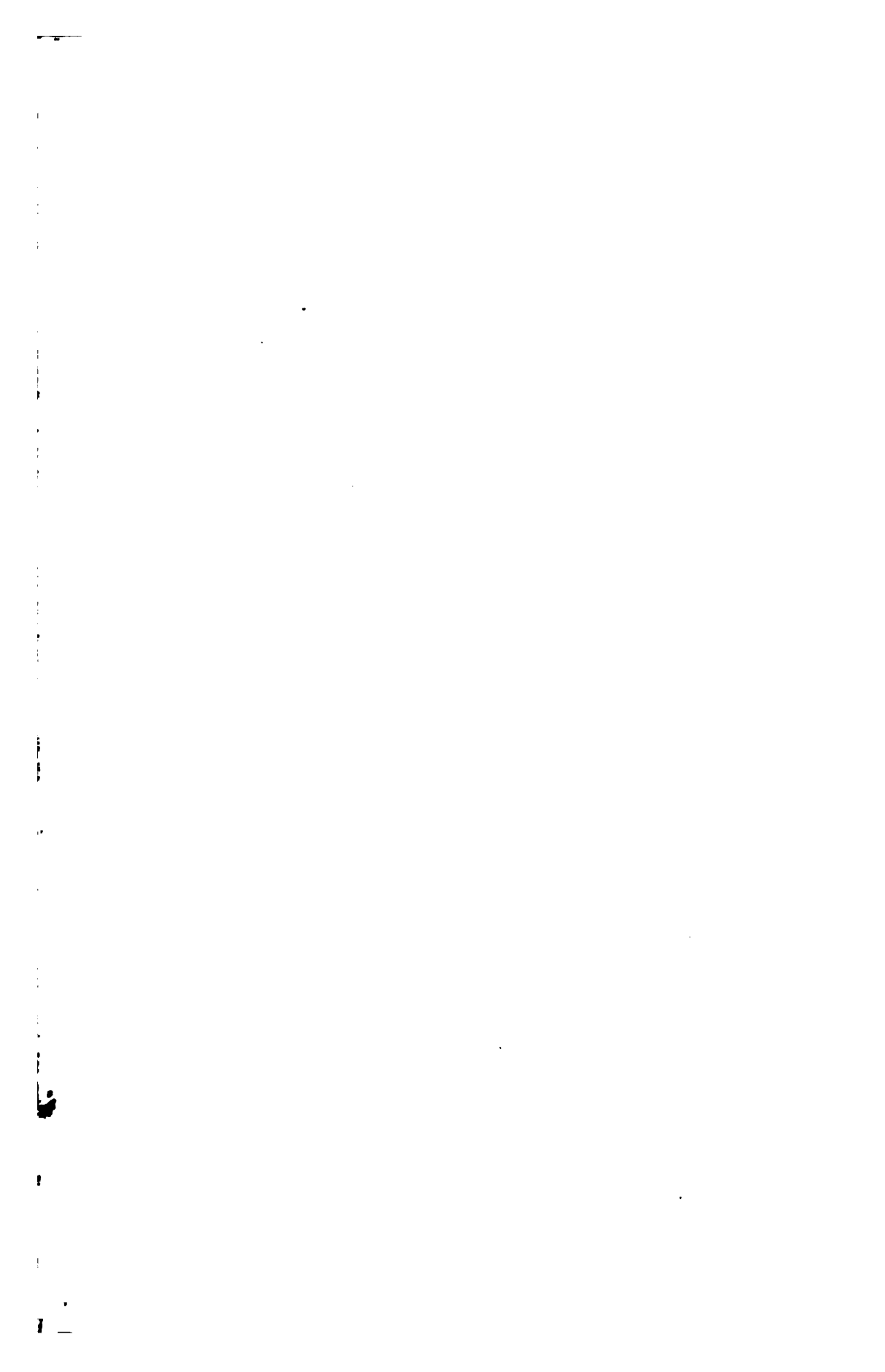
MRS. ANNE E. P. SEVER,

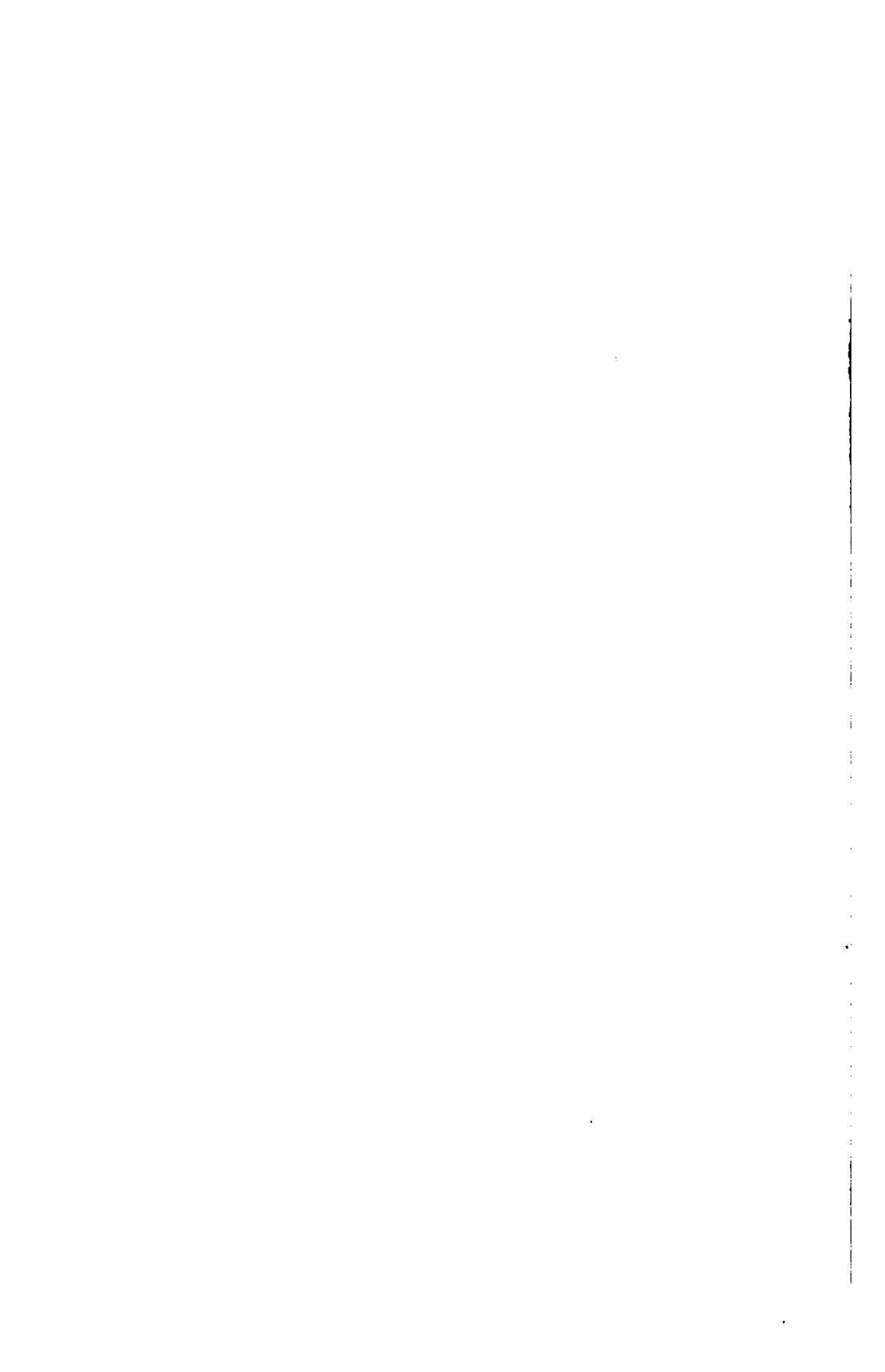
OF BOSTON.

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

29 July - 25 Aug. 1890.

ВЪСТАНКЪЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

HARVARD COLLEGE
JUL 29 1890

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИТЬСЯ.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ — КНИГА 7-я.

ЮЛЬ, 1890.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-я. — ЮЛЬ, 1890.

Стр.

І.—ТРИ НЕДѢЛИ ВЪ СИЦИЛИИ.—Кн. М. У—ой	5
ІІ.—ЗЛОСЧАСТНАЯ.—Изъ разсказовъ „казенной“.—З. Гиніусъ	32
ІІІ.—ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА.—І-У.—С. В. Ковалевской	55
ІV.—НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБѢ.—Повѣсть.—І-VШ.—Н. Потапенка	99
—А. А. КОТЛЯРЕВСКІЙ.—А. В. Стороженка	163
—СТИХОТВОРЕНІЯ.—К. Медвѣдскаго	182
—ЛОБАНОВЩИНА.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая.—І-XIV.— В. Шилова	184
—Н. В. ГОГОЛЬ въ началѣ литературной карьеры (1829—1831).—І-V.—В. П. Шенрока	248
—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Ф. М—вой	272
Х.—НОВАЯ ИСТОРИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ІІ.—По поводу книги г. Бильбасова.—А. В—на	274
ХІ.—ПОДЪ ИГОМЪ СТРАСТЕЙ.—Романъ Ричарда Ашкннга.—І-VII.—Съ англій- скаго.—А. Э	3 6
ІІ.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Земско-статистическія работы, какъ матеріалъ для изслѣдованія условій сельскаго хозяйства.—Достоин- ства ихъ и недостатки.—Опытъ вывода изъ нихъ по вопросу о крестьян- скихъ платежахъ и недоимкахъ.—Размѣры платежей въ двадцати уѣздахъ великорусскихъ губерній, и ихъ сборъ.—Количество недоимокъ въ тѣхъ же уѣздахъ и ихъ особенности.—Что собственно должно быть предметомъ об- ложенія?	362
ІІІ.—ПО ПОВОДУ ВЫСТАВКИ ВЪ ТАШКЕНТѢ.—А—бова	386
ІV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новая германская политика и ея практиче- скіе результаты.—Англо-германское соглашеніе.—Внутренній смыслъ со- стоявшейся сдѣлки и значеніе ея для международныхъ отношеній въ Европѣ. —Делеша лорда Сольсбери въ сѣру Малету.—Официальные мотивы уступки Гельголанда.—Значеніе острова для Германіи и сомнительная выгодность его присоединенія.—Военный законъ въ имперскомъ сеймѣ.—Мнимыя таин- ственные причины уступчивости Виндгорста.—Вопросъ объ африканскихъ дѣлахъ въ Англии	395
ХV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Е. Щепкиной: Старинные помѣщики на службѣ и дома.—Литературныя встрѣчи и знакомства, А. Милюкова.— Пѣснь о Нибелунгахъ, съ средне-верхне-нѣмецкаго перевелъ М. Кудря- шевъ.—Полюбій, Всеобщая исторія, перев. Ф. Мищенко.—Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. І. Первольфа.—Новыя книги и брошюры	409
ХVІ.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Les lois de l'imitation, par Tarde.—Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la pro- priété, par Maxime Kovalevsky.—Le surmenage mental dans la civilisation moderne, par Marie Manacéine. Traduit du russe par E. Jauberts, avec une préface par Ch. Richet.—Л. С.	426
ХVІІ.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Д-ръ Г. А. Захарыинъ о „переутомле- ніи“ и „классицизмѣ“, и его предложеніе: сократить науки въ пользу клас- сичизма.—Другія предложенія автора, и наши оговорки къ нимъ.—Что та- кое „концентрація“ обученія?—Предложеніе съ другой стороны: сократить гимназіи, не сокращая учебныхъ часовъ.—Новые признаки „маніи величія“ въ нашей печати и примѣры самоубицванія	434
ХVІІІ.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Американская республика, Дж. Врайса. Часть ІІІ. Пер. съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій.—Въ чемъ сила жизни? Второе изданіе. Эльпе (Л. К. Попова).—Основанія политической экономіи. Проф. Д. И. Пихно.—Учебникъ психіатріи, сост. д-ръ Крафтъ-Эбингъ, пер. Александръ Черемшанскій.—Заразныя болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ. Корь, скарлатина, оспа, тифъ, дифтеритъ, коклюшъ, свинка и др. 2-ое изд. А. С. Виреніусъ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: ХVІ стр.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1890 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О Ш Ы

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LIV. — ТОМЪ XXXVIII. — 4/4: ЮЛЯ, 1890.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

138-33

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1890

~~131.84~~

~~Stav 50.2~~

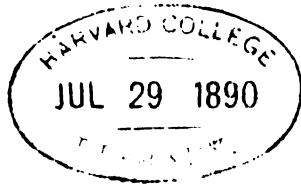
PSK 176.25

1890, July 29 - August 25.

Sever fund.

(1712)

ТРИ НЕДѢЛИ

ВЪ

СИЦИЛИИ

I.

...Мы оставили Неаполь въ сумерки. Издалека его огни казались ожерельемъ безподобнаго залива. Везувій, какъ маякъ, долго еще свѣтился за нами, а на разсвѣтъ вдалекѣ показалась Сицилія. Несмотря на огромное разстояніе, уже видѣлась Этна, а передъ нами выступила величественная скала—Monte Pellegrino. За ней—бухта и Палермо, потонувшее въ зелени, и по этой зелени разсыпано золото—это померанцевыя и лимонныя деревья, покрытыя плодами.

День жаркій и чудесный—въ половинѣ ноября.

Три недѣли прошли въ непрерывавшемся наслажденіи красотой природы и искусства.

Сицилія, какъ извѣстно, сохраняетъ живые слѣды греческой, римской, норманской, арабской и испанской цивилизаціи. Памятники всѣхъ этихъ различныхъ типовъ исполнены высочайшаго интереса, и, кажется, нѣтъ угла на земномъ шарѣ, который былъ бы столь богатъ великолѣпными произведеніями древняго искусства; это—настоящій музей.

Въ тотъ же день мы отправились прежде всего въ соборъ, какъ то и слѣдуетъ всегда въ какомъ бы то ни было итальянскомъ городѣ. На каждомъ шагѣ васъ поражаютъ слѣды арабскаго и ему сроднаго въ архитектурѣ испанскаго владычества. Въ старин-

ныхъ дворцахъ, ихъ „кортиле“, или внутренній дворъ, съ граціозной двойной колоннадой и бьющимъ фонтаномъ, посреди мраморнаго или фаянсоваго пола, напоминаетъ востокъ, гаремъ,—и должно служить безцѣннымъ убѣжищемъ въ палаціи зной здѣшняго гѣта. Улицы узки, какъ то необходимо почти въ тропическомъ климатѣ; передъ каждымъ окномъ изящный балконъ изъ камня или желѣза; на улицахъ кипитъ жизнь. Къ счастью, это не тотъ шумъ, который такъ неприятно оглушаетъ въ Неаполѣ; веселая пестрая толпа быстро подвигается, а среди нея живо скачутъ ослы съ телѣжками, оклеенными яркими лубочными картинками, изображающими священный или патриотическій эпизодъ, а иногда и мѣстныя каррикатуры. Эти телѣжки придаютъ много характернаго городу и его окрестностямъ. На площадяхъ, гдѣ устраивается народный рынокъ, ихъ собираются цѣлыя сотни; ослы и ихъ вожатые поднимаютъ страшный шумъ,—словно стараются перекричать другъ друга; повсюду полное оживленіе. Соборъ, расположенный на великолѣпной площади, очень хорошъ, и жаль, что куполъ его, выстроенный въ концѣ прошлаго столѣтія, производитъ такой же эффектъ, какъ парикъ временъ Людовика XIV произвелъ бы на красивой готической статуѣ. Самое же зданіе—смѣсь итальянскаго и готическаго съ норманскимъ и даже арабскимъ, вслѣдствіе перестроекъ, начавшихся въ XII и продолжавшихся до конца XV столѣтія; вообще—это чрезвычайно интересный памятникъ. Башни, колокольни съ стрѣльчатыми окнами, какъ во Флоренціи и Пизѣ,—временъ Джіотто; корпусъ норманскій, а зубцы арабскіе, и все это въ полной гармоніи между собою; одинъ куполъ неприятно поражаетъ среди остального.

Внутри собора замѣчательны надгробныя памятники въ подземномъ склепѣ; изъ нихъ нѣсколько старинныхъ—прекрасной работы; но главнымъ образомъ останавливаютъ на себѣ четыре великолѣпныхъ гробницы изъ краснаго порфира работы XII вѣка, заказанныя королемъ Рожеромъ (ум. 1154 г.). Рожеръ былъ въ Сициліи Перикломъ своего времени; на каждомъ шагѣ приходится благоговѣть передъ его памятью. Онъ былъ вмѣстѣ и преобразователемъ своей страны. Сынъ норманскаго пришельца Рожера Гвискара, завоевавашаго вмѣстѣ съ своимъ братомъ Робертомъ Сицилію, онъ сдѣлался ея королемъ, побѣдилъ сарацинъ и грековъ, и теперь покоится въ одномъ изъ этихъ саркофаговъ. Рядомъ съ нимъ дочь его Констанція; передъ ними, также въ рядъ, другіе два саркофага съ прахомъ Генриха VI, мужа Констанціи, и ихъ сына, Фридриха II. Каждая изъ этихъ гробницъ находится подъ мраморнымъ балдахиномъ въ формѣ греческаго храма, под-

держиваемымъ четырьмя колоннами разнообразной изящной работы. Самыя гробницы формой и величиной напоминаютъ знаменитые саркофаги Константина и Елены въ Ватиканскомъ музеѣ.

Прямо отъ гробницы Рожера мы перешли въ его дворецъ, выстроенный напротивъ собора. Основанный арабами, дворецъ носить на себѣ печать своего первобытнаго назначенія—крѣпости. Въ верхнемъ этажѣ помѣщается Палатинская капелла.

Предъ вами громадныя серафимы и херувимы закрываютъ себѣ лицо передъ наполняющимъ весь куполь мозаичнымъ изображеніемъ Христа съ благословляющей десницей и открытымъ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ. Всѣ стѣны, своды, простѣнки, промежутки между окнами, рамы—все покрыто мозаикой; полъ, рѣшетки, нижняя часть стѣнъ—изъ мраморной мозаики самыхъ разнообразныхъ, тонкихъ и прелестныхъ рисунковъ. Греческія колонны, вѣроятно взятая изъ развалинъ греческаго храма, поддерживаютъ арабскіе своды, которыми зданіе раздѣлено, какъ древнія базилики, на три части (нефа). Потолокъ изъ рѣзнаго дерева съ позолотою арабскаго происхожденія, какъ доказываетъ сохранившаяся на немъ кувшитская надпись. Вдоль стѣнъ тянутся картины изъ Ветхаго и Новаго заветъ; пророки, мученики, святители глядятъ на васъ изъ каждаго угла; ангелы, власти и силы какъ бы поютъ и славословятъ.

Эта капелла была очевидно сооружена подъ влияніемъ собора св. Софіи въ Константинополѣ—предмета всеобщаго восторга въ средніе вѣка.

Рядомъ съ капеллой уцѣлѣлъ одинъ изъ дворцовъ Рожера. Своды и стѣны его жилища украшены арабскими и сценами охоты самой тонкой мозаичной работы. Отсюда выходъ на террасу, съ великолѣпнѣйшимъ видомъ на Палермо и его окрестности. Поразительно богатство растительности: садъ за садомъ,—одинъ прелестнѣе другого; вдали лиловыя горы и нигдѣ еще намъ не встрѣчавшійся глубоко-синій цвѣтъ моря и неба. Внизу—самыя разнообразныя колокольни, башни, террасы, ворота, замки.

Возвращаясь въ гостиницу, мы остановились для осмотра другого зданія Рожера—Марторана.

Это двѣ норманскія церкви, соединенныя вмѣстѣ, изъ которыхъ уцѣлѣли стѣны и колокольня готическо-итальянскою архитектурой. Въ одной изъ этихъ церквей сохраняются мозаики;— между ними очень интересны: Христосъ, дарящій вѣнецъ Рожеру, и Богоматерь, изъявляющая свое благоволеніе тому же преклоненному у ея ногъ королю. Мозаика сильно пострадала отъ

реставраціи, но тѣмъ не менѣе она даетъ нѣкое понятіе о наружности знаменитаго преобразователя Сициліи.

Хорошая погода дала намъ возможность отправиться въ тотъ же день на Pellegrino. Гора эта выдвигается, какъ громадная масса, далеко въ море, и, безъ сомнѣнія, когда-то она составляла островокъ, и волны покрывали роскошную долину, нынѣ называемую Sopca d'Ogo, отдѣляющую ее отъ материка. Вся эта долина представляется сплошнымъ тропическимъ садомъ, среди котораго пестрѣютъ разнообразныя по архитектурѣ виллы. Самъ же Pellegrino — совершенно голая, каменистая масса. Великолѣпная дорога, выстроенная частью на аркахъ, вслѣдствіе чего она похожа на громадный римскій виадукъ, подымается до недалекаго разстоянія отъ вершины. Здѣсь находится знаменитая капелла св. Розаліи, ежегодно привлекающая массы паломниковъ, — откуда и названіе горы. Въ этой благодатной странѣ вездѣ поэзія, все граціозно; легенды языческія, какъ и христіанскія, дышутъ молодостью и красотой. Племянница Вильгельма II, внука знаменитаго Рожера, Розалія, съ ранней молодости предпочла жизнь скимницы земнымъ благамъ и удалилась въ концѣ XII столѣтія въ лѣса на совершенно дикомъ тогда Pellegrino. Женихъ ея погнался за нею, но она исчезла, не оставивъ слѣда. Долго не знали, гдѣ именно она скрывалась и въ какое время скончалась; въ 1664 году охотникъ нашелъ въ этомъ гротѣ ея покрытое сталактитами тѣло. Оно было торжественно перенесено въ Палермо, гдѣ въ то время свирѣпствовала чума. Какъ скоро мощи были поставлены въ соборъ, гдѣ доселѣ онѣ повоются въ богатой серебряной ракѣ, исчезла страшная моровая язва, и съ тѣхъ поръ жители ежегодно совершаютъ празднества въ честь своей заступницы, а гротъ, гдѣ она спасалась, сдѣлался постоянной цѣлью ихъ набожныхъ посѣщеній. Такова легенда.

Гротъ дѣйствительно изукрашенъ природой чудесными сталактитами; вода стекаетъ съ потолка и отводится трубами въ резервуаръ, гдѣ ее черпаютъ съ цѣлью излеченія. Подъ престоломъ, окруженнымъ вѣчно горящими многочисленными лампадами, находится статуя св. Розаліи, — работа флорентинскаго мастера, Тедеско. Статуя находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ будто бы нашли царевну, спящую вѣчнымъ сномъ и спасенную отъ тлѣнія покрывающими ее сталактитами. Статуя сдѣлана съ натуры, когда ее нашли, а трубы поставлены для предохраненія ея отъ новыхъ сталактитовъ, нѣкогда покрывшихъ тѣло Розаліи. Богатыя одежды на статуѣ скорѣе портятъ общее поэтическое впечатлѣніе.

У грота мы оставили своихъ муловъ и полчаса вскарабка-

вались на крутую вершину горы. Мы достигли вершины въ тотъ моментъ, когда солнце уже сильно клонилось въ закату и тѣмъ придадо всему обширному виду неподобный бархатный колоритъ. Горы за горами облиты лиловымъ и золотистымъ цвѣтомъ; нны горять, какъ будто покрыты порфирною мантией; море видно отъ самаго Термини, недалеко отъ Мессины, до Трапани, со всѣми городами, деревнями, садами, а вдали на этомъ темномъ фонѣ Липарскіе острова со своимъ вулканомъ; на первомъ планѣ — бухта съ живописно расположеннымъ Палермо, а далѣе—гѣса померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ.

На слѣдующее утро мы отправились въ древнюю церковь San Giovanni degli Eremiti, снаружи напоминающую мечеть. Крыша ея состоитъ изъ пяти круглыхъ куполовъ, соединенныхъ вмѣстѣ, и это придаетъ ей характеръ восточныхъ зданій арабскихъ, даже персидскихъ. Совершенно опустошенная внутренность интересна только по архитектурѣ. Рядомъ съ этой церковью находятся остатки настоящей мечети, такъ что, видно, было время, когда здѣсь мирно жили и совершали молитву почти подъ однимъ кровомъ впоследствии столь сильно враждовавшія вѣроисповѣданія. Это было—до инквизиціи. Всего живописнѣе возлѣ церкви древнее кортиле (дворъ) съ изящными, частью уже развалившимися, колоннами, поддерживающими стрѣльчатая норманскія арки, съ прекраснымъ старымъ колодцемъ посреди; все кортиле превратилось въ роскошнѣйшій садъ, гдѣ разныя тропическія вьющіяся растенія покрываютъ стѣны и часть арокъ, смѣшиваются съ гранатами, померанцами и перцовыми деревьями. Всего болѣе поражаетъ одно растеніе, покрывающее всю высокую стѣну, роскошное какъ плющъ въ гейдельбергскомъ замкѣ. Этотъ ничтожный цвѣтокъ, во всей Европѣ никогда не поднимающійся выше аршина, здѣсь превратился въ громадное дерево, покрытое большими разноцвѣтными, самыхъ яркихъ красокъ, цвѣтами.

Отсюда небольшой переходъ по городу въ Национальный музей, на устройство котораго употребили бывший монастырь. Во дворѣ, окруженномъ колоннадой, разставлены разные памятники среднихъ вѣвовъ и эпохи Возрожденія, и между прочими прекрасная статуя Gagini—Богоматери съ Младенцемъ. Отсюда переходятъ въ большой внутренней дворъ, бывший chiostro ¹⁾ монастыря, съ двойной колоннадой и весь украшенный скульптурой и надписями, собранными изъ всей Сициліи. Вокругъ этой галереи

¹⁾ Галерея вокругъ сада, гдѣ прохаживались монахи, по обѣту обiazавшіеся не выходить изъ обители.

расположены залы музея, изъ которыхъ несомнѣнно всего интереснѣе зала такъ-называемыхъ „метонъ“. Это самыя древніе памятники греческаго ваянія, дошедшаго до насъ; они украшали фронтоны знаменитыхъ селинунтскихъ храмовъ, разоренныхъ еще въ 429 году до Р. Х. Можно съ точностью опредѣлить по этимъ остаткамъ весь ходъ греческаго искусства отъ его колыбели до полного совершенства. Такая же разница замѣчается въ степеняхъ его развитія, какъ въ эпоху Возрожденія между Чимабу и Рафаэлемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ для наблюдателя ясно, какъ позднѣйшее совершенство вытекало изъ своего почти безобразнаго начала. Каррикатурнымъ кажется Персей, обезглавливающій Медузу, самаго древняго дорійскаго храма Селинунта; въ слѣдующемъ за нимъ по времени храмъ борьба боговъ съ титанами уже носитъ тотъ жизненный, хотя еще архаическій, характеръ, отличающій знаменитыя эгинскіе мраморы; а въ метонахъ послѣдняго, выстроеннаго въ Селинунтѣ, храма видна уже вся грація и красота, сдѣлавшія греческое искусство столь дорогимъ и высокимъ. Юнона, снимающая покрывало съ лица передъ Юпитеромъ, напоминаетъ лучшія произведенія Эллады.

Невозможно въ краткомъ очеркѣ дать какое-нибудь понятіе обо всѣхъ богатствахъ этого, въ сущности, провинціального музея, съ которымъ, однако, внѣ Италіи мало какіе города могутъ соперничать; но среди вазъ, скульптуръ, колоннъ, мозаикъ, саркофаговъ, бронзъ, нельзя не упомянуть о найденномъ въ Сиракузахъ бронзовомъ баранѣ въ натуральную величину; это — одно изъ самыхъ совершеннѣйшихъ произведеній искусства всѣхъ вѣковъ; — неизвѣстно, какъ попала въ Сицилію картина, приписываемая Ванъ-д'Эйку. Кто бы ни написалъ эту картину, — въ самой Голландіи трудно найти что-нибудь выше этого *триптиха* — складня. По срединѣ Богородица съ Младенцемъ, окруженная ангелами; по бокамъ, съ одной стороны, св. Еватерина, съ другой — св. Дороея; на наружной сторонѣ — Адамъ и Ева въ раю. Тонкость всѣхъ выраженій и деталей и прозрачность воздуха непередаваемы.

Мы успѣли въ тотъ же день отправиться въ Монреаль, лежащій въ 7 верстахъ отъ города. Соборъ этого мѣстечка выстроенъ внукомъ Рожера, Вильгельмомъ II. Раздѣленъ онъ, какъ и Палатинская капелла, на три нефа, отдѣла, оканчивающіеся каждый полууполомъ. Размѣры громадны: 102 метра длины на 40 ширины. Великолѣпныя бронзовыя двери конца XII вѣка, изображающія всю священную исторію, служатъ входомъ въ это зданіе. Въ деталяхъ многое напоминаетъ Палатинскую капеллу.

Мозаики надъ колоннами вдоль главнаго нефа изображаютъ Ветхій завітъ до борьбы Іакова съ ангеломъ; вдоль главныхъ стѣнъ и по трансепту — Новый завітъ, а аркады покрыты сценами изъ Дѣяній апостоловъ. Нѣкоторыя наивности въ мозаичныхъ изображеніяхъ ветхозавѣтной исторіи невольно вызываютъ улыбку; напримеръ, въ ту минуту, когда семейство Ноя садится въ ковчегъ, жена патріарха всѣми силами тащитъ за хвостъ теленка, упорно отказывающагося войти въ спасительное жилище. Но эти реалистическія картины вовсе не портятъ общаго впечатлѣнія и говорятъ только объ искренности вѣка.

Въ соборѣ же покоится строитель храма, Вильгельмъ II; надъ треномъ онъ изображенъ, въ громадной мозаикѣ, принимающимъ царскій вѣнецъ изъ рукъ Христа, а не папы.

Кіостро, находящееся рядомъ съ соборомъ монастыря — самое совершенное зданіе въ этомъ родѣ. Его стрѣльчатая арка, покрытая мозаикой, поддерживаются 216 колоннами, изъ которыхъ по угламъ четыре собрано вмѣстѣ, а остальные по двѣ въ рядъ, и каждая изъ этихъ 216 колоннъ имѣетъ свой особенный рисунокъ въ стволѣ и въ капители, ни одна не похожа на другую, и многія сохранили мозаики, украшавшія ихъ. Въ одномъ углу эта роскошная галерея составляетъ четырехугольникъ въ родѣ часовни, съ тѣми же сводами и колоннами, и посреди этого пространства находится фонтанъ, вокругъ котораго расположенъ монастырскій садъ и кладбище.

Послѣдній нашъ день въ Палермо мы посвятили прогулкамъ по его великолѣпнымъ окрестностямъ и садамъ. Въ бывшемъ саду Бутера, нынѣ принадлежащемъ пароходовладѣльцу Флоріо, мы видѣли пальму, посаженную въ 1845 г. императрицей Александрой Федоровной; въ этотъ сравнительно недолгій срокъ пальма разрослась въ громадное дерево. Особенно великолѣпенъ садъ графа Таска; составленъ онъ, конечно, изъ тѣхъ же элементовъ, но разсаженъ съ удивительнымъ вкусомъ, и группы араукарій, напоминающія горныя сосны, превосходны. Наружность ихъ напоминаетъ намъ наши любимыя хвойныя деревья.

Не мало нужно рѣшимости, чтобы въ половинѣ ноября встать въ 4 часа и пуститься въ экскурсію. Въ 5 часовъ мы уже сидѣли въ вагонѣ и тихо выѣзжали изъ маленькой станціи Трапанской линіи. По медленности поѣздовъ первое мѣсто занимаютъ наши родныя провинціальныя дороги; но въ Сициліи мы познакомились съ тѣмъ, что значить на самомъ дѣлѣ тихая ѣзда:

какіе-нибудь 9—10 километровъ въ часть, безконечныя остановки на незначительныхъ станціяхъ; кажется, пѣшкомъ скорѣе дойдешь. Зато удобіе, правда, можно любоваться пейзажемъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ Палермо мы уже начинаемъ какъ бы входить въ греческій древній міръ, въ которомъ предстоитъ намъ провести нѣсколько счастливыхъ дней. Вотъ—Корини, бывшая Гиккаро, родина знаменитой Лансы, уведенной въ V вѣкѣ до Р. Х. въ плѣнъ побѣдителями-аэнинами. Затѣмъ издали виднѣтся Кастиелларе на высотѣ въ чрезвычайно живописномъ мѣстоположеніи. Около 9 часовъ выходимъ на станцію Алкамо-Калатафили, откуда отправляются въ Сегесту. Садимся въ нѣчто похожее на русскій тарантасъ, запряженный тройкой худощавыхъ, но живыхъ лошадемокъ. Нѣкоторыя подробности упряжи напоминаютъ намъ отечество. Гдѣ недостаетъ ремня, тамъ связано веревочкой, и нѣсколько разъ по дорогѣ, когда эта веревочка или гнилой ремешекъ лопался, нашъ веселый возница преспокойно слѣзалъ съ козелъ, и новая веревочка замѣняла старую.

Дорога все время подымается, потому ѣдемъ шагомъ. Мѣстность прекрасная; со всѣхъ сторонъ горы граціозныхъ формъ, освѣщенные какимъ-то удивительнымъ опаловымъ свѣтомъ.

Наконецъ, остается полчаса ѣзды до того мѣста, откуда нужно пѣшкомъ отправляться на развалины города Сегесты.

Около часа поднимаемся пѣшкомъ по каменистому холму къ театру. По дорогѣ встрѣчаются только стада ковъ съ маленькимъ, смуглымъ, кудрявымъ, черноглазымъ пастухомъ, покрытымъ лохмотьями. У подножія театра беремъ съ собой сторожа или „кустоде“.

На вершинѣ горы Монте-Барбаро, гдѣ прежде была построена Сегеста, находился театръ, 63 метровъ въ діаметрѣ, и, какъ во всѣхъ строеніяхъ этого рода древней Греціи, представлялъ зрителямъ великолѣпную натуральную декорацію въ окружающей природѣ. Каменные ступени, когда-то служившія скамейками для публики, хорошо сохранились, съ своими раздѣленіями того времени.

Отъ театра направляемся къ недалекому отъ него храму. Онъ выстроенъ въ чисто дорическомъ стилѣ и, стало быть, принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ; хотя онъ никогда не былъ оконченъ, о чемъ свидѣлствуютъ колонны, не носящія слѣда выемокъ,—но это одинъ изъ лучше сохранившихся сицилійскихъ храмовъ. По размѣрамъ, характеру и цѣлости онъ совершенно напоминаетъ Пестумскій храмъ Нептуна. Оба фронтона цѣлы. „Целла“, или святилище, не обозначена, такъ что наружная часть,

видимо, одна была поставлена, когда пришлось бросить работы. Но колонны и фронтоны достаточны, чтобы дать впечатлѣніе спокойнаго величія, здѣсь еще идеализированнаго мѣстоположеніемъ. Нигдѣ ни жилища, ни дерева въ виду, — только грандіозныя горы и вдали море, обширный горизонтъ, среди котораго храмъ, заросшій травами, стоитъ столько вѣковъ.

Въ закату солнца мы были опять на станціи, съ цѣлью проѣхать въ Селинунтъ. Итальянское правительство усердно занималось тамъ раскопками, которыя и теперь продолжаются подъ руководствомъ г. Томазини. Здѣсь найдены финикійскія гробницы со склепами, также нѣкоторые памятники древнѣйшихъ сивуловъ (первобытные обитатели Сициліи). Намъ показали древній театръ и вѣрности, слѣды улицъ, фундаменты жилищъ. Всего лучше возстановлены древніе храмы. Самый громаднѣйшій изъ нихъ, посвященный Геркулесу и находящійся на обрывѣ, съ котораго открывается видъ на море и на весь берегъ, теперь весь очищенъ, и нижняя часть колоннъ поднята на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ стояли, между тѣмъ какъ остальные части ихъ лежатъ всѣ въ одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга и въ одномъ направленіи, — явное доказательство, что землетрясеніе свергло ихъ. Это былъ одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ всей Эллады; съ него-то сняты тѣ грубые „метоны“, о которыхъ мы говорили выше.

Получивъ понятіе о мертвомъ Селинунтѣ, болѣе 2.300 лѣтъ тому назадъ потерявшемъ свое историческое значеніе, мы опять совершили утомительный обратный путь. Въ тотъ же вечеръ мы возвратились въ Палермо. Мѣсяцъ освѣщалъ все, что мы накануне видѣли при первыхъ лучахъ солнца; поѣздъ такъ же тихо ѣхалъ и такъ же своевольно стоялъ на станціяхъ. Одинъ разъ, въ ту самую минуту, когда собирались, наконецъ, тронуться, кто-то изъ пассажировъ попросилъ подождать, пока онъ сбѣгаетъ за зонтикомъ, что и было допущено; а въ другомъ мѣстѣ мы остановились, чтобы дать возможность одному изъ нашихъ спутниковъ поговорить съ ѣхавшимъ рядомъ по дорогѣ знакомымъ! Самая патриархальная простота еще царствуетъ въ этой странѣ... Поздно ночью пріѣхали мы въ Палермо, чтобы отдохнуть и собраться съ силами для новыхъ экскурсій.

Осмотрѣвъ ближайшія окрестности Палермо, мы отправились въ Катанью.

Въ Катаньѣ мы осмотрѣли соборъ чрезвычайно безвкусной наружности, какъ вся итальянская архитектура XVIII-го вѣка. Нѣ-

которые удѣлѣвшіе саркофаги XVI-го столѣтія аррагонскихъ влaстителей Сициліи представляютъ интересъ очень второстепенный послѣ всего, что мы уже видѣли. Довольно интересны вырѣзанныя на деревѣ надъ сѣдалищами хоръ сцены изъ жизни св. Агаты, покровительницы Катаньи. Церковный сторожъ, показывая ихъ намъ, рассказывалъ жизнь этой мученицы съ самыми наивными комментаріями, и при каждомъ эпизодѣ прибавлялъ съ выраженіемъ безграничнаго восторга: „e così ha fatta santa Agata“. Подробно рассказавъ, какъ она отказывалась нѣсколько разъ отъ любви претора Квинтина (при имп. Деціѣ въ III вѣкѣ), какъ осталась невредимой среди страшныхъ мученій и, наконецъ, какъ послѣ третьяго отказа Квинтинъ умертвилъ ее. Затѣмъ слѣдовали подробности, какъ она являлась во снѣ ея почитателямъ (тѣло ея, неизвѣстно какъ, попало въ Африку) и объявила имъ свое желаніе вернуться въ родную Катанью; при этомъ она указала имъ способъ совершить перевозъ такъ, чтобы сарацины не открыли и не обезчестили ея тѣла. Въ виду этого она приказала тремъ богобоязненнымъ старцамъ разрубить тѣло на четыре части и спрятать въ мѣха съ виномъ; при помощи этой хитрости имъ удалось перевезти Агату въ Катанью, гдѣ части тѣла соединились и торжественно были положены въ раку, въ которой и донныѣ почиваютъ. Всѣ эти происшествія и вырѣзаны надъ упомянутыми сѣдалищами. Съ тѣхъ поръ св. Агата пользуется большой славой: она останавливаетъ потоки лавы во время частыхъ изверженій. Особенно памятно ея заступничество 8-го марта 1669 г. При одномъ изъ страшныхъ изверженій Этны, образовавшемъ оба Монте-Росси недалеко отъ Николази, потокъ лавы въ 22 километра длины и 8 ширины прямо направился на Катанью. Архіепископъ въ сопровожденіи всѣхъ жителей вышелъ на встрѣчу угрожающему чудовищу, неся передъ собой покрывало св. Агаты, и вся эта накаленная масса повернула на западъ, мимо бенедиктинскаго монастыря св. Николая, и низверглась въ море, вслѣдствіе чего и замелѣла бухта. Но 24 года спустя землетрясеніе опустошило то, что огонь оставилъ невредимымъ. Четыре года тому назадъ, въ концѣ мая 1886 г., выкинувъ громадную гору, извѣстную теперь подъ названіемъ Монте-Джемелларо, лава быстрымъ и громаднымъ потокомъ потекла прямо на Николази, гдѣ около 3 тысячъ жителей ожидали неизбѣжной гибели, когда катанскій архіепископъ вышелъ на высоту около 1.500 метровъ разстоянія отъ Николази опять съ покрываломъ св. Агаты, и у того самаго мѣста, называемаго Алтарелли, лава раздѣлилась на два потока, а тотъ,

который шелъ прямо на городокъ, остановился ровно въ 10 метрахъ отъ перваго дома.

Въ честь св. Агаты ежегодно въ началѣ февраля совершаются большія празднества, сопровождаемая обрядами, напоминающими царствовавшій здѣсь нѣкогда культъ Церерѣ. Кромѣ богатой по матеріалу и работѣ раки, множество серебряныхъ лампадъ и безобразныхъ изображеній разныхъ болѣзненныхъ явленій свидѣтельствуютъ объ усердіи вѣрующихъ. Последнее обстоятельство объясняется еще тѣмъ, что св. Агата считается также исцѣлительницей отъ болѣзни рака.

Бенедиктинскій монастырь св. Николая, стила рококо, отличается громадностью, но не привлекаетъ изяществомъ или художественностью. Онъ упраздненъ и превращенъ частью въ школу, частью въ казарму. Изъ нѣкоторыхъ залъ образовали музей древностей, и всего замѣчательнѣе его уцѣлѣвшая бібліотека, съ актами, относящимися къ его основанію въ XI столѣтіи.

Мы пожелали посмотрѣть еще университетъ, главное, чтобы познакомиться съ профессоромъ Гораціемъ Сильвестри, о которомъ мы много слышали, какъ объ одномъ изъ первыхъ ученыхъ въ Европѣ по изученію вулкановъ. Это намъ удалось, и изъ всего въ Катанѣ самымъ приятнымъ воспоминаніемъ осталось именно это знакомство. Профессоръ Сильвестри всю свою жизнь посвятилъ изученію Этны и болѣе 25 лѣтъ живетъ въ Катанѣ, гдѣ состоитъ профессоромъ при университетѣ. Онъ составилъ минералогическій и геологическій кабинетъ, который непременно долженъ посѣтить каждый, кто намѣревается посѣтить самый интересный предметъ острова—Этну. Онъ присутствовалъ при всѣхъ изверженіяхъ, —а послѣднія двѣ четверти вѣка ихъ было много,—и его наблюденія признаны всѣмъ ученымъ міромъ настоящимъ сокровищемъ по вопросамъ о вулканахъ и землетрясеніяхъ. Радужно и просто принялъ онъ насъ и показалъ свои коллекціи и наблюденія надъ постоянными въ этой мѣстности колебаніями почвы и, кромѣ того, взялся устроить намъ все нужное для тщательнаго объѣзда Этны— послѣдней цѣли нашего путешествія.

Всего болѣе насъ поразили видовызмѣненія янтара, изобилующаго на всемъ здѣшнемъ побережьи. Онъ похожъ на чистый, какъ вода, хрусталь ярко-желтаго цвѣта, то съ голубыми, то съ лиловыми, то съ ярко-красными отливами, измѣняющимися при каждомъ движеніи или освѣщеніи. Въ этомъ янтарѣ любопытны окаменѣлыя насѣкомыя давно исчезнувшихъ породъ и сохранившіяся въ своей каменной могилѣ въ такомъ совершенствѣ, что

въ микроскопѣ можно сосчитать волоски на ножкахъ, изучать мускулы, цвѣта крыльевъ и тѣла.

Профессоръ Сильвестри одобрилъ нашъ проектъ—проѣхать до Сиракузъ, увѣряя насъ, что въ это время года долго не можетъ продолжаться дурная погода,—а дождь уже начался.

По прибытіи въ Сиракузы, проѣхавъ рядъ воротъ и укрѣпленій, мы отправились, все подъ тѣмъ же дождемъ, въ гостиницу „Витторіа“. Видно, что это бывший дворецъ, хотя небольшой, но когда-то богатый. Нынѣшнія Сиракузы выстроены на островѣ Ортини. Въ VIII вѣкѣ до Р. Х. коринѣяне основали здѣсь колонію, по древности одну изъ первыхъ, игравшую видную роль во всей исторіи Греціи. Позже былъ выстроенъ другой городъ на материкѣ, и островъ соединенъ съ материкомъ посредствомъ мыса. Нынѣшнія Сиракузы находятся на островѣ, а громадный городъ на берегу моря, такъ прославившійся въ исторіи, состоитъ изъ однихъ развалинъ, но онѣ-то именно и привлекаютъ всего болѣе путешественника.

Проѣхавъ мысъ, мы около получаса поднимались до маленькой „osteria“, гдѣ живетъ кустодъ. Затѣмъ спустились по тропинкѣ въ такъ-называемую Райскую лаотомію (Laotomia del Paradisio). Это—здѣшняя каменоломня. Отсюда брали камень на постройки въ древнія эпохи. Въ 30 и даже въ 40 метровъ глубины здѣсь высѣчена скала, въ иныхъ мѣстахъ перпендикулярно, въ другихъ свообразно. Галерея, такимъ образомъ получившаяся, носитъ извѣстное названіе „Уха Діонисія“.

Въ этомъ „Ухѣ Діонисія“—замѣчательная акустика. Всякое слово, произнесенное шопотомъ въ одномъ концѣ, слышится совершенно явственно въ другомъ; шелестъ листа бумаги кажется тяжело идущою артиллеріею; нѣсколько нотъ, взятыхъ обыкновеннымъ голосомъ, производятъ впечатлѣніе огромнаго органа; мы рѣдко слышали что-нибудь величественнѣе аккорда, взятаго нашимъ кустодомъ въ этой пещерѣ.

Ближе знакомясь съ лаотоміею, мы начали понимать, почему ей дали названіе „рая“. Она украшена такой богатой растительностью, что вполне заслуживаетъ свое поэтическое названіе. Со всѣхъ сторонъ скалы одѣты вьющимися растеніями, мхами и папоротниками, самыми рѣдкими и разнообразными. Съ удивленіемъ останавливаешься передъ нѣкоторыми породами, видѣнными нами до сихъ поръ только въ оранжереяхъ; здѣсь онѣ свободно покрываютъ цѣлыя груды камней. Въ одномъ изъ углуб-

лений бьетъ изъ скалы чистый ключъ, вокругъ котораго разросся пылкій ботаническій садъ.

Пройдя по живописной тропинкѣ среди этой пышной растительности, мы вступили, наконецъ, въ театръ, одинъ изъ самыхъ большихъ театровъ древняго греческаго міра. Онъ высѣченъ въ формѣ полукружія въ скалѣ, діаметромъ въ 150 метровъ. У его верхняго конца—гротъ, находящійся надъ самымъ окончаніемъ „Уха Діонисія“; изъ него вытекаетъ вода по двумъ трубамъ въ городъ. Быть можетъ, именно въ этомъ гротѣ скрывался тиранъ, чтобы подслушивать разговоры плѣнныхъ, брошенныхъ въ эту пропасть; такъ гласитъ, по крайней мѣрѣ, мѣстное преданіе. 46 рядовъ каменныхъ ступеней, служившихъ мѣстами для зрителей, частью еще сохранились, на нихъ еще виднѣются кое-гдѣ греческія надписи, передающія намъ имена боговъ или лицъ, въ честь которыхъ названы были различныя части театра.

Около театра находится такъ-называемая „дорога гробницъ“. Это рядъ высѣченныхъ въ скалахъ и нынѣ совершенно опустѣвшихъ галерей, склеповъ и могилъ.

Въ самыхъ Сиракузахъ обращаютъ на себя вниманіе соборъ и музей. Соборъ построенъ на мѣстѣ знаменитаго храма Минервы и сохранилъ величественныя колонны послѣдняго.

Музей, стоящій противъ собора, обладаетъ совровищемъ, съ которымъ можетъ соперничать только Парижъ. Послѣ Венеры Милосской въ Луврѣ, совершеннѣйшій экземпляръ греческаго ваянія находится здѣсь. Это—найденная въ 1804 году Венера Анадіомена. Головы и правой руки немного ниже плеча нѣтъ, но зато тѣло съ лѣвой рукою, поддерживающею драпировку, до того превосходно, что и въ разрушенномъ видѣ эта статуя представляетъ собою нѣчто, рѣдко достигаемое въ самыхъ лучшихъ произведеніяхъ искусства. Гюи-де-Мопассанъ говоритъ, что онъ въ эту статую „влюбился“, но было бы понятнѣе, если бы онъ почувствовалъ трепетъ передъ этой „святыней красоты“,—единственное приличествующее ей названіе.

Въ восточной части древняго города находятся катакомбы. У старой церкви св. Іоанна, мы спустились сначала въ подземную пещеру съ остатками древнихъ фресокъ, съ гранитными колоннами, возлѣ одной изъ которыхъ принялъ мученичество въ IV вѣкѣ св. Марцій. Оттуда мы проникли и въ самыя катакомбы, самыя обширныя въ свѣтѣ. Онѣ въ два этажа; нижній, еще мало раскопанный, принадлежитъ глубокой древности; верхній былъ выкопанъ христіанами въ IV вѣкѣ по Р. Х.

Особенность этихъ катакомбъ—встрѣчающіяся въ нихъ ротонды: круглыя большія залы съ просвѣтами въ куполахъ, окруженныя также гробницами, вѣроятно, высшихъ представителей церкви.

Только незначительная часть катакомбъ раскопана; какое же впечатлѣніе произвело бы цѣлое?! Возвращаясь домой, мы проѣхали мимо такъ-называемыхъ могилъ Тимолеона и Архимеда, сомнительной достовѣрности.

Осмотрѣвъ въ городѣ остатки храма Діаны или Аполлона, недавно раскопанные и носящіе слѣды лучшей эпохи, мы пустились въ обратный путь—въ Катань.

Въ Катань, вечеромъ, небо снова прояснилось, и мы увидѣли Этну при лунномъ свѣтѣ, похожую на дымящуюся сахарную голову. Профессоръ Сильвестри сообщилъ намъ, однако, что этотъ поэтический видъ не благопріятствуетъ нашимъ планамъ. Врядъ-ли удастся намъ, при громадномъ количествѣ выпавшаго снѣга, дойти до вершины, на которой холодъ доходитъ до 14° и свирѣпствуютъ вѣтры. Во всякомъ случаѣ планъ этотъ придется отложить, а пока воспользоваться установившеюся погодой для осмотра городковъ, расположенныхъ у подошвы вулкана. Всѣхъ ихъ мы, конечно, не увидимъ; чтобы хорошенько ознакомиться съ одними кратерами, нужно болѣе года, такъ какъ ихъ считается до 340—почти столько же, сколько дней въ году; городовъ и деревень—до ста, раздѣленныхъ на 39 коммунъ; жителей по переписи 1871 года—314.092 ¹⁾.

На первый взглядъ кажется страннымъ, что вулканъ, образовавшій столько кратеровъ и проявляющій себя страшными изверженіями каждыя 4—5 лѣтъ, сталъ самымъ населеннымъ мѣстомъ Италіи. Но стоитъ только его объѣхать, чтобы понять это стремленіе населенія къ его подножью. Прежде всего замѣтимъ, что съ его южной стороны простирается баснословно-плодородная Катанская равнина, а съ восточной, отъ Катаньи до Таормини, мѣстность, покрытая по истинѣ тропическою растительностью, представляетъ лучшія условія для культуры виноградниковъ и фруктовыхъ деревьевъ. Эти стороны наиболѣе населены, но и сѣверная и западная далеко не безлюдны, тѣмъ болѣе, что внутренность острова, вслѣдствіе недостатка въ водѣ, все болѣе пустѣетъ.

¹⁾ Въ Италіи среднее число жителей на квадратный километръ—90. У подножья Этны эта цифра возрастаетъ до 550.

Съ восточною частью намъ удалось познакомиться ближе всего, и мы очень сожалѣли, что не могли посвятить больше времени этому земному раю. Первою экскурсіею мы выбрали *Ачи-Реале*.

Рано-рано утромъ мы уже стояли у окна гостинницы. Ночь еще царила надъ городомъ, хотя звѣзды блекли и востокъ представлялъ гамму разнообразныхъ оттѣнковъ. Только дымокъ на вершинѣ Этны—розоваго цвѣта... Но вдругъ вершина загорается, какъ рубинъ, за нею—вся снѣжная полоса... Знакомое альпинистамъ зрѣлище здѣсь поражаетъ насъ еще болѣе, вѣроятно, потому, что мы не привыкли соединять въ одной картинѣ вѣчные снѣга, померанцевыя деревья и море.

Выѣзжая изъ Катаньи, мы прежде всего обратили вниманіе на потокъ лавы, такъ чудесно миновавшій городъ и прямо, какъ широкая рѣка, бросившійся въ море въ 1669 году. Проѣзжая далѣе мимо виллъ и садовъ, мы поминутно встрѣчали такіе потоки, между прочимъ и потокъ 1381 года, образовавшій цѣлыя груды лавы и засыпавшій море на далекое разстояніе. Исторія Этны—вся въ этихъ ея потокахъ и кратерахъ. Первое исторически извѣстное изверженіе ея, 476 года до Р. Х., описано Пиндаромъ, но и тогда уже существовало преданіе, что раньше первобытные жители Сициліи, сивулы, должны были бѣжать отъ подножія Этны, вслѣдствіе страшныхъ проявленій ея вулканической силы. Тамъ, гдѣ молчитъ исторія, о нихъ свидѣлствуютъ сами кратеры, эти потоки лавы, застывшіе одинъ на другомъ. Въ Ачи-Реале мы увидѣли на берегу моря семь такихъ слоевъ лавы, принадлежащихъ каждый особому изверженію. Лава образовала цѣлыя горы, скалы и острова. Ея особый черный цвѣтъ, среди темной зелени растительности, представлялъ для насъ невиданное зрѣлище.

Послѣ 14 километровъ ѣзды мы прибыли въ Ачи-Реале, богатый городокъ, построенный на землѣ барона Флористелла. Въ немъ имѣется большое заведеніе минеральныхъ водъ, такъ какъ мѣстность изобилуетъ сѣрными, іодистыми и хлористосодовыми источниками. Городъ существовалъ въ самыя древнія эпохи владычія Сиракузами Греціи; это доказываетъ то обстоятельство, что граціозный мифъ о Галатеѣ и ея обожателѣ, Ачисѣ, относится къ этому мѣсту. Мифъ гласитъ, что Полифѣмъ, грозный обитатель Этны, умертвилъ прекраснаго Ачиса, котораго его возлюбленная нимфа превратила послѣ смерти въ рѣку Ачи, впадающую въ море, здѣсь, подъ самымъ городомъ, и оплодотворяю-

шую своими многочисленными притоками всю окрестную страну. Θεокритъ и Овидій воспѣли эту легенду.

Ачи-Реале, какъ и всѣ города, стоящіе на склонахъ Этны, состоитъ изъ одной длинной улицы и является въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Мы останавливаемся въ единственной гостинницѣ города, находящейся на площади посреди города противъ собора и церкви св. Себастіана, — очень забавный роково. На фасадѣ пляшутъ амуры и святые отцы, — оригинальная фантазія.

На слѣдующій день раннимъ утромъ мы отправились въ Таормину.

Таормина сама по себѣ — восхитительный городокъ. Ея единственная длинная улица, Корсо Умберто, украшена готическими и арабскими зданіями, съ окнами и дверями, передъ которыми радостно забилось бы сердце антикварія. Будучи одною изъ цвѣтущихъ греческихъ колоній, она продолжала благоденствовать и подъ римскимъ владычествомъ. Разоренная въ X вѣкѣ арабами, она, въ XII, снова поднялась при норманнахъ, и еще въ XV столѣтіи была богатымъ центромъ. Съ тѣхъ поръ началось постепенное ея паденіе — явленіе, общее всѣмъ итальянскимъ городамъ за послѣдніе три вѣка. Безобразное управление испанцевъ и вліяніе католическаго духовенства привели всю страну въ крайне бѣдственное положеніе, и потребуется еще не мало времени, чтобы выйти изъ него.

Корсо Умберто начинается отъ греческаго театра, возлѣ котораго находилась наша гостинница Тимео — въ прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи. Она уютна и проста. Къ ней принадлежит обширная терраса, съ которой открывается видъ на весь городъ, море и Этну. Нѣтъ гостинницы во всей Сициліи, гдѣ можно было бы пріятнѣе провести даже нѣсколько недѣль. Въ двухъ-трехъ шагахъ отъ нея находится большая площадь Виктора-Эммануила, гдѣ готическое палаццо Корвая переноситъ насъ къ началу среднихъ вѣковъ. Идя отсюда вдоль Корсо, поминутно останавливаешься передъ грандіозными или изящными остатками былого. Такова „Vadìa vecchia“, отъ которой осталась лишь одна стѣна съ зубцами, и три стрѣльчатыхъ окна съ господствующею здѣсь мозаикой изъ бѣлаго мрамора и черной лавы; затѣмъ снова площадь, съ фонтаномъ, пальмами и соборомъ, а на небольшой возвышенности — „Castello“, или замокъ Таормины, того же стила, свидѣтель кровавыхъ битвъ; и, наконецъ, у самаго конца Корсо — палаццо герцога Сан-Стефано, внутри совершенно опустѣвшій, но снаружи сохранившійся въ цѣлости. У замка двойная городская стѣна, покрытая зубцами, съ стрѣльчатыми воротами. Она

тянется почти до моря, на 5 километровъ. По этой стѣнѣ можно судить о размѣрахъ города въ тѣ дни, и о характерѣ городовъ того времени вообще. Безъ всякихъ усилій воображенія, сама собою оживаетъ здѣсь передъ нами средневѣковая эпоха. Переулки поднимаются въ гору по длиннымъ рядамъ полуразрушенныхъ ступеней, и то черезъ арку, то черезъ окно—Богъ знаетъ какъ уцѣлѣвшее—видишь оригинальный, но всегда дивный пейзажъ. Всѣ эти старыя зданія окружены громаднѣйшими кактусами, покрытыми плодами, извѣстными подъ именемъ „fighe di Barberia“ и служащими главною пищею нетребовательному населенію. Но бѣда, если вздумаешь съѣсть такую фігу, не выучившись раньше у мѣстныхъ жителей, какъ ихъ брать и чистить, не касаясь руками: вы непременно исколете себѣ ротъ, руки и лицо. Да и не стоитъ труда: вкусъ этого плода напоминаетъ вкусъ сладкаго картофеля.

На площади мы видѣли настоящую библейскую картину. Изъ ближайшаго переулка тихо спускаются по ступенькамъ бо-соногія смуглыя красивыя женщины. Подбоченясь одною рукою, онѣ смѣло идутъ, неся на головахъ древнія каменные амфоры, къ фонтану за водою. Пальмы, костюмъ, граціозная и серьезная походка придаютъ этой сценѣ совершенно восточный характеръ. Какъ вязаны и просты всѣ ихъ движенія!

Въ окрестностяхъ Таормины путешественники могутъ совершить двѣ прелестныя экскурсіи на „Монте-Мола“ и „Монте-Венера“.

Отъ профессора Сильвестри мы получили всѣ инструкціи и рекомендательныя письма для дальнѣйшаго объѣзда Этны. Но ночь уничтожила всѣ наши надежды. Разразилась страшная гроза, и въ 4 часа утра, когда мы встали, насъ охватилъ холодъ. Однакоже мы храбро спустились по большой дорогѣ до станціи, откуда съ первымъ поѣздомъ поѣхали до Джіарре. Здѣсь сѣли въ экипажи и около полудня пріѣхали въ Пафферану.

Отъ станціи желѣзной дороги до Паффераны (604 метра надъ уровнемъ моря) мы круто поднимались почти четыре часа. Пафферана—незначительный городокъ въ одну улицу, напоминающій нѣкоторые городки на югѣ Россіи. Дома низки, рѣдко въ два этажа, интересныхъ зданій нѣтъ вовсе. Благодаря письму профессора Сильвестри къ здѣшнему бургомистру, насъ помѣстили въ частномъ домѣ, гдѣ держится нѣсколько кроватей для проезжающихъ. Первое условіе для путешествующихъ по Сициліи—имѣть при себѣ простыни и подушки; къ счастью, мы эти условія соблюли, что не разъ было намъ очень полезно. Въ нѣ-

сколькихъ минутахъ ходьбы отъ этого дома находится самой патриархальной простоты кабачокъ, гдѣ вмѣсто стола—доски, и намъ предлагаютъ скромный обѣдъ изъ мѣстнаго риззото съ курицей и дрянной кофе безъ молока. Между тѣмъ бургомистръ собралъ для насъ муловъ и проводниковъ, и самъ, чрезвычайно любезно, рѣшился провожать насъ на своей маленькой, но живой лошаденкѣ.

Въ послѣдніе годы итальянскій альпинистскій клубъ устроилъ все, что нужно для восхода на Этну при такихъ же хорошихъ условіяхъ, какъ въ Швейцаріи и Тиролѣ. Во всѣхъ главныхъ пунктахъ основаны участки клуба, гдѣ можно получать патентованныхъ проводниковъ и необходимыя для этой экскурсіи принадлежности. Благодаря этому, восходъ на Этну сталъ совершенно безопаснымъ,—болѣе легкимъ даже, чѣмъ на нѣкоторыя альпійскія вершины. Разбойниковъ здѣсь нѣтъ совсѣмъ, и, конечно, по Сициліи вѣрнѣе пройти одному, чѣмъ по любой столичной улицѣ ночью. Станція въ Цафферанѣ еще не вполне организована, потому что наплывъ иностранцевъ здѣсь гораздо меньшій, чѣмъ въ Николази, откуда главнымъ образомъ и идутъ на вершину Этны, возвращаясь съ которой, сворачиваютъ посмотреть „Долину Быка“. Между тѣмъ для того, чтобы составить себѣ вполне ясное понятіе объ этой замѣчательной и единственной по своему виду сторонѣ вулкана, слѣдуетъ или нарочно отправляться туда изъ Цаффераны, какъ сдѣлали мы, или не возвращаться съ вершины въ Николази, а спускаться къ Цафферанѣ, что, по словамъ профессора Сильвестри, чрезвычайно утомительно и требуетъ необыкновенной силы въ ногахъ. Что же касается „Valle del Bove, то ей лучше посвятить особый день, но при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ удалось это намъ. Въ холодное время, или послѣ выпаденія снѣга, не только дѣлается труднѣе и безъ того трудный путь, но и теряется много характернаго.

На нашихъ мулахъ нѣтъ сѣделъ; на ихъ спинахъ просто натянута баранья шкура, мѣхомъ вверхъ. Для дамъ веревка, завязанная узломъ, образуетъ первобытное стремя. Тѣ изъ насъ, которые привыкли ѣздить верхомъ, скоро приспособляются, но для неумѣющихъ эти сѣдла крайне неудобны, и еслибы не поддержка идущихъ возлѣ проводниковъ, многіе падали бы не разъ. Крѣпкій „трамонтано“, сѣверный вѣтеръ, не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Уже и теперь холодно, хотя и ясно. Мы безстрашно отправляемся въ путь, захвативъ все, что только было у насъ теплаго; часть его несутъ проводники, но скоро мы найдемъ, что всего этого мало. Совѣтуемъ дамамъ, отправляющимся на вершину,

имѣть при себѣ безцѣнный продуктъ нашей родины—оренбургскій платокъ. Это незамѣнимая вещь тамъ, гдѣ легкость одежды должна соединяться съ тепломъ. Необходимы также очки со стеклами дымчатаго цвѣта.

Прямо передъ нами поднимается и кажется такъ близко—бѣлая, курящаяся вершина Этны, цѣль путешествія. Трудно передать восторгъ, охватившій насъ при этомъ сосѣдствѣ съ предметомъ давнихъ мечтаній. Ничто не назоветъ, конечно, дорогою крутыя массы лавы и овалинъ, по которымъ, поминутно свользя и останавливаясь, съ трудомъ карабкаются наши мулы. Очень неприятно слышать, какъ трепетно бьется сердце у бѣдныхъ задыхающихся животныхъ. А держаться на сѣдлахъ надо крѣпко. Кучи лавы, по которымъ мы пробираемся, съ одной стороны заканчиваются отвѣсными скалами, съ другой—бездонною пропастью; тропинка, по которой мы ѣдемъ, такъ узка, что проводники должны идти назадъ, а не рядомъ съ нами. Скалы, которыя мы должны обходить, закрываютъ вершину вулкана; мы увидимъ ее снова—когда будемъ почти у цѣли путешествія. Все вокругъ насъ становится болѣе и болѣе угрюмымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ все растетъ. Исторія вулкана написана тутъ же краснорѣчивыми слѣдами лавы, древность которой узнается по цвѣту и кристаллизаціямъ. Всего любопытнѣе, когда она, въ своей древней формаци, инкрустирована въ скалахъ, какъ рудная жила металла. Это объясняется тѣмъ, что при землетрясеніяхъ и подъ вліяніемъ страшнаго жара потоковъ лавы при изверженіяхъ скалы трескаются и даютъ, такимъ образомъ, доступъ лавѣ, которая послѣ охлажденія и принимаетъ этотъ видъ рудной жилы. Книга профессора Сильвестри: „Un viaggio all'Etna“, заключаетъ въ себѣ самыя ясныя и лучшія объясненія какъ этихъ, такъ и всѣхъ другихъ вулканическихъ явленій. Намъ кажется вполне правдоподобнымъ его взглядъ на причины образованія Этны, которая принадлежитъ позднѣйшему геологическому періоду. Сначала она поднялась съ равнины, или даже съ морского берега, вслѣдствіе внезапныхъ сильныхъ изверженій, и понинѣ продолжающихъ измѣнять ея форму; затѣмъ накопившіяся одна на другой массы, составившія ея нынѣшнее громадное основаніе, со всякимъ новымъ изверженіемъ поднимались все выше. Иногда же вулканическая сила вдругъ разрывала гору, и въ до-историческую, должно быть, эпоху произошло то землетрасеніе, которое раздѣлило Этну страшною пропастью, извѣстною почему-то подъ названіемъ „Долины Быка“—Valle del Bove. Она начинается немного ниже вершины Этны, и геологи думаютъ, что здѣсь былъ нѣкогда кратеръ вулкана. Въ

до-историческія времена вся эта часть его провалилась и была унесена водою, потому что въ нижней своей части, недалеко отъ Цаффераны, пропасть эта открыта, и отъ нея начинается плодороднѣйшая равнина до Джіарры, т.-е. до самаго моря. Valle del Bove—громадная черная бездна, 5 километровъ ширины, ограниченная съ запада, сѣвера и юга черными отвѣсными скалами, до 1.200 метровъ высоты, образующими стѣны, называемыя на югѣ Levve del Salfisio, и на сѣверѣ—Levve del Coucaze. Восточная сторона, какъ сказано выше, открыта, и съ нея мы и поднимаемся вдоль адской пропасти, пройдя сначала долину „di Salaupa“, откуда опять видимъ вершину во всей ея красѣ. Едва мы прошли эту долину, въ которой были до нѣкоторой степени ограждены отъ вѣтра, какъ попадаемъ въ глубокой снѣгъ, муламъ и проводникамъ по волѣно; тутъ имъ подниматься еще труднѣе. Животныя скользятъ на каждомъ шагу. Пѣшкомъ идти изъ-за снѣга невозможно, а между тѣмъ холодъ все болѣе и болѣе даетъ себя знать. Мы уже на значительной высотѣ; отъ морознаго сѣвернаго вѣтра трескаются губы и кожа на лицѣ, мерзнутъ уши, коченѣютъ руки. Бургомистръ говоритъ, что теперь 10° по Реомюру ниже нуля. Это, вѣроятно, нѣсколько преувеличено, но градусовъ 6, 7—есть; а если вспомнить, что еще накануне мы имѣли 20° въ тѣни, то станетъ понятно, что намъ было очень холодно. Послѣ четырехъ часовъ пути мы останавливаемся, наконецъ, на горѣ, отсюда можно охватить взглядомъ всю Valle del Bove. Она страшною раною зияетъ на гигантѣ вулканѣ, и намъ надо въ десятки разъ увеличить наше представление „громаднаго“, чтобы примѣнить это къ ней. Теперь на днѣ ея лежитъ снѣгъ. По обыкновенію же она является бездонною чернотою и имѣетъ совсѣмъ своеобразный видъ; сегодня же она, во много разъ увеличенная, представляетъ обыкновенную альпійскую пропасть. Возлѣ насъ, на холмикѣ, цвѣтеть—о, чудо!—высокій дрозъ. Но какое странное впечатлѣніе производить среди этого снѣга и голыхъ скалъ два совершенно одинаковые курищіея конуса изверженія 1852 года!

Холодъ становится положительно невыносимымъ, вѣтеръ тоже. Приближается ночь; пора домой, тѣмъ болѣе, что дорога не внушаетъ намъ особаго довѣрія. Садимся снова на наши бараньи шкуры, привязываемъ платки къ хвостамъ тергѣливыхъ муловъ и, пропустивъ локоть въ узелъ платка, стараемся усидѣть на сѣдлѣ, пока продолжается почти отвѣсный спускъ по кучамъ лавы. Все теплое давно отобрано отъ проводниковъ, и эти несчастные южане дрожатъ отъ холода, несмотря на сильное движеніе. Совсѣмъ

уже стемнѣло, когда мы добрались назадъ, — до Цафферано. Небо блестяло тысячами созвѣздіи, какъ въ сѣверную морозную ночь; поднялся мѣсяцъ и озарилъ Этну, потоки, кратеры... Но вѣтеръ утихъ, и это главное.

Послѣ такого дня неудивительно, что нашъ обѣдъ, бывшій буквальнымъ повтореніемъ завтрака, показался намъ верхомъ совершенства; мы до того продрогли, что тотчасъ послѣ того отправились на ночлегъ.

На слѣдующій день природа къ намъ смилостивилась. Рано утромъ загорается вершина Этны подъ лучами восходящаго солнца. Теплый воздухъ и безоблачное небо обѣщаютъ чудный день, и мы съ улыбающимися лицами и веселымъ настроеніемъ отправляемся въ Николази. Ѣдемъ въ экипажахъ по прекрасной дорогѣ, построенной по склону Этны и въ теченіе трехъ часовъ этого объѣзда вулкана можемъ разглядѣть всѣ подробности его склона, подножья и вершины. Проѣзжаемъ черезъ цвѣтущія мѣстечки: Флери, Вигранде, Тре-Костане, Педора. Вездѣ фруктовые сады и виноградники, вездѣ видъ благоденствія и довольства. На самой же Этнѣ насъ занимаютъ вновь появляющіяся горы, или наросты, иные вышиною съ Везувій: это кратеры, поднятые различными изверженіями. А надъ всѣмъ этимъ царитъ безупречно граціозная бѣлая вершина, которая вздымается безконечно выше всѣхъ наростовъ, какъ маститый величественный старецъ, окруженный своими многочисленными правнуками. На совершенно ясномъ небѣ рѣзко выдѣляется прямо поднимающійся въ воздухъ столбъ бѣлаго дыма.

Въ Николази мы останавливаемся въ скромной гостинницѣ альпинистскаго клуба, которую содержитъ Мацалиа, честный и свѣдущій человекъ. Благодаря письму профессора Сильвестри, скоро явился къ намъ начальникъ гидовъ и выразилъ готовность тотчасъ же устроить все нужное для посѣщенія Монте-Джемеларо, послѣдняго громаднаго продуэта Этны, выброшеннаго два года тому назадъ.

Въ Николази все отлично устроено для туристовъ. Отсюда обыкновенно отправляются въ путь, ночуютъ въ Каза-Инглезе, 300 метровъ ниже вершины, откуда скоро послѣ полуночи восходятъ на вершину кратера, чтобы тамъ наслаждаться несравненнымъ видомъ солнечнаго восхода. Однако намъ пришлось отказаться отъ этого заманчиваго проекта. Глубокій снѣгъ дѣлалъ его теперь неисполнимымъ; къ тому же холодъ былъ слишкомъ силенъ. Знающіе люди сказали намъ, что мы слишкомъ поздно задумали предпринимать подъемъ, и что даже въ лѣтнее время

наверху бываетъ очень холодно. Но профессоръ говорилъ намъ, что мы найдемъ не менѣ удовольствія въ посѣщеніи Джемелляро, и онъ дѣйствительно не обманулъ насъ.

Мы отправляемся на мулахъ по обыкновенной дорогѣ всѣхъ туристовъ. Эта дорога кажется намъ садовой дорожкой, въ сравненіи со вчерашнею. Наши мулы осѣданы покойными сѣдлами, такъ что мы можемъ вполнѣ спокойно отдаваться созерцанію и наслаженію. Сначала проѣзжаемъ мимо двухъ высокихъ кратеровъ, названныхъ изъ-за своего цвѣта Монте-Росси; они—плодъ того страшнаго изверженія 1669 года, о которомъ было упомянуто въ разсказѣ о св. Агатѣ; затѣмъ, мимо кратера Монте-Арго, поднимаясь все время между потоками 1669 года и самаго послѣдняго изверженія, два года тому назадъ, до Каза-дель-Боско, до котораго достигаемъ послѣ четырехъ часовъ ѣзды. Это—послѣднее обитаемое мѣсто на Этнѣ. Здѣсь еще видны по близости каштановые лѣса, но скоро вся растительность исчезаетъ. Въ противоположность вчерашнему, сегодня почти жарко.

Оставивъ здѣсь муловъ, начинаемъ восходъ на Джемелляро, совершенно коническую гору, метровъ 500 вышиною. Со стороны можетъ показаться, что подняться на какіе-нибудь 1.500 футовъ—сушій пустякъ, но увѣряемъ васъ, когда круто поднимаешься по пеплу, это разстояніе совсѣмъ не кажется такимъ маленькимъ. Мы прошли его чуть не на четверенькахъ, и будь сегодня вчерашній вѣтеръ—не знаемъ, дошли ли бы мы до верху. Пепель и лава, еще до сихъ поръ горячіе, скользятъ подъ ногами на каждомъ шагѣ; бѣда, кому вздумается держаться за землю,—обожжется. Вокругъ насъ, куда ни посмотришь, выскакиваютъ „фумераллы“, сѣрный паръ такъ и душитъ, и тысячи дымящихся трещинъ показываютъ, что охлажденіе почвы еще и не начинается. Мы поминутно останавливаемся, смѣемся, глядя другъ на друга, задыхаемся, скользимъ внизъ, и опять, при помощи альпенштока, храбро карабкаемся по пеплу. Наши гиды иныхъ поддерживаютъ, другихъ ободряютъ словами и жестами, указываютъ, какъ и куда идти. По нашему, лучше всего взбираться по прямой линіи, какъ бы круто это ни было, потому что каждый лишній шагъ на этой почвѣ такъ утомителенъ, что слѣдуетъ избѣгать его. Наконецъ, усилія наши увѣнчиваются успѣхомъ—мы добираемся до кратера.

Профессоръ Сильвестри напечаталъ въ „Nuova Antologia“, за 1886 годъ, статью о рожденіи этой горы, котораго свидѣтелемъ ему пришлось быть самому. Его разсказъ, полный поэзіи и жизни, даетъ хорошее понятіе объ ужасѣ такой картины. Этому событію

предшествовало громадное изверженіе на вершинѣ, за которымъ послѣдовали безпрестанныя сильныя землетрясенія, приведшія въ трепеть жителей склоновъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ окончанія изверженія, въ ночь съ 18 на 19 мая, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь стоимъ, произошло страшное землетрясеніе. сопровождаемое взрывами; показалось яркое пламя и полился внизъ быстрый потокъ лавы. Въ продолженіе 9 дней продолжались взрывы, землетрясенія, выбивались массы раскаленныхъ камней, земля поднималась, поднималась — и образовалась эта гора. Камни и пепелъ летѣли вверхъ на 1.500 метровъ, образуя такимъ образомъ страшный фейерверкъ, сопровождаемый громомъ какъ бы изъ тысячи пушекъ. Лава же, какъ обыкновенно, нашла себѣ выходъ у подножья конуса, такъ что самый кратеръ выбрасывалъ только пепелъ и камни, — то, что газы и пары выносятъ съ собою изъ глубины земли; этотъ каменный дождь, поднимаясь, силою углеродныхъ испареній, на неимоверную высоту, падалъ потомъ по окрестностямъ, убивая скотъ и опустошая поля. Лава же своимъ потокомъ довершала дѣло опустошенія. Въ маѣ 1886 г. она угрожала Николази, такъ что жители должны были бѣжать. Лава остановилась только 31-го мая, невдалекѣ отъ крайнихъ жилищъ поселенія. Очевидцы рассказываютъ о паникѣ и отчаяніи, охватившемъ обитателей. Мѣстечко уцѣлѣло, но вокругъ него было произведено страшное разрушеніе. На пути огненной рѣки стояли густые лѣса. Страшная рѣка неслась: сначала съ быстротою 40, потомъ 25 метровъ въ часъ. На разстояніи 30, 40 метровъ отъ нея великолѣпное дерево вдругъ блѣднѣло, листья съеживались и засыхали; изнутри ствола слышался стонъ — какъ бы живого существа, молящаго о пощаду, охваченнаго ужасомъ при приближеніи вѣрной смерти, и затѣмъ великанъ лѣсовъ, какъ сраженный далекимъ выстрѣломъ часовой, склонился и падалъ. Скоро его пожиралъ всеистребляющій огонь. И такъ, одинъ за другимъ, падали и умирали эти красавцы-деревья. Говорятъ, ихъ смерть производила на зрителей такое же впечатлѣніе, какъ уничтоженіе цвѣтущей молодежи во время войны.

27-го мая изверженіе было особенно сильно. Камни и пепельный дождь летѣли повсюду и падали даже надъ Катаньей и Мессиною. Темнота царствовала надъ островомъ и Калабріей. Наконецъ, 29-го мая, оно начало слабѣть, и черезъ нѣсколько дней все успокоилось.

Еще теперь мы можемъ видѣть въ полномъ блескѣ это опустошеніе. Вокругъ насъ все сѣро, черно или красновато. Только одинъ холмъ вдалекѣ поражаетъ насъ своею свѣжею,

яркою, точно молодую, зеленью. Мы спрашиваемъ: что это такое? Неизвѣстно, какими судьбами онъ остался цѣль и невредимъ. На немъ растутъ дроки, величиною съ наши большія березы, и цвѣтомъ своимъ напоминаютъ украшенія родного сѣвера, когда распускаются весною деревья.

Кратеръ, у котораго мы отдыхаемъ, представляетъ воронкообразную глубокую пропасть. Его края образуютъ правильный кругъ въ одинъ километръ. Въ его глубинѣ едва дымится небольшое отверстіе, послѣдній признакъ его бывшей дѣятельности. Своро и это исчезнетъ, и Gemellago, какъ остальные дѣти Этны, будетъ записанъ въ число потухшихъ кратеровъ. Странно, что почти никогда не возобновляются изверженія на томъ мѣстѣ, гдѣ они уже разъ были. Объ этомъ свидѣлствуютъ 340 кратеровъ, находящихся на склонахъ горы. Отсюда намъ видно 50 такихъ кратеровъ. Всѣ они правильной конической формы и кажутся наростами, шишками, на выкинувшей ихъ горѣ. Мы поднялись на $\frac{2}{3}$ Этны, и отсюда, благодаря великолѣпной погодѣ, можно вполне наслаждаться тѣмъ, что находится передъ нашими глазами. Намъ удается разглядѣть всѣ мельчайшія подробности вершины. Какъ она ни близка, все же она безконечно выше всего окружающаго и высится, спокойная, какъ бы улыбаясь своей многочисленной семьѣ. Вспоминается легенда, будто эта вершина—голова гиганта Энциладія, зарытаго Юпитеромъ; онъ упирается въ три мыса Сициліи и своими усилиями освободиться производитъ такія опустошенія. Сегодня онъ не страшенъ, а величественъ и красивъ. Вокругъ насъ кратеры за кратерами, потоки за потоками, лава, принявшая всевозможныя удивительныя формы, а тамъ—восточный берегъ Сициліи и море. Конечно, видъ съ вершины былъ бы еще обширнѣе и величественнѣе, но что касается самой Этны, то мы теперь знаемъ ее вполне.

Когда заходило въ море солнце и одѣло все окружающее, насъ и вершину своимъ багрянымъ цвѣтомъ, мы, бѣгомъ (иначе нельзя), опираясь только слегка на альпенштоки, спустились съ кратера къ тому отверстию, изъ котораго брызнула лава во время послѣдняго изверженія. Это—глубокая пещера; мы проходимъ подъ натуральною аркою надъ самымъ источникомъ лавы, до сихъ поръ еще незастигнутой. Мы слѣдуемъ за нею, внизъ по скату горы; она еще дымится, и фумераллы среди пепла продолжаютъ душить насъ сѣрыми испареніями. Въ одномъ мѣстѣ новая лава соединяется съ старымъ потокомъ, и оба лежатъ рядомъ; новая—черная какъ смола и дымящаяся, старая—сѣрая и холодная; обѣ—орудіе разрушенія, и младшая изъ нихъ какъ бы

говорить намъ своимъ дымящимся паромъ: „Этна жива, и не разъ еще докажетъ это!“ Около часу спускались мы, такимъ образомъ, сопровождаемые дымящимъ потокомъ. Несмотря на всѣ увѣщанія гидовъ спѣшить, мы не могли не останавливаться, чтобы еще и еще разъ поглядѣть назадъ на дивную картину, которая, при измѣняющемся вечернемъ освѣщеніи, вызывала въ насъ неудержимый восторгъ. Наконецъ, мы доходимъ до мѣста, куда выслали намъ на встрѣчу муловъ. Начинаетъ темнѣть. Гиды предлагаютъ провести насъ кратчайшимъ путемъ въ Николази. Мы соглашаемся и отправляемся по такой головоломной дорогѣ, что положительно непонятно, какъ по ней могутъ спускаться и гиды, и мулы. Но и у тѣхъ, и у другихъ такая вѣрность походки, что они даже не спотыкаются. Мы только по своему наклонному положенію чувствуемъ, какъ врутъ спускъ, но не ощущаемъ ни малѣйшаго безпокойства и вполнѣ наслаждаемся пережитыми сегодня впечатлѣніями, звѣзднымъ небомъ и теплымъ вечеромъ. Къ 9 часамъ мы въ Николази; но наше помѣщеніе оказывается столь неудобнымъ, что мы рѣшаемся въ ту же ночь возвратиться въ Катанью. Разставшись самымъ дружескимъ образомъ съ начальникомъ гидовъ, мы отправились въ путь, и послѣ 1 1/2 часа быстрой ѣзды среди благоуханій померанцевыхъ садовъ насъ снова радушно принимаетъ у себя нашъ хозяинъ катанской гостинницы.

На слѣдующій день профессоръ Сильвестри проводилъ насъ на желѣзную дорогу. Тутъ мы разстались, пообѣщавъ ему когда-нибудь опять пріѣхать и досмотрѣть неосмотрѣнное. Мы вернулись въ Таормину, которая прельщала насъ больше всего въ нашемъ путешествіи и представлялась лучшимъ пунктомъ для посвященія послѣдняго нашего дня изученію сѣверо-западной стороны Этны. Погода стояла прекрасная. Помѣщенія у Тимео мы уже не нашли, но и другая гостинница, „Белла-Ведута“, оказалась очень удобной. Пріѣхали мы въ 2 часа пополудни и въ тотъ же день успѣли совершить прогулку вокругъ города, которую закончили осмотромъ доминиканскаго монастыря, съ террасы котораго любовались заходомъ солнца и все тою же Этною.

Вставъ рано утромъ, въ 4 часа, мы спустились съ таорминскихъ горъ до Джіардини, на берегу моря. Отсюда до Рандаццо, лежащаго на сѣверо-западной сторонѣ Этны, болѣе 7 часовъ крутого подъема. Переѣхавъ Альвантаро, мы свернули на старую военную дорогу изъ Мессины въ Палермо. По ней шелъ въ IV вѣкѣ до Р. Х. Тимолеонъ, а въ XVI послѣ Р. Х.—Карль V. Медленно поднимаемся мы по ней до Пједимонте (т.-е. подножья

горы). Отсюда и во время всей ѣзды до Лингуаглоссы видны Кастильонскія горы и мѣстечко того же имени, гнѣздящееся надъ долиной Алькантары. Плодородіе этого края давно славится. До сихъ поръ оуби Кастильоне славятся по всей Италіи, и здѣсь же росла та небывалая земляника, которую поднесъ нѣкогда Галатеѣ галантный Полифѣмъ. На послѣднемъ планѣ картины высятся Небрадскія горы.

На поль-дорогѣ между Лингуаглоссой и Рандаццо намъ встрѣчается громаднѣйшій потокъ 1879 года, черезъ который проложена большая дорога. Переѣздъ его въ ширину занимаетъ цѣлый часъ. Исторія изверженія 1879 года очень интересна, и читатель, быть можетъ, не посѣтуетъ, если мы переладимъ ее здѣсь вкратцѣ. На сѣверномъ склонѣ Этны, т.-е. на томъ самомъ, гдѣ мы теперь находимся, поднимается на 2.510 метровъ въ вышину въ доисторическія времена потухшій вулканъ, названный, по своему сѣрому цвѣту, Монте-Грижіо. Ночью 29-го августа 1874 г. все населеніе подножья и сѣвернаго склона Этны, на разстояніи 80 километровъ полуокружности, было поднято страшными подземными ударами. Всѣ выбѣжали изъ домовъ и увидѣли, что весь склонъ у подножья Монте-Грижіо горитъ. Масса выбрасываемаго песка, пеплу, камней образовала громаднѣйшій фейерверкъ, видимый издалека. На слѣдующую же ночь изверженіе прекратилось, и можно было посѣтить мѣсто, гдѣ оно происходило. Оказалось, что Монте-Грижіо разсѣлся, образуя пропасть въ 3 килом. длины, и 35 устьевъ выбрасывали тѣ раскаленные вещества, отъ которыхъ, казалось, горѣлъ весь склонъ. Думали, что этимъ дѣло и кончится. Но вотъ, въ концѣ мая 1879 года, около того же мѣста вулканическая сила выкинула новый кратеръ, названный профессоромъ Сильвестри, который былъ свидѣтелемъ этого происшествія, Монте-Умберто-Маргарита. Лава, вырвавшаяся изъ подножья этого новаго кратера, какъ огненный водопадъ, бросилась внизъ вдоль отвѣсныхъ скалъ и, истребляя все на пути, покрыла собою всю эту нѣкогда плодородную мѣстность. Тогда-то и погибли грандіозныя лѣса—гордость страны.

Мы уже привыкли къ слѣдамъ бывшихъ изверженій, но ничего подобнаго намъ еще не приходилось видѣть. Это самый большой въ Европѣ потокъ лавы. Съ самой вершины падаетъ онъ до основанія, простираясь на далекія разстоянія во всѣ стороны. Глубина его нѣсколько сажень, что особенно явственно видно тамъ, гдѣ въ немъ просѣчена дорога.

Наконецъ, послѣ утомительной, но интересной семи-часовой ѣзды, не мало пострадавъ отъ жары, мы пріѣхали въ Рандаццо.

Вездѣ, гдѣ мы до сихъ поръ бывали, наприм. въ Таорминѣ, гостинница, больница, присутственныя мѣста—все это новое, а здѣсь какъ будто бы городъ заснулъ въ XIV вѣкѣ и только-что проснулся такимъ же, какимъ былъ во времена норманновъ; развѣ кое-что развалилось. Дикость жителей вполне соответствуетъ виду города. Толпа мальчишекъ, а за ними и взрослыхъ, провожала насъ по улицамъ громкими криками, ведя себя какъ дивари Сандвичевыхъ острововъ. Пожалуй, миссіонеры здѣсь нужныѣ, чѣмъ тамъ!

Изъ Рандаццо мы должны были спѣшить, чтобы не опоздать на пароходъ „Арабія“, отправлявшійся изъ Мессины въ тотъ же день...

Кн. М. У—а.

ЗЛОСЧАСТНАЯ

Изъ разсказовъ „казенной“.

I.

...Всегда я была гордая и упрямая; да и то сказать, будь я смиренная, не умѣй сама за себя постоять—пожалуй и на свѣтѣ бы теперь меня не было. Я вѣдь „казенная“, изъ Воспитательнаго дома, а „казенныя дѣти“, пока выростутъ, могутъ всего натерпѣться. Отдаютъ ихъ еще крошками въ деревню—тутъ около Петербурга, больше къ чухнамъ; хорошо, если попадется добрая мамка; а у иной своихъ пять человекъ—гдѣ же о чужомъ ребенкѣ заботиться.

Я до восьми лѣтъ горя мало видѣла. Моя кормилица-чухонка была хорошая, меня любила; и я ее любила, матерью называла. Она воспитывала меня по-божьему.

Умерла чухонка—кончилось мое привольное житье. Ея сестра стала насъ съ братомъ Андрюшей всячески тиранить и мучить. Андрюша тоже воспитанникъ былъ, не родной мнѣ братъ, названный. Новая хозяйка наша Бога не боялась и людей не страшилась. Бывало, зимой холодно, одѣжи она никакой не давала, по снѣгу босикомъ бѣгаемъ; и рубашки намъ по четыре раза въ годъ мѣняла. Лѣтомъ мы вмѣсто пастуховъ были: овецъ, свиной пасли; а придутъ заморозки—до-свѣту гонять насъ на поле, картошку копать. Холодно, темно... Только и радости, что скрадемъ у хозяйки спичекъ, разведемъ на полѣ огонекъ и печемъ картошку; да и то оглядываемся, не идетъ ли это.

Прошло три года, мнѣ десять лѣтъ минуло. Всѣхъ десяти-лѣтнихъ отбираютъ и везутъ ближе къ Петербургу, чтобы по-

русски научились. Я по-русски ни слова не знала, все по-чухонски. Инымъ воспитанникамъ и не хочется уѣзжать, при-выкнуть, а нельзя—надо. Наборъ этотъ бываетъ всегда осенью, послѣ Покрова.

Въ самый Покровъ пріѣхалъ окружной врачъ, строго наказалъ воспитателямъ привезти насъ всѣхъ, сколько назначено, въ одно время въ окружной лазаретъ.

До лазарета двадцать-пять верстъ считалось; пріѣхали мы, идемъ въ пріемную комнату—а тамъ плачь, шумъ: наши названные отцы и матери плачутъ, провожаютъ. Иныхъ какъ своихъ родныхъ воспитывали.

Когда мы остались одни, начальникъ провѣрилъ, всѣ ли явились; насъ было много, двѣсти-девятнадцать человѣкъ.

Отсюда всѣхъ въ Петербургъ, въ Воспитательный везутъ; тамъ ужъ назначаютъ, кого куда.

Рано разбудили насъ на другое утро. Докторъ далъ билеты казенные, велѣлъ не потерять и читалъ наставленіе, чтобы слушались мы своихъ будущихъ хозяевъ; да еще роздалъ намъ отъ казны по яблоку и по мармеладикѣ.

Увезли насъ.

II.

Я попала въ богатый домъ. Ребятишекъ было человѣкъ пять, все маленькіе. Хозяйка мнѣ сразу не понравилась: лицо хитрое, злое. Я потомъ про себя ее вѣдьмой звала. Окружной врачъ велѣлъ меня чисто одѣть и пускать каждый день въ школу. Не понравился хозяйкѣ такой приказъ: я ея ребятъ нянчила, домашнюю работу справляла.

До школы девять верстъ было. Собрались всѣ мальчики и дѣвочки рано, зашли за мной, а я и спроситься не смѣю; хозяйка сердита, ходить по избѣ, ворчить. Одинъ мальчикъ сказалъ ей:

— Ты, тетка Марья, пусти ее сегодня; сегодня всѣ должны придти, записываться будутъ, а потомъ какъ тебѣ угодно.

Она крикнула мнѣ съ сердцовъ: „ступай!“ А какъ идти? холода сильныя, надѣтъ вовсе нечего. Ну, однако, надѣла лохмотье какое-то, пошла.

Началось мое мученье: учитель велитъ непременно каждый день приходиться, а тетка изъ дому не пускаетъ. Урывками только и могла учиться; но я не лѣнилась и скоро стала все по-русски понимать, цифры узнала и буквы. На экзаменахъ очень стыдно бывало: всѣ пріодѣнутся, одна я въ лохмотьяхъ, словно цыганка.

Такъ сбѣгала я въ школу, босая и неодрѣтая, двѣ зимы, а на третью сильно заболѣла. Въ лазаретѣ пришлось цѣлый годъ пролежать: сначала корь была, а потомъ ноги все ложило. Хозяева мои за это время ни разу не навѣстили меня, не пришли узнать, жива ли я.

Я поправилась, назначили меня на выписку. Я рада была; думала, вотъ снова поѣду на прежнее мѣсто, буду въ школу ходить, хоть понемногу ученье продолжать.

Но не вышло по моему. Въ послѣдній день сказала мнѣ сидѣлка, что я опять „переводная“: къ другимъ хозяевамъ, въ колонію, къ нѣмцамъ меня назначили. Горько мнѣ стало: я всегда слышала, что колонисты злые, и худо у нихъ питомцамъ живется.

Приѣхалъ за мной колонистъ; съ виду онъ былъ добрый, но я ему все-таки не очень-то вѣрида. Хозяйка не сердитой оказалась; она была немножеко помѣшана, въ хозяйство не входила; я одна должна была обо всемъ заботиться. Въ школу ходить ужъ не пришлось.

Въ колоніи я отдохнула немного отъ моихъ прежнихъ мытарствъ и поправилась.

III.

Мнѣ семнадцать лѣтъ исполнилось; взяли меня изъ колоніи въ Петербургъ въ „казну“, т.-е. на казенную службу въ институтъ. Изъ питомокъ каждый годъ положенное число въ казну отбираютъ. Въ институтѣ мнѣ понравилось, и занятіе свое я скоро поняла: меня опредѣлили въ бѣлевую, надъ бѣльемъ смотрѣть.

Подругъ много, весело; у насъ, дѣвушекъ, и вечера бывали. Мы танцовать любили и умѣли: какъ у воспитанницъ танцклассъ, мы въ сосѣднюю комнату; и все, что имъ учитель показываетъ, мы перенимаемъ. Привыкла я тоже книжки читать; всѣ дѣвушки романы потихоньку читали. Одинъ разъ мнѣ попался страхъ какой интересный: „По локоть руки въ золотѣ, по локоть руки въ крови“. Я этотъ романъ все по ночамъ читала, чтобы наша кастелянша, мадамъ Рязанова, не увидѣла. Она не любила.

Сидѣла я разъ вечеромъ въ дѣвичьей, работу ужъ мы покончили; вдругъ приходитъ моя знакомая, Анна Ивановна. Я ужъ ее цѣлый годъ не видала, мы съ ней никогда особенно не дружили. Не знаю, съ чего это она меня вспомнила.

— Пойдемъ, Паша, ко мнѣ, посидимъ, чайку напьемся. Тутъ недалеко, на Николаевскомъ вокзалѣ. Пошли мы. Ея на-

званный мужъ дома былъ, я его раньше не видала, ну—познакомились.

Пока чай готовили, я сѣла у окна.

Дверь отворилась. Въ комнату вошелъ незнакомый человекъ, снялъ пальто, тихо сказалъ: „здравствуйте“, и сѣлъ къ столу. Анна Ивановна засуетилась, угощаетъ его, но меня ему не рекомендовала. Я узнала потомъ, что это оберъ-кондукторъ съ Николаевской желѣзной дороги; онъ у Анны Ивановны комнату снималъ, жилецъ ея былъ.

Съ перваго взгляда онъ мнѣ поваялся ужъ немолодымъ, некрасивымъ: темные усы висѣли книзу, волосы спереди подрѣзаны, самъ высокій, худощавый... Но тихій и кроткій разговоръ его я слушала съ удовольствіемъ.

Помню, вскорѣ послѣ того, мы его на Троицу на балъ пригласили. Въ этотъ день у дѣвушекъ всегда балъ: двухъ гармонистовъ зовутъ,—большія у нихъ такія гармоніи,—угощенье бываетъ и танцы въ „кругломъ саду“.

Вечеръ былъ теплый, ясный; листочки едва развернулись молоденькіе, дни стояли длинные, ночи почти не было—сумерки. Все же, когда чуть стемнѣло, ушли танцевать въ дѣвичью; мы съ нимъ одни въ саду остались, долго между деревьями гуляли.

Онъ мнѣ рассказывалъ о себѣ, говорилъ, что любить спокойную жизнь, семейный уголь... Я молчала; мнѣ хорошо было съ нимъ, и казалось, что я его уже давно знаю, давно слышала такія рѣчи тихія и разумныя.

Мой новый знакомецъ, Борисовъ, кротостью въ сердце мое вошелъ. Я его не сразу полюбила. То нравится онъ мнѣ, то будто чую въ немъ что-то хитрое и злое, страшно мнѣ сдѣлается, дальше отъ него быть стараюсь.

IV.

Началась у насъ переписка, свиданья пошли. У Анны Ивановны мы часто видѣлись. Позоветъ она меня къ себѣ, а сама сидитъ-сидитъ—вдругъ вспомнитъ: „Ахъ, Боже мой, вѣдь меня кума Пелагея Васильевна зйти сегодня зачѣмъ-то просила! Ты погоди, Паша, я сейчасъ вернусь“.

И уйдетъ. А я радовалась; это время мы съ жильцомъ, Николаемъ Ивановичемъ, вдвоемъ просиживали. Я ужъ тогда къ нему очень привыкать начала. Чуть день не повидаю—скучно,

и работать не могу. Онъ и въ институтъ часто приходилъ. Я о своей любви ему никогда не говорила, гордо себя держала.

Разъ—это было ужъ въ концѣ мая—онъ цѣлый день не приходилъ. Къ вечеру, часовъ въ восемь, я не вытерпѣла: дай, думаю, пойду къ Аннѣ Ивановнѣ—можетъ, и онъ съ поѣзда вернулся.

Погода славная стояла, тепло, тихо. По улицамъ и огней не зажигали, совсѣмъ день, свѣтло. У Анны Ивановны посидѣла я немного—гляжу, идетъ онъ.

— Здравствуйте, —говорить, —какъ здоровье? Душевно радъ васъ видѣть. Я сегодня цѣлый день ѣздилъ, вотъ только сейчасъ съ поѣзда.

Пока мы тамъ сидѣли, я все время надъ нимъ смѣялась, дерзкія рѣчи говорила, сама не знаю отчего. А онъ самолюбивый былъ; вижу я, поблѣднѣлъ, губы кусаетъ—разсердился. Стало мнѣ его жалко, однако я этого не показываю, домой собираюсь.

Анна Ивановна въ разговорѣ нашемъ его сторону держала, спорила со мной. Онъ какъ будто повеселѣлъ.

— Позвольте, —говорить, —проводить васъ, Прасковья Александровна; вотъ и Анна Ивановна пойдетъ, погода очень прекрасная.

Мы вышли.

Стало свѣжѣе и какъ будто стемнѣло; часы на вокзалѣ показывали одиннадцать. Мнѣ было весело и легко. Николай пересталъ дуться, шутилъ, смѣялся.

Мы проходили по Лиговѣ; вдругъ слышимъ—музыка играетъ, окна освѣщены.

— Что это? —спрашиваю я у Николая.

— Это гостинница „Дунай“ называется. Хорошая гостинница. Хотите, зайдѣмъ? Выпьемъ чайку, музыку послушаемъ. Право, зайдѣмъ? Вѣдь вамъ еще не поздно, Прасковья Александровна...

Я не знала, что сказать; заходить мнѣ не хотѣлось, а отказаться—его жаль было: онъ такъ просилъ, и такъ я его обижала.

Вдругъ Анна Ивановна говоритъ:

— Зайдѣмъ, пожалуй, отчего не зайти? Вы намъ пару пива поставите. Идешь, Паша?

Я молча пошла за ними. Мы отворили парадную дверь и стали подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ. Оглянулась я, а моей Анны Ивановны нѣтъ какъ нѣтъ.

Я испугалась.

— Гдѣ жъ Анна Ивановна?

— А она, вѣжета, своего мужа встрѣтила въ дверяхъ. Она сейчасъ придетъ...

Да ужъ лучше дальше не рассказывать!..

Помню и теперь одно, что послѣ я какъ безумная выбѣжала оттуда на улицу. Я не хорошо понимала, что со мной, и не знала, что дѣлать. По счастью я захватила съ собой изъ дому два рубля; не раздумывая долго, я пошла на вокзалъ, взяла билетъ и уѣхала къ дядѣ въ колонію; онъ не удивился: изъ института меня часто пускали къ нему гостить. Только тамъ я немножко одумалась и начала понимать, что со мною случилось.

V.

Николай сталъ мнѣ письма писать, но я ихъ не читала; въ мелкіе кусочки разорву и отошлю назадъ. И слышу я—все онъ своимъ знакомымъ про меня рассказываетъ; должно быть, очень ужъ сердился, что ничего со мной подѣлать не можетъ и что писемъ его не принимаю.

На душѣ у меня было горько и тяжело; я его все-таки любила.

Такъ минуло лѣто. Пришелъ сентябрь, дожди; работы прибавилось; понемногу я начала привыкать къ мысли, что не увижу его никогда; дурные поступки его забыла.

Вдругъ все сразу перемѣнилось.

Стала я прихварывать, все мнѣ невозможно,—то тамъ болитъ, то здѣсь; съ лица осунулась, пожелтѣла. Надо, думаю, къ доктору сходить. Долго собиралась, наконецъ пошла.

Посмотрѣлъ докторъ: „Это, говорить, болѣзнь не опасная“...

Я сначала не поняла,—ну, онъ пояснѣе сказалъ. Вышла я отъ него, и сама себя удивляюсь, какъ это я еще иду; кабы въ то время случилось въ Лиговеѣ воды побольше—можетъ, меня теперь и на свѣтѣ бы не было.

Что дѣлать? Вотъ когда настала моя забота; цѣлыя ночи напролетъ я не спала; лежу съ открытыми глазами, смотрю въ темноту и думаю: что дѣлать?

Одно оставалось—на мѣсто идти.

Я говорила знакомымъ, что выхожу изъ казны, просила мѣсто мнѣ прискаты, но мѣсто не находилось.

Прошла недѣля, и стало мнѣ не въ мочь. За эту недѣлю душа у меня изболѣлась, похудѣла я. И рѣшила про себя: пусть будетъ что будетъ; хоть и стыдно это для меня—напишу Николаю.

Написала коротенькое письмо, просила придти завтра въ четыре часа.

Цѣлый вечеръ и слѣдующее утро я ходила блѣдная, испуганная.

— Придетъ или не придетъ?

Онъ пришелъ. Мы были одни.

Николай обнялъ меня крѣпко-крѣпко: „Прости меня, Паша, прости“... и еще что-то тихо говорилъ, я ужъ не разобрала, горько плакала; сразу любовь моя къ нему воротилась, обиды я позабыла. Вижу, не совладать все равно съ собою: пусть ужъ, думаю, пусть люблю...

Поуспокоились мы немножко,—онъ спрашиваетъ, какъ мнѣ живется.

Я ему всю правду сказала.

Онъ задумался.

— Знаешь чтѣ, Паша? Тебѣ тутъ оставаться не приходится.

— А какъ быть-то? Мѣсто на волѣ скоро ли выйдетъ? Да и искать въ такомъ моемъ положеніи не знаю гдѣ.

— Совсѣмъ тебѣ никакого мѣста не нужно, а найму я комнату, переходи жить. Теперь, конечно, мнѣ свадьбу играть разсчета нѣтъ, жалованье маленькое, мать на рукахъ. Къ веснѣ виднѣе будетъ. Я тебя такъ не оставлю.

— Не пойду я къ тебѣ. Я тѣхъ всегда осуждала, кто на легкихъ хлѣбахъ живетъ—сама не пойду.

— Эхъ, Паша, теперь вѣдь ужъ все равно, теперь тебя кто жъ возьметъ? Тебѣ кромѣ меня ни за кого не идти. Да и не ты первая, не ты послѣдняя. А я тебя обижать не стану, вотъ ей Богу же не стану. Такъ я пойду комнату искать.

Онъ всталъ.

Я не знала, чтѣ ему сказать; на душѣ невесело было; думалось: нехорошо я поступаю, да вспомнила, что съ ребенкомъ некуда идти—и согласилась.

Вечеромъ, дня три спустя, сидѣла я въ дѣвичьей, чай накрытъ былъ; вдругъ входитъ Борисовъ.

— Милости просимъ,—говорю я,—какъ разъ къ чаю.

— Охъ, Паша, не до чаю мнѣ; я,—говорить,—мѣсто потерялъ.

Я вся обомлѣла. Смотрю на него, а онъ блѣдный и самъ будто не въ себѣ.

— Отчего такъ?—спрашиваю.

— Да такъ ужъ, случилось такое дѣло. Теперь не знаю, какъ мнѣ и быть. Главное—мать-старуха, куда я ее дѣну?

У меня глаза были полны слезъ. Хотѣлось сказать ему, что

пусть бы мать пока у меня погостила—да не посмѣла; я сама была бездомная.

Просидѣли мы съ нимъ такъ минутъ пять, и говорить онъ наконецъ, все невеселый:

— Вотъ что я, Паша, надумалъ; ты ужь пожалуйста не сердись, переѣзжай ты пока къ моей сестрѣ или къ брату. У нихъ есть хорошій, чистый уголь въ дворницкой. Я ужь это дѣло устрою. Тамъ мнѣ за тебя и платить ничего не придется. Чтожъ ты, согласна?

Подумала я немного:—Хорошо,—говорю,—Николай, переѣду, согласна.

VI.

Рано утромъ я встала, къ Скорбящей Божіей Матери помолиться поѣхать вздумалось: можетъ, Господь ему и пошлетъ.

Одѣлась я, сѣла на конку у Николаевского вокзала и отправилась. Это вѣдь недалеко, за Невской заставой, пять копѣекъ стоитъ. Тамъ прежде, рассказываютъ, только одна заброшенная часовня была, Николая Чудотворца, а образъ Божіей Матери такъ, сбоку стоялъ. И висѣла тамъ кружка, а въ кружкѣ грошники мѣдные, старинные. Случилась глѣтомъ гроза. Молнія ударила въ часовню и попала прямо въ кружку. Она разсыпалась, но грошники на землю не попадали, а всѣ къ образу Божіей Матери такъ и прилипли. До сихъ поръ они тамъ. Пришелъ сторожъ, увидалъ чудо. И узнали, что эта икона чудотворная.

Съ того времени тамъ многія исцѣленія совершились, и, говорятъ, если задумать что и поѣхать Божіей Матери помолиться—непремѣнно сбудется. Тамъ теперь церковь большая, богомольцевъ много, больныхъ приводятъ.

Стала я въ уголку, свѣчку купила, помолилась хорошенько—и сдѣлалось у меня на душѣ посвѣтлѣе. Можетъ, думаю, Господь ему и пошлетъ.

Два дня минуло—идеть Николай веселый.

— Ну что? спрашиваю.

— Да что, слава Богу, на мѣсто поступаю. Тутъ на углу Гороховой и Семеновскаго, домъ Королева, знаешь? Такъ я къ этому Королеву иду, въ родѣ какъ въ управляющіе.

— Ну, слава Богу, слава Богу! Я за тебя у Скорбящей молилась.

— Я и самъ Богу молился. Безъ Бога развѣ можно? Безъ Бога намъ бы помирать надо. Я вчера въ часовню пелену свезъ

и молебень отслужилъ—вотъ Господь-то и посылаетъ. Конечно, жалованья много сразу не дадутъ, придется сначала какъ-нибудь перебиваться, да все же пристроенъ. А про тебя я сестрѣ говорилъ,—хоть завтра переходи. У меня теперь хлопоты будутъ по новому мѣсту—я, можетъ, не скоро зайду, ты не скучай.

Мужъ Николаевой сестры, Платонъ, служилъ старшимъ дворникомъ въ Семеновскомъ полку; въ нимъ въ дворницкую я и переѣхала, а они съ Николаемъ условились ничего съ меня за уголь не брать, и обѣдала я съ ними; только это мнѣ даровое хуже дорогого обошлось: Даша, жена Платонова, всѣ платья у меня выпросила, какія были, а совѣстно отказать-то, ѣла-пила съ ними.

Въ дворницкой сыро, темно, лавки кругомъ нечистыя. Днемъ я все одна да одна; Даша, и та рѣдко дома бывала, особенно въ праздникъ. Часу въ десятомъ придетъ Платонъ пьяный, колотитъ начнетъ, безобразія пойдутъ разныя... Ужъ думаешь, пусть бы дольше не приходили; одной-то хоть и страшно, и скучно, а все-таки лучше.

Время шло, а о Николаѣ не было ни слуху, ни духу. Но я не беспокоилась: пусть, думаю, устроится на новомъ мѣстѣ, придетъ.

Но вмѣсто Николая явился ко мнѣ разъ пріятель его, Митя. Этотъ Митя у него и проживалъ, не знаю ужъ зачѣмъ Николай съ нимъ дружбу велъ. Его изъ полиціи со службы выгнали; хитрый онъ былъ человекъ, врагъ между нами; ссорилъ насъ часто; мнѣ про Николая все передавалъ, а ему на меня наговаривалъ. Душу имѣлъ самую подленькую, а видомъ былъ красавецъ-мужчина: черные волосы вьются, глаза синіе съ поволокой, руки какъ у барина. Николаю нравилось, что этотъ самый Дмитрій Маутвинъ умѣетъ всякую просьбу написать, провести и выведетъ, въ адвокаты его свои готовилъ.

Я Митю ласково встрѣтила.

— Здравствуйте, здоровы ли? Давно васъ не видно. Присядьте, гость будете.

— Да что, Прасковья Александровна, я вамъ вѣсть принесъ. У Борисова вчера благословенье было. Слезно онъ просилъ вамъ не говорить, да я ужъ, васъ жалѣючи, не утерпѣлъ.

— Господи!—говорю, а сама поблѣднѣла вся:—съ кѣмъ же это?

И узнала я, что Николай давно ужъ невѣсту себѣ присмотрѣлъ, племянницу придворнаго поставщика, Лизку. Она съ деньгами была, изъ себя такая дурная, ее за него бы не отдали, да ужъ влюбилась очень. Митя мнѣ все рассказалъ.

— Что же вы, Прасковья Александровна, теперь предпри-

нять намѣрены? Если желаете, я могу выяснить, что именно въ виду вашего положенія...

Я встала, перекрестилась на образъ и говорю:

— Ничего я дѣлать не намѣрена, ничего мнѣ не нужно. Господь съ нимъ! А вы, Дмитрій Васильичъ, уйдите пока.

Митя ушелъ, я осталась одна.

Ту ночь я вовсе спать не ложила. Ребенка было жаль. Въ Воспитательный очень не хотѣлось отдавать. Знала я, какъ тамъ сладко.

VII.

Я сидѣла вечеромъ одна у окошка; въ дворницкой никого не было. На дворѣ еще не совсѣмъ смеркло, а кругомъ меня давно тьма. Слышу, вошелъ кто-то, у двери возится, нейдетъ ближе.

— Кто тамъ?—спрашиваю.

Молчать.

Я испугалась.

— Да кто же это? отвѣчайте!

Вижу, подходитъ ко мнѣ.

— Не бойся, Паша, это я!—говорить.

Узнала я голосъ—стою, двинуться не могу.

Онъ снялъ шубу, сѣлъ къ столу.

— Темно тутъ у тебя, не видать ничего.

— Сейчасъ вотъ... огонь засвѣчу...

Опомнилась я немножко, отыскала на столѣ спички, а зажечь не могу, руки дрожать.

— Постой, я зажгу,—говорить.

Взялъ у меня тихонько коробку, чиркнулъ, лицо свое освѣтилъ. И какъ увидала я его тутъ въ первый разъ—обрадовалась, позабыла, что можетъ это онъ прощаться со мной пришелъ; приласкаться къ нему захотѣлось, прежнее воротить... Да въ время удержала себя; стою, молчу, расплаваться боюсь.

Онъ зажегъ лампу, повѣсилъ ее, сѣлъ.

— Ну чтожъ, здравствуй, Паша.

— Здравствуй.

— И не спрашиваешь, что долго не шелъ, гдѣ гулялъ, какія дѣла дѣлалъ.

— Что мнѣ! Про то ты самъ знаешь, а я тебя не касаюсь.

— Ты сердисься на меня, Паша?

— Не сержусь я; видитъ Богъ—нѣтъ у меня зла къ тебѣ.

— Паша, скажу по правдѣ, я вотъ за какимъ дѣломъ пришелъ: завтра у меня свадьба; я и самъ не радъ теперь, что затѣялъ, отказаться ужъ не могу; такъ дай ты мнѣ расписку, что не препятствуешь браку. Я, право, и самъ не радъ, да дѣлать-то ужъ нечего. Вотъ, расписка у меня готова, тебѣ только подписать.

Онъ сталъ проворно рыться въ карманахъ, наконецъ вытаскилъ небольшой ключокъ почтовой бумаги и положилъ на столъ.

Я молчала.

Онъ посмотрѣлъ на меня, подождалъ, что я скажу.

— Ну, такъ какъ же, Паша, расписку-то? Ты повѣрь, я бы радъ отказаться, да ужъ нельзя. Подпишешь, что-ли?

Пересилила я себя, слезы удержала, — отвѣчаю ему:

— Я обѣщалась себѣ и Богу — ничего тебѣ напротивъ не дѣлать. Обѣщанья моего не нарушу.

Въ углу на окнѣ стояла баночка чернильная, перо лежало; я перо взяла и поскорѣй на той бумажкѣ расписалась: не препятствую, молъ; а сама ужъ не стерпѣла, горько заплакала.

Гляжу — становится онъ передо мной на колѣни, поклонился въ землю и самъ плачетъ. Потомъ всталъ, обнялъ меня.

— Паша, — говорить, — вѣришь ли, вотъ какъ жаль тебя! И, кажется, еслибы только можно было отказаться... Ты Бога ради прости меня. И вотъ десять рублей, послѣднія мои деньги, потому теперь тебѣ скоро надо. Когда будешь больная, пришли ко мнѣ Платона; я приду и денегъ принесу. Я и послѣ женитьбы готовъ тебѣ всегда помочь.

Но денегъ я не взяла.

— Господь съ тобою и съ твоими деньгами, Николай; только бы ребенокъ остался живъ, — это для меня дороже всего; а помощи твоей я и теперь не приму, и послѣ женитьбы не надо.

Обнялъ онъ меня, не пускаетъ; и долго мы такъ стояли, плавали оба; наконецъ распростались навѣкъ.

Послѣ я узнала, что до священника въ его приходѣ дошелъ слухъ обо мнѣ — онъ вѣнчать не соглашался; для него у меня Николай и взялъ расписку.

Митя потомъ смѣялся надо мной, зачѣмъ я дала; онъ меня совсѣмъ за дуру считалъ.

VIII.

Затосковала я. Сидишь одна, и дѣла никакого нѣтъ; хоть бы что-нибудь работать, все бы веселѣе.

— Знаешь чтѣ? Поступай-ка на мѣсто,—говорить мнѣ разъ Даша.—Тутъ, на нашемъ же дворѣ, генераль прислугу ищетъ. Я тебя порекомендую. А придетъ твое время—онъ на недѣлю-то отпустить къ акушеркѣ.

Я подумала—и согласилась.

Новый мой баринъ, генераль, былъ вдовецъ, пожилыхъ ужъ лѣтъ и изъ себя очень смѣшной: ножки коротенькія, самъ толстенькій, усы торчкомъ. На головѣ почти-что вовсе ничего не росло, а лицо и утромъ, и вечеромъ—все одинаковаго цвѣта: красное.

Разговаривалъ онъ со мною часто.

Придетъ послѣ обѣда или вечеромъ на кухню, сядетъ передо мной, улыбается, усами шевелить, головой покачивается.

— И какъ это вы могли въ казнѣ съ собой такую штуку устроить?

Я разсержусь.

— Да очень просто!

И больше онъ отъ меня ни слова не добьется. А то еще фотографія у него была, все онъ карточки снималъ; только проку мало было, портилъ больше. Устроилъ себѣ такую будочку темненькую, красный фонарь тамъ зажжетъ и сидитъ, тарелку съ водой качаетъ, а въ водѣ какое-то стекло. Часто меня туда съ собой звалъ.

— Пойдемте,—говоритъ,—я васъ научу, какъ это дѣлать.

Разъ, вижу я, болталъ онъ тарелку, болталъ, потомъ болтать бросилъ, глѣзетъ ко мнѣ въ темнотѣ...

Тутъ я совсѣмъ разсердилась, толкнула его, изъ будочки поскорѣй вышла.

Зоветъ онъ меня потомъ какъ-то опять учиться фотографіи, а я неѣду.

— Не женское,—говорю,—это дѣло, не нуждаюсь я изучать никакую фотографію.

У генерала мнѣ все-таки легче было, чѣмъ вовсе безъ работы, и подруги навѣщали; особенно одна, Анята, часто забѣгала; она въ фельдшерской школѣ училась, женихъ подвернулся, свадьбу назначили, такъ Анна все ко мнѣ приданое пить ходила.

Приближалось время моей болѣзни; только я объ этомъ совсѣмъ мало думала,—не вѣрила, что скоро.

Генераль самъ въ Обуховскую больницу ѣздилъ узнать, принимаютъ ли, есть ли мѣста.

— Приѣхалъ назадъ—во всякое, говорить, время дня и ночи принимаютъ, будьте спокойны.

Ну, я и жду. Коли, думаю, начнется чтò—я живо до больницы добѣгу.

Какъ-то утромъ—убрала я комнаты, кофей сварила—и стало мнѣ скучно; однако ничего, часу въ двѣнадцатомъ генерала снарядила—уѣхалъ. Тогда чувствую—хуже мнѣ. А все-таки не думаю ни о чемъ, хожу по комнатѣ, въ больницу и не собираюсь. Можетъ, такъ, поболитъ, да и пройдетъ.

Ужъ два часа пробило, я и обѣдъ не готовлю, не могу. Вдругъ идетъ Анютка.

— Чтò это съ тобой?

— Не знаю, болитъ какъ будто; хожу—такъ легче, можетъ, пройдетъ.

— Да чтò ты, сумасшедшая, одѣвайся скорѣе, пойдемъ въ больницу. Пойдемъ, пойдемъ, нечего; еще здѣсь на квартирѣ бѣда случится. Скорѣе одѣвайся, а я Дашу въ комнаты позову.

Кликнули Дашу, я въ узелокъ кое-что связала, денегъ было немного—съ собой взяла, отправились мы. Обуховская на Загородномъ, а мы отъ угла Загороднаго черезъ два дома жили, по Вережской. Дошли. Спрашиваемъ: принимаютъ?

Вышла въ намъ „крестовица“, сестра милосердія отъ Краснаго Креста.

— Я, говорить, не знаю; у насъ такихъ больныхъ не принимаютъ, я не могу. На то родильные есть.

Анютка разсердилась.

— Да я и разговаривать-то съ вами не хочу! Вы права не имѣете, вы должны принять!

— Я ничего не могу. Подождите, скоро дежурный врачъ придетъ.

Сѣли мы, ждемъ; я едва-едва сижу, худо мнѣ.

Наконецъ приходитъ докторъ.

— Нѣтъ,—говорить,—вы идите въ Надеждинскую. Сюда васъ принять нельзя. А до Надеждинской вы еще дойдете, вамъ полезно ходить.

Дѣлать нечего, мы вышли. Только до угла Гороховой дошли—не стало моихъ силъ.

— Нѣтъ,—говорю,—Анютка, дальше не пойду, какъ хочешь. Задумалась она.

— Да постой, вотъ часть напротивъ; а при каждой части обязаны три-четыре кровати имѣть. Я сейчасъ узнаю.

Сбѣгала она—нѣту, говорятъ.

Что дѣлать? И Анютка моя приуныла; а мнѣ все хуже да хуже.

Стоимъ мы на углу; я въ дому прислонилась, кругомъ смотрѣла. Мнѣ не страшно было, только удивительно, отчего все такъ по-старому идетъ, точно и ничего? Вонъ разнощицъ съ апельсинами, мальчишка почтовую бумагу продаетъ; франтъ какой-то проѣхалъ съ барыней, обернулись, на меня взглянули. Народъ мимо спѣшилъ; иные, кому дѣлать нечего, останавливались; интересуются, что со мной дальше будетъ. Постоять, видать—ничего пока, пойдутъ своей дорогой.

Женщина одна долго стояла пригорюнившись, смотрѣла; потомъ, спасибо ей, говорить:

— Вотъ здѣсь, по Гороховой вторыя ворота, акушерка живетъ; она приметъ.

Обрадовалась Анютка, поблагодарила, повела меня.

И у меня точно силы прибавилось.

Дворикъ чистенькій, мощный, указали намъ дверь—въ первомъ этажѣ акушерка жила.

Она сама насъ встрѣтила—полная женщина, низенькая, съ просѣдью и по-русски одѣта, кофта прямая. Въ залцѣ у нея на окнахъ герани стояли, висѣли занавѣски бѣлыя кисейныя.

Мнѣ хоть и худо было, а я всякую малость замѣчала въ то время, послѣ сама удивлялась.

— Такъ и такъ,—говорить Анюта:—вотъ больная; ее нужно скорѣй въ постель положить.

— Это все будетъ, только у меня за пріемъ семь рублей полагается, чай, сахаръ, булки—отдѣльно.

Сважи она мнѣ тогда не семь, а пятнадцать рублей, и то бы я осталась, дальше бы не пошла.

Увела она меня; Анютку я домой прогнала; лучше, молъ, послѣ придешь.

Черезъ часъ мнѣ Богъ далъ сына.

Выкупала его акушерка, убрала и говоритъ мнѣ:

— Мать, принести тебѣ сына?

Я говорю:—Ну, дайте посмотрѣть.

Маленькій такой, красненькій, глазами едва смотреть. Жалко его.

На другой день, въ субботу, окрестили, Колькой я его назвала, а въ воскресенье ужъ надо было въ Воспитательный вести.

Утромъ, вижу—собираетъ бабушка Кольку въ путь-дорогу. Завернула въ одѣяло, подала мнѣ на кровать проститься, сама вышла.

Онъ точно все понималъ, смотреть мнѣ прямо въ глаза, не плачетъ. Онъ у меня полненькій былъ, на головѣ волоски совсѣмъ бѣлые. Бабушка его такъ и прозвала: „Колька сѣдой“. Я все вглядывалась въ него, точно запомнить его хотѣла, всѣ примѣточки разсмотрѣла, волоски бѣлые цѣлую, сама плачу. Наконецъ благословила его, три раза перекрестила:—Христось съ тобой, дѣтка, поѣзжай съ Богомъ!—И отпустила. Бабушка увезла.

IX.

Съ того дня я все ждала и дожидаться не могла, когда можно будетъ отъ акушерки уйти, чтобы навѣстить Кольку.

Къ генералу вернулась еще совсѣмъ слабая, больная. Въ первую же пятницу отправилась въ Воспитательный. По дорогѣ кое-чего мамкѣ купила: сахару, булку французскую. Подъѣхала ближе—упало у меня сердце: можетъ, ужъ и померъ.

Черезъ дворъ прошла, мимо садика; въ прихожей швейцаръ стоитъ, въ красное одѣтъ.

— Раньше, — говорить, — двухъ часовъ не пускають, подождите.

Тутъ ужъ много женщинъ дожидалось, и лавки всѣ заняты. Отошла я къ сторонкѣ, сѣла на окно, жду. Прихожая просторная, только невысокая; колонны сѣрыя кругомъ. Около моего окна, на скамейкѣ, сидѣли три женщины; тоже къ дѣтямъ своимъ пришли, видно: всѣ съ узелками да съ мѣшочками. У самой стѣны, прижавшись, сидѣла должно быть швейка; некрасивая, блѣдная, бѣлокурные волосы гладко подобраны подъ розовый гарусный платокъ; смиренная такая, робкая, все молчала. Мнѣ понравилась крестьянка, со швейкой рядомъ: лицо длинноватое, строгое и пріятное; добрая она, вѣрно. На другомъ краю скамейки, ближе къ дверямъ, сидѣла либо кухарка, либо экономка какая-нибудь, круглолицая, нестарая. Подъ полой своего широкаго салопъ съ потертымъ мѣховымъ воротникомъ она прятала крошечный узелокъ, а глазки такъ и бѣгали. Она что-то рассказывала крестьянкѣ, та со вниманіемъ слушала.

„И подала она, мать моя, прошеніе, — говорила женщина въ салопѣ: — подала она прошеніе, такъ и такъ, значить, у меня трое дѣтей, онъ не исполнилъ. И чтобы его не вѣнчать. Только наканунѣ подала, а на другой день слышитъ — у Покрова свадьба,

его, значить, вѣнчаютъ. Она забрала ребятшекъ — туда. Ей бы какъ чужой придти, притаиться: ну, пришла-пришла свадьбу смотреть; а она нѣтъ, плачетъ: „скоро ли, говоритъ, мой измѣнщикъ прійдетъ?“ Ну, прослышали это и велѣли ее вонъ вывести, за ограду. И только, значить, душеньку-то прежнюю за ограду вывели — невѣста и вѣхала!..

— И чтожь, и окрутили? — спросила крестьянка.

— Окрутили, мать моя, окрутили! Я ужъ ей говорю потомъ: — дура ты! ну, куда ты теперь...

— Дѣтей изъ Надеждинскаго родильнаго привезли, — сказалъ кто-то около меня.

Въ сосѣдную комнату, „пріемъ“, прошли заутанная женщины. Двери „пріема“ были стеклянныя — все видно насквозь. Я стала ближе.

Я видѣла, какъ маленькихъ клали на вѣсы, дѣла у стола записывала что-то; бумажку уносили вмѣстѣ съ ребенкомъ.

— Батюшки, никакъ двойни! — вскрикнула за мной одна женщина.

Гляжу — лежатъ на вѣсахъ два, маленькіе, голенькіе, совсѣмъ одинакіе. Такихъ ихъ вмѣстѣ и унесли.

Наконецъ пробило два. Кругомъ все захопошилось, верхнюю одежду стали снимать. Экономка спѣшила пробиться впередъ и толковала барынѣ въ высокой шляпѣ, что богатая чаще бѣдныхъ сюда дѣтей подвидываютъ отъ зазору, либо отъ лѣни, и что имъ на томъ свѣтѣ „отольются дѣтскія слезки“, а сама на барыню смотрѣла, точно про нее говорила. Барыня стыдилась, хотѣла уйти, но экономка не отставала.

Мы поднялись по шировой лѣстницѣ въ палаты. Чисто такъ, свѣтло; по стѣнамъ мамкины кровати стоятъ, а между ними люльки съ зелеными навѣсками; по три, по четыре люльки, у каковой мамки сколько дѣтей. Два стола, направо и налево, гдѣ маленькихъ пеленаютъ, „парадные“ столы называются. На кроватяхъ нельзя пеленать — онѣ такія высокія, горбатыя, точно гробы, тканевымъ одѣяломъ сверху закрыты. Мамки ходятъ простоволосыя, темные сарафаны ситцевые, старенькіе, видно. Въ люлькахъ подушки соломенные. Я думала, что вотъ и я въ такой люлькѣ спала, и я здѣсь провела свои первые дни.

Показала я билетъ: „вашъ, — говорятъ, — живъ, здоровенькій, въ шестой палатѣ“. Я перекрестилась: слава Богу! и пошла. Иду, ищу, сразу-то не найду. Въ одной палатѣ подошла къ парадному столу: не здѣсь ли? „Это четвертая палата“, говорятъ. Хотѣла ужъ

дальше идти — смотрю, одна мамка кладетъ на столъ ребенка: желтый такой и словно опухшій.

— Что это? Отчего такой желтенькій?

— Да помираетъ, — говоритъ мнѣ мамка. — Ужъ онъ давно мается. Ну, Христось съ нимъ.

Взяла тряпочку, подъ подбородокъ ему положила, чтобы слюни на пеленку не попали. Онъ такъ легко умеръ, скоро. Вдохнулъ раза три глубоко, глазки закрылъ, потомъ тихо-тихо открылъ — и кончился.

Колинъ номеръ былъ 5311-й. Я какъ вошла въ шестую палату, сейчасъ увидала — на дощечкѣ написано: Николай Александровъ. Онъ у мамки на рукахъ спалъ. Я взяла его, на свамейку съла: онъ самый, онъ, вотъ и волоски его бѣленькіе, и на ушкѣ родинка.

Бѣдный ты мой, бѣдный! каково-то тебѣ здѣсь живется?

Мамка рассказывала, что онъ смиренный, не плачетъ.

— Не то что вотъ дѣвочка у меня, такая врибунья; ну, да она больная, голова ростеть, а тулово не ростеть, худѣеть.

Дѣвочка заплакала.

— Ишь ты, обидѣлась! — сказала мамка. — Полно ужъ, ничего, поправишься.

Я мамкѣ отдала гостинцы, 20 к. денегъ; и дѣвущкѣ дала полтинникъ, чтобы мнѣ выбрали мамку получше, когда его въ деревню отправлять. Передъ самой отправкой фельдшерикъ пришлось послѣдніе три рубля отдать.

Наканунѣ, какъ ему ѣхать, я пришла въ Воспитательный; ему ужъ на шейку пломбу надѣли: круглая такая, бѣлая восточка, гдѣ его годъ и номеръ вырѣзаны. Шнурокъ-то короткій шейку рѣжетъ, узелъ печатью свинцовой припечатанъ, не развязывается.

Сидѣла я, на рукахъ его качала: не мой ты ужъ больше, ты теперь подъ казеннымъ номеромъ. И знать меня не будешь, когда навѣститъ я приѣду. Прощай, дѣточка моя, запечатанная! Ахъ, я — злосчастливая!..

Х.

Я считала дни, недѣли; думала, вотъ онъ теперь ужъ смѣется; имя свое знаетъ. Мнѣ изъ деревни писали, что онъ здоровъ, ростеть.

Къ генералу моему пасынки приѣхали, молодые люди, веселые такіе, надъ старикомъ все потѣшались. А онъ фотографіей занимался да манную кашу къ обѣду заказывалъ, чтобы подешевле.

Только стала я замѣчать — ужь очень онъ во мнѣ ласковъ: и то, и сѣ, и книжки даетъ, и гулять посылаетъ, покупаетъ апельсины.

Ну—я ничего.

Какъ-то, поздно вечеромъ, входитъ во мнѣ генераль и вдругъ начинаетъ разныя глупости говорить, подарки мнѣ общаетъ, жалованья пятнадцать рублей...

Я страхъ какъ разсердилась, кричу ему:

— Извольте выйти вонъ! Я къ вамъ въ прислуги нанималась, а не что-нибудь! Ничего мнѣ отъ васъ не нужно. Ужь вы думаете, что если разъ человекъ проступился, то онъ никакого благородства не можетъ понимать! Пожалуйте въ комнаты, а я Сашѣ и Ванѣ все расскажу.

Онъ испугался, что пасынки узнаютъ.

— Ничего, говорить, ничего... Я такъ... Я уйду...

Все-таки съ того раза началъ онъ во мнѣ очень приставать. Я ужь и уйти думала, да безъ мѣста оставаться—Кольку жаль, нечего ему въ деревню послать.

Говорила я Дашѣ о моемъ горѣ. А тутъ какъ разъ ея господа изъ Москвы пріѣхали, другую квартиру искали.

— Вотъ, поступай на мое мѣсто, — говоритъ Даша. — Меня, все равно, мужъ домой въ деревню посылаетъ. Я тебя порекомендую.

Съ барыней мы скоро уговорились. Молодая такая барыня, точно дѣвочка; платьице коротенькое и коса свѣтлая за спиной. Баринъ вышелъ. Тоже молоденькій еще, маленькій, черноватый; только носъ и виденъ длинный. Курточка синяя надѣта. Посмотрѣлъ на меня—вижу, ничего, веселый баринъ.

Всего ихъ двое; служба, думаю, не тяжелая будетъ. Перебралась я на новое мѣсто.

У господъ мопса была, и зайца въ корзинкѣ они съ собой привезли. Потомъ этотъ заяцъ по черной лѣстницѣ убѣжалъ—такъ и пропалъ. А мопсу я полюбила, она со мной и спала. Господа часто въ гости уходили, мнѣ съ мопсой и веселѣе. Вставали поздно; напьются кофею—сейчасъ баринъ въ свою комнату, двери кругомъ запретъ и начнетъ наискось, отъ угла до угла, бѣгать, а самъ громко ворчитъ и руками размахиваетъ.

Нижніе жильцы стали жаловаться, безпокойно имъ; спрашиваютъ: боленъ у васъ баринъ? А онъ поворчитъ-поворчитъ, въ книжечкѣ маленькой немного попишетъ и влечетъ барыню: „Соня! Гдѣ ты? Поди сюда!“

Придетъ барыня, сядетъ—и сейчасъ же онъ ей что-то выпѣ-

вать начнетъ; мало понятно, гулъ одинъ. Кончить— и спрашиваетъ барыню:

— Ну, какъ, хорошо ли?

Та скажетъ: „хорошо“, а иной разъ: „нѣтъ, говорить, мнѣ это не нравится, вотъ тутъ-то и тутъ-то плохо“.

Баринъ сейчасъ книжечку объ полъ, самъ на диванъ ничкомъ, и кричить:

— Что же теперь?! Ну, что дѣлать? Нѣтъ, вижу, ничего я не могу, ничего!

Потомъ уладится какъ-нибудь, барыня въ гостиную уйдетъ, а онъ опять бѣгаетъ и ворчитъ про себя.

Узнала я, что баринъ нашъ—сочинитель. Нижнимъ жильцамъ толкую: онъ не боленъ, онъ сочинитель, ему нельзя, чтобы не ходить.

— А, сочинитель! Коли сочинитель, говорить, такъ ужъ что жъ дѣлать, ужъ пусть.

А одинъ студентъ внизу былъ, сердитый такой, кричить:

— Мнѣ наплевать, что сочинитель! Онъ мнѣ заниматься мѣшаетъ! Сочинитель! Вѣрно и не сочинилъ еще ничего!

— Вотъ и неправда,—говорю ему, — цѣлую книжку сочинилъ, все стихами; у нихъ на столѣ и лежить.

Помню, я комнаты убирала, въ баринову книжку заглянула, страницы двѣ прочла—нѣтъ, непонятно! Я многихъ сочинителей стихотворенія читала—очень хорошо! И понятно. Только и нашъ баринъ не изъ плохихъ былъ: онъ каждый понедѣльникъ въ собранія ходилъ какія то, а въ томъ домѣ у меня лакей знаемый; такъ говорилъ, что тамъ всѣ самые умные сочинители бывають, и нашъ баринъ тоже умный, говорить съ ними хорошо.

Барыня никогда не сердилась, развѣ мопса потеряется; барыня мопсу какъ дочь любила. Ну, баринъ, правда сердился, только больше когда ему посыльный свертки приносилъ. „Опять не приняли,—кричить,—безобразіе! Какое непониманіе!“ Тогда ужъ и не подступайся—все не по немъ, все неладно.

А такъ—они веселые были, бѣгаютъ по комнатамъ, ловятъ другъ друга, смѣются — точно дѣти.

XI.

Прошло полгода. Я все думала, какъ бы мнѣ сынишку выростить, онъ одинъ у меня на радость остался. Изъ деревни писали преждее — здоровъ, ростеть. И захотѣлось мнѣ его на-

вѣстить. Ноябрь былъ, осенняя погода; но, думаю, ничего, не бѣда. Я барыня сказала.

— Ну, чтожь, — говорить, — поѣзжайте, только нельзя ли намъ на эти дни кого-нибудь вмѣсто васъ.

У меня знакомая была, Сапа, жила недалеко. Сбѣгала я къ ней — общалась придти двѣнадцатаго числа. А пока я Коль сталъ обновки готовить: рубашоноеъ ему теплыхъ бумазейныхъ нашила, связала чулочки пуховые, чепчики изъ лоскутковъ разноцвѣтныхъ смастерила.

Двѣнадцатаго утромъ всего накупила: чаю, сахару, хлѣба полублѣгаго, ситцу мамеѣ. Совсѣмъ собралась, а Сапа не пришла. Нельзя ѣхать. Ахъ, ты, Господи, думаю, вотъ несчастье! Досадно мнѣ стало. Пошла къ Сапѣ. А она была совсѣмъ глупая.

— Что же ты? — спрашиваю.

— А нешто нынче двѣнадцатое? Я не знала. Ну, ладно, къ вечеру приду; завтра поѣдешь.

На другое утро я поѣхала. День былъ сѣрый, пасмурный, въ десятомъ часу едва разсвѣло. Съ неба падалъ не то снѣгъ, не то дождь. Мнѣ грустно и страшно было: можетъ, не писали, а онъ боленъ. И я думала, что всякое горе лучше, чѣмъ такъ мучиться, не знать.

На станцію мы пріехали только въ половинѣ третьяго. Вышла я изъ вагона, наняла извозчика: — вези, говорю, голубчикъ, поскорѣе, ужъ темнѣетъ. Минули мы большое село, вотъ лѣсъ, а за лѣсомъ и Пѣжевицы видны. У меня сердце упало, сижу какъ мертвая, ничего-ничего не думаю.

Наконецъ вѣехали въ деревню.

— Вотъ и Пѣжевицы, барышня, — сказалъ мужикъ. — Который домъ-то?

— Павла Петрова... я не знаю... гдѣ?

— А вотъ онъ, съ того конца третій домъ, новый.

Мы подѣхали къ воротамъ. Я сняла съ телѣги сундучокъ съ подарками, на землю оволо поставила. Изъ окна выглянули три бѣлые дѣтскія головки.

Отчего не выходитъ хозяинъ или хозяйка? думаю себѣ. Я не знаю, куда идти, пусть покажутъ! Надо же встрѣтить меня; зачѣмъ нейдутъ?

Дверь заскрипѣла.

Мужчина лѣтъ тридцати стоялъ на ступенькахъ крыльца. Онъ слегка приподнял фуражку, молчалъ и смотрѣлъ на меня.

Я взялась одной рукой за край телѣжки.

— Что, Колька живъ?

— Нѣтъ... померъ, — сказалъ мужчина.

— Какъ померъ? Когда померъ?

— Да вчера вечеромъ.

Я смотрѣла на него. Я не вѣрила.

— Зачѣмъ вы лжете мнѣ, пугаете меня? Оставьте, я и такъ чуть жива.

— Нѣтъ, вправду померъ. Вотъ повезли въ лазаретъ на освидѣтельствованіе; скоро теперъ назадъ привезутъ.

Тогда я повѣрила. Тихонько вошла въ избу, стала передъ образами, земно поклонилась. Не плачу и не хочу плакать. Должно быть, я недостойна была его увидѣть. Еслибы наканунѣ поѣхала, какъ собиралась, еще застала бы. Не допустилъ меня Господь.

— Когда онъ заболѣлъ-то? — спрашиваю. — Отчего вы мнѣ не писали?

— Онъ только вчера и заболѣлъ, и сейчасъ же померъ. А васъ мы все поджидали. Чтò, думаемъ, мать не ѣдетъ на сына любоваться, какой онъ большой сталъ да веселый.

Я сѣла на лавку, къ окну, молчала; ребятишки тоже молча ютились въ углу. Тихо было въ избѣ; только тараканы шуршали за образами. Не знаю, сколько времени прошло. Одинъ изъ мальчиковъ робко всталъ, вышелъ. Стемнѣло. Въ окно едва чернѣла дорога, по деревнѣ засвѣтились огни. Мальчикъ скоро вернулся.

— Кажись, мать ѣдетъ съ Колькой изъ лазарету, — сказалъ онъ негромко.

Я пошла на крыльцо. Мамка подѣхала, слѣзла; смотрю, беретъ Колю изъ телѣжки — въ одѣяло съ головой завернуть, холодный, твердый...

И вдругъ я горько заплакала. Обхватила руками столбикъ крылечный, головой къ нему припала, плачу, утѣшиться не хочу.

Мамка тоже заплакала.

Вошли мы въ избу, мамка Колю на кровать положила — большая, двуспальная у нихъ въ углу стояла. Я открыла его, плачу, цѣлую; лежитъ бѣдненькій, губки слиплись, и глаза ему не закрыли.

Всю ночь я не спала. Въ два часа гляжу — встаетъ хозяинъ: „надо, говорить, Колѣ домикъ строить“. У него доски съ вечера были приготовлены; ну, онъ умылся, помолился, стругать начать; ребятишки тоже повставали, помогаютъ ему. Хозяйка огонь развела, блины стала печь.

Къ тремъ часамъ гробикъ былъ готовъ. Мамка мнѣ три вѣнчика принесла; я листья ощипала, въ гробъ ихъ положила, чтобы

Колькѣ мягче было лежать, а сверху накрыла полотенцемъ. Мальчикъ мой хорошенькій лежалъ; я его и мертваго любила; кабы можно было, такъ и хоронить не стала бы.

Утромъ хозяинъ къ священнику пошелъ; нельзя ли, спрашиваетъ, сегодня младенца схоронить?

Священникъ сразу отказался.

— Я не могу, я на праздниѣ ѣду, въ село, вотъ тутъ, недалеко; у меня девять покойниковъ—всѣхъ просили, чтобы сегодня схоронить, я и то отказался.

— Такъ, батюшка, такъ; да родная мать пріѣхала, нынче вечеромъ обратно должна; ужъ нельзя ли какъ-нибудь?

Услыхалъ поцъ, что родная мать—согласился.

— Въ три часа, къ вечеру, приходите, я буду дома, а теперь вотъ и лошадь мнѣ подана, въ Роготино ѣхать.

Въ три часа пріѣхала я къ нему и гробикъ привезла. Онъ дѣйствительно уже дома былъ, попросилъ меня къ себѣ.

Только-что я открыла дверь—онъ изъ комнатъ выходитъ, высоко руку держитъ, благословилъ меня. Спросилъ, какъ мое имя.

Я сказала.

— Ну вотъ, Прасковья Александровна, вы просили, чтобы вашего младенца непремѣнно сегодня похоронить...

— Да, говорю, я на мѣстѣ, дольше остаться не могу...

— Такъ пожалуйста въ церковь; я ужъ послалъ за сторожемъ; сейчасъ и самъ туда буду.

Я взяла гробикъ на руки, понесла къ церкви—заперта церковь. Стою я, къ зеленой желѣзной двери головой прислонилась; темнѣть начинало; вѣтеръ шевелилъ платкомъ байковымъ, что гробикъ я закрыла; долго мы съ Колей ждали; наконецъ, вижу, идетъ священникъ, а навстрѣчу ему и сторожъ, папироска въ зубахъ. Ну, батюшка сейчасъ на него закричалъ, какъ онъ къ нему съ папироской являться смѣетъ; тотъ ему въ отвѣтъ, что я, молъ, не меньше вашего понимаю и все такое. Ссорятся. Священникъ рясу подобралъ высоко, идутъ оба къ намъ. Наконецъ, и у самой церкви, а все не унимаются. Сторожъ ключомъ въ замокъ не попадетъ, а батюшка мнѣ его бранить:

— Какъ, пьянъ!

Въ церкви пахло сыростью, было еще холоднѣе, чѣмъ на улицѣ. Я поставила гробикъ на маленькую скамеечку по серединѣ, передъ алтаремъ, сняла крышку, въ головахъ прилѣпила свѣчку тонкую восковую.

Прошло немного времени, вышелъ священникъ изъ алтаря и прямо къ сторожу:

— Гдѣ псалтырь?

— А я-то почему знаю?

— Опять твоихъ рукъ дѣло...

Голоса ихъ громко раздавались по церкви; я ждала; сторожъ не унимался. Тогда я подошла къ нему:—Вотъ тебѣ двугривенный, —говору, —замолчи ты!

Ну, онъ утихъ немного.

Наступали сумерки. Въ церкви темнѣло; только свѣчка освѣщала гробикъ; мой мальчикъ лежалъ такой блѣдный и маленький посреди церкви. Сторожъ лампадку зажегъ передъ образомъ Божіей Матери; кое-гдѣ засіяли серебряныя ризы на иконахъ; ликъ Богородицы свѣтился, а наверху, подъ черными сводами, сдѣлалось еще темнѣе.

Священникъ началъ читать.

Я на колѣни стала. Помню, сначала мнѣ было очень—такъ горько и обидно, что сторожъ грубилъ, и такъ нехорошо было на душѣ, что я и плавать не могла.

Священникъ читалъ громко и внятно; я любила св. Писаніе, у меня свой былъ псалтырь, и я даже иныя мѣста на память знала. Понемногу я начала вслушиваться въ святые слова.

Я подняла глаза и увидѣла ликъ Божіей Матери, освѣщенный лампадкой; онъ одинъ въ темной, большой церкви казался такимъ добрымъ и свѣтымъ. Я смотрѣла на Святого Младенца на рукахъ у Матери: онъ былъ живой, щечки розовыя, веселый... А мой лежалъ съ закрытыми глазами, холодный, желтый...

Я молилась, чтобы Божія Матерь облегчила мое горе; мнѣ казалось, что она смотритъ на меня ласково, жалѣетъ меня.

И вдругъ я подумала: вѣдь и мой мальчикъ можетъ быть теперь счастливый и живой у Бога. Стало мнѣ легче; я забыла и сторожа пьянаго, и темную могилу, куда сейчасъ положить Кюлю, и мою обиду—все забыла; я припала лицомъ къ холодному полу; слезы полились у меня, отрадныя и тихія.

А священникъ читалъ:

...„Богъ же не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ. Ибо у Бога всѣ живы“...

И я старалась вѣрить этимъ словамъ...

3. Гиппиусъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА

I.

ПЕРВЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Хотѣлось бы мнѣ знать: можетъ ли кто-нибудь опредѣлить точно тотъ моментъ своего существованія, когда въ первый разъ возникло въ немъ отчетливое представленіе о своемъ собственномъ я,—первый проблескъ сознательной жизни? Я этого никакъ не могу. Когда я начинаю перебирать и классифицировать мои первыя воспоминанія, со мной всякій разъ повторяется то же самое: эти воспоминанія постоянно какъ бы раздвигаются передо мною. Вотъ, кажется, нашла я то первое впечатлѣніе, которое оставило по себѣ отчетливый слѣдъ въ моей памяти; но стоитъ мнѣ остановиться на немъ мои мысли въ теченіе нѣкотораго времени, какъ изъ-за него тотчасъ начинаютъ выглядывать и вырисовываться другія впечатлѣнія—еще болѣе ранняго періода. И главная бѣда въ томъ, что я никакъ не могу опредѣлить сама, какія изъ этихъ впечатлѣній я *дѣйствительно* помню, т.-е. дѣйствительно пережила ихъ, и о какихъ изъ нихъ я только слышала позднѣе въ дѣтствѣ и вообразила себѣ, что помню ихъ, тогда какъ въ дѣйствительности помню только рассказы о нихъ. Чтѣ еще хуже,—мнѣ никогда не удается вызвать ни одно изъ этихъ первоначальныхъ воспоминаній во всей его чистотѣ, не прибавивъ къ нему невольно чего-либо посторонняго во время самаго процесса воспоминанія.

Какъ бы то ни было, вотъ та картина, которая одна изъ первыхъ рисуется передо мною всякій разъ, когда я начинаю вспоминать самые ранніе годы моей жизни.

Гулъ колоколовъ. Запахъ кадила. Толпа народа выходитъ изъ церкви. Няня сводитъ меня за руку съ паперти, бережно охраняя меня отъ толчковъ. „Не ушибите ребеночка!“ — умоляетъ она поминутно тѣснящихся вокругъ насъ людей.

При выходѣ изъ церкви, къ намъ подходитъ знакомый няни въ длинномъ подрясникѣ (должно быть, дьяконъ или дьячокъ) и подаетъ ей просфору: „кушайте на здоровье, сударыня“, говорить онъ ей.

— А ну-ка, скажите, какъ васъ зовутъ, моя умница? — обращается онъ ко мнѣ.

Я молчу и только гляжу на него во всѣ глаза.

— Стыдно, барышня, не знать своего имени! — трунить надо мной дьячокъ.

— Скажи, маточка: — меня-моль зовутъ Сонечка, а мой папаша генералъ Крюковской! — поучаетъ меня няня.

Я стараюсь повторить, но выходитъ, должно быть, несладно, такъ какъ и няня, и ея знакомый, смѣются.

Знакомый няни провожаетъ насъ до дому. Я всю дорогу припрыгиваю и повторяю слова няни, коверкая ихъ по своему. Очевидно, этотъ фактъ для меня еще новъ, и я стараюсь запечатлѣть его въ моей памяти.

Подходя къ нашему дому, дьячокъ указываетъ мнѣ на ворота.

— Видите ли, маленькая барышня, на воротахъ виситъ крюкъ — говорить онъ: — когда вы забудете, какъ зовутъ вашего папеньку, вы только подумайте: „виситъ крюкъ на воротахъ Крюковского — сейчасъ и вспомните“.

И вотъ, какъ ни совѣстно мнѣ въ этомъ признаться, этотъ плохой, дьячковскій каламбуръ врѣзался въ моей памяти и составилъ эру въ моемъ существованіи; съ него веду я мое лѣтосчисленіе, первое возникновеніе во мнѣ отчетливаго представленія, это я такая, какое мое положеніе въ свѣтѣ.

Соображая теперь, я думаю, что мнѣ было тогда года два-три, и что происходила эта сцена въ Москвѣ, гдѣ я родилась. Отецъ мой служилъ въ артиллеріи, и намъ часто приходилось переѣзжать изъ города въ городъ, слѣдуя за нимъ по дѣламъ его службы.

За эту первую, отчетливо сохранившуюся въ моемъ воспоминаніи, сценой, слѣдуетъ опять длинный пробѣлъ, на сѣромъ, туманномъ фонѣ котораго выдѣляются только, въ видѣ разсѣянныхъ, свѣтлыхъ пятнышекъ, разныя мелкія дорожныя сценки: — собираніе камешковъ на шоссе, ночлеги на станціяхъ, кукла моей сестры, выброшенная мною изъ окна кареты — рядъ разбросанныхъ, но довольно яреихъ картинъ.

Сколько-нибудь связныя воспоминанія начинаются у меня лишь съ того времени, когда мнѣ было лѣтъ пять, и когда мы жили въ Калугѣ. Насъ было тогда трое дѣтей: сестра моя Анюта была лѣтъ на шесть меня старше, а братъ Одея года на три моложе.

Дѣтская наша такъ и рисуется передъ моими глазами. Большая, но низкая комната. Стоитъ нянѣ стать на стулъ, и она свободно достаетъ рукою до потолка. Мы всѣ трое спимъ въ дѣтской; были толки о томъ, чтобы перевести Анюту спать въ комнату ея гувернантки, французенки, но она не захотѣла и предпочла остаться съ нами.

Наши дѣтскія кровати, огороженныя рѣшетками, стоятъ рядомъ, такъ что по утрамъ мы можемъ перелѣзать другъ въ другу, не спуская ногъ на полъ. Нѣсколько поодаль стоитъ большая нянина кровать, надъ которой висится цѣлая гора перинъ и пуховиковъ. Это—нянина гордость. Иногда днемъ, когда няня въ добромъ расположеніи духа, она позволяетъ намъ поваляться на своей постели. Мы взбираемся на нее при помощи стула, но лишь только мы взберемся на самый верхъ, гора эта тотчасъ подъ нами проваливается, и мы погружаемся въ мягкое море пуха. Это насъ очень забавляетъ.

Стѣитъ мнѣ подумать о нашей дѣтской, какъ тотчасъ же, по неизбежной ассоціаціи идей, мнѣ начинаетъ чудиться особенный запахъ—смѣсь ладана, деревяннаго масла, майскаго бальзама и чада отъ сальной свѣчи. Давно уже не приходилось мнѣ слышать нигдѣ этого своеобразнаго запаха; да я думаю, не только за границей, но и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, его теперь рѣдко гдѣ услышишь; но года два тому назадъ, посѣтивъ однихъ моихъ деревенскихъ знакомыхъ, я зашла въ ихъ дѣтскую, и на меня тотчасъ пахнулъ этотъ знакомый мнѣ запахъ и вызвалъ цѣлую вереницу давно забытыхъ воспоминаній и ощущеній.

Гувернантка, французенка, не можетъ войти въ нашу дѣтскую безъ того, чтобы не поднести брезгливо платка къ носу.

— Да отворяйте вы, няня, форточку!—умоляетъ она няню на ломаномъ русскомъ языкѣ.

Няня принимаетъ это замѣчаніе за личную обиду.

— Вотъ чтѣ еще выдумала, басурманка! Стану я отворять форточку, чтобы господскихъ дѣтей перепростудить!—бормочетъ она по ея уходѣ.

Стычки няни съ гувернанткой повторяются тоже аккуратно, каждое утро.

Солнышко уже давно заглядываетъ въ нашу дѣтскую. Мы,

дѣти, одинъ за другимъ, начинаемъ открывать глазки, но мы не торопимся вставать и одѣваться. Между моментомъ просыпанія и моментомъ приступленія къ нашему туалету лежитъ еще длинный промежутокъ возни, виданія другъ въ дружку подушками, хватанія другъ дружку за голыя ноги, лепетаніе всякаго вздора.

Въ комнатѣ распространяется аппетитный запахъ кофе; няня, сама еще полу-одѣтая, смѣнивъ только ночной чепецъ на шолововую косынку, неизбѣжно прикрывающую ей волосы въ теченіе дня, вноситъ подносъ съ большимъ мѣднымъ кофейникомъ и еще въ постелькѣ, неумытыхъ и нечесанныхъ, начинаетъ угощать насъ кофе со сливками и съ сдобными булочками.

Отгушавъ, случается иногда, что мы, утомленные предварительной возней, опять засыпаемъ.

Но вотъ дверь дѣтской отворяется съ шумомъ, и на порогѣ показывается разсерженная гувернантка.

— Comment! vous êtes encore au lit, Annette! Il est onze heures. Vous êtes de nouveau en retard pour votre leçon! ¹⁾— восклицаетъ она гнѣвно.

— Такъ не можно долго спать! Я будетъ жаловаться генералу!—обращается она къ нянѣ.

— Ну, и ступай, жалуйся, змѣя!—бормочетъ ей вслѣдъ няня и, по ея уходѣ, долго не можетъ успокоиться и все продолжаетъ ворчать:

— Ужъ господскому дитяти и поспать-то вдоволь нельзя! Опоздала къ твоему уроку! Вотъ велика бѣда! Ну, и подождешь—не важная фря!

Однако, несмотря на ворчанье, няня все же считаетъ теперь нужнымъ приняться серьезно за нашъ туалетъ, и, надо сознаться, если приготовленія къ нему тянулись долго, зато самъ туалетъ справляется очень быстро. Вытереть намъ няня лицо и руки мокрымъ полотенцемъ, проведетъ раза два гребешкомъ по нашей растрепанной гривѣ, надѣнетъ на насъ платице, въ которомъ нерѣдко не хватаетъ нѣсколькихъ пуговицъ—вотъ мы и готовы!

Сестра отправляется на урокъ къ гувернанткѣ, мы же съ братомъ остаемся въ дѣтской. Не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, няня подмететъ полъ щеткой, подыавъ цѣлое облако пыли; прикроетъ наши дѣтскія кровати одѣяльцами, встряхнетъ свои собственные пуховики,—и затѣмъ дѣтская считается прибранною на весь день. Мы съ братомъ сидимъ на клеенчатомъ диванѣ,* съ

¹⁾ „Какъ! вы еще въ постели, Анита! Уже одиннадцать часовъ! Вы снова опоздали къ уроку!“

котораго мѣстами содрана клеенка и большими пучками выгѣзаетъ конскій волосъ, и играемъ нашими игрушками. Гулять насъ водятъ рѣдко, только въ случаѣ исключительно хорошей погоды, да еще въ большіе праздники, когда няня отправляется съ нами въ церковь.

Кончивъ урокъ, сестра тотчасъ опять прибѣгаетъ къ намъ. Съ гувернанткой ей скучно, а у насъ веселѣе, тѣмъ болѣе, что къ нашей нянѣ часто приходятъ гости, другія няни или горничныя, которыхъ она угощаетъ кофеемъ, и отъ которыхъ можно услышать много интереснаго.

Иногда заглянетъ къ намъ въ дѣтскую мама. Когда я вспоминаю мою мать въ этотъ первый періодъ моего дѣтства, она всегда представляется мнѣ совсѣмъ молоденькой, очень красивой женщиной. Я вижу ее всегда веселой и нарядной. Чаще всего вспоминается она мнѣ въ бальномъ платьѣ, девольтѣ, съ голыми руками, со множествомъ браслетовъ и колець. Она собирается куда-нибудь въ гости, на вечеръ, и зашла проститься съ нами.

Лишь только она покажется, бывало, въ дверяхъ дѣтской, Анюта тотчасъ подбѣжитъ къ ней, начнетъ цѣловать ей руки и шею и разсматривать и перебирать всѣ ея золотыя бездѣлушки.

— Вотъ и я буду такая красавица, какъ мама, когда вырасту! — говоритъ она, нацѣпляя на себя мамины украшения и становясь на цыпочки, чтобы увидѣть себя въ маленькомъ зеркальцѣ, висащемъ на стѣнѣ. Это очень забавляетъ маму.

Иногда и я испытываю желаніе приласкаться къ мамѣ, взобраться къ ней на колѣни; но эти попытки какъ-то всегда оканчиваются тѣмъ, что я, по неловкости, то сдѣлаю мамѣ больно, то разорву ей платье, и потомъ убѣгу со стыдомъ и спрячусь въ уголь. Поэтому у меня стала развиваться какая-то дикость по отношенію къ мамѣ, и дикость эта еще увеличивалась тѣмъ, что мнѣ часто случалось слышать отъ няни, будто Анюта и Федя — мамины любимчики, а же — нелюбимая.

Не знаю, была ли это правда, или нѣтъ, но няня часто повторала это, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Можетъ быть, это ей только такъ казалось, именно потому, что она сама любила меня гораздо больше другихъ дѣтей. Хотя она одинаково вырастила насъ всѣхъ троихъ, но меня, почему-то, считала, по преимуществу, своей питомицей, и потому обижалась за меня за всякую, оказываемую мнѣ, по ея мнѣнію, обиду.

Анюта, какъ значительно старшая, пользовалась, разумѣется, большими преимуществами противъ насъ. Она росла вольнымъ казакомъ, не признавая надъ собой никакого начала. Ей былъ

отерять свободный доступъ въ гостиную, и она съ малолѣтства заслужила себѣ репутацію прелестнаго ребенка и привыкла занимать гостей своими остроумными, подчасъ очень дерзкими, выходками и замѣчаніями. Мы же съ братомъ показывались въ парадныхъ комнатахъ только въ экстренныхъ случаяхъ; обыкновенно мы и завтракали, и обѣдали въ дѣтской.

Иногда, когда у насъ бывали гости въ обѣду, въ дѣтскую вбѣжать во времени десерта мамина горничная, Настасья.

— Нянюшка, одѣньте поскорѣй Ѳеденькѣ его голубую шолоховую рубашечку и ведите его въ столовую! барыня хотятъ его гостямъ показать!—говоритъ она.

— А Сонечку во что приказано одѣть? — спрашиваетъ няня сердитымъ голосомъ, такъ какъ уже предвидитъ, какой будетъ отвѣтъ.

— Сонечку не надо. Она и въ дѣтской посидитъ! Она у насъ домосѣдка!—съ хохотомъ отвѣчаетъ горничная, зная, какъ этотъ отвѣтъ разсердитъ нянюшку.

И дѣйствительно, няня усматриваетъ въ этомъ желаніи показать гостямъ одного Ѳеденьку жестокую обиду мнѣ, и долго потомъ ходитъ сердитая, бормочетъ что-то подъ носъ, глядитъ на меня соблѣзнующимъ взоромъ и, проводя рукой по моей головѣ, приговариваетъ: „Бѣдная ты моя, асынька!“

Вотъ вечеръ. Няня уже уложила меня и брата въ кровать, но сама еще не сняла съ головы своей неизмѣнной шолоховой косынки, снятіе которой обозначаетъ у нея переходъ отъ бдѣнія къ покою. Она сидитъ на диванѣ, передъ круглымъ столомъ, и въ обществѣ Настасьи распиваетъ чай.

Въ дѣтской полутемно. Изъ мрака выступаетъ только желтымъ пятномъ грязноватое пламя сальной свѣчи, съ которой няня подолгу забываетъ снять, а въ противоположномъ углу комнаты голубенькій, трепещущій огонекъ лампы вырисовываетъ на потолкѣ причудливые узоры и ярко озаряетъ благословляющую руку Спасителя, рельефно выступающую изъ посеребренной ризы.

Совсѣмъ почти рядомъ со мной я слышу ровное дыханіе спящаго брата, а изъ угла, за лежанкой, доносится тяжелое, носовое посвистываніе приставленной къ намъ для услугъ дѣвочки, курносой Ѳеклуши, няниной *souffre-douleur*. Она спитъ тутъ же въ дѣтской на полу, на кускѣ сѣраго войлока, который она разстилаетъ по вечерамъ, а на день прятчетъ въ чуланчикъ.

Няня и Настасья разговариваютъ въ полголоса и, воображая себя, что мы вѣрѣе спимъ, не стѣсняясь, перебираютъ всѣ домашнія событія. А я между тѣмъ не сплю, а, напротивъ того, внимательно прислушиваюсь къ тому, что онѣ говорятъ. Многого я, разумѣется, не понимаю; многое мнѣ неинтересно; случается, я засну по срединѣ какого-нибудь разказа, не дослушавъ конца. Но тѣ отрывки ихъ разговора, которые доходятъ до моего созванія, складываются въ немъ въ фантастическіе образы и оставляютъ по себѣ неизгладимый слѣдъ на всю жизнь.

— Ну, какъ же мнѣ не любить ее, мою голубушку, больше другихъ дѣтей;—слышу я, говоритъ няня, и я понимаю, что рѣчь идетъ обо мнѣ.—Вѣдь я ее, почитай, одна совсѣмъ вынянчила. Другимъ до нея и дѣла не было. Когда Анюточка-то у насъ родилась, на нее и папенька, и маменька, и дѣдушка, и тетюшки наглядѣться не могли, потому что она первенькая была. Я ее, бывало, и понянчить-то какъ слѣдуетъ не успѣю: поминутно то тотъ, то другой ее у меня возьметъ! Ну, а съ Сонечкой другое было дѣло.

На этомъ мѣстѣ разказа, повторяемаго очень часто, няня всегда таинственно понижаетъ голосъ, что заставляетъ меня, разумѣется, еще больше наострить уши.

— Не во-время она родилась, моя голубушка, вотъ что!—говоритъ няня полушопотомъ.—Баринъ-то нашъ, почитай, что ваканунѣ самаго ея рожденія въ англійскомъ клубѣ проигрался, да такъ, что все спустили—барынины брильянты пришлось закладывать! Ну, до того ли тутъ было, чтобы радоваться, что Богъ дочку послалъ! Да къ тому же и барину, и барынѣ непремѣнно сынка хотѣлось. Барыня, бывало, все говоритъ мнѣ: „вотъ увидишь, няня, будетъ мальчикъ!“ Онѣ все и приготовили какъ слѣдуетъ мальчику, и крестить съ распятіемъ, и чепчикъ съ голубенькой ленточкой,—анъ нѣтъ, вотъ поди! родилась опять дѣвочка! Барыня такъ огорчилась, что и глядѣть на нее не хотѣли, только ужъ Феденька ихъ потомъ утѣшилъ.

Этотъ разказъ повторялся няней очень часто, и я всякій разъ слушала его съ тѣмъ же любопытствомъ, такъ что онъ прочно вѣзался въ моей памяти.

Благодаря подобнымъ разказамъ, во мнѣ рано развилось убѣжденіе, что я нелюбимая, и это отразилось на всемъ моемъ характерѣ. У меня все болѣе и болѣе стала развиваться дикость и сосредоточенность.

Приведутъ меня, бывало, въ гостиною—я стою, насупившись, хватившись обѣими руками за нянино платье. Отъ меня нельзя

добиться слова. Какъ ни уговариваетъ меня няня, я молчу упорно и только поглядываю на всѣхъ исподлобья, пугливо и злобно, какъ травленный звѣрекъ, пока мама не скажетъ, наконецъ, съ досадою: „Ну, няня, уведите вы вашу диварку назадъ въ дѣтскую! Съ ней только стыдъ одинъ передъ гостями. Она вѣрно свой язычокъ проглотила!“

Постороннихъ дѣтей я тоже дичилась, да и видѣла я ихъ рѣдко. Я помню, впрочемъ, что когда мы на прогулѣ съ няней встрѣчали иногда уличныхъ дѣвочекъ или мальчиковъ, играющихъ въ какую-нибудь шумную игру, я часто испытывала зависть и желаніе присоединиться къ нимъ. Но няня никогда не пускала меня. „Что ты, маточка! Какъ можно тебѣ, барышнѣ, играть съ простыми дѣтьми!“—говорила она такимъ уворизненнымъ и убѣжденнымъ голосомъ, что мнѣ—я какъ теперь помню—тотчасъ же самой становилось стыдно моего желанія. Вскорѣ у меня прошла даже и охота, и умѣнье играть съ другими дѣтьми. Я помню, что когда ко мнѣ приведутъ, бывало, въ гости какую-нибудь дѣвочку моихъ лѣтъ, я никогда не знаю, о чемъ съ ней говорить, а только стою и думаю: „да скоро ли она уйдетъ?“

Всего счастливѣе я бывала, когда оставалась наединѣ съ няней. По вечерамъ, когда Федю уже уложить спать, а Анюта убѣжитъ въ гостиную, къ большимъ, я садилась рядомъ съ няней на диванѣ, прижималась къ ней совсѣмъ близко, и она начинала рассказывать мнѣ сказки. Какой глубокой слѣдъ эти сказки оставили въ моемъ воображеніи—я сужу потому, что хотя теперь, на яву, я и помню изъ нихъ только отрывки, но во снѣ мнѣ и до сихъ поръ, нѣтъ-нѣтъ, да вдругъ и приснится то „черная смерть“, то „вольѣ-оборотень“, то 12-ти-головый змѣй, и сонъ этотъ всегда вызоветъ во мнѣ такой же безотчетный, духъ захватывающій, ужасъ, какой я испытывала въ пять лѣтъ, внимая нянинимъ сказкамъ.

Къ этому же времени моей жизни со мной стало происходить что-то странное: на меня по временамъ стало находить чувство безотчетной тоски—angoisse. Я это чувство живо помню. Обыкновенно оно находило на меня, если я во времени наступленія сумерекъ оставалась одна въ комнатѣ. Играю я себѣ, бывало, моими игрушками, ни о чемъ не думая. Вдругъ оглянусь и увижу за собой рѣзкую, черную полосу тѣни, выползающую изъ-подъ кровати или изъ-за угла. На меня найдеть такое ощущеніе, точно въ комнату незамѣтно забралось что-то постороннее, и отъ присутствія этого новаго, неизвѣстнаго у меня вдругъ такъ мучительно заноситъ сердце, что я стремглавъ бросаюсь въ

поиски за няней, близость которой обыкновенно имѣла способность успокаивать меня. Случалось, однако, что это мучительное чувство не проходило долго, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Я думаю, что многія нервныя дѣти испытываютъ нѣчто подобное. Въ такихъ случаяхъ говорятъ обыкновенно, что ребенокъ боится темноты, но это выраженіе совсѣмъ невѣрно. Во-первыхъ, испытываемое при этомъ чувство очень сложно и гораздо болѣе походить на тоску, чѣмъ на страхъ; во-вторыхъ, оно вызывается не собственно темнотою или какими-нибудь связанными съ ней представленіями, а именно ощущеніемъ надвигающейся темноты. Я помню тоже, что очень похожее чувство находило на меня въ дѣтствѣ и при совсѣмъ другихъ обстоятельствахъ, напр. если я, во время прогулки, вдругъ увижу передъ собой большой, недостроенный домъ, съ голыми, кирпичными стѣнами и съ пустотой вмѣсто оконъ. Я испытывала его также лѣтомъ, если ложилась спиной на землю и глядѣла вверхъ, на безоблачное небо.

У меня стали показываться и другіе признаки большой нервности, напр. до ужаса доходящее отвращеніе ко всякимъ физическимъ уродствамъ. Если при мнѣ расскажутъ о какомъ-нибудь цыпленкѣ съ двумя головами, или о теленкѣ съ тремя лапами, я содрогнусь всѣмъ тѣломъ и затѣмъ, на слѣдующую ночь, навѣрное увижу этого уroda во снѣ и разбужу няню пронзительнымъ крикомъ. Я и теперь помню человѣка съ тремя ногами, который преслѣдовалъ меня во снѣ въ теченіе всего моего дѣтства.

Даже видъ разбитой куклы внушалъ мнѣ страхъ; когда мнѣ случалось уронить мою куклу, няня должна была подымать ее и докладывать мнѣ, цѣла ли у нея голова; въ противномъ случаѣ она должна была уносить ее, не показывая мнѣ. Я помню и теперь, какъ однажды Анята, поймавъ меня одну безъ няни и желая подразнить меня, стала насильно совать мнѣ на глаза восковую куклу, у которой изъ головы болтался вышибленный чернѣйшій глазъ, и довела меня этимъ до конвульсій.

Вообще я была на пути къ тому, чтобы превратиться въ нервнаго, болѣзненнаго ребенка, но скоро, однако, все мое окружающее перемѣнилось, и всему предыдущему настала конецъ.

II.

Когда мнѣ было лѣтъ около шести, отецъ мой вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи, Палибино, въ витебской губерніи. Въ это время уже упорно ходили слухи о пред-

стоящей „эманципация“, и они-то и побудили моего отца серьезно заняться хозяйствомъ, которымъ до тѣхъ поръ завѣдывалъ управляющій.

Вскорѣ послѣ нашего переезда въ деревню произошелъ въ нашемъ домѣ одинъ случай, оставшійся у меня очень живо въ памяти. Впрочемъ и на всѣхъ въ домѣ этотъ случай произвелъ такое сильное впечатлѣнiе, что впослѣдствіи о немъ вспоминали очень часто, такъ что мои собственные впечатлѣнiя такъ перепутались съ позднѣйшими разсказами, что я не могу отличить одни отъ другихъ. Поэтому я разскажу этотъ случай такъ, какъ онъ теперь представляется мнѣ.

Изъ дѣтской нашей вдругъ стали пропадать разныя вещи; глядишь, то—то вдругъ исчезнетъ, то—другое. Стоитъ нянѣ забыть про какую-нибудь вещь въ теченіе нѣкотораго времени, когда она опять ее хватится, ее уже нигдѣ не оказывается, хотя няня готова побожиться, что сама, собственноручно, прибрала ее въ шкафъ или комодъ. Сначала эти пропажи принимались довольно хладнокровно, но когда онѣ стали повторяться все чаще и чаще и распространяться на предметы все болѣе и болѣе цѣнные, когда вдругъ пропали одни за другими: серебряная ложечка, золотой наперстокъ, перламутровый перочинный ножикъ—въ домѣ поднялась тревога. Сдѣлалось очевиднымъ, что у насъ завелся домашній воръ. Няня, считавшая себя отвѣтственной за цѣлость дѣтскихъ вещей, переполошилась больше всѣхъ другихъ и порѣшила во что бы то ни стало накрыть вора.

Подозрѣнiя естественнымъ образомъ должны были прежде всего пасть на бѣдную Оеклушу, приставленную въ намъ для услугъ дѣвочкѣ. Правда, что Оеклуша уже года три какъ была приставлена въ дѣтской, и за все это время няня ни въ чемъ подобномъ ее не замѣчала. Однако, по мнѣнiю няни, это еще ровно ничего не доказывало. „Прежде она мала была, не понимала цѣны вещей“,—разсуждала няня,—„теперь же выросла и умнѣе стала. Къ тому же у нея тутъ на деревнѣ семья живетъ—вотъ она ей и таскаетъ барское добро“.

На основаніи подобныхъ соображеній няня прониклась такимъ внутреннимъ убѣжденіемъ въ Оеклушиной виновности, что стала относиться къ ней все суровѣе и немилостивѣе, а у несчастной, запуганной Оеклуши, инстинктомъ чувствующей, что ее подозрѣваютъ, сталъ являться все болѣе и болѣе виноватый видъ.

Но какъ ни подсматривала няня за Оеклушей, однако долго ее ни въ чемъ уличить не могла. А между тѣмъ пропащія вещи не находились, а новыя все пропадали. Въ одинъ прекрасный

день исчезла вдругъ Анютина копилка, постоянно стоявшая въ няниномъ шкафу и заключающая въ себѣ рублей сорокъ, если не больше. Свѣденіе объ этой послѣдней пропажѣ дошло даже до моего отца; онъ потребовалъ нянюшку въ себѣ и строго приказалъ, чтобы воръ былъ найденъ непременно. Тутъ ужъ всѣ поняли, что дѣло не до шутокъ.

Няня была въ отчаяніи; но вотъ разъ ночью просыпается она и слышитъ: изъ угла, гдѣ спитъ Оеклуша, доносится какое-то странное чавканье. Уже настроенная на подозрѣнья, няня осторожно, безъ шума, протянула руку къ спичкамъ и вдругъ зажгла свѣчу. Что же она увидѣла?

Сидитъ Оеклуша на ворточкахъ, между колѣнъ держитъ большую банку съ вареньемъ и уписываетъ его за обѣ щеки, еще подлизывая банку корочкой хлѣба.

А надо сказать, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ экономка жаловалась, что и у нея изъ кладовой стало пропадать варенье.

Вскочить съ постели и схватить преступницу за косу было, разумѣется, для няни дѣломъ одной секунды.

— А! попалась, негодница! Говори, откуда у тебя варенье? — закричала она громовымъ голосомъ, немилосердно потрясая дѣвочку за волосы.

— Няня, голубушка! Я не виновата, право! — взмолилась Оеклуша. — Портниха, Марья Васильевна, вчера съ вечеромъ мнѣ эту банку подарили; наказали только, чтобы я вамъ не показывала.

Оправданіе это показалось нянѣ изъ рукъ вонъ неправдоподобнымъ.

— Ну, матушка, и врать-то ты, какъ видно, не мастерица, — сказала она презрительно: — ну, статочное ли дѣло, чтобъ Марья Васильевна тебя вареньемъ угощать вздумала?

— Няня, голубушка, не вру я! Ей, ей, это правда! Хоть сами у нея спросите. Я имъ вчера съ утюги нагрѣвала, онѣ мнѣ за это варенья и пожаловали. Приказали только: „не показывай нянюшкѣ, а то она забранится, что я тебя балую“, — продолжала утверждать Оеклуша.

— Ну, ладно, завтра поутру разберемъ! — рѣшила нянюшка и, въ ожиданіи утра, заперла Оеклушу въ темный чуланчикъ, откуда еще долго доносились ея всхлипыванья.

На слѣдующее утро было приступлено къ слѣдствію.

Марья Васильевна была портниха, уже много лѣтъ жившая въ нашемъ домѣ. Она была не крѣпостная, а вольная, и пользовалась большимъ почетомъ противъ остальной прислуги. У нея

была своя собственная комната, въ которой она и обѣдала съ господскаго стола. Она вообще держала себя очень гордо и ни съ кѣмъ изъ остальной прислуги не сближалась. Ее очень цѣнили у насъ въ домѣ за то, что она была такъ искусна въ своемъ мастерствѣ. „Просто, золотыя руки“, говорили о ней. Ей было, я думаю, лѣтъ уже подъ сорокъ; лицо у нея было худое, болѣзненное, съ большущими черными глазами. Она была некрасива, но, я помню, старшіе всегда замѣчали, что у нея видъ очень *distingué*, „совсѣмъ и не подумаешь, что она простая швейка!“ Одѣвалась она всегда чисто и аккуратно, и комнату свою тоже держала въ большомъ порядкѣ, даже съ нѣкоторой претензіей на элегантность. На окнѣ у нея всегда стояло нѣсколько горшковъ гераніума, стѣны были увѣшаны дешевенькими картинками, а на полкѣ, въ углу, были разставлены разныя фарфоровыя вещицы — лебедь съ позолоченнымъ клювомъ, туфля вся въ розовыхъ цвѣточкахъ, — которыми я въ дѣтствѣ очень восхищалась.

Для насъ, дѣтей, Марья Васильевна представляла особый интересъ, вслѣдствіе того, что о ней шель слѣдующій рассказъ: въ молодости она была красивой и здоровенной дѣвушкой, и состояла въ крѣпостныхъ у какой-то помѣщицы, у которой былъ взрослый сынъ офицеръ. Этотъ послѣдній пріѣхалъ разъ въ отпускъ и подарилъ Марьѣ Васильевнѣ нѣсколько серебряныхъ монетъ. На обѣду въ эту самую минуту въ дѣвичью вошла старая барыня и увидѣла въ рукахъ у Марьи Васильевны деньги. „Откуда онѣ у тебя?“ — спрашиваетъ; а Марья Васильевна такъ испугалась, что, вмѣсто отвѣта, взяла и проглотила эти деньги.

Съ ней тотчасъ сдѣлалось дурно; она вся почернѣла и упала, задыхаясь, на полъ. Ее едва удалось спасти, но она долго проболѣла, и съ тѣхъ поръ навсегда пропала ея красота и свѣжесть. Старая помѣщица скоро послѣ этой исторіи умерла, а отъ молодого барина Марья Васильевна получила вольную.

Насъ, дѣтей, этотъ рассказъ о проглоченныхъ деньгахъ страшно интересовалъ, и мы часто приставали къ Марьѣ Васильевнѣ, чтобы она рассказала намъ, какъ все это было.

Къ намъ, въ дѣтскую, Марья Васильевна заходила довольно часто, хотя и не жила съ няней въ большихъ ладахъ; мы, дѣти, тоже любили забѣгать въ ея комнату, особенно ко времени сумерекъ, когда ей, волей-неволей, приходилось отглядывать въ сторону свою работу. Тогда она садилась къ окну и, подперши голову рукой, заунывнымъ голосомъ начинала пѣть разные старинные, трогательные романсы: „Среди долины ровныя“, или „Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ“. Она пѣла ужасно заунывно,

но я въ дѣтствѣ очень любила ея пѣніе, хотя мнѣ всегда становилось отъ него грустно. Случалось иногда, ея пѣніе прерывалось припадкомъ страшнаго кашля, который мучилъ ее уже въ теченіе многихъ лѣтъ, и отъ котораго, казалось, должна бы надорваться ея плоская, сухая грудь.

Когда на слѣдующее утро, послѣ описаннаго происшествія съ Оеклушей, няня обратилась къ Марьѣ Васильевнѣ съ вопросомъ: „правда ли, что она дала дѣвочкѣ варенья?“ Марья Васильевна, какъ и слѣдовало ожидать, сдѣлала удивленное лицо.

— Что вы, нянюшка, выдумали? Стану я дѣвчонку такъ баловать! У меня и у самой-то варенья нѣтъ! — сказала она обиженнымъ голосомъ.

Теперь дѣло было ясно; однако Оеклушина наглость была такъ велика, что, несмотря на это категорическое заявленіе, она продолжала настаивать на своемъ.

— Марья Васильевна! Христось съ вами! Неужто вы забыли? Да вчерась же вечеромъ, сами вы меня позвали, похвалили за утюги и дали мнѣ варенья, — говорила она отчаяннымъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ, вся трясясь какъ въ лихорадкѣ.

— Должно быть, ты больна и бредишь, Оеклуша, — отвѣтила Марья Васильевна спокойно, не обнаруживая ни малѣйшаго волненія на своемъ блѣдномъ, безкровномъ лицѣ.

Теперь уже и для няни, и для всѣхъ домашнихъ не оставалось сомнѣнія въ виновности Оеклуши. Преступницу отвели и заперли въ чуланъ, удаленный отъ всѣхъ другихъ помѣщеній.

— Посидишь тутъ, негодница, не ѣвши и не пивши, пока не сознаешься! — сказала няня, поворачивая ключъ въ тяжеломъ замкѣ.

Происшествіе это, само собою разумѣется, надѣлало шуму во всемъ домѣ. Каждый изъ прислуги выдумывалъ какой-нибудь предлогъ, чтобъ прибѣжать къ нянѣ и потолковать съ ней объ этомъ интересномъ дѣлѣ. Въ дѣтской нашей весь день былъ настоящій клубъ.

Оца у Оеклуши не было, а мать ея жила на деревнѣ, но приходила къ намъ въ домъ помогать прачкѣ стирать бѣлье. Она, разумѣется, скоро узнала о случившемся и прибѣжала въ дѣтскую, рассыпаясь въ громкихъ жалобахъ и увѣреніяхъ, что дочка ея невинна. Однако няня скоро ее усмирила.

— Не очень-то ты шуми, матушка! Вотъ погоди, ужъ доберемся, куда дочка-то твоя краденныя вещи таскала! — сказала

она ей такъ строго и съ такимъ многознаменательнымъ взглядомъ, что бѣдная женщина оробѣла и убралась во-своаи.

Общественное мнѣніе высказывалось рѣшительно противъ Оеклуши. „Если она стащила варенье, значить она и другія вещи воровала“, говорили всѣ. Общее негодованіе противъ Оеклуши потому и было такъ сильно, что эти таинственные и повторяющіяся пропажи уже въ теченіе многихъ недѣль тяжелымъ бременемъ тяготѣли надъ всей прислугой: каждый боялся въ душѣ, какъ бы, неравно, не заподозрили его самого; поэтому открытіе вора было облегченіемъ для всѣхъ.

Однако Оеклуша все не сознавалась.

Въ теченіе дня няня нѣсколько разъ пошла провѣдать свою узницу, но она упорно твердила свое: „Я ничего не воровала. Богъ накажетъ Марью Васильевну за то, что она обижаетъ сироту“.

Подъ вечеръ мама зашла въ дѣтскую.

— Ужъ не слишкомъ ли вы, няня, строги къ этой несчастной дѣвчонкѣ? Какъ же оставлять ребенка цѣлый день безъ пищи!—сказала она озабоченнымъ голосомъ.

Но няня и слышать не хотѣла о милости.

— Что вы, сударыня? Такую да жалѣть! Вѣдь она, мерзавка, чуть-было честныхъ людей подѣ подозрѣніе не подвела!—говорила она такъ убѣжденно, что мама не рѣшилась настаивать и ушла, не выхлопотавъ никакого облегченія въ участи маленькой преступницы.

Наступилъ слѣдующій день. Оеклуша все не сознавалась. Ея судьями стало уже овладѣвать нѣкоторое безпокойство, но вдругъ, ко времени обѣда, няня пришла къ нашей матери съ торжествующимъ видомъ.

— Призналась наша птичка!—сказала она радостно.

— Ну, а гдѣ же краденныя вещи?—спросила мама очень естественно.

— Еще не признается, куда ихъ дѣла, негодница!—отвѣтила няня озабоченнымъ голосомъ.—Мелеть всякую чупуху. Говорить—„запамятовала“. Но вотъ, погодите, посидите у меня взаперти еще часокъ, другой—можетъ и вспомнить!

Дѣйствительно, къ вечеру Оеклуша сдѣлала полное признаніе и рассказала очень обстоятельно, что вкрала всѣ эти вещи съ цѣлью ихъ потомъ, когда-нибудь, продать; но такъ какъ удобнаго случая все не представлялось, то она долго прятала ихъ подѣ войловомъ въ углу своего чуланчика; когда же она увидѣла, что вещей хватились и стали не на шутку разыскивать вора, она

струсила и сначала подумала положить вещи назадъ на мѣсто, но потомъ побоялась это сдѣлать, а намѣсто того завязала всѣ эти вещи узломъ въ свой передникъ и забросила ихъ въ глубокой прудъ, за нашей усадьбой.

Всѣ такъ жаждали какаго-нибудь разрѣшенія въ этомъ тяжеломъ и мучительномъ дѣлѣ, что не стали подвергать Феклушину рассказъ слишкомъ строгой критикѣ. Потуживъ немножко о даромъ пропавшихъ вещахъ, всѣ этимъ объясненіемъ удовлетворились.

Виновницу выпустили изъ заточенія и произвели надъ нею краткій и справедливый судъ: рѣшили выпороть ее хорошенько и потомъ отослать назадъ въ деревню, къ ея матери.

Несмотря на Феклушины слезы и на протесты ея матери, приговоръ этотъ былъ тотчасъ же приведенъ въ исполненіе; затѣмъ на мѣсто Феклуши взяли къ намъ въ дѣтскую другую дѣвочку для услугъ. Прошло нѣсколько недѣль. Порядокъ въ домѣ мало-по-малу возстановился, и о прошедшемъ стали всѣ забывать.

Но вотъ разъ вечеромъ, когда въ домѣ уже все затихло и няня, уложивъ насъ спать, сама собиралась на покой, дверь дѣтской тихонько растворилась, и въ ней показалась прачка Александра — Феклушина мать. Она одна упорно возставала противъ очевидности и, все не унимаясь, продолжала утверждать, что „дочку ея задаромъ обидѣли“. Нѣсколько разъ уже были у нихъ по этому поводу жестокия стычки съ няней, пока няня, наконецъ, не махнула рукой и не запретила ей входа въ дѣтскую, рѣшивъ, что, все равно, глупую бабу не урезонишь.

Но сегодня у Александры былъ видъ такой странный и многозначительный, что няня, взглянувъ на нее, тотчасъ поняла, что она пришла не повторять свои обычныя, пустыя жалобы, а что произошло нѣчто новое и важное.

— Посмотрите-ка, нянюшка, какую я вамъ покажу штучку, — сказала Александра таинственно, и, оглядѣвшись осмотрительно кругомъ комнаты и убѣдившись, что никого посторонняго нѣтъ, она вытащила изъ-подъ своего передника и подала нянѣ перламутровый перочинный ножичекъ, нашъ любимый, тотъ самый, который находился въ числѣ украденныхъ и якобы заброшенныхъ Феклушею въ прудъ вещей.

Увидѣвъ этотъ ножикъ, няня развела руками.

— Гдѣ же вы его нашли?—спросила она съ любопытствомъ

— Въ томъ-то все и дѣло—гдѣ нашла,—отвѣчала Александра протяжно. Она нѣсколько секундъ молчала, очевидно наслаждаясь смущеніемъ нянюшки. — Садовникъ нашъ, Филиппъ

Матвѣвичъ, дали мнѣ свои старыя брюки заштопать; въ карманѣ ихъ и нашелся ножичекъ,—произнесла она, наконецъ, многозначительно.

Этотъ Филиппъ Матвѣвичъ былъ нѣмецъ и занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ аристократіи нашей дворни. Онъ получалъ довольно большое жалованье, былъ холостъ, и хотя на безпристрастный взглядъ показался бы просто жирнымъ, уже немолодымъ, довольно противнымъ нѣмцемъ, съ рыжими, типическими, четырехугольными баками, но между нашей женской прислугой онъ считался красавцемъ.

Услышавъ это странное показаніе, няня въ первую минуту и сообразить ничего не могла.

— Откуда же у Филиппа Матвѣвича могъ взяться дѣтскій ножичекъ?—спрашивала она растерянно.—Вѣдь онъ и въ дѣтскую, почитай, что никогда не входитъ! Да и статочное ли дѣло, чтобы такой человѣкъ, какъ Филиппъ Матвѣвичъ, сталъ дѣтскія вещи воровать?

Александра глядѣла на нянюшку нѣсколько минутъ молча, долгимъ, насмѣшливымъ взглядомъ; потомъ она нагнулась къ самому ея уху и проговорила нѣсколько фразъ, въ которыхъ часто повторялось имя Марьи Васильевны.

Лучъ истины началъ мало-по-малу прокладывать себѣ путь въ умъ нянюшки.

— Те, те, те... Такъ вотъ оно какъ!—проговорила она, разводя руками.—Ахъ ты, смиренница! Ахъ, негодница!.. Ну, погоди, выведемъ же мы тебя на чистую воду!—воскликнула она затѣмъ, вся преисполнившись негодованія.

Оказалось, какъ мнѣ рассказывали впоследствии, что Александра уже давно возмимѣла подозрѣнія противъ Марьи Васильевны. Она замѣтила, что эта послѣдняя затѣяла шапни съ садовникомъ.—Ну, а сами посудите,—говорила она нянѣ,—стали бы такой молодецъ, какъ Филиппъ Матвѣвичъ, задаромъ такую старуху любить? Вѣрно она его подарками задабриваетъ.—И дѣйствительно, она скоро убѣдилась, что Марья Васильевна дарить ему и вещи, и деньги. Откуда же онъ у нея берется? И вотъ устроила она цѣлую систему подсматриванья за ничего не подозревавшей Марьей Васильевной. Этотъ ножичекъ оказался лишь послѣднимъ звеномъ въ длинной цѣпи уликъ.

Исторія выходила такая интересная и занимательная, какъ и ожидать нельзя было. У няни внезапно проснулся тотъ страстный инстинктъ сыщика, который такъ часто дремлетъ въ душѣ у старыхъ женщинъ и побуждаетъ ихъ съ азартомъ выдаться

на разслѣдованіе всякаго запутаннаго дѣла, хотя бы это послѣднее вовсе и не касалось ихъ. Въ данномъ же случаѣ няню побуждало въ ея рвеніи еще и то, что она чувствовала за собой большой грѣхъ противъ Оеклуши и горѣла желаніемъ поскорѣе его искупить. Поэтому между ней и Александрой тотчасъ же былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Марьи Васильевны.

Такъ какъ у обѣихъ женщинъ была уже полная нравственная увѣренность въ виновности этой послѣдней, то онѣ рѣшились на крайнюю мѣру: подобраться къ ея ключамъ и, укравъ минутку, когда она уйдетъ со двора, вскрыть ея сундукъ.

Задумано и сдѣлано! Увы! Оказалось, что онѣ были совершенно правы въ своихъ предположеніяхъ. Содержимое сундука вполне подтвердило ихъ подозрѣнія и доказало несомнѣннѣйшимъ образомъ, что несчастная Марья Васильевна была виновница всѣхъ маленькихъ вражъ, надѣлавшихъ столько шума за послѣднее время.

— Какова мерзкая! Значить, она и варенье-то бѣдной Оеклушѣ подсунула, чтобъ глаза отвести и на нее всѣ подозрѣнія свалить! У, безбожница! Ребенка малаго, и того не пожалѣла!— говорила няня съ ужасомъ и омерзѣніемъ, совсѣмъ забывая, какую роль она сама играла во всей этой исторіи, и какъ она своей жестокостью довела бѣдную Оеклушу до ложнаго показанія на самое себя.

Можно себѣ представить негодованіе всей прислуги и вообще всѣхъ домашнихъ, когда ужасная истина была обнаружена и стала всѣмъ извѣстна.

Въ первую минуту, сгорая, отецъ нашъ пригрозилъ-было послать за полиціей и засадить Марью Васильевну въ тюрьму; однако, въ виду того, что она была уже пожилая, болѣзненная женщина и такъ долго прожила въ нашемъ домѣ, онъ скоро смягчился и порѣшилъ только отказать ей отъ мѣста и отослать ее обратно въ Петербургъ.

Казалось бы, Марья Васильевна сама должна бы быть довольной этимъ приговоромъ. Она была таковой искусной портнихой, что ей нечего было бояться остаться безъ хлѣба въ Петербургѣ. А какое предстояло ей положеніе въ нашемъ домѣ послѣ подобной исторіи? Вся остальная прислуга завидовала ей прежде и ненавидѣла ее за гордость и высокомеріе. Она это знала и знала тоже, какъ жестоко пришлось бы ей теперь искупить свое прежнее величіе. И между тѣмъ, какъ ни странно это можетъ показаться, она не только не обрадовалась рѣшенію моего отца,

но, напротивъ того, стала умолять о помилованіи. Въ ней сказалась какая-то кошачья привязанность къ нашему дому, къ насизженному у насъ углу.

— Мнѣ не долго осталось жить, я чувствую, что скоро умру. Какое мнѣ передъ смертью таскаться по чужимъ людямъ! — говорила она.

— Дѣло было совсѣмъ не въ этомъ, — пояснила мнѣ, впрочемъ, няня, вспоминая со мной всю эту исторію много лѣтъ спустя, когда я уже была взрослой. — Ей просто не въ моготу было отъ насъ уѣзжать, такъ какъ Филиппъ-то Матвѣвичъ оставался, и она знала, что если она разъ уѣдетъ, то нивогда уже его больше не увидитъ. Видно, ужъ больно онъ любъ былъ ей, если ради него она, всю жизнь прожившая честно, на старости лѣтъ на такое дѣло пошла.

Что касается Филиппа Матвѣвича, то ему удалось совсѣмъ сухимъ изъ воды выйти. Можетъ быть, онъ и дѣйствительно говорилъ правду, когда утверждалъ, что, принимая подарки Марьи Васильевны, не зналъ ихъ происхожденія. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ хорошаго садовника найти было трудно, а садъ и огородъ нельзя было оставить на произволь судьбы, то рѣшено было удержать его у насъ, по крайней мѣрѣ, до поры до времени.

Не знаю, была ли няня права насчетъ причинъ, заставлявшихъ Марью Васильевну такъ упорно дѣлаться за свое мѣсто въ нашемъ домѣ, но какъ бы то ни было, въ день, назначенный для ея отъѣзда, она пришла и повалилась моему отцу въ ноги.

— Лучше оставьте меня безъ жалованья, накажите какъ крѣпостную, только не выгоняйте! — умоляла она, рыдая.

Отца тронула такая привязанность къ нашему дому, но, съ другой стороны, онъ боялся, что если онъ проститъ Марью Васильевну, то это подѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на остальную прислугу. Онъ былъ въ большомъ затрудненіи, какъ ему поступить, но вдругъ ему пришла въ голову слѣдующая комбинація.

— Послушайте, — сказалъ онъ ей: — хоть воровство и большой грѣхъ, я все-таки могъ бы простить васъ, еслибы ваша вина состояла только въ томъ, что вы воровали. Но вѣдь изъ-за васъ пострадала невинно дѣвочка. Подумайте, что по вашей винѣ Оеклушу подвергли такому позору — публично высѣли. За нее я васъ простить не могу. Если вы непремѣнно хотите у насъ оставаться, то я могу на это согласиться только подъ тѣмъ условіемъ, что вы попросите у Оеклуши прощенье и въ присутствіи всей при-

слуги поцѣлуете у нея руку. Хотите вы на это пойти, тогда съ Богомъ, оставайтесь!

Всѣ ожидали, что Марья Васильевна на такое условіе никогда не пойдетъ. Ну, какъ ей, такой гордячкѣ, повиниться публично передъ рѣшительной дѣвчонкой и поцѣловать у нея руку! И вдругъ, къ общему удивленію, Марья Васильевна согласилась.

Черезъ часъ послѣ этого рѣшенія уже вся дворня собралась въ сѣняхъ нашего дома, чтобы посмотрѣть на любопытное зрѣлище: какъ Марья Васильевна будетъ цѣловать руку у Оеклуши. Отецъ мой именно требовалъ, чтобы это произошло торжественно и публично. Народу собралось много; каждому хотѣлось посмотреть. Господа присутствовали тоже, да и мы, дѣти, выпросили позволеніе быть при этомъ.

Никогда не забуду я той сцены, которая теперь воспомядовала. Оеклуша, сконфуженная той честью, которая такъ неожиданно выпала ей на долю, да и опасаясь, быть можетъ, чтобы Марья Васильевна не стала потомъ мстить ей за свое вынужденное униженіе, пришла къ барину и стала просить, чтобы онъ избавилъ ее и Марью Васильевну отъ цѣлованья руки.

— Я ей и такъ прощаю,—говорила она, чуть не плача.

Но папа, настроивъ себя на возвышенный діапазонъ и убѣдившій самъ себя, что поступаетъ согласно требованіямъ строгой справедливости, только прикривнулъ на нее: „Ступай, дура, и не суйся не въ свое дѣло! Не ради тебя это дѣлается. Еслибы я передъ тобой провинился, понимаешь ли, я самъ, твой баринъ, то и я долженъ бы поцѣловать тебѣ руку. Ты этого не понимаешь? Ну, такъ молчи и не разговаривай!“

Перепуганная Оеклуша уже не смѣла больше возражать и, вся трясаясь отъ страха, пошла и стала на свое мѣсто, ожидая своей участи, какъ виновная.

Марья Васильевна, блѣдная какъ полотно, прошла сѣвозъ разступившуюся передъ ней толпу. Она шла какъ-то машинально, точно во снѣ, но лицо ея было такое рѣшительное и злое, что страшно становилось на него смотрѣть. Губы ея были судорожно скаты и безкровны. Она подошла совсѣмъ близко къ Оеклушѣ. „Прости меня!“ вырвалось изъ ея устъ какимъ-то болѣзненнымъ крикомъ; она схватила Оеклушину руку и поднесла ее къ губамъ такъ порывисто и съ выраженіемъ такой ненависти, точно собиралась укусить ее. Но вдругъ судорога передернула все ея лицо, цѣна показалась вокругъ рта. Она упала на землю, корчась всѣмъ тѣломъ и испуская пронзительные, неестественные крики.

Открылось впоследствии, что она и прежде была подвержена

нервнымъ припадкамъ, родъ падучей, но она тщательно скрывала ихъ отъ господъ, боясь, что ее не стануть держать, если о нихъ узнають. Тѣ же изъ прислуги, которые провѣдали о ея болѣзни, не выдавали ее изъ чувства солидарности.

Я и передать не могу того впечатлѣнія, которое было вызвано ея теперешнимъ припадкомъ. Насъ, дѣтей, разумѣется, поспѣшно увели, и мы были такъ перепуганы, что сами были близки къ истерикѣ.

Но всего живѣе осталась у меня въ памяти та внезапная переменна, которая произошла послѣ этого въ настроеніи всей нашей дворни. До тѣхъ поръ всѣ относились къ Марьѣ Васильевнѣ со злобой и ненавистью. Ея поступокъ казался такимъ низкимъ и чернымъ, что каждому доставляло нѣкотораго рода наслажденіе выказать ей свое презрѣніе, чѣмъ-нибудь досадить ей. Теперь же все это внезапно измѣнилось. Она сама вдругъ представилась въ роли пострадавшей, жертвы, и общественное сочувствіе перешло на ея сторону. Между прислугой поднялся даже затаенный протестъ противъ моего отца, за излишнюю строгость его приговора.

— Конечно, она была виновата, — говорили въ полголоса другія горничныя, собираясь у насъ въ дѣтской для совѣщаній съ няней, какъ бывало обыкновенно послѣ всякаго важнаго происшествія въ нашемъ домѣ. — Ну, хорошо, пожурилъ бы ее самъ генераль, ну, барыня бы ее собственноручно наказали, какъ въ другихъ домахъ водится, все это не такъ обидно, стерпѣть можно. А тутъ вдругъ, нѣ поди, что выдумали! У такого сверчка, у соплявки Оеклушки, на виду передъ всѣми, руку поцѣловать! Кто такую обиду выдержать!

Марья Васильевна долго не приходила въ себя. Ея припадки повторялись въ теченіе нѣсколькихъ часовъ одни за другими. Очнется, падетъ въ себя, потомъ вдругъ опять забьется и начнетъ выкрикивать. Пришлось послать въ городъ за докторомъ.

Съ каждой минутой увеличивалось состраданіе къ больной и росло недовольство противъ господъ. Я помню, какъ посреди дня въ дѣтскую вошла мама и, видя, что няня, совсѣмъ не въ положенное время, заботливо и суетливо завариваетъ чай, спросила очень невинно: — Для кого вы это, няня?

— Для Марьи Васильевны, разумѣется. Чтожъ, по вашему, ее, больную, и безъ чая оставить слѣдуетъ? У насъ, у прислуги, душа-то христіанская! — отвѣтила няня такимъ грубымъ и задорнымъ голосомъ, что мама совсѣмъ сконфузилась и поспѣшила уйти.

И та же няня, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, еслибы ей дали волю, была бы способна избить Марью Васильевну до полу-смерти.

Черезъ нѣсколько дней Марья Васильевна поправилась къ великой радости моихъ родителей и зажила у насъ въ домѣ по прежнему. О томъ, что произошло, не поминалось больше; я думаю, что даже между дворней не нашлось никого, кто бы прекнулъ ее прошлымъ.

Что до меня касается, то я съ этого дня стала испытывать къ ней какую-то странную жалость, смѣшанную съ инстинктивнымъ ужасомъ. Я уже не бѣгала къ ней въ комнату, какъ прежде. Встрѣчаясь съ нею въ коридорѣ, я невольно прижималась къ стѣнѣ и старалась не глядѣть на нее: мнѣ все чудилось—вотъ-вотъ она сейчасъ упадетъ на полъ и станетъ биться и кричать.

Марья Васильевна, должно быть, замѣчала это мое отчужденіе и старалась разными путями вернуть себѣ мое прежнее расположеніе. Я помню, какъ она чуть ли не ежедневно выдумывала для меня какіе-нибудь маленькіе сюрпризы: то принесетъ мнѣ цвѣтныхъ лоскутковъ, то сошьетъ новое платьѣ моей куклѣ. Но все это не помогало: чувство какого-то тайнаго страха къ ней не проходило у меня, и я убѣгала, лишь только мы оставались съ ней наединѣ.

Вскорѣ, впрочемъ, я поступила подъ начальство моей новой гувернантки, которая положила конецъ всякой моей короткости съ прислугой.

Мнѣ живо помнится, однако, слѣдующая сцена: мнѣ было уже тогда лѣтъ семь или восемь; однажды вечеромъ, наканунѣ какого-то праздника, кажется, Благовѣщенія, я пробѣгала по коридору мимо комнаты Марьи Васильевны. Вдругъ она выглянула изъ двери и обликнула меня:—Барышня, а барышня! Зайдите-ка ко мнѣ, посмотрите, какого я для васъ жаворонка изъ тѣста испекла!

Въ длинномъ коридорѣ было полу-темно, и кромѣ меня и Марьи Васильевны никого не было. Взглянувъ на ея блѣдное лицо съ большущими черными глазами, мнѣ вдругъ стало такъ жутко, что, вмѣсто отвѣта, я опрометью пустилась бѣжать отъ нея.

— Что, барышня, видно совсѣмъ меня разлюбили, брезгаете мной!—проговорила она мнѣ вслѣдъ.

Не столько самыя слова, сколько тонъ, которымъ она проговорила ихъ, сильно поразилъ меня; однако я не остановилась, а продолжала бѣжать. Но, вернувшись въ классную и успокоившись отъ моего страха, я все не могла забыть ея голоса, глухого и печальнаго. Весь вечеръ мнѣ было не по себѣ. Какъ я ни ста-

ралась рѣзвостью и усиленной шаловливостью заглушить то неприятное, ноющее чувство, которое шевелилось у меня на сердцѣ, но оно все не унималось. Марья Васильевна не выходила у меня изъ головы и, какъ всегда бываетъ относительно человѣка, котораго обидишь, она вдругъ стала казаться мнѣ ужасно милою, и меня стало тянуть къ ней.

Разсказать гувернантѣмъ о томъ, что случилось, я не рѣшалась; дѣти всегда конфузятся говорить о своихъ чувствахъ. Къ тому же, такъ какъ намъ запрещено было сближаться съ прислугой, то я знала, что гувернантка, пожалуй, еще похвалитъ меня; я же инстинктомъ чувствовала, что хвалить меня не за что. Послѣ вечерняго чая, когда пришла мнѣ пора идти спать, вмѣсто того чтобы отправиться прямо въ спальню, я рѣшилась забѣжать къ Марьѣ Васильевнѣ. Это была нѣкотораго рода жертва съ моей стороны, такъ какъ для этого мнѣ приходилось пробѣжать одной по длинному, пустынному, теперь уже совсѣмъ темному, коридору, котораго я всегда боялась и обходила по вечерамъ. Но теперь у меня явилась отчаянная храбрость. Я бѣжала, не переводя духа, и совсѣмъ запыхавшись, какъ ураганъ, ворвалась въ ея комнату.

Марья Васильевна уже отъужинала; по случаю праздника, она не работала, а сидѣла за столомъ, накрытымъ бѣлою, чистою скатертью и читала какую-то книжку божественнаго содержанія. Передъ образами теплилась лампадка; послѣ темнаго, страшнаго коридора комнатка ея показалась мнѣ необыкновенно свѣтлой и уютной, а она сама такой доброй и хорошей.

— Я съ вами проститься пришла, милая, милая Марья Васильевна!—проговорила я однимъ залпомъ, и прежде чѣмъ я успѣла кончить, она уже подхватила меня и стала покрывать меня поцѣлуями. Она цѣловала меня такъ порывисто и такъ долго, что мнѣ снова стало жутко, и я начала уже подумывать, какъ бы мнѣ вырваться отъ нея, опять ее не обидѣвъ, когда припадокъ жестокаго кашля заставилъ ее, наконецъ, выпустить меня изъ своихъ объятій.

Этотъ ужасный кашель преслѣдовалъ ее все сильнѣе и сильнѣе. „Всю ночь я сегодня какъ собака пролаяла“, говорила она, бывало, сама о себѣ съ какою-то угрюмой ироніей.

Съ каждымъ днемъ становилась она все блѣднѣе и сосредоточеннѣе, но упорно отклоняла всѣ предложенія моей матери обратиться за совѣтомъ къ доктору; у нея являлось даже какое-то злобное раздраженіе, если кто-нибудь заговаривалъ о ея болѣзни.

Такимъ образомъ, протанула она года два или три, почти до самаго конца оставаясь на ногахъ; она слегла лишь дня за два, за три передъ смертью, и агонія ея, говорятъ, была очень мучительна.

По распоряженію моего отца ей устроили очень пышныя (по деревенскимъ понятіямъ) похороны. Не только вся прислуга, но и вся наша семья, даже самъ баринъ, на нихъ присутствовали. Феклуша тоже шла за гробомъ и рыдала навзрыдъ. Одного Филиппа Матвѣевича на ея похоронахъ не было: не дождавшись ея смерти, онъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ перешелъ отъ насъ на другое, болѣе выгодное, мѣсто гдѣ-то вблизи Динабурга.

III.

Съ переѣздомъ въ деревню, все въ домѣ у насъ круто измѣнилось, и жизнь моихъ родителей, до тѣхъ поръ веселая и безпечная, сразу приняла болѣе серьезную складку.

До тѣхъ поръ отецъ мало обращалъ на насъ вниманія, считая воспитаніе дѣтей женскимъ, а не мужскимъ дѣломъ. Анютой онъ занимался немножко болѣе, чѣмъ другими дѣтьми, такъ какъ она была старшая и очень забавна. Онъ любилъ побаловать ее при случаѣ, зимою бралъ ее иногда съ собою покататься въ саночкахъ и любилъ похвастаться ею передъ гостями. Когда ея шалости превышали всякую мѣру и рѣшительно выводили изъ терпѣнія всѣхъ домашнихъ, на нее приходили иногда съ жалобой къ отцу, но онъ обыкновенно обращалъ все дѣло въ шутку, и она сама отлично понимала, что хотя онъ иногда, для виду, дѣлаетъ строгое лицо, но въ сущности самъ готовъ посмѣяться ея проказамъ.

Что касается насъ, младшихъ дѣтей, то отношенія отца къ намъ ограничивались тѣмъ, что при встрѣчѣ съ нами онъ справлялся у няни, здоровы ли мы, ласково щипалъ насъ за щеки, чтобы убѣдиться, плотненькія ли онѣ у насъ, и иногда бралъ насъ на руки и подбрасывалъ вверху. Въ торжественные дни, когда отецъ отправлялся куда-нибудь на официальное представленіе и облачался въ полную парадную форму, съ орденами и звѣздами, насъ привывали въ гостиную „полюбоваться на папашу въ парадѣ“, и это зрѣлище доставляло намъ необычайное удовольствіе; мы прыгали вокругъ него, хлопая въ ладоши отъ восторга, при видѣ его сіяющихъ эполетъ и орденовъ.

Но по приѣздѣ въ деревню это благодушное отношеніе, су-

пествавшее до тѣхъ поръ между отцомъ и нами, внезапно измѣнилось. Какъ нерѣдко случается въ русскихъ семьяхъ, отецъ вдругъ сдѣлалъ неожиданное открытіе, что дѣти его далеко не такія примѣрныя, прекрасно воспитанныя дѣти, какъ онъ полагалъ.

Началось это, кажется, съ того, что мы съ сестрой разъ убѣжали изъ дому, заблудились, пропадали цѣлый день, а когда насъ разыскали къ вечеру, мы успѣли объѣсться волчьими ягодами и проболѣли нѣсколько дней.

Это происшествіе показало, что надзоръ за нами крайне плохъ. За этимъ первымъ открытіемъ пошли другія; разоблаченіе слѣдовало теперь за разоблаченіемъ. До сихъ поръ всѣ твердо вѣрили, что сестра моя чуть ли не феноменальный ребенокъ, умный и развитой не по лѣтамъ. Теперь же вдругъ оказалось, что она не только изъ рукъ вонъ избалована, но для двѣнадцатилѣтней дѣвочки до крайности невѣжественна, даже писать правильно по-русски не умѣетъ.

Что еще хуже—за французенкой открылось что-то такое нехорошее, что при насъ дѣтяхъ и говорить объ этомъ не полагалось.

Смутно вспоминаются мнѣ эти печальные дни, послѣдовавшіе за нашимъ побѣгомъ, какъ родъ тяжелаго, домашняго бѣдствія. Въ дѣтской цѣлый день шумъ, крикъ и слезы. Всѣ перессорились между собой, и всѣмъ достается, и правому, и виноватому. Папаша гнѣвается, мама плачетъ, нянюшка реветъ, французенка ломаетъ руки и укладываетъ свои пожитки. Мы съ сестрой при-смирѣли, притихли и пикнуть не смѣемъ, такъ какъ теперь каждый срываетъ на насъ свою досаду, и малѣйшій проступокъ ставится намъ въ тяжелую вину. Тѣмъ не менѣе мы съ любопытствомъ и даже не безъ нѣкотораго дѣтскаго злорадства слѣдимъ за тѣмъ, какъ старшіе ссорятся и ждемъ— „тѣмъ-то все это разрѣшится?“

Отецъ, не любившій полумѣръ, рѣшился на коренное преобразование всей системы нашего воспитанія. Французенку прогнали, нянюшку отставили отъ дѣтской и опредѣлили смотрѣть за бѣльемъ, а въ домъ взяли двухъ новыхъ лицъ: гувернера поляка и гувернантку англичанку.

Гувернеръ оказался тихимъ и знающимъ человекомъ, давалъ превосходные уроки, но собственно на воспитаніе мое имѣлъ мало вліянія. Зато гувернантка внесла въ нашу семью совсѣмъ новый элементъ.

Хотя она воспитывалась въ Россіи и хорошо говорила по-русски, но она вполне сохранила всѣ типическія особенности

англосаксонской расы: прямолинейность, выдержку, умѣнье всякое дѣло довести до конца. Эти качества давали ей громадное преимущество надъ остальными домашними, которые всѣ отличались совсѣмъ противоположными свойствами, и ими объясняется то вліяніе, которое она приобрѣла въ нашемъ домѣ.

Поступивъ къ намъ, всѣ ея старанія стали клониться къ тому, чтобы устроить изъ нашей дѣтской родъ англійской *nursery*, въ которой она могла бы воспитать примѣрныхъ англійскихъ миссъ. А Богъ вѣдаетъ, какъ трудно было завести разсадникъ англійскихъ миссъ въ русскомъ помѣщичьемъ домѣ, гдѣ вѣсами и пожелѣніями привились привычки барства, нераশливости и „спустя рукава“. Однако, благодаря ея замѣчательной настойчивости, она все же, до извѣстной степени, добилась своего.

Съ сестрой моей, привыкшей до тѣхъ поръ къ полной свободѣ, ей, правда, никогда не удалось справиться. Года полтора, два, прошли у нихъ въ постоянныхъ стычкахъ и столеновеніяхъ. Наконецъ, когда Анютѣ минуло 15 лѣтъ, она окончательно вышла изъ повиновенія. Фактически актъ ея освобожденія изъ-подъ опеки гувернантки выразился тѣмъ, что кровать ее перенесли изъ дѣтской въ комнату, рядомъ съ маминой спальней. Съ этого дня Анюта стала считаться взрослой барышней, и гувернантка при всякомъ удобномъ случаѣ торопилась выразить какъ-нибудь осязательно, что теперь ей уже нѣтъ дѣла до Анютиного поведения, что она умываетъ себѣ руки.

Но зато она еще съ большимъ ожесточеніемъ сосредоточила всѣ свои заботы на мнѣ, изолируя меня отъ всѣхъ домашнихъ и ограждая меня, какъ отъ заразы, отъ вліянія старшей сестры. Этому стремленію къ сепаратизму съ ея стороны благопріятствовали размѣры и устройство нашего деревенскаго дома, въ которомъ семьи три-четыре свободно могли бы проживать одновременно, вполне не зная другъ друга.

Почти весь нижній этажъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ комнатъ для прислуги и для случайныхъ гостей, былъ отведенъ гувернантѣ и мнѣ. Верхній этажъ, съ парадными комнатами, принадлежалъ мамѣ и Анютѣ. Одея съ гувернеромъ помѣщались во флигелѣ, а папинъ кабинетъ составлялъ основаніе трехъ-этажной башни и лежалъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ остального жилья. Такимъ образомъ, тѣ различные элементы, изъ которыхъ состояла наша семья, имѣли каждый свои самостоятельныя владѣнія и могли, не стѣсняясь другъ другомъ, вести каждый свою особую жизнь, встрѣчаясь только за обѣдомъ да за вечернимъ чаемъ.

IV.

Жизнь въ деревнѣ.

Стѣнные часы въ классной пробили семь. Эти семь повторенныхъ ударовъ доходятъ до моего сознанія сквозь сонъ и порождаютъ во мнѣ печальную увѣренность, что теперь сейчасъ придетъ горничная Дуняша будить меня; но мнѣ спится еще такъ сладко, что я стараюсь убѣдить себя, будто эти противные семь ударовъ только почудились мнѣ. Повернувшись на другую сторону и плотнѣе натянувъ на себя одѣяло, спѣшу воспользоваться сладкимъ, кратковременнымъ блаженствомъ, доставляемымъ послѣдними минуточками сна, которому, я знаю, сейчасъ наступитъ конецъ.

И дѣйствительно, вотъ скрипнѣть дверь, вотъ слышатся тяжелые шаги Дуняши, входящей въ комнату съ ношею дровъ. Затѣмъ рядъ знакомыхъ, каждое утро повторяющихся звуковъ: шумъ отъ грузно сбрасываемой на полъ охапки, чирканье спичками, трескъ лучинокъ, шелестъ и шуршанье пламени. Всѣ эти привычные звуки доходятъ до моего слуха сквозь сонъ и усиливаютъ во мнѣ ощущеніе пріятной нѣги и нежеланія разстаться съ теплой постелькой. „Еще минуточку, только минуточку бы поспать!“ Но вотъ шелестъ пламени въ печкѣ становится все громче и ровнѣе и переходитъ въ мѣрное, правильное гудѣнье.

— Барышня, вставать пора!—раздается надъ самымъ моимъ ухомъ, и Дуняша безжалостной рукой стягиваетъ съ меня одѣяло.

На дворѣ только-что начинается свѣтать, и первые, блѣдные лучи холоднаго, зимняго утра, смѣшиваясь съ желтоватымъ свѣтомъ стеариновой свѣчи, придаютъ всему какой-то мертвенный, неестественный видъ. Есть ли что-нибудь непріятнѣе на свѣтѣ, какъ вставать при свѣчахъ! Я сажусь въ постели на корточкахъ и медленно, машинально начинаю одѣваться, но глаза мои невольно опять слипаются и приподнятая съ чулкомъ рука такъ и застываетъ въ этомъ положеніи.

За ширмами, за которыми спать гувернантка, уже слышится плесканье водой, фырканье и энергичное обтиранье.

— Don't dandle, Sonjâ! If you are not ready in a quarter of an hour, you will bear the ticket „lazy“ on your back during luncheon! ¹⁾—раздается грозный голосъ гувернантки.

¹⁾ Не мамия, Соня! Если ты не будешь готова черезъ четверть часа, ты выйдешь къ завтраку съ билетикомъ „лѣнтяйка“ на спинѣ.

Съ этой угрозой шутить нельзя. Тѣлесныя наказанія изгнаны изъ нашего воспитанія, но гувернантка придумала замѣнить ихъ другими мѣрами устрашенія; если я въ чемъ-нибудь провинюсь, она припикиваетъ къ моей спинѣ бумажку, на которой крупными буквами значится моя вина, и съ этимъ украшеніемъ я должна являться къ столу. Я до смерти боюсь этого наказанія; поэтому угроза гувернантки имѣетъ способность мгновенно разогнать мой сонъ. Я моментально спрыгиваю съ кровати. У умывальника уже ждетъ меня горничная, съ приподнятымъ кувшиномъ въ одной—и съ большимъ, лохматымъ полотенцемъ въ другой рукѣ. По англійской манерѣ, меня каждое утро обливають холодной водой. Одна секунда рѣзкаго, духъ захватывающаго холода, потомъ точно кипятокъ прольется по жиламъ, и затѣмъ во всемъ тѣлѣ остается удивительно пріятное ощущеніе необыкновенной живучести и упругости.

Теперь уже совсѣмъ разсвѣло. Мы выходимъ въ столовую. На столѣ пытитъ самоваръ, дрова въ печкѣ трещать и яркое пламя отсвѣчивается и множится въ большихъ замерзшихъ окнахъ. Сонливости во мнѣ не осталось болѣе и слѣда. Напротивъ того, у меня теперь такъ хорошо, такъ безпричинно радостно на душѣ; такъ хотѣлось бы шуму, смѣха, веселья! Ахъ, еслибы у меня былъ товарищъ, ребенокъ моихъ лѣтъ, съ которымъ можно бы подурачиться, повозиться, въ которомъ бы, такъ же какъ и во мнѣ, ключомъ кипѣлъ избытокъ молодой, здоровой жизни! Но такого товарища нѣтъ у меня, я пью чай самъ—другъ съ гувернанткой, такъ какъ другіе члены семьи, не исключая и брата, и сестры, встаютъ гораздо позднѣе. Мнѣ такъ неудержимо хочется чему-нибудь радоваться и смѣяться, что я дѣлаю даже слабую попытку заигрывать съ гувернанткой. На бѣду, она сегодня не въ духѣ, что часто случается съ ней по утрамъ, такъ какъ она страдаетъ болѣзнію печени; поэтому она считаетъ своимъ долгомъ усмирить неумѣстный порывъ моей веселости, замѣтивъ мнѣ, что теперь время для ученья, а не для смѣха.

День начинается у меня всегда урокомъ музыки. Въ большой залѣ наверху, въ которой стоитъ рояль, температура весьма прохладная, такъ что пальцы мои коченѣютъ и пухнуть, и ногти выступаютъ на нихъ синими пятнами.

Полтора часа гаммъ и экзерсизовъ, аккомпанируемыхъ однообразными ударами палочки, которою гувернантка выступаетъ тактъ, охлаждають значительно то чувство жизнерадости, съ которою я начала мой день. За урокомъ музыки слѣдуютъ другіе уроки. Пока сестра училась тоже, я находила въ урокахъ большое

удовольствіе; тогда, впрочемъ, я была еще такая маленькая, что серьезно меня почти не учили; но я выпрашивала позволеніе присутствовать при урокахъ сестры и прислушивалась къ нимъ съ такимъ вниманіемъ, что на слѣдующій разъ случилось нерѣдко, что она, большая 14-ти-лѣтняя дѣвочка, не знаетъ заданнаго урока, а же, семилѣтняя крошка, запомнила его и подсказывала его ей съ торжествомъ. Это забавляло меня необычайно. Но теперь, когда сестра перестала учиться и перешла на права взрослой, уроки утратили для меня половину своей прелести. Я занимаюсь, правда, довольно прилежно, но такъ ли бы я училась, еслибы у меня былъ товарищъ!

Въ 12 часовъ завтракъ. Проглотивъ послѣдній кусокъ, гувернантка отправляется къ окну изслѣдовать, какаѣ погода. Я слѣжу за ней съ трепещущимъ сердцемъ, такъ какъ это вопросъ очень важный для меня. Если термометръ показываетъ менѣе 10° мороза и притомъ нѣтъ большого вѣтра, мнѣ предстоитъ скучнѣйшая, полторочасовая прогулка вдвоемъ съ гувернанткой взадъ и впередъ по расчищенной отъ снѣга аллеѣ. Если же, на мое счастье, сильный морозъ или вѣтряно, гувернантка отправляется на неизбѣжную, по ея понятіямъ, прогулку одна, меня же ради моціона, посылаетъ наверхъ, въ залу, играть въ мячикъ.

Игру въ мячъ я не особенно люблю; мнѣ теперь уже двѣнадцать лѣтъ; я сама считаю себя уже совсѣмъ большой, и мнѣ даже обидно, что гувернантка еще считаетъ меня способной увлекаться такою дѣтскою забавой, какъ игра въ мячъ; тѣмъ не менѣе я выслушиваю приказаніе съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ она предвѣщаетъ мнѣ полтора часа свободы.

Верхній этажъ принадлежитъ спеціально мамѣ и Анютѣ, но теперь онѣ обѣ сидятъ въ своихъ комнатахъ; въ большой залѣ никого нѣтъ.

Я нѣсколько разъ обѣгаю вокругъ залы, погоняя передъ собою мячикъ; мысли мои уносятся далеко. Какъ у большинства одиноко растущихъ дѣтей, у меня уже успѣлъ сложиться цѣлый богатый міръ фантазій и мечтаній, существованіе котораго и не подозрѣвается взрослыми. Я страстно люблю поэзію; самая форма, самый размѣръ стиховъ доставляютъ мнѣ необычайное наслажденіе; я съ жадностью поглощаю всѣ отрывки русскихъ поэтовъ, какіе только попадаютъ мнѣ на глаза, и я должна сознаться—чѣмъ высовопарнѣе поэзія, тѣмъ она болѣе приходится мнѣ по вкусу. Баллады Жуковскаго долго были единственными извѣстными мнѣ образцами русской поэзіи. Въ домѣ у насъ никто особенно этою отраслью литературы не интересовался, и хотя у насъ была до-

вольно большая бібліотека, но она состояла преимущественно изъ иностранныхъ книгъ; ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова, въ ней не было. Я никогда не могла дожидаться того дня, когда въ первый разъ досталась мнѣ въ руки христоматія Филонова, купленная по настояніямъ нашего учителя. Это было настоящимъ откровеніемъ для меня. Въ теченіе нѣсколькихъ дней спустя я ходила какъ сумасшедшая, повторяя въ полголоса строфы изъ „Мцыри“ или изъ „Кавказскаго Пльнника“, пока гувернантка не пригрозилла, что отниметъ у меня драгоценную книгу.

Самый размѣръ стиховъ всегда производилъ на меня такое чарующее дѣйствіе, что уже съ пятилѣтняго возраста я сама стала сочинять стихи. Но гувернантка моя этого занятія не одобряла; у нея въ умѣ сложилось вполне опредѣленное представленіе о томъ здоровомъ, нормальномъ ребенкѣ, изъ котораго потомъ выйдетъ примѣрная англійская миссъ, и сочиненіе стиховъ съ этимъ представленіемъ никакъ не вяжется. Поэтому она жестоко преслѣдуетъ всѣ мои стихотворныя попытки; если, на мою бѣду, ей попадетъ на глаза влочокъ бумажки, исписанный моими виршами, она тотчасъ же приколетъ его мнѣ къ плечу, и потомъ, въ присутствіи брата или сестры, декламируетъ мое несчастное произведеніе, разумѣется, жестоко его коверкая и искажая.

Однако гоненіе это на мои стихи не помогало. Въ двѣнадцать лѣтъ я глубоко была убѣждена, что буду поэтессой. Изъ страха гувернантки я не рѣшалась писать своихъ стиховъ, но сочиняла ихъ въ умѣ, какъ старинные барды, и повѣряла ихъ моему мячику. Погоня его передъ собой, я несусь бывало по задѣ и громко декламирую два моихъ поэтическихъ произведенія, которыми особенно горжусь: „Обращеніе бедуина къ его вою“ и „Ощущеніе пловца, ныряющаго за жемчугомъ“. Въ головѣ у меня задумана длинная поэма „Струйка“, нѣчто среднее между „Ундиной“ и „Мцыри“, но изъ нея, готовы пока только первыя десять строфъ. А ихъ предполагается 120.

Но муза, какъ извѣстно, капризна, и не всегда поэтическое вдохновеніе нисходитъ на меня какъ разъ въ то время, когда мнѣ приказано играть въ мячъ. Если муза не является на зовъ, то положеніе мое становится опаснымъ, такъ какъ искушенія окружаютъ меня со всѣхъ сторонъ. Рядомъ съ залой находится бібліотека, и тамъ на всѣхъ столахъ и диванахъ валяются соблазнительные томики иностранныхъ романовъ или книжки русскихъ журналовъ. Мнѣ строго-на-строго запрещено касаться ихъ, такъ какъ гувернантка моя очень разборчива насчетъ дозволеннаго для меня чтенія. Дѣтскихъ книгъ у меня не много, и я всѣ

ихъ уже знаю почти наизусть; гувернантка никогда не позволяетъ мнѣ прочесть какую-нибудь книгу, даже предназначенную для дѣтей, не прочтя ее предварительно сама; а такъ какъ она читаетъ довольно медленно и ей постоянно некогда, то и я нахожусь, такъ сказать, въ хроническомъ состоянii голода насчетъ книгъ; а тутъ вдругъ, подъ рукой у меня, такое богатство! Ну, какъ тутъ не соблазниться!

Я нѣсколько минутъ борюсь сама съ собой. Я подхожу къ какой-нибудь книгѣ и сначала только заглядываю въ нее; переверну нѣсколько страничекъ, прочту нѣсколько фразъ, потомъ опять пробѣгусь съ мячикомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но мало-по-малу чтенiе увлекаетъ меня. Видя, что первыя попытки прошли благополучно, я забываю объ опасности и начинаю жадно глотать одну страницу за другой. Нужды нѣтъ, что мнѣ попался, можетъ быть, не первый томъ романа; я съ такимъ же интересомъ читаю съ середины и въ воображенii восстанавливаю начало. Время отъ времени, впрочемъ, я имѣю предосторожность, сдѣлать нѣсколько ударовъ мячикомъ, на тотъ случай, чтобы—если гувернантка вернется и придетъ подсмотреть, что я дѣлаю—она слышала, что я играю, какъ мнѣ приказано.

Обыкновенно моя хитрость удается. Я во-время услышу шаги гувернантки, подымающейся по лѣстницѣ, и успѣю къ ея приходу отложить книгу въ сторону, такъ что гувернантка останется въ убѣжденii, что я все время забавлялась игрою въ мячъ какъ слѣдуетъ хорошему, добронравному ребенку. Раза два или три въ дѣтствѣ случилось мнѣ такъ увлечься чтенiемъ, что я ничего не замѣтила, пока гувернантка какъ изъ-подъ земли не выросла передо мною и не накрыла меня на самомъ мѣстѣ преступленiя.

Въ подобныхъ случаяхъ, какъ вообще послѣ всякой особенно важной провинности съ моей стороны, гувернантка прибѣгала къ крайнему средству: она посылала меня къ отцу съ приказанiемъ самой рассказать ему, какъ я провинилась. Этого я боялась больше всѣхъ другихъ наказанiй.

Въ сущности, отецъ нашъ вовсе не былъ строгъ съ нами, но я видѣла его рѣдко, только за обѣдомъ; онъ никогда не позволялъ себѣ съ нами ни малѣйшей фамильярности, исключая, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, когда кто-нибудь изъ дѣтей бывалъ боленъ. Тогда онъ совсѣмъ мѣнялся. Страхъ потерять кого-нибудь изъ насъ дѣлалъ изъ него какъ бы совсѣмъ новаго человѣка. Въ голосѣ, въ манерѣ говорить съ нами, являлась необычайная нѣжность и мягкость; никто не умѣлъ такъ приласкать насъ, такъ

попутить съ нами, какъ онъ. Мы рѣшительно обожали его въ подобныя минуты и долго хранили память о нихъ. Въ обыкновенное же время, когда всѣ были здоровы, онъ придерживался того правила, что „мужчина долженъ быть суровъ“, и потому былъ очень скупъ на ласки.

Онъ любилъ быть одинъ, и у него былъ свой собственный миръ, въ который никто изъ домашнихъ не допускался. По утрамъ онъ уходилъ на хозяйственную прогулку, одинъ или въ обществѣ управляющаго; почти всю остальную часть дня сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Кабинетъ этотъ, лежащій совершенно въ сторонѣ отъ другихъ комнатъ, составлялъ какъ бы святую-святыхъ въ домѣ; даже мать наша и та никогда не входила въ него, не постучавшись предварительно; дѣтямъ и въ голову бы не пришло явиться въ него безъ приглашенія.

Поэтому, когда скажетъ бывало гувернантка: — Ступай къ отцу, похвастайся ему, какъ ты вела себя! — я испытываю настоящее отчаяніе. Я плачу, упираюсь, но гувернантка неумолима и, взявъ меня за руку, подводитъ, или, вѣрнѣе, протаскиваетъ черезъ длинный рядъ комнатъ къ двери въ кабинетъ и тутъ представляетъ меня моей участи, а сама уходитъ.

Теперь плакать уже бесполезно; къ тому же передняя рядомъ съ кабинетомъ, и я уже вижу въ ней фигуру какого-нибудь празднаго, любопытнаго лакея, который съ обиднымъ интересомъ наблюдаетъ за мной.

— Опять, видно, провинились, барышня! — слышу я за собой полусожалительный, полунасмѣшливый голосъ папашиного камердинера Ильи.

Я не удостоиваю его отвѣтомъ и стараюсь придать себѣ видъ какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто я пришла къ отцу по собственному желанію. Вернуться назадъ въ классную, не выполнивъ приказанія гувернантки, я не рѣшалась. Это значило бы усугубить вину явнымъ непослушаніемъ; стоять тутъ у двери, мишенью для насмѣшекъ лакеевъ — невыносимо. Не остается ничего иного, какъ постучаться въ двери и храбро пойти на встрѣчу моей участи.

Я стучусь, но очень тихо. Проходятъ опять нѣсколько мгновений, которыя кажутся мнѣ вѣчными.

— Постучитесь громче, барышня! папенька не слышать! — загвѣчаетъ снова несносный Илья, котораго очевидно очень занимаетъ вся эта исторія.

Нечего дѣлать, я стучусь опять.

— Кто тамъ? Войдите! — раздается, наконецъ, голосъ отца изъ кабинета.

Я вхожу, но останавливаюсь въ полутемнотѣ, у порога. Отецъ сидитъ за своимъ письменнымъ столомъ, спиною къ двери и не видитъ меня.

— Да кто же тамъ? Что надо? — обликаетъ онъ нетерпѣливо.

— Это я, папа. Меня Маргарита Францовна прислала! — всхлипываю я въ отвѣтъ.

Теперь отецъ уже догадывается, въ чемъ дѣло.

— А-а! Ты, вѣрно, опять провинилась! — говоритъ онъ, стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе суровое выраженіе. — Ну, рассказывай! Что натворила?

И вотъ я, всхлипывая и запинаясь, начинаю мой доносъ на самое себя.

Отецъ выслушиваетъ мою исповѣдь разсѣянно. Его понятія о воспитаніи весьма элементарны, и вся педагогика подводится имъ подъ рубрику женскаго, а не мужскаго дѣла. Онъ, разумѣется, и не подозреваетъ, какой сложный внутренній міръ успѣлъ уже сложиться въ головѣ той маленькой дѣвочки, которая стоитъ теперь передъ нимъ и ждетъ своего приговора. Занятый своими „мужскими“ дѣлами, онъ и не замѣтилъ, какъ я мало-по-малу выросла изъ того пухленькаго ребенка, какимъ была лѣтъ пять назадъ. Его видимо затрудняетъ, что сказать мнѣ и какъ поступить въ данномъ случаѣ. Мой проступокъ кажется ему мало-важнымъ, но онъ твердо вѣритъ въ необходимость строгости при воспитаніи дѣтей. Ему внутренне досадно на гувернантку, которая не умѣла уладить такого простого дѣла сама, а послала меня къ нему; но разъ уже прибѣгли къ его вмѣшательству, онъ долженъ проявить свою власть. Поэтому, чтобы не ослабить авторитета, онъ старается придать себѣ видъ строгій и негодующій.

— Какая ты северная, нехорошая дѣвочка! я очень тобой недоволенъ, — говоритъ онъ и останавливается, потому что не знаетъ, что сказать больше. — Поди, стань въ уголъ! — рѣшаетъ онъ, наконецъ, такъ какъ изъ всей педагогической мудрости, у него сохранилось въ памяти только то, что провинившихся дѣтей ставить въ уголъ.

И вотъ, можете себѣ представить, мнѣ, большой, двѣнадцатилѣтней дѣвицѣ, мнѣ, которая за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ переживала съ героиней прочитаннаго украдкой романа самыя сложныя психологическія драмы, мнѣ приходится пойти и стать въ уголъ, какъ малому, неразумному ребенку.

Отецъ продолжаетъ свои занятія у письменнаго стола. Въ

комнатъ воцаряется глубокое молчаніе. Я стою, не шевелясь, но, Боже мой! чего только ни передумаю я и ни переживаю въ эти нѣсколько минутъ! Я такъ ясно понимаю и сознаю, до какой степени все это положеніе глупо и нелѣпо. Какое-то чувство внутренней стыдливости передъ отцомъ заставляетъ меня повиноваться молча и не даетъ мнѣ разревѣться, сдѣлать сцену. А между тѣмъ чувство горькой обиды, безсильнаго гнѣва подступаетъ къ горлу и душитъ меня. „Какіе это пустяки! Что мнѣ значить постоять въ углу!“ внутренне утѣшаю я себя, но мнѣ больно, что отецъ можетъ и хочетъ меня унижить, и это тотъ самый отецъ, котораго я такъ горжусь, котораго ставлю выше всѣхъ!

Хорошо еще, если мы остаемся одни. Но вотъ кто-то стучится въ дверь, и въ комнату, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, является несносный Илья. Я отлично знаю, что предлогъ выдуманный, что онъ просто пришелъ изъ любопытства, посмотреть, какъ барышня наказана; но онъ и вида не подаетъ, дѣлаетъ свое дѣло, не торопясь, какъ будто ничего не замѣчая, и только, уходя, бросаетъ на меня насмѣшливый взглядъ. О, какъ я ненавижу его въ эту минуту!

Я стою такъ тихо, что, случается, отецъ и забудетъ обо мнѣ и заставитъ постоять довольно долго, такъ какъ, разумѣется, я изъ гордости ни за что не попрошу сама прощенія. Наконецъ, отецъ вспомнитъ обо мнѣ и отпуститъ со словами. „Ну, иди же, и смотри не шали больше!“ Ему и въ голову не приходитъ, какую нравственную пытку перенесла его бѣдная маленькая дѣвочка за эти полчаса. Онъ бы, вѣроятно, самъ испугался, еслибы могъ заглянуть мнѣ въ душу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ, разумѣется, совсѣмъ забудетъ объ этомъ неприятномъ ребяческомъ эпизодѣ. А я между тѣмъ уйду изъ его кабинета съ чувствомъ такой недѣтской тоски, такой незаслуженной обиды, какъ мнѣ, можетъ быть, раза 2—3 приходилось испытывать впоследствии, въ самыя тяжелыя минуты моей жизни.

Я возвращаюсь въ классную, притихшая и присмирѣвшая. Гувернантка довольна результатами своего педагогическаго приема, такъ какъ въ теченіе многихъ дней послѣ этого я такъ тиха и скромна, что она не можетъ нахвалиться моимъ поведеніемъ; но она была бы менѣе довольна, еслибы знала, какой слѣдъ оставилъ у меня на душѣ этотъ актъ моего усмиренія.

Вообще во всѣхъ моихъ воспоминаніяхъ дѣтства черною нитью проходитъ убѣжденіе, что я не была любима въ семьѣ. Кромѣ случайно подслушанныхъ толковъ прислуги, развитію этого печаль-

наго убѣжденія способствовала въ значительной степени та жизнь особнякомъ, которую я вела съ моей гувернанткой.

Судьба гувернантки тоже была не веселая. Некрасивая, одинокая, уже немолодая, оставшая отъ англійскаго общества, но никогда вполнѣ не освоившаяся въ Россіи, она сосредоточила на мнѣ весь тотъ запасъ привязчивости, всю ту потребность въ нравственной собственности, на какую только была способна ея кругая, энергичная, неподатливая натура. Я дѣйствительно составляла центръ и средоточіе всѣхъ ея мыслей и заботъ и придавала значеніе ея жизни; но любовь ея ко мнѣ была тяжелая, ревнивая, взыскательная и безъ всякой нѣжности.

Мать моя и гувернантка были двѣ натуры столь противоположныя, что никакой симпатіи между ними быть не могло. Мать моя, и по характеру, и по наружности, принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя никогда не старѣются. Между нею и отцомъ была большая разница лѣтъ, и отецъ вплоть до старости продолжалъ относиться къ ней какъ къ ребенку. Онъ называлъ ее Лиза или Лизокъ, тогда какъ она величала его всегда Васильемъ Васильевичемъ. Случалось ему даже въ присутствіи дѣтей дѣлать ей выговоры. „Опять ты говоришь вздоръ, Лизочка!“ слышали мы нерѣдко. И мама нисколько не обижалась на это замѣчаніе, а если продолжала настаивать на своемъ, то только какъ избалованный ребенокъ, который въ правѣ желать и неразумнаго.

Гувернантки нашей мама положительно побаивалась, такъ какъ свободолюбивая англичанка нерѣдко рѣзала ее жестокимъ манеромъ и въ дѣтскихъ нашихъ комнатахъ признавала себя одну полновластной хозяйкой, маму же принимала какъ гостью. Поэтому мама и заглядывала къ намъ не часто, и въ воспитаніе мое совсѣмъ не вмѣшивалась.

Что до меня касается, то я въ душѣ очень восхищалась своей мамой, которая казалась мнѣ красивѣе и милѣе всѣхъ знакомыхъ намъ барынь; но въ то же время я постоянно испытывала нѣкоторую обиду: за чтѣ это она меня любитъ меньше другихъ дѣтей?

Сижу я, бывало, вечеромъ въ классной. Уроки мои къ завтрашнему дню всѣ уже готовы, но гувернантка все еще подъ разными предлогами не пускаетъ меня наверхъ. Между тѣмъ сверху, изъ залы, которая расположена прямо надъ классной, доносятся звуки музыки. Мама имѣетъ привычку играть по вечерамъ на фортепьяно. Она играетъ цѣлыми часами, наизусть, сочетая, импровизируя, переходя отъ одной темы къ другой. У нея очень много музыкальнаго вкуса и удивительно мягкое туше, и я ужасно люблю

слушать, какъ она играетъ. Подъ вліяніемъ музыки и усталости отъ выученныхъ уроковъ, на меня находитъ наплывъ нѣжности, желаніе къ кому-нибудь прижаться, приголубиться. Остается уже всего нѣсколько минутъ до вечерняго чая, и гувернантка, наконецъ, отпускаетъ меня. Я взбѣгаю наверхъ и застаю слѣдующую сцену: мама уже перестала играть и сидитъ на диванѣ, а по обѣимъ ея сторонамъ, прижавшись къ ней, Анюта и Федя. Они смѣются, болтаютъ о чемъ-то такъ оживленно, что и не замѣчаютъ моего прихода. Я стою нѣсколько минутъ возлѣ нихъ, молча, въ надеждѣ, что они меня замѣтятъ. Но они продолжаютъ говорить о своемъ. Этого достаточно, чтобы охладить весь мой пылъ. „Имъ и безъ меня хорошо“, проходитъ у меня по душѣ горькое, ревнивое чувство, и вмѣсто того, чтобы броситься къ мамѣ и начать цѣловать ея милыя бѣлыя руки, какъ я представляла себѣ внизу, въ классной, я забиваюсь куда-нибудь въ уголокъ, поодаль отъ нихъ, и дуюсь, пока не позовутъ насъ къ чаю и вскорѣ затѣмъ пошлутъ меня спать.

V.

Мой дядя Петръ Васильевичъ.

Это убѣжденіе, что въ семьѣ меня любятъ меньше другихъ дѣтей, огорчало меня очень сильно, тѣмъ болѣе, что потребность въ сильной и исключительной привязанности развилась во мнѣ очень рано. Стлѣдствіемъ этого было то, что лишь только кто-нибудь изъ родственниковъ или друзей дома почему-либо выказывалъ ко мнѣ немного больше расположенія, чѣмъ къ брату или къ сестрѣ, я, съ моей стороны, тотчасъ начинала испытывать къ нему чувство, граничащее съ обожаніемъ.

Я помню въ дѣтствѣ двѣ особенно сильныя привязанности— къ двумъ моимъ дядямъ. Одинъ изъ нихъ былъ старшій братъ моего отца, Петръ Васильевичъ Корвинъ-Круковскій. Это былъ чрезвычайно живописный старикъ, высокаго роста, съ массивной головой, окаймленной совсѣмъ бѣлыми, густыми вудрами. Лицо его съ правильнымъ, строгимъ профилемъ, съ сѣдыми, взъерошенными бровями и съ глубокой, продольной складкой, пересекающей почти снизу до верху весь его высокій лобъ, могло бы показаться суровымъ, почти жестокимъ на видъ, еслибы оно не освѣщалось такими добрыми, простодушными глазами, какіе бываютъ только у ньюфундлендскихъ собакъ да у малыхъ дѣтей.

Дядя этотъ былъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкомъ не

отъ міра сего. Хотя онъ былъ старшій въ родѣ и долженъ бы былъ изображать главу семейства, но, на самомъ дѣлѣ, каждый, кому только вздумается, помыгалъ имъ, и всѣ въ семьѣ такъ и относились къ нему, какъ къ старому ребенку. За нимъ давно установилась репутація чудака и фантазера. Жена его умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ; все свое довольно большое имѣніе онъ передалъ своему единственному сыну, выговоривъ себѣ лишь очень незначительный ежемѣсячный пенсіонъ, и, оставшись, такимъ образомъ, безъ опредѣленнаго дѣла, пріѣзжалъ часто къ намъ въ Палибино и гостилъ цѣлыми недѣлями. Пріѣздъ его всегда считался у насъ праздникомъ, и въ домѣ всегда становилось какъ-то и уютнѣе, и оживленнѣе, когда онъ бывалъ у насъ.

Любимымъ его уголкомъ была библіотека. На всякое физическое движеніе онъ былъ лѣнивъ непомѣрно, и цѣлыми днями просиживалъ, бывало, неподвижно на большомъ кожаномъ диванѣ, поджавъ подъ себя одну ногу, прищуривъ лѣвый глазъ, который былъ у него слабѣе праваго, и весь уйдя въ чтеніе „Revue des deux Mondes“, своего любимаго журнала.

Чтеніе до запоя, до одури—было его единственною слабостью. Политика очень занимала его. Съ жадностью поглощалъ онъ газеты, приходившія къ намъ разъ въ недѣлю, и потомъ долго сидѣлъ и обдумывалъ: „что-то новаго затѣваетъ этотъ каналья Наполеонъ?“ Въ послѣдніе годы его жизни Бисмаркъ тоже задалъ ему не мало головоломной работы. Впрочемъ дядя былъ увѣренъ, „что Наполеонъ съѣстъ Бисмарка“, и, немного не доживъ до 1870 года, такъ и умеръ въ этой увѣренности.

Лишь только дѣло касалось политики, дядя обнаруживалъ кровожадность необычайную. Уложить на мѣстѣ стотысячную армию ему ни почему было. Не меньшую безпощадность выказывалъ онъ, карая въ воображеніи преступниковъ. Преступникъ былъ для него лицомъ фантастическимъ, такъ какъ въ дѣйствительной жизни онъ всѣхъ находилъ правыми.

Не смотря на протесты нашей гувернантки, онъ всѣхъ англійскихъ чиновниковъ въ Индіи приговорилъ къ повѣшенію. „Да, сударыня, всѣхъ, всѣхъ!“—кричалъ онъ, и въ пылу увлеченія крѣпко ударялъ кулакомъ по столу. Видъ у него тогда былъ такой грозный и свирѣпый, что всякій, войдя въ комнату и увидя его, вѣрно испугался бы. Но внезапно онъ, бывало, стихнетъ, и на лицѣ его изобразится смущеніе и раскаяніе—это онъ вдругъ замѣтилъ, что своимъ неосторожнымъ движеніемъ потревожилъ нашу общую любимицу, левретку Гриси, только-что было пристроившуюся съѣсть рядомъ съ нимъ на диванѣ.

Но больше всего увлекался дядя, когда нападалъ въ какомъ-нибудь журналѣ на описаніе новаго важнаго открытія въ области наукъ. Въ такіе дни за столомъ у насъ велись жаркіе споры и пересуды, тогда какъ безъ дяди обѣдъ проходилъ обыкновенно въ угрюмомъ молчаніи, такъ какъ всѣ домашніе, за отсутствіемъ общихъ интересовъ, не знали, о чемъ говорить другъ съ другомъ.

— А читали ли вы, сестрица, что Поль Беръ придумалъ? — скажете, бывало, дядя, обращаясь къ моей матери. — Искусственныхъ сіамскихъ близнецовъ понадѣлалъ. Сростилъ нервы одного кролика съ нервами другого. Вы одного бьете, а другому больно. А, каково? понимаете ли вы, чѣмъ это пахнетъ?

И начнеть дядя передавать присутствующимъ содержаніе только-что прочитанной имъ журнальной статьи, невольно, почти бессознательно, украшая и пополняя ее и выводя изъ нея такія смѣлыя заключенія и послѣдствія, которыя, вѣрно, не грезились и самому изобрѣтателю.

Послѣ его разсказа начинается жаркій споръ. Мама и Анюта обыкновенно переходятъ тотчасъ же на сторону дяди и преисполняются энтузіазмомъ къ новому открытію. Гувернантка, по своему ей духу противорѣчія, почти столь же неизмѣнно становится въ ряды оппозиціи и съ яростью начинаетъ доказывать неосновательность, подчасъ даже грѣховность, высказываемыхъ дядею теорій. Учитель подаетъ иногда голосъ, когда дѣло идетъ о какой-нибудь чисто фактической справкѣ, но отъ прямого участія въ спорѣ благоразумно уклоняется. Что же касается папы, то онъ изображаетъ изъ себя скептическаго, насмѣшливаго критика, который не беретъ сторону ни того, ни другого изъ противниковъ, а только зорко подмѣчаетъ и отчеканиваетъ всѣ слабые пунктики обоихъ лагерей.

Споры эти принимаютъ иногда очень воинственный характеръ и по какой-то роковой случайности почти всегда кончаются тѣмъ, что отъ вопросовъ чисто абстрактнаго свойства вдругъ возьмутъ да и перескачутъ въ область мелкихъ личныхъ пикировокъ.

Самыми ожесточенными противницами выступаютъ всегда Маргарита Францовна и Анюта, между которыми ведется глухая, „семилѣтняя“ война, прерываемая только періодами вооруженнаго выжидательнаго перемирія.

Если дядя поражаетъ смѣлостью своихъ обобщеній, то гувернантка, съ своей стороны, отличается не меньшею геніальностью по части приложений. Въ самыхъ отвлеченныхъ, повидимому удаленныхъ отъ жизни, научныхъ теоріяхъ она вдругъ усмотритъ

доводъ для осужденія Анютинаго поведенія, столь неожиданный и оригинальный, что всё только руками разведуть.

Анюта не остается въ долгу и отвѣчаетъ такъ зло и дерзко, что гувернантка выпрыгиваетъ изъ-за стола и объявляетъ, что послѣ такой обиды она не останется у насъ въ домѣ. Всѣмъ присутствующимъ становится неловко и не по себѣ; мама, ненавидящая ссоры и исторіи, беретъ на себя роль посредницы, и послѣ долгихъ переговоровъ все дѣло оканчивается миромъ.

Я и теперь помню, какую бурю подняли въ нашемъ домѣ двѣ статьи въ „Revue des deux Mondes“. Одна — объ единствѣ физическихъ силъ (отчетъ о брошюрѣ Гельмгольца), другая — объ опытахъ Клодъ-Бернара надъ вырѣзываніемъ частей мозга у голубя. Вѣроятно, и Гельмгольцъ, и Клодъ-Бернаръ, очень удивились бы, еслибы узнали, какое яблоко раздора закинули они въ мирную русскую семью, проживающую гдѣ-то въ захолустѣхъ витебской губерніи.

Но не одна политика и отчеты о новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ имѣли способность волновать моего дядюшку Петра Васильевича. Съ одинаковымъ увлеченіемъ читалъ онъ и романы, и путешествія, и историческія статьи. За неизмѣнимъ лучшимъ, онъ готовъ былъ читать даже наши дѣтскія книги. Никогда, ни у кого, за исключеніемъ развѣ у иныхъ подростковъ, не встрѣчала я такой страсти къ чтенію какъ у него. Казалось бы, чего невиннѣе такой страсти и чего легче для богатаго помѣщика, какъ удовлетворить ей! А между тѣмъ у дядюшки Петра Васильевича почти совсѣмъ не было своихъ собственныхъ книгъ, и онъ лишь въ послѣдніе годы своей жизни, и то благодаря нашей палибинской библіотекѣ, приобрѣлъ возможность попользоваться тѣмъ единственнымъ наслажденіемъ, которое онъ цѣнилъ.

Благодаря необычайной слабости его характера, идущей въ такой разрѣзъ съ его суровой, величавой наружностью, онъ всю свою жизнь находился подъ чѣмъ-нибудь гнетомъ, и притомъ подъ гнетомъ столь жесткимъ и самовластнымъ, что объ удовлетвореніи какихъ-либо прихотей или личныхъ вѣусовъ не могло быть для него и рѣчи.

Вслѣдствіе этой же слабости характера онъ былъ признанъ въ дѣтствѣ неспособнымъ къ военной службѣ, единственной, считавшейся въ то время приличной для столбового дворянина, и такъ какъ права онъ былъ смирнаго и къ шалостямъ не склоненъ, то нѣжные родители порѣшили оставить его дома, давъ ему лишь настолько образованія, сколько требовалось, дабы не попасть въ недоросли изъ дворянъ. До всего, что онъ зналъ, онъ или доду-

мался самъ, или вычиталъ это въ послѣдствіи изъ книгъ. А свѣденія у него дѣйствительно были замѣчательныя, но, какъ у всѣхъ самоучекъ, разбросанныя и неровныя. По одному предмету очень большія, по другому совсѣмъ ничтожныя.

Выросши, онъ продолжалъ жить дома, въ деревнѣ, не обнаруживая ни малѣйшаго самолюбія и довольствуясь самымъ скромнымъ положеніемъ въ семьѣ. Младшіе, гораздо болѣе блестящіе братья, относились къ нему свысока, добродушно-покровительственно, какъ къ безвредному чудаку. Но вдругъ неожиданное счастье свалилось на него какъ съ неба: первая красавица и самая богатая невѣста всей губерніи, Надежда Андреевна Н., обратила на него свое вниманіе. Увлеклась ли она его красивой наружностью, или просто разсчитала, что онъ будетъ именно такимъ мужемъ, какого ей надо, что пріятно будетъ всегда имѣть у своихъ ножекъ это большое, покорное, преданное ей существо—Богъ вѣдаетъ. Какъ бы то ни было она ясно дала понять, что охотно пойдетъ за него замужъ, если онъ посватается.

Самъ Петръ Васильевичъ не посмѣлъ бы и мечтать о чемъ-либо подобномъ, но многочисленныя тетушки и сестрицы постѣшили растолковать ему, какое на его долю выпало счастье, и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, онъ уже оказался нареченнымъ женихомъ красивой, властной, избалованной Надежды Андреевны.

Но счастья изъ этого союза не вышло.

Хотя всѣ мы, дѣти, были проникнуты тѣмъ убѣжденіемъ, что дядя Петръ Васильевичъ существуетъ на свѣтѣ преимущественно для нашего удовольствія и, не стѣсняясь, болтали съ нимъ всякій вздоръ, какой намъ ни вздумается,—однако всѣ мы, точно инстинктомъ, чувствовали, что одного вопроса никогда не слѣдуетъ касаться: никогда не надо спрашивать дядю о его покойной женѣ.

Насчетъ тетушки Надежды Андреевны ходили между нами самыя мрачныя легенды. Старшіе, т.-е. отецъ, мать и гувернантка, никогда не упоминали ея имени въ нашемъ присутствіи. Но на тетушку Анну Васильевну, младшую, незамужнюю сестру моего отца, находилъ иногда болтливый стихъ, и она начинала сообщать намъ разные ужасы про „покойную сестрицу Надежду Андреевну“.

— Вотъ была аспидъ! Упаси, Боже! Меня и сестрицу Марьянну она просто поѣдомъ-ѣла! Да и брату Петру отъ нея доставалось! Бывало, какъ разсердится она на кого-нибудь изъ прислуги, сейчасъ прибѣжить къ нему въ кабинетъ и требуетъ, тобы онъ собственноручно наказалъ провинившагося. Онъ, по добротѣ своей, не хочетъ, пробуетъ ее урезонить; куда тебѣ!

Отъ его резонновъ она только пуще разсвирѣпѣеть; на него самого накинется, начнетъ его всякими скверными словами ругать. И байбакъ-то онъ, и на мужчину совсѣмъ не похожъ!.. Со стороны слушать совѣстно. Наконецъ, видитъ, что словами его не проберешь, схватить въ охапку его бумаги, книги, что ни попадетса ей подъ руку на его столъ — да все это въ печку. „Чтобъ не было этого сора въ моемъ домѣ!“ — кричитъ. Случалось даже, съметъ она съ ноги туфельку, да и ну хлестать его по щекамъ. Право! Такъ и хлещетъ. А онъ ничего себѣ, мой голубчикъ, только руки ея пробуетъ удержатъ, да такъ осторожно, чтобъ ей больно не сдѣлать, и кротою ей выговариваетъ: „Что ты, Наденька, опомнись! Какъ тебѣ не стыдно? Да еще при людяхъ!“ А у нея и стыда никакого нѣтъ.

— Какъ же дядя могъ выносить такое обращеніе? Какъ онъ не бросилъ свою жену? — восклицаемъ мы въ негодованіи.

— Э, милые, да развѣ жену-то законную сбросишь какъ перчатку! — отвѣчаетъ тетушка Анна Васильевна. — Да и то свазать надо, какъ она имъ ни помыкала, а все-жъ-таки онъ ее безъ памяти любилъ.

— Неужели онъ ее любилъ? Злую такую!

— И какъ еще любилъ, дѣтунки, жить безъ нея не могъ! Какъ порѣшили-то ее, такъ вѣдь онъ такъ затосковалъ, что чуть рукъ на себя не наложилъ.

— Что это вы такое говорите, тетенька? Какъ это ее порѣшили? — спрашиваемъ мы съ любопытствомъ.

Но тетушка, замѣтивъ, что наговорила лишнее, внезапно обрываетъ свой разсказъ и начинаетъ энергично вязать свой чулокъ, чтобы показать намъ, что продолженія не будетъ. Однако любопытство наше разожжено, и мы не унимаемся.

— Тетенька, голубчикъ, расскажите! — пристаемъ мы къ ней.

Тетушка и сама-то, видно, разболталась, не можетъ остановиться.

— Да такъ вотъ... собственныя вѣрнопостныя дѣвки ее задушили! — отвѣчаетъ она вдругъ.

— Господи! Какіе ужасы! Какъ же это случилось? Тетенька, другъ милый, расскажите! — восклицаемъ мы.

— Да такъ, очень просто! — повѣствуетъ Анна Васильевна. — Осталась она разъ ночью одна въ домѣ, брата Петра и дѣтей куда-то уснула. Вечеромъ ея любимая горничная дѣвка, Маланья, ее и раздѣла, и разула, и въ постель уложила какъ слѣдуетъ, да вдругъ какъ захлопаетъ въ ладоши! По этому знаку въ спальню изо всѣхъ сосѣднихъ комнатъ явились другія дѣвки, да кучеръ

Федоръ, да садовникъ Евстигней. Сестрица Надежда Андреевна, какъ взглянула на ихъ лица, сейчасъ поняла, что не ладно дѣло; да только не сробѣла она, не растералась. Какъ крикнетъ она на нихъ: „Куда это вы, черти, лѣзете? Съ ума вы сошли! Сію минуту всѣ вонъ!“ Они, по привычѣ, и струсили, и попытались уже было къ дверямъ, да Маланья, та смѣлѣе была, начала другихъ уговаривать. „Что вы, трусы подлые? Своей шкуры не жалѣете, что-ли? Вѣдь она васъ завтра всѣхъ въ Сибирь ушечетъ!“ Ну, они тутъ и опомнились—всею гурьбой подступили къ ея кровати, схватили сестрицу-повойницу за руки, да за ноги, навалили на нее перину и стали ее душить. Она-то ихъ и упрашиваетъ, и денегъ, и добра всякаго сулитъ! Нѣтъ, ужъ ничего ихъ не беретъ. А Маланья, ея любимица, еще всѣхъ подговариваетъ: „Полотенце-то, полотенце мокрое ей на голову накиньте, чтобы пятенъ синихъ на лицѣ не осталось“. Они же сами, холопья подлые, потомъ и повинились. На судѣ, подъ розгами, все подробно рассказали, какъ что было. Ну, да и ихъ же за это, за ихъ хорошее дѣло, по головкѣ не погладили. Многіе изъ нихъ, почтай, что и по сю пору въ Сибири гниютъ!

Тетушка умолкаетъ, а мы отъ ужаса тоже молчимъ.

— Ну, смотрите, не проговоритесь папенькѣ или маменькѣ о томъ, что я сдуру вамъ наболтала!—напутствуетъ насъ тетушка. Но мы и сами понимаемъ, что о подобныхъ вещахъ ни съ папой, ни съ мамой, ни съ гувернанткой говорить нельзя. Выйдетъ только исторія.

Зато вечеромъ, когда наступаетъ время ложиться спать, этотъ разговоръ преслѣдуетъ меня и не даетъ мнѣ уснуть.

Когда я была разъ въ дядиномъ имѣньѣ, я видѣла тамъ портретъ тетушки Надежды Андреевны, написанный масляными красками, во весь ростъ, той обычной, шаблонной манерою, какой писались всѣ портреты того времени. И вотъ теперь она какъ живая представляется мнѣ. Маленькаго роста, изящная, какъ фарфоровая кукла, въ аломъ бархатномъ платьѣ, декольтѣ, съ гранатовымъ ожерельемъ на пышной бѣлой груди, съ яркимъ румянцемъ на круглыхъ щечкахъ, съ надменнымъ выраженіемъ въ большущихъ черныхъ глазахъ и съ стереотипной улыбкой на розовомъ крошечномъ ротикѣ. И я стараюсь представить себѣ, какъ еще расширились эти большущіе глаза, какой ужасъ изобразился въ нихъ, когда она вдругъ увидѣла передъ собой своихъ смиренныхъ рабовъ, пришедшихъ убить ее!

Потомъ мнѣ начинаетъ представляться, что я сама на ея мѣстѣ. Пока Дуняша раздѣваетъ меня, мнѣ вдругъ приходитъ

въ голову: а что, если и ея доброе, круглое лицо вдругъ преобразится и станетъ злымъ; если она вдругъ захопаетъ въ ладоши и въ комнату войдутъ Илья и Степанъ, и Сапа, и скажутъ: „мы пришли васъ убить, барышня!“

Я вдругъ не на шутку пугаюсь этой нелѣпой мысли, такъ что не удерживаю Дуняшу, какъ обыкновенно, а, напротивъ, почти рада, когда она, кончивъ мой ночной туалетъ, уходитъ, наконецъ, унося съ собой свѣчу. Однако я все же не могу уснуть и долго лежу въ темнотѣ, съ открытыми глазами, нетерпѣливо поджидая, скоро ли придетъ гувернантка, оставшаяся наверху играть въ карты съ большими.

Всякій разъ, когда я остаюсь наединѣ съ дядей Петромъ Васильевичемъ, этотъ рассказъ тоже невольно возвращается мнѣ на умъ, и мнѣ страннымъ и непонятнымъ кажется, какъ этотъ человекъ, такъ много перестрадавшій на своемъ вѣку, теперь такъ спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, играетъ со мною въ шахматы, строить мнѣ кораблики изъ бумаги, или волнуется по поводу только-что вычитаннаго имъ гдѣ-то проекта о возстановленіи стараго русла Сыръ-Дарьи или по поводу другой какой-нибудь журнальной статьи. Дѣтямъ всегда такъ трудно представить себѣ, что кто-нибудь изъ ихъ близкихъ, котораго они привыкли видѣть запросто, въ домашнемъ обиходѣ, пережили что-нибудь изъ раду вонъ выходящее, трагическое, на своемъ вѣку.

Иногда у меня являлось просто какое-то болѣзненное желаніе распросить дядю, какъ все это было. Смотрю я на него подолгу, бывало, не спуская глазъ, и все мнѣ представляется, какъ этотъ большой, сильный, умный мужчина трепещетъ передъ маленькой красавицей женой, и плачетъ, и руки ей цѣлуетъ, а она рветъ его бумаги и книги, или, снявъ съ ноги туфельку, шлепаетъ его по щекамъ.

Разъ, только одинъ разъ въ теченіе всего моего дѣтства, не удержалась я и дотронулась до дядинаго больного мѣста.

Это было вечеромъ. Мы были одни въ библиотекѣ. Дядя, по обыкновенію, сидѣлъ на диванѣ, поджавъ ноги, и читалъ; я бѣгала по комнатѣ, играя въ мячикъ, но, наконецъ, устала, присѣла рядомъ съ нимъ на диванѣ и, уставившись на него, предалась своимъ обычнымъ размышленіямъ на его счетъ.

Дядя опустилъ вдругъ книгу и, ласково погладивъ меня по головѣ, спросилъ:—О чемъ ты это задумалась, дѣточка?

— Дядя, а вы были очень несчастны съ вашей женой? — сорвалось у меня вдругъ, почти невольно, съ языка.

Никогда не забуду я, какъ подѣйствовалъ этотъ неожиданный

вопросъ на бѣднаго дядю. Его спокойное, строгое лицо вдругъ все избороздилось мелкими морщинками, какъ отъ физической боли. Онъ даже руки впередъ протянулъ, словно отстраняя отъ себя ударъ. И мнѣ стало такъ жаль его, такъ больно и такъ стыдно. Мнѣ почудилось, что и я, снявъ съ ноги туфельку, ударила его по щекамъ.

— Дядя, голубчикъ, простите! Я не подумавъ спросила!— говорила я, ласкаясь къ нему и пряча на его груди мое раскраснѣвшее отъ стыда лицо. И доброму же дядѣ пришлось утѣшать меня за мою нескромность.

Съ тѣхъ поръ я уже никогда больше не возвращалась къ этому недозволенному вопросу. Но о всемъ остальномъ я смѣло могла разспрашивать дядюшку Петра Васильевича. Я считалась его любимицей, и мы, бывало, часами просиживали вмѣстѣ, толкуя о всякой-всячинѣ. Когда онъ бывалъ занятъ какою-нибудь идеей, онъ только о ней одной могъ и думать, и говорить. Забывая совершенно, что онъ обращается къ ребенку, онъ нерѣдко развивалъ передо мною самыя отвлеченныя теоріи. А мнѣ именно то и нравилось, что онъ говорить со мною какъ съ большой, и я напрягала всѣ усилія, чтобы понять его или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать видъ, будто понимаю.

Хотя онъ математикѣ никогда не обучался, но питалъ къ этой наукѣ глубочайшее уваженіе. Изъ разныхъ книгъ набрался онъ кое-какихъ математическихъ свѣденій и любилъ пофилософствовать по ихъ поводу, причемъ ему часто случалось размышлять вслухъ, въ моемъ присутствіи. Отъ него услышала я, на примѣръ, въ первый разъ о квадратурѣ круга, объ асимптотахъ, къ которымъ кривая постоянно приближается, никогда ихъ не достигая, о многихъ другихъ вещахъ подобнаго же рода, — смысла которыхъ я, разумѣется, понять еще не могла, но которыя дѣйствовали на мою фантазію, внушая мнѣ благоговѣніе къ математикѣ, какъ къ наукѣ высшей и таинственной, открывающей передъ посвященными въ нее новый, чудесный міръ, недоступный простымъ смертнымъ.

Говоря объ этихъ первыхъ моихъ соприкосновеніяхъ съ областью математики, я не могу не упомянуть объ одномъ очень курьезномъ, обстоятельствѣ, тоже возбудившемъ во мнѣ интересъ къ этой наукѣ.

Когда мы переѣзжали на житье въ деревню, весь домъ пришлось отдѣлать за-ново и всѣ комнаты оклеить новыми обоями. Но такъ какъ комнатъ было много, то на одну изъ нашихъ дѣтскихъ комнатъ обоевъ не хватило, а выписывать-то обои при-

ходило изъ Петербурга, это было цѣлой исторіей, и для одной комнаты выписывать рѣшительно не стоило. Все ждали случая, и въ ожиданіи его эта обиженная комната такъ и простояла много лѣтъ, съ одной стѣной, оклеенной простой бумагой. Но, по счастливой случайности, на эту предварительную оклейку пошли именно листы литографированныхъ лекцій Остроградскаго о дифференціальномъ и интегральномъ счисленіи, приобретенные моимъ отцомъ въ его молодости.

Листы эти, испещренные странными, непонятными формулами, скоро обратили на себя мое вниманіе. Я помню, какъ я въ дѣтствѣ проводила цѣлыя часы передъ этой таинственной стѣной, пытаюсь разобрать хоть отдѣльныя фразы, и найти тотъ порядокъ, въ которомъ листы должны бы слѣдовать другъ за другомъ. Отъ долгаго, ежедневнаго созерцанія внѣшній видъ многихъ изъ формулъ такъ и врѣзался въ моей памяти, да и самый текстъ оставилъ по себѣ глубокой слѣдъ въ мозгу, хотя въ самый моментъ прочтенія онъ и остался для меня непонятнымъ.

Когда, много лѣтъ спустя, уже пятнадцатилѣтней дѣвочкой, я брала первый урокъ дифференціального счисленія у извѣстнаго преподавателя математики въ Петербургѣ, Александра Николаевича Страннолюбскаго, онъ удивился, какъ скоро я охватила и усвоила себѣ понятія о предѣлѣ и о производной, „точно я напередъ ихъ знала“. Я помню, онъ именно такъ и выразился. И дѣло, дѣйствительно, было въ томъ, что въ ту минуту, когда онъ объяснялъ мнѣ эти понятія, мнѣ вдругъ живо припомнилось, что все это стояло на памятныхъ мнѣ листахъ Остроградскаго, и самое понятіе о предѣлѣ показалось мнѣ давно знакомымъ.

С. Ковалевская.

НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБѢ

ПОВѢСТЬ.

I.

Среди встрѣчающей публики, наполнявшей огромный сараеобразный залъ желѣзнодорожнаго вокзала, рѣзко выдѣлялись двѣ фигуры. Обѣ онѣ принадлежали къ духовному сословію и были одѣты въ длинныя рясы. Но на этомъ кончалось сходство между ними, и, взглянувъ въ нихъ повнимательнѣе, сейчасъ же можно было догадаться, что это люди разныхъ положеній. Тотъ, что стоялъ у круглаго афишнаго столба и внимательно читалъ распредѣленіе поѣздовъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, по всѣмъ признакамъ, принадлежалъ къ духовной аристократіи губернскаго города. На немъ была темно-зеленая атласная ряса; на его груди красовался большой крестъ на массивной цѣпи и еще что-то на цвѣтной лентѣ. Полныя щеки его, молочнаго цвѣта, окаймлялись сѣдоватой растительностью, которая внизу сгущалась и впадала въ широкую тщательно расчесанную бороду. На рукахъ были черныя перчатки, на головѣ—темносѣрая мягкая пуховая шляпа. Отъ времени до времени онъ вынималъ изъ-подъ рясы массивныя золотыя часы и, повидимому, былъ недоволенъ, что время идетъ не такъ скоро, какъ ему хотѣлось.

Другой помѣщался на скамейкѣ въ самомъ углу, прижатый огромнымъ узломъ, принадлежавшимъ какому-то толстому мѣщанину, который сидѣлъ рядомъ. Прежде всего бросалась въ глаза его совершенно сѣдая, очень длинная борода, которая казалась еще длиннѣе отъ того, что онъ склонилъ голову, такъ что борода

касаясь его колѣнъ. На колѣняхъ лежали руки съ длинными, неувлужими пальцами и съ выпуклыми синими жилами. Полы сѣрой, порыжѣвшей отъ времени рясы раздвинулись, и изъ-за нихъ выглядывали большіе сапоги изъ грубой юхты. Старикъ былъ тонокъ, сухощавъ и сильно сутуловатъ. Блѣдное лицо его казалось мертвеннымъ, благодаря тому, что онъ закрылъ глаза и дремалъ. Но иногда шумъ, происходившій на платформѣ, заставлялъ его просыпаться; онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ обводилъ взоромъ многочисленную публику, въ которой, повидимому, не привыкъ, и потомъ, какъ бы сообразивъ, въ чемъ дѣло, опять погружался въ дремоту.

Духовному лицу въ атласной рясѣ надоѣло наконецъ изучать распisanіе поѣздовъ; оно уловило минуту, когда сидѣвшій въ сѣрой рясѣ открылъ глаза, и подошло къ ней. Послѣдній тотчасъ же быстро схватился, всталъ и, по возможности, выпрямился.

— Смотрю, смотрю, знакомое лицо... и не могу опредѣлить, гдѣ я могъ васъ видѣть!—сказало лицо въ атласной рясѣ пріятнымъ баритономъ съ растяжкой.

— А я такъ сію минуту узналъ васъ, отецъ ректоръ!.. Я, ежели изволите помнить, діаконъ села Устимьевки, Игнатій Обновленскій.

Ректоръ выразилъ удовольствіе, смѣшанное съ удивленіемъ.

— Обновленскій... Обновленскій... Вашъ сынъ... Да, да, да, да! Такъ вы отецъ Кирила Обновленскаго?! Очень пріятно, очень пріятно!.. Хорошій былъ ученикъ, образцовый!.. Знаете, вѣдь мы за него получили благодарность отъ академіи... Какъ же, какъ же!.. Очень, очень пріятно! Чтѣ же онъ теперь? Кончилъ?

Діаконъ Игнатій Обновленскій былъ видимо обрадованъ одобреніемъ столь важнаго лица, какъ ректоръ семинаріи. Въ его большихъ глазахъ заиграли искры и самые глаза увлажнились. Онъ готовъ былъ плавать отъ восторга всякій разъ, когда столь лестно отзывались о его младшемъ сынѣ Кирилѣ.

— Ахъ, ваше высокопреподобіе, онъ кончилъ... первымъ магистрантомъ кончилъ... Да, первымъ магистрантомъ.

— Ну, и что же, оставленъ при академіи? Первыхъ всегда оставляютъ..

— Нѣтъ, не оставленъ!

И голосъ діакона вдругъ дрогнулъ и понизился. Старикъ былъ смущенъ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, первыхъ всегда оставляютъ, а Кирилъ не оставленъ!? Почему же онъ не оставленъ? Писалъ вѣдь онъ: „дорогіе, говорить, мои старики, ѣду я къ вамъ и больше уже отъ васъ не ѣду“... значитъ, не оставленъ...

— Гм... Это странно!..—сказалъ отецъ ректоръ. — При-
знаюсь, даже не понимаю.

У діавона задрожала голова; сердце его сжалось не то отъ
какого-то непонятнаго дурнаго предчувствія, не то отъ стыда
передъ отцомъ ректоромъ за то, что его сынъ, за котораго се-
минарія даже благодарность получила, все-таки не оправдалъ
полностью всѣхъ надеждъ.

— И я не понимаю!..—почти шопотомъ сказалъ онъ. Чтò
то стояло у него въ горлѣ и мѣшало говорить.

— А я вотъ племянника жду. Тоже академикъ. Въмѣстѣ съ
вашимъ Кириломъ въ академію отправили. Сюда и назначенъ,
въ нашу семинарію,—сказалъ отецъ ректоръ, какъ бы желая
загладить впечатлѣніе неприятнаго разговора. Но діаконъ уже
не слушалъ его. Глухой звонъ, доносившійся съ платформы,
свидѣтельствовалъ, что поѣздъ уже близко. Онъ засуетился, весь
завдвигался и ринулся въ двери, куда хлынула встрѣчающая пуб-
лика. Черезъ минуту онъ былъ на платформѣ и съ трепетнымъ
замираніемъ сердца слѣдилъ глазами за приближавшимся поѣз-
домъ. Онъ внимательно присматривался, не увидитъ ли издали
дорогую голову своего сына гдѣ-нибудь въ окнѣ вагона, но, раз-
умѣется, ничего не видѣлъ. Поѣздъ съ торжественнымъ гудѣ-
ніемъ вкатился подъ высокую стеклянную крышу вокзала. Діа-
конъ застылъ на мѣстѣ и съ растеряннымъ видомъ смотрѣлъ ра-
зомъ на выходы изъ всѣхъ вагоновъ. Въ глазахъ его все пута-
лось и смѣшивалось. Казалось, онъ видѣлъ всѣхъ выходящихъ
и суетливо спующихъ по платформѣ съ чемоданами и узлами,
слышалъ разговоры, привѣтствія, поцѣлуи, но въ то же время
все это для него было точно во снѣ. Вѣдь это вонъ тамъ отецъ
ректоръ облобызалъ молодого человѣка съ дорожной сумвой,
одѣтой черезъ плечо, а потомъ пожалъ руку другому молодому
человѣку, высокому, блѣдному, съ длинными русыми волосами,
висѣвшими изъ-подъ шляпы, съ небольшими усиками и бородкой
клинкомъ. Вотъ они идутъ сюда. Высокій молодой человѣкъ даже
не идетъ, а почти бѣжитъ, а у него, у діавона, сердце такъ
вотъ и замираетъ, голова кружится и ноги дрожатъ, и ужъ со-
всѣмъ не понимаетъ онъ, чтò это такое дѣлается. Онъ сжимаетъ
въ своихъ объятіяхъ Кирила и не хочетъ отпустить его, цѣлуетъ
его въ голову и не хочетъ перестать, словно это не свиданіе,
а разлука. Кирилъ силой вырвался отъ старика.—Ну, ладно, ладно,
нацѣлуемся еще!..—сказалъ онъ крѣпкимъ басоватымъ голо-
сомъ.—Тамъ багажець есть, надо получить.

Старикъ покорно послѣдовалъ за нимъ. Онъ то забѣгалъ впе-

редъ, то отставалъ, попадалъ не въ ту дверь, тащилъ чужой чемоданъ, но ничего не спрашивалъ, а только жадно глядѣлъ на высокую фигуру своего сына, на его походку, на длинныя ноги, на черный казенный сюртукъ, и отъ всего приходилъ въ умиленіе.

Когда они получили чемоданъ и сѣли на извозчика, Кирилъ спросилъ:

— А Мурка здорова?

— Марья Гавриловна? Слава тебѣ, Господи! Ждетъ тебя!..

— Что же она встрѣчать не пришла?

— Желала, очень желала. Да матушка, Анна Николаевна, не дозволила. Дѣвицѣ, говорить, неприлично.

— Ну, а мать, сестра, братъ Назаръ? здравствуютъ?

— Кланяются. Назаръ въ священники просился, да отказалъ владыка. Еще, говорить, послужи.

А самъ діаконъ въ это время подумалъ: „Сперва о Муркѣ своей спросилъ, а потомъ о матери. Не порядокъ“.

— Куда держать прикажете?—спросилъ извозчикъ, которому забыли сказать это.

— Въ соборный домъ, въ соборный домъ!—поспѣшно сказалъ діаконъ и прибавилъ, обращаясь къ сыну:—Мы къ о. Гавриилу заѣдемъ, тамъ и лошади мои стоятъ... Покушаемъ, да и въ Устимьевку, къ вечеру дома будемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... переночевать надо... дѣло есть! Надобно побывать у преосвященнаго!

Хотѣлъ старикъ спросить: зачѣмъ?—да воздержался. А между тѣмъ въ головѣ его копошились неприятыя мысли: „Первымъ магистрантомъ кончилъ и къ преосвященному. Зачѣмъ?“—думалъ онъ. „Къ преосвященному ходитъ нашъ братъ—простой человекъ. Ну, тамъ, во священника либо въ діакона просится. А то магистрантъ, первый магистрантъ... Чего ему?“ Но, подавленный восторгомъ по поводу того, что горячо любимый сынъ наконецъ пріѣхалъ и сидитъ рядомъ съ нимъ на дрожжахъ, старикъ молчалъ, отложивъ свои вопросы на послѣ. А сынъ не догадывался о его думахъ. Онъ смотрѣлъ по сторонамъ и удивлялся разнымъ переиѣнамъ въ губерискомъ городѣ за послѣдніе два года. Строять новую церковь, замостили Воезальную улицу, не мало новыхъ домовъ выросло.

— Ростеть наша губернія!—замѣтилъ онъ вслухъ:—и соборный домъ заново окрашенъ!

Двухъ-этажный соборный домъ, къ которому они подѣхали, былъ окрашенъ въ темно-коричневый цвѣтъ. Неподалеку отъ

него, на большой площади, огороженной желѣзной рѣшеткой, возвышался соборъ, зданіе большое, но неуклюжее и угловатое. Они расплатились съ извозчикомъ и вошли въ калитку, а потомъ поднялись во второй этажъ. Отецъ Гавріилъ Фортификантовъ занималъ весьма приличную и просторную квартиру въ соборномъ домѣ. По чину онъ былъ третьимъ священникомъ, и такъ какъ обыватели губернскаго города отличались богобоязненностью, то доходъ у него былъ хорошій. Гости поднялись по узкой деревянной лѣстницѣ, застланной парусиновой дорожкой, прошли обширный стеклянный корридоръ и вступили въ покои отца Гавріила Фортификантова. Уже изъ передней можно было замѣтить, что въ залѣ происходитъ нѣкоторое движеніе, но солидное, лишенное всякой суетливости. На порогѣ ихъ встрѣтилъ самъ отецъ Гавріилъ и сперва осѣнилъ Кирила благословеніемъ, а потомъ уже обнялъ и трижды облобызалъ. Тотъ же часъ изъ гостиной вышла солидная матушка, Анна Николаевна, въ свѣтло-голубомъ капотѣ, съ наколкой на головѣ; она тоже поцѣловалась съ Кириломъ. Въ этомъ домѣ говорили ему „ты“ и обращались какъ съ сыномъ. Уже со второго богословскаго класса онъ считался женихомъ Марьи Гавриловны. Конечно, такое довѣріе къ сыну бѣднаго сельскаго діакона объяснялось особенными успѣхами Кирила въ наукахъ. Уже тогда было извѣстно, что онъ поѣдетъ въ академію.

Сѣли. Разговоръ вертѣлся на подробностяхъ путешествія и нѣкоторыхъ городскихъ новостяхъ. Было уже часовъ одиннадцать—матушка пригласила къ завтраку.

— А гдѣ же Мура?—спросилъ Кирилъ:—Марья Гавриловна?—поправился онъ, вспомнивъ, что при родителяхъ онъ никогда еще такъ не называлъ ее.

— Она одѣвается!—сказала матушка, но Мура была одѣта. Матушка просто „выдерживала“ ее, считая, что дѣвицѣ неприлично выбѣгать на встрѣчу мужчинѣ. Положимъ, онъ ея женихъ, но вѣдь два года они не видались. Мало ли какія могли произойти перемѣны?

„Когда же отецъ Гавріилъ начнетъ спрашивать его?“—трепетно думалъ діаконъ. Онъ сильно рассчитывалъ на эти разспросы, самъ же не рѣшался начать ихъ. Онъ просто-таки побаивался сына, сознавая свое діаконское ничтожество передъ его магистрантствомъ.

Въ столовую вошла Марья Гавриловна. Она поздоровалась съ Кириломъ по-дружески, но чинно и сдержанно. Кирилъ нашелъ, что она возмужала и потолстѣла. У нея было довольно

обыкновенное круглое лицо съ румяными полными щеками и живыми карими глазами. Густые черные волосы, тщательно причесанные, выростали въ длинную толстую косу, спускавшуюся ниже пояса. Ея чинныя манеры, очевидно, были неискренни. Она вся зардѣлась и отъ волненія молчала. Ей хотѣлось прижаться къ своему любимцу, котораго она ждала съ такимъ нетерпѣнiемъ и теперь находила прекраснымъ.

— Таеъ вотъ оно какъ, Кирилъ Игнатьевичъ. Ты первый магистрантъ духовной академiи! съ золотой медалью! Честь и слава тебѣ!—промолвилъ отецъ Гавриилъ отчасти торжественнымъ тономъ, но въ то же время и съ отбѣнкомъ легкой шутки.

У діавона дрогнуло сердце. „Сейчасъ оно объяснится“,—сообразилъ онъ, и вслѣдствіе волненія началъ ѣсть съ преувеличеннымъ аппетитомъ. Мура пристально взглянула на прiѣзжаго и съ своей стороны подумала: „какой онъ теперь, должно быть, ученый!“

— Да, птица важная!—шутя отвѣтилъ Кирилъ.

— А еще бы не важная! Большой ходъ тебѣ будетъ, очень большой ходъ!..

„Вотъ, вотъ начинается“,—думалъ діаконъ.

Кирилъ промолчалъ на это. Но отецъ Гавриилъ рѣшился исчерпать всю тему и продолжалъ:

— Но какъ же ты безъ всякаго назначенія? Развѣ имѣешь въ виду что-либо особенное?

— Ничего не имѣю, о. Гавриилъ. Вотъ весь передъ вами!

— „Ага, ага, такъ и есть! Чудеса какія-то, истинно чудеса!“—размышлялъ діаконъ и, боясь, чтобы сынъ не прочиталъ этихъ мыслей на его лицѣ, смотрѣлъ прямо въ тарелку.

— Это удивительно! Первый разъ слышу, чтобы съ золотой медалью и таеъ вотъ... Ничего даже не предложили... Удивительно!..

— Какъ не предложили? Оставляли при академiи—самъ отказался!..

Послѣ этихъ словъ всѣ разомъ, и о. Гавриилъ, и матушка, и Мура, и даже діаконъ, положили вилки и ножи на столъ.

— Вотъ оно что!—пробормоталъ діаконъ, но тутъ же испугался. Можетъ быть, этого не слѣдовало говорить? Можетъ быть, Кирилу это неприятно, обидно?

— При духовной академiи... И ты отказался? Да ты прямо безумецъ!—воскликнулъ о. Гавриилъ.

— Именно безумецъ!—подтвердила матушка. Мура ничего не сказала. У нея только сжалось сердце отъ сожалѣнія: „Не

здѣсь жили бы!“ мелькнуло у нея въ головѣ. Жизнь въ большомъ городѣ представлялась ей недостижимой мечтой.

— Что-жъ мнѣ дѣлать, если я люблю васъ всѣхъ, люблю свой теплый югъ, деревню, въ которой выросъ, и мужичка, который выкормилъ меня, и моихъ ближнихъ!—серьезно и вдумчиво произнесъ Кирилъ.—Вотъ я и пріѣхалъ къ вамъ. Любите, коли милъ вамъ!—прибавилъ онъ.

Всѣ переглянулись, а о. Гавріилъ сказалъ:—Это похвально. Любовь къ родинѣ и къ ближнему—это превосходно. Но зачѣмъ же отказываться отъ того, что пріобрѣтено трудомъ и талантомъ. Ты могъ пріѣхать къ намъ, повидаться съ нами и вновь уѣхать. И деревню увидѣть, и прочее. Но отказываться отъ профессорства, да еще гдѣ? Въ духовной академіи—это прямо преступно!

— Преступно!—повторила матушка съ величайшей экспрессией.—Именно преступно!

— И при чемъ тутъ деревня?—продолжалъ о. Гавріилъ.—Вѣдь все равно, не будешь же ты жить въ деревнѣ?

— Я буду жить въ деревнѣ!—Твердо и отчетливо сказалъ Кирилъ.—Я буду сельскимъ священникомъ.

Эти слова поразили всѣхъ точно трубный звукъ. Въ первое мгновеніе никто не повѣрилъ. „Шутить!“ мелькнуло у всѣхъ въ головѣ, и всѣ подвали взоры на Кирила. Кирилъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ серьезный, сосредоточенный и блѣдный. Въ глазахъ его свѣтилась твердая воля и безповоротное рѣшеніе. Всѣ поняли, что это не шутка.

О. Гавріилъ покраснѣлъ и, шумно отодвинувшись отъ стола мѣстѣ со стуломъ, промолвилъ чуть не гнѣвно:—Да ты пріѣхалъ надѣваться наъ нами!

— Я? Надъ вами?—съ глубокой и искренней скорбью въ голосѣ спросилъ Кирилъ.

Матушка быстро поднялась съ мѣста и, принявъ гордую осанку человѣка, который оскорбленъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ, промолвила:—Моя дочь не для деревни!—и затѣмъ, обратившись къ Марьѣ Гавриловнѣ, прибавила повелительно:

— Марья, иди къ себѣ!

Кирилъ тоже поднялся и, отойдя къ окну, сталъ въ пол-оборота, повидимому разстроенный и потрясенный. Онъ исподлобья смотрѣлъ на свою невѣсту, ожидая, что она предприметъ. Мура повиновалась. Она чувствовала, что у нея сейчасъ польются слезы, и, считая это для себя позорнымъ, поспѣшно повернулась къ двери и быстрыми, неровными шагами вышла. Матушка поспѣдовала за нею. О. Гавріилъ сидѣлъ съ краснымъ лицомъ и

сдвинутыми бровями. Казалось, онъ хотѣлъ разразиться громовой рѣчью, но вмѣсто этого онъ вытеръ салфеткой усы, всталъ, перекрестился и, даже не взглянувъ ни на Кирила, ни на діакона, поспѣдовалъ за женой и дочерью.

Діаконъ сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову и свѣсивъ руки. Онъ никакъ не могъ хорошенько взять въ толкъ, что такое передъ нимъ случилось. Въ головѣ его бродили отрывочныя фразы: „О. Гавріилъ какъ разсердился!.. И матушка! Первый магистрантъ! Золотая медаль! Сельскій священникъ... Господи, Создатель мой!“ И онъ боялся поднять голову, чтобы не встрѣтиться со взорами сына.

Кирилъ нѣсколько минутъ простоялъ у окна, потомъ энергично зашагалъ по комнатѣ, шума стульями, которые цѣплялись за его длинныя ноги. Пройдясь туда и обратно и какъ бы убѣдившись, что эта прогулка не представляетъ никакихъ удобствъ, онъ остановился за спиной старика и промолвилъ дрожащимъ голосомъ:

— Чтожъ, отецъ, возьмемъ нашъ чемоданчикъ и махнемъ! Діаконъ вздрогнулъ.

— Какъ? Куда? Какъ же это? Значить, совсѣмъ, окончательно!..

— Надо такъ думать!—съ горькой улыбкой сказала Кирилъ.

— И тебѣ... тебѣ не жаль, Кирюша?—робкимъ и мягкимъ голосомъ спросилъ діаконъ.

— Какъ не жаль? Жаль, больно мнѣ, сердце разрывается... Да вѣдь прямо же отказали!

— Отказали! — гробовымъ шопотомъ повторилъ старикъ. Сколько разочарованія и разбитыхъ надеждъ заключалось для него въ этомъ словѣ! Въ жизни его были двѣ гордости. Первая— это его сынъ, который въ ученіи всегда былъ первымъ и даже въ духовной академіи отличился, золотую медаль получилъ. Вторая гордость — это предстоящее родство съ семействомъ о. Гавріила Фортификантова. Смѣлъ ли онъ, сельскій діаконъ, бѣдный, незамѣтный, темный, состарившійся въ забвеніи, смѣлъ ли онъ мечтать о такомъ родствѣ! Мечта, однако, готова была осуществиться; онъ былъ бы принятъ въ домъ протоіерея и считался бы здѣсь своимъ человѣкомъ—и вдругъ!

Онъ поспѣшно поднялся, застегнулъ шейную пуговицу своей поношенной рясы и съ покорностью отчаянія сказалъ:—Пойдемъ, сынокъ!

Они вышли въ сѣни. Кирилъ ступалъ твердо; у него стучало въ вискахъ и сердце билось неровно, но онъ зналъ, что

иначе поступить не можетъ. Діаконъ робко и неслышно сѣмнилъ ногами. Двери во всѣ комнаты были наглухо закрыты. За ними не было слышно ни разговора, ни движенія. Они уже были въ стеклянномъ корридорѣ, когда діаконъ спросилъ шопотомъ:

— Какъ же это? Не простившись? а?

— Не хотятъ!—глухо отвѣтилъ Кирилъ и, прихвативъ чемоданъ, сталъ спускаться по лѣстницѣ. Діаконъ замѣшкался. Онъ тихою пріотворилъ дверь въ кухню, поманилъ пальцемъ горничную и шепнулъ ей:—Анюта, ежели будутъ освѣдомляться... мы на Московскомъ постояломъ дворѣ.

Анюта посмотрѣла на него съ изумленіемъ и заперла за нимъ двери, когда онъ спустился внизъ.

Молча діаконъ заложилъ лошаденковъ въ свою таратайку, подобралъ сѣно, свалившееся на землю церковнаго двора; молча они усѣлись и выѣхали на улицу. Московскій постоялый дворъ помѣщался на окраинѣ города. Подъѣзжая къ нему, Кирилъ могъ бы вспомнить, какъ десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ они здѣсь останавливались всякій разъ, когда отецъ привозилъ его съ каникулъ въ семинарію. На этомъ обширномъ дворѣ стояла ихъ телѣга, которая служила яслями для старой клячи. Обширный, довольно грязный и лишенный какихъ бы то ни было приспособленій „номеръ“ остался все такимъ же, точно пятнадцать лѣтъ для него не проходили вовсе. Но Кирилу было не до воспоминаній. Войдя въ комнату и швырнувъ кое-какъ чемоданъ, онъ зашагалъ изъ угла въ уголъ, да такъ энергично, что діаконъ предпочелъ удалиться къ старому знакомому, содержателю постоялаго двора, и тутъ же сталъ выкладывать ему все, что накипѣло у него на душѣ.

— Знаете чтѣ, отецъ діаконъ!—сказалъ содержатель постоялаго двора, человекъ солидной комплекціи и положительныхъ правилъ.—Вы не обидьтесь, чтѣ я вамъ скажу: у вашего сына, должно быть, что-то въ головѣ не въ порядкѣ. Повѣрьте, что такъ!

Діаконъ обидѣлся.—Ну, ужъ извините. У моего сына такая голова, что дай Богъ вашему сыну такую!—сказалъ онъ не безъ зловѣстности.

— Мой сынъ будетъ содержать постоялый дворъ, зачѣмъ ему такая голова? А вашъ—переучился!.. Знаете, у него умъ за разумъ зашелъ. Нѣтъ, вы не обижайтесь, отецъ діаконъ, я по сочувствію говорю!

Діаконъ вышелъ отъ него совершенно разстроенный и, войдя въ свой номеръ, спросилъ убитымъ голосомъ:

— Завтра къ пресвященному пойдешь, что-ли?

Кириль сѣлъ на протертомъ стулѣ и посмотрѣлъ на отца простымъ, дружескимъ взглядомъ.—Присядьте, батюшка, потолкуемъ. Мы съ вами еще толкомъ и не побесѣдовали!—сказалъ онъ голосомъ, выразившимъ спокойствіе.

Діаконъ поспѣшно присѣлъ на кровати, которая начала жалобно пищать подъ нимъ.

— Зачѣмъ мнѣ теперь идти въ преосвященному?—проговорилъ Кириль:—вѣдь чтобы сдѣлаться священникомъ, надобно жениться. А я другихъ дѣвушекъ не знаю, кромѣ Марьи Гавриловны. Съ нею я подружился и свылся, и она со мной. Теперь мои мысли спутались.

— Спутались, именно спутались!.. — какъ эхо, повторилъ діаконъ.

Кириль улыбнулся.—Нѣтъ, не тѣ, чтѣ вы думаете. Вы считаете меня помѣшаннымъ, я знаю.

— Даже и не думалъ... Богъ съ тобой!—поспѣшилъ опровергнуть діаконъ.—Никогда я этого не думалъ!

— А я хочу только, чтобы былъ какой-нибудь смыслъ въ моей жизни, вотъ и все. Вѣдь вы, батюшка, у меня неглупый человѣкъ, только бѣдностью забитый. Пусть никто не понимаетъ, а вы должны понять. Съ малолѣтства я жилъ въ деревнѣ; деревня наша, Устимьевка, бѣдная. И видѣлъ я мужика, какъ онъ во тьмѣ кромѣшной живетъ и убивается. Темнота его отъ бѣдности, батюшка, а бѣдность отъ темноты. Такъ одна за другую и цѣпляется. За бѣдность полюбилъ я его тогда еще, въ дѣтствѣ, только любовь эта глохла во мнѣ, спала, потому что жилъ я безсознательно, шелъ по вѣтру и ничего у меня своего не было. Ну, учился я много и прилежно, съ книжной премудростью познакомился, съ людьми умными разговаривалъ—и умъ мой развился. И понялъ я, что жить зря недостойно ума человѣческаго. Такое я себѣ правило усвоилъ: коли ты умомъ просвѣтился, то и другого просвѣти, ближняго. И тогда жизнь твоя оставитъ слѣды. А кого просвѣщать, какъ не темнаго деревенскаго человѣка? Свѣтить надобно тамъ, гдѣ темно, батюшка. А ужъ какъ темно тамъ, сами знаете. И для этого самаго, дорогой мой отецъ, я презрѣлъ карьеру и рѣшился сдѣлаться сельскимъ священникомъ. Теперь скажите, батюшка, помѣшанный я или нѣтъ?

Діаконъ сидѣлъ съ понижшею головой. Наконецъ-то, онъ дождался объясненія отъ сына, и каждое слово изъ этой маленькой рѣчи запало въ его душу. Не вполне понималъ онъ тѣ, чтѣ говорилъ сынъ, но чувствовалъ, что въ словахъ его есть нѣчто хорошее, справедливое. И радостно было ему, что сынъ такъ

правдиво рассуждаетъ, и жалко разстаться съ мечтой о возвышеніи ихъ незамѣтнаго рода, и стыдно за то, что онъ осмѣлился заподозрить Кирила въ умственномъ помраченіи. Всѣ эти ощущенія смѣшались въ его сердцѣ, и онъ молчалъ. Кирилъ всталъ и подошелъ къ нему близко.

— Чтожь, батюшка, одобряете или нѣтъ?

Діаконъ порывисто обнялъ его грудь обѣими руками и, прижавъ къ нему головой, промолвилъ дрожащимъ голосомъ:— Ты правдивый человѣкъ... По-евангельски, по-евангельски!..

Кирилъ поцѣловалъ его въ сѣдую голову, и лицо его озарилось радостной улыбкой.— Вотъ это хорошо, батюшка, что вы меня понимаете!.. Легче жить на свѣтѣ, когда кто-нибудь понимаетъ тебя. Я вѣдь знаю, что мать и всѣ родные навинутся на меня. А на васъ я надѣялся.

— Да, да! Но вотъ Мура-то твоя какъ? Ежели ты любишь, съеся, говоришь, такъ это горько.

Кирилъ молча сталъ ходить по комнатѣ, а діаконъ, посидѣвъ еще съ минуту, вышелъ, чтобы не мѣшать ему. Онъ постоялъ на крыльцѣ, подумалъ, и вдругъ на лицѣ его появилось выраженіе рѣшимости. Онъ вернулся въ сѣни, взялъ свою шапку и крадучись вышелъ со двора. Тутъ онъ ускорилъ шаги и почти бѣгомъ направился къ соборному дому.

II.

Здѣсь онъ засталъ семейный совѣтъ, которому предшествовали очень важныя обстоятельства.

Мура, выйдя изъ столовой, сидѣла въ своей комнатѣ въ трепетномъ ожиданіи, что изъ этого выйдетъ. Когда же къ ней вошла матушка и объявила, что Кирилъ съ отцомъ ушли, и что вообще произошелъ окончательный разрывъ, она разрыдалась и объявила, что ни за кого больше замужъ не пойдетъ.

— Глупости! не пойдешь же ты жить въ деревню!—возразила матушка.

— Мнѣ все равно; я люблю его и буду жить тамъ, гдѣ онъ! И вы это напрасно, напрасно... Я прямо сбѣгу къ нему!.. Скандалъ вамъ сдѣлаю.

Марья Гавриловна, вообще скромная и мягкая, иногда, а именно въ рѣшительныхъ случаяхъ, проявляла характеръ матушки, который ей достался, конечно, по наслѣдству. Отецъ Гавриилъ въ такихъ случаяхъ удалялся въ кабинетъ и запирался въ кдѣтъ

свою, предоставляя кося насканывать на камень. И еслибы это былъ обыкновенный житейскій случай, то и тутъ произошло бы то же самое. Но случай былъ особаго рода, поэтому матушка не только смирила свой характеръ передъ дочерью, а даже признала главенство отца Гавріила и предложила ему высказаться по этому важному предмету. Они принялись вдвоемъ дѣйствовать на Муру добрымъ словомъ.

— Знаешь ли ты, что такое деревня и какая тамъ жизнь?— говорилъ о. Гавріиль.— Глушь, живого человѣка нѣтъ, одни мужики. Смертельная тоска и скука. Мужики—народъ грубый, необразованный, грязный, а тебѣ съ ними придется компанію водить. Зимой вьюга, снѣгомъ все занесено. Лѣтомъ зной.

— Мнѣ все равно, я люблю его!— твердо отвѣчала Мура.

Отецъ Гавріиль, какъ бы убѣдившись въ тщетности своей попытки, замолчалъ и сталъ придумывать болѣе дѣйствительный доводъ.

— И главное ты вотъ что подумай!—заговорила въ свою очередь матушка:—ну, ты его любишь. Хорошо. Да онъ-то тебя любить ли? По моему—не любить. Сама посуди: когда человѣкъ любить, то дѣлаетъ для своей невѣсты все самое пріятное. Такъ я говорю, отецъ Гавріиль?

— Именно такъ!—подтвердилъ отецъ Гавріиль, вспомнивъ при этомъ, что въ свое время и онъ старался сдѣлать своей невѣстѣ, нынѣ матушкѣ, пріятное.

— Ну, а онъ, видишь, какъ поступаетъ! Зарубилъ себѣ тамъ что-то въ головѣ, и ради этой глупости готовъ тебя закопать въ могилу. Нѣтъ, не любить онъ тебя.

— Ахъ, нѣтъ, матушка, любить, ей Богу, любить!—съ удареніемъ произнесъ четвертый голосъ, и, оглянувшись на дверь, всѣ поняли, что это не кто иной, какъ діаконъ, вошедшій незамѣтно, въ родѣ привидѣнія. Онъ на этотъ разъ даже не казался робкимъ и забитымъ; во всѣхъ его движеніяхъ видна была рѣшимость. Онъ приложилъ правую руку къ сердцу и съ сильнымъ удареніемъ произнесъ:

— Отецъ Гавріиль! Ахъ, матушка! послушайте, ради Господа-Бога! Сынъ мнѣ сказалъ: „Э, зачѣмъ, говорить, мнѣ теперь идти къ преосвященному, когда мнѣ отказали! Все одно, говорить, жениться я не могу, потому ни одной женщины на свѣтѣ не знаю и знать не хочу, кромѣ какъ Мура. И теперь, говорить, всѣ мои мысли спутались“. Отецъ Гавріиль! Матушка!

И діаконъ заплакалъ. Мура, услышавъ изъ его устъ такое

трогательное признаніе, опять разрыдалась, а о. Гавріиль съ матушкой потупились и молчали.

— Чѣмъ же онъ объясняетъ?—спросила послѣ молчанія матушка, не глядя на него.

— Желаетъ поступать по-евангельски!

На лицѣ матушки выразилось крайнее недоумѣніе.—Отецъ Гавріиль, развѣ въ евангеліи это сказано, чтобы непремѣнно въ деревнѣ жить?

Отецъ Гавріиль не отвѣтилъ на этотъ не совсѣмъ удачный вопросъ. Онъ сказалъ:

— Мое мнѣніе таково: Марія наша—дѣвица взрослая. Ей извѣстно, что ее ожидаетъ. Ежели любовь ея такъ сильна, что она на это рѣшается, предоставимъ... А ея дѣло впоследствии мужа образумитъ! Вотъ—я такъ полагаю, что онъ потомъ образумится. А въ городъ всегда перевести можно. Вотъ. А впрочемъ рѣшай сама!—обратился онъ къ матушкѣ.

Діаконъ подошелъ къ нему и поцѣловалъ его въ руку и въ лобъ, и, повернувшись къ матушкѣ, сказалъ:—Матушка, позвольте и вамъ...

— Только я не буду виновата!—промолвила матушка и протянула ему руку, которую онъ съ большимъ чувствомъ облобызалъ. Мура бросилась къ ней, и произошла трогательная сцена общихъ объятій.

Діаконъ рысью побѣжалъ на постоянный дворъ и черезъ полчаса притащилъ Кирила къ Фортификантовымъ. Но прежде чѣмъ окончательно получить титулъ жениха, Кирилу пришлось выдержать получасовое собесѣдованіе съ о. Гавріиломъ, потомъ съ матушкой. Сущность этихъ бесѣдъ сводилась къ убѣжденію образумиться. Кириль былъ въ благодушномъ настроеніи и не возражалъ. Онъ даже нашелъ возможнымъ пообѣщать, что ежели опытъ уважетъ ему что-либо лучшее, то онъ образумится. Наконецъ, ему было дозволено остаться съ Мурой.

— Мура,—сказалъ онъ,—я долженъ объяснить тебѣ...

— Не объясняй, Кириль, ничего я понимать не хочу... Я тебя люблю, вотъ и все...

И она прижалась къ нему съ таковой довѣрчивостью, что онъ больше не пытался объяснять. Вечеромъ они гуляли вдвоемъ. Кириль рассказывалъ ей про роскошные дворцы, про мосты, про музеи и театры.

— Хорошо тамъ!—несмѣло восклицала Мура, боясь, чтобы онъ не принялъ это за упрекъ.

— Хорошо. Только жизни тамъ нѣтъ. Не живутъ тамъ, а

только время проводить. Жизнь тамъ сгараеть въ пламени дѣловитости и развлеченій. По своей волѣ я бы тамъ и года не прожилъ!

„А я бы вѣкъ прожила!“ — думала про себя Мура.

На утро Кириль проснулся рано. Преосвященный принималъ съ восьми часовъ. Одѣвшись въ казенную черную пару, которая лежала на немъ неуклюже, и напившись чаю, когда въ домѣ протоіерея всѣ еще спали, онъ вышелъ. Діаконъ не спалъ и проводилъ его до воротъ. Онъ даже хотѣлъ напутствовать его благословеніемъ, потому что визитъ преосвященному представлялся ему чѣмъ-то необычайнымъ, даже потрясающимъ, съ чѣмъ бывають связаны мысли другого порядка. Но это какъ-то не вышло. Діаконъ однакоже остановилъ Кирила у воротъ и сказалъ:

— Конечно, преосвященный къ тебѣ отнесется съ уваженіемъ, потому что ты ученый человѣкъ и съ отличіемъ. Однакожь соблюдай почитательность... И вотъ еще: ежели будетъ прилично и увидишь съ его стороны расположеніе, упомяни о братѣ твоёмъ, Назарѣ. Не будетъ ли, молю, милости насчетъ священства?

Кириль засталъ въ пріемной у архіерея цѣлую кучу народа, все больше сельскаго духовенства въ поношенныхъ раскахъ и кафтанахъ. Одни имѣли видъ благолѣпный, какъ вотъ эти двое довольно полныхъ отцовъ, просящихъ разрѣшенія помѣняться мѣстами. Другіе со страхомъ и трепетомъ ожидали ссылки въ монастырь за неодобрительную жизнь. Попадались и женщины съ заплаканными глазами, очевидно, вдовы духовныхъ лицъ, ходатайствующія о пенсіи или о томъ, чтобы имъ разрѣшили жить въ сторожкѣ той церкви, при которой ихъ мужья продѣячили тридцать-сорокъ лѣтъ. Магистранта духовной академіи, Кирила Обновленскаго, сейчасъ же впустили къ архіерею, а толпа осталась попрежнему ждать. Владыка принялъ его дружески. Благодарность, которую получила семинарія за Обновленскаго, воснула и его.

— Знаю, знаю, освѣдомленъ. Отецъ ректоръ академіи писалъ мнѣ. Надѣялись на тебя, а ты возьми да и откажись. По болѣзни, гм!.. Какая же тебѣ болѣзнь приключилась? На видъ ты здоровъ!

Преосвященный былъ очень старъ, но отличался бодростью и любилъ побесѣдовать. Совершенно сѣдая борода его постоянно тряслась. Онъ былъ невысокаго роста и довольно полнъ. Лицо у него было простое и незлобивое, и самъ онъ былъ добродушный человѣкъ, но любилъ показывать, что строгъ и держитъ епархію въ ежовыхъ рукавицахъ. Отъ этого получалось такое проти-

ворѣчіе: всѣ знали и говорили, что преосвященный строгъ, даже очень строгъ, но въ епархіи не набралось бы больше десятка навазанныхъ. Покричить, покричить, да и отправить домой съ миромъ. Кирилъ сѣлъ на указанное самимъ преосвященнымъ мѣсто и сказалъ:—Я совершенно здоровъ, ваше преосвященство. Ежели я выставилъ причиной моего отказа болѣзнь, то это лишь ради формальности.

— Что-то не пойму! Говори-ка яснѣй, мой сынъ!

— Да, ваше преосвященство, я именно для того и обезпоялъ васъ своимъ визитомъ, чтобы высказать вамъ свои намѣренія. Прошу васъ, дайте мнѣ мѣсто сельскаго священника!

— Какъ? Что такое? Ты окончилъ академію съ золотой медалью и хочешь идти въ село?

Это было естественно, что преосвященный изумился. Подобная просьба встрѣчалась первый разъ въ его жизни. Обыкновенно академики хлопотали у него о самыхъ лучшихъ мѣстахъ, всегда норовили попасть въ соборъ, или ужъ если и соглашались въ другую городскую церковь, то непременно настоятелями.

— Не понимаю, объясни, объясни!—прибавилъ преосвященный и съ большимъ любопытствомъ устремилъ на него взоры.

— Хочу послужить меньшому брату, темному человѣку, единому отъ малыхъ сихъ,—вдумчиво произнесъ Кирилъ.

— Дѣльно, дѣльно!—сказалъ архіерей:—только не понимаю, какъ это ты рѣшился.

— Городъ меня не соблазняетъ, доходы меня не занимаютъ!—продолжалъ Кирилъ:—сердце мое лежитъ къ селу, гдѣ я провелъ мое дѣтство.

— Это весьма дѣльно! Да благословить тебя Богъ!—въ восхищеніи произнесъ архіерей.—Я буду ставить тебя въ примѣръ другимъ. Онъ поднялся, подошелъ къ Кирилу и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Но какой приходъ я тебѣ дамъ? У меня имѣются лишь бѣдные приходы, а всѣ лучшіе заняты. Ты же достоинъ самаго лучшаго прихода.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ Кирилъ,—мнѣ этого не надо. Мнѣ такой приходъ дайте, чтобы я могъ безбѣдно существовать съ семействомъ.

— Да благословить тебя Богъ, да благословить!—повторялъ преосвященный, будучи совершенно растроганъ безкорыстіемъ молодого человѣка. У него явилось желаніе тутъ же сдѣлать ему какую-нибудь пріятность, отличить его чѣмъ-нибудь.

— У тебя есть братъ—діаконъ Назаръ. Скажи ему, чтобы

пріѣхалъ ко мнѣ, я сдѣлаю его священникомъ и дамъ ему хорошее мѣсто.

Кирилъ поклонился, а архіерей продолжалъ:—Иди съ Богомъ. Избери себѣ жену, а тамъ и къ сану іерейскому готовься. Мѣсто я тебѣ назначу.

Онъ благословилъ молодого человѣка, обнялъ его и прибавилъ:—А все-таки жаль, что нашъ городъ тебя лишается. Ты былъ бы хорошимъ проповѣдникомъ!.. Я помню, какъ ты еще въ бытность въ семинаріи хорошо по гомилетикѣ шелъ, помню, помню! Такъ скажи брату—пусть пріѣзжаетъ!

Кирилъ вышелъ отъ архіерея въ радостномъ настроеніи. Первое, что его радовало, это то, что старикъ, повидимому, понялъ его. Пріятно было также обрадовать отца и Назара и всю семью извѣстіемъ объ архіерейской милости. Публика, наполнявшая архіерейскую пріемную, пропустила его почтительно; всѣ глядѣли на него съ завистью. Всѣ уже узнали, что онъ магистрантъ и получилъ золотую медаль, и думали: „Счастливый, сейчасъ получить лучшее мѣсто въ епархіи. Дастъ же Богъ людямъ счастье! И какой молодой, почти мальчишка!“...

Въ архіерейскомъ дворѣ Кирилъ встрѣтилъ отца ректора съ племянникомъ. Евгенийъ Андреевичъ Межовъ—такъ звали ректорскаго племянника—былъ одѣтъ очень парадно. Его черный сюртукъ былъ уже, очевидно, не казенный, а сшитый по заказу, сидѣлъ хорошо и былъ сдѣланъ изъ тонкаго сукна. И шляпа на немъ была новая, котелокъ съ широкой синей лентой и съ шнуркомъ, прикрѣпленнымъ къ пуговицѣ пальто. На рукахъ черныя перчатки, штилеты новыя, съ лакированными носками. Держался онъ ровно и вообще смотрѣлъ солиднымъ франтомъ. Ради торжественнаго случая онъ сбрилъ свои бѣлобрысыя бакенбарды и пригладилъ брилліантиномъ небольшіе усики. Отъ ректоръ былъ въ черной полковой рясѣ съ регаліями на груди, въ камілавкѣ и съ палкой. У воротъ стоялъ семинарскій экипажъ. Было очевидно, что ректоръ привезъ своего племянника для представленія архіерею.

— Представлялся?—спросилъ Межовъ на ходу, торопясь за своимъ дядюшкой.

— Да,—кратко отвѣтилъ Кирилъ.

— А я вотъ хлопотать пріѣхалъ съ дядюшкой!.. Ты знаешь, инспектора нашего перевели... Такъ я хлопочу...

— Такъ скоро?—удивился Кирилъ. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что Межовъ кончилъ курсъ въ академіи неважно и не имѣлъ основанія даже рассчитывать на магистерство.

— Ну, чтожь, дядюшка хлопочеть... Видишь, инспекторомъ меня не утверждать, а только исправляющимъ должность. Но вѣдь это все равно... Жалованье идетъ полностью.

— Конечно, конечно,—разсѣянно сказалъ Кирилъ.

— И квартира, и даже отопленіе... Вѣдь это не дурно?

— Не дурно!..

Тутъ къ нимъ подошелъ о. ректоръ.

— Что же вы съ собою думаете дѣлать, Обновленскій?—спросилъ онъ съ какимъ-то—не то участіемъ, не то неодобреніемъ. Кирилъ не имѣлъ никакого желанія откровенничать. Ректора онъ никогда не любилъ за его потайной, неискренній характеръ.

— Право, не знаю еще!.. Вотъ, съѣзжу къ роднымъ, посо-вѣтуюсь.

— Такъ, такъ. . Это слѣдуетъ... Пойдемъ, однако, Евгений, замѣшкались!

Кирилъ поклонился и разошелся съ ними.

„Какъ, однако, легко преуспѣваетъ человекъ при добромъ желаніи!“—подумалъ онъ, вспомнивъ о малыхъ талантахъ молодого Межова.

III.

Таратайка діакона Игнатія Обновленскаго была лишена ресоръ; на каждой кочкѣ ее подбрасывало; трескъ отъ нея раздавался версты на двѣ кругомъ. Всѣ ея составныя части обладали способностью издавать особенные, характерные звуки. Шворень, соединявшій переднія колеса съ ящикомъ, хрипло гудѣлъ, отъ времени до времени пристукивая; широкія крылья вмѣстѣ съ ступеньками издавали трепетный, дребезжащій звукъ, въ которомъ опредѣленно слышалась однообразная печальная нотка. Эта нотка давала тонъ всей музыкѣ и слышна была далеко. Оглобли при поворотахъ и даже при простыхъ движеніяхъ лошаденовъ круто скрипѣли. Вся эта симфонія хорошо была извѣстна уѣзду, и всякій, слышавъ ее, могъ съ закрытыми глазами сказать, что ѣдетъ устимьевскій діаконъ.

Они ѣхали уже часовъ пять, сопровождаемые густымъ облакомъ сѣрой пыли, которая—разъ ее потревожатъ—долго неподвижно стоитъ въ воздухѣ, свидѣтельствуя всякому, что здѣсь проѣхали. Путешественники были совершенно сѣры отъ этой пыли. Діаконъ дремалъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону, опрокидываясь и поспѣшно крестясь, когда повозку внезапно подбрасывало. Кирилъ глядѣлъ по сторонамъ и вспоминалъ. По обѣ стороны ши-

робой, извилистой дороги желтѣла подпаленная солнцемъ и поспѣвающая рожь. Вдали чернѣли баштаны, еще недавно только взошедшіе. Кое-гдѣ вырисовывались хутора изъ десятка землянокъ съ широкими огородами, съ высоко торчащимъ журавлемъ у колодца. Тамъ чабаны подгоняли къ черному корыту у колодца „шматокъ“ овецъ, казавшійся живымъ сѣрымъ пятномъ на желтомъ фонѣ степи. Кругомъ было глубокое молчаніе; всѣ живыя существа попрятались въ тѣнь, ища спасенія отъ знойныхъ солнечныхъ лучей.

Кирилъ съ какимъ-то грустнымъ удивленіемъ думалъ, что все это было такъ же два года тому назадъ, какъ будто онъ только вчера оставилъ родной уѣздъ, да такъ же оно было и десять, и двадцать лѣтъ назадъ. Все такъ же сѣро, блѣдно и скучно, никакой перемѣны, никакого движенія—ни впередъ, ни назадъ.

— А ну, старина, подтянемся! Вонъ Устимьевка!—сказалъ Кирилъ, указывая взоромъ влѣво, куда сейчасъ должна была повернуть дорога. Устимьевка открылась вдругъ вся, съ бѣлой церковью, съ жалкимъ помѣщичьимъ садомъ, запущеннымъ и на половину высохшимъ отъ засухи и безводія, съ каменнымъ зданіемъ кабака съ черепичной крышей, открывавшимъ вѣздъ въ село, съ тремя коротенькими мельницами, заостренными кверху, съ владбищемъ безъ зелени, холоднымъ и непривѣтнымъ. Въ сторонѣ стоялъ помѣщичій домъ съ прогнившей досчатой крышей, съ полинявшей и выцвѣвшей штукатуркой, съ развалившимися службами безъ крышъ, съ черными дырками вмѣсто оконъ. Этотъ покинутый домъ теперь ничѣмъ уже не напоминалъ о томъ, что прежде здѣсь жили люди со всевозможными удобствами и съ полнымъ комфортомъ. Въ общемъ Устимьевка производила впечатленіе чего-то бѣднаго, сѣраго и до невозможности скучнаго. Свѣжему человѣку, при видѣ ея, хотѣлось проѣхать мимо. Ея разбросанныя хаты, перемѣшанные съ землянками, пустынные гумна, колодцы съ солоноватой водой не сулили усталому, измученному зноемъ путнику ни прохлады, ни радущія, ни покоя.

— Такая-то сѣрота да бѣднота наша Устимьевка!—со вздохомъ промолвилъ діаконъ. Но въ глазахъ Кирила свѣтилась радость.

— Родная бѣднота, батюшка! Ни на чтѣ ее не промѣняю!—сказалъ онъ, и дѣйствительно ощущалъ въ груди радостное чувство. Онъ мысленно сравнивалъ себя съ плѣнникомъ, возвращающимся на родину, и чужими казались ему и столица съ ея непрестаннымъ шумомъ, съ которымъ онъ никогда не могъ свыкнуться, и казенная наука, не сумѣвшая привязать его къ

себѣ, и все, что осталось позади, за исключеніемъ Муры, которую онъ почему-то приурочивалъ къ далекому прошлому, а слѣдовательно и къ Устимьевѣ.

— Оно конечно!—сказалъ діаконъ и, страхнувъ съ себя сонливость, ударилъ концами возжей по лошаденкамъ. Лошади, въ виду приближенія дома, и безъ того бѣжали быстрѣе, мелко сѣменя ногами. Вотъ они минули кабакъ и подъѣхали къ церкви. Діаконъ снялъ шляпу и перекрестился.—Пріѣхали!—выразительно сказалъ онъ:—благодареніе Богу! А вонъ и церковь. А вонъ нашъ домишко. Все въ старомъ живемъ. Отецъ Агаѣонъ, настоятель-то, ужъ двадцать лѣтъ собирается церковный построить, да все откладываетъ... Тѣснимся очень!..

Проходившіе по деревенской улицѣ мужики, завидѣвъ или, лучше сказать, слышавъ діаконскую таратайку, обычнымъ движеніемъ снимали шапку, но, приглядѣвшись, что съ діаконѣмъ сидитъ какая-то новая личность, пристально всматривались, и если узнавали Кирила, то привѣтливо улыбаются ему. Одна баба не выдержала и, указывая пальцемъ на гостя, крикнула отъ всего сердца:—Да это жъ Кириуша пріѣхалъ! Вотъ!

Кирилъ снялъ шляпу и низко поклонился ей. Ему было пріятно, что здѣсь называютъ его тѣмъ самымъ именемъ, которымъ называли пятнадцать лѣтъ назадъ. Наконецъ, они подъѣхали къ діаконскому дому. Это была обыкновенная глиняная мужицкая хата, только побольше, и окна въ ней были большихъ размѣровъ, и содержалась она чище. Хата стояла бокомъ къ улицѣ; фасадъ ея выходилъ во дворъ. Ворота были настежъ раскрыты—они въѣхали. Маленькія зеленныя ставни оконъ были закрыты. Три собаки извивались около таратайки, любовно вертя хвостами; но когда Кирилъ соскочилъ съ повозки, онѣ вдругъ выразили недоумѣніе и стали подозрительно ворчать.

— Начинается плохо!—шутя сказалъ Кирилъ:—собаки меня не одобряютъ!

Діаконъ не сказалъ ни слова, а только привиенулъ на собакъ. Онъ зналъ, что въ шуткѣ Кирила есть смыслъ, и былъ увѣренъ, что скоро разыграется потрясающая сцена.

Дверь изъ хаты съ шумомъ расперлась и оттуда разомъ выпрыгнула вся родня Кирила. Онъ поцѣловалъ высокую женщину съ морщинистымъ и такимъ же блѣднымъ, какъ у него, лицомъ, тонкую и стройную. Лицо это было строго и, пожалуй, непривѣтливо. Это была его мать. Пятнадцатилѣтняя сестренка Мотя смотрѣла на него любопытными, веселыми глазами, но какъ-то дичилась и конфузилась. Семинаристъ Меѳодій старался быть

солиднымъ и сдержаннымъ. Ему было 17 лѣтъ. Кирилу даже показалось, что онъ отнесся къ нему недружелюбно. Старая тетка, Анна Евграфовна, неизвѣстно почему плакала. Родственники цѣловались съ нимъ какъ-то формально. Никто не спѣшилъ выразить ему свои чувства. Меѳодій зачѣмъ-то вмѣшался въ распряжку лошадей и замѣтилъ отцу, что сѣдѣлка сильно третъ лошади спину, и что ее надо подшить войлокомъ.

— Господи! Весь въ пыли!—звонкимъ голосомъ воскликнула Мотя и, стащивъ съ него пальто, выбѣжала на средину двора и принялась встряхивать его.

— Пойдемъ же въ горницу!—сказала діакошша:—что мы тутъ на солнцѣ стоимъ! Ты скоро, отецъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не дожидайтесь, идите!.. я приду!..

Діаконъ лелѣялъ въ душѣ тайную надежду, что разспросы начнутся безъ него, и что ему не придется быть свидѣтелемъ перваго разочарованія. Кирилъ вошелъ въ комнату вслѣдъ за матерью; за нимъ, шурша стоптанными башмаками, вошла тетка. Мотя прибѣжала послѣ и сейчасъ же скрылась въ сосѣднюю комнату. Въ углу на трехъ-угольномъ столикѣ передъ большимъ образомъ Божьей Матери въ золоченной ризѣ теплилась лампада. Длинный диванъ, одѣтый въ сѣрый чехоль изъ парусины, былъ главнымъ украшеніемъ этой парадной комнаты, въ которой принимали гостей. Передъ нимъ стоялъ круглый столикъ, накрытый бѣлой вязаной скатертью. На немъ кувшинъ съ букетомъ домашнихъ цвѣтовъ. У стѣны клеенчатые стулья съ высокими спинками, швафъ съ посудой за стеклянными дверцами и стеклянное зеркало, сильно наклонившееся впередъ. Діаконша чинно остановилась посреди комнаты и стала набожно креститься къ образамъ. Потомъ она поцѣловала лежавшій на угольномъ крестѣ, дала поцѣловать его Кирилу и теткѣ.

— Ну, садись же, Кирилъ и расскажи намъ, что ты теперь еси!..—сказала она и сама сѣла на стулъ. Кирилъ помѣстился на диванѣ. Онъ чувствовалъ сильное смущеніе. Ему съ перваго шага поставили вопросъ, на который онъ хотѣлъ бы отвѣтить послѣднимъ. Онъ молчалъ.

— Красавчикъ какой! Писанный!—произнесла, наконецъ, тетка, и это, повидимому, ее успокоило. Она перестала плакать. Мотя стояла на порогѣ и съ кокетливой полуулыбкой глядѣла на брата. Вошелъ Меѳодій, грузно сѣлъ на стулъ и закурилъ папиросу.

— Значить, ты кончилъ академію? Тамъ что-ли?—возобновила вопросъ діакошша.

— Кончилъ!—отвѣтилъ Кирилъ.

— Ну, и теперь же что? Профессоромъ будешь?

— Нѣтъ, не буду, маменька, профессоромъ!

— А какъ же? Протопопомъ?

— Протопопомъ тоже не буду!

— Неужели въ монахи пойдешь? Чтожь, архіереемъ хорошо быть... Только долго ждать.

— Не совѣтую въ монахи идти!.. Свѣтъ глазамъ завязать!— жалобно сказала тетюшка.

— И не пойду я въ монахи, архіереемъ не буду.

— Чѣмъ же?

— Хочу въ селѣ жить... Сельскимъ священникомъ!..

— Вотъ тебѣ и на!.. Священникомъ всякій семинаристъ бываетъ! Для чего же въ академію ѣздилъ?

— Для науки, маменька!

— А наука для чего? Вонъ отца Порфирія, что въ Кривой-Балѣѣ, священника сынъ въ прошломъ годѣ академію кончилъ... Такъ сейчасъ ему въ уѣздномъ городѣ первое мѣсто дали.

— Это бываетъ... Да, сказать правду, я еще самъ хорошенько не знаю, что будетъ. Ну, какъ же вы поживаете?

Кирилъ сказалъ это, чтобъ смягчить жестокость своего заявленія. Но впечатлѣніе уже было произведено. На его вопросы отвѣчали вяло. Семинаристъ смотрѣлъ на него подозрительно и по всѣмъ признакамъ хотѣлъ задать ему какой-то каверзный вопросъ, но не рѣшался. Мотя въ глубокомъ разочарованіи совсѣмъ удалилась въ сосѣднюю комнату и сѣла у окна. И мать, и она, и семинаристъ, и тетка, а болѣе всѣхъ самъ діаконъ давно уже сжились съ мыслью, что Кирилъ будетъ профессоромъ семинаріи, а тамъ, пожалуй, и ректоромъ. Но главное, никто не понималъ этой странной переменны, и всѣ объясняли ее внѣшними обстоятельствами. Тетка опять принялась плавать. Кирилу подали ѣсть. Онъ выпилъ рюмку водки и сказалъ:

— Славная у васъ рыба, хорошо пахнетъ!

— Изъ города! Своей у насъ негдѣ поймать!—отвѣтила діаконша. И послѣ этого всѣ замолчали. Кирилъ ѣлъ тоже молча. Радостное настроеніе, съ которымъ онъ вступилъ въ предѣлы Устимьевки, замѣтно уступало мѣсто досадѣ. Не ожидалъ онъ такого сухого свиданія. Онъ понималъ, что все это зависитъ отъ его сообщенія. Скажи онъ, какъ всѣ говорятъ, что будетъ профессоромъ или протоіереемъ, у всѣхъ были бы радостныя лица, всѣ были бы удовлетворены. Понималъ онъ и то, что мать затаила въ душѣ обиду, которую онъ нанесъ всему

семейству. Она сдержала себя изъ приличія, ради перваго свиданія. Но завтра она разразится потокомъ горькихъ упрековъ и слезъ. Эта женщина, много поработавшая въ своей жизни и еще больше проболѣвшая, была раздражительна и желчна. Втолковать ей, въ чемъ дѣло, заставить понять его идею, Кириль даже не думалъ пытаться. Лишенная всякаго образованія, почти неграмотная, она неспособна была понимать такія отвлеченныя вещи, какъ служеніе ближнему на евангельской почвѣ.

Тетка, сморкаясь отъ слезъ, вышла посмотрѣть, скоро ли діаконъ придетъ. Діаконша пошла въ Мотѣ. Кириль методически ѣлъ рыбу, медленно отрѣзывалъ кусочки свѣжаго огурца и разжевывалъ съ необычайною серьезностью. Во всемъ чувствовалась неловкость. Мееодій, скрутивъ новую папиросу и закуривъ ее отъ прежней, дымилъ нестерпимо. Каверзный вопросъ такъ и свѣтился въ его глазахъ. Онъ всталъ и, подойдя ближе къ столу, сѣлъ у окна.

— Скажи, пожалуйста, Кириль, — конфиденціальнымъ тономъ сказалъ онъ, опасливо поглядывая на дверь, куда ушла мать: — вѣдь это неправда?

— Что именно? — спросилъ Кириль.

— Да вотъ это... Ты вѣдь не кончилъ академію? Тебѣ что-нибудь помѣшало?

Кириль улыбнулся. — Это потому, что я не иду въ архіереи? Нѣтъ, братъ, кончилъ, кончилъ... А не вѣришь, такъ вотъ тебѣ! — Онъ вынулъ изъ бокового кармана сложенную вчетверо толстую бумагу и подаль ее брату. Тотъ развернулъ бумагу, взглянулъ на нее и порывисто бросилъ на столъ.

— Ну, я этого не понимаю, совсѣмъ не понимаю! ужъ это что-то особенное! Прямо магистрантомъ кончилъ... Вотъ посмотрите, маменька, Мотя... Вѣдь онъ прямо магистрантъ! и золотая медаль! У насъ вотъ инспекторъ былъ, и тотъ до сихъ поръ только дѣйствительный студентъ. Нѣтъ, ей Богу, ну, вотъ ей Богу, не понимаю!

— Это я тебѣ послѣ объясню! — сказалъ Кириль и перешелъ къ молочной кашѣ съ сахаромъ, которую очень любилъ. Діаконша и Мотя пришли и разсматривали дипломъ.

— Его надо въ раму помѣстить! — сказала Мотя. Она припомнила, что у настоятеля о. Агаеона всѣ дипломы — и на священство, и на набедренникъ, и на скуфью — висѣли въ рамкахъ на стѣнѣ.

— Чтожъ, только и остается! — со вздохомъ замѣтила діаконша. Мееодій ходилъ по комнатѣ съ видомъ негодованія и

все говорилъ, что онъ не понимаетъ. Тетка съ красными вѣками явилась и съ умиленіемъ разглядывала дипломъ.

— Ну, что? Подкрѣпился? а? Накупался?—спросилъ вошедшій діаконъ. Какъ человѣкъ, привыкшій соразмѣрять и взвѣшивать каждый свой шагъ, онъ пытливо заглянулъ въ лица всѣхъ присутствующихъ и понялъ, что уже—свершилось.

— Славная у васъ рыбаца!—сказалъ Кирилъ и радостно взглянулъ на отца, какъ на единственнаго человѣка, который понимаетъ и одобряетъ его намѣренія.

— Изъ города!—сказалъ діаконъ, — у насъ вѣдь въ колодцахъ рыба не водится!—Тутъ діаконъ понялъ, что теперь самое время развеселить всѣхъ пріятной новостью. — А знаешь, Ариша,—обратился онъ собственно къ діаконшѣ:—Кирилъ-то у преосвященнаго былъ; преосвященный цѣловалъ его и сказалъ: „есть, говорить, у тебя братъ—діаконъ Назаръ; онъ, говорить, во священники просился; такъ ты“...

И вида, что всѣ домашніе слушаютъ его съ напряженнымъ любопытствомъ, діаконъ на минуту остановился для того, чтобы подразнить ихъ.

— Или, можетъ, не рассказывать? а?

— Ну, какъ же?!.. Что же преосвященный сказалъ?

— А-га! Любопытно! А вотъ возьму и не скажу!

— Ну, вотъ еще... Тогда зачѣмъ было начинать!—Впрочемъ всѣ знали, что діаконъ, въ концѣ концовъ, расскажетъ, и, конечно, ему самому хотѣлось этого больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ.

— „Такъ ты, говорить, скажи ему, чтобъ онъ пріѣхалъ, и я его сдѣлаю священникомъ“.

— Сказалъ?

Суровое и сухое лицо діаконши расцвѣло. Священство Назара—это была заветная ея мечта. Даже академическая карьера Кирила слушывалась передъ этимъ благомъ. Что Кирилъ! Вольная птица, заберется куда-нибудь за двѣ тысячи верстъ и поминай его какъ звали. Назаръ же—человѣкъ, привязанный къ мѣсту, коренной, куча дѣтей у него. Онъ будетъ жить до вѣку на ея глазахъ. Да, это обидно, что младшій сынъ ея, магистрантъ, идетъ въ сельскіе священники, но зато какое огромное счастье, что старшій сынъ, діаконъ, будетъ священникомъ, хотя бы и сельскимъ! Меодій радостно потиралъ руки; Мотя прыгала въ сосѣдней комнатѣ, потому что ей передъ Кириломъ невольно было прыгать; тетюшка рыдала отъ радости.

— Да ты правду ли говоришь?—допытывалась діаконша.

— Ну, вотъ, стану я лгать въ такомъ предметѣ! А не вѣришь—спроси у Кирила!

— Правда, правда! — сказалъ Кирилъ:—это мнѣ сказалъ преосвященный!

— Господи, какъ это чудесно!

Всѣ были взволнованы, подходили другъ къ другу и дѣлились восторженными восклицаніями, говорили о томъ, какъ будетъ радъ Назаръ и его жена Луна, какъ они устроятся на новомъ мѣстѣ, какъ отдадутъ старшую дочку въ епархіальное училище, для чего прежде не хватало денегъ.

— Эхъ, знаешь чтò, старуха!? Теперь я на покой!—съ умилениемъ воскликнулъ діаконъ.—Пора. вѣдь мнѣ! Посмотри, какъ я сгорбялся!

— Куда на покой?

— А такъ, на покой! Подамъ за штатъ и пойдёмъ въ сыну жить! Чтòжъ мнѣ! Меѳодій скоро семинарію кончитъ, а Матрену на казенный коштъ возьмутъ...

Лицо діаконши вдругъ сдѣлалось суровымъ и строгимъ. Его какъ будто передернуло.

— Этого никогда не будетъ!—рѣзко сказала она.

— Ну, чтòжъ такое!? Назаръ—онъ добрый.

— Всѣ добрые, пока въ карманъ, а какъ изъ кармана—такъ волками дѣлаются... Знаю я. Нѣтъ ужъ, лучше въ работницы пойду, а на шею никому не сяду.

Кирилъ смотрѣлъ на блѣдное лицо матери и думалъ о томъ, какъ, должно быть, жизнь ея была несладка, если она такъ глубоко озлобилась. Прежде онъ какъ-то не замѣчалъ этого.

— Ну, ну, пошла уже!—добродушно сказалъ діаконъ и махнулъ рукой въ сторону жены:—и вотъ всегда такъ. На людей злится, никому не вѣритъ, даже дѣтямъ своимъ кровнымъ не вѣритъ.

— И не вѣрю!—выразительно подтвердила діаконша.

— То-то, что не вѣришь. А я вотъ всѣмъ вѣрю. Всякому созданію Божію вѣрю. По-христіански.

— И всякій тебя обходитъ за то.

— А пускай его обходитъ. Онъ обходитъ, а я стою на мѣстѣ. Все равно, какъ дубъ столѣтній: ты его хоть миллионъ разъ обойди, а онъ будетъ стоять нерушимо. Вотъ оно что!..

Эта маленькая размолвка скоро была забыта. Діаконъ не становалъ на своемъ намѣреніи подать „за штатъ“. Всю жизнь онъ уступалъ Аригѣ Евстафьевнѣ—неужели же теперь было не уступить? Скоро опять заговорили объ архіерейской милости и вновь

оживились. Къ вечеру созрѣлъ проектъ объ извѣщеніи Назара. Назаръ состоялъ діакономъ въ селѣ Чакмарахъ, верстахъ въ тридцати отъ Устимьевки. На другой день рано утромъ запрягли лошадей въ таратайку. Кирилъ съ Меодіемъ выѣхали со двора и направились по широкой степной дорогѣ, которая вела въ Чакмары. Солнце едва поднялось, надъ полемъ носилась утренняя прохлада. Кирилъ чувствовалъ необычайную бодрость духа. Онъ говорилъ брату о томъ, что на него благотворно дѣйствуетъ деревня и что онъ не промѣняетъ ее ни на какія столицы.

— Чтò тутъ хорошаго? Ни людей, ни развлеченій. Одна скука!—возразилъ Меодій.—Вообще я тебя не понимаю, братъ!

— Еслибы мнѣ сказали это, когда я былъ въ твоёмъ возрастѣ, я точно также не понялъ бы!—отвѣтилъ Кирилъ:—тогда я, какъ ты теперь, тяготѣлъ въ большому городу; мнѣ казалось, что тамъ только жизнь, а здѣсь—сонъ и прозябаніе. Теперь я думаю иначе. Жизнь только здѣсь. Здѣсь люди живутъ по существу, а тамъ продѣлываютъ безконечный рядъ условностей. Все тамъ условно—и приличіе, и уваженіе, и порядочность, и умъ, и чувство. На все есть кодексъ, и человекъ тамъ—рабъ этого кодекса. Тамъ можно жить только для себя, а здѣсь можно кое-что удѣлить и ближнему. Возьми хоть это: жизнь въ городѣ дорога. Чтобы жить прилично, надо всѣ силы посвящать на добываніе средствъ. У человека не остается ни времени, ни силъ на то, чтобы быть человекомъ. А здѣсь жизнь стоитъ пустяки. Времени много, работай сколько хочешь. Здѣсь, и только здѣсь, ты—хозяинъ своего времени, своихъ силъ и способностей. Только здѣсь ты можешь отдать всего себя на служеніе ближнему!..

— Скажи, пожалуйста, этому обучаютъ въ академіи?—спросилъ Меодій, у котораго рѣчи брата вызвали одно только недоумѣніе.

— Чему?

— Вотъ этому всему, чтò ты говоришь.

— Нѣтъ,—сказалъ Кирилъ,—этому нечего обучать въ академіи; всякій можетъ самъ понять...

Они пріѣхали въ Чакмары часамъ къ двѣнадцати. Назаръ встрѣтилъ ихъ радушно, обнялъ Кирила и съ большимъ чувствомъ поцѣловалъ его. Онъ замѣтилъ съ сожалѣніемъ, что Кирилъ сильно похудѣлъ.

— Зато ты все толстѣешь. Пора бы остепениться!—сказалъ Кирилъ. Назаръ безнадежно махнулъ рукой. Это было его несчастье. Онъ былъ невѣроятно толстъ, такъ что подчасъ становился тяжелъ самому себѣ. Никакія мѣры не помогали. Ужъ онъ

и моціонъ дѣлалъ, и спать послѣ обѣда прекратилъ, и купался; онъ примѣнялъ къ себѣ все, что бы ему ни посоветовали. Кто-то сказалъ ему, что крѣпкій чай обладаетъ свойствомъ высушивать человѣка. Онъ сталъ пить крѣпкій чай денно и ночью. Посовѣтывали ему укусъ пить—онъ бросилъ чай и принялся за укусъ. Одного онъ не могъ примѣнить къ себѣ—умѣренности въ пищѣ. Аппетитъ у него былъ страшный, а обширная утроба помѣщала массу питательныхъ веществъ. Ълъ онъ буквально за пятерыхъ и при этомъ выпивалъ не одну рюмку доброй водки. Назару было уже лѣтъ за сорокъ; у него было семеро дѣтей, а жена его, Лукерья Игнатьевна, называвшаяся въ родственномъ кругу Луней, подавала надежды принести еще столько же. Эта маленькая, тоненькая, чрезвычайно подвижная и вѣчно веселая женщина представляла полную противоположность Назару, у котораго вѣчно распухали ноги, а самого его постоянно тянуло къ дивану. Можно считать, что собственно жена была главой дома. Назаръ свято исполнялъ однѣ діаконскія обязанности, но и то лишь потому, что Луней поручить это было никакъ невозможно. Во все прочее онъ, по тяжеловѣсности своей, не мѣшался, а Луня прекрасно справлялась сама и съ хозяйствомъ, и съ педагогіей, и даже вдобавокъ во всему просфоры пекла. На все у нея хватало силъ, никогда она не жаловалась на усталость или на то, что у нея слишкомъ много дѣла. Она жила дѣломъ. Назаръ обожалъ свою жену и былъ просто влюбленъ въ нее, считая ее красавицей, несмотря на то, что ея смуглое лицо было уже все въ морщинахъ, а въ волосахъ прежде времени появилась сѣдина.

Мееодій побѣжалъ въ загонъ, гдѣ возилась съ теленкомъ Луня, и сообщилъ радостную новость. Она бросила теленка и взволнованная полетѣла къ мужу. Тутъ она изобразила печаль и разыграла для шутки маленькую сцену.

— А знаешь, Назаръ, Кириль былъ у архіерея—и архіерей сказалъ ему, что, должно быть, говорить, брату твоему Назару придется въ заштатъ подать.

— Господи помилуй! — съ испугомъ воскликнулъ Назаръ и даже перекрестился при этомъ.—За что же бы это?

— А потому, говорить, больно онъ толстъ, служить не можетъ.

Но, видя глубокое отчаяніе, въ которое привела эта шутка легковѣрнаго Назара, Луня разсмѣялась и повѣдала ему всю правду. Кириль подтвердилъ. Назаръ, разумѣется, пришелъ въ неописанный восторгъ и готовъ былъ бы подскочить отъ радости, еслибы ему позволили это его вѣсь. Тотчасъ же онъ началъ мечтать о предстоящихъ улучшеніяхъ, которыя неизбѣжно должны

послѣдовать въ его жизни,—о просторной квартирѣ, объ отдачѣ дочки въ науку, о воспитаніи подростающихъ дѣтей, наконецъ самая главная и самая пылкая была мечта его о томъ, чтобы взять отпускъ, поѣхать въ Кіевъ или Харьковъ и полечиться тамъ у самаго лучшаго доктора отъ толщины — все это должно было осуществиться разомъ, благодаря одному архіерейскому слову.

Братья пообѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда молодые люди поѣхали обратно въ Устимьевку. Мотя выбѣжала имъ на встрѣчу и, сѣвъ въ таратайку около церкви, рассказала, что дома произошла неприятная сцена. Арина Евстафьевна всю ночь не спала. Въ душѣ ея боролись два ощущенія: радость—по поводу предстоящаго возвышенія Назара, и горе — по поводу непонятнаго добровольнаго униженія Кирила. Встала она съ головной болью и съ разстроенными нервами. Діаконъ сразу это понялъ и съ утра началъ заговаривать, что ему нужно побывать у отца настоятеля. Но она пристала къ нему неотступно. Сначала были только вздохи и укоры общаго свойства. У людей все идетъ по людски, говорила діаконша, — дѣти вырастаютъ и достигаютъ толку. У иного сынъ еле-еле семинарію дотанулъ, а смотришь—сходилъ туда-сюда, и мѣсто въ городѣ получилъ. Тутъ слѣдовали примѣры: архіерейскаго иподіакона сынъ кончилъ по третьему разряду, а получилъ мѣсто въ городѣ въ кладбищенской церкви. Чакмарскаго священника два сына, — оба изъ четвертаго класса вышли, и ничего, — въ священники вылѣзли. А у нихъ, у Обновленскихъ, все не по-людски: сынъ удивлялъ всѣхъ своими успѣхами, кончилъ академію первымъ и будетъ въ селѣ виснуть. Всѣ будутъ на нихъ пальцами показывать, — дескать, вотъ какіе вы мизерные, и академія вамъ не помогла, и первенство вамъ ни къ чему. А отецъ, вмѣсто того, чтобы сыну внушить, на путь истины наставить, еще подхваливаетъ, умиляется. Видно, Богъ наказалъ ее за великіе грѣхи.

Потомъ начались слезы, которыя перешли въ рыданія. Тетка, разумѣется, тоже плакала, но тихонько, спрятавшись въ темный чуланчикъ. Кончилось тѣмъ, что Арина Евстафьевна слегла въ постель. Когда Кирилъ вошелъ къ ней въ комнату, подошелъ къ ней и поцѣловалъ у нея руку, она встрѣтила его съ упрекомъ:

— Вотъ до чего довели меня дѣтви! Въ постель слегла!.. — И тутъ она опять разрыдалась. Кирилъ сѣлъ на кровати, взявъ ее руку и заговорилъ тихимъ, ласковымъ голосомъ:

— Вы больны, маменька, не сможете слушать меня спокойно, а то бы я вамъ объяснилъ.

— Что ты мнѣ объяснишь? Что ты мнѣ можешь объяснить? — трагически воскликнула Арина Евстафьевна.

— Объяснить свое рѣшеніе, маменька! Вы негодуете на то, что я отказался отъ выгодныхъ мѣстъ и иду въ село священникомъ. Разсудите же, маменька! Мы съ вами всю жизнь были бѣдны, вы всю жизнь неустанно трудились, трудъ иссушилъ васъ, истомилъ. Бѣдность и трудъ, маменька, это—наше достояніе, они сдѣлались нашими родными. Что бѣдно и трудится, то наше. Ну, что же, я хочу послужить своему, родному. Не хочу служить богатымъ, а бѣдности хочу послужить. Хочу жить такъ, какъ вы жили. За вашу трудовую жизнь я питаю къ вамъ глубокое уваженіе. Хочу тѣмъ же заслужить уваженіе и я. У васъ же я учился этому. Вы своимъ примѣромъ заронили въ мою душу сѣмена, а я ихъ взростилъ.

Трудно сказать, что подѣйствовало на діаконшу. Едва-ли ея озлобленной душѣ были доступны эти доводы. Но ласковый голосъ сына, его любовный взглядъ, быть можетъ; теплота его руки, которой онъ нѣжно сжималъ руку матери, подѣйствовали на нее успокоительно. Съ лица ея исчезло напряженное выраженіе злобы и отчаянія; она тихо привлекла къ себѣ Кирила и поцѣловала его въ голову.

— Ахъ, Кирилъ!—сказала она тихимъ голосомъ:—такъ-то мы на тебя надѣялись, такъ-то надѣялись! Думали, возвышеніе нашему семейству будетъ, а ты вотъ что придумалъ.

Но все это она сказала спокойнымъ, примирительнымъ голосомъ.

— Будетъ и возвышеніе! Погодите. Дайте сперва мнѣ свое сердце удовлетворить. Все будетъ, маменька.

Кирилъ посидѣлъ съ нею съ полчаса. Діаконъ, подслушавшій ихъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ, дивился искусству сына разгонять бури,—искусству, которому онъ не могъ научиться за всю жизнь, несмотря на свою полную покорность Аринѣ Евстафьевнѣ. Скоро и діаконша встала съ постели и принялась за свои обычныя дѣла. И разговоръ этихъ она больше не возбуждала.

Проѣздомъ въ городъ заѣзжалъ Назаръ. Здѣсь его торжественно благословили. Арина Евстафьевна сдѣлала ему подробныя напутственныя указанія, какъ малому дитяти. Добродушный Назаръ выслушалъ ихъ покорно и серьезно принялъ ихъ къ свѣденію. Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ дитя, и, пускаясь въ путь съ столь важными намѣреніями безъ Луни, чувствовалъ, что почва подъ нимъ нетверда. Дѣло стояло такъ, что ежели преосвященный не измѣнитъ своего милостиваго рѣшенія, то Назару придется одному прожить въ городѣ, гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ,

не меньше какъ недѣлю, а это представлялось ему настоящимъ подвигомъ.

Слѣдующіе два дня послѣ его отъѣзда, въ домѣ устимьевскаго діакона были полны тревожнаго выжиданія. Одинъ Кирилъ былъ словоенъ; онъ зналъ, что архіерей сдѣлалъ свое обѣщаніе серьезно и не измѣнить своему слову. Робкій діаконъ боялся вѣрить такому счастью, пока не увидитъ его во-очію. Арина Евстафьевна, въ душѣ которой глубоко сидѣлъ пессимизмъ, твердила, что надѣяться слѣдуетъ только на дурное: оно никогда не заставитъ себя ждать, — а по части хорошаго всегда пообождать слѣдуетъ. „Иной разъ по всѣмъ видимостямъ добро должно бы выйти, а наконецъ — злющее эо получается“. Но по истеченіи двухъ дней можно уже было построить силлогизмъ такого рода, что будь Назару неудача — онъ уже вернулся бы, а если сидитъ въ городѣ — значитъ, къ сану готовится.

— А можетъ его на эпитимью тамъ поставили, вотъ онъ и сидитъ! — замѣтила все-таки Арина Евстафьевна, хотя въ душѣ больше склонялась къ общему мнѣнію.

Наступило воскресенье. Діаконъ облачился въ чистенькую ряску, примазалъ и пригладилъ волосы и вообще принялъ видъ торжественный и благолѣпный.

— Ужъ это вѣрно, что сегодня его рукополагаютъ! — съ торжественнымъ умиленіемъ повторялъ онъ и служилъ въ этотъ день въ церкви съ особой торжественностью, подчеркивая слова и произнося ихъ на-распѣвъ. Волненіе его съ каждымъ часомъ усиливалось. Придя изъ церкви, онъ, въ противность обычаю, совсѣмъ отказался отъ рюмки водки и отъ вяленаго рыба съ свѣжимъ лукомъ. Онъ и отъ обѣда отказался, просто не могъ ѣсть отъ волненія. Вѣчный діаконъ, онъ считалъ священство недосягаемымъ идеаломъ, и вотъ Назаръ, который, казалось, былъ также, какъ и онъ, осужденъ на вѣчное діаконство, сегодня взбирается на эту высокую ступеньку жизненной лѣстницы. Сильно волновалась и Арина Евстафьевна, но прятала свое волненіе внутрь себя и неискренно твердила, что не вѣритъ.

Наконецъ, къ вечеру пріѣхалъ Назаръ. Онъ вошелъ въ комнату торжественно-сіяющей и, остановившись на порогѣ, внимательно и набожно осѣнилъ себя крестомъ, поклонился иконамъ, а затѣмъ, обратившись къ семьѣ, которая вся сидѣла за чаемъ, молча поблагословилъ ее. Тутъ всѣ поняли, что свершилось, чинно поднялись и тоже стали креститься. Радость была до того велика, что въ первое время всѣ молчали. Оправившись, всѣ чинно подошли поочередно къ новому іерею и взяли у него благословеніе. Затѣмъ стали спрашивать Назара, какъ все это слу-

чилось. Онъ разсказывалъ по порядку съ мельчайшими подробностями, а когда дошелъ до описанія своего перваго визита къ архіерею, то, обращаясь къ Кирилу, сказалъ:

— Про тебя онъ говорилъ страсть какъ хвалебно. „Онъ, говоритъ, примѣръ всей епархіи. И собственно ради его христіанскаго смиренія я тебя призвалъ въ священники“. Велѣлъ сказать, что мѣсто тебѣ хорошее приготовилъ, чтобы скорѣе женился и къ нему пріѣзжалъ.

Вся семья, кромѣ отца, смотрѣла недоумѣвающе на Кирила.

Назаръ ночевалъ въ Устимьевкѣ. Кирилъ уѣхалъ въ городъ на другой день.

IV.

Двѣ недѣли, что Кирилъ провелъ въ городѣ, были для него мучительны. Просилъ онъ отца Гавріила, и матушку, и Муру, чтобы вѣнчанье было скромное, но его и слушать не хотѣли.

— Многаго хочешь!—говорила матушка.—Ужъ и такъ тебѣ во всемъ уступили, во всемъ. Ну, а въ этомъ ужъ извини. Въ этомъ я не уступлю!

И матушка вздыхала при воспоминаніи о той уступкѣ, которую она сдѣлала Кирилу. Мура, съ своей стороны, говорила, что ей ужасно хочется провести брачный вечеръ среди блеска огней и шума гостей. Она откровенно призналась Кирилу, что давно и постоянно объ этомъ мечтала. Отецъ Гавріиль прямо заявилъ, что этого требуетъ его положеніе въ городѣ. Противиться такимъ доводамъ было бесполезно.

И вотъ второй этажъ церковнаго дома расцвѣтился огнями, въ соборѣ зажгли главное паникадило, пѣли архіерейскіе пѣвчіе, а апостола читалъ громоносный басъ, состоявшій при соборѣ сверхъ штата и предназначенный въ протодіаконы. Весь цвѣтъ духовной молодежи города, всѣ дочки, ждавшія жениховъ въ видѣ академиковъ, съ толстыми маменьками, учителя семинаріи, батюшки и даже кое-кто изъ семинаристовъ старшихъ классовъ, все это было въ церкви, а изъ церкви перешло въ церковный домъ и веселилось тамъ направо до утра. Мура была весела, оживлена и миловидна въ своемъ бѣлоснѣжномъ нарядѣ съ массою цвѣтовъ на головѣ. Кирилъ былъ мѣшкватъ въ непривычномъ фракѣ, но это ему шло, какъ академику, въ которомъ предполагалось много серьезности и учености. Изъ устимьевской родни на праздникъ присутствовали только Меодій и Мотя; старики убоялись блеска и сказали: „куда намъ! гдѣ намъ!“ Луна не могла

оставить ребятишекъ, а Назаръ просто сослался на свою толщину. При томъ же онъ какъ разъ въ это время переѣзжалъ въ свой приходъ, въ село Гурьево, куда онъ былъ назначенъ настоятелемъ.

Черезъ два дня послѣ свадьбы Кирилъ явился къ архіерею.

— А-а!..—привѣтливо встрѣтилъ его архіерей:—знаю, знаю.

Отецъ Гаврилъ мнѣ сказывалъ. Хорошую дѣвицу въ жены взялъ. Ну, а я тебѣ мѣсто уготовалъ. Это будетъ по близости къ твоей роднѣ. Мѣстечко Луговое знаешь?

— Мѣстечко Луговое?!

— Ты что же, не доволенъ?

— Тамъ два священника, ваше преосвященство!

— Ну, и ты будешь настоятелемъ.

— Боюсь я этого. Уживемся ли?

— Ты-то? Съ твоей-то голубиной кротостью? Нѣтъ, нѣтъ, ужъ ты не возражай. Я рѣшилъ, такъ тому и быть. Все-таки въ мѣстечкѣ есть и базаръ, и школа, и почта. Не глушь какая-нибудь... Готовься. Въ пятницу праздникъ, мы тебя въ діавоны возведемъ, а въ воскресенье и въ іереи. Иди съ Богомъ.

Кирилъ больше не возражалъ. Но онъ былъ крайне недоволенъ назначеніемъ. Мѣстечко Луговое—огромное по размѣрамъ, съ массой прихожанъ. Это его не пугало. Но тамъ онъ будетъ не одинъ. Всѣ его планы будутъ встрѣчать противодѣйствіе въ товарищѣ. Найти въ немъ помощника онъ даже не рассчитывалъ. Пойдутъ несогласія, дразги, подвопы, то-есть какъ разъ то, чего онъ больше всего боялся. Но настойчиво возражать архіерею, который съ перваго же шага такъ много для него сдѣлалъ и такъ сочувственно отнесся къ его планамъ, онъ не рѣшился. Онъ сказалъ себѣ: „будь, что будетъ. Что бы тамъ ни было, я буду тянуть свою линію. Ничто не заставитъ меня свернуть съ намѣченнаго пути и жить не такъ, какъ я рѣшилъ. Почему звать? Можетъ быть, это и къ лучшему!“

Съ этого времени онъ началъ ощущать постоянное волненіе. То, что теоретически сложилось въ его головѣ, начинало осуществляться. Подходила практика, къ которой надо быть готовымъ. Иногда онъ садился около Муры, бралъ ея руку и говорилъ:

— Ахъ, Мура! страшно! Задача трудная, хватить ли силъ?

Мура совсѣмъ неясно представляла себѣ сущность этой „задачи“. Но и ей сдѣлалось страшно, потому что онъ такъ говорилъ. Сомнѣніе однако проходило; онъ же прогонялъ изъ головы врачную мысль и объявлялъ, что это не больше, какъ настроеніе, и что онъ не имѣетъ никакихъ основаній сомнѣваться въ своихъ силахъ.

— Мы такіе молодые съ тобой, Мура!.. Когда состаримся, тогда будемъ сомнѣваться!..

Мура подтверждала и это. Она была его отголоскомъ. Она любила въ немъ своего мужа—молодого, умнаго, симпатичнаго, сердечнаго, считала его необычайно развитымъ и даже ученымъ, а его идеи высокими и для нея недостижимыми.

Въ пятницу Кирилъ пришелъ домой изъ церкви въ рясу. Мура, увидѣвъ его въ этомъ костюмѣ, чуть не упала въ легкій обморокъ, а очнувшись, начала плавать.

— О чемъ же ты? — спрашивалъ Кирилъ, стараясь утѣшить ее лаской, но это не помогало. Станнымъ казался ей Кирилъ въ своемъ новомъ костюмѣ. Она привыкла къ нему и привыкла любить его въ скуртуѣ, въ видѣ обыкновеннаго молодого человѣка; она находила его стройнымъ и довольно ловкимъ. И вдругъ все это исчезло подъ широкой и длинной рясой, подъ этимъ костюмомъ, разгоняющимъ всякія мысли о любви, о романѣ. Теоретически она допускала, что Кирилъ надѣнетъ рясу, но когда это случилось во-очію, когда онъ предсталъ передъ нею уже посвященный, безъ малѣйшей надежды снять когда-нибудь рясу и принять видъ обыкновеннаго молодого человѣка, какого она полюбила, когда все уже было кончено и навсегда,—сердце у нея невольно сжалось, и она не въ силахъ была удержать слезы.

— Ахъ, Мура, Мура! Да вѣдь я тотъ же! Не перемѣнился же я оттого, что надѣлъ рясу!..

— Какой ты странный, некрасивый, смѣшной! — произнесла Мура, уже улыбаясь сквозь слезы.—Онъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало и также улыбнулся. Дѣйствительно, видъ у него былъ странный. Короткіе волосы, вчера только подстриженные „въ послѣдній разъ“; начисто выбритые подбородокъ и щеки—тоже „въ послѣдній разъ“; маленькіе, едва пробивающіеся усики, совершенно юношеское выраженіе лица, тонкій станъ, все это придавало ему такой видъ, будто онъ въ шутку нарядился въ рясу—это одѣяніе солидныхъ пастырей, предполагающее и бороду, и длинные волосы, и солидное сложеніе. Но это было не въ шутку, и Мура это знала. Оттого она и плакала.

Матушка поздравила его, и при этомъ какъ-то восо посмотрѣла на его костюмъ. Она была оскорблена въ лучшихъ своихъ чувствахъ. Затаенное желаніе большинства духовныхъ женъ—пустить своихъ дѣтей по свѣтской части. Она именно и рассчитывала, что ея зять, который съ такимъ блескомъ шелъ въ академіи, будетъ инспекторомъ въ семинаріи, либо даже профессоромъ въ какой-нибудь академіи, и развѣ уже достигнувъ сорока-

лѣтняго возраста, вступить въ рясу и сразу занять мѣсто каедральнаго протоіерея. Но разъ она допустила это,—должна была сносить; поэтому она ограничилась сухимъ поздравленіемъ и не прибавила ни одного укоризненнаго слова. Отецъ Гавріиль, участвовавшій въ посвященіи Кирила, отнесся къ этому факту спокойно; ему было извѣстно, что архіерей одобряетъ поступокъ Кирила, и онъ втайнѣ возлагалъ на это обстоятельство большія надежды. Надоѣсть Кирилу въ деревнѣ, дурь пройдетъ, тогда преосвященный сразу дастъ ему лучшее мѣсто въ городѣ.

Въ воскресенье Кириль былъ рукоположенъ во священники. Много передумалъ онъ и перечувствовалъ въ теченіе тѣхъ немногихъ минутъ, когда на него, по чину церковному, возлагали этотъ санъ. Вотъ пришла та минута, когда онъ формально и всенародно связалъ себя узами долга, безъ исполненія котораго онъ находилъ жизнь неинтересной и несправедливой. Въ этотъ мигъ онъ почувствовалъ уваженіе къ себѣ, къ своей послѣдовательности, къ своему характеру. Онъ зналъ многихъ людей, которые говорили о лежащемъ на нихъ громадномъ долгѣ, и у которыхъ не хватало рѣшимости перейти отъ словъ къ дѣлу. И всю жизнь они говорятъ объ этомъ долгѣ и не идутъ дальше этихъ словъ. Онъ оставилъ ихъ позади, намѣтилъ себѣ цѣль, и вотъ сегодня онъ ступилъ твердою ногой на дорогу, которая поведетъ его къ этой цѣли. Онъ не то чтобы возгордился или «суждалъ кого-нибудь, нѣтъ,—но въ эту торжественную минуту онъ не могъ же оставаться равнодушнымъ къ самому себѣ и не похвалить себя за твердость духа.

Марья Гавриловна была въ церкви. Сердце у нея усиленно билось, когда надъ Кириломъ совершали обрядъ. Ей казалось, что этотъ обрядъ косвеннымъ образомъ и надъ нею совершается, и когда Кирила облачили въ священническую рясу, она мысленно сказала себѣ: „вотъ ужъ я и матушка попадаю!“ Но вообще за эти три дня она приглядѣлась къ костюму Кирила и свыклась съ новымъ положеніемъ. Послѣ обѣдни Кириль сказалъ ей нѣсколько торжественнымъ, многозначительнымъ тономъ:—Теперь, Мура, жизнь настоящая начнется. До сихъ поръ мы все только готовились!

И весь этотъ день настроеніе его было какое-то повышенное; глаза горѣли вдохновеннымъ блескомъ, точно обрядъ, совершенный надъ нимъ въ церкви, въ самомъ дѣлѣ переродилъ его. Мура пугалась этой переменѣны, которая какими-то неуловимыми путями отдаляла отъ нея Кирила. Иногда онъ вдругъ начиналъ казаться ей чужимъ, онъ—священникъ съ сосредото-

точенно-строгимъ взглядомъ, говорящій тономъ проповѣдника. Развѣ это тотъ милый, сердечный, близкій ей Кирилъ, котораго она полюбила? И въ эти минуты ей становилось жутко; будущее представлялось ей смутнымъ, неизвѣстнымъ и холоднымъ. Но это было минутное настроеніе, которое исчезало, опять приходило и опять исчезало.

Началась пробная недѣля. Кирилъ ежедневно служилъ въ архіерейской церкви. Приходя домой, онъ обыкновенно былъ нервно-возбужденъ и выражалъ крайнее нетерпѣніе.

— Скорѣе бы на мѣсто отправиться!—повторялъ онъ по нѣскольکو разъ на день,—и какъ долго тянутся эти приготовленія!

— Вотъ ужъ не понимаю! Не понимаю!—возражала матушка, —чего тутъ торопиться! Надоѣсть еще въ глуши-то виснуть! Господи—какъ надоѣсть!

— Дорваться до дѣла, зарыться въ него съ головой, съ душой и тѣломъ, отдаться ему безраздѣльно!..—восторженно говорилъ Кирилъ,—не обращая ни къ кому и неопредѣленно глядя въ пространство.

Матушка широко раскрывала глаза, пожимала плечами и уходила изъ комнаты. „Нѣтъ,—думала она,—необдуманно поступили мы, выдавъ за него Марью. Ничего не вижу я въ немъ хорошаго. Городить несуразное... Похоже на то, словно у него одной клѣпки не хватаетъ“... Но Муръ она не высказывала своихъ заключеній.

Едва только кончилась пробная недѣля, въ воскресенье послѣ обѣдни Кирилъ заторопился съ отъѣздомъ. Мура была готова. Онъ всю недѣлю подгонялъ ее; она уложила все свое приданое въ сундуви. Къ этому дню пріѣхалъ изъ Устимьевки діаконь. Онъ взялся нанять фуру и сопровождать ее съ разнымъ скарбомъ до самаго Лугового; Кирилъ же съ Мурой поѣдетъ на почтовыхъ днемъ позже, когда тамъ все уже будетъ приведено въ порядокъ. Въ понедѣльникъ раннимъ утромъ діаконь, усердно помолившись Богу, двинулся въ путь, а Кирилъ пошелъ къ архіерею за обычнымъ напутствіемъ.

Архіерей вышелъ къ нему въ темно-зеленой полковой рясѣ, въ клобукѣ и съ длинными четками. Онъ собирался выѣхать со двора. Кирила удивилъ нѣсколько строгій видъ, съ которымъ онъ его встрѣтилъ. Онъ не улыбался, не шутилъ и вообще отнесся къ нему болѣе начальственно. Кирилъ объяснилъ это тѣмъ, что онъ теперь священникъ, въ рясѣ, и слѣдовательно архіерей является его прямымъ начальникомъ. Онъ и раньше замѣтилъ, что съ людьми, носящими гражданское платье, архіереи обращаются

списходительнѣе и проще. Архіерей говорилъ съ нимъ стоя и самъ стоялъ, тогда какъ прежде онъ всегда приглашалъ его садиться и самъ садился.

— Ты отправляешься на мѣсто своего служенія?—спросилъ онъ, перебирая четки обѣими руками.

— Да, думаю завтра отправиться,—отвѣчалъ Кирилъ.

— Слѣдовательно ты не раздумалъ и стоишь на своемъ?

— Нѣтъ, не раздумалъ.

— А то я тебѣ далъ бы хорошее мѣсто здѣсь, въ купеческой церкви.

— Благодарю васъ. Но я хочу въ деревню...

Архіерей нахмурилъ брови и пристально посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Ты хочешь этого непременно?—выразительно спросилъ онъ.—Кирила удивилъ этотъ вопросъ и эта перемѣна въ тонѣ.

— Да, я хочу этого ваше преосвященство!

— Помни однако,—строго-наставительно сказалъ архіерей,—что въ твоёмъ новомъ санѣ никакія умствованія не должны быть допускаемы. Ты долженъ быть пастыремъ твоихъ овецъ, не болѣе...

— Добрымъ пастыремъ, ваше преосвященство!

— Разумѣется, добрымъ,—слегка возвысивъ тонъ, перебилъ его архіерей:—но не думаешь ли ты, что всѣ прочіе пастыри не таковы? Нехорошо начинать службу съ такими горделивыми мыслями.

Все это было до послѣдней степени странно, и каждое новое слово архіерея приводило Кирила въ изумленіе. Откуда все это? Кто внушилъ ему эти подозрѣнія?

— Вотъ что, сынъ мой!—прибавилъ архіерей, какъ бы нѣсколько смягчившись:—ты для меня загадка. Одно изъ двухъ: или ты добрая и простая душа, или въ тебѣ сидитъ демонъ возмущенія.

— Возмущенія?!—воскликнулъ Кирилъ.—Вы прежде не думали такъ, ваше преосвященство.

Въ лицѣ архіерея можно было замѣтить легкое смущеніе. Казалось, ему даже сдѣлалось стыдно за это испытаніе, которому онъ подвергъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Онъ улыбнулся, поднялъ руку и потрепалъ Кирила по плечу.

— Нѣтъ, я знаю, что у тебя невинная душа!—мягко и дружескимъ тономъ сказалъ онъ:—однако же блюди! Мнѣ извѣстно, что, будучи въ академіи, ты съ умниками знакомства велъ. Я уважаю умныхъ людей, хотя бы и свѣтскихъ, но свѣтскія идеи неприложимы къ іерейскому сану. Служи меньшему брату, единому отъ малыхъ сихъ, это хорошая идея, но удаляйся всякой

предвзятости. И остороженъ будь, ибо твою добрую идею немногіе понимаютъ, а непонимающіе во всякомъ добрѣ могутъ зло отыскать! Остороженъ будь! Это тебѣ мое отеческое напутствіе!

Онъ съ большимъ чувствомъ поблагословилъ Кирила и даже облобызалъ его, и, отпуская, прибавилъ: — дерзай!

Кирилъ вышелъ отъ него въ большомъ недоумѣніи. Не было никакого сомнѣнія, что у архіерея съ вѣмъ-то была про него рѣчь. Этотъ „кто-то“, конечно, человѣкъ свѣдущій про его жизнь въ академіи. Кто бы это могъ быть?

Онъ нанялъ извозчика и поѣхалъ въ соборный домъ. У самыхъ воротъ, когда онъ уже слѣзъ съ брички, ему попался на глаза молодой Межовъ, который подлетѣлъ къ нему и прямо заявилъ:

— Утвердили, братъ, таки-утвердили. Разумѣется, сперва исправляющимъ должность, а потомъ и совсѣмъ утвердятъ.

Кирилъ понялъ, что рѣчь идетъ объ инспекторствѣ. Межовъ осмотрѣлъ его и продолжалъ: — А ты уже въ рясу облачился?! Скоро. Вотъ, признаюсь тебѣ откровенно, — чего я не понимаю, такъ именно этого!

— Ну, чтѣ жъ я съ тобой подѣлаю, коли ты не понимаешь! — поспѣшилъ отвѣтить Кирилъ.

— То-есть, какъ сказать... Я понимаю... Деревня, сляніе съ народомъ и прочее... Только это, извини, глупо!

— До свиданія... Я спѣшу! — оборвалъ его Кирилъ, кивнулъ головой и быстро скрылся въ калитку. Не любилъ онъ разговаривать съ этимъ господиномъ. О чемъ бы они ни начинали разговоръ, всегда оказывалось, что ихъ мнѣнія какъ разъ противоположны. Они какъ-то органически, безнадежно расходились во взглядахъ. Къ тому же Межовъ былъ болтливъ и любилъ развивать свои взгляды въ многословныхъ тирадахъ.

„Этотъ сболтнулъ дядюшкѣ-ректору, а дядюшка-ректоръ повѣдалъ архіерею съ соответствующими случаю комментаріями, вотъ и вся исторія“, — подумалъ Кирилъ, и для него въ самомъ дѣлѣ стало все ясно.

V.

Въ среду около двухъ часовъ дня почтовая таратайка, окруженная густымъ столбомъ пыли, изъ глубины котораго, какъ изъ таинственнаго облака, раздавался зычный лязгъ почтоваго колокольчика, ввятилась въ предѣлы мѣстечка Лугового. Съ перваго взгляда можно было понять, что это поселеніе лишь по недо-

разумѣнію сдѣлалось мѣстечкомъ. По какому-то случайному признаку, люди воображали, что мѣсто это бойкое, удобное, и давай строить хату къ хатѣ. А можетъ быть въ прежнее время здѣсь пролегла большая торговая дорога, которая собрала сюда народъ; а потомъ, съ проложеніемъ новыхъ усовершенствованныхъ путей, пунеть этотъ остался въ сторонѣ.

Луговое было безъ толку разбросано на разстояніи добрыхъ двухъ верстѣ въ длину да на версту въ ширину. Хаты были привезиштыя, крытыя старымъ, давно почернѣвшимъ, камышомъ, и это были хаты прежнихъ владѣльцевъ, у которыхъ нѣкогда былъ еще достатокъ. Онѣ прилегали къ главной улицѣ, неподалеку отъ узенькой рѣчки, поросшей кустаремъ и окаймленной густой стѣнной зеленога камыша. На этой улицѣ стояла и церковь, небольшая и невысокая, съ единственнымъ зеленымъ куполомъ и безъ колокольни. Колокола висѣли подъ деревяннымъ навѣсомъ, укрѣпленнымъ на двухъ столбахъ. Далѣе, въ обѣ стороны шли узкіе проулки, застроенные большею частью землянками съ низенькими земляными крышами, на которыхъ привольно росли бурьянъ и лопухъ, а кое-гдѣ — посѣянный лукъ и даже огуречная гудина. Такимъ образомъ было ясно, что позднѣйшія поколѣнія отличались уже откровенной бѣдностью и селились прямо въ землянкахъ.

При самомъ вѣздѣ въ мѣстечко, справа разстилался довольно обширный садъ, но сильно запущенный, со множествомъ высохшихъ деревьевъ, поросшій высокимъ бурьяномъ и чужезднымъ кустарникомъ. Въ самомъ саду помѣщался помѣщичій домъ, квадратный, съ почернѣвшей и покоробившейся деревянной крышей, небольшой и, повидимому, неблагоустроенный.

Почтовая таратайка направилась къ церкви и остановилась у крыльца чистенькаго каменнаго домика съ зеленой крышей, примыкавшаго къ самой церковной оградѣ. На крыльцѣ стоялъ и привѣтливо улыбался устимьевскій діаконъ. Онъ былъ доволенъ и благорасположенъ, потому что квартира въ церковномъ домѣ оказалась удобной, приличной и помѣстительной.

— Только народъ здѣсь все ободранный, голоштанникъ какой-то!.. Сомнительно, чтобы здѣсь доходъ былъ хорошій!— прибавилъ діаконъ, когда молодые хозяева вошли въ домъ и сняли съ себя страшно запыленные верхнія платья. Впрочемъ онъ разсказалъ и кое-что утѣшительное. Онъ уже побывалъ у священника. Отецъ Родіонъ Манускриптовъ уже пятнадцать лѣтъ сидѣлъ въ Луговомъ и, конечно, зналъ, какіе здѣсь доходы. Сначала онъ принялъ діакона сухо.

— Вы кто таковой? Я васъ не знаю. Вашъ сынъ — молоденежъ, и въ настоятели лѣзеть, а я пятнадцать лѣтъ здѣсь коршю.

Но діавонъ объяснилъ, что Кирилъ не просился въ настоятели, а случилось это потому, что онъ первый магистрантъ академіи.

— Магистрантъ?! Вотъ какъ! Ну, тогда, конечно, конечно... Тогда другая статья.

Слово „магистрантъ“ въ глазахъ отца Родіона Манускриптова было волшебнымъ. Оно давало человѣку всѣ права на первенство во всѣхъ отношеніяхъ. Самъ онъ достигъ священства исподоволь, путемъ долгихъ просьбъ, ибо курса семинаріи не кончилъ. Получивъ столь значительное разъясненіе, онъ открылъ свою душу устимьевскому діавону и повѣдалъ ему, что, въ сущности, доходы здѣсь хороши, ежели дѣйствовать умѣючи. Народъ — голытьба, это правда, но есть дворовъ десять богатыхъ, а кромѣ того наѣзжаютъ по воскресеньямъ достаточные хуторяне. Народъ это таковой, что ежели его пригласить да угостить чаемъ и водкой, то онъ тебѣ на другое воскресенье полную засѣку жита привезетъ.

— Хуторянами и живемъ по преимуществу! — прибавилъ отецъ Родіонъ. — А собственно Луговое, такъ это, можно сказать, „велика Федора, да дура“. Толку съ него мало. Народъ бѣдственный и при томъ грубый. Три кабака здѣсь есть, такъ они всегда полны, а церковь пустуетъ. Помѣщица тоже здѣсь есть, но странная особа. Церковь не посѣщаетъ и вообще къ духовнымъ лицамъ не благоволяетъ... Ну, а въ общемъ — жить можно.

Все это діавонъ разсказалъ Кирилу и прибавилъ отъ себя: — ты съ отцомъ Родіономъ сойдись. Да и помѣщицу посѣти. Можетъ, она къ твоей учености снизойдетъ. Все-таки подмога.

Тутъ онъ заторопился, наскоро выпилъ чаю и уѣхалъ въ Устимевку, сказавъ, что отецъ настоятель будетъ сердиться за его долговременное отсутствіе.

Утомленный дорогой, Кирилъ рѣшилъ въ этотъ день не предпринимать ничего. Онъ дѣятельно помогалъ Мурѣ разставлять мебель, вынимать изъ сундуковъ платье и бѣлье и все это распредѣлять по комодамъ и шкафамъ. День былъ жаркій, августовскій. Они открыли окна въ небольшой палисадникѣ, въ которомъ цвѣли настурціи, георгины и анютины глазки, посаженные, должно быть, ихъ предшественниками. Изъ оконъ видны были мужицкія хаты, съ узенькими гумнами, гдѣ копошились крестьяне, мельгали въ воздухѣ цѣпы и раздавался торопливый стукъ ихъ. Бабы загребали солому и сметали зерно въ вучу.

Мура глядѣла на все это съ дѣтскимъ любопытствомъ. Первый разъ въ жизни она видѣла, какъ дѣлается хлѣбъ. Этотъ стукъ возбудилъ въ ней непонятную тревогу. Мысль, что она здѣсь хозяйка, въ этой чужой для нея мѣстности, съ неизвѣстными ей людьми и обычаями, не уживалась въ ея головѣ. Ей все казалось, что она не болѣе какъ путница, и все это оригинальный дорожный эпизодъ.

Уже вечерѣло. Они сидѣли въ спальнѣ у раскрытаго окна и отдыхали отъ возни. Имъ показалось, что въ передней комнатѣ, которую они назвали „прихожей“, скрипнула дверь и что-то зашевелилось. Марья Гавриловна вздрогнула, поднялась и заглянула въ дверь.

— Добрый вечеръ, матушка!— сказала вошедшая женщина и низко поклонилась. Она была невысокаго роста, плотная, съ выдающимся впередъ животомъ. Лицо ея было красно, точно она передъ этимъ дѣлный день стояла у раскаленной плиты; на этомъ лицѣ все было крупно и какъ-то особенно прочно сдѣлано. Густыя черныя брови, соединенныя въ одну прямую линію, толстый носъ, задранный вверху, съ навойливо раскрытыми широкими ноздрями, широкій ротъ съ толстыми губами малиноваго цвѣта, массивный четырехугольный подбородокъ и короткая толстая шея. На головѣ у нея былъ платокъ темно-сѣрый шерстяной, дважды обернутый вокругъ шеи, несмотря на то, что было жарко и душно. Бѣлая сорочка была грязновата, а ситцевая юбка сильно подтыкана, что придавало всей этой смѣшной фигурѣ дѣловитый видъ.

— А что вамъ?— съ недоумѣніемъ спросила Марья Гавриловна. Ей показалось страннымъ, какъ это можно входить въ чужой домъ безъ приглашенія и безъ доклада. Ей было извѣстно, что такъ дѣлаютъ нищіе и подозрительные люди.

— Съ благополучнымъ прибытіемъ!— сказала женщина и опять поклонилась столь же низко. Голосъ у нея былъ мужественный, крѣпкій. Она продолжала:— можетъ, помочи что-нибудь?!

Мура подозрительно осмотрѣла ее и ничего не отвѣтила. Вышелъ Кирилъ.— А ты кто такая будешь?— спросилъ онъ.

Женщина и ему поклонилась:— Добрый вечеръ и вамъ, батюшка! Я здѣшняя женщина, Оекла, а по прозванію Чипуриха. Я одинокая удовѣ. Имѣю земляночку тутъ близенько. Всѣмъ батюшкамъ служила, и покойному отцу Парфентію служила, и который батюшкой передъ вами былъ—отецъ Мануилъ, и ему тоже служила. Вотъ и вамъ, ежели надобится, служить буду.

— Чтожь,—сказала Кириль, обращаясь къ Мурѣ,—пускай служатъ. У насъ никого нѣтъ.

Мура позвала его въ спальню и тихонько спросила:

— А не опасно? Можетъ, у нея какія-нибудь мысли?

Кириль разсмѣялся. — Какія у нея могутъ быть мысли? Взгляни на ея лицо, и ты увидишь, что у нея въ головѣ нивакихъ мыслей нѣтъ, ни дурныхъ, ни злыхъ.

— Ну, вотъ и отлично, Оекла! Служи, а мы тебя не обидимъ!

— Ну, гдѣ жъ тамъ обидѣть! За что меня обижать?! Да и много ли мнѣ нужно, бѣдной удовѣ?!

И Оекла начала „служить“. Это былъ первый узелъ, который связалъ молодую чету съ населеніемъ Лугового. Оекла служила исправно, по крайней мѣрѣ для перваго раза. Она суетилась, стучала въ кухнѣ лоханями и посудой, разставляя ихъ по разнымъ угламъ, мыла полы, стирала пыль и вообще заслужила самую искреннюю благодарность Марьи Гавриловны. Когда стемнѣло, она объявила, что пойдетъ ночевать въ свою землянку. Мура дала ей полтинникъ, который привелъ Оеклу въ неописанный восторгъ. Она схватила обѣ руки молодой матушки и звонко поцѣловала ихъ, чѣмъ привела Муру въ крайнее смущеніе. Выйдя на улицу, она съ трепетнымъ замираніемъ сердца, съ головой, наполненной впечатлѣніями и новостями, съ минутой постояла и подумала, куда ей идти. Въ свою землянку ее не тянуло. Тамъ не было ни души,—значить, не передъ кѣмъ было облегчиться. Надо было выбрать такое мѣсто, гдѣ было много бабъ, куда и сосѣдки, узнавъ о томъ, что она была у новаго священника, придуть. Однимъ словомъ, она жаждала широкой аудиторіи и, наконецъ, рѣшила, что лучше всего пойти къ церковному старостѣ, въ домъ котораго помѣщалась масса бабъ. Туда она и направилась.

Въ скорости послѣ ея ухода дверь въ прихожей опять скрипнула и послышались шаги тяжелыхъ чоботъ. Оказалось, что это былъ церковный сторожъ. Онъ хотѣлъ представиться новому настоятелю и заявилъ, что его зовутъ Кирилломъ.

— А васъ, батюшка, какъ прикажете величать?

— И меня Кирилломъ зовутъ!—отвѣтилъ батюшка.

— Ото и добре! Легче запомнится! Уже своего собственнаго имени никогда не забудешь!—философски замѣтилъ церковный сторожъ, и прибавилъ:—а насчетъ опасности не сомнѣвайтесь! Я всю ночь на церковныхъ ступенькахъ сплю, а ежели проснусь, такъ сейчасъ въ большой колоколъ звонить начинаю.

А можетъ угодно приказать, чтобъ я не звонилъ? Потому, какъ бы молодой матушкѣ безпокойства отъ моего звону не было.

Кирилъ сказалъ ему, чтобы онъ звонилъ по прежнему. Наступила ночь. Мура, утомленная дорогой, уборкой и массой новыхъ впечатлѣній, заснула, едва только опустилась на постель. Но Кирилъ не могъ уснуть. Сегодня онъ еще частный человекъ, ничѣмъ фактически несвязанный съ тою новою жизнью, которая ему предстоитъ, а завтра начнется его служеніе. Онъ противъ всякаго желанія мысленно провѣрялъ свою готовность приступить къ этому служенію. Онъ не зналъ еще, что собственно преподнесетъ ему жизнь и въ какихъ формахъ онъ выразитъ свое водѣйствіе на нее. Примѣровъ передъ его глазами не было. Были примѣры совсѣмъ другого рода.

Традиція духовнаго званія, сколько ему было извѣстно, состояла въ постоянной борьбѣ съ прихожанами изъ-за дохода. Прихожанинъ норовитъ дать поменьше; духовенство мало обезпечено и вынуждено брать побольше. Больше заработать, получше устроиться, обезпечить семейство—вотъ неизбѣжныя его задачи.

Душа Кирила возмущалась при мысли о такой программѣ. Удастся ли ему провести свою? Удастся ли ему возбудить къ себѣ довѣріе въ прихожанахъ? Не станутъ ли они смѣяться надъ нимъ? Вѣдь традиція выработывалась вѣками. Къ дурному люди привыкають такъ же, какъ и къ хорошему. Устанавливалась она дружными усиліями многихъ поколѣній, которыя дѣйствовали въ равное время, повсемѣстно, но все въ одномъ и томъ же направленіи. А онъ одинъ хочетъ поднять мечъ противъ всей этой несмѣтной рати, противъ ея вѣкового дѣла.

Сквозь открытыя окна въ комнату западалъ блѣдный лучъ мѣсяца; съ деревни доносился отдаленный лай собакъ; сторожъ проснулся и прозвонилъ двадцать ударовъ. Мура сквозь сонъ спросила его, почему онъ не ложится спать.

— Ночь больно хороша. Не спится!—отвѣтилъ онъ, и мысли его перешли на Муру. Вотъ она спитъ, беззаботно-молодая, полная жизни и здоровья. И она любитъ его искренно, и сердце у нея доброе. И вотъ, имѣя около себя такое существо, можетъ ли онъ сказать, что онъ не одинъ? Станетъ ли она ободрять его, помогать ему? На эти вопросы, которые пришли ему въ голову въ такой ясной формѣ въ первый разъ, онъ не могъ отвѣтить. Это дурно, что они раньше не сговорились. Богъ знаетъ, чего она ждетъ и что можетъ случиться.

— Ложись спать, Кирилъ!—полураскрывъ глаза, промолвила Марья Гавриловна. И Кирилу показалось, что это какъ бы от-

вѣтъ на его сомнѣнія. Нѣтъ, съ этой стороны ему нечего бояться. Она любитъ его. Въ немъ сосредоточены всѣ ея радости. Ну, значить, она будетъ идти съ нимъ рука объ руку, чтѣ бы ни случилось.

На другой день уже въ 9 часовъ сторожъ явился къ нимъ и объявилъ, что въ церкви дьякъ и діаконъ дожидаются отца настоятеля.

— Да и тытарь пришелъ, только вотъ отца Родіона нѣтъ. Можеть, прикажете извѣстить ихъ?

Но Кириль счелъ своимъ долгомъ лично навѣстить отца Родіона. Онъ надѣлъ расу и велѣлъ сторожу вести его къ священнику.

Отецъ Родіонъ жилъ въ собственномъ домѣ, который построилъ, какъ онъ объяснялъ, для того, чтобы послѣ его смерти было гдѣ главу приклонить вдовѣ и дочерямъ, которыхъ у него было полдюжины. — „А то вѣдь ежели въ церковномъ домѣ, такъ сейчасъ прїѣдетъ новый и на улицу ихъ выгонитъ“. Поэтому онъ свою половину церковнаго дома великодушно уступилъ товарищу. Домъ его стоялъ неподалеку отъ рѣчки, отдѣльно отъ крестьянскихъ хатъ, и отличался отъ нихъ размѣрами, черепичной крышей и желтыми ставнями.

Отецъ Родіонъ находился въ томительномъ состояніи духа. По правиламъ ему слѣдовало первому пойти къ настоятелю и представиться. Но такъ какъ настоятель этотъ былъ „молодечекъ“, а онъ, отецъ Родіонъ, пятнадцать лѣтъ уже славилъ Господа въ чинѣ іерейскомъ, да почти столько же въ меньшихъ чинахъ, то самолюбіе не позволяло ему этого. И зналъ онъ, что ежели настоятель пришлетъ за нимъ, онъ, въ концѣ-концовъ, долженъ будетъ пойти, и все-таки не двигался съ мѣста.

Приходъ Кирила вывелъ его изъ затрудненія.

— Пришелъ представиться вамъ, отецъ Родіонъ. Зовутъ меня Кириломъ, а по фамиліи Обновленскій!—сказалъ Кириль.

— Оно бы слѣдовало, чтобы я вамъ представился, отецъ Кириль, потому вы есть настоятель!..

— Ну, какое тутъ въ деревнѣ настоятельство?!—простымъ и искреннимъ тономъ сказалъ Кириль:—въ товарищи меня возьмите, вотъ и все!..

— Оно, конечно. Такъ бы и слѣдовало!

— Такъ и будетъ! — подтвердилъ Кириль. — Куда мнѣ въ настоятели, когда я и служить-то какъ слѣдуетъ еще не умѣю!

Отецъ Родіонъ велъ себя сдержанно и говорилъ съ разстановкой, обдумывая каждое слово. Кто его знаетъ, чтѣ онъ за птица. Говорить-то онъ хорошо, а какъ до дѣла дойдетъ, не-

извѣстно, что будетъ. Въ видѣ мѣры предосторожности, онъ для этого случая и раску одѣлъ самую поношенную и обтрепанную, хотя была у него новая, хорошая ряса. Пусть не думаетъ, что онъ нажилъ тутъ деньги: пожалуй, еще сократитъ его вздумаетъ.

Они съ четверть часа поговорили о разныхъ общихъ предметахъ. Отецъ Родіонъ спросилъ, правда ли, что Кирилъ первымъ магистрантомъ академію кончилъ. Кирилъ отвѣтилъ.

— А что же васъ, позвольте спросить, въ деревню заставило поѣхать? Удивительно это!

— Здоровье!—отвѣтилъ Кирилъ:—здоровьемъ я слабъ, и городъ мнѣ вреденъ. „Не стану я объяснять ему. Не пойметъ, пожалуй“, подумалъ онъ, глядя на пухлое лицо отца Родіона съ довольно-таки тупымъ выраженіемъ.

— Ага, это дѣйствительно, что деревенскій воздухъ поправляетъ человѣка!—сказалъ отецъ Родіонъ и подумалъ: „Оно какъ будто не видно, чтобы здоровье его было плохое“.

Во всякомъ случаѣ, послѣ короткаго разговора, его недобріе къ новому товарищу значительно смягчилось. „Чтожъ, можетъ, онъ и чудакъ, а сердцемъ добръ и не фордыбачитъ, носа не задираетъ“. Но у него былъ на-готовѣ одинъ вопросъ, который долженъ былъ послужить самымъ вѣрнымъ пробнымъ камнемъ. И когда они поднялись, чтобы идти въ церковь, онъ сказалъ:

— Вотъ что, отецъ Кирилъ, дабы не было никакихъ недоразумѣній, надо бы спервоначалу изъяснить касательно доходовъ.

— А что собственно, отецъ Родіонъ?

— Насчетъ дѣлежа. У насъ такъ: двѣ копѣйки идетъ священникамъ, а третья на остальной причетъ.

— Ну, чтожъ, коли это обычай, я нарушать его не стану.

— Такъ-то такъ! А вотъ касательно этихъ двухъ копѣекъ, которыя вотъ на священниковъ идутъ... Какъ съ ними быть?

— Съ ними? А, разумѣется, пополамъ дѣлить!

„Нѣтъ, онъ-таки хорошій человѣкъ! Истинно хорошій!“ подумалъ отецъ Родіонъ:—отецъ Мануилъ такъ себѣ большую долю бралъ... А ей Богу, онъ-таки хорошій человѣкъ“.

И съ этого момента взглядъ отца Родіона просвѣтлѣлъ, движенія сдѣлались болѣе свободными и рѣчь потекла живѣе.

— Ужъ вы извините, отецъ Кирилъ, семейство мое я вамъ впоследствии представлю, потому оно въ настоящее время не въ порядкѣ!—сказалъ онъ, и послѣ этого они отправились въ церковь.

Луговская церковь оказалась зданіемъ стариннымъ. Ея невысокіе своды были черны отъ сырости и кадилаго дыма, иконы до такой степени истерты, что различать на нихъ лица могли только

коренные прихожане луговской церкви. Все здѣсь требовало капитальнаго ремонта, начиная съ дыряваго, двадцать лѣтъ не крашеннаго пола, до паникадила съ позелѣвшими отъ времени подсвѣчниками и кончая самой церковью. При томъ же церкви была очень невелика, не больше, какъ душъ на триста.

— И то пустуетъ!—съ сожалѣніемъ замѣтилъ о. Родіонъ.

У самаго входа съ правой стороны, на возвышенномъ мѣстѣ, передъ стойкой стоялъ тытарь—приземистый, широкоплечій мужикъ, съ короткой сѣдовой бородой, съ тщательно смазанными церковнымъ масломъ и прилизанными волосами. Онъ былъ въ цѣтной узорчатой жилетѣ, въ ситцевой рубашкѣ, широкихъ штанахъ, однакожь городского покроя, и безъ скюртука.

— Карпо Михайловичъ Куликъ, нашъ церковный староста!—отрекомендовалъ его о. Родіонъ.—Одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ поселянъ. Имѣеть достатокъ. Три сотни овецъ и прочее.

Куликъ наклонилъ голову и подставилъ ладони для получения благословенія. Кирилъ благословилъ его молча.

— Трр-етье трр...—началъ было Куликъ, но никакъ не могъ выговорить всю фразу.

— То-есть, третье трехлѣтіе онъ тытаремъ служить,—пояснилъ о. Родіонъ:—онъ заика!—прибавилъ онъ, а Куликъ отдернулъ шолоховый платокъ, покрывавшій стойку, и глазамъ Кирила представился цѣлый рядъ систематически разложенныхъ вучекъ восковыхъ свѣчей разнаго калибра, отъ самаго тоненькаго, двухкопѣчнаго, до полтинничныхъ-свадебныхъ. Было очевидно, что Куликъ не даромъ прослужилъ три трехлѣтія въ должности тытара, и во всякомъ случаѣ научился въ порядкѣ содержать свѣчной столъ.

Едва только Кирилъ дошелъ до середины церкви, какъ съ обихъ клиросовъ ему на встрѣчу, пошли двѣ фигуры, очень мало похожія одна на другую, и въ то же время заключавшія въ себѣ общую черту, сближавшую ихъ. Слѣва шла невысокая фигура въ сѣрой ряскѣ, съ массой вудрявыхъ черныхъ волосъ на головѣ. Ввалившіяся щеки, острый носъ и желтый цвѣтъ лица, на которомъ даже растительность была невѣроятно скудна, какъ на неплодородной почвѣ, говорили о снѣдающемъ этого человѣка недугѣ. Другая фигура, которая шла отъ праваго клироса, была высокаго роста и атлетическаго сложенія. Узкій полукафтанъ плотно облегалъ ея полновѣсныя, упругіе члены. Фигура тяжело ступала, и углый полъ сгибался подъ нею. Сходство же между ними заключалось въ томъ, что оба они шли, опустивъ руки по швамъ, и болѣзненное лицо перваго выражало такое же смиреніе,

какъ и красное, пышущее здоровьемъ, волосастое лицо второго. Съ одинаковой покорностью наклонились передъ настоятелемъ вудрявая голова худого человѣка и лысая, ярко блестящая голова атлета и совершенно на одинъ манеръ подставили они свои ладони для благословенія.

— Діаконъ Симеонъ Стрючокъ!—болѣзненнымъ альтивомъ проговорилъ невысокій человѣкъ въ раскѣ.

— Дьячокъ Дементій Глуценко!—громовымъ басомъ откомендовался атлетъ.

И, получивъ благословеніе, они стали въ видѣ воротъ, съвозъ которыхъ прошли Кирилъ и о. Родіонъ. Осмотрѣли алтарь. Кирилъ нашелъ, что зданіе церкви находится въ опасности, а утварь требуетъ перемѣны.

— Средства не имѣемъ... А то давно бы!—сказалъ о. Родіонъ.—Но въ сущности ему до сихъ поръ и въ голову не приходили подобныя мысли. Онъ исходилъ изъ той точки зрѣнія, что для Бога все едино, гдѣ бы и на чемъ бы ни служить ему. Окончивъ осмотръ, Кирилъ попросилъ всѣхъ къ себѣ. Фекла Чепуриха, несмотря на то, что Мура еще спала, давно уже приготовила самоваръ. Кирилъ угостилъ чаемъ весь причтъ луговской церкви.

VI.

Къ удивленію отца Родіона, въ воскресеніе церковь была наполнена чисто луговскими прихожанами. Были, конечно, и хуторяне, но главный контингентъ молящихся состоялъ изъ коренныхъ жителей мѣстечка. Но удивленіе отца Родіона достигло высшаго предѣла, когда, во время чтенія діакономъ Стрючкомъ евангелія, въ церкви появилась и стала слѣва, позади клироса, сама помѣщица, Надежда Алексѣевна Крупѣва.

Собственно въ этомъ ничего не было удивительнаго, такъ какъ этому воскресенію предшествовала изрядная агитація со стороны причта, церковнаго старосты, сторожа и въ особенности Феклы Чепурихи. Каждый вечеръ Фекла собирала гдѣ-нибудь на заваленѣй бабъ и описывала имъ новаго священника, молодую матушку, и какъ они живутъ, и что они говорятъ. Про Кирила она рассказывала, что онъ „добрѣющей души“, а про Муру, что „ее трудно раскусить: дивная она какая-то; въ хозяйствѣ ничего не смыслить“. Изъ другихъ источниковъ было извѣстно, что Кирилъ невѣроятно ученый человѣкъ. Тытарь Куликъ рассказаль, что такихъ ученыхъ на все государство только и есть двѣнадцать человѣкъ. Надо по-

лагать, что ученость Кирила возбудила любопытство и помѣщицы. Всѣ ожидали, что новый настоятель скажетъ вступительную проповѣдь, въ которой покажетъ передъ луговскими прихожанами всю свою необычайную ученость. Ждали также, что ученый настоятель устроитъ и служеніе какое-нибудь особенное, торжественное. Но съ перваго же шага началось разочарованіе.

— Настоящая пиголица! Тонкій да безбородый!—говорили прихожане, по мнѣнію которыхъ священникъ долженъ быть плотнаго сложенія, имѣть окладистую бороду и громкій голосъ. Не правилась и служба новаго священника.

— Бормочетъ тамъ что-то себѣ подъ носъ, ничего и разобрать нельзя. Ужъ отецъ Родіонъ, даромъ что малоученый, а лучше служить. У него каждое слово слышишь. Въ чемъ же эта самая ученость? А бабы брехали... Ну, народъ!..

Когда же и обѣдня кончилась, а новый настоятель даже никакой проповѣди не сказалъ, то разочарованіе было окончательное.

— Какой тамъ ученый?! Видно, малоумный оказался, вотъ его и прислали къ намъ. Двѣнадцать, говорить, на всю Россію; ну, такихъ, я думаю, двѣнадцать тысячъ найдется, и даже дѣвать ихъ некуда!

Отецъ Родіонъ стоялъ всю обѣдню въ алтарѣ. Передъ концомъ онъ подошелъ къ Кирилу и тихонько сказалъ ему:—Отецъ Кирилъ, здѣсь въ церкви помѣщица присутствуетъ. Это рѣдкость. Надо бы ей просфору вынести!

Кирилу былъ хорошо извѣстенъ обычай выносить помѣщикамъ просфору. Обычай этотъ не нравился ему еще въ дѣтствѣ.

— Нѣтъ, отецъ Родіонъ, не надо!—сказалъ Кирилъ:—пока еще я не знаю никакихъ ея заслугъ... А вы знаете, отецъ Родіонъ?

— Положимъ, что ничего такого... Но все-жъ-таки помѣщица... Я всегда выношу ей просфору.

— Простите меня, отецъ Родіонъ,—но я ей просфоры не вынесу!—мягко отвѣтилъ Кирилъ.

И болѣе наблюдательные прихожане замѣтили, что новый священникъ не вынесъ просфоры помѣщицѣ. Замѣтили еще и другое. Когда кончилась обѣдня, хуторяне запрягли коней въ свои „дилижаны“ и поѣхали домой. Точно также разошлись по домамъ и мѣстные богачи. Кирилъ никого не пригласилъ къ себѣ на чай или закуску. Всѣ эти обстоятельства вызвали два толкованія. Одни говорили, что Кирилъ гордецъ, а другіе—что онъ для всѣхъ хочетъ быть равенъ. Присматривались къ выраженію лица помѣщицы—не обижена ли она невниманіемъ къ ней по-

ваго священника?—но ничего такого не замѣтили. Она вышла изъ церкви, поговорила о чемъ-то съ двумя бабами—послѣ оказалось, что она спросила, какъ ихъ зовутъ, сѣла въ экипажъ и поѣхала домой.

Понятное дѣло, что въ этотъ день деревенскіе разговоры вертѣлись, главнымъ образомъ, на новомъ священникѣ. И надо сказать, что въ общемъ преобладало неодобреніе.

Но въ этотъ же день случилось обстоятельство, которое совершенно спутало луговскихъ прихожанъ. Антонъ Бондаренко, землянка котораго находилась на самомъ краю села, вздумалъ выдавать свою дочку замужъ. Это было немножко странно, потому что свадебный сезонъ обыкновенно начинается въ концѣ сентября. Но дѣло въ томъ, что дочка его Гарпина какъ-то совершенно неожиданно стала полнѣть. Когда это сдѣлалось очевиднымъ, Марко Працюкъ, молодой, рослый парень, который не отрицалъ своей вины въ этомъ обстоятельствѣ, отложилъ въ сторону цѣпь и лопату и послалъ къ Антону сватовъ. Такъ какъ съ этого воскресенья начиналась седмица новаго священника, то Антонъ пришелъ къ Кирилу. Это было часовъ въ семь вечера. Кирилъ только-что отслужилъ вечерню и, вернувшись домой, засталъ Муру за чайнымъ столомъ.

— А дома батюшка?—спросилъ Антонъ у Феклы, которая совсѣмъ основалась въ кухнѣ.

— Чай пьютъ. Можешь и подождать!

— Такъ вѣдь мнѣ не близкій свѣтъ домой-то идти. Версты двѣ будетъ, сама знаешь.

— Ну, не могу же я отъ стола оторвать... Сейчасъ только изъ церкви пришли...

Разговоръ этотъ происходилъ въ сѣнцахъ. Кирилъ слышалъ его отъ слова до слова. Онъ отворилъ дверь и обратился къ Антону:

— Чтò тебѣ?

Антонъ снялъ шапку и поклонился.—Къ вашей милости, батюшка! Дѣло есть!

— Зайди въ хату!—сказалъ Кирилъ. Антонъ вошелъ и поклонился Марьѣ Гавриловнѣ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Дочку надобно перевѣнчать!.. Такъ вотъ я пришелъ...

— Чтожь, перевѣнчаемъ! Когда хочешь?

— Завтра бы!..

— Ладно, и завтра можно! Часовъ въ десять приходите въ церковь!

Антонъ опять поклонился и молчалъ.

— Ну, такъ иди съ Богомъ!—сказалъ Кирилъ. Но Антонъ не двигался съ мѣста. Онъ не только не считалъ дѣло конченнымъ, но даже не думалъ, что оно началось. По его мнѣнію недоставало самаго главнаго. Во всякомъ случаѣ батюшка переѣнчаетъ Гарпину, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, на то онъ и батюшка.

— А сколько же за вѣнчаніе будетъ, батюшка?—спросилъ, наконецъ, Антонъ.

— Да уже дашь сторублевку!—сказалъ Кирилъ, и самымъ серьезнымъ образомъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза. Антонъ саркастически ухмыльнулся и выразительно мотнулъ головой.

— Гм... такихъ денегъ я сроду и не видалъ даже...

— Ну, чтожь, а я меньше не возьму!..

Антонъ поднялъ на него глаза, стараясь понять, шутить новый батюшка, или глушь отъ природы. „Должно быть, онъ шутникъ!“—подумалъ Антонъ и сказалъ:

— Нѣтъ, ужъ вы, батюшка, настоящую цѣну говорите!..

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Кирилъ.

— Антономъ Бондаренкомъ.

— Такъ вотъ что, Антонъ: цѣну настоящую ты спрашивай, когда на базаръ придешь. Станешь порося покупать, тамъ тебѣ и скажутъ настоящую цѣну, а во мнѣ ты пришелъ по дѣлу церковному, святому. Церковь—не базаръ, въ ней никакой торговли не можетъ быть!

Антонъ смотрѣлъ на него недоумѣвающимъ взглядомъ.

„Что-то я не второплю!—размышлялъ онъ про себя:—чи онъ жадный, чи Господь его знаетъ!“

— Иди себѣ съ Богомъ!—прибавилъ Кирилъ. Но Антонъ не двигался съ мѣста.

— Какъ же оно будетъ, батюшка?—спросилъ онъ.

Кирилъ возвратился къ столу, сѣлъ и взялъ стаканъ съ чаемъ.

— Много у тебя земли?—спросилъ онъ.

— Земли? Четыре съ половиной. Да плавни съ полъ-десятины будетъ.

— А хлѣбъ уродилъ у тебя?

— Хлѣбъ? Да какъ сказать! И уродилъ, и не уродилъ. Жито Богъ далъ хорошее. Съ двухъ десятинь почти-что шестнадцать четвертей собралъ, ячменю съ полъ-десятины, четвертей пять взялъ. Полъ-десятины баштану... „Огирокъ“ ничего, а кавунъ весь погорѣлъ, вся „гудина“ повяла, проса полъ-десятины... едва свое вернулъ. А десятина пшеницы даже совсѣмъ изъ-подъ земли не вышла. Ну, а сѣно плавнде въ нашихъ мѣстахъ всегда хорошее.

Высокое, густое... Дай Богъ, чтобы на всемъ свѣтѣ такое сѣно было. Повѣрите, батюшка, это не сѣно, а какъ бы вамъ сказать — шольгъ.

— Такъ ты, выходишь, богачъ, Антонъ Бондаренко. Какъ же мнѣ съ тебя сторублевку не взять?

Антонъ опять выпучилъ глаза. Никакъ не могъ уловить онъ тонкой усмѣшки, которою Кирилъ сопровождалъ свои слова. Видя его недоумѣніе, Кирилъ сказалъ прямо:— Ну, иди съ Богомъ, Антонъ. За вѣнчанье дашь сколько сможешь. А не сможешь, и такъ повѣнчаемъ. И всѣмъ своимъ землякамъ скажи, чтобы со мной не торговались.

Антонъ поблагодарилъ и ушелъ чрезвычайно смущенный. Онъ даже не зналъ, рассказывать ли землякамъ о своемъ разговорѣ съ батюшкой. По дорогѣ онъ рассчиталъ, „что можетъ безобидно для себя дать за вѣнчанье карбованецъ, не считая свѣчей, которыя онъ купить особо. Будь это у о. Родіона, дешевле пяти рублей не отдѣлался бы, а съ свѣчами и всѣ семь. Это было такъ приятно, что онъ боялся, какъ бы кто не помѣшалъ, не отсовѣтовалъ новому священнику. Очевидно, новый батюшка просто не знаетъ порядковъ. А ежели это дойдетъ до о. Родіона, который ему растолкуетъ, то дѣло приметъ другой оборотъ. Поэтому Антонъ рѣшилъ сохранить это пока въ секретѣ, а когда уже дѣло кончится, рассказать землякамъ. И когда его спросили: много ли взялъ новый батюшка за вѣнчанье?—онъ безъ запинки отвѣтилъ:— шесть карбованцевъ слупилъ!

— Ого! Видно, порядки знаетъ!

— А то нѣтъ?!—окончательно покривилъ душой Антонъ:— не даромъ же онъ, сказываютъ, ученый да переученый!

Когда Антонъ ушелъ и дверь за нимъ затворилась, Кирилъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Знаешь, это даже обидно, до какой степени въ нихъ глубоко сидитъ эта болѣзнь!—заговорилъ онъ, обращаясь къ Мурѣ.—Вѣдь онъ приходитъ ко мнѣ прямо какъ къ торговцу: вашъ товаръ, наши деньги! И я увѣренъ, что онъ недоволенъ, даже, пожалуй, возмущенъ... Нѣтъ, ты обрати вниманіе: я священникъ, я долженъ освятить союзъ его дочери съ ея женихомъ, онъ за этимъ пришелъ. И онъ говоритъ мнѣ: продай мнѣ на пять рублей божіей благодати! Я долженъ былъ сказать: нѣтъ, нельзя, это стоитъ десять и, наконецъ, довольно поторговавшись, мы согласились бы на семи рубляхъ... Какого же мнѣнія онъ будетъ обо мнѣ?

— Однако, Кирилъ, надо же чѣмъ-нибудь жить священнику!
— возразила ему Марья Гавриловна.

— Конечно, надо, Мура, конечно! Но это надо какъ-нибудь иначе устроить. Такая форма обидна мнѣ... Обидна!..

Мура ничего больше не возражала, но онъ нисколько не убѣдилъ ее. Она съ малолѣтства видала, какъ спокойно торговались за разныя тѣбы, и привыкла думать, что это въ порядкѣ вещей, и что иначе и быть не можетъ.

На другой день утромъ произошло вѣнчанье Гарпины съ Маркомъ Працюкомъ. Вѣнчанье было немногочисленно, такъ какъ пора была горячая да и про Гарпину было извѣстно, что она уже не дѣвушка. Молодые торопились, чтобы поспѣть на гумно, собираясь вечеромъ устроить пирушку. Послѣ вѣнчанья Антонъ подошелъ къ Кирилу и, сильно конфузясь, сказалъ:

— Какъ уже вы разрѣшили, батюшка, такъ вотъ... варбованецъ могу!..

Кирилъ спокойно взялъ отъ него рублевую бумажку и тут же передалъ ее діакону, отцу Симеону. Діаконъ взглянулъ на рублевку и совершенно произвольно скорчилъ такую жалкую мину, что дьячокъ Дементій, уносившій въ алтарь вѣнцы, сейчасъ же понялъ, что дѣло неладно. Черезъ полъ-минуты они о чемъ-то шушукались на клиросѣ. Вслѣдъ за этимъ Дементій крупными шагами побѣжалъ черезъ всю церковь, догнавъ уходившаго Антона и схватилъ его за рукавъ.

— Ты, бычачья голова, рехнулся, что-ли?—спросилъ онъ его низкимъ, сдержаннымъ голосомъ.

— Чего?—проговорилъ Антонъ, хотя отлично зналъ, чего хочетъ дьякъ.

— Какъ чего? За вѣнчанье варбованецъ даешь?

— А ей-Богу же, Дементій Ермилычъ, я больше не имѣю!

— Да я тебя не спрашиваю, имѣешь ты или нѣтъ, а ты скажи, сколько тебѣ батюшка назначилъ?

— Батюшка? Батюшка сказали: „сколько въ силахъ, столько и дашь“... Ну, я...

Дьячокъ Дементій совершенно растерялся, до такой степени это было диво. Этимъ воспользовался Антонъ и поспѣшилъ удрать, боясь, чтобы съ него не слупили чего-нибудь лишняго. Дементій возвратился на клиросъ уже болѣе сдержанными шагами и повѣдалъ діакону то, что узналъ отъ Антона. Въ это время Кирилъ, снявъ облаченіе, вышелъ изъ алтаря и направился къ выходу. Они замолкли, но на лицахъ ихъ явно выразалось изумленіе и неудовольствіе, хотя они и старались скрыть эти чувства. Кирилъ

очень хорошо видѣть это, но сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и вышелъ изъ церкви.

— Нѣтъ, чтожь это такое, отецъ Семень, я васъ спрашиваю?—во все свое широкое горло врыкнулъ тогда дьячокъ Дементій.—Этакъ и съ голоду пропасть можно! Ежели за вѣнчанье не брать, такъ за чтѣ же брать?

— Новые порядки, Дементій Ермилычъ!—слабымъ теноркомъ отвѣтилъ болѣзненный діаконъ и прибавилъ:—ковшигъ съ виномъ уберите, Дементій Ермилычъ!

Дьячокъ Дементій ринулся къ стоявшему посреди церкви низенькому квадратному столику, схватилъ ковшъ и помчался съ нимъ въ алтарь. Все это онъ продѣлалъ съ неудержимымъ негодованіемъ. Діаконъ же стоялъ, смиренно опустивъ голову, какъ человѣкъ, привышій смиряться передъ всевозможными невзгодами жизни.

— Знаете чтѣ?—сказалъ дьячокъ, вернувшись изъ алтаря:—пойдемъ къ о. Родіону и расскажемъ ему.

— А надо, надо!—отвѣтилъ діаконъ. И, выйдя изъ церкви, они направились прямо въ о. Родіону.

VII.

Отецъ Родіонъ принялъ ихъ запросто. Онъ былъ въ широкихъ нанговыхъ шароварахъ, спускавшихся въ голенищи невысокихъ сапогъ, и въ коротенькой куртѣ. Когда они вошли въ комнату, которую называли гостиною, о. Родіонъ стоялъ у клѣтки, висѣвшей надъ окномъ и осторожно и сосредоточенно перемѣнялъ воду канарейкамъ.

— А! наше воинство пожаловало!—промолвилъ онъ, оставшись въ прежней позѣ и не покидая своего занятія:—Ну, какъ дѣла?

— Нехорошо, о. Родіонъ!—пожаловался дьячокъ Дементій, въ груди котораго еще кипѣло негодованіе.

— Ну-у? Чтѣ же именно?

— Сейчасъ вѣнчали Антонову Бондаренкову дочку. А за вѣнчанье получили рубъ-варбованецъ.

— Это какимъ же манеромъ?—Отецъ Родіонъ все еще оставался спокойнымъ и не оставлялъ своего идилическаго занятія.

— Очень просто. Кончили это мы вѣнчанье, подходитъ Антонъ къ о. Кирилу...

Дьячокъ Дементій началъ рассказывать, какъ было дѣло, останавливаясь на мельчайшихъ подробностяхъ. Когда онъ дошелъ

до объясненія Антона и повторилъ его отвѣтъ: „батьюшка, говоритъ, сказали, сколько, говоритъ, въ силахъ, столько, говоритъ, и дашь“,—то о. Родіонъ внезапно оставилъ влѣтеу, которая начала рассказываться изъ стороны въ сторону.

— Вотъ оно чтѣ! Ну, это, могу сказать, нехорошо!—сказалъ онъ.

— Весьма даже нехорошо!—жалобно подтвердилъ діаконъ.

— Вѣдь это только одинъ разъ надо сдѣлать, а тамъ ужъ пойдетъ. Это *имъ* очень понравится!..

Подъ выраженіемъ *имъ* о. Родіонъ разумѣлъ прихожанъ. Онъ пригласилъ причтъ садиться, и началось основательное обсужденіе положенія дѣла.

— Признаться, я сразу замѣтилъ въ немъ что-то такое... этакое... подозрительное,—говорилъ о. Родіонъ:—но иначе ежели такъ дальше пойдетъ, то можно и пожаловаться.

Совѣщаніе длилось болѣе часу. Въ концѣ концовъ, было рѣшено не слѣпить и выждать, чтѣ дальше будетъ. Можетъ, это отъ неопытности: просто, человѣкъ не знаетъ порядковъ.

Первая седмица Кирила была богата трудами. У кузнеца Пахома, подковывшаго всю деревню, умерла старуха мать. Кузнецъ не особенно печалился, потому что старуха долго болѣла, никакой пользы ему не приносила, представляя только лишній ротъ въ добавокъ къ семи ртавъ, которые составляли его собственное семейство. Онъ пришелъ прямо къ дьячку Дементію.

— Что, должно быть, Мавра Богу душу отдала?—спросилъ Дементій. Въ мѣстечкѣ было извѣстно, что Мавра плоха. При томъ же въ такое горячее время кузнецъ не сталъ бы шляться къ дьячку безъ важной причины.

— Вотъ какъ вы угадали, Дементій Ермилычъ. Именно, отдала! Царство ей небесное!

— Ну, такъ что же?

— Схоронить бы!

— А ты возьми да и закопай ее. А мы въ воскресенье пойдемъ на кладбище да и отпоемъ. Можетъ, къ тому времени еще кого-нибудь Господь приметъ. Такъ разомъ уже.

— Хотѣлось бы какъ слѣдуетъ, Дементій Ермилычъ!

— Да вѣдь мнѣ хотѣлось бы быть архіереемъ, мало чего! Не велика была птица твоя Мавра! Небось, за четыре гривны хочешь всѣмъ соборомъ схоронить!

— Чтожъ, Дементій Ермилычъ,—чѣмъ смогу, отплачу. Можетъ, когда-нибудь коняву подковать придется.

— Это ты мнѣ и такъ подкуешь!.. Нѣтъ, Пахомъ, брось ты это!.. У меня у самого пшеница не домолочена!

— Коли такъ, придется къ самому батюшкѣ пойти!—и Пахомъ направился къ Кирилу.

„Вишь, проникли, каковъ этотъ батюшка. Къ отцу Родіону, небось, не пошелъ бы“, подумалъ Дементій и рѣшилъ выждать, что скажетъ Кирилъ.

Пахомъ пришелъ къ Кирилу и заявилъ о томъ, что у него вчера умерла мать. Онъ собирался изложить свою просьбу о похоронахъ.

— Все ли у васъ готово?—спросилъ Кирилъ.

— Все, какъ полагается.

— Ну, такъ влихни тамъ дьяка, либо діакона!

Пахомъ замаялся.—Дьякъ говоритъ: „сами, говорить, заройте, а мы въ воскресенье отпоемъ!.. Мнѣ, говорить, молотить надо, я за четыре гривны не могу дѣла бросить“.

Кирилъ промолчалъ, одѣлъ рясу и шляпу и вышелъ. Съ крыльца былъ виденъ токъ Дементія. Дьякъ былъ въ ситцевой рубахѣ безъ кафтана. Соломенная шляпа съѣхала у него на затылокъ. Онъ усердно стучалъ цѣпомъ; потъ катился съ него градомъ. Увидѣвъ батюшку, вышедшаго на крыльцо, онъ удвоилъ усердіе. Кирилъ постоялъ съ минуту и подумалъ: „а вѣдь у него большое семейство!“ Онъ прошелъ ограду, вышелъ въ калитку и приблизился къ току Дементія. Дьякъ остановился и почти-точно снялъ шляпу.

— Помогай Богъ!—сказалъ Кирилъ.

— Прикажете на похороны собираться?—спросилъ Дементій.

— Нѣтъ, ничего, я самъ отпою. Діаконъ тоже, я думаю, занять?

— Баштанъ собираетъ!

— Ну, ладно, я самъ справлюсь!—сказалъ Кирилъ. Въ это время сторожъ принесъ ему узелокъ съ облаченіемъ. Кирилъ взялъ узелокъ и пошелъ вслѣдъ за Пахомомъ. Дементій смотрѣлъ ему въ спину и думалъ: „Что ты есть за чудакъ? Богъ ли въ твоёмъ сердцѣ сидитъ, или ты лицемѣръ? Не разберешь тебя“.

Кирилъ отпѣлъ Мавру и проводилъ ее на кладбище. Когда кувнецъ, по окончаніи обряда, протянулъ ему руку съ кучей гдѣяковъ, онъ сказалъ, что не надо. Только-что передъ этимъ онъ видѣлъ мизерную обстановку, среди которой ютился Пахомъ съ своимъ многочисленнымъ семействомъ. „Какъ я возьму у нищаго?“—подумалъ Кирилъ и сказалъ:—Зимой у меня будетъ по-

возка. Когда въ ней пина сломается, я позову тебя, ты мнѣ спаяешь ee!..

— Что угодно сдѣлаю вамъ, батюшка, за вашу доброту!—съ большимъ чувствомъ сказалъ Пахомъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень тронутъ вниманіемъ новаго священника. Въ мѣстечкѣ Луговомъ такъ уже водилось, что особое отпѣваніе полагалось только богатымъ покойникамъ. „Меньше какъ за два карбованца съ мѣста не сдвинусь“, прямо говорилъ предмѣстникъ Кирила. Для бѣдняковъ считалось достаточнымъ, что ихъ относили на кладбище домашними средствами, а потомъ разомъ отпѣвали, когда набиралось ихъ съ полъ-дюжины. Въ особенности это практиковалось лѣтомъ, когда всѣ—и священники, и причтъ—были заняты каждый своимъ хозяйствомъ. Прихожане свыклись съ этимъ обычаемъ, который велся изъ поконъ-вѣку, и не протестовали. Бывали иногда отдѣльныя попытки склонить причтъ на уступку, когда въ небогатой семьѣ умирало почтенное лицо, какъ это случилось у кузнеца Пахома. Иногда въ добрую минуту удавалось сойтись на карбованцѣ съ общаніемъ въ будущемъ, по окончаніи молотбы, принести мѣрку жита. Вообще вопросъ о требохъ въ мѣстечкѣ былъ поставленъ прямо и открыто.

Это было въ пятницу. Къ хатѣ Дементія подъѣхалъ благоустроенный „дилижанъ“, запряженный парой шустрыхъ лошадей. Въ передку сидѣлъ парень въ бѣлой холщевой рубашкѣ и въ соломенномъ брилѣ съ широкими полями. Въ задней части, на люлкѣ съ рессорами, помѣщался увѣсистый мужикъ, съ сильно обросшимъ темнымъ лицомъ, съ маленькими глазами и густыми сѣдыми бровями. Мужикъ былъ въ синемъ чекменѣ, подпоясанномъ краснымъ шарфомъ; на головѣ у него была фуражка синяго сукна, и вообще онъ имѣлъ видъ городского мѣщанина. Онъ сошелъ съ дилижана и оказался человѣкомъ небольшого роста, ступавшимъ тяжело и увѣренно. Дементій, сгребавшій на току въ кучу зерно, увидѣвъ его, тотчасъ положилъ лопату и пошелъ къ нему черезъ досчатые ворота.

— Марко Андреевичъ! Зачѣмъ васъ Богъ принесъ? Ну, что, какъ у васъ тамъ на хуторахъ? Да идите же въ хату!..

Дементій говорилъ и смотрѣлъ чрезвычайно привѣтливо. Очевидно Марко Андреевичъ Шибенко, богатый хуторской прихожанинъ, былъ желаннымъ гостемъ. Хуторянинъ слегка шевельнулъ густыми, длинными усами, что означало улыбку, и протянулъ Дементію смуглую и корявую руку.

— Вашими молитвами, Дементій Ермилычъ, живемъ!—про-

бурчалъ онъ отрывисто и слегка заикаясь.—А въ хату, это можно!.. Слухай ты, Митько! Снеси одинъ мѣшокъ въ сѣни!

— Вотъ это дѣло! Не забываете насъ!..

Митько сталъ лѣниво слѣзать съ своего возвышеннаго сидѣнья, а хозяинъ и гость пошли въ хату. Въ сѣняхъ ихъ встрѣтила супруга Дементія, Антонина Егоровна, женщина еще довольно молодая, а по комплекціи и здоровью вполне подходящая къ своему супругу. Она копошилась около кабицы, разводя огонь подъ котелкомъ, въ которомъ еще двигались живые раки. Ее обрुжали ребятишки съ смуглыми головами и грязными носами, въ длинныхъ сорочкахъ безъ пояса и безъ штановъ, съ большими животами и босоногіе.

Антонина Егоровна извинилась, что не можетъ подать руку Марку Андреевичу, потому что вся измазана сажей.

— Вы не обижайтесь, — прибавилъ Дементій:—она у меня всегда рохлей ходитъ.

Когда они вошли въ хату, Антонина Егоровна сейчасъ же переселилась въ чуланъ, вымыла руки, переодѣла кофту, достала графинчикъ съ водкой, вяленаго рыба и въ скорости появилась въ комнатѣ со всѣмъ этимъ добромъ.

— А чья будетъ нынче у васъ седмица?—спросилъ прежде всего Марко Андреевичъ.

— Новаго, отца Кирила! — сказала Дементій и при этомъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

— Ага, вотъ мы его и попробуемъ! Я новую засѣку построилъ. Ну, завтра зерно ссыпать будемъ, а безъ сваченья, сами знаете, невозможно такое дѣло дѣлать. Хочу сегодня, чтобы окропили.

— Чтожъ, мы съ удовольствіемъ, Марко Андреевичъ. Ужъ вы, конечно, насъ не обидите.

— Вотъ еще! Да я хоть впередъ готовъ. Вотъ даже сію минуту!.. Извольте, Дементій Ермилычъ, сами уже батюшкѣ передайте! Марко вынулъ изъ-за пазухи вязанный кошелекъ, отсчиталъ три трехрублевки и одну рублевку и подалъ Дементію. Дементій взялъ.

— Ежели бы всѣ прихожане такъ обращались, такъ мы бы богачами были!—сказалъ онъ, сжимая въ кулакъ ассигнаціи:—только такими, какъ вы, милостивцами и живемъ!

Но въ это время у него въ головѣ мелькнула мысль, которая омрачила его лицо. „Чего добраго, и тутъ новый настоятель штуку выкинетъ!—подумалъ онъ:—возьметъ да и дастъ ему сдачи. Отъ него станется!“

— А отчего бы вамъ, Марко Андреевичъ, не подождать до воскресенья? А?—спросилъ онъ не безъ задней мысли.— Въ воскресенье будетъ седмица о. Родіона, дѣло, значить, будетъ вѣрное.

— Такъ говорю же—зерно готово, завтра ссыпаемъ. Никакъ нельзя подождать!..

— Такъ, такъ!.. Ты, Антонина, угощай тутъ Марка Андреевича, а я схожу къ батюшкѣ, доложу...

— Можеть, и мнѣ уже разомъ пойти? познакомиться, значить! Я ему два мѣшка жита привезъ для знакомства.

— Нѣтъ, ужъ вы погодите... сперва я, а потомъ вы...

„А ежели онъ тебя да съ твоимъ житомъ попретъ куда не слѣдуетъ! — подумаль Дементій: — вотъ ужъ истинно-чудаковатый батюшка!“

Дементій пошелъ къ Кирилу. Онъ засталъ настоятеля за письменнымъ столомъ. Марья Гавриловна сидѣла на диванѣ и читала книжку.

— А! садитесь пожалуйста, я сейчасъ! — сказалъ Кирилъ, продолжая писать.— Мура, вотъ это нашъ дячокъ, Дементій Ермильчъ Глущенко!

Мура протянула ему руку. Дементій взялъ эту руку всей своей огромной ладонью, сжалъ ее и отъ смущенія потрясъ съ необычнымъ рвеніемъ. Но състь онъ не рѣшился, а остался стоять, отступя отъ дивана назадъ два шага. Мура спросила его, велико ли у него семейство. Онъ отвѣтилъ, что, благодареніе Богу, не маленькое, и прибавилъ, что старшаго сына уже свезъ въ духовное училище.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Кирилъ, повернувшись къ нему вмѣстѣ со столомъ.

— Съ хуторовъ пріѣхалъ мужикъ, Марко Шибенко. Просить поѣхать къ нему и засѣву освятить.

— Чтожъ, поѣдемъ!

— Онъ мужикъ богатый, первый на хуторѣ!.. Ну, и самъ предложилъ десять карбованцевъ... я даже и не спрашивалъ. Такъ прикажете принять?—тономъ виноватаго объяснялъ Дементій.

— Самъ предложилъ? — спросилъ Кирилъ, глядявываясь въ его фізіономію.

— Ей Богу, отецъ Кирилъ, я и не спрашивалъ, даже намекомъ.

— Ежели онъ богатъ и самъ предложилъ, отчего же не взять.

— Разумѣется, отчего не взять! Вотъ онѣ и деньги!

— Положите ихъ въ общую кружку!.. И собирайтесь, поѣдемъ!

„Вотъ и разбери его!—размышлялъ Дементій, возвращаясь домой.—Ежели богатый да еще самъ предложилъ!.. А не все ли мнѣ равно, богатый, или не богатый. Много ли ихъ, этихъ богатыхъ? Самъ, говорить, предложилъ! Такъ вѣдь это Марко Андреевичъ, хуторянинъ: хуторяне—совсѣмъ другой народъ! Дождись-ка отъ нашихъ, луговскихъ, чтобы они тебѣ сами предложили! Еще бы! Держи карманъ!“ Проходя черезъ свои сѣни, онъ увидалъ въ углу мѣшокъ съ житою, туго набитый и хорошо завязанный. „Вотъ онъ сейчасъ и виденъ, хуторянинъ! Самъ привезъ, никто не танулъ его. Да какой мѣшокъ: кругленькій, веселенькій, пудиковъ шесть будетъ! Это ежели даже по петси гривенъ, такъ и то три рубля шестьдесятъ будетъ. Деньги!“

Марко Андреевичъ успѣлъ уже выпить добрыхъ пять рюмокъ и отказывался отъ шестой на томъ основаніи, что надо идти къ батюшкѣ.

— Оно, знаете, неловко. Водкой отзывать будетъ!

Это было единственное опасеніе, такъ какъ хмелѣлъ онъ начиная со второго полштофа.

Онъ пошелъ въ Кирилу. Батюшка уже облачился въ рясу. Марья Гавриловна въ сосѣдней комнатѣ рылась въ комодѣ, доставая ему чистый платокъ. Марко Андреевичъ вошелъ въ сѣни и, ради благовоспитанности, несмотря на то, что было совершенно сухо, тщательно вытеръ подошвы о деревянный порогъ. Разглядѣвъ, что налѣво ведетъ большая двустворчатая дверь, а направо—визенькая ординарная, онъ сообразилъ, что направо будетъ кухня, и взялъ влѣво. Онъ растворилъ дверь и вошелъ. На порогѣ онъ остановился и, устремивъ спокойные взоры въ уголь, трижды перекрестился, а потомъ поклонился хозяину.

— Я Марко Шибенко съ хуторовъ, батюшка!—сказалъ онъ, прищуривая глаза.

— А! Вотъ мы къ вамъ и поѣдемъ! я готовъ!—отвѣтилъ Кирилъ, думая, что Шибенко пришелъ торопить его.

— Нѣтъ, это само собою, а я насчетъ другого дѣла.

— У васъ дѣло? Садитесь, рассказывайте!

— Покорно благодаримъ. Только спервоначалу дозвольте благословеніе взять.

Кирилъ спохватился. Онъ никакъ не могъ привыкнуть давать благословеніе всякому, кто къ нему приходилъ. По всегдашней привычкѣ рука его протягивалась для пожатія, между тѣмъ здѣсь ни одинъ визитъ не обходился безъ благословенія. Марко подошелъ къ нему, взялъ благословеніе и поцѣловалъ руку.

— А теперь вотъ и дѣло!—сказалъ онъ уже болѣе развяз-

нымъ тономъ:—мы своихъ батюшекъ очень уважаемъ и всегда стараемся обазывать ему угожденіе.

— Садитесь, что же вы стоите!—пригласилъ Кирилъ.

— Покорно благодаримъ!—отвѣтилъ Марко, сейчасъ же воспользовался приглашеніемъ и сѣлъ на стулъ, вытянувшись и держа ногу къ ногъ.—Что намъ Богъ по милости своей посылаетъ, тѣмъ мы и съ духовными лицами раздѣляемся. Такъ уже для перваго знакомства дозвольте, батюшка, два мѣшка жита вамъ въ презентъ.

— Мнѣ? За что же? Я еще ничѣмъ не заслужилъ!

— Вы за насъ молитесь. Мы только и дѣлаемъ, что грѣшимъ, а вы все отмаливаете. Вотъ за это самое! Притомъ уваженіе имѣемъ къ духовному сану. Такъ уже не откажите принять два мѣшечка.

— Да я, право... Я ничего не имѣю противъ. Только это какъ-то странно!.. Извольте, я приму!.. Благодарю васъ!..

Кирилъ сконфузился. Подобнаго предложенія онъ не предвидѣлъ. Ему, однако, было извѣстно, что нѣтъ большей обиды для мужика, какъ отказъ принять отъ него даръ.

— Вотъ и спасибо вамъ. Намъ главное, чтобы душевность была. Ежели нашимъ братомъ не брезгаютъ, мы всегда готовы снабдить. А матушку не дозволите повидать?

— Отчего же? И матушку можно. Мура! Вотъ тутъ съ тобой хотятъ познакомиться!

Марья Гавриловна вышла съ платкомъ въ рукѣ и съ недумѣніемъ осмотрѣла Марка Андреевича, сидѣвшаго на стулѣ. Она рѣшительно не понимала, почему ему пришло желаніе познакомиться съ нею. При ея появленіи онъ всталъ и сдѣлалъ ногами движеніе, слегка напоминавшее расшаркиванье.

— Такъ вотъ это матушка? Молоденькія какія, Господи Боже нашъ!

И онъ совершенно внезапно подошелъ къ Мурѣ, схватилъ ея руку и поцѣловалъ. Мура не успѣла принять мѣры къ отклоненію этого порыва.

— Я съ хуторовъ, матушка! Жалуйте къ намъ, милости просимъ! Ужь мы васъ такъ примемъ, такъ примемъ!.. Мы духовныхъ личностей уважаемъ. Соберемъ весь хуторъ, хлѣба вамъ пята воровъ навеземъ! Только приѣзжайте!

Для Муры все это были странныя вещи. Не понимала она, почему онъ такъ горячо приглашаетъ, зачѣмъ она поѣдетъ на хутора, съ какою стати они будутъ собирать народъ и везти ей

пять воевъ хлѣба. Она молчала и глядѣла на него съ нескрываемымъ недоумѣніемъ.

— Ну, спасибо, спасибо!—сказалъ за нее Кирилъ.—Намъ однако пора ѣхать.

Марко повторилъ еще разъ свое приглашеніе и вышелъ встѣдъ за Кириломъ. На крыльцѣ онъ остановился и крикнулъ по направленію къ Дементьевой хатѣ:—Эй, Митько! подѣзжай сюда, да снеси-ка батюшкѣ въ кладовку два мѣшка, что въ передку лежать.

Митько зашевелился, зануздалъ лошадемокъ, и черезъ минуту дилижанъ запѣлъ всѣми своими составными частями. Митько обогнулъ ограду и подѣзжалъ къ калиткѣ. Минуть пять онъ возился съ мѣшками, потомъ поправилъ сѣно въ дилижанъ, устроилъ мѣста для сидѣнья. Появился Дементій въ сѣромъ кафтанѣ съ узломъ подъ мышкой. Въ узлѣ были облаченія. Онъ сказалъ, что отцу дѣлону нездоровится. Они размѣстились и поѣхали.

Хутора, называвшіеся иногда Чубатовыми, потому что поселившіеся тамъ вольные крестьяне жили на землѣ, прежде принадлежавшей помѣщику Чубатову, болѣею же частью извѣстные просто подъ именемъ хуторовъ, лежали верстахъ въ десяти отъ Лугового. Почти всѣ хуторяне владѣли землей, кто дюжиной десятинъ, кто двумя десятками, а было двое, именно старый Ерема Губаръ и Марко Шибенко, которые, владѣя каждый тридцатью десятинами, снимали еще въ аренду у луговской помѣщицы по нѣскольку десятковъ десятинъ. Несмотря на это, хуторяне не только не щеголяли красивыми и просторными домами, но половина изъ нихъ ютилась въ землянкахъ, а другая половина успѣла построить мужицкія вальковыя хаты съ камышевой крышей, изъ двухъ малопомѣстительныхъ комнатъ—черной и чистой—праздничной, съ прибавкой чулана для малолѣтней птицы, новорожденныхъ телятъ и поросятъ. Когда хуторяны, которые почти всѣ были богаты, спрашивали, почему они не построятъ себѣ хорошихъ домовъ, они отвѣчали:

— Некогда намъ возиться! Да намъ чтѣ! Мы привычны къ своимъ землянкамъ. Въ большомъ домѣ семья раздробится по разнымъ угламъ—сумно какъ-то. А въ малой земляночкѣ всѣ вучѣ, жмемъ другъ къ другѣ, оно и весело и тепло!

Зато при небольшихъ хатахъ стояли высокія засѣвки, обширные сараи для домашняго скота, для зимовки овецъ, для птицы, словомъ, для всякой худобы. Можно было подумать, что настоящимъ хозяиномъ здѣсь была именно эта худоба, а люди при ней

жили въ качествѣ смиренныхъ и невзыскательныхъ прислужниковъ и ютились въ неблагоустроенныхъ хатахъ и землянкахъ.

Едва только дилижанъ поднялся на возвышенную плоскость, по которой шла широкая дорога, какъ среди безконечнаго поля вырисовывались Чубатовы хутора. Можно было сосчитать четыре десятка дворовъ съ огородами, гдѣ торчали высокія скирды сѣна и соломы и граціозные фигурные стоги хлѣба въ снопахъ. При каждомъ дворѣ былъ колодець, и тонкіе журавли съ бадьями возвышались надъ ними точно молчаливые стражи, призванные защищать отъ вѣшняго врага брошенный среди степи одинокій хуторъ.

Черезъ полчаса они уже миновали нѣсколько землянокъ и подѣхали къ хатѣ Марка Андреевича. Хата эта ничѣмъ не отличалась отъ другихъ, только постройка для худобы была здѣсь повнушительнѣе да ярко желтѣла надъ солнцемъ обширная новая засѣка. Во дворѣ толкались человекъ двадцать мужиковъ и бабъ въ обыкновенныхъ рабочихъ костюмахъ. Видно, пришли сюда прямо съ токовъ, устроивъ себѣ маленькій праздникъ. Едва только Кирилъ вошелъ во дворъ, какъ вся гурьба стала поочередно подходить къ нему за благословеніемъ.

— Новый батюшка!—говорили они между собой:—да и молодой же какой!—прибавляли бабы и почему-то громко вздыхали.

Затѣмъ Марко пригласилъ его въ хату. Въ тѣсной хатѣ съ низенькимъ потолкомъ и маленькими окнами, за длиннымъ четырехъ-угольнымъ столомъ сидѣло съ десятокъ мужиковъ, большею частью почтеннаго возраста. Это были главы хуторскихъ семействъ. Они встали и вышли изъ-за стола. Кирилъ перекрестился къ мрачнымъ образамъ, повѣшеннымъ въ самомъ углу, и поклонился присутствующимъ.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ.

Въ отвѣтъ послышался неопредѣленный гулъ отвѣтнаго привѣтствія. Началось подхожденіе къ рукѣ. Вслѣдъ затѣмъ изъ-за печи вышла баба, стройная, краснощекая и нарядная, въ шововомъ „очипкѣ“ и цвѣтной спидныцѣ.

— А вотъ это моя баба!—сказалъ Марко.

Маркова баба тоже взяла благословеніе.

— Таеъ приступимъ!—сказалъ Кирилъ. Дементій развязалъ узелокъ и подаль ему облаченіе. Мужики глядѣли на него съ большимъ любопытствомъ и размышляли о томъ, какіе нынче молодые попы пошли. Когда Кирилъ облачился, всѣ вышли во дворъ, и здѣсь подъ палящими лучами южнаго солнца, передъ

столикомъ съ миской, наполненной водой, совершилось освященіе новой засѣвки Марка Шибенка.

— А теперъ пожалуйте закусить, чѣмъ Богъ послалъ!— сказала Маркова баба. Кирилъ принялъ предложеніе и первый вошелъ въ хату. Здѣсь уже все преобразилось. Столъ былъ накрытъ бѣлой скатертью и уставленъ мисками и тарелками съ жаренымъ окунемъ и постными пирогами. Два увѣсистыхъ штофа водки премировали надъ всѣми съѣстными снадобьями.

— Просимъ покорно вонъ туда, батюшка!— сказала хозяйка, указывая на мѣсто въ углу подъ иконами, самое почетное мѣсто, куда обыкновенно сажаютъ наиболѣе уважаемыхъ гостей. Кирилъ сѣлъ, а рядомъ съ нимъ помѣтился Дементій; вокругъ стола сѣли душъ пятнадцать мужиковъ и между ними всего двѣ бабы.

— Спервоначалу водочки выкушайте!— сказалъ Марко, вмѣстѣ съ своей бабой, не участвовавшей въ трапезѣ, и налилъ Кирилу изрядный стаканчикъ водки, а затѣмъ и всѣмъ гостямъ. Всѣ выпили по полной, а Кирилъ отхлебнулъ четверть рюмки и поставилъ ее.

— Э, батюшка! какъ же такъ? Надо всю выпить!— сказалъ убѣждающимъ голосомъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не надо!— сказалъ Кирилъ:— больно велика рюмка!

— Это мнѣ обидно! Тогда и засѣвка моя не будетъ полная! Это уже всему міру извѣстно!

— А о чемъ же мы Богу молились, хозяинъ? Не о томъ ли, чтобы засѣвка была полная?— серьезно спросилъ Кирилъ.

— Оно конечно, это само собой!..

Мужики съ серьезнымъ видомъ уставились въ тарелки и молчали, только Марко повторялъ свое: „оно конечно“. Но черезъ минуту его смущеніе прошло, и онъ сказалъ:

— А теперъ и по второй, чтобы и въ предбудущія времена засѣвка моей Богъ зерно давалъ!— при этомъ онъ наполнилъ стаканчики. Дементій уже протянулъ руку, чтобы взять свой, но въ это время Кирилъ сказалъ:

— По моему мнѣнію, человѣку одной рюмки довольно!

Мужики удивленными взорами переглянулись другъ съ другомъ. Дементій отдернулъ руку отъ стаканчика и сталъ гладить ею свою роскошную бороду. Но хозяйка приняла эту рѣчь за шутку и промолвила:

— А ну, батюшка, еще стаканчикъ выкушайте, а то безъ васъ и другіе не пьютъ!

— Зачѣмъ же я стану пить, когда мнѣ это неприятно и вредно? При томъ же священнику и не идетъ пить этого.

— А у насъ батюшки всегда здорово пьютъ! — вставилъ одинъ изъ гостей.

Нѣкоторые на это одобрительно промычали; другіе же, какъ бы смутно почувствовавъ неловкость сказанной фразы, сконфузились.

— А по моему, какой же это батюшка, ежели онъ съ нами выпить не желаетъ! — выпалилъ другой гость. На это всѣ отвѣтили глубокимъ молчаніемъ.

— А какъ васъ зовутъ и гдѣ ваша хата? — спросилъ Кирилъ, обратившись къ автору послѣдняго изреченія.

— Зовутъ меня Сидоромъ Товкачемъ, а хата моя, батюшка, ежели будетъ ваша милость пожаловать къ намъ, — третья отъ Марковой хаты! — отвѣтилъ мужикъ.

— Ну, такъ я и буду знать, и въ хату Сидора Товкача никогда уже не заѣду! Пить водки я не умѣю — значитъ, я ему не батюшка!

Товкачъ покраснѣлъ до ушей и до такой степени былъ подавленъ, что не нашелся что сказать. Кирилъ продолжалъ:

— А прочимъ, кто и безъ водки меня за батюшку почитать согласенъ, я расскажу, почему я водки много не пью. Не пью я ее оттого, что дорожу своимъ здоровьемъ, хочу долго на свѣтѣ прожить, да при томъ всегда быть умнымъ человѣкомъ. А водка, ежели ее пить больше чѣмъ слѣдуетъ, здоровью вредитъ, жизнь сокращаетъ. Тебѣ назначено прожить семьдесятъ лѣтъ, а ты пьешь много водки и проживешь только пятьдесятъ. Ты умный человѣкъ и всѣ тебя уважаютъ, а отъ водки твоей умъ тупѣетъ, туманится, и смотришь — изъ умнаго ты сталъ дуракомъ, и всѣ надъ тобой смѣются. Такъ разсудите: есть ли мнѣ какая-нибудь выгода пить ее?

— Да такъ оно и выходитъ, что выгоды никакой нѣтъ! — подтвердилъ кто-то.

Смущенные хозяева больше никому не предлагали водки, рѣшивъ, что настоящая пирушка будетъ послѣ отъѣзда батюшки.

Послѣ того какъ былъ съѣденъ сладкій пирогъ со сливами, Кирилъ всталъ, а за нимъ и всѣ поднялись. Когда онъ вышелъ изъ хаты, пошли тихіе разговоры: — Вотъ ученый, такъ истинно-ученый, даромъ что молодой! И серьезный какой! А нашъ-то Товкачъ, можно сказать, прямо въ ступу попалъ! Необразованность! — Когда Кирилъ, сопровождаемый Дементіемъ, собирался сѣсть въ дилижанъ, къ нему подошелъ Сидоръ Товкачъ и почтительно снялъ шапку.

— Прошу прощенія, батюшка! — смущенно проговорилъ

онъ,—такъ это выпалилъ я по необразованности своей... А чтобы чувствовать, такъ ей Богу же нѣтъ!

И онъ попросилъ у Кирила благословенія.

— Пріѣзжайте ко мнѣ, Сидоръ, съ вашими земляками, мы потолкуемъ! Вотъ у васъ грамотныхъ мало, школы нѣтъ, а на водку денегъ много тратите.. Народъ вы все съ достаткомъ!..

Сидоръ выслушалъ это приглашеніе въ почтительномъ молчаніи.

Обратно повезъ ихъ уже не самъ Марко, а подростокъ изъ его работниковъ.—Вѣдь они настоящія дѣти!—сказалъ Кирилъ, обращаясь къ Дементію, который сидѣлъ рядомъ съ нимъ:—какъ дѣти, они вѣрятъ всему: и хорошему, и дурному. Поэтому надо не пропускать ни одного случая связать имъ хорошее!.. Не правда ли, Дементій Ермильчъ?

— Это само собой!—отвѣтилъ Дементій, съ одной стороны польщенный тѣмъ, что ученый настоятель съ нимъ въ разсужденіе вступилъ, а съ другой стороны искренно сожалѣвшій, что не могъ остаться въ Марковой хатѣ. „То-то они тамъ теперь расхваливаютъ новаго батюшку, да при этомъ дуютъ штофъ за штофомъ!“—думалъ онъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ.

VIII.

— Ну, теперь нажмемъ! Теперь седмица отца Родіона пойдетъ!—сказалъ дьячокъ Дементій дякону Симеону Стрючку въ субботу во время вечерни.

— Ужъ дѣйствительно, Дементій Ермильчъ, приходится нажимать! Этакая богатая недѣля! Ежели бы это была Родіонова седмица, у насъ въ кружкѣ на малый случай сорокъ карбованчиковъ было бы. Гдѣ-жъ таки—вѣнчанье, трое похоронъ, засѣку святли, старуху Мирошничиху маслособоровали—все требы важныя!.. А у насъ четырнадцать съ полтиной!.. Стыдно сказать! Прямо стыдно сказать!

Однимъ словомъ, младшій причтъ луговской церкви былъ недоволенъ первой седмицей новаго настоятеля. Былъ ли доволенъ ею отецъ Родіонъ, этого пока еще никто не зналъ. Онъ принялъ докладъ дякона о состояніи кружки за недѣлю молча и даже ничего не отвѣтилъ на вопросъ Дементія:—„какъ вамъ это покажется, о. Родіонъ?“ Повидимому, онъ, какъ человѣкъ основательный, еще не составилъ себѣ опредѣленнаго взгляда на новое явленіе.

Зато по деревнѣ ходили самые разнообразные и оживленные толки. Антонъ, благополучно отдѣлавшись карбованцемъ за вѣнчанье, рассказалъ землякамъ, какъ было дѣло.—Видишь, черезъ тебя мы согрѣшили, осудили его!—говорили ему мужики:—а онъ вотъ какой!

Въ воскресенье прїѣзжали къ обѣднѣ хуторяне и рассказали кое-кому изъ луговскихъ обывателей о томъ, что произошло у Марка при освященіи новой засѣки. Это еще болѣе оживило толки о новомъ настоятелѣ.

Надо, однако, сказать, что деревня и не думала приходить къ какому-нибудь опредѣленному заключенію. Толки ограничивались большею частью фактами.

— Мирошничихъ сказалъ: „ты, говорить, старуха, выздоравливай; встанешь, заработаешь, повѣтаемся, а ежели помрешь, такъ на томъ свѣтѣ сочтемся!“—сообщалъ кто-нибудь.

— Ишь ты какой!.. На томъ, говорить, свѣтѣ! Хм...—замѣчали слушатели.

— Какъ хоронили Прошку, Авдѣхинаго младенца, а Авдѣиха ему тычетъ это четыре пятака. А онъ посмотрѣлъ это, что въ Авдѣхиной хатѣ полтора горшка да поль-рогача стоитъ, взялъ, да и говорить: „ладно, спасибо, только я тебѣ сдачи дамъ!“ Пошарилъ онъ въ карманъ и суетъ ей полтинникъ: „ты, говорить, старшему пузырю рыбнаго жиру купи и пускай пьетъ, потому онъ сильно золотушный“.

— Чудасія да и только! Умный человекъ этого не сдѣлаетъ.

— Это смотря!.. Изъ какой, значить, мысли человекъ выходитъ.

— А чубатовцамъ приказалъ двѣ рюмки водки пить. „Больше, говорить, невозможно“.

— Двѣ рюмки мужику мало. Плевое дѣло!

— Даже черезъ-чуръ мало! Напримѣръ, крестины. Чтожъ, двумя рюмками развѣ можно окрестить? Или опять свадьба... Нѣтъ, невозможно!..

Это было осенью. День стоялъ пасмурный, собирался дождь. Кирилъ въ это время былъ на требѣ. Марья Гавриловна только-что поднялась съ постели и едва кое-какъ одѣлась. Въ комнату вошла Фегла и объявила:

— Какая-то-сь воляска подѣхала! Видно, городская! У Марьи Гавриловны сердце сильно забилося. Она выбѣжала на крылечко.

— Мамочка!

И черезъ три секунды она была въ объятіяхъ Анны Николаевны Фортификантовой.

— И это вы рѣшились пріѣхать одна въ такую даль?

— Во-первыхъ, и не даль, какихъ-нибудь пятьдесятъ верстъ, а во-вторыхъ, и не одна—съ кучеромъ!

Оказалось, что мать соскучилась по дочери и пріѣхала навѣстить ее. Мура несказанно обрадовалась ей, начала хохотать, прыгать, каждую секунду подбѣгала къ ней, обнимала ее и кончила тѣмъ, что заплакала.

— Это, мамочка, отъ радости!

Анна Николаевна осталась довольна квартирой. Ее нѣсколько оскорбляла Оекла, которая сейчасъ же вступила съ нею въ разговоръ, объявила, что она „бѣдная удова“ и служить всѣмъ священникамъ. Когда же Мура вышла, она подошла поближе къ Аннѣ Николаевнѣ и сказала таинственнымъ голосомъ:—Ужъ вы, матушка, обратите вниманіе. Жить не умѣютъ. Другой бы батюшка уже бы пару коровъ да десятокъ овецъ имѣлъ, птица бы своя была, а у нихъ ничего нѣтъ. Срамъ сказать: муку покупаемъ! Батюшка—и вдругъ муку покупаетъ! Никогда этого у насъ не бывало. Я при трехъ настоятеляхъ была, и всегда даже продавали муку. Нѣтъ, вы ихъ научите уму-разуму!

Какъ ни обидно это было для Анны Николаевны, тѣмъ не менѣе она приняла къ свѣденію сообщеніе Оеклы. Какъ это въ самомъ дѣлѣ, живя больше двухъ мѣсяцевъ въ приходѣ, который считается богатымъ, ровно ничего не пріобрѣсти?

— Ну, расскажи же, какъ тебѣ живется!—сказала Анна Николаевна.

— Живется хорошо. Я довольна!—отвѣтила Мура.

— Нѣтъ, ты объясни, какъ именно. Какъ время проводишь и прочее...

— Время провожу больше съ книжкой. Кирилъ—то въ церкви, то на требѣ, то въ школѣ, то такъ по деревнѣ ходить.

— И ты сидишь одна?

— Ну, да, а чтожь такое?

— И знакомыхъ никого? Здѣсь же есть помѣщица. Я думаю, онъ сдѣлалъ ей визитъ.

— Кто? Кирилъ? Ни за что. Онъ сказалъ: „будетъ дѣло—пойду; а такъ—я не знаю, что она за птица“. Съ семействомъ священника я познакомилась. Шестъ дѣвицъ! Совсѣмъ неинтересно.

— Выходитъ, что ты умираешь отъ скуки!

— Кирилъ все говоритъ мнѣ: знакомься съ мужиками; тутъ что ни шагъ, то интересный типъ!

Анна Николаевна разсмѣялась и подумала: „нѣтъ, у него дѣйствительно гвоздь въ головѣ!“

Пришелъ Кирилъ и выразилъ удовольствіе по поводу пріѣзда тещи. — Вотъ вы увидите, какъ здѣсь хорошо, въ деревнѣ, и сами сюда переѣдете! — сказалъ онъ.

— Ну, ужъ это извините! Этого никогда не дождетесь! — съ достоинствомъ отвѣтила Анна Николаевна. Вопросъ о мѣстѣ жительства въ ея глазахъ отождествлялся съ вопросомъ о повышеніи и пониженіи. Въ столицу — повышение съ увеличеніемъ доходовъ; въ деревню — пониженіе съ уменьшеніемъ таковыхъ; поэтому предположеніе Кирила заключало въ себѣ элементы кроваваго оскорбленія.

Въ теченіе дня Анна Николаевна во-очію убѣдилась, что у нихъ дѣйствительно все купленное, и что Фекла была права. За всякой мелочью, которая нужна была для кухни — масло, лукъ, картофель, — Фекла бѣгала въ лавочку; сливки, поданныя къ чаю, стоили почти столько же, сколько стоятъ онѣ въ городѣ.

— Послушай, мой дружокъ, вѣдь это очень дорого все стоитъ, ежели каждую мелочь покупать! Развѣ у васъ такіе большіе доходы?

— Кирилъ отдаетъ мнѣ все, чтѣ получаетъ, до копѣйки.

— Ну и сколько же примѣрно въ мѣсяцъ?

— Рублей двадцать, двадцать-пять принесетъ.

— Это весь доходъ? Хорошенькій приходъ, нечего сказать! Спасибо, надѣлили... Это за академію, за магистрантство! Ну, а проживаете вы сколько?

— Рублей пятьдесятъ!

— Откуда же берете?

Марья Гавриловна смѣшалась и покраснѣла. — Все равно, мамочка! Наши доходы потомъ увеличатся... Мы наворачтаемъ!.

Анна Николаевна смотрѣла на нее сначала съ недоумѣніемъ, а потомъ вдругъ ее осѣнила мысль.

— Я понимаю! — гробовымъ голосомъ произнесла она: — ты тронула капиталъ!

— Мамочка, такъ что же изъ этого? Вѣдь это начало, потомъ пойдетъ лучше, я пополню... Только ему, Кирилу, не говорите, мамочка. Онъ вѣдь не знаетъ. Онъ живетъ какъ младенецъ.

Анна Николаевна ничего не возразила, но при этомъ воинственно сдвинула брови и рѣшила „хорошенько поговорить“ съ зятемъ.

На другой день, когда Кирилъ отправился на службу, Анна Николаевна приняла нѣсколько визитовъ. Первой явилась супруга отца Родіона. Это была женщина порядочнаго роста, широко-

печая и толстая. Несмотря на свои пятьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ, она явилась въ свѣтлорозовой шольевой накидѣ и съ голубой ленточкой въ волосахъ, въ которыхъ, впрочемъ, не было ни одной сѣдины. Надо однако сказать, что кокетство здѣсь не играло никакой роли. Матушка просто полагала, что ничѣмъ такъ не выразить почтеніе къ пріѣзжей соборной протоіерейшѣ, какъ радостнымъ костюмомъ.

— Ужъ вы извините, а я къ вамъ съ жалобой на вашего зятя,—почти сразу начала матушка.—Помилуйте! Новые обычаи завелъ: съ прихожанъ ничего не спрашиваетъ — „сколько, говорить, дашь“. Ну, а они, извѣстно, народъ прожжённый, и даютъ грошъ! Повѣрите ли, мой мужъ на рѣдкость получалъ шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, а то больше восемьдесятъ, сто, даже до ста-двадцати. А теперь двадцать—двадцать-пять. Чѣмъ же жить-то? У меня полъ-дюжины дочерей!.. Оно, конечно, это отъ неопытности!.. Молодой человекъ, извѣстно! Однакожъ, отчего бы не прійти къ мужу, къ отцу Родіону, совѣта не спросить... Онъ хотя и настоятель, вашъ зять, а мой мужъ—опытный!

Вслѣдъ за матушкой явились жены діакона и дьячка. Эти даже не рѣшались занять предложенныя имъ мѣста на стульяхъ. Соборная протоіерейша нагнала на нихъ робость. Тѣмъ не менѣе онѣ въ одинъ голосъ объявили, что при тѣхъ скудныхъ доходахъ, какіе пошли съ пріѣздомъ новаго настоятеля, жить невозможно.

— Я сама это понимаю, сама понимаю!—говорила въ отвѣтъ Анна Николаевна, взволнованная всѣми этими сообщеніями:— ужъ повѣрьте, что это такъ не останется. Я поговорю съ нимъ. Ради дочери, поговорю!

Жены, дѣйствовавшія, разумѣется, по довѣренности отъ своихъ смиренныхъ мужей, ушли съ надеждой въ сердцахъ.

— Миѣ надо поговорить съ тобой, милый зятекъ!—сурово сдвинувъ брови, сказала Анна Николаевна Кирилу.—Наступали сумерки. Мура сидѣла на крыльцѣ, передъ чайнымъ столомъ, дочитывая главу романа. Анна Николаевна воспользовалась ея отсутствіемъ, чтобы начать и кончить этотъ, какъ она была увѣрена, неприятный разговоръ.

— Я къ вашимъ услугамъ, дорогая Анна Николаевна!—сказалъ Кирилъ благодушно.—Онъ почти зналъ, о чемъ будетъ рѣчь и въ какомъ тонѣ.

— Не понимаю твоего образа дѣйствій!.. Не понимаю! Только два мѣсяца живешь, а уже кругомъ тебя всѣ недовольны.

— Не всѣ, Анна Николаевна, не всѣ!

— Всѣ. Отецъ Родіонъ крайне недоволенъ; дячокъ и діаконъ жалуются, что имъ жить не на что. Какъ же не всѣ?

— А прихожане? Я думаю, что они вамъ не жаловались.

— Стану я разговаривать съ твоими прихожанами! Да это и не важно, довольны они или нѣтъ. Помилуй, братецъ мой, ты распустилъ ихъ! за требы они даютъ, сколько хотятъ, доходы причта втрое уменьшилось. Я даже и объяснить этого не могу. Это просто—сумасшествіе какое-то!

— Да вѣдь намъ хватаетъ! Слава Богу, и ѣдимъ, и пьемъ изрядно, и одѣваемся не въ шуры звѣринныя.— Анна Николаевна взглядылась въ него пристально, какъ бы желая постигнуть, въ самомъ ли дѣлѣ онъ младенецъ, или только прикидывается таимъ.

— Послушай, Кирилъ!—сказала она, понизивъ голосъ:— ежели такъ жить на свѣтѣ, не знаючи, что собственно у тебя подъ носомъ дѣлается, такъ можно завтра и по міру пойти. Доходовъ у тебя—двадцать-пять въ мѣсяцъ, а проживаете вы пятьдесятъ... Понимаешь ты?

Кирилъ посмотрѣлъ на нее исподлобья, покраснѣлъ, какъ-то съежился и крѣпко сомвалъ полу расы, которою передъ тѣмъ игралъ.

— Это моя Мура виновата... Я не зналъ!—проворчалъ онъ и, быстро поднявшись, прибавилъ:—Благодарю васъ за сообщеніе, Анна Николаевна! Мы это измѣнимъ!

— То-то измѣнимъ! Разумѣется, измѣнить надо!.. Я не къ тому, Кирилъ, говорю, чтобы мнѣ было жалко или что. Только-жъ это непременно надо, чтобы на черный день оставалось. Я только такъ, совѣтую.

Кирилъ смотрѣлъ въ окно и молчалъ. Анна Николаевна, убѣдившись, что произвела сильное впечатлѣніе, вышла на крыльцо къ чаю.

— Что вы такъ долго?—спросила ее Марья Гавриловна.

— Нѣтъ... Такъ... У меня, знаешь, башмакъ узкій... Пова натаю на ногу.

Кирилъ долго оставался одинъ въ комнатѣ. Когда, наконецъ, онъ вышелъ,—было уже темно, и Анна Николаевна не могла разглядѣть выраженіе его лица. На другой день утромъ теща уѣхала въ городъ, захвативъ съ собою „капиталъ“, чтобы его въ банкъ положить. „Это вѣрнѣе будетъ“, — сказала она Мурѣ. Впрочемъ она оставила четыре сотни „на всякій случай“. Уѣзжая, она не сказала Кирилу ни одного наставительнаго слова, полагая, что и такъ довольно. Мурѣ же она шепнула, отозвавъ ее въ сторону:

— Я желаю тебѣ, Марія, счастья и надѣюсь, что такъ оно и будетъ. Но въ случаѣ ежели что, сію минуту пріѣзжай ко мнѣ. Все, что у насъ есть, тебѣ принадлежитъ!..

„Ничего мнѣ не надо. Что бы ни случилось, я останусь съ Кириломъ!“ подумала Мура, и когда мать отъѣхала, она пошла къ мужу, взяла его подъ руку и тихонько произнесла:

— Ты знаешь, Кирилъ... я...—Она не договорила и покраснѣла. Кирилъ нѣжно поцѣловалъ ея руку и сказалъ:—Бѣдная моя Мурка!..

И. ПОТАПЕНКО.

А. А. КОТЛЯРЕВСКІЙ

О Ч Е Р Ъ Ъ .

I.

Литературный образъ бывшаго кievскаго профессора А. А. Котляревскаго начинаетъ мало-по-малу проясняться. Въ первое время послѣ его смерти (29-го сентября 1881 г. въ г. Пизѣ) всѣ данныя для его характеристики ограничивались матеріаломъ, собраннымъ въ „Поминкѣ“ по немъ, изданной Обществомъ Нестора Лѣтописца, котораго онъ былъ почти четыре года живымъ, бодрымъ, вдохновляющимъ предсѣдателемъ. Теперь „Поминка“ переиздана въ только-что вышедшемъ III томѣ „Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца“, но къ матеріалу ея успѣли уже присоединиться такія цѣнныя вещи, какъ мѣткій некрологъ А. А. Кочубинскаго въ его „Итогахъ славянской и русской филологіи“ (стр. 229—236) и привлекательныя „Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ“ Алексѣя Веселовскаго, напечатанныя въ сентябрьской книжкѣ „Кievской Старины“ за 1888 г. (стр. 395—414). Въ настоящую минуту мы имѣемъ еще большее: передъ нами первый томъ полнаго собранія сочиненій Котляревскаго, изданный Академіею Наукъ. Здѣсь объединены въ одну книгу молодыя статьи Котляревскаго, написанныя имъ въ промежутокъ времени съ 1855 по 1862 годъ, и такимъ образомъ получается возможность прослѣдить за развитіемъ таланта, подарившаго потомъ русскую науку такими крупными вещами, какъ „Погребальныя обычаи славянъ“ (1868), „Древности права балтійскихъ славянъ“ (1874), „Жизніе Оттона Бамбергскаго“ (1874) и „Библиологическій опытъ о древней русской письменности“ (1881). Книга эта вызвала

критическую статью К. Н. Бестужева-Рюмина въ Журн. Мин. Нар. Просв. (1889, июль), гдѣ раздраженіе автора противъ западническихъ воззрѣній Котляревскаго перемѣшано съ интересными личными воспоминаніями.

Появленіе сборника статей А. А. Котляревскаго въ настоящую литературную эпоху представляется особенно своевременнымъ ¹⁾. Въ этомъ случаѣ совершенно неправъ названный критикъ, который говоритъ:

„Нынѣшніе читатели статей Котляревскаго должны, мнѣ кажется, имѣть въ виду разницу времени; во многихъ статьяхъ встрѣтятся они съ понятіями, теперь уже отжившими“. Напротивъ, мы полагаемъ, что понятія, которыя Котляревскій стремился привить своимъ читателямъ, не отжили, а только покрылись забвеніемъ подъ влияніемъ неблагоприятныхъ условій нашей общественной жизни, и что обновленіе ихъ въ памяти современныхъ читателей можетъ быть особенно полезно теперь. Еслибы мы шли впередъ торнымъ путемъ, еслибы вѣра въ науку не ослабѣвала и не смѣнялась стремленіемъ назадъ, въ дебри косности и невѣжества, о, тогда другое дѣло! тогда, быть можетъ, проводимыя Котляревскимъ понятія оказались бы отжившими, замѣнились бы новыми, гораздо болѣе вѣрными и основанными на болѣе многостороннихъ и точныхъ научныхъ данныхъ. Но въ прискорбію „шатавіе умовъ“, о которомъ упоминаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, по поводу нападокъ Котляревскаго на нѣкоторыя явленія тогдашней литературы, повело насъ не впередъ, а назадъ. Верхъ взяли не тѣ начала, которыя развивалъ въ своихъ статьяхъ Котляревскій, а тѣ, противъ которыхъ онъ ратовалъ такъ блистательно и остроумно, — а потому слава Богу, что вынимается противъ нихъ изъ литературныхъ арсеналовъ хотя старое оружіе, выкованное нашими предшественниками, изъ воихъ такимъ выдающимся былъ А. А. Котляревскій.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, какъ горячій послѣдователь исторической философіи Н. Я. Данилевскаго, полагаетъ, что разъ чья-либо мысли не согласуются съ кодексомъ мнѣній Данилевскаго, то, значить, онѣ уже отжили свой вѣкъ и не могутъ имѣть никакого значенія для русскаго общества. Но это, конечно, совсемъ не вѣрно. Было уже не разъ указано, что въ ученіи Данилевскаго много односторонняго, недобазаннаго, принимаемаго на вѣру, и г. Бестужевъ-Рюминъ относится съ раздраженіемъ именно къ

¹⁾ Недавно вышелъ въ свѣтъ также 2-й томъ сочиненій А. А. Котляревскаго, въ изданіи Академіи Наукъ.—*Ред.*

нѣкоторымъ мыслямъ Котляревскаго, какъ разъ подрывающимъ справедливость умозаключеній Данилевскаго.

Чтобы наша мысль о свѣжести и жизненности понятій, развиваемыхъ Котляревскимъ, не показалась голословною, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ его статей въ связи съ модными теперь мнѣніями Данилевскаго. Подъ вліяніемъ ученія Данилевскаго и его послѣдователей, грозящаго сыграть у насъ роль философіи Гегеля въ Пруссіи, начинается преобладать мнѣніе, что наука національна въ томъ смыслѣ, что она не заключаетъ въ себѣ единой обязательной для всѣхъ истины, и является отраженіемъ дѣйствительности въ духѣ разныхъ народовъ („Россія и Европа“, 4-е изд., стр. 134—171). Это воззрѣніе, искусственно создающее противорѣчіе между понятіями, въ сущности дополняющими другъ друга, конечно, возмущало Котляревскаго, который говоритъ (Соч., стр. 26): „Въ то время, когда Европа уже отказывалась отъ своего увлеченія и въ ней возникали иные серьезные вопросы и требованія, мы горячили свое воображеніе мертвыми романтическими фантомами и, воспламенившись не по разуму, вымыслили народность въ наукѣ, позабыли, что наши западные учителя, отъ которыхъ приняли мы стремленіе къ народности, сами давно уже отказались отъ тѣхъ узкихъ опредѣленій ея, какія поддерживаемъ мы. Неужели намъ суждено повторять только зады, давно пройденные Европою?“ Въ то время, какъ Данилевскій, а за нимъ и г. Бестужевъ-Рюминъ стремятся по возможности дальше отодвинуть Россію отъ Европы, Котляревскій справедливо утверждаетъ („Сочиненія“, стр. 215), что „съ европейскою мыслью и образованіемъ насъ сближаютъ не одни историческія, такъ сказать, международныя отношенія, а глубокая внутренняя связь и преемственность“. Когда Данилевскій настаиваетъ, что въ русской народной жизни принципиальные вопросы уже окончательно рѣшены, Котляревскій справедливо осуждаетъ (Соч., стр. 232) тѣхъ, которые „въ вѣдрахъ народной жизни, бѣдной исторіей и внутреннимъ развитіемъ, подавленной тяжелымъ трудомъ, запутанной цѣлою системою выродившихся обычаевъ и предрасудковъ, въ этой низменной, непривѣтливой жизни думали найти положительныя рѣшенія всѣмъ сомнѣніямъ и пытливымъ запросамъ“. „Надо умышленно закрывать глаза на всю исторію“, продолжаетъ онъ (стр. 240), „и окончательно потерять способность разумѣнія, чтобы въ низменныхъ сферахъ народной жизни искать религіозныхъ принциповъ и отъ нихъ ожидать возрожденія драхлѣющаго міра: суевѣріе не можетъ принести добрыхъ плодовъ и само имѣетъ нужду въ искорененіи мирнымъ путемъ просвѣщенія“.

Панславизмъ въ книгѣ Данилевскаго выставляется идеаломъ будущаго и онъ говоритъ (тамъ же, стр. 133): „для всякаго славянина: русскаго, чеха, серба, хорвата, словена, словака, болгара (желалъ бы прибавить: и поляка),—послѣ Бога и его святой Церкви,—идея славянства должна быть выше идею, выше свободы, выше науки, выше просвѣщенія, выше всякаго земнаго блага, ибо ни одно изъ нихъ для него не достижимо безъ ея осуществленія безъ — духовно, народно и политически самобытнаго, независимаго славянства“. Котляревскій смотритъ на дѣло иначе; съ его точки зрѣнія „панславизмъ примѣшивалъ въ практическое жизненное дѣло утопію и мистицизмъ, съ которымъ рѣдко кто могъ помириться“ (Соч., стр. 233).

Данилевскій не вѣритъ въ нравственную силу науки (хотя „гдѣ высоко стоитъ наука, стоитъ высоко человѣкъ“), между тѣмъ какъ Котляревскій убѣжденъ, что „наука повсюду укрѣпляетъ благородное чувство“ (Соч., стр. 245).

Приведенныя сопоставленія достаточно, кажется, выясняютъ, насколько воззрѣнія Котляревскаго противоположны воззрѣніямъ Данилевскаго. Отсюда понятно, почему г. Бестужевъ-Рюминъ считаетъ понятія Котляревскаго по многимъ вопросамъ теперь уже отжившими. Но если мы взглянемъ на предметъ безпристрастно, то придемъ къ совершенно другимъ заключеніямъ. Наше общество не культурно, въ немъ нѣтъ достаточнаго уваженія къ уму, къ знаніямъ, къ наукѣ, его часто увлекаютъ несостоятельныя ученія, чувство нравственное развито въ немъ слабо и животныя инстинкты сплошь да рядомъ берутъ верхъ. Внушать такому обществу, что наука ему ненужна, такъ какъ оно въ самыхъ низменныхъ слояхъ своихъ уже обладаетъ истиной; что научной истины и вовсе нѣтъ, такъ какъ наука является отраженіемъ дѣйствительности въ духѣ разныхъ народовъ; что Россія можетъ обойтись безъ Европы, такъ какъ задача ея существованія выработать самобытную славянскую цивилизацію, и т. д.,— это значить обрекать русское общество на застой, косность, двигать его не впередъ, а назадъ, заставлять его мѣнять осязательныя блага европейской цивилизаціи на сомнительныя достоинства будущей самобытной цивилизаціи славянской. Въ этомъ случаѣ отжившія будто бы понятія Котляревскаго могутъ подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ и указать, что истинный путь для развитія русскаго общества—вовсе не тотъ, на который его толкаютъ послѣдователи исторической философіи Данилевскаго. Но, выдвигая значеніе науки, указывая, что она пробуждаетъ благородныя чувства, разсѣиваетъ суевѣрія, дѣлаетъ жизнь болѣе

сознательною, Котляревскій тѣмъ не менѣе не ставитъ науки выше жизни, нигдѣ не утверждаетъ, что слѣдуетъ ломать жизнь во имя науки. „Жизнь прежде всего“, говоритъ онъ (Соч., стр. 294), „а за нею уже все остальное: наука, искусство, литература, и то въ такой мѣрѣ, въ какой онѣ относятся къ жизни и служатъ ей“. „Только евнухи въ наукѣ, высохшіе на сухомъ толкованіи буквы, эти доморощенные Вагнеры, могутъ раздѣлять вещи, между собою такъ тѣсно связанныя, какъ наука и жизнь“ (Соч., стр. 233).

Не приводимъ дальнѣйшихъ доказательствъ нашей мысли о жизненности литературныхъ трудовъ А. А. Котляревскаго и закончимъ наши замѣчанія по этому вопросу, обративши вниманіе читателей на страницы о задачахъ русской исторической науки (стр. 194—201), о плодотворности для славянской нивы жизненныхъ соковъ, выработанныхъ старымъ европейскимъ міромъ, его науки, его мысли (стр. 216—231), о значеніи среды для писателя (по поводу поэзіи Полежаева, стр. 417—439), — страницы, которыя такъ свѣжи, какъ будто были бы написаны вчера. Эти страницы могутъ быть съ пользою перечитываемы, особенно нашимъ молодымъ поколѣніемъ, для котораго пробужденіе русскаго общества въ концѣ 50-хъ годовъ заслонено уже временами другого общественнаго настроенія.

II.

Въ предисловіи къ I-му тому собранія сочиненій А. А. Котляревскаго обѣщается очеркъ его біографіи. Предполагая, что такой очеркъ можетъ быть тѣмъ полнѣе, чѣмъ больше будетъ собрано частныхъ, считаемъ не лишнимъ сообщить нѣсколько личныхъ воспоминаній о покойномъ.

Шель январь 1876 года. Въ яркой морозный полдень на площадѣ передъ зданіемъ кievскаго университета замѣтно было особенное оживленіе. Въ университетъ съѣзжалась и сходилась многочисленная и необычная публика. Студенты суетливо проходили къ боковому подъѣзду съ исключительно озабоченнымъ видомъ. Сразу можно было угадать, что готовится какое-то важное событіе въ университетской жизни. И дѣйствительно, оно наступало: въ 12 часовъ дня назначена была вступительная лекція вновь назначеннаго профессора славянской филологіи, А. А. Котляревскаго. Особенно тревожныя минуты переживали мы, тогдашніе юные филологи. До того мы знали славянскую филологію въ лицѣ покойнаго профессора Яроцкаго,

славшаго подъ прозвищемъ „мастодонта“, угощавшаго насъ переложеніями изъ „Древностей“ Шафарика, и весьма далекаго отъ какого-либо научнаго движенія. Теперь молва общала намъ въ профессору крупнаго ученаго, страдавшаго за свои убѣжденія и къ тому же не чуждаго намъ, южно-руссамъ, по народности, такъ какъ Котляревскій былъ уроженцемъ посада Брюкова, на супротивъ г. Кременчуга, и происходилъ изъ дворянъ полтавской губерніи. Какъ намъ было не волноваться и не трепетать, когда молодыя души наши жаждали знаній, увлекались тогдашними извѣстіями о сербскихъ дѣлахъ и о герцеговинскомъ возстаніи, а между тѣмъ въ стѣнахъ университета насъ угощали „Древностями“, застывшими въ изложеніи профессора со временъ Добровскаго и Шафарика. Новый профессоръ являлся желаннымъ гостемъ; отъ него мы надѣялись услышать откровеніе по славянскому вопросу. Лекція состоялась въ 1-й аудиторіи, которая была биткомъ набита слушателями. Когда тогдашній помощникъ проректора предупредилъ о приближеніи профессора, наступила мертвая тишина и на кафедре размашистой походкой вступилъ красивый брюнетъ въ черномъ фракѣ съ крупными и выразительными чертами лица. Это былъ А. А. Котляревскій. Вступительная лекція Котляревскаго не заключала въ себѣ ничего громкаго, бьющаго на эффектъ; она составляла простую исповѣдь профессора относительно пониманія имъ задачъ славянской филологіи, но произнесена она была съ такимъ одушевленіемъ и такъ красиво, что невольно увлекла слушателей, которые въ концѣ ея разразились врывомъ долго несмолкавшихъ рукоплесканій.

За вступительную лекцію послѣдовало обычное преподаваніе — на первый разъ для студентовъ младшихъ курсовъ — „историко-филологическаго обзорѣнія славянскихъ племенъ“. Затѣмъ намъ удалось войти и въ личныя сношенія съ профессоромъ, сразу довольно близкія въ виду того, что мы имѣли многихъ общихъ знакомыхъ. А. А. Котляревскій, когда мы познакомились съ нимъ, принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ онъ характеризовать въ рецензіи рѣчи Григоровича о судьбахъ Сербіи (Соч., стр. 217): „Многіе люди, полные энергіи и благихъ стремленій, добровольно отказываются отъ служенія насущнымъ интересамъ и уходятъ въ старину, стараясь сколько возможно забыть современность, и скучную, и тяжелую. Явленіе печальное, мало свидѣтельствующее въ пользу нравственнаго развитія общества“. Положеніе нашего общества онъ считалъ такимъ, при которомъ остается одно изъ двухъ: „или вооружиться спасительнымъ молчаніемъ, или же браться за вопросы и предметы, которые бы не

тревожили ничьей зависти, ничьего пошлаго самолюбія. Такова, напримѣръ, археологія“ (Соч., стр. 308). И вотъ Александръ Александровичъ предался вполне этой наукѣ, избѣгая всякой политики, въ которую онъ не вѣрилъ, и сторонясь отъ событій дѣйствительной жизни, которыя его раздражали. Онъ былъ въ этомъ случаѣ настолько послѣдовательнымъ, что категорически отказался отъ чтенія газетъ, и считалъ это занятіе напрасной тратой времени и вниманія.

Настроеніе профессора отразилось и на занятіяхъ его учениковъ; онѣ сразу получили археологическое направленіе, такъ какъ изъ этой преимущественно области выбирались профессоромъ темы для студенческихъ работъ.

Кромѣ страсти къ археологіи, профессоръ имѣлъ еще двѣ страсти: къ книгѣ и къ ученому коллекторству. Библиоманія А. А. Котляревскаго выражалась не только въ любви къ чтенію книгъ, но и въ любви къ ихъ подбору, даже внѣшнему виду. Врядъ ли существовала въ Россіи другая частная историко-филологическая бібліотека, въ которой книги были бы собраны съ такою тщательностью и одѣты въ такіе оригинальные переплеты. Гдѣ А. А. Котляревскій не надѣялся на искусство переплетчика, тамъ онъ брался за дѣло самъ и мастерски переплеталъ наиболѣе рѣдкія и цѣнныя изданія или „collectanea“ своей бібліотеки. Эти „collectanea“ заслуживаютъ особаго упоминанія: статьи въ журналѣ, мелкія газетныя замѣтки по извѣстнымъ вопросамъ А. А. собиралъ или въ оригиналахъ, или въ рукописныхъ копіяхъ, располагалъ въ хронологическомъ порядкѣ и переплеталъ въ особую книгу; такимъ образомъ, получалась вся исторія вопроса въ отдѣльныхъ фазисахъ его развитія. На полкахъ его бібліотеки были готовыя исторіи тѣхъ наукъ, которыми онъ занимался; оставалось только изучать ихъ, разбирать критически и излагать. А. А. Кочубинскій справедливо замѣчаетъ въ своихъ „Итогахъ“, что только изъ кабинета Котляревскаго могли выйти какъ его „Библиологическій опытъ о русской письменности“, такъ и наша книга о литературной исторіи Зеленогорской и Краледворской рукописей.

Что касается ученаго коллекторства, какъ мы выразились, то оно заключалось въ томъ, что изъ каждой книги или статьи, которыя перечитывалъ профессоръ, онъ дѣлалъ на особыхъ квадратныхъ карточкахъ плотной бумаги выписки или вымѣтки новыхъ фактовъ, интересныхъ соображеній и т. д., съ указаніемъ страницы и названія цитуемаго труда, и затѣмъ раскладывалъ эти карточки въ особые ящики по отдѣльнымъ научнымъ вопросамъ. Такимъ образомъ, если профессору приходилось обращаться къ изслѣ-

дованію или изложенію какой-либо темы, въ этихъ карточкахъ онъ находилъ полно и тщательно подобранный матеріалъ для такого труда; оставалось только переработать этотъ матеріалъ въ горнилѣ критики, выбрать изъ него все нужное и представить собственныя соображенія или выводы. Эти склонности профессора также невольно отражались на его ученикахъ. Въ видѣ темъ для студенческихъ работъ онъ охотнѣе всего давалъ или изложеніе исторіи какого-либо научнаго вопроса, или изображеніе народнаго быта на основаніи свода данныхъ, выбранныхъ изъ извѣстной книги. Къ первому роду принадлежать такія, напримѣръ, темы, какъ „Литературная исторія Зеленогорской и Краледворской рукописей“ (медальная работа), „Изложеніе и критическая оцѣнка мнѣній Копитара о происхожденіи древней славянской письменности и славянскаго богослуженія“; ко второму—такія, какъ: „Сводъ данныхъ, относящихся къ обычаямъ сербовъ, на основаніи трудовъ В. С. Караджича“, „Бытъ полабскихъ или балтійскихъ славянъ по даннымъ славянской хроники Гельмольда“. Г. Кочубинскій указывалъ увлеченіе Котляревскаго Яковомъ Гриммомъ. Дѣйствительно, онъ всей душою привязался къ великому нѣмецкому ученому и въ русской наукѣ работалъ въ направленіи Гримма. Къ Гримму и его школѣ стремился Котляревскій приобщить и своихъ учениковъ. Когда мы познакомились съ профессоромъ и просили поруководить насъ въ научныхъ занятіяхъ, то онъ высказался, что прежде всего намъ необходимо освоиться съ методомъ Яв. Гримма и для начала прочитать статью его „О поэзи въ правѣ“. Чтеніе этой статьи въ нѣмецкомъ подлинникѣ представляло огромныя трудности вслѣдствіе множества попадающихъ въ ней цитатъ изъ древне-нѣмецкихъ и скандинавскихъ памятниковъ, но кое-какъ мы преодолѣли эти трудности, благодаря содѣйствію профессора, и затѣмъ настолько заинтересовались Яв. Гриммомъ, что изучили всѣ важнѣйшія его сочиненія. Вторымъ сочиненіемъ, которое далъ намъ профессоръ для штудирования, была „Исторія германской филологіи“, Раумера. Глава о Яковѣ Гриммѣ помогла намъ уяснить себѣ значеніе этого ученаго и поставила его для насъ въ связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ періодами науки германской филологіи, могущей служить образцомъ и для науки филологіи славянской.

Переходимъ къ обзору преподавательской дѣятельности А. А. Котляревскаго въ кievскомъ университетѣ. Она была кратковременна и продолжалась всего пять лѣтъ съ января 1876 г. по мартъ 1881 г.; въ послѣдніе мѣсяцы она весьма часто прерывалась приступами болѣзни, сведшей покойнаго профессора въ

преждевременную могилу. Часто намъ приходилось получать отъ покойнаго записки съ жалобами: „температура высокая, лихорадка душить“. Понятно, что при такомъ состояніи здоровья лекцій быть не могло. Въ теченіе пяти лѣтъ своей профессуры покойный Александръ Александровичъ прочелъ слѣдующіе курсы:

1) Историко-филологическое обозрѣніе славянскихъ племенъ. Предметъ этотъ долженъ былъ имѣть значеніе введенія въ славяновѣденіе, или славянской пропедевтики. Задача его разсмотрѣть существующія славянскія племена со стороны ихъ численности, вѣроисповѣданій, языка, литературы, образа жизни и занятій. Но настоящее состояніе этихъ племенъ есть выводъ изъ ихъ прошлаго. Поэтому изученіе настоящаго положенія славянъ должно сопровождаться хотя краткимъ обозрѣніемъ ихъ древности; только такимъ путемъ можно рѣшить вопросъ, какъ сдѣлались славяне такими, какими видимъ мы ихъ теперъ.

2) Исторія славяновѣденія. Первыми опытами въ области исторіи филологическихъ наукъ были изданные баварскою академіею наукъ труды Бенфея: „Исторія языковѣданія и восточной филологіи въ Германіи съ начала XIX вѣка“, и Раумера: „Исторія германской филологіи“. Курсъ А. А. Котляревскаго представлялъ подобное же изложеніе исторіи филологіи славянской.

3) Обозрѣніе славянскихъ нарѣчій. Сначала излагалась въ краткихъ чертахъ грамматика ланнаго нарѣчія, а далѣе шло чтеніе образцовъ съ объяснительными замѣчаніями преимущественно реальнаго характера.

4) Исторія славянскихъ литературъ. Литературы излагались очень сжато. Для дополненія служила книга гг. Пыпина и Спасовича: „Исторія славянскихъ литературъ“, только-что вышедшая тогда вторымъ изданіемъ. Изложеніемъ польской литературы въ этой книгѣ Александръ Александровичъ былъ недоволенъ и неоднократно высказывалъ желаніе, чтобы исторія польской литературы была написана кѣмъ-либо изъ русскихъ славистовъ по источникамъ первой руки и съ соблюденіемъ историческаго безпристрастія.

5) Славянскія древности. Этотъ курсъ Котляревскій читалъ по плану, составленному И. И. Срезневскимъ въ 1849 г. и разосланному министерствомъ народнаго просвѣщенія въ университетъ для руководства, но матеріалъ собранъ былъ имъ самостоятельно и притомъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ.

Преподаваніе всѣхъ перечисленныхъ предметовъ сопровождалось богатыми библиографическими указаніями. По мысли А. А. Котляревскаго оно должно было не столько вооружить студента запа-

сомъ знаній, сколько ознакомить его съ научными методами и такимъ образомъ сдѣлать возможными самостоятельныя занятія предметомъ. Поэтому лекціи его особенно полезны были для тѣхъ слушателей, которые избирали науку въ подругу жизни и мечтали найти въ ней успокоеніе отъ заѣдающей злобы дня.

Съ той поры, какъ умеръ профессоръ А. И. Селинъ, Александръ Александровичъ взялъ на себя преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, входящихъ въ область кафедры русскаго языка и словесности.

Въ первомъ семестрѣ 1878 года онъ прочелъ десять лекцій по особому предмету, названному имъ „Древностями русскаго языка“. Раздѣливъ памятники нашей древней письменности на надписи, записи и книги, онъ разсматривалъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и останавливался на сохранившихся въ нихъ старинныхъ формахъ рѣчи. Изъ надписей были разсмотрѣны: 1) на крестѣ св. Ольги, 2) упомянутая у Ибнъ-Якубъ-эль-Недима, 3) на монетахъ Владимира и Ярослава, 4) на Черниговской гривнѣ, 5) на Тмутараканскомъ камнѣ; изъ записей: 1) договоръ Олега 907 г., 2) договоръ 911 г., 3) договоръ Игоря 945 г., 4) обязательная грамота Святослава 972 г., 5) дарственная запись Владимира святого Десятинной церкви 996 г. Изъ книгъ: церковные уставы Владимира и Ярослава. Двѣ лекціи были посвящены разбору выраженій нашей первоначальной лѣтописи до 988 г.

Въ 1877—78 гг. Котляревскимъ читанъ былъ особый библиологическій курсъ „Исторіи изученія древней русской письменности“, часть котораго напечатана была потомъ въ воронежскихъ „Филологическихъ Запискахъ“, и отдѣльной книгой въ 66 экземплярахъ. Оцѣнка этого замѣчательнаго труда сдѣлана была въ свое время г. Кочубинскимъ въ книгѣ: „Итоги славянской и русской филологіи“ (1882).

Въ послѣдніе годы своей преподавательской дѣятельности проф. Котляревскій кромѣ того постоянно читалъ „Энциклопедію славяновѣденія“, т.-е. обзоръ наукъ, съ которыми долженъ быть знакомъ славистъ, чтобы съ успѣхомъ заниматься своимъ предметомъ. Въ этотъ обзоръ входили: сравнительное языковѣдѣніе, сравнительная мифологія, исторія всеобщей литературы и т. д. Во время послѣдняго пребыванія за границей покойный предполагалъ обработать этотъ курсъ для печати, о чемъ писалъ и А. А. Кочубинскому, но надежды его не сбылись.

Во всѣхъ своихъ научныхъ работахъ А. А. Котляревскій является крайнимъ скептикомъ. Ничего онъ не принимаетъ на вѣру, ко всему подходитъ съ придирчивою критикою, во всемъ

стремится достигнуть возможно полной достовѣрности. Отсюда его осторожность въ постановкѣ научныхъ гипотезъ. Чтобы высказать мнѣніе по какому-либо вопросу, онъ пересматривалъ весь матеріалъ, изучалъ всѣ предшествующія изслѣдованія и только тогда отваживался сказать свое слово. Опасеніе сдѣлать открытіе тамъ, гдѣ оно уже сдѣлано, или не воспользоваться соображеніемъ, высказаннымъ ранѣе, заставляло его стремиться къ библиографической полнотѣ въ подборѣ источниковъ и пособій и удерживало отъ снѣсныхъ выводовъ и заключеній. Такая осторожность вѣсколько тормозила работу, но зато дѣлала его труды образцовыми по обстоятельности и полнотѣ; съ другой стороны она на первыхъ порахъ сильно угнетала юныхъ слушателей, склонныхъ по возрасту скорѣе къ гипотезамъ, блестящимъ выводамъ и готовымъ рѣшеніямъ, нежели къ скучной критикѣ.

Пребываніе Александра Александровича въ Кіевѣ, на родномъ югѣ, укрѣпило связи его съ роднымъ народомъ. Если А. Н. Веселовскій свидѣтельствуетъ, что въ Котляревскомъ никогда не замирала искренняя любовь къ Украинѣ, то въ условіяхъ кіевской жизни любовь эта могла развиться полнѣе и шире. Она перестала быть только археологической и этнографической и сдѣлалась бы живой и дѣятельной, если бы не внѣшнія обстоятельства. Настроеніе А. А. Котляревскаго вылилось въ слѣдующихъ пожеланіяхъ, высказанныхъ имъ въ засѣданіи общества Нестора Лѣтописца, посвященномъ памяти Т. Гр. Шевченка: „да получить общее признаніе и уваженіе поэтическая дѣятельность родного намъ края на языкѣ ему родномъ, да утвердится за нею полное право безбоязненнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго существованія и развитія. Только при такой разумной, естественной свободѣ возможно развитіе силъ и достоинствъ русской природы: только принявъ въ себя оплодотворяющія, сильныя здоровымъ содержаніемъ теченія областной жизни въ языкѣ и поэзіи, общерусская литература станетъ способна обновляться и избѣжать грозящаго ей преждевременнаго одряхлѣнія, а общерусскій литературный языкъ получить ту мужественную вѣрность и изобразительность, которую со дня на день болѣе и болѣе утрачиваетъ онъ въ теплицахъ столичной беллетристики и журналистики; только при свободѣ мѣстнаго поэтическаго творчества и народной рѣчи, при довѣрїи, уваженіи и поощреніи ихъ возможенъ отпоръ тому грубому эгоистическому матеріализму, который различными обольщеніями угашаетъ жизнь духа и все цѣнитъ и размѣниваетъ на звонкую, но фальшивую монету“ („Чтенія въ обществѣ Нестора Лѣт.“, т. II, стр. 144).

Заванчивая наши воспоминанія о Котляревскомъ и его характеристику, упомянемъ еще одну черту его характера—охоту къ наукѣ и анекдоту. Покойный профессоръ зналъ множество шуточныхъ исторій по поводу разныхъ лицъ и случаевъ жизни. Особенно ярко выступала въ его разсказахъ ученая Москва 50-хъ годовъ. Но было нѣсколько именъ, которыя Александръ Александровичъ провозносилъ всегда съ неподдѣльнымъ уваженіемъ; это были имена Якова и Вильгельма Гриммовъ, Шмеллера, Шафарика, изъ русскихъ—Срезневскаго.

Жилъ А. А. Котляревскій въ Киевѣ вблизи университета въ домѣ Горловой, на углу Шулявской и Кузнечной. Онъ охотно принималъ у себя пріятелей и студентовъ, приходившихъ за книгами и совѣтами. Многимъ изъ послѣднихъ онъ предоставлялъ возможность просиживать часами въ его богатой библиотекѣ и при помощи его книгъ разрабатывать заданныя темы. Давать книги на домъ онъ не любилъ. Но чего онъ совсѣмъ не могъ выносить, такъ это „рукоприкладства“, т.-е. привычки писать на чужихъ книгахъ замѣчанія или подчеркивать нужныя мѣста. Кто разъ провинился въ этомъ, тотъ надолго лишался права пользоваться книгами изъ его библиотеки.

III.

Мы заговорили о пріятеляхъ А. А. Котляревскаго, собиравшихся отъ времени до времени въ его квартиру побесѣдовать и подѣлиться впечатлѣніями дня. Большинство изъ нихъ не были собратами Александра Александровича по наукѣ, такъ какъ и вообще слависты въ то время въ Киевѣ отсутствовали. Единственное исключеніе составлялъ учитель кievской 2-ой гимназіи Николай Петровичъ Задерацкій, посвятившій себя славяновѣденію и сведшій дружбу съ Котляревскимъ въ 1874 году въ Прагѣ. Пользуемся случаемъ, чтобы возобновить въ памяти русскаго общества заслуги этого скромнаго труженика на нивѣ славяновѣденія ¹⁾.

Задерацкій былъ сынъ кievскаго священника, воспитывался въ кievской второй гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ св. Владимира, и до полученія учительскаго мѣста ему приходилось бороться съ тяжелою нуждою. Кто изъ профессоровъ направилъ Николая Петровича на занятія славянскою филологіею или почему

¹⁾ Матеріалы для его біографіи напечатаны въ „Славянскомъ Ежегодникѣ“, Киевъ, 1882.

развились у него склонность къ этой наукѣ, сказать трудно, но несомнѣнно одно, что онъ еще на студенческой скамьѣ занимался изученіемъ славянства и что всѣ студенческія сочиненія его написаны на славянскія темы. Затѣмъ настало учительство съ его тягостями и невзгодами. Онъ дѣлалъ попытки получить званіе приватъ-доцента сначала въ духовной академіи, а затѣмъ и въ университетѣ, но она почему-то не удалась. Зато удалась другого рода дѣятельность — учено-публицистическая и она принесла добрые плоды. Своими переводами съ чешскаго и сербскаго и своими „Славянскими Ежегодниками“ покойный Николлай Петровичъ много содѣйствовалъ ознакомленію нашему съ западными славянами и главнымъ образомъ съ чехами. Это крупная заслуга, которая навсегда сдѣлаетъ памятнымъ имя его. Выполнить ее помогло ему близкое знакомство съ славянскими нарѣчіями, которыя онъ изучалъ во время лѣтнихъ экскурсій въ австрійскія славянскія земли. Въ противоположность А. А. Котляревскому, отдавшемуся чистой наукѣ, Н. П. Задерацкій былъ человѣкомъ отзывчивымъ на всякую злобу дня. Увлекающийся и пылкій, онъ то писалъ фельетонъ, то игралъ на любительской сценѣ, то возился съ просителями изъ „братушекъ“, по должности секретаря кievскаго славянскаго благотворительнаго общества. Но нигдѣ и никогда не покидала его любовь къ славянамъ и забота объ ихъ будущности. Эти чувства одушевляли его и заставляли трудиться для ознакомленія русскаго общества съ его родичами — славянами. Возрѣнія Н. П. Задерацкаго не были вполнѣ славянофильскими, разумѣя подъ этимъ идеи Хомякова, Авсаковыхъ, Данилевскаго и ихъ послѣдователей, такъ какъ ему совершенно чужда была идея славянскаго мессіанизма; но тѣмъ не менѣе онъ далекъ былъ отъ безстрастія А. А. Котляревскаго. Н. П. Задерацкій былъ скорѣе всего практическимъ славянофиломъ. Онъ считалъ, что западные славяне лучшіе наши союзники противъ нѣмцевъ и что, поѣтому, слѣдуетъ ихъ ближе узнать, съ ними сблизиться и расположить ихъ въ нашу пользу. Отсюда вытекали — и его литературная дѣятельность, и участіе въ заботахъ славянскаго благотворительнаго общества.

Книжное наслѣдіе Н. П. Задерацкаго составляютъ напечатанные имъ переводы съ чешскаго: краткой исторіи чешскаго народа Палацкаго, исторической повѣсти Хохолушка „Косово поле“, древнѣйшей бытовой исторіи славянъ Воцеля; 4 тома „Славянскаго Ежегодника“ за 1876, 1877, 1878 и 1880 гг. и два небольшихъ этюда: „Іосифъ Юнгманъ“ и „Павель Шафарикъ“, написанные по чешскимъ источникамъ и вышедшіе от-

дѣльными брошюрами. Какъ человекъ, Николай Петровичъ былъ очень симпатиченъ и оставилъ во всѣхъ знавшихъ его самую теплую память. Домикъ его за Софійской оградой въ Стрѣльцкомъ переулкѣ, гдѣ жилъ онъ съ старухой-матерью, носилъ на себѣ отпечатокъ души своего скромнаго, добраго и привѣтливаго хозяина; всѣ друзья Николая Петровича никогда не забудутъ и его жилища.

Заканчиваемъ вѣчной памятью наши воспоминанія о кievскихъ славистахъ, которые такъ близки были когда-то нашему сердцу. Теперь настали иныя времена, выступили на житейскую арену новые люди. Память о лучшихъ дѣятеляхъ прежняго времени можетъ принести добро и настоящему.

А. Стороженко.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Озаренъ серебряной луною,
Окропленъ серебряной росою,
Дремлетъ садъ, и вѣтеръ съ нѣжной лаской
Клонитъ вѣтви сонныя березъ.
Этотъ міръ природы, сновъ и грезъ
Кажется серебряною сказкой...

II.

Когда я думалъ надъ собой,
Меня глубоко волновали
Не сожалѣнья, не печали,
Но стыдъ—мучительный, больной...

Что сдѣлалъ я? Къ чему стремился?
Какъ жилъ, съ кѣмъ жилъ и для чего?
Не самъ ли я порой стыдился
Порывовъ сердца моего?

Мнѣ смерть мила, но жить могу я:
Позорно убѣгать борьбы,
Въ бессильной злобѣ негодуя
На неосмысленность судьбы!

Изъ жизни, какъ изъ ветхой книги,
Страницы злыя вырву я
И понесу свои вериги,
Благословляя и любя...

III.

Мятежныхъ чувствъ и помысловъ безумныхъ
Не заглушай на утрѣ юныхъ лѣтъ:
Еще пройдетъ пора волненій шумныхъ,
Еще пройдетъ души выпучій бредъ!

Иссохнетъ мозгъ въ сомнѣньяхъ и печали,
Остынетъ пылъ—смирись и не влани:
Тѣхъ чувствъ, что жизнь какъ солнце озаряли,
Ни искорки не вспыхнетъ въ эти дни!

Такъ въ лѣтній зной нѣмая рощи дремлютъ,
Безмолвіемъ томимы и грустны,
И въ чуткомъ снѣ волшебнымъ пѣснямъ внемлютъ,
Которыя звучали въ дни весны...

И жаль пѣвца, и жаль весны глубоко:
Увы! его ужъ нѣтъ, она—далеко!..

К. Медвѣдскій.

1890 г.

ЛОБАНОВЩИНА

Романъ въ двухъ частяхъ.

I.

Всего пять дворовъ и 22 души обоего пола числится въ починкѣ Второмъ Лобановскомъ, расположенномъ почти на самомъ берегу судоходной рѣки, верстахъ въ трехъ отъ села Красныя Кручи, иначе Покровское. На востокъ отъ Лобановскаго, лѣсистый, высочій въ началѣ, берегъ, постепенно переходя въ луга, замыкается рѣвкой; съ сѣвера также находится лѣсъ, а западъ и югъ занимаютъ поля, и дорога къ селу, а потомъ и дальше, въ городу, идетъ все полями.

Благодаря открытому съ этой стороны мѣстоположенію, село видно лобановцамъ какъ на ладони; особенно отчетливо выступаетъ изъ прочихъ строеній большая старинная церковь, которую только-что подновили.

Въ послѣднее время эта церковь служила неистощимой темой разговоровъ, какъ жителей Покровскаго, такъ и лобановцевъ, волновала ихъ то страхомъ, то надеждой, заставляла спорить, ходить за справками, жадно ловить всякій слухъ. А слухи, какъ нарочно, были все неутѣшительные. Не только причтъ, самъ подрядчикъ, а за нимъ и рабочіе чаще и чаще стали поговаривать о томъ, что едва-ли успѣютъ кончить въ срокъ всѣ начатыя въ Покровской церкви поправки и передѣлки, и прихожане, зная такое положеніе дѣлъ, боялись остаться на этотъ разъ безъ престольнаго праздника.

„Въ такой-то день лба перекрестить будетъ негдѣ, вѣдь это курамъ на смѣхъ!.. Куда пошъ Иванъ глядѣлъ? И старостѣ Фе-

доту Прохорычу тоже, братцы, совѣстно: онъ въ чему, спрашивается, приставленъ? Для чего мы ему довѣріе оказали, для чего жертвовали, несли, можно сказать, всякую копѣйку, ежели не для храма? и вдругъ, на!.. Чуть не годъ строить, соорудить не могутъ, развѣ это порядки?“ — толковали мужики и бабы сначала болѣе или менѣе спокойно, а потомъ уже съ явнымъ и очень сильнымъ неудовольствіемъ.

Однако, дружныя усилія рабочихъ, болѣе тщательный надзоръ строителей, а отчасти, можетъ быть, и народный ропотъ сдѣлали то, что работы были кончены все-таки къ празднику. Дня за два до него сняли съ обновленной церкви послѣдніе дѣса, внутри ея все прибрали и вымыли и на 1-е октября, къ общему удовольствію, было назначено ея освященіе. Первому слуху объ этомъ населеніе не смѣло вѣрить; но когда убѣдились, что церковь точно готова, общей радости не было конца. И чѣмъ меньше рассчитывали на полное окончаніе церковныхъ работъ въ Покрову, тѣмъ, разумѣется, радостнѣе оно было встрѣчено и тѣмъ веселѣе всѣ и каждый готовились его праздновать. Не было, кажется, дома, гдѣ не мыли бы, не бѣлили, не варили пива и т. д. Въ Лобановщинѣ же общее оживленіе и суета были еще замѣтнѣе, чѣмъ на селѣ. Здѣсь уже не только зажиточныя семьи варили пиво и пекли пироги, а рѣшительно всѣ. Но особенно хлопотали въ семьѣ кривого Аксѣна, такъ какъ тутъ предстоялъ двойной праздникъ: престоль—престоломъ, да еще сына на побывку изъ города ждали.

— Вотъ слава тебѣ, Господи, Христось воскресе, и до Покрова опять дожили! Кабы нонѣ солоду не переложила, думала, пиво у меня не побѣжить, а ничего, погляди-ка, чурь-чурить, — говорила Захаровна, хозяйка Аксѣна, длинная и сухопарая, но, что называется, зарывная баба, любясь на темную струю сусла, даже и на взглядъ сладкаго, стекавшаго изъ корчаги гвоздянки въ другую корчагу, стоявшую на лавкѣ.

— А ты опять хмелю-то отряса ручку положи, такъ никто и пить не станетъ, какъ о паскѣ, — слышался съ палатей мужской голосъ, и вслѣдъ затѣмъ полусѣдая, кудластая голова Аксѣна свѣсилась черезъ брусъ. Старикъ лукаво улыбался, стараясь разглядѣть, какъ приняла жена его замѣчаніе; онъ зналъ, что накоминаніе о неудачномъ пивѣ для нея ножъ острый.

— Съ чего „отряса ручку“? Не жаль хмеля-то, а ужъ что, по моему, и горечь-то пить, ровно омежь, прости Господи, все и во рту-то у тебя извертить.

— Смотри, кабы не извергѣло...

— Да мнѣ что, я хоть рѣшето такъ положу, мнѣ хмеля не жаль, такъ же затхнется, куда его.

— Не про рѣшето говорить, а чтобы, значить, ужъ если пиво, такъ пиво бы и было, а не сусло, какъ о пасхѣ.

— Эвъ ты его нахлебался, о сю пору отрыгается. Мало ли чего не бываетъ живучи, такъ все и поминать? Варивала сколь-нибудь.

Довольный тѣмъ, что разсердилъ бабу, Авсѣнъ замолчалъ и принялъ на палатахъ прежнее, болѣе покойное положеніе, а Захаровна отошла отъ стола и, согнувшись въ три погибели, принялась доскребать послѣднія половицы у порога.

„Все хорошо, все справлено, только вотъ парня все нѣтъ, какъ нѣтъ“, съ недоумѣніемъ и тревогой думаетъ Захаровна. Съ утра эта мысль въ сотый разъ приходитъ ей въ голову и, наконецъ, старуха не выдерживаетъ.

— Нешто, Авсѣнъ, Иванко-то не придетъ къ намъ новѣ? Вотъ буде и праздникъ...—спрашиваетъ она, переставая скрести и заправляя косы подъ сбитый головной платокъ.

Авсѣнъ только съ боку на бокъ перевернулся.

— Что молчишь?—не получивши отвѣта, уже вызывающимъ тономъ обращается къ нему Захаровна:—неужто и впрямь не придетъ?

— А я почему знаю.

— Всегда утромъ вѣанунѣ праздника приходилъ, а теперь вонъ ночь на дворѣ. Въ баню давеча забѣжала—баня остыла.

— Додѣлывай, додѣлывай свое-то скорѣе, не безъ ужина мнѣ спать ложиться. Эка, до воей поры доскребла!—ворчитъ Авсѣнъ въ свою очередь, также недовольный, что сына до сихъ поръ нѣтъ.

— Была пора—ускорно скребла, время на время не приходитъ. Дай срокъ, и такъ не замогу. У другихъ не успѣетъ сынъ на ноги подняться, сейчасъ женять, ну, матери-то и вполгоря работать; а мы своего закабалили булочнику—и ладно; мели, старая, поколь не растянешься.

— Кто его закабалилъ,—заемъ ужъ давно зажить.

— Почему, можетъ, и къ дому не такъ сталъ норовить; известно—городъ. Кто ни на есть да заведенъ у него тамъ, ужъ ты мнѣ не говори! Первый годъ жилъ, къ Николѣ вѣшному 7 рублей въ подать прислалъ, къ Покрову—4 рубля, да на Рождество приходилъ, 3 рубля далъ, а нонче, на-поди, какъ люгá—6 рублей за весь годъ, да вотъ еще и глазъ не кажетъ.

— Пошла пильна въ ходъ.

— Не женимъ, толку не будетъ, помани мое слово. Да хотъ

и такъ посудить—не до смерти же мнѣ молоть на васъ, си-
лушки моей не станеть; и скотина, и вся стряпня, и пряжа, и
тканна—все на мнѣ; легишное ли это дѣло, не ваторжная...

— Жени, кто тебѣ мѣшаетъ.—Аксѣнъ размѣялся.

— Видить Богъ, Аксѣнуша, какъ ни на есть надо дости-
гать, чтобы женить.

— А-а-а-ахъ!.. Много ли у тебя на это дѣло капиталовъ
припасено, али владѣ нашла?

— Да вѣдь ужъ гдѣ слезы ни брать, да плавать...

— Эхъ, мелево!..

— Я, Аксѣнъ, не одну ночь, можетъ, не спала, все объ этомъ
думаю. Извѣстно, житье у насъ плохое, про это что ужъ и го-
ворить... Кабы весь надѣлъ засѣвали, кабы Иванъ дома жилъ,
хлѣба, можетъ, и хватало бы до новыхъ сѣмянъ.

— На экомъ песку сама попробовала бы, поросла...

— Росло же у родителей...

— Такъ и назъмили сколь-нибудь.

— Я про это же и говорю. Ежели бы Ивана, значить, до-
мой и сейчасъ же его женить...

— Ахъ ты, Боже мой!.. самимъ замало ѣсть нечего, а тутъ
еще два лишнихъ брюха будетъ, вотъ такъ золотые зазвенять...

— Гнѣдео у насъ не при чемъ стоитъ, а кабы его, къ примѣру,
Титу Андроничу сдать, вотъ бы намъ на ссуду-то и хватило...

— Какъ сдать—продать, значить? Послѣднюю лошадь из-
ничтожить? А послѣ какъ? Понадобится пахать—къ сосѣду, снопы
возить—къ сосѣду, и за все заплати, а чѣмъ платить будемъ?
Или опять,—чуть извозъ какой—у тебя и хвоста на дворѣ нѣтъ,
не то что лошади. Никогда этого не будетъ!—рѣшительно за-
явилъ Аксѣнъ. Какъ старый ямщикъ, онъ не могъ перенести даже
предположенія, что когда-нибудь останется совсѣмъ безъ лошади.
Онъ ужъ и то все свое старое извозчицье заведеніе измоталъ.
Сколько у него саней было, сколько ходовъ желѣзныхъ, виби-
токъ, кожъ, циновокъ, арашниковъ, дугъ. При дѣдушкѣ покой-
никѣ въ Аксѣновомъ дворѣ, ни много, ни мало, пять паръ лоша-
дей стояло; даже на Аксѣновой уже памяти по двѣ и по три пары
водилось; самъ онъ, положимъ, не держалъ больше пары, но это
не его вина: такая ужъ линія вышла, что ни годъ, то больше
и больше стало пароходовъ ходить, ничего не подѣлаешь.

— Никогда не дождешься, чтобы я послѣднюю животину со
двора свель, и не надѣйся!—грозно еще разъ повторилъ Аксѣнъ
женѣ.

— Ну, все твое, все твое,—примирительно поспѣшила за-

явить на это Захаровна, и въ избѣ водарилось полное молчаніе, дѣйствовавшее на стариковъ тѣмъ болѣе угнетающимъ образомъ, чѣмъ быструе сгущались осеннія сумерки.

Покончивъ съ поломъ, Захаровна вымыла руки и, не зажигаю огня, принялась накрывать на столъ, поминутно взглядывая черезъ окно на улицу, поминутно прислушиваясь.

— Захочетъ Титъ Андронычъ связываться... да онъ и не посмотритъ на гнѣдка, есть у него... Все наше ремесло въ нему перешло... Вотъ ужъ ямщикъ, такъ ямщикъ, сердце радо! Ему и пароходы ни почемъ—сейчасъ почтовую гоньбу взялъ! Вотъ оно капиталы-то чтò значать! Нуженъ ему больно твой гнѣдко, наплюетъ онъ на него, вотъ чтò! — неожиданно проговорилъ Авсѣнь, слѣзая съ палатей. Онъ все это время невольно думалъ надъ словами жены.

— Не бойсь, не наплюетъ. Видно нуженъ, когда самъ заговариваетъ. Добрый, говорить, у васъ конь, мощный.

— Вѣрно, что мощный.

— Вашъ гнѣдко, говорить, денегъ большихъ стоитъ; воснись меня, не глядя бы пятьдесятъ цѣлковыхъ далъ.

— Пускай погодитъ маленько.

— А ежели бы, говорить, Авсѣнь постоялъ на почтовой замѣсто Фильки, пова бы того въ осеняхъ женить стали, такъ я бы васъ, по-сосѣдски, никогда не оставилъ, доведись какая нужда или чтò.

— Не свалыга онъ, это точно. Прямичище мужицъ!

— Извѣстно. Кабы не онъ, увели бы у насъ сборщики телушку.

— Ну, а какъ онъ меня зоветъ, за спасибо или какъ?

— Только и свазалъ, что, молъ, не оставлю, ежели какая нужда. Этакъ же тогда къ слову пришлось, что вотъ женить бы надо и намъ.

— У тебя это завсегда къ слову приходится. Ты, кажись, меня бы продала да взяла себѣ смѣну. Не будетъ тутъ толку, что ты хочешь!

— О чемъ, Богъ съ нами!

— Послѣднюю лошадь зарѣшимъ и все до грошива въ ссуду за незнаемую дѣвку сбуримъ, да потомъ ее же еще и корми. И кто въ наше худое житье отдасть?

— Не дорогую найдемъ, сиротку можно будетъ подыскать, такую, что крову будетъ рада.

— Особая для тебя нарочно припасена!

— Я все у попа Ивана на нянькину внучку гляжу, Авсѣнь.

— Вотъ, вотъ. Давно я по твоимъ рѣчамъ слышу, что у тебя все уже на мази.

— Когда бы то-есть ты на поповъ дворъ ни пришелъ, никогда ты не застанешь этой дѣвки безъ дѣла! Какіе она, кабы ты видѣлъ, мѣшки одна-одинешенька ворочаетъ—ну, не повѣришь, мужику не поднять. Или теперь стряпню взять, и ѣдала я у попа, и пивала—все хорошо, и все тѣ же Маланьины руки сдѣлали. И обходительная. Въ прошлый разъ на исповѣдь пришла я, народу въ избѣ у нихъ—повернуться негдѣ, такъ ты чтó думаешь? „Иди, — говоритъ, — Захаровна, на мое мѣсто“.

— Нарочно подлащивалась къ тебѣ.

— Не гнѣви, Алексѣй, Бога, дѣвка Ивана и въ глаза не видала.

— Путная ли, смотри? Въ работницахъ добрая жить не станеть. Тутъ сраму не оберешься...

— Что ты, Господь съ тобой! Да хоть кого спроси, всѣ одобрятъ. А что въ работницахъ, такъ куда же ей дѣваться, если ни отца, ни матери? Не одна, при бабушкѣ живетъ. Сраму мнѣ не меньше твоего неохота.

— Тогда безъ ссуды и тутъ не отдадутъ, ужъ такъ заведено.

— Молчи-ка ты, молчи! Когда мы картошку-то у попа воячили, стала насъ Маланья обѣдомъ кормить, бѣгаетъ таково шибко, подолъ фурчить, а бабушка глядитъ на нее и говоритъ: „Хвалите, бабы, мою Малашку за жениха—золотая она работница! И ссуды мнѣ не надо. Последнее бы свое собрала да ей отдала, только бы при себѣ пристроить Богъ привель“.

И долго еще обсуждали родители Ивана вопросъ о его женитьбѣ, а онъ все не шель. Алексѣй, наконецъ, заснулъ; но Захаровна не могла заснуть, какъ ни старалась. Сначала ей только о свадьбѣ думалось, о сватовствѣ, дарахъ, повѣзанахъ, пирѣ, однимъ словомъ, одно хорошее, но потомъ совсѣмъ инныя мысли стали приходить ей въ голову. Ужъ она и изголовье крестила, и лицомъ внизъ ложилась—все напрасно. Закроетъ глаза, а точно не закрыла, такъ вотъ и видитъ Ивана то въ нехорошемъ мѣстѣ, то больного, будто его дорогой обснимали... Когда слезы принимались душисть ее, она, чтобы не разбудить мужа, вкрадучись, сползала съ палатей, выходила въ сѣнцы и тамъ, отодвинувъ засовъ у двери и слегка приотворивъ ее, смотрѣла сквозь темноту дождливой осенней ночи въ сторону околицы, чутко прислушиваясь, не ѣдетъ ли, не идетъ ли сынъ. Въ послѣдній разъ она особенно долго стояла въ сѣняхъ и такъ продрогла, что,

взобравшись снова на палаты, укрылась полупубкомъ съ головой. Это помогло ей забыться, но сонъ былъ тяжелый и тревожный.

II.

Тусклый, едва начинающійся разсвѣтъ ненастнаго октябрьскаго утра засталъ Ивана уже на крыльцѣ отцовскаго дома. Онъ сидѣлъ на верхнемъ приступкѣ, низко опустивъ голову на руки, и по одной уже понишей позѣ его сразу было видно, что онъ находится подъ впечатлѣніемъ большого горя. При болѣе же внимательномъ взглядѣ нельзя было не замѣтить, что кромѣ того парень еще и въ тяжеломъ похмельѣ: его печальное лицо было блѣдно и раздуто, дыханіе распространяло сивушный запахъ, а бѣлыя бумажныя, мѣстнаго вязанья, перчатки, сапоги съ наборомъ и тонкаго сѣро-нѣмецкаго сукна чепанъ представляли изъ себя сплошную грязь. Узелокъ съ плисовыми шароварами, жилеткой, праздничнымъ кушакомъ и кашемировой зеленой рубахой, фуражка и, очевидно, только-что купленный, хотя и успѣвшій уже мѣстами полинять отъ непогоды голубой шарфъ валялись подлѣ, рядомъ съ гармоникой и кисетомъ, сшитымъ изъ пестрыхъ лоскутьевъ, съ красными шерстяными кисточками по угламъ.

Уже около часа сидѣлъ такъ Иванъ, страшно страдая и отъ головной боли, и отъ стыда, и отъ страха передъ отцовскимъ гнѣвомъ, который—онъ зналъ,—неминуемо обрушится на него, едва дверь, передъ которой онъ сидитъ, отворится. Но не придти нельзя было: ему изъ дому еще въ страду съ сосѣдомъ Митричемъ было заказано, что ежели, Боже сохрани, и къ Покрову не придетъ, паспорта ему ни подъ какимъ видомъ не выдадутъ.

„Родители—одно слово! Захотятъ не дать—и не дадутъ. Захотятъ тебя, подлеца, къ примѣру, выпоротъ—и выпорютъ. Чтѣ съ нихъ возьмешь? И какъ то-есть я имъ глаза свои безстыжіе покажу? Ахъ, ты, горе мое горькое! хотъ руки на себя наложить, такъ впору“—думаетъ Иванъ и плачетъ.

„Испортили меня, вотъ что!“—соображаетъ онъ дальше.— „Развѣ такой я былъ? Богобоязненный я былъ, терезвый, дому подмога я былъ—вотъ кто! А теперь срамъ въ люди показаться. И изъ-за кого, сдѣлай милость, пропадаю? изъ-за самой что ни на есть поганой погани... тьфу ты, анаема! И хотъ бы поглядѣть было на что, ну, еще туды-суды, а то ни вожи, ни рожи: недоростокъ, худая какъ щепка, платокъ на башкѣ повязанъ не по-людски, зырянская морда, такъ зырянская морда и есть, вотъ

только-что будто талалакаетъ больно смѣшно, ну и опять же дѣвка, дьяволь, не ушелъ бы!..." И Иванъ сладко улыбается образу своей возлюбленной. Она, какъ живая, стоитъ передъ нимъ въ своихъ бѣлыхъ рукавахъ, со множествомъ разноцвѣтныхъ бусъ на шеѣ. Онъ снова слышитъ, какъ смѣшно коверкаетъ она русскія слова, любовно смѣется надъ ней и учитъ говорить, какъ слѣдуетъ. Вотъ она такъ и льнетъ къ нему, горячимъ кольцомъ обвивается вокругъ его шеи и цѣлуетъ, цѣлуетъ...

Иванъ вскакиваетъ на ноги.

„Никакъ заснулъ?“ — испуганно говоритъ онъ, озираясь по сторонамъ, и тутъ въ первый разъ замѣчаетъ, до какой степени перемазанъ онъ грязью.

Между тѣмъ становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе и у Тита Андронича, да и другіе всѣ, того гляди, вставать начнутъ, можетъ ужъ и встали и изъ оконъ давно глядятъ на него; крыльцо у нихъ все равно что на улицѣ — тынъ не заборъ.

„Э, двухъ смертей не бывать, одной не миновать, Господи благослови!“ — думаетъ Иванъ съ храбростью отчаянія и, собравши свои разбросанныя по рундуку вещи, начинаетъ легонько стучать сначала въ двери, потомъ въ окно отцовской избы.

— Христось съ тобой, Господь съ тобой, Иванко! Гдѣ тебѣ такъ досталось? — отворивши дверь, въ ужасѣ отступила передъ нимъ Захаровна.

Перешагнувъ порогъ, Иванъ, хныча, какъ баба, упалъ ей въ ноги.

— Нешто валялся? — не вѣря своимъ глазамъ, спрашиваетъ его мать.

— Всячины было... Простите, Христа ради! — едва слышно произноситъ Иванъ.

— Вотъ такъ праздниѣ!.. радость!..

— Согрѣшилъ — простите!

— Давно ли же это ты пить-то выучился, срамниѣ?

— Ой, мама, миленьбая, самъ я себѣ не радъ!

— Вотъ наказанье божеское! — тяжко стонетъ надъ сыномъ Захаровна и тоже принимается плакать.

Несмотря на то, что она этого именно и боялась для сына все послѣднее время и не разъ представляла его себѣ въ подобномъ положеніи, дѣйствительность оказалась сильнѣе самыхъ грустныхъ предчувствій и предположеній, и теперь Захаровна вся тряслась какъ въ лихорадѣ.

— Ой, Иванъ, Иванъ! И съ чего ты это надумалъ? Что

поль-то мажешь? вѣкъ тутъ не пролежишь. Вставай, да толкни дверь-то, — по крайности, не видятъ никто!

Иванъ повиновался.

— Какъ отцу-то покажешься?.. А сусѣди? Легкошно ли, гляди-ка, дѣло, на одежѣ мѣста цѣлаго нѣтъ — все въ грязи! И какъ ты въ церкву пойдешь?.. Господи-батюшка, какое дѣло вышло! Не глядѣли бы мои глаза на тебя, люша ты, люша мокрая!

— Мой грѣхъ, простите, Христа ради! Самъ не знаю, какъ перехватилъ лишку.

— Не-лишку-то зачѣмъпилъ?

— Дѣло рабочее: ходишь день-деньской, можетъ какъ устанешь, можетъ ноги-то какъ ноютъ, а тебѣ говорятъ — опять иди! Смотрѣть на тебя никто не станетъ. Нанялся — проданъ, рассуждать не полагается. И идешь во всякую пору. Бываетъ, наскрозь промокнешь, или опять морозъ. Все на тебѣ обледенѣть, духъ инымъ временемъ захватываетъ, а ты иди. И не выпить бы да выпьешь, животь смерти боится.

— Сколь же ты за все за это выжилъ?

— Выживешь у нихъ, у воровъ.

— Да вѣдь сколь ни на есть да принеси же? — съ захоловшимъ сердцемъ спросила Захаровна, и даже по голосу ея слышно было, съ какимъ трепетомъ ждетъ она отвѣта сына.

— Нисколько. Чего ужъ тутъ!..

— Нешто все пропили?

— Пропилъ не пропили — все одно!.. Попелъ, вотъ какъ сейчасъ вижу, рубль шесть гривенъ въ партаментъ было, а три цѣлковыхъ я своими руками завязалъ въ платокъ, такой желтенькій у меня былъ, и засунулъ въ правый сапогъ; еще пощупалъ, тутъ ли, молъ.

— Ну?

— Ничего нѣтъ... Разувался, какъ пришелъ, все формально перетресь — хоть бы грошъ. Думалъ, въ узлу съ жилеткой какъ заложилъ, вынулъ все изъ узла, важную штуку развертывалъ и щупалъ — все одно. Ужъ какъ ежели чего нѣтъ, такъ нѣтъ и есть.

— Гдѣ же онъ?

— Деньги-то?

— Ну?

— А безпремѣнно выняли ихъ у меня, очень просто.

— Какъ же теперъ быть-то? вѣдь подать?

— Что сдѣлаешь! Не молился я этому Богу, да ужъ, видно, такое мое счастье.

— Изобьетъ тебя, знать-то, отецъ какъ собаку.

— Никуда не дѣнешься.

— Еще, смотри, на міру кабы пороть не вздумалъ.

— Ужъ какъ ни на есть, просить прощенья надо. Буду въ ногахъ валяться.

— Женить ему тебя смерть охота, ужъ ты ему поворайся. Хоть, моль, завтра же женюсь, говори; можетъ, у него гнѣвъ-то посмякнетъ,—несмотря на все свое горе, не утерпѣла, вставила Захаровна.

— Нельзя еще жениться-то, начеть на мнѣ.

— Покорайся, знай, а впередъ Богъ! Ахъ, парень, парень, что ты только и надѣлалъ! Снимай скорѣе чепанъ-то, затоплю печку да высушу его передъ пыломъ, отомнемъ грязь-то тогда. И штаны. А сапоги!—намочи тряпицу и три ихъ шибче; чисто-на-чисто протри. Да самъ, пока люди-то спятъ, бѣги въ баню; хоть и нѣтъ ужъ пару, а все полегче тебѣ будетъ, какъ обмоешься; опуху-то хоть не будетъ, все же еще, поди, тепленько въ банѣ-то, не сколь рано вчера топила.

— Ой, мама, мама!..

— Что безъ толку выть-то, поворачивайся, знай!—уже совершенно овладѣвши собой и ясно сознавая, за что прежде всего слѣдуетъ взяться, чтобы поправить бѣду, прикрикнула Захаровна на сына, вынося изъ кѣлѣги чистое бѣлье, шайку и вѣникъ.

Подъ ея слова Иванъ какъ по командѣ снималъ съ себя загрязненное платье, разувался, теръ что есть мочи мокрой тряпкой свои сапоги и вмѣстѣ съ внѣшней грязью и съ самой души своей какъ бы снималъ и тяжесть, и грязь. Онъ не только не хныгалъ больше, но, напротивъ, инстинктивно чувствуя, что совсѣмъ онъ не такой ужъ пропащій человекъ, какъ было-думалъ, начиналъ смотрѣть все бодрѣе и бодрѣе.

„И то: вымоюсь, чистый буду, легкой, отъ головы маленько отвалить и опухъ припадетъ,—это вѣрно, а то и самъ въ руцѣ слышу, что крѣпко меня одуло“,—говорилъ онъ себѣ, шагая по огороду къ банѣ и косаясь влѣво на избы сосѣдей, гдѣ впрочемъ, на его счастье, все еще было тихо.

„Не успѣютъ трехъ перемолвить, какъ вымоюсь, тогда гляди на меня!“—не безъ удали подумалъ онъ, тряхнувъ свѣтловолосой головой, но вдругъ вспомнился ему отецъ, и снова сердце въ немъ замерло.

— Разъ пеструху за рѣкой не нашель,—припомнилъ Иванъ,—такъ какъ онъ меня отломалъ—не чаялъ живъ остаться, а я тогда еще не сколь великъ былъ. Тогда не простилъ, а ужъ теперь и говорить нечего, ни въ жизнь не простить. Да вотъ еще

какъ передъ міромъ вздумаетъ разложить—куда я поспѣлъ? Этого сраму мнѣ и не вынести. Я ему двадцать разъ женюсь, ежели надо, только чтобы, значить, не позорилъ. И нельзя мнѣ жениться, по всему нельзя, но если такое его родительское желаніе—уважу, такъ и быть!

III.

Оставшись одна и осматрѣвъ хорошенько одежду сына, Захаровна пришла къ заключенію, что ни сушить, ни мять тутъ нечего, а все прямо надо взять и вымыть. Одну минуту она колебалась—тотчасъ ли затопить печку, или затопить ее уже тогда, какъ вернется съ рѣки, но потомъ порѣшила затопить сейчасъ, чтобы къ тому времени, когда придетъ, печь была готова.

Со всевозможной осторожностью взлѣзла Захаровна на печь и тамъ, стоя на колѣняхъ, потянулась къ вожуху черезъ голову мужа, чтобы открыть трубу.

— Черти въ кулачки не бьются, а она ужъ печь топить...—сердито проворчалъ Аксѣнъ сквозь сонъ, несмотря на осторожность, потревоженный Захаровной.

— Благословясь вставай, Богъ съ тобой!—умиротворяющимъ тономъ отозвалась Захаровна, продолжая вынимать вьюшки.

— И всю-то она ночь какъ шьетъ бѣгаетъ,—все еще ворчливо, но уже мягче проговорилъ Аксѣнъ, поворачиваясь на другой бокъ съ явнымъ намѣреніемъ если не заснуть, то еще хоть подремать малость.

Но Захаровнѣ вдругъ захотѣлось предупредить мужа и насчетъ того, что сынъ пришелъ безъ копѣйки и что начеть на немъ, что парень выпивать сталъ и т. д. Ей казалось необходимымъ все это сообщить мужу и въ то же время, по ея соображеніямъ, это нужно было сдѣлать такимъ образомъ, чтобы ни сраму, ни смертныхъ побоевъ, ни особеннаго унынія изъ этого не вышло, ничего, однимъ словомъ, кромѣ крѣпкаго приказа сыну жениться и отнынѣ жить дома, на глазахъ у родителей, а для этого, по мнѣнію Захаровны, Ивана должно пострадать.

— Не то всталъ бы, Аксѣнъ!—позвала она.

Аксѣнъ быстро поднялся и сѣлъ на печи. По тону жены онъ догадался, что надо встать, не мѣшкая, что есть какое-то дѣло, нужное дѣло, иначе старуха не стала бы поднимать его ни събѣтъ, ни заря.

— Иванко, знать, пришелъ?—спросилъ онъ.

— Пришелъ, — тихо вымолвила Захаровна, и, присѣвши на край печи, передала все, что знала о сынѣ, и въ какомъ выволѣ пришла на его счетъ сама. Съ истинно женскимъ умѣньемъ, сообразно своимъ планамъ, одно въ поведеніи сына смягчая, другое отгвняя особенно ярко, Захаровна, къ ея великому удовольствію, къ концу рѣчи достигла того, что Аксѣнъ порѣшилъ какъ разъ на чемъ слѣдовало, т.-е. „пристращать“ сына—ну, хоть возжами, что-ли—и женить.

Не слыша ногъ подъ собой отъ радости, бѣжала послѣ этого Захаровна къ рѣкѣ и, добравшись до плота, съ такимъ усердіемъ принялась полоскать и колотить валькомъ пострадавшую одежду Ивана, что на той очень скоро не осталось ни одного пятнышка. Тогда Захаровна стала отжимать воду, всѣми силами стараясь выжать вещи сухо-на-сухо, и при этомъ, въ поощреніе себѣ, тихонько приговаривала: „Вотъ и все, вотъ теперь суши сколько хочешь, желтыхъ лѣзвнѣ не будетъ. Теперь никто не скажетъ, что валялся. Богъ съ нами, съ чего ему валяться-то. Мало чего не бываетъ... У царей, поди, и у тѣхъ бываетъ. Никто не видалъ, только и всего! Развѣ вотъ только не досохнетъ, такъ и то бѣда не велика—вишь дождь-то какъ хлещетъ. Этакій дождь хоть кого такъ промочить, а его дѣло дорожное, какъ не промочить“.

Когда она вернулась домой, Иванъ понуро сидѣлъ въ избѣ, на лавкѣ у окна во дворѣ и, самъ не зная зачѣмъ, усердно выпарывалъ пальцемъ мохъ изъ паза подъ подошвенникомъ, а Аксѣнъ въ грозной позѣ стоялъ недалеко отъ двери, съ шапкой на головѣ, очевидно, совсѣмъ собравшійся уходить со двора, и, потрясая правой рукой по направленію къ сыну, гнѣвно и вѣско говорилъ: „Слышалъ? Чтобы безъ разговора! Сказано: женись—и женись!“

Онъ произнесъ это такъ хорошо, какъ будто выразилъ свое собственное желаніе, свою, а не чужую волю. Впрочемъ, въ ту минуту Аксѣнъ дѣйствительно находилъ, что самое лучшее, что имъ слѣдуетъ сдѣлать—это тотчасъ же женить сына. Въ чемъ не могли убѣдить безконечные доводы Захаровны, въ томъ сразу и безповоротно убѣдилъ приходъ сына на побывку безъ единой копейки.

„Такъ вотъ оно какъ, пѣсь!—съ безграничнымъ раздраженіемъ думалъ Аксѣнъ:—ну, а ежели ты такъ, такъ я этакъ“,—прибавилъ онъ затѣмъ въ утѣшеніе себѣ и вслухъ свою мысль еще разъ выразилъ кратко и ясно: „Тотъ же часъ женись!“

— И ты, старая карга, смотри у меня!.. Я по два раза

говорить не люблю. Чтобы изъ церкви же на поповъ дворъ сходить! Чтобы къ обѣду отвѣсье уже было, а то я и другую найду, не нуждаемся!—съ сердцемъ проговорилъ Аксѣнь на встрѣчу женѣ и, уходя, такъ хлопнулъ дверью, что рамы задрожали.

— Господи помилуй!—шопотомъ вымолвила Захаровна, сбрасывая на лавку мокрый узелъ и заглядывая въ ярко топившуюся печь, но, въ сущности, крикомъ и гнѣвомъ мужа она была только довольна, такъ какъ то и другое доказывало, что дѣло идетъ на ладъ.

Иванъ же такимъ взглядомъ посмотрѣлъ на затворившуюся за отцомъ дверь, точно хотѣлъ выговорить: „ни дна бы тебѣ, ни покрывши!“

— Кого же вы мнѣ припасли тутъ?—спросилъ онъ у матери, и улыбка горькой обиды прошла по его лицу, на минуту совершенно преобразивъ это вообще незначительное по чертамъ и по выраженію лицо: оно вдругъ отразило столько отчаянія и затаенной злобы, что тяжело было смотрѣть на него.

— У попа Ивана старушка въ нянькахъ живетъ, Иванко, такъ внучка при ней,—сдержанно сообщила Захаровна, тщательно развѣшивая на ухватъ мокрый чепанъ сына и ловко приворапливая его къ огню.

— Работница, значить,—сообриазилъ Иванъ и снова улыбнулся той же улыбкой.

— Такая ли, я тебѣ скажу, работница,—нагѣренно не поняла Захаровна сына,—на удивленье! Кабы, къ слову, Богъ привелъ, всѣмъ бы на завидость было.

— Жените! Безчасье меня застигло—ничего не сдѣлаешь,—безпомощно выговорилъ онъ.

IV.

Всегда хлопотливый день Покрова въ этомъ году былъ особенно хлопотливымъ для семьи о. Ивана, какъ единственнаго покровскаго священника. Не говоря уже о прихожанахъ, рѣшительно запрудившихъ и дворъ, и сѣни, и кухню поповскаго дома, къ священью поваѣхали гости изъ сосѣднихъ селъ и въ такомъ количествѣ, что прислуга о. Ивана, какъ говорится, съ ногъ сбилась. Такъ какъ издавна было заведено, что чуть не весь приходъ въ „престоль“, а также о Рождествѣ, Пасхѣ и когда шелъ исповѣдаться, приставалъ на поповомъ дворѣ, гдѣ

его въ эти дни обязательно поили и кормили, и нужно со-
знаться, поили и кормили очень хорошо, то подготовительная
стрижня шла у попа уже съ недѣлю, но, несмотря на это, т.-е.
что все сварено и спечено было заблаговременно, готовое раз-
нести не успѣвали. Сторожиха съ сестрой и Маланья поминутно
перемѣняли на столѣ чашки съ картофельной похлебкой и съ
рѣпницей и обносили гороховые и вапустные пироги. Азаръ,
работникъ, даже вспотѣлъ, таская изъ погреба полныя ведра пива
и квасу,—народъ все прибывалъ и прибывалъ.

Маланья только-что вынесла на крыльцо полныя ночевки
пироговъ и шанегъ для тѣхъ, кому не нашлось мѣста въ кухнѣ,
когда, отстоявъ обѣдню, Аксѣнь, Захаровна и Иванъ вошли на
поповскій дворъ.

— Ай, да дѣвка! Вотъ такъ умница! Не бойсь, не забыла!
Ну, какъ васъ потомъ не уважишь? Какъ не уважить при сборѣ,
если вы сами такъ насъ уважаете? И не дать бы лишку, да
дашь—намъ же изостряпаете. Аказія — на дворъ вынесла! Не
забыла! Ну, дѣвка!..—загалдѣлъ народъ, надвигаясь къ крыльцу.

— Не дѣвка—малина!—особенно звонко крикнулъ кто-то
въ толпѣ.

А Маланья стояла, съ ласковой улыбкой глядя на народъ
и, слегка поворачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, смотря
по тому, откуда протягивалось къ ночевкамъ большее количество
рукъ, привѣтливо говорила: „Кушайте на здоровье, пожалуйста!
Ужъ не знаю, хорошо ли состряпала, старалась же будто... Ну,
ужъ каково вышло, таково и кушайте, хорошо-нехорошо, зато
много, всѣмъ хватить да еще и останется, пожалуйста, кушайте!“

Въ ярко-красномъ самотканниѣ, вся раскраснѣвшаяся отъ
усталости, усиленнаго движенія съ ранняго утра и, наконецъ,
отъ только-что высказанныхъ и еще не успѣвшихъ затихнуть
похвалъ, она, точно, похожа была на малину. Умные сѣрые
глаза Маланьи блестѣли такимъ удовольствіемъ, что безъ всякой
красоты дѣлали ее красавицей. Все въ ней казалось хорошо въ
эту минуту, и 22-лѣтній возрастъ, и приземистый ростъ, и
въ мѣру полный станъ, а ужъ о косѣ и говорить нечего—русая,
ровная, волосокъ въ волоску, не самая чтобы ужъ длинная, зато
толстущая-претолстущая.

Иванъ невольно заглядѣлся на дѣвушку. „Ну, именно, всѣмъ
взяла! Смотрить, ровно грѣтъ. Оказія—съ разу сердце при-
шло“, — самъ на себя дивясь, думалъ онъ, слѣдомъ за матерью
приближаясь къ крыльцу.

— Здорово, невѣста! Бабушка сватать намени просила,

такъ вотъ я жениха веду,—поймавъ на себѣ взглядъ Маланья и указывая ей на сына, сказала Захаровна какъ бы шутя.

— Добро пожаловать! Сегодня у меня женихамъ счету нѣтъ, всѣмъ заразъ кажусь,—также шуткой отвѣтила ей Маланья и, мимоходомъ взглянувъ на Ивана, подумала: „эва, блѣдный какой, а волоски сѣленькіе и наряженъ форсисто“.

Минуту спустя, Иванъ въ свою очередь взялъ часть морковнаго пирога. Маланья улыбнулась ему какъ всѣмъ. Отъ этой улыбки мурашки пошли по всему тѣлу парня; онъ точно испугался чего и проворно метнулъ глазами въ сторону, потомъ потупился, а Маланья снова отвѣтила: „Отчего прямо не смотреть, когда женихъ? Глазки махонькіе, ровно у таракашка, и все какъ будто врозь норовять“.

Ей стало совсѣмъ весело отъ внезапно нахлынувшего на нее сознанія собственной силы и прямоты, отъ неутомимости, здоровья, ясности духа, и она проворно юркнула въ домъ за новымъ запасомъ пироговъ и шанегъ.

— А-а-а, Аксѣнычъ! Давно ли, братъ, на нашей землѣ? Иванъ Аксѣнычъ, здорово живешь! Что, Иванко, къ празднику домой надумалъ?—молодца! На побывку пришелъ, Иванъ Аксѣнычъ, али какъ?—то-и-дѣло останавливали Ивана односельчане, пока онъ проходилъ по селу съ отцомъ и матерью, направляясь къ дому.

Подобные же вопросы сыпались на него со всѣхъ сторонъ и тогда, какъ онъ шелъ впередъ, но утромъ онъ отвѣчалъ на нихъ угрюмо и неохотно, по большей части однимъ какимъ-нибудь словомъ, въ родѣ: „на побывку“, „самъ не знаю еще“ и т. д., и спѣшилъ уйти отъ знакомаго какъ можно скорѣе; теперь же, напротивъ, при каждой встрѣчѣ онъ добровольно останавливался, снималъ фуражку и здоровался „за ручку“, весело сообщая всѣмъ и каждому, что пришелъ онъ ночью, что „смотри, кабы не совсѣмъ пришелъ, потому старики надумали его женить“, и т. д.

— Чтожъ—дѣло! Давай Богъ! Пожалуй, пора женить-то тебя, какъ что ужъ не пора... Женисься, то ли дѣло... Какое же сравненіе, къ примѣру, женатый али неженатый? Это они, старики твои, ладно помекаютъ, давай Богъ! — отзывались на сообщеніе Ивана знакомые.

Наблюдая переменъ, происшедшую въ настроеніи сына, Захаровна совершенно правильно объясняла ее тѣмъ, что Маланья ему „поглянулась“, и, приписывая это обстоятельство дѣйствию пятикопѣечной свѣчи, отъ всего сердца поставленной за обѣдней

ивонѣ Покрова Пресвятой Богородицы именно съ тѣмъ, чтобы она скоро и безпрепятственно покрыла голову Ивана закономъ, Захаровна жарко благодарила теперь Владычицу и въ радости пообщала ей новую свѣчу.

Перейдя околицу, молчавшій все время Аксѣнъ, по своей всегдашней манерѣ свысока относиться къ окружающему, насмѣшливо посмотрѣлъ на жену и сына и крикнулъ, собираясь, повидимому, заговорить.

— Что же не скажете, поглянулась ли невѣста?—осмѣлилась облегчить ему начало разговора Захаровна.

— Надо у жениха спрашивать, ему жить,—важно проговорилъ Аксѣнъ.

— Ежели по виду—дѣвка ничего, не похажешь,—высказался Иванъ, не выжидая вопроса.

— И по виду, и всяко хороша,—увѣренно и хвастливо, какъ заправская сваха, похвалила Маланью Захаровна.

— А еще какъ всяко?—съ усиленной издѣвкой переспросилъ ее Аксѣнъ.

— И по виду, и по дѣлу, и по нраву! — безъ малѣйшаго колебанія и съ такой горячностью пояснила Захаровна, что язвительность Аксѣна какъ рукой сняло.

— А отвѣтъ какой?—уже просто спросилъ онъ.

— Ниловна радостью-рада, безпремѣнно общала и дѣвке уговорить и велѣла излаживаться къ свадьбѣ, когда намъ сподручѣе. Мы съ ней и Богу ужъ помолились, и поцѣловались,—отвѣтила Захаровна.

— Вдругъ дѣвка упрется? — резонно замѣтилъ Аксѣнъ, въ глубинѣ души рѣшительно не желая этого и боясь, чтобы такой вещи вправду не случилось, такъ какъ Маланья крѣпко понравилась и ему.

— Бабушка уговорить,—поспѣшила успокоить его жена.

— Ну, ужъ если опять и силкомъ-то заставить идти, такъ тоже не радость, все горбомъ и будетъ къ тебѣ подворачиваться,—хмуро проговорилъ Иванъ.

— А ужъ это твое дѣло—горбъ править,—снова впадая въ привычный тонъ насмѣшки, отвѣтилъ ему отецъ.

— Полноте-ка вы молоть-то, ничего не вида! — остановила ихъ Захаровна.—Маланья дѣвка послушьянная, никогда она бабушкиной воли не переступитъ,—прибавила она съ убѣжденіемъ и принялась перечислять приданое своей будущей невѣстки:—Полушубокъ замало новенькій и шубка овечья съ лисьей выпушкой, голубой китайкой крыта. Лѣтняя оболочка суконная синяя,

только-что спитъ. Шаль сатиновая порядочно большая и полушалокъ алый влѣтчатый, полушерстяной. Сарафановъ страсть: шерстяной сарафанъ, два ситцевыхъ, вотъ самотканниекъ, что на ней видѣли, и еще синюшекъ есть, не знаю ужъ сколько, а есть. Рубахи тоже не глядѣла; Ниловну-то, то и знай, зовутъ по домашности. Да ужъ нечего сказать, хламу изрядно, хоть бы и въ богатый домъ, такъ не стыдно. Чего ужъ и говорить, бабушка и свое-то все на нее же складывала, какъ наряду не быть, — говорила Захаровна.

Какими-то судьбами, несмотря на тѣсноту и недосугъ, она дѣйствительно съумѣла не только добраться до Ниловны, бабушки Маланьи, и переговорить съ нею, но ухитрилась еще и приданое посмотреть, о чемъ и проговорила, не умолкая, вплоть до дому.

Весь обѣдъ да и потомъ до самыхъ сумерекъ въ избѣ Авсѣна шли оживленныя разсужденія о томъ, какъ быть съ начетомъ Ивана, кому и когда ѣхать въ городъ для объясненій съ его хозяиномъ и какъ ѣхать — „деньги везти или такъ хозяина просить, чтобы отсрочилъ долгъ, повременилъ бы на то время, пока Ивана женить будутъ, а потомъ онъ опять придетъ въ городъ (на малое время отчего не сходить?) и свивтается съ нимъ, отслужить, съ благодарностью отслужить, лучше-лучшаго“.

Такой оборотъ дѣла представлялся какъ старикамъ, такъ и Ивану самымъ подходящимъ, но послѣдній сомнѣвался, чтобы практичный нѣмецъ-булочникъ, у котораго онъ служилъ, вошелъ какъ слѣдуетъ въ его положеніе; надежда на это была плоха, тѣмъ болѣе, что за послѣдній годъ Карлъ Иванычъ нѣсколько разъ кричалъ на Ивана какъ на собаку, называлъ его ненадежнымъ и грозилъ прогнать, чего не дѣлалъ — Иванъ отлично понималъ это — единственно потому, что парень не выходилъ у него изъ долга, и для мужаика изъ крупнаго долга, рублей въ 20—30.

— Наврядъ Карлъ Иванычъ выпуститъ меня безъ денегъ, не таковскій! Безъ денегъ нечего и ѣхать въ городъ, напрасно только гоняешь, — совершенно опредѣленно высказался подъ конецъ Иванъ на этотъ счетъ.

— Тогда, нечего дѣлать, къ Титу Андроничу пойдешь, сведешь ему гнѣдка, не миновать въ такомъ разѣ, чтобы не свести, — скрѣпя сердце, но, тѣмъ не менѣе, вполне рѣшительно объявилъ Авсѣнъ женѣ и сыну, и дѣйствительно отправился къ сосѣду для предварительныхъ переговоровъ.

V.

Въ ожиданіи отца Иванъ вышелъ за ворота.

Оба сына Тита Андронича находились также у воротъ своего дома. Завидѣвъ Ивана, они тотчасъ пошли къ нему на встрѣчу и пріятельски съ нимъ поздоровались. Старшій изъ братьевъ, Андрей, блѣднолицый, съ рѣдкой русой бородкой, сухощавый и высокій какъ жердь, былъ однолѣтокъ Ивана, ему тоже 24 годъ шель, но Иванъ никогда не былъ съ нимъ въ настоящей дружбѣ; его сердце гораздо больше лежало къ младшему брату Федору, 15-лѣтнему подростку, также не по лѣтамъ высокому, но не съ деревяннымъ, какъ у брата, а съ открытымъ и благодушнымъ и въ то же время смышленнымъ лицомъ, и Иванъ къ нему первому и обратился съ рѣчью.

— Эка ты, Федянька, вызывалъ, безъ мала съ версту будешь, — сказала онъ, не безъ удовольствія осматривая сильную фигуру Федора: — куда торопишься, дурья голова, али подъ красную шапку больно охота? На поди, какая машина, мужикъ мужикомъ!

— Изурочь... Съ озѣву-то какъ иныхъ ломаетъ... — отшучивался Федоръ.

— Ужъ мы и то смѣемся, — ему тятенькинъ полушубокъ въ самый разъ. Мнѣ ровно хомутина, а ему — какъ по немъ шито! — не безъ фамиліной гордости сообщилъ Андрей.

— А вотъ тебя, Андрейко, такъ парить надо, засохъ ты совсѣмъ, — посовѣтовалъ Иванъ.

— Пожалуй, что засохъ, — согласился Андрей, вытагивая передъ собой и осматривая свои длинныя, довольно впрочемъ мускулистыя руки и затѣмъ проводя ладонями ихъ по блѣднымъ, нѣсколько запавшимъ щекамъ.

— Его у насъ всего истрясло, вотъ что! — солидно высказалъ свое мнѣніе Федоръ.

Всѣ размѣялись.

— А что и вправду, много у васъ ѣзды? — полюбопытствовалъ Иванъ.

— Безъ перемержки. Хоть не ѣшь, не спи, пожалуй, такъ въ ту же пору.

— Ну-у?

— Ужъ нарочно случаемъ выгадываешь время, а то, прямо надо говорить, хоть съ козелъ не слѣзай, — объяснялъ Андрей.

— И неужто все ты одинъ въ ѣздѣ?

— Больше я. Всего-то народу у насъ на станціи мальченка

да Данило; какіе ужъ это ямщики. Развѣ такъ какіе проѣзжающіе, такъ пошлешь ихъ, а почту или начальство съ ними не отпустишь, потому тутъ снаровеу нужно имѣть.

— Такъ, такъ.

— За неволю все самъ, вѣдь дядя-то отъ насъ всей семьей отдѣлился—слыхать, поди—въ мѣщане еще по веснѣ переписался, въ приказчикахъ теперь живетъ.

— Какъ не слыхать. Не однажды встрѣчать доводилось и на базарѣ, и такъ, на улицахъ.

— Ну, вотъ.

— Неловко вамъ этакъ-то?

— Чего ужъ ловко!

— Работниковъ не держите?

— Избѣгаемъ. То, значить, расчитываешь, что ежели ты ину пору и черезъ силу поработалъ, такъ по крайности не обнять, не объѣдешь, ни упряжь у тебя не порвана, ни снарядъ, какой есть, не поломанъ, скотина накормлена во-время, не засѣчена, подкована, одно слово свой глазъ,—повѣствоваль Андрей.

— Лучше всего! — согласился съ нимъ Иванъ. — Нешто и Филькѣ отказали?—спросилъ онъ, вспомнивъ давнишняго работника Тита Андронича, съ которымъ росъ и игралъ вмѣстѣ.

— Какъ можно! Филька у насъ; куда онъ пойдетъ!

— То-то, молъ.

— А ужъ ѣзды много, точно что много, вотъ и опять время иди хомутать, — вздохнулъ Андрей. — Заходи когда ни на есть въ избу, Иванко, поговоримъ, ино, толкомъ, — пригласилъ онъ Ивана, исчезая за высокими тесовыми воротами.

Крайнее окно въ верхнемъ этажѣ дома Тита Андронича раскрылось и все свободное пространство въ немъ заполонила голова и дородное плечо жены Тита Андронича. Заслышавъ говоръ и смѣхъ подъ окнами, она догадалась, что у воротъ долженъ быть Иванъ, и высунула голову, чтобы позвать его къ себѣ.

— Съ праздникомъ, Агаея Абросимовна! Какъ живете-можете?—вѣжливо раскланялся съ нею Иванъ.

Абросимовна была большая домосѣдка, нравъ имѣла спокойный и замѣнутый, но отнюдь не суровый, и поэтому, несмотря на довольно рѣзкія черты, строгую линію рта и сросшіяся надъ переносицей прямыя темныя брови, ея крупное бѣлое лицо почти всегда дышало благодушіемъ. Особенной же мягкостью отличались глаза, невольно поражавшіе всякаго какъ прекрасно сохранившимся голубымъ цвѣтомъ своимъ, такъ и удивительнымъ выраженіемъ полной душевной безмятежности. Говорила она мало, ко-

ротыми фразами и всегда немного въ носъ, но въ высокой, массивной фигурѣ ея чрезвычайно шло такъ разговаривать. Только въ зажиточныхъ старовѣрскихъ семьяхъ встрѣчаются такія представительныя, красивыя и спокойныя женщины, и въ Абросимовнѣ также была значительная доля старовѣрской крови. Сама она и отецъ были православныя, но дѣдушка до самой смерти считался однимъ изъ завзятыхъ раскольниковъ и одно время чуть даже не пострадалъ за это.

Трудолюбивая, старательная, знающая всякую работу, никогда ни въ чемъ не нуждающаяся, Абросимовна рѣдко за чѣмъ-нибудь или съ чѣмъ-нибудь обращалась къ своимъ сосѣдямъ, но зато когда время отъ времени она дѣлала это, человѣкъ, взысканный ея лаской, обыкновенно ощущалъ немалое удовольствіе.

— Иди въ горницы, Аксѣнчъ!—проговорила она по своей привычѣ немного въ носъ и какъ бы вяло, но такъ ласково, что въ искренности приглашенія не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Благодаримъ покорно, Агаея Абросимовна! Мы тутъ съ ребятами вашими разговариваемъ, давно не видались, соскучились, —весело отозвался замѣтно польщенный Иванъ.

— Давно и есть,—согласилась Абросимовна.

— Дивлюсь вотъ, Агаея Абросимовна, на Федюню вашего, выросъ и подобрѣлъ онъ у васъ какъ!—продолжалъ разсыпаться Иванъ.

— Растетъ...—было ему отвѣтомъ, но въ этомъ коротенькомъ словѣ такъ ясно слышалась материнская радость, что у Ивана явилось неодолимое желаніе сказать Абросимовнѣ и еще что-нибудь пріятное.

— А это нешто Груня изъ-за васъ выглядываетъ?—спросилъ онъ.

— Груня... тоже вытянулась,—сказала Абросимовна и посторонилась, чтобы Иванъ могъ лучше рассмотреть Груню; но та сейчасъ же исчезла за косякомъ.

— Ай-ай, какъ всѣ здѣсь безъ меня выросли!—покачалъ Иванъ головой.

— Ты бы дольше не шель,—дружески ударилъ Федоръ Ивана по спинѣ и, обнявъ его за шею, увлекъ во дворъ съ явнымъ намѣреніемъ затащить въ избу.

Важно выгостили Аксѣнъ съ сыномъ у Тита Андронича. Ихъ приняли какъ родныхъ и ужъ чѣмъ-чѣмъ не угощали! И чай-то они пили, и пироги-то ѣли, и медъ съ папошникомъ хлебали; на роестаняхъ Абросимовна сама сходила въ амбаръ и еще изюму

принесла. Три часа пролетѣли какъ одна минута. Но едва гости вышли за ворота, рѣчь ихъ оборвалась, головы поникли, на сердцахъ такъ тоскливо, нехорошо сдѣлалось, точно невѣсть что случилось, а только всего, что гнѣдка запродали. Ивану еще не такъ, онъ-таки поотвыкъ отъ дому, но Аксѣну очень горько было сознание, что гнѣдко уже не принадлежитъ ему болѣе, что онъ, старый коренной ямщикъ, отнынѣ будетъ побираться лошадьми у сосѣдей. Аксѣнъ чуть не плакалъ.

VI.

— Малаша, а Малаша! Малашъ...—тихонько будила Ниловна внучку, свернувшуюся въ комокъ на голомъ полу передъ колыбелью младшаго сына о. Ивана, Лѣвочки. Смертельно уставшая за день дѣвушка, только за минуту передъ этимъ вошедшая въ дѣтскую, едва приникла головой къ неразостланной своей постели, сейчасъ же заснула.

„Вотъ молодой-то человѣкъ что значить: не успѣла до мѣста добраться и ужъ спать, а я какъ ни нахожусь, какъ ни натружусь—нѣтъ мнѣ сну. Совсѣмъ нынѣ сну почто-то у меня не стало“,—думала Ниловна, продолжая легонько трести Маланью за плечо.

Маланья открыла глаза, но вѣки оказались страшно тяжелы и снова сомкнулись.

— Встань-ка, Малашъ, чуточку, встань, дитятко!—продолжала Ниловна.

— Чего тебѣ, бабушка?—сонно проговорила Маланья, сляясь вновь отереть глаза.

— Встань!

Маланья стремительно поднялась во весь ростъ и потянулась, но въ глазахъ у нея не было сознанія; тѣмъ не менѣе она круто повернулась и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери.

— Экая ты сполошная!—замѣтила Ниловна съ нетерпѣниемъ, удерживая ее за рукавъ.

Наконецъ, старухѣ удалось-таки совершенно разбудить внучку и она нашла возможнымъ приступить къ разговору о сватовствѣ. По мнѣнію Ниловны только теперь и можно было переговорить безъ помѣхи, когда всѣ спятъ, дѣти не мѣшаютъ, старшіе не слышать и „на вороту не виснетъ“ тысячи дѣлъ, при которыхъ не то что серьезные, а никакіе разговоры невозможны.

— Вотъ что, Малашенька, я тебя разбудила—сваты, дитятко,

были,—приступила Ниловна прямо въ дѣлу, садясь рядомъ съ внучкой на полу у волюбели.

— Кто?—спросила у нея Маланья, не изъявляя ни удовольствія, ни безпокойства, а только чтобы узнать, кто это вздумалъ посмотрѣть на нее не исключительно какъ на попову работницу, а еще какъ на дѣвушку, которой пора замужъ и которую можно взять хозяйкой въ домъ, какъ всякую другую честную и работающую дѣвушку-невѣсту.

— Къ Аксѣну кривому въ Лобановшину сватаютъ; сама Захаровна старается, ужъ такъ-то ли просить, что и связать нельзя. Очень ты ей по мысли: работница, говорить, сейчасъ видно, и послушанная надо быть. Сынъ у нихъ одинъ, какъ перстъ.

— Да вѣдь онъ у нихъ въ городу живетъ?—перебила Маланья.

— Въ городу. Говорила Захаровна - то, что въ городу. Да вѣдь ужъ женятъ, такъ когда что не дома жить станеть, зачѣмъ онъ въ городъ тогда пойдетъ?.. Утромъ смотрѣть хотѣли придти. Вотъ не знала раньше, нарочно попримѣтить бы тебѣ, какой изъ себя парень-то; былъ, слышь, онъ у насъ на дворѣ давеча.

— Видѣла я.

— Ну, что? Молдехонькѣй надо быть, еще и отцы-то не сколь стары.

— Молодой.

— Какъ по виду-то, ничего?

— Не видный изъ себя, маленькѣй, а наряженъ ничего, хорошо.

— И ты не больно велика. Что въ ростѣ-то? Не о ростѣ надо думать, о человекѣ. Уждъ придуть завтра, увидимъ. Надо какъ можно пораньше устрепаться тебѣ поутру, все прибрать и принарядиться.

— Неохота мнѣ, бабушка, замужъ.

— Что, вѣкъ въ дѣвкахъ жить станешь?

— Хоть бы и вѣкъ, какая нужда?

— Охъ ты, глупая, глупая! Какъ же можно сравнить твое теперешнее житье и еслибы, доведись, выйти тебѣ за хорошаго мужика? домъ ли, свотина ли, хлѣбъ ли взять—все свое собственное будетъ.

— И здѣсь не скудно.

— Здѣсь ты сегодня хороша, ну, и служишь, а завтра маленько въ чемъ не потрафишь—тебя въ ту-жъ минуту на порогъ и въ шею. Иди куда знаешь... А замужемъ крѣпко. Мужъ ни на улицу не выгонитъ, ни въ обиду не дастъ. И вусошь, и уголь,

и оборона тебѣ въ мужѣ на всю жизнь. Только привелъ бы Господь-батюшка,—объими руками надо креститься.

— Ты что меня избываешь, развѣ я не слушаюсь въ чемъ? — со слезами въ голосѣ спросила Маланья.

— На, Богъ съ нами, избываешь!.. Не избываю я тебя, а пристроить хочу, пока еще ноги таскаю. Протянусь, такъ куда ты поспѣла? Сиротское да еще бездомовное дѣло самое на свѣтѣ послѣднее: всякій можетъ надругаться, ни откуда тебѣ нѣтъ заступы. А сподобить тебя Богъ законъ принять, то ли дѣло!

— И въ законѣ всяко тоже бываетъ... Вонъ у дьякона Панфилыча и не мужики, а хорошо ли живутъ? вотъ тебѣ и законъ...

— Нашла кого сказать, Панфилыча! Въ немъ вино ходить, весь онъ имъ до краевъ налить; что ужъ о нашемъ дьяконѣ толковать—жалость, больше ничего.

— Вотъ достанется этакій...

— Ну, чего городишь! Не все такіе. Не видала ты красныхъ дней, сьизмальства сиротствуешь, сьизмальства въ большой работѣ да въ послушаніи, можетъ тебя Богъ и поищеть счастьемъ; Богъ-то все видитъ.

Маланья заплакала.

— Не плачь, дитятко, молись. Я тебя не избываю, а то думаю: умру я, и всякій можетъ тебя избидѣть. Ты на бабушку съ матушкой не полагайся; поколъ мелешь, что есть мочи да во всемъ исправна, потолокъ и хороша имъ, а чуть что—не пожалѣютъ...

— И всегда исправна буду.

— Не вручайся впередъ.

— Маленькая старалась, а неужели теперь, какъ въ силу вошла, хуже работать буду?

— Не въ томъ сила... Дѣвѣ ты въ порѣ, изъ себя видная—не безъ того, что къ тебѣ подлипать начнетъ народъ; теперь не смѣютъ, а дай срокъ, умру—всего напринимаешься!

— Не бойсь, не напринимаюсь.

— Въ молодости всякому искушенье бываетъ, врагъ-то лѣповъ, не убережешься, а Богъ благословить, замужь выйдешь, никто тебя не укорить, и ежели дѣти пойдутъ, они будутъ тебѣ не въ срамъ, а въ радость. Вотъ тебѣ мое крѣпкое благословеніе; послушаешься—Богъ тебѣ во всякое время пошлетъ счастье; не послушаешься—ни въ чемъ тебѣ удачи не будетъ; станешь жить, какъ съ плота воду лить...—съ выраженіемъ непреклонной воли произнесла Ниловна.

— Да хоть не вляни ты меня, Христа ради! Ужъ лучше же

я замужъ пойду, чѣмъ мнѣ безъ благословенія жить,—взмолилась Маланья, придя въ ужасъ отъ послѣднихъ словъ бабушки.

Уже вторые пѣтухи пропѣли, когда Николавна, кряхтя, поднялась съ полу и ушла къ себѣ на лежанку, а Маланья, разотставши, наконецъ, свой войлокъ, какъ слѣдуетъ, раздѣлась и легла, чтобы на этотъ разъ заснуть безъ помѣхи. Однако, сонъ въ ней не шелъ. Сначала все какъ-то перепутано было въ головѣ Маланьи и она одно только чувствовала—что на нее какъ съ неба свалилось страшное горе, еще невѣдомо чѣмъ страшное, но великое-превеликое, разомъ отнявшее у нея и бодрость духа, и сознаніе своей силы, и всякій смыслъ у ея настоящей жизни. И она заливалась горькими слезами въ страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ, неминуемо грозившимъ смѣнить собой ея теперешнее такое простое, спокойное и вообще вполне определенное существованіе, которымъ она нисколько не тѣготилась, несмотря ни на зависимость, ни на бездну довольно-таки тяжелой работы,—напротивъ, находила въ немъ своего рода радости и выгоду.

„Теперь все пойдетъ по новому, на новомъ мѣстѣ, въ новыхъ людяхъ, на новой работѣ. Можетъ, не потрафлю. И парень-то не глянется... Зачѣмъ онъ все врознь глядитъ, все какъ будто не на тебя, а мимо? Ровно я ребенокъ малый, или ужъ у меня совсѣмъ ума нѣтъ, что всякій меня изобидѣть можетъ?—не дамса, смотри!“—думала Маланья на тысячи разныхъ ладовъ, но несмотря на такое отношеніе къ предстоящей перемѣнѣ жизни, въ глубинѣ души ея не было и тѣни намѣренія оказать сопротивленіе бабушкиной волѣ. Напротивъ, послѣ высказаннаго бабушкинъ согласія Маланья считала дѣло своего замужества рѣшеннымъ безповоротно и ей не приходило даже въ голову, что почему-нибудь оно можетъ еще и не состояться.

Когда она заснула съ невысохшими слезами на ярко пылавшихъ щекахъ, ей приснилось ея раннее дѣтство. Засыпая, послѣ разговора съ бабушкой, Маланья долго думала о прошломъ; ей припомнился отецъ нищій, ихъ переходы вдвоемъ изъ одной деревни въ другую за подаваніемъ; холодъ, голодъ; отчужденіе; вѣчное недомоганіе отца, сопровождаемое страшно мучительнымъ кашлемъ; ночевки зимой въ разныхъ селеніяхъ, лѣтомъ въ лѣсу или въ полѣ—и вотъ все это въ различныхъ сочетаніяхъ и грезилось ей цѣлую ночь.

VII.

Михей, отецъ Маланьи, блѣдный, тщедушный мужиченко, съ запавшей грудью, съ черными волосами и глазами, всегда, какъ запомнить она, больной и малосильный, и зиму, и лѣто носилъ ветхій коричневый азымъ изъ домашняго сукна, истерзанную шапку съ наушниками, завязанными на макушкѣ, и лапти, иногда такіе дырявые, что странно было, зачѣмъ ужъ онъ ихъ и надѣвалъ. Послѣ смерти жены, съ четырехлѣтней дочерью на рукахъ, Михей сперва временно въ хозяйствѣ запутался, а потомъ тяжело захворалъ и окончательно разорился. Умереть не умеръ, но и работать уже не могъ, ни пахать, ни жать, ни косить; все его душило. Чуть возьмется за что, сейчасъ же дыханье у него оборвется и стоитъ онъ потомъ подолгу, прислонясь къ чему нибудь, и, вытягивая шею, высоко приподнимая плечи, силится набрать въ себя воздуху. Понялъ Михей, что онъ не работникъ больше, и понемногу примирился съ этимъ. Нѣкоторое время зачѣмъ онъ жилъ, проѣдая одно за другимъ все, что было въ домѣ и на дворѣ, а тутъ, какъ проѣлъ все, и пришлось хоть съ голоду помирать, сдалъ надѣлъ сосѣдямъ, заколотилъ избу и, обвязавъ свою шестилѣтнюю дочку всѣми платками, какіе еще оказались на-лицо, пошелъ съ нею „по міру“.

— Всѣми мѣрами старайся въ дѣти ее кому-нибудь отдать; корыстна ли она еще, чтобы за тобой пляться? А хоть и побольше будетъ, что за радость побираться? только изварлыжатся, — говорили Михею сосѣди, соболѣзнуя о судьбѣ Маланьи.

— Надо ужъ будетъ поспрашивать, — какъ бы соглашался съ ними Михей, но про себя онъ думалъ, что лучше онъ впроголодь жить будетъ, а Маланю безъ себя не повинеть.

— Въ какія дѣти, тять? — спрашивала его дѣвочка.

— А вотъ, къ примѣру, къ намъ въ Пронино пришли бы нищѣ, отецъ, какъ я, да маленькій ребенокъ; ребенокъ ходить не можетъ, устаетъ, а у Миرونыча, къ примѣру, нѣтъ дѣтей; вотъ Миرونычъ и говоритъ нищему: „отдай намъ свою дочь, а самъ убирайся“...

— Ну?

— Отецъ подумаетъ, подумаетъ и оставитъ, потому жаль ему свое дѣтище. „Ежели, скажетъ, я голоденъ и холоденъ какъ собака, такъ, по крайности, младенецъ у меня будетъ устроенъ въ теплѣ и сытъ“. И уйдетъ. Совсѣмъ уйдетъ. И сдѣлается ему свое дитя какъ чужое, и сколько, можетъ, времени онъ и однимъ

глазочкомъ его не увидить, а послѣ хоть, къ слову, и придетъ, такъ дѣтище-то его кровное его уже не узнаетъ, и милостыньки не подастъ, съ порога, того гляди, столенеть...

— А я бы сейчасъ узнала и всѣмъ, всѣмъ самымъ сладкусшимъ накормила бы тебя!—говорила на это дочь Михея.

— Ну, видно, охота тебѣ въ дѣти! Ладно, когда такъ. Вотъ придемъ въ Шлѣнки, суну тебя въ первую же избу и убѣгу. Оставайся у чужихъ, когда не хочешь съ роднымъ отцомъ быть, вотъ и оставайся; ужь посмотримъ, какъ тебя чужіе-то, ужь они тебѣ покажутъ!..

Прежде чѣмъ Михай успѣвалъ выложить весь запасъ ужасовъ, ожидавшихъ Маланью у „чужихъ“, она принималась, что есть силы, голосить и Христомъ-Богомъ молила отца не отдавать ее въ „дѣти“.

Михею только этого и нужно было.

— Когда же я тебя брошу! Развѣ это возможно? Только у меня и радости-то на свѣтѣ, что ты, когда же я тебя отдамъ?—ласково говорилъ онъ Малашѣ.

Много селъ, деревень, починковъ и займищъ видѣла Маланья, слѣдуя за отцомъ и на ряду съ нимъ выпрашивая „милостыньку“. Иногда ей очень нравилась та или другая деревня, иногда какая нибудь семья, и ей подольше хотѣлось побыть тутъ, но они нигдѣ не останавливались подолгу, и было ли на дворѣ тепло или холодно, ненастье или вѣдро, ея отецъ, почти не отдыхая, переходилъ изъ двора во дворъ, изъ селенія въ селеніе, а за нимъ шла и Маланья.

Случалось, что ея маленькія ноги отъезывались служить отъ усталости, ей хотѣлось поѣсть или заснуть, а отецъ продолжалъ идти дальше, не обращая на нее никакого вниманія, не замѣчая того, какъ она устала и озлябла, совсѣмъ повидимому не думая о ней.

Малаша въ такихъ случаяхъ начинала плакать и тянула отца за полу азяма назадъ къ дому или селу, откуда они только-что вышли.

— Ты чего дуришь?—спрашивалъ ее Михай, останавливаясь на мгновеніе.

— Спать хочу...

— Сейчасъ, Малаша, вотъ той минуты деревня будетъ, тамъ и спать. Только одно поле перейти... Деревня богатѣйшая, вотъ тамъ и спать. А здѣсь не пустать; здѣсь у мужиковъ собаки, бѣда, злыя: того гляди, искусаютъ, ой, больно страшно, пойдемъ-ка скорѣе, пойдемъ!—говорилъ Михай и для большей убѣ-

дительности нѣсколько шаговъ пробѣгалъ бѣгомъ, дѣлая видъ, что спасается отъ собакъ, послѣ чего обыкновенно подолгу стоналъ и кашлялъ.

А потомъ они опять шли, не смотря ни на ненастье, ни на холодъ.

Но не всегда же конечно, Михею съ дочерью приходилось собирать милостыню въ непогодъ или холодъ. За три года нищенства, выпадало и на ихъ долю не мало дней по своему хорошихъ, когда и хлѣба у нихъ было вволю, и на подворье каковой-нибудь богобоязненный хозяинъ иной разъ на цѣлую недѣлю пускалъ. Если такое благополучіе постигало Михею съ дѣвочкой зимой, онъ за это помогалъ хозяевамъ кормить скотъ, плелъ лапти или щепалъ лучину; если лѣтомъ—оставался съ ребятами домовничать, пова большіе шли на сѣнокосъ или жниво. Съ теченіемъ времени у него даже образовалось нѣчто въ родѣ пріятства по нѣкоторымъ деревнямъ кой-съ-вѣмъ изъ мужиковъ, гдѣ охотно давали ему пріютъ на нѣсколько ненастныхъ или холодныхъ дней и, провожая, надѣляли на дорогу не кускомъ какимъ-нибудь, а цѣлымъ „мягкимъ“. Но здоровье его становилось все хуже и хуже. Онъ все чаще кашлялъ и стоналъ, все короче дѣлались его дневные переходы, и отъ Святой до той родительской субботы, въ которую онъ, стоя въ Покровскомъ на паперти, окончательно простудился, Малаша не разъ видѣла его въ слезахъ.

— Не плачь, тятъва, не плачь, миленькій! Уждь, тять, въ деревню придемъ, таково ли хорошо на печи выплещься, ничего не заболитъ!—говорила въ такихъ случаяхъ Малаша, сидя гдѣ-нибудь на лѣсной тропинкѣ или на берегу ручья, рядомъ съ отцомъ, и всѣми силами стараясь заглянуть ему въ глаза, чего ей, впрочемъ, почти никогда не удавалось, такъ какъ Михай, чтобы скрыть слезы, упорно отворачивался отъ дочери.

— Скоро ужъ, скоро, звать-то, Малаша, совсѣмъ растанусь я, вотъ что!—говорилъ онъ въ отвѣтъ на ласки дочери.—Хоть бы Богъ привелъ до мамы добратся, не осередь бы дороги помереть, а то какъ, грѣшнымъ дѣломъ, на пустошесыи конецъ застигнуть—бѣда твоя!..

— Еще чего выдумашь,—возражала Малаша въ видѣ утѣшенія.

— Нѣтъ, я ужъ слышу... Очень намъ поспѣшать надо; сколь есть силы-мѣры, надо поторапливаться. Вставай-ка, благословясь!—почти всегда однимъ и тѣмъ же заключалъ Михай такого рода разговоръ, послѣ чего, дѣйствительно, не теряя ни минуты, снимался съ мѣста.

Послѣднее, что помнила Маланья изъ своихъ скитаній съ отцомъ—это ночлежь въ лѣсу. Они шли къ Троицкому дню въ Покровское къ бабушкѣ. Старуха часто ходить не позволяла, но въ большіе праздники всегда принимала, кормила до сыта праздничной поповской стряпней, а иногда такъ и денегъ понемногу давала.

Ну, вотъ они и шли. Но отецъ на этотъ разъ шелъ что-то ужъ очень тихо. Малаша и котому сама несла, что ей было порядочно тяжело, а онъ все оставался назади.

— Чего ты, тятя, больно плохо идешь?—недоумѣвала надъ нимъ Малаша. На этотъ разъ слабость отца была ей совершенно непонятна: прежде, когда онъ такъ страшно кашлялъ, что совсѣмъ, бывало, задохнется, ну, извѣстно, не въ моготу было шибко идти, а тутъ цѣлый день не кашлянулъ ни разу, ногами же ровно нисколь не шевелить. — Все отстаешь сегодня!—отъ усталости какъ бы съ сердцемъ замѣтила Малаша, останавливаясь и поправляя на горбу котому съ кусками.

— Нѣту силы, совсѣмъ нѣту!—хрипло проговорилъ Михай, и въ глазахъ у него засвѣтилось что-то совсѣмъ особенное—точно онъ въ ту минуту всѣмъ существомъ своимъ почувалъ близкій конецъ.

— Нипочемъ мы этакъ не дойдемъ сегодня до Покровскаго; чего ужъ замало ночь на дворѣ!—продолжала Малаша свое.

— Ну-у-у... дойдемъ! До мостика рукой подать, вонъ онъ ужъ виднехочко, а отъ него и двухъ версть до села не будетъ; дойдемъ помаленьку.

— И не ѣдетъ никто, хоть бы подвезли,—проговорила Малаша, глядя въ тотъ и другой конецъ дороги.

— У мостика отдохнемъ малость, поѣдимъ, живо тогда дойдемъ,—попробовалъ Михай утѣшить замѣтно уставшую и недвольную дѣвочку.

Добравшись, наконецъ, до мостика, о которомъ шла рѣчь, они молча сѣли на роздыхъ.

А ночь и вправду уже наступила. По ту и другую сторону дороги стѣнной стоятъ лѣсъ; подъ мостомъ чуть слышно струится вода; тепло, не темно и тихо, тихо.

Малаша прилегла головой на колѣни отца и, чувствуя слабые толчки его руки въ свою голову, не безъ удовольствія думала: „Это онъ котому развязываетъ, сейчасъ ѣсть будемъ“. Но когда котомка уступила, наконецъ, усиліямъ слабыхъ рукъ Михея, Малаша уже спала.

Когда она проснулась, отца подлѣ не было, но Малаша по

опыту знала, что онъ гдѣ-нибудь близко, и въ ожиданіи его возвращенія сповойно осматривалась кругомъ. Надъ небольшою рѣчкой, гдѣ она сидѣла, густо росли молодыя осины и вербы; ихъ блѣдная зелень красиво выступала на темномъ фонѣ хвойнаго лѣса, разстилавагося по противоположному берегу рѣчки на далекое пространство. Малаша слегка трогала ногой кустики крупныхъ незабудокъ, покрывавшихъ кочви чернозема надъ придорожной канавкой, и время отъ времени звала отца.

— Тятя, тятя, гдѣ ты?! — кричала Малаша то громче, то тише.

Солнце еще не взошло и на всѣхъ предметахъ лежали мягкія тѣни; но птицы одна за другой начинали уже просыпаться и съ каждой минутой голоса ихъ становились все многочисленнѣе.

— Тятя-а-а! — крикнула Малаша еще разъ, но въ эту минуту Михай вышелъ изъ-за кустовъ слѣва и торопливо пошелъ по направленію къ ней.

— Новый батожекъ срѣзалъ, — сказалъ онъ ей, показывая только-что облупленную осинovou палку.

Михай также соснулъ и смотрѣлъ бодрѣе и здоровѣе, чѣмъ наканунѣ.

Малаша сразу замѣтила эту перемену въ отцѣ; но когда онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко, она нашла, что глаза у него какіе-то страшные и лицо не то страшное, не то — не его.

Кромѣ палки, Михай принесъ изъ лѣсу еще пучекъ полевой гвоздики.

— Маленькая ты ихъ страсть какъ любила; какъ устанешь шибко, только тѣмъ уговорю тебя, бывало, дальше идти, что аленькихъ цвѣточковъ посулю, — сказалъ онъ, отдавая цвѣты дочери.

Дальше Маланья ничего не помнила. Какъ они пошли снова, какъ въ село вошли, какъ въ церковь ходили — какъ есть ничего. Точно въ туманѣ мелькаетъ передъ ней больной отецъ на поповскихъ палатахъ, потомъ отецъ мертвый, сначала въ поповской избѣ на столѣ, потомъ въ гробу, въ церкви, но все это именно какъ въ туманѣ.

VIII.

Не малаго труда стоило въ свое время Ниловиѣ уговорить о. Ивана и матушку Анисью Ивановну дозволить ей оставить внучку у себя.

— Сотворите божескую милость! Какъ есть круглая сирота. Если вы выгоните на улицу, и мнѣ надо будетъ туда же идти: не пропадать же дѣвочкѣ, какъ собакѣ. Не оставьте, дозвольте!

Вѣкъ вашей милости не забуду. По гробъ жизни рабой вамъ буду!—молила старуха попа и попадью.

— Удивляюсь тебѣ, Ниловна!—возражала матушка:—дѣвочѣ, кажется, и девяти лѣтъ нѣтъ, на чтѣ она годна? Какое дѣло можно ей поручить? А зря всякаго кормить—хлѣба не хватить.

— Да вѣдь круглая сирота...

— Мало ли сиротъ остается! если каждаго пригрѣвать да кормить и поить, такъ свои дѣти по міру пойдутъ.

— Не то что по міру или какъ, а только резона нѣтъ взять,—прервалъ матушку о. Иванъ.—Ежели, къ слову сказать, взять, куда ты ее дѣнешь?

— Здѣсь же, около меня и будетъ.

— Ну, ужъ извини, въ дѣтскую я не позволю. Кто ихъ знаетъ, гдѣ они шатались—еще болѣзнь какую занесетъ или, съ позволенія сказать, вшей.

— Вымыть въ банѣ можно, все чистое надѣну на нее, голову ей наголо остригу—не бойтесь, ничего не будетъ...

— Нѣтъ, ужъ какъ тебѣ угодно, свои дѣти мнѣ дороже.

— Смерть жаль дѣвчонки; такъ сердце кровью и обливается, какъ подумаю о ней; ну, сами посудите, куда она пойдетъ?!

— Какъ не жаль! жаль, не то что тебѣ, а мнѣ, чужому, жаль, но ужъ чего нельзя, такъ нельзя.

— Отецъ Иванъ, не для меня, для Бога!—не унималась Ниловна.

— И не проси.

— Вашимъ дѣточкамъ Богъ вдесятеро воздастъ за сироту. Будьте отецъ родной, не погубите малолѣтца!

— Чтѣ могъ, я сдѣлалъ. Напутствовалъ, похоронилъ, сказалъ, что поминать буду—и буду, чего же тебѣ еще? Съ одного вола двухъ шкуръ не деруть.

— Чистое наказанье! Ей чтѣ ни говори—она свое!—возмушалась матушка.

— Отдай ее въ пѣстуньи куда-нибудь здѣсь же на селѣ—и на глазахъ у тебя будетъ, и при дѣлѣ, не избалуется,—придумалъ о. Иванъ.

— Отчего же, если къ другимъ въ пѣстуньи годится, къ вамъ не годится?—возмутилась, въ свою очередь, и Ниловна.—Вы, Анисья Ивановна, не сколь ужъ мѣста проходите, къ Николину же дню Богъ благословить; а будетъ маленькій, мнѣ за Сочечкой и Павличкомъ одной не углядѣть, какъ вамъ угодно. Понадобится еще человекъ взять, какъ ни бейтесь, и ужъ тогда не вѣзъ-за хлѣба только.

— Такъ не столько и сдѣлаетъ, а за дѣвочкой твоей за самой нянька нужна.

— У меня на глазахъ лучше лучшаго поиграла бы съ дѣтми, а пооглядится немного, можно и въ работѣ приучить: которое зашить, которое надвязать, полъ временемъ 'подтереть, подмести, мало ли что! Ахъ, Боже мой! да ежели бы Богъ вѣку мнѣ далъ, я всему ее обучу и потомъ она такъ за меня у васъ и останется, — продолжала убѣждать Ниловна.

И она одержала, въ концѣ концовъ, побѣду: Малаша была оставлена при ней.

Не одинъ годъ дѣвочка проходила суровую школу въ домѣ о. Ивана, прежде чѣмъ кой-чему выучилась и стала болѣе или менѣе полезной, а потомъ и необходимой. Бродячая жизнь не выработала въ ней привычки ни къ какому усидчивому труду и, кромѣ того, даже самыхъ обыкновенныхъ домашнихъ работъ она совсѣмъ не знала. Она сотни разъ видала, какъ ткуть, прядутъ, ставятъ хлѣбы и т. д., но какъ за все это нужно взяться, никогда не пробовала и потому не умѣла.

Сколько попрековъ прежней нищенской жизнью, даровымъ кускомъ, бестолковостью и разными другими неприятными вещами, сколько обидъ отъ дѣтей, съ которыми играла, тычковъ и потасовокъ отъ бабушки выдержала Малаша за первые годы своей жизни у о. Ивана, она теперь и сама не помнила. Но поначалу ей было страшно тяжело. Проклятыя игрушки вѣчно оказывались разбросанными, носы ребятъ неутертыми, пеленки непрополосканными, пыль дурно стертой и т. д., и т. д. А Малаша такъ старалась всякую работу исполнить, какъ можно лучше! Ей часто казалось, что ея жизнь у попа не что иное, какъ пытка, и она съ тоской вспоминала свое прежнее холодное и голодное, но зато вольное житье.

Потомъ все это прошло; дѣвочка подросла, силъ и снаровки у нея прибавилось и вмѣстѣ съ тѣмъ явилась привычка къ теплу и удовольствію осѣдлой жизни, привязанность къ бабушкѣ и даже къ семьѣ священника.

Только по временамъ, чаще всего въ началѣ весны, когда все принимало какой-то особенно радостный видъ, Маланью не удержиимо начинало тянуть въ лѣсъ, въ поле, вообще на волю. Никто, казалось, ничего не замѣчалъ, а ей все говорило о близкой веснѣ. И небо было совсѣмъ особенное, и вордны каркали на иной ладъ, и коровы мычали именно такъ, какъ онѣ мычатъ только ранней весной. Первая капель съ остреконъ, выпускание куриць на дворъ изъ-подъ клѣти, видъ голыхъ вѣтвей деревьевъ

на фонѣ заснигѣвшаго февральскаго неба, все сильно возбуждало Маланью и снова приводило ей на память скитальческое житье съ отцомъ, такое вольное и разнообразное, трудностей котораго она какъ-то совсѣмъ не помнила, а то, что было въ немъ поражающаго красотой, ширью, мощью и волей, такъ и влекло ее вонъ изъ тѣсныхъ границъ поповскаго хозяйства, замыкавшагося огородомъ.

Начало весны Маланья ходила обыкновенно точно имянинница. Ей всякій день казался какъ бы праздникомъ и каждую самую будничную и прозаическую вещь, хоть то же первое выпусканіе изъ зимняго затвора бурь, она дѣлала съ такимъ умилеиємъ, точно непосредственно участвовала въ таинствѣ обновленія природы. Сколько трогательныхъ словъ, такихъ добрыхъ и такихъ смѣшныхъ на посторонній слухъ, говорила въ это время Маланья и курицамъ, и коровамъ, и даже почернѣвшей дорогѣ—счету нѣтъ! А ужъ когда начиналась работа въ огородѣ, не было человѣка счастливѣе Маланьи; она дневала и ночевала на огородѣ и въ это время работала за двоихъ.

IX.

Вѣроятно, благодаря тѣмъ обѣщаніямъ, которыя надавала Ниловна о. Ивану съ женой, упрашивая ихъ оставить при ней сироту внучку, о. Иванъ и его жена считали Маланью своей полной собственностью. Имъ никогда и въ голову не приходило, чтобы дѣвушка могла ихъ оставить по тому или другому поводу, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ. Маланья была такимъ незамѣнимымъ рычагомъ въ ихъ хозяйствѣ, что невозможно было и представить себѣ хозяйство безъ этого рычага. Она органически сливалась съ поповскимъ обиходомъ—это всѣ въ семьѣ чувствовали и находили такую взаимную связь до того необходимой, цѣлесообразной, для всѣхъ удобной, что когда Ниловна, утромъ на другой день Покрова, сочла нужнымъ сообщить во всеобщее свѣденіе, что внучку ея сватають, она подняла этимъ ужаснѣйшую бурю.

— Ну, такъ! Этого всегда нужно было ожидать. Только такіе дураки, какъ мы съ папашей, могли воображать, что у людей будетъ благодарность... Слава Богу, пригрѣли, обмыли, вырастили, обучили всякой работѣ—какъ не бросить, не уйти?.. Теперь дѣвка всѣмъ нужна стала; всѣ видятъ, что она работница хоть куда; а когда у той же дѣвки вромѣ рта ничего не

было, этого никто не видѣлъ!—неистовымъ голосомъ вопила Анисья Ивановна. Она въ это утро не пила чаю и ни за что не въ состояніи была приняться. Старшія дѣти не смѣли близко и подходить къ ней, а маленькія, обращавшіяся къ матери съ необходимыми просьбами и вопросами, ни за что, ни про что получили по нѣскольку затрецинь.

Ниловна молча и повидимому невозмутимо выслушивала укоры Анисьи Ивановны въ черной неблагодарности. До извѣстной степени она находила грѣвъ Анисьи Ивановны естественнымъ.

„Разумѣется, Малашѣ пора замужъ и какъ ни на есть надо ее устроить, но и батюшкѣ съ матушкой когда же не обидно: поили, въ самомъ дѣлѣ, кормили, думали—вѣчная имъ крѣпостная будетъ, и вдругъ приходится на сторону отпустить, когда не досадно!“ разсуждала Ниловна, ласковѣ обыкновеннаго голубя и уговаривая плакавшихъ отъ матушкиныхъ колотушекъ дѣтей.

Но Маланья отнеслась къ неудовольствію Анисьи Ивановны совершенно иначе. Напоминаніе о томъ, что она всѣмъ обязана исключительно добротѣ о. Ивана и его жены, заставило ее сознаться, что это дѣйствительно такъ и что съ ея стороны уйти на волю и вправду грѣшно будетъ. Поэтому, закачивая въ колыбель маленькаго Лёву, она хотя и пѣла надъ нимъ „Зайнку“, но пѣсня выходила плохо, голосъ Маланьи звучалъ печально и въ немъ слышались слезы.

Анисья Ивановна отлично это видѣла и слышала и пришла къ заключенію, что въ дѣлѣ сватовства сама Маланья не при чемъ, что все это выдумала Ниловна, а если такъ, то бѣду, значить, можно еще поправить.

И вотъ, выждавъ удобную минуту, когда старухи не было подлѣ, Анисья Ивановна обратилась къ Маланьѣ съ такой рѣчью:

— Вотъ ужъ подлинно—сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ!.. Думаешь, сладость какая замужемъ-то? Нѣтъ, это вѣдь не въ гости—осунешь кости.

При первыхъ же словахъ Анисьи Ивановны слезы градомъ полились изъ глазъ Маланьи, и чѣмъ дальше Анисья Ивановна говорила, тѣмъ сильнѣе Маланья рыдала.

— О чемъ же ты реवेशь, я не понимаю? Своя добрая воля, никто силой не толкаетъ, сама идешь,—проговорила попадья, желая вызвать Маланью на объясненіе.

— Не моя, бабушкина воля, бабушка такъ благословила,—могла только выговорить Маланья.

— Она бы тебя, Богъ знаетъ, на чтѣ благословила!.. Ты сама не маленькая, свой-то умъ у тебя на что? Теперь тебѣ,

конечно, приятно, что вот тебя сватаютъ, ну, и все такое, но все это скоро пройдетъ... Гости и та же твоя бабушка хвостъ уберутъ, а бабій хомутъ на тебѣ на вѣки-вѣчные останется.

— Узнать бы хотѣ порядкомъ, что за семья, что за дворъ, а то вдругъ, съ бухты-барахты!—степенно предостерегъ о. Иванъ, остановившись въ дверяхъ сосѣдней комнаты, гдѣ до этого онъ молча ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Разумѣется,—подтвердила попадья.

— Въ лицо Аксѣна я знаю и что семья невелика, тоже помню, а насчетъ состоятельности вѣрно сказать не могу. Не очень справны, сдастся,—продолжалъ о. Иванъ.

— Если бы справны были, такъ не ее бы и сватали,—язвительно проговорила Анисья Ивановна.

— Тогда не стоить,—порѣшилъ о. Иванъ и посовѣтовалъ Маланьѣ наплевать на жениха.

— Я бы радостью рада не идти, да развѣ я большая!—говорила Маланья, плача.

— Ну, это ты глупо рассуждаешь. Ты забыла, какъ голодала? А если еще дѣти пойдутъ? Я вотъ и въ довольствѣ, и въ холѣ живу, да частыя-то дѣти все здоровье изъ меня высосали, а ужъ въ простомъ быту, да при бѣдности—это чистое наказание! И то надо взять въ расчетъ, что настоящей крестьянской работы ты совсѣмъ не знаешь,—замѣчательно логично и долго убеждала Анисья Ивановна Маланью, и когда кончила, лицо Маланьи превратилось отъ слезъ въ сплошную красную опухоль, положительно неприятную на самый нетребовательный взглядъ.

Ниловна такъ и ахнула, увидавъ, во что въ какой-нибудь часъ превратилось миловидное лицо Малаши.

— Вотъ безумная-то! Этакъ вѣдь ты себя изуродовала—взглянуть страшно!.. Ступай, умойся студеной водой, да обрядись, растрепанная!—бранилась Ниловна.

Х.

Студеная вода Маланьѣ почти не помогла; ея лицо оставалось все въ тѣхъ же красныхъ пятнахъ; смѣлые, прежде ясные и веселые глаза продолжали смотрѣть изъ-подъ опухшихъ вѣкъ недовольно и тупо, и Ниловна не на шутку боялась, чтобы внучку у нея не забраковали. И ее забраковали бы непременно, если бы Ивана женили по его волѣ и для него самого, а не изъ чисто хозяйственныхъ соображеній.

„И съ чего только вчера она мнѣ кралей писаной показалась, понять невозможно!“ — раздумывалъ Иванъ надъ невѣстой, обносившей ихъ пряниками и орѣхами; ни одной хоть сколько-нибудь пріятной черты онъ не находилъ въ ней сегодня.

Почти то же самое, глядя на Маланью, думали и Аксѣнъ съ Захаровной.

Ниловна была сама не своя. По ея мнѣнію, Маланья еще ни разу въ жизни не была такъ некрасива, не смотрѣла такою „потѣмой“ и даже послѣ самыхъ сильныхъ потасовокъ не молчала такъ упорно, какъ теперь.

„Медвѣдица, больше ничего“, съ тревогой и огорченіемъ думала старуха и употребляла всѣ силы, чтобы отвлечь вниманіе жениха и сватовъ отъ своей такъ похожей на медвѣдицу внучки.

— Значить, теперь такое ужъ у васъ рѣшеніе, чтобы городъ окончательно оставить и жить постоянно на землѣ, при своемъ крестьянскомъ дѣлѣ? — обратилась она, между прочимъ, къ Ивану.

Неизвѣстно почему, этотъ вопросъ показался Ивану крайне обиднымъ.

— Гдѣ окажетъ сподручїе, тамъ и будемъ жить, — высокомерно и холодно отвѣтилъ онъ, не глядя на Ниловну.

— Нѣтъ, шалишь, малый, погулялъ — будетъ! — осадилъ Аксѣнъ сына.

— Ужъ ежели Богъ благословитъ — женимъ, когда же что не дома, Боже упаси, чтобы не дома, — самымъ положительнымъ тономъ заявила и Захаровна.

— Гдѣ будетъ сподручїе, — глядя въ потолокъ, совсѣмъ жестко, почти враждебно повторилъ Иванъ свой прежній отвѣтъ.

— Нешто отъ молодой жены въ отходъ уйдете? — мягко продолжала спрашивать Ниловна.

— Глядя по привѣту... — съ явнымъ намекомъ на суровость невѣсты отвѣтилъ на это Иванъ.

Ниловна принялась рассказывать о своемъ собственномъ замужествѣ, о томъ, какъ она „вотъ такъ же сидѣла, не смѣя глазъ поднять, вся дрожала и думала, что кабы только смѣла, такъ бы вскочила и убѣжала, до того и страшно, и стыдно было“.

— А потомъ жили съ мужемъ душа въ душу; не много-не мало тридцать-два года вмѣстѣ прожили, а я щелчка отъ него, покойника, не видала, душой не назывывалъ, дай Богъ царство небесное! — закончила Ниловна, и ея рѣчь, плавная и вроткая, значительно смягчила сердца.

Аксѣнъ и Захаровна припомнили, какъ они женились. А тамъ и поповскій работникъ Азарь вступилъ въ разговоръ и при-

вель нѣскольکو случаевъ сватовства, насмѣшившихъ присутствующихъ до слезъ. Особенно много смѣялись тому, какъ одна невѣста, не желая выходить за того, кому ее казали, немилосердно косила глаза. „На насъ, на всѣхъ смотреть—ну дѣвка какъ дѣвка, оба глазка глядятъ ладно и весело, а обернется къ жениху — рожа рожей, съ души такъ и воротить, къ самому носу глядѣльцы-то уведеть и сидить такъ, ровно такъ родилась“, — говорилъ Азарь.

— Ну, и что же? — спрашивали его.

— Посомнѣвался женихъ-то, не взять.

Мало-по-малу разговоръ сдѣлался общимъ и оживленнымъ и дальше уже ничего не стоило окончательно ударить по рукамъ, помолиться Богу и выпить вина за благополучное окончаніе начатаго дѣла.

Маланья послѣдней поднялась съ лавки, но она молилась съ замѣчательнымъ усердіемъ и искренностью, и когда бабушка приказала ей поцѣловать жениха и подарить его платкомъ, она исполнила это требованіе свободно, какъ сдѣлала бы это въ томъ случаѣ, еслибы шла замужъ по собственному выбору.

У Маланьи роль была подчиненная, нравъ кроткій, сердце доброе, но въ то же время у нея былъ чрезвычайно сильный характеръ, особенная стойкость въ терпѣніи, и теперь, когда съ молитвой, по ея мнѣнію, все было кончено безповоротно, — она твердо приняла неизбѣжное. Правда, неестественная напряженность взгляда, нервныя морщинки по угламъ рта и слегка раздутыя ноздри выдавали ея волненіе, но для борьбы не было больше мѣста и внутреннее кипѣніе не прорывалось наружу. Напротивъ, она чутко слѣдила за ходомъ угощенія и разговоровъ, и если кого изъ присутствующихъ нужно было попросить закусить или выпить, любезно просила; если же гости, въ свою очередь, обращались къ ней съ просьбой подсластить, она, не колеблясь, поворачивала голову въ сторону жениха и покорно принимала поцѣлуй.

Тѣмъ же менѣе, когда „сваты“ ушли, у нея точно гора съ плечъ свалилась. Но окончательно она пришла въ себя только тогда, какъ набрала въ комнатахъ грязнаго бѣлья видимо-невидимо, и, чтобы наверстать потраченное на смотрины и рукобитье время, принялась спѣшно стирать его.

Привычная обстановка, корыто, мыльная вода, всѣ эти шайки и тряпки, безъ которыхъ не обходится никакая стирка, наконецъ съ будничнымъ нарядъ, въ которомъ чувствовалось такъ свободно, подѣйствовали на душу Маланьи самымъ успокоивающимъ обра-

зомъ. Она опять стала сама собой—смышленной и усердной работницей.

Къ ночи, когда руки ея были состираны до крови, спину и плечи ломило отъ устатка, а въ душѣ радостно трепетало сознание, что весь громадный ворохъ бѣлья выстиранъ и сложенъ въ бувъ, несмотря на то, что стирка началась уже послѣ обѣда, Маланья показало, что сватовство ея не больше какъ сонъ. Оно отошло какъ-то совсѣмъ на задній планъ. Но, разумѣется, это продолжалось недолго. На другой же день, по одному неприязненному отношенію къ ней хозяйской семьи, она сразу почувствовала, что теперь она не что иное, какъ „отрѣзанный ломоть“. Съ мала до велика всѣ отъ нея сторонились, точно сердились за что. Кромѣ того, придя съ бѣльемъ на рѣку, она встрѣтила тамъ нѣсколькихъ женщинъ, пришедшихъ также полоскать бѣлье, и ихъ разспросы снова напомнили ей, что она невѣста.

Едва только бабы, бывшія на плоту, завидѣли Маланью, онѣ на перерывъ закричали ей:

— Правда, Маланья, пропили тебя вѣчдръ?

— Правда, — тихо отозвалась Маланья.

— Что, когда, невесела?

— А чего мнѣ веселиться-то. Пустите-ка меня на мостикъ-то, пустите, молъ, что-ли, моченьки моей нѣтъ! Неохота было два раза на рѣку бѣжать, понавѣшала все, что было, да чуть и допятила...—проговорила Маланья, переднимъ концомъ коромысла отстраняя ближе стоящихъ къ ней бабъ.

Маланья жила въ Покровскомъ больше двѣнадцати лѣтъ и ее на селѣ всѣ знали. Ей сейчасъ же помогли снять коромысло, но затѣмъ снова обратились къ ней съ вопросами.

— Нѣтъ, ты невесела. И не говори—невесела!—участливо качая головой, обратилась къ ней молодая, пригожая дѣвушка.

— Не плясать мнѣ...—промолвила Маланья.

— Развѣ силой выдають?—продолжала та спрашивать.

— Кто меня силой выдавать станеть?..

— Куда же пропилаась?

— Въ Лобановшину.

— Къ кому тамъ?

— Къ Бушуеву Аксѣну, за сына.

— Ну-у, такъ. Только вѣдь у нихъ сынъ-то который ужъ годъ въ городу у булочника живетъ; — развѣ дома утвердиться хочеть?

— Да ужъ надо быть, что дома.

— Такъ вотъ ты куда—къ Лобанамъ, въ Аксѣнову семью!

Кто вамъ про нихъ нахвасталъ? Ранѣе, точно, не худо жили, что говорить, ну, а нонѣ замало не побираются, житье самое послѣднее; доведись до меня, ни въ жизнь бы не пошла, легче въ петлю!—заявила Маланьѣ все та же дѣвушка.

— Охъ, Анка, все-то ты про всѣхъ знаешь!—неодобрительно замѣтили бабы.

— Сами-то будто справно живете, — сочла своею обязанностию вступить за жениха Маланья.

— Никуда не дѣнешься,—извѣстно, несправно, такъ ужъ это такъ Богъ далъ; а чтобы самой въ голь идти—Боже упаси!

— Ужъ это истинно, не приведи Создатель!—подтвердила худая, на видъ нездоровая, дрожавшая на вѣтру молодухна. — Что я теперь и есть!.. А въ дѣвкахъ, этакъ же, ядреная-преядреная была. Сегодня не доѣшь да завтра не допьешь—бѣда! Да еще тутъ же ребята навязались, не въ кою пору натаскала я ихъ четыре человѣка. Ночью, то къ одному встанешь, то къ другому; иной разъ глазъ съ глазомъ не сойдется, а не выспишься, днемъ въ работѣ совсѣмъ подспѣши нѣтъ. Думаютъ, я лѣнива. Мужикъ, на болѣсть, нравный, все хлестъ да хлестъ—легче бы умереть, передъ Богомъ!—жалобно повѣствовала загнанная нуждой женщина.

— Не все на одну стать,—отозвалась на ея сѣтованія Маланья.

— Ой, смотри, дѣвка, все одинъ чортъ, все не сладко!..—вмѣшалась въ разговор низенькая, чернобровая, черезъ-чуръ уже какъ-то бойкая бабенка.

— Ужъ какая, прости Богъ, сладость! не глядѣли бы глаза!—подакнула ей тщедушная баба.

— Всего три годочика жила я, дѣвоньки, замужемъ, а такъ то ли зубы набило, страсть! Осталась отъ покойника что тебѣ травочка, и отъ сватовъ потомъ отбою не было,—ну, только озолоти меня теперь, къ слову сказать, съ ногъ до головы и хотъ въ какой богатый-разбогатый домъ сватай, не пойду! Спаси, Матерь Божья!—увѣряла бойкая бабенка.

— Если въ богатый домъ, такъ отчего не идти? вѣдь ты еще молодая!—простодушно замѣтила больная молодухна.

— Наплевалъ бы! Пропади они пропадомъ, эти мужики, смерть я ихъ не люблю!.. Больно нужно!.. То ли теперь дѣло: живу на всей своей волѣ, ни за мной, ни передо мной, какъ хочу, такъ и ворочу,—хвасталась своей независимостью вдова.

— А ты, Степанишна, погоди маленько хвалиться-то; надо, чтобы люди похвалили, а то сама!—остановила ее дѣвушка.

— Самой мнѣ лучше про себя знать,—уже далеко не такъ увѣренно, какъ сначала, отстаивала свою вдовью вольность шустрая бабенка.

— Можетъ, другіе-то скажутъ, лучше хоть въ Авсѣнову семью идти, чѣмъ по твоему,—не унималась дѣвушка, благодаря сосѣдству съ Степанишной знавшая очень хорошо, что та живетъ далеко не по-вдови.

— Ужъ отсохнетъ же когда-нибудь, Анка, твой долгій языкъ, помани ты мое слово, отсохнетъ!—пророчески прорекла обиженная вдова.

Анка звонко захохотала.

— Отважись, ну, ихъ къ яду! Не обвиняны, отчего не отказаться, коли у нихъ собаки выкливать нечѣмъ,—стараясь не обращать больше на Анку вниманія, заговорила Степанишна съ Маланьей снова.

— Чтѣ ужъ теперь говорить, это вѣдь не въ игрушки играть, мы Богу молились и все какъ должно,—возразила Маланья.

— И то сказать, выборомъ не выберешь, батюшка у меня сколь тоже рылся въ женихахъ, да вишь въ какой садъ посадилъ!—вдохнула молодушка, уходя съ плота.

— И чего тебѣ мало стало? сыта, одѣта, не бита!—смотря въ упоръ на Маланью, укоризненно спрашивала Анка.

— И въ людяхъ жить не сколь сладко, ну, и бабушкина воля. Она меня вспоила, вскормила, какъ же бы я ее не послушала?—спрашивала Маланья, серьезно оглядывая присутствующихъ.

Вдова и Анка молчали.

— Я, бабушка-то говорить,—продолжала Маланья,—и на томъ свѣтѣ не буду знать покоя, ежели тебя дѣвкой оставлю; иди, говорить, замужь, вотъ тебѣ мое благословеніе, больше ничего.

— Ну, если такъ, извѣстно, пойдешь,—согласилась Анка.

Маланья принялась полоскать бѣлье; Анка вызвалась помогать ей, но дальше онѣ работали уже молча; только когда все было кончено и пора было уходить, Анка тихо проговорила:—Больно мнѣ жалко тебя, Малаша!

— Люди же и замужемъ живутъ, и въ бѣдности тоже люди живутъ; буду какъ ни на есть стараться, Богъ милостивъ!—проговорила Маланья, съ трудомъ поднимая на плечи коромысло съ бѣльемъ и направляясь отъ рѣки по песчаному, обсыпающемуся обрыву въ гору. И какъ она говорила, такъ и думала: ее всю проникала сознательная рѣшимость въ ея новой жизни безропотно терпѣть и изо всѣхъ силъ трудиться.

XI.

Ничего не можетъ быть непрятнѣе ѣзды по мерзлой осенней дорогѣ, когда глубокая, долго стоявшая грязь слишкомъ быстро, иногда въ одну ночь, крѣпко замерзаетъ: колеи совсѣмъ не оказываются, и экипажъ, какой бы прочности онъ ни былъ, каждую минуту грозитъ сломаться или, по крайней мѣрѣ, перевернуться вверхъ колесами. А если еще при этомъ дуетъ холодный вѣтеръ и бьетъ прямо въ лицо сухимъ, мелкимъ, какъ иглы колющимъ снѣгомъ, то положеніе путниковъ становится просто нестерпимымъ.

Именно по такой невозможной дорогѣ и подъ такимъ вѣтромъ со снѣгомъ отправились Аксѣнъ съ сыномъ въ городъ для расчета съ хозяиномъ булочной, гдѣ служилъ Иванъ. Они выѣхали очень рано, еще до свѣта, и до Покровскаго добрались довольно скоро, такъ какъ тутъ, благодаря недавней армаркѣ, дорогу сильно закатали и двигаться по ней было сравнительно легко; но какъ только миновали село и повернули съ проселка на трактъ, такъ и началась муза-мученская. Пробовалъ Аксѣнъ брать то правѣе, то лѣвѣе, перебирался и на самую середину дороги—все равно, вездѣ вочка на вочкѣ, куда ни сворачивай, ходу лошади нѣтъ нисколько и безостановочное нырянье съ ухаба на ухабъ готово всю душу вытрясти.

— Стой, парень! легче же я пѣшкомъ пойду,—проговорилъ Аксѣнъ, потерявши терпѣніе, и вышелъ изъ тарантасика.

— Одинъ чортъ на дьяволъ! — сердито проворчалъ Иванъ, сдвигаясь на середину. Онъ начиналъ забыть не на шутку и потому чувствовалъ себя какъ нельзя хуже. Кромѣ того, предстоящее объясненіе съ хозяиномъ, а потомъ и съ Сусанной не выходило у него изъ головы. „Ужъ давно караулить, поди, около булочной“, думалъ Иванъ о Сусаннѣ.

— Э-э-э!.. куда воротись?.. Но-о!.. — поощрялъ Аксѣнъ гвѣдка, придерживаясь лѣвой рукой за возлы и какъ бы помогая лошади тащить тарантасикъ.

— Напрасно пѣшкомъ не пошли; тутъ заколѣешь отъ одного отъ вѣтру. Стой, не то вылѣзу и я!—проговорилъ Иванъ, спустя еще нѣкоторое время.

Они пошли съ отцомъ рядомъ и долго оба молчали.

— Экое пустошесье! куда ни оглянись—хоть бы вусточекъ гдѣ. И когда только исперевели весь лѣсъ? Первые годы, какъ началъ я жить въ городу, сколько еще его было, а теперъ на-

кося!—съ сожалѣніемъ выговорилъ Иванъ, осматриваясь кругомъ. Онъ начиналъ дрожать отъ стужи и по-неволѣ вспомнилъ объ исчезнувшемъ лѣсѣ, подъ защитой котораго никогда и въ вѣтеръ не было бы такъ жутко, какъ среди открытыхъ отовсюду полей.

— Все кирпичи,—замѣтилъ Аксѣнь.

— Больше пароходы, нужно полагать; кирпичу много и надо, а пароходъ жреть страсть помногу, чистая пасть!—далъ Иванъ свое объясненіе.

— И пароходы... У Харюшати вотъ еще прошлагоды цѣлая палестина лѣсу была, а погляди-ка теперь, гдѣ онъ? признаку даже нѣтъ!—указывая кнутовищемъ вправо передъ собой, неодобрительно произнесъ Аксѣнь.

— Какъ они потомъ-то будутъ?—спросилъ Иванъ.

— А вотъ и будутъ...—махнулъ Аксѣнь своимъ кнутовищемъ на ту и другую сторону дороги, гдѣ по краямъ вмѣсто еще недавно кудрявыхъ и совершенно здоровыхъ березъ, росшихъ въ два ряда, почти сплошь стояли или пни, или на половину обрубленные деревья.

— Ахъ, анаемы!

— Нѣтъ, мы такъ на этотъ счетъ крѣпки, вся волость. Кабы захотѣть, и у насъ въ одно лѣто пня бы тоже не осталось,—ну, только страшно безъ лѣсу-то; всяко бьемся, а лѣсу жалко...

Аксѣнь замолчалъ. Ему подумалось, что еслибы не угораздило его вмѣстѣ съ другими однообщественниками подписать приговоръ, по которому онъ обязывался не расхищать свой лѣсной надѣльный участокъ, то гнѣда можно было бы сохранить для себя, а не продавать, и это отняло у него всякую охоту продолжать разговоръ.

Только къ обѣду на слѣдующій день добрались они до города.

Хотя Сусанна около булочной и не караулила Ивана, но товарищи-разносчики, едва успѣлъ онъ переступить порогъ, тотчасъ сообщили ему, что она уже разъ десять навѣдывалась.

— Чего ее взяло, дьявола? Нечего дѣлать-то, подлой, такъ шляется,—по наружности сердито проговорилъ на это Иванъ, но въ душѣ онъ былъ очень радъ нетерпѣнію Сусанны, и еслибы воля, сейчасъ же отправился бы къ ней. Однако, онъ очень хорошо понималъ, что прежде всего необходимо покончить съ хозяйномъ, и какъ только поостогрѣлся немного, первымъ дѣломъ пошелъ наверхъ.

Сначала ему сказали, что Карлъ Иванычъ спитъ, потомъ—что у него гости, и только позднимъ вечеромъ удалось ему, наконецъ, увидать хозяина.

У Ивана не разъ случались очень крупныя недочеты въ выручкѣ, иногда вдвое большіе противъ того, какой числился на немъ теперь; не разъ также онъ попадался хозяину на глаза мертвецки пьяный, но никогда еще до этихъ поръ Карлъ Иванычъ не гнѣвался на него такъ сильно, какъ въ ту минуту, когда Иванъ выразилъ желаніе рассчитаться, сказалъ, почему это необходимо, и заявилъ, что пріѣхалъ вмѣстѣ съ отцомъ, который уплатить весь его долгъ немедленно.

Карлъ Иванычъ побагровѣлъ и такъ затопалъ ногами, что Иванъ поспѣшилъ уйти и объясняться съ нѣмцемъ послалъ отца.

Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что Карлу Иванычу пришлось удовольствоваться 32 р. 45 к., которые причитались съ Ивана, а разносчика, „отлично знающаго самолучшія мѣста въ городѣ“, отпустить домой, но чтобы хоть на чемъ-нибудь сорвать сердце, онъ приказалъ гнать Ивана со двора вмѣстѣ съ отцомъ въ ту же минуту.

— Чтобы и духомъ ихъ не пахло!—нѣсколько разъ повторилъ Карлъ Иванычъ мальчику, котораго послалъ съ этимъ распоряженіемъ внизъ на кухню.

— Куда же мы теперь пойдѣмъ, глядя на ночь?—недоумѣвалъ Аксѣнъ.

— Куда ни на есть, а надо; ступай, запрягай, а я той порой хламъ соберу... Иди, чего ты?—говорилъ Иванъ недвигавшемуся съ лавки Аксѣну.

Аксѣнъ смотрѣлъ на него и молча, про себя, усмѣхался.

— Да чего ты, въ самъ-дѣлъ?—съ явной досадою спросилъ у него Иванъ.

— А я думаю, онъ это такъ только, въ сердцахъ покричалъ; поди, простылъ ужъ,—все улыбаясь, отозвался Аксѣнъ, продолжая спокойно сидѣть на своемъ мѣстѣ.

Иванъ плюнулъ.

— Вотъ какое ваше деревенское обыкновеніе: пришелъ и раскисъ, а того не знаешь, что здѣсь, такъ-не-такъ, тебя, очень просто, сейчасъ въ чижовку. По какому праву лошадь поставилъ, самъ разсѣлся и думаешь ночевать, ежели хозяинъ не желаетъ?..

— Унесу я у него мѣста-то, песь бы его взялъ, что-ли?—разсердился, наконецъ, и Аксѣнъ, но всталъ и пошелъ къ лошади.

— Я вѣдь къ Сусанинѣ думаю,—обратился Иванъ къ рабочимъ, бывшимъ въ кухнѣ, когда отецъ вышелъ.

— Вали!—одобрили тѣ.

— Микишъ! сбѣгай къ ней, сдѣлай милость, все обсуди и чтобы не выла при отцѣ, будто промежъ насъ ничего нѣтъ;

скажи: „онъ, моль, какъ только отецъ заснетъ, все самъ тебѣ расскажетъ, чтобы не сомнѣвалась“; сбѣгай, сдѣлай милость, а тебѣ жилетку синюю за это отдамъ!—попросилъ Иванъ одного изъ парней.

Тотъ съ удовольствіемъ согласился и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать въ слободку, гдѣ жила Сусанна, нанимавшая уголь у другой замужней зырянки, тѣмъ только и существовавшей, что у нея имѣлъ временныя квартиры разный плющій народъ, въ родѣ кухарокъ, оставшихся безъ мѣста, кучеровъ, прачекъ и т. п. Сюда же приходили для свиданій мужья и жены, жившіе въ услуженіи въ разныхъ домахъ, а также и люди, подобные Ивану съ Сусанной. Кто платилъ хозяйкѣ помѣсячно, выговаривая себѣ извѣстные дни или часы въ недѣлѣ, кто за каждое посѣщеніе отдѣльно, и несмотря на то, что квартирная плата вообще была грошовая, Марѳа, хозяйка, зырянка, жила безбѣдно и даже копила деньги. Въ низенькой, полуразвалившейся избѣнкѣ ея, стоявшей на выѣздѣ города и чуть не на половину вросшей въ землю, народу на этотъ разъ было немного. Кромѣ Сусанны, еще только какой-то солдатъ съ женой, недавно пріѣхавшей къ нему изъ деревни, сидѣли на сундукѣ около двери въ хозяйскую комнату, да мальчишка-крендельщикъ, прогнанный своимъ хозяиномъ въ этотъ вечеръ, ворочался на палатахъ съ боку на бокъ, поминутно вздыхая и приговаривая: „ахъ, ты, Господи!“

Едва успѣлъ Мивыша „все обсказать“, какъ Аксѣнъ съ Ивановъ уже вѣхали во дворъ Марѳы. Сусанна „не выла“, но она вся дрожала и была бѣлѣ снѣга. Чтобы не выдать себя при появленіи отца Ивана, она вышла въ сѣни, намѣреваясь такъ или иначе дать знать Ивану незамѣтно для старика, что она тутъ.

— Стой!—едва слышнымъ шопотомъ проговорила Сусанна въ темныхъ сѣняхъ надъ самымъ ухомъ Ивана, когда тотъ вслѣдъ за отцомъ хотѣлъ-было войти въ избу, и изо всей силы обняла его шею обѣими руками, крѣпко прижавшись къ нему всѣмъ тѣломъ.

— Это ты... Ну, здравствуй!..—виновато выговорилъ Иванъ и хотѣлъ-было поцѣловать Сусанну, но она точно застыла, не говорила и не двигалась.

— Сусанна! Ежели вѣришь сколь-нибудь Богу, повѣрь и мнѣ! Неужели бы я своей волей пошелъ въ деревню? Развѣ мнѣ радость казая будетъ дома-то? Вѣдь на голодномъ кускѣ сидѣть доведется изо дня въ день. Чтобы насчетъ чаю, хоть въ праздникъ—и не думай!.. А работа-то? Я теперь ото всего деревенскаго отвыкъ, вѣдь мнѣ домашнее-то житье самому ножъ вострый,

да развѣ моя воля? Кабы моя-то воля, бросилъ ли бы я тебя, ты подумай! Когда я тебя обижалъ, когда на кого другого поглядѣлъ? Не дѣлилъ ли я съ тобой каждый грошъ, каждый кусокъ? Можетъ, о томъ только и думалъ... да ужъ такое видно мое несчастіе,—говорилъ Иванъ сначала только жалобно, а потомъ прямо плача, и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, зло противъ него стихало въ душѣ Сусанны все сильнѣе. Въмѣсто того, чтобы осыпать его упреками, проклясть, погрозить удавиться, какъ хотѣлось ей въ первую минуту, она почувствовала неотразимое желаніе приласкать и утѣшить Ивана, насколько это возможно.

— Не реви, не реви мнѣ сердца! Ну, не реви!—могла только сказать она, и вся теплота чувства, вся страстность, на какую способна была эта взбалмошная и уже очень испорченная, но къ Ивану вполне искренно привязанная дѣвушка, вернулась къ ней снова.

— Иванъ, а, Иванъ!—крикнулъ Алексѣй изъ избы, пріотворивъ дверь.

— Иду, иду... здѣсь я,—отозвался Иванъ.

Дверь затворилась.

— Не забывай, слышишь? Во вѣки не забывай!—шептала Сусанна.

— Само собой... А ты не поминай лихо! Не я иду отъ тебя, горе мое идетъ,—проговорилъ Иванъ, противъ воли освобождаясь изъ объятій Сусанны, казавшейся ему теперь еще болѣе близкой и необходимой, чѣмъ прежде.

— Вотъ ты завѣрялъ, что дешевая квартира, а хозяйка ни за что пятакъ требуетъ,—встрѣтилъ Алексѣй сына, стоя у стола и разглядывая передъ низенькой жестяной лампочкой мѣдяки, лежавшіе на его ладони.

— Ни за что просить не будетъ, — равнодушно замѣтилъ Иванъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Ай, и скупъ же твой батька, Алексѣичъ, не въ тебя онъ, такъ и дрожить надъ расплатой, совсѣмъ не въ тебя,—замѣтила Марѣя, придвигая къ Ивану деревянную чашку съ квасомъ, въ которомъ плавали мелко искрошенные листья вапусты.

— Кабы я зналъ, что ты такъ сдерешь, ни въ жизнь бы не сталъ хлебать твоей вапусты,—набравши въ своей мѣдницѣ пятакъ и намѣреваясь отдать его Марѣѣ, ворчалъ Алексѣй.

— Э, какой ты! Я тебѣ цѣлую пластину вапусты принесла, квасу,—квасъ у насъ хорошій,—а ты споришь.

— Какъ мнѣ не спорить, когда дорого?—говорилъ Алексѣй, все еще не выпуская денегъ изъ рукъ.

— Въ городѣ, то и дорого, —разсмѣялась хозяйка: — да ужь давай, давай знай, не трясись, я тебѣ пятака не прощу, не жди! — прибавила она со смѣхомъ и проворно выдернула монеты изъ пальцевъ Аксѣна.

— Ну, и ловкій же народъ: мигнуть не успѣешь, всего тебя обчистятъ! — смущенно, разведя врозь руки, выговорилъ на это Аксѣнъ.

— Ты пустяковъ не болтай! Что ты, дуракъ, лучше себя порочишь! — обидѣлась Марѳа: — я даромъ всякаго кормить буду, что-ли? Здѣсь не ваша деревня; у насъ все съ купли, каждая малость — на что вода, и ту покупаемъ, — а ему дорого!.. Сколько народу пристаешь, никто не спорить, ты первый, — продолжала Марѳа, разгорячившись не на шутку.

Аксѣнъ счелъ за лучшее не отвѣчать и, поднавшись на печь, скоро заснулъ непробуднымъ сномъ. Марѳа поворчала еще немного, пока прибирала посуду, потомъ загасила лампочку и ушла къ себѣ въ боковушку. Тогда прилегшій-было на лавку Иванъ неслышно всталъ и вышелъ на улицу въ надеждѣ встрѣтить тамъ Сусанну, которая обѣщала ждать его на крыльцѣ, пока не заснетъ отецъ.

— Вся ты, поди, простыла?.. Ахъ, ужь и горе же наше только! — вздохнулъ Иванъ, обнимая дѣвушку.

— Я озябла? Нѣтъ, Ванюшка, я не озябла! Мнѣ что есть жарко. На, выпей, согрѣешься и ты. Поъемъ, погуляемъ еще въ послѣдніе! Пей, Ванюшка, пей, миленькій, конецъ нашъ пришелъ, пей! — съ пьянымъ задоромъ, то плача, то смѣясь, говорила Сусанна, приставляя бутылку съ малиновой наливкой, на половину уже опорожненную ею, къ губамъ Ивана.

— Гдѣ ты это наливку взяла? — удивился Иванъ.

Сусанна неприятно захохотала.

— О-о! Ты думаешь, я такъ безъ тебя и пропала? Какъ бы не такъ! — сказала она вызывающимъ тономъ, но, замѣтивъ, что Иванъ отстраняетъ бутылку, сейчасъ же прибавила: — пей, глупый, я кумачевый сарафанъ въ кабакѣ заложила. У меня и еще цѣлый рубль, пей! Уйдешь, все съ себя сложу, все пропью! Ты думаешь, я плавать по тебѣ буду? Не буду, не дожидайся! — на разные лады твердила Сусанна, но она горько плакала. Плакала и Иванъ.

Во всѣхъ церквахъ звонили къ обѣднѣ; по улицамъ взадъ и впередъ шла масса народу, кто на базаръ, кто въ школу, кто на службу, когда Аксѣнъ съ Иваномъ, закупивъ на оставшіяся

отъ расплаты съ Карломъ Ивановичемъ деньги все необходимое къ свадьбѣ, выѣхали утромъ слѣдующаго дня за черту города.

— Тпру-у!..—остановилъ Авсѣнъ лошадь, едва миновали они послѣдній городской домъ. Онъ снялъ шапку и со вздохомъ облегченія перекрестился нѣсколько разъ, обернувшись на городскія церкви.

— Развязалъ Богъ-Батюшка!—выговорилъ онъ съ чувствомъ, выдавая волновавшія его мысли:—всего гнѣдка оставилъ въ городу... Теперь только чтѣ у Тита Андронича осталось, на то и приходится свадьбу играть. И ладно, что въ тотъ разъ послѣднихъ 20 р. не довзаль—все бы спустилъ, будь ты проклято, а теперь есть хоть чтѣ попу отдать,—разсуждалъ Авсѣнъ самъ съ собой, трогая лошадку снова.

Иванъ ни однимъ словомъ не отоввался на рѣчи отца; разлука съ Сусанной и бессонная ночь привели его въ какое-то безконечно тупое состояніе, и онъ очень скоро заснулъ какъ убитый.

ХІІ.

Такъ какъ Маланья выходила замужъ не изъ родительскаго дома и даже не отъ родныхъ, то большая часть обычныхъ предсвадебныхъ обрядовъ и церемоній была упущена. Между прочимъ, не было и дѣвичника, въ великому огорченію Анки и другихъ сельскихъ дѣвушекъ.

— Кабы мы знали такую твою совѣсть, и на игрища о Рождествѣ не пускали бы тебя,—говорили Маланьѣ немногія подруги.

Она раздала имъ всѣ свои косники, но они продолжали быть недовольными, говоря, что имъ не „срыву“ съ нея нужно, а погѣть и поиграть хотѣлось.

— Не приказалъ о. Иванъ дѣвичника, чтѣ съ нимъ сдѣлаешь... На свадьбу день далъ, а больше не могла упросить—ужъ вы на насъ не обижайтесь, дѣвушки; въ свадьбу идите; за это ужъ свадьбу вдвойнѣ отведемъ,—говорила Ниловна, и сколько Захаровна ни упрашивала ее не изъясниться понапрасну, сколько ни урезонивала, что невѣсту, по ея сиротству, и „изъ-за третьей ласты“ они безо всякой обиды уведутъ, Ниловна ничего не хотѣла слушать и столъ невѣствъ изготовила такой, что и у зажиточныхъ семей рѣдко лучше встрѣчается.

Поездъ долженъ былъ пріѣхать утромъ; поэтому дѣвушки рано нарядили Маланью въ подѣвичный нарядъ и усадили къ

залавку, за занавѣску, нарочно для этого только-что подвѣшенную.

— Не шибко запоясывай, понадобится поясъ-то жениховъ наложить,—остановила Анку, затягивавшую на Маланьѣ тканый полковый поясокъ, высокая степенная баба, назначенная быть погонихой. Это была жена работника Авара.

— Ту же красивѣе,—возразила Анка съ свойственной ей неподатливостью и изъ духа противорѣчія нѣсколько еще сильнѣе стянула концы пояса.

Мужики, бабы, дѣвушки, парни, одинъ за другимъ, входили въ поповскую избу поглядѣть на происходившія тамъ приготовленія къ столованію, на невѣсту, если удастся, посудить, порядить. Около двери въ комнаты стояли дѣти о. Ивана, просвирина и дѣти дьякона. Нѣсколько разъ сама Анисья Ивановна показывалась у дверей и мимоходомъ дѣлала то или другое указаніе Маланьѣ или Ниловиѣ. Скоро народу набралось столько, что и повернуться стало негдѣ.

Когда звонъ колокольчиковъ свадебнаго поѣзда донесся съ конца улицы и оглушительные голоса ребятишекъ подъ окнами пронзительно закричали: „женихъ! свадьба! ѣдутъ, ѣдутъ!“ и т. д., напряженное ожиданіе бывшихъ въ избѣ разразилось усиленнымъ говоромъ и движеніемъ. Кто къ окнамъ пытался приблизиться, кто къ выходу спѣшилъ, кто къ столу, чтобы еще разъ осмотрѣть, все ли тамъ въ порядкѣ. Больше всѣхъ шумѣли и суетились дѣвушки; имъ не полагалось быть на виду и онѣ стремительно хлынули въ палаты, съ хохотомъ, визгомъ, толкаясь и обгоняя одна другую.

— Встань!—коротко сказала Маланьѣ погониха и подала ей маленькій подносъ съ стаканомъ наливки и сладкимъ пирожкомъ, предназначавшимся дружкѣ.

Маланья повиновалась, но ей пришлось прислониться къ залавке, такъ какъ она вся дрожала и подносъ въ ея рукахъ ходилъ, что называется, ходенѣмъ.

Вошли дружка и поневѣстница.

— Опять ямщикъ Андрей въ дружкахъ! ой, больно онъ гораздъ приговаривать!—услышала Маланья позади себя чей-то голосъ.

— Женихова-то сосѣда сынъ богатый-пребогатый, — въ то же время пояснила ей шопотомъ жена Авара.

Перекрестившись на образа и прочитавъ коротенькую молитву, Андрей молодецки подбоченился и, развязно оглядѣвъ присутствующихъ, обратился къ стоявшей у стола Ниловиѣ.

— Здравствуйте, свать и сватья! Ёдетъ свадьба по вашимъ полямъ, на нашихъ коняхъ. Кони у насъ вороные, сани городовыя, поѣзжане все молодые. Ежели не вѣрите, сами посмотрите, а вамъ не время—ребятъ пошлите. Нашъ князь молодой съ тысящными, понеѣвѣстниками, со всѣми князьями-боярами, съ любовными молодцами-поѣзжанами въ добромъ здорově, а вашу княгиню какъ Богъ милуетъ?

При послѣднихъ словахъ Андрей низко поклонился Ниловнѣ.

Послышался сдержанный гулъ похвалъ дружкѣ, но онъ скоро затихъ; ждали, что Андрей заговорить снова.

— Ничего, и наша княгиня, слава Богу!—кланяясь, въ свою очередь, ласково отвѣтила Ниловна.

— Ну, и слава Богу!—повторилъ за нею Андрей.—Благословите меня, дружкѣ,—продолжалъ онъ съ новымъ поклономъ,—во дворъ къ вамъ вѣхаться, осередь двора встать, въ теплу избу влѣзть, за убраны столы сѣсть. У васъ лѣсенки частеньки, у насъ поѣзжане бастеньки. Ставьте столики дубовые. кройте столешенки кленовыя, стелите скатертки камчатны, кладите ложечки рѣзчаты, вилочки булатны, ножечки укладны.

— Просимъ милости, все готово, добро пожаловать, гости дорогие!—проговорила Ниловна привѣтливо.

— Намъ не сколь чего надо: конямъ сѣна по копьѣ, овса по зобнѣ, хлѣба печенаго да квасу ядренаго. Ужъ вы дайте намъ къ столу стольничка, къ дверямъ притворщичка, къ лошалямъ нашимъ караульщичка, чтобы все у насъ было въ цѣлости, ни бичи бы съ рукъ, ни колокольцы съ дугъ не пропали. Эй вы, молодцы-ребята! шапочки забирайте да въ кузь подвигайтесь! хоть вамъ будетъ тамъ и тѣсно, впереди намъ дайте мѣсто! А вы, молодые молодки, часто по избѣ не ходите, меня, дружкѣ, не маните, а то я и другой разъ приѣду...

— Будетъ тебѣ, Андрей Титычъ, заморозилъ поѣзжанъ-то... Ахъ ты, чтобы тебя, парень!..—проговорилъ сѣдой старикъ, любовно заглядывая въ лицо Андрея.

— Не мѣшай ему, Осипъ Лукичъ, не трогай! Складно больно приговаривается, не мѣшай, послушаемъ еще!—остановило старика нѣсколько голосовъ.

Куда дѣвалась обычная деревянность и безжизненность Андрея; въ его лицѣ одно выраженіе смѣнялось другимъ, смотря по тому, къ кому въ своей длинной рѣчи онъ обращался. А говорилъ онъ еще долго. Тутъ были и „малыя ребята“, и „старыя старухи—косыя заплаты“, и „дѣвонюшки-невидимюшки“, никого

Андрей не забылъ и окончательно привелъ въ восторгъ своихъ многочисленныхъ слушателей. Кончилъ онъ такъ:

— Дайте мнѣ стулъ о четыре ножки, чтобы онъ подо мной не выхлялся, я бы, дружка, надъ вами не ломался, пивца-винца мнѣ подайте и по поклончику воздайте!

Ниловна прошла за занавѣску и сейчасъ же вернулась съ Маланьей, шедшей за нею съ извѣстнымъ уже намъ подносомъ, въ сопровожденіи погонихи.

Принимая наливку, Андрей, также на подносѣ, подаль невѣстѣ подарки жениха: чулки, башмаки, зеркало, поясъ и мыло.

Поневѣстница поцѣловалась съ невѣстой и ушла вмѣстѣ съ нею и погонихой за занавѣску обувать, подпоясывать и наряжать невѣсту уже „на-готово“—въ шубу, а Ниловна вмѣстѣ съ дружкой и посажоннымъ отцомъ, тестемъ Авара, вышли съ виномъ во дворъ встрѣчать поѣзжанъ и жениха.

Безъ кровинки въ лицѣ стояла Маланья въ ожиданіи жениха среди избы, въ своей голубой китайной шубѣ съ лисицей, повязанная рисованой сатиновой шалью ярко-краснаго цвѣта. Ее продолжало знобить и она едва держалась на ногахъ. Никакихъ опредѣленныхъ мыслей у Маланьи въ эти минуты не было, а такъ тягость какая-то, вдругъ все какъ-то опостылѣло и страннымъ образомъ вызывало только одно ощущеніе, что ее, Маланья, такая она была, больше нѣтъ и ни во вѣки вѣковъ уже не будетъ... Но вотъ и женихъ. Они поздоровались и сѣли за столъ подъ образа. Сѣли за столъ и гости. И пошло безвѣчное столованье, сытное, пьяное, веселое. Только въ самомъ началѣ стола было сравнительно тихо; но едва подвыпили, бесѣда сдѣлалась настолько шумной, что развѣ только ближайшіе сосѣди могли слышать другъ друга. Всѣ говорили разомъ и почти всѣ смѣялись.

Вдругъ съ палатей полилась хоровая заунывная пѣсня дѣвухекъ, и говоръ подгулявшихъ гостей мгновенно затихъ.

Какъ у рѣчи, у рѣчушки
У ракитова кустика,
Много гѣсу дремучаго
И одна безъ вершиночки.
Какъ у нашей Маланьюшки
Нѣтъ родимыя матушки,
Нѣтъ родимаго батюшки,
Благословлять ее некому, и т. д.

Подъ звуки этой горькой и посторонняго слушателя берущей за сердце пѣсни Маланья заплакала навзрыдъ.

— Перестань, пожалуйста, сдѣлай милость, перестань!—уго-

варивалъ ее Иванъ, отнимая руки, которыми она закрывала свое лицо.

На морѣ утица купалася,
На сивемъ, сѣрая, полоскалася...

Послышалася съ палатей новая пѣсня. Въ этой уже не было такихъ грустно-жалобныхъ словъ и звуковъ, какъ въ первой, но слезы Маланьи лились все такъ же обильно: на нее дѣйствовалъ извѣстнымъ образомъ уже самое пѣніе.

— Какъ вамъ не стыдно, дѣвушки, на послѣдяхъ-то клевить подружку? Посмотрите-ка, какъ она разливается! Али она чѣмъ напосадила вамъ, али вамъ завидно?—обратился Андрей къ палатимъ, черезъ брусъ которыхъ на него лукаво глядѣло нѣсколько дѣвочекъ-подростковъ, заслонявшихъ собою взрослыхъ пѣвицъ.

— Не мы пѣли, чего ты къ намъ пристаешь! — отозвалась болѣе бойкая изъ дѣвочекъ.

— Какуюнибудь веселую спойте!—упрашивалъ Андрей.

— А ты выкупу, пряниковъ давай!

Андрей подалъ бойко дѣвочкѣ узелъ съ гостинцами.

Растоплялася банюшка,
Разгоралася каменка,
Разгорался горючъ камешокъ.
Ты на что, батюшка, пиво варишь?
Ты на что, батюшка, вино куришь?
Не меня ли хочешь замужь выдавать,
Недорослую травоньку,
Недозрѣлую ягоду?
Еще хоть бы ты годъ подождалъ,
Еще хоть бы другой погодилъ,—
Еще я бы повѣжилася,
Русу косу повыростила,
Тонки дары повыбѣлила,
Иванушка повыдарила,
Иванушка, Аксеновича.

Стройно пропѣли дѣвушки самую любимую свою пѣсню.

Вплоть до сумерекъ пировалъ у невѣсты свадебный поѣздъ, и кромѣ Ивана и Маланьи, которымъ, по обычаю, до вѣнца ни пить, ни ѣсть не полагалось, въ церковь всѣ отправились пьянѣхоньки.

Впрочемъ, во время вѣнчанія и обратной дороги хмель поѣздъ нѣсколько поразсѣялся, и въ избу жениха они вошли уже въ полпьяна.

Аксентъ съ Захаровной, пропустивъ молодыхъ на крыльцѣ водъ образа, надѣли на нихъ кресты и привели за столъ. Тутъ

Захаровна, сблизивъ ихъ головы и творя про себя молитву, обвила обоихъ, въ знакъ союза, концомъ шали, бывшей на Маланьѣ, послѣ чего молодую увели за занавѣску и окрутили, т.-е. расплели ея косу на двѣ и вмѣсто дѣвичьей повязки надѣли ей на голову моршень.

Ни жива, ни мертва стояла Маланья послѣ этого у столба съ зеркаломъ въ рукахъ, подлѣ мужа, вмѣстѣ съ ней смотрѣвшаго въ зеркало.

— Извеличай же теперь, кого ты въ зеркалѣ видишь?— обратилась къ ней понеувѣстница.

— Ивана Алексѣича, — не громко и не весело, но тотчасъ же отвѣтила ей Маланья.

— А ты кого видишь?—спросили Ивана.

— Маланью Михѣевну,—отвѣтилъ Иванъ также не очень-то радостно.

Этимъ церемонія вступленія Маланьи въ мужнинъ домъ видимо кончилась. Молодыхъ снова усадили за столъ и повторилося то же, что и у невѣсты: началась безконечная смѣна блюдъ, полились неистощимые запасы вина и пива; снова загудѣлъ многоголосый говоръ, въ которомъ трудно было что-нибудь разобрать; снова смѣхъ ч пѣсни.

Только теперь все это носило уже нѣсколько иной характеръ, менѣе сдержанный и привлекательный. Самыя пѣсни были другія.

Бражка пьяная, хмельная,
Веселая голова
Напилася до зѣла...

тянулъ кто-нибудь на одномъ концѣ стола.

Изъ-за гѣсика Ванюша явился,
Ночевать ко мнѣ просился...

перебивали на другомъ концѣ. А кто кончилъ ѣсть, начиналъ плясовую:

Кто вина не пьетъ,
Тотъ и пьянъ не живетъ;
Кто жены не бьетъ,
Тотъ и милъ не слыветъ.
Бей жену къ обѣду,
Къ ужину—опять..
Хлѣба не достанетъ—
Опять за жену,
Соли не достанетъ—
Мужа за бороду,
Мужа за бороду—
Да и о-середу!

Стекла дрожали въ рамкахъ, звенѣла посуда на столѣ отъ множества пляшущихъ ногъ. Для всѣхъ не хватало мѣста; поэтому двери въ сѣни стояли настежь и часть гостей и зрителей собралась уже въ сѣняхъ, позади нихъ.

Скоро за столомъ, кромѣ молодыхъ, Ниловны и Тита Андронича съ женой, никого не осталось. Титъ Андроничъ, высокій, коренастый, солиднаго вида мужикъ, одѣтый въ тонкій синій суконный чепанъ, сидѣлъ тихо-смирно, ѣлъ мало, а пить и совсѣмъ не пилъ. Видно было, что пировать онъ не привыкъ и хоть на шутки и соответствующіе случаю намеки время отъ времени и усмѣхался себѣ въ бороду, но самъ ни разу не пошутить, а однажды такъ и другого оговорилъ. Когда кто-то изъ гостей притащилъ выбку и Маланью принялись заставлятъ качать ее, говоря, что теперь ей ко всему слѣдуетъ привыкать, Титъ Андроничъ, видя крайнее смущеніе молодой, самъ покраснѣлъ какъ ракъ и хоть не громко, себѣ подъ носъ, но такъ выразительно выговорилъ: „объ этомъ рано“, что выбка тотчасъ же исчезла и уже не появлялась болѣе. Это были чуть-ли не единственные слова Тита Андронича во весь вечеръ, но ими онъ сразу завоевалъ себѣ полное расположеніе Маланьи, которой въ этотъ вечеръ только лѣнивый не молоть самаго возмутительнаго вздора.

Агаея Абросимовна тоже не очень разговаривала, но она, по крайней мѣрѣ, ѣла какъ слѣдуетъ. Какое бы новое блюдо ни подавалось, она хоть крошечный кусочекъ его, а все-таки брала, ѣла и хвалила, хотя сначала и отговаривалась, увѣряя, что „сытѣмъ-сытѣхонька“. Дѣйствительно, она была сытѣхонька и уступала просьбамъ Захаровны и Аксѣна единственно по добротѣ сердечной.

Маланья хорошо это видѣла, и ей казалось, что Агаея Абросимовна безконечной доброты женщина. „Какіе всѣ они добрые да хорошіе, ни сколь не ломаются, точно и не богатѣи“, думала она, не сводя глазъ съ Абросимовны и Тита Андронича, чрезвычайно довольная тѣмъ, что самые близкіе сосѣди съ перваго же взгляда припились ей какъ нельзя болѣе по душѣ.

Замѣтивъ внимательный взглядъ Маланьи, Агаея Абросимовна въ свою очередь ласково и пристально поглядѣла на нее и глѣвуче проговорила:—Что, Иванъ Аксѣнычъ, не кормишь молодущку-то? вѣдь она сегодня съ утра не ѣла. Да и самъ ты тоже что-то плохо закусываешь.

— Да мы ужъ довольны, Агаея Абросимовна! — отозвался на эту любезность Иванъ.

— Побольше поѣдите, веселѣе глядѣть станете,—продолжала Абросимовна.

— Не хочется что-то совсѣмъ,—сказалъ Иванъ, однако онъ тутъ же положилъ себѣ на тарелку большую часть жаренаго гуся и, разрѣзавъ ее на мелкіе кусочки, сталъ ѣсть самъ и кормить жену.

— Вотъ такъ-то лучше,—одобрила Абросимовна.

— А что я васъ спрошу,—обратилась къ ней въ это время Ниловна: — тамъ у дверей не вашъ ли сынокъ стоитъ, вотъ въ еумачевой рубашкѣ, будреватенькій-то, видный такой?

— Нашъ... — вымолвила Абросимовна, улыбаясь счастливой улыбкой матери.

— Ну, и соколы же у васъ дѣтки, молодецъ къ молодцу! — продолжала Ниловна.

— Ничего...—простодушно согласилась съ нею Абросимовна.

— Ужъ и подивилась же я на Андрея Титыча вашего давеча: откуда только у него что берется, куда кладется... такъ, матушки вы мои, и сыплетъ, такъ и сыплетъ. И вѣдь такъ ли все сыладно да занятно, что и не заслушаться бы да заслушаешься, ахъ ты, Богъ съ тобой, парень!

— Ужъ на это его взять!—подакнула Абросимовна.

— И всѣ вы, вся семья, одинъ къ одному—бѣлолицы, чернобровые, видные. Я какъ только взглянула на дверь и вижу, что тамъ вашъ стоитъ,—замѣтила Ниловна, снова взглядывая на Федора, продолжавшаго стоять на прежнемъ мѣстѣ.

— Федюня весь въ отца, и дочь у меня есть—въ него же, а вотъ Андрей ни на него, ни на меня не походитъ,—сказала Абросимовна.

— А на мои глаза, Андрей Титычъ въ тятеньку, а меньшій въ васъ,—возразила Ниловна.

— Нѣтъ, Андрей не въ насъ, всѣмъ онъ къ намъ не подходитъ. Мы оба неразбитные, несмѣлые, а онъ у насъ походячій, не знаю ужъ, въ кого такой и зародился. Постоянно съ чужимъ народомъ обращается, оттого надо быть. Вотъ Федюня у насъ смиренный, совсѣмъ какъ мы,—еще разъ повторила Абросимовна.

Слушая этотъ разговоръ, Маланья сравнивала лица Тита Андронича, Абросимовны и Федора и нашла, что послѣдній точно сильно походить на мать; отцовскаго въ немъ только и было, что темнорусые, слегка вьющіеся на концахъ, волосы, но что онъ строинѣ матери и глядитъ еще добрѣе, чѣмъ и она.

Федоръ смѣтилъ, что за столомъ рѣчь идетъ о немъ, вспыхнулъ какъ зарево и сейчасъ же пропалъ въ толпѣ.

— Стрась я вашего Оедюню, Агаея Абросимовна, люблю! простой онъ у васъ, совѣстливый, душевный, и когда только онъ впрось!—проговорилъ Иванъ, замѣтивъ бѣгство Оедора.

— Даетъ Богъ росту. Не сколь вѣдь ему еще и годовъ-то; никакъ вѣдь еще пятнадцатый ему, Андроничъ, идетъ?—спросила Абросимовна у мужа.

— Въ Оедора-Тирона пятнадцать будетъ,—подтвердилъ Тить Андроничъ.

Между тѣмъ пиръ шелъ своимъ порядкомъ; большинство гостей начинало все сильнѣе клевать носомъ, а нѣкоторые, не совладавъ съ хмелемъ, уже храпѣли по лавкамъ; настоящая пляска тоже прекратилась, такъ какъ если кто и начиналъ, ноги оказывались непослушными. Даже запасъ шутокъ и прибаутокъ Андрея истощился наконецъ. Однимъ словомъ, все показывало, что пора на покой, и молодыхъ повели на подлѣтъ.

Цѣлыхъ три дня шло затѣмъ пированье въ избѣ Аксѣна, сопровождаемое обычными въ простонародьѣ обрядами, съ катаньемъ, ряженьемъ, битьемъ посуды и т. д.

— Вотъ и узнай поди, кто богатъ, кто бѣденъ. Кто бы подумалъ, что у Аксѣна такъ пировать стануть, а онъ, нѣ-поди, всѣхъ удивилъ,—не безъ признательности говорили потомъ убогтворенные Аксѣномъ сосѣди.

ХІІІ.

Но, въ сущности, сосѣди отлично знали настоящіе достатки Аксѣна, знали, что на свадебный пиръ у него ушла послѣдняя лошадь; что если за недоимку, которой за нимъ въ послѣдніе годы понавопилося изрядно, у него сведуть со двора не только теленка, котораго и въ прошлый разъ—не вступишь Тить Андроничъ—нипочемъ бы ему у сборщиковъ не отстоять, но и корову, то самый онъ будетъ послѣдній у нихъ изъ всего починака.

Совсѣмъ другое дѣло Маланья.

Она самымъ пріятнымъ образомъ была удивлена кажущеюся важностью мужчиной семьи и никакъ не могла понять, затѣмъ людямъ нужно было плести такой вздоръ, что ужъ будто у Ивана и собаки выкливать нечѣмъ и что чуть-то они не побраются.— „Вѣрь послѣ этого! Кабы точно такая бѣдность была, развѣ пировали бы такъ?“—думала она въ день свадьбы, глядя, какъ одно застолье гостей смѣняется другимъ. Тѣмъ тяжелѣе было для нея, въ концѣ концовъ, сознаніе, что слухи объ Ивано-

вой бѣдности далеко не были такимъ вздоромъ, какъ ей показалось-было сначала.

Пока прибирались послѣ пира, мыли и чистили посуду, взятую на время свадьбы у сосѣдей, и разносили ее по разнымъ дворамъ, мыли и прибирали у себя въ избѣ и т. д., Маланья чувствовала себя отлично. Дѣла у нея было по горло и самая спорина въ работѣ и умѣнье все сдѣлать скоро и хорошо дѣйствовали на нее какъ нельзя лучше, тѣмъ болѣе, что ее за все, что бы она ни сдѣлала, хвалили то Авсѣнъ, то Захаровна, а иногда и оба вмѣстѣ.

— О, какъ она валяетъ! И-и, какъ жарить! Ну, тебѣ, старухъ, въ сторону надо. А, старухъ, досадно, поди, что прежней мочи у тебя нѣтъ? Вишь, молодая-то какъ полосуется, не по твоему!—говорилъ Авсѣнъ, свѣсивъ, по своему обыкновенію, голову съ палатей и глядя на усердно работавшихъ жену и невѣстку.

— Это и надо. Какъ мнѣ съ ней равняться? послѣднее будетъ дѣло, ежели я сравняюсь. Пожито и поработано сколь-нибудь, гдѣ ужъ прежней силѣ быть!.. — отозвалась Захаровна, въ свою очередь любуясь невѣсткой, легко и быстро двигавшей косаремъ, послѣ каждаго размаха котораго бѣлая полоса слегка смоченной грязной лавки становилась все шире и шире.

— Ловко, право; гдѣ она прошла, ровно скобелью взято. Твои-то звеня всѣ видать, сѣрыя они, а у нея — подъ одну стружку...—продолжалъ Авсѣнъ свои наблюденія.

— Ну, худо, такъ пускай перескребааетъ когда, я не гонюсь... —проговорила Захаровна въ отвѣтъ на замѣчаніе мужа.

— Не худо, а не надо бы тебѣ совсѣмъ приниматься, развѣ я не управилась бы и одна? —слегка улыбувшись, вмѣшалась Маланья въ разговоръ свекра съ свекровью. Она устала нѣсколько, раскраснѣлась и дышала чаще обыкновеннаго, что особенно ее красило и особенно ярко отгнѣняло избытокъ жизненной силы и свѣжести, которыми пронивнуто было все ее существо.

— А, буде, и скреби...—разсмѣялась Захаровна, отходя прочь.

Одинъ Иванъ не хвалилъ Маланью, но онъ сидѣлъ тутъ же въ избѣ и хоть ничего не говорилъ, но съ такой лаской и гордостью смотрѣлъ на нее, что и въ его похвалахъ не было никакого сомнѣнія.

И такъ сначала все шло прекрасно; но въ первый же разъ, какъ Маланѣ пришлось давать кормъ скоту, при первой самостоятельной ея стряннѣ у печи плохое хозяйственное положеніе ея новой семьи обнаружилось передъ нею сразу и подавило ее

такой массой всякаго рода недочетовъ, что на первое время она рѣшительно потерялась передъ ними.

До сихъ поръ она знала одно—скотъ кормить до отвала, и чѣмъ больше овъ ѣлъ, тѣмъ Маланья больше радовалась. Она склонна была скорѣе перекормить, чѣмъ не докормить поповскихъ краснуху, чернуху и бѣлянушку; то же продѣлывала она и съ овечками. Нечистоты въ хлѣбѣ Маланья не выносила, а потому соломѣ скоту стлала черезъ два дня; за то и не было ни у кого на селѣ такихъ чистыхъ коровъ и овецъ; какъ у о. Ивана. У другихъ молоко зачастую коровой пахло, у поповскихъ коровъ—никогда. У другихъ овцы то-и-дѣло паршивѣли, а съ Маланьинимъ стадомъ такой бѣды ни разу не случалось. И такъ во всемъ.

Поэтому теперь обшлепанный видъ ея собственныхъ коровы и телки, съ запавшими боками, съ жидкой грязью подъ ногами, перевернулъ въ Маланью все сердце. „Ну, какъ же можно быть такъ со скотинкой!“ жалостливо думала она, охабку за охабкой таская съ сарая соломѣ и старательно разстилая ее по всему хлѣву. „Погодите, голубушки, погодите, мои матушки! постелю вамъ соломѣ столь толсто, что жижи этой капельки не проступить наверхъ; тогда на васъ скорехонько ни единого ошлепочка не останется, и ужъ не я буду, ежели да не отвормлю васъ!“—приговаривала она, перегоняя корову и телушку на сухую подстилку. Но это была одна мечта.

Заглянувъ въ хлѣвъ, Захаровна пришла въ ужасъ отъ того, что тутъ натворила Маланья.

— Чтѣ ты надѣлала, чтѣ ты только надѣлала! — повторяла Захаровна въ смятеніи:—экую тѣмѣ соломѣ навалила! Какъ можно по эстольку застилать, Богъ съ тобой! Этакъ скорехонько, мать моя, простелешься, въ Рождеству же подстилку покупать понадобится. И чего мнѣ въ глаза вступило: сижѣ, старая, въ клѣти, крышки, которыя худы, сызнова обмазала, и не подумала, и не подумаю, чтѣ ты тутъ творишь. Раньше бы надо мнѣ придти, указать надо бы... извѣстно, дѣло твое новое...—продолжала она, проворно сгребая въ одинъ уголъ только-что разостланную Маланьей соломѣ.

Маланья чуть не плакала, слѣдя за тѣмъ, какъ уничтожалась ея работа, но неподдѣльная боязнь свекрови остаться совсемъ безъ соломѣ невольнѣ заставляла ее чувствовать, что старухой руководить не жадность, а нужда, и чтобы хоть сколько-нибудь утѣшить ее, Маланья покорно проговорила:— Ну, ужъ послѣ обо всемъ у тебя буду спрашивать, куда не привыкну.

Захаровна готова была успокоиться, тронутая повинными рѣчами невѣстки, но, на бѣду, въ эту самую минуту взгляды ея совершенно случайно упали на колоду съ кормомъ, гдѣ вмѣсто обычной горсточки отрубей рѣзка была обсыпана отрубями не-
позволительно обильно.

— Да ты и посыпки наухала видимо-невидимо! экаго чуда, безъ мала на недѣлю хватило бы... Глянь-ка, глянь, прорва какая насвозь, какъ есть, одни отруби! развѣ же это возможно? — говорила Захаровна съ огорченіемъ, ворочая кормъ пальцами рукъ.

— А ровно я немного и посыпала, вишь это отруби, не мука, — осмѣлилась возразить Маланья.

— Еще муки захотѣла! Ужъ на что лучше, какъ не мука!.. Гдѣ намъ, грѣшнымъ, такъ широко да рѣскошно хозяйствовать, чтобы скотину мукой кормить! это ужъ, буде, у какихъ у тысячниковъ, да и то еще погоди маленько... На что Титъ Андроничъ справно живетъ, а и у него про муку не слышать что-то, — недовольнымъ тономъ ворчала Захаровна, и такъ съ этими причитаніями и въ избу вошла.

Узнавши, въ чемъ дѣло, Алексѣй не преминулъ применить къ женѣ. Сначала онъ только шутилъ надъ невѣсткой, задумавшей всю солому, какая была на сараѣ, за одинъ разъ постлать подъ коровъ, чтобы зимой ужъ съ этимъ дѣломъ не хлопотать; но потомъ у него стали проскальзывать далеко не шуточные замѣчанія, въ родѣ того, на примѣръ, что „ужъ ежели у кого отродясь своего родного кровнаго сибиряка не было, такъ тому хоть золото дай, онъ и его въ ту-жъ минуту извѣщаетъ: ему что — не его добро, не жаль“.

Однимъ словомъ, чѣмъ Алексѣй больше говорилъ, тѣмъ больше раздражался, такъ что подъ конецъ Захаровна пожалѣла, что не выговорила невѣсткѣ одинъ-на-одинъ; она знала, что стоитъ Алексѣю на что-нибудь осерчать, такъ потомъ и спасенья отъ него не будетъ, и сильно досадовала на себя за длинный языкъ, но было уже поздно.

Маланья мѣсила хлѣбы, сохраняя такое выраженіе лица, точно Алексѣй не ее пилилъ, а кого-то другого.

Захаровна не могла надивиться на нее. Невозмутимость Маланьи казалась ей не просто безотвѣтностью, а своего рода норовомъ. „Вишь, вѣдь, какая желѣзная, хоть бы слово, ровно не слышитъ. Другая ужъ давно повинилась бы, либо заплакала бы, либо на время за чѣмъ ни на есть изъ избы ушла бы, чтобы старикъ поспялъ, а она и ухомъ не ведеть, мѣситъ, знай, квашню.

какъ ни въ чемъ не бывало, ровно бы не ея дѣло“, неодобрительно думала Захаровна, собираясь уходить изъ дому на цѣлый день въ сосѣднюю деревню къ племянницѣ, трепать ленъ. Тамъ была помочь и звали также и Маланью, но Захаровна находила, что она дома нужна, и намѣревалась пойти одна.

— Устрапаешься ли безъ меня-то? — спросила она, совсѣмъ уже одѣвшись.

— Отчего не устрепаться, — кабы другое чтò, а то хлѣбы, не велика страпня, — увѣренно отвѣтила Маланья.

— То-то, смотри.

— Не сомнѣвайся, ступай съ Богомъ! скажи только, что на обѣдъ варить, а объ работѣ не тужи—управлюсь.

Захаровна была обезоружена.

— Чего тутъ сказывать; чтò хочешь, тò и вари; чтò знаешь, тò и страпай!—проговорила она, вполне умиротворенная уходя изъ дому.

Получивъ такое широкое полномочіе, Маланья ни на минуту не задумалась, какъ ей быть. Растопивъ печь, она принесла воды, и принялась варить морковь и картошку; затѣмъ стала раздѣлывать квашню и приготовила сочни для пирога и ватрушекъ. Потомъ толкла и рубила картошку и морковь, мѣшала все это съ молокомъ и яйцами, и когда все было готово, Маланья вмѣстѣ съ хлѣбами посадила въ печь большой боковой пирогъ съ морковью и нѣсколько ватрушекъ съ картофелемъ.

Всю эту возню Аксѣнъ отлично слышалъ, понималъ, что Маланья затѣяла что-то необыкновенное, но что именно, догадаться не могъ; какъ ни напрягалъ своего воображенія, а выглянуть съ палатей Аксѣну не хотѣлось; хотя раздраженіе противъ невѣстивы въ немъ уже улеглось, но онъ не желалъ этого обнаруживать, особенно такъ скоро.

Спустя нѣкоторое время въ избѣ вкусно запахло горячими пирогами и растопленнымъ масломъ. Маланья собрала на столъ и позвала мужа и свекра завтракать.

Иванъ праздно стоялъ за воротами и сейчасъ же пришелъ, а Аксѣнъ продолжалъ лежать, ничѣмъ не отозвавшись на зовъ Маланьи.

— Завтракать, батюшка, иди! — повторила Маланья.

Тогда Аксѣнъ поднялся и, сползая съ палатей, едва удержался, чтобы не расколотаться во все горло. Чистая скатерть, цѣлый ворохъ дымящагося пирога, молоко, масло, все это было до того необычно, что Аксѣну стоило огромнаго труда, чтобы

не начать подсмѣиваться надъ невѣстой. Онъ, однако, удержался, молча перекрестился, сѣлъ за столъ и принялся за пирогъ.

— Ну, вотъ, спасибо тебѣ, молодушка! Такъ наобѣдался, какъ и въ свадьбу не ѣлъ. Не зря увѣряла старуха, что стряпать ты горазда: горазда точно, пироги удались на славу,—проговорилъ онъ, кончивши ѣсть.

— Ничего, удались. Хлѣбъ у меня всегда ладно выходитъ, дай Богъ въ часъ сказать! — скромно, но не безъ удовольствія согласилась Маланья.

— Признаться, и я къ сердцу поѣлъ,—заявилъ Иванъ.

— Теперь, ежели хлѣбъ все будетъ какъ валачь, да при томъ и пироги, такъ ты насъ живой рукой раскормишь, что борововъ хорошихъ, особливо, ежели поѣвши, сейчасъ же спать... Меня вотъ опять на боковую тянеть... Не ѣлъ — не могъ, поѣлъ — сталъ безъ ногъ... Истинно раскормишь ты насъ — во какъ! — продолжалъ старикъ, глядя на Маланью лукаво сощуреннымъ единственнымъ своимъ глазомъ.

— Отчего и не покормить; не долго сочень-то растрепать, а морковь или горохъ тоже не дорого стоятъ, отчего не загнать пирожокъ, и сладко, и обѣду замѣна,—выложила свои соображенія Маланья.

— Вѣрно твое разсужденіе,—подтвердилъ Авсѣнъ, внутренно смѣясь надъ простотой невѣстки. — Надо будетъ коровы двѣ прикупить да куръ поболь развести, а то у одной-то коровы да двухъ курицъ много не уцелѣаешь,— снова заговорилъ Авсѣнъ, и замѣтивъ, что Маланья постигла, наконецъ, истинный смыслъ его словъ, самодовольно засмѣялся.

Маланья дѣйствительно поняла наконецъ, что надѣлала новыхъ бѣдъ, можетъ быть, еще болѣе крупныхъ, чѣмъ неразсчетливое обращеніе съ соломой и отрубями, и ея хорошее, бодрое и благодушное настроеніе въ одинъ мигъ пропало.

Понялъ и Иванъ, что отецъ глумится надъ Маланьей, и ему стало обидно, но онъ не вступился за жену, да и что могъ бы онъ сказать? При одной коровѣ и вообще такой бѣдности, какъ у нихъ, стряпать такъ нельзя, онъ это понималъ,—стало быть, старикъ говорить дѣло. „Только зачѣмъ онъ не добромъ это говорить, а издѣваочись, вотъ что досадно!“ думалъ Иванъ, съ сердечной жалостью глядя на жену, безшумно сбиравшую со стола.

Случая съ пирогами Авсѣну хватило надолго. Приходитъ ли кто изъ сосѣдей, попадала ли Маланья въ новый какой просакъ, онъ неизмѣнно заводилъ рѣчь о ея необыкновенномъ умѣнѣи

стряпать и дѣлалъ это такъ ехидно, что всякій разъ доводилъ Маланью чуть не до слезъ. Ужъ Захаровна и чужіе люди не однажды вступались за Маланью, а онъ все не унимался.

Маланья употребляла невѣроятныя усилія, стараясь не плавать и не возражать, но пытка была слишкомъ продолжительна, и она могла достигнуть только того, что не плакала при другихъ. Ночью же, или уходя на рѣчку, она нерѣдко плакала горькими, тяжелыми слезами, не зная, какъ примѣниться къ своей тяжелой долѣ, приходя почти въ отчаяніе и отъ своего одиночества въ новой семьѣ, и отъ неумѣнья сразу вникнуть во всѣ подробности мужнина хозяйства, и отъ худой пищи, и отъ праздности.

XIV.

Совсѣмъ не въ нравѣ Маланьи было цѣлый день сидѣть сложа руки, а между тѣмъ приходилось. Истопить печь, одѣлать скотъ и больше вѣзаться рѣшительно не за что. Сидитъ Маланья какъ кукла, неловко ей, прямо стыдно сидѣть безъ дѣла, а дѣла все-таки никакого нѣтъ, и она сидитъ...

И Захаровна, какія эфемерныя занятія ни выдумываетъ для себя, чтобы убить время,—ужъ и мякны-то, безъ всякой нужды, изъ одной кадушки въ другую пересыплеть, и выскребенныя деревянные крышки съ кринокъ заново перескребеть, не по одному разу все въ клѣти и подпольѣ съ мѣста на мѣсто переставить,—а большую часть дня также зря сидитъ. Свекоръ слѣзаетъ съ палатей только чтобы поѣсть; Иванъ—то у сосѣдей, то за воротами на гармоникѣ играетъ, а если дома, то также, какъ и Захаровна, какъ сама Маланья, болтается безъ дѣла, то посидитъ, то полежитъ.

— Чего бы это подѣлать?—говоритъ Маланья свекрови.

— Чего станешь, когда нечего. Люди теперь лень удѣлываютъ, а которые управились,—прядутъ, ну, а у меня льну володки нѣтъ, не сѣяла я этотъ годъ, потому не растетъ нынѣ у насъ лень, хоть что скажи—не растетъ.

— Ахъ ты, Боже мой!..—вздыхаетъ Маланья.

— Нѣтъ, такъ изъ ноги для тебя не выломишь,—отзывается Захаровна.

— Ничего, привыкнешь. Я вотъ такъ же первую зиму, какъ не поѣхалъ въ дорогу—маялся, не могъ мѣста себѣ избрать, думалъ, той зимѣ конца краю не будетъ, а наконецъ, того, привыкъ. Теперь меня калачомъ съ палатей не выманишь:

надоѣло на одномъ боку лежать, перевернусь на другой; надоѣло на спинѣ—на брюхо лягу, то-ли дѣло!—переворачиваясь, и въ самомъ дѣлѣ, на брюхо, смѣясь, замѣтилъ Аксѣнъ.

„Что ужъ это за жизнь—не глядѣли бы глаза! всѣ мы ровно спящіе какіе, ей-Богу! Сидишь да сидишь истуканомъ-то, даже зѣвота нападетъ. Хоть бы пряжа была, хоть бы масло пахтать или бы вязать чтѣ, больно вѣдь этакъ-то неладно“, терзалась Маланья поминутно и, наконецъ, не выдержала.

— Что бы мнѣ у Абросимовны работы попытать? сдурюсь я безъ дѣла-то,—спросила она разъ у Захаровны.

— Какой работы?—спросила та, въ свою очередь, недоумѣвая.

— Да мнѣ все равно какой; больно ужъ безъ дѣла-то тошно, стыдно какъ-то... сколько бы чего можно передѣлать,—старалась понятно объяснить свою душевную потребность Маланья.

— Какая же у Абросимовны работа?—продолжала недоумѣвать Захаровна.

— Можетъ, какая найдется; можетъ, пряжа есть, можетъ, вязка, я бы спровѣдала?—настаивала Маланья.

— Да мнѣ что! спровѣдывай, только наврядъ чтѣ есть,—разрѣшила Захаровна, впередъ сомнѣваясь въ успѣхѣ невѣстичиной затѣи.

Тѣмъ не менѣе, работа у Абросимовны оказалась: Маланья дали шерсть прясть и много, цѣлыхъ пять фунтовъ.

Маланью точно живой водой взбрызнули—такое было у нея лицо, когда она вернулась отъ Тита Андронича съ ношей шерсти.

Ивану больше всѣхъ остальныхъ было понятно ея душевное состояніе; его самого, если и не въ такой мѣрѣ, то все же очень сильно томило полное бездѣлье и онъ нѣтъ-нѣтъ да и заговорить о городѣ, очевидно, не отъ одной тоски по немъ, а также и отъ тоски по работѣ, чтобы избавиться отъ невольнаго чувства своей полнѣйшей ненужности и непригодности для того мѣста, гдѣ онъ безсмысленно и бесполезно осужденъ торчать день за днемъ.

— Дичь у насъ здѣсь, глушь; чтобы не пропасть тутъ съ голоду, большіе достатки нужны: чтобы и скоть былъ, и хлѣбъ, и всякое заведеніе по домашности; а вотъ такъ ежели, какъ у насъ, съ однѣми, значить, голыми руками,—подохнешь, больше ничего,—говаривалъ онъ не разъ, когда ему становилось ужъ очень не въ ногу.

— Ступай къ Митричу молотить, коли руки мѣшакотъ,—посоветовала ему мать.

— За восемь-то копѣекъ поденщины?

— И то деньги; сейчас у тебя и того нѣтъ, а тутъ и 8 копѣекъ, и хлѣба дома не ѣшь.

— Да я вниманія не возьму за 8 копѣекъ цѣлый день ухать.

— Такъ и не говори.

— Я не про это говорю, — возражалъ Иванъ съ раздраженіемъ. — Я говорю о томъ, что живи мы не въ такой дали отъ города — сейчасъ можно бы копѣйку зашибить, плѣвое дѣло.

— Захотѣлъ — и готово! — подстрекнулъ Аксѣнь сына.

— А ты что думаешь? — не сдавался Иванъ: — живи я подѣ городомъ, я завсегда деньги добуду. Взять вотъ хоть теперешнее время: вишь, снѣгъ какой валить — зги не видно! Въ деревнѣ какое объ эту пору дѣло? что и есть, какъ Митричева молотѣба, такъ объ ней не стоитъ разговаривать; а пошелъ ты въ городъ, — на каждомъ шагу работа.

— Ну?.. — насмѣшливо прерывалъ Аксѣнь сына.

— Хочешь дрова коли, — продолжалъ Иванъ, не слушая отца, — хочешь снѣгъ огребай; а ежели при этомъ есть у тебя хоть немудрая лошаденка, большіе обороты можно дѣлать, потому съ лошадейю поденщина въ городѣ и зимой дешевле пяти-шести гривенъ серебра никогда не бываетъ.

— Поѣдемъ, ребята, не то, въ городъ, наплевать бы и въ самъ дѣлѣ на наше пропащее житье! Ужъ ежели Иванко говорить — это вѣрно, не съ чужихъ словъ мелеть, самъ жилъ въ городу, а ежели, въ примѣру, мы денегъ большихъ отъ него не видали, такъ это особая статья; онъ ихъ до поры до времени не отгрызаетъ, только и всего! — явилъ Аксѣнь.

— А что, Иванъ, и вправду, поѣдемъ къ Митричу вмѣстѣ, вдвоемъ-то сходнѣе будетъ, — предложила Маланья, только-что обмолотившая за-одно съ остальными членами семьи свой собственный хлѣбъ и въ совершенствѣ постигшая до этого незнакомую ей работу.

— Нацѣди-ка лучше квасу, сходи, смерть пить хочется! — подавая женѣ пустой жбанъ, проговорилъ Иванъ, не отвѣчая на ея вопросъ.

Маланья поняла, что Иванъ не расположенъ принять ея предложеніе, и не настаивала больше, хотя ей очень хотѣлось заработать сколько-нибудь денегъ и жаль было упускать такой рѣдкій въ ихъ мѣстѣ случай.

„Шерсть не ушла бы, — разсуждала Маланья, — не къ спѣху пряжа дана; два дня помолотили бы, вотъ ужъ и 32 копѣйки, а при томъ — мать-то ладно говорить — и хлѣбъ дома цѣль“. Но приставать къ мужу она не смѣла; — такъ и не пошли они къ Митричу.

Кромѣ безработицы, еще плохая пища крайне дурно дѣйствовала на Маланью, отчасти, можетъ быть, и потому, что Маланья была беременна. Сядетъ она за столъ и ничего-то ей въ горло не идетъ, а ѣсть между тѣмъ хочется. На столѣ либо рубленая свекла съ пустымъ квасомъ, либо толокно, а не то такъ и просто хлѣбъ да квасъ. Маланью такъ съ души и тянетъ. Для виду она беретъ ложку и хлебаетъ изъ общей чашки невкусное кушанье, но ей такъ и свекла, и квасъ противны, что ее тошнить и она уходитъ изъ-за стола въ началѣ обѣда. „У попа она то же самое толокно ѣла, но какая разница! Тамъ квасъ былъ крѣпкій, сладкій; такимъ квасомъ однимъ можно наобѣдаться. Оттенешъ гвоздь, бывало, такъ по началу и не течетъ даже, а только дымокъ идетъ—вотъ крѣпость какая; потому боченокъ дубовый, бученый, навваска на меду, стоитъ подолгу, а здѣсь, что и есть“... противъ воли сравнивала Маланья свое прежнее житье съ настоящимъ.

Вспоминая свой разговоръ съ о. Иваномъ, когда тотъ заѣзжалъ къ нимъ вскорѣ послѣ ея свадьбы за ругой, Маланья думала: „Вѣрно батюшка тогда сказалъ, что разница.—Что, говорить, Малань, скупо одѣляешь? Прежде сколько ни привезешь, бывало, все тебѣ мало, а сама-то зачѣмъ такъ? а? Разница, видно, большая: брать и давать?“—Ужъ такая разница, что и сказать нельзя. Попу чтò? объѣхалъ приходъ и навезъ всего видимо-невидимо; не трудно это. Оттого и ѣда у нихъ всегда сладкая, и много ея; оттого и веселы они всѣ, всѣ здоровы. Хоть ребятъ, что-ли, взять: ровно орѣшки, бѣленькія, крѣпенькія, сердце радо. У насъ же самимъ ѣсть нечего, а еще попу давай. Давно ли, посмотри-ка, я тутъ верчусь, а вѣдь меня всю, передъ Богомъ, подвело; въ брюхѣ за всякую пору пусто, съ души тянетъ, на сердцѣ тоскнетъ; чтò ужъ только и будетъ, какъ подольше еще поживу, одинъ Богъ знаетъ“.

Маланья дѣйствительно замѣтно поблѣднѣла и осунулась, почти не пѣла, несмотря на многолѣтнюю привычку за работой негромко пѣть, говорила мало—только нужное—и совсѣмъ перестала шутить и смѣяться.

— Послушай-ка, Маланьюшка-дитятко, чтò я тебѣ скажу,—обратилась къ ней разъ Захаровна, когда онѣ были однѣ въ избѣ:—отчего ты до мужа неласкова? никогда-то вѣдь ты не подойдешь къ нему сама, никогда пальчикомъ не тронешь! Помоему, неладно какъ будто такъ-то. Ровно вы и не молодые. Вспомню я свою жизнь—совсѣмъ у насъ другое было: ни мнѣ

уходу не было, ни ему спасеня, такую ли пыль поднимемъ, батюшки-свѣты!

Маланья сидѣла, опустивъ голову, какъ виноватая.

— Ты не осержайся на меня, я тебѣ же добра хочу. Въ свое время насъ самихъ старые люди учили. Кого хошь возьми, первое время послѣ свадьбы всѣ играютъ, безъ этого нельзя, — наставляла Захаровна молодую женщину.

— Не умѣю я...—смущенно проговорила Маланья.

— Какое тутъ умѣнье! Какъ увидишь —невесель, либо задумался,—и подластись; а то у васъ одинъ молчить и другой молчить. Онъ, можетъ, когда и пошутить бы, да ты больно ужъ угрюмо глядишь,—ну, его и не тянетъ.

Захаровна совершенно вѣрно подмѣтила суть супружескихъ отношеній невѣстки и сына. Иванъ, знавшій до этого только такихъ женщинъ, какъ Сусанна, передъ женой робѣлъ; а та дѣйствительно смотрѣла не только черезъ-чуръ уже спокойной, но иногда и суровой. Почти каждый разъ, когда въ Иванѣ особенно сильно было желаніе приласкать жену, она думала совсѣмъ о другомъ. Чуть останутся они одни, Иванъ сейчасъ же норовитъ ее поцѣловать, а она спѣшитъ переговорить съ нимъ всегда что-нибудь нужное, что-нибудь такое, о чемъ при старикахъ говорить нельзя. А ужъ чтобы сама когда приголубила—этого и во снѣ Иванъ не видалъ.

А Маланья между тѣмъ послѣ обращенія къ ней свекрови озабоченно думала: „Господи-Батюшка, чего имъ еще отъ меня надо? Ужъ и такъ, кажется, слова наперекъ не скажу, пошлютъ хоть въ воду—иду, сдѣлать ли чтѣ велятъ—безъ словечка дѣлаю, а что неласкова, такъ какъ мнѣ, когда я такая? Ужъ какая зародилась, такая и есть,—не моя вина. Угрюма, говорить,—да чему же бы я радоваться-то стала?“

В. Шоловъ.

Н. В. ГОГОЛЬ

ВЪ

НАЧАЛЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРЬЕРЫ

(1829—1831).

I.

Даръ рѣдкой наблюдательности, унаслѣдованный, Гоголемъ отъ отца, сталъ обнаруживаться чрезвычайно рано, опередивъ и надолго заслонивъ собою проявленіе всѣхъ другихъ сторонъ его духовной природы: имъ Гоголь обращалъ на себя общее вниманіе еще въ ту пору, когда далеко не могъ похвалиться передъ сверстниками серьезнымъ умственнымъ развитіемъ. Въ мальчикѣ замѣчали необыкновенное умѣнье уловить въ окружающихъ лицахъ и предметахъ повидимому мелкіе, но всегда въ высокой степени характерные признаки, искусство ярко очертить вещь немногими живыми штрихами. Съ раннихъ лѣтъ Гоголь былъ оригиналенъ въ каждой шуткѣ, въ каждой дѣтской шалости, но больше всего въ развлеченіяхъ. Всѣ эти особенности, проявлявшіяся въ немъ еще въ отрочествѣ, преимущественно въ видѣ бессознательнаго, хотя и вполне артистическаго копированія старшихъ, становились постепенно все зрѣлѣе и серьезнѣе и получали болѣе глубокую цѣль и значеніе. Сценическіе успѣхи его въ школѣ основывались на живомъ и поразительно вѣрномъ воспроизведеніи тѣхъ сторонъ, которыя ускользали отъ обыкновеннаго глаза. Юношей онъ уже въ совершенствѣ владѣлъ всѣми

сценическими данными, особенно мимикой, но—что всего важнѣе—тонкимъ инстинктомъ художника ясно понималъ, къ чему долженъ стремиться и чего избѣгать настоящій актеръ. Ему удавалось достигать поражающихъ эффектовъ единственно необычайной правдивостью изображенія, безъ всякихъ преднамѣренныхъ натяжекъ и въ самыхъ незначительныхъ роляхъ, особенно стариковъ и старухъ. Этой способностью онъ рѣшительно выдѣлялся среди другихъ товарищей, пробовавшихъ свои силы на сценѣ, особенно отличаясь отъ извѣстнаго впоследствии Кукольника, полагавшаго верхъ искусства въ энергическихъ жестахъ и напыщенной декламации. Отсюда ясно вытекаетъ, что какъ бы ни было важно для развитія таланта значеніе позднѣйшихъ вліяній и опыта жизни ¹⁾, оно всегда остается по меньшей мѣрѣ второстепеннымъ. Такъ въ данномъ случаѣ въ обоихъ молодыхъ людяхъ, въ сущности съ первыхъ же шаговъ, рѣзко обозначились совершенно противоположныя природныя задатки, которые наложили роковую печать на всю ихъ послѣдующую дѣятельность, предопредѣливъ заранѣе одного быть творцомъ имѣющей великое значеніе въ исторіи русской литературы натуральной школы, другого—производить напыщенные, ходульныя пьесы.

Объ игрѣ Гоголя такъ рассказываетъ одинъ изъ его школьныхъ товарищей: „Вотъ является дряхлый старикъ въ простомъ кожухѣ, въ бараньей шапкѣ и въ смазныхъ сапогахъ. Опираясь на палку, онъ едва передвигается, доходить крехтя до скамьи и садится. Сидитъ, трясется, крехтитъ, хихикаетъ и кашляетъ, да, наконецъ, захихикалъ и закашлялъ такимъ удушливымъ и сильнымъ старческимъ кашлемъ, съ неожиданнымъ прибавленіемъ, что вся публика грохнула и разразилась неудержимымъ смѣхомъ“ ²⁾. Приѣмъ, употребленный Гоголемъ, показался настолько неожиданнымъ и выходящимъ изъ ряду вонъ, что, несмотря на общія восторженныя одобренія, начальство было смущено и перепугано выходкой; бросились убѣждать Гоголя, но онъ былъ непоколебимо увѣренъ, что такъ именно и слѣдовало выполнить роль. Чтобы вполне понять и оцѣнить значеніе произведеннаго

¹⁾ Обстоятельства игры, конечно, различное значеніе въ жизни Гоголя въ смыслѣ развитія его таланта, какъ благопріятное, такъ и неблагопріятное; но такъ какъ природа, разсыпая свои дары, посылаетъ человѣку только силы для исполненія какой-нибудь задачи, ничѣмъ не гарантируя надлежащее ихъ употребленіе, то и Гоголь сдѣлалъ гораздо меньше того, къ чему былъ призванъ, и притомъ сдѣлалъ это въ значительной мѣрѣ благодаря Бѣлинскому, сумѣвшему взростить брошенные имъ семена и дать имъ новую жизнь.

²⁾ „Берегъ“, 1880, № 268, статья В. Пашкова, передающая воспоминанія Т. Г. Пашенка.

впечатлѣнія, необходимо помнить, что гимназическіе спектакли при Гоголѣ были далеко не такими, какіе принято обыкновенно называть домашними; на нихъ во множествѣ стекалась избранная провинціальная публика, а иногда являлись и прїѣзжіе изъ ближайшихъ городовъ. Изъ неизданныхъ записокъ другого товарища дѣтства Гоголя мы можемъ извлечь объ этомъ слѣдующія подробности: „Театральныя представленія давались на праздникахъ. Мы съ Гоголемъ и съ Романовичемъ ¹⁾ сами рисовали декорации. Одна изъ рекреационныхъ залъ (онѣ назывались у насъ музеями) представляла всѣ удобства для устройства театра. Зрителями были, кромѣ нашихъ наставниковъ, сосѣдніе помѣщики и военные расположенной въ Нѣжинѣ дивизіи. Въ ихъ числѣ помню генераловъ: Дибича (брата фельдмаршала), Столыпина, Эммануэля. Всѣ были въ восторгѣ отъ нашихъ представленій, которыя одушевляли мертвенный уѣздный городокъ и доставляли нѣкоторое развлеченіе случайному его обществу. Играли мы трагедіи Озерова, „Эдипа“ и „Фингала“, водевили, какую-то мало-россійскую пьесу, сочиненную тогда же Гоголемъ ²⁾, отъ которой публика надрывалась со смѣху. Но удачнѣе всего давалась у насъ комедія Фонвизина „Недоросль“. Видаль я эту пьесу и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, но сохранилъ всегда то убѣжденіе, что ни одной ³⁾ актрисѣ не удавалась роль Простаковой такъ хорошо, какъ игралъ эту роль шестнадцатилѣтній тогда Гоголь. Не менѣе удачно пятнадцатилѣтній тогда Несторъ Кукольникъ, худощавый и длинный, игралъ недоросля, а Данилевскій—Софью. Благодаря моему необыкновенной въ то время памяти доставались мнѣ самыя длинныя роли, Стародума, Эдипа и другія“ ⁴⁾. Только что приведенныя строки подтверждаются и воспоминаніями Данилевскаго; но послѣдній, признавая выдающіяся достоинства игры Кукольника, нѣсколько рельефнѣе отмѣчаетъ отмѣченное выше различіе между его игрой и игрой Гоголя. Всѣ отзывы единогласно сходятся въ томъ, что Гоголь и Кукольникъ явили себя замѣчательными талантами еще на гимназической сценѣ. „Всѣ мы думали тогда,—замѣчаетъ первый цитированный нами рассказчикъ,—что Гоголь поступить на сцену, что у него громадный сценическій талантъ и всѣ данныя для игры на сценѣ:

¹⁾ Василій Игнатьевичъ Лобичъ-Романовичъ, старшій товарищъ Гоголя въ Нѣжинскомъ лицѣѣ.

²⁾ Здѣсь неточность: авторъ, вѣроятно, разумѣетъ комедію отца Гоголя.

³⁾ Въ копіи, вѣроятно, ошибка: вм. *ни одной актрисѣ* написано: *молодой*.

⁴⁾ Эти воспоминанія принадлежать лицу, занимавшему впоследствии видное положеніе въ дипломатическомъ мірѣ.

мика, гримировка, перемѣнный голосъ и полнѣйшее перерожденіе въ роли, какія онъ играетъ. Думается, что Гоголь затмилъ бы и знаменитыхъ комиговъ-артистовъ, еслибы вступилъ на сцену" ¹⁾. Со временемъ искусное подражаніе приемамъ, жестамъ и складу рѣчи доходило у Гоголя иногда до того, что люди, не видавшіе прежде ни разу нѣкоторыхъ его знакомыхъ, случалось, тотчасъ узнавали ихъ по его мастерскому заочному изображенію. Въ „Авторской Исповѣди“ онъ такъ вспоминалъ объ этой своей замѣчательной способности художественно воспроизводить характеръ и рѣчь изображаемыхъ лицъ: „Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но *угадать* человѣка, то-есть угадать, что онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей“ ²⁾. Такимъ образомъ, если Гоголь не воспользовался этой драгоценной способностью для сцены, то нѣтъ сомнѣнія, что этой способности прежде всего онъ обязанъ блестящими успѣхами на другомъ, гораздо болѣе славномъ поприщѣ, на которое былъ выдвинутъ не литературнымъ честолюбіемъ или иными случайными побужденіями, но именно непреодолимой внутренней потребностью воплощать въ осязательныя формы образы, мучительно роившіеся въ его воображеніи и достигавшіе поразительной яркости. Образы эти не воспринимались имъ только пассивно, извнѣ, какъ бессознательный и безсвязный матеріалъ, но, глубоко западая въ душу, возбуждали въ ней разнородныя чувства и представленія и въ свою очередь получали яркую субъективную окраску. Последнее обстоятельство и давало жизнь и силу творчеству, такъ какъ главную прелесть произведеніямъ Гоголя сообщаетъ нерѣдко внутренняя теплота чувства и живость проникнутой имъ картины, безъ которой рабски воспроизводимая дѣйствительность возбуждала бы сравнительно блѣдное впечатлѣніе. Каждое художественное произведеніе Гоголя неизмѣнно носитъ на себѣ печать глубокой оригинальности. Справедливо и тонко замѣтилъ одинъ весьма компетентный цѣнитель, что въ „развитіи своемъ Гоголь былъ независимѣе отъ постороннихъ вліяній, нежели какой-либо другой изъ нашихъ первоклассныхъ писателей“ ³⁾. Но эта независимость прежде всего обусловливалась крайней оригинальностью натуры, смѣло пролагавшей свой собственный путь тамъ,

¹⁾ Это мнѣніе раздѣлялъ и самъ Гоголь. См. „Русскій Архивъ“, 1871, 4—5, письмо къ В. А. Жуковскому, стр. 934.

²⁾ Соч. Гоголя, изд. 10-е, т. IV, стр. 24².

³⁾ См. „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“ („Современникъ“ 1856, 2, Критика, стр. 6).

гдѣ другіе слѣдовали авторитетамъ и искали опоры въ избран-
ныхъ образцахъ.

Печать генія рѣзко видѣляла Гоголя и въ самыхъ незначи-
тельныхъ, обыденныхъ случаяхъ жизни, гдѣ ея всего меньше
можно было ожидать, и, какъ всего чаще случается, была замѣ-
чена только тогда, когда его имя гремѣло и было навсегда по-
крыто бессмертною славой. Любопытно, что когда Гоголь юношей
пріѣзжалъ изъ Нѣжина домой на каникулы, онъ такъ же пора-
жалъ сосѣдей, какъ въ школѣ товарищей, преимущественно ис-
куснымъ копированіемъ старшихъ, въ чемъ видѣли, впрочемъ,
пока только балаганное фиглярство, нисколько не подозрѣвая,
что изъ этого насмѣшливаго подростка, а особенно изъ этой его
способности „пересмѣивать“, можетъ выйти со временемъ что-ни-
будь дѣльное. Въ такомъ невыгодномъ мнѣніи нельзя не видѣть
отчасти слѣдовъ недовольства и раздраженія, но до известной
степени оно могло быть искреннимъ, тѣмъ болѣе, что, по соб-
ственному позднѣйшему признанію, въ ранніе годы поэтъ былъ
склоненъ къ веселой безпечности и охотно давалъ волю безот-
четно возникавшимъ иногда представленіямъ. Во время пріѣздовъ
домой на каникулы характеръ его проявлялся весьма разнобо-
разно и мнѣнія о немъ были несходныя, но по большей части
невыгодныя. Однажды онъ такъ писалъ объ этомъ матери: „Я
почитаюсь загадкой для всѣхъ; никто не разгадалъ меня совер-
шенно. *У васъ почитаютъ меня своеобразнымъ, какимъ-то не-
сноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ созданъ на другой
ладъ отъ людей.* Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ
собою вмѣстѣ съ вами? Здѣсь ¹⁾ меня называютъ смиренникомъ,
идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый крот-
кій, тихій, учтивый, въ другомъ—угрюмый, задумчивый, неотсе-
санный, въ третьемъ—болтливъ и докучень до чрезвычайности,
у иныхъ—умень, у другихъ—глушь“ ²⁾. Однимъ словомъ, ориги-
нальная натура чувствовалась въ Гоголѣ многимъ, но понять
или хотя повнимательнѣе вникнуть въ нее едва-ли это изъ окру-
жавшихъ былъ въ состояніи; большинство только отъ души смѣя-
лось надъ жертвами его остроумія или сердилось за нихъ, а въ
школѣ его часто даже наказывали за „шутовство и кривлянье“. Въ
любопытныхъ воспоминаніяхъ А. М. Стороженка приведенъ
между прочимъ слѣдующій отзывъ о Гоголѣ-юношѣ какого-то
старичка изъ военныхъ, рекомендовавшаго его отцу молодого

¹⁾ Т.-е. въ Нѣжинѣ.

²⁾ Соч. и письма Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 71.

нѣжинскаго студента въ такихъ выраженіяхъ: „Это—Гоголь, сынъ Марьи Ивановны, не много путнаго общаетъ. Говорятъ, плохо учится и не уважаетъ своихъ наставниковъ. Вы не повѣрите, какая спичка этотъ *скубентъ*; вчера вечеромъ мы животы надрывали, слушая, какъ онъ передразнивалъ почтеннаго Карла Ивановича, сахаровара Р.“¹⁾ Когда Гоголь, переселившись уже въ Петербургъ, просилъ однажды мать прислать ему сундуки съ старинными малороссійскими костюмами, то онъ дѣлалъ предложеніе, что сосѣди такъ станутъ толковать объ этомъ:

„На чтѣ ему“, я думаю, поговариваетъ Домна Матвѣевна, „весь этотъ скарбъ?“— „То-то онъ еще слизмалу былъ затѣйникъ!“—прибавляетъ Олимпиада Ѳедоровна. „Они еще вмѣстѣ съ Симономъ, какъ прѣзжали изъ Нѣжина, то выстрогивали какой-то органъ изъ дерева“²⁾.

Такъ смотрѣли на Гоголя окружающіе, пока со всѣхъ концовъ Россіи не стали доноситься о немъ восторженные крики, какъ о восходящемъ крупномъ литературномъ свѣтилѣ.

II.

Литературные опыты Гоголя начались, какъ извѣстно, еще въ лицѣ.

Займствуемъ изъ названныхъ выше рукописныхъ воспоминаній слѣдующія любопытныя подробности.

„Сверхклассныя занятія наши не ограничивались театромъ. Въ 1825, 26, 27 годахъ нашъ литературный кружокъ сталъ издавать свои журналы и альманахи, разумѣется, рукописные. Вдвоемъ съ Гоголемъ, лучшимъ моимъ пріателемъ, хотя и не обходилось дѣло безъ ссоръ и безъ драки, потому что оба были запальчивы, издавали мы ежемѣсячный журналъ страницъ въ пятьдесятъ и шестьдесятъ въ желтой оберткѣ съ виньетками нашего издѣлія, со всѣми притязаніями дѣльнаго литературнаго обозрѣнія. Въ немъ были отдѣлы беллетристики, разборы современныхъ лучшихъ произведеній русской литературы, была и мѣстная критика, въ которой преимущественно Гоголь поднималъ на смѣхъ нашихъ преподавателей подъ вымышленными именами. Букольникъ издавалъ также свой журналъ, въ которомъ помѣ-

¹⁾ „Отечественныя Записки“, 1859, 4, стр. 75.

²⁾ Соч. и письма Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 140. Домна Матвѣевна Зарудная, Олимпиада Ѳедоровна Тимченко, сосѣдки М. И. Гоголь, Симонъ—дядька Гоголя, жившіи при немъ въ нѣжинскомъ лицѣ.

псалъ первые опыты своихъ драматическихъ произведеній. По воскресеньямъ собирався кружокъ, человекъ въ 15—20 старшаго возраста, и читались наши труды и шли толки и споры“.

Гоголь въ „Авторской Исповѣди“ говоритъ о себѣ, что онъ „въ послѣднее время пребыванія въ школѣ получилъ навыкъ къ сочиненіямъ, которыя были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ“¹⁾. Къ такимъ произведеніямъ, кромѣ указанныхъ г. Кулишомъ опытовъ и идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ“, слѣдуетъ отнести написанный имъ и потомъ уничтоженный романъ, одна глава изъ котораго была въ 1831 г. напечатана въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты“. Основаніемъ для такого утвержденія служить собственное указаніе Гоголя, что въ книжкѣ, посылаемой имъ матери, послѣдняя найдетъ статью, которую онъ писалъ, бывши еще въ нѣжинской гимназіи. Статья подписана четырьмя О²⁾. Между тѣмъ извѣстно, что подъ этой подписью была напечатана единственно глава изъ историческаго романа „Гетманъ“. „Первая часть была написана и сожжена,—объясняетъ въ примѣчаніи Гоголь,—потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ“. Словамъ Гоголя нѣтъ основанія не вѣрить: если Марья Ивановна склонна была чрезмѣрно обольщаться успѣхами сына и приписывать ему многое, что вовсе ему не принадлежало, то Гоголь во всякомъ случаѣ не могъ такъ безцеремонно обманывать мать, чтобы напоминать ей то, чего даже никогда не было. Въ справедливости словъ Гоголя убѣждаетъ также самое начало отрывка („Между тѣмъ посланникъ нашъ переѣхалъ границу“), а равно и упоминаніе о какой-то Бригиттѣ, очевидно героинѣ романа или какой-нибудь ея наперсницѣ. Итакъ, это былъ въ самомъ дѣлѣ фрагментъ, уцѣлѣвшій отъ крупнаго произведенія, вѣроятно одного изъ тѣхъ, которые Гоголь помѣщалъ въ рукописномъ лицейскомъ журналѣ „Звѣзда“. Вѣроятно, романъ, привезенный въ Петербургъ вмѣстѣ съ „Ганцемъ Кюхельгартеномъ“³⁾, послѣ рѣ-

¹⁾ Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, стр. 248.

²⁾ Соч. Гог., изд. Кулиша, т. V, стр. 134.

³⁾ Идиллію „Ганцъ Кюхельгартенъ“ мы относимъ къ 1827 г. (См. „Ученическіе годы Гоголя“, стр. 78). Къ тому же убѣжденію пришелъ и Н. С. Тихонравовъ въ примѣчаніяхъ къ послѣднему, 10-му, изданію сочиненій Гоголя (т. V, стр. 543 и 545) и г. Кояловичъ въ статьѣ „Дѣтство и юность Гоголя“ въ „Московскомъ Сборникѣ“, 1837, стр. 246. Покойный другъ Гоголя, А. С. Давилевскій, выражалъ мнѣ, впрочемъ, сомнѣніе, чтобы эта идиллія была написана въ Нѣжинѣ: тогда бы о ней было извѣстно товарищамъ. То же соображеніе высказывалъ нѣкогда другой товарищъ Гоголя, Прокоповичъ. Въ такомъ случаѣ можно бы еще допустить, что она была написана во время полугодовой жизни Гоголя въ деревнѣ въ 1828 г., но во всякомъ случаѣ до переѣзда его въ Петербургъ.

шительной неудачи съ идилліей, подвергся одинаковой съ ней участи, на что отчасти намекаетъ и авторъ въ небольшомъ объяснительномъ примѣчаніи; избранная же для печати глава, надо полагать, выдѣлялась особенно эффектомъ неожиданной встрѣчи Лапчинскаго съ Глечивомъ. Замѣчательно, что проблески сильнаго дарованія видны уже и въ этомъ еще совершенно незрѣломъ произведеніи. Въ томъ видѣ, несомнѣнно значительно исправленномъ и измѣненномъ, въ какомъ мы читаемъ теперь главу изъ историческаго романа, она представляетъ много изящныхъ выраженій, чрезвычайно художественныхъ и часто неожиданныхъ сравненій; жѣстами, среди многихъ недостатковъ, глава эта блещетъ перлами истинно гоголевскаго юмора и обличаетъ мастерскую кисть первокласснаго писателя, но въ общемъ все-таки представляется чрезвычайно вялой и безцвѣтной, въ сравненіи хоть бы съ первыми же рассказами „Вечеровъ на хуторѣ“. Впрочемъ, Бѣлинскій видѣлъ уже въ этой главѣ залогъ великой надежды и отнесся къ ней весьма благосклонно ¹⁾. По нашему мнѣнію, эта глава, написанная еще дѣтской рукой будущаго гевія, должна служить любопытнымъ матеріаломъ для изученія художественнаго развитія Гоголя, такъ какъ въ ней вездѣ видны слѣды борьбы художественныхъ приѣмовъ съ нѣкоторой юношеской неопытностью, но самостоятельнаго интереса романъ, конечно, не могъ бы представлять. Самъ авторъ, печатая его, смотрѣлъ на него не болѣе, какъ на черновой набросокъ, который хотя и былъ позднѣе повторенъ въ „Арабескахъ“, но нисколько не внушалъ мысли о переработкѣ цѣлаго ²⁾. Любопытно, что, посылая этотъ отрывокъ матери, Гоголь счелъ нужнымъ прибавить: „Какъ попала (въ альманахъ) статья, я никакъ не могу понять. Издатели говорятъ, что они давно получили ее при письмѣ отъ неизвѣстнаго, и если-бы прежде знали, что моя, то не помѣстили бы, не спросивши напередъ меня, и потому я васъ прошу не объявлять ее моею никому ³⁾; сохраняйте ее для себя“. Зная теперь характеръ Марьи Ивановны ⁴⁾, мы ни на минуту не можемъ усомниться,

¹⁾ См. Соч. Бѣлинскаго, т. I, стр. 234.

²⁾ Н. С. Тихонравовъ относитъ этотъ отрывокъ къ 1830 г., какъ помѣчено и въ „Арабескахъ“; но это относится, конечно, уже къ окончательной редакціи отрывка.

³⁾ Курсивъ здѣсь и ниже принадлежитъ намъ. Мѣсто это см. въ Соч. Гог., изд. Кулиша, т. V, стр. 134.

⁴⁾ См. „Марья Ивановна Гоголь“, біографическій очеркъ Н. А. Бѣлозерской („Русск. Стар.“, 1887, 3), статью Трофимовскаго съ тѣмъ же заглавіемъ („Русская Старина“, 1888, 7), „Отношенія Гоголя къ матери“ А. М. Черняцкой („Историческій Вѣстникъ“, 1889, 6) и мои статьи: „Родители Гоголя“ („Историч. Вѣстникъ“, 1889, 1 и 2) и „Еще объ отношеніяхъ Гоголя къ матери“ („Истор. Вѣстн.“, 1889, 12).

что это предупрежденіе имѣло цѣлью удержать ее отъ похвалы сочиненіемъ сына. Для Гоголя представляло большой интерес испытать свои силы и узнать, можетъ ли имѣть значеніе его юношескій трудъ, но, при крайне щекотливомъ авторскомъ самолюбіи, какимъ онъ отличался въ молодости, онъ, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ отдавать его на судъ публики подъ собственнымъ именемъ. „Пріятно,—продолжаетъ онъ,—похвастаться чѣмъ-нибудь совершеннымъ, но тѣмъ, что носить на себѣ печать *младенческаго* несовершенства, не совсѣмъ пріятно“. Какъ всегда случилось съ Гоголемъ, создавъ лучшее, онъ чувствовалъ уже отвращеніе къ написанному раньше и могъ рискнуть напечатать ранній опытъ, только ободренный первымъ литературнымъ успѣхомъ. Что Гоголь именно такъ смотрѣлъ на отрывокъ, доказывается и перенесеніемъ изъ него нѣкоторыхъ болѣе удачныхъ поэтическихъ подробностей въ другія, позднѣйшія произведенія. Ср., напр., замѣчаніе о юморѣ малороссіянъ здѣсь и въ „Тарасъ Бульба“, разспросы и неточные отвѣты о разстояніи здѣсь и въ разсказѣ о поѣздѣ Чичикова къ Манилову, пробужденіе всадника Лапчинскаго отъ думъ вслѣдствіе неровностей дороги и Чичикова въ нѣсколькихъ мѣстахъ поэмы, въ подобныхъ же случаяхъ неожиданный эффектъ при объявленіи своего имени Глечицомъ и сходный случай въ „Мертвыхъ Душахъ“¹⁾.

Разсматривая главу изъ историческаго романа съ стилистической точки зрѣнія, нельзя не обратить вниманія на признаки, общіе ей съ другими наиболѣе ранними произведеніями Гоголя. Еще критика Полевого отмѣтила въ „Вечерахъ на хуторѣ“ нѣкоторыя излишества въ сравненіяхъ и метафорахъ, хотя эти сравненія и метафоры очень удачны. То же находимъ и въ занимающемъ насъ отрывкѣ²⁾. Со стороны содержанія въ высшей степени любопытенъ выборъ сюжета изъ историческаго прошлаго

¹⁾ Кромѣ того есть много другихъ, болѣе мелкихъ, но тѣмъ не менѣе поразительныхъ чертъ сходства между разсматриваемой главой и позднѣйшими произведеніями. Достаточно сравнить, напр., два отрывка: „Часто дорога, уклоняясь отъ ровной поверхности, проскальзывала въ рытвинѣ, царапалась по косоюру, вѣшалась надъ провалами“ и пр. (Соч. Гог., изд. 10-е, т. V, стр. 130). Въ Украинѣ „разновидная природа начинается становиться изобрѣтательницею; она раскинула степи прекрасныя, вольныя, часто неожиданно среди нихъ опрокинула косоюру и по вьющимся лентамъ рѣкъ разбросала очаровательныя виды, протянула во всю длину Днѣпръ“ и проч. (тамъ же, стр. 199).

²⁾ „Солнце медленно прощалось съ землею. Живописная облака, обвѣчанные по краямъ огненными лучами, поминутно мѣняясь и разрываясь, летѣли по воздуху. Сумерки угрюмо надвигали сизую тѣнь свою и притворили мало-по-малу ставни окошекъ, освѣщавшихъ свѣтлѣй Божій міръ“ и проч.

Малороссіи; здѣсь сказалась въ Гоголѣ и любовь къ родной Украинѣ, и близкое знакомство съ ея бытомъ и нравами, и знаніе человѣческаго характера вообще, а малороссійскаго въ особенности, наконецъ умѣнье драматически вести разговоры дѣйствующихъ лицъ. Выборъ сюжета важенъ и потому, что подтверждаетъ показаніе А. С. Данилевскаго, что Гоголь еще въ дѣтствѣ живо интересовался исторіей, и этотъ же фактъ слѣдуетъ привести въ связь съ позднѣйшимъ выборомъ имъ профессіи преподавателя исторіи сначала въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ и въ университетѣ.

Гораздо ниже въ художественномъ отношеніи другой отрывокъ изъ того же романа, озаглавленный: „Плѣнникъ“; но и онъ вошелъ въ „Арабески“, хотя Гоголь и не рѣшался напечатать его въ журналѣ. Неизвѣстно, было ли одно изъ этихъ сочиненій тѣмъ избраннымъ, которое Гоголь, ученикомъ лица, мечталъ преподнести „его превосходительству Дмитрію Прокофьевичу“ (Трощинскому), но что Гоголь не разъ присылалъ изъ Нѣжина матери лучшія свои сочиненія—видно изъ нѣсколькихъ мѣстъ переписки ¹⁾. Въ его колебаніяхъ представить сочиненіе на судъ сначала Трощинскаго, а потомъ и всей публики, слѣдуетъ видѣть не столько строгость къ себѣ „взыскательнаго художника“, которая явилась позднѣе, сколько простую мнительность новичка; иначе онъ не включилъ бы впоследствии эти отрывки въ „Арабески“. Нѣкоторые образы изъ „Плѣнника“ вошли впоследствии въ переработанномъ видѣ въ VI главу „Тараса Бульбы“ (описаніе церкви во время осады). Но замѣчаніе объ испорченномъ вкусѣ византійской архитектуры было внесено позднѣе, когда Гоголь въ Петербургѣ и въ первую повѣдку за границу особенно развилъ въ себѣ вкусъ къ искусствамъ.

III.

Притокъ новыхъ впечатлѣній, охватившихъ Гоголя въ Петербургѣ, и быстро расширившійся жизненный опытъ оказали самое могущественное дѣйствіе на его настроеніе и характеръ творчества. Если знакомство съ Петербургомъ не разъ производило переломъ въ людяхъ среднихъ лѣтъ и съ установившимися убѣжденіями, то, конечно, оно не могло не отразиться весьма замѣтно на всемъ складѣ нравственной личности только-что вступающаго

¹⁾ Соч. Гог., изд. Кулиша, т. V, стр. 80, 37 и 40.

въ жизнь и по природѣ крайне впечатлительнаго юноши. Заранѣ составленныя представленія о столицѣ не оправдались, и мечтательное настроеніе, создавшее „Ганца Кюхельгартена“, исчезло при встрѣчѣ съ дѣйствительностью. Несостоятельность его стала ясна Гоголю и заставила его обратиться къ новымъ идеаламъ, такъ что если онъ не оставилъ мысли напечатать „Ганца Кюхельгартена“, то во всякомъ случаѣ онъ не могъ больше вѣрить въ достоинство своихъ дѣтскихъ грѣзъ, чтд и связалось уже въ предисловіи. Еще до неудачи „Ганца“ онъ намѣтилъ себѣ иной путь и задачи для творчества.

Но какъ бы скоро ни смѣнялись его планы дѣятельности, во всякомъ случаѣ необходимо допустить для этого извѣстный промежутокъ времени, тѣмъ болѣе, что первые мѣсяцы въ Петербургѣ прошли въ ознакомленіи со столицей и новыми условіями жизни. Слѣдовательно, если первые мѣсяцы 1829 г. были отчасти посвящены обработкѣ и приготовленію къ печати „Ганца Кюхельгартена“, то уже тогда, подѣ влияніемъ страстныхъ воспоминаній о родинѣ, постепенно зародилась и развилась мысль о малороссійскихъ повѣстяхъ и разсказахъ. Вѣдь извѣстно, что Гоголь имѣлъ наклонность съ особенной яркостью воскрешать въ своемъ представленіи картины покинутаго имъ быта.

Основная канва „Вечеровъ на хуторѣ“ во всякомъ случаѣ должна была возникнуть изъ наблюдений, накопившихся съ дѣтства, но особенно въ промежутокъ послѣ окончанія Гоголемъ курса въ Нѣжинѣ до отъѣзда въ Петербургъ, когда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ пробылъ дома безъ дѣла и въ ожиданіи предстоящей поѣздки ему ничего не представлялось иного, какъ наблюдать окружающую жизнь. Не только о систематическомъ, но даже о сколько-нибудь сознательномъ и преднамѣренномъ собираніи матеріаловъ здѣсь не могло быть и рѣчи, такъ какъ самая мысль о „Вечерахъ“ явилась позже, и тогда-то Гоголь живо почувствовалъ отрывочность и неполноту накопившихся у него данныхъ. Гоголь ясно созналъ, что ему уже нельзя было довольствоваться одними собственными наблюденіями, какъ бы ни были богаты и ярки сложившіеся на основаніи ихъ художественные образы; это было неизбѣжно по самому возрасту автора и особенно по отсутствію вполне опредѣленной цѣли, на которую могли быть направлены его наблюденія. Поэтому, вѣроятно, ему не удалось кончить ни одного изъ своихъ исключительно бытовыхъ малороссійскихъ разсказовъ, написанныхъ до возвращенія его въ Малороссію лѣтомъ 1832 года. Такъ въ повѣсти „Страшный кабанъ“ прекрасно отразились уже главные особенности та-

ланта Гоголя, и если она не была вполне обработана и доведена до конца, то, без сомнѣнія, по недостатку повѣствовательнаго, но никакъ не описательнаго матеріала. Повѣсть эта, встаети, думается намъ, создалась благодаря потребности нарисовать такую же картину захолустной малороссійской жизни, подобную которой Гоголь позднѣе далъ въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“. Конечно, мы видимъ здѣсь лишь самое общее сходство, но любопытно, что и въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ описательный элементъ значительно преобладаетъ надъ повѣствовательнымъ. Неоконченной осталась также другая исключительно бытовая малороссійская повѣсть: „Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тетуська“. Напротивъ, пріѣзды Гоголя въ Малороссію лѣтомъ 1832 и 1835 годовъ уже дали ему возможность обновить и расширить запасъ юношескихъ наблюдений, и уже послѣ перваго изъ нихъ создались такіа произведенія, какъ „Старосвѣтскіе помѣщики“ и „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“.

Мысль о „Вечерахъ“ возникла приблизительно въ то время, когда Гоголь въ цѣломъ рядѣ писемъ сталъ просить мать о присылкѣ ему малороссійскихъ сказокъ, легендъ и преданій. По самой формѣ, въ какой она высказывалась, видно, что это была новая, свѣжая мысль, да иначе и быть не могло, такъ какъ въ противномъ случаѣ просьба эта была бы заявлена раньше, да и самъ Гоголь не пропустилъ бы, конечно, возможности лично участвовать въ дѣлѣ и руководить имъ. По собственнымъ словамъ Гоголя въ „Авторской Исповѣди“, онъ долго не сознавалъ своего призванія и мечталъ преимущественно объ успѣхахъ по службѣ¹⁾; притомъ даже въ первые мѣсяцы своей жизни въ Петербургѣ онъ не имѣлъ въ сущности никакихъ данныхъ для увѣреннаго посвященія себя литературѣ; все это выяснилось позднѣе, а пока онъ слѣдовалъ единственно инстинкту творчества. Въ то же время Гоголь поручалъ прислать ему изъ дому и комедіи отца, „такъ какъ въ Петербургѣ занимаетъ всѣхъ все малороссійское“. „Я постараюсь попробовать, — говорилъ онъ, — нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній (петербургскій) театръ. За это, по крайней мѣрѣ, *достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ*, а по моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ — къ третьему, и такъ далѣе“²⁾). Такъ преимущественно съ матеріальной точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на дѣло вна-

¹⁾ Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, стр. 248.

²⁾ Соч. и письма Гоголя, изд. Кулишъ, т. V, стр. 82.

чалъ. Тоска по Украинѣ въ далекой столицѣ, гнетъ нужды и могучій призывъ таланта соединились вмѣстѣ, чтобы навести Гоголя на мысль о малороссійскихъ повѣстяхъ, которая, впрочемъ, какъ мы увидимъ, блеснула ему на минуту и раньше.

Уже изъ первыхъ писемъ къ матери съ просьбами о присылкѣ матеріаловъ ясно, что вскорѣ мысль о повѣстяхъ достаточно созрѣла въ головѣ поэта и успѣлъ даже отчасти обозначиться планъ. Замѣчательно, на примѣръ, что Гоголь хлопочетъ преимущественно о тѣхъ свѣденіяхъ, которыя ему тотчасъ же пригодились для „Вечера наканунѣ Ивана Купала“ ¹⁾. Всѣ просьбы его были исполнены съ большою готовностью: для обожаемаго сына Марья Ивановна подняла на ноги весь домъ и старалась привлечь къ дѣлу и постороннихъ, но особенно потрудилась старшая изъ сестеръ Гоголя; Марья Васильевна. Конечно, все это потребовало времени, и даже черезъ мѣсяцъ Гоголь, не получивъ еще ничего, повторяетъ просьбу: „Я думаю, вы не забудете извѣщать меня постоянно объ обычаяхъ малороссіянъ. Я все съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма. Время свое я такъ расположилъ, что и самое отдохновеніе, если не теперь, то въ скорости принесетъ мнѣ существенную пользу“ ²⁾. Что Гоголь не былъ и послѣ разочарованъ въ значеніи получаемыхъ имъ изъ дому матеріаловъ и охотно ими пользовался, несомнѣнно потому, что почти въ каждомъ письмѣ онъ повторялъ свою просьбу, а однажды даже прямо призналъ любопытными и драгоценными гѣсни, собранныя для него матерью, сестрой, теткой ³⁾, наконецъ, также двумя приживалками матери ⁴⁾. Иногда же, какъ было сказано, число сотрудниковъ увеличивалось и сторонними лицами; такъ однажды Гоголь поручалъ матери благодарить отъ его имени какого-то Савву Кирилловича ⁵⁾, — вѣроятно, одного изъ сосѣдей, но не изъ короткихъ знакомыхъ, судя по тому, что его рѣшительно отказывался припомнить А. С. Данилевскій, а также и Анна Васильевна Гоголь, которая, впрочемъ, была въ то время ребенкомъ. Между сообщеніями этихъ лицъ, безъ сомнѣнія, встрѣчались рассказы о кладахъ, описанія игръ, преданій, повѣрій. Во всякомъ случаѣ помощь, оказанная Гоголю въ его трудѣ родственниками, была немаловажная. Хотя мы не имѣемъ возможности опредѣлить, за отсутствіемъ положи-

¹⁾ См. „Ученнческіе годы Гоголя“, стр. 93.

²⁾ Соч. Гоголь, изд. Кулиша, V, стр. 88.

³⁾ Екатериной Ивановной Ходаревской, сестрой Марьи Ивановны Гоголь.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 107.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 88.

тельныхъ данныхъ, какую именно роль играли собранныя ими свѣденія въ ряду другихъ источниковъ для „Вечеровъ“, но, внимательно вчитываясь въ переписку, можно отмѣтить нѣсколько соображеній.

Во-первыхъ, интересъ къ предположенной работѣ въ теченіе болѣе чѣмъ годичнаго промежутка времени, когда онъ могъ посвящать свое время обработкѣ матеріаловъ для „Вечеровъ“, былъ у Гоголя далеко не одинаковый. Вся эта работа творчества, по нашему мнѣнію, не должна быть разсматриваема самостоятельно и безъ связи съ матеріальной обстановкой и прозаическими заботами, наполнявшими въ данный періодъ почти все существованіе Гоголя. Такъ едва-ли можно сомнѣваться, что въ 1829 году, подъ вліяніемъ цѣлой совокупности разныхъ причинъ, Гоголь имѣлъ возможность развѣ приступить къ „Вечерамъ на хуторѣ“, тогда какъ, напротивъ, въ послѣдующіе годы его творчество шло несравненно усгѣпнѣе. Уже одно то надо помнить, что это былъ годъ волненій и безпокойныхъ, лихорадочныхъ порывовъ. Трудно предположить возможность сосредоточенной работы, когда приходится убѣждаться изъ каждаго письма, что Гоголь въ первые мѣсяцы своей петербургской жизни положительно бросался во всѣ стороны, постоянно переходя отъ одного настроенія къ другому. Иногда инстинктивная увѣренность въ своихъ силахъ внушала ему бодрость при встрѣчѣ съ житейскими испытаніями. „Знаю,— писалъ онъ,— что еслибы втрое, вчетверо, всотеро разъ было болѣе нужды, и тогда онѣ не поколебали бы меня и не остановили меня на моей дорогѣ“¹⁾. Но снова его сжимала нужда, и тогда тонъ невольно понижался. „Вездѣ,—жаловался онъ тогда,—я встрѣчалъ однѣ неудачи, и что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать“²⁾. Когда А. С. Данилевскій, сожитель Гоголя, поступилъ въ швобу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, послѣднему стало еще тяжелѣе: всѣ расходы, распредѣлявшіеся прежде между двоими, обрушиваются на одного Гоголя. Въ этому присоединялись одна за другой разныя иныя неудачи, но были и надежды: передъ самымъ отъѣздомъ за границу Гоголь могъ надѣяться на полученіе должности уже съ овладомъ въ тысячу рублей... Гоголь, какъ извѣстно, собрался въ путь чрезвычайно быстро³⁾, не смущаясь никакими помѣхами и остановками, взявъ деньги изъ опекунскаго совѣта, а нѣкоторыя необходимыя вещи

¹⁾ Соч. Гоголя, изд. Кулиша, V, стр. 78.

²⁾ Тамъ же, стр. 85.

³⁾ Тамъ же, стр. 88.

(шубу, часть бѣлья)—у своего друга Данилевскаго ¹⁾. Собравшись въ дорогу, онъ получилъ, наконецъ, изъ дому давно нетерпѣливо ожидаемая свѣденія, но уже не успѣлъ ими воспользоваться, и тѣмъ болѣе, конечно, не имѣлъ ни возможности, ни охоты посвятить имъ время за границей. Во время поѣздки ему неизбежно должны были представиться мелкія дорожныя хлопоты и заботы; онъ былъ неспокоенъ духомъ, мучился безпокойствомъ и угрызениями совѣсти, колебался, продолжать ли путь, или вернуться назадъ, наконецъ, предавался, насколько это было возможно въ его настроеніи, новымъ, неизвѣданнымъ впечатлѣніямъ ²⁾. Обстановка едва-ли была благопріятна для творчества, да и самыя впечатлѣнія дороги были сильно отравлены. Скоро пришлось раскаиваться въ необдуманномъ поступкѣ. Сколько борьбы съ собственной совѣстью слышится хоть бы въ наивномъ, повидимому, намѣреніи успокоить и себя, и мать тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь „письма только четырьмя днями позднѣе будутъ доходить“ ³⁾.

Между тѣмъ подъ вліяніемъ неудачъ Гоголь сталъ строже относиться къ себѣ и все больше утверждался въ рѣшеніи не спѣшить обнародованіемъ своего труда. Измѣнивъ во многомъ свои взгляды, онъ оставался твердъ въ этомъ убѣжденіи. Еще до поѣздки за границу онъ писалъ матери: „Сочиненіе мое, если

¹⁾ По весьма вѣроятному предположенію г. Тихонравова, поѣздка была предпринята преимущественно подъ впечатлѣніемъ свѣжей раны отъ неудачи „Гаяца Кельсгартена“.

²⁾ Въ одномъ иностранномъ сочиненіи „Literarische Streifzüge durch Russland“, Цабелъ, намъ попалось слѣдующее курьезное сообщеніе о Гоголѣ: „Nachdem er seine Schulstudien in Neeschin beendet hatte, siedelte er nach Petersburg über, wo er in sehr abenteuerliche Verhältnisse hineingerieth. Er versuchte als Schreiber in einem Ministerium seinen Lebensunterhalt zu bestreiten, und als das nicht ging, gedachte er zuerst russischer, dann deutscher Schauspieler zu werden, wobei er bis nach Hamburg verschlagen wurde“ (стр. 15).

³⁾ Но польза отъ путешествія была несомнѣнная, потому что съ этихъ поръ, подъ вліяніемъ впечатлѣній, оставленныхъ въ Гоголѣ видомъ вѣдскихъ старинныхъ городковъ съ ихъ оригинальнымъ характеромъ, съ изящными готическими постройками, у него усилилась страсть къ живописи и архитектурѣ. Слѣды этого вліянія, между прочимъ, ясно видны изъ слѣдующихъ мѣстъ переписки: „Прошу васъ приказывать вымѣрять длину, ширину, высоту дома, и каждой комнаты порознь, или лучше—приказать кому-либо знающему написать планъ и фасадъ въ внѣшнемъ его состояніи съ масштабомъ. Я нашелъ способъ расположить его чрезвычайно удобно при самой небольшой передѣлкѣ, на манеръ нѣкоторыхъ домовъ, *видѣнныхъ мною въ Германіи*“ (изданіе Кулиша, V, 99). Въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова говоритъ: „Я хотѣлъ-было сначала дать дому фасадъ совершенно въ новомъ вкусѣ *на манеръ видѣнныхъ мною въ образованной Европѣ*“ (тамъ же, стр. 101). Это направленіе вкуса отразилось вскорѣ въ статьяхъ: „Женщина“, „Скульптура, живопись и музыка“.

когда выйдет, будетъ на иностранномъ языкѣ, и тѣмъ болѣе нужна мнѣ точность... Въ тиши уединенія я готовлю запасъ, *котораго порядочно не обработавши не пушу въ свѣтъ*; я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе заниматься поверхностно¹⁾. Почти черезъ годъ онъ повторяетъ: „Теперь я собираю матеріалы только и въ тишинѣ обдумываю свой обширный трудъ“²⁾.

Можно установить приблизительно, что интересъ къ труду надъ „Вечерами“ возникъ въ апрѣлѣ 1829 г. и постепенно возрасталъ до поѣздки за границу, затѣмъ онъ на время значительно ослабѣваетъ. Въ первомъ письмѣ, въ которомъ Гоголь проситъ сообщить ему малороссійскія преданія, онъ совсѣмъ не говоритъ о своей настоящей цѣли, можетъ быть не вполне выяснившейся и находившейся на степени предположенія, и упоминаетъ лишь, что желаемыя имъ свѣденія будутъ для него „весьма занимательны“ — и только. Конецъ письма показывалъ ясно, что онъ смотрѣлъ на дѣло пока не больше какъ на попытку, что надежда на удачную художественную обработку ожидаемаго матеріала была одной изъ тѣхъ разнообразныхъ надеждъ, которымъ онъ тогда предавался. Но онъ уже проситъ мать чаще писать ему, по два раза въ мѣсяцъ, „тѣмъ болѣе, что самыя наблюденія того требуютъ“³⁾. И дѣйствительно съ этихъ поръ переписка оживляется. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ писемъ, изъ которыхъ видно, что замыселъ опредѣляется, зрѣетъ; были намѣчены вопросы и указывалась программа, которой надо было слѣдовать при отыскиваніи матеріаловъ. Такъ въ одномъ письмѣ Гоголь проситъ особенно прислать описаніе нѣкоторыхъ карточныхъ игръ, что заставляетъ думать, что у него смутно мелькала мысль о рассказѣ „Пропавшая грамота“. Онъ проситъ также сообщать о духахъ и нечистыхъ съ ихъ дѣлами. Понятно, что скорое полученіе отвѣта становится для него предметомъ большой важности, бо между тѣмъ какой деликатный, какой умѣренный тонъ просьбы! Еще недавно въ печати высказывалось мнѣніе о грубомъ, эгоистическомъ отношеніи Гоголя къ матери; но достаточно обратить вниманіе на только-что указанный фактъ, чтобы убѣдиться, что это мнѣніе несправедливо. Можно скорѣе удивляться, какъ терпѣливо и сдержанно дожидался Гоголь сообщеній изъ дому, хотя съ другой стороны это происходило и отъ твердой увѣренности, что горячо любящая мать съ полнымъ вниманіемъ отнесется къ каждой незначительной просьбѣ, такъ что и степень важности ея

¹⁾ Изданіе Кулиша, т. V, стр. 88.

²⁾ Тамъ же, стр. 114.

³⁾ Тамъ же, стр. 82.

долго не указывается. Многихъ свѣденій Гоголю, конечно, не могли доставить по его желанію; нѣкоторыя замѣнялись свѣденіями соответствующаго характера. Такъ Гоголю, вѣроятно, не были доставлены описанія карточныхъ игръ въ панфиля и въ пашовъ, и онъ долженъ былъ въ „Пропавшей граматѣ“ ограничиться разсказомъ дѣда объ игрѣ въ дурни, тогда какъ не можетъ быть сомнѣнія, что еслибы желаемыя свѣденія были получены, то онъ непременно воспользовался бы ими съ цѣлью придать разсказу наиболѣе яркой малороссійскій колоритъ. Также вмѣсто описанія хороводной игры въ хрещика и въ журавля, очевидно, было доставлено описаніе игры въ ворона, которое и вошло въ „Майскую Ночь“. Въ этой замѣнѣ можно легко убѣдиться по сходству игръ: объ онѣ хороводныя, весеннія и въ обѣихъ принимаютъ участіе однѣ дѣвушки ¹⁾.

По нетерпѣливому ожиданію матеріаловъ, по характеру самихъ просьбъ, ясно указывающихъ на постепенное выясненіе плана, становится вѣроятнымъ, что Гоголь принялся за трудъ еще до полученія отвѣта изъ дому. Даже передъ самымъ отъѣздомъ за границу, когда мысли его были отвлечены въ другую сторону, онъ писалъ, что „готовить запасъ въ тиши уединенія“. Но не говоря уже о томъ, что во время заграничной поѣздки Гоголь *не проронилъ ни одного слова* о занимавшемъ его прежде вопросѣ, и по возвращеніи въ Петербургъ онъ не скоро возобновляетъ напоминанія. Такъ, даже матери Гоголь не любилъ говорить преждевременно о своихъ планахъ изъ опасенія неудачи, но, увѣрившись въ успѣхъ, тотчасъ сообщаетъ о результатахъ ²⁾. Въ началѣ 1830 г. были напечатаны двѣ литературныхъ работы

¹⁾ Описаніе игры въ ворона см. у Чубинскаго въ его „Трудахъ“, т. III, стр. 78: „Въ этой игрѣ дѣйствующія лица: воронъ, мать, дѣвчина и дѣти. Впереди становится мать; дѣвчина, стоящая за ней, беретъ крѣпко другую за плечо, а первая изъ нихъ беретса за мать“ и пр. Объ игрѣ въ хрещика у него же, т. III, стр. 82. Въ эту игру большею частью играютъ однѣ дѣвушки. Участвующихъ въ игрѣ должно быть непременно нечетное число. Играющія непременно становятся парно—одна противъ другой. Когда всѣ станутъ, дѣвушка, оставшаяся лишней, подбѣгаетъ и становится возлѣ какой ей угодно пары играющихъ. Одна изъ дѣвушекъ той пары, къ которой присоединилась оставшаяся, увидѣвъ присоединившуюся къ ней дѣвушку, уходитъ къ другой сосѣдней или противоположной парѣ. Дѣвушка, оставшаяся нечетной, должна ловить бѣгущую; если поймаетъ, то пойманная занимаетъ ея мѣсто, а пойманная становится въ пару на мѣсто пойманной.

Эта игра, поразительно сходная съ игрой въ ворона, была замѣнена послѣдней, какъ болѣе подходившею къ характеру вѣдъми, мачихи утопленница.

²⁾ Такимъ образомъ, можно предполагать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда намеки Гоголя остались потомъ неразъясненными, онъ встрѣтилъ неудачи въ своихъ предпріятіяхъ.

Гоголя: переводная — „О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка“ (въ „Сѣверномъ Архивѣ“ Булгарина) и „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“ (въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина). Объ этой удачѣ Гоголь тотчасъ же пишетъ матери: „Жалованья получаю сущую бездѣлицу. *Весь мой доходъ состоитъ изъ того, что иногда напишу или переведу какую-нибудь статейку для и. журналистовъ*, и потому вы не сердитесь, моя великодушная маменька, если я васъ часто безпокою просьбою доставлять мнѣ свѣденія о Малороссіи или что-либо подобное. *Это составляетъ мой хлѣбъ* ¹⁾. Затѣмъ слѣдуютъ разспросы, имѣющіе въ виду, можетъ быть, уже матеріалъ для „Страшной Мести“. Но гонораръ, полученный Гоголемъ отъ „Сѣвернаго Архива“, былъ незначительный (20 р.) и хотя неизвѣстенъ размѣръ гонорара, выданнаго „Отечественными Записками“, но подчеркнутое выраженіе Гоголя оказывается сильно преувеличеннымъ. Теперь интересъ Гоголя обращается преимущественно на прошлое Малороссіи. „Нѣтъ ли въ нашихъ мѣстахъ, — освѣдомляется Гоголь, — какихъ записокъ, веденныхъ предками какой-нибудь старинной фамиліи, рукописей стародавнихъ про времена гетманщины и прочаго подобнаго“ ²⁾).

10-го апрѣля 1830 года Гоголь поступилъ на службу въ департаментъ удѣловъ ³⁾. Но служба стѣсняла его и отвлекала отъ литературныхъ трудовъ. „Занявшись службой такъ, какъ слѣдуетъ, — пишетъ онъ, — я не въ состояніи буду заниматься посторонними дѣлами“. Наконецъ, съ половины 1830 года Гоголь совершенно прекращаетъ рѣчь о присылкѣ матеріаловъ и обращается къ окончательной редакціи своихъ повѣстей и тѣхъ отрывковъ, о которыхъ рѣчь была раньше.

IV.

Мы говорили выше, что если мысль о „Вечерахъ“ явилась подъ влияніемъ обширнаго запаса наблюденій, вынесенныхъ Гоголемъ изъ его прежней жизни въ Малороссіи, то этихъ запасовъ оказалось слишкомъ недостаточно, и матеріалы, почерпаемые имъ изъ народныхъ преданій и легендъ, были положительно необходимы.

Но какъ Гоголь пользовался матеріалами?

¹⁾ Изданіе Кулиша, т. V, стр. 108.

²⁾ Тамъ же, т. V, стр. 104.

³⁾ Соч. Гог., изд. 10-е, т. I, стр. 98.

Иногда, конечно, они могли иначе направлять творчество Гоголя, нежели какъ онъ предполагалъ сначала, но главнымъ образомъ было наоборотъ: художественныя представленія, роившіяся въ головѣ писателя, указывали путь творчеству; сообразно съ ними онъ набрасывалъ программу для руководства домашнихъ въ ихъ сотрудничествѣ, а затѣмъ по полученіи отъ нихъ данныхъ могъ уже съ болѣею увѣренностью обрабатывать сюжеты для своихъ повѣстей, въ общихъ чертахъ соответствовавшіе первоначальному плану.

Изъ четырехъ разсказовъ, составившихъ первую книжку „Вечеровъ“, только одинъ („Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“) относится, несомнѣнно, къ 1829 г., и тогда же сданъ въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“. Но любопытно, что повѣсти: „Сорочинская Ярмарка“ и „Майская Ночь“, по свидѣтельству г. Тихонравова, были написаны на листахъ, имѣющихъ воляной фабричный знакъ съ цифрою 1829. Вѣроятно, и онѣ были начаты именно въ этомъ году. Не лишнее обратить вниманіе на то, что въ нихъ приемы творчества иные, чѣмъ въ другихъ повѣстяхъ. Особенно самый характеръ описанія въ началѣ „Сорочинской Ярмарки“ своимъ вполне литературнымъ и во всякомъ случаѣ далеко не безыскусственнымъ изложеніемъ ясно показываетъ, что въ мысляхъ автора еще не носилось представленіе о дьячкѣ-разсказчикѣ, или тѣмъ болѣе о позднѣйшемъ пасѣчникѣ, отъ имени которыхъ велся потомъ разсказъ. Напротивъ, въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купалы“ и въ „Пропавшей грамотѣ“, Гоголь совершенно входитъ не только въ тонъ рѣчи, но и въ самый кругъ представленій воображаемаго дьячка, какъ напр. показываетъ слѣдующее мѣсто: „Знаю, что много наберется такихъ умниковъ, пописывающихъ по судамъ и читающихъ даже гражданскую грамоту, которые, если дать имъ въ руки простой часословъ, не разобрали бы ни аза въ немъ; а показывать на позоръ свои зубы—есть умѣнье“¹⁾). Притомъ въ обѣихъ прежде названныхъ повѣстяхъ встрѣчаются отсутствующіе въ другихъ разсказахъ эпиграфы изъ „Энеиды“ Котляревскаго, изъ Артемовскаго-Гулава, изъ малороссійскихъ пѣсенъ и изъ комедій Гоголя-отца, — словомъ, преимущественно, слѣды вліянія печат-

¹⁾ Въ „Ночи передъ Рождествомъ“ также упоминается Гома Григорьевичъ („Рожа у чорта,—какъ говорить Гома Григорьевичъ,—мерзость мерзостью, однакожъ и онъ строитъ любовныя куры“ (Соч. Гог., изд. X, т. I, 103), а вначалѣ есть примѣчаніе Пасѣчника. Къ повѣсти „Иванъ Федоровичъ Шпонька“ есть предисловіе Пасѣчника съ упоминаніемъ о Степанѣ Ивановичѣ Курочкѣ, о которомъ говорится также въ предисловіи вообще ко 2 тому.

ныхъ источниковъ. Подъ вліаніемъ каждаго изъ названныхъ образцовъ, безъ сомнѣнія, сложились даже нѣкоторыя подробности разсказа въ соответствующихъ эпиграфамъ главахъ, или точнѣе, они дали толчокъ творческой работѣ Гоголя въ томъ или другомъ направленіи. Все это замѣтно преимущественно въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и слегка въ „Майской Ночи“. Можетъ быть, Гоголь началъ эти повѣсти еще до поѣздки за границу, не дождавшись присылки изъ дому обѣщанныхъ матеріаловъ; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что еще въ дѣтствѣ онъ основательно зналъ эти произведенія; и напротивъ, еслибы онъ получилъ уже другіе матеріалы, то замѣтнѣе были бы слѣды послѣднихъ, какъ, благодаря имъ, онъ вскорѣ написалъ и приготовилъ къ печати разсказъ: „Вечеръ наванунѣ Ивана Купалы“. Да и указанное нами прежде сходство нѣкоторыхъ образовъ въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и „Майской Ночи“ съ „Ганцемъ Кюхельгартенемъ“, повидимому, снова подкрѣпляютъ наше предположеніе ¹⁾. Далѣе современная критика указывала въ „Вечерахъ“ обиліе троповъ и сравненій (а Булгаринъ при своемъ безвкусіи находилъ въ нихъ даже „многословіе и длинное описаніе бугровъ и рощей“), и ихъ мы встрѣчаемъ именно въ началѣ „Сорочинской Ярмарки“, какъ болѣе раннемъ опытѣ. Слѣдовательно, если указанный г. Тихонравовымъ водяной знакъ на одномъ изъ листовъ рукописи „Сорочинской Ярмарки“ и побуждаетъ насъ вслѣдъ за почтеннымъ изслѣдователемъ отнести повѣсть къ 1830 г., то мы все-таки думаемъ, что въ этомъ году она была лишь окончена или, быть можетъ, только переписана. Такъ представляется возможность безъ натяжки примирить соображенія Тихонравова и даты, обозначенныя въ прежнихъ изданіяхъ сочиненій Гоголя.

При опредѣленіи источниковъ, которыми пользовался Гоголь для „Вечеровъ на хуторѣ“, всего важнѣе было бы, конечно, имѣть письма къ нему матери и домашнихъ въ 1829-1830 гг. Въ сожалѣнію, разъѣздная жизнь не позволила ему сохранить въ своемъ архивѣ эти иногда очень цѣнные матеріалы, и въ бумагахъ его наслѣдниковъ эти документы отсутствуютъ. За невозможностью въ настоящее время возстановить эти утраченные источники, попытаемся, по крайней мѣрѣ, дать себѣ отчетъ въ томъ, что именно въ „Вечерахъ“ не только могло, но и должно было несомнѣнно принадлежать автору, какъ плодъ его вполне самостоятельнаго вдохновенія.

Первые разсказы Гоголя носятъ явные слѣды соединенія двухъ

¹⁾ См. „Ученіческіе годы Гоголя“, стр. 81—88.

основныхъ элементовъ: описательнаго, бытового, и повѣствовательнаго, легендарнаго. Все, что относится къ обрисовкѣ типовъ и характеровъ, всѣ подробности въ изображеніи обыденной малороссійской жизни, описанія ярмарокъ, вечерницъ, уличныхъ сценъ, домашнихъ бесѣдъ, наконецъ всѣ безъ исключенія картины природы являются несомнѣнно плодомъ вполне самостоятельной творческой работы Гоголя на основаніи обширнаго запаса разнообразныхъ впечатлѣній жизни. Но въ это главное содержаніе каждой повѣсти вводятся не только какъ дополненіе и украшеніе, но и какъ существенно необходимый матеріалъ художественно обработанные эпизоды, почерпнутые изъ произведеній народной фантазіи. По преобладанію того или другого изъ этихъ элементовъ можно до извѣстной степени судить и о постепенной разработкѣ избранныхъ имъ сюжетовъ.

Современная критика не безъ основанія указывала въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя и особенно въ „Вечерахъ“ на изображеніе довольно узкой и низменной сферы; но зато эту сферу Гоголь изучилъ глубоко, и въ каждомъ брошенномъ мимоходомъ, тонкомъ и характеристическомъ сравненіи являетъ себя истиннымъ знатокомъ ея. Указанія мелкихъ неточностей въ бытовомъ отношеніи, сдѣланныя вскорѣ по выходѣ „Вечеровъ“ какимъ-то Андреемъ Царыннымъ¹⁾, слишкомъ ничтожны и не заслуживаютъ даже вниманія, а небольшія погрѣшности, отмѣченныя впоследствии г. Кулишомъ²⁾, могли бы идти въ упрекъ развѣ этнографическимъ очеркамъ. Но мы не находимъ у Гоголя пока глубоко-художественнаго психологическаго анализа, которымъ блещутъ его позднѣйшія произведенія; комизмъ его пока часто внѣшній и устремленъ на вещи несущественныя. Справедливо замѣчаетъ о „Вечерахъ“ благосклонный къ нимъ неизвѣстный рецензентъ „Сѣверной Пчелы“, такъ разошедшійся во мнѣніи съ издателемъ: „Не ожидайте здѣсь характеровъ сильныхъ или слишкомъ глубокихъ, потому что передъ вами раскрывается простой, сельскій бытъ; но зато бытъ сей характеренъ во всѣхъ подробностяхъ своихъ: все движется, все рисуется передъ вами въ истинно-вазацкомъ костюмѣ“. Въ этой оцѣнкѣ дѣйствительно отмѣчено существенное достоинство „Вечеровъ“. Но, безъ всякаго сомнѣнія, всѣми этими блестящими сторонами „Вечера“ обязаны не

¹⁾ Мысли малороссіянина по прочтеніи „Вечеровъ на хуторѣ“, въ „Синѣ Отечества“, 1832, т. 147, отд. 8.

²⁾ „Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ украинской жизни и исторіи“, „Основа“ 1861, № 4, 5, 9, 11 и 12.

столько матеріаламъ, собраннымъ посторонней рукой, сколько личной наблюдательности автора-художника.

Въ значительную долю художественныхъ образовъ Гоголь вкладываетъ субъективное содержаніе, особенно въ картинахъ природы и въ человѣческихъ характерахъ. Къ изученію этой стороны „Вечеровъ“ мы теперь и обратимся.

V.

Всего ярче это замѣчается въ представленныхъ имъ образахъ молодыхъ дѣвушекъ. Если значительное большинство типовъ, очерченныхъ въ „Вечерахъ“, представляется несомнѣнно въ комическомъ свѣтѣ, то съ другой стороны юный поэтъ не падилъ красокъ для идеальнаго изображенія Ганны, Пидорги, Обсаны. Онъ съ любовью рисуетъ ихъ обаятельно-граціозную, иногда отчасти лукавую женственность и освѣщаетъ ихъ бенгальскимъ огнемъ восторженнаго лиризма. Желая по возможности украсить любимые типы, окружить ихъ блестящимъ ореоломъ и произвести наиболѣе разительное впечатлѣніе на читателя, въ противоположность безпощадному анализу при обрисовкѣ прочихъ лицъ, Гоголь въ данномъ случаѣ заботливо избѣгаетъ черезчуръ отчетливыхъ, грубо-реальныхъ штриховъ, пользуясь эффектами и увлекая читателей захватывающей роскошью и изяществомъ неожиданныхъ сравненій. При описаніи молодой женской красоты, которая нѣсколько позднѣе, подъ влияніемъ изученія искусствъ, представлялась ему преимущественно со стороны изящества и пластичности формъ, Гоголь любитъ изображать яркій румянецъ щекъ, черныя брови и глубокій, пронизательный взоръ. Здѣсь уже позволительно видѣть не одни только слѣды наблюденій надъ преобладающими типами малороссійскихъ красавицъ или влиянія народныхъ пѣсенъ, но и отраженіе личнаго вкуса автора ¹⁾, какъ и въ томъ, что прекрасная дѣвушка является у него неизмѣнно на порѣ „восемнадцатой весны“. Наконецъ, вниманіе автора каждый разъ устремлено преимущественно на обаяніе юной красоты, но внутренній міръ молодой женщины имъ иногда едва затронутъ.

Идеалъ красивой дѣвушки выработывался у Гоголя посте-

¹⁾ Впрочемъ, въ Гоголѣ отразился, конечно, и общій малороссійскій вкусъ; такъ въ народныхъ пѣсняхъ украинскихъ образцомъ красоты является всегда „чернобрѣвая дѣвица“. Но пронизательный взоръ, если не ошибаемся, плѣвалъ лично юнаго читателя.

ценно и, слѣдя за развитіемъ его, можно уловить любопытную послѣдовательность. Въ „Устѣхъ посольства“ (отрывокъ изъ неконченной повѣсти „Страшный Кабанъ“) читатель узнаетъ о красотѣ Катерины не столько изъ описанія ея авторомъ, сколько изъ своеобразныхъ сравненій ея собесѣдника, чисто въ малоросійскомъ вкусѣ; напр.: „стала ли бы я убирать постную кашу, когда передъ самымъ носомъ вареники въ сметанѣ“ и дальнѣйшаго комическаго поясненія: „нелегкая понесла бы меня къ батькѣ, когда есть такая хорошенькая дочка“. Отъ себя Гоголь не прибавляетъ ничего къ изображенію Катерины, но старается дѣйствовать на воображеніе читателя щедро расточаемыми эпитетами („прекрасная“, „прелестная“, „бѣлокурая красавица“; бѣлокурый цвѣтъ фигурируетъ здѣсь какъ единственное исключеніе) и только въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ объ очевидно правившемся ему лично въ нѣкоторыхъ красивыхъ дѣвушкахъ пристальномъ взглядѣ (въ слѣдующемъ выраженіи: „пронзительный взоръ ея, казалось, прожигалъ внутренность“). Въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ находимъ уже болѣе яркое и отчетливое изображеніе женской красоты, но еще слишкомъ внѣшнее и матеріальное. „На возу сидѣла хорошенькая дочка, съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дулами поднявшимися надъ светлыми карими глазами, съ безпечно улыбающимися розовыми губками“. Съ тѣхъ поръ идеализація молодой женщины надолго идетъ у Гоголя crescendo. Красота Пидорки въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купалы“ облагорожена тонкими поэтическими штрихами и сравненіями, напр.: „Полненькія щечки казачки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьею росой, горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только-что поднявшимся солнышкомъ“. Въ этомъ поэтическомъ образѣ упоеніе женской красотой какъ бы сливается съ восторженнымъ гимномъ природѣ. Въ Пидоркѣ юный авторъ „Вечеровъ“ еще замѣтнѣе, чѣмъ прежде, лелѣетъ и оберегаетъ сочувственный образъ отъ холоднаго прикосновенія свойственнаго ему разлагающаго анализа. Явно щадя въ своихъ произведеніяхъ бравыхъ казаковъ и юныхъ казачекъ, Гоголь выказываетъ къ нимъ иногда нѣкоторое пристрастіе, не углубляясь въ характеристику ихъ внутренней бессодержательности и пустоты, которая едва лишь мелькнула въ „Сорочинской Ярмаркѣ“, но была совершенно заслонена художественной идеализаціей въ слѣдующихъ рассказахъ. Такъ еще гораздо эффектнѣе и привлекательнѣе, чѣмъ Пидорка, хотя и нѣсколько призрачно-идеально, изображена Ганна въ „Майской Ночи“: „Дверь распахнулась со

скрипомъ, и дѣвушка, на порѣ семнадцатой весны, *обвитая сумерками*, переступила черезъ порогъ. Въ полуясномъ мракѣ горы привѣтно, будто звѣздочки, ясныя очи, блистало красное коралловое монисто, и отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея". Развиваясь далѣе, образъ прекрасной женщины достигаетъ у Гоголя послѣдней степени обаянія въ неподражаемомъ изображеніи Оксаны и ослѣпительной красоты гордой панночки въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Въ послѣднихъ такъ много плѣнительной граціи и такъ живо представлено обворожительное дѣйствіе ихъ красоты, что, очевидно, Гоголю удалось, наконецъ, въ этихъ образахъ выразить въ совершенствѣ то, что имъ только затрогивалось прежде и что раньше лишь страстно просилось излиться изъ глубины души на бумагу. Мы должны здѣсь по необходимости воснуться и поэмы „Тарасъ Бульба“, такъ какъ именно въ ней нашла свое полное выраженіе вся совокупность чаръ женской красоты, которыя въ разное время производили обаяніе на Гоголя. Такъ панночка снова изображена „черноглазою и бѣлою, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца“. Въ этихъ словахъ опять ясно слышится знакомая намъ нота пылаго увлеченія наружной красотой женщины. Но дальше мы читаемъ: „глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, *бросали взглядъ доміи, какъ постоянство*“. Съ указаніемъ этой черты, также встрѣчавшейся намъ въ „Вечерахъ“, мы переходимъ уже къ психической сторонѣ изображенія любви и женщины у Гоголя.

В. ШЕНРОВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

На мотивъ Андрэ Теріе.

Больной, истомленный, безъ воли и силъ,
Отчаяньемъ тяжкимъ охваченъ я былъ;
Не вѣрилось въ правду, любовь и добро,
Изъ рукъ выпадало бессильно перо...
И духъ былъ прикованъ, какъ цѣпью, къ землѣ,
И гасли надежды, какъ искры въ золѣ;
Въ душѣ, истомленной злобѣщей тоской,
Волной разливался мертвящій покой...
Но тутъ надо мною, какъ вѣщій призывъ,
Отъ сна и покоя меня пробудивъ,
Какъ кличъ, что бойцовъ созываетъ на брань,
Послышался голосъ могучій: „Возстань!“

И вмигъ я очнулся отъ тяжкаго сна,
Упала съ души и съ очей пелена,
И вновь предо мною, какъ въ прежніе дни,
Блеснули во мглѣ идеаловъ огни;
Мнѣ стало понятнымъ значеніе словъ,
Которыя былъ позабыть я готовъ,
И снова, какъ прежде, свободно дыша,
Бъ простору и свѣту рвалась душа!

II.

СОЛОВЕЙ.

Подобно узнику, печально въ тѣсной клѣткѣ
Томится пойманный силвами соловей,
Тотъ самый соловей, что пѣлъ въ саду, на вѣткѣ,
Весною, въ сумракѣ развѣсистыхъ аллей.

О, какъ онъ пѣлъ тогда въ ночи благоуханной,
Когда лежитъ въ поляхъ жемчужная роса,
И пѣснь его лилась, пока зарей багряной
Не загоралися ночныя небеса...

Онъ пѣлъ о счастья, о юности, о волѣ—
Пѣснь торжествующей и радостной любви,—
Теперь же онъ замолокъ, его не слышно болѣ,
И пѣсни навсегда онъ позабылъ свои...

Отчаянье его все неотступнѣй гложетъ,
И съ каждымъ днемъ сильнѣй томится соловей;
Въ тюрьмѣ онъ не поетъ, въ тюрьмѣ онъ пѣть не можетъ,—
Свободный даръ пѣвца не созданъ для цѣпей!

О. М—ва.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II.

— В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Томъ первый. Спб., 1890.

Въ новѣйшей исторической литературѣ, развивающейся въ послѣднія лѣтъ тридцать, очень много мѣста занято между прочимъ изслѣдованіями и матеріалами о временахъ Екатерины II, — всего больше, конечно, матеріалами и гораздо меньше изслѣдованіями. Русская исторія прошлаго и нынѣшняго вѣка до сихъ поръ остается очень мало доступна для настоящихъ историческихъ изысканій во всемъ объемѣ критическихъ требованій, съ полной достовѣрностью фактовъ и правильнымъ объясненіемъ дѣйствій правительства, явленій общественной и народной жизни. Въ прежнее время такая исторія была и совсѣмъ невозможна; она становится возможнѣе теперь, но все еще далеко не вполнѣ, и чѣмъ ближе время, тѣмъ меньше. Причины этого недостатка критической исторіи двоякія и обѣ весьма важныя. Во-первыхъ, далеко не собранъ и не приведенъ въ извѣстность громадный матеріалъ, который долженъ послужить основаніемъ подобнаго предпріятія, и не сдѣлано его разработки, которая, выяснивъ отдѣльные пункты, извѣстные періоды или извѣстныя стороны исторической жизни, исполнила бы въ каковой-либо мѣрѣ предварительную работу, необходимую для цѣльнаго критическаго обзоренія. Матеріалъ громаденъ и предварительная разработка тре-

бывалась бы въ весьма обширномъ количествѣ, и если принять въ соображеніе, что настоящимъ образомъ подобныя труды могли быть предпринимаемы у насъ не далѣе какъ съ шестидесятыхъ годовъ, не удивительно, что дѣло подвигается довольно медленно. Во-вторыхъ, и въ настоящее время надъ нашей исторіей прошаго и нынѣшняго вѣка все еще продолжаетъ тяготѣть то veto, которое прежде устраняло ее изъ литературы почти безусловно и теперь еще продолжаетъ сказываться болѣе или менѣе стѣснительнымъ образомъ. Многіе факты, исторически несомнѣнные и немаловажные, до послѣдняго времени не находили и не находятъ мѣста въ русской книгѣ, хотя сплошь и рядомъ, между прочимъ въ утрированной формѣ и даже съ прибавленіемъ враждебныхъ неправдъ, господствуютъ въ книгахъ иностранныхъ. Примѣровъ этой недоступности историческаго матеріала для русской литературы можно было бы привести множество. Извѣстно, что лишь съ большими затрудненіями могли быть изданы въ послѣднія десятилѣтія многіе историческіе матеріалы, которые въ прежнее время и совсѣмъ не могли быть изданы,—хотя и теперь многіе изъ нихъ могли появляться только съ исключеніями и умолчаніями; назовемъ, на примѣръ, записки А. М. Тургенева, Саблукова, книгу Радищева, которая только черезъ сто лѣтъ послѣ своего перваго появленія могла быть переиздана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, а за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ полное изданіе сочиненій этого писателя Екатерининскаго времени было предано сожженію; записки самой импер. Екатерины II, между прочимъ составляющія одинъ изъ основныхъ источниковъ настоящей книги г. Бильбасова, все еще цитируются авторомъ по заграничному изданію, въ Россіи недопущенному, и т. д. Очевидно, что такое положеніе вещей, обыкновенно дѣлающее недоступными для туземнаго историка цѣлыя разряды фактовъ, не способствуетъ образованію серьезной исторической любознательности и пытливости: трудъ, впередъ обставленный препятствіями, обыкновенно почти неодолимыми, не привлекаетъ, а устрашаетъ—не своею сложностью, а простой практической невыполнимостью. Любознательность, которая глубоко естественна въ обществѣ, гдѣ нѣсколько пробудилась потребность историческаго сознанія, поневолѣ питается отрывочными свѣденіями, анекдотическими подробностями, а въ цѣльномъ пониманіи остаются пробѣлы, лишующіе историческую литературу не только научнаго достоинства, но и той поучительности, которою она могла бы въ высокой степени обладать и которая была бы практически необходима для общества русскаго: въ ходячихъ общественныхъ поня-

тіяхъ мы до сихъ поръ слишкомъ часто встрѣчаемся съ ошибочными представленіями о самомъ существѣ общественныхъ потребностей, и источникъ этихъ ошибокъ въ большой мѣрѣ заключается именно въ несовершенствѣ нашего историческаго знанія.

• Времена имп. Екатерины II составляютъ, послѣ временъ Петровскихъ, чрезвычайно знаменательный періодъ XVIII-го вѣка, но, вслѣдствіе упомянутыхъ причинъ, изученіе ихъ до сихъ поръ остается крайне недостаточнымъ. Объ Екатеринѣ II не было тѣхъ споровъ, какіе велись о Петрѣ Великомъ, но если возможны были настойчивыя обвиненія противъ Петра въ отклоненіи русской жизни отъ ея народныхъ путей, то почти въ той же степени эти обвиненія были бы приложимы и къ Екатеринѣ: содержаніе ея идей было въ сильной степени западное и особенно въ ту пору, которая была наиболѣе свѣтлымъ періодомъ ея царствованія,—такъ что въ этомъ направленіи, она могла бы быть названа прямой продолжательницей Петра. Правда, она сѣмѣла очень хорошо примѣниться къ русскимъ нравамъ: она шестнадцать или семнадцать лѣтъ прожила въ Россіи раньше, чѣмъ стала управлять ею; при сильномъ и воспримчивомъ умѣ, необычайной твердости характера она, еще молодой, неопытной дѣвушкой, поставила себѣ цѣлью изучить ту среду, въ которой ей суждено было жить и дѣйствовать, и достигла своей цѣли; но во всякомъ случаѣ то русское, чтѣ было ею воспринято, было не совсѣмъ тѣмъ, чего искали для русскаго народа, напримѣръ, новѣйшіе противники Петровской реформы. Екатерина прекрасно поняла тѣ пружины, какими направляла русская власть государственный бытъ, но хотя ея собственное образованіе давало ей болѣе широкія и человѣчныя представленія о нормальныхъ государственныхъ отношеніяхъ и въ первое время она различнымъ образомъ старалась примѣнить ихъ на русской почвѣ, въ концѣ концовъ она повторила рутину ближайшихъ своихъ предшественниковъ. Жизнь двора поглощала все: то, чтѣ сама она видѣла во времена Елизаветы, совершалось такимъ же образомъ и въ послѣднее время ея царствованія; было несравненно больше государственнаго ума, но былъ тотъ же фаворитизмъ, тотъ же произволъ каждаго сильнаго лица, та же испорченность администраціи и то же положеніе народной массы. Продолжительное царствованіе сопровождалось большими внѣшними успѣхами; присутствіе сильнаго ума чувствовалось въ такой мѣрѣ, какъ этого давно не видали; интересъ къ просвѣщенію, проявившійся въ началѣ и срединѣ царствованія, привлекалъ поклонниковъ въ средѣ наиболѣе образованнаго класса; расплодившаяся масса хва-

лебныхъ одъ замѣняла общественное мнѣніе, приучала къ панегирику, когда, между прочимъ, въ хвалебной одѣ была и чрезвычайно замѣчательная для своего времени поэтическая доля Державина. На массу едва-ли не больше всего дѣйствовала военная слава, и въ этомъ отношеніи времена Екатерины могли выставить цѣлый рядъ знаменитыхъ именъ, слава которыхъ была доказанная... Послѣдующее царствованіе было такъ непохоже на времена Екатерины, что служило только къ большому возвеличенію ея времени; еще позднѣе въ официальныхъ заявленіяхъ ея правленіе выставилось славнымъ примѣромъ для настоящаго; но въ цѣломъ направленіе было въ большой мѣрѣ „западное“ и періодъ былъ „петербургскій“.

До сихъ поръ исторія еще не подвела итоговъ этого періода, между тѣмъ уже вскорѣ, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, можно уже замѣтить, что возникала другая точка зрѣнія, критическое отношеніе къ „славному вѣку“, который былъ очень привлекателенъ для извѣстной доли общества, но вовсе не былъ легокъ и благопріятенъ для народа. Зародышъ этого критическаго отношенія принадлежитъ еще временамъ самой Екатерины. Не говоря о томъ, что послѣдніе годы правленія отмѣчены были чисто реакціоннымъ настроеніемъ, которое тяжело чувствовалось и самимъ обществомъ, судьба народной массы оставалась столь же тягостной, какъ прежде, благія начинанія первыхъ лѣтъ остались невыполненными, крѣпостное право не только поддерживалось, но и распространялось на цѣлыя сотни тысячъ людей, долготѣ свободныхъ. Говорилось въ свое время и послѣ о смягченіи правовъ, о благодушіи и милосердіи, но несмотря на то, что въ „Наказѣ“ приводились идеи Монтескьё и Беккари, тайная канцелярія продолжала существовать и самыя высокопоставленныя лица блѣднѣли при намежѣ, что имъ можетъ предстоять разговоръ съ Шешковскимъ. Относительно внутренняго управленія и суда, благія начинанія опять не привели ни къ чему: подкупъ былъ всеобщій. Дѣло просвѣщенія, насколько оно проводилось правительственной инициативой, сдѣлало извѣстные успѣхи подъ конецъ царствованія съ учрежденіемъ народныхъ училищъ, но не прибавилось новаго университета, литература могла существовать только въ служебной роли и попытки ея самостоятельнаго выраженія устранялись довольно безцеремонно. Правда, за это время въ литературѣ и въ общественномъ образованіи сдѣланы были весьма существенныя приобрѣтенія: дѣйствовали Державинъ и Фонъ-Визинъ, начали дѣйствовать Карамзинъ и Крыловъ, академія наукъ предпринимала замѣчательныя ученныя экспедиціи,

не безъ нѣкоторой пользы открыла свои дѣйствія Россійская академія; но въ подобныхъ случаяхъ остается вопросомъ, насколько все это достигалось указаніями авторитета или, напротивъ, только собственными усиліями общества.

Такимъ образомъ для будущаго историка представляется не легкойъ вопросъ объ опредѣленіи исторической цѣнности множества явленій, совершившихся въ это продолжительное царствованіе. Противорѣчія, сейчасъ указанные и которыя чувствовались уже ближайшими современниками, остаются пока не разрѣшены, и понятно, что разрѣшеніе возможно только послѣ обстоятельнаго изученія фактовъ и приложенія вполне независимой критики. Примѣровъ послѣдняго имѣется до сихъ поръ еще не много; что касается до перваго, то-есть, до собиранія фактовъ, въ послѣднее время дѣлается въ этомъ направленіи не мало. Съ тѣхъ поръ, какъ наша исторіографія почти впервые получила доступъ къ XVIII-му вѣку, то-есть съ 60-хъ годовъ, издается множество разнообразнаго матеріала, чрезвычайно важнаго между прочимъ для изученія временъ Екатерины. Большая масса такого матеріала, напримѣръ въ видѣ современной переписки, мемуаровъ, ранѣе даже не подозрѣваемыхъ, и т. п., появилась на страницахъ историческихъ журналовъ и даетъ нерѣдко драгоценныя извѣстія какъ о жизни самой императрицы и двора, такъ и о жизни обыкновенной и провинціальной. Столь же обширная масса матеріала явилась въ изданіяхъ Русскаго историческаго общества (въ настоящее время до 70 большихъ томовъ), гдѣ въ особенности дано мѣсто документамъ, извлеченнымъ изъ русскихъ и иностранныхъ дипломатическихъ архивовъ. Большую массу разнообразныхъ данныхъ доставило изданіе частныхъ аристократическихъ архивовъ („Архивъ кн. Воронцова“, чрезвычайно любопытный, хотя неряшливо изданный г. Бартеневымъ; бумаги гр. Н. П. Панина, издаваемые А. Г. Брикнеромъ, и др.); начинаются опыты специальной разработки въ біографіяхъ и отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, каковы, напримѣръ, жизнеописаніе Суворова (г. Петрушевскаго), кн. Безбородко (Н. Григоровича), „Семейство Разумовскихъ“ (А. Васильчикова), монографія о Пугачевскомъ бунтѣ г. Дубровина, много-томное изданіе документовъ комиссіи о составленіи новаго уложенія, и пр. Русскимъ историческимъ обществомъ издано было обширное собраніе бумагъ и переписки самой имп. Екатерины. Послѣ г. Кобеко, который составилъ обстоятельное жизнеописаніе цесаревича Павла Петровича (до вступленія его на престолъ), г. Диринъ сдѣлалъ опытъ подобнаго же жизнеописанія вел. княгини Екатерины Алексѣевны (до ея воцаренія). Наконецъ, за

последние годы мы имеем уже несколько опытов обзорной цѣлаго царствованія. Повойный Соловьевъ закончилъ свой трудъ, посвятивъ нѣсколько послѣднихъ его томовъ временамъ имп. Екатерины II и не успѣвши, впрочемъ, довести рассказа до конца; въ болѣе краткомъ обзорнн далъ исторію Екатерины г. Брикнеръ, въ русскомъ и нѣсколько болѣе полномъ нѣмецкомъ изданіи; говорили, что цѣльнымъ трудомъ о царствованіи имп. Екатерины занятъ былъ гр. Д. А. Толстой, который успѣлъ издать лишь небольшую статью объ этомъ времени. Новымъ предпріятіемъ въ томъ же направленіи является книга г. Бильбасова.

Какъ видимъ, онъ имѣлъ уже не одного предшественника, и нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на сочиненія Соловьева и г. Брикнера, новый трудъ былъ очень желателенъ. Книга Соловьева, притомъ недоконченная, имѣетъ обычныя достоинства и недостатки всей его исторіи. Здѣсь, какъ и вообще въ новѣйшей исторіи, Соловьеву приходилось работать въ особенности по матеріаламъ архивнымъ; историку предстояло собирать самому нова данныя; овладѣть всѣмъ ихъ объемомъ было невозможно въ условіяхъ поставленной имъ себѣ задачи, исторія становилась лѣтописью, общія опредѣленія ускользали. Книга г. Брикнера по самому плану могла быть только обзорннмъ, не могла обнять всѣхъ подробностей—между тѣмъ подробности были бы весьма существенны какъ для общей картины эпохи, такъ и для характеристики отдѣльныхъ лицъ и явленій. Работы оставалось множество, и надо было желать, чтобы историческая задача была еще разъ поставлена въ болѣе специальномъ, широкомъ и неторопливомъ изслѣдованіи. Новый историкъ отнесся къ дѣлу весьма внимательно. Нѣкогда онъ занимался почти исключительно средне-вѣковой исторіей, славянскою и западною. Въ послѣдніе годы вышло нѣсколько специальныхъ изслѣдованій по XVIII-му вѣку: „Дидро въ Петербургѣ“ (1884), „Первыя политическія письма Екатерины II“ (1887), „Jeanne-Elizabeth, mère de Catherine II“ (1889), которые были первымъ приступомъ къ настоящему предпріятію. Первый томъ настоящей „Исторіи“ (до 650 стран.) занятъ рассказомъ о жизни Екатерины до вступленія ея на престолъ: это заставляеть ожидать обширнаго цѣлаго.

Въ предисловіи авторъ не говоритъ, впрочемъ, о размѣрахъ и планѣ цѣлой книги и даетъ только свѣденія о ходѣ работы. „Только благодаря трудамъ Русскаго историческаго Общества,—говоритъ онъ,—издаваемаго бумаги императрицы Екатерины II и ея „Политическую переписку“, оказалось возможнымъ представить самой Екатеринѣ рассказать исторію своей частной и

государственной жизни, раскрыть намѣренія и побужденія, которыя руководили ею, указать стремленія и цѣли, которыя она преслѣдовала.

„Какъ въ издаваемомъ теперь первомъ томѣ, такъ и въ послѣдующихъ томахъ „Исторіи Екатерины Второй“, первое слово предоставлено самой Екатеринѣ, причѣмъ весь трудъ автора ограничивался только критическою провѣркою ея показаній“.

Относительно задачи своего труда авторъ дѣлаетъ только слѣдующее общее замѣчаніе: „Великіе люди не рождаются и не подготовляются воспитаніемъ; они образуются довольно сложнымъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, переживаемыхъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ идей, всею тою массою трудно уловимыхъ данныхъ, которыя образуютъ характеръ, формируютъ волю, укрѣпляютъ энергію и даютъ извѣстное направленіе всей дѣятельности. Въ первомъ томѣ „Исторіи Екатерины Второй“ авторъ старался указать тѣ данныя, которыя содѣйствовали Екатеринѣ стать великою“.

Далѣе авторъ говоритъ, что трудъ его облегченъ былъ содѣйствіемъ ученыхъ друзей, именно г. Феттерлейна, Штендмана и Павла Пирлинга; о послѣднемъ онъ замѣчаетъ: „нашъ другъ дѣтства, о. Павелъ Пирлингъ, членъ Общества Іисуса, пріобрѣтшій завидную извѣстность своими учеными трудами по исторіи сношеній Россіи съ Римомъ, открылъ намъ доступъ къ нѣкоторымъ частнымъ архивамъ и продолжаетъ сообщать намъ важные документы изъ архива ватиканскаго, ему хорошо извѣстнаго“.

Наконецъ, „въ каждомъ томѣ авторъ предполагаетъ помѣщать въ приложеніи неизданные документы, касающіеся разсматриваемаго времени, и посвящать подробныя изслѣдованія отдѣльнымъ вопросамъ, требующимъ почему-либо особеннаго вниманія. Въ примѣчаніяхъ, печатаемыхъ подъ текстомъ, приводятся подлинныя выраженія изъ рукописей, хранящихся въ архивахъ, и дѣлаются точныя указанія на печатныя изданія, чѣмъ предоставляется полная возможность строгой провѣрки нашего труда“.

Въ настоящемъ томѣ приложенія занимаютъ 463—609 страницъ: это—документы разнаго рода, заимствованные изъ вѣнскаго придворнаго и государственнаго архива, изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ лондонскаго государственнаго архива, изъ частнаго архива гр. Шампо въ Парижѣ, наконецъ—изъ нашего государственнаго архива и изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ; многіе документы напечатаны здѣсь въ первый разъ. Обширная печатная

литература, которою пользовался авторъ для перваго тома, указана подробно въ концѣ книги.

Такимъ образомъ, авторъ относился къ своей задачѣ весьма добросовѣстно: онъ старательно провѣрялъ фактическія свѣденія, причемъ, какъ обыкновенно, ему случалось дѣлать мелкія и крупныя поправки въ прежнихъ сочиненіяхъ, исправлять инныя довольно распространенныя мнѣнія и сообщать не мало любопытныхъ фактовъ изъ имъ самимъ разысканныхъ источниковъ. Можно сказать, что исторія Екатерины до ея вступленія на престолъ еще никогда не была рассказана столь обстоятельно и, повидимому, столь достоверно. Правда, кое-что остается недосказаннымъ; но мы не сочли бы справедливымъ считать это виною автора.

По самой сущности дѣла естественно, что эта первая пора исторіи Екатерины носить по преимуществу біографическій характеръ. Все это время, до самаго 1762 года, Екатерина играла только роль пассивную; ея собственная дѣятельность была обставлена столь неблагоприятными условіями, что почти не могло быть рѣчи о какихъ-нибудь самостоятельныхъ дѣйствіяхъ; часто для нея дѣло шло только о томъ, чтобы уцѣлѣть среди тѣхъ опасныхъ условій, въ которыя она была завлечена судьбой противъ всякаго ея желанія и воли.

Біографія начинается описаніемъ маленькаго ангальтъ-цербстскаго двора, одного изъ тогдашняго множества мелкихъ германскихъ дворовъ съ весьма скромными средствами и, однако, съ большимъ владѣтельнымъ самоимѣніемъ. Последнее, впрочемъ, отличало не столько самого князя Христіана-Августа, отца Екатерины, сколько ея мать, Иоганну-Елизавету, гольштейнъ-готторпскую принцессу, которая была младшей сестрой принца Карла-Августа, нареченнаго жениха цесаревны Елизаветы Петровны, умершаго въ Петербургѣ. Впослѣдствіи это родство участвовало въ томъ интересѣ, какой Елизавета Петровна, помнившая о своемъ женихѣ, имѣла въ ангальтъ-цербстскому дому. Авторъ отвергаетъ, какъ сплетню, довольно распространенныя толки о близкихъ отношеніяхъ съ Иоганной-Елизаветой извѣстнаго И. И. Бецкаго, который въ дѣйствительности въ это время даже не встрѣчался съ нею. Совсѣмъ не имѣютъ смысла подобныя толки новѣйшаго нѣмецкаго историка Зугенгейма, который замѣняетъ Бецкаго Фридрихомъ Вторымъ, повидимому, уже безъ малѣйшаго основанія. Отецъ Екатерины (1690—1747) занималъ въ сущности весьма скромное положеніе генераль-маіора прусской службы, командовалъ полкомъ, стоявшимъ въ Штетинѣ, впослѣдствіи былъ

комендантомъ крѣпости и губернаторомъ города Штетина, гдѣ существуетъ еще домъ, въ которомъ родилась Екатерина. Внѣшняя обстановка домашней жизни была весьма скромная, и маленькая принцесса, которую звали Софія-Августа-Фредерика, а въ домашнемъ просторѣчи Фике, воспитывалась очень просто, играла съ дѣтьми горожанъ, а дома ея обученіе предоставлено было гувернанткѣ французкѣ и нѣсколькимъ учителямъ, въ числѣ которыхъ были также французы: какъ извѣстно, послѣ отмены Нантскаго эдикта много французскихъ протестантовъ выселилось въ Германію, гдѣ они часто становились учителями, распространяя вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе мягкіе свѣтскіе обычаи у нѣмцевъ, которые ими не особенно отличались. О томъ, какъ шло ученіе маленькой Фике, сохранилось мало свѣденій. Впослѣдствіи Екатерина упоминала, что одинъ изъ ея нѣмецкихъ учителей и главныхъ былъ „глупый педантъ“; едва-ли не больше научилась она тогда отъ своей гувернантки, живой французки, которая „почти все знала, ничему не учившись“ и, между прочимъ, приохотила ее къ французскому чтенію. Принцесса жила въ Штетинѣ и Цербстѣ, но ей случалось также бывать въ Берлинѣ, въ Гамбургѣ (у своихъ родныхъ), въ Эйтинѣ; въ этомъ послѣднемъ городѣ она въ первый разъ увидѣла въ 1739 году, когда ей самой было десять лѣтъ, голштинскаго принца Петра-Ульриха, своего будущаго супруга, императора Петра III. „Я увидѣла Петра III въ первый разъ,—пишетъ она въ своихъ мемуарахъ,—когда ему было одиннадцать лѣтъ, въ Эйтинѣ, у его опекуна, принца-епископа любекскаго, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по смерти герцога Карла-Фридриха, его отца. Принцъ-епископъ пригласилъ къ себѣ въ Эйтинъ, въ 1739 году, всѣхъ членовъ голштинской фамилии, чтобы представить имъ своего питомца. Моя бабка, мать принца-епископа, и моя мать, сестра принца, пріѣхали изъ Гамбурга вмѣстѣ со мною. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Тутъ былъ также принцъ Августъ и принцесса Анна, братъ и сестра принца-опекуна и администратора Голштиніи. Тутъ-то я слышала, какъ собравшіеся родственники говорили между собою, что молодой герцогъ склоненъ къ пьянству и что приближенные не давали ему напиваться за столомъ; что онъ упрямъ и вспыльчивъ; что онъ не любилъ своихъ приближенныхъ, особенно же Брюммера; что, впрочемъ, онъ довольно живого нрава, но болѣзненнаго сложенія и слабаго здоровья. Дѣйствительно, цвѣтъ лица его былъ блѣдный, онъ казался худымъ и нѣжнаго тѣлосложенія. Этому ребенку приближенные его хотѣли придать видъ взрослога и для

этого стѣсняли его и держали на вытяжкѣ, что должно было сдѣлать его всего фальшивымъ, отъ внѣшняго вида до характера“.

Петръ-Ульрихъ, сынъ русской царевны Анны Петровны, бывшей за герцогомъ голштинскимъ, былъ родной племянникъ Елизаветы Петровны и по голштинскому родству приходился троюроднымъ братомъ принцессѣ Софіи. Вскорѣ послѣ этого свиданія въ судьбѣ Петра-Ульриха произошла великая переменъна, отразившаяся потомъ и на голштинскомъ родствѣ. Въ 1741 году на русской престолъ вступила Елизавета, вслѣдъ затѣмъ принцъ Петръ-Ульрихъ былъ вызванъ въ Петербургъ и, обращенный въ православіе, объявленъ былъ наслѣдникомъ русскаго престола. По воцареніи Елизаветы мать принцессы Софіи тотчасъ послала императрицѣ поздравительное письмо, на которое полученъ былъ отвѣтъ съ просьбой уступить императрицѣ имѣвшійся у цербстской принцессы портретъ покойной Анны Петровны, такъ какъ, по видимому, другого хорошаго портрета не имѣлось въ Петербургѣ. Портретъ былъ, конечно, посланъ и любезность вознаграждена драгоценнымъ подаркомъ русской императрицы—портретомъ Елизаветы, осыпаннымъ брилліантами; затѣмъ, въ угоду русской императрицѣ, ангальтъ-цербстскій принцъ былъ сдѣланъ прусскимъ фельдмаршаломъ.

Со временъ Петра, вслѣдствіе общаго политическаго подъема Россіи, родственныхъ связей царскаго дома въ Германіи, неоднократно появленія русскихъ войскъ въ нѣмецкихъ земляхъ, на Россію смотрѣли тогда въ Германіи съ великимъ любопытствомъ, удивленіемъ, а также и подобострастіемъ. Будущая императрица Екатерина съ дѣтства слышала рассказы о Петрѣ, о русскихъ военныхъ подвигахъ, о богатствѣ русскихъ вельможъ, о могуществѣ русскаго двора, у котораго столько близкихъ ей лицъ искали покровительства, и т. д. Въ ея воображеніи рисуется картина этого сильнаго царства, а теперь съ новымъ царствованіемъ „принцесса Софія-Августа слышитъ вокругъ себя восторженные отзывы о русской императрицѣ, вліянію которой приписывается милость прусскаго короля къ ея отцу; дивится красотѣ Елизаветы Петровны, любитъ брилліантами, которыми осыпанъ ея портретъ—былыя, дѣтскія представленія о величіи Россіи подтверждаются во очію. Въ теченіе всего 1742 года тринадцатилѣтняя принцесса живетъ подъ впечатлѣніями, въ которыхъ русская императрица и значеніе Россіи играютъ выдающуюся роль. Теперь и въ Штетинѣ, и въ Цербствѣ все чаще говорятъ о Россіи, говорятъ въ выраженіяхъ самыхъ лестныхъ, не только съ уваженіемъ, почти съ подобострастіемъ. По этимъ отзывамъ, по

этимъ впечатлѣніямъ формировался взглядъ юной принцессы на Россію“.

Вскорѣ молодой принцессѣ пришлось самой познакомиться съ Россіею. Въ послѣдніе дни 1743 года цербстская княгиня Іоганна-Елизавета получила приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ дочерью: дѣло въ томъ, что русская императрица, которую съ самаго вступленія ея на престолъ серьезно занимать и даже тревожилъ вопросъ о престолонаслѣдіи, рѣшила какъ можно скорѣе обезпечить этотъ вопросъ бракомъ великаго князя. Нужно было найти ему невѣсту, и изъ всѣхъ представлявшихся комбинацій, съ которыми соединялись, конечно, тѣ или другія политическія соображенія, императрица остановила свой выборъ на принцессѣ цербстской, всего вѣроятнѣе потому, что по старымъ отношеніямъ голштинскія связи были для нея наиболѣе сочувственны. Въ концѣ декабря Іоганна-Елизавета была извѣщена о рѣшеніи императрицы; ее просили немедленно отправиться въ путь, не указывая цѣли своего путешествія, инеогнито, такъ что она должна была назвать себя только въ Ригѣ, откуда ее долженъ былъ провожать русскій эскортъ. Разумѣется, для путешествія посылались и деньги. Ее извѣщали, что въ тайну посвященъ только прусскій король. Дѣйствительно, почти тотчасъ за письмомъ изъ Петербурга явилось и письмо изъ Берлина, гдѣ о томъ же писалъ Фридрихъ II; оказалось, что ему сообщили объ этомъ дѣлѣ потому только, что безъ его участія невозможно было бы устроить таинственнаго отъѣзда ангальтъ-цербстской принцессы въ Россію.

Любопытно читать приводимыя авторомъ подробности этого путешествія. Несмотря на то, что ѣхала владѣтельная принцесса, что самъ король сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи ей всякихъ удобствъ, путь отъ Берлина до Россіи былъ въ ужасномъ состояніи. Принцесса выѣхала изъ Цербста 10-го января 1744 года; пробывши нѣсколько дней въ Берлинѣ, выѣхала оттуда 16-го и только 27-го прибыла въ Кѣнигсбергъ; отсюда, съ 29-го января по 6-е февраля добрались только до Риги. Отъ Риги до Петербурга ѣхали еще пять дней. Путешествіе до русской границы было очень тягостно; дорога не устроена, останавливаться приходилось въ крестьянскихъ лачугахъ, тѣсныхъ и грязныхъ; для сокращенія пути ѣхали по льду черезъ Куришь-гафъ, пустивъ передъ собой крестьянъ для испытанія прочности льда; разъ была даже опасность разбойничьяго нападенія и т. д. При въѣздѣ въ русскіе предѣлы декорація совершенно перемѣнилась; въ Ригѣ ожидала торжественная встрѣча, съ почетными караулами, пред-

ставленіями, роскошной обстановкой, придворнымъ этикетомъ, пунечной пальбой и т. д. Принцесса-мать была поражена. „Мнѣ все кажется, — писала она мужу изъ Риги, — что я нахожусь въ свѣтѣ ея императорскаго величества или какой-нибудь великой монархини. Мнѣ и въ голову не приходитъ, что все это для меня, для бѣдной, для которой въ другихъ мѣстахъ едва били въ барабаны, а въ иныхъ и того не дѣлаютъ. Все происходило здѣсь съ такимъ величіемъ и почетомъ, что мнѣ тогда казалось, да и теперь еще, при видѣ роскоши, меня окружающей, мнѣ кажется, что все это сонъ“¹⁾.

Восемнадцатый вѣкъ, при всемъ распространявшемся скептицизмѣ, имѣлъ пристрастіе къ таинственному и загадочному, вѣрилъ въ предсказанія и т. п. Екатерина, которой нѣтъ основанія не довѣрять, рассказываетъ слѣдующій случай, происходившій за годъ или за два до ея приглашенія въ Россію, совершенно неожиданнымъ. „Въ 1742 или 1743 году, — говоритъ она, — я была съ матерью въ Брауншвейгѣ, у вдовствующей герцогини, у которой мать моя была воспитана; и та герцогиня, и мать моя были дома голштинскаго. Тутъ случилось быть епископу католицкому Корвенскому (l'évêque de Cogrî) и съ нимъ было нѣсколько его канониковъ. Между канониками былъ одинъ, дома Менгдена. Сей упражнялся предсказаніями и хиромантіей. Бывъ вопрошенъ матерью моею о принцессѣ бевернской Маріаннѣ, съ которой я была весьма дружна и которая по нраву и красотѣ своей была весьма всѣми любима, не получить ли она по своимъ достоинствамъ корону, онъ не захотѣлъ сказать о ней ничего. Наконецъ, сказалъ матери моей: на лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мѣрѣ, три. Мать моя приняла это за шутку. Онъ же сказалъ ей, чтобы она никакъ о томъ не сомнѣвалась, и отвелъ ее къ окошку, и она послѣ уже съ крайнимъ удивленіемъ сказала, что онъ ей чудеса насказалъ, о чемъ она ему и говорить запретила; а мнѣ сказала уже здѣсь, что Менгдена предсказанія исполняются. А болѣе отъ нея узнать не могла“.

Когда принцесса цербстская пріѣхала въ Петербургъ, императрица съ многочисленной придворной свитой была въ Москвѣ. Въ Петербургъ принцесса встрѣчена была опять съ большимъ торжествомъ и съ пунечной пальбой, и когда отправлялась въ Москву, путешествіе ея было уже совсѣмъ не похоже на то,

¹⁾ Авторъ приводитъ изъ подлиннаго письма нѣсколько строкъ, дающихъ понятіе объ употреблявшемся тогда макароническомъ нѣмецко-французскомъ языкѣ: „Alles mit viehler Grandeur und honneur zugegangen ist; ich deuchtete mich dabey und Noch jetzt bey allen fracas so mich environiert, als wäre ich im Traum“.

какое она предприняла изъ Берлина. Въ Москвѣ императрица встрѣтила ее чрезвычайно привѣтливо.

Авторъ даетъ любопытную картину тогдашнихъ путешествій двора въ Москву.

„Въ то время отъѣздъ двора въ Москву составлялъ, дѣйствительно, событіе. Это былъ не временный переѣздъ изъ Петербурга въ Москву, а цѣлое переселеніе, вслѣдствіе котораго Москва замѣтно оживлялась, Петербургъ настолько же пустѣлъ. Подобные переѣзды рассчитывались на годъ, если не болѣе; самыя же переселенія длились нѣсколько недѣль, если не мѣсяцевъ. На всемъ пути, отъ Петербурга до Москвы, на почтовыхъ станціяхъ заготовлялись усиленные поставки лошадей; въ путевыхъ дворцахъ размѣщались особыя отдѣленія дворцовой кухни на все время передвиженія, такъ какъ пользоваться путевыми дворцами разрѣшалось не только представителямъ иностранныхъ дворовъ, но также придворнымъ и высшимъ чинамъ имперіи. За дворцовой кухней, сопровождаемой обыкновенно длиннымъ обозомъ, отправлялась, прежде всего, придворная конюшенная контора, не только съ экипажами и лошадьми, но и со всею канцеляріею. Нѣсколько дней спустя, въ срокъ, точно и заранѣе опредѣленный, ѣхала императорская фамилія съ придворнымъ штатомъ; затѣмъ, всегда въ промежутки нѣсколькихъ дней, сенатъ, почти въ полномъ составѣ, часть синода, коллегій, канцелярій и конторъ, имѣвшихъ пребываніе въ Петербургѣ; весь дипломатическій корпусъ и почти вся коллегія иностранныхъ дѣлъ также переселялись въ Москву. Повидали Петербургъ всѣ зажиточные и именитые люди, имѣвшие входъ ко двору. Англійскій посоль, лордъ Гиндфордъ, извѣщая статсъ-секретаря герцога Ньюкастльскаго о подобномъ переселеніи, преувеличивалъ, конечно, сообщая, будто „около ста тысячъ“ человѣкъ отправлялись въ Москву, но не очень. Онъ самъ переселялся, по его словамъ, „всѣмъ домою“: онъ бралъ съ собою не только всѣ экипажи и всѣхъ лошадей, но весь погребъ, всю кухню, даже часть мебели. Неудивительно, что подобное переселеніе растягивалось на мѣсяцы: спустя три недѣли послѣ отъѣзда императрицы, посоль выражаетъ еще только надежду найти лошадей на станціяхъ“.

Цербстская принцесса была поражена зрѣлищемъ роскоши русскаго двора, да и вообще должна была произвести сильное впечатлѣніе картина русскаго политической жизни съ ея необычайными событіями за послѣднее время. Это былъ цѣлый рядъ переворотовъ. Всего двадцать лѣтъ назадъ умеръ Петръ Великій; успѣло смѣниться нѣсколько правленій; по смерти Анны Иоан-

новны, пять лѣтъ тому назадъ, произошло уже два придворныхъ переворота, съ возвышеніемъ однихъ, страшнымъ паденіемъ другихъ. Принцесса писала изъ Петербурга къ Фридриху II: „Нужно желѣзное здоровье, чтобы перенести всѣ трудности путешествія и утомленіе придворнаго этикета. Моя дочь счастливѣе меня въ этомъ отношеніи: ее поддерживаетъ молодость. Подобно молодымъ солдатамъ, которые презираютъ опасность, потому что не сознаютъ ея, она наслаждается величіемъ, которое окружаетъ ее“. Принцесса-мать, которая уже вскорѣ показала себя довольно легкомысленнымъ политикомъ, на этотъ разъ опредѣляла положеніе очень вѣрно: молодая принцесса-дочь, повидимому, принимала новыя впечатлѣнія весьма непосредственно, увлекаясь оригинальной новизной, которая заставляла мать задуматься, впрочемъ, не надолго. Но задуматься было надъ чѣмъ, и принцесса Софія увидѣла многое, что потомъ и обдумала. „Какимъ образомъ добыто это „величіе“, — замѣчаетъ нашъ историкъ, — принцесса Софія узнала на второй же день своего пребыванія въ Петербургѣ: ей показывали „мѣсто, откуда императрица отправилась добывать престолъ, знаменитую казарму преображенскаго полка, изъ которой она взяла первыхъ солдатъ, весь путь, пройденный императрицею“. Принцесса Софія видѣла лейбъ-кампанецъ, возведшихъ Елизавету на престолъ, слышала подробности переворота 25-го ноября 1741 года“...

Иоганна-Елизавета, которая сама называла себя *esprit follet* и была въ то время еще довольно молодая женщина, скоро освоилась съ новой необычайной обстановкой и нашла, что можетъ сама вмѣшаться въ русскую политику. Когда она явилась въ Петербургъ, къ ней „особенно старательно ѣздили на поклонъ“ прусскій посланникъ Мардефельдъ и французскій дипломатъ, маркизъ Шетарди. Изъ дому она привезла великое поклоненіе Фридриху II, вообще распространенное между маленькими нѣмецкими князьями и здѣсь еще усиленное обстоятельствами. Ей внушили лица, „старательно ѣздившія къ ней на поклонъ“, что она можетъ и должна служить прусской политикѣ, что у Фридриха и у нея одинъ общій противникъ, — это вице-канцлеръ Бестужевъ. Она знала, между прочимъ, что самый выборъ ангальт-цербстской невѣсты для великаго князя сдѣланъ былъ безъ вѣдома Бестужева, предлагавшаго другія партіи и, слѣдовательно, другія политическія связи.

Въ подкладѣ вражды къ Бестужеву авторъ указываетъ тайные замыслы европейской дипломатіи, клонившіяся не къ чему иному, какъ именно къ подрыву всего политическаго значенія

Россіи, къ возвращенію ея въ первобытное до-Петровское положеніе. Онъ говоритъ объ Іоганнѣ-Елизаветѣ, вмѣшавшейся въ эту интригу: „Какъ женщина легкомысленная и довольно пустая, способная скорѣе къ мелкой сплетнѣ, чѣмъ къ политической интригѣ, она пріѣхала въ Москву съ убѣжденіемъ, что необходимо свергнуть вице-канцлера Бестужева-Рюмина, на котораго она смотрѣла глазами берлинскаго и версальскаго дворовъ и въ которомъ видѣла врага своей дочери, не болѣе. За лицами внятна не замѣчала принциповъ“.

Но въ дѣятельности Бестужева именно и участвовалъ глубокой русской національный принципъ. „Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ былъ представителемъ новой Россіи; онъ олицетворялъ идеи Петра I, являлся исполнителемъ его завѣтовъ. Борьба шла не противъ вице-канцлера Елизаветы Петровны—на карту было поставлено все развитіе Россіи какъ европейской державы; вопросъ шель объ обращеніи Петровской Россіи въ московскую Русь, о замѣнѣ императорскаго штандарта великокняжескимъ стягомъ. Вотъ въ чемъ былъ заключенъ секретъ той политической интриги, которая началась еще при Аннѣ Леопольдовнѣ, помогла Елизаветѣ Петровнѣ взойти на престолъ“...

Въ известной книгѣ Пекарскаго о маркизѣ Шетарди были уже приведены документы, указывавшіе на подобную точку зрѣнія. Еще до вступленія Елизаветы на престолъ, Шетарди утверждалъ въ письмахъ къ французскому министерству (въ апрѣлѣ 1741 года), что если ей проложена будетъ дорога къ престолу, то надо ожидать, что любовь къ своему народу побудитъ ее къ удаленію иноземцевъ и къ довѣрію относительно русскихъ; онъ полагалъ, что Елизавета переселится въ Москву; знатные русскіе займутся своими хозяйствами, отъ которыхъ были до сихъ поръ оторваны; флотъ будетъ въ пренебреженіи и Россія постепенно обратится къ старинѣ, которую именно еще раньше хотѣли возстановить Долгорукіе и потомъ Волинскій. Въ іюнѣ того же года Шетарди снова писалъ на ту же тему: онъ предполагалъ, что при Елизаветѣ настолько укрѣпится эта старина, что къ ней привыкнетъ и голштинскій принцъ, ея племянникъ (т.-е. будущій Петръ III!), который не будетъ даже знать о другихъ началахъ. Къ этимъ предположеніямъ Шетарди авторъ прибавляетъ подобное мнѣніе англійскаго посланника Финча, въ томъ же іюнѣ: „Большая часть дворянъ,—писалъ онъ,—закоренѣлые русскіе; только принужденіе и насиліе могутъ воспрепятствовать имъ возвратиться къ ихъ стариннымъ обычаямъ. Между ними нѣтъ ни одного, который не желалъ бы видѣть Петербургъ провалившимся на дно морское,

а всѣ завоеванныя у Швеціи провинціи отошедшими къ чорту, лишь бы только имѣть возможность возвратиться въ Москву, гдѣ, вблизи своихъ помѣстій, они могли бы жить съ наибольшею роскошью и съ меньшими издержками. Они вовсе не хотятъ имѣть дѣла съ Европою и ненавидятъ иноземцевъ“. Новѣйшій французскій историкъ русско-французскихъ отношеній при Елизаветѣ, Вандаль, приводитъ изъ письма французскаго статсъ-секретаря Амелѣ слѣдующія слова, писанныя по полученіи извѣстія о вступленіи Елизаветы на престолъ: „Совершившійся въ Россіи переворотъ знаменуетъ послѣдній предѣлъ величія Россіи. Такъ какъ новая императрица намѣрена не назначать иностранцевъ на высшія должности, то Россія, предоставленная самой себѣ, неминуемо обратится въ свое прежнее ничтожество“.

Нашъ историкъ замѣчаетъ, что эти разсчеты сдѣланы были, какъ говорится, „безъ хозяина“. „Слова нѣтъ, хозяинъ вовсе не былъ приготовленъ для государственной дѣятельности; конечно, Елизавета Петровна не любила заниматься „серьезными дѣлами“; но не подлежитъ также сомнѣнію, что она, ставъ императрицей, не рѣшала важныхъ дѣлъ безъ своихъ совѣтниковъ, главнымъ же совѣтникомъ по иностраннымъ дѣламъ былъ вице-канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, о котораго разбивались всѣ разсчеты прусскаго и французскаго дворовъ“. Отсюда усиленные старанія „свалить“ Бестужева, къ которымъ полагала нужнымъ прибавить свои старанія и пріѣзжая ангалтская принцесса-мать.

Можно было бы сказать больше: не въ томъ только было дѣло, что императрица совѣтовалась съ Бестужевымъ; довѣріе къ послѣднему внушалось болѣе глубокимъ побужденіемъ. Дочь Петра, какъ бы ни была невелика ея охота заниматься „серьезными дѣлами“, въ высокой степени почитала дѣянія своего великаго отца, и поэтому уже не могла войти въ тѣ планы (покинуть Петербургъ и проч.), которые предполагались, и отчасти даже предлагались, для нея иностранными дипломатами. Не даромъ тогдашніе панегиристы, восторгаясь удаленіемъ „иноземцевъ“, восхваляли Елизавету какъ преемницу славныхъ дѣлъ Петра; панегирики, конечно, только выражали принятую официальную точку зрѣнія.

Послѣдующія событія показали, что ожиданія иностранныхъ дипломатовъ не оправдались; въ главномъ они совершенно ошиблись: русское вельможество, старое и вновь сдѣланное при Елизаветѣ и потомъ при Екатеринѣ, замѣнило Бироновъ, Остермановъ, Миниховъ и т. д.; императрица жила въ Москвѣ, но Россія не пришла въ „прежнее ничтожество“, — напротивъ, про-

должала расширяться и политически усиливаться. Тѣмъ не менѣ приведенные отзывы не лишены интереса, какъ бытовое наблюдение. По всей вѣроятности, въ тогдашнемъ высшемъ кругѣ, съ которымъ только встрѣчались иностранные дипломаты, въ самомъ дѣлѣ было не мало людей, думавшихъ именно такъ, т.-е. весьма равнодушныхъ къ европейскому просвѣщенію, мечтавшихъ о лѣнливой жизни по старинному въ помѣстьяхъ, желавшихъ даже Петербургу провалиться сквозь землю: съ Петербургомъ въ особенности соединялось представление о принудительной и трудной службѣ; Петербургъ особенно нарушалъ старыя привычки умственной лѣни... Такимъ образомъ здѣсь, еще въ половинѣ прошлаго вѣка, мы находимъ людей, стремившихся „назадъ, домой“, о чемъ мечтали новѣйшіе славянофилы; слѣдовательно, „петербургскій періодъ“ далеко не оторвалъ всѣхъ отъ почвы и любезной старины; приверженцы послѣдней бывали въ самомъ высшемъ слоѣ общества: къ нимъ причисляютъ Долгорукихъ и самого Волинскаго. Но для новѣйшихъ защитниковъ возвращенія „домой“ весьма фатально согласное мнѣніе иностранцевъ, что возвращеніе къ прежнимъ обычаямъ было бы равносильно „прежнему ничтожеству“.

Нашъ историкъ придаетъ, кажется, слишкомъ много важности именно этому назначенію интриги; мысли дипломатовъ о возможномъ, и для нихъ желательномъ, упадкѣ Россіи во всякомъ случаѣ не могли осуществиться скоро, и важнѣе были, вѣроятно, тѣ или другія ближайшія цѣли, которыхъ желали достигнуть содѣйствіемъ воцаренію Елизаветы. Такъ или иначе, но въ русской правительственной сферѣ эта интрига встрѣтила сильнаго противника въ вице-канцлерѣ Бестужевѣ; нашъ историкъ ставитъ очень высоко его умъ, что совершенно справедливо, и защищаетъ его характеръ. Иностранцы вообще полагали, что его можно было купить; г. Бильбасовъ считаетъ ихъ отзывы зложелательными, но въ одномъ случаѣ самъ съ этимъ соглашается ¹⁾.

Какъ мы замѣтили, Іоганна-Елизавета скоро освоилась или думала, что освоилась, при русскомъ дворѣ; она полагала, что

¹⁾ „Русскій канцлеръ А. П. Бестужевъ-Рюминъ—заклятой врагъ Пруссіи, но съ этою враждою возможна борьба и, какъ полагалъ Фридрихъ II, борьба довольно легкая: стоило только условиться въ суммѣ дукатовъ. Король скоро убѣдился, что онъ ошибался: Фридрихъ II опредѣлялъ на подкупъ Бестужева то 10.000 дукатовъ, то 100.000 экю, то, наконецъ, готовъ былъ выплатить ту сумму, какая потребуется—ничто не удалось, и Бестужевъ не взял ни гроша. Онъ, вѣроятно, *взялъ бы*, еслибъ могъ что-либо сдѣлать въ пользу прусскаго короля; но онъ ничего не могъ, ничего и не взялъ“. Стр. 308.

может играть политическую роль, говорила о дѣлахъ съ императрицей, желала направлять ея мнѣнія въ ту сторону, какъ приятно было бы Фридриху II. Но уже вскорѣ оказалось, что Юганна-Елизавета ошибалась въ своихъ расчетахъ. Бестужевъ, съ своей стороны, наблюдалъ за своими врагами и въ рукахъ его было средство, которое онъ и употребилъ: это—такъ-называемая „перлюстрація“, т.-е. чтеніе переписки, посылаемой почтою. Между прочимъ перехватывались письма Шетарди, которыя Бестужевъ и представилъ императрицѣ: бывшій союзникъ отзывался весьма неуважительно о самой императрицѣ, которая подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго дала согласіе на предложеніе Бестужева о высылкѣ Шетарди изъ Россіи. Оказалась привосновенной къ непріятному дѣлу и ангальт-цербстская княгиня.

„Изъ перлюстраціи депешъ Елизавета Петровна узнала, сверхъ того, о некрасивой роли прусскаго шпіона, добровольно принятой на себя матерью принцессы Софіи. Оказалось, что княгиня пересылалась письмами съ Фридрихомъ II, старалась нарушить добрыя отношенія императрицы къ Австріи, вела переговоры съ шведскимъ правительствомъ, работала въ пользу союза съ Пруссією; подъ ея „кувертомъ“ пересылались секретныя бумаги, она была придворнымъ, близкимъ къ императрицѣ, агентомъ Шетарди и Мардефельда, интриговала противъ вице-канцлера, наконецъ, принимала извѣстное участіе въ судьбѣ брауншвейгской семьи“ (стр. 108).

Въ результатъ произошелъ разговоръ между императрицей и принцессой, вслѣдствіе котораго приближенные думали, что послѣдняя съ дочерью будутъ высланы изъ Россіи. „Не знаю, — писала послѣ Екатерина въ своихъ мемуарахъ, — удалось ли моей матери оправдаться передъ императрицею, но мы не уѣхали изъ Россіи, хотя съ моей матерью продолжали обращаться крайне недовѣрчиво и довольно холодно“. Но къ дочери императрица продолжала быть благосклонной.

Положеніе юной принцессы при дворѣ было страшно трудное. Понятно, что она ни въ какую политику не вмѣшивалась, на первое время вѣроятно совсѣмъ о ней и не думала, но положеніе было тѣмъ не менѣе крайне трудное и потомъ становилось тѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе. „Новыя мѣста, незнакомыя лица, небывалое положеніе—все ей было чуждо, во всему надо было присмотрѣться, приготовиться, привыкнуть. Если было желаніе, — а оно такъ естественно, — чтобъ поѣздка въ Россію не была безуспѣшна, требовалось привлечь къ себѣ императрицу, поправиться великому князю. Одного желанія тутъ недостаточно; требуется

постоянное насиліе надъ собою, неослабное наблюденіе за каждымъ своимъ шагомъ, осторожное взвѣшиваніе вѣждаго слова, и, прежде всего, нужно изучить русскій языкъ, принять православіе“.

Это принятіе совершилось 28-го іюня. Екатерина прекрасно выдержала церемонію, отчетливо и правильно прочитала символъ вѣры и отвѣчала съ увѣренностью на вопросы архіепископа. Это было въ церкви Головкинскаго дворца. Ангальтъ-цербстская принцесса стала русской великой княгиней Екатериной Алексѣевной. Алексѣемъ перевели одно изъ именъ ея отца—Августъ. На другой день произошло обрученіе, въ Кремлѣ, въ Успенскомъ соборѣ. Свадьба совершилась уже въ слѣдующемъ, 1745 году, 21-го августа: она задержалась путешествіемъ императрицы и двора въ Кіевъ, болѣзнью великаго князя, наконецъ, продолжительнымъ обдумываніемъ свадебнаго торжества, которое императрица хотѣла поставить самымъ пышнымъ образомъ. Великолѣпныя празднества, приемы, балы, ужины, фейерверки и т. д. продолжались десять дней—„самыя веселія, быть можетъ, какія только бывали въ Европѣ“, писала къ роднымъ Іоганна-Елизавета. Екатерина вспоминала объ этомъ времени такъ: „Мой дорогой супругъ нисколько не занимался мною... Я зѣвала, скучала; мнѣ не съ кѣмъ было перемолвить слова“... Петръ успѣлъ охладѣть къ Екатеринѣ, когда она была еще невѣстой.

Іоганна-Елизавета послѣ свадьбы въ сентябрѣ отправилась, наконецъ, домой, со щедрыми подарками императрицы, но она едва успѣла доѣхать до Риги, какъ ее нагнало письмо Елизаветы, которая поручала ей передать Фридриху II, что императорицѣ пріятно было бы, еслибы онъ отозвалъ изъ Россіи Мардефельда, прусскаго посланника, который былъ и другомъ ангальтской принцессы-матери. Дѣло въ томъ, что тотчасъ по отъѣздѣ княгини получены были извѣстія о неблагопріятныхъ для Россіи дипломатическихъ дѣйствіяхъ Фридриха; посланникъ его держалъ себя весьма высокомерно и „такъ какъ императрица знала, что Фридрихъ II предписалъ своему посланнику поступать во всемъ согласно съ княгиней цербстской, то ей же и было поручено сообщить королю объ отозваніи Мардефельда“ (стр. 178).

Такимъ образомъ, Екатерина осталась въ Россіи одна. Уже вскорѣ умеръ ея отецъ, затѣмъ мать, жившая въ послѣднее время въ Парижѣ въ весьма разстроенныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Ея собственные доходы были довольно скромны и главныя средства заключались въ пенсіи, которую ей назначила императрица. Но съ тѣхъ поръ какъ ангальтская принцесса испортила свои русскія отношенія, пенсія перестала приходить, и когда

она умерла, то предстояла распродажа ея имущества съ аукціона для покрытія ея долговъ. Екатерина была очень этимъ растревожена, но, наконецъ, эти долги уплачены были русскимъ дворомъ. Правда, Екатерина давно уже не имѣла никакой опоры съ этой стороны: съ тѣхъ поръ какъ она начала понимать придворныя и политическія отношенія, она уже разошлась съ матерью и ни мало не входила въ ея идеи; теперь ей уже и совсѣмъ не съ кѣмъ было раздѣлить своихъ мыслей, найти какую-нибудь поддержку въ своемъ мудреномъ положеніи. Между тѣмъ оно, въ самомъ дѣлѣ, было необычайно трудное для молодой женщины, всего годъ-два тому назадъ попавшей въ совершенно неизвѣстную ей страну, которой она должна была принять нравы, языкъ, вѣру и, наконецъ, престолъ. Юная Екатерина, видимо, съ чрезвычайными усиліями ума и характера, но и съ великимъ успѣхомъ преодолевала эту задачу: она рѣшила, что будетъ русскою и дѣйствительно поражала придворный міръ быстрымъ усвоеніемъ русскаго языка и православнаго катехизиса и оцѣнкой положенія. Съ самаго начала императрица Елизавета относилась къ ней очень дружелюбно и, кажется, никогда не думала распространять на нее ту досаду, какую въ ней возбуждала ангалтская принцесса-мать; но императрица съ годами становилась болѣзненна и угодить ей было труднѣе; не легко было предугадать, что можетъ возбудить ея неудовольствіе, и подъ конецъ отношенія стали довольно холодныя, хотя во многихъ случаяхъ надо предполагать, что императрица бывала къ великой княгинѣ очень деликатна. Екатеринѣ не однажды случалось вызывать ея неудовольствіе, а въ тѣ времена это было небезопасно; нравы были очень крутыя и немилость пугала, потому что послѣ нея считали возможными самыя тяжелыя послѣдствія. При рожденіи Павла, какъ извѣстно, императрица тотчасъ взяла къ себѣ ребенка, такъ что мать нѣсколько недѣль даже его не видѣла, а сама она въ первые часы была буквально покинута безъ всякаго вниманія. Главнымъ несчастіемъ Екатерины было ея печальное супружество: вступая въ этотъ бракъ, она исполняла, конечно, планы честолюбія своихъ родителей, чѣмъ, вѣроятно, и сама увлекалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, не имѣла понятія о томъ, чѣмъ можетъ стать для нея этотъ бракъ съ простой личной точки зрѣнія. Въ первое время великій князь, ея женихъ, самъ еще почти мальчикъ, встрѣтилъ ее очень охотно, ухаживалъ за ней, но чѣмъ дальше, тѣмъ отношенія ихъ все больше ухудшались. Мы привели выше собственное свидѣтель-

ство Екатерины о томъ, какъ проводила она первые дни своего брака: Петръ уже не обращалъ на нее никакого вниманія.

Новый историкъ Екатерины оставляетъ не вполне разъясненнымъ вопросъ объ этихъ отношеніяхъ: онъ приводитъ лишь неопредѣленные указанія о физическомъ недостаткѣ, который, однако, былъ, повидимому, устраненъ; упоминаетъ извѣстные факты о томъ, какъ Петръ, не обращая вниманія на молодую супругу, въ то же время безпрестанно влюблялся и ухаживалъ за фрейлинами и впоследствии нашелъ себѣ постоянную фаворитку въ лицѣ Воронцовой, старшей сестры извѣстной княгини Дашковой. Какъ бы то ни было, положеніе Екатерины было невозможное. Различныя подробности, собранныя нашимъ историкомъ о характерѣ и дѣяніяхъ Петра, когда онъ былъ еще наследникомъ престола, производятъ удручающее впечатлѣніе. Онъ играетъ оловянными солдатиками, въ другое время окружаетъ себя собаками, самъ занимается ихъ дрессированіемъ, мучитъ ихъ, что доставляетъ ему удовольствіе, устраиваетъ даже помѣщеніе для псовъ въ спальнѣ своей супруги, такъ что, по ея словамъ, въ этой спальнѣ несло псиной; ведетъ дружбу и находитъ удовольствіе въ обществѣ своихъ лакеевъ; впоследствии, когда онъ сдѣлался, по наследству, владѣтельнымъ герцогомъ голштинскимъ, онъ выписалъ себѣ голштинскихъ солдатъ и усердно занялся ихъ муштровкой, но дѣлалъ и гораздо болѣе серьезно дурныя и опасныя вещи.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія составлены были Бестужевымъ и одобрены императрицей двѣ инструкціи довереннымъ лицамъ, которымъ поручено было наблюдать за образомъ жизни и поведеніемъ великаго князя и великой княгини. Въ послѣдней изъ этихъ инструкцій великой княгинѣ запрещалось какое-либо вмѣшательство въ политическія дѣла, и уполномоченной знатной дамѣ особливо поручено было наблюдение „брачной повѣренности между обоими императорскими высочествами“, причѣмъ этой знатной дамѣ предписывалось „всегда слѣдовать“ за великой княгиней, устранять какъ „подозрѣніе возбуждающую фамиллярность“ великой княгини съ придворными кавалерами, пажами и лакеями, такъ и „смѣлость кого бы ни было ея высочеству на ухо шептать, письма, цедульки или книги тайно отдавать“. Для наблюденія за великимъ княземъ, инструкція, какъ въ ней прямо сказано, „по чинимымъ въ нынѣшней младости проступкамъ во всѣхъ пунктахъ сочинена“.

„Слѣдовательно,—пишетъ г. Бильбасовъ,—изъ инструкціи можно сдѣлать обратное заключеніе о поведеніи великаго князя;

въ ней предписывается воздерживать великаго князя отъ проступковъ, въ которыхъ онъ наиболѣе склоненъ. Въ этомъ отношеніи инструкція является официальнымъ документомъ, вполне подтверждающимъ, иногда почти дословно, различныя замѣчанія Екатерины, разсѣяанныя въ ея „Запискахъ“, относительно поведения ея супруга. Въ чемъ же, по инструкціи, состояли проступки великаго князя?

„Онъ пренебрегалъ догматами и обрядами православной греческой церкви, при богослуженіи проявлялъ „всякое небреженіе, холодность и индифферентность, чѣмъ всѣ въ церкви находящіяся явно озлоблены бываютъ“, относился непочтительно къ духовнымъ лицамъ. У себя, въ своей комнатѣ, проводилъ время въ „играніи егарями и солдатами или иными игрушками“, предавался „всякой пагубной фамиллярности съ комнатными и иными подлыми служителями“, шутилъ съ „лакеями и иными негодными людьми“, наряжалъ ихъ въ военные мундиры, роздалъ имъ ружья, устроилъ въ своихъ комнатахъ цѣлый полкъ и превратилъ „военное искусство въ шутки“. Всѣ эти подробности, нерѣдко дѣйствительно невѣроятныя въ юношѣ 19-ти лѣтъ, уже женатомъ, отмѣчены въ „Запискахъ“ Екатерины и до изданія инструкціи признавались многими за преувеличенія, которыми Екатерина хотѣла только оправдать свои позднѣйшіе поступки. Между тѣмъ въ этомъ отношеніи инструкція даетъ еще болѣе, чѣмъ „Записки“. Такъ, между прочимъ, инструкція обвиняетъ великаго князя въ томъ, что онъ неприлично велъ себя за столомъ: издѣвался надъ служителями, обливалъ ихъ виномъ, позволялъ себѣ даже непристойныя шутки, въ разговорахъ съ посторонними лицами употреблялъ подлыя слова, дѣлалъ подлыя мины и т. д.“ (стр. 204—205).

Нашему историку кажется ироніей начало этой самой инструкціи, гдѣ въ то же самое время великій князь, слѣвавшійся тогда владѣтельнымъ герцогомъ, „голштинскія свои земли самъ управлять за способнаго признанъ“. „Человѣкъ, — говоритъ г. Бильбасовъ, — издѣвающійся надъ религіею, небрежущій серьезными дѣлами, якшающійся только съ лакеями, неумѣющій даже порядочно сидѣть за столомъ, признается способнымъ управлять народомъ вполне самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства кого бы ни было, безъ чьей бы ни было помощи, безъ совѣта“...

Такимъ образомъ, еще въ 1746 году, когда составлена была инструкція, ясно были поняты странныя свойства лица, которому предназначалось впоследствии занять престолъ громадной имперіи. Въ теченіе послѣдующихъ пятнадцати лѣтъ, до того времени,

когда Петръ занялъ этотъ престолъ, не было принято никакихъ достаточныхъ мѣръ въ тому, чтобы воздержать недостатки, бросавшіеся въ глаза, улучшить личную обстановку великаго князя и устранить, хотя въ извѣстной мѣрѣ, тѣ излишества, которыя повели потомъ къ столь роковымъ послѣдствіямъ. Императрица приходила въ негодованіе отъ этихъ излишествъ, отъ проявленій крайняго неблагоразумія, но не было сдѣлано ничего, чтобы они не могли нѣкогда обаяться въ примѣненіяхъ совершенно невозможныхъ. Нашъ историкъ приводитъ изъ „Политической корреспонденціи“ Фридриха II любопытныя свидѣтельства, относящіяся именно къ этому времени, о совершенной невозможности представить себѣ Петра царствующимъ. Въ 1747 году, года черезъ два послѣ бравосочетанія, когда Петру былъ двадцатый годъ, прусскій посланникъ Финкенштейнъ писалъ Фридриху II: „Можно биться объ закладъ, что великій князь никогда не будетъ царствовать въ Россіи: не говоря уже о слабомъ здоровьѣ, угрожающемъ преждевременною смертью, русскій народъ такъ ненавидитъ великаго князя, что онъ рискуетъ лишиться короны даже и въ томъ случаѣ, еслибъ она перешла къ нему по смерти императрицы“. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1752, самъ Фридрихъ говоритъ о немъ: „великій князь чрезвычайно неостороженъ въ своихъ рѣчахъ, по большей части въ ссорѣ съ императрицей, мало уважаетъ, вѣрнѣе сказать, презираетъ народомъ и слишкомъ уже занятъ своею Голштиніею“ (стр. 309).

Все это роковымъ образомъ оправдалось много лѣтъ спустя. Елизавета, какъ замѣчено выше, не имѣла относительно Петра никакихъ иллюзій, но, повидимому, предпринять что-нибудь для обезпеченія будущаго она боялась, чтобы не затронуть опаснаго вопроса о престолонаслѣдіи, который со временъ Петра стоялъ уже Россіи такихъ смуть и переворотовъ. Именно для обезпеченія этого вопроса она нѣкогда вызвала своего племянника изъ Германіи и, еслибы теперь она измѣнила свои намѣренія, можно было ожидать, что при всѣхъ странностяхъ его характера и даже благодаря имъ у него найдутся приверженцы въ видахъ править Россіею его именемъ; быть можетъ, нашлись бы и какіе-нибудь иностранные союзники. Съ другой стороны, императрица повидимому не хотѣла въ виду этого вопроса сблизиться съ Екатериной. Словомъ, дѣло предоставлено было на произволь судьбы, но въ обществѣ задавали себѣ этотъ вопросъ, какъ давно обратила на него вниманіе и европейская дипломатія. Уже лѣтъ за десять до смерти Елизаветы и даже раньше европейскіе дипломаты считали нужнымъ разсчитывать на Екатерину и начинали

видѣть въ ней главную политическую силу въ будущемъ. Уже вскорѣ съ ней сближается самъ Бестужевъ, нѣкогда противникъ ея вызова въ Россію, а теперь становившійся ея союзникомъ; очевидно, онъ думалъ такъ же, и сближался съ Екатериною не только по соображеніямъ какой-нибудь личной выгоды, но и по общимъ политическимъ расчетамъ, потому что здѣсь только находилъ и характеръ, и пониманіе; но и это сближеніе не могло быть вполне яснымъ и открытымъ: въ этомъ не замедлили бы увидѣть какую-нибудь интригу. Въ то время, какъ въ теченіе всего XVIII-го вѣка развивалась до необычайныхъ размѣровъ политическая подозрительность: послѣ столькихъ переворотовъ, притомъ такъ быстро и легко слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, лица, стоявшія во главѣ, постоянно опасались за свою безопасность; имъ безпрестанно представлялось, что можетъ возникнуть какой-нибудь заговоръ, интрига, внезапное нападеніе, какіе дѣйствительно и практиковались. На нашъ взглядъ кажется страннымъ, что опасенія подобнаго рода имѣлись даже противъ заслуженныхъ людей, которыхъ лѣта, долгая служба, большія заслуги могли бы, кажется, обезпечить отъ подозрѣній: если при императрицѣ Аннѣ возможно было дѣло Волынскаго, то при Елизаветѣ возможно было паденіе канцлера Бестужева, — въ минуту раздраженія являлась даже мысль о пыткѣ.

Екатерина уже съ первыхъ шаговъ своихъ въ Россіи могла присмотрѣться къ такому порядку вещей. Въ 1746 году умерла бывшая правительница Анна Леопольдовна. По распоряженію императрицы, тѣло ея привезено было изъ Холмогоръ въ Петербургъ для погребенія. Екатерина присутствовала на похоронахъ при императрицѣ. „Екатерина, — говоритъ г. Бильбасовъ, — вполне оправдывала Елизавету Петровну относительно брауншвейгской семьи. Между тѣмъ какъ многіе, обеспокоенные болѣзнью великаго князя, полагали, что, въ случаѣ его смерти, наследникомъ престола будетъ объявленъ Иванъ III, Екатерина ни на минуту не сомнѣвалась, что императрица никогда не сдѣлаетъ подобной ошибки. Въ „Запискахъ“ Екатерины, доведенныхъ до 1758 г., ни разу не упоминается ни одинъ изъ членовъ злополучной брауншвейгской семьи. Въ то время многимъ казалось совершенно естественнымъ и справедливымъ какъ низложеніе Ивана III, такъ и заточеніе всей брауншвейгской семьи; для Екатерины то и другое представлялось, сверхъ того, единственною причиною занимаемаго ею положенія русской великой княгини. Она знакомилась, изъ рассказовъ лейбъ-кампанцевъ, съ подробностями революціи, возведшей Елизавету Петровну на престолъ, и воочію

убѣждалась, что подобные перевороты возможны, что они не сопряжены съ непреодолимыми трудностями и не вызываютъ противодѣйствія среди общества, преклоняющагося предъ успѣхомъ.

„Могла ли Екатерина смотрѣть иначе на „брауншвейгскій инцидентъ“? Еще въ Ригѣ, два года назадъ, она слышала отъ матери, которой вполнѣ тогда довѣряла, что Елизавета Петровна совершенно права относительно своихъ брауншвейгскихъ родственниковъ; теперь Екатерина слышала только полное одобреніе всѣмъ распоряженіямъ, касавшимся злосчастной семьи. До Екатерины не доходили, ни теперь, ни послѣ, во все время, пока она была великою княгиней, даже и глухіе слухи о возбужденіи, вызванномъ революціоннымъ переворотомъ 1741 года. Какъ не слышала она ничего о „заговорѣ“ Турчанинова, такъ не услышитъ она ничего ни о „умыслѣ“ Зубарева, ни о „сочувствіи“ прусскаго короля къ брауншвейгской семьѣ, ни даже о самой семьѣ. Объ этомъ при дворѣ знали очень немногіе и никто не говорилъ, менѣе же всего съ великою княгиней“ (стр. 196—197).

Она видѣла потомъ при дворѣ Елизаветы паденіе нѣкогда сильныхъ и вліятельныхъ людей. „Зимою 1748 года, — рассказываетъ ея историкъ, — на вуртагѣ, великая княгиня подошла къ Лестоку, хотѣла поговорить съ нимъ, но онъ шопотомъ остановилъ ее: „Не подходите ко мнѣ — я въ подозрѣніи“. — Это что значить? — „Серьезно повторяю вамъ: не подходите ко мнѣ — я заподозрѣнъ, отъ меня надо удалиться“. Лицо Лестока было красно. Екатерина подумала, что онъ пьянъ, и отошла въ сторону“ (стр. 229). Но онъ не былъ пьянъ и говорилъ правду. Черезъ нѣсколько дней она узнала, что Лестокъ и жена его арестованы, что Лестокъ обвинялся въ тайныхъ связяхъ съ французскимъ, шведскимъ и прусскимъ дворами, въ непочтительныхъ отзывѣхъ объ императрицѣ, и пр. Лестокъ подвергся строгому допросу и даже пыткѣ... Къ концу царствованія Елизаветы подвергся опалѣ и самъ канцлеръ Бестужевъ; причина опалы была, конечно, политическая; — на этотъ разъ шла рѣчь о прикосновенности къ дѣлу самой Екатерины, но Бестужевъ не сказалъ ни слова, которое могло бы ее компрометтировать.

Между тѣмъ не могло, наконецъ, не быть серьезныхъ разговоровъ, которые вызывались серьезнымъ положеніемъ вещей и которые, однако, легко могли стать политическимъ преступленіемъ, еслибы были узнаны. Впослѣдствіи сама Екатерина рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ:

„Болѣзненное состояніе и частые припадки императрицы за-

ставили всѣхъ думать о будущемъ. Графъ Бестужевъ и по мѣсту, имъ занимаемому, и по своимъ умственнымъ способностямъ подумывалъ объ этомъ болѣе другихъ. Онъ зналъ о томъ отвращеніи къ нему, которое давно уже было внушено великому князю. Ему хорошо были извѣстны слабыя стороны великаго князя, рожденнаго наслѣдникомъ столькихъ коронъ. Естественно, что этотъ государственный человѣкъ, какъ и всякій бы на его мѣстѣ, желалъ удержаться на своемъ посту. Онъ зналъ, что я уже много лѣтъ отношусь къ нему съ уваженіемъ. Къ тому же онъ видѣлъ во мнѣ единственное въ то время лицо, на которомъ могли сосредоточиваться надежды общества въ моментъ, когда не стало бы императрицы. Эти и подобныя соображенія внушили ему планъ, чтобы тотчасъ по кончинѣ императрицы великій князь былъ объявленъ по праву императоромъ и, въ то же время, я была бы объявлена участницею въ управленіи, чтобы всѣ лица остались при своихъ должностяхъ и чтобы ему былъ предоставленъ чинъ подполковника въ четырехъ гвардейскихъ полкахъ и президентство въ трехъ государственныхъ коллегіяхъ—иностранныхъ дѣлъ, военной и адмиралтейской. Его желанія, такимъ образомъ, были чрезмѣрны. Проектъ такого манифеста, писанный рукою Пуговишникава ¹⁾, Бестужевъ переслалъ мнѣ черезъ графа Понятовскаго, посовѣтовавшись съ которымъ я отвѣчала графу Бестужеву словесно, что благодарю его за добрыя намѣренія относительно меня, но считаю ихъ трудно выполнимыми. Онъ много разъ исправлялъ и давалъ переписывать свой проектъ, измѣняя его, дополняя, сокращалъ и, казалось, былъ имъ очень занятъ. Правду сказать, я смотрѣла на этотъ проектъ какъ на бредни, какъ на приманку, которою старикъ хотѣлъ войти ко мнѣ въ довѣріе; я, однако, не поддавалась на эту приманку; но такъ какъ дѣло было неспѣшное, то я не хотѣла противорѣчить управому старику“ (стр. 335—336).

Въ такихъ тревоженіяхъ жила Екатерина съ первыхъ лѣтъ своего пребыванія въ Россіи, несмотря на бракъ съ наслѣдникомъ престола не имѣвшая никакой даже семейной опоры. Бракъ былъ несчастливъ — прежде всего, несомнѣнно, не по ея винѣ; впоследствии она нашла привязанности и вѣрныхъ друзей, которые пригодились и спасли ее въ критическую минуту, но долгіе годы она вела тяжелую жизнь, выдержать которую было возможно только сильному уму и характеру. Сама она говорила,

¹⁾ Это былъ одинъ изъ его ближайшихъ чиновниковъ по коллегіи иностранныхъ дѣлъ

что она очень правилась мужчинамъ, но что ея характеръ былъ болѣе мужской, нежели женскій.

Это сказалось, между прочимъ, на томъ, что сдѣлала она для своего образованія. Въ этомъ отношеніи Екатерина была явленіе феноменальное не только для Россіи, но, можно сказать, вообще для тогдашняго европейскаго общества. Въ то время интересы науки, политическаго знанія начинали привлекать женскіе умы; французскіе салоны второй половины XVIII-го вѣка гордились цѣлымъ рядомъ блестящихъ женскихъ дарованій, которыя въ состояніи были стать общественно-образовательными центрами, но и тамъ едва-ли были примѣры такой умственной силы въ соединеніи съ политической энергіей; у насъ это было явленіемъ невиданнымъ и, быть можетъ, вполнѣ, это женское участіе Екатерины въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія сказалось своимъ особымъ вліяніемъ. Умственное развитіе Екатерины, безъ сомнѣнія, дало ей тотъ авторитетъ, который помогъ ей достигнуть престола и стать на высотѣ отрывшагося передъ ней необычайно сложнаго положенія. Трудъ, положенный ею на это образованіе, тѣмъ болѣе свидѣтельствовалъ объ ея умственной силѣ, что и здѣсь она была одна, безъ руководителя; повидимому никто изъ близкихъ ей тогда лицъ не въ состояніи былъ идти съ нею рядомъ въ этомъ отношеніи.

Биографы Екатерины мало рассказывали о томъ, какъ шло ея образованіе; въ ея собственныхъ мемуарахъ сохранилось объ этомъ также лишь немного свѣденій. Данныхъ и не могло быть много, потому что всего больше она была обязана своимъ образованіемъ самой себѣ. Въ дѣтскіе годы ученіе было поверхностное и учителя всего меньше способны были разбудить этотъ живой умъ и поддержать его настоящимъ матеріаломъ размышленія и знанія. Единственный разъ она записываетъ въ мемуарахъ о своемъ дѣтствѣ, что когда ей было лѣтъ 11, въ Гамбургѣ, шведскій графъ Гюленборгъ, „видя, что мать мало или, вѣрнѣе, вовсе не занимается мною, сказалъ ей, что она напрасно не обращаетъ на меня вниманія и что я ребенокъ развитой не по лѣтамъ“ (стр. 10). По приѣздѣ въ Россію ей вскорѣ дали двухъ русскихъ учителей: одинъ изъ нихъ, Адоуровъ, занимался съ нею русскимъ языкомъ; другой, Симонъ Тодорскій, іеромонахъ (вполнѣ епископъ), обучалъ ее православному закону. Тодорскій былъ человекъ просвѣщенный, жилъ за границей, отличался вѣротерпимостью, и Екатерина увлекалась его преподаваніемъ; но затѣмъ, кромѣ русскаго языка и закона Божія, было множество предметовъ, которые могли бы требовать вниманія при болѣе

правильномъ образованіи,—учителей однако не было и оставалось дополнять пробѣлы чтеніемъ; но что читать? Въ 1744 году пріѣзжалъ въ Россію съ дипломатическимъ порученіемъ тотъ самый Гюлленборгъ, который за пять лѣтъ передъ тѣмъ видѣлъ ангальт-пербстскую принцессу въ Гамбургѣ. „Пріѣхавъ въ Петербургъ,—пишетъ Екатерина,—онъ пришелъ къ намъ, и такъ какъ онъ еще въ Гамбургѣ сказалъ мнѣ, что у меня философское направленіе ума, то теперь онъ спросилъ меня, какъ идетъ моя философія въ томъ водоворотѣ, въ которомъ я живу? Я рассказала ему, чѣмъ я занимаюсь въ своей комнатѣ. Онъ замѣтилъ, что философъ въ 15 лѣтъ не можетъ познать самого себя; что я окружена столькими рифами, что можно опасаться моего крушенія, если только моя душа не особо высокаго закала; что необходимо питать душу возможно лучшимъ чтеніемъ, и для этого онъ совѣтовалъ мнѣ читать „Жизнеописанія знаменитыхъ мужей Греціи и Рима“ Плутарха, жизнь Цицерона, и „Причины величія и паденія Римской республики“ Монтескьё. Тотчасъ же я приказала отыскать эти книги, которыя въ Петербургѣ въ то время съ трудомъ можно было найти, и сказала графу, что набросаю ему свой портретъ, какъ я себя понимаю, чтобы онъ могъ судить, знаю ли я себя или не знаю. Дѣйствительно, я написала свой портретъ, озаглавивъ: „Портретъ философа въ 15 лѣтъ“, и дала ему. Спустя много лѣтъ, и именно въ 1758 году, я отыскала этотъ „Портретъ“ и сама была удивлена, какъ глубоко я сознавала тогда себя. Къ сожалѣнію, я тогда же сожгла рукопись, со всѣми другими бумагами, опасаясь хранить какой-либо лоскутокъ во время несчастнаго дѣла Бестужева. Графъ Гюлленборгъ, спустя нѣсколько дней, возвратилъ мнѣ рукопись. Не знакъ, снялъ ли онъ копію съ нея. Возвращая рукопись, онъ сопровождалъ ее дюжиною страницъ своихъ разсужденій по поводу меня, въ которыхъ онъ старался укрѣпить во мнѣ какъ возвышенность души и твердость, такъ и другія качества сердца и ума. Я читала и перечитывала много разъ его разсужденія, стараясь проникнуться ими, и искренно рѣшилась слѣдовать его указаніямъ. Я дала себѣ обѣтъ въ этомъ, а когда я давала себѣ въ чемъ-нибудь обѣтъ, то не помню, чтобы не исполнила его. Наконецъ, я возвратила графу Гюлленборгу его писаніе, какъ онъ меня просилъ, и должна признать, что его указанія много послужили къ образованію и укрѣпленію склада моего ума и моей души“ (стр. 143--144).

Не успѣлъ еще графъ Гюлленборгъ уѣхать изъ Петербурга, и Екатерина просила уже своего учителя Адодурова достать ей ука-

занныя графомъ книги; онѣ были вѣроятно получены изъ академической библіотеки. Быть можетъ, въ то время по разнымъ обстоятельствамъ Екатерина и не прочитала этихъ книгъ, какъ предполагаетъ ея историкъ,—было не время и книги могли показаться скучными, но во всякомъ случаѣ дано было указаніе на серьезную литературу, которымъ Екатерина несомнѣнно воспользовалась: впоследствии она не пугалась весьма серьезнаго чтенія.

Какъ увидимъ далѣе, г. Бильбасовъ подробно останавливается на тогдашнемъ или нѣсколько болѣе позднемъ чтеніи Екатерины, которое произвело на складъ ея мыслей большое вліяніе, но въ первое время, когда вкусъ къ чтенію еще не установился и когда для него еще не нашлось достаточно матеріала, Екатерина, по ея собственнымъ рассказамъ, очень скучала. Мысль ея несомнѣнно работала, и было надъ чѣмъ. Тогдашняя русская жизнь (какъ въ очень многихъ отношеніяхъ и современная) представляла странную картину нѣкоторой начинающейся цивилизаціи и старинной грубоватости быта, которыя, по всей вѣроятности, довольно мало чувствовались аборигенами, потому что не успѣло развиться болѣе тонкихъ потребностей, а старина была еще грубѣе.

„Въ половинѣ прошлаго вѣка,—говоритъ г. Бильбасовъ,— Россія производила культурную иллюзію, какъ въ декоративной живописи, только на перспективномъ отдаленіи; при болѣе близкомъ знакомствѣ всякая иллюзія пропадала. Екатерина испытывала это на себѣ. Въ Штетинѣ, Цербстѣ, даже въ Берлинѣ, Россія представлялась ей не только сильною, богатою, но и культурною странною; по пріѣздѣ къ русскому двору, золото и парча, нѣга и роскошь ослѣпили ее, плѣнили неопытный глазъ, и лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ Россіи ей удалось разсмотрѣть, что это не золото, а позолота, не нѣга, а развратъ. Она увидѣла себя въ совершенно чуждомъ ей, иномъ мірѣ“ (стр. 232).

Екатерина прежде всего познакомилась, конечно, съ обстановкою придворной жизни, но и здѣсь она была поражена тѣмъ, что увидѣла.

„Со времени Петра I русскій дворъ былъ поставленъ на европейскую ногу. По внѣшности, своею блестящею роскошью онъ не уступалъ давшему тонъ всей Европѣ двору версальскому. Огромные, высокіе залы, украшенные во всю стѣну цѣльными зеркалами, мозаичные полы, расписанные живописью потолки; петергофскій дворецъ, по сознанию даже иностранныхъ министровъ, былъ роскошнѣе версальскаго. Въ этихъ дворцахъ, на выходахъ и куртагахъ, на балахъ и маскарадахъ, толпились придворные въ бархатныхъ епанчахъ и шитыхъ золотомъ камзо-

захъ, съ алмазными тресилами и изумрудными аграфами, рядомъ съ дамскими робами и самарами свѣтлыхъ цвѣтовъ; на головахъ пудра, на лицахъ румяна и мушки; у дверей—почетные караулы; всюду егеря, гайдуки, скороходы, гусары, карлики—все великолѣпно, богато, блестяще. Какъ же жилось въ этихъ дворцахъ?

„Какъ дворцы императорской фамилии, такъ и дома вельможъ были въ то время, по большей части, деревянные. Расположеніе, въ общемъ, было одно и то же: одна или нѣсколько большихъ залъ для пріемовъ и нѣсколько клѣтушекъ для жилья. Постройка чисто плотничная, на скорую руку: двери не затворялись, въ окна дуло, въ полахъ щели, печи дымили. Въ лѣтнемъ дворцѣ, въ Петербургѣ, окна великокняжеской половины „выходили съ одной стороны на Фонтанку, которая была тогда вонючимъ болотомъ, съ другой—на узкій грязный дворикъ“; въ Москвѣ, въ деревянномъ флигелѣ дворца, „вода текла по стѣннымъ обшивкамъ, и комнаты были чрезвычайно сыры“...

„Екатерина стала помнить себя въ штетинскомъ замкѣ, капитальномъ строеніи померанскихъ герцоговъ; она провела дѣтство въ цербстскомъ замкѣ, сооруженномъ изъ гранитнаго камня; замокъ ея бабушки, въ Гамбургѣ—каменное зданіе XVI-го вѣва. Всѣ эти замки строились вѣками, но и стояли столѣтія, стоятъ и нынѣ. Неудивительно, что деревянные постройки въ Россіи производили на Екатерину впечатлѣніе временныхъ палашей, легко воздвигаемыхъ, но также легко истребляемыхъ временемъ, климатомъ, огнемъ. Московскій дворецъ, занимавшій до трехъ верстъ въ окружности, сгорѣлъ на ея глазахъ въ какіе-нибудь три часа; архіерейскій домъ загорался раза два или три въ теченіе мѣсяца, пока въ немъ жила великая княгиня; между тѣмъ въ домѣ была только одна лѣстница и, конечно, деревянная... Дома были худо выстроены, еще хуже меблированы. Въ то время мебель была принадлежностью не комнаты, даже не дома, а извѣстнаго лица, и возилась за этимъ лицомъ, какъ возилось платьемъ, бѣлье, обувь. „Дворъ въ то время,—говорить Екатерина,—былъ такъ бѣденъ мебелью, что зеркала, кровати, стулья, столы и комоды, которые служили намъ въ зимнемъ дворцѣ, перевозились вслѣдъ за нами въ лѣтній дворецъ, оттуда въ Петергофъ и даже ѣздили съ нами въ Москву. При этихъ перевозкахъ многое ломалось и билось, и въ такомъ изломанномъ видѣ ставилось на свое мѣсто, такъ что и пользоваться-то этою мебелью было довольно трудно“. Если такъ дѣлалось при дворѣ, притомъ что дворцовъ было много, а мебели мало, то въ частныхъ домахъ было еще хуже. Въ домѣ Чоглоковой, куда великокняжеская чета должна была переѣхать

послѣ пожара, истребившаго дворецъ, „вовсе не было мебели“. Черезъ шесть недѣль послѣ первыхъ родовъ Екатерины, для пріятія обычныхъ поздравленій, въ пустую комнату, сосѣднюю съ тою, въ которой родился Павелъ Петровичъ, была внесена „богатая мебель, и Екатерина, сидя на бархатной розовой съ серебрянымъ шитьемъ постели, принимала поздравленія придворныхъ и дипломатическаго корпуса; по окончаніи церемоніи мебель опять унесли“ (стр. 232—236).

Этой, какъ выражается г. Бильбасовъ, культурной иллюзіи во внѣшнемъ бытѣ отвѣчала такая же иллюзія и въ бытѣ умственномъ и общественно-нравственномъ. Познакомившись ближе съ этимъ бытомъ половины прошлаго вѣка, любители до-Петровской старины могли бы значительно успокоиться: реформа далеко не успѣла оторвать русскихъ отъ почвы, и еще во второй половинѣ XVIII вѣка было много людей и бытовыхъ порядковъ, которые вполне годились въ XVII столѣтіе. Выше мы приводили отзывы иностранныхъ дипломатовъ, которые питали надежду, что съ воцареніемъ Елизаветы Россія можетъ возвратиться въ московской старинѣ („къ прежнему ничтожеству“), какъ по лѣни императрицы въ серьезныхъ дѣлахъ, такъ и по пристрастію въ старинному быту вельможъ, желающихъ Петербургу провалиться съвозъ землю. Еще и теперь, во второй половинѣ XVIII вѣка, бытъ внутренній отличался тѣмъ же неряшествомъ, какое мы видѣли сейчасъ въ описаніяхъ быта внѣшняго. Въ самомъ дѣлѣ, еще не далеко было Петровское время, когда по приказу вводились европейскіе обычаи, устраивались ассамблеи, принималась европейская внѣшность по костюму и, конечно, оставались цѣлы всѣ бытовые привычки прежней домашней жизни. Въ этихъ привычкахъ прежде всего не было ученья, и теперь оно принималось лишь въ необходимой элементарной степени для свѣтскаго употребленія въ придворной жизни; нравы были довольно грубые, и если историки того времени говорятъ о сильно распространенномъ развратѣ, то независимо отъ примѣра высшаго круга, который имѣлъ свою долю вліянія, распущенность распространялась, какъ всегда, при первой встрѣчѣ какой-либо цивилизаціи съ первобытными нравами. Сама Екатерина, особливо при тѣхъ личныхъ условіяхъ, въ какія она была поставлена, не была исключеніемъ, но во всякомъ случаѣ было чрезвычайнымъ исключеніемъ ея стремленіе къ просвѣщенію. Нѣчто подобное въ русской жизни представляла развѣ только царица Софья, о которой, впрочемъ, мы въ сожалѣнію знаемъ въ этомъ отношеніи слишкомъ мало.

„Съ рожденіемъ Павла Петровича,—говорить г. Бильбасовъ,

—положеніе Екатерины значительно измѣнилось. Исполнивъ главную свою задачу, она отходитъ на второй планъ. Всѣ заботы, все вниманіе переносятся на ея сына: онъ обезпечиваетъ спокойствіе императрицы, въ немъ залогъ прочности престолонаслѣдія, онъ является уздою и, въ случаѣ надобности, угрозою Петру Федоровичу. Какъ только родился Павелъ Петровичъ, великовняжеская инструкція стала излишнею; она не была отмѣнена, но уже не признавалось необходимымъ примѣнять ее съ прежнею строгостью. Екатерина получаетъ большую свободу, выразившуюся въ ослабленіи надзора. Признательность за оказанную великою княгинею „услугу имперіи“ скоро смѣнилась почти полнымъ безучастіемъ къ Екатеринѣ. Это оскорбило ее, но не подавило; Екатерина только болѣе сосредоточилась, стала серьезнѣе смотрѣть на жизнь, начала критически относиться къ явленіямъ, мѣнніямъ и людямъ“ (стр. 294).

Сама Екатерина пишетъ объ этомъ времени: „Я читала тогда „Исторію Германіи“ и „Всеобщую исторію“ Вольтера, послѣ чего я прочла въ эту зиму столько русскихъ книгъ, сколько могла достать, въ томъ числѣ два толстые тома Баронія въ русскомъ переводѣ; потомъ мнѣ попался „Духъ законовъ“, Монтескьё, послѣ чего я прочла „Лѣтописи“ Тацита, которыя произвели странный переворотъ въ моей головѣ“. Г. Бильбасовъ замѣчаетъ, что въ настоящее время невозможно указать, какія были русскія книги, которыя Екатерина могла читать въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія; да онъ и не находитъ въ этомъ особой надобности, такъ какъ тѣ книги, очевидно, не произвели на нее большого впечатлѣнія. Она называетъ только Баронія; это было старинное сокращенное изложеніе знаменитыхъ нѣкогда „Церковныхъ лѣтописей“, изданное при Петрѣ, на тогдашнемъ тяжеломъ языкѣ, который Екатерина вѣроятно и не вполнѣ понимала. Зато безъ сомнѣнія она очень поняла Вольтера, Монтескьё и Тацита.

Но какъ именно поняла—это довольно трудно сказать съ увѣренностью. Сама Екатерина отмѣчаетъ только „странный переворотъ“ въ ея мысляхъ. Новѣйшій историкъ старается опредѣлить впечатлѣніе по тому общему значенію, какое имѣютъ эти произведенія, по ихъ историко-литературной славѣ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что „еще не родился человекъ, на котораго чтеніе твореній Тацита не произвело бы глубокаго впечатлѣнія“, и, указывая свойства этихъ твореній, прямо дѣлаетъ заключеніе о ихъ дѣйстви: Екатерина нашла въ нихъ такія-то мысли, сдѣлала изъ нихъ такой-то выводъ, напримѣръ: „Екатерина убѣдилась, что, говоря словами Тацита, при деспотическомъ, самовластномъ прав-

леніи добродѣтели также гибельны для подданныхъ, какъ и пороки". Но дѣло въ томъ, что впечатлѣніе опредѣляется не одними свойствами произведенія, но и свойствами читателя. Нѣтъ сомнѣнія, что чтеніе Тацита, Вольтера, Монтескьё выводило Екатерину изъ того ограниченнаго міровоззрѣнія, гдѣ она до тѣхъ поръ научалась не столько политической мудрости, сколько придворной и дипломатической практикѣ, но затѣмъ дѣйствіе новаго чтенія могло быть весьма различно. Новыя идеи могли быть восприняты душой или только умомъ: въ одномъ случаѣ онѣ могли стать задушевнымъ убѣжденіемъ, сдѣлаться руководствомъ для всей дѣятельности человѣка, когда бы она открылась предъ нимъ; въ другомъ случаѣ онѣ завлекли бы своей оригинальной новостью, умножили бы теоретическое значеніе жизни, расширили бы политическій расчетъ и на практикѣ послужили бы только холоднымъ орудіемъ этого расчета. Такимъ образомъ, впечатлѣніе, которое хочеть оцѣнить историкъ, могло бы быть опредѣлено только проверкой ихъ практическаго вліянія въ послѣдующей дѣятельности.

Послѣ Тацита г. Бильбасовъ характеризуетъ знаменитое произведеніе Монтескьё. „Тацитъ, въ своихъ „Анналахъ“, — говоритъ авторъ, — внушалъ отвращеніе къ деспотизму вѣрнымъ изображеніемъ практики деспотическихъ правленій; Монтескьё, въ своемъ „Esprit des lois“, опозорилъ деспотизмъ въ теоріи, указавъ его происхожденіе и формы дѣятельности, столь вредныя для свободнаго развитія націи“.

Еще въ 1744 году шведскій графъ Гюлленборгъ совѣтовалъ Екатерину прочитатъ книгу Монтескьё „*Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains*“. Тогда она этой книги не прочитала и начала знакомство съ Монтескьё позднѣе, съ его знаменитѣйшей книги: „*Esprit des lois*“.

„Чтеніе „Духа законовъ“ принесло большую пользу Екатерину, не получившей политическаго образованія; изъ него она познакомилась съ общими положеніями государственнаго права, узнала юридическія основы взаимныхъ отношеній, усвоила политическія тенденціи. Она, между прочимъ, поняла теперь серьезное значеніе политической свободы и увидѣла весь вредъ, происходящій для государства отъ тиранніи. Въ этомъ произведеніи Монтескьё она прочла, что всѣ формы правленія, при всемъ ихъ разнообразіи, сводятся къ тремъ главнымъ группамъ: республиканской, въ которой царитъ только самимъ же народомъ изданный законъ; монархической, гдѣ законъ устанавливается государемъ, только обѣщающимъ уважать его, и деспотической, когда заво-

номъ является воля, капризь государя; она узнала, что существенное основаніе республики заключается въ политической добродѣтели, монархіи—въ чести государя, абсолютизма—въ трепетѣ подданныхъ. Все это изложено простымъ, понятнымъ языкомъ, вся сила котораго скрывается въ здоровомъ смыслѣ и строгой логикѣ; иногда авторъ прибѣгаетъ къ картиннымъ образамъ, рѣдко къ ироніи. „Когда дикари Луизианы хотятъ добыть плоды, они рубятъ въ корнѣ дерево—вотъ деспотическое правленіе“. Екатерина никогда еще не читала такой убійственной ироніи, съ какою Монтескьё объясняетъ рабство негровъ: „Европейскіе народы, истребивъ дивныхъ Америки, должны были наложить рабство на африканскихъ негровъ, чтобы заставить ихъ обрабатывать плантаціи. Сахаръ былъ бы очень дорогъ, еслибы плантаціи обрабатывались не рабами, а вольнонаемнымъ трудомъ. Негры—черные съ головы до пятковъ, и у нихъ носъ такой плоскій, что ихъ почти невозможно жалѣть. Нельзя себѣ даже и представить, чтобы Господь Богъ, существо столь разумное, могъ вложить душу, въ тому же добрую, въ совершенно черное тѣло. Намъ невозможно допустить, чтобы эти черныя существа были людьми, потому что если мы признаемъ ихъ людьми, то придется сознаться, что мы вовсе не христіане. Люди вздорные слишкомъ ужъ преувеличиваютъ несправедливость, съ какою мы относимся къ неграмъ; еслибы эта несправедливость дѣйствительно была такъ велика, неужели государи Европы, заключающіе между собою столько совершенно бесполезныхъ конвенцій, не заключили бы одной общей въ пользу сожалѣнія и милосердія?“ Екатерина, хорошо уже ознакомившаяся съ эпохою временщиковъ въ Россіи, съ особеннымъ вниманіемъ читала о законахъ, касающихся сущности деспотическаго правленія, что она доказала, ставъ самодержицей“ (стр. 296—297).

На этотъ разъ мы имѣемъ важныя указанія на то, какое впечатлѣніе оставило въ Екатеринѣ чтеніе Монтескьё: „въ устахъ Екатерины не было лучшей похвалы, какъ признать какое-либо произведеніе достойнымъ пера Монтескьё; она называла „*Esprit des lois*“ своимъ „молитвенникомъ“ и находила, что книга эта должна быть молитвенникомъ „для всякаго государя, обладающаго здоровымъ смысломъ“. По замѣчанію нашего историка, Екатерина впоследствии называла себя „республиканкой“ именно въ томъ смыслѣ, какой даетъ этому слову Монтескьё. Извѣстно, наконецъ, какъ много воспользовалась Екатерина этимъ писателемъ, когда составляла свой Наказъ.

Подобнымъ образомъ осталось много фактовъ, указывающихъ

отношеніе Екатерины къ Вольтеру. Узнать о немъ она могла очень давно, быть можетъ, еще въ Цербствѣ отъ своей гувернантки, г-жи Кардель. Имя Вольтера было уже въ то время славно во всей Европѣ, возбуждая въ однихъ восторгъ, въ другихъ негодованіе, доходившее до ненависти. „Даже по сей часъ критикѣ не удалось установить правильный взглядъ на „фернейскаго патриарха“, и она все еще колеблется между анаемой и апофеозомъ. Это объясняется тѣмъ, что догматъ вѣротерпимости, проповѣдуемый Вольтеромъ, глубоко затрогиваетъ самыя дорогія чувстваванія, одно привосновеніе къ которымъ вызываетъ уже на уста или благословеніе, или проклятіе. Такія крайнія сужденія не только свидѣтельствуютъ о высокомъ значеніи произведеній Вольтера, но и дѣлаютъ честь обществу, такъ серьезно относящемуся къ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ“ (стр. 298).

Несмотря на то, что русская императрица была нѣвогда не только горячей почитательницей Вольтера какъ писателя, но и лично къ нему относилась чрезвычайно благосклонно ¹⁾, и несмотря на то, что Вольтеръ давно уже сталъ явленіемъ историческимъ, „о Вольтерѣ,—говоритъ г. Бильбасовъ,—много писано на всѣхъ языкахъ, кромѣ русскаго, такъ какъ и до настоящаго времени произведенія Вольтера запрещены къ ввозу въ Россію“. Знакомство Екатерины съ Вольтеромъ началось съ одного изъ замѣнитѣйшихъ его произведеній: „Essai sur les moeurs et l'esprit des nations“. Этотъ трудъ Вольтера, имѣвшій въ свое время не малое вліяніе на развитіе истинныхъ понятій объ исторіи, теперь, конечно, сильно устарѣлъ въ самомъ существѣ его историческихъ понятій, но для современниковъ онъ представилъ много новаго и оригинальнаго. „На первой же страницѣ Екатерина встрѣтилась съ совершенно новыми для нея мыслями: она прочла, что не лица, не государи и ихъ войны, а законы, искусства, нравы и обычаи составляютъ существенное содержаніе исторіи, что тѣ мелкія подробности, которыя она читала въ „Исторіи Генриха Великаго“ Перификса или въ „Исторіи Германіи“ Барра, не имѣютъ никакого значенія—онѣ лишь напрасно усложняютъ задачу историка и безцѣльно утомляютъ читателя. Вольтеръ желалъ

¹⁾ Г. Бильбасовъ приводитъ изъ „Сборника“ Историческаго общества слѣдующій любопытный отзывъ Екатерины о Вольтерѣ: „Donnez moi cent exemplaires complets des oeuvres de mon maître, afin que je les dépose tout partout. Je veux qu'elles servent d'exemple; je veux qu'on les étudie, qu'on les apprenne par coeur, que les esprits s'en nourrissent; cela formera des citoyens, des génies, des héros et des auteurs; cela développera cent mille talents, qui se perdront d'ailleurs dans la nuit des ténèbres, de l'ignorance“.

представить въ связномъ разсказѣ, въ общей картинѣ, культурное развитіе различныхъ народныхъ группъ въ разнообразныхъ проявленіяхъ ихъ исторической жизни—государственной, политической и общественной; онъ задумалъ написать исторію цивилизаціи Европы „отъ Карла V. до Людовика XIII“. Мысль—въ то время никѣмъ еще невысказывавшаяся, и мысль для того времени дѣйствительно великая, своимъ величіемъ подавившая самого автора. Вольтеръ написалъ много прекрасныхъ страницъ, высказалъ много здравыхъ сужденій, проявилъ много остроумія, но не былъ въ силахъ представить грандіозную картину историческаго прогресса“. „Современники Вольтера, восхищенные „Опытъ“ совершенно новаго для нихъ представленія исторіи, не замѣчали его недостатковъ; не замѣчала ихъ и Екатерина. Она съ восторгомъ читала нападки Вольтера на католическую церковь: „Масса лжи, заблужденій и самаго возмутительнаго вздора, въ которомъ мы погрязали столько вѣковъ, была, однако, бессильна причинить малѣйшій вредъ нашей религіи; она, безспорно, божественна, если даже семнадцать вѣковъ обмана и глупости не могли разрушить ее“; ей нравились выходки Вольтера противъ милитаризма: „Тысячи сраженій не принесли человѣчеству ни малѣйшей пользы, между тѣмъ какъ творенія великихъ людей всегда будутъ служить источникомъ чистыхъ наслажденій; плюсъ канала, картина Пуссена, художественная трагедія, провозглашенная истина въ тысячу разъ цѣннѣе всѣхъ военныхъ кампаній“... Екатерина, воспитанная на историческихъ взглядахъ Боссуэта, который повсюду видитъ персть Божій, отдала теперь предпочтеніе Вольтеру, который „не допускаетъ Бога вмѣшиваться въ дѣла людей“ (стр. 300—301).

Положеніе Екатерины въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы становилось все болѣе мудренымъ; съ кончины императрицы это положеніе стало дѣлаться невозможнымъ. Петръ III разошелся съ нею окончательно; нельзя сказать, чтобы онъ на нее не обращалъ вниманія,—напротивъ, онъ именно дѣлалъ ее цѣлью величайшаго пренебреженія и невыносимыхъ оскорбленій. Извѣстно, какъ по вступленіи на престолъ онъ тотчасъ заявилъ свое поклоненіе Фридриху II, доходившее до поступковъ совершенно неприличныхъ для русскаго императора, какъ въ то же время онъ оскорблялъ гвардію, которую хотѣлъ даже совсѣмъ уничтожить, какъ оскорблялъ духовенство, которое вышло даже, наконецъ, изъ своей обыкновенной пассивной роли, и т. п. Фридрихъ II, которому, разумѣется, удобно было имѣть на русскомъ престолѣ такого ревностнаго почитателя, предостерегалъ Петра III объ опасно-

стяхъ, которыя онъ навлекалъ на себя и которыя видны были даже изъ Берлина; но самонадѣянность Петра не имѣла предѣловъ: онъ былъ убѣжденъ въ своемъ всемогуществѣ. Между тѣмъ неудовольствіе росло и, въ концѣ концовъ, Екатерина должна была предпринять что-либо по простому чувству самосохраненія. Въ глазахъ общества и, наконецъ, самого народа она представляла совершенную противоположность характеру новаго двора; тамъ происходили шумныя празднества, увеселенія, которыхъ она избѣгала, появляясь на нихъ только тогда, когда ея присутствія прямо требовали; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она носила трауръ по императрицѣ Елизаветѣ (который, между прочимъ, могъ удобнѣе скрывать интересное положеніе, въ которомъ она тогда находилась); она ни съ кѣмъ не видѣлась.

Въ апрѣлѣ 1762 года былъ заключенъ мирный трактатъ съ Пруссіею. Въ маѣ Петръ III собирался въ походъ: онъ хотѣлъ воевать съ Даніей изъ-за своей Голштиніи.

„Въ маѣ всѣ приготовленія къ датскому походу были окончены: войскамъ велѣно быть готовыми къ выступленію, верховныя лошади императора уже отправлены, назначенъ особый совѣтъ для управленія Россіей въ отсутствіе императора и во главѣ совѣта поставленъ принцъ голштейнъ-бекскій. Императора будутъ сопровождать всѣ иностранные министры и графиня Елизавета Романовна Воронцова. Только судьба императрицы еще не рѣшена: извѣстно лишь, что ей не дано мѣста въ совѣтѣ, но что будетъ съ нею — никто не знаетъ; говорятъ, будто императоръ хочетъ заточить ее въ монастырь“.

Въ іюнѣ начались празднества по случаю ратификаціи мирнаго договора, вызвавшаго общее удовольствіе. Въ воскресенье 9-го іюля во всѣхъ церквяхъ Петербурга отслуженъ былъ благодарственный молебенъ, произведенъ разводъ, наконецъ —

„Во дворцѣ состоялся въ этотъ день обѣденный столъ на 400 персонъ. Этотъ обѣдъ сталъ историческимъ: обстоятельства, его сопровождавшія, имѣли рѣшительное вліяніе на судьбу Екатерины.“

„Къ обѣденному столу были приглашены особы первыхъ трехъ классовъ и иностранные министры. Императрица сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, по срединѣ стола; императоръ — на концѣ стола, рядомъ съ прусскимъ министромъ, барономъ Гольцемъ. Петръ III предложилъ три тоста при пушечной пальбѣ изъ крѣпости: за здоровье императорской фамиліи, за здоровье его величества короля Пруссіи и въ честь счастливо заключеннаго мира. Тосты „зачинала“ императрица здравицей за царскую семью.“

Когда Екатерина поставила боваль, Петръ III послалъ своего дежурнаго генераль-адъютанта Андрея Васильевича Гудовича, стоявшаго за стуломъ императора, спросить императрицу, почему она не встала, когда пила здоровье императорской фамилии. Императрица отвѣчала, что такъ какъ императорская фамилія состоитъ только изъ его величества, его сына и ея самой, то она нивакъ не полагала, чтобы императоръ могъ требовать ея вставанья. По возвращеніи Гудовича съ этимъ отвѣтомъ, императоръ приказалъ ему передать императрицѣ, что она дура и должна бы знать, что въ императорской фамиліи причисляются два ихъ дяди, голштинскіе принцы, и вѣроятно опасаясь, что Гудовичъ не точно передастъ его слова, Петръ III закричалъ императрицѣ: „дура“, такъ что это слышали всѣ присутствовавшіе за обѣдомъ. У Екатерины навернулись слезы отъ такого оскорбленія; но, желая поскорѣе оправиться, она просила графа Сергѣя Александровича Строганова, стоявшаго за ея стуломъ, развлечь ее какой-нибудь шуткой. Графъ разсказалъ какой-то забавный анекдотъ и, насколько могъ, отвлекъ вниманіе лицъ, сидѣвшихъ близъ императрицы, отъ неприятнаго эпизода. Какъ только обѣдъ былъ оконченъ, Петръ III приказалъ выслать графа Строганова въ его загородный домъ и арестовать императрицу. Только благодаря просьбамъ принца Георга, данный князю Барятинскому приказъ объ арестѣ Екатерины не былъ приведенъ въ исполненіе“ (стр. 431—432).

„Только съ этого дня, — говоритъ Екатерина, — я начала склоняться на предложенія, которыя мнѣ дѣлались съ самой кончины императрицы Елизаветы“.

Ей предлагали именно арестовать Петра III и держать въ заточеніи, т.-е. повторить исторію съ правительницей Анной, но какъ это сдѣлать и кѣмъ замѣнить Петра III? Если ея сыномъ, какъ предлагали нѣкогда Бестужевъ, а теперь Панинъ, то какая будетъ ея собственная роль? Вопросъ требовалъ, однако, скорого рѣшенія, потому что положеніе ея было крайне опасно. Между тѣмъ праздники при дворѣ продолжались: 12-го іюня Петръ отправился въ Ораніенбаумъ; до 17-го іюня Екатерина оставалась одна въ Петербургѣ. Чтѣ она дѣлала здѣсь, неизвѣстно, но, какъ замѣчаетъ ея историкъ, объ этомъ можно судить по обнаружившимся вскорѣ результатамъ. 17-го она отправилась въ Петергофъ, жила тамъ весьма уединенно и появлялась при дворѣ только по требованію самого императора. „Такъ, въ среду, 19-го іюня, она ѣздила въ Ораніенбаумъ, гдѣ присутствовала на домашнемъ спектаклѣ, устроенномъ Петромъ III, причемъ импера-

торъ игралъ въ оркестрѣ на скрипкѣ, а комедію исполняли придворныя дамы и кавалеры. Екатерина „была въ глубокомъ траурѣ, казалась довольно грустною и скучно смотрѣла на комедію“. Въ тотъ же день она возвратилась въ Петергофъ, и ужъ никогда болѣе не видѣла своего супруга“ (стр. 435).

29-го іюня Петръ III намѣревался праздновать свои именины передъ отъѣздомъ на войну съ Даніей, и наканунѣ прямо съ развода императоръ съ избранной свитой, въ числѣ которой было 17 дамъ, отправился изъ Ораніенбаума въ Петергофъ, гдѣ долженъ былъ быть большой обѣдъ въ Монплезирѣ у императрицы, а вечеромъ — ужинъ. Какъ пишетъ Штелицъ въ запискѣ о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III, „по прибытіи въ Петергофъ (въ 2 часа пополудни), дворецъ, въ которомъ живетъ императрица, найденъ пустымъ, и съ удивленіемъ услышали, что императрица еще въ пять часовъ утра потаенно уѣхала въ Петербургъ“.

Происходила развязка. Царствованіе Петра III было окончено.

До этого пункта доведенъ первый томъ сочиненія новаго историка императрицы Екатерины. Эта книга, какъ мы уже замѣчали, составляетъ весьма пріятное и важное пріобрѣтеніе исторической литературы: важное потому, что, кромѣ наиболѣе обстоятельнаго разсказа объ этой порѣ біографіи императрицы Екатерины, какою есть въ нашей литературѣ, книга г. Бильбасова даетъ еще не мало совершенно новыхъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ архивныхъ источниковъ, вообще лишь немногимъ доступныхъ; пріятное потому, что книга написана столь интересно, что вѣроятно найдетъ не мало читателей, которые у насъ вообще не очень богаты познаніями въ русской исторіи.

Первый томъ книги обнимаетъ только приготовительную эпоху въ исторіи императрицы Екатерины, — эпоху, когда она была ангальтъ-цербстской принцессой, потомъ супругой наслѣдника русскаго престола и наконецъ императора Петра III. Роль ея за это время была почти исключительно пассивная: она жила, приносившаяся къ обстоятельствамъ, лавируя между множествомъ трудныхъ условій, ея окружавшихъ, каковы были, на примѣръ, ея отношенія къ супругу, къ императрицѣ Елизаветѣ, къ придворнымъ и къ политическимъ партіямъ, наконецъ, къ тѣмъ лицамъ, съ которыми она сходилась по собственному вкусу и привязанности. Эти отношенія вообще достаточно разъяснены авторомъ, кромѣ развѣ послѣднихъ, относительно которыхъ читатель остается

иногда въ недоумѣннѣ. Быть можетъ, инымъ читателямъ покажется не довольно опредѣленнымъ и другой вопросъ, а именно: въ чему, въ концѣ концовъ, сводились въ исходу этого періода взгляды Екатерины, политическіе и нравственные? Надо полагать, впрочемъ, что тотъ и другой пунктъ будутъ точнѣе опредѣлены авторомъ въ ближайшемъ продолженіи его труда, гдѣ будетъ рѣчь идти о той эпохѣ, когда обнаружилось дѣйствіе какъ ея политическихъ идей и характера, такъ и тѣхъ личныхъ отношеній, о которыхъ мы говорили. Собственно тамъ и начнется исторія Екатерины II.

Повтому первый томъ сочиненія г. Бильбасова не вызываетъ особенныхъ замѣчаній критики. Историкъ не могъ еще касаться основныхъ особенностей ея исторической личности; онъ отмѣчаетъ только силу ея ума, передаетъ, главнымъ образомъ ея собственными словами, тѣ исключительныя условія, въ которыхъ проходила ея жизнь, и самыя черты ея душевнаго склада. Можно прибавить, что авторъ не беретъ на себя, какъ это часто у насъ бываетъ, роль обязательнаго панегириста: говоря объ Екатеринѣ во время правленія Петра III, онъ говоритъ о будущей роли „той удивительной женщины, которая очаруетъ всѣхъ въ Россіи, своими дѣлами напомнитъ времена Петра Великаго, заставитъ говорить о себѣ всю Европу и перейдетъ въ потомство съ титуломъ великой, какъ по своимъ капитальнымъ достоинствамъ, такъ и по своимъ волосальнымъ порокамъ“ (стр. 422).

Исторія Екатерины, какъ и вся исторія XVIII вѣка, а также и послѣдующаго времени, отличается вообще чрезвычайною двойственностью, доходившею неоднократно до крайняго разлада. Начиная съ Петра въ этой исторіи совершаются постоянно явленія двухъ совершенно различныхъ порядковъ. При Екатеринѣ II, время которой было во многихъ отношеніяхъ прямымъ продолженіемъ Петровскихъ начинаній, эта двойственность была, по своему, весьма послѣдовательно подновлена и усилена: съ одной стороны, Россія по всему существу своего внутренняго политическаго быта продолжала оставаться московскимъ царствомъ, съ полнымъ господствомъ авторитета и полнымъ безправіемъ всей общественной массы и народа, а съ другой стороны, въ эту среду вводима была наука, сначала хотя бы только практическая и прикладная, но послѣднимъ результатомъ которой не могло не быть личное и общественное сознаніе, и отсюда—критическое отношеніе къ наличной дѣйствительности и созданіе иного общественнаго идеала съ большимъ просторомъ для мысли и общественной инициативы. Эти два рода явленій были оба исторически необходимы:

одинъ былъ непосредственнымъ наслѣдіемъ исторіи и продолжался силою инерціи, которая поддерживалась патріархальной и безсознательной массой; другой возникалъ столь же неизбежно съ тѣхъ поръ, какъ однажды была признана практическая необходимость науки для самого государства, необходимость обращаться за этой наукой къ чужимъ, болѣе просвѣщеннымъ націямъ, причемъ должна была открыться возможность ея самага разносторонняго вліянія, воздѣйствій котораго невозможно было предвидѣть и рассчитать. Уже въ эпоху Петра можно замѣтить, что сближеніе съ иноземнымъ міромъ отражалось на русскихъ людяхъ, еще очень близкихъ къ преданіямъ московской старины, новыми общественными и политическими мыслями, о которыхъ эта старина не имѣла понятія. Эти первые зародыши съ теченіемъ времени должны были только развиваться и размножаться, между прочимъ, по волѣ самой власти: Петръ I хотѣлъ приучить своихъ подданныхъ къ пониманію политическихъ отношеній внѣшнихъ и административныхъ порядковъ внутреннихъ; Елизавета основываетъ университетъ, гдѣ, между прочимъ, нашли мѣсто политическія науки; русскіе, обучавшіеся за границей или живавшіе тамъ, должны бывали присмотрѣться къ европейскимъ обычаямъ непохожимъ на наши; Екатерина II читаетъ Монтескьё и другихъ писателей, которые произвели „странный переворотъ“ въ ея головѣ, и впослѣдствіи, въ первое время своего царствованія, она сама поощряла усвоеніе этихъ писателей въ русской литературѣ въ переводахъ. Извѣстно, къ какимъ противорѣчіямъ и печальнымъ столкновеніямъ пришло дѣло въ это самое царствованіе, когда люди, возбужденные къ умственной и общественной дѣятельности ея собственнымъ примѣромъ въ первые годы царствованія, полагали, что имѣютъ право увлекаться тѣми великодушными и человѣчными идеями, которыя своей новизной тѣмъ болѣе дѣйствовали на воспримчивые умы и сердца. Въ одахъ и панегирикахъ Екатерину продолжали воспѣвать какъ автора Наказа, ставить ей въ особенную заслугу, что она „мыслить позволяетъ“; она ведетъ дружескую переписку съ свѣтилами тогдашней европейской мысли, приглашаетъ ихъ къ своему двору, оказываетъ имъ самыя щедрыя любезности, но правительственная практика давно переставала отвѣчать этой блестящей внѣшности.

Это внутреннее противорѣчіе, безъ сомнѣнія, господствовало одинаково и въ настроеніи императрицы, а затѣмъ и во всемъ теченіи жизни. Если отдѣлить тѣ, что принадлежало здѣсь свойствамъ личнаго характера, нельзя не найти, что сущность противорѣчія лежала глубже личной воли и настроенія: здѣсь совер-

шалась не только вообще историческая борьба идеалистических стремлений, создаваемых успѣхами просвѣщенія, и дѣйствительности, унаслѣдованной отъ прошедшаго, но также частная борьба двухъ историческихъ началъ самой русской жизни. Въ этой послѣдней возбуждено было движеніе въ направленіи европейскаго просвѣщенія, — движеніе, начатое самой властью и вскорѣ воспринятое извѣстной долей общества, а между тѣмъ весь общественный порядокъ, завѣщанный прошедшимъ, оставался тяжелымъ грузомъ, тянувшимъ въ противоположную сторону. Завоеванія науки и общественнаго образованія были, по необходимости, медленны и долго шелъ, и идетъ еще теперь, трудный процессъ ассимиляціи, когда просвѣщеніе и внушаемая имъ начала общественности будутъ признаннымъ правомъ.

Восемнадцатый вѣкъ былъ въ особенности тѣмъ „петербургскимъ періодомъ“, который предавался проклятію славянофилами; онъ имѣлъ дѣйствительно свои тяжелыя и отталкивающія стороны; но довольно присмотрѣться ближе къ совершившимся фактамъ (и книги подобныя „Исторіи Екатерины Второй“ могутъ быть особенно поучительны въ этомъ отношеніи), чтобы видѣть, что происходившія явленія были неизбежно привлечены всѣмъ характеромъ стараго московскаго царства и новой русской имперіи. Возстановленіе старины было невозможно; многія изъ ея золь могли быть устранены только новымъ просвѣщеніемъ; быть можетъ, утрачено многое, чтѣ кажется весьма сочувственнымъ, но отголоски той же старины затрудняли новое движеніе и сообщали „петербургскому періоду“ его суровыя и мрачныя черты. Не обманывалась археологической идилліей, надо признать, что истинный народный интересъ и дѣйствительное народное благо могли быть достигнуты только на новомъ пути, гдѣ общественный бытъ, воспринявъ идеальное содержаніе народной жизни, разовьетъ его средствами широкаго просвѣщенія и гражданственности.

А. В—нъ.

ПОДЪ ИГОМЪ СТРАСТЕЙ

Романъ Ричарда Ашвинга.

I.

— Ну, довольно съ меня... разъ и навсегда!—произнесла многозначительно дѣвушка, сердито швырнувъ полупустую корзину на юбку распоротаго платья, которое починала ея мать.

Затѣмъ она бросилась какъ бы въ изнеможеніи на ближайшее кресло и уставилась въ пространство съ вызовомъ во взглядѣ блестящихъ глазъ, истыхъ глазъ испанки, горѣвшихъ умомъ, энергіей и страстью.

Полныя губы также обличали страстную натуру и въ ту минуту, какъ она такъ сидѣла, полураскрывъ ротъ, съ раздувающимися ноздрями, казалось, ея душа отпечаталась на красивомъ лицѣ: душа необузданнаго созданія, незнакомаго съ дисциплиной и не умѣющаго подчинять свою волю разсудку.

Мать глядѣла на нее съ робкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленнымъ выраженіемъ на исхудаломъ лицѣ.

— Ты хочешь сказать, что не будешь больше посѣщать бѣдныхъ?

— Да,—коротко отвѣтила Клара, не глядя на мать.

— Боже! Боже! Чтѣ же скажетъ м-ръ Гартъ?

— Тѣ, чтѣ я прикажу!—отвѣтила Клара.

И въ то время, какъ мать растерянно глядѣла на нее сквозь очки, она прибавила:

— Если вамъ очень хочется знать, чтѣ онъ скажетъ, то я вамъ, пожалуй, сообщу: онъ скажетъ, что возня съ грязными

оборванцами—занятіе непригодное для молодой особы съ тонкимъ обоняніемъ.

И она состроила гримаску, выразившую отвращеніе.

— Но ты принялась-было съ такой охотой!

— Потому что я еще не испытала, что это такое; я все другое перепробовала въ этой скучной трущобѣ.

— Мнѣ кажется, здѣсь нисколько не скучнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ,—отвѣчала мать, возобновляя съ глупой и бессмысленной назойливостью мухи споръ, въ которомъ всегда бывала разбита и избита.

— Ахъ, мамаша!—закричала Клара тономъ нетерпѣливаго отвращенія.

— Ну, да развѣ неправда?—упрямо и слезливо настаивала мать.

— Ужъ не знаю, что по вашему называется скукой послѣ этого. Мы всѣхъ здѣсь знаемъ вдоль и поперекъ, а они—насъ и всю нашу подноготную.

— Они очень гостепріимны,—слабо попыталась обороняться мать.

— Я это самое и говорю,—отвѣтила Клара.

— И всегда кто-нибудь придетъ,—сказала мать, не разобравъ сарказма дочери.

— То-есть, вы хотите сказать, что они ходятъ въ гости къ намъ и другъ къ другу? Что жъ изъ этого; мои часы тоже постоянно ходятъ: удивительно весело видѣть тѣ же стрѣлки, на тѣхъ же мѣстахъ и въ тѣ же часы! О! какъ я ненавижу эту проклятую трущобу!—вдругъ съ яростью кричала Клара, опираясь локтями въ столъ и владя голову на руки.

— Клара! какъ можно говорить такія вещи!

— Ну, да, ненавижу! и всѣхъ здѣшнихъ идиотовъ также! Что здѣсь за жизнь? одѣваешься, раздѣваешься и спишь, или въ постели, или на этихъ дурацкихъ вечерахъ. *Elle s'habille, babille et se déshabille.*

Бѣдняжка м-съ Рутвенъ всегда обижалась на французскія фразы Клары, отчасти потому, что сама не говорила на этомъ языкѣ, а главное, всегда заподозрѣвая въ нихъ оскорбительный смыслъ.

Такъ и теперь она подумала, что во фразѣ, сказанной дочерью, скрывается обида для здѣшнихъ жителей.

— Съ твоей стороны большая неблагодарность, Клара, говорить это,—произнесла она съ необыкновенной для нея энергіей.—Они ничего кромѣ любезности тебѣ не оказывали.

— Любезности! они приглашаютъ меня на вечера, потому что я умѣю играть, пѣть и разговаривать; но всѣ женщины здѣсь ненавидятъ меня за то, что мужчины за мной ухаживаютъ, а между тѣмъ ни одинъ изъ мужчинъ не стоитъ того, чтобы я терпѣла изъ-за него ихъ ненависть.

На это м-съ Рутвенъ не нашлась сразу что отвѣтить, однако, подумавъ, она замѣтила жалобно:

— Мнѣ казалось, что тебѣ нравится м-ръ Гартъ.

— Онъ былъ еще вновѣ, по крайней мѣрѣ на прошлой недѣлѣ, но я теперь раскусила его. И кромѣ того *это* ужъ, конечно, не мое призваніе,—указала она на корзину, содержащую книжки и брошюрки благочестиваго содержанія, довѣренныя ей новымъ викаріемъ м-ромъ Гартомъ для раздачи тѣмъ изъ бѣдныхъ, которые не ходятъ въ церковь.

— Желала бы я знать, въ чемъ твое призваніе?—сердито отвѣчала мать.

— Мое призваніе?—повторила Клара, закладывая руки за голову и взглядывая изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ на мать:— мое призваніе быть знатной дамой, если не въ жизни, то хоть на сценѣ. Если я не могу стать настоящей знатной дамой (а на это мало надежды здѣсь), то я поступлю на сцену и буду играть первыя роли.

И когда мать, выпуча глаза отъ удивленія, глядѣла на нее, она прибавила:

— Я говорю серьезно.

— Ты хочешь... быть... быть актрисой?

— Да! быть *великой* актрисой! Я—талантъ!—закричала Клара, вскакивая съ мѣста, чтобы осмотрѣть себя въ зеркалъ, какъ воинъ набанунѣ битвы осматриваетъ оружіе. Но увидя въ зеркалѣ разстроенное лицо матери, повернулась къ ней и сказала успокоительно:

— Сперва, однако, я дамъ возможность дворянству, духовенству и джентри здѣшняго околотка... по крайней мѣрѣ дворянству и джентри, не м-ру Гарту, предложить мнѣ руку и сердце.

— Я не знала, что онъ предлагалъ тебѣ руку,—отвѣтила мать, выведенная изъ терпѣнія ея легкомысліемъ и дерзостью.

— Онъ еще не предлагалъ!

— *Еще?*

— Нѣтъ; но предложить, если вы этого желаете,—отвѣчала Клара съ безусловной увѣренностью и хладнокровіемъ.

— Это молодой Сигревъ вскружилъ тебѣ голову!—крикнула мать нетерпѣливо.

— Слабая же должна быть голова, которая закружится отъ побѣды надъ юнымъ Сигревомъ или хотя бы даже надъ самимъ викариемъ, — презрительно произнесла Клара.

— Ей-Богу, ты съума сошла! — воскликнула мать, которой новый викарій казался высшимъ существомъ.

— Да, — продолжала Клара, ни мало не смущаясь: — онъ по всей вѣроятности сдѣлаетъ мнѣ предложеніе, хотя я, конечно, не приму его. У него только двѣ идеи въ головѣ: онъ самъ и церковь... или вѣрнѣе одна идея, что церковь — это онъ самъ — l'église, c'est moi, а я — безнадежная еретичка.

— Клара! какія ужасныя вещи говоришь ты! — вскричала мать, которой казалась, что ея дочь ругаетъ викарія по-французски и произноситъ худое противъ церкви по-англійски.

— Какъ? я говорю только, что м-ръ Гартъ — римскій папа въ миниатюрѣ, а я — протестантка.

— Онъ принадлежитъ къ верхней церкви, но теперь всё, кажется, къ ней принадлежать, и я слышала, какъ ты сама радовалась, что нашъ викарій ревностный церковникъ.

Клара пожала плечами, досадуя на непонятливость матери.

— Что жъ изъ этого? я только сказала, что и нашего викарія въ роли папы недостаточно, чтобы я чувствовала себя католичкой.

— Право, не знаю, почему ты такъ внезапно перемѣнилась; онъ такъ тебѣ нравился сначала, и всё говорятъ, что онъ прекрасный человекъ и совсѣмъ не таковой церковникъ, какъ м-ръ Гателъ, который допускаетъ къ исповѣди. Конечно, онъ любитъ, чтобы церковь была разукрашена, цвѣты... и все такое, но еслибы онъ былъ католикомъ въ душѣ, то допускалъ бы исповѣдь, какъ м-ръ Гателъ.

— О, Боже! — вскрикнула Клара и круто перемѣнила разговоръ.

— Я надѣюсь, что это будетъ годиться, — сказала она, беря въ руки распоротое платье и поворачивая его къ свѣту для критическаго осмотра.

Въ эту минуту у входной двери два раза постучали, и она сунула платье въ отоманку, а корзину поставила на столѣ въ углу.

— Это м-съ Дальби. Она всегда такъ стучитъ, точно домъ ей загораживаетъ дорогу, — сердито сказала она, между тѣмъ какъ громкій стукъ бѣдной м-съ Дальби выражалъ только хорошее расположеніе духа гостя и увѣренность въ томъ, что ея приходу обрадуются.

Это была высокая, плотная женщина, жена разбогатѣвшаго фабриканта, очень любившая сѣять сплетни, какъ пчела оплодотворяетъ цвѣты, перелетая съ одного на другой. Она охотно переносила ихъ изъ дома въ домъ, пока онѣ не размножились до безконечности.

Всѣ въ околоткѣ любили ее, за исключеніемъ Клары, которая вообще не терпѣла особъ своего пола, и воображая, что м-съ Дальби чванится туго набитымъ кошелькомъ, сердилась за ее покровительственный, какъ ей казалось, тонъ.

— Какъ поживаете, м-съ Рутвенъ? слышали новость? какъ поживаете, Клара? слышали новость?—не переводя духу спрашивала она, поворачиваясь отъ одной къ другой, прежде чѣмъ усѣлась.

— Нѣтъ, не слышала, я никогда ничего не слышу,—отвѣчала жалобно м-съ Рутвенъ, которая со времени своего вдовства усвоила себѣ нищенски-плачевный тонъ человѣка, недовольнаго своей судьбой и считающаго, что она къ нему несправедлива.

— Онъ возвращается домой!—возвѣстила м-съ Дальби.

— Кто?

— Молодой свайръ.

Клара, отвернувшись-было къ окну съ искусственнымъ равнодушіемъ, поспѣшно повернулась къ посѣтителницѣ и спросила:

— А вы почему знаете?

— Слышала отъ самого Ботомли,—отвѣчала м-съ Дальби съ торжествомъ.

Сила Ботомли былъ управителемъ Мильнторпскаго помѣстья, полученнаго молодымъ свайромъ въ наслѣдство слишкомъ годъ тому назадъ.

— Когда онъ возвращается?—спросила Клара послѣ краткаго молчанія.

— Онъ самъ въ точности не знаетъ. Телеграмма пришла изъ Лондона.

— Намъ вѣдь это все равно,—замѣтила м-съ Рутвенъ уныло.

— Нѣтъ, не совсѣмъ, потому что насъ не будутъ съ его прїѣздомъ пускать въ паркъ,—поспѣшно перебила Клара, боявшаяся, чтобы м-съ Дальби не истолковала какъ-нибудь иначе интересъ, выказанный ею къ этому извѣстію.

— Фу! онъ не можетъ быть до того сваредень! Такой молодой человѣкъ и притомъ холостой,—замѣтила м-съ Дальби.

— Онъ не долго останется холостякомъ,—проговорила м-съ Рутвенъ по прежнему уныло, какъ будто это также входило въ кругъ ея личныхъ обидъ и огорченій.

— Нѣтъ, конечно, если только у него есть глаза. Ему бу-

деть изъ кого выбирать, потому что у насъ хорошенькихъ дѣвушекъ много. Клара не послѣдняя изъ нихъ,—прибавила она съ веселымъ смѣхомъ, поворачиваясь къ дѣвушкѣ.

— Весьма возможно, что понятія м-ра Веріена о красотѣ разойдутся съ вашими,—колко отвѣтила Клара.

Но иронія не достигала цѣли, когда говорили съ м-сь Дальби; она неизмѣнно разбивалась объ ея добродушіе. М-сь Дальби обезоруживала насмѣшку тѣмъ, что вполне ее игнорировала.

— Ваша красота ему будетъ, во всякомъ случаѣ, по вкусу, моя милая. Вотъ м-ръ Гартъ только-что пріѣхалъ изъ Престона, страны ланкаширскихъ чародѣевъ, какъ вамъ извѣстно, а ужъ говорятъ, что онъ сдѣлалъ вамъ предложеніе,—сказала она, смѣясь, но испытующе глядя въ лицо Клары.

— Кто вамъ сказалъ?—спросила Клара рѣзко.

— О! маленькая птичка. Я вамъ ея не назову, а не то вы ей свернете шею!—шутливо закричала м-сь Дальби.

Она сама была слишкомъ добродушна, чтобы подозрѣвать, что Клара вѣдъ себя отъ раздраженія отъ этого слуха.

— Я думаю, что я знаю птицу: она стрекочетъ, перелетая изъ дома въ домъ; но такъ какъ никто не обращаетъ вниманія на ея слова, то никому отъ того ни тепло, ни холодно, не правда ли, мама?—сказала Клара, взглянувъ прямо въ глаза м-сь Дальби, чтобы дать ей ясно понять смыслъ своихъ словъ, и затѣмъ презрительно поворачиваясь къ ней спиною.

Но м-сь Дальби отвѣчала невозмутимо:

— Ну, да вѣдь уже всѣ говорятъ, и если сегодня еще не вѣрно, то завтра будетъ вѣрно,—прибавила она весело и ободряющимъ тономъ.

— Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія, хотя вѣроятно для васъ это никакой разницы не составитъ,—закричала всплывчиво Клара.

— Нисколько, моя душа, хотя я, конечно, буду очень рада, знаете.

— Я хочу сказать, что мое опроверженіе не помѣшаетъ вамъ повторять сплетню.

— Та, та, та! кто приходитъ въ бѣшенство отъ такой сплетни, про того знаете, что скажутъ: „зелень виноградъ!“ Хотя я этого не скажу и не думаю, потому что знаю, что вы можете поддѣлать его, если захотите; онъ какъ разъ такого сорта человѣкъ!

Клара не стала дожидаться, чтобы ей объясняли, какого сорта человѣкъ викарій, и вышла съ величественнымъ негодованіемъ вонъ изъ комнаты.

— Она разсердилась, — спокойно замѣтила м-съ Дальби.

— Не слѣдовало бы говорить такія вещи на ея счетъ, — отвѣчала мать.

— Какъ? не подразнить ее викариемъ? Еслибы еще онъ былъ офицеръ, или кто-нибудь въ этомъ родѣ, то другое дѣло; но нѣтъ ничего обиднаго, если соединять ея имя съ именемъ викарія. Душа моя, влержименъ государственной церкви въ Англіи принадлежитъ всѣмъ дѣвушкамъ въ приходѣ, пока не женатъ.

Такой взглядъ на холостого викарія показался не совсѣмъ почтительнымъ робкой и смирной м-съ Рутвенъ.

— Но вѣдь м-ръ Гартъ очень хорошій человекъ, — рѣшилась она замѣтить.

— Разумѣется, что же я и говорю? Никакой дѣвушкѣ не обидно, если его будутъ ей прочить въ женихи. Да притомъ же онъ почти и не протестантъ. Миссъ Роперъ говоритъ, что онъ готовится ввести восточный порядокъ.

— Чтò... чтò такое? — спросила м-съ Рутвенъ, за-одно пугаясь неизвѣстной вещи и стыдясь своего невѣжества.

— По правдѣ сказать, я сама не знаю, чтò такое, но говорить, что теперъ это принято въ верхней церкви.

— Это не можетъ быть исповѣдь. Онъ говорилъ, что не допустить исповѣди.

— О! не думаю: Это просто новая манера становиться на колѣни или класть поклоны, какъ это дѣлается, должно быть, на востокѣ. Душа моя, пасторы, точно женщины, должны слѣдовать послѣдней модѣ въ дѣлѣ облаченія, обрядности и всего такого.

— Я надѣюсь, что онъ не введетъ исповѣди, — сказала м-съ Рутвенъ почти слезливо, цѣпляясь, по своему обыкновенію, за одну мысль, такъ какъ мозгъ ея не могъ вмѣстить больше одной за-разъ. — Я бы не могла ходить въ церковь, еслибы онъ ввелъ исповѣдь, право бы, не могла.

— Успокойтесь, душа моя. Онъ женится прежде, чѣмъ успѣетъ оглядѣться, и нѣтъ такой дуры, которая бы пошла на исповѣдь къ женатому человеку, — сказала м-съ Дальби съ увѣренностью, зная, какъ трудно было бы м-ру Дальби сохранить отъ нея что-нибудь въ секретѣ.

— Но когда они до такой степени проникнуты идеями верхней церкви, они не женятся.

— О! пустяки, моя душа! не въ томъ дѣло! когда ихъ надуетъ вожетка или что-нибудь помѣшаетъ жениться на любимой

женщинѣ, или когда они прирожденные холостяки, тогда они примыкають къ верхней церкви и становятся своего рода старыми дѣвами мужскаго пола, чопорными и придирчивыми. Выдали ли вы старую дѣву, которая бы не была противъ брака или которая бы не установила исповѣди, еслибы могла? Но нашъ м-ръ Гартъ совсѣмъ не такого сорта человѣкъ. Онъ бы давно уже женился, еслибы могъ только остановить на комъ-нибудь свой выборъ, и каждая изъ дѣвушекъ, которая бы твердо рѣшила женить его на себѣ, успѣла бы въ томъ при известной тактикѣ.

Тутъ м-съ Дальби многозначительно вивнула головой м-съ Рутвенъ, какъ бы поощряя ее выставить дочь соискательницей руки м-ра Гарта. Но м-съ Рутвенъ не понимала никакихъ намековъ и пропускала ихъ мимо ушей.

— Я увѣрена, что м-ръ Гиггинсонъ нисколько не похожъ на старую дѣву,—возражаетъ она.—Отецъ Гиггинсонъ былъ, однако, строгій ритуалистъ.

— Но онъ былъ прирожденный холостякъ. Онъ бы никогда не женился, въ какой бы профессіи ни принадлежалъ, не правда ли?

— Да, я думаю, что вы правы.

— Навѣрное. Когда пасторъ расположенъ жениться, онъ женится, хотя бы держался на высотѣ облака ходячаго; а когда онъ толкуетъ о безбрачїи духовенства и всѣхъ этихъ пустякахъ и глупостяхъ, то, значить, не женился бы, даже родись онъ мормономъ. Онъ похожъ на того добраго мальчика, который не ѣлъ свинины постомъ, потому что терпѣть ее не могъ.

Тутъ стукъ въ дверь прервалъ разговоръ, такъ какъ возвѣщаль о приходѣ самого мистера Гарта.

Войдя въ комнату, онъ послѣшно оглядѣлся, очевидно ища Клару глазами, и не могъ скрыть своего разочарованія, не найдя ея въ комнатѣ.

— Вы пришли какъ разъ встать, м-ръ Гартъ!—закричала м-съ Дальби съ своей грубой простодушной манерой.—Я убѣждала м-съ Рутвенъ, что нѣтъ заслуги въ вегетаріанскомъ воздержаніи отъ мяса во время поста. Чтò вы скажете?

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчалъ м-ръ Гартъ самымъ напыщеннымъ ех cathedra тономъ.—Сущность наблюденія поста, по ученію церкви, это умерщвленіе плоти.

— Развѣ я не говорила?—съ торжествомъ воскликнула м-съ Дальби.—Конечно, умерщвленіе плоти для одного человѣка значить одно, а для другого—другое. Возьмемъ, на примѣръ, безбрачїе духовенства: одни считаютъ безбрачїе умерщвленіемъ плоти, а другіе

—бракъ. Я же скажу, что тѣ изъ духовенства, которые умерщвляютъ плоть бракомъ, какъ м-ръ Спинесъ, напѣимѣръ, такіе же истинные мученики, какъ и тѣ, которые вмѣстѣ съ отцомъ Гиггинсономъ считаютъ безбрачіе умерщвленіемъ плоти.

— Эти вопросы вовсе не шуточные,—сухо отвѣтилъ м-ръ Гартъ, обидаясь лишь непочтеніемъ къ его личности, которое какъ будто бы выражалъ такой разговоръ.

— Прошу прощенья, но я не хотѣла оскорбить васъ. По правдѣ сказать, я не знала, что вы вѣрите въ безбрачіе духовенства, право, не знала. Поэтому простите меня, м-ръ Гартъ.

— Но я вовсе въ него не вѣрю, м-съ Дальби, я вовсе въ него не вѣрю. Я считаю вмѣстѣ съ канономъ XXXII нашей церкви, что „законно для епископовъ, священниковъ и діаконовъ, какъ и для всѣхъ прочихъ христіанъ, вступать въ бракъ по собственному выбору“.

— Ну, вотъ это пріятно слышать, по крайней мѣрѣ, и я думаю, что вы правы, съ точки зрѣнія умерщвленія плоти. Кстати,—прибавила она, обращаясь къ м-съ Рутвенъ,—я забыла спросить Клару: не хочетъ ли она ѣхать со мной въ концертъ. У меня есть лишній билетъ; скажите ей, что если концертъ ее интересуетъ, то пусть пріѣзжаетъ.

И, говоря это, м-съ Дальби исчезла.

— Боюсь, что она очень суетная женщина,—замѣтилъ м-ръ Гартъ послѣ ея ухода, печально качая головой.

— Она была воспитана въ духѣ диссентеровъ,—отвѣтила м-съ Рутвенъ въ видѣ объясненія и извиненія.

— Ахъ! ну, такъ я и думалъ, такъ я и думалъ. Въ здѣшнемъ приходѣ совершенно необходима здравая церковная проповѣдь. Тутъ обширное поле, для котораго потребуются всякія руки. Я очень былъ радъ, что удалось завербовать въ нашу партію миссъ Рутвенъ,—прибавилъ онъ нервно.

— Я боюсь, что это окажется ей не по силамъ,—поспѣшно и съ смущеніемъ отвѣтила м-съ Рутвенъ.—Она очень молода, м-ръ Гартъ, очень молода, а воздухъ тамъ такой ужасный.

— Я могу дать ей другой округъ,—обязательно замѣтилъ м-ръ Гартъ.—Могу я ее видѣть?

М-съ Рутвенъ слишкомъ хорошо знала характеръ дочери, чтобы съ увѣренностью сказать, что можетъ.

— Я сейчасъ предупрежу ее, извините меня,—нервно сказала она.

Но Клара не только хотѣла видѣть м-ра Гарта, но хотѣла видѣть его наединѣ.

- Оставьте насъ вдвоемъ, мама, такъ какъ вы меня всегда выводите изъ себя и заставляете быть рѣзче, чѣмъ я хочу.
- Пожалуйста, не будь съ нимъ рѣзка, Клара...
- Пожалуйста, въ такомъ случаѣ не суйтесь мнѣ на глаза! — отвѣчала дѣвушка съ свойственной ей дерзостью.

II.

Въ намѣренія Клары вовсе не входило быть рѣзкой съ викариемъ. Если весь приходъ рѣшилъ, что онъ сдѣлалъ ей предложеніе, то онъ долженъ ей его сдѣлать. Она, конечно, не допустить, чтобы говорили, будто она тщетно поощрала поклонника, да еще такого, какъ этотъ глупый викарій. Что до него касается, то полезно проучить его немножко, если онъ такъ глупъ и думаетъ, что стоитъ ему захотѣть, и она будетъ его. Онъ такъ самонадѣянъ и самодоволенъ, что хорошій урокъ будетъ весьма кстати.

На дѣлѣ, Клара была такая эгоистка, что легко принесла бы въ жертву счастье цѣлой жизни человѣка, лишь бы избѣжать малѣйшей царапины для своего самолюбія. Относительно викарія, она не считала, надо ей отдать справедливость, что счастье его жизни стоитъ на картѣ. Будучи сама способна въ сильной страсти, она не могла даже представить себѣ той настоящей любви, которая отличается отъ страсти, какъ свѣтъ отъ огня, а потому не могла и понять истинной сердечной боли. Самой ей случилось сильно и безумно влюбляться, но лишь чисто земной страстью, нимало не затрагивающей сердца; но даже и для такой низкопробной любви она не находила достойнаго предмета въ Ворстонѣ.

Въ настоящее время Клара играла со своими жертвами, какъ кошка съ мышью, не столько отъ голода, сколько ради забавы, и скорѣе по легкомыслію, нежели отъ жестокости. Она, конечно, сознавала, что причиняетъ огорченіе, когда отбивала у другой дѣвушки поклонника (что она два раза сдѣлала), и это самое сознание причиненнаго ею огорченія только придавало особую пикантность ея побѣдѣ, но она совсѣмъ не сознавала той боли, какую доставляло ея кокетство жертвамъ мужескаго пола, и это непониманіе не давало ей тщеславію торжествовать въ полной мѣрѣ. Приятное сознаніе своей власти настолько было въ ней сильнѣе чувства жалости, что для нея было потерей не знаніе полной мѣры тѣхъ страданій, какія она причиняла.

Однимъ словомъ, Клара была дурная дѣвушка, неглупая и красивая той чувственной красотой, которая кружить голову и опьяняетъ, и этою красотой она пользовалась для удовлетворенія своихъ необыкновенно сильныхъ страстей. Она появилась въ комнатѣ, гдѣ ждалъ ее викарій, съ самой очаровательной улыбкой на губахъ.

— Я не знала, что вы здѣсь,—сказала она, подавая ему руку.—Я убѣжала отъ этой сплетницы, м-съ Дальби! противная женщина!

— Она совсѣмъ не благочестива.

— Еще бы! Чего же ждать отъ баптистки!

— Она баптистка? вотъ какъ!

— М-ръ Гартъ, вы не можете себѣ представить, въ какомъ небреженіи находился здѣшній приходъ. Ни церковной проповѣди, ни истинно-религіозныхъ чувствъ. И конечно, тамъ, гдѣ не дѣлаютъ разницы между церковью и диссентерской капеллой, прихожане предпочитаютъ послѣднюю, такъ какъ тамъ они могутъ мучить своего пастора.

— Вѣрно, вѣрно.

— Вотъ великое удобство капеллы, и это могло бы почти и меня соблазнить и заставить посѣщать ее, потому что я навѣрное могла бы забрать въ свои руки пастора,—прибавила она, лукаво глядя на викарія, не преминувшаго, конечно, немедленно попасть въ расставленную западню.

— Для этого вамъ не требуется капеллы,—отвѣчалъ онъ, не шуточно и не любезно, но съ торжественной серьезностью.

— О! не знаю. Теперь вы мучите меня, посылая меня во всѣ эти скучныя мѣста,—сказала она, надувъ губы.—Я бы ни для кого другого этого не сдѣлала, и больше не могу туда ходить даже для васъ.

— Но я такъ нуждаюсь въ вашей помощи,—увѣрялъ онъ съ болѣе мірской, нежели духовной ревностью.—Я засталъ въ здѣшнемъ приходѣ такую мерзость заустѣнія, что мнѣ придется перестроивать здѣсь церковь съ самаго основанія, и вы должны помочь мнѣ, миссъ Рутвенъ.

— Я! Помилюйте, я сама только-что обратилась на путь истинный, гдѣ мнѣ учить другихъ!

— Но вы могли бы убѣдить ихъ ходить въ церковь, а это великое дѣло.

Клара покачала головой уныло и недовѣрчиво.

— У меня нѣтъ силы убѣжденія.

— Вы сами не знаете своей силы; вы можете всякаго убѣ-

дать въ чемъ вамъ угодно!—вскричалъ м-ръ Гартъ, теряя самообладаніе подь чарами ея кокетства.

— Даже вотъ въ томъ, чтобы вы освободили меня отъ этого округа?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу обойтись безъ васъ. Я... я хочу, чтобы вы раздѣлили со мной трудъ и жизнь... Будьте моей, Клара! Согласны ли вы?—воскликнулъ виварій, неожиданно для самого себя поторопившись съ предложеніемъ. Положимъ, оно было у него давно на умѣ, но онъ думалъ повременить. Сама Клара не приготовилась къ такому внезапному и бурному предложенію. Отнявъ руку, которую онъ сжималъ съ страстной ревностью, она сказала съ кокетливой холодностью:

— Давно ли мы знаемъ другъ друга, м-ръ Гартъ? Мѣсяць или шесть недѣль? Этого мало, чтобы рѣшиться на такой важный шагъ.

— Но я давно уже рѣшился, и...

— Но я-то нѣтъ,—отвѣтила она почти рѣзко, въ досадѣ на его эгоизмъ. Но тотчасъ же опомнилась и прибавила вкрадчиво:

— Я ничего подобнаго не ожидала до этой минуты, м-ръ Гартъ. Конечно, я смотрѣла на васъ какъ на друга, какъ на дорогого друга, несмотря на короткое знакомство, но чтобы мы могли стать ближе другъ къ другу, этого мнѣ и въ голову не приходило. Право, я даже думала—вы не разсердитесь на меня, если я скажу, что я думала?—спросила она, бросая на него умоляющій взглядъ, дѣлавшій ея красивые глаза неотразимыми.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ съ колебаніемъ.

— Я думала... я думала, что, какъ и отецъ Гиггинсонъ, вы не одобряете браковъ у духовенства.

— Я? вовсе нѣтъ. Я всегда считалъ это открытымъ вопросомъ, всегда!—сказалъ онъ, снова возвращаясь къ своему авторитетному проповѣдническому тону, показавшемуся въ настоящую минуту весьма комическимъ Кларѣ, по своему несоотвѣтствію съ обстоятельствами. Тѣмъ не менѣе, она отвѣчала съ трепетной серьезностью:

— Но мы всё такъ думали, а потому я была менѣе осторожна въ обращеніи съ вами, чѣмъ бы слѣдовало,—прибавила она, опуская глаза.

— Я нахожу ваше обращеніе со мной безупречнымъ.

— Вы очень добры,—перебила Клара безъ всякой примѣси ироніи въ тонѣ.

— Вы... вы воплощенная доброта, Клара!—вскричалъ вива-

рѣй, дѣлая новую попытку взять ее за руку, но она ее опять отняла.

— Клара, вы воплощенная доброта, — повторилъ онъ, немного сконфуженный ея холодностью и хладнокровіемъ. — Вы не переѣнитесь теперь относительно меня, когда узнали, какъ я думаю о... о васъ? Вы позволите мнѣ надѣяться?

Клара покачала головой совсѣмъ неувѣренно.

— Это такъ неожиданно; я такъ удивлена; я положительна не могу выкинуть изъ головы мое прежнее представленіе о васъ, — всѣ такъ о васъ говорили, — я не могу сразу переѣниться и пока по прежнему буду думать о васъ, какъ объ отцѣ Гиггинсонѣ.

Отецъ Гиггинсонъ былъ старый и необыкновенно безобразный человѣкъ, а потому дѣтское заявленіе Клары было особенно неприятно.

— Всему причиной эта глупая женщина! — закричалъ м-ръ Гартъ нетерпѣливо. — Она распускаетъ всякія сплетни! Но теперь, когда вы узнали, что это не такъ, постарайтесь думать обо мнѣ такъ же, какъ я думалъ о васъ съ первой минуты, какъ васъ увидѣлъ. Вы позволите мнѣ надѣяться?

— Но мнѣ нравится думать о васъ какъ о священникѣ, — торжественно настаивала Клара. — Это такъ благородно, такъ самоотверженно. Это-то и заставило меня почитать васъ и восхищаться вами, и мнѣ не хочется лишиться моего высокаго идеала.

Вотъ неожиданная и несносная дилемма! Чтобы сохранить уваженіе Клары, онъ долженъ оставаться въ безбрачїи и отказаться отъ всякой надежды на то, что она будетъ его женой, между тѣмъ какъ исцѣпить ея руки значило потерять ея уваженіе. Дѣвушка, какъ видите, была не безъ юмора.

— Неужели вы хотите сказать, что, по вашему, клерджименъ не долженъ жениться?

— Я не думала о другихъ клерджименахъ, я думала только о васъ, и это въ васъ такъ меня восхищало!

— Но я такъ не думаю; я никогда такъ не думалъ; а еслибы и думалъ, то, увидя васъ, переѣнилъ бы мнѣніе.

— О, я надѣюсь, что не во мнѣ причина переѣнны вашихъ убѣжденій, м-ръ Гартъ! Вы заставляете меня думать, что я очень дурная.

— Нѣтъ, нѣтъ; я никогда не имѣлъ этихъ убѣжденій, говорю вамъ. Выкиньте это изъ головы и постарайтесь смотрѣть на меня такъ, какъ я хочу, и полюбить меня. Хотите? Скажите, Клара!

— Я ничего не могу обѣщать; право, не могу, м-ръ Гартъ.

Я еще никакъ не привыкну смотрѣть на васъ иначе, чѣмъ на приходскаго пастора.

Такимъ образомъ бѣдный викарій попалъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго никакъ не могъ выпутаться, и долженъ былъ удовольствоваться пока обѣщаніемъ, что она отнынѣ не будетъ смотрѣть на него какъ на божество, а постарается видѣть въ немъ человѣка.

Такимъ образомъ Клара оказалась неповинной въ кокетствѣ, благодаря которому викарій предложилъ ей руку и сердце, и въ то же время сумѣла добиться проволочки, нужной ей для того, чтобы весь приходъ убѣдился въ томъ, что викарій сдѣлалъ ей предложеніе.

Когда мать услышала, какъ затворилась входная дверь за викаріемъ, она поспѣшила въ гостиную.

— Ну, что?—спросила она.

— А что?—переспросила Клара.

— Надѣюсь, ты не была съ нимъ рѣзка, — отвѣчала мать разочарованнымъ тономъ, такъ какъ ожидала очень интересныхъ извѣстій.

— Нѣтъ, я не была рѣзка, и это, конечно, дѣлаетъ мнѣ честь, такъ какъ онъ былъ очень несносенъ.

— Онъ говорилъ объ округѣ?

— Объ округѣ? нѣтъ, обо мнѣ. Онъ не хотѣлъ принять моего отказа.

— Клара! неужели ты хочешь сказать, что онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе?

— Но вѣдь я васъ спрашивала: хотите ли вы, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, и вы ясно дали мнѣ понять, что хотите, — отвѣчала Клара, какъ бы защищаясь.

— Ты шутишь! неужели онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ тебѣ предложеніе?

— Именно. Я разъ десять должна была повторить свой отказъ, и онъ все еще не удовольствовался.

М-съ Рутвель онѣмѣла отъ удивленія и вихря, поднявшагося въ ея головѣ.

Наконецъ, она пролепетала:

— Отказала ему! человѣку съ такимъ положеніемъ! И онъ, казалось, тебѣ такъ нравился! Самый лучший приходъ въ городѣ! Не знаю, чего тебѣ еще нужно.

— И я сама не знаю, пока не увижу кого-нибудь, кто покажется мнѣ стоящимъ вниманія. Что касается м-ра Гарта, то я не вышла бы за него, будь онъ архіепископъ кентерберійскій.

Начать съ того, что я не выйду за клерджимена вообще, потому что это значило бы сидѣть всю жизнь въ церкви, слушать проповѣди и притворяться, будто и въ самомъ дѣлѣ пребываешь въ строгомъ чинѣ.

— Не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать, Клара. Всѣ говорятъ, что онъ такой прекрасный человѣкъ.

— Онъ вѣчно твердитъ о религіи, если вы это хотите сказать; но вѣдь это только уловка, чтобы говорить о себѣ. Онъ—какъ тотъ король, который толкуетъ о вѣрнопопданническихъ чувствахъ, потому что они требуютъ почтенія къ его особѣ; нужно ходить въ церковь, чтобы слушать его, и все такое. Онъ эгоистъ до мозга костей, и я бы не вышла за него замужъ, будь у него десять тысячъ фунтовъ годового дохода.

— Ты пожалѣешь объ этомъ, вспомни мое слово, что пожалѣешь. Самый лучший приходъ въ городѣ!—ныла мать.—Никакая другая дѣвушка не отказала бы ему: такой прекрасный человѣкъ и, по крайней мѣрѣ, семьсотъ фунтовъ годового дохода, и къ тому же жена клерджимена!

— Ахъ, мама! неужели и съ вами мнѣ придется повторять сказку о бѣломъ бычкѣ, какъ это сейчасъ было съ м-ромъ Гартомъ? Довольно съ меня на одинъ день. Кстати желала бы я знать, какъ зовутъ м-ра Гарта. Ему прилично называться „Феофиломъ“, а можетъ быть онъ просто „Бобъ“. Представьте, что я приняла бы предложеніе: было бы неловко звать его Феофиломъ, если это не его имя. Право, мужичинѣ, который дѣлаетъ предложеніе дѣвушкѣ, слѣдовало бы объявлять о своемъ крестномъ имени.

— Ты, значитъ, въ концѣ концовъ, можетъ, и выйдешь за него?—съ торжествомъ спросила мать.

— Когда я узнаю, какъ его зовутъ по имени,—замѣтила дочь.

— Я, право, вѣрю, что ты выйдешь за него,—еще рѣшительнѣе повторила мать.

— Вы добрая христіанка, мама, вы всему вѣрите,—отвѣчала вскользь Клара, находя по зрѣломъ размышленіи, что лучше оставить мать въ сомнѣніи на недѣльку или на двѣ.

III.

— Китти, вѣдь это стоитъ денегъ; вѣдь на этомъ можно нажить цѣлое состояніе!—говорилъ Джоржъ Берью, откидываясь на спинку кресла и выглядывая на дочь, которая писала за маленькимъ столикомъ у окна.

— Но какая въ томъ польза, папа, если сперва надо употребить для этого цѣлое состояніе?

— Мы могли бы образовать компанію, еслибы рискнули открыть секретъ какому-нибудь знаменитому инженеру. Я берусь доказать какому-угодно инженеру въ Англіи, что это самое практичное и выгодное изъ новѣйшихъ изобрѣтеній!— вскричалъ отецъ, ударяя кулакомъ по бумагѣ, на которой онъ начертилъ съ изыскѣннѣйшей точностью планъ своего послѣдняго изобрѣтенія.

Китти только вздохнула. Она не рѣшалась напоминать отцу, что онъ возлагалъ такія же надежды и на другія свои изобрѣтенія, также долженствовавшія обогатить ихъ и только разорившія.

— Женщины, — проговорилъ отецъ сентенціозно въ отвѣтъ на этотъ вздохъ, — не понимаютъ механики. Онѣ слишкомъ привыкли къ обыденной рутинѣ и ничего дальше своего носа не видятъ.

— Откуда же намъ понимать механику? мы не получаемъ такого образованія, какъ мужчины.

— Не получаете образованія? а я развѣ получилъ техническое образованіе? Да и что вы сдумѣли сдѣлать въ томъ, чему васъ спеціально учатъ: въ музыкѣ и живописи? Развѣ была хоть одна женщина великимъ композиторомъ или живописцемъ, или проявила оригинальность въ чемъ бы то ни было? Вы только слѣдуете по дорожкамъ, проложеннымъ для васъ мужчинами.

— Потому что они насильно насъ удерживаютъ на нихъ.

— Пустяки! пустяки! Женщины играютъ десятки лѣтъ по нѣсколькимъ часамъ ежедневно на фортепьяно, но до сихъ поръ не написали ни одной приличной музыкальной пьесы. Сколько мужчинъ изучаетъ музыку? одинъ изъ ста. Сколько женщинъ учится музыкѣ? девяносто-девятъ изъ ста. И однако всѣ композиторы и почти всѣ первоклассные піанисты—мужчины. И то же самое во всемъ и вездѣ, въ большомъ и маломъ, начиная отъ повареннаго искусства и до портняжнаго ремесла. Вѣдь уже цѣлыя столѣтія женщины занимаются стряпней и шитьемъ платья, и однако лучшія платья шиты портными, а хорошей поварахи еще не было съ сотворенія міра. Повторяю тебѣ: женщины стоятъ еще на ступени обезьяны и владѣютъ только, какъ обезьяны, талантомъ наблюденія и подражанія.

Этого рода филиппики противъ женщинъ всегда обижали Китти, хотя она только молчаніемъ выражала свою обиду. Отецъ и дочь очень любили другъ друга, но онъ безусловно не признавалъ причиняемой имъ непріятности, когда толковалъ вообще объ истинномъ превосходствѣ мужчинъ, и доказывалъ это въ част-

ности какими-нибудь умственными пробѣлами у жены или дочери.

Въ сущности, онъ былъ слишкомъ поглощенъ своими проектами, чтобы замѣчать что-либо, къ нимъ не относящееся; а такъ какъ жена и дочь ими не восхищались, то это раздражало его и заставляло отрицать оригинальность въ женщинахъ и даже способность цѣнить чужую оригинальность.

Противъ этихъ нападокъ Китти выставяла слабые аргументы или же никакихъ, хотя бы могла отвѣтить побѣдоносно, прибѣгнувъ къ *argumentum ad hominem*. Изобрѣтенія, опыты, патенты и пр. м-ра Керью довели ихъ до бѣдности и они были бы даже нищими, еслибы не перо Китти. Она съ успѣхомъ писала коротенькіе рассказы, очерки и пр. и получаемымъ за нихъ гонораромъ содержала семью.

Понятно теперь для всякаго, кому знакома человѣческая природа, почему Джорджъ Керью сталъ особенно язвительно нападать на умственное несовершенство женщины съ тѣхъ поръ, какъ дочь спискала успѣхъ на писательскомъ поприщѣ. Человѣкъ, старающійся убѣдить самого себя въ чемъ-нибудь, бываетъ гораздо болѣе рѣзокъ въ сужденіяхъ, нежели чѣмъ когда онъ старается убѣдить другого въ несомнѣнномъ для него самомъ.

Такимъ образомъ Китти, къ великой досадѣ, открыла, что съ тѣхъ поръ, какъ въ ней проявился литературный талантъ, отецъ сталъ чаще и рѣзче нападать на умственную неспособность женщинъ вообще, а своей дочери въ частности.

Послѣ того, какъ она молча принялась писать, отецъ спросилъ:

— Ты уже кончила ту сцену? — точно онъ самъ диктовалъ ей рассказъ.

— Не совсѣмъ еще, папа; хотите, я вамъ прочту?

Послѣ паузы, въ продолженіе которой онъ былъ погруженъ въ восхищеніе рисунками своего послѣдняго изобрѣтенія, онъ отвѣчалъ:

— Не понимаю, право же, не понимаю: мое изобрѣтеніе просто, какъ дважды два четыре. Но, быть можетъ, ты поймешь, когда будетъ сдѣлана модель. Чтѣ ты говорила, душа моя?

— Я уже дошла до свиданія на кладбищѣ въ полночный часъ, когда каждый приходитъ посмотреть, кто утопленникъ, тотъ ли, про кого они думаютъ. Прочитать вамъ эту сцену?

— Разумѣется, душа моя, разумѣется. Это узелъ всего романа и все зависитъ отъ того, будетъ ли эта сцена естественно и хорошо написана. Она очень эффектна, очень эффектна.

Когда Китти прочтала, отецъ замѣтилъ авторитетнымъ тономъ директора театра, обращающагося къ актерамъ:

— У тебя слишкомъ разговорный слогъ, Китти, слишкомъ разговорный; надо побольше достоинства. Напримѣръ, выраженіе: „постараюсь, какъ могу“ годится въ разговорѣ, но совсѣмъ неумѣстно въ книгѣ, отъ которой ждешь хорошаго слога, законченности. „Не пожалѣю усилій“ или „буду стараться изо всѣхъ силъ“ было бы лучше, не правда ли? Изысканность прилична для книжнаго слога.

Китти слишкомъ устала, чтобы дѣлать подобнаго рода „исправленія въ слогѣ“, но отецъ ея никогда не совѣтовалъ никакой перемѣны въ интригѣ, въ завязкѣ и развязкѣ, въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, по той простой причинѣ, что онъ былъ въ этому совершенно неспособенъ. Изобрѣтательный въ сферѣ механики, онъ былъ безусловно лишенъ литературнаго творчества и со всѣмъ тѣмъ убѣжденъ, что Китти ему обязана своими произведеніями настолько, насколько подрядчикъ, строящій домъ, обязанъ архитектору.

Будь у Китти поменьше такта или у ея отца поменьше самоувѣренности и презрѣнія къ ней, какъ женщинѣ, это, быть можетъ, обострило бы ихъ отношенія. Но она не оспаривала претензій отца, и тотъ былъ въ самомъ дѣлѣ убѣжденъ, будто помогаетъ ей писать, и для его совѣсти была большимъ облегченіемъ мысль, что литературный заработокъ Китти, также какъ и ея произведенія, въ сущности, принадлежать ему.

Когда онъ перечиталъ и по своему исправилъ повѣсть Китти, то спросилъ:

— Сколько страницъ составитъ твоя повѣсть?

— Около сорока, я думаю.

— Мы бы должны получить за нее по крайней мѣрѣ 20 фунтовъ, по крайней мѣрѣ 20 фунтовъ.

— Боюсь, что мы ихъ не получимъ, папа. Намъ дали всего 10 фунтовъ за послѣднюю.

— Это смѣшно. Не стоитъ просто, чтобы я мучился надъ этой работой! 10 фунтовъ! Но скоро, скоро я покончу со всѣмъ этимъ! Если мнѣ удастся сколотить 50 фунтовъ для модели вчернѣ, то мы будемъ богаты.

— Развѣ однихъ рисунковъ недостаточно для инженера, папа?—застѣнчиво спросила Китти.

— Какого инженера? какому инженеру я могу ихъ довѣрить? Никому. Они украдутъ мысль, исказятъ ее и выдадутъ за свою собственную. Кромѣ того, они такіе лгуны! Они оставляютъ рисунки у себя, увѣряя, что просмотрятъ ихъ, а затѣмъ станутъ увѣрять,

что въ нихъ нѣтъ ничего новаго, что это уже было сдѣлано раньше. Это самые завистливые и тупые люди въ Англіи!

— Я обѣщала уплатить Брешо по счету, папа,—пролепетала Китти.

— Мы всѣ счета уплатимъ, если только я раздобудусь 50 фунтами!—раздражительно проговорилъ отецъ.—Сколько у тебя денегъ?—спросилъ онъ мягче.

— У меня 16 фунтовъ, папа; но я, право, обѣщала ихъ отдать!—съ отчаяніемъ сказала она.

— Какъ скоро обѣщала ты выплатить всю сумму?

— Не позже мѣсяца; мы такъ давно ее должны.

— Не позже мѣсяца? Китти, даю тебѣ слово, что если Эзра Фёрсъ увидитъ модель моей машины въ дѣйствиі, онъ дастъ мнѣ подъ нее какую угодно сумму... какую угодно!

Она молчала и чувствовала себя глубоко несчастной.

— Но неужели же, папа, м-ръ Фёрсъ не пойметъ въ чемъ дѣло по рисункамъ?—спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.

Это возраженіе разсердило ея отца, потому что модель была больше нужна для его собственнаго убѣжденія въ практичности своей выдумки, чѣмъ для кого-нибудь другого.

— Если ты мнѣ не вѣришь, то не будемъ больше объ этомъ говорить.

— Папа, не въ томъ дѣло, но я буду чувствовать такое униженіе, если не исполню обѣщанія! — отвѣчала Китти чуть не плача.

Но въ этотъ моментъ вошла м-съ Керью и проговорила, захватившись:

— Джоржъ, я сейчасъ встрѣтила м-ра Ботомли; м-ръ Веріенъ возвращается домой, а Ботомли сказалъ, что ты не уплатилъ ренты.

— Ренты? влянусь Юпитеромъ! вѣдь въ самомъ дѣлѣ не заплатилъ! — вскричалъ онъ съ искреннимъ удивленіемъ. — Но я черезъ мѣсяцъ непременно уплачу. Итакъ, Веріенъ возвращается?

IV.

Джоржъ Керью былъ ирландецъ хорошей фамиліи, который успѣлъ реализовать недвижимую собственность, оставленную ему отцомъ, прежде нежели неурожаи и законодательное сокращеніе размѣра ренты не обезцѣнили ее окончательно.

Онъ переѣхалъ въ Англію противъ желанія жены и дочери

и по странной случайности поселился въ Эльмсдэлѣ. Зараженный страстью къ машинамъ и не лишенный нѣкоторой изобрѣтательности, онъ,—пріѣхавъ навѣстить сестру, бывшую замужемъ за священникомъ, жившимъ близъ Лидса,—плѣнился тѣмъ-же машинами этого округа. Въ особенности поразили его усовершенствованія въ станкахъ, которыми ткуть шолкъ и бархаты и на которыхъ одинъ брадфордскій изобрѣтатель нажилъ баснословное состояніе.

Керью всю жизнь пытался изобрѣтать и строить модели для машинъ, а посѣщеніе Лидса окончательно превратило его въ маніака. Онъ переселился въ Эльмсдэлъ и нанялъ домикъ у самыхъ воротъ парка, гдѣ они и жили вотъ уже четыре года.

Несчастная страсть Джоржа Керью привела его семью къ окончательному разоренію и, къ великому удивленію м-съ Керью и отчаянію Китти, они запутались въ долгахъ.

М-съ Керью была добрая женщина, съ дѣтскимъ умомъ и сердцемъ, считавшая мужа величайшимъ гениемъ, а дочь—самой первой красавицей въ округѣ. Объ умѣ и способностяхъ Китти она была невысокаго мнѣнія, потому что ихъ затмѣвала гениальность мужа, но зато она, можно сказать, тщеславилась нѣжной, кроткой красотой дочери.

Но хотя она и не цѣнила умственныхъ сторонъ Китти, однако во всемъ полагалась на нее въ хозяйственныхъ дѣлахъ и мало-помалу передала ей всѣ хлопоты по дому, такъ что въ глазахъ постороннихъ людей онѣ какъ будто помѣнялись ролями и Китти казалась матерью своей матери. М-съ Керью была по натурѣ изъ тѣхъ женщинъ, для которыхъ требуется опора, а такъ какъ мужъ не могъ быть таею опорой, то ею стала Китти.

И вотъ какимъ образомъ этой дѣвушкѣ, на девятнадцатомъ году ея жизни, выпали на долю всѣ тревоги, униженія и трудности спасать тонущій корабль отъ потопленія. Отецъ никогда не заботился о домашнихъ дѣлахъ, а долги считалъ временнымъ и преходящимъ неудобствомъ, которое устранится при первой удачѣ въ его опытахъ.

Такъ было по крайней мѣрѣ сначала, но въ послѣднее время постоянныя разочарованія ожесточили его по природѣ необыкновенно кроткій нравъ. Онъ сталъ раздражителенъ и безразуденъ, такъ что бѣдной Китти очень трудно стало съ нимъ ладить и удерживать его отъ сумасбродныхъ тратъ.

Одну только Китти ужаснуло открытіе, что рента не уплачена.

— Ахъ, папа! я думала, что вы ее заплатили!

— И я тоже думалъ, милая; но теперь припоминаю, что долженъ былъ иначе употребить эти деньги.

— Но что же мы будемъ дѣлать?

— Быть можетъ, дядя поможетъ тебѣ, Китти,—сообразила мать, точно Китти была отцомъ семейства.

— Что сказалъ Ботомли? Чортъ бы его побралъ! съ какой стати онъ такъ пристаётъ къ намъ? Неужели онъ думаетъ, что мы убожимъ отъ него? Что онъ говорилъ?—спросилъ Джоржъ Керью.

— Онъ ничего особеннаго не говорилъ. Я спросила его, когда онъ сдѣлаетъ обѣщанныя починки въ квартирѣ, а онъ отвѣчалъ, что теперь ему некогда, что у него руки полны дѣлъ, что онъ долженъ свести всѣ счета, потому что молодой м-ръ Веріенъ пріѣдетъ на дняхъ, и просилъ напомнить тебѣ о рентѣ. Онъ боится, что м-ръ Веріенъ пріѣдетъ неожиданно и потребуетъ его книги.

— Что за юный Шейловъ!

— Надо попросить дядюшку Ральфа, — уныло проговорила Китти:—больше ничего не остается.

— Сдѣлай это, Китти!—замѣтила мать, польщенная, что ея совѣтъ принять.

Китти побѣжала навверхъ одѣваться и въ скоромъ времени уже шла въ приходскій домъ.

Дядюшка Ральфъ, мильнторпскій викарій, былъ тотъ самый зять, у котораго гостилъ ея отецъ въ первый свой пріѣздъ въ Лидсъ. Онъ былъ добрый пасторъ, безъ всякой напыщенности въ манерахъ и обхожденіи, и скандализировалъ этимъ всѣхъ прихожанъ, вромѣ своихъ собственныхъ; послѣдніе прощали ему недостатки внѣшней представительности и формальнаго благочестія ради его истинно-христіанскихъ добродѣтелей.

Онъ обожалъ Китти и, за неимѣніемъ родныхъ дѣтей, считалъ ее какъ бы дочерью. Онъ говорилъ женѣ:

— Эта дѣвушка все-равно что сирота, Мэри, вотъ что. Отецъ ея живетъ въ мірѣ призраковъ, а мать болѣе годна на то, чтобы играть въ куклы, чѣмъ руководить дочерью. Мы должны помогать ей, а не то она состарится прежде времени.

И въ силу этого дядюшка Ральфъ сталъ довѣреннымъ лицомъ Китти, которому она повѣряла всѣ свои бѣды и затрудненія, стараясь при этомъ, насколько можно, выгораживать отца. Ея и теперь всего болѣе смущала мысль, что затруднительное положеніе, изъ котораго она должна просить дядюшку Ральфа вывести ее—дѣло рукъ отца. Кромѣ того, ей тяжело было обра-

щаться къ дядѣ за деньгами, потому что она знала, что врядъ ли у него былъ въ нихъ избытокъ, и притомъ онѣ не скоро будутъ ему возвращены.

Она нашла дядю въ образѣ огороднаго пугала; онъ красилъ деревянный птичникъ, недавно выстроенный имъ собственноручно. Очевидно, онъ не имѣлъ природнаго дарованія въ живописи, потому что выпачкалъ себѣ краской руки и даже лицо.

— Эй, Китти!—закричалъ онъ настоящимъ ирландскимъ говоромъ:—это ты?

И, оглядѣвъ свои руки и платье вплоть до сапогъ, онъ взглянулъ на нее съ комической жалобой:

— Сними, пожалуйста, съ меня шляпу!—и когда она сняла, онъ прибавилъ:—отбрось волосы и поцѣлуй меня въ лобъ, такъ какъ это единственное чистое мѣсто.

Когда она поцѣловала его и, смѣясь, надѣла шляпу, онъ спросилъ, съ удовольствіемъ оглядывая свою работу:

— Ну, какія новости, Китти?

— Худыя, дядюшка.

Онъ тотчасъ же взглянулъ на нее съ тревожнымъ вопросомъ на своемъ добромъ лицѣ.

— Худыя?

— О! только въ денежномъ отношеніи.

Она пересказала ему, въ чемъ дѣло.

— А много тебѣ нужно, Китти?

— Сорокъ фунтовъ.

— Бѣдняжка!—сказалъ онъ съ нѣжностью, которая ее тронула.—Я постараюсь сдѣлать, что могу.

Онъ сердился, какъ только могъ сердиться такой мягкій человекъ, на ея отца, но ни за что не хотѣлъ обидѣть ее, показавъ ей это.

— Хуже всего то, дядюшка, что мы не знаемъ, когда заплатимъ вамъ. Папа думаетъ, что м-ръ Фёрсъ дастъ ему денегъ впередъ за его изобрѣтеніе; но если онъ этого не сдѣлаетъ, то боюсь, что вамъ придется долго ждать.

— Ты—отличный посредникъ въ дѣлѣ заключенія займовъ, Китти! Вотъ бы тебя послать въ Турцію. Ты съ нами пообѣдаешь?

— Не могу, благодарю васъ; имъ захочется поскорѣе узнать о результатѣ моего визита.

— Не думаю. Тревога о такихъ вещахъ выпадаетъ лишь на долю старихъ людей, какъ ты, напримѣръ... на долю родителей и опекуновъ.

— Я думаю все-таки, что мнѣ надо вернуться домой, дядюшка.

— Я могу телеграфировать, хочешь?

— Связать по правдѣ, мнѣ надо бы еще пописать.

— Послушай, Китти: я не допущу, чтобы ты дописалась до чахотки. Я еще вчера говорилъ о тебѣ съ теткой, и мы оба нашли, что у тебя совсѣмъ нездоровый видъ съ тѣхъ поръ, какъ ты взялась содержать семью своимъ перомъ.

— Право же, дядюшка, я не очень устаю. Папа помогаетъ мнѣ. И, кромѣ того, это единственное мое развлеченіе.

— Что касается этого, то и мое также, — замѣтилъ викарій: — но потому-то и надо беречь тебя. Не слѣдуетъ убивать курицу, которая несетъ золотыя яйца.

Онъ не преувеличивалъ, говоря, что ея произведенія были его единственнымъ развлеченіемъ. Она сама едва-ли болѣе гордилась и наслаждалась своими повѣстями, чѣмъ онъ; и только авторы — и юные авторы — поймутъ, какое удовольствіе и поощреніе доставляла ей его симпатія. Поэтому, гуляя по саду, они разговаривали объ ея послѣдней повѣсти, и этотъ разговоръ поглощалъ все ихъ вниманіе. Дядя, размахивая руками по своему обыкновенію, съ большимъ оживленіемъ разбиралъ ея произведенія. Съ большой дороги, откуда ихъ было видно, они представляли интересную группу на фонѣ зеленыхъ кустовъ. Это самое, повидимому, нашель и м-ръ Гербертъ Веріенъ, такъ какъ при видѣ Китти онъ вдругъ ощутилъ желаніе подойти и поздороваться съ своимъ стариннымъ другомъ и бывшимъ учителемъ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія такъ скоро по приѣздѣ посѣтить викарія, но хорошенькая и граціозная Китти, очевидно съ жаромъ въ чемъ-то убѣждавшая викарія, подѣйствовала на него притягательно, какъ магнитъ.

Онъ былъ въ томъ возрастѣ и того темперамента, когда чело-вѣкъ особенно чувствителенъ къ красотѣ, а красота Китти, нѣжная, хотя и яркаго ирландскаго типа, показалась ему особенно привлекательной послѣ долгаго пребыванія въ жаркихъ и сухихъ климатахъ, гдѣ цвѣтъ лица у женщинъ такой же рѣзкій, какъ и пейзажъ.

Кромѣ того, она понравилась ему въ силу контраста, такъ какъ его наружность представляла совершенную противоположность. Онъ былъ красивый мужчина, скорѣе по фигурѣ, чѣмъ лицомъ, прекрасно и такъ пропорціонально сложенъ, что громадная сила его мускуловъ не бросалась въ глаза при первомъ взглядѣ, и въ лицѣ его не было ничего замѣчательнаго, кромѣ смуглаго, оливковаго цвѣта и черныхъ, глубокихъ, огневыхъ, чисто итальянскихъ глазъ. Онъ былъ еще застѣнчивъ въ присут-

ствѣи молодыхъ дѣвушекъ, по молодости лѣтъ, а главное отъ безумнаго поклоненія красотѣ, и едва отворилъ калитку въ садъ викарія, какъ уже почти раскаялся въ своей поспѣшности.

Но скрипъ калитки привлечь вниманіе викарія и отрѣзалъ ему пути къ отступленію.

— Эй, Гербертъ! радъ васъ видѣть, — сказалъ викарій, идя ему на встрѣчу. — Я въ очень некрасивомъ видѣ, но это ваша вина. Я просилъ этого скареда Ботомли построить мнѣ курятникъ и доказывалъ, что приходскій домъ не можетъ безъ него обойтись, но онъ не захотѣлъ. Я сказалъ ему: должно быть, вы находите, что гнилыхъ домовъ въ приходѣ и безъ того много, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: „нѣтъ, я не противъ того, чтобы кварталы держали куръ“.

М-ръ Веріенъ разсмѣялся надъ тѣмъ, какъ ловко передразнилъ викарій іоркширское произношеніе Ботомли, и надъ тупымъ упрямствомъ этого послѣдняго.

— Какъ? этими грязными руками? — сказалъ викарій въ отвѣтъ на протянутую для пожатія руку: — если вмѣсто того вы поздоровааетесь съ моей племянницей, то это сойдемъ за одно и то же.

— Если она мнѣ позволить, — отвѣчалъ Гербертъ, улыбаясь Китти и снимая шляпу.

Когда Китти протянула ему руку, дядя къ несчастію замѣтилъ:

— Она изъ вашихъ арендаторшъ, но только вы такъ мало живете дома, что вѣрно этого не знаете?

Кровь бросилась въ лицо молодой дѣвушкѣ, потому что она тотчасъ же вспомнила про 40 ф. долгу. Слышалъ ли онъ уже объ этомъ отъ Ботомли? Простого сомнѣнія уже было достаточно, чтобы повергнуть ее въ неописанное смущеніе.

— Я думалъ, что ваша племянница гостить у васъ, — сказалъ Гербертъ Веріенъ.

— Нѣтъ, она дочь Джоржа Керью, который живетъ въ Гольройдѣ вотъ уже три или четыре года.

— Мы, значить, сосѣди, миссъ Керью! Очень радъ это слышать.

— Да, — отвѣчала Китти безсмысленно.

— Я надѣюсь, что мѣстность и люди вамъ нравятся и вы не собираетесь насъ покинуть?

— О, нѣтъ!

— Мѣстоположеніе, по крайней мѣрѣ, очень красивое.

— Да, очень.

— Я полагаю, что вы уже вполне съ нимъ ознакомились.

— Нѣтъ, только на ближайшемъ разстояніи.

- Оно навѣрное вамъ понравится и на дальнѣйшемъ.
 — Да, я въ этомъ увѣрена.
 — Конечно, Ворстонъ—темное пятно на его красивой поверхности.
 — Да, онъ закопченъ.
 — Но не такъ, какъ Лидсъ?
 — Нѣтъ.

Такую бесѣду—подумалъ Гербертъ Веріенъ—можно вести и съ говорящей куклой, изъ которой тоже можно извлечь точно такіе же односложные отвѣты, нажимая пружинку. Поэтому желаніе его познакомиться съ Китти значительно охладилось, и онъ съ отчаянія обратился къ викарію.

— Я боюсь, что вы считаете меня плохимъ корреспондентомъ, м-ръ Крозье.

— Нѣтъ, нисколько. Я считаю, что съ вашей стороны необыкновенная любезность вообще писать мнѣ. Вы вѣдь не заживались на одномъ мѣстѣ?

— Я перелеталъ съ одного на другое.

— Ахъ, да, вы, англичане, —

Your business, with unslackening stride,
 Traverse in troops, with care-filled breast,
 The soft Mediterranean side,
 The Nile, the East, и пр. ¹⁾

Викарій, отличный чтець, продекламировалъ эти стихи необыкновенно эффектно, несмотря на масляную краску, въ которой былъ весь вымазанъ.

— Мнѣ кажется,—сказалъ Веріенъ,—что вы когда-то давали мнѣ учить эти стихи въ видѣ наказанія?

— Никогда; я никогда не давалъ вамъ учить хорошихъ стиховъ въ видѣ наказанія; никогда не обращалъ Пегаса въ водовозную клячу.

— Но все же они у меня связываются съ какимъ-то неприятнымъ воспоминаніемъ.

— Вѣроятно съ одною изъ моихъ проповѣдей?

— Нѣтъ, не такъ уже худо,—отвѣчалъ Гербертъ, смѣясь.

— Ты знаешь это стихотвореніе?—спросилъ викарій Китти,

¹⁾ Вы преслѣдуете свое дѣло съ неутомимыми усиліями, толпами, и съ озабоченной душой проходите по мягкому берегу Средиземнаго моря, черезъ Нилъ и востокъ; передъ вами проходятъ всѣ живописныя мѣста отъ одного полюса до другого; вы взглянете, кивнете головой и спѣшите мимо; и никогда не отдохнете душой, пока не умрете.

стараясь втянуть ее въ разговоръ, въ которомъ она могла всего скорѣе блеснуть. Но она опять отвѣчала только:—Да.

— Отнынѣ оно будетъ у меня связано съ пріятнымъ воспоминаніемъ,—замѣтилъ любезно Гербертъ и откланялся, отказавшись отъ предложенія викарія зайти на минутку повидаться съ м-съ Крозье.

Когда Гербертъ вышелъ изъ сада, онъ нашелъ Ботомли, который его дожидался.

— Кстати, — спросилъ онъ, — есть у насъ арендаторъ по имени Керью?

— Да, къ несчастію, — отвѣчалъ Ботомли съ двойкой откровенностью іореширца и стараго слуги.

— Почему такъ?

— Онъ пустой человѣкъ, мотъ, одинъ изъ тѣхъ ирландскихъ шелопаевъ, которые считаютъ, что всѣ обязаны содержать ихъ, кромѣ ихъ самихъ.

— Онъ въ долгахъ, хотите вы сказать?

— Да, и намъ не платить ренты вдобавокъ. Мы должны будемъ, вѣроятно, показать ему дверь.

— Но кто онъ таковой?

— Ничтожный человѣкъ. Онъ все возится съ какими-то патентами, да ничего изъ этого путнаго не выходитъ.

— Онъ родня викарію?

— Братъ его жены.

— О! когда такъ, то мы не должны торопить его съ рентой.

— Онъ и не подумаетъ торопиться. Онъ изъ тѣхъ людей, которыхъ надо стегать хлыстомъ, чтобы они проснулись.

Гербертъ Веріенъ пересталъ поздравлять себя съ такими сосѣдами. Онъ считалъ, что семья, живущая въ долгахъ какъ ни въ чемъ не бывало, должна быть неизбѣжно неблагородной. Кромѣ того, Китти, была по его мнѣнію, просто восковой куколкой.

V.

— Что вы скажете про балъ?—спросилъ нашъ викарій, сидя вмѣстѣ съ м-ромъ Гартонъ и Гербертомъ Веріеномъ, въ гостяхъ у послѣдняго, за виномъ.

— Вы, значить, не возстаете противъ танцевъ? — спросилъ хозяинъ дома, улыбаясь.

— Я думалъ, что вы меня лучше знаете.

— Да я и знаю; я только пошутилъ.

— Балъ будетъ всего лучше,—повторилъ нашъ викарій.— Какъ по вашему? — обратился онъ за подтвержденіемъ къ м-ру Гарту.

— Не могу вполнѣ съ вами согласиться, — отвѣчалъ этотъ клерджименъ обычнымъ напыщеннымъ тономъ.—Я считаю танцы суетнымъ, а не солиднымъ дѣломъ.

— Вы хотите сказать, что молодежь суетна и несолидна, и что однимъ изъ невиннѣйшихъ симптомовъ того являются танцы. Но разъ она невинна, то почему же не танцовать? Вѣдь у бѣдныхъ людей есть воскресныя школы—почему же людямъ побогаче не имѣть баловъ?

— Вы приравниваете воскресныя школы къ баламъ!—ужаснулся м-ръ Гартъ.

— О, полноте! вѣдь вы отлично знаете, что большинство браковъ — я могъ бы сказать: даже всѣ — заключаются между молодыми людьми, когда они, пріодѣвшись, приходятъ въ воскресную школу. Помилуйте, любезный сэръ! да у насъ не осталось бы пяти процентовъ нашихъ преподавателей, еслибы единственнымъ мотивомъ ихъ было преподаваніе.

— Вы хотите сказать, что они посѣщаютъ воскресную школу только затѣмъ, чтобы жениться или выйти замужъ?

— Я хочу сказать, что они посѣщаютъ ее не затѣмъ только, чтобы учить, а это совсѣмъ не то. Я поступилъ въ священники не затѣмъ только, чтобы получать доходъ съ прихода; но еслибы я не получалъ дохода, то не могъ бы быть священникомъ.

— Я надѣюсь и вѣрю, что наши преподаватели бываютъ въ воскресной школѣ и изъ другихъ мотивовъ, кромѣ брачныхъ,—возразилъ м-ръ Гартъ съ упрекомъ и свысока.

Нашъ викарій, видя, что имѣеть дѣло съ дуракомъ, который слишкомъ глупъ, чтобы подозрѣвать о своей глупости, сказалъ только, съ любопытствомъ поглядывая на этого человѣка:

— Но вѣдь я это самое сейчасъ сказалъ.

— Значить, я васъ совсѣмъ не понялъ.

— Да,—просто отвѣтилъ онъ и, повернувшись къ хозяину, спросилъ:

— Кстати о воскресныхъ школахъ: вы сохранили вашъ вроекъ?

— Нѣтъ.

— Жаль; я бы желалъ, чтобы вы восстановили его въ интересахъ прихода.

— Какъ религиозное занятіе?—спросилъ Гербертъ, смѣясь.

— Это столько же религиозное занятіе, какъ было закли-

наніе духовъ. Охота, стрѣльба, крокетъ и игра въ мячъ оказываютъ такое же благотѣльное вліаніе на нравственность прихода, какъ и воскресная школа или служба, а иногда и болѣе, — отвѣчалъ викарій, высказывая для спеціальнаго удовольствія м-ра Гарта одно изъ тѣхъ мнѣній, какія составили ему такую скандальную репутацію среди его клерикальныхъ братьевъ.

М-ръ Гартъ издалъ какое-то неопредѣленное фырканье отъ негодованія.

— Я боюсь, что вы со мной несогласны? — обратился къ нему викарій.

— Я вѣроятно опять такъ несчастливъ, что не понялъ васъ, — пронизировалъ м-ръ Гартъ, который, какъ и всѣ пошлые люди, усматривалъ личные намеки тамъ, гдѣ ихъ не было, и вообразилъ, что поднимаютъ на смѣхъ его ежедневную службу.

— Что было бы, Гербертъ, еслибы вы поѣхали верхомъ на Месрорѣ, послѣ того, какъ онъ мѣсяцъ простоялъ бы въ конюшнѣ безъ движенія?

— Онъ вѣроятно свернулъ бы мнѣ шею, а ужъ съ сѣдла сбросилъ бы навѣрное.

— Какъ разъ то же самое бываетъ со звѣремъ, который сидитъ въ каждомъ человѣкѣ, если его не упражняютъ и не обуздываютъ невинными занятіями: онъ или втаптываетъ человѣка въ грязь, или убиваетъ его. Крокетъ, игра въ мячъ, охота, стрѣльба въ цѣль — это все невинныя занятія, помогающія обуздывать звѣря; я бы лучше желалъ, чтобы вы поощряли игру въ крокетъ, нежели учили въ вашей воскресной школѣ.

— Постараюсь. Но какъ же съ этимъ баломъ? это совсѣмъ не дурная мысль, и я бы желалъ, чтобы вы переговорили съ матушкой. Вы можете дѣлать изъ нея все, что хотите, а я этого никакъ не могу сказать.

— Но рѣшились ли вы сами?

— Да.

Затѣмъ, вспомнивъ про возраженія м-ра Гарта, Гербертъ вѣжливо сказалъ ему:

— Надѣюсь, что вы не считаете танцы таковой неприличной вещью, м-ръ Гартъ?

— Не неприличной, а только не солидной; но, конечно, молодежь всегда останется молодежью, — снисходительно прибавилъ онъ, польщенный прямымъ обращеніемъ къ нему.

— Значитъ, вы прійдете?

— Благодарю васъ; съ большимъ удовольствіемъ.

— Прекрасно; а васъ я попрошу занять прежнее мѣсто

театрального режиссера,—обратился онъ къ своему бывшему учителю.

— Значить, вы хотите также устроить и домашній спектакль?

— Мнѣ бы слѣдовало сказать—мѣсто „мажордома“, но я вспомнилъ тѣ дни, когда вы чуть было не лишились своей должности за то, что уступили намъ подь спектакль школьное помѣщеніе. Боже! какой они тогда подняли гвалтъ и какъ вы мало тронулись имъ!

— Да! это такъ же мало меня устрасило, какъ тотъ шумъ, который поднимаютъ птицы въ курятникѣ.

— Однако покойный отецъ говорилъ, что это задержало ваше повышение. М-ръ Крозье помогаль намъ устроить домашній спектакль пять или шесть лѣтъ тому назадъ и этимъ разсердилъ епископа,—сказаль Гербертъ въ поясненіе другому своему гостю.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сухо замѣтилъ м-ръ Гартъ.

— Онъ самъ не играль, понимаете, а только руководилъ нами; но это было сочтено неприличнымъ для пастора.

М-ръ Гартъ упорно придерживался торжественной и угрюмой точки зрѣнія на этотъ предметъ.

— Для простыхъ людей—соблазнъ!—величественно изрекъ онъ, точно оракулъ.

Напыщенная глупость этого фарисея до такой степени показалась противной Герберту, что онъ опять повернулся къ викарію и сталъ припоминать разные забавные инциденты, происходившіе на репетиціяхъ. И мало-по-малу онъ такъ увлекся, что вскричалъ:

— Устроимъ опять домашній спектакль, но только, конечно, не въ школѣ, а у насъ въ домѣ. Чтѣ вы на это скажете?

— А гдѣ же у насъ актеры?—спросилъ викарій.

Но, пораздумавъ немного, Гербертъ отвѣчалъ:

— Я думаю, что это можно уладить. Кросли приѣдутъ съ удовольствіемъ, а также миссъ Джерардъ съ братомъ, и, наконецъ, моя кузина, миссъ Райнъ, она не то чтобы актриса, но у нея чтѣ называется сценическая наружность. А миссъ Джерардъ зато вывезетъ всякую пьесу: у нея природный талантъ.

— Хорошо, если вы думаете, что игра стоитъ свѣчь; вѣдь имъ придется гостить у васъ.

— Только кузинѣ и Джерардамъ, а имъ матушка будетъ очень рада. Пойдемте уговаривать ее согласиться на нашу затѣю.

М-съ Веріенъ была одна изъ тѣхъ вроткихъ, мягкихъ, лимфатическихъ женщинъ, которыхъ трудно разсердить, но трудно

и подвинуть на что-нибудь и которыя упрямы какъ улитка, когда она, спрятавъ рожки, уйдетъ въ свою раковину и ни за что изъ нея не выглянетъ, пока сама того не пожелаетъ.

Если м-съ Веріенъ составила себѣ мнѣніе о чемъ-нибудь, то вы могли спорить съ нею цѣлый годъ, она будетъ кротко выслушивать всѣ ваши аргументы, а по истеченіи его вы убѣдитесь, что она осталась при своемъ. Никакими ласками нельзя было также убѣдить ее сдѣлать то, чего она рѣшила не дѣлать. Напротивъ того, всякое новое усиліе заставить ее измѣнить рѣшеніе только сильнѣе укрѣпляло ее въ немъ.

Когда м-ръ Гартъ ушелъ, она принялась разспрашивать викарія о приходѣ и о сосѣдяхъ: кто умеръ, кто женился, кто уѣхалъ, кто пріѣхалъ. Викарій, который съ нетерпѣніемъ ждалъ ея возвращенія домой, главнымъ образомъ ради Китти, заговорилъ съ ней о своемъ своякѣ.

— Я слышала про него, — сказала она сухо и пренебрежительно, какъ показалось викарію.

Будучи гордымъ человѣкомъ, онъ ничего больше не сказалъ и былъ радъ, что умолчалъ про Китти, когда старушка вскорѣ затѣмъ замѣтила:

— Я больше всего боюсь молодыхъ дѣвушекъ; я совсѣмъ не хочу, чтобы Гербертъ влюбился: онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы его выборъ былъ разуменъ.

— Но я достаточно въ лѣтахъ, чтобы оцѣнить вашъ выборъ, матушка! — смѣясь, отвѣчалъ онъ, намекая на молодую особу, на которой его матери хотѣлось, чтобы онъ женился.

— Мой выборъ клонится только къ твоему счастью — вотъ и все. Ни одна изъ здѣшнихъ дѣвушекъ, я увѣрена, не составитъ твоего счастья.

— На вашемъ мѣстѣ, матушка, я бы пригласилъ всѣхъ ихъ къ себѣ, и тогда вамъ удобно было бы сразу указать на ихъ недостатки.

— Чтобы ты могъ сразу за всѣми ими ухаживать, — отпарировала мать.

— Серьезно говоря, матушка, намъ слѣдуетъ дать балъ и вообще начать жить открыто. Мы такъ долго были въ отсутствіи, что за нами накопились недоимки по части гостепріимства.

— Конечно, конечно, другъ мой, мы еще объ этомъ поговоримъ, — отвѣчала она дрожащимъ голосомъ и уже разстроенная.

Послѣ этого викарій откланялся и хотѣлъ уйти, но Гербертъ затаячилъ его къ себѣ въ курительную комнату.

Когда они покойно усѣлись и закурили трубки, Гербертъ сказалъ:

— Милая мама хочетъ женить меня на нѣкоей миссъ Проссеръ: она очень богатая, очень дурная собой, но очень разсудительная дѣвушка. Ну, а я если что ненавижу въ дѣвухѣ, кромѣ некрасивости, такъ это разсудительность, потому что это значить, что въ ней столько же поэзіи, воображенія или страсти, какъ въ машинѣ.

— Разсудительностью очень часто называютъ пошлость, но я знавала дѣвушекъ, которыя были и разсудительны, и чувствительны.

— У нея нѣтъ чувства; она такая же деревянная, какъ эта трубка.

— Значить, она не можетъ играть?

— Играть? она сочтетъ это за дѣтскую глупость! Помилуйте, она танцы считаетъ ребячествомъ!

Послѣ того они заговорили о пьесахъ, которыя годны для домашняго спектакля, и чѣмъ больше Гербертъ толковалъ о театрѣ, тѣмъ больше ему захотѣлось играть.

На другой день за завтракомъ старушка-мать его была въ особенно хорошемъ расположеніи духа и сама заговорила о томъ, что ему слѣдуетъ „занять должное мѣсто“ въ округѣ и для этого перезнакомиться съ сосѣдями. Отецъ Герберта питалъ честолюбивую мысль увидѣть сына въ парламентѣ и за эту мысль съ обычнымъ упорствомъ цѣплялась и мать, и выраженіе: „занять должное мѣсто“ какъ разъ это самое и означало.

— Тебѣ слѣдуетъ давать обѣды,—сказала она.

— Но это такая скучная вещь, матушка! Чтò вы скажете, если мы дадимъ балъ?

— Балъ?

По понятіямъ старушки, балы давались только тѣми, которые хотѣли выдать дочерей замужъ. Чтобы холостой человѣкъ и выгодный женихъ далъ балъ—это, по ея мнѣнію, было похоже на то, еслибы муха раскидывала паутину, намѣреваясь ловить пауковъ.

Такъ какъ она замолчала, пораженная такой несообразной мыслью, викарій поспѣшилъ на выручку своему бывшему ученику.

— Это я посовѣтовалъ балъ, м-съ Веріенъ, такъ какъ, по моему, баломъ вы доставите самое большое удовольствіе ббльшему числу людей и съ наименьшими расходами.

— Я и думать не думала про балъ,—задумчиво прогово-

рила старушка и прибавила:— Не понимаю, почему вы считаете, что балъ потребуеъ меньше издержекъ, чѣмъ обѣдъ?

— Меньше издержекъ, сравнительно съ числомъ гостей и удовольствіемъ, какое вы имъ доставите.

— Балъ стоитъ дороже, гораздо дороже, нежели вы думаете.

— Но не дороже десятка обѣдовъ, матушка, и при этомъ вы принимаете гораздо больше гостей.

— Какого рода гостей? И кому удовольствіе? толпѣ дѣвушекъ? Для ихъ родителей, увѣряю васъ, балъ вовсе не удовольствіе.

— Мы думали, не устроить ли для нихъ домашній спектакль, — сказалъ викарій.

Онъ былъ плохимъ дипломатомъ.

— О! я вижу, что вы уже все порѣшили между собой, или вѣрнѣе ты порѣшилъ, — повернулась она къ Герберту, потому что м-ру Крозье, я думаю, спектакли достаточно насолили.

— Нѣтъ, я первый упомянулъ объ этомъ, такъ какъ это всѣмъ придется по вкусу.

— А откуда вы возьмете актеровъ?

— Да вотъ Крозли могутъ играть, и если вы пригласите погостить къ намъ миссъ Джерардъ съ братомъ и Нелли Райнъ, то мы отлично все устроимъ.

— Нелли! да она такъ же неспособна играть на театрѣ, какъ и я. Но вотъ Дженъ Проссеръ — мы можемъ пригласить ее.

— Я не думаю, чтобы домашній спектакль пришелся ей по вкусу! — вскричалъ Гербертъ съ неудовольствіемъ.

— Она очень разсудительная дѣвушка, самая разсудительная, какую я только знаю.

— Прекрасно; но вѣдь мы собираемся быть безразсудными, а потому при чемъ же она тутъ?

— Она будетъ играть серьезныя роли.

— Конечно, пригласите ее, если она согласится играть, — сказалъ Гербертъ, увѣренный, что деревянная Дженъ непремѣнно откажется отъ такого приглашенія.

Но мать его и не думала такъ поступить. Заручившись согласіемъ Герберта на приглашеніе богатой невѣсты, она не желала подвергнуться отказу, благодаря неудобному условію. Достаточно пригласить миссъ Проссеръ, а ужъ тогда видно будетъ, захочетъ она играть или нѣтъ.

Такимъ образомъ согласіе старушки было получено безъ всякаго дипломатическаго или иного давленія.

Домашній спектакль рѣшено было дать вмѣстѣ съ баломъ, и м-съ Веріенъ согласилась не только потому, что такимъ образомъ

пробываніе богатой невѣсты въ ея домѣ должно было продлиться, но и потому, что она желала похвастаться игрой сына. Всѣ сосѣди, а пуще всего миссъ Проссеръ увидятъ его въ наивыгоднѣйшей обстановкѣ, и если богатая невѣста въ него влюбится, то не трудно будетъ убѣдить его отплатить ей взаимностью. Нелли Райнъ, хорошенькую и граціозную дѣвушку, отнюдь не слѣдуетъ приглашать, чтобы миссъ Проссеръ не проиграла отъ ея сосѣдства; но миссъ Джерардъ, которой было уже за тридцать и безъ которой нельзя было обойтись, слѣдовало пригласить. Но еще другая молодая дѣвица интересовала ее, а потому она спросила по уходѣ викарія:

— Что племянница визарія, которую ты видѣлъ, хорошенькая?

— Она кажется хорошенькой, пока съ ней не заговоришь и не найдешь, что она просто восковая кукла: „да“, „нѣтъ“, „да“, „нѣтъ“, „да“, „нѣтъ“ — точно куклушка.

— Можетъ быть, она застѣнчива?

— О! нѣтъ! просто глупа.

— А вѣдь слѣдовало бы ее пригласить, ради дяди.

— Какъ вамъ угодно, матушка.

Убѣдившись, что дѣвушка не опасна, м-съ Веріенъ готова была оказать ей любезность во вниманіе къ ея дядѣ, который былъ предметомъ особенной ея любви и уваженія.

VI.

Вскорѣ м-ръ Гартъ и м-съ Дальби разнесли по всему Ворстону, что въ замкѣ собираются повеселить сосѣдей и въ самой пріятной формѣ—домашняго спектакля, за которымъ послѣдуетъ балъ.

Наша красивая пріятельница Клара услышала объ этомъ прямо отъ м-ра Гарта, все еще не получавшаго отъ нея положительнаго отвѣта, частью для того, чтобы весь Ворстонъ узналъ про его порабощеніе, частью изъ кошачьяго удовольствія поиграть своей жертвой.

Балъ и домашній спектакль! Значить, и здѣсь можно жить и стоять бороться, такъ какъ она съ матерью не принадлежала къ кружку знаемыхъ м-съ и м-ра Веріенъ. По рожденію-то онѣ были не хуже другихъ обитательницъ Ворстона, но въ немъ все считалось на деньги, а онѣ были бѣдны и потому возвращались ниже горизонта замка. Но на этотъ балъ она поѣдетъ.

— Вы обѣдали тамъ?—спросила она м-ра Гарта на другой

день послѣ того какъ онъ былъ въ замкѣ, такъ какъ онъ ежедневно бывалъ теперь у Рутвеновъ.

— Да, у меня выдался свободный вечеръ,—напыщенно отвѣчалъ онъ.

— Ну, и какъ вы нашли...—она чуть было не сказала „его“, но поправилась:—ее? Что она за женщина?

— Старушка? Настоящая лэди и была очень со мной любезна.

— Надѣюсь, что и его вы нашли приличнымъ молодымъ человекомъ?—спросила она съ серьезнымъ видомъ.

— Да; онъ довольно милый молодой человекъ. Онъ, кажется, благонамѣренный человекъ и спрашивалъ во всемъ моего совѣта.

— Значитъ, вы посовѣтовали дать балъ и домашній спектакль?.. Это очень мило съ вашей стороны.

— Нѣтъ, не могу сказать, чтобы я посовѣтовалъ; скорѣе можно сказать, что я не одобрилъ его намѣренія, но по крайней мѣрѣ общалъ быть.

— Онъ, должно быть, очень краснорѣчивъ?

— О! онъ очень благонамѣренный молодой человекъ, но боюсь, что онъ въ дурныхъ рукахъ. Тамъ у нихъ хозяйничаетъ этотъ ирландскій пасторъ; онъ зоветъ его по имени и старается поддѣлаться всякаго рода пустословіемъ. Онъ ему не принесетъ добра.

— Вы говорите про м-ра Крозье?—спросила м-съ Рутвенъ, которую Клара не отпускала ни на минуту изъ комнаты во время посѣщеній м-ра Гарта.—Боже мой! Боже мой! вотъ никакъ бы не подумала, что онъ такой! Его прихожане имъ не нахвалятся.

М-съ Рутвенъ естественно поняла „пустословіе“ какъ „неприличныя рѣчи“, но Клара, хорошо знавшая м-ра Гарта и м-ра Крозье, догадалась, чтд это значить.

— Онъ принадлежитъ къ либеральной церкви, хотите вы сказать?—спросила она.

— Къ либеральной церкви! Онъ не принадлежитъ вовсе ни къ какой церкви; у него даже нѣтъ никакой религіи, сколько я могъ замѣтить. Онъ говоритъ, что охотнѣе откроетъ врокеть въ своемъ приходѣ, чѣмъ воскресную школу, и что воскресныя школы тѣ же балы, и преподаватели занимаются только кокетствомъ и ухаживаніемъ.

— Боже мой! Боже мой!—повторила м-съ Рутвенъ въ совершенномъ ужасѣ.

Что касается Клары, то ее восхищала смѣлость, съ какой высказывались такія мнѣнія, да и сами мнѣнія ей нравились. Хотя, конечно, она и виду не показала.

— Что же, онъ пользуется большимъ вліяніемъ на м-ра Веріена? — спросила она, точно боялась за нравственность юнаго джентльмена.

— Онъ вѣчно торчитъ у нихъ; настоящій лизоблюдь, знаете; а они, кажется, считаютъ прекраснымъ все, что онъ ни скажетъ; а онъ говоритъ только опасныя вещи... достойныя самого Брэдо.

— М-съ Веріенъ тоже въ него вѣритъ?

— Сынъ говоритъ, что онъ имѣетъ на нее больше вліянія, чѣмъ онъ самъ. Онъ просилъ убѣдить ее дать этотъ балъ.

— А когда будетъ балъ?

— Это еще не рѣшено, но вѣроятно очень скоро.

— Но у него у самого есть воскресная школа, — сказала м-съ Рутвенъ, только это и понявшая изъ всего разговора. — Мэри Ли въ ней преподавательницей. Не понимаю, почему онъ ихъ считаетъ дурными.

Клара съ удовольствіемъ предоставила м-ру Гарту разъяснить этотъ пунктъ матери, а сама углубилась въ свои мысли. Такъ какъ задумчивость мѣшала ей отвѣчать на вопросы м-ра Гарта иначе какъ односложно, тотъ вскорѣ ушелъ.

— Что бы такое придумать, — бормотала Клара, какъ вдругъ глаза ея остановились на номерѣ журнала „Истина“, который ей аккуратно доставляла одна школьная подруга.

— Чудесно! — вскричала она тономъ Архимеда, когда онъ восклицалъ: „Еureka!“.

— Что такое, милая?

— Мы должны нарядить куколь для „Истины“.

— Для чего, милая?

Когда „Истина“ была впервые прислана Кларѣ, мать, ожидая по заглавію чего-нибудь душеспасительнаго, прилежно читала журналъ, но не находила никакой пищи для своей души.

— Кажется, тутъ ничего нѣтъ религіознаго? — робко спросила она дочь.

— А какъ же вы назовете „нашу благочестивую и добройшую королеву“, „лордовъ совѣта и все дворянство“? — цитировала Клара по молитвеннику. — Здѣсь о нихъ говорится очень много, а если ужъ они не религія respectableнхъ англійскихъ людей, такъ ужъ я и не знаю, въ чемъ ихъ религія.

Какъ бы то ни было, мать перестала вѣрить въ душеспасительность этого журнала и бросила его читать.

Такимъ образомъ произошло, что ей ничего не было извѣстно ни про рождественскую подписку, открытую этимъ журналомъ

для покупки игрушекъ для дѣтей, содержащихся въ лондонскихъ больницахъ и рабочихъ домахъ, ни про конкурсъ куколъ.

Кларѣ поэтому пришлось объяснять ей, что „Истина“ назначила преміи за наилучше одѣтыя куклы изъ числа трехъ или четырехъ тысячъ, предназначаемыхъ дѣтямъ въ лондонскихъ больницахъ и рабочихъ домахъ, и что она намѣрена участвовать въ конкурсѣ.

— Ты? — вскричала мать въ изумленіи, такъ какъ Клара такъ же неспособна была одѣть куклу и вообще держать иглу въ рукахъ, какъ самый малый изъ больничныхъ ребятъ.

— Да. Вовсе не требуется, чтобы вы сами это дѣлали. Вы беретесь одѣть столько-то куколъ и они присылаютъ вамъ куклы. Важное дѣло организація, то-есть заставить другихъ людей шить за васъ.

— Но кого же ты заставишь?

— Во-первыхъ, васъ, мамаша. Я хочу, чтобы вы получили премію.

— Но у меня и безъ того такъ много шитья, Клара; я почти не выпускаю иглки изъ рукъ, и я еще не успѣла подрубить платковъ,—ворчала жалобнымъ тономъ м-съ Рутвенъ.

— Должны же мы сдѣлать что-нибудь для бѣдныхъ дѣтей, а такъ какъ у насъ нѣтъ денегъ, то будемъ жертвовать временемъ. Я возьмусь одѣть три дюжины куколъ, полторы дюжины раздамъ по рукамъ, а съ полдюжиной мы справимся вдвоемъ съ вами.

— Не понимаю, чтò это значить: „вдвоемъ съ вами“!—застонала пуще прежняго мать при такомъ смѣломъ предложеніи.

— Это значить, что я куплю матеріалъ, а вы дадите мнѣ денегъ на покупку, а затѣмъ сошьете платья,—объявила Клара въ восторгѣ отъ своей выдумки.—Развѣ вы недовольны?—спросила она, нагибаясь, чтобы поцѣловать мать—необычная ласка, долженствовавшая сразу побѣдить сопротивление бѣдной матери.

Клара усѣлась за письменный столъ и немедленно настрочила письмо въ редакцію „Истины“, предлагая одѣть три дюжины куколъ.

Послѣ этого она нарядилась какъ можно болѣе къ лицу и отправилась въ милнторпскій приходскій домъ.

Она не разъ уже видѣла м-съ Крозье и съ интересомъ ее изучала. Какъ могла женщина дожить до ея лѣтъ, ничему не научившись изъ того, чтò ее окружало—этого Клара никакъ не могла постичь. И въ самомъ дѣлѣ удивительно было, какъ ухитрилась м-съ Крозье сохранить въ сорокъ-пять лѣтъ дѣтское не-

вѣденіе зла, вѣру въ людей и вслѣдствіе того неограниченную и непобѣдимую искренность?! Кларъ она казалась чистой идиоткой, и даже менѣе злые судьи, чѣмъ Клара, вынуждены были допустить, что мягкость сердца м-съ Крозье отразилась на ея головѣ.

Вслѣдствіе этого Клара не придавала большой цѣны побѣдѣ надъ м-съ Крозье, но надѣялась, что черезъ нее, какъ черезъ брешь въ крѣпости, она завоюетъ м-ра Крозье.

— Вы удивлены моимъ появленіемъ? — сказала она самымъ оборотительнымъ тономъ, входя въ гостиную, гдѣ м-съ Крозье сидѣла ничего не дѣлая и только думая о томъ, сколько у нея дѣла — нормальное состояніе ея ума.

— Во всякомъ случаѣ я очень рада васъ видѣть, — отвѣчала она нѣжнымъ, жалобнымъ голосомъ. — Выпейте чашку чая... о, да, непременно. Я только-что прискивала предлогъ, чтобы выпить чаю, но я не люблю беспокоить Рэчель по пустынямъ, хотя она самая услужливая дѣвушка въ мірѣ. Садитесь и поболтаемъ. Нѣтъ, не сюда; я хочу видѣть ваше хорошенькое личико. Вотъ такъ. Какъ здоровье мама?

— Очень хорошо, благодарю васъ; она очень занята, иначе сама бы пришла къ вамъ со мной. Какъ вы думаете, чтó она теперь затѣваетъ?

— Что-нибудь очень хорошее, навѣрно?

— Она взялась одѣвать еуколь для бѣдныхъ дѣтей, которыя находятся въ лондонскихъ больницахъ и рабочихъ домахъ.

И тутъ Клара пространно и очень патетично, какъ показалось мягкосердечной м-съ Крозье, объяснила задачу „Истины“.

— Ахъ! какъ это прекрасно! Я ничего прекраснѣе не слыхала.

— Я знала, что вы это скажете! — съ торжествомъ вскричала Клара. — Потому-то я и пріѣхала къ вамъ. М-ръ Гартъ — нашъ новый викарій, знаете — очень, очень добрый человекъ, но не одобряетъ ничего, чтó не касается приходскихъ дѣлъ и не связано съ церковью. Онъ хочетъ, чтобы мы шили орари и тому подобное, хотя я не знаю, кому это нужно; между тѣмъ какъ всѣ говорятъ, что м-ръ Крозье больше думаетъ о помощи бѣднымъ.

— Да, моя душа, это вѣрно. Онъ готовъ былъ бы изъ собственнаго ораря шить рубашку для нищаго, еслибы больше не изъ чего было. Онъ слишкомъ добръ, моя душа, я часто ему это говорю, но безъ всякаго толку, — жаловалась добрѣйшая женщина въ мірѣ.

— Но вѣдь вы не противъ того, чтобы мы помогли бѣднымъ дѣтямъ радостно провести Рождество?

— Душа моя! я въ восторгѣ отъ этой мысли, и онъ тоже будетъ въ восторгѣ. Бѣдняжки!—произнесла она отъ всей души.

— Мама надѣется, что м-ръ Крозье убѣдитъ двухъ или трехъ дамъ своего прихода присоединиться къ намъ, такъ какъ дамы нашего прихода, которыя могли бы за это взяться, завалены вышивками церковныхъ украшеній.

— Конечно, конечно. М-съ Веріенъ поможетъ намъ деньгами, а Китти... впрочемъ у нея и безъ того руки полны дѣла. Но вотъ м-съ Пачетъ, Мэри Эльмсли будутъ работать, а также и м-съ Мурготройдъ.

— О! еслибы вы могли заинтересовать м-съ Веріенъ, еслибы она согласилась побывать на нашихъ собраніяхъ, потому что намъ лучше работать всѣмъ вмѣстѣ, не правда ли, м-съ Крозье?

— Разумѣется, это будетъ гораздо веселѣе и радужнѣе. Мы можемъ собраться у меня, если вашу матушку не испугаетъ разстояніе, и выпить чаю!—радостно вскричала м-съ Крозье, такъ какъ ея гостепріимная душа востропнулась при открывшейся возможности принять гостей.

— О! м-съ Крозье, вотъ будетъ хорошо! И если вы возьмете на себя инициативу всего дѣла, то не могу сказать вамъ, какое это будетъ облегченіе для мамы и для меня; она такъ боится разсердить м-ра Гарта. Пусть это будетъ вашей мыслью, а мы вамъ только помогаемъ.

— Но, душа моя, я не могу принять чести почина въ этомъ дѣлѣ,—право, не могу.

— Я имѣю въ виду не столько васъ, м-съ Крозье, сколько вашъ приходъ. Все дѣло будетъ сдѣлано вашими прихожанами, за исключеніемъ мамы и меня, конечно; въ противномъ случаѣ я бы не стала прятать маму за вашей спиной, хотя, безъ сомнѣнія, она очень боится м-ра Гарта.

Когда она, наконецъ, убѣдила м-съ Крозье, что съ ея стороны будетъ добрымъ дѣломъ, если она присвоить мысль себѣ, то эта добродушная женщина согласилась взять на свою отвѣтственность это общее предпріятіе. Послѣ того принесенъ былъ чай, за которымъ Клара копалась какъ только можно въ надеждѣ дождаться, наконецъ, прихода м-ра Крозье.

Но такъ какъ онъ не приходилъ, то она, наконецъ, встала и простилась, обѣщаясь скоро опять придти вмѣстѣ съ матерью.

Дойдя до входной двери, она увидѣла, когда ее отворили, что м-ръ Крозье, въ сопровожденіи другого джентльмена (можетъ быть, м-ра Веріена!) подходитъ къ калиткѣ сада. Не медля ни секунды, она сказала:

— Ахъ! сейчасъ, я позабыла...—и вернулась назадъ въ гостиную.

— Извините, м-съ Крозье, но я забыла спросить, сколько куколъ вы возьметесь одѣть? Куклы будутъ намъ присланы, и я должна знать, сколько именно потребовать отъ редакціи „Истина“.

— Душа моя, понятія не имѣю.

— Но вѣдь вы знаете, на кого именно изъ дамъ вы можете рассчитывать и сколько каждая возьметъ, — сказала Клара, вынимая небольшую золотообрѣзную записную книжечку съ самымъ дѣловитымъ видомъ. — Вы называли м-съ Мурготройдъ? что это — та самая м-съ Мурготройдъ, которая катается на такихъ хорошенькихъ пони?

Но прежде, чѣмъ этотъ важный предварительный вопросъ былъ рѣшенъ, вошли господа Крозье и Веріенъ.

— Ты знакомъ съ миссъ Рутвенъ, Ральфъ? — спросила жена.

— Я знаю миссъ Рутвенъ, потому что видалъ ее; а кто ее разъ видѣлъ, тотъ не забудетъ, — любезно отвѣчалъ Ральфъ.

Послѣ того Клара познакомили съ м-ромъ Веріеномъ, и мечта Клары осуществилась. М-ръ Веріенъ былъ пораженъ ея наружностью, какъ и слѣдовало ожидать. Она просто ослѣпила его, и онъ застѣнчиво ступевался, такъ что разговоръ пришлось сначала поддерживать главнымъ образомъ викарію.

— Я думалъ, что у васъ и безъ куколъ полны руки дѣла, — сказалъ онъ Кларѣ. — М-ръ Гартъ не даетъ вамъ лѣниться.

— Я не изъ особенно ревностныхъ поклонницъ м-ра Гарта, — отвѣчала Клара.

— Зато онъ вашъ ревностный поклонникъ, сколько я слышалъ.

— Вы очень любезны; но не думаю, чтобы м-ръ Гартъ могъ кому-нибудь ревностно поклоняться...

— Кромѣ самого себя? Слышите, Гербертъ, и примите въ свѣденію. Чѣмъ больше вы ухаживаете за женщиной, тѣмъ сильнѣе она васъ презираетъ.

— Если такъ, то миссъ Рутвенъ придется презирать всѣхъ мужчинъ, — отвѣтилъ Гербертъ.

Клара поглядѣла на него съ обворожительнымъ выраженіемъ благодарности въ блестящихъ глазахъ.

— Двое противъ одной! — сказала она, улыбаясь и качая головой. — Это не великодушно. Вамъ слѣдуетъ придти ко мнѣ на помощь, м-съ Крозье.

— Ральфъ любитъ дразнить; не обращайтесь на него вниманія,

миссъ Рутвентъ! — совершенно искренно отвѣтила м-съ Крозье, принимая ея слова за чистую монету.

— Вотъ это мнѣ нравится!—сказалъ викарій:—вотъ какъ намъ досталось за маленькую попытку быть любезными! Это какъ разъ тѣ, что я говорю, или какой-то французъ, не помню: „женщина подобна вашей тѣни: бѣгите за ней, она бѣжитъ отъ васъ; бѣгите отъ нея, она бѣжитъ за вами“! Вотъ вамъ еще нравоученіе!—обратился онъ къ Герберту.

— Но бываютъ женщины, отъ которыхъ вы не убѣжите ни за что, также какъ отъ своей тѣни, — отвѣчалъ Гербертъ съ легкимъ поклономъ и еще болѣе выразительнымъ взглядомъ на Клару.

Клара отвѣтила поклономъ и стала прощаться.

— Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, уже уходите?—спросилъ викарій.

— Да; я уже простилась съ м-съ Крозье, но вернулась, чтобы спросить о самомъ главномъ, о чемъ, какъ водится, сначала позабыла—настоящій дамскій постскриптумъ.

— Да, мы еще не рѣшили насчетъ количества, —напомнила м-съ Крозье.

— Быть можетъ, лучше будетъ, если вы сначала спросите у дамъ вашего прихода, сколько онѣ возьмутъ на себя куколь.

— Надѣюсь, вы позволите матушкѣ помочь вамъ?—спросилъ съ жаромъ Гербертъ.

— Если только ей будетъ угодно, —отвѣчала Клара съ скромной оживленностью.

— Она, конечно, захочетъ, если вы ее попросите. Пойдемте теперь вмѣстѣ со мной!—прибавилъ онъ, торопясь, какъ мальчишъ.

— Но я не знакома съ м-съ Веріентъ, —колеблясь, отвѣчала она.

— Но я имѣю честь быть съ ней знакомымъ, —смѣясь, отвѣчалъ Гербертъ: — если вы мнѣ позволите, то я познакомлю васъ... Пойдемте.

— Я думаю, лучше предоставить это дѣло м-съ Крозье; она была такъ добра, что взялась за него, —сказала Клара, на этотъ разъ вполне рѣшительно.

VII.

— Разузнавалъ ты про м-ра Керью, Гербертъ?—спросила его мать въ тотъ же вечеръ за обѣдомъ.

— Я спрашивалъ Фѣрса о немъ, и тотъ мнѣ сказалъ, что онъ умный безумецъ съ маніей изобрѣтенія, такой же неизле-

чимой и разорительной, какъ и пьянство. Онъ постоянно изобрѣтаетъ машины, которыя очень остроумны, но никуда не годятся: онѣ или совсѣмъ не дѣйствуютъ, или непрактичны и не окупаютъ денегъ, затраченныхъ на нихъ.

— Но это, въ сущности, вовсе не такъ худо?

— Худо только для него и для кредиторовъ.

— А онъ много долженъ?

— Я не рѣшилъ спросить объ этомъ Фѣрса, но, судя по словамъ Ботомли, онъ по уши въ долгахъ.

— Я предполагаю, что онъ джентльменъ?

— Въ этомъ нельзя сомнѣваться.

— Какъ ты думаешь, мнѣ слѣдуетъ сдѣлать ему визитъ?

— О, да; хотя бы только ради Крозье. И знаете чтд, мама, если вы уже выступаете въ походъ, то побывайте и у м-съ Рутвенъ.

— М-съ Рутвенъ? Кто она такая?

— Она—вдова адъютанта изъ волонтеровъ, и у нея прелестнѣйшая дочь.

— О!

— Подождите, пока ее не увидите. Крозье говорилъ мнѣ, что она душа всѣхъ собраній въ Верстонѣ и будетъ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ и для нашего.

— Ты ее видѣлъ?

— Да; она была у Крозье сегодня, когда я туда заходилъ; хлопочеть о какихъ-то рождественскихъ куклахъ для лондонскихъ госпиталей—фантазія ея матери... Я уговаривалъ ее придти обратиться и васъ въ свою вѣру, но она отговорила въ незнакомствѣ съ вами; я объяснялъ, что имѣю эту честь, но она осталась неумолимой.

— Полагаю.

— Ну, вотъ, такъ какъ гора не идетъ къ Магомету, то пусть Магометъ пойдетъ къ горѣ.

— Ты, кажется, уже плѣненъ ею?

— Необыкновенно; и съ вами то же будетъ, когда вы ее увидите.

— Но у насъ и безъ того уже больше дамъ, чѣмъ кавалеровъ; а балъ бываетъ удачнымъ только тогда, когда кавалеровъ больше, нежели дамъ.

— Одной дамой больше или меньше — разчета не составить.

— Но кто такіе эти Рутвенъ? — спросила мать съ нетерпѣніемъ.

— Крозье говорилъ, что онѣ очень хорошей фамиліи, но бѣдны, а потому не играютъ никакой роли въ Ворстонѣ.

— Ты, кажется, навелъ очень подробныя справки?

— Я знала, что вы потребуете ихъ, мама, прежде чѣмъ сдѣлать визитъ, а мнѣ хотѣлось, чтобы вы имъ его сдѣлали.

— Хорошо,—отвѣчала она смягченная и успокоенная его безмятежнымъ тономъ.—Я побываю у нихъ, хотя дѣвушка на-вѣрное объяснитъ это побѣдой надъ тобой.

— Не бойтесь, это не вскружитъ ей головы,—отвѣчалъ Гербертъ, смѣясь.

Но послѣ своего визита м-съ Веріенъ подумала, что если эта мысль не вскружитъ головы Клары, то только потому, что никогда ей не придетъ въ голову.

Дѣвушка хотя и съ полнымъ самообладаніемъ, но, казалось, вполне оцѣнила всю честь, какая имъ была оказана, и выразила это съ застѣнчивой и почтительной благодарностью.

Когда мать, воображая, что это будетъ самымъ приличнымъ разговоромъ съ гостей; стала перечислять родственниковъ покойнаго мужа, принадлежавшихъ къ перамъ и баронетамъ шотландскаго королевства, Клара нетерпѣливо перебила ее и заговорила объ ихъ настоящемъ ничтожествѣ. Молодая дѣвушка была умна, и поняла, что такой женщиной, какъ м-съ Веріенъ, будетъ всего пріятнѣе сознаніе чести, какою она оказывала своимъ визитомъ, и доброты сердца, побудившей ее къ тому. Пытаться убѣдить гостью, что ея визитъ не что иное, какъ простой долгъ вѣжливости—значило оттолкнуть ее; Клара это чувствовала.

Не менѣе умно было со стороны Клары притвориться и показать, что она обязана визитомъ м-съ Веріенъ не Герберту, но м-съ Крозье. Хотя дѣвушка ни минуты не сомнѣвалась, что сынъ убѣдилъ м-съ Веріенъ побывать у нихъ, но она высказала мнѣніе, что это сдѣлала м-съ Крозье, интересуясь кукольной благотворительностью.

Такимъ образомъ вышло, что впечатлѣніе, произведенное Кларой на м-съ Веріенъ, отличалось отъ впечатлѣнія, вынесеннаго сыномъ.

— Ну, я видѣла обѣихъ твоихъ красавицъ,—сказала она ему, когда онъ высаживалъ ее изъ экипажа, по возвращеніи домой.

— Ну, и что же?

— Не могу понять, какъ могъ ты найти миссъ Берью глухой. Она далеко не глупа, а отецъ ея—самый безупречный джентльменъ, какого я здѣсь видѣла.

— Ну, а миссъ Рутвенъ?

- Она очень хороша собой, скромна и тоже не глупа.
 — Еще бы!
 — Ну, я, знаешь, не нахожу ее такой блестящей. Миссъ Керью, по моему, умнѣе.
 — Неужели?
 — Такъ мнѣ показалось.
 — Она, значить, очень застѣнчива.
 — Не думаю. Но ты самъ можешь судить объ этомъ завтра, потому что я пригласила ее завтракать.
 — Такъ, пожалуйста, попомните, что она *ваша protégée*, а не моя. Вы вѣроятно не пригласили миссъ Рутвенъ?
 — Она вѣдь не племянница нашему викарію.

И вотъ почему Китти пришлось завтракать въ замкѣ вмѣстѣ съ дядей. Ей очень не хотѣлось ѣхать въ гости, всего менѣе къ Веріенамъ, такъ какъ только сегодня поутру, свѣдя всѣ счеты, она увидѣла, въ какихъ неоплатныхъ долгахъ они очутились. Когда она заговорила объ этомъ съ отцомъ, тотъ, подобно алхимикамъ былыхъ временъ, объявилъ, что открытіе его философскаго камня—простой вопросъ времени и очень небольшихъ издержекъ. Послѣ этого они почти поссорились, потому что когда Китти робко замѣтила вторично, что м-ръ Фёрсъ пойметъ, въ чемъ дѣло и по однимъ рисункамъ, безъ модели, м-ръ Керью страшно разсердился, наговорилъ Китти рѣзкостей и съ досады на себя за то, что ихъ наговорилъ, убѣжалъ изъ дому.

Послѣ этого немудрено, если она была совсѣмъ нерасположена идти завтракать въ замокъ и за завтракомъ была такъ скучна и неразговорчива, какъ и ожидалъ Гербертъ.

Сознаніе, что она скучна, только сильнѣе парализовало ее, и тщетно старался дядя, которому хотѣлось, чтобы она очаровала м-съ Веріенъ, втянуть ее въ разговоръ.

Но оказалось, что Китти гораздо больше понравилась м-съ Веріенъ тѣмъ, что была скучна, чѣмъ еслибы была остроумна и интересна. Старушка вовсе не желала, чтобы Гербертъ нашелъ эту дѣвушку такой обольстительной, какъ она ожидала и предсказывала. Напротивъ, она была довольна, что застѣнчивость Китти парализовала ея красоту въ глазахъ Герберта.

Послѣ завтрака, когда они собирались идти гулять, доложили о приходѣ м-съ Рутвенъ и Клары. Клара поспѣшила объяснить такой скорый контръ-визитъ неотложностью куольнаго дѣла. Онѣ съ матерью были въ приходскомъ домѣ и не располагали сегодня же побывать и въ замкѣ; но м-съ Крозье посовѣтовала имъ обратиться къ м-съ Веріенъ, какъ къ патронессѣ прихода;

этотъ совѣтъ сама Клара очень искусно вложила въ уста м-съ Крозье: молодая дѣвушка была большая мастерица на такіе фокусы.

— Я буду очень рада помочь вамъ, — отвѣчала м-съ Веріенъ, такъ какъ эта кукольная благотворительность была ей какъ разъ по сердцу.

— Но мы не хотимъ васъ задерживать, м-съ Веріенъ, дни становятся такъ коротки, что вы не успѣете погулять.

— Мы обойдемъ только паркъ, и если вамъ угодно, то пойдемте вмѣстѣ, а затѣмъ милости просимъ на чашку чая.

Всѣ согласились, кромѣ викарія, которому надо было навѣстить больного и который потому ушелъ.

Въ началѣ прогулки Клара старалась какъ будто скромно не отходить отъ м-съ Веріенъ, по другую сторону которой шла Китти, между тѣмъ какъ Гербертъ съ м-съ Рутвенъ шли сзади. Но мало-по-малу, обращаясь съ различными вопросами къ Герберту, она очень естественно отстала немного отъ другихъ и оказалась рядомъ съ нимъ; а такъ какъ ему такое положеніе дѣлъ очень понравилось, то онъ постарался совсѣмъ потерять другихъ изъ виду.

— Какой прелестный паркъ! — вскричала Клара: — я боялась, что мнѣ не удастся болѣе его видѣть.

— Надѣюсь, что вы не уѣзжаете изъ Ворстона? — спросилъ Гербертъ тономъ лестной тревоги.

— О, нѣтъ; я хочу сказать, что въ Ворстонѣ думаютъ, что теперь паркъ будетъ закрытъ для публики.

— Нѣтъ, это не такъ; но даже и въ такомъ случаѣ я надѣюсь, что вы не считали бы себя въ числѣ публики.

— Съ вашей стороны очень любезно дать мнѣ право на *la petite entrée*, но я бы не могла гулять здѣсь одна.

— Я надѣюсь, что вы бы приходили сюда часто съ вашей матушкой.

— Ахъ, ее такъ трудно вытащить изъ Ворстона! А мнѣ Ворстонъ такъ надоѣлъ и я была такъ рада, когда прошлой зимой мнѣ удалось вырваться изъ него и прожить цѣлыхъ шесть недѣль въ Лондонѣ!

— Вы, конечно, бывали въ театрѣ?

— Конечно, не только бывала, но и сама играла... на домашнемъ спектаклѣ... Я никогда такъ не веселилась.

Нашъ герой радостно ухватился за эти слова.

— Вы играли?

— Не только играла, — была режиссеромъ, суфлеромъ, костю-

меромъ... чѣмъ угодно. Можете себѣ представить, какъ все шло блистательно!

— Могу!—сказалъ онъ съ выразительнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, но, право же, несмотря на мое управленіе, спектакль сошелъ такъ успѣшно, что я одно время думала поступить на сцену.

— Вамъ бы это не понравилось.

— Отчего?

— Вамъ, конечно, понравился бы успѣхъ и все такое, но есть тысячи вещей, которыя бы вамъ были не по сердцу.

— О! я думаю, что сбумбля бы справиться съ ними,—отвѣтила она.

И что-то въ тонѣ голоса и въ самыхъ словахъ неприятно рѣзнуло по слуху Герберта. Но она была такъ очаровательна, что неприятное впечатлѣніе разсѣялось, какъ туманъ отъ солнца.

— Чтѣ вы играли?—спросилъ онъ, чтобы переменить тему.

— Я, просто, не смѣю вамъ сказать: вы сочтете меня такой самонадѣянной!.. Какъ вамъ покажется моя попытка сыграть „Трагедію и Комедію“?

Чтѣ было, въ самомъ дѣлѣ, сказать на это? Это была, конечно, большая дерзость, которую оправдать могъ только блестящій успѣхъ.

— Ничего не могу сказать, не видѣвъ вашей игры,—улыбаясь, отвѣчалъ онъ.

— А я знаю, чтѣ это значитъ,—сказала она, тоже улыбаясь.—Я знаю, что это было дерзко, но у меня въ памяти была Мэри Андерсонъ и, кромѣ того, мнѣ удалось. Я говорю это для извиненія своей дерзости.

— Если такъ, то вы прирожденная актриса!—восторженно вскричалъ онъ.—А чтѣ же вы еще играли?

Такъ какъ всѣ другія пьесы, за исключеніемъ одного фарса, были съ однимъ только дѣйствующимъ лицомъ, какъ и „Трагедія и Комедія“, то она объяснила, что ей навязали ихъ, такъ какъ остальная компанія скромно сознавала свою некомпетентность.

Послѣ того она, въ свою очередь, стала спрашивать его про его театральные опыты и успѣхи, но ей не удалось получить приглашенія присоединиться къ ихъ труппѣ, чего, въ сущности, она все время добивалась. По правдѣ сказать, онъ охотно пригласилъ бы ее, да боялся, что мать будетъ противъ этого, и кромѣ того его стѣсняло приглашеніе, посланное миссъ Джерардъ. Онъ зналъ, что въ театральномъ мірѣ, какъ и на небѣ,

звѣзды должны отстоять далеко другъ отъ друга, изъ опасенія столкновеній. Онъ долженъ былъ, однако, изъ простой вѣжливости упомянуть о томъ, что вскорѣ будетъ извѣстно всему Борстону.

— Мы думаемъ устроить домашній спектакль.

— Домашній спектакль! въ самомъ дѣлѣ?—вскричала она съ такимъ изумленіемъ, какое дѣлало честь ея сценическому таланту.

— Да, я надѣюсь, что вы пріѣдете критиковать насъ, хотя мнѣ было бы пріятнѣе критиковать васъ, но я уже составилъ свою труппу, прежде чѣмъ имѣлъ удовольствіе съ вами познакомиться.

— При всякихъ другихъ обстоятельствахъ я едва-ли бы могла рассчитывать на приглашеніе, опираясь только на свою собственную рекомендацію,—съ пріятной улыбкой отвѣтила она, такъ какъ, въ сущности, была все-таки довольна хоть тѣмъ, что получила приглашеніе присутствовать.

Послѣ того она принялась ухаживать за нимъ и чисто женской льстивой манерой, которая состоитъ въ томъ, чтобы заставить человѣка говорить о самомъ себѣ и показывать, что глубоко этимъ интересуешься. Это самая дѣйствительная и вкрадчивая форма лести, такъ какъ, по словамъ Ларошфуко: „ce qui fait que les amants et les maîtresses ne s'ennuient point d'être ensemble, c'est qu'ils parlent toujours d'eux-mêmes“. Этой лестью Клара съ такимъ искусствомъ обольщала Герберта, что вскружила ему голову столько же, сколько красотой и остроуміемъ.

Короче сказать, онъ былъ настолько влюбленъ, насколько молодой человѣкъ можетъ влюбиться въ такое короткое время, и Клара видѣла, что ей нуженъ только удобный случай, чтобы завладѣть имъ. Когда надежда и торжество достигли своего зенита, произошло нѣчто такое, что чуть было сразу не сокрушило ихъ въ конецъ.

А. Э.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1890 г

Земско-статистическія работы, какъ матеріалъ для изслѣдованія условій сельскаго хозяйства.—Достинства ихъ и недостатки.—Опытъ вывода изъ нихъ по вопросу о крестьянскихъ платежахъ и недоимкахъ.—Размѣры платежей въ двадцати уѣздахъ великорусскихъ губерній, и ихъ сборъ.—Количество недоимокъ въ тѣхъ же уѣздахъ и ихъ особенности.—Что собственно должно быть предметомъ обложенія?

Земско-статистическія работы, коснувшіяся уже болѣе ста уѣздовъ разныхъ мѣстностей Европейской Россіи, представляютъ, какъ извѣстно, богатѣйшій статистическій матеріалъ по самымъ существеннымъ вопросамъ нашего сельскаго хозяйства и крестьянскаго быта. Вышедшіе уже въ свѣтъ сборники до того переполнены цифрами, что невольно рождается мысль о томъ, когда же весь этотъ самъ по себѣ драгоценный матеріалъ и къмъ перерабатывается въ такую общедоступную форму, при которой желательная общедоступность новыхъ, до сихъ поръ невѣдомыхъ данныхъ, осуществилась бы хотя сколько-нибудь? Вслѣдствіе трудностей чисто внѣшняго характера земскіе статистики до сихъ поръ вынуждаются къ отказу отъ обработки сырья; попытки же въ этомъ родѣ вызвали не только пререканія, но и столкновения съ иными земцами, которые мѣстами оказались слишкомъ строгими цензорами. Враждебное движеніе противъ статистики обнаружилось и въ самой земской средѣ еще въ первые годы зарожденія новаго дѣла; всѣмъ памятно сожженіе статистическихъ сборниковъ въ Рязани въ 1882 г. Но эти покушенія на новое дѣло сдерживались отчасти обычаемъ, отчасти другими соображеніями. „Московскія Вѣдомости“, а равно и „Русскій Вѣстникъ“, до 1888 г. ни разу не нападали на земскую статистику. Нападеніе послѣдовало ¹⁾ съ легкой руки г. Роштока, земца и предводителя дворянства одного изъ уѣз-

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1888, май, стр. 137—176.

довь центральной губерніи. Въ послѣдніе три года нападенія стали распространяться и по другимъ газетамъ, такъ что можно было думать, что земская статистика доживаетъ свои послѣдніе дни. А между тѣмъ, если были со стороны земствъ полезныя траты, то изъ нихъ не послѣднее мѣсто занимали траты именно на земскую статистику; въ этомъ отношеніи можно сказать, что крестьянская копѣйка была затрачена далеко не безъ пользы для крестьянъ. Въ доказательство справедливости того, достаточно остановиться, на примѣръ, на вопросѣ весьма интересномъ, о крестьянскихъ платежахъ и недоимкахъ. Правда, намъ придется оговориться, что мы при этомъ должны будемъ, къ сожалѣнію, ограничиться только тѣми изслѣдованными земствомъ уѣздами, по коимъ напечатанные сборники содержатъ свѣденія о недоимкахъ ¹⁾.

Хотя программы земскихъ статистическихъ бюро и составлялись болѣе или менѣе по одному типу и хотя ни одно изъ такихъ бюро не устраняло отъ себя податныхъ вопросовъ, тѣмъ не менѣе далеко не во всѣхъ вышедшихъ въ свѣтъ сборникахъ имѣются всѣ нужныя свѣденія. Въ иныхъ губерніяхъ печатаніе такихъ свѣденій встрѣчало себѣ не мало препятствій. Въ другихъ виновны были сами статистики: такъ напр. бюро орловской губерніи даетъ богатый матеріалъ о крестьянскомъ кредитѣ, а о недоимкахъ умалчиваетъ.

I.

Министерство финансовъ, начиная съ 80-хъ годовъ, обращало большое вниманіе на облегченіе крестьянскихъ платежей. Цѣлый рядъ законодательныхъ мѣропріятій, слѣдовавшихъ въ извѣстной постепенности, съ самаго 1880 года, снялъ съ крестьянъ не одинъ миллионъ прямыхъ налоговъ. Пониженіе выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; уничтоженіе подушной — съ дворовыхъ и безземельныхъ; наконецъ, полное уничтоженіе этой подати и переобработка земель бывшихъ государственныхъ — все это влонилось къ уменьшенію податного бремени. Такъ какъ съ этимъ именно временемъ совпадаетъ высшее напряженіе по части собиранія данныхъ земскими изслѣдователями и такъ какъ эти изслѣдованія производи-

¹⁾ Въ вслѣдованіе входятъ слѣдующіе уѣзды: темниковскій и тамбовскій — тамб. губ.; щигровскій, тимской, обоянскій, корочанскій, старооскольскій — курской губ.; кромскій — орловской губ.; воронежскій, задонскій, землянскій и острогожскій — воронежской губ.; аткарскій, вольскій, хвалыинскій и царичинскій — саратовской; бугульминскій, бугурусланскій, бузулуцскій и ставропольскій — самарской губерніи; а всего двадцать уѣздовъ шести губерній.

лись въ разное время, то неудивительно, что въ сборникахъ замѣчается нѣкоторое разнообразіе въ способахъ регистраціи матеріала. Для обработки это обстоятельство является, конечно, неудобнымъ, но мы постараемся сгладить все это, приурочивъ къ группамъ тѣ уѣзды, гдѣ изслѣдованіе производилось въ одинъ и тотъ же годъ. Начнемъ, конечно, съ размѣровъ обложенія.

Сколько бы ни утѣшали себя наши оптимисты, но крестьянинъ все-таки платитъ и до сихъ поръ не мало, а главное—не вполне соразмѣрно. Крестьянскіе платежи слагаются изъ разнаго рода податей и сборовъ. Разсмотримъ ихъ по тѣмъ разграниченіямъ, какія находимъ въ земскихъ сборникахъ. Въ нихъ всюду первую графу въ экономическихъ таблицахъ занимаютъ выкупные платежи, т.-е. или оброкъ помѣщику (до 1883 г.), или оброчная подать за земли бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Со времени пониженія подушной подати и раньше того этотъ видъ платежей составлялъ главное, такъ сказать, непосредственное обложеніе земли. Отождествляя въ одной графѣ выкупные платежи съ оброчной податью земскіе изслѣдователи нѣсколько грѣшили противъ логики, ибо не было основанія слагать цифры, относящіяся къ предметамъ, по своей природѣ крайне различнымъ. Но къ этому побуждалъ простой недостатокъ мѣста и то соображеніе, что оба налога при всей своей разницѣ падаютъ на одинъ и тотъ же объектъ обложенія. Гораздо крупнѣе была допущена ошибка во всѣхъ безъ исключенія изданіяхъ—во второй графѣ о платежахъ: въ нее подъ общее заглавіе „государственные платежи“ заносилась подушная подать *и* *люсь* госуд. поземельный налогъ. Это тѣмъ неудобнѣе, что, со дня уничтоженія подушной, цифры сборниковъ разныхъ лѣтъ оказались неудобосравнимыми. Для комбинацій приходится теперь по часту справляться съ табелями о поземельномъ налогѣ, исчислять на каждый случай, по числу десятинъ, сумму обложенія и путемъ вычитанія опредѣлять подушную. Ясно, что при подобныхъ вычисленіяхъ неминуемо закрадывается неточность, ибо поземельный налогъ по земской разверсткѣ, за прибылью земель по отдѣльнымъ уѣздамъ, не всегда соответствуетъ казеннымъ нормамъ обложенія. Не меньшая ошибка получается, если мы вздумаемъ опредѣлять подушную подать по казеннымъ росписямъ: нужное для такого опредѣленія число окладныхъ душъ хотя и имѣется въ сборникахъ въ особой графѣ, но число это, какъ извѣстно, подвержено постояннымъ колебаніямъ вслѣдствіе отчисленій и причисленій, производимыхъ казенными палатами.

Далѣе, въ третьей графѣ мы получаемъ данныя о земскомъ обложеніи. Къ сожалѣнію, здѣсь мы не видимъ даже и такого искусственнаго единства въ регистраціи, какое видѣли въ первыхъ двухъ

графахъ. Одиѣ бюро въ эту графу вводили всѣ безъ исключенія сборы, именно: уѣздный и губернской земскій сборъ, страховые отъ огня платежи по обязательному и добровольному страхованію и даже страховые отъ чумы за скоть. Другія, наоборотъ, выдѣляли страховые платежи особой графой, часто вовсе опускаая—чумные.

Въ четвертой графѣ заключается волостной сборъ, и въ пятой—сельскіе (мірскіе) расходы. Послѣдніе представляютъ немалую трудность для регистраціи. Во-первыхъ, по своей природѣ большинство этихъ расходовъ отбывается натурой; переводя натуральныя повинности на деньги, каждое бюро принимало свои нормы и примѣняло свои собственные приемы учета, причѣмъ ни то, ни другое не объяснялось. Во-вторыхъ, въ эту графу въ иныхъ мѣстностяхъ входятъ такія затраты со стороны крестьянъ, которыя нужно разсматривать скорѣе какъ чисто хозяйственныя предпріятія, ничего не имѣющія общаго съ обложеніемъ. Покупка, напр., за общій счетъ быка вовсе не должна разсматриваться особой статьѣй обложенія, хотя сборъ денегъ на этотъ предметъ, можетъ быть, и производился съ ревизскихъ душъ. Тѣмъ не менѣе сельскіе расходы слагаются въ земскихъ сборникахъ за-одно съ казенными податами и при расчетѣ среднихъ изъ итога не исключаются.

Затѣмъ, въ иныхъ сборникахъ слѣдуютъ данныя о недоимкахъ. Эти послѣднія вмѣщаются или всѣ въ одну графу, и тогда остается масса недоразумѣній, или разбиваются детально,—очевидно по официальнымъ даннымъ. Въ такихъ случаяхъ наиболѣе вѣрнымъ оказывается распредѣленіе, принятое курскимъ бюро: здѣсь недоимка разбита на казенную, земскую и страховую, но упущена изъ виду продовольственная, каковая имѣется въ сборникахъ самарскаго бюро.

Мы упомянули объ официальныхъ источникахъ: подъ ними разумѣются тѣ цифры, которыя значатся по вѣдомостямъ казначействъ, а не по податнымъ реестрамъ нашихъ деревень. Надо сказать, что регистрація недоимочности представляетъ непреодолимыя трудности: не разъ земскіе статистики пытались усчитать недоимку *снизу*, т.-е. на мѣстахъ изслѣдованія, и всѣ эти попытки оказались почти безплодными. Въ самомъ дѣлѣ, если у каждаго домохозяина при общемъ опросѣ требовать свѣденій, сколько за нимъ недоимки, положимъ въ 1 января текущаго года, то не всегда можно разсчитывать на получение отвѣта, во-первыхъ, потому, что крестьянинъ безъ справки по реестру не можетъ дать такого отвѣта; во-вторыхъ, во многихъ обществахъ имѣются такъ-называемыя скрытыя, безыменныя недоимки. Онѣ образуются благодаря растратамъ со стороны сборщиковъ податей. Если сборщикъ не сдастъ въ казначейство части собранныхъ денегъ, то по казначейскимъ вѣдомостямъ будетъ числиться не-

доимка, по деревенскому же реестру и дворовымъ платежнымъ книжкамъ такой скрытой недоимки не будетъ видно: она останется „безъ имени“, т.-е. ее нельзя выставить за тѣмъ или другимъ лицомъ. Правда, можно было бы пользоваться недоимочными списками, которые во многихъ мѣстахъ пишутся сборщиками къ 1 января; но такіе списки распространены не повсемѣстно, и земскіе изслѣдователи, и безъ того подавленные работой, не въ силахъ воспользоваться этимъ богатымъ матеріаломъ. Насколько этотъ матеріалъ заслуживаетъ вниманія, можно судить по работѣ одного полатного инспектора московской губерніи (клинско-волоколамскаго участка). Съ помощью такихъ списковъ инспекторъ обнаружилъ тотъ раньше незамѣченный фактъ, что недоимка скопляется главнымъ образомъ только на извѣстной группѣ домохозяевъ, тогда какъ большинство крестьянъ усиливается внести все слѣдующее бездоимочно. Контингентъ недоимщиковъ составляютъ преимущественно живущіе на сторонѣ, и главная причина накопленія недоимки лежала въ нынѣ упраздненной подушной подати. То же самое явленіе наблюдается и на центральномъ черноземѣ въ орловской и курской губерніяхъ съ переселенцами. Уходя въ томскую или тобольскую губернію на „новыя земли“, переселенецъ продаетъ свой участокъ, но затѣмъ душами своими онъ не перечисляется, чтобы избѣжать платежа подушной. Оброчная подать взъискивается съ покупателя, но подушная остается на обществѣ и изъ года въ годъ растетъ. Мѣстами пытались возложить и подушную подать на покупателей, но крестьянскія присутствія были противъ такой мѣры. Въ этомъ, между прочимъ, скрывается главная причина недоимочности богатыхъ однодворцевъ.

По земскимъ даннымъ, за немногими исключеніями, мы также не находимъ числа недоимщиковъ, что весьма важно для сужденій о распространенности недоимокъ. Эти данныя имѣются лишь по нѣкоторымъ уѣздамъ воронежской губерніи.

II.

Приступая къ анализу цифровыхъ данныхъ для вышеупомянутыхъ двадцати уѣздовъ великороссійскихъ губерній средней полосы Россіи, мы прежде всего должны замѣтить, что наше изслѣдованіе коснулось пятисотъ волостей—въ 6.107 общинъ, съ населеніемъ въ 572.576 дворовъ и 3.593.985 душъ обоого пола. Это населеніе владѣеть 7.420.718 десятинами надѣльной земли и ежегодно взноситъ 12.686.998 рублей въ видѣ платежей разныхъ наименованій.

Казна, а за нею и земство, не знаютъ единоличныхъ плательщи-

бовъ крестьянъ: платежною единицею или вѣрнѣе единицей обложенія является крестьянская община, или же административное общество. На среднюю общину двадцати уѣздовъ приходится 93,7 двора при 588 душахъ обоого пола, съ 1.215 десятинами земли. Замѣчательно то, что *чѣмъ крупнѣе община, тѣмъ она имѣетъ большіе тенденціи къ накопленію недоимокъ*. Въ бузудукскомъ, напримѣръ, уѣздѣ самарской губерніи всего въ 15 изъ 394 обществъ нѣтъ недоимки: эти исправныя общины имѣютъ въ среднемъ по 39 дворовъ, тогда какъ по уѣзду средняя община имѣетъ 151 дворъ и обременена недоимкой въ 2.047 руб., не считая продовольственной ссуды; въ бугурусланскомъ уѣздѣ той же губерніи на исправную общину приходится 22 двора, а на среднюю 126,3 дв. Съ другой стороны въ шигровскомъ уѣздѣ курской губерніи самыми недоимочными общинами являются наикрупнѣйшія въ уѣздѣ: въ 15 общинахъ, въ коихъ числятся болѣе 200 дворовъ, мы насчитываемъ 70.806 руб. недоимки, или 33,4% всей уѣздной недоимки. На одинъ дворъ въ этихъ крупныхъ общинахъ приходится 15 руб. недоимки, тогда какъ по уѣзду—всего 10 р. 80 коп. То же самое по хвалынскому уѣзду саратовской губ. Тамъ въ 43 общинахъ, имѣющихъ болѣе 200 дворовъ, приходится по 7 р. 10 к. недоимки на дворъ, а по уѣзду—5 р. 90. Если даже исключимъ въ этомъ уѣздѣ татарское селеніе Старую Зеленовку, имѣющую громадную недоимку въ 39.155 р., то и тогда отношеніе не измѣнится: за крупными селеніями будетъ 4 р. 80 к. недоимки на дворъ, а за среднимъ въ уѣздѣ—4 р. 60 к.

Все это легко объясняется тѣмъ, что въ крупныхъ селеніяхъ сильнѣе развито неравенство дворовъ и труднѣе установить такіе податные порядки, которые обезпечивали бы исправное поступленіе податей: здѣсь и растраты бывають чаще, ибо есть что растратить; наконецъ, и абсолютная величина окладовъ своими размѣрами способствуетъ къ запущенію абсолютно большей недоимки. Земскіе изслѣдователи кромѣ того усматривають въ крупныхъ общинахъ особыя неблагоприятныя условія для крестьянскаго благосостоянія. „Несмотря на значительный размѣръ надѣла (11,4 дес. на дворъ),—сообщаетъ Н. Вернеръ ¹⁾,—десятая часть всѣхъ домохозяевъ крупныхъ общинъ выселилась; около того же количества домохозяевъ перестали вести хозяйство; почти четверть всѣхъ домохозяевъ стали безлошадными; менѣе четверти домохозяевъ находятъ возможнымъ арендовать землю для усиленія своего бюджета, и какъ одно изъ частныхъ объясненій дурного состоянія хозяйства—средняя для 15 селеній растанутость

¹⁾ Сборн. стат. свѣд. кур. губ., вып. VIII, стр. XIII. Курскъ, 1885.

полей на 10 верстъ"! Къ этому присовокупимъ: все это самые первые недоимщики!

Переходя снова къ платежамъ, мы увидимъ изъ приведенныхъ выше цифръ, что на среднюю общину двадцати уѣздовъ приходится 2.077 р. 40 к. платежей всѣхъ наименованій. Понятно, что такое среднее ничего особеннаго собою не представляетъ. Совсѣмъ другое дѣло средня иного порядка. На десятину надѣльной земли падаетъ въ годъ 1 р. 79 коп. всѣхъ платежей. Нельзя считать такое обремененіе земли легкимъ. По отдѣльнымъ мѣстностямъ колебанія можно отмѣтить такими нисходящими:

	на десятину рублей:		на десятину рублей:
Щагровскій у.	3,2	Задонскій.	2,0
Староскопскій	3,0	Острогожскій	1,9
Корочанскій	3,0	Ставропольскій.	1,8
Кромскій.	2,9	Хвалыинскій	1,7
Тимскій	2,8	Аткарскій.	1,6
Воронежскій	2,7	Вольскій	1,2
Тамбовскій	2,6	Бугурусланскій.	1,2
Землянскій	2,6	Бугулузскій	1,0
Обоянскій ¹⁾	2,4	Бугульминскій	0,8
Темниковскій	2,3	Царицынскій.	0,6

Такимъ образомъ въ 11 уѣздахъ крестьяне платятъ болѣе двухъ рублей съ десятины, а въ трехъ—болѣе трехъ рублей. Какой рѣзкій контрастъ съ табелью государственнаго поземельнаго налога! Какъ извѣстно, за лучшую черноземную десятину по табели назначено всего 17 копѣекъ! Излишекъ въ обложеніи крестьянской земли долженъ выразиться всею суммою выкупныхъ платежей, волостнымъ сборомъ и мірскими расходами. Съ помощью нашихъ данныхъ весьма трудно сдѣлать расчетъ этого излишка, ибо въ земскій сборъ включены статистиками страховые платежи, которыхъ не несутъ частные землевладѣльцы. Безъ этого исключенія въ среднемъ на десятину земскихъ сборовъ падаетъ 23 коп., да если на нужды депутатскихъ собраній уходитъ по 10 копѣекъ, что вовсе не мало, то въ общемъ излишекъ выразится въ 1 р. 43 к. Эта сумма всецѣло падаетъ на земельную ренту крестьянскихъ надѣловъ.

По расчету на одинъ дворъ приходится всѣхъ платежей 22 р. 15 к. и на одну душу обоего пола (ѣдова) 3 р. 53 к. Последнюю

¹⁾ Обложеніе обоянскаго уѣзда надо считать нѣсколько выше 2,4 рубля, потому что въ сборникѣ уменьшены мірскіе расходы по причинѣ исключенія пастушьихъ, которые по другимъ уѣздамъ включались въ общій счетъ. По неизвѣстной причинѣ сельскіе расходы темниковскаго уѣзда показаны въ размѣрѣ всего 6.089 р., что почти невѣроятно.

сумму каждая душа должна удѣлить изъ своего годового пропитанія. Мы не станемъ приводить здѣсь среднія на ревизскую душу, такъ какъ съ отмѣной подушной значеніе такихъ среднихъ утратило всякій смыслъ, да оно и прежде мало его имѣло.

Выкупные платежи и оброчная подать въ 17 уѣздахъ ¹⁾ составляютъ 4.511.061 р. 40 к., или 40,7% всѣхъ платежей, а подушная подать съ государственнымъ поземельнымъ налогомъ—2.445.711 руб., или 22%. Такимъ образомъ государственные платежи составляютъ 62,7%, или почти двѣ трети всѣхъ платежей. Такъ какъ данныя, которыми мы пользуемся, относятся къ разному времени—отъ 1881 до 1885 года, именно къ такому времени, когда происходила постепенная отмѣна подушной подати, то понятно, что въ сборникахъ, заключающихъ болѣе раннія свѣденія, нѣкоторые платежи выше нинѣ существующихъ; такъ напр., въ сборники, вышедшіе до 1885 г., вошла подушная подать съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; наоборотъ, въ позднѣйшихъ изданіяхъ, какъ напр. въ сборникѣ по кромскому уѣзду, подушной уже нѣтъ даже и за государственными крестьянами.

Земское обложеніе, въ число коего вошли по многимъ уѣздамъ и страховые платежи, составляетъ ²⁾ 1.698.419 р. 10 к., или 15,4% всѣхъ платежей, лежащихъ на крестьянахъ. Въ среднемъ, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, на десятину падаетъ 22,8 копѣйки. По отдѣльнымъ уѣздамъ наблюдаются не безынтересныя колебанія: такъ въ тамбовскомъ уѣздѣ и ставропольскомъ земское обложеніе превышаетъ 17% общаго обложенія, а въ уѣздахъ аткарскомъ, кромскомъ и царичынскомъ оно едва больше 9%. Размѣръ земскихъ платежей на десятину достигаетъ максимум'а въ 49,8 копѣйки въ корочанскомъ уѣздѣ курской губерніи, затѣмъ въ пяти уѣздахъ центральныхъ губерній превышаетъ 40 копѣекъ, въ двухъ выше 30 к., въ четырехъ выше 20, и въ царичынскомъ ниспадаетъ до 5²/₁₀ копѣйки. Пониженіе идетъ почти въ томъ же порядкѣ, какой мы наблюдали выше при разсмотрѣніи размѣровъ общаго обложенія десятины. Последнее совпаденіе какъ бы указываетъ на нѣкоторое соотношеніе земскихъ платежей съ казенными платежами. Что земское обложеніе строилось на казенныхъ данныхъ—это не ново и особенно замѣтно въ первые годы существованія земства; была только та разница, что во избѣжаніе производства болѣе или менѣе точныхъ оцѣнокъ, какovy напр. работы казенныхъ кадастровыхъ комиссій, земства старались избѣжать расцѣнокъ земель и облагали десятину уѣзда въ

¹⁾ Въ трехъ уѣздахъ воронежской губ. государственные платежи не отдѣлены.

²⁾ По 18 уѣздамъ.

одномъ размѣрѣ. Со временемъ, когда обложеніе возрастало, во многихъ мѣстахъ начали приступать къ переоцѣнкамъ, но серьезныя работы въ этомъ направленіи исполнены только немногими земствами. Возрастаніе земскаго обложенія шло въ зависимости отъ величины площадей уѣздовъ: по крайней мѣрѣ, если смотрѣть на нынѣшнее обложеніе какъ на результатъ прежнихъ лѣтъ, мы найдемъ, что земское обложеніе тѣмъ меньше, чѣмъ площадь уѣзда абсолютно больше. Во всякомъ случаѣ однимъ истощеніемъ облагаемыхъ земель разницу въ обложеніи ихъ объяснить нельзя. Отсюда какъ логическое слѣдствіе вытекаетъ неравномѣрность, а быть можетъ и нѣкоторая несправедливость въ земскомъ обложеніи.

На содержаніе волостей въ 17 уѣздахъ выходитъ 633.975 р. 10 к., или 5,7% всѣхъ платежей. Въ среднемъ содержаніе одного волостного правленія обходится крестьянамъ въ 1.434 р. 33 к. За эти деньги содержится волостная администрація въ составѣ старшины и писарей, судъ, иногда фельдшеръ и училище. Можно впередъ сказать, что содержаніе волостей обходится крестьянамъ слишкомъ дорого: по расчету на десятину падаетъ 9¹/₂ копѣекъ, причемъ наблюдается опять слѣдующее: *чѣмъ пространство волостей больше, тѣмъ обложеніе меньше*. Поэтому желательно сокращеніе числа волостей, такъ какъ во многихъ уѣздахъ господствуетъ ничѣмъ необъяснимая дробность; въ вольскомъ и хвалынскомъ уѣздахъ, на примѣръ, есть немало волостей, состоящихъ изъ двухъ-трехъ селеній. Установленная закономъ норма для числа ревизскихъ душъ, могущихъ составить волость, давно устарѣла и служить только къ невыгодѣ крестьянъ.

Хотя мы и не можемъ теперь же коснуться подробно вопроса о волостныхъ и мірскихъ сборахъ, однако скажемъ мимоходомъ, что волостное обложеніе у насъ построено всюду почти исключительно на подушной системѣ, т.-е. объектомъ обложенія является ревизская окладная душа. Вслѣдствіе этого неравномѣрность и полная несправедливость здѣсь еще больше, чѣмъ въ земскомъ обложеніи; вся тягость содержанія волости лежитъ на бѣднѣйшей, малоземельной части крестьянскаго населенія, тогда какъ большеземельные пользуются значительной льготой. Теперь, когда подушная уничтожена, рождается вопросъ, какъ отнесутся крестьяне къ своему волостному обложенію: будутъ ли они держаться прежней подушной системы, или перейдутъ къ иной, и къ какой именно? Счетъ ревизскихъ душъ по казеннымъ палатамъ, въ силу закона 12-го іюня 1886 года, прекращенъ и въ практикѣ подушнаго волостного обложенія могутъ благодаря этому происходить серьезныя недоразумѣнія, а потому излишне было бы покончить законодательнымъ порядкомъ съ остатками подушной системы даже и въ такомъ обложеніи, какъ волостное. Намъ

кажется, не было бы ничего удивительнаго, еслибы законъ указалъ, что не слѣдуетъ больше взимать волостной сборъ съ ревизскихъ душъ; пусть крестьяне изыщутъ другой объектъ обложенія, будетъ ли то число десятинъ надѣльной земли, или число живущихъ и надѣленныхъ по послѣднему передѣлу душъ, или число работниковъ. Волостные сходы, сами по себѣ, не скоро достигнутъ измѣненія прежней системы, да и неизвѣстно, захотятъ ли достигать? И вотъ почему. На волостныхъ сходахъ первенствуютъ наиболѣе зажиточные крестьяне, „богатѣи“; исключительная же зажиточность чаще всего совпадаетъ съ несоотвѣтствіемъ подушной подати съ владѣніемъ землей. Очевидно, богатые всячески будутъ стараться задержать переходъ къ иной, не-подушной системѣ волостного обложенія; въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ есть однодворцы съ четвертнымъ владѣніемъ, ихъ уполномоченные на волостныхъ сходахъ будутъ также долго отстаивать подушную систему. Въ этомъ дѣлѣ нуженъ законодательный починъ: не обращать вниманія на неправильность хотя бы и ничтожнаго по своимъ размѣрамъ налога законодательство не можетъ, да и волостной сборъ, достигающій $9\frac{1}{2}$ коп. въ среднемъ, нивакъ нельзя считать ничтожнымъ.

Мірскіе сборы, въ томъ видѣ какъ они представлены въ земскихъ статистическихъ сборникахъ, составляютъ въ 17 уѣздахъ значительную сумму въ 1.785.969 руб. 60 коп., или $16,2\%$ всѣхъ платежей. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ волостными сборами составитъ $21,9\%$, или немного болѣе пятой части всѣхъ сборовъ. На одну общину приходится 333 р. 14 коп., на одну десятину 27 копѣекъ, на одинъ крестьянскій дворъ (домохозяйство) 3 р. 59 коп. Неоднократно твердили, что мірскіе расходы крестьянъ совсѣмъ излишне и производительно поглощаютъ массу крестьянскихъ денегъ. Справедливо ли это? Изъ 3 р. 59 к., падающихъ на дворъ, сравнительно небольшая часть (около 50 коп.) идетъ на содержаніе сельской администраціи, какъ-то: старосты, десятскихъ, сборщика; остальное идетъ на общественно-хозяйственныя нужды, которыя выполнить отдѣльному домохозяину, конечно, не подъ силу. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы свезти подати самому въ казначейство, потребуется истратить по крайней мѣрѣ цѣлыя рабочія сутки да прогнать лошадь 30—40 верстъ и потерять въ казначействѣ при сдачѣ безъ всякаго дѣла часа три; нужно кромѣ того и прокормиться въ городѣ; все это обойдется дороже содержанія сборщика. Нанять особаго пастуха для двухъ коровъ нѣтъ возможности; нанимая же обществомъ, корова обойдется 60—70 коп. За тѣ же деньги нанимаются лѣсной, полевой, церковный и училищный сторожа; нанимается квартира подъ сборную избу; отапливаются эта изба и училище; чинятся дороги, строятся мосты,

роются и поддерживаются колодцы, проводятся каналы, содержится пожарный обозъ и проч. Сверхъ того попивается и водка міромъ, безъ чего, какъ извѣстно, міру не обойтись. Ограничить свыше всѣ эти мірскія траты—значить, заглянуть въ такую область, изъ которой крестьянинъ сумѣетъ выжить всякаго. Тѣмъ болѣе это трудно, что мірскіе расходы имѣютъ за собой историческое прошлое, спорить съ которымъ безъ извѣстной ломки невозможно. Превосходной иллюстраціей можетъ служить одинъ древній историческій актъ, отъ декабря 1667 г. Это такъ-называемый „разрубникъ“; въ немъ мы между прочимъ читаемъ: „да мы-жъ крестьяне прирубили въ посадину воеводѣ и дьяку и въ праздничные поносы тридцать рублей двадцать алтынъ, да на всякій *мірской* расходъ десять рублей, да сборщику въ гонѣбные наемные деньги и въ мѣсечину дорубили три рубли, да земскому дьячку въ годовой наемъ дорубили два рубли, да земскому приставу въ годовой наемъ рубль, трапезнику дорубили за топленье и на дрова четыре гривны, итого прирубуб тридцать рублей, и всего обоего денегъ въ разрубѣ триста-шестьдесятъ-пять рублей, шесть алтынъ, полчетверти деньги; а тѣ деньги разрубуби на двадцать вытей и на три осмины, а на всякую выть по осминадцати рублей, а братъ тѣ деньги сборному старостѣ Семену Оксеновскихъ, а собравъ деньги съ насъ, крестьянъ, ему сборщику къ Устюгу отнести въ сѣвскую избу, а къ намъ въ міръ отписи принести и во всемъ міру отчетъ дать; въ томъ ему сборщику мы мірскіе люди и разрубуби дали“ и т. д. ¹⁾

Какъ видимъ еще въ тѣ времена, когда деревенская жизнь отличалась меньшею сложностью, на мірскіе расходы дѣлались „прирубуб“, превышавшіе 8% общаго обложенія.

Приведенное мѣсто изъ „разрубубика“ ясно освѣщаетъ какъ способъ раскладки мірского и казеннаго сбора, такъ и процедуру взиманія и взноса податей. Эти весьма интересные вопросы не пройдены безъ вниманія и новѣйшими земскими изслѣдователями. Въ каждой общинѣ статистики, кромѣ цифровыхъ данныхъ о податяхъ и мірскихъ расходахъ, записывали и способы раскладки и взиманія податей. Но къ сожалѣнію этотъ весьма интересный матеріалъ остается ненапечатаннымъ. Тѣ, что вышло въ свѣтъ, носятъ отпечатокъ бѣдности обобщеній или, наоборотъ, обнародовано совсѣмъ въ сыромъ видѣ. Разительный примѣръ того мы можемъ видѣть въ сборникѣ по елецкому уѣзду. Въ особыхъ примѣчаніяхъ тамъ по каждой общинѣ мы найдемъ цифровыя данныя о мірскихъ расходахъ, въ родѣ того, напр.: „старостѣ 20 р., сельскому писарю 25 р., церковному сторожу

¹⁾ Акты, относ. до юрид. быта, т. III, № 306, стр. 122.

4 р. 32 к., пастуху 40 р., ночному караульщику 20 р.⁴, и т. д. ¹⁾ Все это очевидно получено простымъ подсчетомъ тѣхъ записей, которыя, конечно, сдѣланы были на мѣстахъ совсѣмъ въ другомъ видѣ. При мѣстныхъ изслѣдованіяхъ записывается все такъ, какъ показываютъ сами крестьяне; у нихъ же весьма рѣдки такіе случаи, чтобы они сразу могли отвѣтить, сколько получаетъ ихъ староста или пастухъ. Напротивъ, крестьянинъ всегда дастъ отвѣтъ частичный, а не обобщенный: онъ скажетъ, что староста получаетъ по 7 коп. съ души или по 18 съ двора; что пастуху платятъ 20 коп. за корову, пятакъ за овцу, три дня кормятъ пастуха, да въ придачу по четыре аршина холста пастуху на рубаху; что ночной караульщикъ беретъ по двугривенному со двора, ибо дворы сторожить; полевой сторожъ три копейки съ десятины, ибо землю бережетъ; а церковный—гривенникъ съ души, ибо о душахъ-то именно и молится. Записанные цѣликомъ, эти отвѣты дадутъ богатый матеріалъ для изученія крестьянскихъ раскладовъ, и нужна чисто архивная работа для того, чтобы толково разобраться въ этой массѣ свѣденій.

Не только мірскія раскладки, отличающіяся великимъ разнообразіемъ основаній и способовъ, но и раскладки казенныхъ податей остаются до сихъ поръ неизслѣдованными въ земско-статистическихъ архивахъ; неизвѣстно даже, вездѣ ли собирались такого рода свѣденія. Такъ, тамбовское, саратовское и самарское бюро ничего не говорятъ по этому поводу. Другіе слишкомъ спѣшатъ съ выводами. Въ „Итогахъ“ по курской губерніи имѣется глава VIII, носящая громкое названіе: „крестьянскіе платежи“, но здѣсь на десяти страничкахъ составитель успѣлъ вмѣстить лишь самыя элементарныя свѣденія, для полученія коихъ вовсе нѣтъ надобности производить изслѣдованія, а прямо почерпнуть ихъ изъ общаго положенія о крестьянахъ. Вотъ образчики подобныхъ „итоговъ“: „непосредственное собираніе податей лежитъ на волостномъ и сельскомъ начальствахъ, т.-е. на старшинахъ, сельскихъ старостахъ и особыхъ, выбранныхъ крестьянами, сборщикахъ податей. Въ курской губерніи почти во всѣхъ обществахъ ведутся податные списки, въ которыхъ отмѣчаются мелкіе взносы каждаго домохозяина, а въ мелкихъ обществахъ, которыя не въ силахъ нанять писаря и гдѣ староста безграмотенъ, послѣдній дѣлаетъ особенныя зарубки на палкахъ (биркахъ?) плательщиковъ, обозначая этими зарубками размѣръ взноса; при томъ и другомъ способахъ происходитъ всегда путаница и пререканія между плательщиками и сборщикомъ. Сборъ податей, отчетность и

¹⁾ Сборн. стат. свѣд. по орловск. губ. т. II, елецк. у., стр. 91.

злоупотребленія сборщиковъ составляютъ слабое мѣсто въ порядкахъ крестьянскаго міра¹⁾ и т. д.—все въ томъ же родѣ.

Но вѣдь такимъ образомъ можно отозваться о какой угодно губерніи, а не объ одной курской. Есть въ „Итогахъ“ и прямыя неточности. Такъ, въ одномъ мѣстѣ сказано, что волостной сборъ „всегда налагается на ревизскія души“, между тѣмъ покровская волость щигровскаго уѣзда съ 1872 г. налагаетъ этотъ сборъ на десятину надѣльной земли. Ясно, что для составленія подобныхъ извѣстій статистическій матеріалъ вовсе не поднимался. Кромѣ этого неудачнаго показанія, въ „Итогахъ“ мы не найдемъ ни слова о способахъ раскладки податей, а между тѣмъ при господствѣ четвертой формы владѣнія землей въ курской губерніи и при тамошнихъ высокихъ платежахъ способы раскладки общающъ быть особенно интересными.

Нѣсколько обстоятельнѣе составлена глава о крестьянскихъ платежахъ въ „Сборникѣ“ по острогожскому уѣзду воронежской губерніи, но и здѣсь о технической сторонѣ раскладки податей сказано очень мало и очень поверхностно. „Благодаря исключительному господству общиннаго землевладѣнія въ острогожскомъ уѣздѣ,—пишетъ г-жа Щербина,—основной приѣмъ разверстанія платежныхъ повинностей отличается обычнымъ (?) своимъ характеромъ: подати дѣлятся по тѣмъ же самымъ душевымъ единицамъ, по которымъ распредѣляется и земля“²⁾. Но чтѣ значитъ, что основной приѣмъ разверстанія платежей отличается *обычнымъ* своимъ характеромъ? Чтѣ разумѣется подъ словомъ: „обычный“? А именно обычнаго характера разверстки мы и не знаемъ; по крайней мѣрѣ въ „Сборникѣ“ по острогожскому уѣзду онъ не описанъ вовсе: о немъ трактуется, какъ о предметѣ всѣмъ давно извѣстномъ. И самъ авторъ впадаетъ въ какую-то неопредѣленность; онъ чувствуетъ, что основное его положеніе колеблется, иначе онъ не ввелъ бы нижеслѣдующей поправки къ приведеннымъ выше его словамъ. Онъ говоритъ: „но болѣе равномерная разверстка земли не исключаетъ еще тѣхъ или другихъ мелочныхъ затрудненій, всегда встрѣчаемыхъ обыкновенно (?) на практикѣ въ такихъ дѣлахъ, какъ распредѣленіе денежныхъ повинностей“³⁾. И здѣсь „затрудненія, всегда встрѣчаемая обыкновенно“, не получили должнаго разъясненія. Ясно, что въ острогожскомъ „Сборникѣ“ въ главу о платежахъ вошло очень много готовыхъ положеній, не свѣренныхъ съ фактами мѣстныхъ изслѣдованій⁴⁾.

¹⁾ Итоги, стр. 283.

²⁾ Сборн. стат. свѣд. по ворон. губ., т. II, вып. II, стр. 350.

³⁾ Тамъ же, стр. 351.

⁴⁾ Въ нѣкоторыхъ сборникахъ, напр. по атгарскому и друг., въ таблицахъ,

Тѣмъ, кто будетъ призванъ создавать новыя основанія для земскаго обложенія, кто путемъ мѣстныхъ непосредственныхъ наблюденій изучаетъ органической строй крестьянской жизни, кто почти главною цѣлью своею полагаетъ отысканіе платежеспособности деревни, однимъ словомъ, кто занимается земско-статистическими изслѣдованіями,—тѣмъ не слѣдуетъ обходить столь важнаго вопроса сельской жизни, какъ вопросъ о крестьянскомъ обложеніи.

III.

Перейдемъ теперь къ цифрамъ крестьянской недоимочности. Взятые нами по необходимости двадцать уѣздовъ имѣютъ недоимку въ 7.009.864 рубля. Это число получилось въ трехъ уѣздахъ изъ казенной, земской и страховой недоимокъ, при чемъ изъ сборниковъ видно, что продовольственная недоимка не вошла въ этотъ счетъ. Затѣмъ въ трехъ уѣздахъ—изъ казенной и земской, при чемъ неизвѣстно, вошла ли въ послѣднюю страховая недоимка; въ четырехъ—изъ казенной, земской и продовольственной; и наконецъ въ семи уѣздахъ просто сказано безъ всякихъ поясненій: „недоимка“. Этотъ разнообразный матеріалъ, получившій свой странный характеръ вслѣдствіе разнообразія способовъ регистраціи данныхъ, можно раздѣлять на слѣдующія категоріи по тринадцати уѣздамъ: 2.733.604 р. казенной недоимки; 752.738 р. земской; 133.890 страховой, и 1.738.977 р. продовольственной. Иначе говоря, казенная недоимка составляетъ 51,1⁰%, или болѣе половины, земская съ страховой—16,9⁰%, и продовольственная—32⁰%. Исключая продовольственную вовсе изъ счета для двадцати уѣздовъ, мы опредѣлимъ недоимку въ 5.270.887 рублей. Такъ какъ о недоимкахъ волостного сбора свѣденій нѣтъ, а недоимки по мірскимъ сборамъ очевидно и быть не можетъ, ибо въ случаѣ „недохватки“ на предположенную смѣту сельскіе расходы просто сокращаются ¹⁾, то изъ общаго количества будетъ правильнѣе исключить волостные и мірскіе платежи, и въ остающейся суммѣ искать сравненія и основанія помянутой недоимки. Мы знаемъ, что казенныхъ и земскихъ платежей получается въ годъ съ восемнад-

нётся графа съ числомъ мірскихъ раскладочныхъ единицъ. Эти цифры относятся къ распредѣленію по подушной системѣ и обыкновенно не сходятся съ казенными оладными душами только послѣ передѣловъ. Эти данныя мало освѣщаютъ вопросъ о раскладѣхъ податей.

¹⁾ Недоимка всегда предполагаетъ двѣ стороны, двухъ, такъ сказать, контрагентовъ: должника и кредитора. Ясно, что въ сельскихъ расходахъ общество само себя кредиторомъ не можетъ быть.

пяти уѣздовъ 9.235.151 р. 50 к.; изъ этой суммы 4.470.496 р. пребываетъ въ недоимкѣ. Слѣдовательно, крестьянская недоимочность можетъ быть выражена такими относительными числами: она составляетъ 48,4% годового оклада, т.-е. за каждой тысячею рублей оклада состоитъ недоимка въ 484 рубля, а за сорока-милліоннымъ окладомъ новыхъ выкупныхъ платежей съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ мы всегда можемъ предполагать болѣе 19 милліоновъ недоимки! И это не одно предположеніе какого-нибудь статистика, а голый фактъ, поражающій своею безпощадностью. Мы не говоримъ, конечно, что 48,4% оклада остается ежегодно; нѣтъ, эта недоимка собралась за много лѣтъ путемъ постепеннаго накопленія, такъ сказать по каплѣ изъ года въ годъ, подъ давленіемъ всей совокупности неблагоприятныхъ условій сельской жизни. Въ числѣ этихъ неумолимыхъ условій и недороды, и дешевизна сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, и ихъ же дороговизна, и безработица, и ночныя смѣны на фабрикахъ; тутъ же и баснословная арендная плата за землю, и кабацкій процентъ за заложенную въ роковой часъ крестьянскую худу; тутъ же и чума на скотѣ и дифтеритъ на дѣтяхъ. Тутъ наконецъ и само обложеніе: то, что крестьянинъ называетъ „податишками“, вовсе не заслуживаетъ такого презрительнаго имени...

Такимъ образомъ съ крестьянской десятины, кромѣ 1 р. 79 к. оклада, въ двадцати уѣздахъ слѣдуетъ еще дополчить по 71 копѣйкѣ недоимки, не считая долговъ по продовольственной ссудѣ.

По десяти уѣздамъ, въ сборникахъ, по которымъ есть возможность отдѣлить казенную недоимку отъ земской ¹⁾, недоимки въ общей сложности составляютъ 60,9% къ годовому окладу, но къ казенному окладу казенная недоимка относится какъ 56,4 къ 100, земская же какъ 78,8, несмотря на то, что земскіе оклады и абсолютно, и относительно меньше казенныхъ. Это объясняется очень просто: полиція, наблюдающая за поступленіемъ всякаго рода сборовъ и отвѣчающая за накопленіе недоимокъ, всѣми силами, конечно, старается очищать казенные оклады, и на образованіе земскихъ недоимокъ обращаетъ уже менѣе вниманія. Въ дѣлѣ взысканія податей въ наше время великую роль играетъ понятное соображеніе, а потому сборщики пишутъ объявленія въ казначейство прежде всего на казенные оклады, а затѣмъ уже на земскіе и послѣ всего на страховые. Послѣдніе всюду служатъ въ нѣкоторомъ родѣ вспомогательнымъ фондомъ: страховые взносы исправныхъ домохозяевъ часто поступаютъ въ погашеніе казенныхъ окладовъ неисправныхъ плательщиковъ,

¹⁾ Эти уѣзды слѣдующіе: тамбовскій, темниковскій, коротчанскій, старооскольскій, тимскій, щигровскій, бугульминскій, бугурусланскій, бузулукскій и ставропольскій.

Происходитъ запутанность, заключающаяся въ томъ, что за обществомъ числится страховая недоимка въ размѣрѣ трехъ-четырехъ годового оклада, а въ обществѣ больше половины хозяевъ выплатили до копѣйки по всѣмъ статьямъ обложенія. Отсюда понятна разница въ 22,4% между казенною и земскою недоимочностью крестьянъ. Тѣмъ же самымъ объясняется и существованіе особыхъ казенныхъ недоимокъ: по счетамъ казначейства казенной недоимки вовсе и нѣтъ, а по мірскимъ реестрамъ она значится почти за каждымъ дворомъ, только покрыта земскими окладами, каковыя должны оказаться въ недоимкѣ. Крестьяне нашихъ девятнадцати уѣздовъ могутъ смѣло не внести 22,5% казеннаго оклада и все-таки казенной недоимки не будетъ ясно видно; но какъ только они превысятъ эту норму, казенная недоимка изъ скрытой станетъ явной. По отношенію къ отдѣльному обществу это явленіе можно прослѣдить съ поразительною ясностью. Въ каждомъ обществѣ существуетъ группа исправныхъ домохозяевъ: она очищаетъ всѣ статьи до копѣйки; стало быть ихъ земскіе оклады пойдутъ на покрытіе казенныхъ окладовъ недоимщиковъ; по вышеприведенному расчету изъ 100 рублей, поступившихъ отъ исправныхъ плательщиковъ, 22 рубля 50 коп. окажутся въ скрытой недоимкѣ. Въ числѣ изслѣдуемыхъ нами уѣздовъ есть одинъ, корочанскій, гдѣ скрытая недоимка только-что обнаружилась: тамъ казенная недоимка достигла всего 1.864 р. при 12.381 р. земской. По расчету на одинъ дворъ приходится въ томъ уѣздѣ 23 р. 90 к. казенныхъ и земскихъ платежей, при чемъ земскіе равняются всего 4 р. 90 к. Если допустимъ, что 12.381 р. земской недоимки составляютъ результатъ скрытыхъ казенныхъ недоимокъ, то не трудно высчитать, что такое количество скрытой недоимки могло получиться при 2.526 полныхъ взносахъ, и такъ какъ корочанская недоимка значится всего по тремъ волостямъ, имѣющимъ 5.599 дворовъ, то можно предположительно заключить, что въ этихъ волостяхъ 45,1% всѣхъ домохозяевъ вполне исправны по взносу податей. Въ другихъ болѣе недоимочныхъ уѣздахъ наблюдается меньшая исправность; данныя, сюда относящіяся, имѣются лишь по двумъ уѣздамъ воронежской губерніи: тамъ прямо показано число недоимщиковъ, и по расчету выходитъ 27,6% исправныхъ плательщиковъ въ задонскомъ уѣздѣ и 13% въ землянскомъ; сообразно съ этимъ обнаруживается и количество недоимки на наличный дворъ: въ первомъ уѣздѣ ея 15 р. 60 к., во второмъ—21 р. 90 к. ¹⁾ Ясно, что при такой недоимочности скрытыя недоимки давно обнаружилась.

¹⁾ Сборн. стат. свѣд. по ворон. губ., т. III, вып. I, стр. 266, и т. IV, вып. I, стр. 99.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о размѣрахъ недоимокъ по отдѣльнымъ уѣздамъ.

Всѣ двадцать уѣздовъ по казенной и земской недоимочности можно раздѣлить на 6 группъ. Въ трехъ уѣздахъ мы видимъ болѣе 85% годового оклада въ недоимкѣ. Maximum приходится на бугурусланскій уѣздъ самарской губерніи и достигаетъ 94%. Кромѣ того за этимъ уѣздомъ считается болѣе двухсотъ тысячъ продовольственной ссуды, такъ что общій долгъ превышаетъ миллионъ рублей. Далѣе, къ этой группѣ относятся землянскій и задонскій уѣзды воронежской губерніи. Ко второй группѣ, отъ 40 до 60%, относятся также три уѣзда: ставропольскій (57,8%) и бузулукскій (56,8%) самарской губерніи и темниковскій (42,6%) тамбовской. Сверхъ того за бузулукскимъ уѣздомъ 836.047 р. продовольственной ссуды, такъ что общій долгъ превышаетъ полтора миллиона. Затѣмъ въ семи уѣздахъ мы находимъ отъ 30 до 40%. Въ этой группѣ первенствующее мѣсто занимаетъ черноземнѣйшій уѣздъ центральной Россіи—щигровскій (39,9%), потомъ идутъ аткарскій (39,2%), тамбовскій (38,5%), староскольскій (35,5%), бугульминскій (35,1%), кромскій (32,9) и острогожскій (32,1%). Въ четвертую группу, отъ 20 до 30%, входятъ три уѣзда: хвалынскій (27,9%), тимскій (22,0) и воронежскій (20,2). Къ пятой группѣ, отъ 10 до 20%, относится всего лишь одинъ царичинскій, имѣющій 13,6%. И наконецъ, къ шестой группѣ—остальные три уѣзда: обоянскій (4,4%), вольскій (4,1%) и корочанскій (2,4%).

Если разобьемъ уѣзды на группы по количеству недоимки, падающей на дворъ, то найдемъ, что въ одномъ уѣздѣ (землянскомъ) приходится среднимъ числомъ болѣе 20 рублей на одинъ дворъ (21 р. 90 к.); въ двухъ уѣздахъ (бугурусланскомъ и задонскомъ)—отъ 15 р. до 20 р.; въ трехъ—отъ 10 до 15; въ девяти уѣздахъ—отъ 5 до 10 р.; въ трехъ—отъ 1 р. до 5 рублей, и наконецъ въ двухъ, вольскомъ и корочанскомъ, менѣе одного рубля.

Тамъ, гдѣ есть необходимыя свѣденія, мы видимъ, что на одинъ недоимочный дворъ, по землянскому напр. уѣзду, приходится 25 р. 20 к. недоимки и по задонскому—20 р. 60 к. ¹⁾

Вообще недоимка имѣетъ постоянную тенденцію роста на известной группѣ домохозяевъ. Для иллюстраціи уважемъ на одно одновороческое селеніе щигровскаго уѣзда. За Новой Слободой, владѣющей землей въ трехъ различныхъ дачахъ въ количествѣ 2671,3 десятины, къ 1 января 1884 г. числилось 3.271 рубль недоимки. Черезъ два года мы видимъ уже недоимку въ 11.051 р. 58 к. и изъ

¹⁾ О курской недоимкѣ см. экон. журналъ 1887. №№ 11—12 стр. 59. И въ этой губерніи на недоимщика падаетъ 24 р. 85 к.

428 статей 338, или 78,1%, съ недоимкой. Не считая 13 случаевъ, гдѣ недоимка не достигаетъ одного рубля на одну недоимочную статью, приходится крупная сумма въ 34 р. 50 к., въ отдѣльныхъ же случаяхъ недоимка превышаетъ 248 р. Если распредѣлить недоимщиковъ по величинѣ недоимки въ отношеніи къ окладу домохозяевъ, то получится такая картина:

въ недоимкѣ менѣе половины оклада . . .	у 59	хозяевъ.
„ „ болѣе половины оклада . . .	у 36	„
„ „ болѣе одного годового оклада у 105	„	„
„ „ болѣе двухъ годовыхъ окладовъ у 29	„	„
„ „ „ трехъ	у 30	„
„ „ „ четырехъ	„ 18	„
„ „ „ пяти	„ 13	„
„ „ „ шести	„ 7	„
„ „ „ семи	„ 10	„
„ „ болѣе восьми	„ 6	„
„ „ болѣе девяти	„ 2	„
„ „ болѣе десяти	„ 4	„

Затѣмъ болѣе 11 окладовъ у одного; у одного же болѣе 14 окладовъ; у двухъ болѣе 16; у одного болѣе 17¹/₂, и у одного наконецъ болѣе 21 оклада. Значитъ послѣдній не платилъ около 22 лѣтъ. За десятью недоимщиками, не платившими болѣе десяти лѣтъ, числится 842 р. 14 к. недоимки, или по 84 р. 21 к. на дворъ: все это самые безнадежные плательщики, которымъ и платить-то не съ чего. За однимъ, напр., считается ⁵/₈ десятины четвертной земли, за которую приходится платить 93³/₄ коп., да за три души 8 р. 19 коп. Несоответствіе подушной съ поземельнымъ владѣніемъ такъ велико, что за хозяиномъ накопилась недоимка въ 101 р. 98 к. За другимъ 3³/₈ десятины съ платежемъ въ 5 р. 80 к., да 4¹/₂ души, за кои взимается 12 р. 28 к.,—недоимки 189 р. 23 к. и т. д. Переводя вышеприведенныя абсолютныя цифры въ относительныя величины, получимъ: 3,1% составляютъ самые застарѣлыя недоимщики, имѣющіе недоимку болѣе чѣмъ за десять лѣтъ; это и крупнѣйшіе въ селеніи. Затѣмъ 11,7% недоимщиковъ, недоимка коихъ въ 5—10 разъ болѣе оклада; 23,7% отъ 2 до 5 окладовъ; 32,3% съ недоимкой, превышающей годовой окладъ, и 29,2% съ недоимкой менѣе годового оклада. Какъ видимъ, 61,5% недоимщиковъ даютъ двѣ послѣднія группы; иначе говоря, преобладаетъ недоимка въ одинъ годовой окладъ, но это можетъ объясняться случайными причинами, дѣйствовавшими на платежеспособность крестьянъ въ 1885. Центръ тяжести все-таки лежитъ на застарѣлыхъ недоимщикахъ. Распредѣляя недоимщиковъ того же селенія по величинѣ недоимки, найдемъ, что 4,1% должны были менѣе рубля; 29,5% до 10 рублей; 42,5% отъ 10 р. до 50; 17,1% отъ 50

до 100 р., и 6,8% болѣе 100 р. Послѣдняя группа, несмотря на свой малый составъ (22 домохоз.), имѣеть за собой 2.916 р. 23 к. недоимки, что даетъ 26,4% всей недоимки селенія.

IV.

Въ заключеніе, прослѣдимъ, какъ распредѣляется недоимка по общинамъ. Въ девятнадцати упомянутыхъ уѣздахъ ¹⁾ изъ 5.901 общины мы находимъ всего 1.352 такихъ, за коими недоимокъ не числится; слѣдовательно только 22,9% всѣхъ общинъ могутъ быть признаны вполнѣ исправными; на одну неисправную общину приходится 1.155 р. 56 к. казенной и земской недоимки. Такое распространеніе недоимокъ можетъ считаться почти повсемѣстнымъ. Есть уѣзды, въ которыхъ недоимка имѣется почти за каждымъ селеніемъ: такъ напр. въ бузулукскомъ—уѣздѣ изъ 379 общинъ всего въ 15-ти нѣтъ недоимокъ; въ бугурусланскомъ изъ 396 только въ четырехъ. Въ пяти уѣздахъ въ сборникахъ, по которымъ недоимка раздѣлена на казенную и земскую, мы видимъ такое распредѣленіе селеній по недоимкѣ: 458 общинъ, или 22,7%, не имѣютъ недоимки; вообще; 417 общинъ, или 20,6%, имѣютъ только земскую недоимку, и 1.147, или 56,7% имѣютъ казенную и земскую. Общины, имѣющія только земскую недоимку, конечно, находятся въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ общины съ казенной недоимкой.

Сравнивая распредѣленіе недоимокъ по разрядамъ крестьянъ, мы замѣчаемъ, что наиболѣе зажиточные разряды не всегда имѣютъ меньшую недоимку; мѣстами даже наоборотъ они отличаются своею недоимочностью, напр. богатые однодворцы. Такъ, въ старооскольскомъ уѣздѣ на четвертной десятинѣ лежитъ 1 р. 40 к. недоимки, тогда какъ на собственникахъ изъ помѣщичьихъ 1 р. 10 к. Въ тимскомъ и щигровскомъ на однодворческой десятинѣ недоимокъ лежитъ всего на гривенникъ меньше, чѣмъ на десятинѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ вольскомъ уѣздѣ на домохозяинѣ изъ государственныхъ крестьянъ тяготѣеть недоимка въ 3 р. 40 к., а на собственникѣ изъ помѣщичьихъ—всего 2 р. 40 к. Въ ставропольскомъ уѣздѣ на душево-четвертныхъ владѣльцахъ числится недоимка въ 1 р. 90 к. съ десятины, на собственникахъ—2 р. 30 к. На государственномъ крестьянинѣ аткарскаго уѣзда лежитъ 13 р. 40 к. недоимокъ, а на собственникѣ—4 р. 60 к. и т. д. А между тѣмъ бывшіе помѣщичьи крестьяне, въ особенности до отмѣны подушной подати, были обременены

¹⁾ Кромѣ корочанскаго.

платежами гораздо сильнѣе государственныхъ крестьянъ и въ особенности однодворцевъ. Это явленіе объясняется, по нашему мнѣнію, господствомъ общинной формы владѣнія землей у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Сколько бы ни говорили про то, что община у этого разряда крестьянъ непрочна, искусственна, малосильна, все-таки она тамъ вполне обеспечиваетъ извѣстный порядокъ, при которомъ легче отбывать повинности, чѣмъ при тѣхъ порядкахъ, которые заведены у четвертныхъ однодворцевъ. Тамъ, гдѣ у государственныхъ крестьянъ имѣется община, они, конечно, исправнѣе собственниковъ изъ помѣщичьихъ: такъ, по острогожскому уѣзду на дворъ собственника падаетъ 21 р. 90 к. недоимки, на государственнаго же (душевого владѣльца)—всего 3 р. 30 к.

Если обратимся къ групповымъ таблицамъ о крестьянахъ задонскаго и землянскаго уѣздовъ воронежской губерніи, то найдемъ немало интересныхъ выводовъ о распредѣленіи недоимокъ. Такъ напр. въ группировкѣ домохозяевъ по размѣрамъ землевладѣнія мы наблюдаемъ замѣчательное явленіе: чѣмъ у домохозяина больше земли, тѣмъ болшую сумму (абсолютно) онъ имѣетъ въ недоимкѣ. За безземельными домохозяевами помннутыхъ двухъ уѣздовъ числится въ среднемъ на дворъ 12 рублей недоимки; за имѣющими до 5 десятинъ (малоземельными)—15 рублей; за имѣющими отъ 5 до 15 десятинъ (средніе)—недоимки 25 р. 40 к.; за имѣющими отъ 15 до 25 десятинъ—по 35 р. 10 к. недоимки и у домохозяевъ, имѣющихъ болѣе 25 десятинъ—44 р. 70 к. недоимки на дворъ. Значитъ, недоимщики тѣмъ крупнѣе, чѣмъ крупнѣе ихъ владѣніе землей, при чемъ распространеніе недоимокъ почти одинаково: какъ у малоземельныхъ 79,7% недоимщиковъ, такъ и у многоземельныхъ 78,1 и 71,5% (свыше 25 дес.). У среднихъ домохозяевъ недоимка распространена шире—84,5%, и наоборотъ, у безземельныхъ всего 28%. Но надо принять во вниманіе, что безземельные свободны отъ всякаго обложенія, и остающаяся на нихъ недоимка въ размѣрѣ 1.441 р. есть остатокъ прежнихъ лѣтъ. Діаметрально-противоположно вышеприведеннымъ процентамъ идутъ размѣры недоимокъ по группамъ. У малоземельныхъ на 100 рублей оклада приходится 133 р. 90 к. недоимки, что прямо указываетъ на тяжелыя послѣдствія малоземелья. У среднихъ домохозяевъ 92 р. 30 к., у многоземельныхъ младшей группы 64 р. 20 к. и, наконецъ, у самыхъ многоземельныхъ 46 р. 80 к. Уже одно такое послѣдовательное уменьшеніе свидѣтельствуетъ о тѣснѣйшей связи между количествомъ земли и величиной недоимокъ; вся платежеспособность крестьянъ опредѣляется такимъ образомъ ихъ землевладѣніемъ. Всѣ остальные факторы отдаляются на второй планъ и подобной послѣдовательности мы больше уже не

встрѣтимъ. Если произведемъ расчетъ недоимокъ на десятину, то и тутъ встрѣтимъ то же самое: у малоземельныхъ на десятину числится 3 р. 30 к. недоимки, у среднихъ—2 р. 30 к., у большеземельныхъ—1 р. 40 к. и 1 рубль; обремененіе же окладами почти одинаково: у первыхъ двухъ группъ на десятину падаетъ 2 р. 50 к. и у двухъ послѣднихъ—2 р. 20 к.

Итакъ, чѣмъ больше за домохозяиномъ надѣльной земли, тѣмъ меньше на ней недоимки, хотя по абсолютной суммѣ большеземельные всегда имѣютъ крупнѣйшія недоимки. Процентъ недоимщиковъ болѣе или менѣе одинаковъ, но сама недоимка по отношенію къ окладу тѣмъ больше, чѣмъ малоземельнѣе плательщикъ.

Перейдя къ другой группировкѣ, напр. къ группировкѣ хозяйствъ съ батраками, безъ батраковъ и съ нанимающимися въ батраки, мы уже не встрѣтимся съ такой правильностью соотношеній, каковую видѣли въ группахъ землевладѣнія. Семьи съ батраками имѣютъ 70,8% недоимщиковъ и 23,4 рубля на недоимочный дворъ; семьи безъ батраковъ 83,1% недоимщиковъ при такой же недоимкѣ, какъ и въ первой группѣ; наконецъ, въ семьяхъ, высылающихъ изъ своей среды наемныхъ батраковъ, недоимщиковъ 75,3%, т.-е. меньше, чѣмъ во второй группѣ, и только величина недоимки въ 27 р. 50 к. проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, что эта группа находится въ наиболѣе худшихъ условіяхъ. Съ безлошадными еще больше неясностей: по установившимся понятіямъ безлошадный крестьянинъ представляется сельскимъ паріемъ. Можетъ быть, это и такъ, но со стороны недоимочности по крайней мѣрѣ крестьяне землянскаго уѣзда (а о нихъ только и имѣются свѣденія этого рода) представляются въ болѣе благопріятномъ видѣ, чѣмъ вообще средній крестьянскій дворъ. Такъ, процентъ недоимочныхъ дворовъ у безлошадныхъ равняется всего 85,9%, тогда какъ въ среднемъ по уѣзду 87,0%; на безлошадный недоимочный дворъ падаетъ 20 р. 40 к. недоимки, а на средній—25 р. 20 к.

Все это доказываетъ важное положеніе, которое мы позволяемъ себѣ подчеркнуть: *объектомъ обложенія крестьянъ должна быть только земля*, а никакъ не рабочая сила, выраженная въ батрачествѣ или инымъ образомъ, и не иное какое-либо имущество въ родѣ лошади или коровы; ибо платежеспособность крестьянъ съ точностью опредѣляется только размѣрами землевладѣнія. Этотъ выводъ является безспорнымъ по отношенію къ двадцати уѣздамъ. Если есть мѣстности, гдѣ преобладаетъ потягальное отношеніе къ землѣ и, стало быть, платежеспособность опредѣляется рабочею силою семей, то происходитъ это только вслѣдствіе того, что при наложеніи податей недостаточно взвѣсили ихъ тягость по отношенію къ силамъ кормящей

земли-матери, и она отъ этого сдѣлалась мачихой. Приведите платежи въ соразмѣрность съ доходностью земель, и потягольная разверстка податей уступить мѣсто владѣльческой.

Противъ высказаннаго нами положенія имѣется серьезное возраженіе со стороны саратовскихъ изслѣдователей. Въ сборникѣ по хвалынскому уѣзду ¹⁾ они прямо заявляютъ, что „размѣръ надѣла не играетъ повидимому никакой роли въ величинѣ недоимокъ“. Этотъ выводъ сдѣланъ на основаніи сопоставленій недоимочности съ среднимъ количествомъ земли на дворъ для каждой волости и затѣмъ, какъ подтвержденіе, приведены опять-таки среднія для разрядовъ крестьянъ русскаго племени. Намъ кажется, что столь неестественный выводъ получился единственно потому, что весь онъ строился на среднихъ и при томъ такихъ, которыя какъ мы видѣли, показываютъ только размѣръ недоимки какъ таковой, а вовсе не самую недоимочность. При иномъ расположеніи тѣхъ же самыхъ данныхъ мы получимъ нѣсколько иную картину. Затѣмъ допущенъ былъ и другой произволъ со стороны саратовскихъ изслѣдователей: они смѣшали окладную недоимку съ продовольственной; послѣ этого слѣдовало бы присоединить еще и частные долги крестьянъ, но тогда пришлось бы говорить уже не о недоимочности, а просто о задолженности крестьянъ. Вводя продовольственныя ссуды, мы не можемъ высчитать отношеніе недоимокъ къ годовому окладу, а этотъ именно расчетъ — одинъ изъ главныхъ. Сверхъ всего этого по хвалынскому уѣзду упущены почему-то изъ виду недоимки по страховымъ платежамъ, а онѣ, какъ мы видѣли, составляютъ вспомогательный фондъ для казенныхъ окладовъ и недоимки въ послѣднихъ часто ими прикрываются. Введя нѣкоторыя исправленія въ этомъ смыслѣ и принявъ болѣе подходящія среднія, мы получимъ такой рядъ комбинацій, при которомъ сдѣланный саратовскими изслѣдователями выводъ сильно пошатнется.

	земли на дворъ:	платежей на десятъ:	недоимокъ на десятъ:	% къ окладу:
Дарственники	2,8	22 к.	9 к.	39,3%
Четвертные	7,8	183 „	51 „	27,8
Собственники	8,7	165 „	37,6 „	22,7
Полине собств. (всего 165 дворовъ)	13,8	45 „	0 „	0
Душево-четвертные	14,2	123 „	104 „	84,3
Душевые	15,2	140 „	23,6 „	16,2

Какъ видимъ, соответствіе между величиной надѣла и недоимочностью обнаруживается довольно явственно. Изъ послѣдней группы мы исключили Старую Зеленовку: если ее ввести, то число 23,6 за-

¹⁾ Т. V, 1886, стр. 138.

мѣняется 40,3 и 16,2—28,7. Но это селеніе татарское, а татары—по отзывамъ самихъ же изслѣдователей—отличаются чрезмѣрной недомочностью; присутствіемъ ихъ, между прочимъ, объясняется и повышенная недоимка у душево-четвертныхъ.

Итакъ, значеніе землевладѣнія для насъ остается внѣ сомнѣній. Интересно теперь прослѣдить, хотя бы бѣгло, отношеніе платежей и недоимокъ къ доходности земель. Для этого воспользуемся данными, опубликованными въ нѣкоторыхъ сборникахъ. Давно уже замѣчено то явленіе, что крестьяне тѣмъ больше дорожатъ своими надѣлами, чѣмъ меньше обременены они платежами. Платежи, превышающіе доходность надѣла, дѣлаютъ его буквально постылымъ. По царичинскому уѣзду саратовской губерніи изслѣдователи нашли до 60% общинъ, „гдѣ надѣлъ не окупаютъ платежами“. Въ другихъ мѣстностяхъ доброкачественность земли выше, почему платежи являются болѣе легкими. Но все-таки доходность крестьянскихъ земель всегда ниже доходности частно-владѣльческихъ. Объясняется это многими причинами, говорить о которыхъ здѣсь не мѣсто. Достаточно указать на нѣкоторыя особенности арендованія крестьянскихъ надѣловъ. „Сдача надѣльной земли,—пишутъ самарскіе статистики ¹⁾,—производится обыкновенно осенью или зимою, когда собираются подати, взимаются недоимки и т. д. и всегда за наличныя деньги, притомъ на 1—2—3 рубля дешевле внѣ-надѣльной, такъ какъ сдается по нуждѣ, а въ иныхъ мѣстахъ къ тому же и земли плохого качества. Средняя цѣна десятины крестьянской надѣльной земли выведена нами по уѣзду (бузулукскому) въ 3 р. 10 к., которая колеблется отъ 1 руб. 20 к. до 6 р. 20 к.“ „При сдачѣ земли цѣлыми надѣлами земли эти обходятся еще дешевле, такъ какъ сдаются больше отсутствующими и по крайней нуждѣ. Десятина въ этихъ случаяхъ обходится обыкновенно ниже рубля и колеблется отъ 30 коп. до 2 руб.“

Допустимъ, что эти арендные цѣны могутъ быть приняты за доходность крестьянской земли; тогда получимъ, что платежи составляютъ 31,9%, или почти одну треть, при подесятинной сдачѣ и 100% при сдачѣ цѣлыми надѣлами; въ тѣхъ же случаяхъ, когда въ сдачу десятина идетъ по 30 коп., платежи составляютъ 333%! Неудивительно послѣ этого, что бузулукскій уѣздъ занимаетъ почетное мѣсто между самыми недоимочными уѣздами. Въ другихъ уѣздахъ той же губерніи арендные цѣны еще ниже: такъ, въ бугурусланскомъ уѣздѣ изслѣдователи опредѣлили среднюю цѣну надѣльной десятины всего въ 2 р. 70 к., при колебаніи отъ 80 коп. до 6 р. 40 к. ²⁾. Въ бу-

¹⁾ Сборн. стат. свѣд. самар. губ., т. III, стр. 114 и слѣд.

²⁾ Сборн. стат. свѣд. самар. губ., т. IV, стр. 67.

гульминскомъ уѣздѣ средняя цѣна приближается къ 2 р. 93 к. и при сдачѣ цѣлыми надѣлами 97 коп. ¹⁾ По ставропольскому уѣзду средняя арендная цѣна опредѣлилась въ 5 р. 70 к., причемъ изслѣдователи упоминаютъ, „что большая часть надѣловъ сдается (цѣликомъ) только изъ платежа податей и повинностей“, т.-е. безъ „верховъ“ ²⁾.

По нѣкоторымъ уѣздамъ мы имѣемъ точно выведенныя среднія, опредѣляющія доходность десятины; сопоставимъ эти данныя, а также и арендныя цѣны (по уѣздамъ самарской губерніи) съ платежами и недоимками. Получимъ:

Уѣзды:	Средняя доходность десятины или арендная плата:	% къ ней казенныхъ, земск. и общ. платежей:	Величина недоимки на десятину:	% недоим. къ окладу:
Староскопльскій . . .	12 р. 20 к.	24,6%	1 р. 10 к.	35,5
Щигровский *) . . .	12 „ 40 „	25,8	1 р. 30 „	39,9
Бугульминскій . . .	2 „ 93 „	27,3	— „ 20 „	35,1
Тимскій *) . . .	9 „ 39 „	30,0	— „ 60 „	22,0
Обоянскій *) . . .	8 „ 00 „	30,0	— „ 10 „	4,4
Хвалынский . . .	5 „ 60 „	30,4	— „ 50 „	27,9
Ставропольскій . . .	5 „ 70 „	31,5	1 р. 00 „	57,8
Бузулуцскій . . .	3 „ 10 „	31,9	— „ 50 „	56,8
Бугурусланскій . . .	2 „ 70 „	44,4	1 р. 00 „	94%

Какъ мы видимъ, обнаруживается слишкомъ малая связь между величиной недоимки и процентными отношеніями платежей къ доходности. Конечно, само собой разумѣется, что чѣмъ болѣе большую часть доходности поглощаютъ платежи, тѣмъ больше шансовъ къ накопленію недоимокъ; на трехъ уѣздахъ, въ которыхъ обложеніе превышаетъ 30%, это какъ будто и подтверждается, но все же лучше воздержаться отъ рѣшительныхъ выводовъ. Вѣроятно, приведенныхъ данныхъ, притомъ данныхъ весьма разнохарактерныхъ, недостаточно, чтобы получился какой-нибудь точно опредѣлившійся выводъ. Тѣмъ не менѣе таблица, помѣщенная нами, имѣетъ много поучительнаго: въ лучшемъ случаѣ обложеніе захватываетъ четвертую часть дохода! Между тѣмъ подоходный налогъ тамъ, гдѣ онъ введенъ, опредѣляется въ два-три процента! При этомъ не слѣдуетъ забывать, что арендная плата не есть еще чистый доходъ; послѣдній бываетъ

¹⁾ Тамъ же, т. V, стр. 88.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 164.

^{*} Звѣздочками отмѣчены тѣ уѣзды, по которымъ имѣется средняя доходность, въ остальныхъ арендная плата.

гораздо меньше, а слѣдовательно всѣ выведенные нами проценты еще малы. Между тѣмъ у насъ находятся публицисты, которые убѣждены, что пониженіе крестьянскихъ платежей, производимое правительствомъ съ 1880 года, есть мѣра излишняя, портящая населеніе и отнимающая у казны ея средства.—Н. Б.

ПО ПОВОДУ ВЫСТАВКИ ВЪ ТАШКЕНТѢ.

Въ августѣ мѣсяцѣ въ Ташкентѣ откроется сельско-хозяйственно-промышленная выставка. Выставки вообще хорошее дѣло, если онѣ служатъ выраженіемъ существующей дѣйствительности, безъ всякихъ прикрасъ и декорацій. Но безъ прикрасъ и декорацій, говорятъ, нѣтъ ни одной выставки, не исключая даже и парижской. Если же это неизбежно, то пусть онѣ ограничиваются только наиболее выгоднымъ размѣщеніемъ и освѣщеніемъ выставленныхъ вещей, которыя дѣйствительно существуютъ въ жизни, а не сдѣланы только для выставки. Съ этимъ, пожалуй, и можно, и должно помириться: вѣдь и художники стараются выставить свои картины въ наилучшемъ освѣщеніи. Но если выставленные вещи существуютъ только на выставкѣ, а въ дѣйствительной, обыденной жизни ихъ нѣтъ, то выставка едва-ли послужитъ къ пользѣ дѣла.

И этого мало. Выставка, напр., хозяйственно-промышленная только и должна представлять предметы этихъ производствъ, но **никакихъ** другихъ. А у насъ, иногда, на сельско-хозяйственно-промышленную выставку принесутъ и предметы наукъ и художествъ, и даже чертежи желѣзно-дорожныхъ сооружений, чтобы выставка была пышнѣе.

Мы опасаемся, чтобы того же самага не случилось и съ ташкентской выставкой.

Благодаря завоеванію богатаго туркестанскаго края (гдѣ намъ случилось провести нѣсколько лѣтъ), русскіе владѣютъ имъ уже цѣлую четверть вѣка и, конечно, какъ люди болѣе цивилизованные, чѣмъ киргизы, коканцы, бухарцы и хивинцы, должны были внести въ этотъ край немало благъ высшей культуры. Уже было десять выставокъ, на которыхъ былъ представляемъ туркестанскій край: выставки эти были въ Ташкентѣ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Вѣнѣ и Копенгагенѣ. На этихъ выставкахъ, конечно, долженъ былъ отражаться болѣе туземный характеръ края, чѣмъ собственно русский.

Что могли мы сдѣлать своего собственнаго въ короткій промежутокъ времени для 10-ти выставокъ? Теперь дѣло другое. Въ 25 лѣтъ мы кое-что могли сдѣлать и дѣйствительно сдѣлали въ сельско-хозяйственномъ и промышленномъ отношеніяхъ. Могли ли сдѣлать больше, это скажутъ посѣтители выставки, особенно иностранцы, умѣющие вести дѣло колонизаціи лучше насъ и болѣе насъ опытные и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ промышленности. А для того, чтобы ихъ сужденія могли быть болѣе правильными, намъ нужно показать, что мы здѣсь застали. Показать это не трудно, потому что многое еще остается и до сихъ поръ въ томъ же видѣ, какъ мы его застали, напр. орудія земледѣлія, способы обработки земли, выкармливанія скота и домашней птицы и ухода за ними, приготовленія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, обработка огородовъ, садовъ и т. д. Еще и до сихъ поръ почти во всѣхъ отрасляхъ туземнаго сельскаго хозяйства и промышленности полное царство мусульманской неподвижности. Здѣсь коровы похожи на овецъ, овцы на голодныхъ собакъ, куры на птичьи скелеты, плоды представляютъ только хорошій видъ, но не вкусъ, и это почти во всемъ туземномъ сельско-хозяйственномъ мірѣ. То же и въ промышленности.

На что прежде всего обращено было наше вниманіе по завоеваніи края и какія наши главныя заслуги въ качествѣ колонизаторовъ? Мы здѣсь уничтожили рабство, съ одной, и самый тиранническій деспотизмъ, съ другой стороны, дали безопасность личности и собственности, нѣсколько улучшили пути сообщенія. Вотъ главныя наши заслуги. Плодомъ однихъ этихъ улучшеній въ мѣстной жизни несомнѣнно должна была явиться бѣльшая производительность края во всѣхъ отрасляхъ, какъ добывающей, такъ и обрабатывающей его промышленности.

Дѣйствительно, количество обрабатываемой земли начало увеличиваться; даже кочевое населеніе начало переходить въ осѣдлое. Множество земель, доселѣ лежавшихъ впустѣ, начало орошаться и воздѣлываться. Это дѣйствительно явленіе въ высшей степени отрадное. Но способы обработки остались старые, и въ этомъ отношеніи мы немного принесли пользы краю. Было бы полезно, еслибы всѣ орудія обработки явились на выставкѣ.

Съ нашимъ приходомъ въ край здѣсь начало развиваться и улучшаться хлопководство. Въ этомъ дѣлѣ наша администрація явилась не только покровительницей, но и руководительницей. Вмѣсто туземнаго грубаго и дешеваго хлопка начали разводить американскій, болѣе нѣжный и цѣнный. Объ этомъ началъ заботиться еще первый генералъ-губернаторъ, Кауфманъ, который посылалъ въ Америку особыхъ специалистовъ узнать, какіе именно сорта сѣмянъ будутъ при-

годны для туркестанскаго края. Но до послѣдняго времени посѣвы этихъ сѣмянъ дѣлались только въ видѣ опытовъ, которые стоили казнѣ весьма недешево, ибо велись чиновниками, а не промышленниками, лично заинтересованными въ успѣхѣ. Только съ 1883 года начали наѣзжать сюда изъ Москвы бумажные фабриканты, которые принялись за распространеніе посѣвовъ американскаго хлопка въ большихъ размѣрахъ, такъ что, по свѣденіямъ, сообщаемымъ въ разныхъ органахъ печати, вывозъ хлопка въ послѣднее время доходилъ уже до 3.000.000 пудовъ, цѣнностью до 20 милліоновъ рублей. Уже поднимался вопросъ объ устройствѣ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, съ которыхъ издѣлія прямо могли бы поступать на средне-азиатскіе рынки вмѣсто того, чтобы совершить сначала въ видѣ хлопка путешествіе въ Москву и оттуда уже вернуться на нихъ въ видѣ хлопчатобумажной ткани. Туземцы, слѣдуя примѣру русскихъ, тоже начали годъ отъ году болѣе и болѣе засѣвать поля хлопкомъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, грозитъ въ недалекомъ будущемъ вздорожаніемъ риса и пшеницы, которыми питается населеніе и посѣвы которыхъ, какъ менѣе выгодные, ежегодно уменьшаются.

Въ доказательство выгоды посѣвовъ хлопка въ сравненіи съ другими посѣвами приводятъ примѣръ одного русскаго поселенца, который, отдавъ три десятины сарту подъ посѣвъ хлопка и продавъ свою долю хлопка, получилъ до 100 руб. прибыли, тогда какъ эти же три десятины, отданныя въ аренду, дали бы доходу отъ 7 до 10 р. По этому поводу прибавляютъ, что оживленіемъ и улучшеніемъ хлопковаго производства Россія создала въ краѣ новую промышленность, равно выгодную для этой провинціи и для самой Россіи, и открыла новые заработки мѣстному населенію.

Новая промышленность дѣйствительно выгодная и заработки съ нею открываются дѣйствительно большіе, но какъ бы намъ не пришлось въ Ферганскую область, считающуюся житницей Средней Азіи, возить хлѣбъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, когда всѣ сарты бросятся разводять хлопокъ и перестанутъ сѣять пшеницу и другіе хлѣба. Это опасеніе уже высказывается людьми, хорошо знающими туркестанскій край. Вѣдь свободныхъ земель въ Ферганской области нѣтъ: такъ густо она населена. Значитъ, подъ хлопокъ будутъ отниматься земли отъ другихъ хлѣбовъ. Эта область и безъ того уже сильно пострадала отъ необычайнаго наводненія въ 1889 году, разрушившаго ирригаціонныя сооруженія, которыми такъ гордилась наша администрація, приписывая ихъ единственно своимъ заботамъ и талантамъ. Сколько намъ извѣстно, эта житница туркестанскаго края послѣ наводненія сильно нуждалась и просила для своего пропитанія значительнаго пособія отъ казны. Мы вѣдь большою дальню-

видностью не отличаемся, а похвастать любимъ. Особенно это надобно сказать о томъ времени управленія краемъ, когда происходили торжественныя поѣздки по краю и писались самыя восторженныя статьи и отчеты.

Послѣ хлопка важнѣйшая отрасль промышленности есть шелководство, потомъ слѣдуетъ винодѣліе, приготовленіе сушеныхъ плодовъ, растительнаго масла и т. д.

Шелководство въ 25 лѣтъ нашего здѣсь пребыванія сдѣлало немного успѣховъ. Всѣ ткани, здѣсь выдѣлываемыя, цѣнятся въ Россіи весьма невысоко. Вѣроятно на выставкѣ будетъ представлена полная картина этого производства. Хорошо было бы, еслибы представлена была хоть въ самомъ сжатомъ видѣ и вся исторія нашей дѣятельности по этой части,—какъ мы взялись ее совершенствовать, сами плохо ее зная, какъ мы вели это дѣло, какъ заводили школу шелководства и привлекали въ нее туземцевъ выдачей стипендій, какъ учили ихъ фабричному производству вмѣсто кустарнаго, распространеннаго въ край, сколько сдѣлали ошибокъ и сколько истратили денегъ на свои опыты. Въ послѣднее время дѣло приняло какъ будто бы правильный научный видъ: готовится здоровая гrena и бесплатно раздается туземному населенію, занимающемуся шелководствомъ. Но туземцы повидимому относятся къ этимъ нашимъ заботамъ равнодушно, шелководство уменьшается и вѣроятно не прежде двинется впередъ, какъ явятся шелковые фабриканты и возьмутъ его въ свои руки, какъ хлопковые фабриканты взяли хлопковое дѣло въ свои руки. Лучшія шелковыя издѣлія выходятъ изъ ташкентской фабрики великаго князя Николая Константиновича, но едва-ли это производство само себя окупаетъ. Вывозится въ Россію изъ туркестанскаго края шелку и издѣлій на сумму до 500.000 руб.

Послѣ хлопка и шелка на выставкѣ будетъ играть видную роль мѣстное вино. Въ послѣднее время выдѣлка его начинаетъ улучшаться и оно можетъ соперничать съ крымскими и кавказскими винами. Вывозъ его годъ отъ году увеличивается, особенно въ Сибирь. Но бѣда въ томъ, что ему не даютъ выставаться. При здѣшнихъ жарахъ необходимо устраивать большіе подвалы, но и въ нихъ здѣсь все-таки трудно держать надлежащую температуру. Отъ этого вина поступаютъ въ продажу невыдержанныя и потому не имѣющія надлежащихъ качествъ по своей крайней молодости. Впрочемъ спросъ на нихъ такъ великъ, что винодѣламъ нѣтъ никакихъ расчетовъ ихъ выдерживать. Кажется, этимъ же недугомъ страдаютъ и всѣ наши русскія вина: и на Кавказѣ, и въ Крыму, и въ Бессарабіи. Ихъ слишкомъ рано выпускаютъ на рынокъ.

Но есть и еще недугъ у ташкентскихъ винъ, какъ и у другихъ.

Это—неимѣніе при ихъ выдѣлкѣ хорошихъ, опытныхъ и ученыхъ мастеровъ. Винодѣлы наши также мѣстнаго приготвленія, нерѣдко напоминающіе ту деревенскую страпуху, которая обѣщала мужу изъ пшеничной муки испечь такой хлѣбъ, который никто не отличитъ отъ ржаного. Увы! почти всѣ наши техническія производства не отличаются совершенствомъ, хотя у насъ есть и техническія училища, и институты. Въ такой отдаленный край, какъ Туркестанъ, хорошіе техники не ѣдутъ, или имъ надобно платить баснословныя цѣны. Въ Ташкентѣ есть умные и предприимчивые промышленники, но сами они вовсе не знакомы съ наукой и находятся совершенно въ рукахъ своихъ техниковъ. Оттого происходятъ такія печальныя явленія, что устроивается какой-нибудь заводъ, тратятся огромныя деньги, а между тѣмъ цѣли не достигаются: такъ было, напр., съ сапониновымъ заводомъ, устроеннымъ въ Чимкентѣ и скоро превратившимся въ винный заводъ; такъ было съ стекляннымъ заводомъ въ Ходжентѣ, на которомъ долго не могли добиться чистаго, бѣлаго стекла. Конечно, виноваты не промышленники, не жалѣющіе денегъ, а техники, незаслуженно ихъ получающіе и обманывающіе своихъ довѣрителей.

О промышленникахъ можно сказать только то нехорошее, что они за свои произведенія мало-мальски сносныя стараются брать баснословныя цѣны: напр., за вино мѣстнаго издѣлія они получаютъ проценты по аптекарской таксѣ: что стоитъ 5 коп., за то они берутъ 50 коп. и т. д.

Той же методъ они слѣдуютъ при продажѣ и привозныхъ товаровъ, и еслибы не конкуренція туземцевъ, продающихъ все гораздо дешевле, то жизнь въ туркестанскомъ краѣ была бы еще дороже, чѣмъ теперь. Дешевы только предметы первыхъ потребностей, но они плохого качества и при томъ годъ отъ году дорожаютъ. Зато въ захолустномъ Ташкентѣ воздвигаются такіе магазины, которымъ не было бы стыдно стоять и на Невскомъ проспектѣ. Туземцы по старинѣ торгуютъ въ дрянныхъ лавчонкахъ, зато и продаютъ дешевле.

Кромѣ вина, здѣсь въ послѣднее время начали выдѣлывать сухеные плоды. Садоводство здѣсь еще до нашего прихода было сильно развито, благодаря жаркому климату и плодородной почвѣ. Но всѣ плоды, кромѣ винограда, персиковъ и дынь, не могли похвалиться своими качествами. Мы ввели улучшенную систему садоводства и даже огневой способъ сушки плодовъ. У русскихъ садоводовъ получаютъ плоды гораздо лучше, чѣмъ у туземцевъ. Въ Ташкентѣ уже выстроена каменная сушильня, которая можетъ ежедневно готовить до 10 пудовъ сухеныхъ фруктовъ.

Устроена даже школа садоведства, которому слѣдовало бы устроить 25 лѣтъ тому назадъ. Но лучше поздно, чѣмъ никогда.

Здѣсь могутъ выдѣлываться очень дешево орѣховое и миндальное масла, но пока еще выдѣлываетъ ихъ только мѣстный аптекарь, берущій за нихъ цѣну по аптечной таксѣ, напр. за 1 фунтъ миндального масла 75 коп. Прежде онъ и орѣховое продавалъ по 50 коп. за фунтъ, но въ послѣднее время явился конкуррентъ, сбившій цѣну до 25 коп. за фунтъ.

Безъ сомнѣнія, на выставкѣ будутъ разные виды мѣстныхъ хлѣбовъ, какъ-то: рисъ, пшеница и т. д.

Здѣшній рисъ не можетъ сравниться съ персидскимъ, а пшеница съ русской пшеницей. У нихъ совсѣмъ не тотъ вкусъ; и цвѣтъ, напр., бѣлаго хлѣба гораздо темнѣе русскаго. Намъ объясняли это тѣмъ, что здѣсь нѣтъ небеснаго орошенія въ видѣ дождей, а одно только искусственное, арычное. Насколько это мнѣніе вѣрно, не знаемъ. Но очень хорошо знаемъ по опыту, что ташкентскаго бѣлаго хлѣба сравнивать нельзя, напр., съ оренбургскимъ или самарскимъ. По той же причинѣ сибирскій хлѣбъ не идетъ за границу, хотя здѣсь и нѣтъ арычнаго орошенія. Причина вѣроятно скрывается въ составѣ почвы.

На выставкѣ вѣроятно будетъ масса всякихъ кустарныхъ ремесленныхъ произведеній, какъ напримѣръ мѣстныя издѣлія изъ шерсти въ родѣ ковровъ и проч., и проч., вышивки по канаусу, кожѣ, сукну, холсту, мѣдныя издѣлія въ родѣ знаменитыхъ азіатскихъ кувшиновъ и тазовъ и проч., серебряныя, сѣдельныя, сапожныя издѣлія разныхъ видовъ. Все это перечислять было бы и долго, и незанимательно для читателя. Ремесла здѣсь были сильно развиты и до нашего прихода. Теперь онѣ улучшились вслѣдствіе подражанія русскимъ образцамъ. Посѣтитель выставки все это можетъ видѣть своими глазами и оцѣнить по своему вкусу. Мы съ своей стороны желаемъ всѣмъ этимъ производствамъ совершенствованія и успѣха, но думаемъ, что онѣ могутъ удовлетворять только мѣстнымъ потребностямъ и вывоза ихъ въ Европу не предвидимъ, развѣ только въ видѣ курьезовъ, какъ, напр., вывозять любители линючіе и некрасивыя бухарскіе ковры, или ни къ чему непригодные мѣдныя тазы и умывальники.

Вѣроятно на выставкѣ будутъ и лошади мѣстныя и усовершенствованныя на нашихъ заводахъ преимущественно для военныхъ потребностей. На заводѣ Иванова есть очень хорошія лошади для артиллеріи. Для этой цѣли главнымъ образомъ и устроенъ заводъ, такъ какъ приводъ артиллерійскихъ лошадей изъ Россіи обходился бы гораздо дороже ихъ стоимости. Хорошо бы выставить и мѣстный

скоть: и коровъ, и овецъ, и куръ, похожихъ на каррикатуры этихъ животныхъ ¹⁾. Не мѣшало бы выставить и тотъ скоть, который былъ выписанъ изъ Голландіи для улучшенія мѣстной породы, и результаты этого улучшенія въ видѣ потомства этого скота. Выписка его вѣдь стоила нѣсколько тысячъ, а кормить его пришлось жесткой травой, болѣе похожей на сушенныя палки, которыми ханы били по пятамъ своихъ покорныхъ подданныхъ, чѣмъ на мягкое, сочное, душистое европейское сѣно.

Въ заключеніе нашихъ бѣглыхъ замѣтокъ намъ остается сказать, что закаспійская желѣзная дорога, надѣлавшая такого шума на цѣлый міръ, дѣйствительно оживила мѣстную торговлю и промышленность. Вѣдь въ прежнее время товары шли черезъ Оренбургъ на верблюдахъ по нѣскольку мѣсяцевъ, въ срокъ никогда не попадали, а иногда даже и погибали въ степи. Теперь въ зимнее время отправка товаровъ черезъ Каспійское море и Волгу можетъ останавливаться только на три-четыре мѣсяца. Положимъ и это уже большое неудобство, но его нельзя обойти. Только товары большой цѣнности, какъ, напр., шелкъ, могутъ почти непрерывно идти черезъ Каспійское море на Баку и оттуда по желѣзнымъ дорогамъ. Но вотъ вопросъ, который задаютъ себѣ нѣкоторые скептики: долго ли продержится закаспійская желѣзная дорога? Не засыплетъ ли ее пескомъ, какъ засыпаются имъ даже египетскія пирамиды?

Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, но вотъ чтó знаемъ навѣрное. Всѣ жители края послѣ открытія этой дороги начинаютъ жаловаться на страшно возрастающую дороговизну жизни: дорожаетъ рѣшительно все, даже дрова, хотя они и не требуются для желѣзной дороги, ибо она отапливается нефтью. Особенно тяжело отражается эта дороговизна на чиновникахъ, получающихъ небольшое содержаніе, которые сюда стремились именно по слухамъ о дешевизнѣ жизни. Какъ будто нарочно въ послѣднее время они лишились еще и нѣкоторыхъ служебныхъ привилегій.

Мы уже оканчивали свои замѣтки по поводу предстоящей выставки въ Ташкентѣ, когда намъ прислали слѣдующее извлеченіе изъ официальной туркестанской газеты:

„Туркестанскія Вѣдомости“ касаются состоянія въ туркестанскомъ краѣ сельскаго хозяйства и задаются вопросомъ:

„Чтó сдѣлали водворившіеся здѣсь русскіе по части улучшенія сельскаго хозяйства? Почти ничего, — замѣчаетъ газета, — если не

¹⁾ Обращеніе съ животными у туземцевъ самое варварское. Уходъ и кормъ также возмутительные. Нельзя безъ содроганія видѣть, какъ, напр., везутъ куръ на базаръ, привѣсивши къ сѣду по нѣскольку десятковъ вѣвъ головой. Когда ихъ купить и развяжутъ, то несчастныя животныя не могутъ ни ходить, ни стоять.

говорить о хлопководствѣ, развившемся въ край благодаря громадному спросу на хлопокъ для внутреннихъ рынковъ Россіи. Табаководство, хмелеводство и виноградарство между русскимъ населеніемъ развито очень слабо, а о рациональномъ скотоводствѣ нечего и говорить. У отдѣльныхъ, заботливыхъ хозяевъ есть одна, двѣ или три порядочныя дойныя коровы, но исключительно мѣстной, невысокаго качества породы. Во всемъ край нѣтъ ни одной молочной фермы, хотя одно время и возникла-было надежда, что Ташкентъ будетъ обладать прекрасной казенной сельско-хозяйственной фермой, для которой, благодаря заботливости исполнявшаго должность генералъ-губернатора, Г. А. Колпаковского, выписанъ былъ даже, отъ извѣстнаго сельскаго хозяина, Фальцъ-Фейна, дорогой голландскій скотъ“.

Въ концѣ концовъ газета приходитъ къ очень неновому, впрочемъ, заключенію, что въ Туркестанѣ „почва добрая“ и нужны только добрыя сѣмена.

Послѣ всего здѣсь сказаннаго, мы думаемъ, нѣтъ ни за что заподозрить насъ ни въ пристрастіи, ни въ излишнемъ пессимизмѣ при изображеніи какъ свѣтлыхъ, такъ и темныхъ сторонъ туркестанской жизни.

А вотъ и еще два откровенія по поводу того же туркестанскаго края.

Насъ все увѣрили, что край благоденствуетъ и процвѣтаетъ и даже по развитію хлопководства обѣщаетъ намъ замѣнить Америку. И что же мы узнали недавно? Въ одномъ засѣданіи московскаго общества сельскаго хозяйства А. Н. Мейнгардтъ сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе о культурѣ хлопка въ центральной Азіи. Здѣсь культивируются два рода хлопка: мѣстный и американскій (Upland). Опытъ доказалъ, что воздѣлываніе хлопка можетъ съ успѣхомъ производиться не выше 40 градусо́въ сѣверной широты—иначе хлопководъ рискуетъ изъ 4 урожаевъ совершенно потерять одинъ. Хотя Ферганская область расположена и выше 40 градусо́въ широты, но, будучи окружена горами, она гарантирована отъ случайныхъ климатическихъ невзгодъ (главнымъ образомъ, несвоевременныхъ морозовъ). Въ 1884 г. изъ Ферганы вывезено хлопка 645 пудовъ; въ 1888 году вывозъ этотъ равнялся 735.000 пуд. и теперь тамъ насчитывается 17 хлопкоочистительныхъ заводовъ. Въ сравненіи съ Америкой хлопководство въ Средней Азіи имѣетъ много невыгодныхъ сторонъ. Съ апрѣля до сентября здѣсь не перепадаетъ ни капли дождя; поэтому введено искусственное орошеніе. Очистка здѣсь производится самымъ первобытнымъ способомъ; въ Америкѣ же для этого существуетъ особый меваторъ-вентиляторъ системы Дивси, при помощи котораго получается хлопокъ самый легкій и чистый, безъ примѣси постороннихъ веществъ. Средній урожай хлопка въ Средней Азіи равняется 18—20

пудамъ съ десятины, а обработка его обходится въ 80 руб., включая въ эту сумму и государственные налоги на землю. Такимъ образомъ, 1 пудъ хлопка стоитъ 4 руб. хозяину, продается же по 8—9 руб. за пудъ. Изъ Средней Азіи, включая и Фергану, хлопка Упландъ вывозится до 1¹/₄ мил. пудовъ. Но покупатели его часто терпятъ громадные убытки, благодаря искусственной подмочкѣ хлопка, производимой съ цѣлью увеличенія его вѣса. Для поддержанія и развитія хлопководства въ Средней Азіи, по мнѣнію г. Мейнгардта, нужно, во-первыхъ, стремиться къ правильному воздѣлыванію и очисткѣ хлопка; во-вторыхъ, ввести классификацію хлопка и составленіе однородныхъ партій; въ-третьихъ, устроить правильную доставку хлопка на мѣста сбыта, ибо въ настоящее время, благодаря недостаточности подвижного состава завкаспійской желѣзной дороги, хлопокъ изъ Ташкента въ Москву доставляется только чрезъ 5 мѣсяцевъ, при чемъ его партіи по цѣлымъ мѣсяцамъ лежатъ въ Самаркандѣ, дожидаясь отправки; въ-четвертыхъ, нужно въ Средней Азіи устроить финансовыя учрежденія, необходимыя для преуспѣнія хлопководства.

Мы прибавимъ отъ себя, что для развитія хлопководства въ большихъ размѣрахъ нужны еще большія сплошныя площади свободныхъ и орошаемыхъ земель, а не клочки, по нѣскольку десятковъ десятинъ. А такихъ большихъ свободныхъ пространствъ нѣтъ и хлопководы уже хлопотали объ отводѣ имъ земель въ такъ-называемой Голодной Степи.

Но вотъ чтó можетъ поразить каждаго своею неожиданностью. Въ то время, какъ повидимому дѣло хлопководства укрѣплялось и многіе богатые промышленники затратили на него довольно большія деньги при устройствѣ заведеній этого рода, вдругъ получается телеграмма изъ Самарканда, появившаяся во всѣхъ газетахъ, слѣдующаго содержанія: „Изъ Ташкента сообщаютъ, что мѣстные хлопководы отказываются отъ разведенія американскаго хлопчатника, вследствие трехлѣтнихъ убытковъ отъ неурожая“. Значитъ, всѣ извѣстія о процвѣтаніи хлопководства въ краѣ были неосновательны? Кого же при этомъ старались ввести въ заблужденіе? Вѣдь хлопководы ежегодно собирались на съѣздъ въ Ташкентѣ, гдѣ вели пространныя разсужденія, которыя печатались въ мѣстной газетѣ, и доселѣ ничего не заявляли объ убыткахъ.

Въ началѣ апрѣля напечатана въ газетахъ другая телеграмма изъ Ташкента отъ имени канцеляріи генераль-губернатора, объявляющая, что ежегодные съѣзды хлопководовъ въ Ташкентѣ отмѣнены, а будутъ устраиваемы по мѣрѣ надобности.

А—вовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1890.

Новая германская политика и ея практическіе результаты.—Англо-германское соглашеніе.—Внутренній смыслъ состоявшейся сдѣлки и значеніе ея для международныхъ отношеній въ Европѣ.—Депеша лорда Сольсбери къ сэру Малету.—Официальные мотивы уступки Гельголанда.—Значеніе острова для Германіи и сомнительная выгодность его присоединенія.—Военный законъ въ имперскомъ сеймѣ.—Минимы таинственныя причины уступчивости Виндгорста.—Вопросъ объ африканскихъ дѣлахъ въ Англіи.

Международная политика даетъ всегда удобный матеріалъ для мрачныхъ предчувствій и предсказаній. Существуетъ не мало публицистовъ, которые спеціально занимаются предугадываніемъ событій и упорно доказываютъ свою дальновидность заднимъ числомъ, по поводу того или другого совершившагося факта; но такая способность предусматривать то, что уже случилось, плохо цѣнится современниками, и настойчивые газетные прорицатели не признаются пророгами въ отечествѣ своемъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ много разъ предсказывались военныя замѣшательства и столкновенія, причемъ главнымъ матеріаломъ для пророчествъ служили статьи и намеки нѣмецкой офиціозной печати. Вопросъ объ „интригахъ князя Бисмарка“ былъ любимой и неизсякаемою темой текущей журналистики. Теперь нельзя уже ссылаться на эти „интриги“, и нѣтъ уже основанія строить какіе-либо политическіе выводы на разсужденіяхъ отдѣльныхъ берлинскихъ газетъ. Атмосфера какъ будто очистилась, а между тѣмъ общее положеніе дѣлъ не измѣнилось. Серьезная перемѣна замѣчается только въ томъ, что прежніе тревожные признаки не возбуждаютъ прежняго беспокойства и что крупныя военно-политическія мѣры принимаются и приводятся въ исполненіе съ гораздо большею легкостью, безъ всякаго шума. Новое увеличеніе военныхъ силъ и средствъ Германіи, потребованное правительствомъ довольно неожиданно, не произвело и десятой доли того эффекта, какой имѣли подобныя и даже болѣе умѣренныя требованія при князѣ Бисмаркѣ. Лишній разъ подтверждается такимъ образомъ старая истина, что дружелюбное, внимательное отношеніе къ общественному мнѣнію есть самый лучшій способъ для достиженія правительственныхъ цѣлей. Раздражающіе приемы крѣпкой власти не только не облегчали государственныхъ задачъ, но еще болѣе уси-

ливали оппозицію, вносили духъ вражды въ политическую жизнь и поддерживали хроническій кризисъ во внутренней и вѣшной политикѣ имперіи. Вильгельмъ II и его новый канцлеръ сохранили сущность программы князя Бисмарка, но сбросили только ея непріятнукъ, тяжелую оболочку; они ни въ чемъ не отступаютъ отъ системы постоянныхъ вооруженій и прочныхъ союзовъ, даже дѣлаютъ на этомъ пути новые и смѣлые шаги, но дѣйствуютъ при этомъ мягче и примирительнѣе, не давая повода ни къ глухому недовѣрью общества, ни къ напраснымъ или преувеличеннымъ опасеніямъ.

Практическій принципъ, усвоенный вышнимъ германскимъ правительствомъ, приноситъ уже свои плоды; поступая мягко и сдержанно по формѣ, но твердо по существу, *suaviter in modo, fortiter in re*, преемники князя Бисмарка успѣшно и скоро разрѣшили двѣ трудныя задачи—добились принятія новаго военнаго проекта парламентомъ и устроили прочное политическое соглашеніе съ Англіею. Еслибы прежній канцлеръ оставался еще на своемъ мѣстѣ, Европою овладѣла бы сильнѣйшая тревога по поводу совпаденія столь значительныхъ и краснорѣчивыхъ фактовъ, какъ сдѣлка съ Англіею и новое увеличеніе германской арміи; теперь эти факты встрѣчаются спокойно и не порождаютъ никакихъ газетныхъ комбинацій и догадокъ, способныхъ волновать общественное мнѣніе. Возможно ли приписывать какіе-либо опасные закулисные планы прямодушному генералу, никогда не занимавшемуся дипломатіею и исполняющему должность канцлера единственно лишь по волѣ Вильгельма II? Последній произноситъ иногда воинственныя рѣчи, относящіяся къ невѣдомымъ будущимъ врагамъ, но въ то же время онъ рѣшительно выражаетъ свое миролюбіе въ настоящемъ и обнаруживаетъ спеціальнѣе интересъ къ вопросамъ, исключающимъ мысль о наступательной вѣшной политикѣ. Скрытыя намѣренія и интриги Германіи такъ долго связывались съ личною дѣятельностью князя Бисмарка, что съ удаленіемъ его сами собою отпали эти таинственныя черты общаго политическаго положенія. Проницательные журналисты лишились весьма удобнаго и общедоступнаго способа объяснять событія, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало труднѣе дѣлать политическія предсказанія, такъ какъ нельзя уже основываться на предполагаемыхъ качествахъ и стремленіяхъ одного человѣка. Германская политика получаетъ, по крайней мѣрѣ по наружности, менѣе личный, болѣе коллективный, общественный характеръ, чѣмъ прежде, благодаря отсутствію подавляющаго личнаго авторитета князя Бисмарка. Антагонизмъ между государственною властью и большинствомъ нѣмецкой либеральной интеллигенціи пересталъ считаться политическимъ принципомъ правительства; оттого и вся государственная машина движется легче и

свободнѣе, и самыя серьезныя предпріятія не вызываютъ обычнаго волненія умовъ.

Состоявшееся соглашеніе между Германіею и Англіею касается преимущественно африканскихъ дѣлъ; но оно должно быть признано событіемъ первостепенной важности для общаго хода международной политики въ Европѣ. Что Англія склоняется вообще на сторону Германіи и ея союзниковъ—это давно уже не подлежало сомнѣнію; однако многія обстоятельства указывали на то, что британское правительство желаетъ сохранить свободу дѣйствій и не намѣрено формально присоединиться къ средне-европейской лигѣ мира. Въ новѣйшее время, подъ вліяніемъ германскихъ колониальныхъ завоеваній въ Африкѣ, англо-нѣмецкія отношенія отчасти испортились; соперничество въ отдаленныхъ странахъ невольно отзывалось на дѣлахъ европейскихъ, и оживленная полемика велась по этому поводу въ журналистикѣ обѣихъ державъ. Нѣмецкіе патріоты увлекались новыми колоніями и придавали имъ большое значеніе для будущаго; англичане же не могли равнодушно смотрѣть на германскія экспедиціи, завладѣвавшія громадными территориями въ свободныхъ еще частяхъ Африки, которыя современемъ должны были бы подпасть англійскому владычеству. Берлинскіе сатирическіе листки, съ свойственнымъ имъ грубоватымъ остроуміемъ, осмѣивали неуклюжаго Джонъ-Буля, на глазахъ котораго захватывались нѣмцами самыя жирныя куски африканской добычи. Нѣмецкая дипломатія не обращала особеннаго вниманія на неудовольствіе англичанъ, какъ прежде пренебрегала настроеніемъ американцевъ; нѣмцы, по обыкновенію, полагались на свое континентальное могущество, которое должно было побудить Англію къ уступчивости въ расчетѣ на будущія политическія услуги въ Европѣ.

При князѣ Бисмаркѣ Германія обнаруживала вообще пренебреженіе къ желаніямъ и чувствамъ народовъ, не принадлежащихъ къ числу ея дѣйствительныхъ или возможныхъ союзниковъ; нѣмецкое правительство не стѣснялось раздражать Испанію, Соединенные Штаты, Швейцарію, изъ-за мелочныхъ, въ сущности, споровъ, безъ малѣйшей къ тому надобности. Мы не говоримъ уже объ искусственномъ и безцѣльномъ поддержаніи враждебнаго настроенія относительно Франціи, равно какъ и о горячихъ офиціозныхъ походахъ противъ Россіи; но даже союзной Австро-Венгріи приходилось выслушивать пренебрежительные отзывы берлинскихъ военныхъ авторитетовъ и германскаго канцлера. Не разъ заявлялось публично, что австрійскіе интересы на Востокѣ не имѣютъ никакого значенія для Германіи и что послѣдняя не станетъ защищать эти интересы противъ русскихъ требованій. Австрійцамъ постоянно давалось понять,

что съ ними заключенъ союзъ только въ виду уклоненія Россіи отъ прежней близости съ Берлиномъ и что русскій союзъ несравненно дороже и важнѣе для нѣмцевъ, чѣмъ австрійскій: это отношеніе къ Австро-Венгріи не могло не оскорблять самолюбія ея правителей и народовъ, хотя послѣдніе и не выказывали своихъ чувствъ по понятнымъ причинамъ. Разумѣется само собою, что австрійцы могли бы съ своей стороны напомнить, что сохраненіе Эльзаса и Лотарингіи за Германію не представляетъ абсолютно никакого интереса для Австріи; но такое напоминаніе было бы, вѣроятно, принято за обиду въ Берлинѣ и сочтено было бы, пожалуй, за нарушеніе союзныхъ обязательствъ. Неравенство политической силы и вліянія ни на минуту не забывалось въ отношеніяхъ между Германією и ея союзниками, особенно Австро-Венгрією, и давало себя чувствовать ненужнымъ образомъ даже въ мелочахъ, когда никакого основательнаго мотива къ тому не было. Недавно князь Бисмаркъ, будучи уже въ отставкѣ, повторилъ свой старый, неоднократно высказанный имъ взглядъ на Австрію, и австрійское правительство, какъ говорятъ, обидѣлось, потому что впервые получило возможность выражать свободно свое неудовольствіе противъ мнѣній Бисмарка. Дразнить и раздражать—входило какъ будто въ систему бывшаго канцлера; это была нервная потребность борьбы, въ связи съ откровеннымъ культомъ матеріальной силы и съ полнымъ отрицаніемъ нравственныхъ стимуловъ политической дѣятельности. Князь Бисмаркъ всегда проявлялъ особенное вниманіе и уваженіе къ Россіи, но только потому, что она представляетъ громадную стихійную силу, съ которой весьма полезно и даже необходимо оставаться въ дружбѣ; онъ совсѣмъ не интересовался тѣмъ, какія чувства будутъ питать къ Германіи великія и малыя державы, съ которыми война не опасна, а союзъ не нуженъ или невозможенъ.

Это невниманіе къ важному элементу общественнаго настроенія въ европейской политикѣ было личною особенностью князя Бисмарка и не могло быть унаслѣдовано его преемниками, ибо оно оправдывалось лишь исключительною политическою ролью бывшаго канцлера. Тѣ, что позволялось творцу германскаго единства и могущества, не имѣло бы смысла въ устахъ генерала Каприви, такъ же точно, какъ и тонъ Вильгельма I не можетъ быть принятъ Вильгельмомъ II. Раздражающая политика уступила мѣсто болѣе спокойной и сдержанной; поправились отношенія съ Францією, смягчилось раздраженіе въ Швейцаріи и положенъ конецъ періодическимъ офиціознымъ набѣгамъ на Россію и на русскіе финансы. Наконецъ, прямое соглашеніе съ Англією устраняетъ причину неприятныхъ пререканій, воз-

бужденныхъ колониальною политикою князя Бисмарка и мѣшавшихъ присоединенію Англій къ тройственному континентальному союзу.

Англо-нѣмецкая сдѣлка есть великій успѣхъ для Германіи именно въ томъ смыслѣ, что она знаменуетъ окончательное сближеніе обѣихъ державъ въ области европейскихъ интересовъ и придаетъ такимъ образомъ новую силу средне-европейской лигѣ мира. Имѣть на своей сторонѣ богатую и могущественную владычицу морей—это новый крупный шансъ побѣды, новый залогъ торжества въ лихорадочномъ военно-политическомъ соперничествѣ народовъ. Франція въ послѣднее время дѣлала нѣкоторыя попытки сблизиться съ лондонскимъ кабинетомъ, и англо-германское соглашеніе является для нея чувствительнымъ ударомъ, насколько имъ опредѣлилось будущее положеніе Англій въ европейскихъ международныхъ спорахъ. При обыкновенномъ ходѣ дѣлъ слѣдовало бы конечно, признать весьма благоприятнымъ для общаго мира миролюбивое окончаніе всякихъ колониальныхъ разногласій между двумя великими державами; но, къ сожалѣнію, такія сдѣлки имѣютъ особый политическій смыслъ, когда союзы служатъ орудіемъ борьбы и способствуютъ раздѣленію Европы на два враждебныхъ или полувраждебныхъ лагеря. Группировка главнѣйшихъ государствъ около Германіи обезпечиваетъ за нею преобладающую роль въ вопросахъ мира и войны, а такое преобладаніе одной державы было всегда источникомъ опасностей и столкновеній. Всякій новый союзъ при современныхъ условіяхъ не умиротворяетъ, а обостряетъ международныя отношенія. Италія, укрѣпивши свои связи съ Берлиномъ, засвидѣтельствовала это обстоятельство вызывающею политикою относительно Франціи; Австро-Венгрія, имѣя за собою Германію, дѣйствуетъ активно на Балканскомъ полуостровѣ и свободно, по мѣрѣ возможности, вытѣсняетъ оттуда традиціонное русское вліяніе; такъ же точно и Англія, сблизившись съ нѣмецкимъ могуществомъ, будетъ чувствовать себя менѣе связанною по отношенію къ французскимъ интересамъ (напр., въ Египтѣ и въ другихъ мѣстахъ). Англійское вліяніе можетъ усилиться также въ Константинополѣ, гдѣ берлинскій кабинетъ пользуется большимъ авторитетомъ. Состоявшаяся мирная сдѣлка можетъ оказаться довольно стѣснительною и неудобною для постороннихъ народовъ: она измѣняетъ группировку державъ въ пользу Германіи, въ ущербъ ея возможнымъ противникамъ, и этотъ результатъ самъ по себѣ имѣетъ болѣе важное значеніе для Европы, чѣмъ распредѣленіе территорій въ Африкѣ и уступка острова Гельгоlanda нѣмцамъ.

Какъ видно изъ депеши лорда Сольсбери къ сэру Малету, британскому представителю въ Берлинѣ, отъ 14-го іюня (н. ст.), Германія уступила англичанамъ значительную часть своихъ приобрѣ-

тений въ сѣверу отъ Занзибара, пространствомъ болѣе двухсотъ миль вдоль берега, а также ограничила свои притязанія на югъ и представила Англiи протекторатъ надъ самимъ Занзибаромъ, сохранивъ за собою только прибрежную полосу, отданную въ аренду нѣмецко-африканской компаніи. Въ берлинскомъ „Имперскомъ указателѣ“ отъ 17-го іюня разграниченіе территорій установлено нѣсколько иначе, чѣмъ въ англійской депешѣ; но, насколько можно понять изъ обоихъ документовъ, за Германією остались внутреннія области между озерами Викторія-Ньянца, Танганайка и Ньясса, съ одной стороны, и государствомъ Конго—съ другой; западный берегъ перваго изъ этихъ озеръ дѣлится почти поровну между обѣими державами. Нѣмецкія притязанія простирались на всю внутреннюю территорію между 1° и 11° южной широты на томъ основаніи, что западнѣе расположены земли, входящія непосредственно въ сферу германскаго владычества или протектората. Въ силу новой нѣмецкой теоріи, внутренность страны вплоть до государства Конго, должна была бы по праву принадлежать владѣльцамъ западныхъ земель въ соответственныхъ границахъ, въ качествѣ естественнаго территориальнаго продолженія (Hinterländer); на этотъ же принципъ,—только подтвержденный вѣковымъ фактическимъ или, по крайней мѣрѣ, номинальнымъ владѣніемъ,—опиралась Португалія въ своемъ недавнемъ печальномъ спорѣ съ Англією, пока не получила грознаго ультиматума, положившаго конецъ ея скромнымъ требованіямъ. Въ Африкѣ, гдѣ туземныя области разсматриваются вообще какъ *res nullius*, имѣетъ несомнѣнно разумное основаніе правило, что „кому берегъ, тому и прилегающая внутренняя область“, кому ближайшія къ побережью земли, тому и дальнѣйшія,—ибо все значеніе побережья заключается обыкновенно въ возможности эксплуатировать соответственную часть внутреннихъ земель. Еслибы можно было свободно занимать территорію „сзади“ прибрежныхъ колоній чужого европейскаго государства, то это было-бы равносильно праву отнимать у этихъ колоній всякій практической смыслъ и подрывать ихъ существованіе. Такъ, между прочимъ, поступила Англія относительно старыхъ прибрежныхъ владѣній Португаліи, и протесты этой маленькой державы едва были выслушаны лондонскимъ кабинетомъ. Другое дѣло—Германія; ея ссылки были взвѣшены и признаны основательными относительно тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ раньше не было никакихъ внѣшнихъ признаковъ англійскаго господства или вліянія. Подданные обѣихъ странъ пользуются свободою торговли и сношеній на правахъ взаимности, а также свободою совѣсти, проповѣди и обученія въ предѣлахъ разграниченныхъ территорій. Получивъ въ свое владѣніе султанатъ Виту съ островами Манда и

Патта и всю прибрежную область до Юбы (около экватора), англійское вліяніе, — какъ замѣчено въ депешѣ лорда Сольсбери — не будетъ имѣть никакихъ европейскихъ соперниковъ между 1° южной широты и границами Египта, на всемъ пространствѣ земель, расположенныхъ къ югу и западу отъ итальянскаго протектората въ Абиссиніи. Приобрѣтенный, сверхъ того, протекторатъ надъ Занзибаромъ упрочиваетъ англійское господство надъ всею вообще восточною Африкою. Правда, какъ оказалось изъ происходившихъ затѣмъ преній во французской палатѣ депутатовъ, существуетъ англо-французская конвенція 1862 г., обеспечивающая независимость Занзибарскаго султана; къ этой конвенціи еще недавно, въ 1886 году, присоединилась и Германія. Но подобныя дипломатическія препятствія легко устраняются или обходятся посредствомъ надлежащаго „обмѣна мыслей“ между заинтересованными кабинетами, тѣмъ болѣе, что Франція не имѣетъ никакого реального интереса противиться отмѣнѣ или измѣненію конвенціи, фактически упраздненной съ согласія двухъ главныхъ ея участниковъ. Въ вознагражденіе за важныя нѣмецкія уступки въ Африкѣ, англійское правительство — какъ сказано далѣе въ упомянутой депешѣ, — рѣшилось внести въ парламентъ билль о передачѣ острова Гельгоlanda Германіи. „Этотъ“ островъ былъ удержанъ въ 1814 году, вѣроятно вслѣдствіе близости его къ Ганноверу, который тогда былъ связанъ съ Англіею единствомъ династіи. Гельголандъ никогда однако не разсматривался британскимъ правительствомъ какъ имѣющій оборонительное или военное значеніе; не было также попытки или предложенія вооружить его въ видѣ крѣпости. Британское правительство полагаетъ, что этотъ островъ значительно увеличивалъ бы отвѣтственность страны въ военное время, нисколько не способствуя ея безопасности. Поэтому нѣтъ основанія отказываться отъ включенія его въ территориальную сдѣлку, если существуютъ достаточные мотивы для такого шага. По мнѣнію правительства, расширеніе британскаго вліянія и господства по восточному берегу Африки, вытекающее изъ предполагаемаго договора, служить достаточнымъ побудительнымъ мотивомъ для согласія на присоединеніе острова Гельгоlanda къ германской имперіи. Будутъ поставлены условія, въ силу которыхъ всѣ живущіе нынѣ обитатели острова останутся свободными отъ обязательной военной или морской службы, а существующій размѣръ пошлинъ не измѣнится въ теченіе двадцати лѣтъ“. Такъ мотивируется передача Гельгоlanda въ официальной лондонской депешѣ отъ 14-го іюня.

Въ первыхъ извѣстіяхъ объ англо-германскомъ соглашеніи обратилъ на себя почти исключительное вниманіе фактъ уступки Гель-

голланда нѣмцамъ. Нѣмецкіе патриоты давно мечтали о приобрѣтеніи этого острова, находящагося недалеко отъ Гамбурга и устье въ Эльбу и имѣющаго поэтому политическую цѣнность только для Германіи. Совершенно справедливо заявлено со стороны Англій, что островъ не имѣлъ для нея никакого значенія; онъ могъ бы служить угрозой для нѣмецкаго побережья только въ томъ случаѣ, еслибы попалъ въ руки враждебнаго нѣмцамъ государства или еслибы англичане предполагали возможнымъ какое-либо столкновеніе съ Германіею, хотя бы въ далекомъ будущемъ. Уже одно то обстоятельство, что въ Англій не возникало даже мысли превратить Гельголандъ въ укрѣпленный пунктъ, показываетъ ясно, что идея о какомъ-либо серьезномъ политическомъ разладѣ или спорѣ съ Германіею вовсе не приходила въ голову англичанамъ: до того утвердилось убѣжденіе, что ничего другого, кромѣ мира и дружбы, не можетъ существовать между обѣими великими націями. Этимъ объясняется также и готовность Англій уступить Гельголандъ германской имперіи или „германскому императору“, какъ значится въ нѣмецкомъ текстѣ соглашения, обнародованномъ въ „Reichsanzeiger“ отъ 17-го іюня. Очевидно, и въ будущемъ Англія не предвидѣла и не предвидитъ даже отдаленныхъ поводовъ для сохраненія за собою такого пункта, который могъ бы имѣть значеніе угрозы для Германіи. Столь продолжительно и твердо сознаваемая солидарность интересовъ обѣихъ странъ освѣщается еще болѣе тѣмъ краснорѣчивымъ фактомъ, что самое обнародованіе договора совпадаетъ съ 75-лѣтнею годовщиною битвы при Ватерлоо (18-го мая 1815 г.), напоминающею объ англо-прусскомъ союзѣ и „братствѣ по оружію“ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Конечно, братство по оружію связывало позднѣе англичанъ и съ французами, во время крымской кампаніи; но нынѣшнее напоминовеніе о совмѣстной борьбѣ противъ Франціи, одновременно съ заключеніемъ сдѣлки съ Германіею, выясняетъ съ особенною яркостью истинный смыслъ уступки Гельголанда. Не мѣшаетъ также вспомнить, что Гельголандъ взятъ былъ англичанами у датчанъ, при захватѣ датскаго флота (безъ формальнаго объявленія войны) подъ предлогомъ предупрежденія враждебныхъ дѣйствій этого флота противъ Англій; поэтому историческая справедливость требовала бы, чтобы при передачѣ острова въ другія руки спрошено было и мнѣніе Даніи. „Times“ ссылается на то, что жители острова, которыхъ всего наберется около двухъ тысячъ, принадлежать къ германскому племени по языку и происхожденію, точно также какъ и шлезвигъ-голландцы. Но понятіе о германскомъ племени весьма эластично и широко; оно можетъ совмѣщать элементы, вовсе не стремящіеся къ объединенію съ Германіею и къ

подчиненію прусскому режиму. Очень можетъ быть, что населеніе Гельгоганда предпочло бы отдаться подъ власть Даніи, еслибы ему предоставлено было высказаться о своей будущей политической судьбѣ. Это предпочтеніе было бы тѣмъ болѣе естественно, что Германія, по всей вѣроятности, превратитъ островъ въ укрѣпленный стратегическій пунктъ и этимъ вытѣснитъ туземцевъ или поставитъ ихъ въ крайне трудное положеніе, чего, разумѣется, нельзя было бы ожидать отъ Даніи. Островъ самъ по себѣ, независимо отъ своей политической или стратегической важности, представляетъ мало интереса: на половину скалистый, на половину песчаный, пространствомъ въ одну английскую милю длины, онъ не только не принесетъ дохода германской казнѣ, но потребуетъ отъ нея еще значительныхъ приплатъ и издержекъ, а если въ дѣло вмѣшаются стратегическія соображенія, то финансовыя затраты могутъ дойти до многихъ милліоновъ. Оттого нѣмецкія газеты предусмотрительно назвали это приобрѣтеніе „идеальнымъ“, ибо давно уже извѣстно, что территоріальныя приобрѣтенія, дѣлаемыя во имя идеи, обходятся очень дорого въ смыслѣ реальномъ.

Судя по первымъ отзывамъ нѣмецкихъ газетъ, присоединеніе Гельгоганда возбудило радостныя и даже восторженныя чувства въ нѣмецкой печати и въ нѣмецкомъ обществѣ. Колоніальныя предпріятія были вообще мало популярны въ Германіи, и, кромѣ заинтересованныхъ кружковъ и торговыхъ фирмъ, очень немногіе интересовались успѣхами нѣмецкихъ экспедицій въ африканскихъ земляхъ, гдѣ приходилось считаться съ возраженіями и требованіями Англии, съ недоброжелательствомъ богатыхъ английскихъ компаній и съ опасною враждою туземцевъ. Большинство, повидимому, очень радо сбыть сомнительныя приобрѣтенія за болѣе близкій островокъ, дополняющій территоріальную цѣлость германскаго отечества и предвѣщающій вдобавокъ цѣнное союзничество англичанъ въ Европѣ. Однако среди общихъ восторговъ стали раздаваться также робкіе голоса, указывавшіе на вѣроятныя практическія послѣдствія присоединенія. Въ сущности германское правительство взяло на себя заботу о военной и политической охранѣ острова, который, оставаясь въ рукахъ Англии, едва-ли сдѣлался бы когда-нибудь предметомъ или поприщемъ военныхъ дѣйствій. Переходъ власти къ государству, постоянно ожидающему войны и непрерывно къ ней готовящемуся, совершенно измѣняетъ назначеніе и степень безопасности острова на случай международныхъ замѣшательствъ. Такъ какъ и безъ того принадлежность Гельгоганда англичанамъ была безразлична для Германіи и ничѣмъ ее не тревожила, то самое благоразумное было бы не возбуждать

вовсе вопроса о присоединеніи, которое никакихъ положительныхъ выгодъ доставить не можетъ, а потребуетъ только новыхъ военныхъ и финансовыхъ усилій для защиты острова отъ возможныхъ непріятельскихъ попытокъ. Но національное самолюбіе питается и удовлетворяется нерѣдко вовсе не тѣмъ, что дѣйствительно полезно и желательно для страны и для народа; нерѣдко высшей цѣлью считается именно то, что разоряетъ страну и народъ, что губитъ ихъ будущность и замыкаетъ всю политическую жизнь въ тѣсныя рамки безнадёжнаго милитаризма.

Пріятное впечатлѣніе, произведенное на нѣмецкую публику неожиданнымъ приобрѣтеніемъ Гельгоганда, должно было въ значительной мѣрѣ облегчить принятіе военнаго законопроекта, открывающаго дальнѣйшія перспективы на пути военныхъ приготовленій и затратъ. Эта обратная сторона медали вызвала основательную критику, опирающуюся на трудное финансовое положеніе націи; но кто рукоплещетъ приобрѣтенію Гельгоганда, тотъ не можетъ отказаться и въ средствахъ на продолженіе политики, позволяющей дѣлать такія безкровныя завоеванія. Потребованныя финансовыя средства были вотинованы большинствомъ парламента при дѣятельномъ участіи—какъ это ни странно—вождя партіи центра, Виндгорста. Виндгорстъ формулировалъ, съ своей стороны, нѣсколько пожеланій, которыя были одобрены бюджетною комиссіею и самимъ имперскимъ сеймомъ; эти пожеланія или вѣрнѣе „ожиданія“ заключаются въ томъ, чтобы правительство отказалось отъ преслѣдованія плановъ, клонящихся къ доведенію численности постоянной арміи до степени настоящаго народнаго ополченія, какъ намекалъ на это генераль Каприви въ одной изъ своихъ рѣчей; во-вторыхъ, чтобы при дальнѣйшемъ измѣненіи закона о мирномъ составѣ войскъ принято было за правило ежегодное обсужденіе военнаго бюджета, вмѣсто септенната; въ-третьихъ, чтобы въ возможно большей мѣрѣ сокращалось фактическое пребываніе лицъ въ рядахъ войска, посредствомъ болѣе частыхъ и продолжительныхъ отпусковъ, и въ-четвертыхъ, чтобы введеніе двухгодичнаго законнаго срока службы для пѣхоты сдѣлалось предметомъ серьезнаго обсужденія со стороны правительства. Эти резолюціи, въ сущности никого и ни къ чему не обязывающія, должны были, повидимому, прикрыть отступленіе вліятельной партіи центра отъ всегдашней ея оппозиціонной программы. Въ средѣ самой партіи грозилъ произойти по этому случаю расколъ; многіе не рѣшались слѣдовать за Виндгорстомъ въ вопросѣ о военномъ законѣ, въ виду извѣстнаго всѣмъ настроенія большинства избирателей. Испытанная ловкость и искусство Виндгорста одержали и на этотъ разъ побѣду.

Говорить, что для достиженія этого результата распространены были какіе-то странные слухи о рѣшимости Вильгельма II возбудить вопросъ о пересмотрѣ конституціи и отмѣнить всеобщую подачу голосовъ, въ случаѣ отказа имперскаго сейма утвердить военный законопроектъ безъ всякихъ измѣненій. Виндгорстъ какъ будто не договаривалъ чего-то въ своихъ двусмысленныхъ доводахъ въ пользу принятія закона; онъ дѣлалъ неясныя намеки, которые дѣйствительно могли быть истолкованы въ смыслѣ какихъ-то неопредѣленныхъ опасностей для парламентскихъ и народныхъ правъ. Эти слухи, вѣроятно, возбудили тревогу въ нѣкоторой части общества, такъ какъ даже въ насмѣшливыхъ возраженіяхъ прогрессистскихъ газетъ замѣчалась безпокойная нотка, свидѣтельствующая о неполномъ довѣрїи къ политическимъ принципамъ правительства. Трудно, однако, сомнѣваться, что побужденія Виндгорста и его партіи не имѣли ничего общаго съ предполагаемымъ страхомъ за участь нѣмецкаго парламента. Прогрессисты и социаль-демократы, которые должны были бы наибольше опасаться за сохраненіе основъ конституціи, вотируютъ противъ военнаго закона и, слѣдовательно, не боялись возможныхъ послѣдствій своего рѣшенія; за правительство подавали голоса консервативныя группы, которымъ хорошо живется и при суровомъ режимѣ и которыя несомнѣнно выиграли бы отъ ограниченія избирательныхъ правъ народа. Германія не такая страна, гдѣ замышляются государственные перевороты въ бонапартовскомъ духѣ; національныя нѣмецкія традиціи не допускаютъ мысли о томъ, что для государственной власти можетъ требоваться ограниченіе и стѣсненіе общественнаго контроля въ законодательныхъ и политическихъ дѣлахъ. Насколько мысль эта далека отъ правительственныхъ взглядовъ въ современной Германіи, можно видѣть изъ того, что принципъ всеобщей подачи голосовъ при выборахъ въ имперскій сеймъ принять былъ консервативнѣйшимъ изъ государственныхъ людей, Бисмаркомъ, и самымъ твердымъ и цѣльнымъ представителемъ монархическаго начала въ западной Европѣ, Вильгельмомъ I. Наконецъ, и Виндгорстъ не такой человѣкъ, чтобы руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ чувствомъ страха за парламентскія права, угрожаемыя будто бы по секрету генераломъ Каприви. Несравненно проще объясняется дѣло, если имѣть въ виду надежды и „ожиданія“ партіи центра, касающіяся положенія католической церкви въ Германіи. Виндгорстъ всегда держался правила — *do ut des*, согласно системѣ своего знаменитаго противника и учителя, князя Бисмарка; онъ не привыкъ оказывать правительству цѣнныя услуги даромъ, ради какихъ-нибудь сантиментальныхъ соображеній; онъ не-

сомнѣнно заручился соответственными обязательствами и уступками со стороны правительства, въ области вопросовъ, особенно интересующихъ партію центра и ея предводителя. Оказывается такимъ образомъ, что при генералѣ Каприви сдѣланъ былъ тотъ самый шагъ, изъ-за котораго Вильгельмъ I разошелся съ княземъ Бисмаркомъ. Попытка вступить въ секретные переговоры съ Виндгорстомъ была непосредственною причиною отставки бывшего канцлера; теперь эти переговоры велись, повидимому, настолько секретно, что они могли послужить даже предметомъ чистѣйшихъ фантазій, въ родѣ предполагаемыхъ посягательствъ на конституцію, и соглашеніе съ Виндгорстомъ не только не поколебало положенія новаго канцлера, но, напротивъ, укрѣпило благосклонность къ нему Вильгельма I. Все дѣло какъ будто въ томъ, что въ одномъ случаѣ переговоры начаты были, — а можетъ быть и не были еще начаты, — безъ предварительнаго разрѣшенія императора, а во второмъ случаѣ каждый шагъ канцлера опредѣлялся заранее, и переговоры велись съ предварительнаго согласія и одобренія высшей власти. Различіе сводится къ формѣ, а не къ сущности; но и форма имѣетъ громадную практическую важность въ жизни государствъ и народовъ. Впрочемъ, существуетъ ли соглашеніе съ Виндгорстомъ, или нѣтъ, — это пока остается еще предметомъ догадокъ, болѣе или менѣе правдоподобныхъ; для насъ любопытно только то, что безъ измѣненія правительственныхъ принциповъ произошло на нашихъ глазахъ въ Германіи весьма замѣтное и всѣми чувствуемое очищеніе и проясненіе политической атмосферы, позволяющее правительству достигать прежнихъ цѣлей съ большою легкостью и свободою, безъ ущерба для общаго настроенія.

Что касается Англій, то ея общественное мнѣніе было отчасти подготовлено къ благопріятной встрѣчѣ состоявшейся сдѣлки. Какъ въ Германіи главное вниманіе обращено было на уступку Гельго-ланда, такъ, напротивъ, англійскія газеты, кромѣ только немногихъ, заговорили почти исключительно о громадныхъ выгодахъ новаго разграниченія территорій въ восточной Африкѣ. Извѣстный путешественникъ Стэнли, со времени своего возвращенія въ Англію, велъ почти непрерывную энергическую пропаганду какъ въ печати, такъ и въ публичныхъ рѣчахъ, въ пользу болѣе настойчивой колониальной политики; онъ не уставалъ изображать успѣхи германцевъ въ странахъ, занятыхъ раньше англичанами и затѣмъ покинутыхъ безъ пользы, указывалъ на земельныя богатства, ускользающія изъ англійскихъ рукъ, и упрекалъ англійское правительство, что оно даетъ привилегированнымъ британскимъ компаніямъ понапрасну тратить капиталы на дѣло, могущее перейти во власть Германіи, благодаря чрез-

нѣрной уступчивости лондонскаго кабинета по отношенію къ могущественной нѣмецкой имперіи. Стэнли почти ежедневно произносилъ рѣчи въ разныхъ мѣстахъ страны, намекая на предстоящія новыя уступки въ пользу нѣмцевъ и запугивая англичанъ перспективою потери всѣхъ владѣній въ восточной Африкѣ; эта пропаганда стала серьезно волновать общественное мнѣніе въ Англіи, и самъ лордъ Сольсбери призналъ нужнымъ успокоить публику и опровергнуть предположенія Стэнли въ особой рѣчи, на банкетѣ лондонскаго общества портныхъ (въ концѣ мая, н. ст.). Стэнли также не остался въ долгу и отвѣтилъ весьма вѣжливой, но вѣской и убѣдительною статьею въ „Times“ѣ, объясняющею фактическое значеніе сдѣланныхъ уже уступокъ въ восточно-африканскихъ владѣніяхъ. Послѣ этой оппозиціонной кампаніи, энергически веденной американцемъ Стэнли, англійская публика могла только привѣтствовать блестящіе результаты, достигнутыя въ Африкѣ посредствомъ соглашенія съ Германіею, и первый сигналъ къ этимъ одобрительнымъ отзывамъ данъ былъ тѣмъ же Стэнли, который еще до обнародованія договора, по первымъ извѣстіямъ объ его содержаніи, провозгласилъ лорда Сольсбери „однимъ изъ мудрѣйшихъ министровъ нашего столѣтія“. То, что сказано было Стэнли на банкетѣ въ Глазговѣ, 12-го іюня (н. ст.), развивается и повторяется имъ позднѣе съ тѣмъ же увлеченіемъ, съ каковымъ онъ прежде критиковалъ политику лорда Сольсбери за непростительную слабость въ африканскихъ дѣлахъ. Стэнли предостерегалъ и критиковалъ, какъ теперь хвалить и привѣтствуетъ, единственно лишь въ качествѣ лучшаго и опытнѣйшаго эксперта-специалиста по дѣламъ Африки, а вовсе не какъ политическій ораторъ или журналистъ, считающій почему-либо нужнымъ вести оппозицію противъ даннаго министерства; это именно и придавало особенную силу доводамъ и заявленіямъ Стэнли въ глазахъ большинства англійскаго общества. Насколько можно судить по вышнимъ признакамъ, англо-германская сдѣлка успокоила и удовлетворила обѣ стороны, что вообще бываетъ рѣдко въ подобныхъ случаяхъ.

Французскія газеты, въ томъ числѣ такіа серьезные, какъ „Temps“, упрекаютъ Англію за непонѣрную угодливость передъ могущественною Германіею, и въ доказательство этой угодливости ссылаются на тотъ несомнѣнный фактъ, что къ требованіямъ и протестамъ Португаліи англичане отнеслись совсѣмъ иначе, чѣмъ къ преувеличеннымъ нѣмецкимъ притязаніямъ. Очевидно, что этотъ упрекъ относится одинаково ко всѣмъ вообще международнымъ отношеніямъ и ко всякой вообще вышней политикѣ, основанной на принципѣ силы и могу-

щества. И Франція, безъ сомнѣнія, не можетъ поступать съ Германіею такъ, какъ она поступила бы съ болѣе слабымъ государствомъ; она такъ же точно считается съ элементами матеріальной силы въ Европѣ, какъ и Англія, и тѣ же соображенія, которыя побуждаютъ англійское правительство дѣлать уступки германцамъ, заставляютъ французскіе выказывать спеціальную дружбу къ могущественной и отдаленной Россіи. Мы не думаемъ, чтобы французскія симпатіи ко всему русскому происходили изъ другихъ мотивовъ, чѣмъ англійскія влеченія къ Германіи, и намъ кажется безцѣльнымъ лицемѣриемъ упрекать другія державы за политическую практику, составляющую общее достоинство и усвоенную всѣми государствами въ одинаковой мѣрѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля, 1890.

— *Е. Щепкиной. Старинные пожитки на службу и дома. Изъ семейной хроникѣ (1578—1762). Спб. 1890.*

Г-жа Щепкина уже не разъ останавливалась на томъ любопытномъ историческомъ матеріалѣ, какой доставляютъ записки извѣстнаго Андрея Тимофеевича Болотова; однажды она извлекла изъ нихъ указанія на популярную беллетристическую и образовательную литературу, которая была въ ходу въ половинѣ прошлаго столѣтія; въ другой разъ, по поводу разсказовъ Болотова о своихъ предкахъ, она предприняла самостоятельныя разысканія, по старымъ архивнымъ документамъ, о судьбахъ этихъ предковъ, восходя до XVII и даже до конца XVI вѣка. Въ настоящей книгѣ она собрала свои изслѣдованія въ одно цѣлое. Въ предисловіи г-жа Щепкина говоритъ: „Не разъ воспользовавшись записками А. Т. Болотова для отдѣльныхъ очерковъ, съ помощью его указаній разыскавъ по архивнымъ документамъ его предковъ XVI и XVII вв., мы рѣшаемся теперь соединить въ одинъ связный разсказъ всѣ тѣ данныя для характеристики нѣсколькихъ поколѣній одной и той же семьи изъ стариннаго служилаго сословія, которыя мы почерпнули изъ многотомныхъ записокъ. Намъ, главнымъ образомъ, побудило къ этому желаніе привести въ тѣсную связь поколѣнія до-Петровскаго времени, съ ихъ жизнью и обстановкой, съ поколѣніями первой половины XVIII в. Занимаясь только судьбами представителей служилаго класса, мы прерываемъ свое повѣствованіе на томъ моментѣ, когда указъ о вольности дворянства закончилъ исторію этого класса. Въ 1762 г. наступаетъ уже другая эпоха съ усложнившимися общественными отношеніями, съ болѣе широкими потребностями; жизнь поколѣній Екатерининскаго вѣка входитъ въ новыя рамки, и съ ними переносится въ XIX в.; поэтому посвященныя ей двѣ трети записокъ Бо-

лотова смѣло могутъ служить матеріаломъ для особой цѣльной работы“.

Въ результатѣ получается очень любопытная картина помѣщичьей жизни съ конца XVI до второй половины XVIII вѣка, проведенная въ одномъ дворянскомъ родѣ средняго, а временами малаго достатка,— картина, которая, однако, можетъ служить типической. Не вина автора, конечно, что за старые вѣка исторія этого дворянскаго рода довольно скудна бытовыми подробностями: для этой исторіи въ XVI и XVII вѣкѣ не было ничего похожаго на обстоятельныя записки Андрея Тимоѣевича; единственнымъ источникомъ оставались писцовыя книги и другія подобныя официальныя данныя о земельномъ владѣніи, челобитныя по земельнымъ спорамъ и т. п. и, наконецъ, общія историческія свѣденія о положеніи того края, гдѣ проживали дальнѣйшіе и ближайшіе предки Болотова. Это былъ тульскій край и именно часть его около города Каширы. Въ XV вѣкѣ сѣверныя части пинѣшнихъ тульской и калужской губерній и южная часть московской составляли еще южную окраину московскаго государства. Эта окраина въ особенности подвергалась набѣгамъ крымскихъ татаръ, и города строились здѣсь сообразно съ тѣми дорогами, по которымъ совершались крымскіе набѣги, и составляли собственно линію укрѣпленій. Эти дороги, по тогдашнему—шляхи и сакмы, были давно хорошо извѣстны русскимъ, и татары намѣчали ихъ обыкновенно въ расчетѣ избѣгать трудныхъ переправъ черезъ рѣки. Эта сторожевая линія должна была сдерживать татарскія нападенія и долго несла эту службу; не всегда пограничныя отряды въ состояніи были отбивать татаръ — они прорывались, и еще въ XVI столѣтіи, въ 1571 и 1572 годахъ, произошло нашествіе Девлетъ-Гирея, когда выжжена была вся Москва и погибло, какъ считаютъ, до милліона народа. Съ теченіемъ времени южная граница раздвинулась, устроена была новая сторожевая линія, но опасность набѣговъ оставалась и въ XVII столѣтіи, и даже дольше: когда въ XVIII столѣтіи южная граница государства лежала уже далеко въ степи, на юго-востогѣ происходили еще набѣги кубанцевъ. Такимъ образомъ служилое сословіе, изъ котораго впоследствии образовалось дворянство, несло здѣсь весьма нелегкую военную службу, на которую должно было являться лично съ своимъ оружіемъ и извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ людей. Эта служба и вознаграждалась назначеніемъ помѣстій, и такъ какъ воинская повинность исполнялась преемственно, отъ отцовъ въ сыновьямъ, то и отцовскія помѣстья переходили къ сыновьямъ—взрослые тотчасъ исполняли эту службу, малолѣтніе обзывались къ ней въ будущемъ.

Г-жа Щепкина разыскала предковъ Болотова до царствованія

Грозного и подробно перебираетъ генеалогію и исторію помѣстій этого рода. Большею частью, это были владѣльцы мелкопомѣстные, жизнь была скудная и тревожная, не только отъ татаръ, но и отъ своихъ. „Лично о каждомъ изъ Болотовыхъ ничего нельзя сказать точно, кромѣ того, что даетъ писцовая книга; книги десятень съ ихъ именами не дошли до нашего времени: на сторожахъ своей украины караулили они татаръ, рыли землю для рововъ и валовъ, получая за эту службу 2, 3 р. прибавки въ полгода. Дома имъ часто приходилось работать въ полѣ за недостаткомъ рабочихъ рукъ, и притомъ не зѣвать: къ нимъ и въ мирное время легко могли забраться татары и затащить въ плѣнь прямо съ пашни. Обижала и своя братія: сбившійся съ толку боярскій сынъ собиралъ вокругъ себя любителей легкой наживы и ходилъ съ топорами и рогатинами на помѣщиковъ и на крестьянъ; удалая шайка била своихъ же земляковъ до увѣчья и смерти, отнимала имущество, ничѣмъ не гнушась, часто для того только, чтобы немедленно пропить легкую добычу въ первомъ кабакѣ. Подчасъ, какъ татаринъ, боярскій сынъ завозилъ ихъ женъ и дочерей въ свою усадьбу и старался закрѣпить ихъ себѣ въ холопство“.

Уѣзды украины безпрестанно призывались къ осторожности и держались на-готовѣ къ войнѣ. То-и-дѣло проскакивали мимо Кашеры, съ дальнихъ сторонъ гонцы или сами станичныя головы; чулки, привычныя уши сторожевыхъ развѣдчиковъ издали слышали на сакмахъ и шляхахъ топотъ коней передовыхъ татарскихъ всадниковъ.—„Позади сакмы слышенъ звукъ великій, чаяли приходу царева“ (т.-е. ханскаго),—докладывали головы въ Москвѣ кому слѣдовало (стр. 8).

Кромѣ того, помѣщикамъ приходилось отправляться и на разныя войны, на которыя надо было идти такимъ же способомъ, т.-е. съ своими людьми, оружіемъ и пищею. Для мелкопомѣстныхъ это бывало весьма нелегко, государство выдавало только небольшія денежныя пособія. „Старинные документы рисуютъ такія тяжелыя картины военной жизни и походнаго обихода, которыя вполне объясняютъ обиліе „нѣтей“ и побѣговъ изъ полковъ. Измученные голодовкой, безъ надзора и попеченій, помѣщичьи латники и холопы толпами бѣжали отъ своихъ господъ, а помѣщики, особенно одинокіе бѣдняки, охотно скрывались отъ своихъ головъ и окладчиковъ“. И самое хозяйство было скудно; крестьянъ вообще было мало, и мелкопомѣстнымъ самимъ приходилось работать въ полѣ. „Тогдашняя служба рассчитывала на крайнюю неприхотливость и привычку къ скудости, на желѣзный закалъ и безшабашную смѣлость русскаго человека. Въ XVII в. недостатки нашего стариннаго строя сдѣлались

такъ ощутительны, что съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича появляются вполне ясныя признаки перехода къ западному регулярному строю, и съ каждымъ походомъ появляется все больше и больше солдатъ, рейтаръ и драгунъ подъ начальствомъ иностранныхъ офицеровъ“ (стр. 13).

Для людей непредубѣжденныхъ очевидно, что эти „рейтары“, которые еще въ первой половинѣ XVII вѣка являются въ русскомъ войскѣ подъ нѣмецкимъ названіемъ, а при Алексѣѣ Михайловичѣ являются цѣлыми полками подъ начальствомъ иностранныхъ офицеровъ, были именно прямыя предшественники военныхъ преобразованій Петра Великаго,—какъ и многое другое въ реформѣ было логическимъ результатомъ давнихъ попытокъ русской жизни усвоить тѣ или другія формы европейской культуры; разница была только въ томъ, что вмѣсто слабыхъ и, въ сущности, неудовлетворительныхъ опытовъ Петръ поставилъ смѣлое и энергическое нововведеніе.

Г-жа Щепкина указываетъ на родѣ Болотовыхъ это наступленіе новаго порядка. Въ 1690 году умеръ послѣдній бородавый помѣщикъ изъ этого рода; дѣдъ и отецъ служили уже въ Петровскомъ войскѣ, и отецъ Болотова былъ уже сознательнымъ приверженцемъ новыхъ порядковъ и цѣнилъ нѣмецкое образованіе, которое передалъ и своему сыну (Андрей Тимоѣевичъ родился въ 1738 году).

Книга г-жи Щепкиной распадается на нѣсколько главъ: „старыя поколѣнія“; „поколѣніе эпохи преобразованій“; „воспитаніе въ XVIII вѣкѣ“; „сельская жизнь и хозяйство въ половинѣ XVIII вѣка“; „военная служба“, съ эпизодами о Гросс-эгерсдорфской битвѣ и стоянѣ русскихъ въ Кѣнигсбергѣ, наконецъ, „популярная литература въ серединѣ XVIII вѣка“. Въ послѣднихъ главахъ г-жа Щепкина основывается главнымъ образомъ на запискахъ Болотова, но обставляетъ ихъ другими историческими свидѣтельствами, такъ что названные отдѣлы являются очерками нравовъ нашего XVIII вѣка. Можно пожалѣть, что авторъ вообще не поставилъ шире своей задачи и не предпринялъ болѣе широкаго изложенія вмѣсто того, чтобы сдѣлать книгу только комментариемъ къ запискамъ Болотова. Мы не сомнѣваемся, что при своей начитанности въ источникахъ и умѣнии переноситься въ нравы другой эпохи авторъ сумѣлъ бы исполнить трудъ, котораго слишкомъ недостаетъ въ нашей литературѣ. Между прочимъ, говоря о воспитаніи, какъ оно поставлено было въ XVIII столѣтіи, г-жа Щепкина дѣлаетъ нѣсколько новыхъ, хотя и весьма простыхъ замѣчаній, которыя, въ самомъ дѣлѣ, необходимо принять въ расчетъ, чтобы правильно судить о предметѣ. Указавъ грубые недостатки тогдашняго воспитанія, о которыхъ говорятъ всѣ мемуары прошлаго вѣка и которые потомъ столько разъ бывали предметомъ

литературныхъ обличеній, г-жа Щепкина замѣчаетъ: „Уже многіе и тогда сознавали всѣ недостатки воспитанія; писатели-моралисты, особенно сатирики прошлаго вѣка, ядовито бичевали и родителей-воспитателей, и учителей, и школьные приемы своего времени. Это одна изъ самыхъ любимыхъ и самыхъ разработанныхъ темъ нашей русской сатиры. Судя по отзывамъ сатириковъ, можно, пожалуй, подумать, что недѣльные преподаватели изъ вучеровъ и сапожниковъ выпадали главнымъ образомъ на нашу безтолковую русскую долю; что только у насъ, въ старой крѣпостной Россіи, могли такъ безгранично царствовать розги и плети дяковъ Брудастыхъ, штыкъ-юнкеровъ и гѣмедкихъ каторжниковъ и пр., что только у насъ поступали на службу едва грамотные мальчишки. Вдвое сознаніе пороковъ своего общества—большая заслуга лучшихъ людей прошлаго вѣка; но теперь, подводя итоги прошлаго, желательно прежде, хотя бы въ краткихъ чертахъ, намѣтить, что въ этихъ темныхъ явленіяхъ нашего національнаго и что составляло еще общее достояніе всей эпохи. Ради этого при обзорѣ учебныхъ лѣтъ русскаго юноши полезно имѣть въ виду, какъ шло воспитаніе на Западѣ и у нашихъ ближайшихъ сосѣдей въ Польшѣ и прибалтійскомъ краѣ“ (стр. 67—68).

Въ XVIII вѣкѣ философія и въ томъ числѣ философія нравственная достигли высокаго развитія, создали много замѣчательнѣйшихъ произведеній, „но на дѣлѣ въ повседневной жизни еще туго прививалось простое человѣческое отношеніе сильнаго къ слабому, старшаго къ младшимъ; древнее право сильнаго замѣтно сказывалось въ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ“. Обращеніе съ дѣтьми было вообще крайне суровое; обращеніе съ ними въ школѣ было чисто мучительское. Если мы читаемъ въ нашихъ старинныхъ мемуарахъ и другихъ историческихъ свидѣтельствахъ о тѣхъ грубыхъ обычаяхъ, какими отличалась школа XVIII вѣка, о бессмысленныхъ изстязаніяхъ, какими почти неизмѣнно сопровождалось и школьное, и домашнее ученіе, то по справкѣ оказывается, что та же самая практика господствовала и въ школѣ западной: тамъ и здѣсь школа одинаково слѣдовала за популярнымъ представленіемъ, что воспитаніе и ученіе должны совершаться подѣ страхомъ. По словамъ Канта, то время было для дѣтей временемъ настоящаго египетскаго ига. Несмотря на процвѣтаніе науки въ университетахъ и въ высшей ученой сферѣ, низшая школа все еще оставалась въ крайнемъ пренебреженіи.

„Въ Германіи,—говоритъ г-жа Щепкина,—гувернеру-воспитателю (гофмейстеру) не платили больше 40 талеровъ въ годъ, возлагали на него веденіе книгъ по хозяйству, а обращались съ нимъ чуть-чуть лучше, чѣмъ съ прислугой. Въ школахъ, особенно провинціальныхъ,

масса учителей состояла изъ ремесленниковъ; объ этомъ официально свидѣтельствуесть прусскій указъ 1722 г.; въ пономари и школьные учителя могутъ поступать: портные, твачи, кузнецы, колесники и плотники; иныхъ ремесленниковъ не принимать. А въ школьномъ уставѣ 1736 г. сказано: если учитель-ремесленникъ, онъ можетъ прокормиться; если же онъ не знаетъ ремесла, ему разрѣшается на шесть недѣль отходить на поденную работу. Что же, въ самомъ дѣлѣ, смѣшного и страннаго, что почтенный нѣмецъ Вральманъ, переселясь въ варварскую Россію, съ чистою совѣстью изъ кучеровъ поступалъ въ гувернеры, а изъ гувернеровъ въ кучера, и какими идеалистами были въ свое время Фонъ-Визинъ и всѣ тѣ, кто вполне принималъ его творенія!“ (стр. 72—73)

Такимъ образомъ, недостатки стараго образованія, которые обличала сатира и комедія, происходили не только отъ неразумія тѣхъ, кто выбиралъ плохихъ учителей, но и просто отъ недостатка или даже полного отсутствія хорошихъ учителей. По справедливому предположенію автора, Вральманъ, бывши кучеромъ, могъ съ полнымъ правомъ быть элементарнымъ учителемъ: таково было состояніе педагогическаго у самихъ нѣмцевъ. Съ другой стороны, вѣкъ было бы замѣнить его? Свой русскій учитель могъ быть только какой-нибудь дьячокъ или Цыфиркинъ. Сатира не совсѣмъ попадала въ цѣль. Незадолго передъ тѣмъ временемъ, какое изображалъ Фонъ-Визинъ, такого рода незатѣйливые учителя были у Андрея Тимофеевича Болотова.

Послѣдняя глава книги есть интересный историко-литературный очеркъ, гдѣ г-жа Щепкина даетъ характеристику той переводной литературы, каковая была у насъ въ ходу въ половинѣ прошлаго вѣка, какъ единственное беллетристическое чтеніе. Вообще книга г-жи Щепкиной представляетъ удачный опытъ культурной исторіи русскаго общества. Эта исторія до сихъ поръ остается очень мало разработанной, и это очень жаль, такъ какъ, не говоря о большомъ историческомъ интересѣ предмета, культурная исторія, исторія быта, нравовъ, общественнаго образованія, исторія непосредственнаго склада жизни, можетъ въ особенности служить къ популярному объясненію цѣлага историческаго развитія. За послѣднее время, по XVIII вѣку собралось въ этомъ отношеніи столько матеріала, что разработка его могла бы дать много исторически важныхъ и поучительныхъ результатовъ.

— *Литературныя встрѣчи и знакомства. А. Милюкова. Спб. 1890.*

Далѣ въ заглавіи названы слѣдующія лица: Кокошкинъ; Языковъ; Гоголь; Введенскій; Сенковскій; Бутковъ; Герценъ; Достоевскій; Ап. Григорьевъ и Мей. Литературныя встрѣчи и знакомства г. Милюкова идутъ съ очень давняго времени, а именно: Кокошкина, известнаго нѣкогда директора московскаго театра и переводчика Мольеровскаго „Мизантропа“ и любителя сцены, г. Милюковъ зналъ въ послѣдніе годы его жизни, самъ бывши тогда еще гимназистомъ,— зналъ потому, что семейство ихъ жило въ домѣ Кокошкина; болѣе ново, но также порядочно давне было знакомство съ Языковымъ—не известнымъ поэтомъ (Н. М.), а старымъ историкомъ и археологомъ Д. И., переводчикомъ Шлёцера „Нестора“, „Путешествій къ тата-рамъ“, и пр., и дѣятелемъ російской академіи. Далѣ идутъ въ воспоминаніяхъ г. Милюкова сороковые, пятидесятыя и шестидесятыя года.

Авторъ такъ давно вращается въ литературныхъ кругахъ и, какъ видно изъ приведеннаго списка, зналъ круги столь разнообразныя, что отъ его воспоминаній можно было бы ожидать интересной характеристики пережитыхъ имъ временъ и известныхъ ему людей; но въ настоящей книгѣ мы не нашли того, чего можно было бы ожидать отъ такого опыта. Разказы носятъ слишкомъ отрывочный и анекдотическій характеръ: онъ былъ бы въ пору или тамъ, гдѣ есть уже обстоятельныя біографіи, въ которыхъ могли бы применить новыя подробности, или тамъ, гдѣ пишущій не въ состояніи сказать ничего больше, но въ нашемъ положеніи исторіи литературы эта форма и это содержаніе разказовъ не даютъ того, что было бы именно желательно. Въ данномъ случаѣ мы, напримѣръ, до сихъ поръ не имѣемъ сколько-нибудь обстоятельной біографіи Аполлона Григорьева, а г. Милюковъ сообщаетъ о немъ анекдотъ. Подобнымъ образомъ нѣтъ біографіи Буткова; относительно Кокошкина и Языкова г. Милюковъ не помогъ своему читателю никакимъ указаніемъ на то, гдѣ бы онъ могъ познакомиться ближе съ біографіями описываемыхъ лицъ; остальные имена достаточно известны и могутъ не требовать подобныхъ указаній, хотя и здѣсь можно было бы ожидать иногда большей определенности.

Между прочимъ, одно время авторъ довольно близко видѣлъ Сенковскаго, въ журналѣ котораго работалъ. Известно, что этотъ писатель, нѣкогда чрезвычайно популярный, потомъ, еще при жизни, совершенно забытый, вызывалъ самыя противоположныя мнѣнія: когда его дѣятельность была закончена, въ ней подведенъ былъ весьма

неблагоприятный итогъ; результаты многолѣтняго труда Сенковскаго въ литературѣ были признаны отрицательными, не только бесполезными, но вредными; у него не видѣли никакого убѣжденія и, напротивъ, только безсодержательное шутовство или мефистофелевскую насмѣшку надъ тѣмъ, чѣмъ дорожила русская литература, въ чей она видѣла свои надежды. Но нашелся и защитникъ въ лицѣ Дружинина, человека, безъ сомнѣнія, искренняго и даровитаго. Къ этому спору ничего не прибавляютъ отзывы г. Милюкова.

„Литературныя сужденія Сенковскаго,—говорить онъ,—отличались странностями, совсѣмъ непонятными въ чловѣкѣ такого высокаго ума и вкуса: то онъ самымъ серьезнымъ образомъ и совершенно безкорыстно превозносилъ похвалами какую-нибудь до очевидности плохую вещь, то безъ всякаго повода унижалъ и осмѣивалъ произведение высоко-талантливое. И трудно было угадать, зависѣло ли это отъ желанія казаться оригинальнымъ, или просто отъ расположенія духа въ извѣстную минуту... Во всякомъ случаѣ, его несправедливые и парадоксальныя отзывы о многихъ литературныхъ явленіяхъ происходили не отъ недостатка эстетическаго вкуса или нежеланія понять значеніе этихъ явленій.

„У меня остался въ памяти разговоръ о Гоголѣ, причемъ я заподозрила, что странныя выходки Сенковскаго противъ автора „Мертвыхъ Душъ“ едва ли выражали его дѣйствительное убѣжденіе. Онъ какъ-то упрекнулъ молодое поколѣніе въ пристрастіи къ реальной школѣ и замѣтилъ, что новая критика, во главѣ которой стоялъ Бѣлинскій, неумѣренными похвалами Гоголю надѣлаетъ много вреда русской литературѣ. „Бѣда не въ томъ, говорилъ Сенковскій, что вы собьете съ толку вашего кумира и заставите его считать себя величайшимъ гениемъ въ мірѣ: пускай онъ воображаетъ себя Гомеромъ и Оомою Кемпійскимъ—скорѣе допишется до абсурда. Гораздо хуже то, что ваша критика восторженными панегириками ему расплодитъ толпы маленькихъ Гоголей, которые доведутъ его азартъ до омерзительной пошлости и совсѣмъ испортятъ вкусъ публики. Вотъ и теперь уже нельзя безъ перчатокъ брать въ руки иныхъ книгъ, а скоро придется или окуривать ихъ, или выбрасывать въ помойную яму. Увидите, какая грязно-реальная школа расцвѣтетъ подъ вліяніемъ вашего хохлацкаго корифея. Вѣдь подражателямъ не удастся усвоить его природнаго юмора: они только будутъ подчивать васъ его галушками, приправленными лукомъ и коноплянымъ масломъ“ (стр. 97—99).

Приведенныя слова ничего не прибавляютъ къ объясненію литературныхъ идей Сенковскаго; его нападенія на Гоголя, особливо при

появленіи „Мертвыхъ Душъ“, не объясняются тѣми словами, какія приводятся здѣсь г. Милюковымъ.

Едва ли не самое интересное въ цѣлой книжкѣ есть разсказъ объ извѣстномъ нѣкогда, въ сороковыхъ годахъ, а теперь забытомъ писателѣ, Бутковѣ. Это былъ молодой тогда беллетристъ, разсказы котораго, „Петербургскія вершины“, были очень замѣчены, какъ новый опытъ литературнаго реализма, воспитаннаго Гоголемъ. Бутковъ по происхожденію былъ мѣщанинъ; предметомъ его описавій была жизнь мелкаго и бѣднаго столичнаго населенія; разсказы отличались полнымъ знаніемъ этого быта и извѣстною талантливостію. Авторъ встрѣчалъ Буткова въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“, гдѣ печатались его повѣсти; Бутковъ чувствовалъ себя крайне неловко въ литературномъ кругу, и г. Милюкову только съ большимъ трудомъ удалось сойтись съ нимъ нѣсколько ближе.

Нѣкоторыя обстоятельства его жизни были уже мнѣ извѣстны. Онъ былъ мѣщанинъ изъ какого-то уѣзднаго города, помнится, саратовской губерніи, не получилъ почти никакого образованія и принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ самородковъ, которые почти безъ всякаго ученія воспитывались и развивались на одномъ только чтеніи. Частію пѣшкомъ, а отчасти съ случайными попутчиками, добрался онъ до Петербурга, поселился въ углу на какой-то изъ глухихъ вершинъ и успѣлъ найти доступъ въ редакцію журнала, гдѣ въ представленныхъ имъ литературныхъ опытахъ умѣли подмѣтить дарованіе. Но скоро встрѣтилось обстоятельство, которое могло надолго, а можетъ быть и навсегда, отвлечь его отъ литературы. Объявленъ былъ рекрутскій наборъ, и ему, по званію и семейному положенію, необходимо было идти въ солдаты. Къ счастью, его спасъ отъ этого А. А. Краевскій: онъ купилъ ему рекрутскую квитанцію, съ тѣмъ, чтобы Бутковъ выплачивалъ за нее вычетомъ части гонорара за статьи, помѣщаемыя въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (стр. 107—108).

Бутковъ былъ изъ разряда тѣхъ писателей-бѣдняковъ, какіе въ это время являются въ первый разъ въ нашей литературѣ, съ той новой чертой содержанія, что они изображали именно ту область жизни, какую знали по личному опыту. Какъ извѣстно, наша литература въ поэзіи и беллетристикѣ, по составу писателей, была, по преимуществу, литература высшаго класса; теперь она начинаетъ демократизироваться и вмѣстѣ съ этимъ ея содержаніе расширяется изображеніями быта, до тѣхъ поръ мало тронутаго. Правда, можно было бы считать, что начало полагалъ тотъ же Гоголь „Шинелью“, а потомъ Достоевскій—„Бѣдными людьми“; но, быть можетъ, та новая демократическая литература, о которой мы говоримъ, созда-

лась независимо, подъ вліяніемъ скорѣе цѣлаго тона тогдашней общественности, изъ котораго вышла и повѣсть Достоевскаго. Бутковъ былъ не одинъ; такимъ же беллетристомъ-пролетаріемъ былъ очень извѣстный въ началѣ 50-хъ годовъ Кокоревъ; позднѣе таковы были Рѣшетниковъ, Левитовъ и др.

„Бутковъ, какъ мы замѣтили, никакъ не могъ освоиться съ литературнымъ кругомъ, въ которомъ давали ему мѣсто его произведенія. На редакцію „Отечественныхъ Записокъ“ онъ смотрѣлъ какъ на вѣдомство, и Краевскій представлялся ему, вѣроятно, не иначе какъ въ родѣ директора департамента.

„Однажды, — рассказываетъ г. Милюковъ, — мнѣ удалось выйти вмѣстѣ съ нимъ (изъ редакціи „Отеч. Зап.“) и дорогой я спросилъ: отчего онъ какъ будто стѣсняется чѣмъ-то въ редакціи?

Бутковъ, прежде чѣмъ отвѣчать, оглянулся назадъ, точно хотѣлъ увѣриться, не подслушиваетъ ли насъ кто-нибудь, и сказалъ:

— Нельзя... начальство-съ.

— Какое начальство?

— Литературные генералы... Маленькимъ людямъ надо это помнить.

— Что за пустыни! А со мной-то отчего же вы тамъ не говорите?

— При начальствѣ неловко-съ. Я—мелкота.

— Полноте: развѣ вы не такой же литераторъ, да еще даровитѣе многихъ?

— Что тутъ даровитосты! Я вѣдь кабальный.

— Съ чего вы это взяли?

— Вѣрно-съ.

— Зачѣмъ же вы туда ходите, если вамъ это непріятно?

— Нельзя не являться: къ непочтенію и строптивости права отнесутъ. Могутъ гнѣваться-съ.

„И я не могъ добиться ничего больше“ (стр. 110—111).

Ему случилось имѣть дѣло и съ настоящимъ литературнымъ начальствомъ. По поводу своихъ повѣстей онъ обращался раза два въ цензурный комитетъ, и начальникъ комитета (не называемый г. Милюковымъ; судя по времени, это былъ Мусиятъ-Пушкинъ), которому казалось крайне неодобрительнымъ направленіе повѣстей, обрушивался на Буткова съ величайшимъ гнѣвомъ и грозился даже отдать его подъ надзоръ полиціи. Сцены бесѣдъ Буткова съ этимъ начальникомъ, передавая г. Милюковымъ весьма вѣроподобно (стр. 117—130), составляютъ характерную иллюстрацію тѣхъ временъ.

— *Письмъ о Нибелунгахъ*. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Съ средне-верхне-нѣмецкаго размѣромъ подлинника переводъ М. И. *Кудряшевъ*. Изданіе журнала „Пантеонъ Литературы“. Спб. 1890.

Предпріятіе г. Кудряшева нельзя не назвать весьма замѣчательнымъ. Средневѣковая литература извѣстна у насъ вообще чрезвычайно мало; можно сказать, что она извѣстна отдѣльными частями только въ небольшомъ кругѣ специалистовъ, возникшемъ особенно со времени основанія въ университетахъ кафедръ иностранныхъ литературъ. Изученія, основанія у насъ съ этого времени, направляются въ особенности на средневѣковой періодъ европейскихъ литературъ, и хотя университетскій курсъ въ нашихъ условіяхъ, собственно говоря, не долженъ бы былъ слишкомъ специализироваться,—университетъ долженъ служить у насъ какъ цѣлямъ чистой науки, такъ и цѣлямъ общаго образованія, и въ обоихъ отношеніяхъ было бы важно установить цѣльный курсъ главнѣйшихъ европейскихъ литературъ,—но упомянутое предпочтеніе все-таки довольно понятно. Средніе вѣка составляютъ начальный періодъ новѣйшихъ литературъ; у насъ литература среднихъ вѣковъ всего менѣе извѣстна; въ наукѣ европейской она составляетъ въ настоящее время предметъ особенно ревностныхъ разысканій; къ ней тѣсно примыкаетъ все усиливающееся въ европейской литературѣ изученіе народной поэзіи и преданій, объединяемыхъ подъ словомъ *folklore* (которое, съ англійскаго, становится теперь техническимъ терминомъ у французовъ, итальянцевъ, испанцевъ и даже нѣмцевъ) и въ этомъ пунктѣ давно замѣчена связь западныхъ средневѣковыхъ литературъ съ русской стариной и народнымъ преданіемъ. Г. Кудряшевъ принадлежитъ къ числу питомцевъ этой нео-филологической школы, которая между прочимъ начинаетъ вводить въ нашу литературу замѣчательнѣйшія произведенія средневѣковой національной поэзіи. Польза подобныхъ предпріятій не подлежитъ сомнѣнію: для большой литературы,—каковъ должна бы быть наша литература, какъ литература большого народа и главнѣйшая въ ряду славянскихъ,—необходимо воспринять основныя произведенія древней и новой поэзіи, какъ основныя произведенія науки. Это не только расширяетъ средства образованія, доступнаго на русскомъ языкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ расширяетъ горизонтъ ея собственной дѣятельности. Всѣмъ понятно, что русская литература должна была усвоить себѣ созданія Гомера, Данта, Шекспира, Гёте, Байрона; но такимъ же образомъ, для своего собственнаго роста и достоинства, она должна стараться усвоить и еще много другихъ произведеній, которыя были характерными національными созданіями цѣлыхъ историческихъ періодовъ, и къ числу такихъ произведеній несомнѣнно

принадлежитъ „дѣсна о Нибелунгахъ“. Исполненіе такихъ предприятий бываетъ соединено съ большими затрудненіями. Переводчикъ, особливо обращаясь къ древности или среднимъ вѣкамъ, имѣетъ передъ собою произведеніе, столь далекое отъ современной жизни и понятій, столь далекое по всему складу быта, мышленія, фантазіи и языка, что нуженъ всегда большой трудъ для того, чтобы переводъ приобрѣлъ существенное свое качество — сохранилъ колоритъ подлинника.

Г. Кудряшевъ приступаетъ къ дѣлу весьма обстоятельно. Переводу предпослано обширное введеніе (139 страницъ), гдѣ переводчикъ въ нѣсколькихъ главахъ сообщаетъ предварительныя историко-литературныя свѣденія, необходимыя для пониманія поэмы. Онъ говоритъ объ исторіи текста, приводитъ библиографію его изданій, содержаніе поэмы, излагаетъ вопросъ о происхожденіи поэмы, указываетъ историческій и мифологическій элементы поэмы, наконецъ объясняетъ художественное значеніе Нибелунговъ. Между прочимъ, онъ ставитъ и вопросъ о задачѣ подобныхъ переводовъ. Г. Кудряшевъ старался вообще передать поэму на русскомъ языкѣ сколько можно ближе къ подлиннику: немалая трудность заключалась въ сохраненіи размѣра подлинника, непривычнаго въ русскомъ стихѣ, и это желаніе сохранить размѣръ было совершенно естественно, какъ считается естественнымъ желаніе переводить Гомера гекзаметромъ. Въ подтвержденіе своего взгляда на задачу перевода г. Кудряшевъ припоминаетъ отзывъ, высказанный въ 50-хъ годахъ по поводу переводовъ Шекспира, Кетчера, который въ своемъ прозаическомъ переводѣ старался именно сколько возможно передать оригинальный языкъ подлинника. Критикъ 50-хъ годовъ особенно одобрялъ его за то, что онъ „всего болѣе старался о возможно близкой и вѣрной передачѣ подлинника не только въ главныхъ его чертахъ, но и въ малѣйшихъ подробностяхъ, не забывая при этомъ, всегда ли такая вѣрность придется по вкусу современному читателю, часто не готовому къ тѣмъ неожиданностямъ, своевольствамъ и странностямъ выраженія, съ которыми встрѣтится онъ у Шекспира на каждомъ шагѣ. Переводчики имѣютъ привычку все это посягачить, повыпрямить и пообдѣлать, представить чудный языкъ Шекспира какъ можно болѣе подходящимъ къ употребительному теперь въ обществѣ и въ книжкахъ лучшихъ нынѣшнихъ сочинителей. Этотъ приемъ, которымъ болѣе или менѣе одержимы почти всѣ переводчики Шекспира, кажется намъ совершенно ложнымъ. Шекспиръ и для современнаго англичанина представляетъ бездну странностей въ выраженіи, не говоря уже объ устарѣлости языка. Чтожь, еслибы, на этомъ основаніи, какой-нибудь англійскій сочинитель вздумалъ въ наше время переименовать Шекспира на новый

ладъ? Вы просто назвали бы его варваромъ?—Ну, такими же варварами кажутся намъ и переводчики, сглаживающіе въ послѣднемъ вкусѣ, au goût du jour, причуды и рѣзкости великаго подлинника... Лучше ужъ грѣшить излишней близостью къ подлиннику, чѣмъ произвольнымъ переложеніемъ его особенностей на свой личный, въ этомъ случаѣ ни для кого не интересный вкусъ: главное все-таки языкъ и манера самого поэта, а не переводчика“.

Это, безъ сомнѣнія, справедливо, но трудность состоитъ въ томъ, что манера произведенія, которая можетъ казаться чужому читателю сложной и трудной, остается свѣжа и естественна на своемъ языкѣ; задача переводчика тогда и исполнена должнымъ образомъ, когда близкая передача сохраняетъ и на другомъ языкѣ эту естественность и свѣжесть; буквальные переводы, преслѣдуя одну цѣль, очень часто не въ состояніи выполнить этого второго условія. Большая или меньшая степень успѣха зависитъ здѣсь (не говоря о полномъ обладаніи языкомъ подлинника) отъ литературнаго дарованія переводчика: въ немъ онъ, конечно, не воленъ, но еслибы даже переводъ и имѣлъ какіе-нибудь собственно литературные недостатки, онъ, если только вѣренъ, всегда сохранитъ заслугу перевода научнаго и всегда послужитъ съ пользой для тѣхъ, кто хотѣлъ бы познакомиться съ знаменитымъ произведеніемъ чужой литературы.

Переводъ г. Кудряшева вызвалъ у нѣкоторыхъ критиковъ неодобреніе съ этой чисто литературной стороны; его находили тяжелымъ, но должно сказать, что и подлинная поэма не отличается особенно легкостью стиля. Переводчикъ старался во всякомъ случаѣ точно передавать свой оригиналъ, и исполненный имъ трудъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія, что знаніе средне-верхне-нѣмецкаго языка нельзя считать у насъ особенно распространеннымъ.

— *Полибій*. Всеобщая Исторія въ сорока книгахъ, переводъ съ греческаго *Θ. Г. Мищенко*, съ его предисловіемъ, примѣчаніями, указателемъ, картами. Томъ I (Федеративная Еллада и Полибій.—Всеобщая исторія, кн. I—V.—Двѣ карты). Изд. А. Г. Кузнецова. Москва. 1890.

Г. Мищенко продолжаетъ неутомимо работать надъ переводомъ древнихъ греческихъ историковъ. Онъ началъ Геродотомъ, переводъ котораго явился въ 1888 году уже во второмъ изданіи; затѣмъ перевелъ Фукидиду; наконецъ теперь онъ приступилъ къ обширной „Всеобщей исторіи“ греческаго писателя второго вѣка до Р. Х., Полибія, первой всеобщей исторіи, каковая вообще явилась во всемірной литературѣ, хотя, конечно, въ томъ смыслѣ, какъ весь міръ понимался въ классическія времена: это исторія Греціи и совершавшагося

въ ту эпоху распространенія римскаго господства, которое подготовляло римскую имперію. Г. Мищенко обыкновенно обставляетъ свой трудъ всѣми необходимыми объясненіями: даетъ характеристику писателя и описываемой имъ эпохи и прибавляетъ примѣчанія къ частностямъ самаго текста. Такъ онъ поступаетъ и здѣсь. Переводъ Полибія долженъ занять нѣсколько томовъ: къ I-му тому переводчикъ присоединилъ цѣлый большой трактатъ: „Федеративная Еллада и Полибія“, гдѣ излагаетъ внутреннее состояніе Греціи за то время, какое описываетъ историкъ, и „умонастроеніе“ Полибія. Впослѣдствіи г. Мищенко предполагаетъ дать особо его біографію. Нечего и говорить о томъ, какъ полезны подобныя труды: такіе переводы, какъ „Геродотъ“ и „Ѳукидидъ“ г. Мищенка, „Тацитъ“ г. Модестова, всего прочіе обогащаютъ классическія познанія русскаго общества.

— *Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи.* Соч. Іосифа Первольфа. Т. III. Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ славянъ до конца XVIII вѣка. Ч. I. Западныя славяне. Варшава. 1890.

Въ свое время мы говорили о первыхъ двухъ томахъ сочиненія г. Первольфа и предполагаемъ подробнѣе остановиться на выходящемъ теперь третьемъ томѣ книги. Въ настоящемъ случаѣ мы отмѣтимъ только появленіе продолженія обширнаго труда, посвященнаго изложенію междуславянскихъ отношеній съ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ временъ, и скажемъ пока лишь нѣсколько словъ о предисловіи, которое авторъ посвятилъ главнымъ образомъ опроверженію словъ, сказанныхъ по поводу первыхъ томовъ книги въ „Вѣстникѣ Европы“ (1888, сентябрь). Тамъ было замѣчено, „что г. Первольфъ, повидимому, слишкомъ настаиваетъ на извѣстномъ положеніи, которое развивалось въ особенности въ чешской литературѣ, а также и у насъ, и которое сваливаетъ чуть-ли не всѣ бѣды славянскаго міра на нѣмцевъ, на нѣмецкое коварство“. Г. Первольфъ опровергаетъ это заключеніе длиннымъ рядомъ выписокъ изъ разныхъ своихъ сочиненій, на примѣръ, изъ рѣчи при защитѣ докторской диссертациі въ 1877 году, изъ статьи въ „Русской Мысли“, 1884, изъ статьи въ „Извѣстіяхъ“ славянскаго благотворительнаго общества, 1886, и одной выпиской изъ самой книги,—изъ которыхъ явствуетъ, что, по его мнѣнію, виною славянскихъ бѣдствій были не одни нѣмцы, съ ихъ ненавистью къ славянству и насиліями противъ него, но и сами славяне, вѣчно враждовавшіе между собой, разрозненные и, вслѣдствіе того, слабые и неспособные оказать нѣмцамъ достаточное сопротивленіе и отместку. Поэтому г. Первольфъ заключаетъ, что упрекъ „Вѣстника Европы“ оказывается неосновательнымъ. Замѣтимъ, во-первыхъ, что

отзывъ „В. Европы“ не былъ категорическій, а именно предположительный („повидимому“): то-есть, „В. Европы“ не пришелъ окончательно къ заключенію, что взгляды г. Первольфа были именно такіе, но впечатлѣніе, получавшееся отъ нихъ, было въ этомъ пунктѣ таково, что возбуждало нѣкоторое недоумѣніе („повидимому“). И скажемъ прямо: мы и теперь, послѣ цитатъ и опроверженій, думаемъ то же самое, т.-е. предаемъ въ нѣкоторой степени недоумѣнію. Правда, г. Первольфъ обвиняетъ не однихъ нѣмцевъ, но и славянъ— послѣднихъ за ихъ взаимную вражду, недоброжелательство, разрозненность и пр.; но онъ такъ много говоритъ о нѣмецкой ненависти къ славянству, нѣмецкой жестокости, нѣмецкихъ притѣсненій и о страданіяхъ славянъ отъ этой жестокости, что впадаетъ въ тонъ тѣхъ, которые объясняютъ при этомъ, что въ нѣмцахъ и заключается вся бѣда, а выводъ остается тотъ, что на ненависть слѣдуетъ отвѣчать ненавистью, на притѣсненіе притѣсненіемъ,— такъ что все дѣло только въ драгѣ. Словомъ, никакого поученія изъ исторіи, кромѣ проповѣди племенной вражды. Намъ и не хотѣлось видѣть, чтобы г. Первольфъ подалъ поводъ къ недоумѣнію относительно его взглядовъ на этотъ предметъ. Мы будемъ съ интересомъ ждать его послѣднихъ заключеній.

Г. Первольфъ не подумаетъ, конечно, что мы хотимъ становиться на сторону нѣмецкихъ „Львовъ“, „Медвѣдей“ и т. п., которые истребляли славянъ въ средневѣковыя или позднѣйшія времена; но мы думаемъ, что отношенія нѣмецкаго міра къ славянству не исчерпывались львами и медвѣдами. Въ своей книгѣ и въ другихъ сочиненіяхъ г. Первольфъ говоритъ въ особенности объ отношеніяхъ политическихъ, но была еще сторона отношеній культурныхъ. Точно также и въ настоящее время борьба, соперничество, ненависть идутъ далеко не на одной политической, но и на культурной почвѣ; самыя отношенія Россіи и славянства, конечно, чрезвычайно сложныя и трудно разрѣшимыя, въ громадной степени зависятъ отъ того же культурнаго вопроса. Если славянское единство вообще возможно, то нѣтъ сомнѣнія, что никакія проповѣди славянскихъ благотворительныхъ комитетовъ о славянскомъ братствѣ, о ненависти къ нѣмцамъ, о драгѣ съ ними, не могли бы помочь славянскому единству столько, сколько помогло бы внутреннее развитіе русскаго общества и широкіе успѣхи просвѣщенія.—А. П.

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Ардашевъ, Николай. Регламентъ вотчинной коллегіи. Сообщилъ и обработалъ для изданія... М. 90 (Изъ „Чтеній“ Моск. общества исторіи и древностей). 217 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Борисъ, архимандритъ, ректоръ кievской дух. семинаріи. Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности. Періодъ второй: отъ торжества христіанства при Константинѣ Великомъ до окончательнаго паденія греко-римскаго язычества при Юстиніанѣ (313 — 529). Казань, 90 (Изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“ 1885 и 1890 г.). 516 и XIV стр. Ц. 4 рубля, съ пересылкою 4 р. 50 коп.

Гацискій, А. С. Нижегородскій сборникъ, издаваемый губерскимъ статистическимъ комитетомъ подъ редакцію дѣйствительнаго члена и секретаря комитета А. С. Г. Томъ IX. Нижній Новгородъ, 90. X, 472, 41 и XVI стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Головачевъ, Д. Библиографическій указатель статей, корреспонденцій и замѣтокъ въ сибирской періодической печати по вопросу о золотопромышленности Сибири. Спб. 90. 60 стр. Ц. 40 коп.

Григоровичъ, Д. В. Прохожіи (Народная Библіотека). Спб. 90. Изданіе книгопродавца Н. Г. Мартынова. 84 стр. Ц. 40 коп.

Дашкевичъ, Н. П. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора гѣтописца. Книга четвертая. Изданіе подъ редакцію Н. П. Д. Кіевъ, 90, III, 16, 214, 141 стр. и три таблицы рисунковъ. Ц. 2 руб. 50 коп.

Державинъ, М. Е. Начала механики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ тремя таблицами чертежей. Второе изданіе. Спб. 90. 143 стр. Ц. 1 руб.

Дмитріевъ, М. Д. Первые страницы алгебры (по программѣ IV-хъ классовъ кадетскихъ корпусовъ). Спб. 90. 72 стр. 75 коп.

Барцовъ, А. С. Мое хозяйство въ Черноморскомъ округѣ. Въ связи съ другими вопросами. Вильна, 90. VIII и 145 стр.

Мищенко, Ѳ. Г. Полибій. Всеобщая исторія въ сорока книгахъ. Переводъ съ греческаго, съ предисловіемъ, примѣчаніями, указателемъ, картами. Т. I (Федеративная Еллада и Полибій.—Всеобщая исторія, кн. I—V.—Двѣ карты). Изданіе А. Г. Кузнецова. М. 90. ССXLIII, 680 и VIII стр. Ц. 6 руб.

Мищенко, Ѳ. Г. Федеративная Еллада и Полибій (Оттискъ изъ предисловія къ I т. Всеобщей исторіи Полибія). М. 90. ССXLIII стр. Ц. 1 р.

Модестовъ, В. И. Русская наука за послѣднія двадцать-пять лѣтъ. Публичная лекція, прочтенная 17 апрѣля 1890 г. въ актовомъ залѣ Импер. Новороссійскаго университета, по случаю двадцатипятилѣтія университета. Одесса, 90. 27 стр.

Николаевъ, Ю. Послѣднія произведенія графа Л. Н. Толстого. Бритическій этюдъ. I. Власть тьмы. II. Крейдерова соната. III. Плоды просвѣщенія. М. 90. 12-й. 83 стр. Ц. 50 коп.

Первоульскій, Іосифъ. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Т. III. Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ славянъ до конца XVIII вѣка. Часть I. Западные Славяне. Варшава, 90. XIII, IV, 262 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Плотниковъ, В. В. Объ изученіи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности (Отдѣльный оттискъ изъ „Филологич. Записокъ“).

Воронежъ, 89. 46 стр. Ц. 40 коп., съ пересылкой 50 коп.; на веленовой бумагѣ—60 к., съ перес. 70 к.

— В. Основные принципы научной теоріи литературы. Методологической этюдъ. (Отдѣльный оттискъ изъ „Филологич. Записокъ“). Воронежъ, 88. 89 стр. Ц. съ пересылкою 70 к.

Расснеръ, Д. Институція императора Юстиніана. (Латинскій текстъ параллельно съ русскимъ). Выпускъ V и VI. Спб. 90. 259—386 стр. Цѣна всѣмъ выпускамъ 2 р. 40 коп.

Рачинскій, Н., д-ръ мед. О примѣненіи Галсальскихъ грязевыхъ ваннъ на основаніи физиологическихъ данныхъ. (Оттискъ изъ „Вѣстника общественной гигиены“). Спб. 90. 50 стр.

Филитовъ, М. М. Хорваты и борьба ихъ съ Австріей. Съ введеніемъ и эпизомомъ М. Д. Билайградскаго. Петроградъ, 90. VIII, 168 стр. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Янжуль. Н. И. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Выпускъ второй. Спб., 1890. Стр. 353—532. Цѣна за два выпуска 4 р.

— *Kovalevsky*, Maxime. Skrifter utgifna af Lorenska Stiftelsen. № 2 (Publications de la fondation Lorén). Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété. Stockholm, 1890. 202 стр.

— *Manacéine*, Marie. Le surmenage mental dans la civilisation moderne. Effets—causes—remèdes. Traduit du russe par *E. Jaubert*, avec une préface par *Charles Richet*, Professeur à la faculté de Médecine de Paris. Paris, 1890. Стр. XIV и 286.

— Дневникъ Зоологическаго отдѣленія общества Зоологическаго музея, 32 стр. 4^о.

— Извѣстія Импер. Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при Импер. Моск. Университетѣ. Томъ LXVIII. Труды Антропологическаго отдѣла. Томъ XII. Дневникъ Антропологическаго отдѣла. Выпускъ IV. Подъ редакцію А. Н. Харузина, секретаря Антропологическаго отдѣла. М. 90. Столбцы 99—152, 4^о.

— Общество вспомошествованія студентамъ Импер. Спб. Университета. Основано 4 ноября 1873 года. Отчетъ за 1889 годъ. — Шестнадцатый годъ. — Спб. 90. 69 стр.

— Сборникъ Харьковского историко-филологическаго общества. Томъ 2-й. Харьковъ, 90. XVI, XV; 433, 194, 81 стр. Ц. 4 руб.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Les lois de l'imitation. Etude sociologique, par G. Tarde. Paris, 1890. Стр. 431. Ц. 6 фр.

Авторъ этой книги, Тардъ, давно извѣстенъ своими небольшими, но остроумными и содержательными этюдами, печатавшимися преимущественно въ „Revue philosophique“, по различнымъ вопросамъ социологіи въ обширномъ смыслѣ этого слова. Нѣкоторые изъ этюдовъ вошли въ настоящую книгу, въ переработанномъ и дополненномъ видѣ.

Сочиненіе Тарда „о законахъ подражанія“ представляетъ, въ сущности, новый опытъ построения социологіи на научныхъ началахъ. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью изложить основы чистой или всеобщей социологіи, законы которой „примѣнялись бы ко всѣмъ дѣйствительнымъ обществамъ, бывшимъ или возможнымъ, подобно тому, какъ законы общей физиологіи примѣнимы ко всѣмъ животнымъ видамъ, существующимъ, угасшимъ или только возможнымъ“. По мнѣнію Тарда, социальная наука должна еще быть создана, или, вѣрнѣе сказать, она едва только народилась „среди своихъ взрослыхъ и сильныхъ сестеръ“. Главная причина этой отсталости та, что „добыча упускалась изъ-за тѣни, реальность—ради словъ. Полагали, что придать социологіи научный характеръ можно не иначе, какъ сообщивъ ей видъ биологіи или даже механики. Это значило объяснять извѣстное неизвѣстнымъ, замѣнить изученіе солнечной системы изслѣдованіемъ туманностей, для лучшаго ея пониманія. Въ социальныхъ явленіяхъ мы имѣемъ счастливую привилегію—наблюдать истинныя причины, индивидуальныя акты, дѣйствія которыхъ суть факты, что совершенно недоступно нашему наблюденію въ другихъ областяхъ. Повидимому это освобождаетъ отъ необходимости прибѣгать, для объясненія общественныхъ явленій, къ созданію такъ-называемыхъ общихъ причинъ, которыя по-неволѣ придумываются натуралистами подъ именемъ силъ, энергій, условій существованія и другихъ подобныхъ словъ, прикрывающихъ незнаніе дѣйствительной природы вещей. Но разсматривать человѣческія дѣйствія какъ единственныя факторы исторіи—кажется слишкомъ простымъ. Считалось обязательнымъ установить другія причины по образцу тѣхъ полезныхъ фивцій, которыя создаются и принимаются по нуждѣ въ иныхъ

отслаяхъ знанія; такимъ образомъ, удавалось нерѣдко придавать совершенно безличный оттѣнокъ человѣческимъ фактамъ, разсматривая ихъ съ большой высоты и, въ сущности, теряя изъ виду". Авторъ предостерегаетъ отъ этого неопредѣленнаго идеализма, какъ и отъ банальнаго индивидуализма, объясняющаго социальныя перемѣны произволомъ какихъ-нибудь великихъ людей. Въ обществѣ существуетъ два разряда явленій: во-первыхъ, однообразныя подражанія и повторенія, и во-вторыхъ, нововведенія, производящія перемѣну въ ходѣ жизни. Все социальное сводится къ открытіямъ и подражаніямъ; первыя могутъ быть уподоблены горамъ, съ которыхъ стекають рѣки—подражанія. Въ общественныхъ наукахъ, какъ напр. въ исторіи и исторической философіи, принято обращать исключительное вниманіе на разнообразныя и перемѣнчивыя событія; однородныя формы будничнаго быта, черты сходства и однообразія игнорируются историками, а между тѣмъ только этотъ монотонный матеріалъ всеобщихъ послѣдовательныхъ повтореній можетъ дать ключъ къ созданію научной исторіи. Тардъ указываетъ на естественныя науки, которыя всѣ свои обобщенія и законы извлекаютъ изъ наблюденія однородныхъ, повторяющихся фактовъ, оставляя безъ разъясненія причины матеріальныхъ перемѣнъ и разнообразія веществъ въ природѣ. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ никакой разницы между явленіями природными и социально-историческими, между науками естественными и общественными. Тѣ и другія должны одинаково имѣть дѣло съ рядами повтореній и сходствъ для того, чтобы придти къ какимъ-либо теоретическимъ выводамъ; натуралисты имѣли бы столь же мало успѣха въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ и социологи и историки, еслибы старались, подобно послѣднимъ, строить свои теоріи на сопоставленіи и оцѣнкѣ перемѣнчивыхъ и разнородныхъ явленій. Въ социальномъ мірѣ постоянныя, однородныя факты заключаются именно въ повтореніяхъ, которыя поэтому только одни и могутъ давать матеріалъ для социологическихъ законовъ. Подражаніе играетъ въ обществахъ такую же роль, какъ волнообразное движеніе въ атомахъ тѣлъ или какъ наслѣдственность въ развитіи организмовъ. Соціальная наука должна быть отличима отъ социальной философіи: первая имѣетъ своимъ предметомъ, какъ и всякая другая наука, изученіе многихъ однообразныхъ фактовъ, тщательно скрываемыхъ историками, а факты новые и несходные между собою, т.-е. историческіе въ собственномъ смыслѣ, составляютъ уже удѣлъ социальной философіи.

Опредѣливъ по своему и едва-ли основательно, какъ увидимъ ниже, предметъ и содержаніе социальной науки, Тардъ переходитъ къ разъясненію законовъ „всеобщаго повторенія“ и подражанія. Всѣ

сходства, говоритъ онъ, проистекають отъ повтореній; всѣ сходства соціального происхожденія, замѣчаемыя въ соціальномъ мірѣ, составляютъ прямой или косвенный продуктъ подражанія въ разныхъ его формахъ—обычая и моды, симпатіи и подчиненія, обученія и воспитанія, наивнаго или сознательнаго подражанія. Въ нашихъ европейскихъ обществахъ объединяющая сила моды такова, что населеніе Европы начинаетъ напоминать собраніе копій одного и того же человѣка, издаваемого какъ будто въ сотняхъ милліоновъ экземпляровъ. Всякое нововведеніе, новая идея, изобрѣтеніе или открытіе производитъ въ обществѣ цѣлый рядъ соответственныхъ измѣненій, распространяется съ большею или меньшею силою, при благоприятныхъ условіяхъ, или встрѣчаетъ противоположныя теченія и терпитъ неудачу. Авторъ сравниваетъ эти совпадающія или противодѣйствующія теченія съ движеніями волнъ въ тѣлахъ физическихъ; онъ говоритъ объ интерференціи счастливой, когда двѣ идеи, два стремленія, встрѣчаясь въ общественной средѣ, укрѣпляютъ и усиливаютъ себя взаимно, и объ интерференціи несчастливой, когда сталкиваются стремленія или интересы, чувства или взгляды, парализующіе другъ друга. Толчки, приводящіе въ движеніе эти встрѣчающіяся и перекрещивающіяся волны соціальныхъ впечатлѣній, исходятъ всегда отъ человѣка, отъ какого-нибудь центра, гдѣ эти силы рождаются. Человѣкъ страстный, свѣдаемый безсильною жаждою завоеванія, безсмертія, возрожденія чело-вѣчества, нападаетъ на мысль, отерывающую его мечтамъ неожиданный выходъ,—мысль религіозную или политическую; онъ хватается за найденный догматъ, увлекается имъ, и увлекаетъ другихъ, и онъ становится новаторомъ. Такъ распространяется политическое или религіозное возбужденіе, такъ совершается переходъ цѣлаго народа въ мусульманство, а завтра, быть можетъ, въ социализмъ. Люди копируютъ другъ друга вслѣдствіе природной склонности къ подражанію; эта склонность увѣковѣчиваетъ продукты удачнаго новаторства и способствуетъ постоянному видоизмѣненію ихъ подъ вліяніемъ новыхъ соціальныхъ факторовъ.

Въ главѣ: „что такое общество?“ авторъ отвергаетъ мнѣніе тѣхъ писателей, которые смѣшиваютъ такъ-называемыя общества животныхъ съ настоящими обществами; къ послѣднимъ могутъ быть причислены, въ извѣстномъ только отношеніи, весьма немногія общества животныхъ. Соціальная группа есть собраніе существъ, стремящихся подражать другъ другу или похожихъ другъ на друга, при чемъ общія ихъ черты суть старинныя копіи одного образца. Общественность есть, въ сущности, подражательность. Нація есть согласіе традицій, нравовъ, воспитанія, стремленій и идей, распространяемыхъ подра-

жательно разными путями, но распределенных в иерархическом порядке и поддерживаемых между собою взаимно. Тем не менее, разнообразие личного творчества и почва не дает установиться в высшему единству, и последнее остается только кажущимся или временным. Слияние и уравнение членов общества не составляют конечного результата предшествовавшего социального прогресса, а служат, напротив, исходным пунктом нового, дальнейшего развития. Равенство есть переходное состояние между двумя иерархиями, как свобода есть средний путь между двумя направлениями. Социальные элементы стремятся распространить свое действие; организация есть только способ распространения, цель которого — подражательное или органическое повторение. Можно сказать, — заключает автор, — что общество есть не что иное как подражание (т. е. система подражаний и взаимных внушений). Так же точно определяет общество и Гюйо, воззрения которого имеют много общего с идеями Тарда. И Тардъ, как Гюйо и Фулье, опирается на замечательные наблюдения и выводы новейших исследователей гипнотизма. По словам автора, человек, как существо социальное, может быть рассматриваемъ как настоящей сомнамбуль. Общественное состояние, подобно гипнотическому, есть форма сновидения, — сонъ по приказу и сонъ въ действіи. Имѣть только идеи внушенныя и считать ихъ своими собственными, самостоятельными — такова иллюзія, свойственная одинаково сомнамбулу и человеку социальному. Слѣпое подчинение героямъ и увлечение ими приводятъ цѣлыя народы какъ бы въ состояние гипноза или невроза; бессознательная смѣсь вѣры и любви толкаетъ людей на самоотверженные подвиги въ угоду идоламъ, любимцамъ толпы. Общество, — повторяетъ Тардъ, — есть подражаніе, а подражаніе есть родъ сомнамбулизма. Чтобы сдѣлать или придумать что-нибудь новое, чтобы проснуться на минуту отъ своего общественного или національнаго гипнотическаго состоянія, человекъ долженъ на мгновение освободиться отъ общества; онъ становится внѣ общества, если имѣетъ эту столь рѣдкую смѣлость новаторства.

Столь же интересны и парадоксальны разсужденія Тарда о томъ, что такое исторія и чѣмъ она должна быть. Мысли его по этому предмету напоминаютъ во многомъ взгляды Бурдо, книгу котораго мы разбирали въ свое время (въ концѣ 1888 года). Тардъ хотѣлъ бы превратить исторію и отчасти также социологию въ статистику. Ограничивая задачу исследователя изученіемъ однородныхъ разрядовъ явленій, сходствъ и совпаденій, авторъ ставитъ историкамъ въ примѣръ археологию, имѣющую дѣло съ матеріаломъ безличнымъ, въ которомъ общія черты опредѣляются по эпохамъ и народнымъ группамъ.

Устанавливая „законы“ для фактовъ подражанія, Тардъ оставляетъ въ сторонѣ самые существенные вопросы исторіи и социальной науки—вопросы о содержаніи и смыслѣ того, чему подражаютъ, о значеніи и роли тѣхъ элементовъ и дѣятелей, которые водворяютъ около себя атмосферу подражанія, которые вносятъ новыя идеи, стремленія и открытія, двигаютъ ими общественную жизнь и несутъ на своихъ плечахъ отвѣтственное бремя историческаго развитія народовъ. Если устранить изученіе этихъ человѣческихъ пружинокъ исторической жизни и предоставить историку и социологу лишь констатированіе и приведеніе въ систему безконечныхъ рядовъ пассивныхъ подражаній, какъ предлагаетъ Тардъ, то исторія утратила бы всякій интересъ и въ сущности вовсе перестала бы быть исторіею, ибо вовсе не объясняла бы послѣдовательнаго хода перемѣнъ въ жизни человѣческихъ обществъ. Безъ объясненія перемѣнъ и нововведеній немыслима исторія, а тѣмъ болѣе социологія, для которой эти перемѣны должны служить важнѣйшимъ предметомъ анализа и обобщенія. Собравши какія угодно груды фактическихъ данныхъ относительно подражанія и повторенія, мы ни на шагъ не подвинемъ нашихъ знаній, если не займемся изслѣдованіемъ того, что составляетъ единственный живой интересъ историческихъ и социологическихъ изученій. Психіатры давно уже указывали на важную и иногда рѣшающую роль ненормальныхъ душевныхъ состояній во многихъ событіяхъ и явленіяхъ всемірной исторіи, равно какъ и въ особенностяхъ общественнаго и религіознаго быта многихъ народовъ; но это, конечно, не освобождаетъ историка и социолога отъ необходимости изучать эти факты въ общей связи явленій, для пониманія дѣйствительныхъ причинъ такого или иного хода социального развитія въ данной странѣ. Аналогія, которую проводитъ Тардъ между природными элементами и индивидуальнымъ новаторствомъ, не выдерживаетъ критики уже потому, что новаторство, какъ и подражаніе, входитъ въ область человѣческой психологіи и потому одинаково доступно нашему наблюденію. Если натуралистъ не задается вопросомъ, почему небесныя тѣла распределены такъ, а не иначе, почему земная кора состоитъ изъ однихъ пластовъ и веществъ, а не изъ другихъ, то это очевидно нисколько не оправдываетъ дѣлаемаго отсюда авторомъ заключенія, что историкъ и социологъ не должны сосредоточивать свое вниманіе на человѣческихъ причинахъ общественныхъ состояній, на причинахъ перемѣнъ и событій въ жизни народовъ, ибо эти причины суть человѣческія дѣйствія, вполне допускающія положительный анализъ и научное обобщеніе. Заключеніе Тарда тѣмъ болѣе странно, что онъ не только не отрицаетъ и не уменьшаетъ роли человѣческаго творчества и про-

извола въ исторіи, но склоненъ даже преувеличивать эту роль. Упомянувъ о появленіи первыхъ культуръ у устьевъ большихъ рѣкъ въ Азіи и Европѣ, а на плоскогорьяхъ въ Америкѣ, авторъ замѣчаетъ, что „здѣсь обнаруживается произволь при выборѣ мѣстъ первыми цивилизаторами или насадителями цивилизаціи и, быть можетъ, до скончанія вѣковъ наши цивилизаціи, происшедшія отъ нихъ, будутъ носить на себѣ неизгладимую печать этого первоначальнаго каприза“ (стр. 112)

Замѣтимъ еще, что, говоря объ открытіяхъ и новаторствѣ, Тардъ не выясняетъ и не опредѣляетъ этихъ понятій съ надлежащею точностью, а иногда даетъ имъ смыслъ слишкомъ широкій и даже совершенно неподходящій; такъ напримѣръ, въ числѣ примѣровъ новаторства, подражаніе которому поучительно для историка и социолога, упоминается часто производство какого-нибудь новаго фабричнаго продукта, а промышленная и торговая статистика признается главнѣйшимъ предметомъ изученія, основаніемъ всякой вообще статистики. Авторъ говоритъ безразлично о новыхъ идеяхъ, вкусахъ и потребностяхъ, какъ будто эти понятія однородны; между тѣмъ очевидно, что постоянныя перемѣны женскихъ модъ, появленіе новыхъ фабричныхъ издѣлій или возникшая потребность въ какомъ-нибудь новомъ напиткѣ не могутъ быть поставлены рядомъ съ проповѣдью новыхъ идей, съ возбужденіемъ чувствъ и стремленій, способныхъ вывести общество на новую дорогу или повліять на направленіе общественной жизни. Смѣшивая разные виды нововведеній и открытій, техническихъ и идейныхъ, промышленныхъ и политическихъ, Тардъ совершенно подрываетъ логическія основы всей своей аргументаціи по вопросу о задачахъ исторіи и социологіи. Требуя отъ статистики, чтобы она наглядно изображала ходъ распространенія всякихъ новшествъ, авторъ возлагаетъ на подобныя данныя крайне преувеличенныя теоретическія надежды, а нѣкоторыя отдѣльныя его замѣчанія показываютъ, что его научный оплотъ, статистика, можетъ вести къ недоразумѣніямъ даже въ опытныхъ рукахъ. Такъ напр., авторъ упоминаетъ о странномъ статистическомъ фактѣ, что въ южныхъ мѣстностяхъ Франціи, близъ Средиземнаго моря, цифры смертности значительно больше, чѣмъ въ другихъ департаментахъ; этотъ фактъ, по мнѣнію автора, объясняется вреднымъ вліяніемъ жаркаго климата въ лѣтніе мѣсяцы; но не участвуетъ ли въ цифрѣ смертности и посторонній элементъ — присутствіе множества больныхъ, сѣзжающихся со всѣхъ концовъ Европы въ приморскія мѣстности южной Франціи иногда только для того, чтобы умереть въ тепломъ климатѣ? Отсутствіе такого анализа статистическихъ данныхъ дѣлаетъ выводы невѣрными и сомнительными, а авторъ обошелъ молчаніемъ вопросъ о составѣ и спо-

собѣ полученія тѣхъ цифръ, которыя дали упоминаемый имъ результатъ. Тардъ много говоритъ о важномъ значеніи статистическихъ цифръ, графическихъ таблицъ и линій въ будущемъ; онъ предвидитъ такое время, когда статистическія бюро будутъ играть роль слуха и зрѣнія для общества. Газеты стануть давать читателямъ изображенія кривыхъ линій, обозначающихъ повышеніе и упадокъ цѣнностей или другія переменны въ реальномъ ходѣ дѣлъ; эти выразительныя, сухія и точныя указанія замѣняютъ будто бы ненужныя „декламаціи и полемику“. Намъ кажется, что этотъ газетный „идеаль“ (стр. 154) автора основанъ также на смѣшеніи разнородныхъ понятій, на смѣшеніи идей, чувствъ, умственныхъ и нравственныхъ интересовъ съ тѣмъ-то совершенно постороннимъ, съ текущими заботами промышленности, хозяйственности и торговли. Нечего и говорить, что публика никогда не удовлетворится сухими дѣловыми указателями вмѣсто газетъ, и что пока будутъ живы въ людяхъ умственные и политическіе интересы, до тѣхъ поръ и журналистика сохранить и не перестанетъ развивать въ себѣ литературныя черты, въ томъ числѣ и пренебрегаемые Тардомъ элементы „декламаціи и полемики“ по вопросамъ живой современности.

Въ главахъ о „логическихъ законахъ подражанія“, о „вліяніяхъ не-логическихъ“, объ „обычаѣ и модѣ“ и, наконецъ, въ заключительной главѣ, мы находимъ много интересныхъ замѣчаній, сопоставленій и выводовъ, заслуживающихъ вниманія читателя. Но, какъ опытъ новаго построенія социологіи, трудъ Тарда едва-ли достигаетъ цѣли: вся постановка задачи и способъ ея разрѣшенія кажутся намъ ошибочными.—Л. С.

II.

Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété, par *Maxime Kovalevsky*. Stockholm, 1890. Стр. 202.

Въ пятнадцати небольшихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Стокгольмѣ и напечатанныхъ теперь отдѣльною книгою, талантливый авторъ сумѣлъ сжать и ясно изложить современные научные результаты многихъ изслѣдованій, старыхъ и новыхъ, по такимъ сложнымъ и труднымъ вопросамъ, какъ происхожденіе и развитіе формъ семьи и собственности. Какъ интересный и живо написанный обзоръ исторіи и литературы предмета, трудъ проф. Ковалевскаго предназначался по видимому не для специалистовъ, а для образованныхъ читателей вообще: но въ то же время книга представляетъ несомнѣнную научную цѣнность даже для людей, знакомыхъ съ болѣе обширными и капитальными работами автора по тѣмъ же вопросамъ. Возрѣнія автора болѣе

или менѣе извѣстны у насъ по его прежнимъ трудамъ, вышедшимъ на русскомъ языкѣ; для иностранной публики, не исключая и ученой, будутъ любопытны приводимыя авторомъ свѣденія относительно юридическаго быта Россіи, древней и новой, а также относительно обычаевъ кавказскихъ народностей; столь же любопытны будутъ и многочисленныя указанія на специальную русскую литературу, почти совершенно неизвѣстную за границей. Книга проф. М. Ковалевскаго посвящена извѣстному профессору математики въ Стокгольмѣ, г-жѣ Софьѣ Ковалевской.

III.

Le surmenage mental dans la civilisation moderne. Effets—causes—remèdes, par Marie Manacéine. Traduit du russe par E. Jaubert. Avec une préface par Charles Richet, Prof. à la faculté de médecine de Paris, 1890. Str. 286.

Въ предисловіи въ труду г-жи Маріи Манасеиной объ умственномъ переутомленіи извѣстный профессоръ Шарль Ришэ замѣчаетъ, что по данному вопросу „ни въ одномъ сочиненіи не собрано столько фактовъ, какъ въ этой книгѣ—собраніи документовъ чрезвычайно многочисленныхъ, извлеченныхъ отовсюду, и хотя не всѣ они одинаково цѣнны, но всѣ служатъ опорой для взглядовъ, которые авторъ проводитъ съ горячимъ убѣжденіемъ“. Трудъ г-жи Манасеиной, о которомъ столь лестно отзывается авторитетный французскій ученый, касается весьма серьезной и увсѣхъ наболѣвшей темы, имѣющей громадное практическое значеніе, какъ въ настоящемъ, такъ еще болѣе для будущаго. Неправильный способъ умственнаго воспитанія молодыхъ поколѣній можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ постепенный умственный упадокъ общества, вмѣстѣ съ физическимъ ослабленіемъ и вырожденіемъ; а такой упадокъ опасенъ и для государства, интересы котораго нерѣдко различаются, по недоразумѣнію, отъ интересовъ общественныхъ и народныхъ, въ дѣлахъ образованія. Поэтому мы можемъ только повторить пожеланіе проф. Ришэ, чтобы замѣчательная книга г-жи Манасеиной „читалась и перечитывалась“. Резюмируя вкратцѣ содержаніе книги, Ришэ высказываетъ и отъ себя нѣкоторыя всѣскія общія замѣчанія въ пользу симпатичной общей мысли автора.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го іюля 1890.

Д-ръ Г. А. Захарьинъ о „переутомленіи“ и „классицизмѣ“, и его предложеніе: сократить науки въ пользу классицизма. — Другія предложенія автора, и наши оговорки къ нимъ. — Что такое „концентрація“ обученія? — Предложеніе съ другой стороны: сократить гимназій, не сокращая учебныхъ часовъ. — Новые признаки „манія величія“ въ нашей печати и примѣры самобичеванія.

Въ московскихъ газетахъ появилась недавно статья заслуженнаго профессора и извѣстнаго врача г. Захарьина, съ отличною рекомендаціею ея со стороны газеты, а именно, что „авторитетное имя профессора Захарьина служитъ достаточнымъ ручательствомъ того, что вопросъ (вызвавшій въ послѣднее время столько толковъ и недоразумѣній, — вопросъ о школьномъ классицизмѣ) рѣшенъ имъ вѣрно (т. е. въ смыслѣ той газеты, которая напечатала статью), а потому статья его заслуживаетъ вниманія всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы нашей гимназій“.

Несмотря на такую рекомендацію, мы позволяемъ себѣ однако думать, что не однимъ намъ, по внимательномъ прочтеніи статьи знаменитаго врача г. Захарьина: „Переутомленіе и классицизмъ“ („Москов. Вѣд.“ 1890, № 134), гдѣ онъ выступилъ въ роли педагога, — пришлось неприятнымъ образомъ разочароваться, а многіе, можетъ быть, по поводу нѣкоторыхъ тезисовъ автора вспомнили и о томъ „пирожникѣ“ въ баснѣ, который взялся тачать сапоги.

Вся система разсужденія въ статьѣ г. Захарьина, какъ оказывается, построена на томъ, что онъ — неизвѣстно: кому — приписываетъ такіа абсурдныя мысли, какихъ, сколько намъ извѣстно, никто не высказывалъ; затѣмъ, конечно, безъ особаго труда, авторъ поражаетъ своего безыменнаго противника, и такимъ образомъ одерживаетъ надъ нимъ весьма легкую побѣду. Положительную же сторону его разсужденія приходится назвать не иначе, какъ чисто аллопатическою: онъ предлагаетъ, во-первыхъ, значительно усилить дозу классицизма и сократить уроки русскаго языка, математики, физики, исторіи и вообще другихъ предметовъ, „съ перенесеніемъ ихъ на древніе языки“ (курсивъ автора). Говорятъ, что нѣкоторыя вепена дѣйствуютъ на организмъ особенно вредоносно и даже смертельно, когда они подносятся въ небольшой дозѣ, а сильно увеличенная доза дѣлаетъ ихъ вовсе неопасными для жизни; но едва ли возможно примѣнить такой принципъ медицины къ педагогикѣ.

какъ это, повидимому, предлагаетъ г. Захарьинъ, отстаивая необходимость увеличить дозу классицизма. „Московскія Вѣдомости“ (№ 143), опираясь на авторитетъ знаменитаго врача, утверждаютъ даже, что, въ случаѣ уменьшенія уроковъ по греческому и латинскому языкамъ: „1) ученикамъ будетъ учиться *труднѣе*; 2) здоровье ихъ будетъ *худше*; 3) успѣхи ихъ будутъ *слабѣе*; 4) познанія ихъ будутъ *ниже*“ (курсивъ въ оригиналѣ).

Что же касается до остальныхъ четырехъ нижеслѣдующихъ рецептовъ, прописываемыхъ г. Захарьинимъ, то онъ тутъ только повторяетъ то, что и мы, и многіе другіе, столь же давно, сколько и тщетно, повторяли и повторяемъ, а потому мы весьма охотно поднимемся подъ ними, какъ говорится, обѣими руками, и даже сообщимъ ихъ нашимъ читателямъ *in extenso*, съ самыми небольшими оговорками:

„Во-вторыхъ. Улучшеніе методовъ преподаванія въ томъ смыслѣ, чтобы главная часть ученія сосредоточивалась въ классномъ преподаваніи и этимъ облегчились бы и требовали бы значительно меньше времени домашнія занятія учениковъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы выигранное свободное время тратилось производительно для здоровья—на тѣлесное движеніе и пребываніе на воздухѣ, а не на бесполезное и потому уже вредное чтеніе, посѣщеніе театровъ и т. п.

„Въ-третьихъ. Увеличеніе педагогическаго персонала гимназій для избѣжанія многолюдныхъ классовъ, дабы доставить возможность преподавателямъ руководить меньшимъ числомъ учащихся,—условіе, безъ котораго немислимы вышеупомянутыя болѣе плодотворныя классныя занятія.

„Въ-четвертыхъ. Болѣе осторожное пользованіе педагогическими приемами употребляемыми для возбужденія прилежанія и соревнованія учащихся, но могущими вызывать въ послѣднихъ ложное самолюбіе и вообще безпокойное душевное состояніе. Я разумѣю безпрестанныя отиѣтки, золотыя доски и т. п. Правильно идущее и потому успѣшное ученіе само обладаетъ достаточно возбуждающею и привлекающею силой, не говоря уже о неизбѣжномъ воздѣйствіи на соревнованіе со стороны болѣе успѣвающихъ товарищей ¹⁾).

„Въ-пятыхъ. Улучшеніе тѣхъ гигиеническихъ условій, въ которыхъ находятся ученики въ стѣнахъ школы“.

Наши оговорки ко всѣмъ этимъ превосходнымъ предписаніямъ г. Захарьина будутъ невелики. Сосредоточить ученіе въ классномъ

¹⁾ Предложеніе г. Захарьина не допускать въ школьной жизни какихъ-нибудь вышнихъ знаковъ отличія давно практикуется въ здѣшнихъ городскихъ начальныхъ училищахъ и въ земской учительской школѣ, гдѣ не полагается никакихъ наградъ, и вслѣдствіе того пріятливый взглядъ, ласковое слово преподающаго цѣнятся учащимися какъ награда, и обратное считается для многихъ уже наказаніемъ.

преподаваніи, какъ то предлагается авторомъ,—мысль столь же прекрасная, сколько и старая; но не совсѣмъ понятенъ въ практическомъ отношеніи совѣтъ г. Захарьина: „выигранное свободное время тратить (употреблять?) производительно для здоровья, на тѣлесное движеніе и пребываніе на воздухѣ, а не на бесполезное (?) и потому уже вредное чтеніе, посѣщеніе театровъ и т. п.“ Быть можетъ, г. Захарьинъ, разсуждая такъ, думалъ о закрытыхъ заведеніяхъ, но какъ все это примѣнить къ тѣмъ юношамъ, которые остаются въ семьѣ, — вѣдь для нихъ „пребываніе на воздухѣ“ есть просто пребываніе на улицѣ? Кромѣ того, тѣлесное движеніе и пребываніе на воздухѣ цѣлыми часами, въ концѣ концовъ, также утомляютъ; все-таки необходимъ отдыхъ; что же дѣлать юношѣ во время такого отдыха? По теоріи г. Захарьина все, что бесполезно, то вредно; а повидимому онъ признаетъ „полезнымъ“ чтеніе однихъ учебниковъ; между тѣмъ и нашъ родной языкъ — просимъ извиненія у г. Захарьина—и другіе иностранные языки имѣютъ классическую литературу, великихъ писателей; чтеніе ихъ, какъ не имѣющее отношенія къ завтрашнему уроку, конечно, по его мысли, бесполезно. Но на чемъ же, по мнѣнію г. Захарьина, дозволено юношѣ отдыхать, если весь день его раздѣленъ имъ на двѣ части: классное преподаваніе, съ домашнимъ приготовленіемъ къ урокамъ, и тѣлесное движеніе съ пребываніемъ на воздухѣ? Очевидно, почтенный авторъ хотѣлъ что-то сказать, но не подумалъ о томъ, что же выйдетъ изъ того, если кто-нибудь послѣдуетъ на дѣлѣ его совѣтамъ и будетъ постоянно гнать дѣтей на улицу, да еще въ нашемъ климатѣ. Съ такою же малою степенью ясности г. Захарьинъ налагаетъ свое veto на „посѣщеніе театровъ и т. п.“, не дѣлая ни малѣйшаго различія между Шекспиромъ, Грибоѣдовымъ, Гоголемъ, Глинкою — и авторами пьесъ и шансонетовъ въ театрахъ какихъ-нибудь „Аркадій“ и другихъ заведеній съ подобными же наименованіями, заимствованными изъ классическаго міра грековъ и римлянъ. О циркахъ г. Захарьинъ благоразумно умалчиваетъ; съ его точки зрѣнія на безусловную важность тѣлесныхъ упражненій, доводимыхъ въ циркѣ до *pes plus ultra*, посѣщеніе цирковъ могло бы быть авторомъ рекомендовано юношеству.

Другіе совѣты г. Захарьина, какъ-то: увеличеніе педагогическаго персонала гимназій для избѣжанія многолюдныхъ классовъ, улучшение гигиеническихъ условий, въ которыхъ находятся ученики въ стѣнахъ школы и т. п.—весьма хороши, хотя и не могутъ быть приняты за открытіе со стороны г. Захарьина; но болѣе или менѣе благополучное приведеніе въ исполненіе всѣхъ такихъ благихъ совѣтовъ вовсе не зависитъ ни отъ министерства народнаго просвѣщенія,

ни отъ педагоговъ; это дѣло болѣе касается министерства финансовъ и находится въ зависимости отъ его наличныхъ средствъ. Самъ же г. Захарьинъ является при всемъ этомъ въ миниатюрѣ какимъ-то Генрихомъ IV, который гораздо прежде его желалъ, чтобы у каждаго крестьянина въ супѣ была курица.

Но вотъ съ чѣмъ можно согласиться почти вполнѣ съ г. Захарьинымъ: онъ требуетъ отъ педагоговъ „болѣе осторожнаго пользованія педагогическими приемами“; къ сожалѣнiю, онъ ограничиваетъ свое требованiе увичтоженiемъ отмѣтокъ, золотыхъ досокъ и вообще наградъ, возбуждающихъ ложное самолюбіе и безпокойное душевное состояніе. Но мы позволили бы себѣ пожелать распространенiя такой осторожности въ пользованiи педагогическими приемами не только при поощренiи, но и при мѣрахъ къ возбужденiю прилежанiя и поддержанiю школьной дисциплины, чтобы не доводить учащихся до полного равнодушія къ этимъ мѣрамъ, или—что еще хуже—не дѣлать наказанiе предметомъ гордости, какъ это бывало въ наши, теперь уже отдаленныя времена, когда школьные „молодцы“ подкрѣпляли свой авторитетъ между товарищами народной грубоватой поговоркой, отзывающейся крѣпостнымъ правомъ: „за битаго двухъ не битыхъ даютъ“.

Итакъ, мы охотно признаемъ нѣкоторую основательность вышеприведенныхъ четырехъ предложенiй г. Захарьина, но и онъ, съ своей стороны, вѣроятно допуститъ, что все сказанное имъ, кромѣ перваго пункта, не имѣетъ спеціальнаго отношенiя къ вопросу о школьномъ классицизмѣ и должно быть необходимо соблюдаемо и при всякомъ другомъ преподаванiи. Тѣмъ не менѣе, г. Захарьинъ дѣлаетъ слѣдующій, совершенно неожиданный, выводъ изъ своихъ положенiй, правда, вовсе не новыхъ, но—мы согласны—bis repetita placent:

„Если же,—предполагаетъ г. Захарьинъ,—находятся люди, которые, вмѣсто этихъ разумныхъ и легко (?) исполнимыхъ улучшенiй, предлагаютъ такую реформу нашихъ гимназій, которую, подъ какими бы она названiями ни скрывалась, необходимо признать *ломкой классической школой* (курсивъ автора); если они, вмѣсто того, чтобы держаться вѣками испытанной образовательной системы, продолжающей крѣпнуть и совершенствоваться въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ научное образованiе, достигнувъ высшаго своего развитiя, представляетъ этимъ фактическое дсказательство незамѣнимыхъ преимуществъ классицизма; если они, вмѣсто этого, совѣтуютъ намъ ввести въ наши гимназiи никому (?) неизвѣстную систему, т.-е. совѣтуютъ производить эксперименты — не надъ животными, а надъ дѣтьми, то трудно даже присказать приличное названiе для подобныхъ совѣ-

товъ. Но мы спокойно смотримъ въ будущее, уповая на всегдашнюю надежду Россіи, на Бога и Царя“.

Мы рѣшительно не знаемъ, гдѣ г. Захарьинъ встрѣтилъ такихъ чудаковъ, которые, вмѣсто предлагаемыхъ имъ, разумныхъ отчасти, хотя вовсе не легко исполнимыхъ улучшеній, предлагаютъ „ломку классической школы“, совѣтуютъ ввести въ гимназіи „никому неизвѣстную систему“ и т. д. Г-нъ Захарьинъ, правда, самъ дѣлаетъ нѣчто подобное, хотя и въ обратномъ смыслѣ: онъ хотя признаетъ нынѣшнюю образовательную систему „вѣками испытанною“, но въ то же время, очевидно, недоволенъ ею, такъ какъ замышляетъ, какъ мы видѣли, если не „ломку“, то пристройку—увеличеніемъ числа уроковъ латинскаго и греческаго языковъ, съ сокращеніемъ уроковъ по всѣмъ другимъ предметамъ, не исключая и отечественнаго языка. Сражаясь съ воображаемыми имъ оригиналами, онъ, конечно, безъ всякаго труда одерживаетъ надъ ними весьма дешевую побѣду, но при этомъ владеетъ, незамѣтно для самого себя, въ противорѣчіе съ собою. Мы видѣли, какъ г. Захарьинъ справедливо и разумно требуетъ немногочисленныхъ классовъ, улучшенія методовъ преподаванія и т. д.; но если все это осуществить—а осуществить это необходимо и, по мнѣнію г. Захарьина, „легко“,—то первымъ послѣдствіемъ того и было бы сокращеніе числа уроковъ. Одно число уроковъ нужно для класса въ 30 человѣкъ, и другое—въ 15; при дурной методѣ преподаванія необходимо постоянное увеличеніе числа уроковъ, при хорошей—можно достигнуть отличныхъ результатовъ въ несравненно болѣе короткое время. Съ этимъ, мы думаемъ, не можетъ не согласиться и г. Захарьинъ; и мы ему вполне сочувствуемъ, когда онъ ратуетъ противъ переполненія классовъ учащимися и противъ дурного метода преподаванія, которое можно сравнить развѣ только съ несмазаннымъ колесомъ машины, трудно двигающейся именно вслѣдствіе того, что она не въ порядкѣ; но мы не можемъ послѣдовать за нимъ въ его дальнѣйшихъ размышленіяхъ о необходимости, смазавъ колесо, въ то же время увеличить двигающую силу,—другими словами, улучшить методъ преподаванія, уменьшить многолюдство классовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить время для преподаванія! Г-нъ Захарьинъ по этому поводу — мы легко предвидимъ — можетъ сдѣлать намъ весьма серьезное возраженіе: улучшить методъ преподаванія, скажетъ онъ, достать хорошихъ преподавателей, уменьшить многолюдство классовъ—это вовсе не такъ уже легко, какъ ему самому сначала показалось, и требуетъ слишкомъ большаго вниманія къ дѣлу, а увеличить число классовъ—можно сдѣлать такъ же просто, какъ дѣлается всякая корректурная поправка. Противъ этого мы ничего не имѣемъ сказать—это вѣрно; но получатся ли при этомъ желанные самимъ г. Захарьинимъ результаты?—едва-ли онъ и самъ не усомнится въ этомъ.

Что же касается до главной тѣмы статьи г. Захарьина, а именно, о связи школьнаго „переутомленія“ и прористекающей отсюда „неврастенія“ учащихся—съ классицизмомъ, то и г. Захарьинъ считаетъ безспорнымъ, что „всякое ученіе, классическое и неклассическое, можетъ быть причиною названныхъ болѣзненныхъ состояній въ тѣхъ случаяхъ, когда для дѣтей слабого здоровья, слабыхъ способностей, живущихъ въ неудовлетворительныхъ гигиеническихъ условіяхъ, выбираютъ не по силамъ *бремя ученія*“. Думаетъ ли г. Захарьинъ, что, разъ будетъ принятъ его проектъ объ увеличеніи классическаго ученія на счетъ неклассическаго, то больше не будетъ „дѣтей слабого здоровья, слабыхъ способностей“, гигиеническія условія перестанутъ быть неудовлетворительными? Но вѣдь онъ знаетъ, что все это останется въ прежнемъ положеніи; какимъ же образомъ отъ увеличенія классическаго обученія „бремя ученія“ сдѣлается „слабкимъ“?

Это, повидимому, логическое противорѣчіе г. Захарьинъ не оставляетъ, впрочемъ, безъ объясненія съ своей стороны: „Что же касается спеціально классической системы образованія,—говоритъ онъ,—то ей никонимъ образомъ нельзя приписывать какую-либо особую причину утомленія учениковъ; напротивъ того, классицизмъ, въ силу присущей ему *концентраціи умственной труда* учащихся, способствуетъ здоровому ходу и укрѣпленію умственной и вообще душевной жизни, тогда какъ многопредметная школа, разсѣвающая вниманіе учениковъ, содѣйствуетъ ихъ утомленію и нервному разстройству“. Итакъ, по мнѣнію г. Захарьина, съ ослабленіемъ преподаванія всѣхъ прочихъ предметовъ, какъ-то: отечественнаго языка, математики, физики и т. д., и съ увеличеніемъ на ихъ счетъ преподаванія древнихъ языковъ, достигнется спасительная „концентрація“ въ обученіи, т.-е. сосредоточеніе вниманія учащихся на одномъ предметѣ. Но при этомъ г. Захарьинъ дѣлаетъ, быть можетъ, незамѣтно для себя извѣстную логическую ошибку—*petitio principii*: вѣдь сначала нужно доказать, что „концентрація“, сама по себѣ, есть нѣчто такое, что вѣмъ-то и когда-то уже доказано, а теперь является потому непреложною и нетребующею доказательствъ истиною, между тѣмъ какъ именно это предстояло бы еще доказать. Что сказалъ бы самъ г. Захарьинъ, еслибы кто-нибудь позволилъ себѣ вторгнуться въ его область, гдѣ онъ справедливо считается высокимъ авторитетомъ,—съ такими же аргументами, съ какими онъ вступаетъ въ область педагогическую, и сказалъ бы ему, что человѣкъ долженъ питаться исключительно одного рода пищею, наприм. мучною, а въ доказательство справедливости такого положенія привелъ бы его способъ разсужденія о классицизмѣ, говоря, что такимъ образомъ достигается „концентрація“ питанія. Онъ, безъ сомнѣнія, самъ бы посмѣялся надъ такою дешевою ученостью, если только случайно онъ, въ данномъ случаѣ, не „вегетарианецъ“.

Впрочемъ г. Захарьинъ имѣетъ предшественниковъ себѣ въ исторіи педагогій, только для указанія ихъ намъ пришлось бы возвратиться къ V-му вѣку по Р. Х., къ эпохѣ извѣстнаго историка и педагога того времени, Кассіодора, когда получила начало та учебная программа, которую нынѣ поддерживаетъ г-нъ Захарьинъ: это такъ-называемыя „trivium“ (три пути, т.-е. науки) и „quadrivium“ (четыре пути, т.-е. науки). Въ V-мъ вѣкѣ, четырнадцать столѣтій тому назадъ, такая программа была, дѣйствительно, шагомъ впередъ, такъ какъ ей предшествовала абсолютная „концентрація“ обученія, совсѣмъ не допускавшая въ школу такъ-называемыхъ „свѣтскихъ“ предметовъ; но можно ли въ наше время предлагать возвращеніе къ „trivium“ и „quadrivium“—вотъ вопросъ, который, повидимому, г. Захарьинъ съ „легкимъ сердцемъ“ рѣшаетъ въ утвердительномъ смыслѣ. Идя далѣе по этому пути, онъ можетъ очутиться даже позади Кассіодора и привести нашу школу къ полной „концентраціи“ умственнаго труда, какъ это было еще до Кассіодора.

Въ заключеніе нашей бесѣды съ г. Захарьинымъ, мы хотѣли бы увѣрить, если не г. Захарьина, то нашего читателя, что возражать противъ его педагогическихъ взглядовъ вовсе не значитъ быть противникомъ классицизма — напротивъ. Г-нъ Захарьинъ не будетъ, конечно, оспаривать той мысли, что какъ бы ни было спасительно само по себѣ то или другое лекарство въ извѣстной болѣзни, но и при этомъ все-таки нужно соблюдать, а главное знать мѣру; почему же онъ, повидимому, не допускаетъ необходимости знанія „мѣры“ въ вопросахъ о „классицизмѣ“? Правда, это въ самомъ дѣлѣ могущественное образовательное средство, но и при его употребленіи необходимо знаніе „мѣры“—est modus in rebus! Если же это такъ, то г-ну Захарьину не было надобности бороться, какъ мы то видѣли, съ несуществующими противниками классицизма, а ограничиться однимъ вопросомъ о „мѣрѣ“. Но на такомъ правильномъ пути ему было бы совершенно невозможно утверждать то, что онъ рискованно утверждаетъ, а именно, будто и въ западной Европѣ классицизмъ стоитъ на своемъ незыбломомъ, вѣковомъ основаніи: и тамъ давно уже идетъ споръ о „мѣрѣ“, а въ настоящее время даже осуществляется повсюду и самая реформа среднихъ учебныхъ заведеній, въ смыслѣ болѣе точнаго опредѣленія мѣста, какое въ наше время должно занимать въ школьной программѣ обученіе древнимъ языкамъ. Въ справедливости этого г. Захарьинъ могъ бы убѣдиться, между прочимъ, въ обширномъ изслѣдованіи проф. А. Окольскаго о современной реформѣ гимназій въ Германіи, недавно помѣщенномъ въ нашемъ журналѣ (апрѣль и май) и составленномъ на основаніи точныхъ данныхъ, какія представляетъ новѣйшая литература педаго-

ги. И никто, однако, не скажетъ, чтобы въ Германіи не умѣли цѣнить значеніе классицизма и его великой роли въ подъемѣ современной культуры, при выходѣ ея изъ средневѣкового мрака схоластики, покоившейся на вышеупомянутыхъ „trivium“ и „quadrivium“.

При той „общедоступности“, какою въ наше время пользуются педагогическіе вопросы, въ послѣднее время было высказано впрочемъ много и другихъ предположеній по вопросу о „переутомленіи“ учащихся и о сокращеніи ихъ классныхъ занятій. Нисколько не удивительно, что при этомъ многіе педагоги sui generis безъ всякаго затрудненія переходили за геркулесовы столпы здраваго смысла. Съ такими „педагогами“ напрасно было бы, впрочемъ, препираться, въ надеждѣ какъ-нибудь убѣдить ихъ; но тѣмъ не менѣе стоитъ занести въ хронику самый фактъ возможности появленія въ наше время на Божій свѣтъ нѣкоторыхъ удивительныхъ „аксіомъ“, какъ авторы ихъ сами величаютъ изреченія собственнаго издѣлія. Оказывается, что есть у насъ и такіе мудрецы, которые ничего не имѣли бы противъ сокращенія числа учебныхъ часовъ, но ихъ удивляетъ одно общее недомысліе: какъ это мы тратимъ столько времени на подобный праздный вопросъ и не можемъ понять той простой „аксіомы“, что „во всякомъ случаѣ Россія (эта газета не говоритъ иначе, какъ отъ имени Россіи) несравненно болѣе выигрываетъ отъ сокращенія числа гимназій, чѣмъ отъ сокращенія числа учебныхъ часовъ“. Но предоставимъ слово автору курьезной замѣтки, заключающей „нѣсколько мыслей (невѣроятныхъ!) въ области педагогики“.

„Вѣдь ясно, — разсуждаетъ почтенный авторъ, которому это ясно, — что если гимназій слишкомъ много, — а что ихъ слишкомъ много, это аксіома, — то въ виду необходимости для каждой гимназіи ежегодно поставлать извѣстное количество гимназистовъ въ университетъ, правительство поставлено въ необходимость впускать въ университетъ больше студентовъ, чѣмъ нужно, чѣмъ оно само желаетъ (откуда автору извѣстны желанія правительства, это—его секретъ).

„Для какой же это цѣли и зачѣмъ такое противорѣчіе? Одно изъ двухъ: или необходимо дѣйствительно ограничивать число студентовъ подборомъ способныхъ и умственно состоятельныхъ, и тогда сократить число гимназій, сообразно надобности въ нихъ практической, или надо оставить вопросъ о сокращеніи массы студентовъ въ сторонѣ, и не сокращать гимназій, дать имъ возможность переполнять университеты студентами, изъ которыхъ половина потомъ оказывается или пролетаріями, или ни къ чему непригодными наученными людьми?

„Во всякомъ случаѣ Россія несравненно болѣе выиграетъ отъ сокращенія числа гимназій, чѣмъ отъ сокращенія числа учебныхъ часовъ.

„Сократите гимназій, и останутся только хорошія, то-есть гимназій съ хорошимъ учебнымъ персоналомъ. Объ нихъ можно будетъ навѣрное сказать, что не нужно будетъ сокращать число уроковъ, потому что никакого переутомленія учениковъ у хорошихъ учителей быть не можетъ.

„А при наличномъ избыткѣ гимназій, между которыми есть плохія, сколько ни сокращай число уроковъ, всегда въ этихъ плохихъ гимназіяхъ будетъ переутомленіе.

„Во всякомъ случаѣ, чтобы быть послѣдовательнымъ, правительство *должно* одинаково не допускать въ университеты какъ вовсе неподготовленныхъ въ классическихъ гимназіяхъ, такъ и подготовленныхъ плохо въ плохихъ гимназіяхъ.

„Въ виду этого нужно оставлять только хорошія гимназій“.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, просто рѣшаются педагогическіе вопросы, надъ которыми тщетно ломаютъ себѣ головы педагоги!!.. Что такіе разсужденія пишутся—это нисколько неудивительно, такъ какъ бумага все терпитъ; но не можетъ быть, однако, чтобы подобныя разсужденія писались безъ нѣкоторой увѣренности, что и на нихъ найдутся въ наше время „благоклонные читатели“—вотъ это послѣднее обстоятельство, если расчетъ автора оказался бы вѣрнымъ, горше перваго... Лѣтъ двадцать тому назадъ, мы переживали эпоху горячихъ споровъ о различныхъ системахъ образованія, но ничего подобнаго не высказывалось въ то время ни тою, ни другою стороною, и причина тому была весьма обыкновенная: тогда это было бы просто стыдно! Приходится сознаться, что въ наше время публицистика сдѣлала значительный прогрессъ, и публицисты выражаютъ свои мысли несравненно смѣлѣе... Смѣлость эта доходитъ даже до того, что нѣкоторые изъ „органовъ общественнаго мнѣнія“ чуть прямо не говорятъ словами Людовика XIV: l'état; c'est moi! Если кто заподозритъ насъ въ наклонности къ преувеличенію, пусть тотъ прочтетъ самъ, на примѣръ, нижеслѣдующее, напечатанное, какъ говорить столичная газета, подъ вліяніемъ прочтенныхъ авторомъ ужасающихъ статей въ провинціальныхъ газетахъ, издаваемыхъ подъ цензурою, и въ виду того, что „правительственная политика упорядоченія жизни и усиленія власти обращается въ наполненіе данаидовой бочки“:

„Неужели, — восклицаетъ авторъ новѣйшихъ „катилинарій“, — слѣдуетъ опасаться *революціи* (курсивъ въ подлинникѣ) въ случаѣ прекращенія всей этой явно вредно растлѣвающей мелкой печати?.. Просто непостижимо! Всѣ эти мысли навѣялъ мнѣ сегодня получеп-

ный мною по почтѣ номеръ „Смоленскаго Вѣстника“ при письмѣ, которое заканчивается словами: *quousque tandem, Catilina*, и т. д.

„Дѣйствительно, номерокъ этого Вѣстника, *цензурою дозволеннаго* (курсивъ подлинника), очень интересенъ своею внутреннею мозаичною работою, и именно напоминаетъ блаженной памяти ловкую работу редакціи „Голоса“, гдѣ правительство никто не бранить, но бранили Каткова, на примѣръ, такъ, чтобы всѣ понять могли, что брань эта направлена на правительственные образы дѣйствія. Въ „Смоленскомъ Вѣстн.“ роль Каткова играю я (?), играетъ „Гражданинъ“, то-есть либералы „Смоленскаго Вѣстника“, съ разрѣшенія цензуры, пользуются мною, какъ органомъ консерваторовъ (есть съ чѣмъ ихъ поздравить!), чтобы проповѣдывать ненависть въ реакціи и увѣрять читателя, что времена торжества Щедрина возвратятся скоро! Да и вообще номеръ составленъ такъ тенденціозно, что задумываешься надъ вопросомъ: неужели правительству нужно, чтобы существовали и именно такъ издавались провинціальныя газеты...

„Начну съ начала на первой страницѣ: по иностранной политикѣ, со словъ какой-то газеты „Еurore“, тенденціозныя нападки (*horribile dictu!*) на газету „Гражданинъ“ за его будто бы анти-французское направленіе. Дѣло ли это „Смоленскаго Вѣстника“?..

„Далѣе: *peuce de resistance* — историческій трактатъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ *Россіи*, и въ заключеніе опять цѣлый рядъ инсинуацій на (газету) „Гражданинъ“, будто бы требующій восстановленія не только розогъ, но даже кнута и плети? Опять-таки—дѣло ли это „Смоленскаго Вѣстника“?

„Далѣе въ „Мѣстной хроникѣ“ два всего факта, и изъ нихъ одинъ: рассказъ о церковнослужителѣ, въ пьяномъ видѣ палкою избивающемъ до полусмерти свою дочь? Опять-таки: неужели для такихъ *нечтительныхъ* и *полезныхъ* сообщеній *должны* существовать „Смоленскій Вѣстникъ“?

„Далѣе въ „Отголоскахъ печати“ двѣ выписки: одна изъ „Русской Старины“, по поводу *отмены тѣлеснаго наказанія* (два раза,—каково преступленіе!—въ томъ же номерѣ и о томъ же предметѣ), а вторая—опять-таки нападки на (газету) „Гражданинъ“, за его корреспонденціи изъ смоленской губерніи, гдѣ повѣствуется о томъ, какъ терпятъ помѣщики отъ разгула крестьянскаго своеволія и какъ нужна въ уѣздѣ власть земскаго начальника“, и т. д., и т. д.

Нужны ли еще другія доказательства для присутствія въ настоящемъ случаѣ очевидныхъ признаковъ известнаго рода помѣшательства, называемаго „манією величія“? Сказать что-нибудь противъ этого господина „Я“ и съ нимъ въ чемъ-нибудь не согласиться—это однозначаще съ критикою правительственныхъ распоряженій и, кромѣ

того, сопряжено съ неуваженіемъ къ представителю консерваторовъ. Вотъ когда встать могутъ сказать консерваторы, обращаясь къ господину „Я“:—избави насъ Богъ отъ такихъ друзей, а съ врагами мы справимся сами! Впрочемъ, очень скоро газета „Гражданинъ“, оставивъ на время въ покоѣ „либераловъ“ и ожесточенно напавъ на своего конкурента по части патриотизма и консерватизма, а именно на „Московскія Вѣдомости“, высказала печально всю правду и о самой себѣ: „есть—говорить „Гражданинъ“—и дешевый патриотизмъ, и мишурный чиновничій консерватизмъ... Какъ то, такъ и другое мѣднаго гроша не стоитъ, но кромѣ того, я позволяю себѣ думать, что дешевый патриотизмъ или эксплуатирующій патриотизмъ, съ консервативными отгѣнками — какъ тотъ, который стали практиковать „Московскія Вѣдомости“, можетъ быть для интереса правительства вреднѣе, чѣмъ дешевый либерализмъ...“

„Во всякомъ случаѣ и то, и другое — все та же политика пятачка.“

„А мнѣ кажется, оставляя въ сторонѣ всякія требованія, предъявляемыя къ духовному міру ихъ (?) руководителей въ области серьезнаго пониманія консерватизма и патриотизма, что „Московскія Вѣдомости“ на столько правительствомъ обезпечены (?) въ матеріальномъ отношеніи, что могли бы отъ политики пятачковъ отказаться совсѣмъ, и быть внимательнѣе къ разбору способовъ проявлять свой патриотизмъ“.

Все это назиданіе „Московскимъ Вѣдомостямъ“ высказывается въ „Гражданинѣ“ по поводу ихъ дѣйствительно грубыхъ и неприличныхъ нападокъ на Финляндію, подобныя которымъ по другимъ вопросамъ встрѣчаются только въ самомъ „Гражданинѣ“;— „врачу, исцѣлился самъ!“—могутъ ему не безъ основанія отвѣчать его же конкуренты по „дешевому патриотизму или эксплуатирующему патриотизму, съ консервативными отгѣнками“...

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Американская республика, Джемма Брайса. Вь трехъ частяхъ. Часть III. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невдомскій. Изд. К. Т. Соловьевъ. Москва, 1890. Стр. 554 и XIV. Ц. 3 р. 50 к.

Третья и послѣдняя часть сочиненія Брайса заключаетъ въ себѣ много интереснаго свѣдѣній и наблюдений относительно роли и характера общественного мѣштва въ Америкѣ, а также объ особенностяхъ общественной жизни въ Соединенныхъ Штатахъ. Законченное шить въ русскомъ переводѣ, сочиненіе Брайса даетъ широкую и талантливо написанную картину общественнаго и политическаго быта великаго сѣвероамериканскаго республика, при чемъ съ возможностью безпристрастїи освѣщаются свѣтлым и тонкимъ образомъ этотъ бытъ, безъ всякихъ умалчиваній. Авторы, будучи англичанцами, не только не проглядываютъ обычнаго недобрѣя и скептицизма во отношеніи къ понятіямъ и условіямъ жизни американцевъ, но, напротивъ, стараются извѣсти проглядывать въ нихъ свѣтлым и характера, въ нихъ нравы и воззрѣнія, и въ общемъ выстаетъ свѣрбе внимательнымъ и сочувствующимъ наблюдателемъ, чѣмъ критикомъ. Читатель выноситъ изъ книги впечатлительныя свѣдѣнія и богатства: живая энергія, настойчивость, необычайное богатство силъ и характеровъ настолько присущи народу, изображаемому Брайсомъ, что самый мрачный пессимистъ, читая эти описанія, вынужденъ по-новой поддаться непривычному восторженію и возлюбитъ некоторую вѣру въ будущее. Американцы вообще мало склонны къ пессимизму, и Брайсъ объясняетъ это тѣмъ, что они „не только чувствуютъ въ своихъ жилахъ сильное бїеніе внѣшескаго пульса, но также знаютъ, что имъ удалось преодолѣть затрудненія, труднѣшя странности бѣдствійми, и удалось во многомъ достигнуть такихъ результатовъ, въ исторіи которыхъ стремился жители Старога свѣта“. А въ той же мѣрѣ, въ какой жители Соединенныхъ Штатовъ болѣе полны надеждъ, — заключаетъ далѣе авторъ, — они болѣе здраво обо всемъ судятъ. Они не раздѣляютъ убѣренности своихъ предковъ, что могутъ достигнуть осуществленія своихъ идеаловъ легко или скоро, а возвращать, что будутъ по прежнему стремиться къ этой цѣли, и говорить это такимъ тономъ убѣренности, что даже завышій европеецъ не захочетъ убѣждаться въ основательности ихъ свѣтлыхъ надеждъ“. Въ концѣ книги приложено мѣштво конституцій штата Калифорніи, отъ 7-го мая 1879 года. Для облегченія справокъ вѣдѣется также алфавитный предметный указатель.

Въ тѣмъ сила жизни? Второе, значительно дополненное, изданіе „Популярныхъ очерковъ по естествознанію“, Ээлье (Л. К. Попова). Сиб., 1890. Стр. 321. Ц. 2 р.

Очерки г. Л. Попова отличаются живое и болѣею восстановленіемъ научныхъ вопросовъ, и въ то же время весьма серьезнымъ и дѣльнымъ освѣщеніемъ ихъ. Оба эти качества — живость изложенія и солидность содержанія — одинаково важны и необходимы въ книгахъ, имѣющихъ цѣль популяризацию научныхъ знаній; но, въ сущности, эти качества совмѣщаются довольно рѣдко, и поэтому и рядомъ приходится встрѣ-

чать въ популярныя сочиненіяхъ или тяжело-вѣсную „солидность“ формы, или чрезвѣчайно легкость матеріала. Тѣмъ болѣе прїятное впечатлѣніе производятъ очерки г. Попова, свѣдѣтельствующіе о большой начитанности автора въ области естествознанія и доказывающіе также несомнѣнное искусство въ группировкѣ и разясненіи фактовъ. Г. Поповъ имѣетъ свои самостоятельныя идеи и развиваетъ ихъ подробно, напр. въ полемикѣ противъ нѣкоторыхъ сторонъ дарвинизма, особенно въ статьѣ: „Приспособленъ или приспособленъ?“ Изъ восьми очерковъ, вошедшихъ въ книгу, названная статья читается съ наибольшимъ интересомъ.

Основанія политическаго экономіи. Выпускъ первый. Проф. Д. И. Пихо. Кіевъ, 1890. Стр. IV и 168.

Учебникъ проф. Пихо составленъ по обычной — можно сказать, шаблонной — программѣ курсовъ политическаго экономіи: по этой программѣ элементъ „политическаго“ остается только въ названіи и вполнѣ лѣтвенно специально-промышленнымъ, отчасти даже банковымъ и биржевымъ. Сама по себѣ, книга г. Пихо представляетъ большаго достоинства, и главнѣйшее изъ нихъ заключается въ точности и ясности изложенія. Недостаткомъ можно считать отсутствіе надлежащихъ указаній на литературу предмета и на современное положеніе политико-экономическихъ школъ и направленій.

Учебникъ психіатрии. На основаніи клиническихъ наблюдений для практическихъ врачей и студентовъ составилъ д-ръ Крафтъ-Эбингъ. Съ 3-го изданія перевелъ Александръ Черемшанскій. Второе русское изданіе, съ примѣчаніями и дополненіями переводчика. Сиб., 1890. Стр. XVII и 890. Ц. 5 р.

Книга проф. Крафтъ-Эбинга принадлежитъ къ числу наиболее извѣстныхъ учебниковъ психіатрии въ настоящее время и повидному пользуется заслуженнымъ успѣхомъ и у насъ, какъ можно видѣть изъ появленія второго русскаго изданія. Переводчикъ, д-ръ Черемшанскій, свѣдалъ съ своей стороны нѣкотораго примѣчанія и дополненія, касающагося преимущественно новейшей литературы предмета, какъ русской, такъ и иностранной.

Заразныя болѣзни въ учебникѣ заведенійхъ. Корь, скарлатина, оспа, тифъ, дифтеритъ, кокашъ, свинка и др. 2-ое изд., аспиравъ, и доломъ. А. С. Виреніусъ. Сиб. 90. Стр. 128. Ц. 1 р. 25 к.

Школа, собирая дѣтей въ значительномъ числѣ, представляетъ особую опасность при появленіи въ ней какой-нибудь заразной болѣзни, а потому трудъ г. Виреніуса, знакомаго и неврачей съ признаками такихъ болѣзней и свѣтрами противъ нихъ, долженъ служить настоящею книгою для каждаго учащаго. Авторъ воспользовался богатою иностранною литературою по этому важному предмету школьной жизни, занимающему видное мѣсто въ дѣлѣ попеченія о здоровьѣ вождѣхъ поколѣній, и тѣмъ вполнѣ удовлетворилъ настоятельную потребность въ такой книгѣ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1890 г.

(Двадцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзу	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго іюля открывається подписка на третью четверть 1890 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гостиц. Двора; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія лин. — *Иногородные* и *иностранцы* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтового учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналомъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемята адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ ииогородіе, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а ииогородіе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ иишенонименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не возже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на получение журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ ииогородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВЕСТНИКЪ ЕВРОПЫ

AUG 25 1890

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАЮЩЕГО.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1890.

ПЕТЕРБУРГЪ.

И. ШАЛЕЧНИКЪ

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1890.

I.—ДОБАНОВИЦНА. — Романъ въ двухъ частяхъ. — XV—XX. — В. Шилова . . .	445
II.—Н. В. ГОГОЛЬ въ началѣ литературной карьеры (1829—1831). — VI—XIV. — Окончаніе. — В. П. Шенропа . . .	487
III.—НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБѢ. — Повѣсть. — IX—XV. — Окончаніе. — П. Потапенка . . .	521
IV.—ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА. — VI—IX. — Окончаніе. — С. В. Копалевской . . .	554
V.—ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ПРОШЛОМЪ. — I—V. — По поводу статьи В. Якушкина. — Л. З. Слованскаго . . .	641
VI.—ПОДЪ ИГОМЪ СТРАСТЕЙ. — Романъ Ричарда Аткинга. — VIII—XV. — Съ англійскаго. — А. Э. . . .	673
VII.—ВИСМАРКЪ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ. — Bismarck and State Socialism, by Dawson. — И. Я. . . .	723
VIII.—ПОНСКИ ВЪ ДАЛЕКОЙ СТАРИНѢ. — Разсказанія А. Н. Веселовскаго; „Сана, ладья и коня“, Д. Н. Анучина. — А. П. Пышина . . .	740
IX.—ГУСТАВЪ IV И ЕКАТЕРИНА II. — I. — А. Г. Брикнера . . .	783
X.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. — Сохраненіе прежней компетенціи земства. — Существенныя перемены въ его организаціи. — Пониженіе числа гласныхъ и избирательнаго ценза. — Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе. — Отношеніе земскихъ управъ къ администраціи. — Манифестъ о почтовой части въ Финляндіи . . .	804
XI.—НАША ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ВЪ 1889 ГОДУ. — 0 . . .	826
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Конгрессъ приверженцевъ общаго міра въ Лондонѣ. — Принципъ третейскаго суда въ международныхъ спорахъ. — Страны противорѣчія и педомолвки. — Вопросъ о нейтрализаціи Эльзасы-Лотарингіи. — Нѣмецкая брошюрка по этому предмету. — Принудительное настрояніе въ Германіи. — Оффиціозная печать при князѣ Бисмаркѣ и теперь. — Заявленія и отзывы бывшаго капеллера въ бесѣдахъ съ корреспондентами. — Внутреннія нѣмецкія дѣла. — Новая путешествія Вильгельма II. — Возможное сближеніе съ Россіею и толки о болгарскомъ вопросѣ. — Последнія событія въ Испаніи и въ другихъ мѣстахъ . . .	835
XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Русская наука въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, рѣчь В. П. Модестова. — Отчетъ Импер. Публичной Библіотеки за 1887 годъ. — Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. — Нижегородскій Сборникъ, издаваемый нижегородскимъ губернскимъ стат. комитетомъ, подъ редакціей А. Гадискаго. — А. В. — Новая книга и брошюрки . . .	851
XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. — L'évolutionnisme des idées-forces, par Alfred Fouillée. — II. — La civilisation et les grands fleuves historiques, par Léon Metchnikoff. — III. — Der nächste allgemeine Strike der deutschen Bergarbeiter und seine rationelle Bekämpfung, von Ernst Mathias. — Л. С. . . .	870
XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Перемена въ гимназическихъ учебныхъ планахъ. — Уменьшеніе „концентраціи“ и конецъ господства экстенморалій. — Увеличеніе гимназическихъ вакансій. — Сенсационная корреспонденція. — Съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній. — Дѣло Вальмана — Изъ міра печати . . .	878
XVI.—ВИДИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Л. А. Новиковъ, Протекціонизмъ. — Серъ Джонъ Лэббокъ, Успѣхи и радости жизни. Съ англійскаго четырнадцатаго изданія. Пер. М. Ловцовой. — М. М. Интеллигенція, какъ категория капиталистическаго строя. — Гигіена зрѣнія и выборъ очковъ для публики, врачей-спеціалистовъ и архитекторовъ, съ прибавленіемъ статьи о гигиенѣ зрѣнія въ школахъ. Съ 47 рисунками. Д-ра Л. Симонова . . .	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1890 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

AUG 25 1890

ЛОБАНОВЩИНА

Романъ въ двухъ частяхъ.

XV *).

Лучшими минутами въ жизни Ивана и Маланьи было, безъ сомнѣнiя, время, когда они подъ вечеръ вмѣстѣ выходили за ворота. Чаше всего это случалось въ праздникъ, такъ какъ въ будни Маланья какъ-то неловко казалось сидѣть на улицѣ и слушать игру мужа на гармоникѣ или его разсказы о городѣ, и ровно ничего не дѣлать, тогда какъ всѣ другiе находились въ работѣ и дома.

Но въ праздникъ она охотно шла за ворота.

Едва выходила Маланья на улицу, Иванъ переставалъ играть на гармоникѣ и подвигался на край лавочки, чтобы дать ей мѣсто.

— Что пересталъ?—спрашивала Маланья, садясь съ нимъ рядомъ и показывая глазами на гармонику.

— Наигрался.

— Поиграй еще, я послушаю, протяжную ваую-нибудь сыграй,—просила Маланья.

Иногда Иванъ уступалъ ея просьбамъ, а иногда, вмѣсто того, чтобы снова взяться за гармонику, заводилъ рѣчь о городѣ.

— Часовъ, поди, пять теперъ ужъ есть, ты какъ полагаешь?— говорилъ онъ, поглядывая на безоблачное, еще горѣвшее вечерней звѣздой небо, но въ которомъ уже начинали проступать звѣзды.

— Надо быть, что ужъ есть,—подтверждала Маланья.

*) См. выше: июль, стр. 184.

— Теперь въ городахъ самовары наставляють, а въ которыхъ мѣстахъ они ужъ и свигбли, пожалуй, — продолжалъ Иванъ.

— И у насъ, у батюшки, въ эту же пору все чай пили, — сообщаетъ и Маланья.

— Большая споровка нужна въ нашемъ дѣлѣ, — говоритъ Иванъ дальше, увлекаясь воспоминаніями, — до тонкости надо знать, къ кому въ какое время потрафить съ булками. Мнѣ какъ-то всегда ладно приходилось, — одной минутой смекну, въ какой срокъ куда. Весь секретъ въ томъ, чтобы, напримѣръ, угадать въ самый разъ. Ну, вотъ не хвастаясь скажу тебѣ, всегда унаравливалъ въ аккуратъ. Сейчасъ самоваръ на столъ, сейчасъ и я, какъ вылью...

— И не купить бы, да купить?... — проговорила Маланья, лукаво смѣясь.

— Истинно. Ужъ ежели самоваръ на столъ, рѣдкій не купить булки, особливо ежели горячая; который человекъ и не больно богатъ, и прижимистъ, а приди въ-время — не утерпитъ, купить.

— Услышите — пахнетъ, вотъ и купить, — замѣтила Маланья, внимательно слѣдя за разговоромъ мужа.

— Такъ вотъ оно, дѣло-то: первое, чтобы, значить, во время; второе опять, чтобы знать, кому на глаза попадать. Такое иной разъ бываетъ, что ходишь ты въ домъ, ходишь, можетъ, цѣлый годъ шатаешься, и все одна мѣра идетъ, все одинъ хлѣбъ въ 5 копѣекъ берутъ... Помню я такъ-то на Никольской улицѣ къ офицеру одному носилъ: хотъ тресни, булка и больше ничего! Вдругъ, одна, какимъ-то случаемъ не на барина, а на барыню попалъ, и пошло какъ по маслу... „Ахъ, говоритъ, у тебя и пряженчики, и слоенчики, сухарики“, — да копѣекъ на 20 и набрала. Вотъ оно какъ! Просыпала она меня, а мужъ-то жадный былъ, умеръ ужъ теперь. Догадался я и сталъ къ нимъ булки часомъ позже заносить — распрекрасно вышло.

— Доставалось же, поди, тебѣ ходить-то? — участливо спросила Маланья.

— Извѣстно, доставалось, не безъ того, ну такъ ужъ за то опять и любили меня, — и хозяинъ любилъ, изо всѣхъ отличалъ, и народъ любилъ...

— Вишь, всѣмъ ты угождалъ, вотъ и любили.

— Бывало, Карлъ Иванычъ и пьянаго когда увидить, и отчетъ, когда не весь ему отдамъ — все прощаль, — продолжалъ Иванъ, — выругаетъ только, а завсегда простить. Другой малость какую прощтрафится, сейчасъ его долой, а меня все прощаль...

— Оборотливый ты, потому.

— Ну и народъ уважалъ. Идешь съ воробомъ по городу, то и знай кланяешься, и ужъ рѣдко кто ласковаго слова тебѣ не скажетъ; я замало весь городъ наперечетъ зналъ. Чего и говорить—не много не мало шесть лѣтъ въ городу выжилъ, не шутка!

— Разумѣется. И ты привыкъ, и къ тебѣ привыкли, поживи-ка шесть-то годовъ, какъ не привыкнуть, — соглашалась Маланья.

— Ученики меня шибко любили —страсть! Въ рiальное Сѣмка носилъ, а я—въ геминазію. Рiальное училище хотя новое, да тамъ не такъ доходно, а геминазія важнѣе, ну и богаче. Какъ начнетъ къ 12 часамъ подходить—я ужъ тутъ, какъ тутъ. Отдыхъ имъ въ это время дается. Вотъ какъ выпустятъ изъ классовъ, они и лущатъ по лѣстницѣ ко мнѣ сверху на перегоньшки, другъ черезъ дружку скачутъ, того гляди, убьются,—ухори все парнишки! Какъ кинутся разомъ-то, батюшки мои свѣты, стѣны, инда, дрожать... Не успѣю мигнуть, какъ уже оба кораба у меня пустехочки... И пріятно мнѣ это, ну только и боязно, потому вотъ хоть умереть, не знаю, который на сколько стащилъ, вижу только, что забрали все до чиста...

— Какъ ты деньги-то собиралъ?—удивлялась Маланья.

— Кто тутъ же сунетъ, а кто кричитъ, что послѣ, завтра тамъ или когда, а то и такъ сдуютъ.

— Ну ужъ это спаси Богъ!

— Не однажды не досчитывался, не углядишь...

— Вотъ озорники-то, еще городскіе называются!

— Не одинъ разъ я эту бѣду платилъ. Одно время совсѣмъ было рѣшилъ геминазію прекратить, потому, какая ужъ это торговля, ежели себѣ въ убытокъ, ну не устоялъ, очень привыкъ я къ ней... Сквитывались потомъ. Придутъ послѣ рождества, послѣ пасхи, или съ вавата пріѣдутъ—все отдадутъ, да еще и прибавятъ, а какъ все-то сложишь, и выходило, что и изьянъ пороешъ, и на разгулку останется. Кабы мнѣ копить, изрядно бы у меня денегъ было!

— Видно, не плохо же курилъ ты въ городу, не даромъ отецъ все тебѣ поминаетъ.

— Какъ ему не поминать, послѣдній годъ я въ домъ копѣйки не вложилъ: какъ получу расчетъ, такъ въ тотъ же вечеръ и скачу, какъ получу, такъ и скачу... Прямо тебѣ говорю—ни копѣйки имъ не далъ, я вѣдь не таюсь, чтѣ мнѣ теперь...

Иванъ умолкалъ, углубляясь все дальше въ воспоминанія о

своей городской жизни, а Маланья молчала подъ наплывомъ разнаго рода сомнѣній и вопросовъ, которые выразить вслухъ не рѣшалась. Иногда, впрочемъ, она говорила: „Зачѣмъ ужъ и жилъ ты тамъ столько, когда безъ пути безо всякаго?“

— По твоему здѣсь лучше? Впроголодь, да каждую минуту подъ руганью лучше? Кабы собственная моя воля, часу бы я тутъ не остался,—горячо заявлялъ Иванъ на такія рѣчи жены.

— А я-то тогда какъ же?—испуганно спрашивала у него Маланья.

— И тебя увелъ бы. Да и сколь ни побьюсь, съ того же опять доведется начинать, ужъ это какъ Богъ святъ!

— Для чего ты этакъ завѣчаешь, что за радость шататься отъ своего дому? Станемъ всячески стараться, вотъ и пойдеть у насъ другое. Гдѣ ты каковой грошъ добудешь, гдѣ я,—старалась успокоить Маланья мужа.

— Черта съ два добудешь въ этакой берлогѣ, и птицы-то въ здѣшнихъ мѣстахъ не летаютъ, на чемъ добудешь тутъ?—почти кричалъ Иванъ, зло сверкая своими маленькими глазами.

— Ой, Иванъ, почто ты всякую малость съ сердцемъ!—угаривала Маланья.

— А потому съ сердцемъ, что мнѣ до зарѣзу дошло.

— Я вотъ терплю же, а еще на чужой сторонѣ, и ты терпи.

— Оба мы съ тобой на чужой сторонѣ... мнѣ, можетъ, и того чужѣе. Отъ всего деревенскаго положенія я наготово отвыкъ, что ни возьми,—пищу ли, работу ли, одежду ли,—все не подходитъ подъ мою линію. И про тебя сказать, развѣ я не вижу, каково тебѣ? Не слышу развѣ, что старый чертъ, какъ червь неусыпайшій, поѣдомъ тебя ѣсть? Я вотъ ему покажу, такъ узнаеть!—грозился Иванъ.

Но проходили бесѣды и совершенно въ другомъ родѣ.

— Теперь ужъ я все въ вашемъ селеніи, какъ свои пять пальцевъ знаю, какъ есть все, и кто въ какомъ домѣ живетъ, и у кого какая семья, и кто рукоюмеломъ какимъ занимается,—говорила, бывало, Маланья.

— Велико дѣло наши рукоюмела знать,—на все селеніе одинъ Митричъ кузничить!—возражалъ Иванъ.

— Не велико, а поначалу я все сбивалась.

— И опять собьешься, дай срокъ,—смѣялся Иванъ.

— Ну ужъ нѣтъ! Я теперь, хоть бы того же Митрича взять, ни съ кѣмъ не смѣшаю, какъ дунь сѣдой и такой ли тихій, что и не слышно его.

— Чему ужъ слышно-то быть, на ладонь дышетъ... Онъ

вѣдь у нихъ такъ, безъ дѣла, шибко старъ; настоящей-то хозяйнѣ у нихъ Кирька.

— Чернышъ какой этотъ Кирька, чистая головешка, не въ отца онъ, суровый, грозный,—замѣтила Маланья.

— Никого нѣтъ у нихъ въ отца-то,—подтвердилъ Иванъ,—дѣвки, какъ и Кирька, всѣ три въ мать, черныя-пречерныя; на работу, словъ нѣтъ, люты овѣ, а такъ поглядѣть, чистыя вѣдьмы. Правду ли, нѣтъ ли, люди говорятъ, Ивановна-то, будто, колдовать умѣетъ.

— Можетъ ли быть? пустяки какіе! вѣдь выдумаетъ же народъ,—усумнилась Маланья.

— Кто ихъ знаетъ,—неопредѣленно замѣтилъ на это Иванъ.

— Что же она, когда такъ, жениховъ къ дочерямъ не приворожить?

— До этого видно еще не дошла.

— Ни съ чѣмъ не повѣрю, что колдунья, буде ужъ меня испортитъ, такъ тогда,—разсмѣялась Маланья.

— Килу тебѣ наворожить, либо хомуть надѣнетъ,—смѣялся и Иванъ.

Семья, о которой шла рѣчь, жила въ самомъ крайнемъ домѣ, первомъ отъ околицы. Домъ этотъ только въ прошломъ году выстроили и на него весело было глядѣть: двухъ-этажный, въ пять оконъ, съ крашеными ставнями, тесомъ обшитъ, дворъ крытый, совсѣмъ какъ у Тита Андронича, немного пониже, правда, и лѣсъ похуже, но зато новый.

Хозяйство у Митрича, какъ и домъ, было справное, скота и хлѣба въ волю, говорили даже, что, благодаря торговлѣ замѣами, и деньги водились у старика, но навѣрно этого никто не зналъ. Самого Митрича сосѣди любили и уважали, а отъ остальныхъ членовъ его семьи, Кирьки, дочерей и Ивановны, всѣ какъ-то сторонились. Маланья, впрочемъ, не раздѣляла этой общей антипатіи починка, хотя и особеннаго расположенія къ семьѣ Митрича у ней также не было.

Между домами Митрича и Тита Андронича ютилась ветхая избенка Никиты рыжаго. Никитѣ шелъ сороковой годъ. Семьи у него только и было, что жена и сынъ Сенька, мальчикъ лѣтъ 14-ти. Промышлялъ Никита извозомъ: чуть зима, онъ ужъ и укатить въ дальнюю дорогу съ крупчаткой или рыбой, а если когда не удавалось кладъ взять, онъ нанимался на зиму къ Кирькѣ въ вузницу. Права Никита былъ веселаго и дѣтски простодушнаго; всѣ любили его, любили и его жену, Лизавету, хотя послѣднюю вмѣсто крещенаго имени и звали „Бормотухой“, за ея манеру го-

ворить быстро и неразборчиво. Лизавета въ этому съ давнихъ поръ привыкла и называли ли ее Лизаветой или Бормотухой, она одинаково откливалась, но иногда она недоумѣвала.

— И съ чего только меня перекрестили, мало ли кто съ чѣмъ родится, такъ неужто тѣмъ его и вливать?—спрашивала она окружающихъ.

— Мы тебѣ не въ безчестье, а отъ привычки, не обижайся! — отвѣчали ей обыкновенно, и она не обижалась.

Съ одной лошадыю и одной коровой вель свое хозяйство Никита, но мужикъ онъ былъ трезвый, не лѣнивый, а потому не бѣдствовалъ. Завѣтной мечтой его, уже въ теченіе многихъ лѣтъ, было перестроить свою убогую избу и онъ тщательно сберегалъ и откладывалъ для этого всякій грошъ, остававшійся у него за уплатой повинностей и другихъ неминуемыхъ расходовъ; но сбереженія накоплялись крайне медленно и, несмотря на всѣ старанія, на перестройку избы Никитой была скоплена лишь половина того, во чтѣ, по его расчету, постройка должна была обойтись.

Почти всѣ дворы починва были расположены въ одинъ рядокъ: Митричь, Никита, Титъ Андроничъ и Аксенъ жили по одну сторону улицы и только Арефа печникъ—по другую. Нестарый еще, но маленькій, съ однимъ подслѣповатымъ окномъ на улицу, домъ Арефы производилъ невеселое впечатлѣніе, которое отчасти выкупалось только березовой рощицей, росшей рядомъ въ лужеѣ, гдѣ Лукьяничъ, отецъ Арефы, каждый годъ ставилъ улы, хотя рои у него почему-то и не прививались.

Арефа рѣдко бывалъ дома: то онъ на промыслѣ на своемъ, то прогуливаетъ заработки, то сидитъ въ холодной за буйство въ пьяномъ видѣ или за грубость уряднику. Дома съ грѣхомъ пополамъ, при посредствѣ найма, хозяйствомъ управляла жена Арефы, Степанида, неповоротливая и вдобавокъ глухая баба, замѣчательная, между прочимъ, тѣмъ, что чтѣ бы она ни дѣлала, все у ней выходило не ладно. „Возьметъ—пролетѣтъ, понесетъ—изломаетъ, не баба—прясло!“—говорилъ о ней свекоръ, оставшой, еще николаевскій солдатъ, которому, какъ человѣку, выдавшему лучшіе порядки, особенно противна была неповоротливость и общая нескладность невѣстки; больше же всего не выносилъ онъ ея колоссальнаго неряшества.

Но Степанида не была, въ сущности, душой. Она была непріятна своей грязью, неповоротливостью и глухотой, и даже по наружности, пожалуй, тоже была непріятна, тѣмъ болѣе, что постоянно одѣвалась въ какое-то тряпье и почти постоянно была беременна, но настоящей душой назвать ее было нельзя. Просто-

на-просто она представляла собою ничто иное, какъ то, что на народномъ языкѣ опредѣляется словомъ „развозъ“.

Ребятъ у Арефы родилось много, но ребята выходили всё въ мать, все какіе-то тупые, вялые. Обыкновенно они въ первые же мѣсяцы своего существованія заболѣвали и умирали и, такимъ образомъ, на-лицо оказывалось всего двое—дочь Наталья семи лѣтъ и полугодовой сынъ Васька.

— Чистый ты, Наталья, челпанъ! Напрасно и ты жить надумала, потому толку въ тебѣ, какъ въ матери же твоей, и не завязалось. Нечего бы и тебѣ свѣтъ добрымъ людямъ заститъ, помирала бы себѣ съ Богомъ!—говаривалъ не разъ Лукьянычъ, съ огорченіемъ глядя на внучку, лицомъ и фигурой дѣйствительно очень походившею на мать. Но въ то же время онъ любилъ ее и прилагалъ всё усилія къ тому, чтобы дѣвочка руки имѣла чистыя, голову чесала гладко, сарафанъ и рубаху, прежде чѣмъ надѣтъ, катала и если въ избѣ чуть соръ, чтобы сейчасъ же брала вѣникъ и мела.

Отъ тяжелаго нрава свекра Степанида чуть не всякій день плакала „кровоавыми слезами“, по ея собственному выраженію, и не дальше, какъ послѣднимъ лѣтомъ, онъ довелъ ее до того, что она едва его не уходила. — Только ужъ видно самъ Богъ-батюшка не попустилъ,—говорила она потомъ.

— Какъ это захворалъ онъ у насъ послѣ Вознесенья, ужъ я рада ли не рада была. Ну, молъ, будетъ тебѣ, старый чертъ, поцарствовалъ! Забудешь теперь хордыбачить! Захочу, подамъ пить, захочу—не подамъ: каково засѣялъ, таково и сожнешь... понадсмѣхался сколь-нибудь надо мной, теперь ужъ на моей улицѣ праздниѣ, думаю,—разсказывала Степанида Маланъ и Ивану, подойдя къ нимъ однажды, когда они, окруженные нѣкоторыми другими сосѣдями, такъ же, какъ и Степанида, подошедшими къ нимъ „покалявать“, сидѣли за воротами праздничнымъ вечеромъ.

— Что ужъ съ хворымъ-то, съ здоровымъ бы воевала, недужнаго обижать грѣхъ, всё подъ Богомъ ходимъ, — возразилъ ей кто-то.

— А ему не грѣхъ было всячески поносить меня?—спросила Степанида тономъ обиды.

— Ну временемъ, чай, и дѣло скажетъ, безъ старика-то ты потонула бы въ грязи,—въ полголоса проговорила стоявшая рядомъ съ Степанидой Лизавета.

Степанида не разслышала и спокойно продолжала говорить далѣе.

— Ну обрадовалась я спервоначалу, а онъ возьми, да и не умри, да сдѣлался и того лютѣе, хоть изъ дому бѣги... Потому унялся. Плачетъ, бывало, ровно маленькій, не пошевелиться, ни поворотиться не можетъ, и все кается, все кается...

— Сохрани Богъ всякаго крещенаго!—вздыхали вокругъ Степаниды.

— Прости, говорить; можетъ, говорить, простишь, такъ я и помру Богъ дастъ, въ одному бы ужъ мнѣ концу. Ну, простила я, а онъ все не умираетъ.

— Не своя воля, ежели Богъ не дастъ, не умрешь,—подтвердили всѣ.

— Вотъ и стали мнѣ отъ нашихъ изъ деревни заказывать,—продолжала Степанида:—чтобы я какъ-нибудь урвалась да побывала бы къ нимъ; вещь, чу, есть у кумы тамъ у Евсихи; только, связываютъ, попой—сейчасъ же помреть...

— Господи-батюшка, есть же на свѣтѣ такіе душегубы!—возмутилась Маланья.

— На это найдется... На добро стань искать, не найдешь, а на зло сколько угодно!—неодобрительно, потрясая своей лохмотой, рыжей головой, замѣтилъ Никита.

— Дичь народъ, какъ есть безъ понятія,—презрительно произнесъ Иванъ.

— Чтожъ бы вы думали, рѣшилась вѣдь я,—не обращая на всѣ эти замѣчанія никакого вниманія, продолжала Степанида рассказывать дальше.

— Да вѣдь это душегубство?—говорятъ ей съ выраженіемъ отвращенія и ужаса.

— Нельзя мнѣ было не рѣшиться,—защищается Степанида,—потому связать меня старикъ по рукамъ и по ногамъ, а время къ самому сѣновосу подошло.

— Ну и дѣла!— снова встряхивая головой, говоритъ Никита.

— Ну тоже, кабы не свекоръ, а родной отецъ хворалъ, не стала бы, небойсь, поить зазнамо на изводъ, хоть бы и сѣнокосъ,—проговорилъ незамѣтно подошедшій къ разговаривающимъ Аксѣнь.

— Напрасно ты это, Аксѣнь Филатычъ,—возразила Степанида,—свекоръ ли, отецъ ли все одно. Вонъ ребята у меня помирають, когда же свою кровь не жаль, а ужъ какъ начнутъ маяться, видимо ни смерти, ни живота, ну и попоишь землей, чтобы въ одному концу.

— То у тебя ребятъ-то и чисто, рожаешь, рожаешь, а въ живыхъ другой-третій да обчелся, — разсмѣялся Аксѣнь.

— Нѣтъ, это поятъ земель-то не она одна, поятъ точно. Ужъ какъ увидать, что начнетъ съ душой разставаться, а наготово не помираетъ, только томится, такъ и поятъ, чтобы не маялся, для того, — пояснила Лизавета.

— Что же я и говорю, — снова разсмѣялся Аксѣнь.

— Нѣтъ, ты напрасно, — повторила Степанида, — я не отъ лихости. Не отпираюсь, всяко живучи бывало: и онъ меня изъѣдалъ, и я ему не уступала, ну только тутъ ужъ я не поэтому....

— Не поэтому? — поддразнивающимъ тономъ спросилъ Аксѣнь.

— Истинно не поэтому.

— А черезъ сѣнокосъ?

— Первое дѣло — сѣнокосъ, второе — Арефы дома нѣтъ, ребята махонькіе, а старикъ безъ перемежки точно подъ ножомъ харчить. Днемъ еще ничего, а ночью до того ли страшно мнѣ сдѣлается, ино задрожу вся. Ужъ читаю молитвы, читаю, какія знаю, всѣ перечитаю, а онъ харчить да и полно; ровно у него въ груди чтó вдѣлано, морозъ по вожь...

Степанида прослезилась даже, до такой степени живо припомнились ей испытанія во время болѣзни свекра жуткія ощущенія страха.

— Вотъ и рѣшилась, — говоритъ Степанида, — побѣжала ранимъ-ранехонько къ Евсихѣ и говорю ей: „развяжи ты меня, сдѣлай милость“! Ладно, говоритъ, и даетъ мнѣ вѣничекъ травы, по виду ни дать ни взять васильки, вотъ что во ржи живутъ. „На, говоритъ, напарь, да попой, вотъ тебѣ и развяза“.

— Мати Божія! — шепчуть слушатели въ ужасѣ.

— Затопила я дома печь, замазала траву въ горшокъ и въ печь ее, а подъ вечеръ, какъ упрѣла она, и говорю свекру: „нѣтъ моей мочи въ избѣ спать, совсѣмъ мухи одолѣли, лягу я съ ребятами на сарай; ежели пить захочешь, шарь около себя на полу, жбанъ я близехочко около тебя поставлю“. „Ступай“, говоритъ, и видно, что ужъ черезъ великую силу говорить.

— И ушла? — спрашиваетъ Аксѣнь.

— Уйти-то ушла, да не на сарай, а къ Митричу... — Кабы мой старичекъ не кончился сегодня, — говорю Митричевымъ, — больно слабъ, смерть мнѣ одной съ нимъ страшно, пустите переночевать, сдѣлайте милость! Они, ничего, пустили. Утромъ говорю Ивановѣ: „будь ты мнѣ мать родная, пойдѣмъ со мной вмѣстѣ, потому старикъ, неравно, околочился наготово“. Ну пошла она со мной. Стала я избу отпирать, не могу отпе-

реть. Трясетъ меня всю, ровно въ лихоманѣ. Потомъ отперла. Говорю Ивановѣ: „иди ты напередъ“. Она пошла....

— Разумѣется, она и не подумаетъ,—замѣтила Лизавета.

— Извѣстно, ей и думушки нѣтъ, потому не знаетъ она,—согласилась Степанида.—Какъ она дверь-то отворила, я такъ и не опомнилась: свекоръ живъ-живехонекъ! И живъ, и сидитъ, самъ сидитъ, вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ! „Ахъ, говорить, бабоньки миленьки, простилъ меня Отецъ Небесный, снова вернулъ на бѣлый свѣтъ“... Крестится. „Какъ“, говорить, „испылъ я изо жбана-то, въ ту-жъ минуту-то съ меня ровно гора свалилась,—дыханье стало легкое, руки и ноги силу учуяли, сѣлъ я, да взялъ и оставное допилъ“.

— Стало быть, по недугу ему эта самая трава пришлась, кабы не по недугу кончился бы, а вотъ по недугу, такъ онъ и всталъ,—заговорили вокругъ Степаниды.

— Теперь его и молотомъ опять не убьешь, сами знаете, какой еще онъ приткѣй,—отозвалась она.

Бесѣды, подобныя вышеприведенной, нерѣдко устраивались у Аксѣновыхъ воротъ. Увидаютъ сосѣди Ивана за воротами и начнутъ сходиться къ нему одинъ по одному. Если бывало очень холодно, народъ съ улицы шелъ въ избу къ Аксѣну. Только Титъ Андроничъ, Абросимовна и Кирька составляли исключеніе, остальное же населеніе починка то-и-знай группировалось вокругъ Ивана.

XVI.

Наканунѣ Николина дня, ложась спать, Иванъ сказалъ женѣ, чтобы готовилась съ нимъ завтра въ обѣднѣ.

Маланья обрадовалась. Послѣ своей свадьбы она всего разъ была въ Покровскомъ у обѣдни и только тогда и видѣла не надолго свою бабушку. Положимъ, и въ тотъ разъ быть на поповомъ дворѣ въ качествѣ чужого человѣка ей тяжело показалось, тѣмъ не менѣе она рада была хоть однимъ глазомъ посмотреть снова и на бабушку, и на попову семью, и на село.

— Знаешь, что я тебѣ скажу? — обратился къ ней Иванъ снова.

— Что?

— Я гармонь свою завтра кому ни на есть сбурю, не я буду, ежели не сбурю... Что ладутъ, за то и отдамъ...

— А зачѣмъ?—не безъ удивленія спросила Маланья.

— Разгуляюсь хоть сколь-нибудь, зауверь я совсѣмъ.

— Вотъ опять, что надумалъ! Разъ разгуляешься, а потомъ вѣдь опять все то же,—резонно возразила Маланья.

— Тамъ увидимъ,—какъ-то странно выговорилъ на это Иванъ и смолкъ.

Ни у кого, кажется, въ цѣломъ свѣтѣ не бываетъ такого безнадежно-грустнаго лица, какъ у нашихъ крестьянокъ въ первое время ихъ замужней жизни; почти всегда это — лицо страдалицы-рабы, совсѣмъ еще не обтерпѣвшей и вдобавокъ вполне сознающей безвыходность своего положенія; но особенно замѣтно бываетъ такое выраженіе у молодыхъ женщинъ при праздничныхъ костюмахъ и при свиданіи ихъ съ родными.

Значительно похудѣвшая, совсѣмъ безъ румянца, разодѣтая въ лучшія свои одежды, не грустно только, а какъ-то горько смотрѣла Маланья передъ собой, идя къ обѣднѣ на шагъ позади мужа.

„Кто-то купить, буде, нашу гармонь? Спиридоничевъ Авиша, пожалуй, купить, давно собирался. И чего это Ивану въ глаза вступило ее промотать? Разгуляюсь, говорить... Вотъ возьметъ да напьется по-городски, такъ и валандайся съ нимъ... А хоть и не напьется, все не хорошо: на селѣ живо разнесется, что ужъ мы изъ дому стали носить да проѣдать... И вправду, скажутъ, нищѣ, того гляди все съ себя сложать... Вотъ, скажутъ, вышла за сокола“ — думала Маланья, омрачаясь все болѣе.

Къ сожалѣнію случилось именно то, чего она боялась.

Пообѣдавши послѣ обѣдни у бабушки, Маланья съ мужемъ благополучно пошли домой; уже и базарную площадь, все еще полную народа, миновали, и послѣдній кабакъ; до околицы оставалось всего нѣсколько шаговъ и Маланья уже начинала думать, что всѣ ея опасенія были напрасны, какъ вдругъ изъ крайней избы выскочили два сильно подгулявшіе парня и, узнавъ Ивана, принялись тащить его обратно въ село, по направленію къ кабаку, убѣдительно прося повеселить ихъ, погулять съ ними еще часокъ и поиграть на игрушкѣ.

— Мы задатки прогуливаемъ, къ Аниѣ Игнатичу пилить нанялись, принагрѣлъ онъ насъ маленько, да ужъ теперь все одно... Спасибо въ задаткѣ не стѣснилъ, за это ему всегда спасибо можно сказать,—на задаткахъ не жметса... Уважь, сдѣлай милость!—говорили парни.

Иванъ предложилъ имъ купить у него гармонику.

— Ужъ ты только иди, знай, а тамъ, пожалуй, и купишь. Поворачивай, знай, оглобли-то... Да чего съ тобой толковать-

то,—рѣшительно проговорилъ одинъ изъ парней, и, подхвативъ Ивана подъ руку, быстро потащилъ его къ селу.

— Она-то. братцы, у меня какъ?..—проговорилъ Иванъ, довольный рѣшительнымъ натискомъ пріятеля, но все-таки нѣсколько смущенный, сляся обернуться къ женѣ.

— А что она?—она ничего. Не маленькая, одна дорогу найдетъ,—рѣшили парни, оглянувшись на Маланью.

— Я живой рукой тебя нагоню, не замѣшкаюсь. Только не шибко иди, я и нагоню,—крикнулъ ей Иванъ уже издали.

Маланья стояла какъ вкопанная. Идти за мужемъ она не смѣла и возвратиться домой безъ него ей было тоже какъ-то неловко. „Старики сейчасъ же спросятъ, гдѣ Иванъ, а я что скажу?“—думаетъ она, продолжая стоять на одномъ мѣстѣ.

Мимо шло и ѣхало не мало народу, также бывшаго у обѣдн и на базарѣ, и всѣ внимательно оглядывали Маланью. Она это видѣла и съ каждой минутой смущалась все болѣе. Хорошо еще, что никто не заговаривалъ съ нею, знакомыхъ никого не было. Но вотъ показались сани Семена, брата попава работника Азара, онъ ѣхалъ съ женой и маленькой дочкой. Маланья видѣлась съ ними, когда заходила къ бабушкѣ, и при нихъ ушла, сказавши, что они съ Иваномъ идутъ домой.

— Что, молодущечка, хояина, небойсь, дожидаясь, запировалъ видно?—спросилъ у ней Семень, поровнявшись и придержавъ лошадь.

— Зачѣмъ запировалъ... Гармонь онъ продаетъ парнямъ здѣшнимъ, за расчетомъ ушелъ,—довольно храбро солгала Маланья, стараясь благовиднымъ предлогомъ объяснить отсутствие мужа.

— Такъ, такъ... Надоѣла, видно, гармонь-то?

— Въ городу еще завель, ни къ чему она ему теперь, вотъ и продаетъ,—продолжала Маланья въ томъ же тонѣ.

— Садись къ намъ въ сани, живо тебя подтащимъ, что тебѣ тутъ мерзнуть-то,—предложила ей жена Семена.

— Сейчасъ вѣдь онъ придетъ, зачѣмъ я поѣду,—возразила Маланья.

— Тоже, придетъ. Ужъ когда гармонь продаетъ, не безъ того, что не выпьютъ, а выпьютъ и засидится. Стой тутъ, стынъ, пожалуй, извѣстны ужъ эти мужики, всѣ они широкोगорлые, садись, знай!—съ явнымъ участіемъ къ Маланьѣ настаивала жена Семена.

— Садись и вправду,—повторилъ за ней Семень,—вплоть

къ Лобанамъ тебя подвезу, повертка-то возлѣ самой вашей пере-
городы идетъ, садись, не сомнѣвайся!

— Нѣтъ, ужъ я подожду, поѣзжайте съ Богомъ!—рѣши-
тельно отказалась Маланья.

— Ну, когда такъ, счастливо оставаться!—проговорилъ братъ
Азара, снова пуская въ ходъ свою сытую лошадку, и сани его
быстро исчезли изъ глазъ Маланьи.

Она начала ощущать, что пальцы ногъ у ней воченѣютъ и,
чтобы согрѣться, пошла тихонько по направленію къ кабаку.

Сказалъ ли кто Ивану, что жена его около кабака ходитъ,
увидѣлъ ли онъ въ окно, неизвѣстно, но вскорѣ онъ, замѣтно
уже захмѣлѣвшій, вышелъ на крыльцо безъ шапки и подозвалъ
Маланью поближе.

— Чего караулишь?—съ гнѣвомъ, сквозь который слыша-
лось сильное смущеніе, спросилъ онъ, когда Маланья подошла.

— Тебя жду,—просто отвѣтила Маланья.

— Сказано было, чтобы домой шла, чего шатаешься зря?

— Не пойду я домой одна—вмѣстѣ ушли, вмѣстѣ и назадъ
пойдемъ,—спокойно, но твердо выговорила Маланья и въ упоръ
посмотрѣла на мужа.

— Тогда иди въ кабакъ, а не шатайся!—приказалъ Иванъ.

Маланья молчала, не двигаясь съ мѣста.

— Тебѣ, что-ли, говорятъ!—раздраженно прикрикнулъ на
нее Иванъ.

Едва замѣтная презрительная усмѣшка прошла по дрогнув-
шимъ губамъ Маланьи.

— Вотъ какія новости выдумалъ... Съ чего я въ кабакъ
пойду, Богъ съ нами!—сдержанно, но съ явнымъ пренебреже-
ніемъ сказала она.

— Велика важность! не съ чужимъ.

— Не пойду я.

— Я тебѣ наливки поднесу, иди, говорятъ!—уже ласково
звалъ Иванъ.

Маланья опять промолчала.

— Выпьемъ по честной и шабашъ! Тебѣ наливки спрошу,
иди, чего стоишь?—убѣждалъ Иванъ жену и взялъ-было ее за
рукавъ.

— Не пойду, такъ и не пойду... Передъ Богомъ не пойду!
Не пойду, хоть убей!—взволнованно выговорила Маланья, про-
ворно освобождая изъ рукавъ мужа рукавъ своей шубы.

— А ну и чертъ съ тобой, мерзни, когда такъ! Не видали
драни... Ознобись, когда больно охота, не нуждаюсь,—бранился

разобиженный не на шутку Иванъ, уходя снова въ дверь бабака. Маланья отошла въ сторону.

Когда, спустя часть, онъ снова показался на крыльцѣ, на этотъ разъ уже совершенно одѣтый, то былъ настолько пьянъ, что, спускаясь по лѣстницѣ, нѣсколько разъ едва не упалъ.

— Вотъ и ладно, что подождала, веди теперь меня, помогай!—невнятно выговорилъ онъ на встрѣчу поспѣшившей къ нему Маланьѣ.

— Пойдемъ, пойдемъ, ничего, дойдемъ, не сколь далеко, пойдемъ, благословясь,—говорила Маланья, поддерживая мужа сзади подъ мышки и слегка подталкивая его впередъ.

Иванъ повиновался.

Не то дремалъ Иванъ, не то хмѣль связалъ его языкъ, но онъ шагаль какъ автоматъ и чуть не полпути мужъ и жена прошли очень быстро. Къ сожалѣнію, Маланья проглядѣла ухабъ впереди, посреди дороги, Иванъ спотынулся, качнулся въ сторону и, грузно свалившись на придорожный сугробъ, захрапѣлъ.

Склонившись надъ мужемъ, Маланья употребляла нечеловѣческія усилія, стараясь поднять, разбудить его, снова поставить на дорогу и снова, поддерживая и подталкивая, повести къ дому, но успѣла достигнуть только того, что Иванъ, утѣнувшійся сначала въ сугробъ, благодаря ея стараніямъ повернулся вверхъ.

Выбившись изъ силъ, Маланья сѣла подлѣ и нѣсколько слезинокъ медленно скатились по ея щекамъ.

Ярко-алый отблескъ заката отливаль лилово-синими тонами на бѣлоснѣжной глади полей съ занесенными снѣгомъ изгородами. Этимъ полямъ, казалось, конца нѣтъ. Только влѣво, и то далеко, видѣется черная стѣна лѣса, кругомъ же, какъ море, одни поля. Но вотъ закатъ, постепенно блѣднѣя, погасъ наконецъ совершенно; звѣзды, сначала едва замѣтныя, разгорались все ярче и съ каждой минутой ихъ становилось все больше, морозъ, днемъ такой незначительный, къ ночи настолько увеличился, что Маланья не знаетъ, какъ ей и отогрѣть свои застывшія руки и ноги.

„Совсѣмъ ужъ ночь, а онъ все спитъ...“ думаетъ она, взглядывая время отъ времени въ разгорѣвшееся лицо мужа.

Просторъ, тишина и красота зимняго безконечнаго поля напомнили ей скитанія съ отцомъ. Съ отцомъ также случалось, бывало, сидѣть чуть не ночью въ открытомъ полѣ; забла она и тогда, какъ забнетъ теперь, и тогда, какъ теперь, чувствовала голодь, но во сколько разъ была она тогда счастливѣе!..

— Ночь на дворѣ, Иванъ, застынешь, грѣхомъ, куда я по-

спѣла? Встань, попробуй! Встань, сдѣлай милость! Крошечку приподнимись, я ужъ тутъ вшута тебя доволоку,—убѣждала она, приподнимая то съ одной, ть съ другой стороны голову Ивана.

Иванъ не безъ труда, однако, очнулся наконецъ и поднялся на ноги. Свѣжій воздухъ и сонъ значительно отрезвили его. Сообразивши, въ чемъ дѣло, онъ почувствовалъ сильныя угрызения совѣсти и, не поднимая глазъ на жену, чуть не бѣгомъ пустился къ дому.

Только когда показались огни ихъ починка и послышался хрипый лай жучки Тита Андронича, онъ оглянулся на Маланью и сказалъ: „Будетъ теперь у старика надолго, проходу онъ мнѣ не дастъ... Гдѣ, де, до этакихъ поръ глаза продавалъ, особливо ежели еще пожалуешься“.

— Скажемъ, у бабушки гостили, только и всего,—поспѣшила успокоить его Маланья.

— Нѣтъ ужъ не скроешь: бабушка такъ не напоитъ и опять же—гармони нѣтъ, извѣстно, догадается.

— А ты отдай ему, что осталось отъ продажи-то, вотъ онъ и не забранить,—посоветовала Маланья.

— Велики остатки.

— Все равно отдай, да ужъ и не пей больше, вишь ты какой слабый, и помереть не долго. И сегодня, кабы не я, замерзъ бы какъ собака.

— Потому разобрало меня хлестево, что давно не пилъ. Я вѣдь съ самого съ города не пивалъ, вотъ меня съ чего розняло такъ,—объяснялъ Иванъ женѣ.

Старики догадались, въ чемъ дѣло, но на первый разъ смолчали, и дурно сдѣлали: благополучно сошедшій съ рукъ первый случай загула повелъ за собой другіе. Иванъ уже не въ праздники только сталъ ходить на село, но и въ будни, и пропивалъ не ненужныя только вещи, какъ гармоника, а самую одежду,—сначала шарфъ, жилетки и т. д., а потомъ спустилъ свою праздничную шерстяную рубаху и плисовые шаровары.

Теперь отецъ и мать поѣдомъ его ѣли, но было уже поздно.

Подавляемый сознаниемъ своей неправоты, почти всегда или крѣпко подвыпившій, или съ похмѣлья, до нельзя раздраженный непрерывной руганью и угрозами отца и убитымъ видомъ покорно молчавшей жены, Иванъ съ каждымъ днемъ дѣлался все злѣе и невыносимѣе и часто безъ всякаго повода придирался даже къ самому молчанію Маланьи.

— Которые люди молчатъ все да на сердцѣ жмутъ—самые это ехидные. Развѣ не вижу я, что ты живого бы меня въ землю

закопала, а ты молчишь. Пойдите, укрою я вамъ свѣту, наживете красны дни...—срывая сердце, явилъ Иванъ жену.

— Господь съ тобой, Иванъ, съ чего ты это?..—останавливала его Маланья.

— Вижу я, что ты за штука... рада, что мнѣ житья нѣтъ. Подговариваешься еще, поди, сама,—знаю я тебя, тихоню.

— Грѣхъ тебѣ, Иванъ! Никогда я слова про тебя никому не говаривала, какъ есть словечика одного...—увѣряла Маланья, возмущенная несправедливыми подозрѣніями мужа до глубины души.

— Знаемъ мы вашу бабью природу. Все равно ничего не возьмешь, свое пропиваю, никто мнѣ не указъ...—говорилъ Иванъ.

Сборщики положили конецъ этому невыносимому положенію вещей, грозившему разрѣшиться чѣмъ-нибудь ужаснымъ, — они забрали въ хозяйствѣ Аксѣна все, что только можно было забрать, между прочимъ и всю городскую одежду Ивана, и общее напряженное состояніе духа сразу облегчилось. Ивану огромнаго труда стоило отстоять у сборщиковъ единственную вещь — сапоги, и когда онъ выпросилъ ихъ обратно, радости его не было границъ. Точно также радовалась и Захаровна, добившись исключенія изъ описи своей единственной коровы; она въ теченіи по крайней мѣрѣ недѣли всѣмъ и каждому рассказывала съ мельчайшими подробностями, какимъ именно образомъ отстояла она свою корову и въ заключеніе всякій разъ неизмѣнно приговаривала: „Они думаютъ—забрали, такъ на нихъ и суда нѣтъ,—вотъ-те и нѣтъ. Сами обратно привели“.

XVII.

Наступило Рождество. На второй день праздника подъ вечеръ пріѣхалъ въ Лобановщину о. Иванъ славить.

— Бабушка твоя помирать собралась, лежитъ замертво, не мѣшало бы тебѣ ее провѣдать,—сказалъ онъ Маланьѣ, зайдя въ Аксѣнову избу.

— Что съ ней подѣлалось? Давно ли лежитъ? — спросилъ о. Ивана.

— Я такъ полагаю,—съ перемѣнной пищи съ ней это, человекъ она ветхій,—какъ разговѣлась вчера, такъ и сварило,—отвѣтилъ священникъ.

— Такъ все и лежитъ?—спросила Маланья.

— Такъ и лежитъ. Я тебѣ не шути говорю — навѣдайся. Старые люди отъ желудка въ одинъ день, случается, помираютъ.

Не хорошо, ежели бабушка не благословить тебя передъ смертью, она о тебѣ больше отца и матери печлась. Рѣдкій человекъ бабушка-то твоя, нынче уже нѣтъ такихъ.

— Кабы не поздно, сегодня же надо бы тебѣ туда сбѣгать: какъ и впрямь вдругъ возьметъ да и помретъ старуха, все оболо нея чужіе люди огребуть, — озабоченно заговорила по уходѣ о. Ивана Захаровна.

— Это Богъ съ ними.. такъ-то повидать бы, еще охота, пожалуй, что сегодня надо бы мнѣ сходить... — проговорила Маланья тихо и чуть не плача.

— Ну за ночь-то ничего не сдѣлается, — куда ты въ такую пору пойдешь, люди засмѣются, экъ, де, обрадовались... нечего, глядя на ночь, шатить, — рѣшительно высказался Иванъ.

— Да чему же тутъ радоваться?.. — начала было Маланья.

— Сказано: завтра сходишь, ну и значить — завтра, не сегодня, — прикривнулъ на Маланью и Аксѣнъ, до сихъ поръ молча лежавшій на полатахъ.

— Вотъ какъ все чужимъ достанется, такъ только и видѣли. Ладно говорить: самъ плохъ, такъ не подастъ Богъ. Можетъ, пока въ памяти, такъ все бы сама указала, а ежели и на счетъ денегъ — изъ рукъ бы въ руки передала, то ли дѣло. Можетъ, деньги-то у ней въ какомъ потайномъ мѣстѣ спрятаны, ищи послѣ, такъ и пролежать, ни себѣ, ни другу... — сокрушалась Захаровна, сильно взволнованная, то садясь на лавку, то вставая, то въ поставецъ заглядывая, то въ печь.

— Экъ вѣдь ее распалило — аказія! — дивился Аксѣнъ.

— Тебѣ лежебоку все забава. Ты вотъ вѣкъ вѣчный лежалъ, такъ много ли вылежалъ?.. Сходить за готовымъ трудно... „Распалило!“ За неволю распалить съ вами, съ неповоротнями. А больно, когда такъ, и нужно, — вамъ не надо, такъ и мнѣ наплевать. Мнѣ вѣдь ужъ не сто лѣтъ жить, не для меня постарались бы. Теперь за двѣ версты сходить не охота, а послѣ и за двадцать сходили бы да ужъ не затѣмъ будетъ... — озлобленно выкрикивала Захаровна, продолжая безтолково метаться изъ угла въ уголъ.

— Эко вѣдь вы чего перебираете! — не выдержала, всплеснула руками Маланья: — да у бабушки хоть бы грошъ, Богомъ боюсь.

— Такъ ты чего же плетешь? — обратился Иванъ къ матери.

— Чего она представляется. Сама бабушка-то мнѣ говорила, что, молъ, все какъ есть ей, чего она... не сдавалась Захаровна.

— Она это про одежду тебѣ, если и говорила, — какія у ней деньги! — старалась Маланья образумить свежровъ.

— Какія деньги?—А что она даромъ 25 лѣтъ жила у попа? Нѣтъ ужъ ты мнѣ не говори, у ней должны быть большія деньги, вотъ какъ Богъ святъ!—убѣжденно произнесла старуха, взглядывая на образа.

На слѣдующій день, часовъ въ семь утра, Маланья уже вошла въ кухню о. Ивана.

— Здравствуйте, Богъ на помощь! Бабушка, сказывалъ вчера о. Иванъ, захворала, какъ бы повидать мнѣ ее?—обратилась она къ кухаркѣ Авдотѣ, складывавшей дрова въ печь.

— Вонъ она на полатяхъ, полѣзай,—отозвалась кухарка.

— Погрѣюсь маленько, тогда,—сказала Маланья.

— Ты разболелась, скорѣ согрѣнешься,—въ шубу-то сколь, поди, пока шла, холоду набралась; сегодня вѣтеръ съ ногъ сразить хочетъ,—говорила Авдотья, суетась около печи.

— Вѣтеръ рѣзкій — бѣда! — подтвердила Маланья, снимая шубу и намѣреваясь подняться на полати.

— Нивакъ она спитъ?—осторожно прошептала она, взглянувъ на неподвижно лежавшую бабушку.

Кухарка тоже поднялась на верхъ.

— Нѣту, не спитъ, такъ это она затихла, — того, смотри, она не кончается. Даве больно стонала и металась, всю ночь я съ ней не спала; все пить, все пить просить, минута какая пройдетъ, она ужъ опять за питье, и страсть какъ маялась, а вотъ съ часъ какой времени приутихла — кончается, надо полагать, — довольно равнодушно излагала свои соображенія стоявшая рядомъ съ Маланьей женщина.

— Опоздала я, думала — въ памяти застану. Хоть разикъ одинъ взглянула бы еще на меня, хоть еще перекрестила бы разокъ, — говорила Маланья, судорожно рыдая.

— Полно, не убивайся, на все воля Божья! — попыталась утѣшить ее Авдотья.

— Вѣдь у меня на всемъ свѣтѣ только всего и было, что она!—горестно восклицаетъ Маланья.

— А, можетъ, еще и не помретъ, вѣдь она еще дышетъ и глазами смотреть еще, такъ она ослабла...,—видя искреннюю горестъ Маланья, заговорила Авдотья въ другомъ тонѣ.

Маланья ближе нагнулась къ лицу больной и разглядѣла, что бабушка вправду лежитъ съ открытыми глазами; въ первую минуту, при слабомъ утреннемъ свѣтѣ, она совсѣмъ этого не замѣтила.

— Бабушка, голубушка, ты не спишь?.. Я пришла, я, Маланья, слышишь ли, бабушка? — замѣтивъ въ больной признаки

жизни, не помня себя отъ радости, врывнула Маланья, припадая къ старухѣ на грудь.

— Не трясн ея, не трясн, что ты, глупая!—съ силой потянула Авдотья Маланью назадъ, но было уже поздно. Послышался тяжелый стонъ и какое-то странное бормотанье. Ниловна вышла изъ забытья и хотъ продолжала лежать неподвижно, но что-то быстро-быстро говорила.

— Узнаешь ли меня, бабушка?—тономъ отчаянiя спросила у ней Маланья.

Старуха продолжала все также спѣшно и невнятно говорить, не дѣлая ни малѣйшаго движенiя.

— Погляди на меня, бабушка, прости меня, перекрести!—молила Маланья.

Она приняла ухомъ къ самому рту умирающей, страстно желая вслушаться въ ея неясный лепеть.

„...Во снѣ дѣвокъ наряженныхъ видѣла.. пляшуть... Азаръ пролилъ, пролилъ и ушелъ... не на улицѣ покинула... пристроила... Малашъ! Малашъ!“—разслышала наконецъ Маланья отдѣльныя части бабушкина говора.

— Я здѣсь, бабушка! здѣсь я, здѣсь!—въ надеждѣ быть услышанной, громко поспѣшила заявить она.

— Вижу, дитятко,—какъ бы съ полнымъ сознаниемъ отвѣтила ей Ниловна.

— Благослови меня, Христа ради!—повторила Маланья снова.

— Господь съ тобой! А что, Малашъ, выдала я тебя замужь или нѣтъ?—спросила Ниловна вполнѣ внятно.

— Какъ же, бабушка, не выдала, извѣстно—выдала.

— Слава тебѣ, Господи!—въ законѣ ты теперь?

— Извѣстно, въ законѣ...

— Въ своемъ углу?

— Въ своемъ, въ своемъ...—машинально повторяла Маланья вслѣдъ за Ниловной.

— Христось воскресе!.. — уже совсѣмъ слабо проговорила умирающая, и это были послѣднiя ея слова.

Разумѣется, никакого наслѣдства, за исключенiемъ кой-какой одежды, послѣ Ниловны не осталось, и благодаря этому Маланьѣ пришлось выслушать не мало ругани, попрековъ, даже прямыхъ обвиненiй въ обманѣ. Смерть бабушки сама по себѣ была тяжела для нея, а тутъ еще каждый день попреки... Маланья не плакала больше даже и тогда, какъ оставалась одна, но тѣмъ грустнѣе и горьче было у ней на душѣ. Каждый день шелъ своимъ порядкомъ: вставали, стращали, кой-что дѣлали, снова ложились

спать и т. д., и все точно подъ землей гдѣ, до того темно, тяжело, глухо и однообразно переживался всякій день. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже чувствовала себя Маланья. Особенно заботила ее беременность. „Если теперь, когда я изо всѣхъ своихъ силъ стараюсь имъ потрафить, ругаются, что же будетъ тогда, какъ ребенокъ свяжетъ мнѣ руки?“ спрашивала она иногда себя.

Но однажды какъ-то такъ вышло, что нѣсколько дней подрядъ между ними никто не сказалъ другъ другу ни одного обиднаго слова.

— Ахъ, кабы этапъ вѣкъ изжить—тихо, мирно, ничего бы и бѣдность, только бы безъ свары...—сказала разъ мужу Маланья въ этотъ періодъ затишья.

— Не буду я здѣсь жить, уйду въ городъ, всѣ эти дни только объ этомъ и думаю; я здѣсь совсѣмъ изведусь...—отвѣтилъ Иванъ откровенностью на откровенность.

— А я-то какъ же, Иванъ?

— Мнѣ будетъ лучше, и тебѣ лучше. Стану денегъ вамъ сюда посылать, приходите стану, не безъ того... Ну ину пору и ты прибѣжишь. Вотъ поѣдетъ Кирька съ замками, и прикатишься съ нимъ; онъ въ годъ разъ десять побываетъ въ городу, слова не скажетъ, довезетъ...

— Безъ тебя и вовсе житья мнѣ здѣсь не будетъ...

— Ежели деньги отъ меня пойдутъ, всегда будутъ тебя уважать.

— Еще, пожалуй, помру, рожая...

— Непремѣнно...

— Сколько бабъ замучивается... Безъ тебя бросать всѣ, кому нужно...

— Не бросать... Поправишься, такъ можно и тебя въ городъ переволочь.

— Конечно, ужъ лучше же и я въ городъ пойду, какая ужъ это жизнь, чтобы нарочно, не приведи Богъ...

— Сразу обоихъ не пустять; по первоначалу объ этомъ нечего и заводить, а утверждусь самъ въ городу, не безъ того, чтобы тебя не перетащилъ, телитесь они здѣсь тогда...

— Не сладко же съ ребенкомъ шататься будетъ, то ли бы дѣло дома-то. Что бы тебѣ, Иванъ, къ Титу Андроничу толкнуться, можетъ, онъ принялъ бы тебя замѣсто Фильки, тогда Фильку перевели бы на станцію, Данило-то у нихъ, надо быть, не удержится, больно, связываютъ, зашибать сталь.

— Ни Боже мой!.. Чтобы я сталь вамъ изъ-за голоднаго

куска батрачить? плевать бы я хотѣлъ... Будеть съ меня здѣшнаго житья, до гола, безъ мала, раздѣли...

— Ну, какъ-нибудь прокормимся въ городѣ и съ ребенкомъ...

— Чего прежде времени толковать, рожай сначала.

— Ты развѣ нынѣ же думаешь уходить? — съ упавшимъ сердцемъ спросила Маланья.

— А чего мнѣ ждатель-то? — отвѣтилъ ей Иванъ, — вотъ на Святой же и махну.

Этотъ разговоръ происходилъ въ концѣ великаго поста, но Ивану не пришлось махнуть въ городъ ни на Святой, ни потомъ. Старики не предвидѣли ничего добраго отъ его новаго пребыванія въ городѣ и несмотря ни на какія золотыя горы, которыя онъ имъ сулилъ, не желали его отпустить отъ себя снова. Иванъ долго бился съ ними, но въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить родительской волѣ и остаться.

— Да хоть лѣто-то отведи; что ты, съ ума, что ли, спать... Я ни пахать, ни жать не могу, а онъ бѣжать... людей-то постыдись... — говорилъ Авсѣнь.

— На чемъ я пахать-то буду?.. — огрызался Иванъ.

— Да по мнѣ хоть на женѣ, на нее вѣдь гя́дка вымѣняли, ну на ней и паши, а то купи новаго коня на наслѣдство... Не въ томъ сила, на комъ пахать, а чтобы пахать... — кричалъ Авсѣнь.

— Ушелъ бы въ городъ, я бы вамъ поставилъ за себя, — продолжалъ Иванъ свое.

— Нечего за себя ставить... Вотъ вспашемъ, обсѣмся, съ сѣномъ уберемъ, страда отойдетъ, тогда можно и про городъ говорить, а не теперь.

— А что будетъ, какъ страду отведемъ, иной свѣтъ, что ли, начнется? — огорченно спрашивалъ у отца Иванъ.

— Не иной свѣтъ, а тогда, по крайности, видно будетъ... Ежели хлѣбъ уродится — на все хватить, не зачѣмъ тогда мотаться по городамъ.

— И на лошадь и на подать?.. Хоть бы сѣмена-то Титу Андроничу вернуть, кабая ужъ, прости Богъ, лошадь!..

— Да, можетъ, еще двѣ выйдетъ, ты на умѣ у Бога не былъ.

Иванъ не спорилъ дальше, но про себя онъ твердо рѣшилъ, что это съ его стороны послѣдняя уступка: какъ только закончатъ жать, такъ онъ и „укатится“. „Хоть тьма хлѣба у нихъ родись, не останусь“, твердилъ онъ себѣ ежеминутно и съ каждымъ днемъ рѣшеніе это крѣпло все болѣе.

За нѣсколько дней до перваго Спаса у Маланьи родился сынъ, длинный и худой, но замѣчательно сильный мальчикъ. На

второй же день о. Иванъ окрестилъ его и назвалъ Михаиломъ. Все послѣднее время Маланья только о томъ и думала, какъ бы Богъ привелъ ей родить не на народѣ. „Лучше бы всего ночью, чтобы никто не зналъ, не слыхалъ; не помереть бы только“... все одно и тоже думала и передумывала она. Пуще же всего не желала она, чтобы свекоръ на то время былъ дома. „Начнетъ шутить, того гляди, онъ во всякое время на смѣхъ нарочить поднять и безъ этого“... терзалась Маланья въ ожиданіи ребенка. И вотъ какъ она желала, такъ и устроилось. Вся семья съ утра ушла въ поле, и Маланья, жали рожь. Погода въ то лѣто стояла непостоянная, больше все дожди, поэтому съ уборкой ржи запоздали и теперь, дождавшись, наконецъ, вѣдра, работали съ удвоенной энергіей, спѣша наверстать отнятое ненастьемъ время, чтобы имѣть возможность скорѣе приняться за ячмень и овесъ, также ужъ совершенно поспѣвшіе. Квасу взяли въ поле довольно, но по случаю жары и усиленной работы его хватило только до обѣда.

— Не добудете квасу, я вамъ не работникъ,—объявилъ Аксѣнъ, допивши послѣднее, что оставалось еще въ буракѣ.

Захаровна принялась его уговаривать, упрашивая не отрывать лишнихъ рукъ отъ дѣла, но Маланья давно уже чувствовала себя очень сверно и вызвалась сходить за квасомъ для свебра.

— Шутка ли въ самомъ дѣлѣ идти черезъ два поля, жди ее теперь къ вечеру, и не ходивши плохо за мной поспѣвала, а теперь ужъ и вовсе растянется, чего ужъ съ нея взять-то, вишь кладуха какая... — ворчала Захаровна ей вслѣдъ.

— А ты и тяжелая все бѣгомъ бѣгала?.. Забыла, какъ сама то пыхтѣла... — осадилъ ее Аксѣнъ, даже и въ качествѣ защитника слабыхъ не измѣняя своего привычнаго тона.

Захаровна убѣдилась, повидимому, сдѣланнымъ ей напоминаніемъ, и замолчала.

А Маланья едва добралась до своей избы, такъ и повалилась на лавку какъ снопъ. Невыносимыя боли не давали ей перевести духъ; то ей холодно было, то жарко; въ глазахъ стояли синіе, зеленые и красные круги; минутами горло ея сжимало точно клещами, минутами она совсѣмъ ничего не помнила. Душу раздирающіе вопли раздавались изъ Аксѣновой избы то и знай, но ихъ никто не слыхалъ, такъ какъ починокъ весь поголовно находился въ полѣ.

Когда выведенная изъ терпѣнія и отчасти даже испуганная долгимъ отсутствіемъ невѣстки Захаровна, запыхавшись отъ бы-

страго бѣга, отворила дверь своей избы, Маланья уже не кричала, а кричалъ ребенокъ.

XVIII.

Былъ прелестный осенній день, ясный и теплый, когда Иванъ, провожаемый всѣми почти сосѣдами, снова отправился на житье въ городъ. Нѣкоторые изъ сосѣдей простились съ нимъ у околицы, другіе, и отецъ съ матерью, проводили до конца коноплянниковъ, а Маланья съ ребенкомъ на рукахъ пошла еще дальше.

Мужъ и жена шли молча, одинъ за другимъ, не сбавляя шагу, узкой тропинкой вдоль изгороди, параллельно дорогѣ въ городъ.

— Развѣ вплоть до села пойдешь? — спросилъ, наконецъ, Иванъ, обернувшись.

— Да гдѣ еще село-то, — отвѣтила Маланья, только-что переставшая-было плакать, и слезы съ новой силой полили изъ ея глазъ.

— Чего ты обываешь меня, навѣкъ я ухожу, что ли? — съ неудовольствіемъ проговорилъ Иванъ, услыжавъ ея всхлипыванія.

— Все мнѣ думается, какъ я здѣсь жить-то безъ тебя стану... Уйдешь, наготово отъ дому отобьешься, хоть въ омутъ тогда... — говорила Маланья съвозъ слезы.

— Не съ ума я сошелъ, есть еще малость въ башкѣ-то...

— Пуще всего не пей, Иванъ! Боже сохрани, ежели опять на прежнее собьешься, вовсе ужъ погибли мы тогда... — просила Маланья.

— Тебѣ сказано — не стану пить, не бойся, не услышишь!

— Можеть, и ничего о тебѣ не услышу больше... — уже громко рыдая выговорила Маланья, останавливаясь и прислоняясь къ изгородѣ.

Ребенокъ, до этого покойно спавшій на ея рукахъ, запищалъ, завозился и проснулся.

— Испугаешь Мишку-то... чего ты въ самъ дѣлѣ реवेशь? Я тебѣ русскимъ языкомъ сказалъ: стану вамъ денегъ посылать, приходитъ стану, а тамъ, по времени, либо тебя въ себѣ перевезу, либо, ежели разживусь деньгами, самъ на хозяйство сяду, — говорилъ Иванъ, обнимая жену и стараясь насколько возможно утѣшить ее.

— Дай бы Богъ!.. Не все стану ревать... Это вотъ только теперь больно ужъ сердце-то у меня заливаешь, потомъ укрѣп-

люсь. Работать вѣдь тоже стану и я, оба будемъ трудиться,—ты тамъ, я здѣсь...—стараясь улыбнуться на ласку мужа, говорила Маланья, отирая слезы.

— Ты дальше-то не ходи, все равно ужъ...—сказалъ Иванъ.

Маланья не нашла что отвѣтить, слезы снова залили ея глаза и Иванъ стоялъ передъ ней какъ въ туманѣ.

— Оставайся съ Богомъ, со Христомъ! Мишку, смотри, береги пуще глазу! Объ этомъ не думай, что брошу васъ или съ панталыку собьюсь, не сомнѣвайся!—крѣпко цѣлуя на прощанье жену и сына, самъ не на шутку растроганный, нѣсколько разъ на разные лады повторилъ Иванъ.

Какъ пьяная пошла Маланья обратно. Она поминутно оборачивалась на мужа. Оборачивался и Иванъ, снималъ шапку и кланялся ей чуть не въ поясъ.

Когда онъ исчезъ изъ виду, Маланья перелѣзла черезъ изгородь въ озимое поле и, дойдя по межѣ до лѣсу, пошла къ дому низами. Озими блестяли на солнцѣ яркой зеленью, точно бархатъ, лѣсъ смотрѣлъ такъ привѣтно, будто его нарочно кто прибралъ и вымелъ, а изъ-за сосенъ и пихтъ все чаще начинала просвѣчивать рѣка, совсѣмъ спокойная и опять, какъ весной, широкая и глубокая.

— Только и есть, что жить бы да радоваться на экомъ привольи!.. — вырвалось стономъ изъ груди Маланьи.

Мальчикъ снова вздрогнулъ на ея рукахъ и пронзительно заплакалъ.

— Мишка, Мишка, ничего-то ты не понимаешь!.. Мы теперь все одно, что сироты съ тобой,—обратилась Маланья къ снѣпшкѣ, садясь въ тѣни на одной изъ лѣсныхъ лужаекъ, чтобы покормить его и выплакать все еще подступавшія къ глазамъ и къ горлу слезы.

Прильнувъ къ груди, ребенокъ смотрѣлъ на мать широко раскрытыми, такими же круглыми и сѣрыми глазами, какъ и ея собственные, смотрѣлъ упорно, не мигая, точно хотѣлъ сказать ей что, точно жалѣлъ.

— Чего воззрился! все равно ничего не понимаешь... Совсѣмъ ты еще глупый, совсѣмъ дурачекъ...,—говорила Маланья нараспѣвъ, слегка покачивая головой и улыбаясь сыну сквозь слезы.

Мишкѣ шелъ третій мѣсяцъ, и онъ уже обнаруживалъ нѣкоторые признаки зарождающагося сознанія: на улыбки матери отвѣчалъ улыбками, на ея рѣчи тянулъ свое младенческое „г-г-гу“, такъ крѣпко цѣпляясь при этомъ то за волосы и платокъ, то за грудь матери, что Маланья не разъ вскрикивала отъ боли.

— Отпусти, царапа! вишь, вѣдь, какъ поймался... Мишка-пельма, тебѣ ли говорить?! Ахъ, батюшки, какъ онъ меня натигосилъ, вотъ такъ парень!—разжимая крошечные пальчики Мишки, обращалась къ нему Маланья, и несмотря на боль улыбалась ему, цѣлуя его глазки, ручки, ножки.

Домой она вернулась значительно успокоенная.

— До села вѣрно проводила?—спросила у ней Захаровна.

— Не вплоть же до села, — у Епишиныхъ сараевъ разсталась.

Захаровна еще хотѣла что-то спросить, но замѣтивъ, что Маланья готова заплакать, промолчала.

И пошла жизнь Маланьи по новому.

Странная вещь, въ первое же время послѣ ухода мужа она почувствовала себя болѣе самостоятельной, чѣмъ при немъ, болѣе увѣренной и послѣдовательной во всѣхъ своихъ поступкахъ, и потому болѣе бодрой и дѣятельной, чѣмъ это было все время ея замужества. Теперь ей уже не казалось, что она находится между двухъ огней и выходило какъ бы тоже, чтѣ было и у попа: на рукахъ ребенокъ и ежедневная стряпня, дѣло знакомое, привычное, а настоящаго большого нибого надъ тобой нѣтъ... Природная независимость и энергія характера Маланьи, подавленная на время неблагоприятными условіями ея замужней жизни, быстро начали оживать и все чаще и чаще прорывались наружу. Старики увидѣли передъ собой совсѣмъ другаго человѣка, но въ силу несомнѣннаго нравственнаго превосходства Маланьи надъ ними, отнеслись къ перемѣнѣ менѣе враждебно, чѣмъ это можно было ожидать. Они почувствовали въ ней силу и твердую волю и нерѣдко поневолѣ уступали. Въ области хозяйства столкновеній съ семьей у Маланьи не происходило больше, она совершенно примѣнилась къ размѣрамъ своихъ средствъ, но иногда Захаровна принималась пилить ее за то, что она бѣлье ребенка стираетъ слишкомъ ужъ часто, да еще и мыломъ.

Маланья дѣлала видъ, что не слышитъ воркотни, пока ей не удавалось заработать нѣсколькихъ копѣекъ пряжей на людей или молотьбой у сосѣдей, но разъ деньги были выработаны, она отдавала ихъ свекрови и говорила: „Это тебѣ за Мишкино мыло“.

— Нашла чтѣ мыломъ мыть! Мой не мой, все тряпки будутъ, не пеленки. Вымоетъ мыломъ да еще и выеатаетъ, ровно скатертки, прости Господи,—дивится Захаровна.

— Да ужъ лучше скатерти сухомоемъ мыть, чѣмъ это... А какъ въ некатаное завернешь ребенка, все и тѣло-то у него изотретъ, — возражаетъ Маланья.

— Мы не катали-жили, а не истерло же что-то никого,— пронизировала Захаровна.

— Дура ты, такъ дурой и умрешь,—прерывалъ жену Аксѣнъ, —ты у попа въ работницахъ не живала, ну, значить, настоящаго понятія у тебя и нѣтъ...

Чаще всего разговоръ на этомъ и кончался, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ Захаровна при первомъ же словѣ мужа умолкала, но Аксѣну довольно было всякаго пустяка, чтобы начать травлю снова. Вообще ладить съ нимъ оказывалось для Маланьи много труднѣе, чѣмъ ладить съ свекровью, которая и нравомъ была значительно мягче и по своему любила невѣстку. Стоило Маланьѣ сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе, Аксѣнъ уже и придрался.

— Что это какъ у насъ нынѣ мерзко пахнетъ, ужъ не пропала ли гдѣ мышь подъ поломъ?—сказала она разъ.

— Не мышь это, Маланьюшка, кошка проклятая повадилась подъ шестокъ, вотъ это отчего. Ужъ я ее и голикомъ, и ощепкомъ, а когда такъ и каленой кочергой тону въ хвостъ, а она, поганая, все лѣзетъ,—объяснила Захаровна дѣйствительную причину смрада.

— Вотъ что значить, ежели у кого носъ къ ладону привыкъ,—началъ Аксѣнъ.

Маланья и Захаровна молчали, но Маланья молчала съ трудомъ, все послѣднее время ей сильно хотѣлось осадить свекра и дать ему почувствовать, что она вовсе не такое ужъ безсловесное животное, которое только затѣмъ и живетъ на свѣтѣ, чтобы его всячески обижали.

— Я вотъ лежу и не слышу, худо пахнетъ или хорошо, а ужъ который носъ къ ладону привыкъ, тотъ сейчасъ учуетъ, его, братъ, не проведешь,—продолжалъ Аксѣнъ.

— Ты съ чего объ ладонѣ завелъ? я вѣдь не въ церкви жила,—не выдержала наконецъ Маланья.

— Около того...

— Ты съ чего, батюшка, вяжешься?—строго и громко заговорила Маланья, вставая съ лавки и становясь передъ полатями, съ которыхъ сначала насмѣшливо, а потомъ все болѣе и болѣе зло смотрѣлъ на нее Аксѣнъ,—кабы я чуфарилась, другое дѣло, а то зря...

— Фу ты, ну ты, ножки гнуты... Блиско не подходи, потому не это иной—попова работница...

— Ну попова работница, такъ попова работница, вѣдь вы знали, кого брали, я не навязывалась... То ладонъ вздумаетъ, то

айцами корить угомону нѣтъ. Что давали, то и ѣла, ѣла и яйца, не отрекаюсь, все одно какъ и теперь, что даете, то и ѣмъ, не жалуюсь...

— Знатно отчитываешь! Самому о. Ивану не счумѣть такъ, право слово,—только и нашелся сказать Аксень, совсѣмъ не ожидавшій отпора.

— А вотъ что я тебѣ скажу,—сдержанно, но гнѣвно и сурово обратилась къ нему Маланья, глядя на него въ упоръ:—хочешь держать меня, такъ держи порядкомъ, а то я встала и ушла. Что вы въ самомъ дѣлѣ... Хочешь держать честию ладно, а не хочешь—твоя воля.

— Ну?

— Вѣрно. Я на вѣтеръ говорить не люблю: либо не пригѣснаяй, либо не жалуйся!

— А то что будетъ?—стараясь удержать свой обыкновенный тонъ, но далеко не съ прежней увѣренностью спросилъ Аксень у невѣстки.

— Будетъ, что уйду и я въ городъ. Мужъ не приметъ и въ чужихъ людяхъ жить буду. Прокормлюсь, не бойся!—положительно заявила Маланья и ушла изъ избы, не желая длить объясненія.

— Ишь, тварь, откуда и рѣчь взялась,—кинулъ ей вслѣдъ Аксень.

— Отступись отъ нея, Аксень, это она оттого, что по мужѣ тоскуетъ. И вправду, долго ли прожили, когда не досадно,—вступилась Захаровна за невѣстку.

— Я ей дамъ, дьяволу!.. Вотъ какъ ребра-то переломая, такъ забудетъ горло переѣдать... Я ей покажу тосковать!—грозился Аксень.

Но всѣ эти угрозы такъ и остались однѣми угрозами. Маланью Аксень пальцемъ не тронулъ, напротивъ, послѣ приведеннаго столкновенія онъ сдѣлался замѣтно сдержаннѣе и по пустякамъ придирался къ Маланьѣ значительно рѣже.

Вообще наступившая зима оказывалась для Маланьи много счастливѣе предыдущей: къ неволѣ и бѣдности она успѣла привикнуть, ребенокъ служилъ для нея источникомъ безконечной отрады, время отъ времени наворачивался кой-какой заработокъ и, сверхъ всего этого, дома она всю зиму свой собственный ленъ прала. Изъ-за этого льна ей досталось не мало, но брань забылась, а ленъ выросъ на славу, и за обработкой и пряжей его Маланья не разъ съ торжествомъ думала: „Непремѣнно я имъ половину отдѣлю изо всего, сколько бы чего ни вышло. Ежели

двѣ новины пестради выйдеть, одну себѣ возьму, другую отдамъ имъ; также и вежъ и крашенину; поглядимъ, будутъ ли тогда лаяться... А то, Господи-батюшка, ужъ и земли-то нѣтъ, и сѣмянъ взять негдѣ... Поплакала я сколь нибудь съ этомъ льномъ! Кабы не Абросимовна, не видать бы мнѣ льну и одной володы, а вотъ ссудила сѣменами, дай Богъ здоровья, эка мѣсто уродилось, видно, что не пожалѣла”.

И точно Абросимовна ссудила Маланью сѣменами не жалѣя. Она была неговорлива, но очень наблюдательна и отлично умѣла распознавать людей. Замѣчая, какъ много терпитъ Маланья отъ стариковъ и какъ изо всѣхъ силъ бьется, чтобы хоть что-нибудь промыслить для дома, Абросимовна отъ души полюбила ее и хотя на словахъ почти не выражала этого, но при каждомъ удобномъ случаѣ такъ или иначе являлась къ Маланьѣ на помощь. Такъ и въ исторіи со льномъ.

— Такой-то-ли опять у Аксѣна въ избѣ стоитъ дымъ коромысломъ, хоть святыхъ вонъ выноси!.. Живую они, знатъ-то, сѣдятъ молодушку, передъ Богомъ,—возвращаясь отъ рѣки съ полными ведрами воды, сообщила Лизавета Степанидѣ, шедшей на рѣку съ бѣльемъ.

— Чего имъ мало?—вяло спросила Степанида, однако оставилась.

— Да вишь молодушка-то льну просить посѣять, а взятыся-то у нихъ нечѣмъ, вотъ и содомать.

— Какъ нѣтъ, такъ чего посѣешь,—равнодушно выговорила Степанида, продолжая стоять.

— Ну, а какъ не сѣючи-то жить? — горячо обратилась къ ней Лизавета,—нагишомъ ходить не будешь. Молодушка дѣло говорить, хоть которо что заложить надо, да сѣменемъ раздобыться, это она вѣрно. Какъ ей не сѣять, вѣдь у ней на рукахъ теперь самъ третей.

— У меня еще прошлогоднія красна стоять, — вспомнила Степанида.

— Молодушка у попа желала занять, не велятъ, черти, негдѣ-де сѣять, пахать-де подъ ленъ не на комъ, за тебя-де все сложили... И за что только они изгоняютъ бабу? дѣльная она у нихъ,—не обращая на Степаниду вниманія, но пользуясь ея присутствіемъ, какъ поводомъ, выгружала свои впечатлѣнія жена Никиты.

Абросимовна слышала весь этотъ разговоръ, происходившій какъ разъ подъ ея окномъ, и когда подъ вечеръ Маланья зашла къ нимъ на дворъ, отыскивая запропавшую курицу, она ото-

звала ее въ сторону и сказала: „Возьми сѣмянъ у меня; у меня ихъ съ полпуда лишка осталось; а землю тебѣ наши живо вспашутъ. Велю Ѳедюнкѣ и вспашеть. Долго ли вспахать, полосы у насъ рядомъ“.

— Въ ножки бы я тебѣ поклонилась, — растроганно вымолвила Маланья.

— Ужо какъ выростеть, — замѣтила Абросимовна.

— Только бы выросъ! Я и твой весь ленъ обдѣлаю и сѣмена съ походомъ тебѣ отдамъ, и потомъ, за всякую пору, на рѣчку ли понадобится тебѣ сбѣгать или другое что, какъ-нибудь урвусь и прибѣгу, — въ порывѣ благодарности говорила Маланья, чуть не съ умиленіемъ глядя въ крупное, добродушно улыбающееся надъ нею лицо Абросимовны.

Это было еще при Иванѣ, а потомъ, уже зимой, Абросимовна же выручила, когда въ серединѣ Филипова говѣнья захворать Мишка, а у Маланьи молоко давно пропало и ихъ единственная корова также перестала доить. Тогда Абросимовна безъ мала мѣсяцъ каждый день утромъ и вечеромъ по большой кружѣ отливала Мишкѣ парного молока, и Маланья твердо была увѣрена, что именно это молоко помогло оправиться ея мальченку.

XIX.

Придя домой къ Святой на побывку, Иванъ не узналъ жены. „Экъ, она здѣсь отѣлась безъ меня, опять краля кралей стала“, думалъ онъ, любуясь Маланьей, которая дѣйствительно замѣтно оправилась въ его отсутствіе, пополнѣла, поздоровѣла и снова приняла тотъ бойкій, самоувѣренный видъ, который такъ красилъ ее, когда она была дѣвушкой. Ивану также чрезвычайно нравилось, что его жену почти всѣ сосѣди зовутъ Михевной; мало-помалу привыкъ называть ее Михевной и онъ.

Въ теченіи полугода онъ переслалъ домой рублей до двадцати, а потому старики приняли его, какъ почетнаго гостя. Маланья съ своей стороны не знала, какъ и обласкать его. Она была невыразимо рада видѣть мужа трезвымъ, хорошо одѣтымъ и при деньгахъ; это поселяло въ ней увѣренность, что еще не много и Иванъ наживетъ столько, что и недоимку всю заплатить, и лошадь купить, и сарай перекроеть, и тогда засядетъ уже наготово дома... Всѣмъ распоряжаться будетъ онъ самъ и старики грызть его уже не стануть, не за что будетъ. Конца не было мечтамъ, не было конца и ласкамъ, довѣрію, угощенію

и распросамъ о жизни въ городѣ. Благодаря такому отношенію домашнихъ, Иванъ прожилъ дома не только Пасху, но Фомину недѣлю и, прощаясь съ Маланьей, былъ много нѣжнѣе, чѣмъ когда разставался съ нею въ первый разъ. За то Маланья плакала меньше: она видѣла ясно, что Иванъ не мотается и вѣрила, что не сегодня завтра онъ совершенно развяжется съ городомъ и заживутъ они тогда дома вмѣстѣ, сыто, согласно.

Въ концѣ зимы у Маланьи родился второй сынъ Ефимъ. Трудно стало Маланьѣ справляться съ своимъ хозяйствомъ и еще ходить на чужую работу, имѣя двоихъ маленькихъ ребятъ, но она напрягала всѣ свои силы и не запускала ни домашней работы, ни чужой. Хоть прежней нужды у нихъ теперь и не было, но жили они по прежнему несправно, потому что все, что присылалъ Иванъ, шло цѣликомъ на покрытие недоимки, накопленной Аксѣномъ за послѣдніе годы, которой и еще оставалось не мало. Аксѣнъ гдѣ-то выслушалъ, что вотъ-вотъ придетъ манифестъ и всѣ недоимки, какія есть на крестьянахъ, сложать. Онъ такъ былъ увѣренъ, что это такъ и случится, что если когда и могъ покрыть хоть часть недоимки, по убѣжденію не дѣлалъ этого. „Что я за дуракъ, чтобы платить, когда и такъ Царь простить? Никто самъ себя не врагъ“,—говорилъ Аксѣнъ и очень сердился, когда на его распросы о томъ, скоро-ли придетъ „милосливый манифестъ“, надъ нимъ въ волости только смѣялись.

— А то бы подождать еще манифеста, эти десять рублей годились бы тебѣ, вѣдь, поди, дома-то гроша не осталось?—шутили надъ Аксѣномъ волостные, принимая деньги.

Да, въ домѣ у него, дѣйствительно, гроша не было по обыкновенію, за исключеніемъ тѣхъ ничтожныхъ суммъ, которыя зарабатывала Маланья, благодаря свекрови имѣвшая возможность ходить на чужую работу.

— Иди, знай, я за ребятами погляжу, и старикъ поглядитъ, даромъ что взвѣдается за всякую пору, поглядитъ, ничего. Въ прошлый разъ ему Мишка поль-бороды, знать-то, выдралъ, а онъ его только по нехорошему выругалъ, больше ничего, иди, знай!—говорила Захаровна, если Маланьѣ представлялась возможность пойти на молотьбу или пожню къ сосѣдямъ.

— Ужь, пожалуйста, хорошенько погляди! не вывалился бы Ефимка изъ зыбки, либо Мишка не спалилъ бы себя, не взувѣчился бы какъ,—молила Маланья свекровь.

— Все на глазахъ держать буду, не бойся!—обѣщала Захаровна!

И Маланья шла на чужую работу, иногда, какъ во время сѣнокоса, наприимѣръ, уходя изъ дому на цѣлую недѣлю.

— Унесла, небойсь, спину-то, а здѣсь отъ ребятъ покою нѣтъ, съ утра до ночи деруть глотки, съ ними бы и шаталась, когда нарожала, будь ты провято, — ворчалъ Аксѣнъ въ ея отсутствіе.

„О-о-о, Ефимка, спи! О-о-о, золотой нашъ, спи! Спи-поспи, угомонъ тебя возьми!“ — тянула старческимъ скрипучимъ голосомъ Захаровна, что есть силы встряхивая зыбку, гдѣ лежалъ Ефимъ, между тѣмъ какъ Мишка, подползшій къ ея ногамъ, оралъ что было мочи, пытаясь подняться, падая и снова цѣпляясь за сарафанъ бабушки.

— Экъ, тебя взяло, шельму, не реви, говоритъ! Вотъ я, ужо, тебя вицей, забудешь у меня ревѣть... Дай срокъ, Ефимка уложу, тогда и возьму тебя; пошелъ къ дѣду, ползи къ нему, онъ тебѣ ляльки дастъ, ступай, соколикъ, поползай, — внушала старшему внуку Захаровна, обрывая на полусловѣ свое скрипучее пѣніе.

Но Мишка знать ничего не хотѣлъ и чаще всего кончалось тѣмъ, что Захаровна брала его на руки и тихонько закачивала на колѣнахъ, одной рукой въ то же время продолжая колыхать зыбку съ Ефимомъ. Но случалось и такъ, что Аксѣнъ спалъ какъ мертвый, а Захаровна уходила на рѣку или къ коровѣ и оставленная безъ присмотра дѣти ревѣли до хрипоты. Зато въ хозяйствѣ являлось что-нибудь существенно необходимое, приобретенное на выработанныя Маланьей деньги, — новая бадья, коса, лопата, соль, наконецъ.

Такъ день за день шло время.

Но вотъ въ Лобановку забрался брюшной тифъ, и свекоръ и свекровь Маланьи умерли на одной недѣлѣ. Кромѣ нихъ умерли еще Лукьянычъ и жена Фильки, работника Тита Андронича, не жившая за мужемъ и двухъ лѣтъ. Врачъ пріѣхалъ слишкомъ поздно, да и въ противномъ случаѣ ему едва ли удалось бы отстоять заболѣвшихъ, такъ какъ средства питанія, а также помѣщеніе и всѣ остальные условія жизни больныхъ, далеко не соответствовали даже самымъ скромнымъ требованіямъ гигиены. Хорошо ужъ и то, что съ пріѣздомъ врача, благодаря нѣкоторымъ мѣрамъ предосторожности, эпидемія не пошла дальше.

Чуть не недѣлю шелъ мелкій, холодный осенній дождь, на улицѣ была невылазная грязь и сплошные сумерки. Въ нетопленной избѣ Аксѣна Захаровна лежала уже обрѣженная на лавкѣ подъ образами, а самъ Аксѣнъ умиралъ на палатахъ. Онъ со

вчерашняго вечера находился въ безсознательномъ состояніи и Маланья напрасно чуть не всякую минуту поднималась къ нему наверхъ въ ожиданіи, не попросить ли онъ пить, или перевернуть его на другой бокъ, какъ это часто случалось въ первые дни болѣзни. Но Аксѣнъ не приходилъ въ себя и ему ничего уже не нужно было... Маланья крестясь спускалась обратно по лѣстницѣ и мимоходомъ тревожно взглядывала на покрытую холстомъ повойницу. Съ каждой минутой ей становилось все страшнѣе, ни дѣло, ни ѣда не шли на умъ, да и устала она страшно. Слѣдовало бы сходить къ Никитѣ, провѣдать ребятъ, но какъ она уйдетъ? Можетъ, старикъ вдругъ очнется, а ея нѣтъ... Хоть бы изъ сосѣдей заглянулъ кто, сказалъ бы про ребятъ! „Видно, молодуха у Фильки плоха, а то Абросимовна ужъ давно пришла бы. Чтѣ-то у Арефы дѣлается? не ожить, надо быть, Лукьянычу“, — думаетъ Маланья, то принимаясь что-нибудь дѣлать, то снова опускаая руки. „Вотъ все тѣсно мнѣ было, теперь ужъ просторно будетъ... Никто не изобидитъ, никто не пересмѣетъ...“ — продолжаетъ Маланья думать, низко опустивъ голову и искренно раскаяваясь не только въ грубыхъ словахъ, когда-либо сказанныхъ ею старикамъ, но и въ мысляхъ, почти всегда полныхъ неприязни и осужденія. Ей тѣ особенно горько и неприятно, что ей и проститься-то порядкомъ съ ними не довелось, бѣда обрушилась со всѣмъ неожиданно, „да и круто ужъ больно взяло“, — продолжаетъ думать Маланья. Она все чаще отодвигаетъ окно и смотритъ къ околицѣ, но тамъ никого нѣтъ. Улита, нищая, вымытая и нарядившая Захаровну, ушла къ попу и пропала, хоть и обѣщала вернуться еще за-свѣтло.

Наконецъ, въ деревнѣ вспомнили о Маланьѣ: пришла Ивановна, жена кузнеца Митрича, спросить, не нужно ли ей чего.

— Да надо бы сходить на село за Улитой, — обрадовалась Маланья, — я бы и сама сбѣгала, да то думаю, какъ можетъ батюшка почувствуется, а въ избѣ никого нѣтъ.

— Какъ можно тебѣ самой! Не великъ трудъ до села дойти.

— И еще бы ты ребятъ провѣдала! — попросила Маланья.

— Я тебѣ, Михевна, Оринку пошлю, она у насъ мертвыхъ ни крошечки не боится, — пообѣщала Ивановна.

— Будь мать родная! Хоть не надолго.

— Чего не надолго-то? Она тебѣ и печь истопитъ и посидитъ съ тобой до Улиты. Той же минуты Оринку тебѣ пошлю, оставайся со Христомъ! — благожелательно простилась Ивановна съ Маланьей.

Немного спустя Маланья услышала подь окномъ шаги и голоса и, думая, что это Орина, пошла на встрѣчу съ огнемъ.

Но въ избу вошли сотскій Гурьянъ съ фонаремъ и какой-то баринъ, весь мокрый отъ дождя, докторъ, какъ оказалось сейчасъ же.

— Да тутъ ужъ все кончено?—оглянулся на сотскаго врачъ, замѣтивъ покойницу.

— Это старушка привончилась, а наверху у нихъ самъ лежитъ,—почтительно доложилъ доктору Гурьянъ.

— Ну, молодка, старикъ твой въ утру умереть... лечить его поздно. А гдѣ же у васъ остальная семья?—обратился докторъ къ Маланьѣ, осмотрѣвши Авсѣна.

— Вся семья наша тутъ, только двое ребятъ еще есть, да я увела ихъ къ сосѣдямъ: больно ревуть.

— И прекрасно сдѣлала. А сама какъ, здорова?

— Ничего, притомилась только.

Докторъ осмотрѣлъ языкъ и глаза Маланьи, посчиталъ пульсъ, сдѣлалъ нѣсколько необходимыхъ вопросовъ и, распорядившись насчетъ очистки воздуха въ избѣ, ушелъ. А сейчасъ же послѣ него къ Маланьѣ вошли Кирья и сестра его Орина.

Кирья пришелъ проститься съ Захаровной и сказалъ Маланьѣ, что онъ ѣдетъ съ замками въ городъ, а потому, буде ей надо что заказать Ивану, пускай заказываетъ.

— Вези его, Кирила, домой, съ собой же и вези, не оставляй. Самъ видишь, что у насъ дѣлается... Да и проститься ему надо; всяко тоже бывало живучи... Зови его всѣми мѣрами: что я одна-то тутъ сдѣлаю? ни уйти мнѣ нельзя, ни денегъ у меня. Чтобы непременно шелъ, и то за мало годъ не былъ дома,—заказывала Маланья.

Цѣлыхъ три недѣли Маланья свѣту не видала съ больными стариками и съ маленькими дѣтьми, которыхъ ей теперь и на минуту не на кого было оставить. Она снова осунулась и обезсильяла; дума о будущемъ, о кругломъ одиночествѣ и безпомощности не давала ей покоя. Когда Иванъ пришелъ на похороны стариковъ, на душѣ у нея стало какъ-будто полегче, но не долго. На этотъ разъ Иванъ могъ не болѣе трехъ дней прожить въ деревнѣ, и одинокое, безпомощное положеніе Маланьи оставалось по прежнему одиновымъ и безпомощнымъ.

— Развѣ и теперь въ городѣ жить будешь?—съ невольной горечью спросила она у Ивана при первомъ же его заявленіи о томъ, что долго оставаться въ деревнѣ онъ не можетъ.

— А по твоему какъ? Простать мнѣ хозяева, что я на похороны извель, или какъ?

— Ну, а какъ же я-то буду?

— Какъ была, такъ и будешь,—повидимому равнодушно отвѣтилъ ей Иванъ, но на самомъ дѣлѣ онъ не былъ спокоенъ, такъ какъ отлично зналъ, что ни съ семьей, ни съ міромъ шутить нельзя.

Прежде чѣмъ уйти въ городъ, онъ побывалъ и въ правленіи, и у каждаго изъ сосѣдей.

— Ежели насчетъ податей выйдетъ какая заминка, обождите, сдѣлайте милость! Все до гроша внесу, только дайте вздохнуть, потому, сами знаете, родителей хоронилъ, издержался, вѣдь не маленькіе, поминалъ тоже по мѣрѣ возможности, за могилу, попу, домовище, сами знаете,—говорилъ Иванъ волостнымъ начальникамъ, чуть не каждое свое слово сопровождая низкимъ поклономъ.

— Въ первый срокъ притѣснять не будемъ, всѣ подъ Богомъ ходимъ, ну, а ужъ въ осени припасай все, чтобы безъ задержки!—сказали ему старшина и писарь.

— Ужъ будьте покойны, Ермилъ Савичъ: никогда того не сдѣлаю, чтобы, значить, обмануть. Я и въ этотъ годъ сколько моей силы-мочи было старался,—обращаясь къ старшинѣ, бойко заговорилъ Иванъ, обрадованный снисхожденіемъ начальства.

— А вѣдь мы, буде, и пропишемъ,—засмѣялся писарь.

— Не доведемъ себя до такой крайности, Василий Спиридонычъ,—разсмѣялся и Иванъ.

— И разчету тебѣ нѣтъ затягивать, потому теперь ужъ ты настоящій хозяинъ, не то что при отцѣ, никто другой за тебя не заплатитъ. Затянешь, тебѣ же хуже,—продолжалъ старшина.

— Само собой, кому нужно за меня платить. Извѣстно, ежели затянешь платежи, тебѣ же и хуже,—вторилъ Иванъ. —Будьте отцы родные, не оставьте у меня бабу! Дѣло ея женское, ну, и взятыя шутя нечѣмъ; все, что было, съ этими съ похоронами порастрачь, хоть петлю на шею! — кланялся Иванъ однодеревенцамъ.

— Зачѣмъ, Богъ съ нами, петлю на шею!.. Въ живомъ болѣ борысти. Мало чего не бываетъ, проживешь помаленьку. Другъ о другѣ, Богъ обо всѣхъ. Не какая помощь требуется. Насчетъ, въ случаѣ, назъмовъ, али чего прочаго, ежели у Андронича не время, не оставимъ. Какъ было, такъ и пойдетъ,—отвѣчали Ивану сосѣди единодушно.

— Сдѣлайте божескую милость!

— Мы ни отъ тебя, ни отъ Михевны худого не видали, отчего не уважить при нуждѣ, будь покоенъ!—твердили мужики.

Тить Андронычъ прилаживалъ дверь въ рѣдечной ямѣ у себя на огородѣ, когда Иванъ явился къ нему съ просьбой не оставить жену.

— Васъ, Тить Андронычъ, на особицу прошу, потому какъ вы всегда насъ не оставляли, ежели у Михевны въ чемъ нужда будетъ, не откажите!—просилъ Тита Андроныча Иванъ.

Тить Андронычъ опустилъ топоръ и сѣлъ на широкій пенъ у входа въ яму, куда Федоръ и Филька поочередно носили изъ амбара мѣшокъ за мѣшкомъ съ картофелемъ и рѣпой.

— Ты не больно о своей бабѣ плачь: это она со стариками намаялась, такъ призывала, а дай срокъ, отдышется,—все лучше лучшаго устроить,—сказалъ Тить Андронычъ, нѣсколько презрительно поглядывая на Ивана.

— Взяться-то у насъ нечѣмъ; въ случаѣ чего, не оставьте!—твердилъ Иванъ.

— Раньше не оставляли, а въ такихъ дѣлахъ когда же оставимъ! не татары...

— Понимаю я это, Тить Андронычъ, ну, только какъ теперь Михевна останется одна, неловко ей будетъ,—продолжалъ выяснять трудность положенія Маланыи Иванъ.

— Какъ что ужъ не трудно, ну только не баба у тебя, а кладъ. Погибъ бы ты безъ нея,—сказалъ опять Тить Андронычъ.

— Она ничего у меня,—согласился Иванъ.

— Объ ней плакать нечего,—повторилъ Тить Андронычъ,—а вотъ о тебѣ—пожалуй что... Отчего бы тебѣ дома не утвердиться? Чего ты не видалъ въ городу? Тутъ у тебя свой уголь, земля, семейство, чего тебѣ еще? Все на старика жаловался—ну, вотъ нѣтъ и старика... самъ себѣ большой... Справился бы по-маленьку, а?..

— Долгъ на мнѣ, Тить Андронычъ, отслужить я его долженъ. По времени, извѣстно, на хозяйство саду, а теперь никакъ невозможно, потому задолжавши,—съ виноватымъ видомъ опустивъ глаза, едва слышно проговорилъ Иванъ.

— Все твое!—недовольно махнулъ на него рукой Тить Андронычъ, но сейчасъ же прибавилъ:—насчетъ Михевны не сомнѣвайся, и лошадь ей будетъ, и все, какъ и допрежь.

— Покорно благодаримъ на вашемъ неоставленіи, Тить Андронычъ!—почтительно снялъ Иванъ шапку, радуясь, что можетъ, наконецъ, уйти.

— Не о чемъ разговаривать, дѣло сосѣдское, все въ луч-

шемъ видѣ справимъ,—сдержанно, чтобы не быть услышаннымъ отцомъ, но съ очевиднымъ желаніемъ успокоить Ивана, проговорилъ Ѳедоръ, выходя вслѣдъ за нимъ изъ огорода.

— Ты ужь самъ, Ѳедюнь, надзирай! я на тебя, какъ на родного, надѣюсь,—говорилъ расчувствовавшійся Иванъ:—можетъ, на мельницу понадобится, али снопы свезти, али другое чтò,—наугадъ перечислялъ онъ возможные случаи будущихъ нуждъ Маланьи.

— Полно, Иванко, не убивайся! Сказано, все будетъ въ лучшемъ видѣ,—убѣжденно и вѣско, какъ заправскій хозяинъ, пообщалъ Ѳедоръ снова.

Въ эти три года онъ выросъ еще на цѣлую четверть и теперь смотрѣлъ окончательно большимъ.

— И добѣрь же ты, Ѳедя, дай тебѣ Богъ!—съ чувствомъ выговорилъ Иванъ, прощаясь съ Ѳедоромъ у двери амбара.

— Будь покоенъ!—было ему отвѣтомъ.

XX.

— Ну, всѣхъ обошелъ, всѣхъ попросилъ не оставлять тебя, если какая нужда будетъ, не о чемъ тебѣ больше плакать,—обратился Иванъ къ Маланьѣ, вернувшись отъ сосѣдей.

Маланья только крѣпче сжала свои побѣлѣвшія губы. „А это ничего, что я одна-одинопенька тутъ останусь? ничего, что опять нарочно жить будемъ? Видно, такъ весь вѣкъ и проживемъ врознь“, подумала она.

— Чего надулась? я о тебѣ же стараюсь,—замѣтилъ Иванъ съ неудовольствіемъ.

— Извѣстно, обо мнѣ... Ты лучше вотъ чтò мнѣ скажи: долго ли мы нарочно жить будемъ?—сурово сдвинувъ свои темныя брови, спросила Маланья у мужа.

Иванъ принялся говорить о недоимкѣ, о долгѣ хозяину-булочнику, о невозможности теперь же, безъ лошади, лично взяться за хозяйство и т. д.

Все это Маланья уже тысячу разъ слышала отъ него и давно перестала всему этому вѣрить; она успѣла примѣниться къ мужу и отлично понимала какъ фальшь его доводовъ, такъ и его неискренность въ отношеніи къ ней самой. Обида кровная чувствовалась Маланьѣ въ каждомъ словѣ мужа. Ей было ясно, что о ней онъ совсѣмъ не думаетъ, что ему и въ голову не приходитъ, каково ей будетъ коротать тутъ жизнь совершенно одной. Въ эти три

года много ли прожили они вмѣстѣ? Если онъ и заботился о ней, то вовсе не какъ о женѣ, а какъ о человѣкѣ, на котораго побидаль домъ. Онъ и ребяты не больно любить, онъ не знаетъ ихъ вовсе, не при немъ они растутъ и для него такія же чужія, какъ всѣ другія въ деревнѣ. Не только обида, но и злость была въ душѣ Маланья, — только говорить ей не хотѣлось. Она по опыту знала, что ея прямая душевная рѣчь не пробудитъ ни совѣсти, ни жалости въ Иванѣ, и молчала.

— Ты того не думай, что я вину васъ, спаси Богъ! Какъ и при старикахъ, каждый грошъ стану норовить въ домъ, — говориль между тѣмъ Иванъ.

— Это ли въ домъ, когда все тѣмъ же часомъ и тащишь сборщику?..

— Я тутъ не причина...

— Извѣстно, въ подать посылать будешь, нельзя тебѣ не посылать, а ужъ самого теперъ не жди... И при старикахъ ровно годъ не приходилъ, а тутъ и вовсе ваплюешь.

— Не кори, Михевна, ничего не вида.

— Богъ съ тобой!..

Ни заманчивыя обѣщанія, ни ласки не смягчили Маланья. Она плохо спала ночь и встала хмурая. Тѣмъ не менѣе, стряпала она съ обычной ловкостью и быстротой, и не успѣлъ Иванъ умыться, какъ завтракъ былъ уже готовъ: на столѣ стояли горячая завариха, яичница и вареное молоко.

— Всегда я у тебя къ сердцу ѣмъ, нигдѣ такъ не ѣмъ... — сказала Иванъ, садясь за столъ.

— Вотъ брошу и я деревню, — чего я не видала у насъ въ лѣсу! — уйду слѣдомъ за тобой въ городъ и стану тамъ заварихой торговать! — съ короткимъ смѣхомъ, какой бываетъ у человѣка, волнуемаго недобрыми чувствами, проговорила Маланья и взглянула на мужа ярко сверкавшими глазами, чтобы видѣть, какъ принялъ онъ ея слова.

— А ребяты-то куда?.. — спросилъ Иванъ, не зная, шутить съ нимъ Маланья, или нѣтъ.

— Куда же, какъ не съ собой? Развѣ забылъ, что и самъ съ ребятами меня въ городъ звалъ? Или и вправду забылъ?.. — дрожащимъ отъ волненія голосомъ спрашивала Маланья.

Она не знала, чтò съ ней дѣлается; какая-то посторонняя сила такъ и подталкивала ее наговорить Ивану неприятныхъ вещей, сказать, какая онъ дрянъ, что онъ загубилъ ея вѣкъ, что живетъ только въ себя, и т. д., и т. д. „Пускай бы увидѣлъ, сколь я ему вѣрю, а то онъ такъ и думаетъ, что я дура наби-

тая—трехъ не сосчитаю“... думала Маланья, разгораясь все болѣе, но, къ счастью для Ивана, въ эту минуту заревѣлъ Ефимъ и она опомнилась.

— Что не ѣшь? завариха только горячая хороша, — заговорила она уже совсѣмъ мирно, подходя къ столу съ ребенкомъ на рукахъ.

— Пробоваль, да жжется...—отвѣтилъ Иванъ, съ облегченіемъ перевода духъ.

Проснулся Мишка, и Маланья снова вышла изъ-за стола умытъ его.

— Скорѣе, Мишка, обряжайся, завариха поспѣла, живѣе ворочайся, не то я все съѣмъ,—шутя обратился къ Мишкѣ отецъ.

Сейчасъ же послѣ завтрака Иванъ собрался уходить.

Маланья была рада, что опять идетъ дождь и на дворѣ слыть. Это избавляло ее отъ необходимости провожать Ивана до околицы, идти мимо всѣхъ сосѣдскихъ домовъ и отвѣчать на разспросы и замѣчанія сосѣдей. Не до того ей было. Никогда еще не испытывала она такого настроенія. Ей не разъ и прежде приходилось провожать мужа; но тогда всѣ знали, что онъ идетъ отъ бѣдности, изъ-за стариковъ, потому что воли ему въ хозяйствѣ нѣтъ, согласія нѣтъ, и она каждый разъ провожала его, любя и жалѣя. Ей ни разу не подумалось, что онъ отъ нея уходитъ. Теперь же она только это одно и чувствовала, и ей стыдно было смотрѣть на людей. „Всѣ скажутъ: кабы жена добрая была—не ушелъ бы, не бросилъ бы одну дома“,—думала Маланья, помогая мужу укладывать кису.

Держа Мишку за руку и неся на лѣвой рукѣ Ефима, безъ слезъ, безъ рѣчей, спокойно,—печальная вышла она проводить мужа и не шевельнувшись стояла въ полурастворенныхъ воротахъ до тѣхъ поръ, пока Иванъ не исчезъ за околицей. Зато, вернувшись въ избу, Маланья заплакала навзрыдъ и плакала долго. Слѣдовало бы собрать со стола, но ей жаль было снять со сватертки лишнюю ложку. Эта ложка все-таки напоминала ей, что она не одна на свѣтѣ, что Иванъ только-что ѣлъ вмѣстѣ съ нею, что онъ близко, что если она захочетъ, то можетъ еще догнать его.

Отъ сосѣдей Маланья, однако, не избавилась. Едва пережегилъ дождь, женское населеніе починка все поголовно перебывало у нея, соболѣзнуя по поводу ея одиночества и интересуясь знать, надолго ли еще Иванъ отлучился въ городъ. По мнѣнію всѣхъ, ему нивакъ невозможно было продолжать жить у булочника, и весь вопросъ для всѣхъ этихъ постороннихъ людей за-

ключался лишь въ томъ, въ какой срокъ Иванъ обончательно расквитается съ хозяиномъ.

— Мотри, онъ по первопутку же у тебя обернется,—говорила Ивановна, легонько похлопывая Маланью по плечу.

— Пожалуй, по первопутку,—соглашалась съ нею Абросиловна.

— Эво, больно скоро захотѣли! — возражала имъ Лизавета, жена Никиты рыжаго: — онъ, чу, четвертную — пошелъ на похороны — взялъ, а еще и допрежъ въ долгу былъ; гдѣ ужъ по первопутку.

— Ну, въ Рождеству,—назначила Ивановна новый срокъ.

— И въ Рождеству нечего ждать, да и не дѣло это, потому что онъ въ зимнее время станетъ здѣсь дѣлать? а на мѣстѣ-то все же еще сколь-нибудь до весны призашибеть, — совершенно входя въ сосѣдскіе интересы, толковала Лизавета.

— Зашибешь тутъ!.. Арефа наемни сказывалъ, за ихнимъ дворомъ не много, не мало и по сейчасъ съ полсотни податей; старину-то, вишь не могутъ они скачать; все въ эту пасть и затянуть опять какъ въ прорву,—сказала Степанида.

— Шутка сказать! А ты здѣсь такъ все одна и бейся! — сокрушались бабы.

— Чего подѣлаешь...

— Ты бы пуще ему наказывала, чтобы не задерживался долго,—совѣтовали Маланьѣ.

И такъ каждый день. То одна баба, то другая обязательно толковали Маланьѣ о настоятельной необходимости всѣми силами добывать Ивана изъ города домой возможно скорѣе. Изба Маланьи стояла на краю починка, у самаго спуска къ рѣкѣ, и кто бы ни шелъ на рѣку — съ бѣльемъ, за водой, ловить рыбу или поить лошадей, — всѣ и каждый останавливались подъ окномъ Маланьи и развивали на разные лады все одну и ту же тему.

За три года, прожитые въ Лобановщинѣ до этого, Маланья не переговорила съ сосѣдами и десятой доли того, что было переговорено ею съ ними въ эту осень. вмѣстѣ съ разспросами они излагали передъ ней и свои собственные обстоятельства. Особенно поощряло бабъ въ откровенности умѣнье Маланьи участливо отнестись къ тому, что ей сообщали. Кромѣ того, бабы открыли въ Маланьѣ массу талантовъ, о которыхъ при жизни стариковъ и не догадывались совсѣмъ. Митричеву Оринку, а потомъ и другихъ она скорехонько научила вязать вмѣсто варежекъ перчатки — совсѣмъ такія, какія въ лавкахъ продаютъ. Показала, какъ изъ достали бахрому къ занавѣсамъ и косынкамъ дѣлать. Понось у ребятъ какъ рувой снимала: напоить мятой, завязеть брюхо

тряпкой да покормить денекъ-другой сырыми яйцами—живо все пройдетъ. Больше же всего насчетъ стряпни отъ нея узнали и потомъ еще, какъ мѣдную посуду чистить. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ оказался заинтересованнымъ даже Андрей Титычъ, вообще чрезвычайно рѣдко обращавшій на Маланью свое вниманіе.

— Правда, Михевна, будто ты мѣдь чистишь секретъ знаешь? — спросилъ онъ у Маланьи, когда она разъ при немъ пришла зачѣмъ-то къ Абросимовнѣ.

— Какой секретъ, что ты? — разсмѣялась Маланья.

— А я началъ вправду, — произнесъ Андрей разочарованно.

— Натри гущей и оставь такъ на малое время, чтобы черноту-то отъѣло, а послѣ тертымъ кирпичемъ и прочисти хорошенько, а не то углемъ толченымъ—вотъ и весь секретъ. Послѣ угля мѣдь зѣветъ ровно новая, — уже серьезно сообщила требующія свѣденія Маланья.

Андрей не промолвилъ больше ни слова, не зная, шутить Маланья, или нѣтъ, но онъ вскорѣ же примѣнилъ ея указанія на дѣлѣ, и результатъ получился блестящій: вся наборная сбруя послѣ чистки по способу Маланьи, горѣла въ рукахъ Андрея какъ жарь.

И много другихъ полезныхъ указаній, пустыхъ въ сущности, но которыхъ не знала прежде деревня, внесла Маланья въ ея обиходъ, благодаря пройденной въ домѣ о. Ивана выучеѣ. При этомъ особенно цѣнилось въ ней окружающими то, что она дѣлилась своими знаніями охотно, часто даже безъ всякой просьбы спѣша надоумить, какъ лучше сдѣлать то или другое, и никогда не смотрѣла на это какъ на одолженіе—напротивъ, всякій разъ бывала рада, если случалось кому чѣмъ-нибудь услужить. Она твердо помнила, что сама она постоянно у сосѣдей въ долгу. Дѣйствительно, не проходило дня, чтобы она не просила кого-раго-нибудь изъ нихъ то соломы привезти, то корья, то ребятъ принесть къ нимъ, если самой понадобится зачѣмъ на село.

— Надоѣла я вамъ знать-то, миленькіе, до смерти, опять ребятъ къ вамъ пачу, — говорила она, внося дѣтей къ Митричу или Никитѣ.

— Тащи ихъ, тащи, съ ребятами веселѣе, — привѣтливо отзывался на оговорки Маланьи Никита, отрываясь отъ своихъ безконечныхъ вычисленій, сколькоихъ бревенъ не хватаетъ еще для его новой избы.

— У насъ Сеньку хлѣбомъ не корми, только съ малыми

ребятами пусти играть; что ему другое-то дѣлать!—говорила и Лизавета-бормотуха.

И покинувъ дѣтей на попеченіе Сеньки, Маланья изъ всѣхъ силъ бѣжала на село, стараясь возможно скоро сдѣлать необходимую покупку или сдать заказанныя ей сельскими жителями варезки, чулки, пряжу.

— Наво-ся, какъ улепетываетъ, нужды нѣтъ, что тяжелая! — глядя въ окно, дивится на Маланью Никита.

— Добѣгаетъ до одной поры... — таинственно замѣчаетъ на это Лизавета.

— Ничего, ей за привычку, — возражаетъ Никита.

— Тоже... Въ прошлый разъ, это вотъ какъ гололедица-то была, я что есть не упомянула себя со страху, такъ она мягнулась. Иду съ рѣки, а она изъ ложбинки около колоды вышла и идетъ такъ поперекъ меня. За хворостомъ она тогда ходила. Вижу, пятить вязанку прутьевъ выше себя и чуть-то чуть лѣпится на гору. Только-что хотѣла я ей крикнуть, что не ладно же, молъ, ты это дѣлаешь, она, матушки мои, и растаялась!.. Я свѣту даже не взвидѣла, — рассказываетъ Лизавета мужу.

— Надо привезти ей корья. Иванко пошелъ, какъ объ ней всѣхъ просилъ! Недолго возъ привезти, а то Боже сохрани... — обезпokoенно говоритъ Никита.

— Андронычевы ужъ привезли. Одея видѣлъ, какъ она ухнула, на другой же день и привезли.

— Спаси Богъ! — повторилъ Никита сокрушенно.

Вся жизнь Маланьи—трудоваѧ, чистая—на виду у сосѣдей. Они отлично знаютъ все, что она дѣлаетъ, куда ходитъ, сколько и на какой работѣ пріобрѣтаетъ, и дивятся-не надивятся на еѧ выносливость и на то въ особенности, что ни отъ какой напасти духомъ она не падаетъ.

„Все поетъ наболѣсть“...—говорятъ про Маланью сосѣди. И точно. Ни въ одной избѣ не собираются и не поютъ такъ часто, какъ у Маланьи. Къ ней и сумерничать идутъ, и работать. Митричевы дѣвки, Арина, Устя и Паша, цѣлыми вечерами сидятъ у Маланьи, прядутъ. Очень часто Лизавета возьметъ свою прялку и тоже отправляется къ Маланьѣ, а за ней, глядишь, идутъ и Никита съ Сенькой. Ужъ на что Степанида, неповоротливѣе трудно себѣ представить, а и та, нѣтъ-нѣтъ, да и заглянетъ къ Маланьѣ и хоть сама не поетъ, но съ замѣтнымъ удовольствіемъ стоитъ и слушаетъ, какъ поютъ другіе. Даже Груню Тата Андронича отпускали къ Маланьѣ на посидѣнки; нигуда

одну не отпускали, а къ Маланьѣ отпускали: такъ она у всѣхъ заслужила.

Что не ласточка ко мнѣ прилетала,
Не касатая вѣтку приносила...

съ серьезнымъ видомъ, сосредоточенно сдвинувъ брови, всѣмъ однимъ тономъ заунывно поютъ собравшіяся у Маланьи пряхи.

Или болѣе веселую:

Сидѣла Авдотьюшка одна въ терему,
Брала-собирала свѣчи со стола, —
Ждала-дождала къ себѣ сокола.

Если пѣсня протяжная, нитки вытягиваются медленно и крутятся слабо, но когда мотивъ попадетъ живой, работа идетъ замѣчательно проворно.

— Непремѣнно у тебя, Михевна, приворотъ-корень есть: что за чудо—народъ все къ тебѣ да къ тебѣ! не даромъ это... — скажетъ иной разъ Никита.

— То и приворотъ-корень, что на дорогѣ живу: куда ни идете, все за меня запинаетесь, — смѣется Маланья.

— Сказываютъ, въ ту избу больше люди ходятъ, въ которую вмѣстѣ съ мохомъ въ пазы зорю кладутъ,—замѣчаетъ Степанида.

— Съ приговоромъ вѣдь еще зорю-то кладутъ,—сообщаетъ въ свою очередь Лизавета:— „какъ заря весело да радостно глядитъ, такъ бы и наша изба весело да радостно стояла“.

— А вонъ насъ, какъ мы въ свою избу переходили, научили съ развертей земли взять да подъ нижнія бревна и закопать, и подъ ворота, тоже съ приговоромъ: „какъ по этимъ по дорогамъ народъ идетъ да ѣдетъ, такъ бы и къ намъ на дворъ всякъ шелъ да ѣхалъ“, — рассказываетъ Ивановна.

— Ой, приворотъ-корень!.. Привармливаетъ она насъ, вотъ и приворотъ, — сказала одна изъ дочерей Митрича.

— Вправду, Михевна, сколь мы у тебя одной паренки приѣли за зиму — страсть! — обратилась къ Маланьѣ Груня.

— На здоровье! — видимо отъ всего сердца отозвалась Маланья.

В. Шиловъ.

Н. В. ГОГОЛЬ

ВЪ

НАЧАЛЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРЬЕРЫ

(1829—1831).

VI *).

Страстное, глубоко поэтическое по своей изящной, нѣжной задушевности выраженіе любви молодыхъ людей Украйны, оставаясь вѣрнымъ національному колориту, было однако повидимому не столько изображаемо Гоголемъ съ натуры, сколько являлось подъ вліяніемъ потрясавшихъ его душу звучныхъ аккордовъ мало-россійскихъ народныхъ мелодій. Очевидно, оно было внушаемо смутнымъ, но горячимъ юношескимъ чувствомъ. Въ сущности же въ данной сферѣ Гоголь былъ скорѣе теоретикъ. Онъ самъ справедливо замѣтилъ, что истинная любовь „проста, какъ голубица, и выражается просто, безъ всякихъ опредѣлительныхъ и живописныхъ прилагательныхъ“¹⁾.

Нигдѣ, кромѣ „Тараса Бульбы“, мы не находимъ у Гоголя изображенія любви, имѣющей центральное или хотя самостоятельное значеніе въ произведеніи, а не составляющей лишь обычную рамку для разсказа. Если въ немногихъ повѣстяхъ, притомъ исключительно юношескихъ, Гоголь рисуетъ полныя страстной

*) См. выше: июль, 248 стр.

1) Соч. и письма Гог., изд. Кулиша, т. V, стр. 165.

нѣги взаимныя объясненія любящей четы, то все съ той же окраской и въ одномъ моментѣ обоюдной нѣжной ласки ¹⁾. Но мы не встрѣтимъ у него, за исключеніемъ лишь отчасти „Тараса Бульбы“, яркаго изображенія отдѣльныхъ перипетій страсти и соединенныхъ съ нею волненій, мукъ, внѣшней и внутренней борьбы, т.-е. именно всего того, на чемъ сосредоточивается и въ чемъ проявляется искусство художниковъ, изучившихъ глубже и часто по собственному опыту психологію любви. Въ этомъ отношеніи Гоголь положительно уступаетъ первенство Тургеневу, самому блестящему представителю указанной стороны въ русской литературѣ. Въмѣсто этого мы видимъ у Гоголя больше пламенные мечты воспаленнаго юношескаго воображенія, которыя своимъ эксцентрическимъ выраженіемъ даютъ живо чувствовать пылкость южной крови. Мы совсѣмъ не хотимъ, однако, этими словами намекнуть на чувственное представленіе о любви у Гоголя, тѣмъ болѣе, что въ изображеніи ея всегда много возвышенной поэтической граціи, а ея исключительно идеальная сторона прекрасно понята и представлена въ лицѣ художника Пискарева въ извѣстной повѣсти „Невскій Проспектъ“; намъ кажется только, по впечатлѣнію, производимому въ данномъ отношеніи сочиненіями Гоголя, что онъ былъ знакомъ съ этимъ чувствомъ болѣе со стороны, какъ тонкій и опытный наблюдатель, который не могъ въ числѣ другихъ предметовъ не обратить вниманія и на роль, какую играетъ иногда въ жизни любовь; самъ же онъ лично мало ея интересовался и навсегда оставилъ этотъ сюжетъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Если даже дать вѣру фантастической, промелькнувшей метеоромъ, его юношеской любви, въ которой мы, впрочемъ, сомнѣваемся, то и эта любовь не была ли только воображаемая; не принялъ ли Гоголь за любовь только потребность любви?

Нѣсколько чувственнымъ представляется намъ, впрочемъ, изображеніе женщины въ нѣкоторыхъ его черновыхъ наброскахъ изъ неконченныхъ повѣстей, самыхъ незрѣлыхъ плодовъ его музъ, но и въ этихъ наброскахъ, явно не предназначавшихся авторомъ для печати, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они вылились изъ подъ его пера ²⁾, эстетическая натура поэта сказалась въ тонкомъ чувствѣ красоты формъ, просящихся на полотно и ожидающихъ кисти художника. Къ такому описанію у Гоголя неизмѣнно

¹⁾ Кромѣ повѣсти „Ночь передъ Рождествомъ“.

²⁾ Но былъ случай, когда Гоголь хотѣлъ напечатать довольно нескромный рассказъ „Прачка“. См. „Русскій Миръ“, 1860, № 37, и „Моск. Вѣдом.“, 1861, № 3. Рассказъ этотъ относится также къ его юнымъ годамъ.

присоединяется изображеніе красивыхъ складовъ одежды, художественно завершавшихъ полноту впечатлѣнія. Въ подтвержденіе укажемъ слѣдующее мѣсто. „Самая яркая шелковая плахта, почти скрытая подъ кашемировою съ турецкимъ узоромъ запаскою, сладострастно лънула и вызначала всю роскошную выпуклую форму выступавшей ноги. Только до пояса простиралась вся эта пестрота богатаго убора; на груди и на рукахъ трепетала бѣлая какъ свѣтъ сорочка, какъ будто ничего, кромѣ тонкаго чистаго полотна, не должно прикрывать дѣвическихъ персей. Складки сорочки падали каскадомъ—молодыя груди дрожали“. Единственно въ этихъ строкахъ не видно еще очищающаго идеализма истиннаго художника, но онъ тотчасъ же проявляется въ другомъ вариантѣ, которымъ Гоголь несомнѣнно хотѣлъ замѣнить этотъ первый, не удовлетворявшій его, — какъ только нашелъ болѣе вѣрное и изящное выраженіе своей мысли и чувства. „Нигдѣ такъ не хороши дѣвическія груди“, исправляетъ онъ, „какъ подъ полотномъ. Онъ видѣлъ, какъ упругія молодыя груди подымали свои дышавшія нѣгою куполоподобныя перси и тотчасъ опускали ихъ, послѣ чего онѣ упруго дрожали подъ своимъ покровомъ“¹⁾. Любопытно, что впослѣдствіи этимъ готовымъ, давно сложившимся образомъ воспользовался Гоголь въ „Тарасѣ Бульбѣ“, говоря объ Андріѣ: „Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за восемнадцать лѣтъ; женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его; онъ, слушая философскіе диспуты, видѣлъ ее поминутно свѣжую, черноокою, нѣжную. Передъ нимъ непрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси, нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ“. Мы находимъ слѣдовательно тотъ же самый выношенный образъ его произведеній, отдѣленныхъ нѣсколькими годами жизни. Это обстоятельство можетъ повести къ дальнѣйшимъ соображеніямъ; оно доказываетъ намъ, особенно при наглядномъ сравненіи, какъ постепенно развивался и совершенствовался, получая прочувствованную идеальную окраску, образъ, первоначально, на поверхностный взглядъ, грѣшившій излишне грубымъ реализмомъ. Что совершенствованіе его происходило подъ вліяніемъ внутренней потребности души, чуткой къ впечатлѣніямъ изящнаго и испытывавшей на себѣ могущественное дѣйствіе наслажденія искусствомъ, видно изъ окончанія отрывка „Женщина“, гдѣ послѣдняя освѣ-

¹⁾ См. объ выдержки въ V т. сочиненій Гоголя, изд. 10-е, стр. 550.

щена волшебнымъ отблескомъ поэтического увлеченія. Мѣсто это такъ важно для разъясненія нашей мысли, что рѣшаемся его привести здѣсь вполнѣ.

„Вдохновенные взоры мудреца остановились неподвижно: передъ нимъ стояла Алкиноя, незамѣтно вошедшая въ продолженіе бесѣды. Опершись на истуканъ, она вся, казалось, превратилась въ безмолвное вниманіе, и на прекрасномъ челѣ ея прорывались гордыя движенія богоподобной души. Мраморная рука, сквозь которую свѣтились голубыя жилы, полная небесной амброзіи, свободно удерживалась въ воздухѣ; стройная, перевитая алыми лентами поножія, нога, въ обнаженномъ, ослѣпительномъ блескѣ, сбросивъ ревящую обувь, выступила впередъ и, казалось, не трогала презрѣнной земли; высокая, божественная грудь колебалась встревоженными вздохами и полупокрывавшая два прозрачныя облака персей одежда трепетала и падала роскошными линиями на помость. Казалось, тонкій, свѣтлый эфиръ, въ которомъ купаются небожители, по которому стремится розовое и голубое пламя, разливаясь и переливаясь въ безчисленныхъ лучахъ, коимъ и имени нѣтъ на землѣ, въ коихъ дрожить благовонное море неизяснимой музыки,—казалось, этотъ эфиръ облекся въ видимость и стоялъ передъ ними, освятивъ и обоготворивъ прекрасную форму человѣка. Небрежно откинутые назадъ, темные, какъ вдохновенная ночь, локоны надвигались на лилейное чело ея и лилися сумрачнымъ каскадомъ на блистательныя плеча. Молнія очей исторгала всю душу.—Нѣтъ! никогда сама царица любви не была такъ прекрасна, даже въ то мгновеніе, когда такъ чудно возродилась изъ пѣны дѣвственныхъ волнъ!“¹⁾

Намъ кажется, что до сихъ поръ слишкомъ мало вниманія обращалось на этотъ вдохновенный гимнъ, полный искреннаго, возвышеннаго чувства, гимнъ упоенія красотой, при всемъ ярко пластическомъ описаніи формъ чуждый всякой примѣси чего-либо обыденнаго, не говоря уже—чувственнаго. Въ этихъ строкахъ Гоголь чудно передалъ нашедшее отзвукъ въ душѣ его чувство древняго грека, и, конечно, онѣ были ему особенно дороги, если подъ ними въ первый разъ при всей щепетильной мнительности онъ рѣшился подписать вполнѣ свое имя. Очевидно, весь остальной отрывокъ написанъ ради приведеннаго нами конца, которымъ Гоголь хотѣлъ какъ вѣнцомъ украсить все предыдущее и вторымъ, вѣроятно, рассчитывалъ произвести не тусклое, будничное впечатлѣніе, какъ случилось на самомъ дѣлѣ. Если цѣль его не

¹⁾ Соч. Гог., изд. 10-е, т. V, стр. 65.

была достигнута и вдохновенныя строки затерялись сперва въ „Литературной Газетѣ“, потомъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій, то это объясняется, конечно, съ одной стороны извѣстностью сюжета, съ другой—можетъ быть, слишкомъ густыми красками, слишкомъ приподнятымъ тономъ, требующимъ отзыва въ соотвѣтственномъ исключительномъ настроеніи. Но теперь, при сравненіи съ другими сходными мѣстами сочиненій Гоголя, кажется, можетъ быть достаточно установлено, что у него въ отношеніи къ женщинѣ существовало восторженное, совершенно платоническое поклоненіе; женщина являлась ему какой-то богиней, окруженной невыразимымъ обаяніемъ; но то была воображаемая, такъ сказать, абстрактная женщина, тогда какъ отдѣльныя живыя личности теряли для него свой престижъ и представлялись чаще съ своей пошлой, обыденной физиономіей. Въ отрывкѣ „Женщина“ лиризмъ Гоголя стремится перейти за предѣлы, доступныя человѣческому слову и потому лишь отчасти находитъ себѣ выраженіе; но это, очевидно, тѣ самыя лирическія ноты, которыя впоследствии по другимъ случаямъ прозвучали въ „Мертвыхъ Душахъ“, въ „Театральномъ Разъѣздѣ“ и въ „Развязкѣ Ревизора“.

Намъ кажется, что особенно важно обратить вниманіе на постоянно существовавшій въ душѣ Гоголя настоятельный запросъ на что-то призрачно-грандіозное, что бывало часто причиной неполной удовлетворенности автора тѣмъ сравнительно слабымъ впечатлѣніемъ, которое выносили и могли выносить читатель. Гоголь не всегда могъ справиться съ необычнымъ подъемомъ чувства, больше всего именно въ наиболѣе слабыхъ произведеніяхъ, начиная съ отрывка „Женщина“, въ фантастической части „Портрета“, въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ и, наконецъ, также въ не всегда удававшихся лирическихъ мѣстахъ названныхъ выше по истинѣ великихъ произведеній. Въ Гоголѣ всегда явно боролись начала самаго высокаго лиризма и самаго безпощаднаго юмора. Оттого въ изображеніяхъ женщины у него нѣтъ середины между неземнымъ образомъ Алкиной и пошлыми Агаеями Тихоновнами и Марьями Гавриловнами ¹⁾. Если въ „Вечерахъ на хуторѣ“ юный поэтъ стремился передать обаяніе, производимое въ немъ женщиной, какъ въ натурѣ художественной, то, поддаваясь идеализаціи, онъ оставляетъ на время обычные приемы въ изображеніи дѣйствительности; современемъ же, когда пылокое увлеченіе юности угасло, его взору представлялись преимущественно однѣ пошлыя женщины.

¹⁾ Въ повѣсти „Иванъ Федоровичъ Шпоньга и его тетушка“.

VII.

Такъ почти въ каждомъ изъ юношескихъ произведеній Гоголь съ любовью рисуетъ съ разными видоизмѣненіями въ сущности все тотъ же обаятельный образъ, посвящая ему, послѣ горячей любимой украинской природы, самыя роскошныя цвѣты свѣжей юношеской фантазіи. Въ нравственномъ отношеніи его занимаютъ, напротивъ, два существенно различные типа молодыхъ дѣвушекъ: его воображеніе одинаково плѣняетъ какъ простодушныя красавицы, привлекательныя душевной чистотой и какой-то голубиной кротостью, вполне гармонирующими съ ихъ наружной прелестью, но въ то же время не чуждыя при всемъ простодушіи прекраснаго въ своей наивности эстетическаго чувства,—такъ съ другой стороны онъ любитъ изображать прихотливыхъ, избалованныхъ кокетокъ, которыхъ самая недоступность дѣлаетъ особенно очаровательными. Къ первому разряду типовъ слѣдуетъ отнести Параску, Пидорку и Ганну.

Любопытно сходство между Параской и Ганной въ ихъ отношеніяхъ къ природѣ и къ чувству любви. Изобразивъ прелестную картину отраженій въ водахъ Псла въ началѣ „Сорочинской Ярмарки“, Гоголь продолжаетъ: „Красавица наша (Параска) задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечникъ, которымъ исправно занималась во все продолженіе пути“. Тѣ же самыя черты, которыя лишь слегка затронуты въ изображеніи Параски, въ болѣе тонкомъ развитіи являются въ Ганнѣ. Не говоря уже о томъ, что эстетическое чувство выражается въ Ганнѣ съ той же непосредственностью, но и возбуждается въ ней сходной картиной природы, вообще чрезвычайно любимой Гоголемъ. „Какъ тихо волнуется вода, какъ будто дитя въ люлькѣ!“ говорила Ганна указывая на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемый вербами, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. Даже нѣкоторыя любимыя Гоголемъ сравненія повторяются въ обоихъ случаяхъ почти въ тождественной формѣ (напр., и тамъ, и здѣсь мы находимъ „огненные, одѣтыя холодомъ искры и падающія на серебряную грудь рѣки зеленыя вудри деревъ“; кромѣ уже указанныхъ строкъ, этимъ образамъ соответствуетъ еще слѣдующій: „Какъ безсильный старецъ, держаль онъ (прудъ) въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненные звѣзды, которыя тускло рѣяли среди теплаго океана ночного воздуха“; наконецъ, тотъ же образъ является

еще разъ, хотя уже совершенно самостоятельно, безъ отношенія къ очарованію, возбуждаемому имъ въ человѣкѣ, въ известномъ описаніи Днѣпра въ разсказѣ „Страшная Мсть“).

Съ неподражаемой наивностью также выдаетъ себя любовь дѣвушки, иногда еще смутно сознаваемая ею. Увѣренія Грицка, что онъ не скажетъ ничего худого, вызываютъ въ Параскѣ такія мысли: „Можетъ быть, это правда, только мнѣ чудно... вѣрно, это лукавый!.. Сама, кажется, знаешь, что не годится такъ, а силы недостаетъ взять у него руку“. Еще типичнѣе наивное признаніе задумавшейся Ганны: „Да тебѣ только стоитъ, Левко, слово сказать—и все будетъ по твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово—и невольно дѣлаю, что тебѣ хочется“. Эстетическое чувство Пидорки сказало въ своеобразныхъ, задушевно-поэтическихъ сравненіяхъ: „Ивасю мой милый! Ивасю мой любый! бѣги къ Петрусю, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; разскажи ему все: любила бы его варія очи, цѣловала бы его бѣлое личико, да не велить судьба моя“, и проч.

Но постепенно этотъ простодушный типъ уступаетъ въ мечтахъ Гоголя типу противоположному, лукавому. Точку соприкосновенія между обоими типами и переходъ отъ одного къ другому можно видѣть у него въ изображеніи любующейся собственной прелестью дѣвушки. Сначала у послѣдней мы не находимъ и намека на то высокоумное самоуслаженіе, которое должно было вскорѣ выступить для того, чтобы ярче и рельефнѣе отбѣнить царственное величіе недоступной красоты. Безсознательное кокетство замѣчается уже въ представительницахъ перваго типа, но оно еще вполнѣ невинно и безобидно. Такъ, въ „Успѣхѣ посольства“ Катерина, раздосадованная ухаживаніемъ за ней Ониська, приняла на себя сердитый видъ и воскликнула: „Ей Богу, Онисько, если ты въ другой разъ это сдѣлаешь (обнимешь), то я прямехонько пушу тебѣ въ голову вотъ этотъ горшокъ“, но тотчасъ же и смягчилась, и Гоголь такъ говоритъ объ этомъ дальше: „При семъ словѣ сердитое личико немного прояснѣло и улыбка, мгновенно проскользнувшая по немъ, выговорила ясно: Я не въ состояніи буду этого сдѣлать“¹⁾). Параска уже отъ души любитъ своимъ отраженіемъ въ зеркалѣ, но подъ вліяніемъ исключительнаго настроенія и увлеченная соблазненнымъ ее мачихинымъ очипкомъ. Она счастлива любовью жениха и, отдаваясь мечтамъ объ ожидающемъ ее счастьѣ, не можетъ устоять

¹⁾ Соч. Гог., изд. 10-е, т. V, стр. 57.

противъ искушенія. Все въ ней ливуеть, и отъ граціозной задумчивости она незамѣтно переходитъ, какъ истинная казачка, въ захватывающему увлеченію любимымъ танцемъ. Здѣсь радость чистая, увлеченіе безвредное. Съ большимъ сочувствіемъ Гоголь говоритъ о ней: „Подперши локтемъ хорошенкѣй подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грезъ обивалось около русой головки. Иногда вдругъ легкая усмѣшка трогала ея алія губки и какое-то радостное чувство поднимало темныя ея бровца, иногда снова облаво задумчивости опускало ихъ на варія, свѣтлыя очи“.

Напротивъ, Овсана и панночка—коветки *rig-sang*: онѣ наслаждаются не столько сознаниемъ своей красоты, сколько лестной мыслью о ея могущественной власти надъ людьми. Онѣ находятъ—по крайней мѣрѣ первая—удовольствіе въ томъ, чтобы мучить и презирать тѣхъ, которые имѣли несчастье ихъ полюбить. Поэтому для полнаго и ярваго ихъ изображенія необходимо описаніе ихъ жертвъ, которыя также поразительны своимъ сходствомъ. Здѣсь Гоголя снова увлекала мысль представить женщину на пьедесталѣ, какъ въ изображеніи Алкиной, тогда какъ кузнецъ Вакула и Андрій въ свою очередь соотвѣтствуютъ очарованному Алкиной юношѣ Телеклесу. Убѣдительно подтвержденіе можно видѣть въ слѣдующихъ сопоставленіяхъ. Не напоминаютъ ли восхищеніе Телеклеса передъ Алкиной эти строки: „И онъ (Андрій) остался также изумленнымъ передъ нею. Не такую воображалъ онъ ее видѣть: это была не она, не та, которую онъ зналъ прежде; ничего не было въ ней похожаго на ту, но вдвое прекраснѣе и чудеснѣе была она теперь, чѣмъ прежде: тогда было въ ней что-то неконченное, недовершенное; теперь это было произведеніе, которому художникъ далъ послѣдній ударъ висти“¹⁾. И здѣсь, и тамъ не описаніе, а апоэозъ.

Поразительно сходно изображено и впечатлѣніе, произведенное всѣми тремя женщинами на ихъ поклонниковъ. Сдѣлаемъ сличеніе.

„Въ изумленіи, въ благоговѣннѣ повергнулся юноша въ ногамъ гордой красавицы, и жаркая слеза склонившейся надъ нимъ полубогини канула на его пылающія щеки“²⁾.

„Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной дѣвушки: и суровость въ немъ была видна, и сквозь суровость какая-то издѣвка надъ смутившимся кузнецомъ, и едва замѣтная

¹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 300.

²⁾ Тамъ же, т. V, стр. 65: „Женщина“.

краска досады тонко разливалась по лицу, и все это такъ смѣшалось, и такъ было неизобразимо хорошо, что расцѣловать ее миллионъ разъ—вотъ все, что можно было сдѣлать тогда наилучшаго¹⁾.

„И ощутилъ Андрій въ своей душѣ благоговѣйную боязнь, и сталъ неподвиженъ передъ нею“ („Тарасъ Бульба“).

Совершенно такъ же говорить кузнецъ Оксанѣ: „Что мнѣ до матери? ты у меня мать, и отецъ, и все, что ни есть дорогого на свѣтѣ!“ какъ и Андрій восклицаетъ передъ панночкой: „А что мнѣ отецъ, товарищи и отчизна?“

VIII.

Юные парубки занимаютъ Гоголя или проявленіемъ въ ихъ могучихъ натурахъ казацкихъ чертъ, своимъ беззабѣтнымъ разгуломъ, удалью и безстрашіемъ,—и въ такомъ случаѣ нѣтъ существеннаго различія между ними и пожилыми казаками,—или же они должны служить почти только для полноты картины вмѣстѣ съ изображеніемъ любимыхъ ими дѣвушекъ. Если имъ приписывается красота, то Гоголь едва лишь даетъ мелькнуть ихъ образу передъ читателемъ, да и самый образъ этотъ гораздо менѣе яркъ въ сравненіи съ идеализированными образами дивчинокъ. Вотъ, напримѣръ, какъ изображаетъ Гоголь Петра Безроднаго въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купалы“: „Чернобровымъ дивчатамъ и молодежи мало было нужды до родни его. Онѣ говорили только, что еслибы одѣть его въ новый жупанъ, затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ синимъ верхомъ, привѣсить къ боку турецкую саблю, дать въ одну руку малахай, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то заткнулъ бы онъ за поясъ всѣхъ парубковъ тогдашнихъ“. По степени развитія образа эта характеристика недалеко ушла отъ слишкомъ общей характеристики Катерины въ „Успѣхѣ посольства“. Въ „Майской Ночи“ изъ устъ Ганны вырывается болѣе поэтическое и яркое описаніе, но все-таки не дающее опредѣленнаго представленія о наружности Левка: „Я тебя люблю, чернобровый казакъ! За то люблю, что у тебя варія очи, и какъ поглядишь ты ими, у меня какъ будто на душѣ усмѣхается, и весело, и хорошо ей, что привѣтливо моргаетъ ты чернымъ усомъ своимъ, что ты идешь по улицѣ,

¹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 106: „Ночь передъ Рождествомъ“.

поешь и играешь на бандурѣ, и любо слушать тебя“... Впрочемъ, такое обаяніе производить, наоборотъ, Оксана въ кузнецѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „Оксана засмѣялась, и кузнецъ почувствовалъ, что внутри его все засмѣялось. Смѣхъ этотъ какъ будто разомъ отозвался въ сердцѣ и въ тихо-встрепенувшихся жилахъ, и за всѣмъ тѣмъ досада запала въ его душу, что онъ не во власти расцѣловать такъ пріятно засмѣявшееся лицо“.

Наконецъ, Грицко въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ представленъ „съ загорѣвшимъ, но исполненнымъ пріятности лицомъ и огненными глазами, стремившимися видѣть насквозь“. Но ни въ изображеніи его, ни мужественнаго, загорѣлаго кузнеца Вакули нѣтъ и блѣднаго намека на тотъ прекрасный образъ, который являетъ собою Андрій въ „Тарасѣ Бульбѣ“; впечатлѣніе, произведенное послѣднимъ на панночку, опять сходно, но гораздо изящнѣе выражено, нежели увлеченіе Ганны Левкомъ. „Она, казалось, также была поражена видомъ казака, представшаго во всей красѣ и силѣ юношескаго мужества, который, казалось, и въ самой неподвижности своихъ членовъ уже обличалъ развязную вольность движеній; ясною твердостью сверкала глазъ его, смѣлою дугою выгнулась бархатная бровь, загорѣлыя щеки блистали всею яркостью дѣвственнаго огня и, какъ шелкъ, лоснился молодой черной усъ“. Такимъ образомъ, въ Андріѣ слились тѣ черты, которыя намѣчены были уже въ Петрѣ Безродномъ, Левкѣ и кузнецѣ Вакулѣ. И съ этой стороны, слѣдовательно, въ „Тарасѣ Бульбѣ“ находимъ завершеніе и объединеніе всего, что прежде было затронуто порознь въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“.

Въ старшемъ поколѣніи казаковъ, оставляя въ сторонѣ извѣстныя идеальныя черты запорожскаго типа, обрисованнаго наиболѣе опять-таки въ „Тарасѣ Бульбѣ“, а изъ „Вечеровъ на Хуторѣ“, въ „Страшной Мести“ (которая имѣетъ также много сходныхъ чертъ съ „Тарасомъ Бульбой“ и должна быть разсмотрѣна въ связи съ этимъ послѣднимъ произведеніемъ) въ лицѣ мужа Катерины, пана Данилы Бурульбаша, — кромѣ невозмутимаго хладнокровія, безопасности, упрямства, отмѣтимъ особенно комическую способность съ непостижимой быстротой переходить отъ однихъ впечатлѣній къ другимъ, совершенно противоположнымъ, и страсть къ національнымъ танцамъ. Когда оскорбленный неучтивыми замѣчаніями „затѣйливаго рассказчика“, дьячокъ Ома Григорьевичъ совсѣмъ уже собрался показать ему дулю, хозяйка догадалась „поставить на столъ горячій кнись съ масломъ, и руки Омы Григорьевича вмѣсто того, чтобы показать пишь,

протянулась въ книшу и, какъ всегда водится, всё начали прихваливать мастерицу-хозяйку". Солопій Черевикъ особенно комично переходитъ въ мгновеніе ока отъ страха, возбужденнаго въ немъ разсказомъ о красной свиткѣ, къ негодованію на дерзкаго парня, обнявшаго его дочь, и отъ негодованія къ самому дружелюбному разговору съ обидчикомъ. У казака Чуба такъ же легко смѣняется досада на прибывшаго его кузнеца Вакулу мыслью о предстоящемъ пріятномъ свиданіи съ Солохой.

Въ пожилыхъ женщинахъ воображеніе Гоголя прежде всего поражалось извращеніемъ тѣхъ привлекательныхъ физическихъ и нравственныхъ качествъ, объ изображеніи которыхъ было говорено выше. Онъ содрогается при мысли о томъ „періодѣ, когда воспоминаніе остается человѣку, какъ представитель и настоящаго, и прошедшаго, и будущаго, когда роковыя шестьдесятъ лѣтъ гонятъ холодъ въ нѣкогда бывшія огненнымъ ключомъ жилы и термометръ жизни переходитъ за точку замерзанія“ (въ повѣсти „Учитель“). То же впечатлѣніе рельефнѣе выражено въ заключительныхъ строкахъ „Сорочинской Ярмарки“: „Еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилы“, и проч. Въ пожилыхъ женщинахъ Гоголь по преимуществу видитъ пошлость и разные недостатки: сварливость, мелкое любопытство, страсть къ сплетнямъ.

Типъ сварливой женщины нерѣдко встрѣчается въ малороссійскихъ народныхъ сказкахъ. См., напр., въ „Народныхъ южнорусскихъ сказкахъ“ Рудченка сказки „Зла Химка и чортъ“ (I т., стр. 57 и другія). Въ наиболѣе полномъ развитіи этотъ рядъ женскихъ типовъ мы находимъ въ „Ночи передъ Рождествомъ“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить мысленно кокетливую, несмотря на свое безобразіе и старость, Хиврю, и съ другой стороны, правда, красивую и обходительную, но все же вѣдьму Солоху, вѣдьму, окруженную многочисленными поклонниками, но предпочитающую изъ нихъ того, отъ котораго можно ожидать больше выгоды. Въ Хиврѣ (въ „Сорочинской Ярмаркѣ“) соединяются главнымъ образомъ двѣ типическія черты: своенравіе сварливой замужней бабы и запоздалое кокетство. Если первая черта отсутствуетъ въ Солохѣ, то она является зато въ той же повѣсти въ лицѣ кумовой жены, причѣмъ кумъ—лицо, явно соотвѣтствующее Солохію Черевіку. Такимъ образомъ типъ Хиври не только развивается здѣсь дальше, но, такъ сказать, дифференцируется. Но очевидное сходство между отношеніями Хиври къ поповичу Аеанасію Ивановичу и Солохи въ

дьячку Осипу Никифоровичу замѣчательно и совпаденіемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ подробностей: напр., оба среди своихъ любовныхъ увлеченій вспоминаютъ о бурсѣ, объ отцѣ Кондратѣ или о безыменномъ отцѣ протопопѣ, приводятъ тексты и проч.

Въ заключеніе нашего обзора типовъ, встрѣчающихся у Гоголя въ „Вечерахъ на хуторѣ“, отмѣтимъ еще, что особенно часто онъ любилъ изображать наивное благоговѣніе крестьянъ передъ сельскими властями, въ родѣ головы или комиссара, и разными „учеными“ людьми, какими-нибудь дьячками и семинаристами. Въ повѣсти „Страшный Кабанъ“ объ учителѣ-семинаристѣ, Иванѣ Осиповичѣ, предшественникѣ Хомя Брута и другихъ бурсацкихъ типовъ, замѣчено, что „гдѣ ни показывается онъ, тамъ шапки съ самыхъ неповоротливыхъ головъ перелетаютъ въ руки, и солидныя, вооруженныя черными, сѣдыми усами, загорѣвшія лица отмѣриваютъ въ поясъ почтительные поклоны“. Подобное почтеніе оказывали и дѣду Фомы Григорьевича, „знавшему и твердо-онъ-то и словотитлу поставить, въ праздникъ отхватывавшему апостолъ такъ, что теперь поповичъ иной спрячется. Стало быть, и дивиться нечего, когда всякій встрѣчный кланялся ему мало не въ поясъ“. Въ „Утопленникѣ“, передъ головой „дужій мужикъ почтительно стоитъ, снявши шапку во все продолженіе, когда голова запуская свои толстые и грубые пальцы въ его лубочную табакерку“.

IX.

Кромѣ идеальнаго изображенія женщинъ, есть еще область, въ которой по преимуществу нашель себѣ просторъ лиризмъ Гоголя: это описаніе вѣчныхъ красотъ природы. Здѣсь Гоголь также является сыномъ юга, не только спокойно, съ любовью наслаждающимся ея красотами, подобно Пушкину или Тургеневу, но онъ весь охваченъ безпредѣльнымъ восторженнымъ обаяніемъ. Гоголь, можетъ быть, иной разъ уступаетъ другимъ нашимъ мастерамъ слова въ блестящей обрисовкѣ деталей, доступныхъ болѣе спокойному созерцанію наблюдателя, но общій фонъ картины выступаетъ у него всегда съ особенно поразительной яркостью. Детали часто являются и у него, и иначе быть не можетъ по самому характеру его творчества, но не въ нихъ заключается главная сила его описаній.

Въ первой части „Вечеровъ“ талантъ Гоголя, какъ живописателя природы, проявился съ особеннымъ блескомъ въ „Май-

ской Ночи", во второй—въ „Ночи передъ Рождествомъ“. Въ сравненіи съ этими роскошными картинами блѣднѣетъ описаніе звоннаго малороссійскаго дня въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и является уже нѣсколько натянутымъ и вычурнымъ. Зато изображеніе „задумавшагося“ вечера и обаятельной украинской ночи въ „Утопленницѣ“ и зимней ночи въ другой названной повѣсти съ остальными лучшими описаніями Гоголя, кажется, не имѣютъ себѣ равныхъ во всей русской литературѣ. Въ обѣихъ повѣстяхъ такой волшебной кистью нарисована картина чуднаго сіянія звѣздной ночи, спокойно и съ невыразимой нѣгой разлитою повсюду, насколько простирается поле зрѣнія, такъ искусно уловлено и представлено производимое въ такія поэтическія минуты дѣйствіе природы на человѣка, что невыразимая прелесть одинъ разъ нѣжной, благоухающей, весенней, въ другой—морозной рождественской ночи живо чувствуется при чтеніи въ продолженіе всего рассказа, отличающагося замѣчательной художественной выдержанностью.

Кромѣ того, съ особеннымъ искусствомъ умѣетъ Гоголь украшать повѣствованіе въ разныхъ мѣстахъ, какъ бы изящной рамкой, отдѣльными описательными штрихами, въ высшей степени гармонирующими съ остальнымъ изложеніемъ. При помощи ихъ иногда удается Гоголю немногими словами заставить читателя перенестись въ изображаемую обстановку, живо почувствовать и пережить самое настроеніе дѣйствующихъ лицъ подъ вліяніемъ природы разныхъ временъ сутокъ и года. Уже въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ прекрасно представлено общее тревожное, подъ вліяніемъ страшныхъ разсказовъ, настроеніе всѣхъ собесѣдниковъ, собравшихся провести вечеръ въ хатѣ Солопія Черевика, —настроеніе, совершенно исчезающее съ наступленіемъ утра. Электрически потрясающее дѣйствіе всякой ничтожной внезапности, подготовленное предшествующимъ настроеніемъ, также тонко подмѣчено Гоголемъ еще въ этой его ранней повѣсти: послѣ паническаго страха, который нагналъ на все общество разсказъ о красной свиткѣ, неожиданный стукъ моментально поражаетъ всѣхъ непреодолимымъ ужасомъ. Это психологическое наблюденіе, при другой обстановкѣ и отъ другихъ причинъ, нашло себѣ впослѣдствіи приложеніе въ извѣстной сценѣ появленія Бобчинскаго и Добчинскаго, стремительно ворвавшихся въ комнату городничаго, какъ разъ въ минуту самаго напряженнаго страха всѣхъ присутствующихъ.

Въ „Майской Ночи“ невыразимое обаяніе чувствуется въ двухъ-трехъ предложеніяхъ, рисующихъ передъ читателемъ нѣгу

весенняго вечера. „Было то время, когда, утомленные дневными трудами и заботами, парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ уныніемъ. И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо, превращая все въ неопредѣленность и даль“. И здѣсь описаніе природы находится въ прекрасной гармоніи съ внутреннимъ міромъ человѣка.

Но особеннаго совершенства достигаетъ Гоголь въ этомъ отношеніи въ „Ночи передъ Рождествомъ“, гдѣ читатель какъ будто видитъ передъ собой темную ночь, дышетъ здоровымъ морознымъ воздухомъ и чувствуетъ во всѣхъ жилахъ веселье и бодрость. „Чудно блещетъ мѣсяцъ! Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело смѣющаяся ночь. Подъ плотнымъ кожухомъ тепло; отъ мороза еще живѣе горятъ щекца, на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади“. Все это дѣйствительно какъ будто „живетъ и движется передъ нами“.

Замѣтимъ, что всѣ указанныя черты составляютъ существенную особенность таланта Гоголя, и, очевидно, если онѣ и нашли себѣ пищу и матеріалъ въ народныхъ произведеніяхъ, то здѣсь нельзя видѣть того внѣшняго пользованія источниками, которое намъ предстоитъ выдѣлать отъ оригинальнаго творчества нашего писателя, потому что на этихъ произведеніяхъ Гоголь воспитался съ малыхъ лѣтъ, и провести грань между воспринятымъ имъ въ дѣтствѣ и дополненнымъ впослѣдствіи — еслибы и было возможно — совершенно безцѣльно.

X.

Мы говорили выше, что въ бытовымъ подробностямъ, несомнѣнно самостоятельно очерченнымъ Гоголемъ, необходимо отнести наблюденія надъ малороссійскими, преимущественно простонародными типами, его изображенія казаковъ и казачекъ, сварливой бабы, робкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безпечнаго мужа, описаніе разговоровъ дѣйствующихъ лицъ и все вообще, относящееся къ національной жизни, обычаямъ, пѣснямъ, танцамъ, даже малороссійскимъ кушаньямъ. Наблюденія надъ этой національной стороной жизни отличали Гоголя еще задолго до возникновенія мысли о „Вечерахъ“ и, напротивъ, они-то, конечно, его на эту мысль и натолкнули. Все это ясно уже а priori, но кромѣ того убѣдительно подтверждается небольшимъ, но чрезвычайно любо-

пытнымъ разсказомъ въ воспоминаніяхъ Стороженва. Желающихъ провѣрить справедливость нашихъ словъ отсылаемъ къ этой статьѣ, такъ какъ разсказъ этотъ довольно великъ; приведемъ изъ него только слѣдующее любопытное замѣчаніе. „Искусство, съ которымъ Гоголь укротилъ взбѣшенную женщину, казалось мнѣ невѣроятнымъ; въ его юныя лѣта еще невозможно было проникать въ сердце человѣческое до того, чтобы играть имъ, какъ мячикомъ; но Гоголь безсознательно, силою своего гениа, постигалъ ужъ тайныя изгибы сердца“¹⁾. Когда Стороженко замѣтилъ Гоголю, что онъ успѣлъ хорошо изучить характеръ крестьянъ, Гоголь отвѣтилъ ему:

— „Ахъ! еслибы въ самомъ дѣлѣ это было такъ! тогда всю жизнь свою я посвятилъ бы любезной моей родинѣ, описывая ея природу, юморъ ея жителей, съ ихъ обычаями, повѣрьями, изустными преданіями и легендами. Согласитесь: источникъ обильный, неисчерпаемый, рудникъ богатый и еще непочатой!“

Такъ Гоголь почувствовалъ, что ему предстоитъ быть пионеромъ въ этой области, какъ послѣ онъ сознавалъ необходимость проложить новый путь въ области драмы²⁾.

Возвращаемся къ вопросу, чтѣ же было заимствовано Гоголемъ.

Повидимому, вся легендарная часть и есть именно заимствованная, почерпнутая изъ присланныхъ Гоголю его родственниками матеріаловъ. Такъ, въ „Сорочинской Ярмаркѣ“, по нашему мнѣнію, первой написанной имъ повѣсти изъ вошедшихъ въ „Вечера“, легендарное начало представлено единственно разсказомъ о красной свиткѣ; притомъ этотъ разсказъ выступаетъ, главнымъ образомъ, во второй половинѣ повѣсти и могъ быть введенъ уже во время самой работы надъ нею, когда Гоголю достаточно выяснилось главное содержаніе цѣлаго и возникло желаніе связать въ одно и оживить разрозненныя части. Весьма вѣроятно, что къ заимствованнымъ подробностямъ принадлежать одновременно включенныя въ двѣ первыхъ повѣсти, т.-е. въ „Сорочинскую Ярмарку“ и въ „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“, напр., изображеніе предающихся разгулу и безобразныхъ чорта, отыскивающего красную свитку, и Басаврюка, изображеніе ужаса, возбуждаемаго бѣсовскими подарками, отъ которыхъ никакъ нельзя отдѣлаться, упоминаніе о соняшницѣ и проч. Но знаки почтенія, оказываемые всѣми отцу красивой дѣвушки, неожиданное появленіе отца во время ея любовныхъ объясненій съ парубкомъ,—

¹⁾ См. „Отеч. Записки“, 1859, 4, стр. 79.

²⁾ „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“, въ „Руси“, 1880, № 4, стр. 16.

черты также общія обѣимъ повѣстямъ,—мы, конечно, не рѣшимся отнести къ только-что отмѣченнымъ. Такія черты сходства нерѣдко замѣчаются у Гоголя. Укажемъ нѣсколько другихъ примѣровъ въ „Вечерахъ на хуторѣ“. Вотъ, напр., изображеніе невиннаго младенца въ лицѣ Иваса (въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купалы“) и Спасителя на образѣ, видѣнномъ во дворцѣ кузнецомъ Вакулой; даже выраженія совершенно сходныя: „Малость отрѣзать ни за что, ни про что человѣку голову, да еще безвинному ребенку! Въ сердцахъ сдернулъ онъ простыню, навривавшую его голову, и что же? Передъ ними стоялъ Ивасъ. *И ручки сложило бѣдное дитя на-крестъ, и голову повѣсило*“¹⁾ („Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“). „Вступивши въ четвертую комнату, кузнецъ невольно подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ картинѣ. Это была Пречистая Дѣва съ Младенцемъ на рукахъ. „Что за картина! что за чудная живопись!—разсуждалъ онъ.—Вотъ, кажется, говорить! кажется, живая! *А Дитя Святос! и ручки прижало, и усмѣхается, бѣдное!*“²⁾. Далѣе: галушки, попадающія прямо въ ротъ вѣдьмамъ въ „Пропавшей Граматѣ“, напоминаютъ сходный эпизодъ въ „Ночи передъ Рождествомъ“, съ той только разницей, что вѣдьмамъ здѣсь соответствуетъ звучащійся съ нечистой силой старый запорожецъ Пацюкъ; побѣда кузнеца Вакулы въ Петербургъ и разговоры запорожцевъ съ императрицей имѣютъ, правда, отдаленное отношеніе къ факту сопровожденія головой Екатерины въ повѣсти „Майская Ночь“. Встрѣчаются и мелкія черты сходства: неустрашимость и неуклонная прямота въ сношеніяхъ запорожцевъ съ невѣрными или съ нечистой силой (дѣдъ въ „Пропавшей Граматѣ“, кузнецъ Вакула, наконецъ, Тарасъ Бульба); бесѣда двухъ кумовей, истыхъ малороссіянъ по безпечности и лѣни (въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и „Ночи передъ Рождествомъ“); задоръ, мгновенно стихающій передъ неожиданнымъ препятствіемъ, между прочимъ, при вечанной встрѣчѣ сына съ отцомъ (въ „Майской Ночи“ встрѣча Левка съ головой, и Андрія съ Тарасомъ); изображеніе гуляющей толпы парубковъ въ „Майской Ночи“ и „Ночи передъ Рождествомъ“; описанія сплетенъ³⁾. Но черты сходства между „Страшной Местью“ и „Тарасомъ Бульбой“ должны быть отложены до изученія послѣдней повѣсти.

Особенно замѣчательно, что повѣсть „Иванъ Ѳеодоровичъ Шпонька и его тетушка“ почти вся была по частямъ эксплуа-

¹⁾ Соч. Гог., изд. 10-е, т. I, стр. 45.

²⁾ Тамъ же, стр. 134.

³⁾ Тамъ же, стр. 22, 101, 120.

тируема Гоголемъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, какъ онъ нерѣдко поступалъ съ неоконченными повѣстями. Въ самомъ дѣлѣ, не представляетъ ли Григорій Григорьевичъ Сторченко, съ его хлѣбосольнымъ гостепріимствомъ и любовью покушать, прототипъ Петра Петровича Пѣтуха? Пѣтухъ насильно заманиваетъ Чичикова къ себѣ въ гости и хочетъ его какъ можно лучше накормить, а на извиненіе Чичикова, что тотъ попалъ къ нему ошибкой, отвѣчаетъ: „Нѣтъ, не ошибка! Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это?“ Такъ и Сторченко, услыхавъ, что Иванъ Ѳедоровичъ пріѣхалъ на минутку, возражаетъ: „Вотъ этого-то и не будетъ! Эй, хлопче! сважи Басьяну, чтобы ворота скорѣе заперъ, а коней вотъ этого пана распрячь бы сію минуту“. Подобно Пѣтуху, и Григорій Григорьевичъ Сторченко—большой гастрономъ; любитъ покушать и угостить и даже сердится за вмѣшательство другихъ въ обрядъ угощенія и предлагаетъ Шпонькѣ непременно взять крылышко съ пупкомъ или стегнышкомъ. Онъ принадлежитъ, наконецъ, по замѣчанію Гоголя, къ тѣмъ людямъ, „которые никогда не ломали головы надъ пустяками и которыхъ вся жизнь катилась по маслу“.

Эта характеристика, безъ сомнѣнія, вполне пригодна и для Пѣтуха. Въ самой фигурѣ Сторченка, въ его равнодушіи, въ добродушно-грубомъ обращеніи съ крѣпостными много общаго съ Пѣтухомъ. Далѣе, изображеніе въ „Шпонькѣ“ школьнаго учителя, котораго одинъ кашель въ снѣгахъ, прежде нежели высывалась въ дверь его фризловая шинель и лицо, изукрашенное оспой, наводили страхъ на весь классъ, и въ „Шпонькѣ“ очень напоминаетъ учителя Чичикова, большого любителя тишины, доводимой до такой степени, что „слышно было, какъ муха летитъ“, и что „до самаго звонка нельзя было узнать, былъ ли кто въ классѣ, или нѣтъ“. Наконецъ, послѣдній, въ свою очередь, послужилъ прототипомъ учителя Ѳедора Ивановича, противопоставленнаго Александру Петровичу, идеальному педагогу, какъ это уже было отмѣчено Н. С. Тихонравовымъ ¹⁾. Какъ Шпонька снискалъ благосклонность ментора угодливостью и благонаравіемъ, такъ то же самое повторилось точь-въ-точь и съ Чичиковымъ. Съ другой стороны, мимоходомъ затронуты подробности школьнаго быта въ первой главѣ „Шпоньки“ и также въ „Тарасѣ Бульбѣ“ и въ „Виг“ . Описаніе пѣхотнаго полка, въ который поступилъ Иванъ Ѳедоровичъ, сходно по нѣкоторымъ чертамъ съ

¹⁾ Соч. Гог., изд. 10-е, т. III, стр. 417.

описаніемъ полка въ „Коляскѣ“, а лихая замашка молодыхъ офицеровъ спускать все имущество до послѣдней рубашки встрѣчается также въ „Игрокахъ“ въ лицѣ мнимаго гусара Глова. Первые впечатлѣнія при возвращеніи Шпоньки изъ Петербурга, по выходѣ въ отставку, въ собственное имѣніе сходны съ впечатлѣніями Чичикова въ гостяхъ у Коробочки. Комическіе и серьезные разговоры Василисы Кашпаровны и матери Сторченка о грѣхѣхъ и выдѣлѣхъ ковровъ представляютъ такое же мастерское и близкое по идеѣ воспроизведеніе обыденныхъ будничныхъ женскихъ разговоровъ, какъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ бесѣда о нарядахъ дамы просто пріятной и пріятной во всѣхъ отношеніяхъ. Наконецъ, курьезное объясненіе Ивана Ѳедоровича Шпоньки съ дѣвицей Марьей Гавриловной, постоянно прерываемое продолжительными паузами, его нерѣшительность въ сватовствѣхъ какъ нельзя болѣе сходны съ соотвѣтствующими мѣстами въ „Женитьбѣ“.

Всѣ эти замѣтки и сопоставленія мы предлагаемъ здѣсь какъ матеріалъ для разъясненія приемовъ и исторіи творчества Гоголя. Закончимъ нашу рѣчь о „Вечерахъ“ еще нѣсколькими частными указаніями.

Тщательное изученіе сборниковъ малороссійскихъ разсказовъ и преданій, можетъ быть, дастъ современемъ возможность специалистамъ малорусской народной словесности опредѣлить по крайней мѣрѣ нѣкоторые источники, которыми могъ пользоваться Гоголь. Съ своей стороны, приведемъ нѣсколько отысканныхъ нами параллелей въ подтвержденіе этой вѣроятности ¹⁾. Такъ любопытно,

¹⁾ Впрочемъ, вѣстный знатокъ украинской литературы и исторіи, П. А. Булиньшъ, подвергаетъ большому сомнѣнію эти, можетъ быть, преувеличенныя надежды. Вотъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ онъ высказывалъ намъ свой взглядъ на это дѣло:

„Вліяніе малороссійскихъ пѣсенъ и повѣрій на Гоголя допускаю въ весьма слабой степени. Время его дѣтства и отрочества было временемъ упадка малорусскаго элемента въ сословіи и состояніи Гоголя. Онъ сохранился только въ разсказахъ о Солопніяхъ да Хіврахъ, или о запорожцахъ, говорившихъ, что Петербургъ городъ *балшой, губернія знатная*. Максимовичъ изданіемъ пѣсенъ въ 1827 и 1834 годахъ разбудилъ въ тогдашней нашей молодежи любовь къ народнымъ пѣснямъ; но ученическія и даже учительскія бумаги Гоголя показываютъ, что это движеніе коснулось его мало. Онъ восхищался, съ нѣкоторымъ лицемѣріемъ, народною поэзіей уже тогда, когда пересталъ писать о кузнецахъ Вакулахъ, казакахъ, чубахъ, и прочая, а какъ мало было у него самого чувства изящества въ малорусскомъ словѣ и складѣ мысли, видно изъ пѣсенъ, сочиненныхъ имъ для сельскихъ бандуристовъ-парубковъ. Въ дружеской перепискѣ его за то время не видать слѣда ни Гулава-Артемовскаго, ни Квитки, ни Гребенки, которые сильно повліяли на представителей слѣдовавшаго за Гоголемъ поколѣнія малоруссовъ. Поэтому и по прежеписанному мною напрасно сталъ бы я вамъ совѣтовать, гдѣ искать источниковъ, которыми пользовался Гоголь.

что, кромѣ пьесы Гоголя-отца „Романъ и Параска“, прототиць поповича Аванасія Ивановича въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и дьячка Осипа Никифоровича въ „Ночи передъ Рождествомъ“, можно видѣть въ народномъ разсказѣ: „Дьякъ Титъ Григоровичъ“¹⁾.

Нѣкоторое сходство съ приведеннымъ представляютъ также другіе разказы („Гибель четырехъ поповъ“, „Мужики, баба, попъ, дьячокъ и цыганъ“, и проч.²⁾).

Изъ отдѣльныхъ выраженій, сходныхъ у Гоголя съ выраженіями народныхъ малороссійскихъ сказовъ, отмѣтимъ слѣдующія. Въ предисловіи къ повѣсти „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“ читаемъ: „Ома Григорьевичъ готовъ уже былъ осѣдлать носъ свой очками“; ср. въ сборникѣ Драгоманова, въ разсказѣ: „Дьячокъ и малограмотный попъ“³⁾. Въ томъ же сборникѣ находимъ разсказъ о свѣчѣхъ надъ кладомъ⁴⁾, и проч. Въ „Сказкахъ“ Рудченка намъ попалось выраженіе, напоминающее начало нѣкоторыхъ разсказовъ дѣда въ „Вечерахъ на хуторѣ“: „Бувало покойникъ Охрімъ, якъ стане разсказувать,—царство йому небесне—дакъ волосы дыбомъ становяцца“⁵⁾. Тамъ же есть разсказъ о золотомъ черевичкѣ⁶⁾, хотя и не совсѣмъ сходный съ гоголевскимъ. Наконецъ, уже раньше было указано, что источниками „Вія“ могли служить разказы „Видьма та видмакъ“⁷⁾, „Разсказъ о дьячкѣ и вѣдьмѣ“⁸⁾ и „Упирь и Миколай“⁹⁾.

Малорусская жизнь не произвела тогда еще и Шевченка, а предшественники Шевченка остались за чертой изученій Гоголевыхъ; осталось вѣтъ его кругозора и то, что ихъ произвело, такъ какъ волею судьбы Гоголь сдѣлался представителемъ великорусскаго, а не малорусскаго возрѣнія. Жаль, что такой великій талантъ былъ мало подготовленъ обществомъ и для этого представительства,—и обществомъ, и всемірной наукой“.

¹⁾ Драгомановъ, „Малороссійскіе народныя преданія и разказы“, стр. 162.

²⁾ Кстати укажемъ разсказъ, повидному давшій Пушкину матеріалъ для известнаго стихотворенія „Гусаръ“ („Сребницей чистилъ онъ коня“), въ „Трудахъ“ Чубинскаго, т. I, стр. 97. Припомнимъ, что стихотвореніе было написано въ 1833 г., можно съ нѣкоторой вѣроятностью предположить, что и Гоголь иногда могъ сообщать сюжеты Пушкину.

³⁾ Стр. 166.

⁴⁾ Стр. 66.

⁵⁾ Рудченко. „Южно-русскія народныя сказки“, т. I, стр. 74. „Музика—Охрімъ“ Ср. у Гоголя: „Дѣдъ мой—царство ему небесное—умѣлъ чудно разсказывать“.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 45.

⁷⁾ Драгомановъ, „Малоросс. преданія и разказы“, стр. 74.

⁸⁾ Труды, Чубинскаго, т. I, стр. 200.

⁹⁾ Рудченко, т. II, стр. 27.

XI.

Возвращаясь въ изложенію біографическихъ фактовъ, мы должны прежде всего замѣтить, что однимъ изъ самыхъ трудныхъ и темныхъ вопросовъ въ біографіи Гоголя является точное установленіе даты начала знакомства его съ Жуковскимъ, Плетневымъ и Пушкинымъ. Но въ то же время тщательное разъясненіе всѣхъ подробностей, способныхъ пролить свѣтъ на исторію этихъ отношеній, столь важныхъ для всей послѣдующей судьбы писателя, положительно необходимо, чтобы хоть сколько-нибудь пополнить пробѣлы, касающійся самой критической поры его жизни. Сближеніе съ литературными свѣтилами и появленіе благоприятныхъ условій для творчества въ широкомъ смыслѣ слова спасли Гоголя, открывъ надлежащее направленіе его природнымъ силамъ. Надѣясь сгруппировать и по возможности привести въ систему то, что по разрозненнымъ отрывкамъ можно извлечь изъ существующихъ источниковъ, мы вынуждены входить въ разсмотрѣніе мелочей, сличать показанія, отчасти недостаточно мотивированныя и подтвержденные, чтобы по крайней мѣрѣ намѣтить вѣхи для слѣдующихъ разъясненій.

Внутреннее смутное сознаніе гениальности и врожденная неспособность мириться съ тивою ничтожнаго прозябанія спасли Гоголя. Глубоко противна была душѣ его безотрадная перспектива потонуть на вѣки въ хлябяхъ чернильнаго моря, зарыться въ раковинѣ улитки и похоронить въ ней высшіе человѣческіе идеалы. Къ счастью, безпредѣльная юношеская самонадѣянность не допускала его до отчаянія и давала силы надѣяться на лучшее. Не напрасно еще на школьной скамьѣ холодный потъ проступалъ у Гоголя „при мысли, что, можетъ быть, доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ“ ¹⁾). Конечно, человѣку съ такимъ огромнымъ талантомъ нельзя было затеряться въ толпѣ; но кто знаетъ, сколько пришлось бы Гоголю бороться со враждебными волнами, сколько загубить въ себѣ лучшихъ силъ, еслибы онъ не встрѣтилъ ласковаго, теплаго приѣма въ самомъ началѣ жизненнаго поприща! Задатки высшей природы исключали возможность, чтобы изъ него вышелъ скромный труженикъ департамента, но при неблагоприятныхъ условіяхъ это могло бы быть для него скорѣе гибелью,

¹⁾ „Русская Старина“, 1876, I, стр. 41.

нежели спасеніемъ ¹⁾. Въ душѣ Гоголя, въ счастье для него и для Россіи, горѣло то благородное пламя, которое освѣтило ему путь къ будущему величію. Всѣми силами души протестовалъ онъ противъ гнета судьбы. „Мнѣ предлагаютъ мѣсто съ 1000 рублями жалованья въ годъ“ ²⁾, писалъ онъ матери. „Но за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое здоровье и драгоцѣнное время? и на совершенные пустяки, — на что это похоже! въ день имѣтъ свободнаго времени не болѣе, какъ два часа, а прочее все время не отходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ!“ Конечно, такой взглядъ на службу не могъ на практикѣ повести ни въ чему хорошему, да и слишкомъ извѣстно, какъ служилъ Гоголь, всегда имѣвшій про запасъ въ карманѣ прошеніе объ отставкѣ; но можно ли жалѣть, что онъ не сдѣлался чиновникомъ! Для Гоголя въ высшей степени спасительны были тѣ миражи, которыми онъ себя окружалъ. Всѣ надежды на рекомендательныя письма „покровителей“ оказались на повѣрку наивнымъ самообманомъ; большинство другихъ надеждъ рушилось съ беспощадной жестокостью; но всегда оставалось что-нибудь ободряющее. Въ противномъ случаѣ, что было бы съ Гоголемъ, еслибы онъ не успѣлъ заблаговременно выбраться на иную дорогу? Отвѣтъ на это находимъ въ слѣдующихъ строкахъ письма его къ матери отъ 2-го апрѣля 1830 г.: „Часто приходитъ мнѣ на мысль все бросить и ѣхать изъ Петербурга; но въ то же время вдругъ представляются мнѣ всѣ выгоды по службѣ и по всему, чего я лишусь, удалившись отсюда“ ³⁾. Очевидно, вся опасность заключалась для Гоголя въ его нетерпѣніи, которое, въ счастье, нашло себѣ могучее противодѣйствіе въ собственномъ ему въ юношескіе годы оптимизмѣ. Мало сказать, что онъ не приходилъ въ уныніе, но его положительно не повидала какая-то упорная увѣренность въ счастливомъ исходѣ изъ ужаснаго по своей неопредѣленности положенія ⁴⁾. Юноша нашихъ дней, по всей вѣроятности, нашелъ бы скорѣе тотъ или иной

¹⁾ Гоголю въ недавнее время ставили въ упрекъ, что онъ былъ слишкомъ притворливъ и разборчивъ при выборѣ должностей, что въ отношеніи матери онъ поступалъ какъ баловень-эгоиста. Но въ сужденіяхъ о такой личности ошибочно примѣнять обыденный масштабъ.

²⁾ Соч. Гог., изд. Кулиша, т. V, стр. 88.

³⁾ Тамъ же, V, стр. 105.

⁴⁾ Неблагопріятенъ былъ для Гоголя весь 1829 г. и съ тяжелымъ чувствомъ онъ вступилъ въ слѣдующій, какъ видно изъ его словъ: „Холодно и безжизненно встрѣтилъ его, хотя и наступленіе новаго года всегда было торжественной минутой для меня“ (тамъ же, стр. 100).

исходъ, но только едва-ли удачный; по многимъ грустнымъ причинамъ ему труднѣе въ большинствѣ случаевъ сберечь въ себѣ тотъ драгоценный запасъ свѣтлаго возрѣнія на жизнь, каковой въ тяжкую минуту обаялся въ распоряженіи питомца доброй помѣщицѣй среды стараго времени, взлелѣяннаго безпредѣльной любовью матери и патриархальнымъ благодушіемъ нехитрой, правда, школы. Нечего прибавлять, какою поддержку дала Гоголю религія: это видно во многихъ письмахъ. Среди всѣхъ неудачъ онъ только и думаетъ „оживиться новой жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности“. Разочарованіе, вынесенное изъ впечатлѣній петербургской жизни, не сломило его, а толкнуло на новые поиски счастья и разумной дѣятельности уже за границей. Даже въ то время, когда Гоголь „бѣжалъ отъ самаго себя“, онъ не терялъ увѣренности, что „въ столицѣ нельзя пропасть съ голоду имѣющему хоть скудный отъ Бога талантъ“¹⁾, и считалъ вѣроятнымъ полученіе должности, „которая не только доставитъ годовое содержаніе, но и возможность вспомоствовать матери въ ея великодушныхъ попеченіяхъ и заботахъ“. Пробуя себя въ различныхъ отношеніяхъ, онъ наконецъ находитъ свое истинное призваніе. Ему удается обратить на себя вниманіе, и онъ спасенъ.

ХІІ.

Первымъ даннымъ, которое можетъ быть принято за исходную точку для нахождения ариадниной нити въ вопросѣ о началѣ знакомства Гоголя съ корифеями литературы, можно считать утвержденіе г. Кулиша, что въ 1830 г. Гоголь „досталъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ молодого человѣка на руки П. А. Шлетневу съ просьбой позаботиться о немъ“²⁾. Въ рассказѣ г. Кулиша этотъ новый фазисъ въ приискваніи Гоголемъ себѣ подходящей дѣятельности приведенъ въ связь съ неудовлетворенностью мѣстомъ, полученнымъ, по протекціи дяди³⁾, въ департаментѣ удѣловъ. понадобилась новая рекомендація; наплась, къ счастью, протекція, и Гоголь неожиданно для самого себя очутился въ средѣ, въ высшей степени благопріятствовавшей потомъ развитію его могучаго таланта. Если это сообщеніе справедливо, то необходимо заклю-

¹⁾ Тамъ же, стр. 103.

²⁾ „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 84.

³⁾ А. А. Трошинскаго.

чить, что на этотъ разъ рекомендація исходила уже не отъ тѣхъ „покровителей“, въ которыхъ Гоголь имѣлъ доступъ тотчасъ по прїѣздѣ въ Петербургъ и которые „водили его до тѣхъ поръ, пока не заставили усомниться въ быточности ихъ обѣщаній“. Новой протекціей онъ косвеннымъ образомъ обязанъ былъ своему таланту ¹⁾. Если кратковременное „участіе“ его въ „Отечественныхъ Запискахъ“ давно прекратилось вслѣдствіе безцеремоннаго обращенія ихъ издателя, Свенъина, съ его повѣстью, то къ началу 1831 года мы уже застаемъ Гоголя въ сношеніяхъ съ „Литературной Газетой“ ²⁾, въ которой имъ помѣщается цѣлый рядъ небольшихъ отрывковъ, очевидно сданныхъ въ редакцію еще въ 1830 году. Отрывокъ Гоголя „Борисъ Годуновъ“, набросанный, очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что вышедшей трагедіи Пушкина, но уже вызвавшей рецензію въ 1 № „Литературной Газеты“ за 1831 г., посвящается П. А. Плетневу. Итакъ, знакомство съ нимъ и съ Жуковскимъ должно быть отнесено къ концу 1830 года, что подтверждается и рекомендаціей Гоголя Плетневымъ на должность учителя въ Патріотическомъ институтѣ не далѣе, какъ въ началѣ февраля 1831 года. Какъ бы горячо ни отнесся Плетневъ къ просьбѣ Жуковского пристроить молодого человѣка, какъ бы скоро ни оцѣнилъ его самъ, несомнѣнно, что его рекомендація долженъ былъ предшествовать нѣкоторый промежутокъ, давшій ему основаніе оцѣнить тѣ достоинства Гоголя, которыя вскорѣ побудили его съ нетерпѣніемъ ждать случая „подвести Гоголя подъ благословеніе“ Пушкина. Первый пріемъ, сдѣланный Гоголю Жуковскимъ въ Шепелевскомъ дворцѣ, оставилъ въ осчастливленномъ юношѣ навсегда свѣтлыя воспоминанія, и если Жуковскій взглянулъ на него сначала покровительственно, какъ на одного изъ безчисленнаго множества обласканныхъ имъ протежѣ, то между ними уже мелькнула тѣнь взаимнаго искреннаго сближенія людей, родственныхъ по духу и по задачамъ жизни. По крайней мѣрѣ въ позднѣйшемъ письмѣ Гоголь такъ вспоминаетъ объ этой первой встрѣчѣ: „Ты подай мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно любовенъ твой взоръ!.. Что насъ свело неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали род-

¹⁾ Соч. Гог., изд. Кулиша, V, 105.

²⁾ Первые свои произведенія Гоголь печаталъ или въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“, или въ „Литературной Газетѣ“, при чемъ первый № послѣдняго изданія былъ преимущественно занятъ его статьями. Такъ какъ оба изданія принадлежали Дельвигу, то естественно возникаетъ мысль, не онъ ли рекомендовалъ Гоголя Жуковскому.

ство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства¹⁾. Итакъ, несомнѣнно, что Гоголь отрекомендованъ былъ Жуковскому и встрѣченъ послѣднимъ въ качествѣ младшаго собрата, питомца и служителя музъ. Гоголь ставитъ дальше вопросъ, почему такъ случилось, и отвѣчаетъ на него: „Отъ того, что чувствовали оба святую искусства“. Письмо къ Жуковскому, будучи отчасти первообразомъ „Авторской Исповѣди“ и написанное Гоголемъ передъ отправленіемъ въ Іерусалимъ, по нашему мнѣнію, должно быть признано заслуживающимъ довѣрія. Кромѣ того, всѣ приведенныя строки, а особливо послѣднія слова, убѣдительно подтверждаются общимъ характеромъ нѣсколькихъ небольшихъ статей, посвященныхъ искусству и вошедшихъ впослѣдствіи въ „Арабески“. Онѣ свидѣлствуютъ несомнѣнно, что мысли юнаго писателя были дѣйствительно заняты искусствомъ и въ довольно широкихъ размѣрахъ. Конечно, Гоголь не могъ не высказаться въ этомъ отношеніи передъ Жуковскимъ, и послѣдній, какъ видно, отнесся съ большимъ сочувствіемъ если не ко всѣмъ защищаемымъ имъ частнымъ положеніямъ, то къ ихъ общему характеру.

Такимъ образомъ, честь перваго теплаго привѣта, рѣшившаго будущность Гоголя, принадлежитъ Жуковскому и Плетневу, отрекомендовавшему, какъ мы сказали, Гоголя на должность преподавателя исторіи въ младшихъ классахъ Патріотическаго института, въ которомъ самъ онъ занималъ мѣсто инспектора классовъ. И прежде его ободряли преимущественно литературные успѣхи, но теперь онъ выходитъ на твердую дорогу²⁾. Благодаря этой удачи, въ самое короткое время произошелъ рѣшительный переворотъ въ его жизни: шагъ отъ невиднаго положенія мелкаго, затерянаго въ департаментѣ петербургскаго чиновника, обреченнаго на гнѣніе за кипами самыхъ прозаическихъ бумагъ, къ почти равноправнымъ сношеніямъ съ корифеями отечественной литературы долженъ быть по справедливости признанъ гигантскимъ. И велика заслуга людей, умѣвшихъ понять и оцѣнить въ Гоголѣ выдающуюся натуру, безъ колебаній, по истинѣ братски возвысившихъ его до себя и принявшихъ, какъ равнаго, въ свой кругъ. Этотъ прекрасный поступокъ, безъ сомнѣнія, впишется въ реестръ благородныхъ ихъ дѣлъ и составитъ блестящее его украшеніе...

Дальнѣйшій ходъ успѣховъ Гоголя въ петербургскомъ свѣтскомъ и литературномъ кругѣ былъ приблизительно слѣдующій.

Вскорѣ послѣ того счастливая звѣзда Гоголя приводитъ его въ кабинетъ Пушкина и въ салонъ блестящей, замѣчательно умной,

¹⁾ Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, стр. 279.

²⁾ Соч. Гог., изд. Кулиша, т. V, стр. 103, 105 и проч.

красивой и обаятельной фрейлины Россетъ, и онъ окончательно попадаетъ въ сферу умственной аристократіи, влияние которой, каково бы оно ни было, во всякомъ случаѣ было для него безмѣрно болѣе воспитательнымъ, нежели стѣны департамента и замкнутый кружокъ товарищей-нѣжинцевъ (хотя между послѣдними не мало было людей умныхъ и разносторонне развитыхъ, чего опять не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнѣ условій, въ которыхъ находился Гоголь въ первые годы своей жизни въ Петербургѣ).

Вотъ какъ все это произошло.

Въ одно время съ поступленіемъ въ Патріотическій институтъ Гоголь, какъ извѣстно, по рекомендаціи Плетнева, получилъ частныя занятія у Лонгиновыхъ, Балабиныхъ и Васильчиковыхъ. Очевидно, Плетневъ принялъ молодого человѣка подъ особое покровительство. Онъ же сначала въ письмѣ хвалилъ Пушкину статьи: „Учитель“, „Женщина“ и „Мысли о преподаваніи географіи“¹⁾, потомъ при личномъ свиданіи „Вечера на хуторѣ“, и онъ же присовѣтовалъ извѣстный псевдонимъ Рудаго Панька.

Съ Пушкинымъ Гоголь могъ познакомиться только по возвращеніи послѣдняго изъ Москвы, въ которой поэтъ прожилъ всю первую половину 1831 года, и до переѣзда Пушкина на заранѣ нанятую по его просьбѣ Плетневымъ квартиру въ Царскомъ Селѣ. Во второй половинѣ мая Пушкинъ пріѣзжалъ на недѣлю или на двѣ въ Петербургъ, и тутъ-то, безъ всякаго сомнѣнія, началось знакомство его съ Гоголемъ. Я. К. Гротъ, основываясь на письменной рекомендаціи Гоголя Пушкину въ письмѣ Плетнева отъ 22-го февраля 1831 года и на другихъ соображеніяхъ, относитъ знакомство къ іюню 1831 г.²⁾; но оно произошло еще *въ маѣ*. Только принявъ это предположеніе, можно съ полной увѣренностью согласить всѣ извѣстныя до сихъ поръ и разрозненныя данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи. Хотя въ іюнѣ 1831 г. Пушкинъ, Гоголь, Жуковский и А. О. Россетъ, всѣ собрались въ Царскомъ Селѣ и въ Павловскѣ, но вѣдь первая встрѣча Гоголя съ Россетъ произошла еще въ Петербургѣ, въ домѣ Балабиныхъ³⁾. Наше соображеніе какъ нельзя болѣе оправдывается нетерпѣніемъ, съ какимъ Плетневъ, по его собственнымъ словамъ, спѣшилъ его „подвести подъ благословеніе“ Пушкина. Онъ, конечно, не замедлилъ для этого воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, который и представился именно по пріѣздѣ Пуш-

¹⁾ Соч. Плетнева, т. III, стр. 366.

²⁾ „Хронологическая канва для біографіи Пушкина“, г. Грота, 2-е изд., стр. 80.

³⁾ „Русская Старина“, 1888, IV, стр. 47.

вина въ Петербургъ. Притомъ Плетневъ, оставшійся лѣтомъ въ Петербургъ или, если жившій въ окрестностяхъ его, то развѣ въ другомъ мѣстѣ, напр., Лѣсномъ,—гдѣ онъ не разъ проводилъ каникулы ¹⁾,—является въ перепискѣ довѣреннымъ посредникомъ обоихъ писателей и самъ пользовался посредничествомъ Гоголя, какъ общаго хорошаго знакомаго; встрѣчаться же втроемъ они могли только въ Петербургѣ до переѣзда на дачи, потому что сношенія между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ по случаю холеры были тогда въ высшей степени затруднены.

Лѣто 1831 г. Гоголь провелъ въ Павловскѣ въ качествѣ гувернера при малолѣтнемъ князѣ Василии Алексѣевичѣ Васильчиковѣ. Здѣсь ему представился случай еще короче сойтись съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, такъ что даже всѣ письма и послышки отправлялись на имя послѣдняго. Отрѣзанные отъ сообщенія съ остальнымъ міромъ, они почти ежедневно видѣлись другъ съ другомъ. Гоголь восхищался въ чтеніи самихъ поэтовъ ихъ новыми произведеніями и былъ посвященъ въ ихъ литературные замыслы и интересы. Но самъ онъ, можетъ быть, не читалъ вполнѣ „Вечера“ Пушкину въ Царскомъ; по крайней мѣрѣ, по полученіи корректурнаго экземпляра, Пушкинъ писалъ Воейкову, что онъ былъ пріятно изумленъ ими, какъ любопытной литературной новинкой. Всего же скорѣе, однако, слѣдуетъ здѣсь видѣть неточность, допущенную изъ нежеланія вдаваться въ откровенность. Гоголь же не только познакомился со сказками обоихъ поэтовъ и повѣстью „Домикъ въ Коломнѣ“ ²⁾, но ему было поручено Пушкинымъ передать Плетневу послышку, въ которой заключались повѣсти Бѣлкина. Въ началѣ августа 1831 года, еще до окончательнаго возвращенія въ Петербургъ, которое назначалось на 15 число, Гоголь пріѣхалъ туда на нѣсколько дней для сношеній съ типографіей, печатавшей „Вечера“. Неожиданно встрѣтилъ онъ 8-го августа днемъ на Вознесенскомъ проспектѣ Пушкина, который „воззвалъ голосомъ трубнымъ къ нему, лѣпившемуся по неизменному тротуару, подъ высокимъ обномъ“ ³⁾. Пушкинъ передалъ недавно разставшемуся съ нимъ Гоголю свѣжее извѣстіе о

¹⁾ По свидѣтельству Я. К. Грота, Плетневъ жилъ въ лѣтніе мѣсяцы, начиная съ 1826 г., на Спасской мнѣзѣ около Лѣснаго института. Такъ называлъ онъ домикъ, который занималъ на землѣ, принадлежавшей сперва Молчанову (Молчановѣ), потомъ Кухелеву (Кухелевѣ), наконецъ Беклешову (Беклешовѣ). Не далеко отъ него впоследствии (въ 40-хъ годахъ) построилъ себѣ дачу и князь П. А. Вяземскій. (м. Соч. Плетнева, т. III, стр. 374.)

²⁾ Гоголь называетъ эту повѣсть „Кухарка“. См. Соч. Гог., изд. Кулиша, томъ V, стр. 139.

³⁾ „Русскій Архивъ“, 1871, 4—5, стр. 947.

новыхъ сказкахъ, написанныхъ имъ и Жуковскимъ, и поручилъ взять у него рукопись для передачи Плетневу; но вечеромъ того же дня уѣхалъ въ Царское, а случайность помѣшала Гоголю, въ свою очередь возвращавшемуся въ Павловскъ, остановиться возлѣ его квартиры и захватить рукопись. Черезъ нѣсколько дней послѣва все-таки была доставлена для передачи черезъ Гоголя Плетневу пріѣхавшею слѣдомъ за Гоголемъ изъ Павловска въ Петербургъ Александрой Ивановной Васильчиковой. 15-го августа Гоголь возвратился вторично въ столицу, а черезъ нѣсколько дней уже успѣлъ передать „въ исправности посылку и письмо“, хотя „холера всѣхъ поразгоняла во всѣ стороны, и знакомымъ нуженъ былъ почти цѣлый мѣсяцъ антракта, чтобы встрѣтиться между собой“¹⁾.

Литературное сближеніе Пушкина съ Гоголемъ отразилось и на мелочахъ: Пушкинъ былъ занятъ полемикой съ Булгаринымъ, и Гоголь наполняетъ одно изъ первыхъ писемъ къ Пушкину язвительными насмѣшками по адресу Булгарина, а защищаемого Пушкинымъ А. А. Орлова называетъ ихъ „общимъ другомъ“. Въ свою очередь, Пушкинъ не безъ сочувствія принимаетъ шутливую мысль Гоголя о предполагаемой полемической статьѣ противъ Булгарина и, кажется, готовъ придать ей большее значеніе, нежели какое имѣло у Гоголя мимоходомъ пущенное острое словцо. Онъ сообщаетъ Гоголю, какъ лицу, вполне посвященному въ дѣло, о

¹⁾ Г. Гротъ въ „Хронологической канвѣ для біографіи Пушкина“ (2-е изд., стр. 32) относитъ отправленіе рукописи повѣстей Бѣлкина Плетневу къ июлю 1831 г. Намъ кажется, что и здѣсь незначительная неточность. Для того, чтобы наши соображенія не показались произвольными, считаемъ необходимымъ слѣдующее поясненіе. Факти таковы: 8-го августа Пушкинъ и Гоголь, оба пріѣхавшіе не надолго въ Петербургъ, встрѣтились, оба возвратились потомъ обратно, причѣмъ Гоголь пробылъ въ Павловскѣ до 15 числа. 16-го онъ писалъ: „Я только-что пріѣхалъ въ городъ и нивого еще не видалъ“. Когда обстоятельства помѣшали Гоголю захватить за посылкой, Пушкинъ долженъ былъ ее взять съ собой въ Царское, иначе Гоголь, не захватившій къ нему на обратномъ пути, не могъ бы вмѣсто себя просить взять рукопись Васильчикову. Ср. „Русскій Архивъ“, 1880, 2, 509—510, и 1871, 4—5, стр. 947, также Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, т. VII, стр. 278.

Какъ Я. К. Гротъ, такъ и Л. И. Поливановъ (школьное изданіе Пушкина, т. IV, стр. 59) были, очевидно, введены въ заблужденіе слѣдующими словами одного изъ писемъ Пушкина Плетневу: „На дняхъ отправилъ я тебѣ черезъ Эслинга (Геслинга) повѣсти покойнаго Бѣлкина, моего пріятеля“ (изд. Лит. Фонда, т. VII, стр. 276). Но дѣло въ томъ, что онѣ не были на самомъ дѣлѣ доставлены Геслингомъ, вѣроятно вслѣдствіе карантинныхъ затрудненій, и 19-го июля Плетневъ отвѣчалъ: „Эслинга (Богъ знаетъ, что это за существо! Ты воображаешь, что я знакомъ со всѣмъ свѣтомъ) я не принимаю еще у себя и о повѣстяхъ никакого извѣстія не имѣю“, послѣ чего уже въ августѣ Пушкинъ снова пишетъ: „Посылаю тебѣ съ Гоголемъ сказки моего друга И. П. Бѣлкина“ (Изд. Лит. Фонда, т. VII, стр. 278).

томъ, что Надеждинъ изъ страха колеблется напечатать въ „Телескопѣ“ извѣстную статью: „Александръ Анеимовичъ Орловъ, или торжество дружбы“. Пушкинъ отъ души радуется первымъ лаврамъ Гоголя и отечески заботится о распространеніи его славы, о лучшемъ приѣмѣ его въ журналистикѣ. Руководя Гоголемъ, онъ не только даетъ ему сюжеты, но даже иногда принимаетъ на себя предварительную цензуру его произведеній относительно ихъ художественнаго достоинства, хотя при всей этой близости, въ постоянномъ житейскомъ круговоротѣ и среди обширныхъ литературныхъ трудовъ и разъѣздовъ, едва-ли часто находилъ часы для бесѣды съ Гоголемъ ¹⁾. Во всякомъ случаѣ Пушкинъ дѣлаетъ его своимъ фаворитомъ и восторгается имъ, какъ прежде Баратынскимъ и Языковымъ. Въ свою очередь, Гоголемъ, въ знаніи исключительнаго почета и расположенія, предназначаются Пушкину, Жуковскому и А. О. Россетъ первые вышедшіе изъ типографіи экземпляры „Вечеровъ“ и при отправленіи ихъ выражается такой благоговѣйный энтузіазмъ, который не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ высокой авторитетности передъ Гоголемъ обоихъ поэтовъ, несмотря на ихъ обращеніе съ нимъ за панибрата ²⁾.

ХІІІ.

Литературныя отношенія Гоголя быстро расширились. Послѣ признанія его таланта Пушкинымъ, а за нимъ представителями періодической печати, ему уже не нужно было робко прикрываться псевдонимомъ, не нужно и самому покровителю его ходатайствовать за начинающаго автора передъ какимъ-нибудь Воейковымъ ³⁾. Скоро Гоголь признается всѣми довольно видной вели-

¹⁾ См. прямое указаніе на это въ письмѣ Гоголя къ И. И. Дмитріеву („Русскій Архивъ“, 1866, 11—12, 1729 стр.). Но въ 1832 г. они, конечно, встрѣчались уже весьма часто.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1871, 4—5, стр. 946—947.

³⁾ Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, 287. Н. С. Тихонравовъ сомнѣвается въ показаніи Колбасина, что Жуковский и Пушкинъ упрашивали его взять подъ свое покровительство Гоголя, но что Гоголь будто бы отправился вмѣсто того къ Булгарину. „Къ сожалѣнію,—говоритъ онъ,—г. Колбасинъ не указываетъ, откуда заимствовано имъ это извѣстіе“ (Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, стр. 510). Но это не только сомнительно, а просто невѣроятно. Замѣтимъ только, что въ извѣстномъ пасквилѣ противъ Гоголя послѣднему поставлено въ упрекъ исканіе протекціи Булгарина, но въ *указанной тамъ цитатѣ Б. означало Бракке, а не Буларина*, въ чемъ можно убѣдиться изъ самаго текста письма Гоголя къ Максимовичу. См. „Письма Гоголя къ Максимовичу по подлинникамъ, исправленныя и дополненныя С. И. Пономаревымъ“ (изъ XVIII тома Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности), стр. 9.

чиной въ литературномъ мірѣ; съ нимъ знакомы извѣстные писатели, сотрудничества его ищутъ журналисты, передъ нимъ предупредительно раскрываются двери аристократическихъ салоновъ и гостинныя фрейлинь. Незамѣтно онъ становится на короткую ногу съ Вяземскимъ, Солягоубомъ, Соболевскимъ, Одоевскимъ, Брюловымъ ¹⁾, вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ Смирдинымъ.

Несмотря на огромные успѣхи, сдѣланные въ короткое время Гоголемъ, его общественное положеніе долго остается неустановившимся, переходнымъ. Съ одной стороны, мы встрѣчаемъ его въ присутствіи придворныхъ, знатныхъ вельможъ, и даже одного изъ великихъ князей ²⁾; съ другой, въ качествѣ гувернера, онъ долженъ забавлять барича или занимать мѣсто на нижнемъ концѣ во время обѣда, помѣщаясь рядомъ съ мальчишками-аристократами и забавляя ихъ своими остроумными шутками. Отъ придворнаго этикета до совершенно непринужденной бесѣды въ кружкѣ товарищей-нѣжинцевъ было, безъ сомнѣнія, много промежуточныхъ ступеней, также какъ и впечатлѣнія жизни у Гоголя были до крайности разнообразны, и даже, въ противоположность окружающей средѣ, всего живѣе и ярче воспринимались въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ соприкасался съ міромъ скромныхъ слоевъ петербургскаго общества. Отсутствіе прочнаго положенія и вполнѣ опредѣлившейся профессіи жившаго „на чердакѣ“ Гоголя не мало способствовали сохраненію имъ высоко оригинальной личности, на которую не наложилъ отпечатка никакой постоянной родъ дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ былъ Гоголь въ началѣ тридцатыхъ годовъ? Недавній чиновникъ департамента, онъ является передъ нами по утрамъ оффиціальнымъ педагогомъ въ классахъ Патріотическаго института, въ часы обѣда—веселымъ, непринужденно держащимъ себя съ своими маленькими сосѣдями гувернеромъ, вечеромъ — иногда въ роли домашняго учителя, то откровенно скучающаго за занятіями, то весело покатывающагося со смѣха съ своими учениками на урокѣ исторіи или географіи, иногда задушевнымъ собесѣдникомъ Пушкина или своихъ дорогихъ нѣжинцевъ, или матери своихъ учениковъ, Лонгиновой, или же, наконецъ, почетнымъ гостемъ, приглашеннымъ какимъ-нибудь аристократомъ, въ родѣ Дашкова или Блудова, въ качествѣ чтеца своихъ произведеній.

Но въ каждомъ изъ этихъ амплуа Гоголь всего менѣе походилъ на типическихъ представителей избранныхъ профессій и всегда оставался самимъ собой, наблюдательнымъ, тонкимъ, про-

¹⁾ „Истор. Вѣстн.“, 1881, I, 186—188.

²⁾ См. „Русск. Стар.“, 1888, IV, 48.

нищательнымъ малороссомъ съ ногъ до головы. Почти вездѣ онъ занималъ пока положеніе младшаго члена, быстро получающаго большія права, но все еще замѣтно стоящаго ниже окружающихъ. Онъ явно находился въ условіяхъ очень молодого человѣка, которому только предстоитъ занять подобающее мѣсто. Надежды на будущее были у него очень обширны и разнообразны. Какъ писатель, онъ слишкомъ скоро начинаетъ относиться съ пренебреженіемъ къ „Вечерамъ“ и другимъ юношескимъ опытамъ и задумываетъ комедію съ серьезнымъ общественнымъ содержаніемъ, погружается въ сферу альманаховъ и литературно-журнальныхъ интересовъ; какъ учитель-историкъ, предпринимаетъ рядъ статей историческаго содержанія, замышляетъ новые обширные труды и, несмотря на крайне дилеттантское отношеніе къ дѣлу, ставитъ себя неизмѣримо выше толпы „вялыхъ профессоровъ“¹⁾; какъ эстетикъ, горячо интересуется искусствомъ въ разныхъ его отрасляхъ, но особенно съ любовью занимается собираніемъ и записываніемъ малороссійскихъ народныхъ пѣсней.

Такую разбросанную дѣятельность создали Гоголю прежде всего обстоятельства, потребовавшія приспособленія къ условіямъ не одной среды, принявшей его въ число своихъ членовъ. Быстро создававшаяся репутація, оправдываемая умѣніемъ такъ или иначе найтись въ каждомъ данномъ положеніи, неудержимо увлекала его въ новыя отношенія. Но Гоголь не подчинялся никакой опредѣленной специальной сферѣ не только въ силу обстоятельствъ, но и по самой природѣ. Для этого онъ не имѣлъ данныхъ ни въ наслѣдственности, ни въ предшествующей жизни. Складъ его личности достаточно опредѣлился во времени вступленія въ литературные кружки, и онъ уже едва-ли могъ бы сдѣлаться человекомъ кабинетнымъ или работъ какаго-нибудь одного практическаго дѣла. Въ свободные часы его манитъ въ театръ, его привлекаютъ картины или другія произведенія искусствъ, или, забывая о суровыхъ требованіяхъ жизни и службы, онъ весь отдается вдохновенной литературной работѣ, особенно послѣ пріятнаго освѣженія въ обществѣ близкихъ пріятелей²⁾. Ни аккуратность, ни даже простая заботливость при выполнении обыденныхъ обязанностей, необходимыя въ каждой служебной дѣятельности, не могли отличать Гоголя уже въ силу особенностей его недисциплинированной въ обыкновенномъ смыслѣ натуры. Самая яркость и живость воспринимаемыхъ ежедневно впечатлѣній и образовъ въ значительной мѣрѣ исключали возможность сформирова-

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1880, 2, 513.

²⁾ Соч. Гог., изд. Кулаша, V, 381.

рованія въ немъ чиновника или педагога. Какъ человекъ съ богатыми природными задатками, Гоголь гораздо больше зависѣлъ отъ ихъ свойства и силы, нежели большинство обыкновенныхъ людей. Если въ гибкомъ раннемъ возрастѣ онъ имѣлъ, благодаря гениальности, больше данныхъ для внѣшняго приспособленія въ окружающей средѣ, то всего менѣе могъ бы по волѣ обстоятельствъ измѣнить внутреннему голосу, направлявшему его въ ту, а не въ иную сторону. Все, что для большинства проходитъ почти незамѣченнымъ, ярко отпечатлѣвалось въ его душѣ и настоятельно просилось на бумагу. Какъ предшествующая жизнь въ Малороссіи оставила въ его воображеніи картины малороссійской природы, быта, нравовъ, такъ глубоко запечатлѣваются въ душѣ Гоголя-петербуржца и сырыя петербургскія сумерки, и Невскій проспектъ въ разныя времена сутокъ, и угрюмый видъ опустѣлой улицы, когда „движущаяся сѣть дождя задернула почти совершенно все, что прежде видѣлъ глазъ“. Впечатлѣнія искусства были надъ нимъ такъ же властны, какъ и масса будничныхъ, порой даже просто уличныхъ впечатлѣній. Именно въ отсутствіи специализаціи была чрезвычайно выгодная сторона, способствовавшая развитію творчества Гоголя, въ томъ, что онъ не замкнулся въ ограниченномъ кругѣ однообразныхъ представлений и не былъ оторванъ отъ всей „громодно-несущейся жизни“. Поэтому даже въ небольшихъ и отрывочныхъ наброскахъ его пера, какъ въ оптическомъ стеклѣ, нашла отраженіе самая разнообразная проявленія повседневной дѣйствительности, а въ цѣломъ рядѣ повѣстей и драматическихъ сценъ ему удалось воспроизвести такія черты жизни, которыя требуютъ болѣе обстоятельнаго знакомства съ нею, нежели какое достается людямъ, не озабоченнымъ ея внимательнымъ изученіемъ. Притомъ несомнѣнно, что Гоголь, хотя и безъ определенной цѣли вначалѣ, давно сталъ внимательно присматриваться во всему, что впоследствии дало ему возможность создать самыя капитальныя свои произведенія. Данные Пушкинымъ сюжеты только потому могли послужить канвой для первоклассныхъ художественныхъ созданій, что на нихъ авторъ получилъ возможность и случай приложить къ дѣлу неистощимый запасъ образовъ и наблюденій, ожидавшихъ только формы для своего воплощенія. И если „Мертвыя Души“ имѣютъ право на названіе энциклопедіи русской жизни, то и наблюденія Гоголя должны были также имѣть характеръ энциклопедическій, а не случайный и ограниченный.

XIV.

Необходимо придать особенное значеніе словамъ Гоголя въ „Авторской Исповѣди“: „Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ“¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ онъ невольно схватывалъ мельчайшія подробности предметовъ, и эти образы, постоянно воспринимаемые, населяли его воображеніе и деспотически завладѣвали имъ. Нѣкоторые, наиболѣе глубоко врѣзавшіеся въ душу, иногда настойчиво повторялись; поэтому, можетъ быть, Гоголь не разъ воспроизводилъ въ своихъ сочиненіяхъ сходные образы, хотя его колоссальный талантъ позволяетъ уловить это лишь при внимательномъ перечитываніи. Развѣ не то же, на примѣръ, глубоко врѣзавшееся впечатлѣніе высказывается у Гоголя при изображеніи католическаго богослуженія и звуковъ органа въ „Тарасъ Бульбѣ“ и въ статьѣ: „Скульптура, живопись и музыка“? Часто также вносилъ Гоголь въ свои сочиненія чьи-нибудь характерные и понравившіеся ему восклицанія, фразы, анекдоты²⁾, часто оставляя названія дѣйствительно близко знакомыхъ ему мѣстностей (Сорочинцы, Песель, лубенскій и пирятинскій повѣтъ, хуторъ близъ Диваньки).

Лирический пафосъ Гоголя и его страсть къ образному, метафорическому способу выраженія вытекаетъ изъ той же глубины и силы впечатлѣній, и тѣмъ же объясняется его способность придать такую жизненность и силу всему, что затрогивало его душу.

Любя исторію, живо ею интересуясь, Гоголь не могъ бы, однако, серьезно посвятить себя этой наукѣ. Исторія, конечно, даетъ большой просторъ для проницательнаго чтенія въ ней та-

¹⁾ Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, стр. 256.

²⁾ Вотъ нѣсколько примѣровъ: рассказы о пропавшей кошкѣ въ „Старосвѣтскихъ поштивкахъ“ и о кускѣ-городничемъ заимствованы у Щепкина; о степныхъ пожарахъ и лебедяхъ, летящихъ въ заревѣ по темному ночному небу, какъ красные платки, — у его школьнаго товарища Шаржинскаго; о танцующихъ стульяхъ въ Конопенной улицѣ (въ повѣсти „Носъ“) — изъ городскихъ слуховъ; даже армейскія фразы въ „Игрокахъ“: „руте, рѣшительно руте, просто карта-фоска!“ заимствованы (Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, 561, примѣч.; изданіе Кулиша. V т., стр. 220; „Современникъ“, 1854, III, 88, и „Русское Слово“, 1859, I, 125). Кстати позволимъ себѣ здѣсь объяснить значеніе этой замысловатой и въ настоящее время мало кому понятной фразы: *руте* (отъ французскаго *route* — дорога), по объясненію опытныхъ игроковъ, помнящихъ старинныя игры, значитъ настойчиво держать банкъ на одну и ту же карту; карта-фоска — обманчивая, на которую нельзя рассчитывать (*carte fautive*).

тому художнику по природѣ, какимъ былъ Гоголь, и работать на этомъ поприщѣ было бы для него дѣломъ весьма благодарнымъ. Сомнительно, напримѣръ, чтобы Гоголь, при крайней несосредоточенности въ занятіяхъ и особенно при отсутствіи усидчивости, могъ прочесть много историческихъ сочиненій. Можетъ быть, даже нѣкоторыя статьи его объ иностранныхъ историкахъ и другія написаны вскорѣ послѣ перваго знакомства съ ними; но они дали ему множество оригинальныхъ мыслей, труды ихъ нашли отголосокъ въ его душѣ, затронули въ ней чувствительныя струны. Въ обглыхъ историческихъ замѣткахъ Гоголь блещетъ роскошью красокъ, разсыпанныхъ съ увѣренностью неистощимаго богатства, заставляющихъ предполагать за выставленнымъ на видъ обширный скрытый запасъ, котораго на самомъ дѣлѣ не было. Весьма вѣроятно, что Гоголь и другихъ ослѣплялъ казовой стороной своего изложенія изустнаго и письменнаго, да и самъ крайне преувеличивалъ свои силы. Ученикъ его, Лонгиновъ, оставилъ любопытное воспоминаніе о томъ, какъ Гоголь увлекалъ его и брата своими разказами изъ исторіи, которые они, маленькія дѣти, слушали съ удовольствіемъ, не тяготясь даже непривычными вечерними занятіями. Не потому ли онъ надѣялся и въ университетѣ читать лучше „вѣлыхъ профессоровъ“? Въ своихъ педагогическихъ статьяхъ онъ мало даетъ значенія познаніямъ и на первый планъ ставитъ умѣнье возбудить любопытство живымъ изложеніемъ, которымъ дѣйствительно обладалъ. Не потому ли такой опытный и тонкій судья, какъ С. С. Уваровъ, могъ обмануться въ степени основательности притязаній Гоголя на каедру? Не потому ли и Пушкинъ съ Жуковскимъ, не трудясь особенно вникать въ размѣры познаній Гоголя, такъ легко признали его достойнымъ своего покровительства? ¹⁾

Ни въ школѣ, ни въ своей служебной дѣятельности Гоголь не подлежалъ усиленнымъ требованіямъ, предъявляющимъ деспотическія права на значительную долю времени и силъ; но вѣдь отъ человѣка, находящагося въ возрастѣ сознанія, уже нравственный долгъ требуетъ не только посвященія лучшихъ силъ обществу, но и совѣстливаго исполненія важнаго взятаго на себя дѣла. Между тѣмъ Гоголь, по недостатку выдержки въ трудѣ, не въ силахъ былъ заковать себя въ суровыя колодки долга и даже не считалъ этого для себя обязательнымъ. Такое легкое воззрѣніе въ значительной мѣрѣ объясняется вліяніемъ усвоеннаго отъ Пушкина взгляда—особое преимущество избранниковъ

¹⁾ О Гоголѣ, какъ профессорѣ, см. нашу статью: „Взгляды Пушкина и Гоголя на воспитаніе“ („Гимназія“, 1888, V—VII).

передъ толпой, призванныхъ сказать вдохновенное слово тамъ, гдѣ послѣдняя нуждается въ особомъ руководствѣ со стороны генія. Когда Гоголь сдѣлался профессоромъ, то, по свидѣтельству своего товарища Никитенка, онъ поражалъ „фантастическимъ самолюбіемъ“, и при всемъ глубокоемъ благоговѣніи къ его памяти нельзя не согласиться, что онъ дѣйствительно полагалъ, что „геній его даетъ ему право на высшія притязанія“¹⁾. Типъ скромнаго труженика былъ симпатиченъ Гоголю и интересовалъ его въ своихъ разновидностяхъ; онъ съ любовью изображалъ Чертова, Пискарева и Акакія Акакіевича; изъ повѣсти „Портретъ“ видно, что онъ былъ склоненъ признавать огромное значеніе трудолюбія и выдержки; но и теорія противоположности между избранными и толпой имѣла на него также влияніе.

Пушкинъ, въ свою очередь, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ крайне преувеличивалъ способности Гоголя; онъ, по собственному признанію, убѣждалъ его писать исторію русской критики; съ другой стороны ни онъ, ни Жуковский все-таки не могли вполне оцѣнить дѣйствительныхъ размѣровъ его таланта. Оба относились къ Гоголю какъ къ писателю, только подающему надежды. Тонъ писемъ Гоголя къ обоимъ поэтамъ свидѣтельствуетъ о томъ, что, при всей искренности и теплотѣ отношеній, разстояніе между ними и Гоголемъ не исчезло вполне до смерти Пушкина и до отъѣзда Жуковскаго за границу. А какъ гордился ихъ дружбой Гоголь, какъ онъ благоговѣлъ передъ ними! Покойный А. С. Данилевскій передавалъ намъ, что о Пушкинѣ Гоголь во всю жизнь не могъ вспоминать безъ восторга, а иногда онъ даже нѣсколько наивно щеголялъ своими отношеніями къ нему. Однажды онъ писалъ Данилевскому: „Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковский, Пушкинъ и я“. Точно также долго, очень долго оставался онъ въ почтительной позиціи передъ Плетневымъ. Вообще петербургскіе друзья Гоголя, разумѣется, кромѣ Пушкина, какъ это ни странно, не могли такъ скоро оцѣнить необычайные размѣры его таланта²⁾, какъ это удалось гораздо менѣе блестящимъ и даровитымъ москвичамъ, вдавшимся впрочемъ въ противоположную крайность.

В. Шенрокъ.

¹⁾ „Русская Старина“, 1889, IX, 527.

²⁾ О взглядѣ Жуковскаго на значеніе литературной дѣятельности Гоголя см. „Исторію моего знакомства съ Гоголемъ“ С. Т. Аксакова („Русь“, 1880, № 5, 15).

НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБѢ

ПОВѢСТЬ.

IX *).

— Мура! Я хотѣлъ бы сосчитать, сколько намъ стоитъ жизнь! Это любопытно! — сказалъ однажды Кирилъ. Мура догадалась, что это „мамочкино дѣло“; но видя, что онъ дѣйствуетъ не прямымъ путемъ, а дипломатическимъ, рѣшила и съ своей стороны пустить въ ходъ хитрость.

— Изволь! — сказала она, взяла карандашъ и бумагу и принялась громко высчитывать. Пользуясь полнымъ невѣденіемъ Кирилла, она ставила на все цѣны на половину меньше. Въ концѣ концовъ вышло, что они проживаютъ около двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ, т.-е. почти столько же, сколько зарабатываютъ. Получился даже какой-то остатокъ въ нѣсколько десятковъ копѣекъ.

„Эге! значить, Анна Николаевна сказала это такъ себѣ, для острастки!“ подумалъ Кирилъ и рассказалъ Мурѣ о своемъ разговорѣ съ протоіерейшей.

— Ты же видишь эти цифры! — чрезвычайно правдивымъ тономъ отвѣтила Марья Гавриловна.

Результатомъ этого разговора было то, что Оекла продолжала возмущаться хозяйственными порядками въ домѣ настоятеля и все осталось по прежнему.

Прошло уже четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Кирилъ поселился въ Луговомъ. Отношенія его къ прихожанамъ и къ причту

*) См. выше: июль, стр. 99.

настолько уже опредѣлились, что о. Родіонъ, все время разсчитывавшій, что „молодой человекъ въ разумъ придетъ“, однажды сказалъ отцу Симеону и Дементію:

— Нѣтъ, это не молодость, а загвоздка, други мои! Вот оно что!

— Именно, отецъ Родіонъ, загвоздка!—согласились причетники:—и при томъ каверзная!

— Это надобно перемѣнить!—объявилъ о. Родіонъ.

— Обязательно!—подтвердилъ причтъ.

И въ самомъ дѣлѣ, надо было подумать объ этомъ. Луговскіе прихожане не только пользовались новыми порядками, а прямо злоупотребляли ими. Люди далеко не бѣдные давали за большія требы пустяки. Иной за погребеніе совалъ гривенникъ. Сначала для причта это уравновѣшивалось тѣмъ, что въ седмицу отца Родіона они драли вдвое больше. Но въ послѣднее время прихожане стали хитрить. Они всѣми силами старались оттянуть требы такъ, чтобы онѣ приходились на седмицу настоятеля, оставляя о. Родіону только самыя неотложныя. Въ эту осень изъ двухъ десятковъ вѣнчаній какихъ-нибудь пять-шесть пришлось на долю о. Родіона; остальные пошли къ Кирилу. Обычай платить „сколько можешь“ очень понравился луговскимъ прихожанамъ.

Когда о. Родіонъ убѣдился, что „тутъ не молодость, а загвоздка“, онъ одѣлъ парадную рясу и камилавку и въ такомъ официальномъ видѣ отправился къ настоятелю. Уходя, онъ сказалъ матушкѣ, что намѣренъ „хорошенько поговорить съ нимъ“.

Первая увидѣла его Фекла. И парадный видъ его, и самый этотъ визитъ показались ей настолько необыкновенными, что она побѣжала въ комнаты и оповѣстила Кирила:

— О. Родіонъ идетъ къ намъ! Въ камилавкѣ и въ новой рясѣ!

— А, милости просимъ!

О. Родіонъ, тяжело ступая и размахивая широкими рукавами рясы, взшелъ на крыльцо. Кирилъ вышелъ къ нему на встрѣчу и ввелъ его въ комнату. Поздоровавшись съ Мурой, которая тутъ сидѣла, о. Родіонъ грузно сѣлъ и сказалъ:

— А я давненько у васъ не былъ, о. Кирилъ!

— Давненько, давненько! Всего одинъ разъ и были, о. Родіонъ!

— Да и вы у меня не болѣе того, о. Кирилъ!.. Оно, знаете, когда очень близко живешь и часто выдаешься, не замѣчаешь!

Сначала казалось, что о. Родіонъ просто хотѣлъ нанести ви-

зять. Но, сдѣлавъ еще два-три общихъ замѣчанія, онъ какъ-то особенно громко откашлялся въ сторону и сказалъ:

— А я въ вамъ собственно по дѣлу, о. Кириль!

— А что такое, о. Родіонъ?

— Есть, есть такое дѣло... важное дѣло!

И сказавъ это, онъ взявъ свою бороду лѣвой рукой и поднявъ ее вверхъ, потомъ выпустилъ и опять то же самое продолжалъ. Мура встала и тихо вышла въ другую комнату. Она поняла, что стѣсняется.

— Отецъ Кириль, такъ невозможно, невозможно! — прямо заявилъ о. Родіонъ:— сами посудите, у меня шесть взрослыхъ дочерей и нието ихъ не сватаеть... Долженъ же я промыслить о нихъ, чтобы и прокормить, и одѣть... Наконецъ, и приданое кое-какое сколотить надобно... Вѣдь шестеро ихъ, шестеро...

— Отецъ Родіонъ?!..

— Опять же возьмите вы для примѣра Дементія. У него тоже куча, надобно всѣхъ пристроить къ ученью. Но я вамъ скажу, что даже и не объ этомъ рѣчь, а хотя бы о томъ, чтобы прокормить ихъ домашними способами. И того нѣту, отецъ Кириль...

— Отецъ Родіонъ?!..

— Нѣтъ, уже вы позвольте, отецъ Кириль, дайте мнѣ договорить. Знаете, я неразговорчивъ, мнѣ трудно это, но ежели я уже началъ, такъ сдѣлайте милость! Четыре мѣсяца я ждалъ, что вы сами поймете, анъ вижу, нѣтъ. Ну, чтожъ, думаю, отверзи уста! Вотъ и отверзь. И вы на меня не сердитесь, о. Кириль, но только, ей-же-ей, такъ невозможно! Невозможно, о. Кириль!

— О чемъ это вы говорите, о. Родіонъ? Вы словно на кого-то жалуетесь...

— Именно, жалуюсь! На кого? На васъ, на васъ, о. Кириль! Вы рѣшились сдѣлать насъ нищими... До вашего пріѣзда мы не только довольно зарабатывали на прокормленіе свое и прочее тому подобное, но еще и откладывать по малой дозѣ на черный день могли. Теперь же—страшно сказать! Даже на прокормленіе не хватаетъ. Въ какихъ-нибудь четыре мѣсяца вы... извините меня, о. Кириль... вы распустили прихожанъ въ копець, вы испортили приходъ!

— Испортилъ?

— Да, испортили. Луговое считалось лучшимъ изъ сельскихъ приходовъ въ цѣломъ уѣздѣ, а теперь... Теперь это нищенскій приходъ...

Отецъ Родіонъ, вышедшій изъ дому съ твердымъ намѣре-

ниемъ быть сдержаннымъ и говорить спокойно, не могъ удержать равновѣсія, когда рѣчь зашла о приходѣ. Пятнадцать лѣтъ приходъ былъ предметомъ зависти всего уѣзда, и вдругъ какой-нибудь молокососъ, только-что напаявшій расу, начинаетъ мудрить и доводитъ его до такого состоянія, что хоть бросай. И о. Родіонъ возвысилъ голосъ:

— Нѣтъ, о. Кирилъ, это надо оставить. Конечно, вы молоды, неопытны; но когда отъ этой неопытности страдаютъ другіе, можно и совѣта спросить.

— Вы укоряете меня за то, что я не назначаю цѣны за требы, позволяю платить, кто сколько можетъ? — спросилъ Кирилъ, такъ какъ о. Родіонъ, наконецъ, остановился.

— Вотъ именно, именно! — поспѣшилъ подтвердить о. Родіонъ: — въ этомъ все зло, въ этомъ корень всего зла.

— Но я иначе не могу, о. Родіонъ, не могу. Это противно моей натурѣ, всѣмъ моимъ понятіямъ... Не могу...

— Позвольте, о. Кирилъ, это несправедливо: вы одинъ, а насъ трое и у cadaго семейство. Мы себѣ жили во славу Божию, и никому отъ этого вреда не было. Вдругъ пріѣхали вы и говорите: нѣтъ, это вредно, что они живутъ на свѣтѣ; надобно ихъ сжить со свѣта. Мы — коренные, о. Кирилъ, а вы, извините меня, вы — случайный. Мы живемъ, какъ всѣ живутъ, а вы хотите не только сами жить по своему, но и чтобы мы по вашему жили... Справедливо ли это?

Кирилъ задумался. Онъ думалъ о томъ, до какой степени понятія его и о. Родіона различны. Вѣдь вотъ онъ даже не пытался объяснять старому священнику свое поведеніе. Пусть думаютъ, что это капризь, неопытность, все, что угодно, все это они могутъ понять! Но что это цѣлая система, вытекающая совершенно изъ другого взгляда на священство, на призваніе пастыря, этого даже и сказать нельзя было! Сказать это — значило, открыто объявить войну.

— Можетъ быть, это и несправедливо, о. Родіонъ, но я иначе не могу, — сказалъ онъ задумчиво и съ разстановкой.

— Какъ?! Хотя бы оно было и несправедливо, вы все-таки будете такъ поступать?

— Да, да, да!.. Я буду такъ поступать, о. Родіонъ, потому что иначе я не могу.

— Но вы не одни. Съ вами связано наше благосостояніе!

Кирилъ всталъ и, нѣсколько раздраженный, заходилъ по комнатѣ.

— Послушайте, почтеннѣйшій о. Родіонъ! Я это предвидѣлъ

и просилъ преосвященнаго назначить меня куда-нибудь въ глухую деревеньку, гдѣ я былъ бы одинъ; но онъ назначилъ меня сюда. Чтожъ, я не виновать, это не моя воля. А ужъ каковъ есть, таковъ и буду... Я вамъ говорю это откровенно, о. Родіонъ, и вы поймете, что это такъ: пріѣхалъ я сюда не для доходовъ. Доходы я могъ бы имѣть въ городѣ получше вашихъ луговскихъ, когда бы захотѣлъ. Подумайте-ка, о. Родіонъ: человекъ академію хорошо кончилъ, любое мѣсто въ городѣ могъ бы взять, а поѣхалъ въ деревню! Неужели же онъ не подумалъ хорошенько о томъ, что дѣлаетъ? И неужели послѣ этого вы будете надѣяться повліять на меня своими доводами?

— Значить, брось всякую надежду,—такъ что-ли?

— Нѣтъ, не такъ. Поѣзжайте къ преосвященному и просите, чтобы онъ перевелъ меня въ другой приходъ, маленький. Можете прибавить, что я буду радъ.

О. Родіонъ поднялся, взялъ шапку и палку и мрачно сказалъ:—до свиданія!

Выходя, онъ подумалъ: „Надо полагать, этотъ ученый академикъ—просто сумасшедшій!“ Дома онъ нашелъ, разумѣется, и дьячка Дементія, и діакона о. Симеона. Они сидѣли въ передней. Волненіе ихъ было такъ сильно, что они не могли даже затѣять разговора, а сидѣли молча и оба смотрѣли въ стѣну. Когда вошелъ о. Родіонъ, они оба встали и сейчасъ же догадались, что переговоры кончились неудачно. Еслибы это было не такъ, о. Родіонъ сейчасъ же заговорилъ бы, сказалъ бы: „а, вы здѣсь? вотъ это хорошо, встать!“ А теперь онъ прошелъ мимо, и хотя бы слово, какъ въ ротъ воды набралъ. Минуты черезъ двѣ онъ вышелъ безъ камилавки и сказалъ:

— Дементій, душа моя, сходи-ка, заложь гнѣдого въ бричку... А то моего работника нѣтъ дома. Поѣду къ помѣщицѣ!

„Ага!“ одновременно подумали дьякъ и діаконъ: „дѣло не выгорѣло!“ Дементій пошелъ заглядывать гнѣдого, а о. Симеонъ—помогать ему. Черезъ пять минутъ послѣ этого со двора о. Родіона выѣхала бричка, въ которой сидѣлъ о. Родіонъ въ своей парадной формѣ, съ просфорой въ рукѣ. На козлахъ возсѣдалъ Дементій; бричка направилась къ помѣщицѣй усадьбѣ.

А о. Симеонъ пошелъ домой. Но уже черезъ какой-нибудь часъ о. Симеонъ опять поспѣшилъ къ о. Родіону, потому что бричка вернулась обратно.

Это было во вторникъ, день не служебный. Часовъ въ шесть этого же дня къ квартирѣ настоятеля подѣхалъ верховой, по-видимому объѣздчикъ или приказчикъ изъ экономіи, и, поклонив-

шись Кирилу, который сидѣлъ на крыльцѣ, подаль ему небольшой запечатанный конвертикъ съ надписью: „Милостивому государю отцу Кирилу Обновленскому“. Кирилъ раскрылъ конвертъ и вынулъ оттуда визитную карточку, на которой подъ литографированной строчкой: „Надежда Алексѣевна Крупѣва“, было написано чернилами, мелкимъ и твердымъ почеркомъ: „убѣдительно просить отца Кирила пожаловать къ ней по весьма важному дѣлу. Если надо, будетъ немедленно присланъ экипажъ“.

— Да, у меня своихъ лошадей нѣтъ!— сказалъ Кирилъ машинально.

— Такъ прикажете, батюшка, сейчасъ прислать?— спросилъ верховой.

— Если у госпожи помѣщицы важное ко мнѣ дѣло, то разумѣется!

— Такъ мы сейчасъ!

Верховой повернулъ назадъ и указалъ. „Весьма важное дѣло?“ раздумывалъ Кирилъ: „что бы это могло быть? развѣ треба какая-нибудь? Тогда бы сказали. Надо же облаченіе взять и причетника“.

— Какъ думаешь, Мура, что бы это могло быть такое?

— По моему вотъ что: о. Родіонъ успѣлъ пожаловаться на тебя помѣщицѣ, вотъ она и зоветъ тебя для внушенія...

Кирилъ разсмѣялся:—Что такое? Для внушенія? Что же она за благочинный таковой? Знаешь что, Мура? Я думаю, лучше не ѣздить къ ней...

— А по моему надо ѣхать. Ты обѣщаль, приплюють экипажъ... Могутъ подумать, что ты струсилъ. Припомъ, вѣдь это только предположеніе... Можетъ быть, у нея, въ самомъ дѣлѣ, чтонибудь важное. А главное, Кирилъ... Я давно хотѣла свазать тебѣ...

— Ну? что такое?

— Ну, вотъ ты познакомишься съ нею и меня познакомишь, — все-таки будетъ человѣкъ, съ которымъ можно двумя словами перекинуться... А то вѣдь я совсѣмъ одна.

Экипажъ помѣщицы не заставилъ долго ждать себя. Кирилъ надѣлъ рясу и причесалъ волосы, которые успѣли уже сильно отроستي, и поѣхалъ. Помѣщицѣй домъ стоялъ верстахъ въ трехъ отъ церкви, особнякомъ отъ села. Это былъ цѣлый небольшой хуторъ, состоявшій изъ построекъ для рабочихъ, для скота, для склада зерна, для кузни и т. п. Самый же домъ, въ которомъ жила помѣщица, едва мелькалъ своей почернѣвшей отъ времени

крышей свозъ вѣтви садовыхъ деревьевъ. Садъ былъ огромный, но какой-то безалаберный и сильно запущенный.

Экипажъ вѣхалъ въ ворота, проѣхалъ садомъ и подкатилъ къ крыльцу помѣщичьяго дома. Какая-то чисто одѣтая баба, которую Кирилъ не разъ видѣлъ въ церкви, стояла на ступенькахъ крыльца, кланялась и говорила: „пожалуйте, батюшка, барыня васъ дожидаются!“ Когда Кирилъ сталъ подниматься на крыльцо, баба взяла у него благословеніе. Затѣмъ она повела его въ комнату. Пройдя черезъ нѣсколько обширныхъ комнатъ, почти пустыхъ, онъ вошелъ въ столовую и остановился на порогѣ. Небольшой круглый столъ, накрытый бѣлой скатертью и уставленный посудой, стоялъ по срединѣ. На немъ стоялъ кипящій самоваръ. За столомъ на высокомъ стулѣ сидѣлъ черноглазый мальчуганъ лѣтъ шести, а рядомъ—сама Надежда Алексѣвна Крупѣва, которую Кирилъ видѣлъ въ церкви въ первый день своего служенія. Она тотчасъ же поставила на столъ сливочки, быстро поднялась и пошла ему на встрѣчу.

— Я очень рада, что вы согласились пріѣхать!—сказала она звонкимъ радушнымъ голосомъ. Ея смуглое лицо было привлекательно, въ темныхъ глазахъ свѣтился умъ; почти высокаго роста, стройная, она держалась ровно и даже, какъ показалось Кирилу, немножко задорно. Въ общемъ она произвела на него благоприятное впечатлѣніе. На видъ ей было лѣтъ тридцать.

— Мнѣ сказали, что у васъ важное дѣло!

— Да, если хотите! Прошу васъ, садитесь пожалуйста... Я налью вамъ чаю... Это мой сынишка!

Кирилъ поклонился и сѣлъ. Мальчуганъ оставилъ чай и съ удивленіемъ глядѣлъ на гостя въ длинной рясѣ и съ длинными волосами.

— Это священникъ, мой милый! онъ первый разъ видитъ такъ близко священника!—пояснила хозяйка и продолжала:—Да, есть важное дѣло. Видите ли, у меня нѣсколько часовъ тому назадъ былъ о. Родіонъ, вашъ помощникъ.

— И жаловался вамъ на меня!—съ улыбкой сказалъ Кирилъ.

— И жаловался на васъ. Онъ говоритъ, что вы распустили прихожанъ, что съ вашимъ пріѣздомъ причтъ впасть въ бѣдность...

— И вы пригласили меня затѣмъ, чтобы сдѣлать мнѣ должное внушеніе.

— Боже меня сохрани... и совершенно напротивъ!—отвѣтила Крупѣва, отчеканивая каждое слово.

Кирилъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Напротивъ? Значить, вы одобряете мой образъ дѣйствій?

— Н-не совсѣмъ... Но объ этомъ послѣ. Отцу Родіону я обѣщала поговорить съ вами. Онъ очень, очень былъ взволнованъ. Конечно, онъ на этомъ не остановится и поѣдетъ къ архіепископу. Вы должны имѣть это въ виду.

— Я?

— Ну, да.

— Я ничего не сдѣлалъ противозаконнаго и никого не боюсь!

— Вотъ вы какой! Скажите, это правда, что вы кончили академію и очень учены?

— Что я кончилъ академію—правда, а что очень ученъ—разумѣется, не правда.

Помѣщица поставила передъ нимъ ставанъ чаю и указала на сливки и хлѣбъ:—пожалуйста, прошу васъ!..

— Благодарю. Я привыкъ пить чай съ женой.

— Вы меня познакомьте съ нею! Позвольте заѣхать къ ней?

Кирилъ поклонился и прибавилъ:—Она будетъ очень рада! Вѣдь она одна здѣсь!

— Вотъ и отлично! Я завтра же буду у нея... Ну-съ, а насчетъ вашего причта какъ вы полагаете? Думаете вы, что это неосновательная претензія?

— Я этого не думаю. Дѣйствительно, они теперь зарабатываютъ очень мало. Пожалуй, что имъ, при ихъ семействахъ, и не хватаетъ. Но я не могу допустить тѣхъ коммерческихъ пріемовъ, какіе практикуются.

— Знаете чтѣ? Можно было бы помочь горю... Если бы, напримѣръ, выдавать причту постоянное, опредѣленное жалованье?!

— Откуда?

— Ну, хотя бы изъ моихъ средствъ!

— Изъ вашихъ средствъ?

— Почему же вы на меня смотрите съ такимъ изумленіемъ?

— Да какъ же? Съ какой стати вамъ давать свои средства на подобное, чуждое вамъ, дѣло? Развѣ это не удивительно?

— Вотъ видите, какой вы! Первый разъ у меня въ домѣ и уже обижаете меня.

Она сказала это съ шутовой строгостью, какъ говорятъ съ хорошо знакомыми людьми. Кирилъ смѣшался. Онъ вообще былъ невысокаго мнѣнія о своемъ умѣнѣ разговаривать съ дамами, и легко допускалъ, что въ самыхъ простыхъ его словахъ могли отыскать то, чего онъ и не думалъ говорить.

— Извините; можетъ быть, я не такъ выразился.

— Нѣтъ, нѣтъ, я пошутила!—поспѣшила замѣтить хозяйка, видя его смущеніе.—Я только хочу сказать, отчего вы не допускаете во мнѣ искренняго желанія помочь хорошему дѣлу. Ну, хотя бы отъ скуки?!

Она разсмѣялась. Кирилъ возразилъ серьезно:—Нѣтъ, не то. Я только не думалъ, что это дѣло вамъ покажется хорошимъ.

Они условились въ другой разъ произвести точный расчетъ. Теперь же было рѣшено въ принципѣ, что Надежда Алексѣевна Крупѣева назначить изъ своихъ средствъ опредѣленное жалованье причту съ условіемъ отказаться отъ всякихъ доходовъ. Затѣмъ помѣщица общала завтра захватъ въ Мурѣ и познакомиться.

Кирилъ возвратился домой въ радостномъ настроеніи. Пріѣхавъ сюда съ единственною цѣлью „поработать ближнему“, онъ въ глубинѣ души страдалъ, видя, что плодомъ этой работы было недовольство его сотрудниковъ. Теперь причины этого недовольства будутъ устранены. „Я всегда думалъ, что на свѣтѣ есть хорошіе люди!“ размышлялъ онъ, а когда пріѣхалъ домой, принялся расхваливать Крупѣеву передъ Мурой. Мура была очень довольна, что завтра начнется знакомство съ живымъ человѣкомъ.

Х.

Надежда Алексѣевна Крупѣева уже около пяти лѣтъ жила безвыѣздно въ Луговомъ.

Огромный, запущенный садъ, въ которомъ стоялъ каменный домъ съ потускнѣвшими отъ времени стѣнами, съ покоробившейся крышей, считался нѣкогда образцовымъ. Въ немъ были густыя аллеи широко разросшейся сирени; не мало насчитывалось тѣнистыхъ уголковъ, тщательно воздѣланныхъ зеленыхъ полянокъ, поэтическихъ бесѣдокъ, задрапированныхъ плющемъ и дикимъ виноградомъ. Садъ славился вишней-шпанкой, которая была извѣстна и въ губернскомъ городѣ подъ именемъ „крупѣевской“ и бралась на-расхватъ. Не мало въ немъ было яблонь и грушъ; водился даже виноградъ и воздѣлывалась малина.

Все это было до освобожденія, когда жилъ и владѣлъ Луговымъ отецъ Надежды Алексѣевны, старикъ Крупѣевъ, страстный хозяинъ, умѣвшій извлекать пользу изъ земли и изъ людей. Особенною его любовью пользовался садъ, для котораго онъ держалъ ученаго и дорогого садовника изъ нѣмцевъ. Зато и уходъ былъ за этимъ садомъ, „какъ за живымъ человѣкомъ“. Садъ

былъ раздѣленъ на небольшіе участки и къ каждому участку былъ приставленъ человекъ, который своей шкурой отвѣчалъ за каждое деревцо, за порядокъ, чистоту и даже за плодородіе земли въ его участкѣ.

Старики Крупѣвы умерли лѣтъ черезъ пять послѣ освобожденія. Огорченіе свело ихъ въ могилу одного за другимъ. Имѣніе перешло къ сыну Андрею, который при новыхъ порядкахъ пошелъ по земской службѣ и былъ мировымъ судьей въ уѣздѣ. При немъ хозяйство изъ года въ годъ шло на убыль. Этотъ болѣзненный и нервный человекъ любилъ природу, любилъ поля, заросшія зеленой травой, и желтѣющую ниву, и тѣнистый садъ, но любилъ все это какъ художникъ, способный по цѣлымъ часамъ заглядываться на красивые пейзажи и совершенно неспособный возиться со всѣмъ этимъ. Огромное имѣніе давало, разумѣется, изрядный доходъ, но не было и половины того, что оно могло дать. Андрей этого не замѣчалъ, вполне довольный, что доходовъ хватаетъ на всѣ нужды. Половину онъ проживалъ, растрачивая деньги вполне безалаберно, ничего не приобретаая и не доставляя удовольствія ни себѣ, ни другимъ. Другая же половина шла сестрѣ, Надеждѣ Алексѣевнѣ, которая жила въ Москвѣ у обѣднѣвшей тетки по отцу, содержа на свои средства и тету, и ея многочисленное семейство.

Надеждѣ Алексѣевнѣ было двадцать два года, когда она получила извѣстіе о смерти брата. Андрей Крупѣвъ умеръ тридцати шести лѣтъ отъ роду, позабывъ жениться, и Надежда Алексѣевна оказалась единственной владѣлицей огромнаго имѣнія. Перемѣну эту она почувствовала съ самой невыгодной стороны. До сихъ поръ она получала отъ брата готовыя деньги; теперь надо было думать о томъ, что дѣлать съ имѣніемъ. Тамъ не было никого, кому можно было довѣриться. Молодая дѣвушка ничего въ дѣлахъ не понимала. Въ Луговое ее вовсе не тянуло: съ восьми лѣтъ она привыкла къ большому, шумному городу, такъ какъ старики послѣ освобожденія безвыѣздно жили въ Москвѣ. Здѣсь она получила образованіе, сначала подъ строгимъ надзоромъ отца, а потомъ на полной волѣ, потому что вполне зависѣвшая отъ нея тетка не смѣла при ней возвысить голоса и по-неволѣ потакала всѣмъ ея прихотямъ.

Развитіе ея шло капризно, находясь въ полной зависимости отъ ея нервной и своеобразной натуры. При старикахъ она прилежно готовила уроки, вела себя тихо и скромно и переходила изъ класса въ классъ въ числѣ лучшихъ ученицъ. Послѣ ихъ смерти затосковала и въ теченіе цѣлаго года не брала въ руки

книжки и осталась на другой годъ въ томъ же классѣ. Въ четырнадцать лѣтъ она какъ бы проснулась и вдругъ, къ удивленію тетки, оказалась дѣвочкой живой и даже взбалмошной. Ея способности какъ-то вдругъ обострились; явилась какая-то почти неестественная любознательность; она съ одинаковымъ рвеніемъ набрасывалась на учебники и на всякаго рода книги, какія попадались подъ руку. Она заставила тетку записаться въ библіотеку и поглощала книгу за книгой до одурѣнія. Въ семьѣ тетки, гдѣ много было дѣтей всѣхъ возрастовъ, она тѣмъ не менѣе чувствовала себя вполне одинокой. Это происходило оттого, что ее, какъ источникъ благосостоянія всей семьи, на каждомъ шагѣ отличали, стараясь предоставить разныя преимущества: лучшей кусокъ, болѣе дорогую одежду, болѣе удобную комнату, постель помягче, и кромѣ того все семейство старалось выразить передъ ней любовь и преданность. Впечатлительная дѣвочка замѣчала это и мало-по-малу усвоила взглядъ на себя, какъ на существо особенное и во всякомъ случаѣ высшее, чѣмъ окружавшее ее потомство тетки. Съ теченіемъ времени изъ этого сознанія вышло почти явное презрѣніе къ роднѣ. Большую часть времени, свободнаго отъ гимназическихъ занятій, она проводила въ своей комнатѣ наединѣ съ книгами, къ которымъ привязалась до болѣзненности. Знакомые тетки не интересовали ее, она почти не замѣчала ихъ, а другихъ пріобрѣсти она не имѣла возможности. И вотъ, въ семнадцать лѣтъ, когда она кончила гимназію и была уже почти совершенно сформировавшейся дѣвушкой, она оказалась одинокой, съ своей диковатой натурой, чуждавшейся какого бы то ни было общенія съ людьми, съ хаотическимъ міросозерцаніемъ, въ которомъ было все, кромѣ того, чтѣ было пригодно для жизни, съ ясно сознанымъ презрѣніемъ къ людямъ, которые ее окружали и были единственными близкими людьми.

Послѣ гимназіи началось томленіе. Гимназія отнимала у нея большую часть дня, и теперь она увидѣла, что у нея слишкомъ много времени. Случайно завязались два-три знакомства, случайно же она попала на курсы, которые тогда только зарождались и вызывали много разговоровъ. Но знакомства ея не шли дальше первыхъ. Тотъ взглядъ на людей, который она усвоила себѣ въ семьѣ тетки, она невольно перенесла и сюда, смотрѣла на людей недоувѣрчиво и ни съ кѣмъ не сходилась. Курсы тоже мало удовлетворяли ее. Привыкнувъ учиться по книжкамъ, которыя можно было прочитывать въ одинъ присѣсть, она тяготилась той основательной медленностью, съ которой преподавалась наука, распадавшаяся на отдѣлы, части, лекціи. Систематичность

и послѣдовательность возмущали ее. Она не могла безъ досады слышать обычную фразу, которой начиналась почти каждая новая лекція: „въ предыдущей лекціи мы остановились на томъ-то“. За чѣмъ остановились? Она не выносила этихъ остановокъ. Познакомившись на первой лекціи съ началомъ предмета, она хотѣла бы тутъ же, не вставая съ мѣста, исчерпать его до конца. Кончалось тѣмъ, что она подыскивала подходящія книги, зарывалась въ нихъ и охладѣвала въ „курсу“. Однимъ словомъ, курсы, которые для другихъ были откровеніемъ и въ то же время служили вдобавокъ для сближенія разрозненныхъ людей, для нея оказались ничѣмъ и только раздражали ее.

Извѣстіе о смерти брата застало ее въ состояніи полного недовольства собой и окружающей жизнью. Нервы ея были распатаны. Не было никого, съ кѣмъ она могла поговорить по душѣ, потому что она никому не довѣряла и ни съ кѣмъ не общалась. Она всѣмъ своимъ существомъ жаждала какой-нибудь перемѣны. Съ этимъ извѣстіемъ перемѣна сама собой приходила. Надо было что-нибудь дѣлать съ имѣніемъ.

Къ этому времени старшій сынъ тетки успѣлъ уже побывать въ полку и выйти оттуда въ отставку, въ чинѣ подпоручика, противъ всякаго, однакожь, желанія. Онъ-то и почувствовалъ вдругъ влеченіе къ сельскому хозяйству и поѣхалъ на югъ, въ Луговое.

Потомство тетки въ этому времени было разсортировано по разнымъ угламъ: тотъ женился, та вышла замужъ, кто былъ опредѣленъ въ пансіонъ. Въ домѣ сдѣлалось еще скучнѣе, чѣмъ прежде. Хотя она и очень мало соприкасалась съ жизнью этого семейства, но по крайней мѣрѣ въ домѣ былъ несмолкаемый шумъ, который не могъ миновать ее и къ которому она привыкла. И въ это именно время ей пришла въ голову мысль о томъ, что есть еще огромный міръ, котораго она совсѣмъ не знаетъ, и, можетъ быть, этотъ міръ придется ей больше по вкусу, чѣмъ тотъ, который окружалъ ее. Не привыкшая ни у кого спрашиваться и ни съ кѣмъ совѣтоваться, она смотрѣла на каждую свою мысль какъ на рѣшеніе. Въ одинъ мигъ было рѣшено, что она поѣдетъ за границу, а черезъ двѣ недѣли она уже была въ Германіи, конечно, въ сопровожденіи тетки, которой она почти приказала ѣхать. Тетка не могла ослушаться, потому что это значило бы оставить на произволъ судьбы не только племянницу, но и ея доходы.

Около двухъ лѣтъ Надежда Алексѣевна таскала за собой старуху, останавливаясь недѣли на двѣ, на три, то въ Берлинѣ,

то въ Гамбургѣ, то въ Вѣнѣ, то перескакивая вдругъ въ Мадридъ, а оттуда возвращаясь въ Аѳины. Все это было ново и интересно, но ни одно впечатлѣніе не западало въ душу молодой дѣвушки настолько, чтобы всецѣло овладѣть ею, увлечь ее въ ту или другую сторону. Она все еще никому и ничему не принадлежала, находясь во власти собственного одиночества и глубокаго недовольства. Старухѣ была не по силамъ эта порывистая скачка изъ одного угла Европы въ другой, и она стояла, но втихомолку, боясь, чтобы взбалмошная племянница не сказала ей: „ну, такъ поѣзжайте въ Москву, а я одна останусь!“ Поэтому она искренно обрадовалась, когда онѣ засѣли въ Римѣ на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Надежда Алексѣевна съ непонятнымъ и пришедшимъ такъ же внезапно, какъ и всѣ другія ея увлеченія, жаромъ посѣщала музеи и окрестности вѣчнаго города, изучая то и другое съ основательностью ученаго, со справками и руководствами подъ рукой. Казалось, этотъ новый для нея міръ давно минувшаго поглотилъ ее, но этого увлеченія хватило только на полгода, а тамъ опять пришли недовольство и апатія. Старой теткѣ пришлось опять укладывать вещи.

Онѣ поѣхали въ Парижъ.

Тутъ кончается исторія странствованія Надежды Алексѣевны Крушѣвой. То, что произошло въ Парижѣ и послѣ него, можетъ быть рассказано въ двухъ словахъ: до двадцати четырехъ лѣтъ она не думала о любви; въ ея голову не западала мысль о томъ, что она можетъ принадлежать какому-нибудь мужчине. Казалось, что въ ея жилахъ текла холодная кровь—до такой степени ей чужда была эта мысль. Случайные ухаживатели, которые попадались ей въ Москвѣ и за границей, казались ей нахалами, и ничего отъ нея не слышали, кромѣ дерзостей. Но это проснулось въ ней такъ же внезапно, какъ и все, что она переживала, и овладѣло ею съ такой силой, какую только могла проявить ея нервная и почти дикая натура. Это совпало съ ея знакомствомъ съ м-г Тенарь, который оказался на два года моложе ея и по внѣшности обладалъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлаться предметомъ первой любви двадцати-четырёхлѣтней дѣвушки, никогда не любившей. Высокаго роста, изящный, съ открытымъ, очень красивымъ лицомъ, смуглая блѣдность котораго какъ бы говорила о пережитой душевной борьбѣ, юный инженеръ подкупалъ своею веселостью и искренностью. Старая тетка рѣшительно не могла понять, какъ это могло случиться, что черезъ какихъ-нибудь три недѣли знакомства Надежда Алексѣевна Крушѣва превратилась въ м-ше Тенарь и уже жила сво-

имъ маленькимъ домомъ въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Парижа.

Немного понималъ въ этой исторіи и м-г Тенаръ. Красивая русская дѣвушка остановила его вниманіе, и онъ совершенно искренно сталъ ухаживать за нею. Видя ея крайнее увлеченіе, онъ предложилъ ей замужество, потому что она была очень богата. Родные его вполнѣ раздѣляли этотъ взглядъ и одобряли. Это была буржуазная семья среднего состоянія, перебивавшаяся на какихъ-нибудь три тысячи франковъ годового дохода. Вступленіе въ семью богатой русской помѣщицы было всѣмъ по вкусу. Едва они поселились втроемъ, т.-е. Надежда Алексѣевна съ мужемъ и тетка, какъ началось постепенное переселеніе къ нимъ всѣхъ Тенаровъ. Тетка приходила въ ужасъ, разводила руками, но ничего не могла подѣлать, потому что племянница была неприступна. Надежда Алексѣевна какъ будто ничего не замѣчала. Она всецѣло отдавалась своему новому чувству, постоянно проводя время съ мужемъ, не отпуская его ни на шагъ. Парижъ, который они осматривали вдвоемъ, для нея весь сосредоточивался въ любимомъ человѣкѣ. Въ театрѣ ли, въ экипажѣ ли, во время прогулки, она, казалось, глядѣла не на окружающій міръ, а на отраженіе этого міра въ глазахъ ея мужа. На новую родню она смотрѣла поверхностно и какъ будто не обращала на нее вниманія. Это продолжалось около года. Она родила сына и встала съ постели совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Словно этимъ актомъ рожденія она закончила циклъ своей любви; она поднялась трезвая, холодная и сумрачная и сразу съ невыразимымъ презрѣніемъ отнеслась къ семейству Тенаровъ, по хозяйски населявшему ея квартиру. Съ какой стати? Чтò они ей, эти чужіе люди, съ которыми у нея нѣтъ ничего общаго, кромѣ ея состоянія, которое они, къ ужасу тетки, такъ развязно дѣлили? Болѣе другихъ чужимъ показался ей мужъ. Она только теперь, когда глаза ея прояснились, разглядѣла его и увидѣла передъ собой обыкновеннаго, ограниченнаго, расчетливаго буржуа, для сочувствія которому въ ея сердцѣ не было ни одной струны! Результатомъ этого открытія былъ большой скандалъ. Она попросила Тенаровъ оставить ее въ покоѣ, взяла ребенка и уѣхала въ Россію, не сказавъ даже мужу объ этомъ ни слова. Она пріѣхала вмѣстѣ съ теткой прямо въ Луговое, гдѣ нашла управляющаго-кузена, изнывающаго отъ *delirium tremens*, отправляла его вмѣстѣ съ теткой въ Москву, пообѣщавъ помогать имъ, и поселилась безвѣздно въ старомъ домѣ посреди залущеннаго сада. Здѣсь она вся сосредоточилась на воспитаніи сына, ни съ кѣмъ

не знакомилась, никого не принимала. Черезъ полгода послѣ отъѣзда ея изъ Парижа въ Луговое прѣѣхалъ молодой Тенаръ; она приняла его вѣжливо, позволила прожить въ отдѣльномъ флигелѣ недѣлю, затѣмъ снабдила его деньгами и попросила больше не прѣѣзжать. Потомъ она вошла въ дѣятельную переписку съ однимъ московскимъ адвокатомъ и во времени знакомства съ Кириломъ со дня на день ждала развода.

Черезъ недѣлю послѣ знакомства Кирила съ помѣщицей, о. Родіонъ получилъ отъ помѣщицы приглашеніе пожаловать къ ней. Онъ ѣхалъ туда съ надеждой, что Крупѣвой удалось уломать Кирила. Причѣтъ ожидалъ у него, лелѣя ту же надежду. Но не прошло и часа, какъ онъ возвратился домой гнѣвный и красный отъ волненія. Дьякъ Дементій даже не посмѣлъ разспрашивать, а просто пошелъ въ бричкѣ и сталъ помогать кучеру выпрягать лошадь. Діаконъ же, о. Симеонъ, отошелъ къ сторонкѣ и, скрестивъ на своей впалой груди худенькія рученки, смиренно смотрѣлъ на Дементія и кучера. Вотъ одна изъ дочерей о. Родіона вынесла стулъ и поставила его во дворѣ, неподалеку отъ порога. Вышелъ о. Родіонъ, одѣтый уже по домашнему, т.-е. въ курткѣ и клѣтчатыхъ штанахъ. Онъ сѣлъ и такъ посмотрѣлъ на діакона и Дементія, что тѣ сейчасъ же подошли къ нему.

— Радуйся, Христово воинство! Тебѣ великая корысть будетъ!—сказалъ о. Родіонъ, не глядя на нихъ и такимъ тономъ, что воинство и не думало радоваться.

— Н-да... Ужъ должно быть, что корысть!..—съ горькой ироніей проговорилъ дьякъ Дементій.

— А какъ же? Не вѣрите? А вотъ же вамъ: помѣщица изъ своихъ средствъ даетъ намъ постоянное жалованье. Мнѣ и настоятелю по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, отцу Симеону тридцать, а тебѣ, Дементій, двадцать пять. Довольны вы? а?

Причѣтъ, очевидно, не совсѣмъ понялъ и стоялъ въ молчаливомъ недоумѣніи.

Что можно было, въ самомъ дѣлѣ, сказать на это, когда луговской приходъ въ самые слабые мѣсяцы доставлялъ причту вдвое болѣе, а въ зимнее время, когда народъ женился, выходилъ замужъ, молебствовалъ и т. п., попадались и такіе мѣсяцы, когда даже дьякъ Дементій зарабатывалъ до семидесяти рублей. Это была насмѣшка, обида, чтó угодно, только не серьезное предложеніе. Отказаться отъ дохода, отъ права запрашивать и торговаться,—это значило отдаться въ полную власть прихожанамъ и безпрекословно исполнять всѣ требы.

Такъ какъ причтъ не отвѣчалъ на его ироническій вопросъ, да и отвѣтъ былъ ясенъ, то о. Родіонъ больше не спрашивалъ, а прямо заявилъ:—Завтра же ѣду къ преосвященному... Завтра же! Что онъ тутъ мутить? По міру насъ пустить хочеть? Надо его подрѣзать!

Но тутъ возникло одно затрудненіе. Для того, чтобы поѣхать въ городъ, надо было не то что отпроситься, а просто заявить объ этомъ настоятелю. О. Родіонъ до того былъ озлобленъ противъ Кирила, что ни за что не хотѣлъ идти къ нему и даже встрѣчаться съ нимъ. Онъ рѣшилъ написать ему. Вынесли на дворъ чернильницу и бумагу, и онъ тутъ же, въ присутствіи причта и вдобавокъ еще матушки, которая вышла вся красная отъ негодованія, написалъ:

„Почтеннѣйшій и достолюбезнѣйшій отецъ Кириль! По домашней моей собственной надобности имѣю неотложную нужду въ отлучѣ въ губернской городъ. О чемъ почитаю себя обязаннымъ увѣдомить ваше благословеніе. Съ почтеніемъ іерей Родіонъ Манускриптовъ“.

Письмо было запечатано въ пакетъ огромной сургучной печатью и, по надписаніи полнаго титула отправлено Кирилу съ церковнымъ сторожемъ. Прочитавъ это посланіе, Кириль посмотрѣлъ на него какъ на простое извѣщеніе; ему и въ голову не пришелъ тайный смыслъ этихъ простыхъ словъ. Самъ онъ чрезвычайно былъ радъ участію, которое приняла помѣщица въ нуждахъ причта, и ему лично пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ казались прекраснымъ содержаніемъ. Зато, какъ онъ ликовалъ при мысли, что теперь уже въ его приходѣ не будетъ торговли церковными требамы—и что самое главное—причтъ не будетъ имѣть никакихъ поводовъ къ претензіямъ! Онъ рѣшилъ предварительно поговорить объ этомъ съ о. Родіономъ и объявить о новомъ положеніи прихожанамъ въ церкви, въ ближайшее воскресенье.

На другой день, едва стало свѣтать, о. Родіонъ выѣхалъ со двора. Утро было холодное, дулъ изрядный вѣтеръ съ сѣвера. О. Родіонъ былъ въ теплой касторовой расѣ съ приподнятымъ воротникомъ, который сверху былъ повязанъ темнокоричневымъ гаруснымъ шарфомъ, въ высокой, въ родѣ бобровой, шапкѣ и въ глубочайшихъ галошахъ на теплой подкладкѣ, совсѣмъ по зимнему. Онъ выѣхалъ парой, рассчитывая къ обѣду быть въ городѣ, отдохнуть, собраться съ мыслями, а—завтра къ архіерею. Изъ за высоко приподнятаго воротника видны были только круглые глаза съ надвинутыми густыми бровями, сурово смотрѣвшіе прямо въ спину кучеру. Собираясь къ архіерею, о. Родіонъ всю ночь

не спалъ, сильно волнуясь и обдумывая ту рѣчь, какую онъ смиренно поведетъ... „Положимъ, я не ученъ,—разсуждалъ онъ, —но я старъ и ни въ чемъ дурномъ не замѣченъ. Долженъ онъ обратить вниманіе на мои слова“.

Въ городѣ онъ остановился у своего стараго пріятеля, діакона купеческой церкви, Авксентія Лучкова. Они были товарищами по семинаріи, обоихъ ихъ изрочно сѣкли въ старой бурсѣ за лѣность, и ради этого же порока обоихъ разомъ уволили, когда они, посидѣвъ по два двухлѣтія въ философскомъ классѣ, собрались возсѣсть тамъ же на третье. О. Родіону удалось, впрочемъ, скоро пролѣзть въ іереи, а Лучковъ очень скоро потерялъ жену, вслѣдствіе чего остался вѣчнымъ діакonomъ. Это былъ очень длинный и очень тонкій человекъ съ краснымъ лицомъ, на которомъ было убійственно мало волосъ. О. Авксентій, въ качествѣ вѣчнаго вдовца, сильно выпивалъ съ горя, но имѣлъ настолько благоразумія, чтобы пить только двѣ недѣли въ мѣсяцъ, когда бывали не его седмицы.

Манускриптовъ попалъ какъ разъ въ неседмичную недѣлю; поэтому сколько ни старался онъ втолковать пріятелю, въ чемъ заключается его горе, тотъ ничего не могъ понять и каждыя пять минутъ, прикладываясь къ водкѣ, спрашивалъ:

— Чего же ты, Родя, къ преосвященному пойдешь?

А затѣмъ прибавлялъ: —Охота жъ тебѣ! Я вотъ сколько діаконствую, а ни разу не былъ... Зачѣмъ? Вотъ теперь меня никто не замѣчаетъ и я живу себѣ, а ежели пойду, покажусь на глаза, сейчасъ замѣтятъ: „ахъ ты, красная рожа! подавай за штатъ!“ Я того держусь мнѣнія, что нашему брату надлежитъ стараться, чтобы его не замѣтили...

Но о. Родіонъ держался другого мнѣнія и на другой день къ восьми часамъ утра былъ уже въ пріемной у архіерея вмѣстѣ съ толпой просителей. Онъ былъ въ сѣренькой, довольно потертой ряскѣ, чтобы вѣрнѣе обратить вниманіе на свою бѣдность, и въ камилавкѣ. Старыя ноги его дрожали отъ робости, сердце ускоренно билось. По мѣрѣ приближенія того часа, какъ долженъ былъ выйти архіерей, туманъ все больше и больше застилалъ его мысли. По временамъ онъ какъ бы терялъ изъ памяти суть своего дѣла, и ему казалось, что на обычный вопросъ преосвященнаго: „что тебѣ, отецъ?“ онъ не будетъ въ состояніи отвѣтить ни одного слова. Когда же въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленной отъ пріемной полковою темноворичневою портьерой, послышались мягкіе звуки приближающихся архіерейскихъ туфель,

о. Родіонъ почувствовалъ, что его тошнить отъ страха и даже слегка качнуло въ сторону.

Навонецъ, портьера раздвинулась и вошелъ преосвященный въ полковомъ свѣтломъ кафтанѣ, въ маленькой скуфьѣ и съ неизмѣнными четками въ рукахъ. Повачивая своей сѣдой бородкой, онъ началъ справа и подошелъ къ какому-то церковному старостѣ, который просилъ о похвальномъ листѣ. О. Родіонъ стоялъ третьимъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что съ той минуты, какъ архіерей вошелъ въ приемную, у него исчезъ всякій страхъ, какъ это всегда бываетъ въ самую критическую минуту. Осталось только утомленіе отъ пережитаго волненія, и на мѣсто прежняго тумана выступило совершенно ясное представленіе о томъ, что онъ слаженъ архіерею.

Дошло и до него. Преосвященный пристально взглядылся въ него и сказалъ шутивымъ тономъ:

— Ты мнѣ незнакомъ, отецъ. Видно, тебѣ ладно живется, что ко мнѣ не заглядывалъ!

— Безъ нужды не имѣю обыкновенія беспокоить ваше преосвященство!— твердо сказалъ о. Родіонъ и прибавилъ: я священникъ Родіонъ Манускриптовъ!

— Откуда?

— Изъ мѣстечка Лугового!

— Мѣстечко Луговое... Луговое... Что-то весьма знакомое, а не припомню. Что же тебѣ надобно, отецъ Родіонъ Манускриптовъ? Фамилія у тебя хорошая, звучная!

— Изъ того самаго мѣстечка Лугового, ваше преосвященство, куда вамъ благоугодно было послать настоятелемъ священника Обновленскаго, изъ академиковъ,—пояснилъ о. Родіонъ.

— Обновленскій!.. Кирилъ, Кирилъ?—воскликнулъ архіерей, и лицо его оживилось пріятной улыбкой:—этого я знаю. Магистрантъ, умница такой и хорошій христіанинъ!

Этотъ отзывъ сразу повергъ о. Родіона въ уныніе. Онъ никакъ не ожидалъ, что Кирилъ на такомъ хорошемъ счету у архіерея. Напротивъ, онъ даже былъ склоненъ думать, что его, магистранта, не даромъ же заслали въ деревню, тогда какъ другіе академики, и даже не магистранты, получаютъ лучшія мѣста въ городѣ. Какъ онъ теперь начнетъ излагать свою жалобу? А преосвященный, какъ бы для того, чтобы окончательно смутить его, прибавилъ, обращаясь ко всѣмъ просителямъ:

— Этого юнаго священника я ставлю въ примѣръ прочимъ. Магистрантъ академіи и пошелъ по своей волѣ въ деревню послужить единому отъ малыхъ сихъ!

Просители сдѣлали умиленные лица, причемъ каждый въ душѣ рассчитывалъ, что это послужитъ къ успѣху его просьбы. Но о. Родіонъ, который не спускалъ глазъ съ архіерея, замѣтилъ, что лицо его вдругъ приняло озабоченное выраженіе. И преосвященный обратился къ нему какимъ-то явно встревоженнымъ голосомъ:

— Имѣешь сообщить что-либо, его касающееся?

— Имѣю, ваше преосвященство!

— Пойдемъ, пойдемъ! Это меня интересуешь!

И преосвященный жестомъ повелѣлъ ему слѣдовать за собой.

О. Родіонъ былъ вполне доволенъ. Въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ нѣтъ любопытныхъ просителей, онъ, не обинуясь, расскажетъ все. Миновавъ портьеру, они прошли длинную и узкую комнату, уставленную одними стульями, потомъ повернули направо и вошли въ гостиную съ мягкой, развалистой мебелью, съ изящными рѣзными столиками, со множествомъ картинъ на стѣнахъ, какъ показалось о. Родіону, свѣтскаго содержанія. Архіерей здѣсь остановился, сѣлъ и указалъ мѣсто о. Родіону, который не смѣлъ послушаться и тоже сѣлъ, стараясь однакожь занять какъ можно меньше мѣста.

— Ну, ну, расскажи, расскажи, отецъ! Очень меня занимаетъ этотъ юный пастырь!—сказалъ архіерей, и его пухляя рука машинально занялась безконечнымъ перебираниемъ четокъ.

— Не могу ничего доложить утѣшительнаго вашему преосвященству! — началъ съ сокрушеніемъ о. Родіонъ, какъ будто сердечно жалѣлъ именно о томъ, что долженъ разочаровать архіерея. И онъ по порядку, самымъ подробнымъ образомъ, изложилъ, въ чемъ дѣло, изложилъ добросовѣстно, ничего ни прибавивъ и не преувеличивъ. Преосвященный слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ. Но лицо его не выражало ни сочувствія, ни порицанія. Когда же о. Родіонъ горестно описалъ послѣдній эпизодъ съ назначеніемъ жалованья отъ помѣщицы и остановился, преосвященный вдругъ всталъ и задумчиво заходилъ по комнатѣ. О. Родіонъ тоже поднялся и стоялъ, слѣдя за прогулкой архіерея не только взорами, но и всѣмъ туловищемъ. Но вотъ преосвященный остановился.

— Такъ, такъ!.. — произнесъ онъ вдумчиво:— а скажи мнѣ, но по чистой совѣсти, іерейской совѣсти, скажи, не внушаетъ ли онъ прихожанамъ чего-либо такого смутнаго? Напримѣръ, противнаго властямъ предрержающимъ?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, нѣтъ! — послѣдно и даже съ жаромъ отвѣтилъ о. Родіонъ:—этого грѣха на душу свою не приму. Чего нѣтъ, о томъ прямо и говорю: нѣтъ!

Опять лицо архіерея прояснилось. Онъ подошелъ къ о. Родіону и, положивъ руку ему на плечо, сказалъ простымъ, почти пріятельскимъ тономъ: — Тебя я понимаю, отецъ Манускриптовъ, понимаю, ибо самъ я грѣшникъ. Но надо и его умѣть понять. Удалились мы съ тобой отъ апостольскаго житія, а онъ, этотъ юный пастырь, приблизиться къ нему хочетъ. Ну, разсуди, — съ духовной точки зрѣнія, — худо ли онъ поступаетъ? Нѣтъ, не худо, а хорошо. Помѣщица тоже благородная женщина, и ей надобно благодарность послать. А по мірскому, конечно, ты обиженъ, — признаю, признаю. Большое имѣешь семейство?

— Шесть дочерей, ваше преосвященство! — отвѣтилъ о. Родіонъ.

— Шесть дочерей?! — съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ ужаса воскликнулъ архіерей: — благословилъ же тебя Богъ! Нечего сказать!

И онъ опять заходилъ по комнатамъ. — Да, да, да! — говорилъ онъ какъ бы самъ съ собою: — столкновеніе двухъ началъ: плотскаго и духовнаго! Ему бы въ монахи пойти! Такъ нѣтъ, не пошелъ, жажда дѣятельности, съ людьми хочетъ жить, на міру. Миссіонеръ изъ него былъ бы чудесный.. Да, да, да!.. Ну, чего жъ ты собственно хочешь? а? — спросилъ онъ, наконецъ, остановившись.

— Какъ вамъ заблагоразсудится, ваше преосвященство! — смиренно отвѣтилъ о. Родіонъ.

— Ишь, хитрецъ! какъ заблагоразсудится. Я тутъ ничего не придумаю. Не могу же я ему предписать: оставь благія начинанія и поступай дурно! Вѣдь это дурно, что духовныя лица торговлю святыней производять, дурно вѣдь; но смотримъ свозъ пальцы, потому что средствъ большихъ не имѣемъ, а между тѣмъ — плоть немощна. Чтѣ же я съ тобой подѣлаю?

— Ваше преосвященство! Онъ, т.-е. о. Кирилъ, говорилъ: если будетъ угодно его перевести въ другой приходъ.

— Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать! Это было бы похоже на наказаніе; а наказывать его мнѣ нѣтъ причины. Развѣ вотъ чтѣ: могу тебя перевести!

При этомъ предложеніи о. Родіонъ опустилъ голову и отвѣтилъ убитымъ голосомъ: — Не смѣю указывать вамъ, ваше преосвященство!

Тутъ архіерей взглянулъ на часы и сказалъ, что онъ заболтался. О. Родіонъ ушелъ, получивъ привязаніе ѣхать домой и дожидаться перевода. Хотѣлъ онъ замолвить слово о діаконѣ Симеонѣ и о дьячкѣ Дементіи, но подумалъ, что не стоитъ мѣшаться не въ свое дѣло.

Въ тотъ же день о. Родіонъ Манускриптовъ возвращался на своей парѣ въ Луговое съ самыми мрачными думами. Ъхалъ онъ въ городъ съ надеждой отвоевать свое прежнее благополучіе, а вышло Богъ знаетъ что. Пятнадцать лѣтъ онъ мирно процвѣталъ въ Луговомъ; обзавелся большимъ хозяйствомъ, построилъ прочный и просторный домъ, и вдругъ все это приходится бросить и идти на что-то новое и неизвѣстное, на старости лѣтъ вновь обзаводиться. И всему этому виной этотъ сумасшедшій магистрантъ, который, вдобавокъ, какимъ-то чудомъ попалъ въ милость къ преосвященному. Не понималъ онъ и не одобрялъ этой милости. Много лѣтъ онъ живетъ на свѣтѣ, а не слыхалъ объ этихъ новшествахъ, безъ которыхъ всѣ хорошо обходятся.

Дома онъ засталъ поджидавшій его причтъ.

— Добился я того, что меня переведутъ въ невѣдомыя мѣста! —воротео и мрачно объяснилъ онъ имъ.

— А намъ что выйдетъ?—спросилъ Дементій.

— Вамъ? Надо полагать, что ничего не выйдетъ!

Причетники сейчасъ же ушли. По дорогѣ они разсуждали о томъ, что своя шкура дороже всего.

XI.

Луговская зима была длинна и скучна. Съ конца ноября выпалъ снѣгъ и окрасилъ всю округность въ бѣлый цвѣтъ. Низкія мужицкія хаты утопали въ снѣгу, который окутывалъ ихъ чуть не до крышъ. Но въ декабрѣ вдругъ повѣяло тепломъ, снѣгъ растаялъ, и дороги, и поля, все превратилось въ грязь, въ которой вязли и люди, и животныя, и телѣги. Къ Рождеству опять ударилъ морозъ, крѣпкій и сухой. Началась настоящая южная зима — безснѣжная, вѣтреная, не столько суровая сама по себѣ, сколько кажущаяся такой южанину, привывшему къ долгому и жаркому лѣту. Морозъ съ короткими перерывами простоялъ до февраля, а тамъ наступила ранняя оттепель и кое-гдѣ изъ-подъ земли выглянула зеленая травка.

Въ церковномъ домѣ, гдѣ жилъ настоятель, было тепло. Домъ былъ построенъ солидно, а топливо—камышъ—было дешево. Вдова Ѳекла то-и-дѣло таскала его въ комнаты связку за связкой, а печи глотали его одинъ за другимъ; камышъ таялъ въ нихъ, какъ снѣгъ.

Марья Гавриловна коротала дни однообразно, испытывая страшную скуку. Съ Крупѣвой она познакомилась, но не сошлась.

Для Надежды Алексѣевны она оказалась слишкомъ простою. Два-три вечера, проведенныхъ вмѣстѣ, и уже было высказано все, что могли онѣ сказать одна другой. Надежда Алексѣевна съ первой же встрѣчи отнеслась къ ней съ формальной предупредительностью, о которую разбилось горячее стремленіе Муры сойтись поближе съ „живымъ образованнымъ человекомъ“. Наивная дочка соборнаго протоіерея въ глубинѣ души своей дѣлила людей на два лагеря: „образованныхъ“ и „простыхъ“, и была увѣрена, что достаточно двумъ людямъ принадлежать къ лагерю „образованныхъ“, чтобы тотчасъ же сойтись по душѣ. Но „образованность“ обѣихъ женщинъ до такой степени была различна, что онѣ почти не понимали другъ дружку. Мура окончила гимназію и прочитала десятокъ книгъ, про которыя ей сказали, что это хорошія книги и что ихъ непременно надо прочитать. Всю жизнь она была на попеченіи родителей и замужество было ея первымъ самостоятельнымъ шагомъ. Надежда Алексѣевна прожила жизнь оригинальную, полную разнообразныхъ впечатлѣній, многому научилась изъ книгъ и изъ жизни, а главное—составила себѣ опредѣленные взгляды на жизнь и на людей. Поэтому она не могла отнестись къ Мурѣ иначе, какъ съ холодной любезностью, а Мура къ ней—съ нѣкоторымъ удивленіемъ и даже робостью.

Тѣмъ не менѣе разъ въ недѣлю, большею частью по субботамъ, въ церковному дому подѣзжалъ экипажъ, въ которомъ сидѣла Надежда Алексѣевна съ своимъ мальчикомъ. Съ неизмѣнно любезной улыбкой она, не выходя изъ экипажа, звала Марью Гавриловну, усаживала ее рядомъ съ собой и увозила къ себѣ. Онѣ вмѣстѣ обѣдали, а послѣ вечерни являлся Кирилъ, начинался разговоръ, который тянулся до полуночи. Во время этихъ разговоровъ Мура молча сидѣла, слушала обоихъ и скучала.

Съ января Марья Гавриловна начала готовить приданое своему будущему наслѣднику. Это наполняло ея дни. Протоіерейша прислала ей ручную машину, на которой она шила безъ конца.

Но Кирилъ не скучалъ. Прежде всего онъ былъ радъ, что остался на приходѣ одинъ. Отца Родіона перевели въ другой приходъ черезъ мѣсяць послѣ его визита къ архіерею. Но архіерей, очевидно, не сдѣлалъ съ назначеніемъ. Кирилъ не тяготился массой работы и благополучно справлялся со всѣми требами. Каждая треба служила ему поводомъ познакомиться съ какою-нибудь стороной мужицкаго быта. Онъ никогда не отказывался отъ приглашенія остаться на похоронномъ обѣдѣ, явиться на закуску по поводу крестинъ и т. д. Здѣсь было столько случаевъ

высказать передъ прихожанами свой взглядъ на тотъ или другой предметъ. Мужики привыкли къ этому и слушали его безъ того формально-внимательнаго вида, который позволяетъ сейчасъ же забывать слышанное. Проповѣдей въ церкви онъ не говорилъ. Онъ считалъ этотъ способъ бесѣды малоудобнымъ. Проповѣдь выслушивается при исключительной обстановкѣ; для прихожанина она является не простой бесѣдой пастыря съ нимъ, а однимъ изъ моментовъ обѣдни, которую онъ выслушиваетъ болѣе или менѣе формально. Онъ искалъ бесѣды на житейской почвѣ, при исполнѣ житейской, обыденной обстановкѣ.

Кирилу казалось, что работа его приноситъ плоды. Уже одно то его утѣшало, что торговля требами была совершенно искоренена. Прихожанинъ только заявлялъ о томъ, что у него въ домѣ смерть или родины, или свадьба, и безъ всякихъ *разговоровъ совершался церковный обрядъ. Замѣтилъ также Кириль, что на обѣдахъ и закускахъ, гдѣ онъ присутствовалъ, хозяева не рѣшались угощать больше, чѣмъ двумя рюмбями водки, а гости и по второй пили какъ бы слегка совѣстясь.

Конечно, онъ зналъ, что въ его отсутствіи они угощаются по-прежнему и что кабаки въ Луговомъ все-таки прекрасно торгуютъ. Но эта совѣстливость при немъ все-таки утѣшала его; онъ рассчитывалъ на привычку.

Кромѣ неустанной работы по церковной службѣ, Кириль отдавалъ много времени школѣ. Онъ посѣщалъ ее почти каждый день и очень скорбѣлъ по поводу того, что учитель относился къ дѣлу холодно и не любилъ своего занятія.

— Зачѣмъ вы сдѣлались учителемъ, если это дѣло вамъ не нравится, если у васъ нѣтъ призванія къ этому? — спрашивалъ его Кириль, когда тотъ въ сотый разъ высказывалъ передъ нимъ недовольство своимъ существованіемъ.

— Призванія? — отвѣчалъ тотъ: — у всякаго человѣка есть призваніе кушать хлѣбъ, батюшка!

Кириль принимался возражать противъ этого взгляда. Онъ горячо доказывалъ, что такъ жить нельзя, что такое разсужденіе годится, пожалуй, для сапожнаго ремесла, но не для дѣла обученія темнаго человѣка. Онъ говорилъ, что такъ относиться къ живому дѣлу нечестно.

— Эхъ, батюшка! — возражалъ ему учитель: — вотъ эти самыя слова и я говорилъ восемь лѣтъ назадъ, а теперь пожилъ и вижу, что это чепуха. Жизнь — одна скука. Одно только и есть средство — жениться, взявши десятинъ двѣсти земли, да заняться ховяйствомъ.

Учителю, Андрею Ѳедоровичу Калюжневу, было лѣтъ тридцать. Происходилъ онъ изъ городской чиновничьей семьи средней руки, учился въ гимназiи, но при переходѣ изъ шестого класса въ седьмой споткнулся и бросилъ. Года три онъ все готовился и собирался то въ военную службу, то въ университетъ, то на фабрику въ качествѣ рабочаго. Но кончилось тѣмъ, что онъ пошелъ въ сельскіе учителя, такъ какъ это оказалось самымъ простымъ и легкимъ. О деревнѣ онъ не имѣлъ понятiя, но отправлялся туда не безъ идейной загвоздки. Кое-что слышалъ онъ и о народѣ, и о безкорыстной службѣ на поприщѣ просвѣщенiя меньшаго брата, и ему тогда, еще очень юному, пришли эти идеи по душѣ. Но дѣйствительность оказалась скучной; идеи, какъ взятые съ вѣтру, скоро и вывѣтрившись, и Калюжневъ съ теченiемъ времени превратился въ работника изъ за куска хлѣба, не понимающаго своего предмета, скучающаго своимъ ремесломъ и ищущаго переменъ.

Кирилъ охотно посѣщалъ помѣщичу. Надежда Алексѣевна всегда принимала его съ живостью и даже съ увлеченiемъ. Она всегда искала въ жизни чего-нибудь выдающагося, а этотъ сельскій священникъ, настолько образованный, что съ нимъ можно было вести теоретическіе споры, священникъ, ведущій борьбу съ тѣми самыми пороками, которые оттапливали и ее отъ духовныхъ лицъ, священникъ, стремящійся воплотить въ жизнь идеи, которыя и ей казались симпатичными, былъ для нея цѣлымъ открытiемъ. Сначала она отнеслась къ нему какъ къ явленiю только интересному, но смотрѣла на него подозрительно и все ждала, когда же, наконецъ, онъ попроситъ у нея даровой зимовки для своихъ коровъ или десятину плавни для выкоса сѣна, или вообще какое-нибудь даванiе, въ чему приучили ее о. Родiонъ и его прежній товарищъ. Но Кирилъ ничего не просилъ. Однажды она даже спросила его, не нуждается ли онъ въ чемъ-либо по хозяйству, и предложила свои услуги.

— У меня и хозяйства-то нѣтъ! — отвѣтилъ Кирилъ: — а если бы и нуждался, то у васъ не попросилъ бы!..

— Вотъ какъ! Почему же?

— А вотъ видите, у насъ съ вами, слава Богу, порядочныя отношенiя, а чуть я отъ васъ возьму матеріальную услугу, ужъ сейчасъ буду зависѣть отъ васъ и вы ужъ непремѣнно хотъ на одну iоту станете уважать меня меньше.

Надежда Алексѣевна, что называется, „занялась“ оригинальнымъ священникомъ. Въ тѣ вечера, которые они проводили втроемъ, гдѣ Мура являлась какъ бы ассистентомъ ихъ бесѣдъ,

она заставляла его высказывать свои взгляды на жизнь и незамѣтно, по частямъ, разсказала ему всю свою исторію.

— Знаете что? — откровенно заявлялъ Кирилъ, выслушивая отъ нея разказы про московскую и заграничную жизнь: — вы не жили еще, а только капризничали!

И онъ развивалъ ей свою теорію. Жить можно только въ деревнѣ, гдѣ и природа настоящая, и люди настоящіе, и нужда настоящая. Жить безъ пользы для кого-нибудь — безсмысленно и обидно. У каждаго найдется гдѣ-нибудь маленькій уголокъ, гдѣ онъ можетъ принести пользу. Нѣтъ надобности стремиться во что бы то ни стало сдѣлать грандіозное дѣло: что-нибудь полезное сдѣлай, и уже въ твоёмъ существованіи есть плюсъ.

— Скажите, отецъ Кирилъ, отчего мнѣ иногда кажется, что вы первый вполнѣ искренній человѣкъ, котораго я встрѣчаю въ жизни? — спросила его однажды Надежда Алексѣвна.

— Извините-сь! Искренніе люди есть на свѣтѣ, я самъ ихъ встрѣчалъ не мало! — горячо возразилъ Кирилъ. — Вы ихъ не замѣчали, потому что смотрѣли на людей свысока и поверхностно. Можетъ быть, я первый человѣкъ, которому вы сдѣлали честь взглядѣться въ него какъ слѣдуетъ.

Наступила весна. Въ апрѣлѣ Мура уже перестала ѣздить къ Крупѣвой. Ея положеніе сдѣлалось серьезнымъ. Написали въ городъ Аннѣ Николаевнѣ; она пріѣхала и привезла съ собой аюшерку. Едва протоіерейша переступила порогъ церковнаго дома, какъ сдѣлалась мрачнѣе ночи. Опытнымъ глазомъ она сейчасъ же поняла, что благосостояніе молодой четы въ теченіе почти года нисколько не улучшилось. Кое-гдѣ видны были слѣды бѣдности. Взглядъ ея, привыкшій останавливаться на мелочахъ, впился въ порядочную дыру въ вязаной скатерти, которою былъ накрытъ столъ. Въ обстановкѣ ничто не измѣнилось, но въ ней и не прибавилось ни одной вещицы. Все стояло такъ, какъ было устроено для перваго обзаведенія, т.-е. скудно, ничего, кромѣ предметовъ первой необходимости, какъ въ номерѣ плохой гостиницы: столы, диванъ, кровати, комоды, нѣсколько стульевъ, зеркало на комодѣ, стѣнные часы и иконы въ углу. Она обошла дворъ, чуланъ, два сарая — всюду было пусто. На огородѣ сиротливо лежали нѣсколько связокъ камыша — это осталось отъ зимы; въ сараѣ не оказалось никакихъ признаковъ какого бы то ни было экипажа, хоть маленькой брички; въ другомъ сараѣ, приспособленномъ подѣ конюшню, не было и тѣни лошади. Чуланъ также былъ пустъ. Она заглянула въ погребъ — и тамъ никакихъ признаковъ не только „полной чаши“, а хотя бы какого-нибудь достатка. „Ни-

чего у нихъ нѣтъ, ничего не нажили“, съ болью думала протоіерейша: „моя дочь — нищая“. На этотъ разъ она уже сама обратилась къ Ѳеклѣ съ разпросами. Съ Мурой нельзя было говорить, въ виду ея положенія. Ѳекла окончательно убила ее своимъ докладомъ.

— Боже мой, Боже мой!—говорила она съ самымъ искреннимъ соболѣзнованіемъ:—что только у насъ дѣлается, даже словъ не подберешь, чтобы рассказать. Все покупное: молочко стаками покупаемъ; сметану, масло, все, все изъ лавки беремъ.. Средствъ нѣту коровку завести! Помѣщица дарила цѣлыхъ двѣ—мнѣ это приказчикъ ихній говорилъ—не захотѣли: „не могу, говорятъ, подарковъ принимать“... Съѣздить куда—у почтаря лошадей беремъ... Повѣрите ли, бѣдная матушка лишнее яичко скупать стѣсняются!.. При ихнемъ-то положеніи, сами посудите, каково это! Доходу никакого! при прежнихъ полахъ, бывало, засѣлка ломится отъ зерна, хлѣба этого дѣвать некуда, и курочка, и поросеночекъ, и теленочекъ, и всякая всячина. А теперь даже деньгами не берутъ... Вотъ какіе порядки!.. Діаволъ съ дьячкомъ прямо чуть не съ голоду мрутъ—это я вамъ истинно говорю...

— Что-жъ это такое? Что-жъ это такое?—въ отчаяніи думала Анна Николаевна:—такую ли судьбу я готовила своей дочери?—Она хотѣла переговорить съ Кирилломъ, но потомъ рѣшила, что изъ этого ничего не выйдетъ.—Я просто пойду къ преосвященному, и о. Гавріила заставлю поѣхать. Пусть онъ его образумитъ. А нѣтъ, возьму да увезу Мурку къ себѣ... Что это въ самомъ дѣлѣ? Коли онъ святымъ хочетъ быть, зачѣмъ не пошелъ въ монахи, зачѣмъ женился? Бѣдная моя Мурка!..

Съ Кирилломъ Анна Николаевна почти не разговаривала и старалась даже не смотрѣть на него, а на Муру глядѣла съ печалью и сожалѣніемъ. Роды кончились благополучно; протоіерейша прожила девять дней. Едва только Мура встала съ постели, она распрощалась и уѣхала, взявъ съ собою акушерку. Она не хотѣла даже остаться на крестинахъ, только взяла съ Муры слово, что она назоветъ сына, въ честь дѣдушки, Гавріиломъ. Она уѣхала съ твердымъ рѣшеніемъ дѣйствовать.

Марья Гавриловна замѣчательно счастливо перенесла болѣзнь. Вставши съ постели, она уже чувствовала себя почти совсѣмъ здоровой и кормила сына прекраснымъ молокомъ. Мальчишка тоже былъ здоровъ. Его крестили и назвали Гавріиломъ. Кумовьями были—Надежда Алексѣевна и дьякъ Дементій, который, стоя рядомъ съ помѣщицей, ужасно конфузился. Зато, когда

кончился обрядъ и Крупѣва собралась уѣхать, онъ улучилъ минуту, когда на крыльцѣ не было больше никого, и на правахъ бума попросилъ у нея одну десятинку земли подъ баштанъ. Надежда Алексѣевна сейчасъ же согласилась, и Дементій былъ очень доволенъ. Скоро послѣ этого случилось событіе, котораго давно ожидали въ Луговомъ. Однажды — это было въ субботу передъ вечерней—церковный сторожъ разглядѣлъ подъѣзжавшую къ церкви кибитку, очень стараго фасона, на высокихъ колесахъ и всю крытую клеенкой, въ родѣ тѣхъ „фуръ“, въ которыхъ ѣздить евреи, помѣщаясь въ нихъ по двадцати душъ. Кибитка, запряженная парой, страшно шарахтѣла, потому что была безъ рессоръ. У калитки она остановилась, сбоку поднялся болтавшійся кусокъ клеенки и образовалось окошко. Въ это окошко выглянула женская головка съ милостивымъ личикомъ, въ шляпкѣ, изъ-подъ которой выглядывали свѣтлорусые завитки волосъ.

— А гдѣ тутъ домъ священника о. Родіона Манускриптова?—спросила молодая женщина.

— Отца Родіона домъ?—спросилъ въ свою очередь сторожъ:— а на что вамъ этотъ домъ, когда онъ стоитъ пустой? Отца Родіона уже съ полъ-года какъ нѣту!

Тутъ женская головка спряталась и на мѣстѣ ея появилась голова мужчины, въ черной поярковой шляпѣ. Лицо было смуглое, загорѣлое. Сторожъ замѣтилъ небольшіе усы и бородку. Волоса были коротко острижены.

— Здравствуй, любезный! — сказалъ онъ пріятнымъ теноркомъ:— ты, должно быть, церковный сторожъ?

— Такъ и есть. Я—церковный сторожъ.

— А я—священникъ, на мѣсто о. Родіона. Покажи намъ его домъ, мы тамъ жить будемъ... Мы его купили.

Сторожъ не спѣша снялъ шапку и тоже не спѣша сказалъ:

— Пожалуйте! Онъ проводилъ ихъ до самаго дома и тутъ же увидѣлъ, что по большой дорогѣ тянутся три воза съ мебелью и всякимъ хозяйственнымъ скарбомъ. Затѣмъ онъ отправился къ Кирилу и доложилъ:

— Новый священникъ, который на мѣсто о. Родіона присланъ, прибылъ.

— А, прибылъ? Милости просимъ!—сказалъ Кирилъ и подумалъ: „Теперь это уже не такъ страшно. Мои порядки пустили корни“.

— И такіе же молодые, какъ вы, батюшка! — прибавилъ сторожъ.

На это Кириль ничего не сказалъ, но подумалъ, что это къ лучшему. Молодой скорѣй пойметъ его, чѣмъ старый.

На другой день, во время воскресной службы, прихожане съ удивленіемъ разступились и дали дорогу новому священнику, который пробирался къ алтарю. Онъ былъ маленькаго роста и крѣпкаго сложенія; лицо его дышало здоровьемъ и самоувѣренностью. Темно-лиловая ряса сидѣла на немъ какъ слѣдуетъ и была ему къ лицу. Онъ ступалъ не быстро, сдержанной благочестивой походкой. Поднявшись на возвышеніе у алтаря, онъ ударилъ поклонъ и приложился къ иконѣ иконостаса. Видъ у него былъ такой, точно онъ собирался сейчасъ повернуться лицомъ къ народу и сказать краткую проповѣдь или по крайней мѣрѣ объявить: „я—священникъ Макарій Силоамскій, присланъ на мѣсто Родіона Манускриптова“. Но онъ этого не сдѣлалъ, а вошелъ въ алтарь черезъ боковую дверь. Тутъ онъ ударилъ три земныхъ поклона и, поклонившись затѣмъ Кирилу, который стоялъ у престола въ облаченіи, благоговѣнно сталъ поодаль. Такъ онъ простоялъ всю обѣдню, причемъ все время обнаруживалъ несомнѣнное благочестіе: шепталъ молитвы, въ надлежащихъ мѣстахъ билъ поклоны или наклонялъ только голову, а лицо его все время выражало молитвенную сосредоточенность. Послѣ обѣдни онъ тутъ же въ алтарѣ подошелъ къ Кирилу и вѣжливо взялъ у него благословеніе.

— Позвольте представиться: священникъ Макарій Силоамскій!—сказалъ онъ.

Кириль въ свою очередь представился и пригласилъ его зайти къ нему послѣ обѣдни.

— Да, да, разумѣется, необходимо переговорить!—сказалъ Силоамскій.

Послѣ обѣдни онъ пилъ чай у Кирила. Онъ оказался веселымъ и разговорчивымъ человѣкомъ, очень много говорилъ про семинарію, про учителей, ректора и инспектора. Онъ прошлымъ лѣтомъ кончилъ курсъ и цѣлый годъ былъ псаломщикомъ. Кириль помнилъ его, когда онъ былъ еще юношей, въ первомъ классѣ, а Кириль тогда кончалъ семинарію.

— Когда я, передъ отъѣздомъ, зашелъ откланяться къ преосвященному, онъ говорилъ мнѣ о васъ много пріятнаго. Сказалъ, что вы очень умный и что у васъ всѣ должны учиться!—сообщилъ между прочимъ Силоамскій.

— Спасибо преосвященному!—отвѣтилъ Кириль.

— Такъ ужъ я надѣюсь, что будемъ жить въ мирѣ и со-

гласіи!—сказалъ новый священникъ, поднявшись, чтобы откланяться.

— Я буду этому очень радъ!

Кирилъ воздержался отъ всякихъ объясненій. Все объяснится само собой.

Передъ вечеромъ Обновленскіе отправились къ помѣщицѣ. Мура посѣтила Надежду Алексѣвну въ первый разъ послѣ родовъ. Они сидѣли въ столовой за чайнымъ столомъ. Окна въ садъ были открыты. Тамъ уже цвѣла сирень и комната была полна ея ароматомъ. Кирилъ рассказывалъ о своемъ знакомствѣ съ новымъ священникомъ и выразилъ удовольствіе по поводу того, что онъ молодой и что это его первый приходъ.

— Въ него еще не вѣялась рутина, притомъ и корыстные виды еще не успѣли овладѣть имъ. Молодая душа доступнѣе добру, и вы увидите, что онъ будетъ мнѣ добрымъ товарищемъ!..

Надежда Алексѣвна слушала эти рѣчи съ скептической улыбкой. Глаза ея, устремленные на Кирила, казалось, говорили: „Какой ты еще наивный и чистый ребенокъ! Не сыскать тебѣ товарища, потому что ты одинъ только и есть такой!“

Въ это время доложили, что пріѣхалъ новый священникъ. Надежда Алексѣвна рѣшила принять его въ другой комнатѣ и вышла туда.

Но дверь была полураскрыта, и Обновленскіе могли слышать весь разговоръ.

Силоамскій вошелъ степенно и прежде всего сталъ отыскивать образъ. Найдя маленькую иконку въ углу подъ самымъ потолкомъ, онъ трижды перекрестился и поклонился въ ея направленіи. Затѣмъ онъ поклонился и хозяйкѣ.

— Позвольте представиться: вновь назначенный священникъ Макарій Силоамскій.

Надежда Алексѣвна отвѣтила поклономъ и пригласила садиться.

— Давно прибыли?—спросила она собственно для того, чтобы былъ какой-нибудь разговоръ.

— Вчерашняго дни. Но несмотря на это сегодня уже почелъ своимъ долгомъ отстоять обѣдню, а также представиться моему старшему товарищу, отцу Кирилу. Засимъ поспѣшилъ нанести визитъ вамъ. Позвольте расчитывать, многоуважаемая Надежда Алексѣвна, что встрѣчу съ вашей стороны благосклонность.

— Я къ вашимъ услугамъ!

— Нѣтъ, я пока никакой просьбой васъ не беспокою, но на будущее время случится можетъ какая-либо нужда. Напри-

мѣръ, заведется коровка-другая—гдѣ ее содержать? Или, напротивъ, сѣнца недохватъ—къ кому обратиться, какъ не къ благо-склонной помѣщицѣ?

— Я къ вамъ въ услугамъ!—повторила Надежда Алексѣевна и поднялась съ лицомъ еще болѣе холоднымъ, чѣмъ при встрѣчѣ.

— Болѣе не смѣю васъ беспокоить!—сказалъ о. Макарій и, тоже поднявшись, медленно наклонилъ голову, приложивъ правую руку къ груди. Надежда Алексѣевна бивнула головой и прибавила:

— Вотъ сюда!.. Не угодно ли! Эта дверь ведетъ въ садъ... У васъ, вѣроятно, свои лошади?

— Да-съ, парочку имѣю!.. За женой взялъ. Ничего, кони шустрѣе... Мое почтенье!..

Надежда Алексѣевна возвратилась въ столовую и сейчасъ же начала говорить о садовникѣ, который три дня гдѣ-то пьянствуетъ и не появляется въ саду. Она вообще избѣгала говорить о людяхъ дурно, считая это удѣломъ сплетницъ.

— Что же вы ничего не скажете о нашемъ гостѣ?—спросила ее Мура.

— Онъ произвелъ на меня дурное впечатлѣнїе! — сказала Надежда Алексѣевна и продолжала о садовникѣ. Кирилъ печально опустилъ голову и думалъ: „Не успѣлъ показаться на глаза, какъ уже спѣшилъ предупредить: я попрошайка, имѣйте это въ виду! Еще ничего ему не нужно, а онъ уже боится, чтобы не сочли его человѣкомъ самостоятельнымъ. Странное дѣло! откуда это берется? Въ семинаріи этому не обучаютъ, а жилъ онъ еще слишкомъ мало. Неужели это вошло уже въ кровь и передается изъ рода въ родъ, какъ особая способность? Какъ это грустно, какъ это грустно!“

Вечеръ прошелъ вяло. Надежда Алексѣевна была подъ вліяніемъ дурного впечатлѣнїя. Она старалась занимать гостей, но изъ этого ничего не выходило. Кирилъ слушалъ невнимательно и отвѣчалъ неохотно. Онъ думалъ „объ особой способности, вошедшей въ кровь“ у его собратьевъ и „передаваемой изъ рода въ родъ“.

Они уѣхали домой рано, какъ только пробило девять часовъ. Мура спѣшила къ ребенку. Едва они взошли на крыльцо церковнаго дома, какъ были удивлены необычайнымъ присутствіемъ въ сѣнцахъ ихъ квартиры гостей. Это были дьяконъ Симеонъ и дьякъ Дементій. Они сидѣли на табуреткахъ, поставленныхъ Феклой специально для нихъ. При появленіи хозяевъ оба почтительно встали, а шляпы ихъ обаялись въ рукахъ.

— Что же это вы, господа, здѣсь сидите? Отчего не пожа-

луете въ комнату?—спросилъ Кириль:—Оекла, ты что же не пригласила?

— Да я, батюшка, просила ихъ въ комнату, такъ не захотѣли!—отвѣтила Оекла.

— Нѣтъ, ничего-съ!.. Воздухъ хорошій теперь!—нѣжно сказалъ діаконъ. Кириль пригласилъ ихъ въ комнату. Марья Гавриловна ушла въ спальню и занялась сыномъ.

— Ну, что скажете, господа?—спросилъ Кириль причетниковъ, заставивъ ихъ сѣсть.

Діаконъ откашлялся и промолвилъ, нѣсколько запинаясь:—Мы къ вамъ, отецъ Кириль, по своему дѣлу... Давно уже собирались мы вотъ съ Дементіемъ Ермилычемъ обезпокоить ваше вниманіе, но, между прочимъ... — Дьякъ Дементій, очевидно, нашель, что діаконъ городитъ неподходящее, поэтому онъ съ своей стороны громоносно откашлялся и выпалилъ:

— Пропадаемъ, отецъ Кириль, прямо пропадаемъ!

Кириль поднялъ на него свои взоры.—Какимъ образомъ?—спросилъ онъ.

— Прямо почти что съ голоду, отецъ Кириль, пропадаемъ.

— Съ голоду?

— Съ голоду, отецъ Кириль! Крѣпились мы долго, боялись обезпокоить васъ... Но, наконецъ, нѣту силъ... Семейства большія имѣемъ, а корму никакого; самый, можно сказать, слабый... Жалованья, которое отъ помѣщицы, никакъ не хватаетъ, землицы мало, съ доходовъ брать воспрещено и никакихъ нѣтъ.

— Это дѣйствительно, дѣйствительно!—подтвердилъ діаконъ.

— Не объ излишкѣ хлопочемъ, отецъ Кириль, а о пропитаніи, прямо о насущномъ. Дѣти плачутъ, кушать хотятъ, отецъ Кириль!

Кириль уже ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину и наклонивъ голову. Ему теперь показалось совершенно яснымъ, что діакону и дьячку дѣйствительно должно было не хватать ихъ малаго жалованья. Ему самому въ обрѣзъ хватало его жалованье, а у нихъ его было гораздо меньше, между тѣмъ дѣтей у нихъ масса, тогда какъ у него одинъ, да и тотъ еще ничего не стоитъ ему. Положеніе его было затруднительное. Онъ самъ создалъ ихъ бѣдность, а помочь былъ безсиленъ. Еслибы у него что-нибудь оставалось, онъ охотно предложилъ бы имъ, но этого остатка не было. Отступить же отъ новыхъ, введенныхъ имъ порядковъ онъ не могъ. Это была первая его побѣда, которую онъ высоко цѣнилъ.

— Отецъ Кириль!—осторожно воззвалъ діаконъ. Кириль остановился и посмотрѣлъ на него.

— Мы собственно съ просьбой.

— Ну-те, ну-те!—нетерпѣливо сказалъ Кириль. Ему такъ хотѣлось, чтобы эта просьба была для нихъ существенна, а для него исполнима.

— Землицы у насъ мало, а у васъ, отецъ Кириль, побольше, и даже очень порядочно церковной земли. И притомъ она у васъ гуляетъ... Такъ не отдадите ли намъ, примѣрно, за четвертый снопъ?

— А сколько мнѣ земли приходится?—оживленно спросилъ Кириль.

— Собственно вамъ сорокъ четыре десятины, да въ плавняхъ шесть, а всего пятьдесятъ!

— Вотъ и отлично! Отлично!—радостно воскликнулъ Кириль:—вы ее засѣвайте... Засѣвайте себѣ! А мнѣ ничего не надо! Мнѣ некогда, не умѣю я, да притомъ мнѣ хватаеть... Да, да! Засѣвайте, пожалуйста!

Причетники смотрѣли на него съ недоумѣніемъ.—Какъ же это?..—началь-было Дементій, но рѣшилъ, что лучше промолчать. Кириль подумалъ съ минуту.

— Но скажите: тогда уже вамъ довольно будетъ? — спросилъ онъ.

— Мы очень благодарны, чувствительно благодарны! — въ одинъ голосъ отвѣтили причетники и низко поклонились.

— Ну, идите съ Богомъ и работайте, да только на меня не сердитесь!

Причетники еще разъ поклонились и поспѣшили уйти.

— Блаженный, истинно блаженный!—сказалъ діаконъ почти на ухо Дементію, когда они завернули уже за церковь.

— Завтра же чуть свѣтъ начнемъ рыть, а то, чего добраго, раздумаетъ... Помѣщица отговорить, либо этотъ, отецъ Макарій.

— А Макарій, кажись, не таковскій! Выжига порядочная... Это уже видно... Въ церковь пришелъ и такого на себя благодѣнія напустилъ, а самъ между прочимъ сейчасъ къ помѣщицѣ полѣзъ, и ужъ навѣрняка канючилъ что-нибудь.

— Э, что! Намъ теперь хорошо будетъ!—сказалъ Дементій съ искреннимъ удовольствіемъ, похлопывая діакона по спинѣ, причемъ тотъ гнулся, какъ лоза, подъ тяжестью его руки:—по двадцать пять десятинъ прибавляется, да своихъ по пятнадцати, а всего по сорокъ! Да мы съ вами—помѣщички, о, діаконъ, а? Блаженный, такъ и есть, что блаженный! Въ головѣ у него какая-то недостача!

Когда Кириль вошелъ въ спальню, Мура спросила его:

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ, Кириль?

— Они бѣдствуютъ, Мура, дѣйствительно бѣдствуютъ!—отвѣтилъ онъ.

— Но вѣдь за землю мы могли бы получить рублей шестьсотъ.

— А ты знаешь эту ариметику?—искренно удивился Кирилъ.

— Мнѣ Фекла объяснила!—угрюмо отвѣтила Мура и больше объ этомъ не сказала ни слова. Фекла, также слышавшая этотъ разговоръ, съ страшнымъ негодованіемъ громыкала въ кухнѣ рогацами.

ХІІ.

Отецъ Макарій Силоамскій принадлежалъ къ числу тѣхъ „студентовъ семинаріи“, которые съ самаго перваго класса, т.-е. еще съ дѣтскаго возраста, всѣ свои способности и стремленія приурочиваютъ къ опредѣленной цѣли—къ приходу. Приходъ имъ рисуется исключительно въ видѣ доходной статьи, съ мѣшками жита и мѣрками проса—въ видѣ добротныхъ приношеній отъ болѣе зажиточныхъ прихожанъ, съ цыплатами и курами—живыми и жареными, съ пикантнымъ ароматомъ свѣжаго кнѣша, съ грудями всякаго хлѣба, съ всевозможными льготами и преимуществами, которыя пастырю долженъ оказывать всякій, и вообще съ полной чашей матеріальнаго довольства, гдѣ всего вдоволь и все готовое. Ко всему этому, въ видѣ дополненія, прибавляется служебная часть—обѣдня, вечерня, утренняя и требы. Но никогда имъ и въ голову не приходитъ мысль о томъ, съ какимъ народомъ они будутъ имѣть дѣло, какія обязанности возлагаетъ на нихъ состояніе на приходѣ, будутъ ли они вліять на паству и какъ будутъ вліять. И когда они достигаютъ желанной цѣли, то выработываются изъ нихъ пастыри—исполнители требъ. Ихъ зовутъ на потребу—они идутъ, а прихожане съ своей стороны несутъ имъ доходы. И прихожане смотрятъ на нихъ какъ на исполнителей, и не чаютъ отъ нихъ никакой духовной пищи, кромѣ той, какая полагается по чину служенія и по требнику.

Эти „студенты семинаріи“ любознательность свою ограничиваютъ учебниками, а изъ литературы читаютъ лишь тѣ, что находится въ христоматіяхъ и разныхъ пособіяхъ. По части богословской литературы они уходятъ не дальше этого. Такимъ образомъ извнѣ ничто имъ не мѣшаетъ вести свою линію, т.-е. говорить къ приходу въ смыслѣ доходной статьи. Впослѣдствіи, когда имъ приходится попасть въ кружокъ образованныхъ людей, они нерѣдко поражаютъ краткими, но авторитетными отзывами о томъ, что Гоголь былъ хорошеі писатель, Тургеневъ написалъ

„Бѣжинъ лугъ“, а Пушкинъ— „Телѣгу жизни“ и „Бѣсы“. На приходѣ они начинаютъ выписывать „Ниву“ и „Епархіальныя вѣдомости“, вполне ограничивая этимъ всѣ свои связи съ интеллигентнымъ міромъ; а ежели на нихъ посмотрѣть со стороны, то становится грустно отъ ихъ ограниченности и темноты, и думается: чему они могутъ научить темнаго человѣка? Какимъ свѣтомъ просвѣтить его? Мало-по-малу, съ годами, они забываютъ даже то, что находится въ христоматіяхъ, и вмѣсто того, чтобы возвышать пасомыхъ до своего уровня, незамѣтно уподобляются имъ, впитывая въ себя всѣ ихъ предразсудки и заблужденія.

Отецъ Макарій Силоамскій въ бытность въ семинаріи состоялъ также и архіерейскимъ пѣвчимъ. У него былъ высокій теноръ, и одно время его свѣтскіе знакомые совѣтовали ему даже готовиться на сцену. Но онъ смотрѣлъ на вещи здраво, за славой не гонялся и журавлю въ небѣ предпочиталъ синицу въ рукахъ, т.-е. приходъ. Архіерей назначилъ его въ Луговое за его пѣвческія заслуги, такъ какъ за Луговымъ оставалась репутація прекраснаго прихода. Онъ купилъ домъ о. Родіона черезъ какого-то посредника и пріѣхалъ въ Луговое съ самыми радужными „приходскими“ мечтами. Но на первыхъ же похоронахъ онъ былъ ужасно смущенъ, не получивъ никакого дохода. Ему было нелегко на первомъ дебютѣ обратиться съ претензіей прямо къ мужику. Поэтому онъ освѣдомился у причта.

— А какъ же насчетъ вознагражденія? У васъ какъ? когда дадутъ? До или послѣ?

— У насъ совсѣмъ не дадутъ!—сказалъ Дементій и при этомъ съ невѣроятнымъ лукавствомъ посмотрѣлъ на діакона. Взглядъ его говорилъ: „блюдите, отецъ діаконъ, какую онъ сейчасъ року скорчить!“

Но Силоамскій рожи никакой не скорчилъ, а взглянулъ на него въ упоръ, почти гнѣвно.

— Я не ради шутки спрашиваю!—сердито сказалъ онъ:— а нужно же мнѣ знать порядки!

Дементій опять выразительно повосилъ на діакона: „нѣтъ, вы-таки блюдите, о. діаконъ, блюдите!“

— Порядокъ у насъ такой, что за требы ни копѣйки! Совершенно даромъ. Вполнѣ. Только вотъ хлѣбъ, который на панахидкахъ и прочее, это принимаемъ.

— Вы, кажется, хотите морочить меня!—по прежнему сердито, но въ то же время съ легкимъ отгнѣнкомъ тревоги сказалъ Силоамскій.

— Какъ же можно? Развѣ я посмѣлъ бы? Отецъ діаконъ, подтвердите!

— Истинно такъ! — сказали діаконъ:— до о. Кирила были доходы и очень даже хорошіе, а о. Кирилъ вывели это.

— Какъ вывели? Какимъ же образомъ жить? Надо же жить какъ-нибудь! Да нѣтъ... я просто этого не понимаю!

„А вотъ погоди, поймешь!“ подумалъ Дементій и объяснилъ:— „А жить? жить надо на жалованье! Госпожа помѣщица отъ себя жалованье назначила: священникамъ по пятидесяти въ мѣсяць, а намъ много поменьше!..“

Силоамскій машинально вынулъ цвѣтной платокъ и вытеръ потъ, выступившій у него на лбу. Онъ почувствовалъ себя такъ, какъ будто внезапно попалъ въ ловушку.

— Такъ вотъ какіе порядки! Приходъ безъ дохода?! ха, ха!.. Ну, это мы посмотримъ, это мы посмотримъ!.. Надо обсудить, по какому праву такъ распоряжается настоятель! Мы посмотримъ!

Онъ сказалъ это съ нескрываемой злобой и, забывъ о необходимости сохранить благочестивый видъ, снималъ облаченіе съ такой энергіей, словно хотѣлъ разорвать его на части.

Дементій и діаконъ ужасно злорадствовали. Силоамскій имъ не нравился, и они даже цѣной воспоминанія о потерѣ прежнихъ доходовъ, съ удовольствіемъ ранили его сердце этимъ объясненіемъ. Сами они уже совсѣмъ успокоились. На землѣ Кирила, которую они подѣлили пополамъ, уже зеленѣли первые всходы, и они въ самомъ дѣлѣ чувствовали себя помѣщиками. Силоамскій отправился сперва домой, но сейчасъ же высочилъ изъ комнаты, схватилъ шляпу и помчался въ Кирилу. Войдя въ квартиру настоятеля, онъ даже забылъ поздороваться и прямо приступилъ къ дѣлу. Онъ сразу началъ кричать высочайшимъ теноромъ:

— Позвольте, отецъ Кирилъ! Что же это такое? Что это за порядки? По какому праву? На какихъ такихъ основаніяхъ?

— Въ чемъ дѣло? Въ чемъ дѣло?—спросилъ Кирилъ, вставая изъ-за обѣденнаго стола и вытирая салфеткой губы. Марья Гавриловна смотрѣла на Силоамскаго съ испугомъ.

— Да нѣтъ, я васъ спрашиваю: на какомъ основаніи? Гдѣ такой законъ? Покажите мнѣ его, этотъ законъ!—продолжалъ Силоамскій, совершенно обезумѣвшій отъ разочарованія въ „лучшемъ, доходнѣйшемъ приходѣ“.—Хотя вы настоятель, но этого вамъ не дано. Нѣтъ, этого не дано! Извините-сь!

— Да въ чемъ же дѣло, о. Макарій? Я ничего понять не могу!

— Какъ въ чемъ дѣло? Вы искоренили законные доходы и

завели какое-то жалованье, какія-то тамъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ... Очень мнѣ нужно ваше жалованье! Я имѣю право на законный доходъ!

— Да, — сказалъ твердо и внушительно Кирилъ:— у насъ такіе порядки, и вамъ придется подчиниться имъ!

— Ни за что! Чтобы я подчинился этимъ порядкамъ, которые вы выдумали? Да никогда! Я отказываюсь отъ вашего жалованья, и буду требовать то, что мнѣ слѣдуетъ. Да какое вы имѣете право? Это превышеніе правъ! Я буду жаловаться — и васъ... васъ въ монастырь соплютъ... Вы не думайте, что вы тамъ магистрантъ, такъ вамъ все позволять! Преосвященный меня знаетъ, я былъ у него пѣвчимъ... Вотъ что!..

— Хотя я и не былъ пѣвчимъ, тѣмъ не менѣе прошу васъ уйти отсюда, потому что вы неприлично себя ведете! — промолвилъ Кирилъ, съ трудомъ сдерживая раздраженіе. Этотъ молоденькій пастырь, едва начавшій жить своимъ трудомъ, уже такъ настойчиво и горячо требуетъ доходовъ, требуетъ права обратитъ свое служеніе въ ремесло! Это его и бѣсило, и приводило въ негодованіе, и глубоко печалило. А онъ еще такъ надѣялся на его молодость, которая, какъ онъ думалъ, мало чувствительна къ корысти. Но вотъ о. Родіонъ былъ старъ и насквозь пропитанъ старыми порядками, а между тѣмъ онъ такъ стремительно и даже нагло не требовалъ своихъ правъ на доходъ.

Услышавъ приглашеніе уйти, сказанное притомъ суровымъ тономъ, Силоамскій остановился и какъ-то сразу охладѣлъ. Онъ не желалъ оскорблять настоятеля и даже не хотѣлъ ссориться съ нимъ. Это было не въ его правилахъ. Но въ порывѣ своего негодованія онъ не замѣтилъ, что раскричался и былъ дѣйствительно неприличенъ.

— Извините! — сказалъ онъ Марьѣ Гавриловнѣ и поклонился ей: — я дѣйствительно, въ увлеченіи, того... хватилъ черезъ край и можетъ быть, сказалъ что-либо обидное. Но позвольте мнѣ объясниться.

Но Кирилъ уже не слушалъ его. Онъ въ сильномъ волненіи ходилъ по комнатѣ. Покой его былъ отравленъ. Болѣе полугода онъ былъ одинъ на приходѣ и ему казалось, что новые порядки уже привились окончательно, неискоренимо, что они въ Луговомъ сдѣлались уже закономъ, противъ котораго спорить нельзя. Но главнымъ образомъ его мучило сознаніе, что этотъ молодой такъ же мало повинаетъ его, какъ и старый о. Родіонъ, и даже еще меньше. Что же это? Неужели онъ такъ и останется воевать въ полѣ одинъ? Неужели эта вѣковая атмосфера, среди которой

развивается новое поколѣніе пастырей, такъ охватила ихъ всецѣло и пронизала насковозь, что совсѣмъ нѣтъ къ ихъ умамъ доступа для свѣтлой идеи, для осмысленнаго отношенія къ своей задачѣ. Да какая у нихъ задача? Никакой задачи у нихъ нѣтъ, кромѣ общей всѣмъ людямъ — жить въ свое удовольствіе и обезпечить старость.

Кирилъ остановился и посмотрѣлъ на Силоамскаго грустными глазами. Онъ сказалъ пониженнымъ и какъ будто утомленнымъ голосомъ:

— Что намъ объясняться, о. Макарій! Ужъ видно сразу, что мы не поймемъ другъ друга. Разные мы съ вами, слишкомъ даже разные! Разныя у насъ понятія, цѣли, стремленія. Вамъ нуженъ доходъ, а мнѣ его не нужно; васъ онъ радуетъ, а меня оскорбляетъ! Вы пріѣхали сюда затѣмъ, чтобы обезпечить себя, а я — затѣмъ, чтобы послужить бѣднымъ и темнымъ людямъ. Чтожъ намъ объясняться! И такъ ясно. Одно только скажу: дѣлайте чтò хотите, а порядками, которые я завелъ, я не поступлюсь. Вотъ все, чтò могу сказать вамъ!..

И Кирилъ опустился на диванъ, блѣдный и совершенно разстроенный. Силоамскій взглянулъ на него исподлобья, потомъ перенесъ этотъ взглядъ на Марью Гавриловну, расправилъ свою шляпу, повернулся къ двери и вышелъ.

Въ теченіе цѣлой недѣли Силоамскій хранилъ въ себѣ злобу и ничего не предпринималъ. Послѣ тирады, произнесенной Кирилломъ, онъ почувствовалъ, что его рѣшимость во чтò бы то ни стало настоять на своемъ правѣ какъ-то вдругъ поколебалась. Онъ понялъ, что у Кирила это во всякомъ случаѣ не самоудство, и странное дѣло — онъ опредѣлилъ это совершенно тѣмъ же выраженіемъ, какъ и о. Родіонъ. Онъ сказалъ: „тутъ есть заговзда!“

Прошла недѣля. Однажды вечеромъ Силоамскій пригласилъ къ себѣ діакона о. Симеона и любезно предложилъ ему откушать вмѣстѣ съ нимъ и съ матушкой чаю. Матушка была очень молоденькая и недурная собой блондинка; она говорила звонкимъ груднымъ голосомъ и чуть-чуть пришепetyвала.

— Знаете, это просто ужасно, просто ужасно! — говорила она діакону, и при этомъ ея свѣтлыя глазки готовы были заплакать. — Мы потратились, купили этотъ домъ и вдругъ такой сюрпризъ. Возможно ли, чтобы начальство терпѣло такой произволъ?

— Да-съ! а вотъ терпите! Мы съ Дементіемъ Ермилычемъ уже цѣлый годъ страдаемъ! — съ лицемѣрнымъ сочувствіемъ сказалъ діаконъ, не упомянувъ, разумѣется, о землѣ Кирила.

— А скажите пожалуйста, о. діавонъ, что это за личность — помѣщица? — спросилъ Силоамскій.

— Помѣщица-съ? Такъ личность... Господь ее знаетъ, что она за личность. Мы ее нивогда и не видимъ. Сидитъ въ своемъ саду, словно медвѣдь въ берлогѣ. Ни съ кѣмъ не водится, и отъ духовныхъ лицъ отдаляется.

— Гм... значить, подозрительная. Это бываетъ.

— Вотъ только съ о. Кириломъ очень сошлась. Часто ѣздятъ другъ къ другу.

— Такъ, такъ! Это весьма подозрительно. Весьма!.. Я поѣду къ архіерею и доложу ему.

— Къ архіерею? не совѣтоваль бы!..

— Это почему? Архіерей ко мнѣ расположенъ. Я вѣдь у него пѣвчимъ былъ, въ хорѣ пѣлъ!..

— Какъ же, какъ же! Онъ даже соло выдѣлывалъ, да!.. — не безъ нѣкоторой гордости подтвердила матушка.

— А все-таки не совѣтую! — сказалъ діавонъ: — не совѣтую!

— Да почему же, скажите пожалуйста? Вѣдь это прямое беззаконіе!.. Вѣдь нѣтъ такого закона, нѣтъ!..

— Оно положимъ. Только вотъ о. Родіонъ тоже такъ говорилъ, а поѣхалъ къ преосвященному и вышло дѣло северное. Преосвященный сказалъ ему: „я, говорить, этого священника, — т.-е. о. Кирила, — всей епархіи въ примѣръ ставлю, и всѣ его дѣйствія очень даже одобряю!“ Вотъ что сказалъ преосвященный. А когда о. Родіонъ намекнулъ на переводъ его, т.-е. о. Кирила, такъ преосвященный говорить: „нѣтъ, мнѣ его наказывать не за что, а вотъ тебя, — т.-е. о. Родіона, — пожалуй, переведу“, — и перевелъ. Вотъ какіе взгляды имѣетъ преосвященный владыка!..

— Ну, это положимъ! — самоувѣренно возразилъ Силоамскій: — то о. Родіонъ, а то я. Это далеко не одно и то же!..

— Еще бы! — сказала матушка: — я же говорю вамъ, что онъ даже выдѣлывалъ соло. Это не всякій можетъ!

Однимъ словомъ, Силоамскій рѣшилъ послѣдовать примѣру о. Родіона и отправиться къ архіерею. Онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ матушкой, которая была городского происхожденія.

Уже послѣ поѣздки о. Родіона, въ губернскомъ городѣ стали носиться кое-какіе рассказы о молодомъ священникѣ Обновленскомъ, который, будучи магистрантомъ, поѣхалъ на приходъ въ деревню и тамъ завелъ небывалый порядокъ, отказавшись отъ всякихъ доходовъ. Но тогда эти рассказы просуществовали среди духовнаго сословія не долго. Никто на нихъ не настаивалъ; самъ о. Родіонъ рассказалъ двумъ-тремъ пріятелямъ въ порывѣ наки-

пѣвшаго негодованія, но послѣ діалога съ архіереемъ своихъ разсказовъ не возобновлялъ и даже на вопросы отмалчивался.

Силоамскіе объѣхали всѣхъ своихъ знакомыхъ, которыхъ у нихъ было множество. О. Маварій посѣтилъ батюшекъ, а супруга его матушекъ.—Силоамскій зашелъ даже къ ректору семинаріи, о. Межову, и разсказалъ ему про Кирила.

— Да, да, я это почти предвидѣлъ и предупреждалъ владыку. Въ немъ и тогда еще, когда онъ пріѣхалъ изъ академіи, былъ замѣтенъ нѣкій духъ отчужденія и заносчивости.

— Онъ всегда былъ немножко сумасшедшій, а теперь совсѣмъ помѣшался!—замѣтилъ присутствовавшій здѣсь молодой Межовъ, съ большимъ успѣхомъ исполнявшій теперь должность инспектора семинаріи. — Помилуйте, съ какой статьи магистранту лѣзть въ деревню? Есть ли тутъ хоть капля смысла?

— Знаете чтѣ, Силоамскій!—предложилъ ректоръ:—вы не спѣшите къ архіерею. Я самъ прежде съѣзжу къ нему и поговорю съ нимъ серьезно. Необходимо общими усиліями образумить этого молодого человѣка! Или вотъ чтѣ: явитесь вы къ архіерею завтра часовъ въ десять, и я тамъ буду.

Разсказы про чудачества Кирила удивительно быстро облетѣли всѣ церковные дома губернскаго города и къ вечеру того же дня долетѣли до о. Гавріила Фортификантова и до Анны Николаевны.

— Что-жъ это такое, скажите пожалуйста?!—воскликнула Анна Николаевна:—онъ уже сдѣлался басней на весь городъ, на всю губернію! И это мой зять, мужъ моей дочери?! Да неужели же это такъ и останется? Отецъ Гавріиль! Ты долженъ принять мѣры! Ты долженъ поѣхать къ архіерею, просить, требовать, я не знаю чтѣ... Надо спасти нашу дочь!..

О. Гавріиль, обладавшій спокойнымъ характеромъ и обо всемъ на свѣтѣ полагавшій, что „перемелется—мука будетъ“, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе настойчивыхъ требованій жены, поѣхалъ къ ректору посоветоваться. Они условились вмѣстѣ отправиться къ архіерею. Они пріѣхали вмѣстѣ. У подъѣзда стояла архіерейская карета, запряженная четверней вороныхъ цугомъ. Они поспѣшили подняться наверхъ. Ректоръ шелъ впереди, ступая съ большимъ достоинствомъ; за нимъ мелкой походкой ретиво подымался Силоамскій, и уже въ нѣкоторомъ отдаленіи, задумчиво опустивъ голову, вяло двигался о. Гавріиль Фортификантовъ. Архіерей сейчасъ же вышелъ. Онъ былъ въ темнозеленой рясѣ съ отливами и въ клобукѣ съ длинной мантией. Въ правой рукѣ у него была солидная трость съ дорогимъ набалдашникомъ, а въ лѣвой—четки,

но не тѣ черныя, вязанныя изъ шолковыхъ нитокъ, а парадныя, изъ вакихъ-то рѣдкихъ и красивыхъ камешковъ. Онъ очевидно спѣшилъ куда-то.

— А, какой почтенный триумвиратъ!—сказалъ онъ веселымъ тономъ.—И я уже знаю, зачѣмъ вы пришли! Ты, пѣвчій, пріѣхалъ съ жалобой на Кирила Обновленскаго, такъ что-ли? Ужъ я по глазамъ вижу! А отецъ ректоръ желаетъ поддержать тебя своимъ авторитетомъ! Что же до тебя, о. Гавриилъ, то ты, полагаю, ради доброй компаніи пришелъ! Ну, въ чемъ дѣло? Говорите! кто будетъ говорить?

— Дѣйствительно, ваше преосвященство!—началъ-было Силоамскій.

— Ну, вотъ, ну, вотъ! Я же угадалъ! съ жалобой! Доходу нѣту? а? Такъ?

— Съ своей стороны считаю долгомъ сказать,—съ вѣсомъ заговорилъ ректоръ, но архіерей и ему не далъ договорить.

— Стыдитесь, други мои, стыдитесь!..—внушительно проговорилъ онъ:—радоваться надлежитъ такому явленію, какъ этотъ молодой священникъ, а вы—съ жалобой! Блага городской жизни презрѣлъ, почести отвергъ, безкорыстно ближнему служить. Что же тутъ дурного? Ну, ты, о. ректоръ, догматикъ ты извѣстный, скажи,—что тутъ дурного по существу дѣла?

— Ваше преосвященство! у него съ помѣщицей подозрительныя дѣла!—поспѣшно сказалъ Силоамскій, боясь, чтобы архіерей не перебилъ его на первомъ словѣ.

Это заявленіе вызвало удивленіе на лицѣ ректора, а о. Гавриилъ покраснѣлъ отъ негодованія.

— Глушецъ! — строго сказалъ архіерей.—За эту ложь тебя слѣдовало бы въ монастырь на мѣсяцъ послать. Ничего подозрительнаго въ его дѣлахъ нѣтъ; душою онъ чистъ какъ младенецъ!

И сказавъ это, архіерей пошелъ къ выходу. Триумвиратъ стоялъ огорошенный столь неожиданнымъ оборотомъ дѣла.

Когда они вышли во дворъ, кареты уже не было. Какъ-то само собой вышло, что всѣ трое пошли въ разныя стороны. Особенно быстро и неизвѣстно куда скрылся Силоамскій, которому было совѣстно, такъ какъ онъ понималъ, что своимъ заявленіемъ о помѣщицѣ онъ испортилъ всю музыку.

Послѣ этого эпизода въ отношеніяхъ между луговскимъ причтомъ наступило затишье. Силоамскій пріѣхалъ изъ города съ такимъ видомъ, словно ничего не случилось. Объ архіерейскомъ пріемѣ ни онъ, ни матушка не сказали никому ни слова. Когда діавонъ, сильно заинтересовавшійся исходомъ дѣла, однажды

осмѣлился спросить Силоамскаго, что сказалъ ему архіерей, тотъ отвѣтилъ съ самымъ простымъ и невиннымъ видомъ:

— Нѣтъ, я, знаете, раздумалъ и у архіерея не былъ. Не ловко какъ-то, знаете, дурно докладывать о товарищѣ. Оно похоже какъ бы на ябеду. Нѣтъ, я такъ рѣшилъ: поживу здѣсь немного, а тамъ просто попрошу перевода куда-нибудь, даже не объясняя причинъ.

Съ Кирилломъ Силоамскій былъ чрезвычайно вѣжливъ и почтителенъ; никогда не возвышалъ голоса и для большаго доказательства своего смиренія послалъ свою жену съ визитомъ къ Мурѣ. Матушки поговорили съ четверть часа, очень ловко соблюдая всѣ условія самаго тонкаго такта. Мура отдала визитъ, но этимъ и ограничилось знакомство.

Наконецъ Силоамскій не выдержалъ. Не получая никакихъ доходовъ и не успѣвъ ни засѣять, ни отдать въ аренду церковной земли, онъ смотрѣлъ на время, проведенное въ Луговомъ, какъ на потерянное. Поэтому онъ еще разъ съѣздилъ въ городъ, потратилъ массу энергіи, пустилъ въ ходъ всѣ свои пѣвческія связи и добился-таки перевода. Въ іюлѣ старый домъ о. Родіона опять опустѣлъ, и опять Кирилъ, къ своему полному удовольствію, остался одинъ на приходѣ.

ХІІІ.

Между тѣмъ луговскому населенію и цѣлому уѣзду грозила бѣда. Почти въ теченіе цѣлаго мая и весь іюнь съ неба не упало ни дождинки. Рожь, поднявшаяся было на двѣ четверти, вдругъ преждевременно пожелтѣла и выбросила жалкій колось, лишенный зерна. Рожь пропала повсемѣстно и ее скосили на солому. Надѣялись, что къ Ивану Предтечѣ погода переменится, ударитъ дождь и подыметъ пшеницу, но надежда не оправдалась, и вотъ едва поднявшаяся пшеница стала вянуть, не успѣвъ даже заколоситься. Степь на десятки верстъ кругомъ представляла грустное зрѣлище. Пожелтѣвшія нивы и черныя поля. Уныло бродилъ по бесплоднымъ пастбищамъ домашній скотъ, изможденный голодомъ и нестерпимо палящимъ зноемъ, останавливаясь среди голыхъ полей и по цѣлымъ часамъ безнадежно глядя на свѣтло-голубое небо, гдѣ не было видно ни влочва облака. По временамъ на него вдругъ находило какое-то изступленіе и онъ цѣлой гурьбой, стуча копытами по высохшей землѣ, мчался къ луговой рѣчонкѣ, но, видя вмѣсто воды извилистое, узкое русло,

такъ какъ рѣчка давно уже высохла, начиналъ стонать съ невыразимой тоской. Въ колодцахъ берегли воду какъ золото, понизко вытаскивая изъ рукъ, боясь, чтобы колодцы не высохли и не пришла смерть отъ жажды. У селянъ, однако, былъ запасъ прошлогодняго хлѣба, который они и старались расходовать экономно. Притомъ и надежда не оскудѣвала. Жито пропало—надѣялись на пшеницу; стала желтѣть пшеница—возложили надежду на просо. Но вотъ и июль приходилъ къ концу, и Илія прошелъ безъ дождя, наступилъ августъ и были похоронены всѣ надежды.

Кирилъ повсюду, и въ церкви, и на требахъ, встрѣчалъ мрачныя лица селянъ и самъ съ каждымъ днемъ становился все мрачнѣе. Проходя мимо кабака, онъ слышалъ доносившіеся оттуда крики, пѣсни и ругательства и припоминалъ, что въ лучшее время эти крики были слышны рѣже и раздавались не такъ рѣзко. И онъ думалъ о томъ, какъ странно устроено это существо, этотъ темный деревенскій человѣкъ, который въ голодные дни все-таки находитъ кое-что для того, чтобы пропить. Онъ останавливался, увѣщевалъ, старался образумить.

— Батюшка!—отвѣчали ему подвыпившіе:—все одно съ голоду попухнемъ! А такъ и умирать веселѣе!

— Не надо умирать, а бороться надо!—говорилъ Кирилъ, но тутъ же самъ начиналъ понимать, что это пустыя слова, потому что борьба немыслима. „Не бороться, а выносить терпѣливо, покорно, въ ожиданіи лучшаго“, думалось ему.

Съ половины августа появились случаи скотскаго падежа. Скотъ издыхалъ отъ истощенія и жажды, издыхалъ среди поля, гдѣ стоялъ. Въ разныхъ концахъ деревни раздавался плачь.

— Такъ и съ нами будетъ, какъ съ скотинкой!—говорили мужики и, глядя на издохшую корову, обливались такими же горячими слезами, какъ еслибы умеръ близкій человѣкъ.

Кирилъ приходилъ домой разстроенный и мрачный. Тяжелыя мысли наполняли его голову. Онъ видѣлъ людей совершенно безпомощныхъ, которымъ угрожалъ близкій голодъ. Онъ говорилъ слова утѣшенія, и тутъ же съ болью въ сердцѣ сознавалъ, что эти слова никого не утѣшатъ, что нужна помощь дѣйствительная, помощь дѣломъ, хлѣбомъ. На него напала какая-то нерѣшительность. Бывали минуты, когда ему казалось, что вся его дѣятельность, которую онъ такъ высоко ставилъ—пустая забава, не больше. Чтѣ онъ дѣлалъ? Поучалъ, просвѣщалъ, можетъ быть кого-нибудь сдѣлалъ умнѣе, просвѣтилъ чью-нибудь заблуждающуюся душу, но вотъ надо сохранить людямъ здоровье и даже жизнь—и онъ безсиленъ. Онъ пересталъ брать доходы, это хо-

рошо, но теперь это уже не заслуга, потому что, все равно, у мужиковъ давать нечего.

Однажды къ нему пришли звать на похороны, какъ разъ въ то время, когда они обѣдали съ Мурой. Явился паренекъ въ грязной, затасканной сорочкѣ, босой, съ лицомъ блѣднымъ и испещреннымъ пятнами. У него умерла мать.

— Отчего она умерла?—съ тревогой въ голосѣ спросилъ Кириль, который еще три дня тому назадъ видѣлъ его мать, Арину Терпелиху, когда она, сгибаясь подъ тяжестью ведеръ, несла отъ колодца домой воду.

— А Богъ ее знаетъ!—тупо глядя въ пространство, отвѣтилъ паренекъ.—Надо полагать, съ пищи.

— Чтѣ значить: съ пищи?—съ еще большею тревогой продолжалъ свой допросъ Кириль, уже предчувствуя въ душѣ своей что-то грозное.

— Вчерась похлебки изъ высѣвокъ поѣла, такъ ее и подвело.

— Изъ высѣвокъ? Это значить: изъ отрубей!—какимъ-то особенно глухимъ голосомъ пояснилъ онъ Мурѣ.—Отруби ѣдятъ... Вотъ до чего дошло!:

Онъ ходилъ по комнатѣ почти въ изступленіи. Въ груди у него зачиналась страшная буря. Онъ чувствовалъ, что какъ будто какая-то сила побуждаетъ его и насильно гонитъ куда-то, на какой-то подвигъ, и онъ перестаетъ принадлежать самому себѣ. Мура смотрѣла на него съ изумленіемъ и со страхомъ. Она тихо сказала пареньку:—Иди, батюшка придетъ!—И когда паренекъ вышелъ, тихо спросила:

— Кириль, чтѣ съ тобой?

Она встала и подошла къ нему. Лицо его было блѣдно; большіе глаза горѣли, какъ у больного. Она взяла его за руку, онъ остановился.—Чтѣ съ тобой, Кириль?—дрожащимъ голосомъ повторила Мура.

— Ахъ, Мура!—простоналъ онъ и припалъ головой къ ея груди. Мура чувствовала, что онъ плачетъ, старалась успокоить его, но ничего не понимала.

— Кириль, отчего это? Почему ты плачешь?

— Какъ? развѣ ты не видишь? Начинается голодъ, вотъ первая смерть отъ голода, голодная смерть, Мура, среди людей, среди оживленныхъ городовъ, гдѣ бойко идетъ торговля и люди веселятся и предаются излишествамъ! Вѣдь это ужасно, Мура! смотрѣть на это нельзя сложа руки! Нельзя ѣсть этотъ сытный

обѣдѣ, когда женщина умираетъ отъ похлебки изъ отрубей... Нельзя, нельзя!.. Надо дѣйствовать!..

Онъ говорилъ это задыхающимся голосомъ и при этомъ глядѣлъ въ окно, откуда видна деревня. Его воображенію представлялось, что смерть уже ходитъ по всѣмъ хатамъ и что онъ уже опоздалъ съ своей помощью. Вѣдь опоздалъ же онъ помочь этой женщинѣ, которая умерла отъ похлебки.

— Но чтѣ же мы можемъ подѣлать, Кирилъ? Вѣдь мы сами бѣдны!—сказала Мура.

Но Кирилъ не отвѣтилъ на это. Онъ порывисто надѣлъ на себя рясу, схватилъ шляпу и выбѣжалъ изъ комнаты. Онъ почти бѣжалъ по дорогѣ къ помѣщицѣ. Вѣтеръ вздувалъ полн его рясы, и онъ, размахивая руками и дѣлая большіе шаги, походилъ на огромную птицу, несущуюся низко надъ самой землей.

— Куда это нашъ батюшка такъ бѣжитъ?—съ недоумѣніемъ спрашивали другъ у друга встрѣчные мужики:—можетъ, чтѣ случилось такое. И блѣдный какой, точно смерть, и глаза какъ горять!..

Кирилъ не замѣтилъ, какъ прошелъ три версты. Онъ сильно дернулъ калитку сада, прошелъ садовой аллеей и не обратилъ вниманія на свирѣпый лай цѣпной собаки, которая, несмотря на то, что часто его видѣла, не могла никакъ примириться съ его рясой. Онъ поднялся на крыльцо и вошелъ въ переднюю. Тутъ ему встрѣтилась горничная.

— Гдѣ Надежда Алексѣевна?—спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, прошелъ въ столовую.

Надежда Алексѣевна только-что сѣла за обѣденный столъ. Рядомъ съ нею, на высокомъ стулѣ, сидѣлъ мальчикъ съ подвязанной подъ самую шею салфеткой. Взглянувъ на Кирила, она оставила ложку и поднялась. Видъ его былъ до такой степени необычайный, что она и не подумала пригласить его обѣдать, а прямо обратилась къ нему съ тревожнымъ вопросомъ:

— Чтѣ случилось? Говорите скорѣй! Что-нибудь съ Марьей Гавриловной, съ Гаврюшей?

— Нѣтъ, нѣтъ! Голодъ! Люди мрутъ отъ голода!—возвышеннымъ голосомъ отвѣчалъ онъ и, поднявъ руку, медленнымъ жестомъ указалъ по направленію къ деревнѣ:—Тамъ!—прибавилъ онъ.

Его тонъ, голосъ и движенія были величественны. Какъ бы почувствовавъ призваніе, онъ въ эту минуту не могъ говорить просто, а могъ только призывать, будить, проповѣдовать. Тѣ слова, которыя онъ скажетъ сейчасъ, полчаса назадъ показа-

лись бы ему напыщенными, а этотъ величественный жестъ — театральнымъ.

— Гдѣ тамъ? — спросила Надежда Алексѣевна. Ей было извѣстно, что на селѣ не ждали урожая, въ ея собственной экономіи было тоже оскудѣніе, хотя далеко не въ той степени, потому что было много земли и кое-гдѣ все-таки уродило. Но она не подозрѣвала, что дошло до голода.

— На деревнѣ! — отвѣтилъ Кириль прежнимъ голосомъ. — За мной только-что приходили — хоронить; умерла Терпелиха отъ мякинной похлебки! Значить, уже ѣсть совсѣмъ нечего. А мы съ вами вотъ вкусно и сытно обѣдаемъ и всячески наслаждаемся жизнью. Послушайте, Надежда Алексѣевна, я отдамъ все, чтѣ имѣю, но это ничтожныя крохи. Помощь нужна существенная! Вы можете помочь и должны, должны, и поможете. Вѣдь у васъ хорошее сердце!..

Никогда онъ не рѣшился бы сказать ей это въ обыкновенную минуту. Онъ счелъ бы это навязчивостью, вмѣшательствомъ въ чужія дѣла, даже попрошайничествомъ, хотя бы для другихъ. Но теперь ему не было дѣла до этихъ тонкостей житейскаго обихода; онъ смотрѣлъ прямо на дѣло и видѣлъ передъ собою фактъ — ужасную смерть отъ голода. Его блѣдное лицо дышало суровымъ вдохновеніемъ, горячіе взгляды западали глубоко въ душу. Передъ Надеждой Алексѣевной стоялъ не тотъ скромный священникъ, который иногда даже стѣснялся высказать свои взгляды, а если воодушевлялся, то видимо старался подавить въ себѣ порывъ и высказаться мягко. Передъ нею стоялъ вдохновенный пророкъ, въ длинной библейской одеждѣ, съ блѣднымъ лицомъ аскета, съ выраженіемъ глубокаго страданія мученика.

Она была потрясена и его разсказомъ, и его видомъ и манерой. Она почувствовала, что и ее охватываетъ возвышенное настроеніе, что и ею овладѣваетъ неотразимое желаніе сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ хорошее дѣло.

Охваченная этимъ чувствомъ, она взяла его руку и крѣпко пожала ее и затѣмъ быстро вышла въ другую комнату.

Черезъ двѣ минуты она возвратилась и, подойдя къ Кирилу, подала ему небольшой свертокъ ассигнацій.

— Здѣсь немного, — сказала она суровымъ и дрожащимъ голосомъ, — всего около трехъ сотъ рублей. Но въ городѣ у меня есть еще... Могу взять! Позвольте! — прибавила она, приложивъ руку ко лбу, какъ бы чтѣ соображая: — мнѣ надо поговорить съ приказчикомъ!.. — Позвали приказчика. Этотъ старикъ, съ длинной бородой и умными, пронизательными глазами, служилъ еще при

покойномъ Крупѣевѣ и происходилъ изъ вѣрстныхъ. Въ качествѣ приказчика или, какъ его называли, эконома, онъ пережилъ безалаберное управленіе молодого Крупѣева и пьяный режимъ теткина сына, а теперь руководилъ всѣмъ хозяйствомъ.

— Есть у насъ запасъ хлѣба?—спросила его Надежда Алексѣевна.

— Не много, чтò съ прошлаго лѣта осталось!—отвѣтилъ тотъ. —Ежели для продажи, такъ даже не стоитъ пачкаться: пудовъ до ста пшеницы да жита четвертей сорокъ. Ячменя пудовъ триста будетъ, да самимъ надобно. Да и всего, при нынѣшнемъ урожаѣ, пожалуй, самимъ не хватить.

— Ладно, ступай себѣ...

Но приказчикъ не уходилъ, а очевидно что-то хотѣлъ сказать.

— Барыня! Тамъ четверо мужиковъ просятъ хоть по мѣрѣ жита отпустить... Не дадите, говорятъ, съ голоду помирать придется.

— Выдать сейчасъ же! сію минуту!

— Слушаю-съ!

И приказчикъ ушелъ.

— Теперь пойдемте!—сказалъ Кириль.

— Пойдемте!—отвѣтила она и, наскоро сдѣлавъ распоряженіе насчетъ сына, очень быстро собралась. И ему, и ей почему-то казалось, что надо непременно идти пѣшкомъ, что ѣхать въ экипажѣ туда, гдѣ голодъ и смерть, непристойно, оскорбительно. И они пошли большой степной дорогой. Опять прохаживаясь съ недоумѣніемъ останавливались, видя священника и помѣщичку, поспѣшавшихъ на деревню съ взволнованными и встревоженными лицами. Они шли молча. Надежда Алексѣевна едва поспѣвала за Кириломъ.

Смерть Терпелихи была только вывѣской несчастья, постигшаго Луговое. Терпелиха умерла случайно, потому что съ голоду набросилась на мябинную похлебку и съѣла ея слишкомъ много. Но голодъ поселился уже въ половинѣ хатъ огромнаго мѣстечка. Хлѣба въ этихъ хатахъ совсѣмъ не было, а отрубей прошлогонихъ осталось немного, тò, чего не доѣли свиньи. Въ нѣкоторыхъ домахъ пробовали убивать на мясо скотъ, но несчастныя животныя были до такой степени худы и измождены, что убой почти не достигалъ цѣли. Дѣти вяло играли въ дворахъ, блѣдныя, съ опухшими животами. Кириль и Надежда Алексѣевна начали съ крайней хаты, и съ каждымъ дворомъ ихъ отчаяніе росло. Почти во всѣхъ хатахъ оказывались больные, которые валялись на печкахъ безъ всякаго присмотра, потому что остальнымъ было

не до нихъ. Мужчины пытались ходить на заработки, но идти приходилось слишкомъ далеко, потому что во всемъ уѣздѣ былъ неурожай. При томъ плата за рабочія руки до того понизилась, что не стоило работать. Было очевидно, что формальный голодъ длился уже нѣсколько недѣль и теперь послѣдствія его должны были обостриться.

— Почему же вы таили? Почему никто не обратился за помощью ко мнѣ?—спрашивала Надежда Алексѣевна.

Но на это ей отвѣчали молчаньемъ. И ей почудилось, что даже и теперь ея помощь принимали они неохотно, съ недоверіемъ. „Пожалуй, еслибы со мной не было священника, они не пустили бы меня въ домъ“, думалось ей, и все это казалось ей естественнымъ и понятнымъ. Сколько лѣтъ она жила здѣсь бокъ-о-бокъ съ деревней и не интересовалась тѣмъ, что здѣсь дѣлается, что думаютъ и какъ живутъ эти люди. Она затворилась въ скорлупѣ своего презрѣнія къ людямъ и занималась любовью къ своему сыну. Но развѣ эти люди вызвали въ душѣ ея презрѣніе? Нѣтъ, другіе, а она уклонялась и отъ этихъ, и ее видѣли только по большимъ праздникамъ въ церкви, изъ которой она спѣшила домой и опять затворилась одна въ своемъ полуразрушенномъ замкѣ, окруженномъ садомъ. За это равнодушіе они платили ей недоверіемъ.

Они ходили до поздней ночи и пришли въ церковный домъ совершенно усталые. Мура была въ ужасномъ безпокойствѣ. Она не могла понять, куда дѣвался Кирилъ, и вообразила Богъ знаетъ что.

— Ахъ, еслибы ты могла видѣть, что тамъ дѣлается,—восклицать онъ, — ты оставила бы все и пошла туда. Голодные и больные—и ни откуда помощи!.. Какая ужасная судьба захоlustья! Пока все благополучно, живетъ оно себѣ изо дня въ день, кое-какъ перебивается и ничего не требуетъ. Но чуть strаслась бѣда—тутъ и оказывается, что оно вполнѣ одиноко, точно на островѣ среди океана! Боже мой! сколько въ столицахъ и городахъ толкается людей съ умомъ, съ образованіемъ и сердцемъ, но безъ дѣла или даже съ глупымъ дѣломъ! Да идите же сюда, идите въ это темное захоlustье! Здѣсь васъ томительно ждеть живая работа! И какая жестокость! Подлинно — homo homini lupus est. Эти жадные лавочники сейчасъ же воспользовались бѣдой и подняли цѣны на съѣстные припасы до невѣроятныхъ размѣровъ, точно во время войны! Ужасно!

— Это очень грустно!—съ искреннимъ соболѣзнованіемъ ска-

зала Марья Гавриловна:—но мы ничего не можемъ подѣлать... Мы вѣдь сами ничего не имѣемъ!..

Кирилъ промолчалъ, но сурово нахмурилъ брови. Надежда Алексѣевна задумчиво смотрѣла въ окно. Она думала о томъ, какое это странное супружество и какъ мало они подходятъ другъ къ другу. Онъ—пылкій энтузіастъ, идеалистъ, почти фанатикъ своей идеи, способный ради нея забыть обо всемъ на свѣтѣ; она—ограниченное существо, встрѣчающее удивленіемъ всякую свѣжую мысль, всякій сколько-нибудь нешаблонный поступокъ. Она не понимаетъ его нисколько, а онъ такъ мало внимателенъ къ своему собственному положенію, что, повидимому, до сихъ поръ этого не замѣчаетъ.

Кирилъ засѣлъ за письма. Онъ писалъ въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ въ губернской городъ всевозможнымъ властямъ, описывая мрачными красками положеніе Лугового; требовалъ врача, лекарствъ, хлѣба... Затѣмъ онъ составилъ воззваніе для помѣщенія въ газетѣ, гдѣ онъ умолялъ гражданъ о помощи. Приготовивъ все это, онъ сейчасъ же снарядилъ церковнаго сторожа, взялъ крѣпкую и быструю лошадь у Крупѣвой и отправилъ его въ городъ. Исполнивъ это, онъ опять пошелъ на село. Было около трехъ часовъ утра. Въ деревнѣ уже просыпались. Надежда Алексѣевна потребовала изъ дому экипажъ, сѣздила въ усадьбу, убѣдилась, что сынъ ея спитъ спокойно, и тотчасъ вернулась въ деревню.

Они неустанно работали въ теченіе двухъ сутокъ. Всюду, гдѣ была нужда, они раздавали деньги и хлѣбъ, но главное вниманіе сосредоточивали на больныхъ, которыхъ было множество. Они старались разгадать болѣзнь, но не могли. Былъ жаръ и бредъ, и Кирилъ догадывался, что это брюшной тифъ, но рѣшительно безъ всякихъ основаній, потому что онъ не зналъ симптомовъ. Въ эти дни ему пришлось похоронить троихъ, а Терпелиха была четвертой. На третій день къ нимъ пристала доброволица. Это была жена мѣстнаго писаря, женщина лѣтъ сорока, съ совершенно изрытымъ оспой лицомъ и съ добрымъ сердцемъ. Нѣкогда она была сестрой милосердія, ѣздила даже въ Турцію и кое-что помнила изъ лечебныхъ приемовъ. Она сейчасъ же принялась растирать, ставить компрессы, горчичники и припарки, и даже давала что-то внутрь.

На третій день пріѣхалъ изъ города докторъ, и этимъ пона ограничилась помощь губернскаго города.

XIV.

Марья Гавриловна проводила теперь цѣлые дни въ слезахъ. Кирилъ оставлялъ ее одну. Онъ изрѣдка, раза два въ день, заходилъ домой, растерянно передавалъ ей свои впечатлѣнія и опять уходилъ. Мура десять разъ собиралась поговорить съ нимъ, но это не удавалось. Однажды она насильно заставила его выслушать себя.

— Кирилъ, что же это ты дѣлаешь? Что ты дѣлаешь? — спросила она, держа платокъ на-готовѣ, потому что слезы лились у нея каждую минуту.

Кирилъ посмотрѣлъ на нее неопредѣленнымъ взглядомъ и какъ будто не понялъ вопроса.

— Ты посмотри на себя, на что ты сталъ похожъ?! Лица на тебѣ нѣтъ! Вѣдь ты заболѣешь, умрешь...

— Полно, Мура, объ этомъ вовсе не слѣдуетъ думать! Это мой долгъ, я его исполняю!

— Ты выдумалъ себѣ этотъ долгъ! Ты забываешь, что у тебя жена и ребенокъ!

— Да, Мура, ты права! Бываютъ минуты и даже часы, когда это забываю. Но развѣ можно помнить, когда передъ тобой столько горя и страданій!—задумчиво промолвилъ Кирилъ.

— Всѣхъ страданій не утолишь, всего горя не излечишь!

— Не говори такъ, Мура! не говори, прошу тебя! Такъ говорятъ люди, которые не хотятъ утолить ни одного страданія, излечить ничего горя. Всѣхъ не утолишь, такъ утоли тѣ страданія, которыя видишь, сдѣлай то, что въ силахъ. И откуда ты набралась этой проклятой житейской мудрости, заглушающей въ тебѣ голосъ сердца? Ахъ, Мура, еслибы ты знала, какъ мучительно мнѣ это слышать отъ тебя!.. Вѣдь ты моя жена, мы связаны съ тобой неразрывно. И что же? Ты хватаешь меня за полу и хочешь удержать меня дома, когда я иду на святое дѣло милосердія и состраданія! Но вѣдь мы еще такъ молоды! только теперь, въ эти годы, человекъ охотно отдается благороднымъ порывамъ и жертвуетъ своимъ личнымъ благомъ. Вѣдь придутъ года спокойной зрѣлости, когда и мы, вѣроятно, будемъ коснѣть въ равнодушіи ко всему, кромѣ своего маленькаго гнѣзда. Зачѣмъ же спѣшить, Мура? Зачѣмъ спѣшить?

— Не понимаю я этого, не понимаю, Кирилъ, и вижу только одно, что ты меня вовсе не любишь! Ты всѣхъ любишь больше, чѣмъ меня и нашего сына!..

— Полно, Мура! Чтожъ, это правда, я всѣхъ людей люблю, а тебя и Гаврюшу люблю особо. Чтожъ мнѣ дѣлать, если я не могу иначе?... Нѣтъ, нѣтъ, Мура,—съ приливомъ бодрости и почти весело прибавилъ онъ и при этомъ полопелъ къ ней, взявъ ея руку и поцѣловалъ ее въ голову:—не говори этого, не останавливай меня! Ты здорова и сынъ нашъ здоровъ, вы теперь не нуждаетесь въ моихъ заботахъ, а тамъ—еслибы ты знала, еслибы ты видѣла, какъ тамъ въ этомъ нуждаются!..

Онъ ушелъ, а Мура опять принялась плавать. А тутъ еще явилась Оекла съ своими причитаньями:

— Чтд это дѣлается, совсѣмъ даже понять нельзя!—восклицала она, вытирая слезы переднѣюмъ:—какъ посмотрю я на васъ, матушка, несчастненькая вы, какъ есть несчастненькая! Вотъ даже покушать вамъ какъ слѣдуетъ нечего... яичко да сметанка, словно монашенка какая!

Мура дѣйствительно питалась теперь сухоядѣниемъ. Кирилъ роздалъ прихожанамъ все августовское жалованье, и они довольствовались тѣмъ, чтд доставала Оекла въ долгъ у лавочниковъ. Оекла продолжала:

— День и ночь одна-одинешенька, съ малюточкой-маленькимъ, словно не мужняя жена, а вдовица сирая! а онъ, муженькъ-то, батюшка-то нашъ, тамъ съ панной этой... Господь его знаетъ!.. Я не говорю, чтобы чтд, Боже сохрани, какъ можно! Батюшка, извѣстно, священникъ, какъ можно! А все-жъ-таки Господь его знаетъ!..—Мура смотрѣла въ окно, чтобы спрятать лицо отъ Оеклы. Но послѣднѣя слова какъ-то надорвали ее, и она громко зарыдала. Въ окно она видѣла, какъ Кирилъ шелъ по деревенской дорогѣ, какъ онъ встрѣтился съ маленькимъ, толстенькимъ господиномъ—она знала, что это докторъ, присланный изъ города, потомъ ихъ нагнала коляска, въ которой сидѣла Надежда Алексѣевна; Кирилъ и докторъ сѣли въ экипажъ, и они втроемъ поѣхали на другой конецъ деревни. Мура отвернулась отъ окна. Было ли это слѣдствіе разстройства нервовъ, или на нее повліяли намеки Оеклы, но она въ эту минуту ясно почувствовала неприязнь къ Надеждѣ Алексѣевнѣ.

Какой-то неопредѣленный гулъ въ церковной оградѣ заставилъ ее вздрогнуть. Она вытерла слезы и выбѣжала на крыльцо. Когда она увидѣла подѣхавшій къ самому крыльцу экипажъ, сердце у нея страшно забилося и дыханіе сперлось. Черезъ двѣ секунды она лежала безъ чувствъ въ объятіяхъ Анны Николаевны, а старый дѣвонъ Обновленскій дрожащими руками подерживалъ ее.

Муру внесли въ комнату и положили на диванѣ; она лежала въ обморокѣ. Пока принимали кое-какія мѣры, Фегла попотомъ успѣла вратцѣмъ познакомить ихъ съ положеніемъ дѣла.

— И повѣрите ли, милая матушка, что онѣ терпятъ, такъ даже уму непостижимо: день деньской однѣ съ младенцемъ! кушать, повѣрите ли, кушать нечего! о. Кирилъ все съ панной этой по хатамъ...

И все до малѣйшей подробности. Старый діаконъ слушалъ, повѣсивъ голову и чувствуя себя виноватымъ за сына. Его нарочно выписали изъ Устимьевки и взяли въ Луговое для того, чтобы онъ своимъ отеческимъ внушеніемъ образумилъ сына. Хотя онъ очень хорошо зналъ, что это ему не удастся, тѣмъ не менѣе не смѣлъ ослушаться приказанія соборной протоіерейши и поѣхалъ.

— Не чаяла я застать здѣсь что-нибудь доброе, — со слезами говорила протоіерейша, — но такихъ дѣлъ отъ твоего сына не ожидала, нѣтъ, не ожидала!

А діаконъ все сидѣлъ съ опущенной головой и положилъ руки на колѣни. Онъ зналъ, что скажетъ ему сынъ. Онъ скажетъ: „вѣдь это, батюшка, по-евангельски; я самарянинъ, взявшій на плечи болящаго и омывающій его раны!“ И старикъ ничего не найдетъ отвѣтить ему.

Мура пришла въ себя и встала съ дивана. — Ахъ, молоко испортилось! — сказала она: — чѣмъ я покормлю Гаврюшку?!

На разпросы матери она сперва отмалчивалась, но потомъ рассказала все. Анна Николаевна рѣшительно объявила, что больше она не потерпитъ этого посмѣванія и проучить его такъ, что онъ сразу опомнится. Она велѣла Мурѣ сію же минуту собирать узлы и укладывать вещи. Фегла вполне одобряла это и дѣятельно помогала.

— А, такъ такъ, голубушка-матушка! И повѣрите, что онъ, батюшка, образумится! — говорила она.

Мура испугалась этого рѣшенія, просила подождать, подумать, но протоіерейша была неумолима.

— Если онъ любить тебя и сына, то повѣрь, что сейчасъ же прилетитъ за вами; а не любить — чортъ съ нимъ! — рѣшительно заявила она, и діаконъ, который слышалъ это, не могъ вынести такого отзыва и вышелъ. Онъ пошелъ на село искать сына, чтобы предупредить его о грозящей бѣдѣ. Но пока онъ искалъ Кирила, узлы были увязаны и Мура, обливаясь слезами, уѣхала въ городъ съ матерью и сыномъ.

Довторъ опредѣлили въ Луговомъ эпидемію брюшного тифа.

Это былъ на видъ смѣшной человѣчекъ—небольшого роста, толстенный и плечистый. Ходилъ онъ мелкой, но ужасно твердой походкой, подчеркивая каждый шагъ и при каждомъ шагѣ выдвигая впередъ то одно, то другое плечо. Лицо у него было красное, съ широкой, но не длинной четырехъ-угольной бородой русаго цвѣта съ рыжеватымъ отгѣнкомъ, носъ вздернутый вверху, глаза сѣрые, большіе, а волосы на головѣ густые, остриженные ежомъ. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрую парусину, съ парусиновой же фуражкой, возырекъ которой торчалъ перпендикулярно къ большому лбу.

Онъ приступилъ къ дѣлу энергично и сразу сталъ обращаться съ Кириломъ и Крупѣвой какъ съ старыми знакомыми. Звали его Аркадіемъ Андреевичемъ Сапожковымъ.

— Вы бы, барынька, выспались хорошенько, а то вы вмѣсто рта въ ухо лекарство льете!—говорилъ онъ Надеждѣ Алексѣевнѣ.

Это было преувеличено. Надежда Алексѣевна очень внимательно исполняла обязанности сестры милосердія; но въ тотъ день, когда пріѣхалъ докторъ, она дѣйствительно была страшно утомлена бессонницей. Въ теченіе двухъ сутокъ она не смыкала глазъ. Кирилу онъ сказалъ, что изъ него могла бы выйти прекрасная сидѣлка, а писареву жену похвалилъ за ловкость, только убѣдительно просилъ не ставить горчишниковъ. У него былъ одинъ большой недостатокъ: на каждомъ шагѣ онъ бранился въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? — вкраткѣ спрашивалъ его Кирилъ: — неужели нельзя безъ этого?

— Положительно немислимо, батюшка, положительно немислимо!—отвѣчалъ тотъ.— Вотъ-съ, напримѣръ, я довольно ловкій лекаръ: видите—люди выздоравливаютъ. Но отнимите у меня право выражаться по душѣ, влянусь честью, вся моя ловкость къ чертямъ пойдетъ!.. Это, знаете, помогаетъ, ужасно помогаетъ! Надо вамъ знать, батюшка, что я десять лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою молокососомъ, въ военномъ лазаретѣ упражнялся, тамъ и научился этому...

Онъ прибавилъ, что присутствіе женщинъ всегда стѣсняетъ его, потому что при нихъ надо прикусывать языкъ.

— Но вы, батюшка, меня удивляете!—говорилъ онъ Кирилу.— Много я въ своей жизни батюшекъ видѣлъ — и молодыхъ и старыхъ, и важныхъ и скромныхъ. Но всѣ они большею частью запирались въ клѣтѣ свою въ подобныхъ случаяхъ. Страшно боялись заразиться. А вы—храбрый батюшка!

Сапожковъ работалъ неустанно, и ему удалось значительно

ослабить эпидемію. Это было тѣмъ легче, что теперь уже ни въ одной хатѣ не ѣли мясину, а вездѣ былъ хлѣбъ. Узнавъ, что торговцы подняли цѣну на съѣстные продукты, Саложковъ полетѣлъ на базаръ, гдѣ было зданіе въ родѣ гостинаго двора, въ которомъ размѣстились еврейскія лавки. Здѣсь онъ разыгралъ грозное начальство и поднялъ страшный крикъ.

— Ахъ вы, слякіе-такіе! — кричалъ онъ, и топалъ при этомъ ногами: — Да я васъ... Знаете ли, что я могу сдѣлать? Я могу всѣхъ васъ въ тюрьму засадить, ежели вы только не станете сію же минуту продавать по-человѣчески! Могу сейчасъ же изъ города вызвать роту солдатъ! Слыхали?

И въ доказательство своего могущества онъ прибавилъ нѣсколько очень крѣпкихъ словъ.

Базаръ струсилъ и понизилъ цѣны до нормальныхъ. Этотъ маленькій докторъ вообще дѣйствовалъ крайне рѣшительно. Онъ видѣлъ, что у его добровольныхъ помощниковъ не хватаетъ силъ, да и число ихъ слишкомъ незначительно — всего трое, тогда какъ у него формальныхъ больныхъ насчитывалось десятка три. Поэтому онъ разыскивалъ старухъ, тащилъ ихъ къ больнымъ и заставлялъ ихъ быть сидѣлками.

— Все равно — даромъ только воздухъ портишь! — говорилъ онъ при этомъ. — Что? Боишься заразы? Смерти боишься? Эка важность! Ну, умрешь, похоронять, сгниешь, черви съѣдятъ, и все тутъ! Ступай, ступай! Нечего мѣшкать!

Мужики были отъ него въ восторгѣ; особенно имъ нравились, что онъ употребляетъ крѣпкія словечки.

— Могу васъ увѣрить, что многіе изъ нихъ отъ одного этого выздоравливаютъ! — говорилъ онъ Кирилу. — Услышите родное словечко, и духъ возрадуется и воспрянетъ!..

Діаконъ Обновленскій нашелъ Кирила, по указанію мужиковъ, на другомъ концѣ села. Въ хатѣ, куда онъ вошелъ, было темновато. На него сразу повѣяло какимъ-то больничнымъ воздухомъ. Онъ замѣтилъ двѣ группы. Одна, въ которой были докторъ и Надежда Алексѣевна, возилась у высокой кровати. Тутъ, подъ овчиннымъ тулупомъ, лежала пожилая женщина, отвинувъ голову назадъ и закрывъ глаза. Докторъ возился съ термометромъ. Діаконъ прищурился, стараясь разглядѣть Кирила, но не нашелъ его. Тогда онъ обратилъ вниманіе на другую группу. На низкомъ „припечкѣ“ лежалъ мальчуганъ лѣтъ десяти, прикрытый какой-то женской кофтой. Кирилъ держалъ его за руку. Діаконъ подошелъ къ нему. Взглянувъ на сына, онъ испугался худобы и блѣдности его лица. Кирилъ самъ подходилъ на больного.

— Кириль!—тихо сказалъ онъ надъ самымъ его ухомъ, и когда Кириль поднялъ на него глаза, діаконъ покачалъ головой. Кириль оставилъ руку больного и всталъ. Онъ поцѣловалъ отца въ губы.

— Видите, батюшка, что у насъ дѣлается! ужасно!—сказалъ онъ, и, обратившись къ доктору и Крупѣвой, прибавилъ: — это мой отецъ! Добрѣйшій старикъ!..

Докторъ приподнялся и подалъ діакону руку, Надежда Алексѣевна кивнула ему головой и пристально посмотрѣла на него, какъ бы вглядываясь въ черты его лица.

— Выйдемъ на минутку!—сказалъ Кирилу діаконъ.

Кириль взялъ шляпу и они вышли во дворъ.

— Видишь, я не одинъ пріѣхалъ, теща твоя тоже тутъ.. Она гнѣвается, и жена твоя тоже недовольна.

— А вы?—спросилъ Кириль.—И вы недовольны?

— Не обо мнѣ рѣчь. Протоіерейша, Анна Николаевна, хочетъ увести жену твою и сына...

Кириль на минуту задумался, какъ бы размышляя, хорошо это или дурно. Потомъ онъ сказалъ:—Чтожь, это хорошо, что они уйдутъ. Тамъ имъ лучше будетъ. Здѣсь безпокойство и недостатокъ. Когда это кончится, Мура пріѣдетъ.

— А тебѣ не будетъ скучно, Кириль?

— Нѣтъ,—твердо прибавилъ онъ:—не будетъ!..

Діаконъ сѣлъ на заваленѣ, а Кириль ушелъ въ хату.

Старикъ оставилъ мысль о томъ, чтобы подѣйствовать на сына. Тонъ, которымъ говорилъ Кириль, не допускалъ никакой надежды. Видно было, что онъ глубоко проникся своимъ призваніемъ и никакія обстоятельства, никакія личныя и самыя тяжелыя потери не въ силахъ оторвать его отъ дѣла, которому онъ отдался всѣмъ существомъ своимъ. И странное дѣло! Дотогѣ встревоженный, теперь, повидавшись съ сыномъ, онъ какъ-то сразу успокоился, точно побѣжденный его подвижническимъ видомъ, его спокойною рѣчью.

Углубленный въ размышленіе, діаконъ вдругъ очнулся, почувствовавъ, что рядомъ съ нимъ на заваленѣ кто-то сѣлъ. Онъ взглянулъ на сосѣда. Это былъ глубокой старикъ, совершенно сѣдой, съ сморщеннымъ лицомъ, съ мутными, выцѣвѣвшими глазами. Онъ плакалъ, вытирая слезы кулакомъ.

— Э, дѣдъ! Что плакать? Богъ милостивъ!—сказалъ діаконъ, желая его утѣшить.

— Ахъ, миленькій, я не объ томъ, не объ томъ! — драблымъ голосомъ промолвилъ дѣдъ, очевидно, зрѣніемъ не разли-

чая, кто сидитъ рядомъ съ нимъ.—Отъ радости плачу, миленькій, отъ радости!

— Чему жъ ты радуешься, дѣдъ?

— Христовы люди на землѣ проявились, вотъ что! Все одно какъ бы мученики. Примѣрно, батюшка: младъ, а какіе подвиги подвѣлялъ... Ахъ-ахъ-ахъ!.. Восемь десятковъ на свѣтѣ живу, миленькій, а такого не видалъ. Истинно посланецъ божій!.. И опять же барынька и лекаръ какъ трудятся... Ангелы, а не человѣки!.. Истинно ангелы. И знаешь, миленькій: когда видишь стаяхъ людей—и грѣшится стыдно... Ангелы, ангелы!..

Старикъ крестился и плакалъ. Умиленный діаконъ едва сдерживалъ слезы.

Когда они съ Кириломъ возвратились въ церковный домъ, тамъ было пусто. Кирилъ зашелъ въ спальню, взглянулъ на комодъ, съ котораго были убраны всѣ мелкія принадлежности туалета Муры, посмотрѣлъ на дѣтскую кроватку, на которой лежалъ обнаженный тюфачекъ, и какое-то неприятное чувство отчужденности стѣснило ему грудь. „Ухъать, даже не простившись! —мысленно укорилъ онъ Муру:—какъ же далеки мы другъ отъ друга!“

Съ отцомъ онъ говорилъ мало. Діаконъ поскорѣ уложилъ его спать. Глядя на его горячіе глаза и лихорадочно высохшія губы, онъ сильно боялся за здоровье Кирила.

„Да и не жилецъ ты, нѣтъ, не жилецъ!—съ грустью думалъ онъ далеко за полночь, сидя у его изголовья. Думалъ онъ тоже и о томъ, откуда у его сына взялась такая горячая душа. Мать—озлобленная женщина, самъ онъ—робкій, забитый человѣкъ. Вотъ Назаръ—совсѣмъ другой, да и Меѳодій еще съ третьяго класса о хорошемъ мѣстѣ помышляетъ. „Въ кого же ты удался, сыночекъ?“ мысленно спрашивалъ старикъ, не спуская глазъ съ блѣднаго лица Кирила. А Кирилъ спалъ глубокимъ сномъ послѣ сорока восьми часовъ бодрствованія и работы.

XV.

Былъ пасмурный день. Трезвонъ небольшихъ колоколовъ луговской церкви раздавался въ этотъ день какъ-то особенно торжественно. Церковь была биткомъ набита народомъ и даже въ оградѣ было тѣсно. Такая толпа близъ церкви бываетъ только въ ночь пасхи. Послѣ тяжелой недѣли наступило воскресенье. Въ этому дню на деревнѣ уже вздохнули свободнѣе. Знанія ма-

ленькаго доктора Сапожкова, энергія Кирила, которая вдохновляла и подталкивала къ работѣ импровизированный кружокъ добровольцевъ, и щедрость Крупѣевой—сдѣлали свое дѣло. Кирилъ служилъ обѣдню. Никогда еще прихожане не видѣли его такимъ, каковъ онъ былъ теперь. Сильно похудѣвшій, съ шпальными щеками, блѣдный, онъ казался въ своемъ священническомъ облаченіи выше, чѣмъ прежде. Утомленный мучительной недѣлей, онъ ступалъ медленно и молитвы произносилъ не спѣша и вдумчиво выговаривая каждое слово. Голосъ его былъ тихъ, но въ церкви стояла такая тишина, въ воздухѣ носилось такое вниманіе, что ясно было слышно каждое его слово.

Въ церкви была Надежда Алексѣевна. Она тоже была блѣдна и замѣтно похудѣла. Рядомъ съ нею стоялъ и съ удивленіемъ разглядывалъ церковь и все происходившее вокругъ—ея черноглазый мальчишъ. Крупѣева никогда не водила его въ церковь. Но въ этотъ день ей захотѣлось, чтобы онъ непременно видѣлъ, какъ Кирилъ служитъ и народъ молится. Діаконъ Обновленскій забрался на клиросъ и скромно подтягивалъ Дементію. Неподалеку отъ клироса стоялъ докторъ Сапожковъ, который считалъ свое порученіе оконченнымъ и собирался въ этотъ день уѣхать въ городъ.

Обѣдня кончилась, народъ сталъ выходить изъ церкви, но не расходился по домамъ, а оставался въ оградѣ. Толпа суетилась до того, что движеніе должно было прекратиться. Повидимому, всѣ чего-то ждали. Вотъ уже въ церкви не осталось никого изъ прихожанъ. Только Крупѣева и докторъ ждали, поза разоблачится Кирилъ, такъ какъ Надежда Алексѣевна просила ихъ отобѣдать у нея. Писарева жена тоже получила приглашеніе, но, какъ особа застѣнчивая и скромная, ютилась въ полутемномъ углу, не рѣшаясь присоединиться къ нимъ. О. Семень и Дементій возились въ алтарѣ, а старый діаконъ ждалъ на клиросѣ. Наконецъ, Кирилъ вышелъ изъ алтара, поздоровался съ помѣщицей и съ докторомъ. Тутъ къ нимъ присоединился старикъ, писарева жена тоже вышла изъ своего угла, и они всѣ двинулись къ выходу.

Кирилъ шелъ впереди. Едва онъ показался на паперти, какъ мигомъ съ нѣсколькихъ сотенъ головъ снялись шапки, въ толпѣ пронесся вакой-то неопредѣленный гулъ и потомъ вдругъ водворилась тишина. Кирилъ остановился, пораженный этой неожиданной сценой, за нимъ остановились прочіе.

Тутъ толпа немного раздвинулась, изъ нея выдѣлился, высокий, тонкій, словно засушенный старикъ съ остренькой, совер-

шенно бѣлой, рѣденькой бородой, съ маленькими глазками и маленькимъ лысымъ черепомъ. Полусогнувшись, онъ опирался на толстую палку, держа на ея верхушкѣ крестообразно ладони.

— Батюшка!—воскликнулъ онъ дребезжащимъ, но громкимъ и внятнымъ голосомъ и при этомъ голова его затряслась.—Батюшка и вы всѣ господа! Посѣтилъ насъ Господь и, по бѣдности своей, не имѣемъ, чѣмъ заплатить вамъ! А ужъ какъ мы чувствуемъ—вотъ пускай весь міръ скажетъ, какъ мы чувствуемъ! Одно скажу: такого батюшки и господъ таеихъ, должно быть, еще и на свѣтѣ не было и не будетъ. Вотъ какъ мы чувствуемъ!

Старикъ приподнялъ руку и вытеръ рукавомъ своей старой и страшно затасканной чумарки набѣжавшія слезы.

Въ этотъ моментъ произошло нѣчто еще болѣе неожиданное. Старикъ опустился на колѣни и ударилъ земной поклонъ. Многіе послѣдовали его примѣру. Другіе кланялись въ поясъ и твердили слова благодарности, сливавшіяся въ какое-то гудѣніе. Нѣсколько умиленныхъ бабъ взобрались на паперть, схватывали концы рясы Кирила и прикладывали ихъ къ губамъ. Почти у всѣхъ блестѣли слезы на глазахъ. Надежда Алексѣевна, потрясенная этой захватывающей сценой, прислонилась къ небольшой колонкѣ, боясь, чтобы ноги ея не подкосились. Это было уже слишкомъ для ея утомленныхъ нервовъ. Кирилъ, наоборотъ, ощущалъ въ груди своей невѣроятный приливъ мужества и энергіи. Онъ чувствовалъ, что именно въ эту минуту между нимъ и его прихожанами установилась крѣпкая, неразрывная связь, что теперь онъ имѣетъ могучую власть надъ этой толпой. Почувствовалъ онъ, что все то, что онъ говорилъ имъ раньше, были слова и слова, которыя вѣроятно пропускались ими мимо ушей, но если онъ скажетъ имъ то же самое теперь, то оно глубоко западетъ въ ихъ души и отзовется въ нихъ, какъ неотразимое внушеніе. Онъ долженъ былъ говорить, и, поднявъ руку столь же величественно, какъ тогда, когда онъ призывалъ на помощь Надежду Алексѣевну, онъ сказалъ:

— Друзья мои, слушайте, слушайте! Богъ посѣтилъ насъ за грѣхи, но кто изъ насъ можетъ сказать, что онъ и впредь не будетъ грѣшить и не заслужитъ того же! Подобное несчастье можетъ повториться и опять застать насъ врасплохъ. Такъ послушайте жъ меня теперь, когда сердца ваши очищены умилениемъ, дайте сейчасъ же вѣтву никогда не пить лишняго, а деньги, которыя тратили на это, откладывать въ общую кассу для помощи ближнему—на черный день!

— Такъ, такъ!—отвѣчали ему:—мы закроемъ кабаки и сдѣлаемъ приговоръ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразилъ Кириль.—Приговоръ можно нарушить. Вы закроете кабаки и будете за тридцать версть ѣздить за водкой. Не нужно приговора. Вы только дайте обѣщаніе мнѣ вотъ здѣсь на этомъ мѣстѣ. Обѣщаете?

— Обѣщаемъ!—прогремѣла толпа, какъ одинъ человекъ.

Не успѣлъ Кириль сойти съ послѣдней ступеньки, какъ почувствовалъ, что его кто-то обнялъ и цѣлуетъ въ губы. Это былъ старикъ, говорившій рѣчь. Цѣлованье длилось безъ конца. Цѣловались со всѣми и докторъ, и Надежда Алексѣевна и даже старый диаконъ, который плакалъ больше всѣхъ.

Надежда Алексѣевна едва дошла до экипажа. Въ теченіе получаса она испытала такую массу сильныхъ впечатлѣній, что нервы ея подались. Совершенно обезсиленная, она велѣла везти себя домой.

Когда гости ея, передѣловавшись чуть не со всей деревней, пріѣхали, она вышла къ нимъ совсѣмъ больная. Кириль, напротивъ, былъ бодръ и оживленъ, и много говорилъ за обѣдомъ. Онъ восторженно мечталъ вслухъ о томъ, какъ теперь онъ будетъ работать при совершенно новыхъ условіяхъ. Теперь у него съ прихожанами установилась неразрывная связь, онъ въ одну недѣлю приобрѣлъ огромное вліяніе на нихъ. Онъ говорилъ о совершенномъ искорененіи пьянства, о сбереженіяхъ, которыя дадутъ возможность улучшить хозяйство, о школѣ для взрослыхъ.

— Да, да! Надежда Алексѣевна! У насъ съ вами теперь есть твердая почва подъ ногами. Мы сегодня завоевали Луговое! И теперь мы съ вами далеко пойдемъ!—восклицалъ онъ.

Надежда Алексѣевна какъ-то болѣзненно улыбалась, а глаза ея смотрѣли на него загадочно и грустно. Она любезно предлагала гостямъ кушанья, но сама почти ничего не ѣла и въ разговоръ не вмѣшивалась. Тотчасъ послѣ обѣда подали таратайку для доктора и старика Обновленскаго, который рѣшилъ съѣздить прежде въ городъ, чтобы навѣдаться въ Фортификантовымъ и разнюхать, каково тамъ настроеніе.

— Ахъ, милые, симпатичные люди, жаль мнѣ съ вами разставаться! Ужасно жаль!—говорилъ Сапожковъ, усаживаясь половчѣ въ таратайку на импровизированной подушкѣ изъ сѣна.— Не забудьте, батюшка, зайти къ этой бабѣ, какъ ее? Перепичка, что-ли!.. Ей надо перемѣнить компрессъ!—прибавилъ онъ.

Диаконъ молча поцѣловался съ Кирилломъ и прибавилъ къ

этому:—подумай, сыночекъ, и о себѣ! Богомъ и совѣстію это не возбраняется.

Кирилъ просилъ его расцѣловать всю семью и передать Мурѣ, что теперь въ Луговомъ благополучно и пусть она поскорѣй прїѣзжаетъ съ Гаврюшкой. Тутъ и писарева жена распрощалась съ обществомъ и ушла домой, совершенно довольная, что наградой за ея труды было знакомство съ такимъ, по ея мнѣнію, блестящимъ обществомъ.

Надежда Алексѣевна и Кирилъ остались одни.

— Пройдемтесь по саду!—сказала она.—Я хочу освѣжиться!

Они сошли съ крыльца. Солнце въ этотъ день не выглядывало изъ-за облаковъ, но облака были спокойныя, свѣтлосѣрыя, похожія на сгустившійся туманъ и не грозившія дождемъ. Слабый вѣтерокъ едва волыхалъ вѣтви деревьевъ. Подъ ногами изрѣдка хрустѣли кое-гдѣ уже осыпавшіеся сухіе листья. Воздухъ былъ пропитанъ прїятной свѣжестью и дышалось легко.

Они шли рядомъ. Мальчуганъ побѣждалъ впередъ. Ему были хорошо знакомы всѣ закоулки сада, такъ какъ въ этомъ саду вмѣстѣ съ домомъ проводилъ онъ все свое время. Этотъ маленький благовоспитанный дикарь почти не видѣлъ людей и всѣхъ ихъ, кромѣ матери и главнаго приказчика, считалъ чужими и дичился ихъ. Только въ послѣднія недѣли онъ привыкъ къ Кирилу и сталъ признавать его своимъ человекомъ.

Надежда Алексѣевна набросила на плечи бѣлый вязаный платокъ и, ежеминутно нервно вздрагивая, куталась въ него.

— Вы совсѣмъ расклеились, Надежда Алексѣевна!—сказалъ Кирилъ, глядя на ея блѣдное лицо и болѣзненно-утомленный видъ.

Она горько улыбнулась и, нервно передернувъ плечами, крѣпко закуталась въ платокъ.

— Да вѣдь пора мнѣ расклеиться и... подать въ отставку!—и она засмѣялась короткимъ и какъ будто вынужденнымъ смѣхомъ. Кирилъ подумалъ: „нездорова, нездорова“, и не возражалъ.

— Что же вы не возражаете?—продолжала Крупѣва:—отчего не говорите: какъ? вы—такая молодая и уже въ отставку? едва успѣли сдѣлать одно маленькое дѣльце—и уже пасуете? Отчего жъ вы этого не говорите? Дайте мнѣ руку,—меня прямо шатаетъ.

Кирилъ не умѣлъ подавать руку дамамъ, и ему казалось, что широкіе рукава рясы служатъ для этого препятствіемъ. Но Крупѣва сама приблизилась къ нему, взяла его руку и крѣпко оперлась на нее.

— Вамъ нуженъ отдыхъ, Надежда Алексѣевна! — сказалъ Кириль.

Крупѣва не слышала этого или не обратила вниманія.

— Я прожила глупую жизнь! — тихо говорила она какъ бы для того, чтобы онъ только одинъ слышалъ: — въ жизни моей былъ одинъ только крупный и достойный вниманія фактъ, и между тѣмъ онъ былъ самой капитальной глупостью!.. Люди, которыхъ я встрѣчала, вызывали во мнѣ одно презрѣніе... Вы единственный человѣкъ, котораго я уважаю!..

Кириль чувствовалъ, что она вся дрожитъ, а тихій говоръ ея готовъ былъ превратиться въ плачь.

— Вотъ мы и работаемъ вмѣстѣ! — мягко сказалъ онъ.

— Послушайте, — продолжала она тѣмъ же тихимъ голосомъ: — зачѣмъ вы носите рясу? — Вѣдь вы не вѣруете... Снимите ее!..

Въ тихомъ, едва слышномъ голосѣ ея слышалось требованіе.

— Кто вамъ сказалъ это? Я вѣрую въ Бога, который помогаетъ мнѣ дойти до сердца этихъ темныхъ людей. Безъ него я никогда этого не достигъ бы!.. — отвѣтилъ Кириль глубоко убѣжденнымъ тономъ.

— Пусть такъ! Зачѣмъ же вамъ эта одежда?

— Зачѣмъ? Зачѣмъ, чтобы имѣть право вмѣшиваться въ ихъ жизнь. Эта одежда служить мнѣ проводникомъ!..

— Ахъ! — болѣзненно простонала она: — это все слова, все слова! Зачѣмъ же все для нихъ? Развѣ я не такой же бѣдный и достойный сочувствія человѣкъ, какъ и они? Развѣ мы тоже не имѣемъ права на долю счастья? А я хочу же, наконецъ, счастья!.. Послушайте!..

Словно пораженный внезапной острой болью, онъ вдругъ отскочилъ отъ нея и смотрѣлъ на нее изумленными глазами.

— Вы... Вы?.. — спрашивалъ онъ и чувствовалъ, что языкъ ему не повинуется, и онъ не въ силахъ вымолвить то, что хотѣлъ.

Надежда Алексѣевна приблизилась къ стволу яблони, вѣтви которой свѣшивались надъ ихъ головами и, протянувъ руку, слабо оперлась о стволъ. Она не глядѣла на Кирила. Лицо ея, казавшееся теперь темнымъ при сѣромъ цвѣтѣ воздуха, выражало полный упадокъ духа, уныніе и безконечную тоску. Она говорила все тѣмъ же слабымъ голосомъ, который, казалось, каждую минуту готовъ былъ надорваться.

— Да, и вы виноваты въ этомъ! Зачѣмъ вы явились ко мнѣ съ вашей правдивостью, которой я еще ни въ комъ не встрѣчала, съ вашей глубокой искренностью, въ существованіе которой я не вѣрила? Вы подвинули меня выйти изъ моей покойной спячки,

которая, по крайней мѣрѣ, не порождаетъ во мнѣ никакихъ запросовъ, никакихъ желаній, ни тревогъ. Я жила какъ въ дремотѣ—вы разбудили меня. Своимъ вдохновеннымъ видомъ вы наэлектризовали меня, и я пошла за вами, не спрашивая, куда и зачѣмъ. И когда я дошла до такого состоянія, что не могу безъ васъ обходиться, что способна сдѣлаться вашей покорной рабой и всюду слѣдовать за вами, вы смотрите на меня съ изумленіемъ. Почему же? Здѣсь нѣтъ правды, вы въ первый разъ со мной не искренни! Вы должны сочувствовать мнѣ. Должны—это такъ естественно, мы такъ сроднились, такъ понимаемъ другъ друга!

— Вы говорите это мнѣ, священнику, у котораго есть жена! — рѣшился, наконецъ, возразить онъ.

— Жены вашей вы не любите, вы не можете любить ее, и не говорите этой неправды!—рѣзко остановила она его, и потомъ голосъ ея опять упалъ и сталъ еще слабѣе прежняго:—простите меня и забудьте все, что я вамъ сказала... Я ошиблась... Я сегодня уѣду отсюда!

И она быстро прошла впередъ по аллеѣ, потомъ свернула направо, гдѣ, закрытый большими деревьями, беспорядочно росъ густой кустарникъ. Кирилъ постоялъ нѣсколько секундъ. Первое его движеніе было—вслѣдъ за ней; ему показалось, что шаги ея были неровны, что она сейчасъ должна упасть и ей необходима помощь. Но затѣмъ онъ подумалъ, что его участіе будетъ для нея мучительно. Онъ повернулъ назадъ. Ему почудилось, что она плачетъ, и онъ все-таки пошелъ къ выходу. Онъ боялся обернуться и съ ужасомъ думалъ о только-что происшедшей сценѣ, которая была для него совершенной неожиданностью.

Онъ шелъ домой съ такой поспѣшностью, словно боялся погони. Теперь онъ припоминалъ то, на чемъ прежде не останавливалось его вниманіе. Припоминалъ онъ то оживленіе, которое появлялось въ лицѣ Надежды Алексѣевны, когда онъ приходилъ къ ней, припоминалъ ту странную рѣшимость, съ которой она по одному его слову пошла за нимъ и открыла свой кошелекъ и свои засѣки и кладовыя для мужиковъ, до которыхъ еще накануне ей не было дѣла. Припоминалъ, наконецъ, тѣ долгіе взгляды, которые она останавливала на немъ, когда онъ говорилъ съ мужиками, въ особенности сегодня близъ церкви. И все это вмѣстѣ съ неожиданной развязкой, которая только-что произошла, вазалось ему удивительно страннымъ и непонятнымъ. Онъ былъ слишкомъ простъ. Онъ не понималъ, какъ можно говорить о любви съ человѣкомъ, у котораго есть жена и ребенокъ, въ особенности если этотъ человѣкъ священникъ.

Когда онъ пришелъ домой, уже вечерѣло. Въ вечернемъ воздухѣ чувствовалась сырость, отъ которой надо было прятаться въ комнату. Онъ вошелъ въ квартиру, прошелся по комнатамъ и вдругъ какъ бы впервые почувствовалъ, что онъ одинокъ. Ему захотѣлось увидѣть Муру и сына, и какой-то мучительный холодъ сковалъ его сердце.

Долго онъ бродилъ изъ угла въ уголъ, прислушиваясь къ звуку собственныхъ шаговъ. Эти звуки, которыхъ онъ прежде не слышалъ, потому что былъ не одинъ, были ему неприятны. Въ головѣ его роились тысячи мыслей и впечатлѣній, и онъ думалъ о томъ, какъ трудно согласить различныя требованія людей отъ жизни.

Пришла Оекла и внесла въ комнату зажженную свѣчу.

— А тутъ вамъ, батюшка, письма есть!—сказала она. Оекла смотрѣла на него исподлобья. Она не одобряла его поведения и не могла простить ему отъѣзда Муры, да и всего остального.

— Письма?—спросилъ Кирилъ и съ большимъ оживленіемъ пошелъ ей на встрѣчу.

— Да, одно уже давно тутъ вотъ на угольникѣ лежитъ. Должно быть изъ города. Десятскій принесъ. А другое сейчасъ прислали отъ помѣщицы.

Кирилъ протянулъ руку. Оекла дала ему маленькій конвертъ.

Въ конвертѣ была визитная карточка, на оборотной сторонѣ которой было написано: „Прошу васъ, какъ друга, забыть все, что было сегодня и сохранить обо мнѣ только добрую память. Я уѣзжаю сейчасъ. Когда вылечусь отъ *моей болѣзни*, вернусь и буду вашей помощницей, а теперь не могу. Жму вашу руку. Людей по прежнему направляйте въ мою контору. Я сдѣлала распоряженіе. Какая у васъ свѣтлая, прекрасная душа!“

Кирилъ медленно разорвалъ карточку на части и опустил влочки въ корзину. Ему представилось блѣдное, изможденное лицо Надежды Алексѣевны, когда она говорила ему свои странныя рѣчи, ея блестящія въ это время глаза и порывисто дышавшая грудь. И онъ вдругъ почувствовалъ къ ней жалость, какъ къ больному другу, и пожалѣлъ о томъ, что ему не пришлось на прощанье пожать ея руку. Вѣдь она съ такимъ самоотверженіемъ жертвовала и своими средствами, и временемъ, и здоровьемъ. „Да, это болѣзнь, но она пройдетъ и Надежда Алексѣевна вернется. Мы встрѣтимся друзьями!“ думалъ онъ. Тутъ онъ вспомнилъ о другомъ письмѣ. На конвертѣ съ почтовымъ штемпелемъ была рука Анны Николаевны.

„Значить, не отъ Муры“,—подумалъ онъ и вскрылъ конвертъ.

Протоіерейша писала кратко, но величественно: „Любезный зять, Кирилъ Игнатьевичъ! Твои сумасшедшіе поступки вывели насъ изъ терпѣнія, и мы были вынуждены взять отъ тебя жену твою, а нашу дочь, вмѣстѣ съ нашимъ внукомъ. Мы полагали, и это такъ естественно, что ты на другой же день прилетишь въ городъ за своимъ семействомъ, но ошиблись, ты и не думаешь объ этомъ. Жена твоя обливается слезами, но къ тебѣ не поѣдетъ, хотя бы изъ одной гордости. Ты получишь опять семейство лишь послѣ того, какъ образумишься. Любящая тебя и желающая тебѣ и своей дочери счастья теща Анна Фортификантова“. Внизу же послѣ подписи была приписка: „Пресвященный готовъ дать тебѣ мѣсто въ городѣ, въ купеческой церкви, если пожелаешь“.

Кирилъ сложилъ письмо и положилъ его на угольникъ. Онъ раза два прошелся по комнатѣ, потомъ остановился передъ окномъ и взглянулъ на деревню. Въ ступившемся вечернемъ сумракѣ мужицкія хаты казались сѣрыми точками; кое-гдѣ свѣтились огоньки. Ему представилось, что онъ, ради личнаго счастья, ради спокойной и довольной жизни, покидаетъ эту сѣрую деревню и переселяется въ городъ на приходъ богатой купеческой церкви. И эта мысль показалась ему нелѣпой, неосуществимой.

— Образумиться! Это значить—пойти по протоптанной дорожкѣ, жить безъ мысли, безъ идеи! Нѣтъ, никогда я не образумлюсь! Никогда! Пусть я буду одинокъ, пусть даже лишать меня сына!

Но тутъ онъ почувствовалъ, что сынъ ему нуженъ, и рѣшилъ, что онъ рано или поздно вернетъ его. Сына онъ самъ будетъ учить — мыслить и жить, этого онъ никому не уступитъ. Онъ перелетѣть въ него свою горячую душу и сдѣлаетъ его такимъ же борцомъ, какъ и самъ онъ. Да одинокъ ли онъ? А эти сѣрыя хаты, въ которыхъ идетъ такая кипучая жизнь и которымъ онъ такъ необходимъ? Развѣ онъ не покорилъ ихъ, развѣ не сроднился съ ними? Кирилъ вспомнилъ о Перепечкѣ, надѣлъ расу, прихватилъ палку и твердой походкой вышелъ на улицу.

И. ПОТАПЕНКО.

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА

VI *).

Дядя Федоръ Федоровичъ Шубертъ.

Моя привязанность къ другому моему дядюшкѣ, брату моей матери, Федору Федоровичу Шуберту, была совсѣмъ иного свойства.

Этотъ дядюшка, единственный сынъ покойнаго дѣдушки, былъ значительно моложе моей матери; онъ жилъ постоянно въ Петербургѣ и, въ качествѣ единственнаго мужского представителя семьи Шубертовъ, пользовался безграничнымъ обожаніемъ своихъ сестеръ и многочисленныхъ тетушекъ и кузинъ, старыхъ дѣвицъ.

Его пріѣздъ къ намъ въ деревню считался настоящимъ событіемъ. Мнѣ было лѣтъ девять, когда онъ пріѣхалъ къ намъ въ первый разъ. О дядиномъ пріѣздѣ толковали много недѣль напередъ. Ему отвели лучшую комнату въ домѣ, и мама сама присмотрѣла за тѣмъ, чтобы въ нее поставили самую покойную мебель. На встрѣчу ему выслали въ губернскій городъ, лежащій въ 150 верстахъ отъ нашего имѣнія, карету, уложивъ въ нее шубу, мѣховый вѣрикъ и плащъ, чтобы дядя не простудился, такъ какъ это было уже поздно осенью.

Вдругъ, наканунѣ того дня, когда ожидали къ намъ дядю, смотримъ мы, подъѣзжаетъ къ парадному крыльцу простая телѣга, запряженная тройкой почтовыхъ влячъ, и изъ нея выскакиваетъ молодой человекъ, въ легкомъ городскомъ пальто, съ вожаной сумкой, перекинутой черезъ плечо.

*) См. выше: іюль, стр. 55.

— Боже мой! Да вѣдь это братъ Одея!—вскринула мама, выглянувъ изъ окна.

— Дяденька, дяденька пріѣхали!—разнеслось по всему дому, и всѣ мы выбѣжали въ переднюю встрѣчать гостя.

— Одея, бѣдный! Какъ же ты это на перевладныхъ пріѣхалъ? Развѣ ты не встрѣтилъ высланнаго за тобой экипажа? Тебя, должно быть, растрясло всего?—говорила соболѣзнующимъ голосомъ мама, обнимая брата.

Оказалось, что дядя выѣхалъ изъ Петербурга сутками раньше, чѣмъ предполагалъ.

— Христось съ тобой, Лиза!—говорилъ онъ, смѣясь и отирая морозныя капли съ усовъ передъ тѣмъ, чтобы поцѣловать сестру:—я и не воображалъ себѣ, что ты столько возни поднимешь изъ-за моего пріѣзда! Зачѣмъ было за мной высылать? Развѣ я старая баба, что не могу 150 верстъ въ телѣгѣ проѣхать!

Дядя говорилъ груднымъ, очень пріятнымъ теноромъ, кае-то особенно картава. Онъ былъ на видъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Каптановые, подстриженные подъ гребенку волосы стояли на его головѣ густымъ, бархатистымъ бобромъ, румяныя щеки лоснились отъ мороза, каріе глаза глядѣли задорно и весело, а изъ-за пухлыхъ, ярко красныхъ, окаймленныхъ красивыми усиками губъ, поминутно выглядывалъ рядъ крупныхъ, бѣлыхъ зубовъ.

„Экій молодець этотъ дядя! Вотъ прелесть!“—думала я, оглядывая его съ восхищеніемъ.

— Кто это? Анята?—спросилъ дядя, указывая на меня.

— Что ты, Одея! Анята ужъ совсѣмъ большая. Это только Соня!—обиженнымъ голосомъ поправила его мама.

— Господи, вотъ выросли-то у тебя дочки! Смотри, Лиза, ты и опомниться не успеешь, какъ онѣ тебя въ старухи запишутъ!—сказалъ дядя, смѣясь, и поцѣловалъ меня. Я невольно застыдилась и вся покраснѣлась отъ его поцѣлуя.

За обѣдомъ дядя занимаетъ, разумѣется, почетное мѣсто, возлѣ мамы. Онъ кушаетъ съ большимъ аппетитомъ, чѣд не мѣшаетъ ему, однако, все время безъ умолку разговаривать. Онъ рассказываетъ разныя петербургскія новости и сплетни и часто смѣшнить всѣхъ и самъ закатывается веселымъ, звонкимъ хохотомъ. Всѣ слушаютъ его очень внимательно; даже папа относится къ нему съ большимъ почтеніемъ, безъ тѣни той высоко-мѣрной, покровительственно-насмѣшливой манеры, которую онъ такъ часто принимаетъ съ пріѣзжающими къ намъ молодыми родственниками и которую эти послѣдніе очень не любятъ.

Чѣмъ больше я смотрю на своего новаго дядю, тѣмъ болѣе онъ мнѣ нравится. Онъ уже успѣлъ вымыться и переодѣться и по его свѣжему, здоровому виду никто бы не догадался, что онъ только-что пріѣхалъ съ дороги. Пиджакъ изъ плотной англійской матеріи съ искрой сидитъ на немъ какъ-то особенно ловко, совсѣмъ не какъ на другихъ. Но больше всего нравятся мнѣ его руки, большія, бѣлыя, холенныя, съ блестящими ногтями, похожими на крупный розовый миндаль. Во все время обѣда я не спускаю съ него глазъ и даже ѣсть забываю—такъ я занята его разглядываніемъ.

Послѣ обѣда дядя садится на маленькій, угловой диванчикъ въ гостиной и сажаетъ меня къ себѣ на колѣни.

— Ну, давай знакомиться, mademoiselle моя племянница!—говоритъ онъ.

Дядя начинаетъ спрашивать меня, чему я учусь, что читаю. Дѣти, обыкновенно, знаютъ сами гораздо лучше, чѣмъ думаютъ взрослые, какіе ихъ сильныя, какіе слабыя коньки; такъ, напр., я отлично знаю, что учусь хорошо и что всѣ считаютъ меня очень авансее въ наукахъ для моихъ лѣтъ. Поэтому я очень довольна, что дядя вздумалъ меня объ этомъ спрашивать, и отвѣчаю на всѣ его вопросы очень охотно и свободно. И я вижу, что дядя очень доволенъ мной. „Вотъ какая умница! Ужъ все это она знаетъ!“ повторяетъ онъ ежеминутно.

— Дядя, расскажите-ка и вы мнѣ что-нибудь!—пристаю я къ нему въ мою очередь.

— Ну, изволь; только такой умной барышнѣ, какъ ты, нельзя рассказывать сказки,—говоритъ онъ шутливо,—съ тобой можно говорить только о серьезномъ.—И онъ начинаетъ рассказывать мнѣ про инфузорій, про водоросли, про образованіе коралловыхъ рифовъ. Дядя самъ-то не такъ давно вышелъ изъ университета, такъ что всѣ эти свѣденія свѣжи въ его памяти, рассказываетъ онъ очень хорошо и ему нравится, что я слушаю его съ такимъ вниманіемъ, широко раскрывъ и уставивъ на него глаза.

Послѣ этого перваго дня каждый вечеръ стало повторяться то же самое. Послѣ обѣда и мама, и папа отправляются вздремнуть съ полчаса. Дядѣ нечего дѣлать. Онъ садится на мой любимый диванчикъ, беретъ меня на колѣни и начинаетъ рассказывать про всякую всячину. Онъ предлагалъ и другимъ дѣтямъ послушать; но сестра моя, которая только-что соскочила со школьной скамейки, побоялась, что уронитъ свое достоинство взрослой барышни, если станетъ слушать такіа поучительныя

вещи, „интересныя только для маленьких“. Братъ же постоянно разъ, послушалъ, нашель, что это невесело, и убѣждалъ играть въ лошади.

Что же до меня касается, то наши „научныя бесѣды“, какъ дядя въ шутку прозвалъ ихъ, стали для меня невыразимо дороги. Моимъ любимымъ временемъ изо всего дня были тѣ полчаса послѣ обѣда, когда я оставалась наединѣ съ дядей. Къ нему я испытывала настоящее обожаніе; откровенно признаться, не поручусь я даже, что не примѣшивалось къ этому чувству какой-то дѣтской влюбленности, на которую маленькія дѣвочки гораздо способнѣе, чѣмъ думаютъ взрослые. Я чувствовала какой-то особенный вонфузъ всякій разъ, когда мнѣ приходилось произносить дядино имя, хотя бы просто спросить, „дома ли дядя?“ Если за обѣдомъ кто-нибудь, замѣтя, что я не спускаю съ него глазъ, спросить бывало: „а что, Софа, видно ты очень любишь твоего дядю?“—я вспыхну до ушей и ничего не отвѣчу.

Въ теченіе всего дня я почти не встрѣчалась съ нимъ, такъ какъ моя жизнь шла совсѣмъ отдѣльно отъ жизни взрослыхъ. Но постоянно, и во время уроковъ, и во время рекреаціи, я только и думала: „Скоро ли наступитъ вечеръ! Скоро ли я останусь съ дядей!“

Однажды, въ то время, когда онъ гостилъ у насъ, къ намъ пріѣхали сосѣди-помѣщики, съ дочкой Олей. Эта Оля была единственная дѣвочка моихъ лѣтъ, съ которой мнѣ случалось встрѣчаться. Ее привозили къ намъ, впрочемъ, не очень часто, но зато оставляли на весь день, иногда даже она у насъ и ночевала. Она была дѣвочка очень веселая и живая, и хотя характеры наши и вкусы были очень несхожи, такъ что настоящей дружбы между нами не существовало, но я все же обыкновенно радовалась ея пріѣзду, тѣмъ болѣе, что въ честь его я освобождалась отъ уроковъ и мнѣ давался праздникъ на цѣлый день.

Но теперь, увидя Олю, первую моей мыслью было: „какъ же будетъ послѣ обѣда?“ Главную прелесть моихъ бесѣдъ съ дядей составляло именно то, что мы оставались съ нимъ вдвоемъ, что я имѣла его совсѣмъ для себя одной, и я уже напередъ чувствовала, что присутствіе глупенькой Оли все испортитъ.

Поэтому я встрѣтила мою пріятельницу съ гораздо меньшимъ удовольствіемъ, чѣмъ обыкновенно. „Не увезутъ ли ее сегодня пораньше?“—думалось мнѣ съ тайной надеждой въ теченіе всего утра. Но нѣтъ! Оказалось, что Оля уѣдетъ только поздно вечеромъ. Что было дѣлать? Скрѣпя сердце, я рѣшилась открыться моей подругѣ и попросить ее не мѣшать мнѣ.

— Слушай, Оля,—сказала я ей вкрадчивымъ голосомъ:—я буду весь день играть съ тобой и дѣлать рѣшительно все, что ты ни захочешь. Но зато ужъ послѣ обѣда, сдѣлай милость, уйди ты куда-нибудь и оставь меня въ покоѣ. Послѣ обѣда я всегда разговариваю съ моимъ дядей, и намъ тебя совсѣмъ не надо!

Оля согласилась на мое предложеніе и я въ теченіе всего дня честно исполняла мою часть договора. Я играла съ ней во всѣ игры, какія она ни придумывала, брала на себя какія роли она мнѣ ни назначала, изъ барыни превращалась въ кухарку и изъ кухарки въ барыню, по первому ея слову. Наконецъ, позвали насъ къ обѣду. За столомъ я сидѣла какъ на иголкахъ. „Сдержитъ ли Оля свое слово?“ думалось мнѣ, и я исподтишка съ безповойствомъ поглядывала на свою подругу, выразительными взглядами напоминая ей нашъ договоръ.

Послѣ обѣда я, по обыкновенію, подошла къ папенькѣ и маменькѣ къ ручкѣ, а потомъ протиснулась къ дядѣ и ждала, что-то онъ скажетъ.

— Ну, что, дѣвочка, будемъ мы сегодня бесѣдовать?—спросилъ дядя, ласково ущипнувъ меня за подбородокъ. Я такъ и подпрыгнула отъ радости и, весело ухватившись за его руку, собиралась уже идти съ нимъ въ нашъ завѣтный уголокъ. Но вдругъ я увидѣла, что вѣроломная Оля тоже направляется вслѣдъ за нами.

Оказалось, что мои уговоры только испортили дѣло. Очень можетъ быть, что еслибы я ей ничего не говорила, она, увидя, что мы съ дядей собираемся бесѣдовать о серьезномъ и питая спасительный страхъ ко всему, что напоминаетъ ученье, сама поторопилась бы отъ насъ убѣжать. Но видя, что я такъ дорожу разсказами дяди и что я хочу во что бы ни стало отъ нея отдѣлаться, она вообразила себѣ, что мы вѣрно говоримъ о чемъ-нибудь очень интересномъ, и ей захотѣлось тоже послушать.

— А можно и мнѣ пойти съ вами?—спросила она умоляющимъ голосомъ, поднявъ на дядю свои голубые, умильные глаза.

— Разумѣется, можно, милочка,—отвѣтилъ дядя и взглянулъ на нее очень ласково, очевидно любясь ея хорошенькимъ розовымъ личикомъ.

Я бросила на Олю гнѣвный, негодующій взглядъ, который, однако, не сконфузилъ ее ни мало.

— Да вѣдь Оля этихъ вещей не знаетъ. Она, все равно, ничего не пойметъ,—попробовала я замѣтить сердитымъ голосомъ.

Но и эта попытка отдѣлаться отъ навязчивой подруги ни къ чему не повела.

— Ну, такъ мы будемъ говорить сегодня о вещахъ попроще, такъ, чтобы и Олѣ было интересно,—сказалъ дядя добродушно и, взявъ насъ обѣихъ за руки, направился съ нами къ дивану.

Я шла въ угрюмомъ молчаніи. Эта бесѣда втроемъ, причѣмъ дядя будетъ говорить для Оли, соображаясь съ ея вкусами и ея пониманіемъ, была вовсе не тѣмъ, чего мнѣ хотѣлось. Мнѣ казалось, что у меня отняли что-то принадлежащее мнѣ по праву, неприкосновенное и дорогое.

— Ну, Софа, полѣзай ко мнѣ на колѣни! — сказалъ дядя, повидимому и не замѣчая совсѣмъ моего дурного расположенія духа.

Но я чувствовала себя столь обиженной, что это предложеніе не смягчило меня нисколько.

— Не хочу! — отвѣтила я сердито и, отойдя въ уголокъ, надулась.

Дядя посмотрѣлъ на меня удивленнымъ, смѣющимся взглядомъ. Понялъ ли онъ, какое ревнивое чувство шевелилось у меня на душѣ, и захотѣлось ли ему подразнить меня—я не знаю, но онъ вдругъ обратился къ Олѣ и сказалъ ей:—Чтожь, если Соня не хочетъ, садись ты ко мнѣ на колѣни!

Оля не заставила повторить себѣ это приглашеніе дважды и, прежде чѣмъ я опомнилась, прежде чѣмъ я успѣла сообразить, что случилось, она уже оказалась на моемъ мѣстѣ, у дяди на колѣняхъ. Этого ужъ я никакъ не ожидала! Что дѣло приметъ такой ужасный оборотъ—не входило мнѣ въ голову. Мнѣ буквально показалось, что земля проваливается подъ моими ногами.

Я была слишкомъ поражена, чтобы выразить какой бы то ни было протестъ; я только молча, широко раскрытыми глазами, глядѣла на мою счастливую подругу; а она, чуть-чуть сконфуженная, но все же очень довольная, возсѣдала себѣ у дяди на колѣняхъ какъ ни въ чемъ не бывало. Сложивъ свой маленькій ротикъ въ уморительную гримаску, она силилась придать своему круглому дѣтскому личику выраженіе серьезности и вниманія. Вся она раскраснѣлась, даже шейка и голыя ручонки стали пунцовыми.

Глядѣла я на нее, глядѣла, и вдругъ—влянусь, я теперь и сама не знаю, какъ это случилось — произошло нѣчто ужасное. Меня точно подтолкнулъ кто-то. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я вдругъ, неожиданно для самой себя, вцѣпилась зубами въ ея голую, пухленькую ручонку, немножко повыше локтя, и прокусила ее до крови.

Мое нападеніе было такъ внезапно, такъ неожиданно, что въ первую секунду всё мы трое остались ошеломленными и только молча глядѣли другъ на друга. Но вдругъ Оля произвительно взвизгнула, и отъ визга ея всё очнулись.

Стыдъ, горькій, отчаянный стыдъ охватилъ меня. Я опрометью побѣжала вонъ изъ комнаты. „Гадкая, злая дѣвчонка!“ напутствовалъ меня разсерженный голосъ дяди.

Моимъ обычнымъ убѣжищемъ во всѣхъ важныхъ бѣдахъ моей жизни была комната, принадлежавшая прежде Марьѣ Васильевнѣ, теперь отведенная нашей бывшей нянѣ. Тамъ и теперь искала я спасенія. Спрятавъ голову въ колѣни доброй старушки, я рыдала долго и продолжительно, и няня, видя меня въ такомъ положеніи, не спрашивала меня ни о чемъ, а только, глядя мои волосы, осыпала меня ласкательными именами. „Богъ съ тобой, моя ясонька! Успокойся, родная!“ говорила она, и мнѣ, въ моемъ возбужденномъ состояніи духа, такъ отрадно было выплакаться хорошенько у нея на колѣняхъ.

По счастью, въ этотъ вечеръ гувернантки моей не было дома: она на нѣсколько дней уѣхала въ гости къ сосѣдямъ. Поэтому никто не хватился меня. Я могла вволю наплакаться у няни. Когда я нѣсколько успокоилась, она напоила меня чайкомъ и уложила въ кровать, гдѣ я въ ту же секунду уснула вѣрными, свинцовымъ сномъ.

Но когда я проснулась на слѣдующее утро и вдругъ вспомнила, что было вчера, мнѣ опять стало такъ стыдно, что я думала, что никогда больше не рѣшусь глядѣть въ глаза людямъ. Однако все обошлось гораздо лучше, чѣмъ я ожидала. Олю увезли еще вчера вечеромъ. Очевидно, она была такъ благородна, что не нажаловалась на меня. По лицамъ всѣхъ въ домѣ было видно, что они ничего не знаютъ. Никто не попрекалъ меня вчерашнимъ, никто не дразнилъ меня. Дядя, и тотъ дѣлалъ видъ, будто ничего особеннаго не произошло.

Однако, странное дѣло, съ этого дня чувства мои къ дядѣ совсѣмъ измѣнили свой характеръ. Послѣобѣденныя наши бесѣды не возобновлялись болѣе. Вскорѣ послѣ этого эпизода онъ уѣхалъ назадъ въ Петербургъ, и хотя впослѣдствіи мы часто встрѣчались, и онъ всегда былъ очень добръ ко мнѣ, и я его очень любила, но прежняго обожанія къ нему я уже никогда больше не испытывала.

VII.

МОЯ СЕСТРА.

Но несравненно сильнѣе всѣхъ другихъ вліяній, отразившихся на моемъ дѣтствѣ, было вліяніе моей сестры Анюты.

Чувство, которое я питала къ ней съ самаго моего дѣтства, было очень сложное. Я восхищалась ею непомѣрно, подчинялась ей во всемъ безпрекословно и чувствовала себя очень польщенной всякій разъ, когда она дозволяла мнѣ принять участіе въ чемъ-нибудь, что занимало ее самое. Для сестры моей я пошла бы въ огонь и въ воду, и въ то же время, несмотря на горячую привязанность къ ней, въ глубинѣ души гнѣдилась у меня и крупница зависти, той особаго рода зависти, которую мы такъ часто, почти бессознательно, испытываемъ къ людямъ, намъ очень близкимъ, которыми мы очень восхищаемся и которымъ желали бы во всемъ подражать.

А между тѣмъ завидовать моей сестрѣ грѣшно было, такъ какъ судьба ея была, собственно говоря, далеко не веселая.

Родители мои переѣхали на постоянное жительство въ деревню именно къ тому времени, когда она начала выходить изъ дѣтскаго возраста.

Не задолго послѣ нашего переѣзда вспыхнуло польское возстаніе, и такъ какъ имѣніе наше лежало на самой границѣ Литвы и Россіи, то отголосокъ этого возстанія коснулся и насъ. Большинство сосѣднихъ помѣщиковъ, и преимущественно самые богатые и образованные, были поляки; многіе изъ нихъ оказались болѣе или менѣе серьезно скомпрометированными; у нѣкоторыхъ имѣнья были конфискованы; почти всѣ обложены контрибуціями. Многіе добровольно побросали свои усадьбы и уѣхали за границу. Въ годы, слѣдовавшіе за польскимъ возстаніемъ, молодежи какъ-то совсѣмъ и не видно было въ нашихъ краяхъ; она вся куда-то улетучилась. Оставались только дѣти, да старики, безобидные, напуганные, боявшіеся собственной тѣни, да еще разный пришлый людъ чиновниковъ, купцовъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ деревенская жизнь не была особенно весела для молоденькой дѣвушки. Къ тому же все предварительное воспитаніе Анюты было таковаго рода, что никакихъ деревенскихъ вусовъ у нея развиться не могло. Она не любила ни гулять, ни собирать грибы, ни кататься въ лодкѣ. Къ тому же зачинщицею всякихъ подобныхъ удовольствій всегда

являлась англичанка гувернантка, а существовавшей между нею и Анютою антагонизмъ былъ такъ великъ, что стоило одной изъ нихъ выступить съ какимъ-нибудь предложеніемъ, чтобы другая тотчасъ же отнеслась къ нему враждебно. Одно лѣто пристрастилась Анюта, правда, къ верховой ѣздѣ, но это было, кажется, больше изъ подражанія героинѣ какого-то, занимавшаго ее тогда, романа. Такъ какъ подходящаго спутника не находилось, то вскорѣ одинокія прогулки верхомъ, въ сопровожденіи одного скачущаго кучера, ей надоѣли, и ея верховая лошадь, окрещенная ею романическимъ именемъ „Фрида“, скоро перешла къ болѣе скромной должности—развозить по полямъ управляющаго и стала опять извѣстна подъ своей первоначальной кличкой „Голубки“.

О томъ, чтобы сестра занялась хозяйствомъ—не могло быть и рѣчи: до такой степени подобное предложеніе показалось бы нелѣпымъ и ей самой, и всѣмъ ея окружающимъ. Все воспитаніе ея было направлено къ тому, чтобы развить изъ нея блестящую свѣтскую барышню. Чуть ли не съ семилѣтнаго возраста она привыкла быть царицей на всѣхъ дѣтскихъ балахъ, на которые ее часто возили, пока родители наши жили въ большихъ городахъ. Папа очень гордился ея дѣтскими успѣхами, о которыхъ шло въ нашей семьѣ много преданій.

— Нашу Анюту, когда она выростетъ, хотъ прямо во дворецъ вези! Она всякаго царевича съ ума сведетъ! — говаривалъ, бывало, папа, разумѣется, въ видѣ шутки; но бѣда была въ томъ, что не только мы, младшія дѣти, но и сама Анюта принимали эти слова въ серьезъ.

Въ ранней своей молодости сестра моя была очень хороша собой: высокенькая, стройная, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица и массою бѣлокурыхъ волосъ, она могла назваться почти писаной красавицей, а кромѣ того у нея было много своеобразнаго *charme*. Она сама отлично сознавала, что могла бы играть первую роль въ любомъ обществѣ, а тутъ вдругъ деревня, глушь, скука.

Она часто приходила къ отцу и со слезами на глазахъ упрекала его за то, что онъ держитъ ее въ деревнѣ. Отецъ сначала только отшучивался, но иногда онъ снисходилъ до объясненій и очень резонно доказывалъ ей, что въ теперешнее трудное время это—обязанность каждаго помѣщика жить въ своемъ помѣстьѣ. Бросить теперь имѣніе значило бы разорить всю семью. На эти доводы Анюта не знала, что возразить. Она только чувствовала, что ей-то отъ этого не легче, что ея-то молодость дважды не повторится. Послѣ подобныхъ разговоровъ она уходила къ себѣ въ комнату и горько плакала.

Впрочемъ, разъ въ годъ, зимою, отецъ отправлялъ обыкновенно мать и сестру на мѣсяцъ или недѣль на шесть въ Петербургъ погостить у тетушекъ. Но поѣздки эти, стоявшія массу денегъ, пользы собственно не приносили. Онѣ только разжигали въ Анютѣ вкусъ къ удовольствіямъ, а удовлетворенія не доставляли. Мѣсяцъ въ Петербургѣ пройдетъ всегда такъ быстро, что она и опомниться не успѣетъ. Такого человѣка, который бы могъ направить ея умъ на серьезное, она въ томъ обществѣ, куда ее возили, встрѣтить не могла. Жениховъ подходящихъ тоже не представлялось. Нашьютъ ей, бывало, нарядовъ; свезутъ раза три-четыре въ театръ или на балъ въ дворянское собраніе; кто-нибудь изъ родственниковъ устроитъ вечеръ въ ея честь, наговорятъ ей комплиментовъ ея красотѣ; потомъ, только-что она начнетъ входить въ настоящій вкусъ всего этого, опять увезутъ ее въ Палибино, и опять начнется для нея безлюдье, бездѣлье, скука, скитаніе цѣлыми часами изъ угла въ уголь по огромнымъ комнатамъ палибинскаго дома, переживаніе въ мысляхъ недавнихъ радостей и страстныхъ, бесплодныхъ мечты о новыхъ успѣхахъ на томъ же поприщѣ.

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь наполнить пустоту своей жизни, сестра постоянно выдумывала себѣ какія-нибудь искусственныя увлеченія, и такъ какъ жизнь ея домашнихъ тоже была очень бѣдна внутреннимъ содержаніемъ, то обыкновенно всѣ въ домѣ съ жаромъ навидывались на всякую ея новую затѣю, какъ на предлогъ для разговоровъ и для волненій. Одни порицали ее, другіе сочувствовали ей, но для всѣхъ она доставляла пріятный перерывъ въ обычномъ однообразіи жизни.

Когда Анютѣ было всего лѣтъ пятнадцать, она проявила первый свой актъ самостоятельности тѣмъ, что набросилась на всѣ романы, какіе только находились въ нашей деревенской библіотекѣ, и поглотила ихъ неимоверное количество. По счастью, нивакихъ „дурныхъ“ романовъ у насъ въ домѣ не имѣлось, хотя въ плохихъ и въ бездарныхъ недостатка не было. Главное же богатство нашей библіотеки состояло въ массѣ старыхъ англійскихъ романовъ, преимущественно историческихъ, въ которыхъ дѣйствіе происходило въ средніе вѣка, въ рыцарскій періодъ. Для сестры моей эти романы были настоящимъ откровеніемъ. Они ввели ее въ невѣдомый ей до тѣхъ поръ чудесный міръ и дали новое направленіе ея фантазіи. Съ ней повторилось то же самое, что за много вѣковъ передъ тѣмъ было съ бѣднымъ Донъ-Кихотомъ: она увѣровала въ рыцарей и самое себя вообразила средневѣковой барышней.

На бѣду еще, нашъ деревенскій домъ, огромный и массивный, съ башней и готическими окнами, былъ построенъ немного во вкусъ средневѣковаго замка. Во время своего рыцарскаго періода сестра не могла написать ни единого письма, не озаглавивъ его: Château Palibino. Верхнюю комнату въ башнѣ, долго стоявшую безъ употребленія, такъ что даже ступеньки крутой, ведущей въ нее лѣстницы, заплесневѣли и распались, она велѣла очистить отъ пыли и паутинь, увѣсила ее старыми коврами и оружіемъ, выкопаннымъ гдѣ-то въ хламѣ на чердакѣ, и превратила ее въ свое постоянное мѣстопробываніе. Какъ теперь вижу я ея гибкую, стройную фигуру, облеченную въ плотно обтягивающее ее бѣлое платье, съ двумя тяжелыми бѣловурными косами, свѣшивающимися ниже пояса. Въ этомъ облаченіи сидитъ сестра за пядьцами, вышиваетъ бисеромъ по канвѣ фамильный гербъ, короля Матвѣя Корвина, и глядитъ въ окно, на большую дорогу, не ѣдетъ ли рыцарь:

„Soeur Anne, soeur Anne! Ne vois tu rien venir?“

—Je ne vois que la terre qui poudroit et l'herbe qui verdoit!

На мѣсто рыцаря пріѣзжалъ исправникъ, пріѣзжали акцизные чиновники, пріѣзжали жида скупать у отца водку и быковъ, а рыцаря все не было. Наскучило, наконецъ, сестрѣ ждать его, и рыцарскій періодъ прошелъ у нея столь же быстро, какъ и начался.

Въ тотъ самый моментъ, когда она еще безсознательно начинала набивать себѣ оскомину отъ рыцарскихъ романовъ, попался ей въ руки удивительно экзальтированный романъ „Гаральдъ“.

Послѣ Гастингскаго сраженія, Эдитъ „Лебединая-Шея“ нашла въ числѣ убитыхъ группъ любимаго ею короля Гаральда. Передъ самою битвою онъ совершилъ клятвопреступленіе, смертный грѣхъ, и умеръ, не успѣвъ покаяться. Душа его обречена на вѣчныя муки.

Послѣ этого дня исчезла и Эдитъ изъ родного края, и никто изъ ея близкихъ не слышалъ болѣе о ней. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и самая память объ Эдитъ начала забываться.

Но на противоположномъ берегу Англии, среди дикихъ скалъ и лѣсовъ, стоитъ монастырь, извѣстный своимъ строгимъ уставомъ. Тамъ живетъ уже много лѣтъ одна монахиня, наложившая на себя обѣтъ вѣчнаго молчанія и восхищающая всю обитель подвижками своего благочестія. Она не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью; въ ранніе часы утра и въ глухую полночь видѣется ей

колѣнопреклоненная фигура передъ распятіемъ Христа въ монастырской часовнѣ. Всюду, гдѣ есть какой-нибудь долгъ совершить, помощь подать, чужое страданіе утѣшить — всюду является она первою. Ни одинъ человѣкъ не умираетъ въ околотеѣ безъ того, чтобы надъ его смертнымъ одромъ не склонилась высокая фигура блѣдной монахини, безъ того, чтобы чела его, уже покрытаго холоднымъ, предсмертнымъ потомъ, не коснулись ея безкровныя уста, скованныя страшнымъ обѣтомъ вѣчнаго молчанія.

Но никто не знаетъ, кто она такая, откуда она пришла. Лѣтъ двадцать тому назадъ явилась къ воротамъ монастыря закутанная чернымъ покрываломъ женщина и послѣ долгаго, таинственнаго разговора съ игуменьей навсегда осталась тутъ.

Тогдашняя игуменья давно уже умерла. Блѣдная монахиня все рассказываетъ тутъ какъ тѣнь, но никто изъ нынѣ живущихъ въ монастырѣ не слышалъ звука ея голоса.

Молодые монахини и бѣдный людъ во всей окрестности поклоняются ей какъ святой. Матери приносятъ къ ней больныхъ дѣтей, чтобы она коснулась ихъ рукою, въ надеждѣ, что они исцѣлятся отъ одного ея прикосновенія. Но есть также люди, которые поговариваютъ, что вѣрно въ молодости она была великой грѣшницей, если ей приходится путемъ такого самобичеванія искупать прошлое.

Наконецъ, послѣ многихъ, многихъ лѣтъ самоотверженной работы наступаетъ ея смертный часъ. Всѣ монахини, и молодые, и старыя, столпились у ея смертнаго одра; сама мать игуменья, уже давно лишившаяся употребленія ногъ, велѣла перенести себя въ ея келью.

Вотъ входитъ священникъ. Властью, данной ему Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, онъ разрѣшаетъ умирающую отъ наложеннаго ею на себя обѣта молчанія и закликаетъ ее повѣдать имъ передъ кончиной, кто она такая? какой грѣхъ, какое преступленіе тяготитъ на ея совѣсти?

Умирающая съ усиліемъ приподнимается на постели. Ея безкровныя губы словно окаменѣли въ ихъ долгомъ молчаніи и отвыкли отъ людской рѣчи; въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онѣ шевелятся судорожно и машинально, прежде чѣмъ имъ удастся издать какой-нибудь звукъ. Наконецъ, повинувшись приказанію своего духовнаго отца, монахиня начинаетъ говорить, но голосъ ея, не раздававшійся въ теченіе двадцати лѣтъ, звучитъ глухо и неестественно.

— Я — Эдитъ, — съ трудомъ произноситъ она. — Я невѣста погябшаго короля Гаральда.

При звукѣ этого имени, проклинаемаго всѣми благочестивыми служителями церкви, робкія монахини въ ужасѣ совершаютъ крестное знаменіе. Но священникъ говоритъ:

— Дщерь моя, ты любила на землѣ великаго грѣшника. Король Гаральдъ проклять нашей общей святой матерью — католической церковью и не будетъ ему никогда прощенія: вѣчно горѣть ему въ адскомъ огнѣ. Но Богъ видѣлъ *твое* многолѣтнее подвижничество. Онъ оцѣнилъ твоё раскаяніе и слезы. Иди съ миромъ. Въ райской обители ждётъ тебя другой, безсмертный женихъ.

Впаля, словно восковыя щеки умирающей внезапно поврываются румянцемъ. Въ ея, казалось, давно поблекшихъ глазахъ вспыхиваетъ страстный, лихорадочный огонь.

— Не надо мнѣ рая безъ Гаральда! — восклицаетъ она къ ужасу всѣхъ присутствующихъ монахинь. — Если Гаральдъ не прощенъ, пусть и меня не зоветъ Богъ въ свою обитель!

Монахини стоятъ молча, оцѣпенѣлыя отъ ужаса, а Эдитъ, съ неестественнымъ усиліемъ приподнявшись со своего одра, повергается ницъ передъ распятіемъ.

— Великій Боже! — взываетъ она своимъ надломленнымъ, уже почти не человѣческимъ голосомъ. — За одинъ мигъ страданій твоего сына ты снялъ со всего человѣчества печать прирожденнаго грѣха. А я въ теченіе двадцати лѣтъ умираю каждый день, каждый часъ медленной, мучительной смертью. Ты видѣлъ, ты знаешь мои страданія. Если я заслужила ими передъ тобой — прости Гаральда! Яви мнѣ передъ смертью знаменье: когда мы прочтемъ „Отче нашъ“, пусть загорится сама собою свѣча передъ распятіемъ. Тогда я буду знать, что Гаральдъ прощенъ.

Священникъ читаетъ „Отче нашъ“. Торжественно, внятно произноситъ онъ каждое слово. Монахини, и молодыя, и старыя, шопотомъ повторяютъ за нимъ святую молитву. Между ними нѣтъ ни одной, которая не проникнулась бы жалостью къ несчастной Эдитъ, которая не отдала бы охотно собственной жизни за спасеніе души Гаральда.

Эдитъ лежитъ распростертая на землѣ. Ея тѣло уже сведено предсмертной судорогой, и вся ея угасающая жизнь сосредоточилась только въ ея глазахъ, устремленныхъ на Распятіе.

Свѣча все не загорается.

Священникъ прочелъ молитву. „Аминь“, провозгласилъ онъ печальнымъ голосомъ.

Чуда не совершилось. Гаральдъ не прощенъ.

Изъ устъ благочестивой Эдитъ вырвался вопль проклятiя и взоръ ея погасъ на вѣки.

И вотъ этотъ-то романъ совершилъ переломъ во внутренней жизни моей сестры. Ея воображенію въ первый разъ въ жизни ясно представились вопросы: Есть ли будущая жизнь? Все ли кончается смертію? Встрѣтятся ли два любящихъ существа на томъ свѣтѣ и узнаютъ ли другъ друга?

Съ той необузданностью, которую она вносила во все, что дѣлала, сестра вся проникнулась этими вопросами, точно она первая на нихъ натолкнулась, и ей преискренне стало казаться, что она не можетъ жить, не получивъ на нихъ отвѣта.

Какъ теперь помню, былъ чудесный лѣтній вечеръ; солнце уже стало садиться; жара спала и въ воздухѣ все было такъ удивительно стройно и хорошо. Въ открытыя окна врвался запахъ розъ и скошеннаго сѣна. Съ фермы доносилось мычанье коровъ, блеянье овецъ, голоса рабочихъ, — всѣ разнообразныя звуки деревенскаго лѣтняго вечера, — но такіе измѣненные, смягченныя разстояніемъ, что ихъ стройная совокупность только усиливала ощущеніе тишины и покоя.

У меня на душѣ было какъ-то особенно свѣтло и радостно. Я умудрилась вырваться на минутку изъ-подъ бдительнаго надзора гувернантки и стрѣлой пустилась навверхъ, на башню, посмотрѣть, что-то дѣлаетъ тамъ сестра. И что же я увидѣла?

Сестра лежитъ на диванѣ, съ распущенными волосами, вся залитая лучами заходящаго солнца, и рыдаетъ навзрыдь, рыдаетъ такъ, что, кажется, грудь у нея надорвется.

Я испугалась ужасно и подбѣжала къ ней. — Анюточка, что съ тобой? — Но она не отвѣчала, а только замахала рукой, чтобы я ушла и оставила ее въ покоѣ. Я, разумѣется, только пуще стала приставать къ ней. Она долго не отвѣчала, но, наконецъ, приподнялась и слабымъ, какъ мнѣ казалось, совсѣмъ разбитымъ голосомъ, проговорила:

— Ты, все равно, не поймешь. Я плачу не о себѣ, а о всѣхъ насъ. Ты еще дитя, ты можешь не думать о серьезномъ; и я была такою, но эта чудная, эта жестокая книга — она указала на романъ Бульвера — заставила меня глубже заглянуть въ тайну жизни. Тогда я поняла, какъ призрачно все, къ чему мы стремимся. Самое яркое счастье, самая пылкая любовь — все кончается смертію. И что ждетъ насъ потомъ, да и ждетъ ли что-нибудь — мы не знаемъ, и никогда, никогда не узнаемъ! О, это ужасно, ужасно!

Она опять зарыдала и уткнулась головою въ подушку дивана.

Это искреннее отчаяніе 16-лѣтней дѣвушки, въ первый разъ наведенной на мысль о смерти чтеніемъ экзальтированнаго англійскаго романа, эти патетическія, книжныя слова, обращенныя къ десятилѣтней сестрѣ, все это, вѣроятно, заставило бы улыбнуться взрослому. Но у меня сердце буквально замерло отъ ужаса, и я вся преисполнилась благоговѣніемъ къ важности и серьезности мыслей, занимающихъ Анюту. Вся краса лѣтнаго вечера внезапно померкла для меня и я даже устыдилась той безпричинной радости, которая за минуту передъ тѣмъ переполняла все мое существо.

— Но вѣдь мы же знаемъ, что есть Богъ и что послѣ смерти мы пойдѣмъ къ нему, — попробовала я, однако, возразить. Сестра посмотрѣла на меня кротко, какъ взрослый на ребенка.

— Да, ты еще сохранила дѣтски чистую вѣру. Не будетъ больше говорить объ этомъ, — сказала она голосомъ очень печальнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ преисполненнымъ такого сознанія превосходства надо мной, что я тотчасъ почему-то устыдилась ея словъ.

Послѣ этого вечера съ сестрой моей произошла большая перемѣна. Нѣсколько дней послѣ этого она ходила кротко-печальная, изображая всѣмъ своимъ видомъ отреченіе отъ благъ земныхъ. Все въ ней говорило: *memento mori*. Рыцари и прекрасныя дамы съ ихъ любовными турнирами были забыты. На что любить, на что желать, когда все кончается смертью!

Сестра не дотрогивается больше ни до единого англійскаго романа; они ей всѣ опротивѣли. Зато она жадно поглощаетъ *Imitation de Jésus Christ* и рѣшается, подобно Томѣ Кемпійскому, путемъ самобичеванія и самоотреченія заглушить возникающія въ душѣ сомнѣнія.

Съ прислугой она небывалымъ образомъ кротка и снисходительна. Если я или младшій братъ о чемъ-нибудь просимъ ее, она не ворчитъ на насъ, какъ бывало иногда прежде, а тотчасъ уступаетъ намъ, но съ видомъ такой душусокрушающей *résignation*, что у меня сжимается сердце и пропадаетъ всякая охота къ веселью.

Всѣ въ домѣ преисполнились уваженіемъ къ ея благочестивому настроенію и обращаются съ ней нѣжно и осторожно, какъ съ больной или какъ съ человѣкомъ, потерпѣвшимъ тяжелое горе. Только гувернантка недовѣрчиво пожимаетъ плечами, да папа подтруниваетъ за обѣдомъ надъ ея туманнымъ видомъ, „*son air ténébreux*“. Но сестра покорно переноситъ насмѣшки отца, а съ гувернанткой обращается съ такой изысканной вѣж-

ливостью, которая обѣситъ послѣднюю, пожалуй, больше грубости. Видя сестру свою такою, и я ничему не могу радоваться; даже стыдно, что я еще не довольно сокрушаюсь, и втайнѣ завидую силѣ и глубинѣ чувствъ своей старшей сестры.

Продолжалось это настроеніе, однако, не долго. Приближалось 5 сентября: это были именины моей матери и день этотъ всегда праздновался у насъ въ семьѣ съ особенной торжественностью. Всѣ сосѣди, верстѣ на пятьдесятъ въ окружности, съѣзжались къ намъ; набиралось человѣкъ до ста и уже всегда къ этому дню устраивалось у насъ что-нибудь особенное: фейерверкъ, живыя картины или домашній спектакль. Приготовленія начинались, разумеется, задолго напередъ.

Мать моя была большая любительница домашнихъ спектаклей и сама играла хорошо и съ большимъ увлеченіемъ. Въ нынѣшнемъ году у насъ только-что отстроили постоянную сцену со-всѣмъ какъ слѣдуетъ, съ кулисами, занавѣсью и декораціями. Въ сосѣдствѣ было нѣсколько старыхъ, записныхъ театраловъ, которыхъ всегда можно было завербовать въ актеры. Матери очень хотѣлось домашняго спектакля, но теперь, когда у нея была взрослая дочь, ей какъ будто совѣстно было выказывать слишкомъ много азарта къ этому дѣлу; ей бы хотѣлось, чтобы все это устроилось якобы для удовольствія Анюты. А Анюта тутъ-то, какъ нарочно, напустила на себя монашеское настроеніе духа!

Помню я, какъ осторожно, несмѣло подступала къ ней мать, стараясь навести ее на мысль о домашнемъ спектаклѣ. Анюта сдалась не тотчасъ же; сначала она обнаруживала большое презрѣніе ко всей этой затѣѣ: „какъ хлопотливо! и въ чему!“ Наконецъ, она согласилась, какъ бы уступая желаніямъ другихъ.

Но вотъ съѣхались участвующіе, приступили къ выбору пьесы. Это, какъ извѣстно, дѣло не легкое: надо, чтобы пьеса была и забавна, и не слишкомъ вольна, и не требовала большой постановки. Въ этомъ году остановились на французскомъ водевилѣ „Les oeufs de Perette“. Анютѣ въ первый разъ приходилось участвовать въ домашнемъ спектаклѣ на правахъ взрослой барышни; ей досталась, разумеется, главная роль. Начались репетиціи; у нея обнаружился удивительный сценическій талантъ. И вотъ, боязнь смерти, борьба вѣры съ сомнѣніями, страхъ таинственнаго *au delà*,—все улетучилось. Съ утра до вечера звучитъ по всему дому звонкій голосъ Анюты, распѣвающей французскіе куплеты.

Послѣ маминыхъ именинъ она опять горько плакала, но уже

по другой причинѣ: потому, что отецъ не хотѣлъ сдаться на ея убѣдительныя просьбы помѣстить ее въ театральную школу—она чувствовала, что ея призваніе въ жизни быть актрисой.

VIII.

Въ то время, когда Анюта мечтала о рыцаряхъ и проливала горькія слезы о судьбѣ Гаральда и Эдитъ, большинство интеллигентной молодежи въ остальной Россіи было охвачено совсѣмъ другимъ теченіемъ, совсѣмъ другими идеалами. Поэтому увлеченія Анюты могутъ показаться, пожалуй, страннымъ анахронизмомъ. Но тотъ уголокъ, въ которомъ лежало наше имѣніе, былъ такъ удаленъ отъ всякихъ центровъ, такія крѣпкія, высокія стѣны ограждали Палибино отъ внѣшняго міра, что волна новыхъ вѣяній могла достигнуть въ нашъ мирный заливчикъ лишь долгое время спустя послѣ того, какъ она поднялась въ открытомъ морѣ. Зато, когда эти новыя теченія дошли, наконецъ, до берега, онѣ сразу охватили Анюту и увлекли ее за собой.

Какъ, откуда и какимъ образомъ появились въ нашемъ домѣ новыя идеи — сказать трудно. Извѣстно, что таково уже свойство всякой переходной эпохи — оставлять по себѣ мало слѣдовъ. Изслѣдуетъ, напримѣръ, палеонтологъ какой-нибудь пластъ геологическаго разрѣза и находитъ въ немъ массу окаменѣлыхъ слѣдовъ рѣзко характеризованной фауны и флоры, по которымъ онъ можетъ создать въ своемъ воображеніи всю картину тогдашняго мірозданія; поднялся онъ пластомъ выше, и вотъ передъ нимъ совсѣмъ иная формація, совсѣмъ новыя типы, а откуда они взялись, какъ развились они изъ прежнихъ — онъ сказать не можетъ.

Окаменѣлые экземпляры вполне развитыхъ типовъ всюду находятъ во множествѣ, ими биткомъ-набиты всѣ музеи, но радъ-радешенекъ бываетъ палеонтологъ, если ему гдѣ-нибудь случайно удастся выкопать черепъ, нѣсколько зубовъ, кусочекъ отдѣльной кости какого-нибудь переходнаго типа, по которымъ онъ можетъ возсоздать въ своей научной фантазіи тотъ путь, какимъ совершалось развитіе. Можно подумать, что природа сама ревниво стираетъ и сглаживаетъ всѣ слѣды своей работы; она какъ будто щеголяетъ совершенными образцами своего творчества, въ которыхъ ей удалось воплотить какую-нибудь вполне развитую мысль, но она немилосердно уничтожаетъ самую память о своихъ первыхъ, неувѣренныхъ попыткахъ.

Жили себѣ жители Палибина мирно и тихо; росли и старились; ссорились и мирились другъ съ другомъ; ради препровожденія времени спорили по поводу той или другой журнальной статьи, того или другого научнаго открытія, вполне увѣренные, однако, что всѣ эти вопросы принадлежать чуждому, удаленному отъ нихъ міру и никогда непосредственнаго соприкосновенія съ ихъ обыденной жизнью имѣть не будутъ. И вдругъ, откуда ни возьмись, совсѣмъ рядомъ съ ними объявились признаки какого-то страннаго броженія, которое несомнѣнно подступало все ближе и ближе и грозило подточиться подъ самый строй ихъ тихой, патриархальной жизни. И не только съ одной какой-нибудь стороны грозила опасность; она шла какъ будто разомъ, отовсюду.

Можно сказать, что въ этотъ промежутокъ времени, отъ начала 60-хъ до начала 70-хъ годовъ, всѣ интеллигентные слои русскаго общества были заняты только однимъ вопросомъ: семейнымъ разладомъ между старыми и молодыми. О какой дворянской семьѣ ни спросишь въ то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились съ дѣтьми. И не изъ-за какихъ-нибудь вещественныхъ, матеріальныхъ причинъ возникали ссоры, а единственно изъ-за вопросовъ чисто теоретическаго, абстрактнаго характера. „Не сошлись убѣжденіями!“ — вотъ только и всего, но этого „только“ вполне достаточно, чтобы заставить дѣтей побросать родителей, а родителей — отречься отъ дѣтей.

Дѣтьми, особенно дѣвушками, овладѣла въ то время словно эпидемія какая-то — убѣгать изъ родительскаго дома. Въ нашемъ непосредственномъ сосѣдствѣ пока еще Богъ миловалъ, все обстояло благополучно; но изъ другихъ мѣстъ уже приходили слухи: то у того, то у другого помѣщика убѣжала дочь, которая за границу — учиться, которая въ Петербургъ — въ „нигилистамъ“.

Главнымъ пугаломъ всѣхъ родителей и наставниковъ въ палибинскомъ околоткѣ была какая-то мнѣшеская коммуна, которая, по слухамъ, завелась гдѣ-то въ Петербургѣ. Въ нее — такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли — вербовали всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, желающихъ покинуть родительскій домъ. Молодые люди обою пола жили въ ней въ полнѣйшемъ коммунизмѣ. Прислуги въ ней не полагалось, и благородныя барышни-дворянки собственно-ручно мыли полы и чистили самовары. Само собою разумѣется, что никто изъ лицъ, распространявшихъ эти слухи, самъ въ этой коммуны не былъ. Гдѣ она находится и какъ она вообще можетъ существовать въ Петербургѣ, подъ самымъ носомъ у полиціи, никто точно не зналъ, но тѣмъ не менѣе существованіе подобной коммуны никѣмъ не подвергалось сомнѣнію.

Вскорѣ и въ непосредственной близости отъ нашего дома стали обнаруживаться признаки времени.

У приходскаго священника, отца Филиппа, былъ сынъ, всегда прежде радовавшій сердца своихъ родителей добронравіемъ и послушаніемъ. И вдругъ, кончивъ курсъ въ семинаріи чуть ли не первымъ ученикомъ, этотъ примѣрный юноша, ни съ того, ни съ сего, превратился въ непокорнаго сына и на-отрѣзъ отказался идти въ священники, хотя ему стоило только руку протянуть, чтобы получить выгодный приходъ. Самъ его преосвященство, архіерей, призвалъ его къ себѣ и уговаривалъ не покидать лона церкви, ясно намекая, что стѣдуетъ ему захотѣть, и будетъ онъ приходскимъ священникомъ въ селѣ Ивановѣ (одномъ изъ богатѣйшихъ въ губерніи). Конечно, для этого ему надо напередъ жениться на одной изъ дочерей прежняго священника, потому что ужъ изстари такъ водится, что приходъ идетъ, такъ сказать, въ приданое за одной изъ дочекъ покойнаго батюшки. Но и эта заманчивая перспектива не прельстила молодого поповича. Онъ предпочелъ уѣхать въ Петербургъ, поступить своекоштнымъ въ университетъ и обречь себя въ теченіе четырехъ лѣтъ ученья на чай да на сухую булку.

Бѣдный отецъ Филиппъ потужилъ о неразуміи своего сына, но онъ еще могъ бы утѣшиться, еслибы этотъ послѣдній поступилъ на юридическій факультетъ, какъ извѣстно, самый хлѣбный. Но сынъ его, вмѣсто того, пошелъ въ естественники и, въ первыя же каникулы, пріѣхавъ домой, такую понесъ ахинею, якобы человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, и якобы проф. Сѣменовъ доказалъ, что души нѣтъ, а есть рефлексы, что бѣдный, огорошенный батюшка схватилъ кропильницу и сталъ кропить сына святой водой.

Въ прежніе годы, пріѣзжая къ отцу на каникулы изъ семинаріи, молодой поповичъ не пропускалъ ни одного семейнаго праздника у насъ въ домѣ безъ того, чтобы не явиться къ намъ съ поклономъ, и за праздничнымъ обѣдомъ, какъ подобаетъ молодому человѣку въ его положеніи, сидѣлъ на нижнемъ концѣ стола, съ аппетитомъ уписывая именинный пирогъ, но въ разговоръ не вмѣшиваясь.

Нынѣшнимъ же лѣтомъ, на первыя же именинахъ, случившихся послѣ его пріѣзда, молодой поповичъ блисталъ своимъ отсутствіемъ. Зато онъ явился къ намъ однажды въ неположенный день и на вопросъ человѣка: „что ему угодно?“ отвѣтилъ, что просто пришелъ къ генералу съ визитомъ.

Отецъ мой уже слышался не мало про „нигилиста“ попо-

вича; онъ не преминулъ замѣтить его отсутствіе на своихъ именинахъ, хотя, разумѣется, и вида не подавъ, что обратилъ вниманіе на столь маловажное обстоятельство. Теперь же онъ вознегодовалъ, что молодой выскочка вздумалъ явиться къ нему за-просто въ гости, какъ ровня, и рѣшилъ дать ему хорошій урокъ; поэтому онъ велѣлъ сказать ему черезъ лакея, что „генераль принимаетъ людей, приходящихъ къ нему по дѣлу, и просителей только по утрамъ, до часу“.

Вѣрный Илья, всегда понимавшій своего барина на полусловъ, выполнилъ возложенное на него порученіе именно въ томъ духѣ, въ какомъ оно было ему дано. Но молодой поповичъ не сконфузился ни мало и, уходя, проговорилъ очень развязно: „скажи твоему барину, что съ этого дня ноги моей въ его домѣ не будетъ“.

Илья и это порученіе исполнилъ, и можно представить себѣ, сколько шуму надѣлала выходка молодого поповича не только у насъ, но и во всемъ околоткѣ.

Но всего поразительнѣе было то, что Анюта, услышавъ о происшедшемъ, самовольно прибѣжала въ кабинетъ отца и съ раскраснѣвшимися щеками, задыхаясь отъ волненія, заговорила: „Зачѣмъ ты, папа, обидѣлъ Алексѣя Филипповича? Это ужасно, это недостойно такъ обижать порядочнаго человѣка!“

Папа глядѣлъ на нее изумленными глазами. Его удивленіе было такъ велико, что въ первую минуту онъ даже не нашелся, что отвѣтить дерзкой дѣвчонкѣ. Впрочемъ Анютинъ внезапный припадокъ смѣлости уже успѣлъ выдохнуться, и она поторопилась убѣжать къ себѣ въ комнату.

Оправившись отъ удивленія и обсудивъ все хорошенько, отецъ рѣшилъ, что лучше не придавать выходкѣ дочери большого значенія, а отнестись къ дѣлу съ шутиливой стороны. За обѣдомъ, въ присутствіи Анюты, онъ разсказалъ сказку про одну царскую дочь, вздумавшую заступаться за конюха; разумѣется, и царевна, и ея протѣгѣ были выставлены въ ужасно смѣшномъ видѣ. Отецъ нашъ былъ мастеръ острить, и всѣ мы страшно боялись его насмѣшекъ. Но сегодня Анюта слушала папину сказку, не смущаясь ни мало, а, напротивъ, съ задорнымъ и вызывающимъ видомъ.

Свой протестъ противъ той обиды, которой подвергся поповичъ, Анюта выразила тѣмъ, что стала всячески искать встрѣчь съ нимъ гдѣ-нибудь у сосѣдей или на прогулкѣ.

Кучеръ Степанъ разсказывалъ однажды за ужиномъ въ людской, что видѣлъ собственными глазами, какъ ихъ старшая ба-

рышня разгуливала по лѣсу вдвоемъ съ попovichемъ. „И потѣха же была на нихъ смотрѣть! Барышня идетъ себѣ молча, потупившись, зонтикомъ въ ручкахъ поигрываетъ. А онъ себѣ шагаетъ съ ней рядомъ, своими длинными ножищами—ну, ни дать, ни взять, долговязый журавль. И все-то онъ что-то разглагольствуетъ и руками размахиваетъ. А то вдругъ вытащить изъ кармана растрепанную книжку и давай изъ нея громко читать, словно урокъ ей держать“.

Дѣйствительно, надо сознаться, что молодой попovichъ мало походилъ на того сказочнаго принца или на того средневѣковаго рыцаря, о которыхъ когда-то мечтала Анюта. Его нескладная, долговязая фигура, длинная, жилистая шея и блѣдное лицо, окаймленное жидкими, желтовато-русыми волосами, его большія, красныя руки съ плоскими, не всегда безупречно чистыми ногтями, но всего пуще его неприятный, вульгарный выговоръ на ѵ, несомнѣнно свидѣтельствующій о поповскомъ происхожденіи и о воспитаніи въ бурсѣ, все это не дѣлало изъ него очень обольстительнаго героя въ глазахъ молодой дѣвушки съ аристократическими привычками и вкусами. Трудно было заподозрить Анюту въ томъ, что ея интересъ къ попovichу основанъ на романической подлудѣ. Очевидно, что дѣло было въ чемъ-то другомъ.

И дѣйствительно, главный prestige молодого человѣка въ глазахъ Анюты заключался въ томъ, что онъ только-что пріѣхалъ изъ Петербурга и навезъ оттуда самыхъ что ни на есть новѣйшихъ идей. Мало того, онъ имѣлъ даже счастье видѣть собственными очами,—правда, только издали,—многихъ изъ тѣхъ великихъ людей, передъ которыми благоговѣла вся тогдашняя молодежь. Этого было вполне достаточно, чтобы сдѣлать и его самого интереснымъ и привлекательнымъ. Но, сверхъ того, Анюта еще могла, благодаря ему, получать разныя книжки, недоступныя ей иначе. Въ домѣ нашемъ изъ періодическихъ журналовъ получались лишь самые степенные и солидные: „Revue des deux Mondes“ и „Athenaeum“ изъ иностранныхъ, „Русскій Вѣстникъ“—изъ отечественныхъ. Въ видѣ большой уступки духу времени, отецъ мой согласился въ нынѣшнемъ году подписаться на „Эпоху“ Достоевскаго. Но отъ молодого попovichа Анюта стала доставать журналы другого пошиба, „Современникъ“, „Русское Слово“, каждая новая книжка которыхъ считалась событіемъ дня у тогдашней молодежи. Однажды онъ принесъ ей даже номеръ запрещеннаго „Колокола“ (Герцена).

Нельзя сказать, чтобы Анюта сразу и безъ критики приняла всѣ новыя идеи, проповѣдуемыя ея пріятелемъ. Многія изъ нихъ

возмущали ее, вазались ей слишкомъ крайними, она возставала противъ нихъ и спорила. Но во всякомъ случаѣ, подѣ влияніемъ разговоровъ съ поповичемъ и чтенія доставляемыхъ имъ книгъ, она развивалась очень быстро и измѣнялась не по днямъ, а по часамъ.

Къ осени поповичъ успѣлъ такъ основательно поссориться со своимъ отцомъ, что тотъ попросилъ его уѣхать и не возвращаться на слѣдующія каникулы. Но сѣмена, заброшенныя имъ въ голову Анюты, продолжали расти и развиваться.

Она измѣнилась даже наружно, стала одѣваться просто въ черныя платья, съ гладкими воротничками, и волосы стала зачесывать назадъ, подѣ сѣтку. О балахъ и выѣздахъ она говоритъ теперь съ пренебреженіемъ. По утрамъ она призываетъ дворовыхъ ребятшекъ и учитъ ихъ читать, а встрѣчая на прогулкахъ деревенскихъ бабъ, останавливаетъ ихъ и подолгу съ ними разговариваетъ.

Но всего замѣчательнѣе то, что у Анюты, ненавидѣвшей прежде ученье, явилась теперь страсть учиться. На мѣсто того, чтобы, какъ прежде, тратить всѣ свои карманныя деньги на наряды и тряпки, она выписываетъ теперь цѣлыя ящики книгъ и притомъ вовсе не романовъ, а книгъ съ такими мудреными названіями: „Физиологія жизни“, „Исторія цивилизаціи“ и т. д.

Однажды пришла Анюта къ отцу и высказала вдругъ совершенно неожиданное требованіе: чтобы онъ отпустилъ ее одну въ Петербургъ учиться. Отецъ сначала хотѣлъ обратить ея просьбу въ шутку, какъ онъ дѣлывалъ и прежде, когда Анюта объявляла, что не хочетъ жить въ деревнѣ. Но на этотъ разъ Анюта не унималась. Ни шутки, ни остроты отца на нее не дѣйствовали. Она горячо доказывала, что изъ того, что отцу ея надо жить въ имѣннѣ, не слѣдуетъ еще, чтобы и ей надо было запереться въ деревнѣ, гдѣ у нея нѣтъ ни дѣла, ни веселья.

Отецъ, наконецъ, разсердился и прикрикнулъ на нее какъ на маленькую. „Если ты сама не понимаешь, что долгъ всякой порядочной дѣвушки жить со своими родителями, пока она не выйдетъ замужъ, то спорить съ глупой дѣвчонкой я не стану!“ сказалъ онъ.

Анюта поняла, что настаивать бесполезно. Но съ того дня отношенія между нею и отцомъ стали очень натянутыя; у нихъ у обоихъ явилось взаимное раздраженіе другъ противъ друга, и раздраженіе это росло съ каждымъ днемъ. За обѣдомъ, единственнымъ временемъ дня, когда они встрѣчались, они теперь почти никогда не обращались прямо другъ къ другу, но въ каж-

домъ ихъ словѣ чувствовалась шпилька или язвительный намекъ.

Вообще въ семьѣ нашей сталъ происходить теперь небывалый разладъ. Общихъ интересовъ и прежде было немного, но прежде всѣ члены семьи жили каждый самъ по себѣ, просто не обращая большого вниманія другъ на друга. Теперь же образовалось словно два враждебныхъ лагеря.

Гувернантка съ самаго начала выступила яркой противницей всѣхъ новыхъ идей. Анюту она окрестила нигилисткой и „передовой барышней“. Это послѣднее названіе звучало какъ-то особенно ядовито въ ея устахъ. Инстинктомъ чувствуя, что Анюта что-то такое затѣваетъ, она стала подозрѣвать ее въ самыхъ преступныхъ замыслахъ: убѣжать тайкомъ изъ дома, обвиняться съ поповичемъ, поступить въ пресловутую коммуну. Поэтому она стала бдительно и недовѣрчиво наблюдать за каждымъ ея шагомъ. А Анюта, чувствуя, что гувернантка за ней подсматриваетъ, нарочно, чтобъ подразнить ее, стала окружать себя раздражительною и обидною таинственностью.

То воинственное настроеніе, которое господствовало теперь въ домѣ нашемъ, не замедлило отразиться и на мнѣ. Гувернантка, и прежде не одобрявшая моего сближенія съ Анютой, теперь стала ограждать свою воспитанницу отъ „передовой барышни“, словно отъ заразы. Насколько могла, она мѣшала мнѣ съ сестрой оставаться наединѣ и на каждую мою попытку убѣжать изъ классной наверхъ, въ міръ взрослыхъ, стала смотрѣть какъ на преступленіе.

Этотъ бдительный надзоръ гувернантки страшно надоѣдалъ мнѣ. Я тоже чутьемъ чувствовала, что у Анюты завелись какіе-то новые, прежде небывалые интересы, и мнѣ страстно хотѣлось понять, въ чемъ именно дѣло. Всякій разъ почти, когда мнѣ случалось вбѣжать неожиданно въ комнату Анюты, я заставляла ее за письменнымъ столомъ, что-то пишущей; я пробовала нѣсколько разъ допытаться у нея, что такое она пишетъ, но такъ какъ Анютѣ уже не разъ доставалось отъ гувернантки за то, что она не только сама съ пути сбилась, но и сестру совратить хочетъ, то, боясь новыхъ упрековъ, она всегда прогоняла меня отъ себя. „Ахъ, уйди ты, пожалуйста! Еще застанешь тебя здѣсь Маргарита Францовна! Достанется намъ обѣимъ!“ говорила она нетерпѣливо.

Я возвращалась въ классную съ чувствомъ досады и раздраженія на гувернантку, изъ-за которой и сестра мнѣ ничего связать не хочетъ. Бѣдной англичанкѣ все труднѣе и труднѣе стано-

вилось ладить со своей воспитанницей. Изъ разговоровъ, которые велись за обѣдомъ, я поняла, главнымъ образомъ, то, что слушать старшихъ теперь не въ модѣ. Вслѣдствіе этого чувство субординаціи во мнѣ очень ослабѣло. Ссора моя съ гувернаткой происходила теперь почти ежедневно, и послѣ одной особенно бурной сцены эта послѣдняя объявила, что не можетъ болѣе оставаться у насъ.

Такъ какъ угроза уѣхать повторялась ею не разъ и прежде, то вначалѣ я не обратила на нее большого вниманія. На этотъ разъ, однако, дѣло оказалось серьезнымъ. Съ одной стороны, гувернантка зашла уже слишкомъ далеко и не могла съ честью отказаться отъ своей угрозы; съ другой стороны, постоянныя сцены и исторіи такъ всѣмъ надоѣли, что родители мои не стали ее удерживать, въ надеждѣ, что безъ нея, быть можетъ, въ домѣ станетъ тише.

Но до самаго конца мнѣ не вѣрилось, что гувернантка уѣдетъ, пока не наступилъ, наконецъ, самый день отъѣзда.

IX.

Отъѣздъ гувернантки. Первые литературные опыты Анюты.

Большой, старомодный чемоданъ, аккуратно обтянутый холщевымъ чехломъ и перевязанный веревками, съ утра стоитъ въ передней. Надъ нимъ висится цѣлая батарея картоночекъ, корзиночекъ, мѣшечковъ и узелковъ, безъ которыхъ ни одна старая дѣва не можетъ пуститься въ путь. Старенькій тарантасъ, запряженный тройкой въ самой простой, подержанной сбруѣ, которую кучеръ Яковъ всегда пускаетъ въ дѣло, когда предстоитъ дальняя дорога, уже ждетъ у подъѣзда. Горничныя суетятся, вынося и прибирая разныя мелочи и бездѣлушки, но папашинъ камердинеръ Илья стоитъ неподвижно, лѣниво прислонившись къ косяку двери и выражая всей своей пренебрежительной позой, что предстоящій отъѣздъ ужъ не ахти какой важный и что изъ-за него подымать суматоху въ домѣ не стоитъ. Семья наша вся собралась въ столовой. Слѣдуя обычному порядку, отецъ приглашаетъ всѣхъ присѣсть передъ дорогой; господа занимаютъ передній уголъ, а нѣсколько поодаль тѣснится вся собравшаяся дворня, почтительно присѣвшая на кончикахъ стульевъ. Нѣсколько минутъ проходятъ въ благоговѣйномъ молчаніи, во время котораго невольно охватываетъ душу чувство нервной тоски, неизбѣжно

вызываемое всякимъ отъѣздомъ и разставаньемъ. Но вотъ отецъ подаетъ знакъ встать, крестится на образа, остальные слѣдуютъ его примѣру и затѣмъ начинаются слезы и обниманья.

Я гляжу теперь на мою гувернантку, въ ея темномъ, дорожномъ платьѣ, увязанную теплымъ пуховымъ платкомъ, и она вдругъ представляется мнѣ совсѣмъ иною, чѣмъ я привыкла ее видѣть. Она какъ будто внезапно постарѣла; ея полная, энергичная фигура словно осунулась; глаза ея, „молніеносныя“, какъ мы тихонько, въ насмѣшку, прозвали ихъ, отъ которыхъ не ускользалъ ни одинъ изъ моихъ проступковъ, теперь красны, припухли и полны слезъ. Кончики губъ ея нервно вздрагиваютъ. Въ первый разъ въ жизни она кажется мнѣ жалкою. Она обнимаетъ меня долго, судорожно, съ такой порывистой нѣжностью, которой я никогда отъ нея не ожидала.

— Не забывай меня, пиши. Вѣдь шутка ли разставаться съ ребенкомъ, котораго я взростила съ пятилѣтняго возраста!—говоритъ она, всхлипывая. Я тоже припадаю къ ней и начинаю отчаянно рыдать. Мною овладѣваетъ жестокая тоска, чувство невозвратимой утраты, —точно съ ея отъѣздомъ вся наша семья распадается. И къ этому примѣшивается еще сознание собственной виновности. Мнѣ до боли стыдно вспомнить, что всѣ послѣдніе дни, не далѣе какъ сегодня поутру, меня охватывало тайное ликованье при мысли о ея отъѣздѣ и о предстоящей свободѣ.

„Такъ вотъ я и дождалась своего, вотъ она и взаправду уѣзжаетъ, вотъ мы и безъ нея остаемся!“ И въ эту минуту мнѣ такъ ее жалко, что я бы, кажется, Богъ знаетъ что дала, чтобы ее удержать. Я цѣпляюсь за нее, точно не могу отъ нея оторваться.

— Пора ѣхать, чтобы засвѣтло поспѣть въ городъ, — говоритъ кто-то. Вещи уже всѣ снесены въ экипажъ. Гувернантку тоже подсаживаютъ. Еще одно долгое, нѣжное обниманье.

— Барышня, берегитесь, не попадите подъ лошадей!—кричитъ кто-то, и экипажъ трогается.

Я вбѣгаю навверхъ, въ угловую комнату, изъ оконъ которой видна вся длинная, съ версту, березовая аллея, ведущая отъ дома на большую дорогу, и припадаю лицомъ къ стеклу. Пока виденъ экипажъ, я не могу оторваться отъ окна, и чувство моей собственной виновности все усиливается. Боже мой! Какъ мнѣ жаль въ эту минуту уѣхавшую гувернантку! Всѣ мои столкновения съ ней — а ихъ было особенно много за это послѣднее время — кажутся мнѣ теперь въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ, чѣмъ прежде.

„А она меня любила. Она бы осталась, еслибы знала, какъ

я ее люблю. А теперь меня никто, никто не любитъ!“ думается мнѣ съ позднимъ раскаяніемъ, и всхлипыванья мои становятся все громче и громче.

— Это ты о Маргаритѣ такъ сокрушаешься? — спрашиваетъ, пробѣгая мимо меня, братъ Ѳеда. Въ голосѣ его слышатся и удивленіе, и насмѣшка.

— Оставь ее, Ѳеда. Это дѣлаетъ ей честь, что она такая привязчивая, — слышу я за собой наставительный голосъ старой тетки, которую никто изъ дѣтей не любитъ, почему-то считая ее фальшивой. Какъ насмѣшка брата, такъ и слащавая похвала тетки дѣйствуютъ на меня одинаково неприятнымъ, отрезвляющимъ образомъ. Я съ дѣтства не могла выносить, чтобы люди мнѣ равнодушные утѣшали меня въ сердечномъ горѣ. Поэтому я съ гнѣвомъ отталкиваю руку, которую тетка, въ видѣ ласки, положила мнѣ на плечо, и, пробормотавъ сердито: „я вовсе не сокрушаюсь и я вовсе не привязчивая“, убѣгаю къ себѣ въ комнату.

Видь опустѣлой классной чуть-было не пробудилъ во мнѣ новаго пароксизма отчаянія; только мысль, что никто не будетъ мѣшать мнѣ теперь быть съ моей сестрой сколько мнѣ угодно, нѣсколько утѣшила меня. Я рѣшилась тотчасъ же побѣжать къ ней и посмотрѣть, чтѣ она дѣлаетъ.

Анюта рассказываетъ взадъ и впередъ по большой залѣ. Она всегда предается этому моціону, когда чѣмъ-нибудь особенно занята или озабочена. Видь у нея тогда такой разсѣянный, лучистые, зеленые глаза становятся совсѣмъ прозрачными и не видать ничего, чтѣ дѣлается вокругъ. Сама того не замѣчая, она ходитъ въ тактъ со своими мыслями: если мысли печальныя, и походка становится томная, медленная; оживляются мысли, она начинаетъ что-нибудь придумывать, и походка ускоряется, такъ что подъ конецъ она не ходитъ, а бѣгаетъ по комнатамъ. Всѣ въ домѣ знаютъ эту ея привычку и подтруниваютъ надъ ней за это. Я часто исподтишка наблюдаю за ней, когда она ходитъ, и мнѣ бы такъ хотѣлось знать, о чемъ-то думаетъ Анюта.

Хотя я по опыту знаю, что приставать къ ней въ это время бесполезно, но, видя теперь, что прогулка ея все не прекращается, я теряю, наконецъ, терпѣніе и дѣлаю попытку заговорить. — Анюта, мнѣ очень скучно! Дай мнѣ одну изъ твоихъ книжекъ почитать! — прошу я умильнымъ голосомъ. Но Анюта все продолжаетъ ходить, точно не слышать.

Опять нѣсколько минутъ молчанія.

— Анюта, о чемъ ты думаешь? — рѣшаюсь я, наконецъ, спросить.

— Ахъ, отстань, пожалуйста! Слишкомъ ты еще мала, чтобы я тебѣ все говорила,—получаю я презрительный отвѣтъ.

Теперь уже я въ конецъ разобижена. „Такъ ты вотъ какая, ты и говорить со мной не хочешь! Вотъ теперь Маргарита уѣхала, я думала, мы будемъ жить съ тобой такъ дружно, а ты меня гонишь! Ну, такъ я же уйду и любить тебя совсѣмъ, совсѣмъ не буду!“

Я почти плачу и собираюсь уходить, но сестра окликаетъ меня. Въ сущности, она сама горитъ желаніемъ рассказать кому-нибудь о томъ, что ее такъ занимаетъ, а такъ какъ ни съ кѣмъ изъ домашнихъ она объ этомъ говорить не можетъ, то за неимѣніемъ лучшей публики и двѣнадцати-лѣтняя сестра годится.

— Послушай!—говоритъ она:—если ты общаешься, что никому, никогда, ни подъ какимъ видомъ не проговоришься, то я довѣрю тебѣ большой секретъ.

Слезы мои мигомъ высыхаютъ; гнѣва какъ не бывало. Я клянусь, разумѣется, что буду молчать какъ рыба, и съ нетерпѣніемъ ожидаю, что-то она мнѣ скажетъ.

— Пойдемъ въ мою комнату,—говоритъ она торжественно.— Я покажу тебѣ что-то такое, что-то такое, чего ты вѣрно не ожидаешь.

И вотъ она ведетъ меня въ свою комнату и подводитъ къ старенькому бюро, въ которомъ—я знаю—хранятся ея самые заветные секреты. Не торопясь, медленно, чтобы продлить любопытство, она отпираетъ одинъ изъ ящичковъ и вынимаетъ изъ него большой, дѣлового вида, конвертъ съ красной печатью, на которой вырѣзано: „Журналъ Эпоха“. На конвертѣ стоитъ адресъ: Домнѣ Никитишнѣ Кузьминой (это—имя нашей экономки, которая всей душой предана сестрѣ и за нее въ огонь и въ воду пойдетъ). Изъ этого конверта сестра вынимаетъ другой, поменьше, на которомъ значится: „для передачи Аннѣ Васильевнѣ Корвинъ-Крюковской“, и, наконецъ, подаетъ мнѣ письмо, исписанное крупнымъ мужскимъ почеркомъ. Письма этого нѣтъ у меня въ настоящую минуту, но я такъ часто читала и перечитывала его въ дѣтствѣ и оно такъ врѣзалось въ моей памяти, что, я думаю, я почти слово въ слово могу передать его.

„Милостивая государыня, Анна Васильевна! Письмо ваше, полное такого милаго и искренняго довѣрія ко мнѣ, такъ меня

заинтересовало, что я немедленно принялся за чтеніе присылаемаго вами разсказа.

„Признаюсь вамъ, я началъ читать не безъ тайнаго страха: намъ, редакторамъ журналовъ, выпадаетъ такъ часто на долю печальная обязанность разочаровывать молодыхъ, начинающихъ писателей, присылающихъ намъ свои первые литературные опыты на оцѣнку. Въ вашемъ случаѣ мнѣ это было бы очень прискорбно. Но, по мѣрѣ того, какъ я читалъ, страхъ мой разсѣвался и я все болѣе и болѣе поддавался подъ обаяніе той юношеской непосредственности, той искренности и теплоты чувства, которыми пронизанъ вашъ разсказъ.

„Вотъ эти-то качества такъ подкупаютъ въ васъ, что я боюсь, не нахожусь ли я и теперь подъ ихъ вліяніемъ; поэтому я не смѣю еще отвѣтить категорически и безпристрастно на тотъ вопросъ, который вы мнѣ ставите: „разовьется ли изъ васъ со временемъ крупная писательница“.

„Одно скажу вамъ: разсказъ вашъ будетъ мною (и съ большимъ удовольствіемъ) напечатанъ въ будущемъ же № моего журнала; что же касается вашего вопроса, то посоветую вамъ: пишите и работайте; остальное покажетъ время.

„Не скрою отъ васъ—есть въ вашемъ разсказѣ еще много недодѣланнаго, черезъ-чуръ наивнаго; есть даже, простите за откровенность, погрѣшности противъ русской грамоты. Но все это мелкіе недостатки, которые, потрудившись, вы можете осилить; общее же впечатлѣніе самое благоприятное.

„Потому, повторяю, пишите и пишете. Искренно буду радъ, если вы найдете возможнымъ сообщить мнѣ побольше о себѣ: сколько вамъ лѣтъ и въ какой обстановкѣ живете. Мнѣ важно все это знать для правильной оцѣнки вашего таланта.

„Преданный Вамъ

Федоръ Достоевскій“.

Я читала это письмо и строки разбѣгались передъ моими глазами отъ удивленія. Имя Достоевскаго было мнѣ знакомо; въ послѣднее время оно часто упоминалось у насъ за обѣдомъ, въ спорахъ сестры съ отцомъ. Я знала, что онъ одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ писателей; но какими же судьбами писать онъ Анютѣ и что все это значить? Одну минуту мнѣ пришло въ голову, не дурачить ли меня сестра, чтобы потомъ посмѣяться надъ моимъ легковѣріемъ.

Кончивъ письмо, я глядѣла на сестру молча, не зная что сказать. Сестра видимо восхищалась моимъ удивленіемъ.

— Понимаешь ли ты, понимаешь! — заговорила, наконецъ, Аня голосомъ, прерывающимся отъ радостнаго волненія. — Я написала повѣсть и, не сказавъ никому ни слова, послала ее Достоевскому. И вотъ видишь, онъ находитъ ее хорошею и напечатаетъ въ своемъ журналѣ. Такъ вотъ сбылась-таки моя заветная мечта. Теперь я русская писательница! — почти прокричала она, въ порывѣ неудержимаго восторга.

Чтобы понять, что значило для насъ это слово: „писательница“, надо вспомнить, что мы жили въ деревенской глуши, вдали отъ всякаго, даже слабаго, намека на литературную жизнь. У насъ въ семьѣ много читали и выписывали книгъ новыхъ. Къ каждой книгѣ, къ каждому печатному слову, не только мы, но и всѣ наши окружающіе, относились какъ къ чему-то приходящему къ намъ издалека, изъ какаго-то невѣдомаго, чуждаго и не имѣющаго съ нами ничего общаго, міра. Какъ ни странно это можетъ показаться, однако фактъ, что до тѣхъ поръ ни сестрѣ, ни мнѣ не приходилось даже видѣть ни одного человѣка, который бы напечаталъ хоть единую строку. Былъ, правда, въ нашемъ уѣздномъ городѣ одинъ учитель, про котораго вдругъ разнесся слухъ, что онъ написалъ корреспонденцію въ газетахъ про нашъ уѣздъ, и я помню, съ какимъ почтительнымъ страхомъ всѣ къ нему стали послѣ этого относиться, пока не открылось, наконецъ, что корреспонденцію эту написалъ совсѣмъ не онъ, а какой-то проѣзжій журналистъ изъ Петербурга.

И вдругъ теперь сестра моя — писательница! Я не находила словъ выразить ей мой восторгъ и удивленіе; я только бросилась ей на шею и мы долго и нѣжничали, и смѣялись, и говорили всякій вздоръ отъ радости.

Никому изъ остальныхъ домашнихъ сестра не рѣшалась рассказать о своемъ торжествѣ; она знала, что всѣ, даже наша мать, испугаются и все расскажутъ отцу. Въ глазахъ же отца этотъ ея поступокъ, что она безъ спросу написала Достоевскому и отдала себя ему на судъ и посмѣяніе, показался бы страшнымъ преступленіемъ.

Бѣдный мой отецъ! Онъ такъ ненавидѣлъ женщинъ-писательницъ и такъ подозрѣвалъ каждую изъ нихъ въ проступкахъ, ничего не имѣющихъ общаго съ литературой! И ему-то было суждено стать отцомъ писательницы.

Лично отецъ мой зналъ только одну писательницу, графиню Ростопчину. Онъ видѣлъ ее въ Москвѣ, въ то время, когда она была блестящей свѣтской красавицей, по которой вся знатная молодежь того времени — и отецъ мой въ томъ числѣ — безнадежно

вздыхала. Потомъ, много лѣтъ спустя, онъ встрѣтилъ ее гдѣ-то за границей, вѣжется въ Баденъ-Баденѣ, въ залѣ рулетки.

— Смотрю я, глазамъ не вѣрю, — рассказывалъ часто отецъ: — идетъ графиня, а за нею цѣлый хвостъ какихъ-то проходимцевъ, одинъ другого хуже, вульгарнѣе. Всѣ они кричатъ, смѣются, гогочутъ, обращаются съ нею за панибрата. Подошла она къ игорному столу и стала швырять золотой за золотымъ. У самой глаза горятъ, лицо красное, шиньонъ на боку. Проиграла все, до послѣдняго золотого, и кричитъ своимъ адъютантамъ: „Eh bien, messieurs, je suis vidée! Rien ne va plus. Идемъ запивать горе шампанскимъ!“ Вотъ до чего доводитъ женщину писательство!

Понятно послѣ этого, что сестра не торопилась похвастаться ему своимъ успѣхомъ. Но эта таинственность, которою она должна была окружать свой первый дебютъ на литературномъ поприщѣ, придавала ему особенную прелесть. Помню я, какой былъ восторгъ, когда нѣсколько недѣль спустя пришла книжка „Эпохи“ и въ ней, на заглавномъ листѣ, мы прочли: „Сонъ“, повѣсть Ю. О—ва (Юрій Орбѣловъ былъ псевдонимъ, выбранный Анютой, такъ какъ, разумѣется, подъ своимъ именемъ она печатать не могла).

Анюта, разумѣется, еще раньше прочла мнѣ свою повѣсть по сохранившемуся у нея черновому. Но теперь, съ страницъ журнала, повѣсть эта показалась мнѣ совсѣмъ новою и удивительно прекрасною.

Содержаніе этого разсказа было слѣдующее. Героиня, Лиленька, живетъ среди людей пожилыхъ, потрепанныхъ жизнью и запрятавшихся въ тихій уголокъ, чтобы въ немъ искать покоя и забвенія. Такой же страхъ въ жизни и ея тревоженіямъ стараются они внушить и Лиленькѣ. Но ее манитъ и влечетъ къ себѣ эта неизвѣстная жизнь, отъ которой до нея доносятся лишь смутные отголоски, какъ отдаленный плескъ волны скрытаго за горами моря. Она вѣритъ, что есть мѣста,

Гдѣ люди живутъ веселѣе,

Гдѣ жизнью живутъ, а не ткутъ паутинъ.

Но какъ попасть къ такимъ людямъ? Незамѣтно для самой себя, Лиленька заразилась предрасудками той среды, въ которой живетъ. Почти бессознательно представляется ей на каждомъ шагѣ вопросъ: прилично ли барышнѣ такъ поступать, или нѣтъ? Ей бы хотѣлось вырваться изъ того тѣснаго міра, въ которомъ она живетъ, но все не-комилфотное и вульгарное ее пугаетъ.

Однажды, на городскомъ гуляньѣ, она знакомится съ молодымъ студентомъ (разумеется, герой повѣсти того времени долженъ былъ быть студентомъ). Этотъ молодой человекъ производитъ на нее глубокое впечатлѣніе, но она держитъ себя такъ, какъ прилично благовоспитанной барышнѣ, и виду не показываетъ, что онъ ей нравится, и знакомство ихъ такъ на этой встрѣчѣ и обрывается.

Поскучала послѣ этого Лиленька на первыхъ порахъ, потомъ успокоилась, и лишь когда случайно, среди различныхъ сувенирчиковъ ея безцвѣтной жизни, которыми, какъ у большинства барышень, набиты ящики ея комода, ей попадалась какая-нибудь бездѣлушка, напоминающая этотъ незабвенный вечеръ, она торопилась захлопнуть ящикъ и потомъ весь день ходила недовольная и угрюмая.

Но вотъ однажды приснился ей сонъ: пришелъ къ ней студентъ и сталъ ее упрекать, зачѣмъ не пошла она за нимъ? Передъ Лиленькой, во снѣ, проходить рядъ картинъ жизни честной, трудовой, съ милымъ ей человекомъ, въ средѣ умныхъ товарищей, жизни, полной теплаго, яснаго счастья въ настоящемъ и необъятнаго запаса надеждъ на будущее. „Смотри и кайся! Такая была бы наша жизнь съ тобой!“ говоритъ ей студентъ и исчезаетъ.

Проснулась Лиленька и, подъ вліяніемъ своего сна, рѣшилась пренебречь заботой о томъ, что прилично для молодой дѣвушки. Она, никогда до сихъ поръ не выходявшая изъ дому иначе, какъ въ сопровожденіи горничной или лакея, уходитъ теперь тайкомъ, беретъ перваго попавшагося ваньку и ѣдетъ въ ту дальнюю, бѣдную улицу, гдѣ—она знаетъ,—живетъ ея милый студентъ. Послѣ многихъ поисковъ и приключеній, обусловленныхъ ея неопытностью и безтолковостью, она находитъ, наконецъ, его квартиру, но тамъ, отъ жившаго съ нимъ вмѣстѣ товарища, узнаетъ, что бѣдняга уже нѣсколько дней назадъ умеръ отъ тифа. Товарищъ рассказываетъ, какъ тяжела была его жизнь, какую нужду онъ терпѣлъ и какъ въ бреду, нѣсколько разъ, поминалъ какую-то барышню. Въ утѣшеніе или въ укоръ плачущей Лиленькѣ онъ говоритъ ей стихи Добролюбова:

Боюсь, чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной.

Боюсь, чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

Вернулась Лиленька домой, и никто изъ ея домашнихъ никогда не узналъ, гдѣ она пропадала этотъ день. Но у нея самой навсегда сохранилось убѣжденіе, что она прогуляла свое счастье. Она прожила недолго и умерла, сокрушаясь о даромъ потраченной молодости, которую и помянуть было нечѣмъ.

Первый успѣхъ Анюты придавъ ей много бодрости и она тотчасъ же принялась за другой рассказъ, который окончила въ нѣсколько недѣль. На этотъ разъ героемъ ея повѣсти былъ молодой человекъ, Михаилъ, воспитанный вдали отъ семьи, въ монастырѣ, дядей монахомъ. Эту вторую повѣсть Достоевскій одобрилъ гораздо болѣе первой и нашель ея зрѣлѣе. Образъ Михаила представляетъ нѣкоторое сходство съ образомъ Алеши въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, я читала этотъ романъ, по мѣрѣ того, какъ онъ выходилъ въ свѣтъ, это сходство бросилось мнѣ въ глаза, и я замѣтила это Достоевскому, котораго видѣла тогда очень часто.

— А вѣдь это, пожалуй, и правда!—сказалъ Федоръ Михайловичъ, ударивъ себя рукой по лбу:—но, вѣрьте слову, я и забылъ о Михаилѣ, когда придумывалъ своего Алешу. Развѣ, впрочемъ, бессознательно онъ мнѣ пригрезился,—прибавилъ онъ, подумавъ.

Но при печатаніи этой второй повѣсти дѣло не обошлось, однако, такъ благополучно, какъ въ первый разъ. Произошла печальная катастрофа: письмо Достоевскаго попало въ руки нашего отца и выпала ужасная исторія.

Произошло это опять 5-го сентября, достопамятный день въ лѣтописяхъ нашего семейства. Собралось у насъ, по обыкновенію, множество гостей. Въ этотъ самый день ожидали почту, приходившую къ намъ въ имѣніе всего разъ въ недѣлю. Обыкновенно экономка, на имя которой Анюта переписывалась съ Федоромъ Михайловичемъ, выходила встрѣчать почтальона и отбирала отъ него свои письма, прежде чѣмъ онъ относилъ почту къ барину. Но на этотъ разъ она захопоталась съ гостями; на бѣду, тотъ почтальонъ, который обыкновенно привозилъ почту, выпилъ маленько по случаю барынинныхъ именинъ, т.-е. оказался мертвецки пьянымъ, и на мѣсто его послали мальчика, не знавшаго заведенныхъ порядковъ. Такимъ образомъ сумка съ почтою попала въ кабинетъ папаши, не подвергшись предварительному осмотру и очищенію.

Отцу тотчасъ бросилось въ глаза страховое письмо на имя

нашей экономки, со штемпелемъ журнала „Эпоха“. Что за притча такая? Онъ велѣлъ позвать къ себѣ экономку и заставилъ ее открыть письмо въ своемъ присутствіи. Можно, или лучше связать, невозможно представить себѣ, что за сцена воспослѣдовала. На бѣду еще, въ этомъ именно письмѣ Достоевскій посылалъ сестрѣ гонораръ за ея повѣсти: помнится, триста съ чѣмъ-то рублей. Это обстоятельство, т.-е., что сестра, тайкомъ ото всѣхъ, получаетъ деньги отъ незнакомаго мужчины, показалось отцу такимъ позорнымъ и обиднымъ, что съ нимъ сдѣлалось дурно. У него была болѣзнь сердца да еще желчные камни въ печени; доктора говорили, что всякое волненіе для него опасно, можетъ повести къ внезапной смерти, и возможность подобной катастрофы была общимъ пугаломъ всѣхъ членовъ семейства. При всякой непріятности, которую дѣти ему причиняли, у него чернѣло лицо и нами тотчасъ овладѣвалъ страхъ, что мы убьемъ его. А тутъ вдругъ такой ударъ! И какъ нарочно—весь домъ полонъ гостями!

Въ этомъ году въ нашемъ уѣздномъ городѣ квартировалъ какой-то полкъ; по случаю маминыхъ именинъ всѣ офицеры и съ ними полковникъ съѣхались у насъ и, въ видѣ сюрприза, привезли полковыхъ музыкантовъ.

Именинный обѣдъ уже часа три какъ кончился. Въ большой залѣ наверху были зажжены всѣ люстры и канделябры, и гости, успѣвшіе отдохнуть послѣ обѣда и переодѣться къ балу, начали сходиться. Офицерики, пыхта и тужась, натягивали бѣлыя перчатки; воздушныя барышни, въ тарлатановыхъ платьяхъ и огромныхъ кринолинахъ, бывшихъ тогда въ модѣ, вертѣлись передъ зеркалами. Моя Аня въ обычное время относилась свысока ко всему этому обществу, но теперь нарядная обстановка, балная музыка, пропасть свѣта, сознание, что она на балу самая красивая и нарядная, все это опьяняло ее. Забывъ свое новое достоинство русской писательницы, забывъ, какъ мало походятъ эти красные, потные офицерики на тѣхъ идеальныхъ людей, о которыхъ она мечтала, она кружилась между ними, улыбаясь всѣмъ и каждому и наслаждаясь сознаниемъ, что всѣмъ имъ кружить головы.

Ждали только отца, чтобы начать танцы. Вдругъ въ комнату вошелъ человекъ и, подойдя къ мамѣ, сказалъ ей: „Ихъ превосходительство нездоровы. Просятъ васъ пожаловать къ себѣ въ кабинетъ“.

Всѣмъ сдѣлалось жутко. Мама поспѣшно встала и, подбирая рукой шлейфъ своего тяжелаго полковаго платья, вышла изъ залы.

Музыкантамъ, ожидавшимъ въ сосѣдней комнатѣ условнаго знака, чтобы заиграть кадрили, приказали подождать.

Прошло полчаса. Гости начали беспокоиться. Наконецъ, вернулась мама. Лицо ея было красно и взволновано, но она старалась казаться повойной и улыбалась принужденно, натянуто. На заботливые вопросы гостей: „что такое съ генераломъ?“ она отвѣчала уклончиво. „Василій Васильевичъ почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, просить васъ извинить его и начать танцы безъ него“.

Всѣ замѣтили, что происходитъ что-то неладное, но изъ приличія никто не настаивалъ; къ тому же всѣмъ хотѣлось поскорѣе танцевать, разъ уже собрались и нарядились для этого. И вотъ танцы начались.

Проходя мимо матери, въ фигурѣ кадрили, Анюта заботливо заглянула ей въ глаза и прочла въ нихъ, что произошло что-то недоброе. Улучивъ минутку, въ антрактѣ между двумя танцами, она отвела мать въ сторону и пристала къ ней съ разспросами.

— Чтò ты надѣлала! Все открыто! Папа прочелъ письмо Достоевскаго къ тебѣ и чуть не умеръ на мѣстѣ со стыда и отчаянія, — сказала бѣдная мама, съ трудомъ сдерживая слезы.

Анюта страшно поблѣднѣла, но мама продолжала: — Пожалуй-ста хоть теперь сдержи себя. Вспомни, что у насъ гости, которые всѣ рады про насъ посплетничать. Поди и танцуй, какъ будто ничего не случилось.

Итакъ, мать и сестра продолжали танцевать почти вплоть до утра, обѣ внѣ себя отъ страха при мысли о той грозѣ, которой предстояло разразиться надъ ихъ головами, лишь только разъѣдутся гости.

И дѣйствительно, гроза разразилась ужасная.

Пока всѣ не разъѣхались, отецъ никого не пускалъ къ себѣ на глаза и сидѣлъ, запершись, у себя въ кабинетѣ. Въ антрактахъ между танцами мать и сестра убѣгали изъ залы и прислушивались у его дверей, но войти не смѣли, а возвращались къ гостямъ, терзаясь мыслью: чтò съ нимъ теперь? не худо ли ему?

Когда все въ домѣ утихло, онъ потребовалъ Анюту къ себѣ и чего-чего только не наговорилъ онъ ей! Одна его фраза особенно врѣзалась ей въ памяти: „Отъ дѣвушки, которая способна, тайкомъ отъ отца и матери, вступить въ переписку съ незнакомымъ мужчиной и получать съ него деньги, можно всего ожидать! Теперь ты продаешь твои повѣсти, а придетъ, пожалуй, время — и себя будешь продавать!“

Бѣдная Анюта такъ и похолодѣла, услышавъ эти ужасныя

слова. Положимъ, она въ душѣ сознавала, что это вздоръ; но отецъ говорилъ такъ увѣренно, тономъ такого глубокаго убѣжденія; его лицо было такое убитое, сокрушенное, притомъ его авторитетъ въ ея глазахъ все еще былъ такъ силенъ, что у нея невольно, хоть на минуту, явилось мучительное сомнѣнiе: не ошибалась ли она? Не совершила ли, сама не сознавая, чего-нибудь ужаснаго и непристойнаго?

Нѣсколько дней послѣ этого, какъ всегда бывало послѣ всякой домашней исторiи, всѣ въ домѣ ходили какъ въ воду опущенные. Прислуга сейчасъ обо всемъ провѣдала. Папашинъ камердинеръ Илья, по своей похвальной привычкѣ, подслушалъ весь разговоръ отца съ сестрой и объяснилъ его по своему. Вѣсть о случившемся, разумѣется, въ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ, разнеслась по всему околотку, и долгое время спустя между сосѣдями только и было толковъ, что объ „ужасномъ“ поступкѣ палибинской барышни.

Мало-по-малу буря улеглась, однако. У насъ въ семьѣ произошелъ феноменъ, часто повторяющійся въ русскихъ семьяхъ: дѣти перевоспитали родителей. Начался этотъ процессъ перевоспитанія съ матери. Въ первую минуту, какъ всегда бывало при столкновенiяхъ дѣтей съ отцомъ, она всецѣло взяла его сторону. Ей стало страшно, что онъ захвораетъ, и она вознегодовала: какъ это можетъ Анюта такъ огорчать отца! Видя, однако, что уговоры не помогаютъ, а что Анюта не ходитъ печальная и обиженная, ей стало жаль и ее. Скоро у нея явилось любопытство прочесть Анютину повѣсть, а потомъ тайная гордость, что ея дочь—писательница. Такимъ образомъ, ея сочувствiе перешло на сторону Анюты, и отецъ почувствовалъ себя совсѣмъ однимъ.

Въ первую минуту, сгорая, онъ потребовалъ отъ дочери обѣщанiя, что она больше писать не будетъ, и только подъ этимъ условiемъ соглашался простить ее. Анюта, разумѣется, дать такое обѣщанiе не соглашалась, и вслѣдствiе этого они не разговаривали цѣлыми днями и сестра не являлась даже къ обѣду. Мать бѣгала отъ одного къ другой, уламывая и уговаривая. Наконецъ, отецъ сдался. Первымъ шагомъ его на пути уступокъ было то, что онъ согласился прослушать Анютину повѣсть.

Чтенiе происходило очень торжественно. Вся семья была въ сборѣ. Вполнѣ сознавая важность этой минуты, Анюта читала голосомъ, дрожащимъ отъ волненiя. Положенiе героини, ея порыванiе вонъ изъ семьи, ея страданiя подъ гнетомъ налагаемыхъ на нее стѣсненiй—все это такъ походило на собственное положенiе автора, что это каждому невольно бросалось въ глаза.

Отецъ слушалъ молча, не проронивъ ни слова во все время чтенія. Но когда Аня дошла до послѣднихъ страницъ и, сама едва сдерживая рыданія, стала читать, какъ Лиленька, умирая, сокрушалась о даромъ потраченной молодости, на глазахъ у него вдругъ выступили крупныя слезы. Онъ всталъ, не говоря ни слова, и вышелъ изъ комнаты. Ни въ этотъ вечеръ, ни въ слѣдующіе дни, онъ не говорилъ съ Аней о ея повѣсти; онъ только обращался съ ней удивительно мягко и нѣжно и всѣ въ семьѣ понимали, que sa cause était gagnée.

Дѣйствительно, съ этого дня въ нашемъ домѣ началась эра мягкости и уступокъ. Первымъ проявленіемъ этой новой эры было то, что экономка, которой отецъ сгорая отказалъ отъ мѣста, получила свое милостивое прощеніе и осталась при должности.

Вторая мѣра кротости была еще поразительнѣе: отецъ разрѣшилъ Аней писать Достоевскому, подъ условіемъ только показывать ему письма, и при будущей поѣздкѣ въ Петербургъ обѣщавъ ей лично съ нимъ познакомиться.

Какъ уже было сказано, мать и сестра почти каждую зиму ѣздили въ Петербургъ, гдѣ у нихъ была цѣлая колонія тетушекъ, старыхъ дѣвъ. Онѣ занимали цѣлый домъ на Васильевскомъ Островѣ и, при пріѣздѣ матери и сестры, отводили имъ у себя комнаты двѣ-три. Отецъ оставался обыкновенно въ деревнѣ; меня тоже оставляли дома, на попеченіяхъ гувернантки. Но въ нынѣшнемъ году, такъ какъ англичанка уѣхала, а новопривышная швейцарка еще не пользовалась достаточнымъ довѣріемъ, то мать, въ моей неописанной радости, рѣшила и меня взять съ собою.

Выѣхали мы въ январѣ, пользуясь послѣднимъ, хорошимъ зимнимъ путемъ. Поѣздка въ Петербургъ была дѣломъ не легкимъ. Приходилось ѣхать верстъ шестьдесятъ по проселочной дорогѣ, на своихъ лошадяхъ; потомъ верстъ двѣсти по шоссе, на почтовыхъ, и наконецъ, около сутокъ, по желѣзной дорогѣ. Отправились мы въ большомъ крытомъ возкѣ на полозьяхъ. Въ немъ помѣщались мама, Аня и я, и везла шестерка лошадей, а впереди ѣхали сани съ горничной и повлажей, запряженныя тройкой, съ бубенчиками, и въ теченіе всей дороги звонкій говоръ бубенчиковъ, то приближаясь, то удаляясь, то совсѣмъ замирая вдали, то вдругъ опять возникая подъ самымъ нашимъ ухомъ, сопровождалъ и убаюкивалъ насъ.

Сколько приготовленій было къ этой дорогѣ! На кухнѣ стряпали и варили столько вкусныхъ вещей, что ихъ хватило бы, кажется, на цѣлую экспедицію. Поваръ нашъ славился во всемъ околоткѣ своею слойкой, и никогда не прилагалъ онъ столько

старанія въ этому дѣлу, какъ когда готовилъ сдобные пирожки на дорогу господамъ.

И что это была за чудная дорога! Первая шестьдесятъ верстъ шли боромъ, густымъ мачтовымъ боромъ, перерѣзаннымъ только множествомъ озеръ и озерковъ. Зимой эти озера представляли изъ себя большія, снѣжныя поляны, на которыхъ такъ ярко вырисовывались окружающія ихъ темныя сосны.

Днемъ было хорошо ѣхать, а ночью еще лучше! Забудешься на минутку, вдругъ проснешься отъ толчка и въ первую минуту не можешь еще опомниться. На верху возка чуть теплится маленький дорожный фонарикъ, освѣщая двѣ странныя, спящія фигуры въ большихъ мѣхахъ и бѣлыхъ дорожныхъ капорахъ. Сразу и не признаешь въ нихъ мать и сестру. На замерзшихъ стеклахъ возка выступаютъ серебряные причудливые узоры; бубенчики звучать, не умолкая—все это такъ странно, непривычно, что сразу и не сообразишь ничего; только въ членахъ чувствуется тупая боль отъ неловкаго положенія. Вдругъ, яркимъ лучомъ, выступить въ умѣ сознаніе: гдѣ мы, куда ѣдемъ, и какъ много хорошаго, новаго предстоитъ впереди,—и вся душа переполнится такимъ яркимъ, захватывающимъ счастьемъ!

Да, чудесная была эта дорога! и осталась она чуть ли не самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ моего дѣтства.

Х.

Знакомство съ Ф. М. Достоевскимъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Аня тотчасъ написала Достоевскому и попросила его бывать у насъ. Федоръ Михайловичъ пришелъ въ назначенный день. Помню, съ какой лихорадкой мы его ждали, какъ за часъ до его прихода уже стали прислушиваться къ каждому звонку въ передней. Однако этотъ первый его визитъ вышелъ очень неудачный.

Отецъ мой, какъ я уже сказала, относился съ большимъ недоверіемъ ко всему, что исходило изъ литературнаго міра. Хотя онъ и разрѣшилъ сестрѣ познакомиться съ Достоевскимъ, но лишь скрѣпя сердце и не безъ тайнаго страха.

„Помни, Лиза, что на тебѣ будетъ лежать большая отвѣтственность“,—напутствовалъ онъ мать, отпуская насъ изъ деревни.—„Достоевскій—человѣкъ не нашего общества. Что мы о немъ знаемъ? Только—что онъ журналистъ и бывший каторжникъ.“

Хороша рекомендація! Нечего сказать! Надо быть съ нимъ очень и очень осторожнымъ“.

Въ виду этого отецъ строго приказалъ матери, чтобы она непременно присутствовала при знакомствѣ Анюты съ Федоромъ Михайловичемъ и ни на минуту не оставляла ихъ вдвоемъ. Я тоже выпросила позволеніе остаться во время его визита. Двѣ старыя тетушки-нѣмки поминутно выдумывали какой-нибудь предлогъ появиться въ комнатѣ, съ любопытствомъ поглядывая на писателя какъ на какого-то рѣдкаго звѣря, и, наконецъ, кончили тѣмъ, что усѣлись тутъ же на диванѣ, да такъ и просидѣли до конца его визита.

Анюта злилась, что ея первое свиданіе съ Достоевскимъ, о которомъ она такъ много напередъ мечтала, происходитъ при такихъ нелѣпныхъ условіяхъ; принявъ свою злую мину, она упорно молчала. Федору Михайловичу было и неловко, и не по себѣ въ этой натянутой обстановкѣ; онъ и конфузился среди всѣхъ этихъ старыхъ барынь, и злился. Онъ казался въ этотъ день старымъ и больнымъ, какъ всегда, впрочемъ, когда бывалъ не въ духѣ. Онъ все время нервно пощипывалъ свою жидкую русую бородку и кусалъ усы, причемъ все лицо его передергивалось.

Мама изъ всѣхъ силъ старалась завязать интересный разговоръ. Съ своею самою свѣтскою, любезною улыбкой, но, видимо, робѣя и конфузясь, она подыскивала, чѣмъ бы такого пріятнаго и лестнаго сказать ему и какой бы вопросъ предложить поумнѣе.

Достоевскій отвѣчалъ односложно, съ преднамѣренной грубостью. Наконецъ, à bout de ses ressources, мама тоже замолчала. Посидѣвъ съ полчаса, Федоръ Михайловичъ взялъ шляпу, и, раскланявшись неловко и торопливо, но никому не подавъ руки, вышелъ.

По его уходѣ Анюта убѣжала къ себѣ и, бросившись на кровать, разразилась слезами. „Всегда-то, всегда-то все испортить!“—повторяла она, судорожно рыдая.

Бѣдная мама чувствовала себя безъ вины виноватой. Ей было обидно, что за ея же старанія всѣмъ угодить на нее же всѣ сердятся. Она тоже заплакала. „Вотъ ты всегда такая: ничѣмъ недовольна! Отецъ сдѣлалъ по твоему, позволилъ тебѣ познакомиться съ твоимъ идеаломъ, я цѣлый часъ выслушивала его грубости, а ты насъ же винишь!“—упрекала она дочь, сама плача какъ ребенокъ.

Словомъ, всѣмъ было скверно на душѣ, и визитъ этотъ, котораго мы такъ ждали, къ которому такъ напередъ готовились, оставилъ по себѣ претяжелое впечатлѣніе.

Однако, дней пять спустя, Достоевскій опять пришелъ къ намъ и на этотъ разъ попалъ какъ нельзя болѣе удачно: ни матери, ни тетюшекъ дома не было, мы были однѣ съ сестрой и ледъ какъ-то сразу растаялъ. Фѣдоръ Михайловичъ взялъ Анюту за руку, они сѣли рядомъ на диванъ и тотчасъ заговорили какъ два старые, давнишніе пріятели. Разговоръ уже не тянулся, какъ въ прошлый разъ, съ усиліемъ переползая съ одной, никому не интересной, темы на другую. Теперь и Анюта, и Достоевскій какъ бы торопились высказаться, перебивали другъ друга, шутили и смѣялись.

Я сидѣла тутъ же, не вмѣшиваясь въ разговоръ, не спуская глазъ съ Фѣдора Михайловича и жадно впитывая въ себя все, что онъ говорилъ. Онъ казался мнѣ теперь совсѣмъ другимъ человекомъ, совсѣмъ молодымъ и такимъ простымъ, милымъ и умнымъ. „Неужели ему уже 43 года!“ думала я: „неужели онъ въ три съ половиной раза старше меня и больше чѣмъ въ два раза старше сестры! Да при томъ еще великій писатель: съ нимъ можно быть совсѣмъ какъ съ товарищемъ!“ И я тутъ же почувствовала, что онъ сталъ мнѣ удивительно милъ и близокъ.

— Какая у васъ славная сестренка!—сказалъ вдругъ Достоевскій совсѣмъ неожиданно, хотя за минуту передъ тѣмъ говорилъ съ Анютой совсѣмъ о другомъ и какъ будто совсѣмъ не обращалъ на меня вниманія.

Я вся вспыхнула отъ удовольствія и сердце мое преисполнилось благодарностью сестрѣ, когда въ отвѣтъ на это замѣчаніе Анюта стала рассказывать Фѣдору Михайловичу, какая я хорошая, умная дѣвочка, какъ я одна въ семьѣ ей всегда сочувствовала и помогала. Она совсѣмъ оживилась, расхваливая меня и придумывая мнѣ небывалыя достоинства. Въ заключеніе она сообщила даже Достоевскому, что я пишу стихи: „право, право, совсѣмъ недурные для ея лѣтъ!“ И несмотря на мой слабый протестъ, она побѣжала и принесла толстую тетрадь моихъ виршей, изъ которой Фѣдоръ Михайловичъ, слегка улыбаясь, тутъ же прочелъ два-три отрывка, которые похвалилъ. Сестра вся сіяла отъ удовольствія. Боже мой! Какъ любила я ее въ эту минуту! Мнѣ казалось, всю бы жизнь отдала я за этихъ двухъ милыхъ, дорогихъ мнѣ людей.

Часа три прошли незамѣтно. Вдругъ въ передней раздался звонокъ: это вернулась мама изъ гостинаго двора. Не зная, что у насъ сидитъ Достоевскій, она вошла въ комнату еще въ шляпѣ, вся нагруженная погушками, извиняясь, что опоздала немножко къ обѣду.

Увидя Федора Михайловича такъ запросто, одного съ нами, она ужасно удивилась и сначала даже испугалась. „Что бы сказалъ на это Василій Васильевичъ!“ было ея первою мыслію. Но мы бросились ей на шею и, видя насъ такими довольными и сіяющими, она тоже растаяла и кончила тѣмъ, что пригласила Федора Михайловича запросто отобѣдать съ нами.

Съ этого дня онъ сталъ совершенно своимъ человѣкомъ у насъ въ домѣ и, въ виду того, что наше пребываніе въ Петербургѣ должно было продолжаться недолго, сталъ бывать у насъ очень часто, раза три, четыре въ недѣлю.

Особенно хорошо бывало, когда онъ приходилъ вечеромъ и, кромѣ него, у насъ чужихъ не было. Тогда онъ оживлялся и становился необыкновенно милъ и увлекателенъ. Общихъ разговоровъ Федоръ Михайловичъ терпѣть не могъ; онъ говорилъ только монологами и то лишь подѣ условіемъ, чтобы всѣ присутствующіе были ему симпатичны и слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ. Зато, если это условіе было выполнено, онъ могъ говорить такъ хорошо, картинно и рельефно, какъ никто другой, кого я ни слышала.

Иногда онъ разсказывалъ намъ содержаніе задуманныхъ имъ романовъ, иногда—сцены и эпизоды изъ собственной жизни. Живо помню я, напр., какъ онъ описывалъ намъ тѣ минуты, которыя ему, приговоренному къ разстрѣлянню, пришлось простоять, уже съ завязанными глазами, передъ взводомъ солдатъ, ожидая роковой команды: „стрѣляй!“—когда вдругъ, на мѣсто того, забилъ барабанъ и пришла вѣсть о помилованіи.

Помнится мнѣ еще одинъ разсказъ. Мы съ сестрой знали, что Федоръ Михайловичъ страдаетъ падучей, но эта болѣзнь была окружена въ нашихъ глазахъ такимъ магическимъ ужасомъ, что мы никогда не рѣшились бы и отдаленнымъ намекомъ коснуться этого вопроса. Къ нашему удивленію, онъ самъ объ этомъ заговорилъ и сталъ намъ разсказывать, при какихъ обстоятельствахъ произошелъ съ нимъ первый припадокъ. Впослѣдствіи я слышала другую, совсѣмъ различную, версію на этотъ счетъ: будто Достоевскій получилъ падучую вслѣдствіе наказанія розгами, которому подвергся на каторгѣ. Эти двѣ версіи совсѣмъ не похожи другъ на друга; которая изъ нихъ справедлива, я не знаю, такъ какъ многіе доктора говорили мнѣ, что почти всѣ больные этой болѣзнью представляютъ ту типическую черту, что сами забываютъ, какимъ образомъ она началась у нихъ, и постоянно фантазируютъ на этотъ счетъ.

Какъ бы то ни было, вотъ что разсказывалъ намъ Достоев-

скій. Онъ говорилъ, что болѣзнь эта началась у него, когда онъ былъ ужъ не на каторгѣ, а на поселеніи. Онъ ужасно томился тогда одиночествомъ и цѣлыми мѣсяцами не видѣлъ живой души, съ которой могъ бы перекинуться разумнымъ словомъ. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, пріѣхалъ къ нему одинъ его старій товарищъ (я забыла теперь, какое имя называлъ Достоевскій). Это было именно въ ночь передъ свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ. Но на радостяхъ свиданія они и забыли, какая эта ночь, и просидѣли ее всю напролетъ дома, разговаривая, не замѣчая ни времени, ни усталости и пьянѣя отъ собственныхъ словъ.

Говорили они о томъ, что обоимъ всего было дороже—о литературѣ, объ искусствѣ и философіи; коснулись, наконецъ, религіи.

Товарищъ былъ атеистъ, Достоевскій—вѣрующій, оба горячо убѣжденные каждый въ своемъ.

„Есть Богъ, есть!“ закричалъ, наконецъ, Достоевскій, вѣ себя отъ возбужденія. Въ эту самую минуту ударили колокола сосѣдней церкви къ свѣтло-христовой заутрени. Воздухъ весь загудѣлъ и заколыхался. „И я почувствовалъ, — рассказывалъ Федоръ Михайловичъ, — что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постигъ Бога и проникнулся имъ. Да, есть Богъ! — закричалъ я — и больше ничего не помню“.

„Вы всѣ, здоровые люди, — продолжалъ онъ, — и не подозреваете, что такое счастье, то счастье, которое испытываемъ мы, эпилептики, за секунду передъ припадкомъ. Магометь увѣряетъ въ своемъ коранѣ, что видѣлъ рай и былъ въ немъ. Всѣ умные дураки убѣждены, что онъ просто лгунъ и обманщикъ. Анъ нѣтъ! Онъ не лжетъ! Онъ, дѣйствительно, былъ въ раю въ припадкѣ падучей, которою страдалъ, какъ и я. Не знаю, длится ли это блаженство секунды, или часы, или мѣсяцы, но, вѣрьте слову, всѣ радости, которыя можетъ дать жизнь, не взялъ бы я за него!“

Достоевскій проговорилъ эти послѣднія слова свойственнымъ ему страстнымъ, порывчатымъ шопотомъ. Мы всѣ сидѣли, какъ намагнетизированные, совсѣмъ подъ обаяніемъ его словъ. Вдругъ, внезапно, намъ всѣмъ пришла та же мысль: сейчасъ будетъ съ нимъ припадокъ.

Его ротъ нервно кривился, все лицо передергивало.

Достоевскій, вѣроятно, прочелъ въ нашихъ глазахъ наше опасеніе. Онъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь, провелъ рукой по лицу и зло улынулся:

— Не бойтесь, — сказалъ онъ, — я всегда знаю напередъ, когда это приходитъ.

Намъ стало неловко и совѣстно, что онъ угадалъ нашу мысль, и мы не знали, что сказать. Федоръ Михайловичъ скоро ушелъ отъ насъ послѣ этого и потомъ рассказывалъ, что въ эту ночь съ нимъ, дѣйствительно, былъ жестокій припадокъ.

Иногда Достоевскій бывалъ очень реаленъ въ своей рѣчи, совсѣмъ забывая, что говоритъ въ присутствіи барышень. Мать мою онъ, порой, приводилъ въ ужасъ. Такъ напр., однажды онъ началъ рассказывать сцену изъ задуманнаго имъ еще въ молодости романа: герой—помѣщикъ, среднихъ лѣтъ, очень хорошо и тонко образованный, бывалъ за границей, читаетъ умныя книжки, покупаетъ картины и гравюры. Въ молодости онъ бутиль, но потомъ остепенился, обзавелся женой и дѣтьми и пользуется общимъ уваженіемъ.

Однажды просыпается онъ поутру, солнышко заглядываетъ въ окна его спальни; все вокругъ него такъ опрятно, хорошо и уютно. И онъ самъ чувствуетъ себя такимъ опрятнымъ и почтеннымъ. Во всемъ тѣлѣ разлито ощущеніе довольства и покоя. Какъ истый сибаритъ, онъ не торопится проснуться, чтобы подольше продлить это пріятное состояніе общаго растительнаго благополучія.

Остановившись на какой-то средней точкѣ между сномъ и бдѣніемъ, онъ переживаетъ мысленно разныя хорошія минуты своего послѣдняго путешествія за границу. Видитъ онъ опять удивительную полосу свѣта, падающую на голыя плечи св. Цециліи, въ мюнхенской галереѣ. Приходятъ ему тоже въ голову очень умныя мѣста изъ недавно прочитанной книжки: „о міровой красотѣ и гармоніи“.

Вдругъ, въ самомъ разгарѣ этихъ пріятныхъ грѣзъ и переживаній, начинается онъ ощущать неловкость—не то боль внутреннюю, не то безпокойство. Вотъ такъ бываетъ съ людьми, у которыхъ есть застарѣлыя огнестрѣльныя раны, изъ которыхъ пуля не вынута: за минуту передъ тѣмъ ничего не болѣло и вдругъ заноситъ старая рана и ноетъ, ноетъ.

Начинаетъ нашъ помѣщикъ думать и соображать: что бы это значило? Болѣтъ у него ничего не болитъ; горя нѣтъ никакого. А на сердцѣ точно кошки скребутъ, да все хуже и хуже.

Начинаетъ ему казаться, что долженъ онъ что-то припомнить, и вотъ онъ силится, напрягаетъ память... И вдругъ дѣйствительно вспомнилъ, да такъ жизненно, реально, и брезгливость при этомъ такую всѣмъ своимъ существомъ ощутилъ, какъ будто вчера это случилось, а не двадцать лѣтъ тому назадъ. А между тѣмъ за всѣ эти двадцать лѣтъ и не безпокойло это его вовсе.

Вспомнилъ онъ, какъ однажды, послѣ разгульной ночи и подозоренный пьяными товарищами, онъ изнасиловалъ десятилѣтнюю дѣвочку.

Мать моя только руками всплеснула, когда Достоевскій это проговорилъ.

— Федоръ Михайловичъ! Помилосердитесь! Вѣдь дѣти тутъ! — взмолилась она отчаяннымъ голосомъ.

Я и не поняла тогда смысла того, что сказалъ Достоевскій, — только по негодованію мамы догадалась, что это должно быть что-то ужасное.

Впрочемъ мама и Федоръ Михайловичъ скоро стали отличными друзьями. Мать очень его полюбила, хотя и приходилось ей подчасъ терпѣть отъ него.

Подъ конецъ нашего пребыванія въ Петербургѣ мама задумала сдѣлать прощальный вечеръ и созвать всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Само собою разумѣется, она пригласила и Достоевскаго. Онъ долго отказывался, но мамѣ, на свою бѣду, удалось таки уломать его.

Вечеръ нашъ вышелъ пребезтолковый. Такъ какъ родители мои уже лѣтъ десять жили въ деревнѣ, то настоящаго „своего“ общества у нихъ въ Петербургѣ не было. Были старые знакомые и друзья, которыхъ жизнь уже давно успѣла развестъ въ разныя стороны.

Нѣкоторымъ изъ этихъ знакомыхъ удалось сдѣлать въ эти десять лѣтъ очень блестящую карьеру и забраться на очень высокую ступеньку общественной лѣстницы. Другіе же, наоборотъ, подпали оскудѣнію и обнищанію и влачили сѣренькое существованіе въ дальнихъ линіяхъ Васильевскаго Острова, едва сводя концы съ концами. Общаго у всѣхъ этихъ людей ничего не было; почти всѣ они, однако, приняли мамино приглашеніе и пріѣхали на нашъ вечеръ, изъ старой памяти „pour cette pauvre, chère Lise“.

Общество собралось у насъ довольно большое, но очень разношерстное. Въ числѣ гостей была супруга и дочери одного министра (самъ министръ обѣщавъ заѣхать на минутку подъ конецъ вечера, однако слова не сдержавъ). Былъ также какой-то очень старый, лысый и очень важный сановникъ нѣмецъ, о которомъ я помню только, что онъ пресмѣшно чмокалъ беззубымъ ртомъ и все цѣловалъ мамѣ руку, приговаривая:

„Она была очень короша, ваша мать. Никто изъ дочекъ такъ не короша!“

Былъ какой-то разорившійся помѣщикъ изъ остзейскихъ

губерній, проживающій въ Петербургѣ въ безуспѣшныхъ поискахъ за выгоднымъ мѣстомъ. Было много почтенныхъ вдовъ и старыхъ дѣвъ и нѣсколько старыхъ академиковъ, бывшихъ пріятелей моего дѣдушки. Вообще преобладающій элементъ былъ нѣмецкій, чинный, чопорный и безцвѣтный.

Квартира тетюшекъ была очень большая, но состояла изъ множества маленькихъ клѣтушекъ, загроможденныхъ массою ненужныхъ, некрасивыхъ вещицъ и бездѣлицъ, собранныхъ въ теченіе цѣлой долгой жизни двухъ аккуратныхъ, дѣвствующихъ нѣмочекъ. Отъ большого числа гостей и множества зажженныхъ свѣчей духота была страшная. Два официанта, въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, разносили подносы съ чаемъ, фруктами и сладостями. Мать моя, отвыкшая отъ столичной жизни, которую прежде такъ любила, внутренно робѣла и волновалась: все ли у насъ какъ слѣдуетъ? Не выходитъ ли слишкомъ старомодно, провинціально? И не найдутъ ли ея бывшія пріятельницы, что она совсѣмъ отстала отъ ихъ свѣта?

Гостямъ никакого не было дѣла другъ до друга. Всѣ скутали, но, какъ люди благовоспитанные, для которыхъ скучные вечера составляютъ неизбѣжный ингредиентъ жизни, безропотно подчинялись своей участи и переносили всю эту тоску стoisчески.

Но можно представить себѣ, что стало съ бѣднымъ Достоевскимъ, когда онъ попалъ въ такое общество! И видомъ своимъ, и фигурой онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ. Въ припадкѣ самопожертвованія онъ счелъ нужнымъ облачиться во фракъ, и фракъ этотъ, сидѣвшій на немъ и дурно, и неловко, внутренно бѣсилъ его въ теченіе всего вечера. Онъ началъ злиться уже съ самой той минуты, какъ переступилъ порогъ гостиной. Какъ всѣ нервные люди, онъ испытывалъ досадливую конфузливость, когда попадалъ въ незнакомое общество, и чѣмъ глупѣе, несимпатичнѣе ему, ничтожнѣе это общество, тѣмъ острѣе конфузливость. Возбуждаемую этимъ чувствомъ досаду онъ видимо желалъ сорвать на комъ-нибудь.

Мать моя торопилась представить его гостямъ; но онъ, вмѣсто привѣта, бормоталъ что-то невнятное, похожее на воркотню, и поворачивался къ нимъ спиной. Что всего хуже—онъ тотчасъ изъявилъ притязаніе завладѣть всецѣло Анютой. Онъ увелъ ее въ уголокъ гостиной, обнаруживая рѣшительное намѣреніе не выпускать ее оттуда. Это, разумѣется, шло въ разрѣзъ со всѣми приличіями свѣта; къ тому и обращеніе его съ ней было далеко не свѣтское: онъ бралъ ее за руку; говоря съ ней, наклонялся къ самому ея уху. Анютѣ самой становилось неловко, а мать

изъ себя выходила. Сначала она попробовала „деликатно“ дать понять Достоевскому, что его поведеніе не хорошо. Проходя мимо, якобы не нарочно, она окликнула сестру и хотѣла послать ее за какимъ-то порученіемъ. Аня уже было-поднялась, но Федоръ Михайловичъ прехладнокровно удержалъ ее: „Нѣтъ, стойте, Анна Васильевна, я еще не досказалъ вамъ“.

Тутъ ужъ мать окончательно потеряла терпѣніе и вспылала.

— Извините, Федоръ Михайловичъ, но ей, какъ хозяйкѣ дома, надо занимать и другихъ гостей,—сказала она очень рѣзко и увела сестру.

Федоръ Михайловичъ совсѣмъ разсердился и, забывшись въ уголь, молчалъ упорно, злобно на всѣхъ озираясь.

Въ числѣ гостей былъ одинъ, который съ первой же минуты сдѣлался ему особенно ненавистенъ. Это былъ нашъ дальній родственникъ со стороны Шубертовъ; это былъ молодой нѣмецъ, офицеръ какаго-то изъ гвардейскихъ полковъ. Онъ считался очень блестящимъ молодымъ человѣкомъ; былъ и красивъ, и уменъ, и образованъ, и принять въ лучшемъ обществѣ—все это какъ слѣдуетъ, въ мѣру и не черезъ-чуръ. И карьеру онъ дѣлалъ тоже какъ слѣдуетъ, не нахально быстрою, а солидную, почтенную; умѣлъ угодить кому надлежить, но безъ явнаго искательства и низкопоклонства. На правахъ родственника онъ ухаживалъ за своей кузиной, когда встрѣчалъ ее у тетусекъ, но тоже въ мѣру, не такъ, чтобы это всѣмъ бросалось въ глаза, а только давая понять, что онъ „имѣетъ виды“.

Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, всѣ въ семьѣ знали, что онъ возможный и желательный женихъ, но всѣ дѣлали видъ, какъ будто и не подозрѣваютъ подобной возможности. Даже мать моя, оставаясь наединѣ съ тетусками, и то лишь полусловами и намеками рѣшалась коснуться этого деликатнаго вопроса.

Стоило Достоевскому взглянуть на эту красивую, рослую, самодовольную фигуру, чтобы тотчасъ возненавидѣть ее до остервенѣнія.

Молодой вирасиръ, живописно расположившись въ креслѣ, выказывалъ во всей ихъ красѣ модно спитыя панталоны, плотно обтягивающія его длинныя, стройныя ноги. Потрачивая эполетами и слегка наклоняясь надъ моей сестрой, онъ рассказывалъ ей что-то забавное. Аня, еще сконфуженная недавнимъ эпизодомъ съ Достоевскимъ, слушала его со своею нѣсколько стереотипною, салонною улыбкой, „улыбкой кроткаго ангела“, какъ язвительно называла ее англичанка-гувернантка.

Взглянулъ Федоръ Михайловичъ на эту группу, и въ головѣ

его сложился цѣлый романъ: Анюта ненавидитъ и презираетъ этого „нѣмчика“, этого „самодовольнаго нахала“, а родители хотѣтъ выдать ее замужъ за него и всячески сводятъ ихъ. Весь вечеръ, разумѣется, только за этимъ и устроены!

Выдумавъ этотъ романъ, Достоевскій тотчасъ въ него увѣровалъ и вознегодовалъ ужасно.

Модною темою разговоровъ въ эту зиму была книжка, изданная какимъ-то англійскимъ священникомъ—параллель православія съ протестантизмомъ. Въ этомъ русско-нѣмецкомъ обществѣ это былъ предметъ для всѣхъ интересный, и разговоръ, коснувшись его, нѣсколько оживился. Мама, сама нѣмка, замѣтила, что одно изъ преимуществъ протестантовъ надъ православными состоятъ въ томъ, что они больше читаютъ Евангеліе.

— Да развѣ Евангеліе написано для свѣтскихъ дамъ?—выпалили вдругъ упорно молчавшій до тѣхъ поръ Достоевскій.— Тамъ вонъ стоитъ: „Вначалѣ сотворилъ Богъ мужа и жену“, или еще: „Да оставитъ человѣкъ отца и мать и да прильпится къ женѣ“. Вотъ какъ Христось-то понималъ бракъ! А что скажутъ на это всѣ матушки, только о томъ и думающія, какъ бы выгоднѣе пристроить дочекъ!

Достоевскій проговорилъ это съ пафосомъ необычайнымъ. По своему обыкновенію, когда волновался, онъ весь съѣживался и словно стрѣлялъ словами. Эффектъ вышелъ удивительный. Всѣ благоспитанные нѣмцы примолкли и таращили на него глаза. Лишь по прошествіи нѣсколькихъ секундъ всѣ вдругъ сообразили всю неловкость сказаннаго и всѣ заговорили разомъ, желая заглушить ее.

Достоевскій еще разъ оглядѣлъ всѣхъ злобнымъ, вызывающимъ взглядомъ, потомъ опять забился въ свой уголокъ и до конца вечера не проронилъ больше ни слова.

Когда онъ на слѣдующій разъ опять явился къ намъ, мама попробовала-было принять его холодно, показать ему, что она обижена; но, при ея удивительной добротѣ и мягкости, она ни на кого не могла долго сердиться, а всего менѣе на такого человѣка, какъ Федоръ Михайловичъ; поэтому они скоро опять стали друзьями и все между ними пошло по старому.

Зато отношенія между Анютой и Достоевскимъ какъ-то со всѣмъ измѣнились съ этого вечера—точно они вступили въ новый фазисъ своего существованія. Достоевскій совершенно пересталъ импонировать Анютѣ; напротивъ того, у нея явилось даже желаніе противорѣчить ему, дразнить его. Онъ же, со своей стороны, сталъ обнаруживать небывалую нервность и придирчивость по

отношенію къ ней; сталъ требовать отчета, какъ она проводила тѣ дни, когда онъ у насъ не былъ, и относиться враждебно ко всѣмъ тѣмъ людямъ, къ которымъ она обнаруживала нѣкоторое восхищеніе. Приходилъ онъ къ намъ не рѣже, а пожалуй чаще и засиживался дольше прежняго, хотя все почти время проходило у него въ ссорахъ съ моей сестрой.

Въ началѣ ихъ знакомства сестра моя готова была отказаться отъ всякаго удовольствія, отъ всякаго приглашенія въ тѣ дни, когда ждала въ намъ Достоевскаго, и, если онъ былъ въ комнатѣ, ни на кого другого не обращала вниманія. Теперь же все это измѣнилось. Если онъ приходилъ въ такое время, когда у насъ сидѣли гости, она преспокойно продолжала занимать гостей. Случалось, ее куда-нибудь приглашали въ такой вечеръ, когда было условлено, что онъ придетъ къ ней; тогда она писала ему и извинялась.

На слѣдующій день Федоръ Михайловичъ приходилъ уже сердитый. Анюта дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его дурного расположенія духа, брала работу и начинала шить.

Достоевскаго это еще пуще сердило; онъ садился въ уголъ и угрюмо молчалъ. Сестра моя тоже молчала.

— Да бросьте же шить!— скажетъ, наконецъ, не выдержавъ характера, Федоръ Михайловичъ и возьметъ у нея изъ рукъ шитье.

Сестра моя покорно скреститъ руки на груди, но продолжаетъ молчать.

— Гдѣ вы вчера были?— спрашиваетъ Федоръ Михайловичъ сердито.

— На балу, — равнодушно отвѣчаетъ моя сестра.

— И танцовали?

— Разумѣется.

— Съ троюроднымъ братцемъ?

— И съ нимъ, и съ другими.

— И васъ это забавляетъ?— продолжаетъ свой допросъ Достоевскій. Анюта пожимаетъ плечами:

— За неизмѣнимъ лучшимъ, и это забавляетъ, — отвѣчаетъ она и снова берется за свое шитье.

Достоевскій глядитъ на нее нѣсколько минутъ молча.

— Пустая вы, вздорная дѣвчонка, вотъ что!— рѣшаетъ онъ наконецъ.

Въ такомъ духѣ часто велись теперь ихъ разговоры.

Постоянный и очень жгучій предметъ споровъ между ними былъ нигилизмъ. Пренія по этому вопросу продолжались иногда далеко за полночь, и чѣмъ дольше оба говорили, тѣмъ больше

горячились и въ пылу спора высказывали взгляды гораздо болѣе крайніе, чѣмъ какихъ дѣйствительно придерживались.

— Вся теперешняя молодежь туна и недоразвита! — кричали иногда Достоевскій. — Для нихъ всѣхъ смазные сапоги дороже Пушкина!

— Пушкинъ дѣйствительно устарѣлъ для нашего времени, — спокойно замѣчала сестра, зная, что ничѣмъ его нельзя такъ разбѣсить, какъ неуважительнымъ отношеніемъ къ Пушкину.

Достоевскій, внѣ себя отъ гнѣва, бралъ иногда шляпу и уходилъ, торжественно объявляя, что съ нигилисткой спорить бесполезно и что ноги его больше у насъ не будетъ. Но завтра онъ, разумѣется, приходилъ опять какъ ни въ чемъ не бывало.

По мѣрѣ того какъ отношенія между Достоевскимъ и моей сестрой повидимому портились, моя дружба съ нимъ все возростала. Я восхищалась имъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе и совершенно подчинилась его вліянію. Онъ, разумѣется, замѣчалъ мое безпредѣльное поклоненіе себѣ и оно ему было пріятно. Постоянно ставилъ онъ меня въ примѣръ сестрѣ.

Случалось Достоевскому высказать какую-нибудь глубокую мысль или гениальный парадоксъ, идущій въ разрѣзъ съ рутинной моралью — сестрѣ вдругъ вздумается притвориться непонимающею; у меня глаза горятъ отъ восторга — она же, нарочно, чтобы позлить его, отвѣтитъ пошлою, избитою истиною.

— У васъ дрянная, ничтожная душонка! — горячился тогда Ѳедоръ Михайловичъ: — то ли дѣло ваша сестра! Она еще ребенокъ, а какъ понимаетъ меня! Потому что у нея душа чуткая!

Я вся краснѣла отъ удовольствія, и еслибы надо было, дала бы себя разрѣзать на части, чтобы доказать ему, какъ я его понимаю. Въ глубинѣ души я была очень довольна, что Достоевскій не выказываетъ теперь къ сестрѣ такого восхищенія, какъ въ началѣ ихъ знакомства. Мнѣ самой было очень стыдно этого чувства. Я упрекала себя въ немъ, какъ въ нѣкоторомъ родѣ измѣнѣ противъ сестры, и, вступая въ безсознательную сдѣлку съ собственной совѣстью, старалась особенной ласковостью, услужливостью, искупить этотъ мой тайный грѣхъ передъ нею. Но угрызенія совѣсти все же не мѣшали мнѣ чувствовать невольное ликованье каждый разъ, когда Анюта и Достоевскій ссорились.

Ѳедоръ Михайловичъ называлъ меня своимъ другомъ, и я пренаивно вѣрила, что стою ближе въ нему, чѣмъ старшая сестра, и лучше его понимаю. Даже наружность мою онъ восхвалялъ въ ущербъ Анютиной.

— Вы воображаете себя, что очень хороши,—говорилъ онъ сестрѣ. — А вѣдь сестрица-то ваша будетъ со временемъ куда лучше васъ! У нея и лицо выразительнѣе, и глаза цыганскіе! А вы смазливенькая нѣмочка, вотъ вы это!

Анюта презрительно ухмылялась; я же съ восторгомъ вшивала въ себя эти неслыханныя дотолѣ похвалы моей красотѣ.

— А вѣдь, можетъ быть, это и правда,—говорила я себя съ замираніемъ сердца, и меня даже пресерьезно начинала беспокоить мысль: какъ бы не обидѣлась сестра тѣмъ предпочтеніемъ, которое оказываетъ мнѣ Достоевскій.

Мнѣ очень хотѣлось знать навѣрное, что сама Анюта обо всемъ этомъ думаетъ, и правда ли, что я буду хорошенькой, когда совсѣмъ вырасту. Этотъ послѣдній вопросъ меня особенно занималъ.

Въ Петербургѣ мы спали съ сестрой въ одной комнатѣ и по вечерамъ, когда мы раздѣвались, происходили наши самыя душевныя бесѣды.

Анюта, по обыкновенію, стоитъ передъ зеркаломъ, расчесывая свои длинныя бѣлокурныя волосы и заплетая ихъ на ночь въ двѣ косы. Это дѣло требуетъ времени: волосы у нея очень густые, шелковистые и она съ любовью проводитъ по нимъ гребнемъ. Я сижу на кровати, уже совсѣмъ раздѣтая, охвативъ колѣни руками и обдумывая, какъ бы начать интересующій меня разговоръ.

— Какія смѣшныя вещи говорилъ сегодня Федоръ Михайловичъ! — начинаю я, наконецъ, стараясь казаться какъ можно равнодушнѣе.

— А что такое? — спрашиваетъ сестра разсѣянно, очевидно совершенно уже забывъ этотъ важный для меня разговоръ.

— А вотъ о томъ, что у меня глаза цыганскіе и что я буду хорошенькой,—говорю я, и сама чувствую, что краснѣю до ушей.

Анюта опускаетъ руку съ гребнемъ и оборачивается ко мнѣ лицомъ, живописно изогнувъ шею.

— А ты вѣришь, что Федоръ Михайловичъ находитъ тебя красивой, красивѣе меня?—спрашиваетъ она и глядитъ на меня лукаво и загадочно.

Эта коварная улыбка, эти зеленые смѣющіеся глаза и бѣлокурныя распущенныя волосы дѣлаютъ изъ нея совсѣмъ русалку. Рядомъ съ ней, въ большомъ трюмо, стоящемъ прямо противъ ея кровати, я вижу мою собственную, маленькую, смуглую фигуру и могу сравнить насъ. Не могу сказать, чтобы это сравненіе было мнѣ особенно пріятно, но холодный, самоувѣренный тонъ сестры сердитъ меня, и я не хочу сдаться.

-- Бываютъ разные вкусы!—говорю я сердито.

— Да, бываютъ странные вкусы!—замѣчаетъ Аня спокойно и продолжаетъ расчесывать свои волосы.

Когда уже свѣча затухла, я лежу, уткнувшись лицомъ въ подушку, и все еще продолжаю свои размышленія по этому же предмету.

„А вѣдь, можетъ быть, у Федора Михайловича такой вкусъ, что я ему нравлюсь больше сестры“, думается мнѣ, и, по машинальной, дѣтской привычкѣ я начинаю мысленно молиться: „Господи, Боже мой! пусть всѣ, пусть весь міръ, восхищаются Аней—сдѣлай только такъ, чтобы Федору Михайловичу я казалась самой хорошенькой!“

Однако моимъ иллюзіямъ на этотъ счетъ предстояло въ ближайшемъ будущемъ жестокое крушеніе.

Въ числѣ тѣхъ talents d'agrément, развитіе которыхъ поощрялъ Достоевскій, было занятіе музыкой. До тѣхъ поръ я училась игрѣ на фортепьяно, какъ учатся большинство дѣвочекъ, не испытывая къ этому дѣлу ни особеннаго пристрастія, ни особенной ненависти. Слухъ у меня былъ посредственный, но такъ какъ съ пятилѣтняго возраста меня заставляли полтора часа ежедневно разыгрывать гаммы и экзерсизы, то у меня къ 13 годамъ уже успѣла развиться нѣкоторая бѣглость пальцевъ, порядочное туше и умѣнье скоро читать по нотамъ.

Случилось мнѣ разъ, въ самомъ началѣ нашего знакомства, разыграть передъ Достоевскимъ одну пьесу, которая мнѣ особенно хорошо удавалась: варіаціи на мотивы русскихъ пѣсень. Федоръ Михайловичъ не былъ музыкантомъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ наслажденіе музыкой зависитъ отъ причинъ чисто субъективныхъ, отъ настроенія данной минуты. Подчасъ самая прекрасная, артистически исполненная музыка вызоветъ у нихъ только зѣвоту; въ другой же разъ шарманка, визжащая на дворѣ, умилила ихъ до слезъ.

Случилось, что въ тотъ разъ, когда я играла, Федоръ Михайловичъ находился именно въ чувствительномъ, умиленномъ настроеніи духа, потому онъ пришелъ въ восторгъ отъ моей игры и, увлекаясь по своему обыкновенію, сталъ расточать мнѣ самыя преувеличенныя похвалы: и талантъ-то у меня, и душа, и Богъ знаетъ что!

Само собою разумѣется, что съ этого дня я пристрастилась къ музыкѣ. Я упростила маму взять мнѣ хорошую учительницу и во все время нашего пребыванія въ Петербургѣ проводила каждую свободную минутку за фортепьяно, такъ что въ эти три мѣсяца дѣйствительно сдѣлала большіе успѣхи.

Теперь я приготовила Достоевскому сюрпризъ. Онъ какъ-то разъ говорилъ намъ, что изъ всѣхъ музыкальныхъ произведеній всего больше любитъ la sonate pathétique Бетховена и что эта соната всегда погружаетъ его въ цѣлый міръ забытыхъ ощущеній. Хотя соната и значительно превосходила по трудности всѣ до тѣхъ поръ игранныя мною пьесы, но я рѣшилась разучить ее во что бы то ни стало, и дѣйствительно, положивъ на нее пропасть труда, дошла до того, что могла разыграть ее довольно сносно. Теперь я ожидала только удобнаго случая порадовать ею Достоевскаго. Такой случай скоро представился.

Оставалось уже всего дней пять-шесть до нашего отъѣзда. Мама и всѣ тетуски были приглашены на большой обѣдъ къ шведскому посланнику, старому другу нашей семьи. Анята, уже уставшая отъ выѣздовъ и обѣдовъ, отговорилаь головной болью. Мы остались однѣ дома. Въ этотъ вечеръ пришелъ къ намъ Достоевскій.

Близость отъѣзда, сознаніе, что никого изъ старшихъ нѣтъ дома и что подобный вечеръ теперь не скоро повторится — все это приводило насъ въ приятно-возбужденное состояніе духа. Федоръ Михайловичъ былъ тоже какой-то странный, нервный, но не раздражительный, какъ часто бывало съ нимъ въ послѣднее время, а, напротивъ того, мягкій, ласковый.

Вотъ теперь была отличная минута сыграть ему его любимую сонату; я напередъ радовалась при мысли, какое ему доставлю удовольствие.

Я начала играть. Трудность пьесы, необходимость слѣдить за каждой нотой, страхъ сфальшивить скоро такъ поглотили все мое вниманіе, что я совершенно отвлеклась отъ окружающаго и ничего не замѣчала, что дѣлается вокругъ меня. Но вотъ я кончила, съ самодовольнымъ сознаніемъ, что играла хорошо. Въ рукахъ ощущалась приятная усталость. Еще совсѣмъ подъ возбужденіемъ музыки и того приятнаго волненія, которое всегда охватываетъ послѣ всякой хорошо исполненной работы, я ждала заслуженной похвалы. Но вокругъ меня была тишина. Я оглянулась: въ комнатѣ никого не было.

Сердце у меня упало. Ничего еще не подозрѣвая опредѣленнаго, но смутно предчувствуя что-то недоброе, я пошла въ сосѣднюю комнату. И тамъ пусто! Навонецъ, приподнявъ портьеру, завѣшивавшую дверь въ маленькую, угловую гостиную, я увидѣла тамъ Федора Михайловича и Аняту.

Но, Боже мой, что я увидѣла!

Они сидѣли рядомъ на маленькомъ диванчикѣ. Комната слабо освѣщалась лампой съ большимъ абажуромъ; тѣнь падала прямо

на сестру, такъ что я не могла разглядѣть ея лица; но лицо Достоевскаго я видѣла ясно: оно было блѣдно и взволнованно. Онъ держалъ Анютину руку въ своихъ и, наклонившись къ ней, говорилъ тѣмъ страстнымъ, порывчатымъ шопотомъ, который я такъ знала и такъ любила.

— Голубчикъ мой, Анна Васильевна, поймите же, вѣдь я васъ полюбилъ съ первой минуты, какъ васъ увидѣлъ; да и раньше, по письмамъ уже предчувствовалъ. И не дружбой я васъ люблю, а страстью, всѣмъ моимъ существомъ...

У меня въ глазахъ помутилось. Чувство горькаго одиночества, кровной обиды, вдругъ охватило меня, и кровь сначала какъ будто вся хлынула къ сердцу, а потомъ горячей струей бросилась въ голову.

Я опустила портьеру и побѣжала вонъ изъ комнаты. Я слышала, какъ застучалъ опрокинутый мною печально стулъ.

— Это ты, Соня?— окликнулъ меня встревоженный голосъ сестры. Но я не отвѣчала и не останавливалась, пока не добѣжала до нашей спальни, на другомъ краю квартиры, въ концѣ длиннаго коридора. Добѣжавъ, я тотчасъ же принялась раздѣваться торопливо, не зажигая свѣчи, срывая съ себя платье, и, еще полуодѣтая, бросилась въ постель и зарылась съ головой подъ одѣяло. У меня въ эту минуту былъ одинъ страхъ: неравно сестра придетъ за мной и позоветъ назадъ въ гостиную. Я не могла ихъ теперь видѣть.

Еще неиспытанное чувство горечи, обиды, стыда переполняло мою душу, главное—стыда и обиды. До сей минуты я даже въ сокровеннѣйшихъ моихъ помышленіяхъ не отдавала себѣ отчета въ своихъ чувствахъ въ Достоевскому и не говорила сама себѣ, что влюблена въ него.

Хотя мнѣ и было всего 13 лѣтъ, я уже довольно много читала и слышала о любви, но мнѣ какъ-то казалось, что влюбляются въ книжкахъ, а не въ дѣйствительной жизни. Относительно Достоевскаго мнѣ представлялось, что всегда, всю жизнь будетъ идти такъ, какъ шло эти мѣсяцы.

„И вдругъ, разомъ, все, все кончено!“ твердила я съ отчаяніемъ и только теперь, когда уже все казалось мнѣ невозвратно потеряннымъ, ясно сознавала, какъ я была счастлива всѣ эти дни, вчера, сегодня, нѣсколько минутъ тому назадъ, а теперь, Боже мой, теперь!

Что такое кончилось, что измѣнилось, я и теперь не говорила себѣ прямо; я только чувствовала, что все для меня отцвѣло, жить больше не стоитъ!

„И зачѣмъ они меня дурачили, зачѣмъ скрытничали, зачѣмъ притворялись?“ упрекала я ихъ съ несправедливымъ озлобленіемъ.

„Ну, и пусть онъ ее любитъ, пусть на ней женится, мнѣ какое дѣло!“ говорила я себѣ нѣсколько секундъ спустя, но слезы все продолжали течь и въ сердцѣ ощущалась та же нестерпимая, новая для меня, боль.

Время шло. Теперь мнѣ бы хотѣлось, чтобы Анюта пришла за мной. Я негодовала на нее, зачѣмъ она не приходитъ. „Имъ дѣла нѣтъ до меня, хоть бы я умерла! Господи! Еслибы мнѣ въ самомъ дѣлѣ умереть!“ И мнѣ вдругъ стало невообразимо жалко самое себя, и слезы потекли сильнѣе.

„Что-то они теперь дѣлаютъ? Какъ имъ, должно быть, хорошо!“ подумалось мнѣ, и при этой мысли явилось бѣшеное желаніе побѣжать къ нимъ и наговорить дерзостей. Я вскочила съ постели и дрожащими отъ волненія руками стала шарить спичекъ, чтобы зажечь свѣчу и начать одѣваться. Но спичекъ не оказалось. Такъ какъ вещи свои я всѣ разбросала по комнатѣ, то одѣться въ темнотѣ я не могла, а позвать горничную было стыдно; поэтому я опять бросилась на кровать и опять принялась рыдать съ чувствомъ безпомощнаго, безнадежнаго одиночества.

Первыя слезы, когда организмъ еще не привыкъ къ страданію, утомляютъ скоро. Пароксизмъ остраго отчаянія смѣнился тупымъ оцѣпенѣніемъ.

Изъ парадныхъ комнатъ не доносилось до нашей спальни ни единого звука, но въ сосѣдней кухнѣ слышно было, какъ прислуга собиралась ужинать. Стучали ножи и тарелки; горничныя смѣялись и разговаривали. „Всѣмъ весело, всѣмъ хорошо, только мнѣ одной...“

Наконецъ, по прошествіи, какъ мнѣ казалось, нѣсколькихъ вѣчностей, раздался громкій звонокъ. Это вернулись съ обѣда мама и тетюшки. Послышались торопливые шаги лакея, идущаго отвѣрять; затѣмъ въ передней раздались громкіе, веселые голоса, какъ всегда, когда возвращаются изъ гостей.

„Достоевскій, вѣрно, не ушелъ еще. Скажетъ ли Анюта сегодня мамѣ, что случилось, или завтра?“ подумалось мнѣ. А вотъ я и его голосъ различила въ числѣ другихъ. Онъ прощается, торопится уйти. Напряженнымъ слухомъ я могу даже слышать, какъ онъ одѣваетъ галоши. Вотъ опять захлопнулась парадная дверь, и вскорѣ послѣ этого по коридору раздались звонкіе шаги Анюты. Она отворила дверь спальни, и яркая полоса свѣта упала мнѣ прямо на лицо.

Моимъ заплаканнымъ глазамъ этотъ свѣтъ показался обидно,

нестерпимо яркимъ, и чувство физической неприязни къ сестрѣ внезапно подступило къ горлу.

„Противная! радуется!“ подумалось мнѣ съ горечью. Я быстро повернулась къ стѣнѣ и притворилась спящею.

Анюта, не торопясь, поставила свѣчу на комодъ, потомъ пошла къ моей кровати и простояла нѣсколько минутъ молча.

Я лежала, не шевелясь, притаивъ дыханіе.

— Вѣдь я вижу, что ты не спишь!—проговорила, наконецъ, Анюта.

Я все молчала.

— Ну, хочешь дуться, такъ дуйся! Тебѣ же хуже, ничего не узнаешь!—рѣшила, наконецъ, сестра и стала раздѣваться какъ ни въ чемъ не бывало.

Помнится, мнѣ снился въ эту ночь чудесный сонъ. Вообще это очень странно: когда въ жизни ни обрушивалось на меня большое, тяжелое горе, всегда потомъ, въ слѣдующую за тѣмъ ночь, снились мнѣ удивительно хорошіе, пріятные сны. Но какъ тяжела зато бываетъ минута пробужденія! Грѣзы еще не совсѣмъ разсѣялись; во всемъ тѣлѣ, уставшемъ отъ вчерашнихъ слезъ, чувствуется послѣ нѣсколькихъ часовъ живительнаго сна пріятная истома, физическое довольство отъ возстановившейся гармоніи. Вдругъ, словно молоткомъ, стукнетъ въ головѣ воспоминаніе того ужаснаго, непоправимаго, что совершилось вчера, и душу охватитъ сознаніе необходимости снова начать жить и мучиться.

Много есть въ жизни сквернаго! Всѣ виды страданія отвратительны! Тяжелъ пароксизмъ перваго, остраго отчаянія, когда все существо возмущается, и не хочетъ повориться, и постигнуть еще не можетъ всей тяжести утраты. Едва ли не хуже еще слѣдующіе затѣмъ долгіе, долгіе дни, когда слезы уже всѣ выплаканы и возмущеніе улеглось, и человекъ не бьется головой о стѣну, а сознаетъ только, какъ подъ гнетомъ обрушившагося горя у него на душѣ совершается медленный, невидимый для другихъ, процессъ разрушенія и одряхлѣнія.

Все это очень скверно и мучительно, но все же первыя минуты возвращенія въ печальной дѣйствительности послѣ короткаго промежутка безсознательности—чуть ли не самыя тяжелыя изъ всѣхъ.

Весь слѣдующій день я провела въ лихорадочномъ ожиданіи: „что-то будетъ?“ Сестру я ни о чемъ не спрашивала. Я продолжала испытывать къ ней, хотя и въ слабѣйшей уже степени, вчерашнюю неприязнь, и потому всячески избѣгала ее.

Видя меня таковой несчастной, она попробовала-было подойти ко мнѣ и приласкать меня, но я грубо оттолкнула ее, съ внезапно охватившимъ меня гнѣвомъ. Тогда она тоже обидѣлась и предоставила меня моимъ собственнымъ печальнымъ размышленіямъ.

Я почему-то ожидала, что Достоевскій непременно придетъ къ намъ сегодня и что тогда произойдетъ нѣчто ужасное, но его не было. Вотъ мы уже и за обѣдъ сѣли, а онъ не показывался. Вечеромъ же, я знала, мы должны были ѣхать въ концертъ.

По мѣрѣ того, какъ время шло, а онъ не являлся, мнѣ какъ-то становилось легче и у меня стала даже возникать какая-то смутная, неопредѣленная надежда. Вдругъ мнѣ пришло въ голову:

„Вѣрно, сестра откажется отъ концерта, останется дома и Федоръ Михайловичъ придетъ къ ней, когда она будетъ одна“.

Сердце мое ревниво сжалось при этой мысли. Однако Анюта отъ концерта не отказалась, а поѣхала съ нами и была весь вечеръ очень весела и разговорчива.

По возвращеніи изъ концерта, когда мы ложились спать и Анюта уже собиралась задуть свѣчу, я не выдержала и, не глядя на нее, спросила:

— Когда же придетъ къ тебѣ Федоръ Михайловичъ?

Анюта улыбнулась. — Вѣдь ты же ничего не хочешь знать, ты со мной говорить не хочешь, ты изволишь дуться!

Голосъ у нея былъ такой мягкій и добрый, что сердце мое вдругъ растаяло и она опять стала мнѣ ужасно мила.

„Ну, какъ ему не любить ее, когда она такая чудная, а я скверная и злая!“ подумала я съ внезапнымъ наплывомъ самоуничженія.

Я перелѣзла къ ней на кровать, прижалась къ ней и заплакала. Она гладила меня по головѣ.

— Да перестань же, дурочка! Вотъ глупая!—повторяла она ласково. Вдругъ она не выдержала и залилась неудержимымъ смѣхомъ.—Вѣдь вздумала же влюбиться, и въ кого? въ человѣка, который въ три съ половиной раза ея старше!—сказала она.

Эти слова, этотъ смѣхъ вдругъ возбудили въ душѣ моей безумную, всю охватившую меня надежду.

— Такъ неужели же ты не любишь его?—спросила я шопотомъ, почти задыхаясь отъ волненія.

Анюта задумалась.

— Вотъ видишь ли,—начала она, видимо подыскивая слова и затрудняясь:—я, разумѣется, очень люблю его и ужасно, ужасно уважаю! Онъ таковой добрый, умный, гениальный!—она совсѣмъ

оживилась, а у меня опять защемило сердце:—но какъ бы тебѣ это объяснить? я люблю его не такъ, какъ онъ... ну, словомъ, я не такъ люблю его, чтобы пойти за него замужъ!—рѣшила она вдругъ.

Боже! какъ просвѣтлѣло у меня на душѣ; я бросилась къ сестрѣ и стала цѣловать ей руки и шею. Анюта говорила еще долго.

— Вотъ видишь ли, я и сама иногда удивляюсь, что не могу его полюбить! Онъ такой хорошій! Вначалѣ я думала, что, можетъ быть, полюблю. Но ему нужна совсѣмъ не такая жена, какъ я. Его жена должна совсѣмъ, совсѣмъ посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о немъ и думать. А я этого не могу, я сама хочу жить! Къ тому же онъ такой нервный, требовательный. Онъ постоянно какъ будто захватываетъ меня, всасываетъ меня въ себя; при немъ я никогда не бываю сама собою.

Все это Анюта говорила, якобы обращаясь ко мнѣ, но, въ сущности, чтобы разъяснить себѣ самой. Я дѣлала видъ, что понимаю и сочувствую, но въ душѣ думала: „Господи! Какое должно быть счастье быть постоянно при немъ и совсѣмъ ему подчиниться! Какъ можетъ сестра отталкивать отъ себя такое счастье!“

Какъ бы то ни было, въ эту ночь я уснула уже далеко не такая несчастная, какъ вчера.

Теперь уже день, назначенный для отъѣзда, былъ совсѣмъ близокъ. Федоръ Михайловичъ пришелъ къ намъ еще разъ, проститься. Онъ просидѣлъ не долго, но съ Анютой держалъ себя дружественно и просто и они общались другъ другу переписываться. Со мной его прощанье было очень нѣжное. Онъ даже поцѣловалъ меня при разставаніи, но, вѣрно, былъ очень далеко отъ мысли, какого рода были мои чувства къ нему и сколько страданій онъ мнѣ причинилъ.

Мѣсяцевъ шесть спустя сестра получила отъ Федора Михайловича письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ ее, что встрѣтился съ удивительной дѣвушкой, которую полюбилъ и которая согласилась пойти за него замужъ. Дѣвушка эта была Анна Григорьевна, его вторая жена. „Вѣдь если бы за полгода тому назадъ мнѣ кто-нибудь это предсказалъ, клянусь честью, не повѣрилъ бы!“ наивно замѣчалъ Достоевскій въ концѣ своего письма.

Сердечная рана зажила тоже скоро. Тѣ нѣсколько дней, которые мы оставались еще въ Петербургѣ, я все еще ощущала небывалую тяжесть на сердцѣ и ходила печальнѣе и смиреннѣе обыкновеннаго. Но дорога стерла съ души моей послѣдніе слѣды только-что пережитой бури.

Уѣхали мы въ апрѣлѣ. Въ Петербургѣ стояла еще зима; было холодно и скверно. Но въ Витебскѣ насъ встрѣтила уже настоящая весна, совсѣмъ неожиданно, въ какихъ-нибудь два дня вступившая во всѣ свои права. Всѣ ручьи и рѣчки выступили изъ береговъ и разлились, образуя цѣлыя моря. Земля таяла. Грязь была невообразимая.

По шоссе шло еще кое-какъ, но, доѣхавъ до нашего уѣзднаго города, намъ пришлось оставить на постояломъ дворѣ нашу дорожную карету и нанять два плохихъ тарантасика. Мама и кучеръ ахали и беспокоились: какъ-то мы доберемся! Мама главнымъ образомъ боялась, что отецъ будетъ упрекать ее, зачѣмъ она такъ долго засидѣлась въ Петербургѣ. Однако, несмотря на всѣ аханья и стоны, ѣхать было отлично.

Помню я, какъ мы, уже поздно вечеромъ, проѣзжали боромъ. Ни мнѣ, ни сестрѣ не спалось. Мы сидѣли молча, еще разъ переживая всѣ разнообразныя впечатлѣнiя прошедшихъ трехъ мѣсяцевъ и жадно втягивая въ себя тотъ прiятный, весеннiй запахъ, которымъ пропитанъ былъ воздухъ. У обѣихъ до боли щемило сердце какимъ-то томительнымъ ожиданiемъ.

Мало-по-малу совсѣмъ стемнѣло. По причинѣ дурной дороги мы ѣхали шагомъ. Ямщикъ, кажется, задремалъ на козлахъ и не прикрикивалъ на лошадей; слышалось только плепанье ихъ подковъ по грязи да слабое, порывистое бряцанье бубенчиковъ. Боръ тянулся по обѣимъ сторонамъ дороги, темный, таинственный, непроницаемый. Вдругъ, при выѣздѣ на полянку, изъ-за лѣса словно выплыла луна и залила насъ серебристымъ свѣтомъ, да такъ ярко и такъ неожиданно, что намъ даже жутко стало.

Послѣ нашего послѣдняго объясненiя въ Петербургѣ съ сестрой мы уже не касались никакихъ сокровенныхъ вопросовъ и между нами все еще существовало точно стѣсненiе какое-то, что-то новое раздѣляло насъ. Но тутъ, въ эту минуту, мы, какъ бы по обоюдному соглашенiю, прижались другъ къ другу, обнялись и обѣ почувствовали, что нѣтъ больше между нами ничего чуждаго и что мы близки по прежнему. Насъ обѣихъ охватило чувство безотчетной, безпредѣльной жизнерадости. Боже! какъ эта, лежащая передъ нами, жизнь и влекла насъ, и манила, и какъ она казалась намъ въ эту ночь безгранична, таинственна и прекрасна!

Софья Ковалевская.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ВЪ

ПРОШЛОМЪ

В. Якушкинъ. Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX в.
Выпускъ первый. XVIII вѣкъ. Москва, 1890.

I.

Когда говорятъ и спорятъ о государственномъ вмѣшательствѣ, то при этомъ обыкновенно имѣютъ въ виду только двѣ формы правительственнаго воздѣйствія: или изданіе какого-либо новаго закона, долженствующаго произвести желательную перемѣну въ отношеніяхъ и правахъ заинтересованныхъ лицъ или общественныхъ классовъ, или же, во-вторыхъ, установленіе известной регламентаціи и контроля относительно частной дѣятельности, касающейся даннаго круга интересовъ. Спросъ на новые законы и на бюрократическій контроль непрерывно возрастаетъ повсюду; но очень немногіе останавливаются надъ вопросомъ, не происходитъ ли социальное зло отъ тѣхъ незамѣтныхъ и скрытыхъ формъ вмѣшательства, которыя унаслѣдованы отъ прошлаго и проявляютъ свое дѣйствіе на каждомъ шагѣ — въ учрежденіяхъ, обычаяхъ и понятіяхъ господствующихъ сословій. Можетъ быть, въ дѣйствительности для удовлетворенія новыхъ потребностей необходимо было бы не расширеніе государственной дѣятельности, а напротивъ, устраненіе ошибочныхъ ея проявленій и особенностей, из-

мѣненіе ея характера въ той или другой области интересовъ. Большинство увѣрено, напримѣръ, что предоставить народно-хозяйственныя отношенія обязательному дѣйствию такъ-называемыхъ общихъ законовъ—значитъ воздерживаться отъ вмѣшательства; а между тѣмъ эти привычныя для насъ законы, кажущіеся намъ вполне естественными и разумными, могутъ совершенно противорѣчить условіямъ народной жизни и производить незамѣтно и постепенно радикальнѣйшій переворотъ въ экономическомъ бытѣ населенія. Никто не видитъ спеціальнаго государственнаго вмѣшательства въ принудительномъ примѣненіи къ народу чуждыхъ ему гражданскихъ законовъ, привороченныхъ къ потребностямъ и понятіямъ одного высшаго класса; и однако, посредствомъ судебныхъ рѣшеній и экзекуцій дается насильственная охрана однимъ интересамъ въ ущербъ другимъ, разрушаются вѣковые обычаи и основанныя на нихъ фактическія права народныхъ массъ, обезпечивается господство кредиторовъ надъ должниками, денежнаго капитала—надъ земледѣліемъ и землевладѣніемъ. Вытѣсненіе обычнаго народнаго права формальнымъ законодательствомъ составляло всегда сильнѣйшій и наиболѣе чувствительный способъ хроническаго государственнаго воздѣйствія на положеніе и жизнь низшихъ классовъ, особенно сельскаго; а когда это воздѣйствіе приноситъ печальные плоды, то являются жалобы на мнимую свободу хозяйственныхъ отношеній и высказываются настойчивыя требованія о вмѣшательствѣ, какъ будто зло возникло само собою, вслѣдствіе отсутствія или недостатка вмѣшательства. Забвеніе этой важной стороны вопроса находится въ тѣсной связи съ невѣрными понятіями о государствѣ и съ неправильною постановкою всего литературнаго спора объ экономической роли правительствъ, какъ мы указывали въ другомъ мѣстѣ ¹⁾.

Съ наибольшею ясностью экономическая роль государства выражается въ области поземельныхъ правъ и интересовъ населенія; въ то же время опасность противрѣчія и борьбы между закономъ и народною жизнью, между стремленіями правящаго класса и фактическими правами подвластнаго большинства, получаетъ особенное значеніе и приводитъ къ наиболѣе серьезнымъ послѣдствіямъ именно въ этой сферѣ поземельныхъ отношеній. Правильно понимать поземельные вопросы можно лишь при одинаковомъ вниманіи къ тремъ существеннымъ элементамъ поземельнаго права—народно-хозяйственному, общественно-политическому

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“ 1890, апрѣль и май: „Старыя и новыя понятія о государствѣ“.

и законодательному. Нельзя рассуждать о законахъ, не зная ихъ фактической основы, и наоборотъ, было бы крайне ошибочно судить о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, основываясь только на содержаніи законовъ. Часто законы содержатъ въ себѣ хорошія намѣренія (т.-е. признаваемые хорошими въ данное время среди господствующей части общества); нерѣдко истинныя цѣли прикрывались болѣе популярными или общепринятыми мотивами, въ родѣ неопредѣленныхъ ссылокъ на народное благо; но чаще всего самыя лучшія намѣренія оставались мертвою буквою или порождали результаты, прямо противоположныя желаемымъ.

При оцѣнкѣ фактовъ современныхъ или близкихъ въ настоящей эпохѣ мы легко различаемъ житейскій смыслъ явленій и не рискуемъ принять благожелательный оптимизмъ законовъ за доказательство общаго благополучія и процвѣтанія; никто не станетъ дѣлать какія-либо положительныя заключенія о нашемъ бытѣ на основаніи случайной обмолвки или умолчанія закона. Но по мѣрѣ того какъ обсуждаемые факты удаляются въ область прошедшаго, приходится все больше имѣть дѣло съ односторонними официальными свидѣтельствами и матеріалами, и чѣмъ древнѣе эпоха, тѣмъ сильнѣе склонны мы преувеличивать значеніе сохранившихся законодательныхъ памятниковъ. Эта всегдашняя ошибка рутинныхъ историковъ повторяется и въ описаніяхъ современнаго строя жизни чужихъ, мало знакомыхъ странъ: хорошія цѣли и намѣренія, выраженные въ краснорѣчивыхъ законахъ, принимаются за дѣйствительно существующій порядокъ вещей. Между прочимъ, это недоразумѣніе встрѣчается сплошь и рядомъ въ хвалебныхъ отзывахъ и разсужденіяхъ о нынѣшнемъ Китаѣ.

Иностранные писатели, пользовавшіеся нашимъ сводомъ законовъ для изученія особенностей нашей исторіи, неизбѣжно впадали въ странныя промахи и выносили весьма утѣшительное впечатлѣніе даже по поводу завѣдомо неудачныхъ институтовъ, предназначенныхъ быть благотѣльными по буквѣ закона, но оказавшихся крайне вредными на дѣлѣ; наиболѣе характерныя черты правительственной и административной практики развивались помимо законодательства и почти не оставляли въ немъ замѣтнаго слѣда. Посторонніе изслѣдователи, руководствуясь смысломъ нашихъ законовъ, могли считать даже крѣпостное право довольно невиннымъ учрежденіемъ; этимъ характеромъ отличаются, напр., труды нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, появившіеся въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ по вопросу о русскомъ крестьянствѣ.

Въ книгѣ Платона Шторха, — напечатанной, правда, въ Пегербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ, въ 1850 году, — подробно изла-

гается положеніе крестьянскаго сословія въ Россіи, на основаніи официальныхъ свѣденій и указовъ; даже „нравственность крестьянъ“ описана по своду законовъ, точно такъ же какъ и благотворительныя учрежденія для крестьянъ, и пр.,—и въ результатѣ получается, конечно, идиллія ¹⁾. Во всей книгѣ Шторха нѣтъ ни слова о реальномъ крѣпостномъ правѣ, какъ будто его и не существовало; владѣльческіе крестьяне называются просто „частными“ (Privatbauern), въ отличіе отъ казенныхъ. Другой нѣмецкій писатель, Петцольдъ, въ сочиненіи, вышедшемъ въ 1851 году въ Лейпцигѣ, отрицалъ существованіе у насъ личной крѣпостной зависимости, ссылаясь на постановленія нашихъ законовъ; на западѣ, по его словамъ, ошибочно считаютъ русскихъ крестьянъ „крѣпостными“ по отношенію къ владѣльцамъ, такъ какъ въ дѣйствительности крестьяне приврѣплены только къ землѣ. Петцольдъ указываетъ на законодательныя ограниченія относительно барщины, отчужденія крестьянъ безъ земли и др.; а для характеристики взаимныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками приведены статьи свода законовъ, касающіяся этого предмета, и затѣмъ дѣлаются соответственные оптимистическіе выводы. Опираясь на буквальный смыслъ законодательныхъ опредѣленій и оговорокъ (не имѣвшихъ, въ сущности, никакой силы на практикѣ), Петцольдъ нашелъ, что барщина имѣла свои выгоды для самихъ крестьянъ, такъ какъ приучала ихъ къ правильному труду и отчасти составляла для нихъ „школу земледѣлія“ ²⁾.

Способы разсужденія, кажушіеся намъ столь наивными въ трудахъ Петцольда и Платона Шторха, примѣняются еще иногда въ нашей литературѣ по отношенію къ историческому прошлому, даже столь недалекому, какъ XVIII-й вѣкъ. Любопытнымъ и весьма поучительнымъ примѣромъ можетъ служить книга г. В. Якушкина, написанная, если не ошибаемся, для полученія ученой степени по кафедрѣ русской исторіи. Г. Якушкинъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать „поземельную политику“ государства за прошлое столѣтіе по однимъ лишь официальнымъ актамъ,—главнымъ образомъ по Полному собранію законовъ,—совершенно независимо отъ фактическихъ хозяйственныхъ отно-

¹⁾ Platon Storch, Der Bauernstand in Russland, St. Pet., 1850, стр. 445 и слѣд.

²⁾ Petzhold, Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland, Leipzig, 1851, стр. 182—189. Свѣденія, сообщаемыя въ книгѣ, касаются главнымъ образомъ тамбовской губерніи; но личныя наблюденія автора были, очевидно, слишкомъ недостаточны, чтобы дать ему вѣрное понятіе о тогдашнемъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи, а желаніе почерпнуть недостающія свѣденія изъ свода законовъ было вполнѣ естественно со стороны иностранца.

шений и правъ по землевладѣнію. Г. Якушкинъ пошелъ гораздо дальше Петцольда и Шторха: онъ не только строитъ всѣ свои разсужденія и выводы на правительственныхъ указахъ, но игнорируетъ народно-экономическую сущность тѣхъ вопросовъ и предметовъ, къ которымъ эти указы относятся; онъ говоритъ о поземельной политикѣ безъ надлежащей связи съ ея реальнымъ содержаніемъ и объектомъ. Подъ именемъ политики авторъ предлагаетъ обзоръ законодательства, причемъ дѣлаетъ открытія и обобщенія, которыхъ легко было бы избѣгнуть при помощи надлежащихъ историко-юридическихъ и экономическихъ справокъ. Вся исторія русскаго землевладѣнія представлена г. Якушкинымъ на-выворотъ, и авторъ даже не замѣчаетъ, что основные взгляды его клонятся къ совершенному отрицанію народныхъ правъ вообще и поземельныхъ правъ крестьянства въ частности. Эта особенность труда г. Якушкина тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что намѣренія автора были несомнѣнно самыя лучшія и что онъ, конечно, вовсе не имѣлъ въ виду извращать историческіе факты для какихъ-либо постороннихъ цѣлей. Возрѣнія автора принадлежать не ему одному, а составляютъ удѣлъ многихъ нашихъ публицистовъ. Въ книгѣ г. Якушкина эти принципиальныя погрѣшности и недоразумѣнія выступаютъ рѣзче по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вслѣдствіе полнаго пренебреженія автора къ экономическимъ и юридическимъ знаніямъ, безъ которыхъ нельзя писать о поземельномъ вопросѣ, и во-вторыхъ, вслѣдствіе усвоенной авторомъ системы игнорированія специальной литературы предмета для болѣе самостоятельнаго изложенія законодательнаго матеріала, разработаннаго уже не разъ другими изслѣдователями. Важность темы, избранной г. Якушкинымъ, побуждаетъ насъ съ нѣкоторою подробностью остановиться на его книгѣ или, вѣрнѣе сказать, на вопросахъ, имъ затронутыхъ или обойденныхъ.

II.

Точка зрѣнія г. Якушкина можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: фактическія права народныхъ массъ и отдѣльныхъ лицъ не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія и должны безусловно исчезать передъ государственнымъ интересомъ, а интересъ государства есть то, что названо такъ въ официальныхъ указахъ. Эта основная мысль не высказывается прямо, но проникаетъ собою насквозь всѣ разсужденія г. Якушкина. Экономическое безправіе не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго

народа, передъ всепоглощающимъ могуществомъ государства, представляется автору какимъ-то идеаломъ даже въ нашемъ историческомъ прошломъ, въ области поземельныхъ отношеній. Государство устроиваетъ по своему хозяйственный бытъ страны; оно сначала снабжаетъ землю служилыхъ людей, а потомъ даетъ земельный надѣлъ крестьянству; объ эти формы надѣла кажутся г. Якушкину проявленіями одного принципа, послѣдовательно развивающагося будто бы въ нашей поземельной политикѣ. Идея объ этой смѣнѣ двухъ формъ надѣла, служилого и крестьянскаго, составляетъ главную теоретическую сущность изслѣдованія г. Якушкина; слово: „надѣлъ“, примѣненное къ двумъ различнымъ и даже противоположнымъ явленіямъ, принято авторомъ за обобщеніе однородныхъ фактовъ. Государство является при этомъ единственнымъ источникомъ не только помѣстнаго землевладѣнія, созданнаго прямо государственною властью, но и землевладѣнія крестьянскаго, основаннаго на вѣвовомъ земледѣльческомъ трудѣ. Раздача помѣстій для обезпеченія служилыхъ людей даровымъ крестьянскимъ трудомъ есть будто бы такой же „поземельный надѣлъ“, какъ оставленіе въ рукахъ крестьянства части его фактическихъ земельныхъ владѣній, для обезпеченія исправнаго поступленія государственныхъ податей. Аналогія, проводимая авторомъ между этими двумя разрядами фактовъ, могла возникнуть только подъ вліяніемъ ошибочнаго общаго взгляда на историческія судьбы русскаго землевладѣнія.

Въ самомъ началѣ своего изслѣдованія г. Якушкинъ, перечисляя различные виды землевладѣнія въ московской Руси, совершенно умалчиваетъ о крестьянскихъ земляхъ: упоминаются земли духовенства, частныя вотчины, помѣстья, „земли черныя, тяглыя, которыя собственно и составляли государственное имущество“, городскія тяглыя земли и, наконецъ, обѣльные (т.-е. свободныя отъ податнаго тягла, лежавшаго на черныхъ земляхъ). Среди всѣхъ этихъ разрядовъ землевладѣнія не оказывается только крестьянскаго, и авторъ ни на минуту даже не останавливается надъ вопросомъ, принадлежали ли какія-нибудь поземельныя права многочисленному классу поселянъ, не попавшихъ въ крѣпостныя. Для прошлаго столѣтія можно принять, по мнѣнію г. Якушкина, только двѣ главныя категоріи земель: обширный разрядъ государственныхъ, казенныхъ имѣній, обнимающій дворцовыя, духовныя и тяглыя земли, какъ сельскія, такъ и городскія; затѣмъ „помѣстья и вотчины составляютъ противоположный отдѣлъ—частное землевладѣніе“ (стр. 1—3). Отсутствіе крестьянства въ этой классификаціи землевладѣнія объясняется тѣмъ, что тяглыя, т.-е.

податныя, земли отнесены въ государственныя, безъ всякой оговорки. Въ дѣйствительности, черныя, тяглыя земли, находившіяся во владѣніи крестьянскихъ волостей, могли называться государственными въ такой же мѣрѣ и въ томъ же смыслѣ, какъ и всѣ вообще имущества, подлежащія налогамъ въ пользу казны. Г. Якушкинъ, самъ того не замѣчая, затронулъ мимоходомъ чрезвычайно важный историко-юридическій споръ, который большинствомъ изслѣдователей разрѣшается несогласно съ мнѣніемъ нашего автора.

Такой строгій юристъ, какъ Неволинъ, не считалъ возможнымъ отрицать частныя права на тяглую землю, права, которыя столь беззаботно забываются теперь г. Якушкинымъ. Тяглыя или черныя земли, по словамъ Неволлина, находились у сельскихъ обывателей почти на такомъ же правѣ, какъ у вотчинниковъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тяглое владѣніе было даже прочнѣе. „Между землею тяглою и вотчинною всегда оставалось то существенное различіе, что, по общему правилу, тогда какъ владѣлецъ съ вотчины служилъ на государя, владѣлецъ тяглой земли платилъ съ нея въ казну оброкъ, количество котораго такимъ же образомъ измѣнялось, какъ измѣнялись требованія государственной службы. Какъ скоро земля, которою владѣлъ черный человекъ вѣчно и потомственно, была ему обѣлена, она становилась для него вотчиною. Напротивъ, вотчинникъ, уклонявшійся отъ службы, былъ лишаемъ своей вотчины и поступалъ въ число тяглыхъ людей“¹⁾. Такимъ образомъ, тяглое владѣніе сопоставляется здѣсь съ вотчиннымъ, а не съ помѣстнымъ, такъ какъ послѣднее имѣло условный и государственный характеръ; если же помѣстья относить къ частному землевладѣнію, какъ это дѣлаетъ г. Якушкинъ, то тѣмъ болѣе слѣдовало отнести къ этому разряду земли крестьянскихъ волостей.

Даже г. Чичеринъ, утверждавшій въ своихъ „Опытахъ по исторіи русскаго права“, что „черныя земли принадлежали князю“, замѣчалъ, однако, что „онѣ оставались въ полномъ обладаніи свободныхъ поселенъ, которые только обязаны платить съ нихъ князю известное тягло“. Проф. Владимірскій-Будановъ, въ своемъ „Обзорѣ исторіи русскаго права“, говоритъ о частной поземельной собственности „на тягломъ правѣ“ и о правахъ волостныхъ общинъ на землю какъ на собственность. „Многіе,—поясняетъ онъ,—признаютъ общины, владѣвшія черными землями и дворо-

¹⁾ К. А. Неволинъ, Полное собр. сочиненій, т. IV (Исторія російскихъ гражданскихъ законовъ, Спб., 1857), стр. 136, прим.

выми мѣстами, только владѣльцами ихъ; собственникомъ же ихъ считаютъ государство и сообразно съ этимъ нерѣдко въ научныхъ изслѣдованіяхъ такія имущества называются казенными, государственными, иногда государевыми“. Названный авторъ спорить противъ упомянутого выше мнѣнія Чичерина и затѣмъ продолжаетъ: „Несомнѣнно, что при мнимой коллизіи правъ государства и общинъ на черныя земли, собственникомъ на частномъ правѣ должно быть признано въ московскомъ правѣ уже не государство, а городскія и сельскія общины. Государство вмѣшивается въ частныя права общинъ (а равно и вотчинниковъ), не какъ частно-правное лицо (фискъ, казна), а какъ политическій союзъ, ради цѣлей государственныхъ (напр., жалую волостныя земли, оно первоначально жалуетъ въ нихъ лишь „судъ и дань“). Если и замѣчается нѣкоторая большая близость государства къ чернымъ землямъ, чѣмъ къ частнымъ вотчинамъ, то это объясняется особымъ характеромъ таковаго субъекта правъ, какъ общины; въ нихъ самихъ государственный характеръ (административный) смѣшивается съ частно-гражданскимъ“¹⁾.

Болѣе обстоятельно разсмотрѣнъ вопросъ о черныхъ крестьянскихъ земляхъ профессоромъ Сергѣевичемъ. „Подъ тяглыми людьми,—говоритъ этотъ ученый,—наши памятники разумѣютъ людей, на которыхъ лежатъ общія государевы дани, пошлыны и всякія повинности. Такъ какъ черные люди вѣдаются непосредственно государемъ, то они называютъ себя государевыми“. Черныя земли „составляли несомнѣнно собственность волостей крестьянскихъ“. Сами „волости считаютъ тяглыя земли своими“, какъ видно изъ многихъ актовъ и судебныхъ споровъ. Черные крестьяне считаютъ себя государевыми въ томъ смыслѣ, что они непосредственно отъ него зависятъ по суду и управленію; въ этомъ смыслѣ и волости называются государевыми; земли же ихъ признаются въ документахъ волостными, т.-е. крестьянскими. Эти поземельныя права крестьянъ всегда признавались и судомъ. „Всѣ споры о волостной землѣ предъявляются къ крестьянамъ. Они отвѣтчики, они и истцы. Если они плохо защитили свое дѣло, волостная земля отбирается у нихъ и передается монастырю, и пр., и такимъ образомъ перестаетъ быть волостною. Не смотря на явный ущербъ для правительства при переходѣ черной земли въ разрядъ не-черныхъ или бѣлыхъ, представители его (правительства) никогда не привлекались къ участию въ судѣ“. Частныя

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, изд. 2-е, 1888, стр. 457—9, а также 180—2, 453 и др.

земли нередко дарились „въ волость“. Изъ этихъ и подобныхъ имъ фактовъ проф. Сергѣевичъ положительно заключаетъ, что „собственникомъ черныхъ земель была волость“; но онъ соглашается съ взглядомъ г. Чичерина, что отношенія отдѣльныхъ крестьянъ къ волостной землѣ не имѣли ничего общаго съ порядками современной общины и что „отданный разъ жребій земли оставался въ вѣчномъ и потомственномъ владѣннн крестьянина“. Чичеринъ полагалъ еще, что право собственности все-таки принадлежало князю, а у крестьянъ было только вѣчное и потомственное владѣннн, съ правомъ распоряженія. „Мы не находимъ различія, — говоритъ проф. Сергѣевичъ, — между такимъ владѣнннмъ и собственностью, и думаемъ, что отдѣльные крестьяне приобретали волостныя земли въ собственность. Сдѣлавшись членами волости, они освоили тѣ участки, къ которымъ примѣняли свой трудъ въ видахъ приспособленія ихъ къ постоянному хозяйственному пользованнн. Въ собственности же волости оставалось только то, что не было освоено отдѣльными ея членами и чѣмъ они пользовались безъ раздѣла, напр. выгонъ, строевой дровяной дѣсь, луга и пр. Отдѣльные крестьяне владѣютъ своими участками потомственно, имѣютъ по отношеннн къ нимъ право распоряженія, ищутъ и отвѣчаютъ въ спорахъ объ этихъ участкахъ на судѣ“. Волостныя земли продаются владѣльцами и дѣлятся между сонаслѣдниками; въ доказательство приводятся авторомъ акты на продажу „волостной пожни“ крестьянами-собственниками и акты раздѣльные. „Въ древнемъ народномъ мышленнн не обособилось еще владѣннн и собственность. Собственность представлялась ему въ матеріальной оболочкѣ владѣннн. Кто дѣйствительно владѣлъ и пользовался, тотъ и былъ собственникъ. Владѣли члены общины безраздѣльно, распахиная то тамъ, то здѣсь (переложная система), въ предѣлахъ нѣкоторой, приблизительно сохой, косой и топоромъ опредѣленной мѣстности, — они и признавались ея собственниками. Но если кто-нибудь изъ нихъ усаживался въ опредѣленномъ участке „за особъ“, онъ тѣмъ самымъ исключалъ свой участокъ изъ пользованнн другихъ и освоилъ его себѣ. Крестьяне поэтому — первые по времени земледѣльцы и собственники. Землевладѣльцы не-земледѣльцы всегда и вездѣ — явленнн позднѣйшее“. Старые законодательные памятники и официальные акты — княжескіе договоры, Судебникъ Іоанна III и др. — признавали черныя земли крестьянскою собственностью. Земли царя и великаго князя противопоставались чернымъ: волостныя крестьяне перечисляются въ актахъ отдѣльно отъ сельчанъ великаго князя. Позднѣйшія запрещенія продавать тяглыя земли бѣломѣстамъ, оста-

вавшіяся долго бесплодными несмотря на тяжелыя наказанія, „представляютъ лишь новое подтвержденіе мысли, что тяглыя земли составляли собственность тяглыхъ людей, а не князей“. При другомъ толкованіи, втораго придерживается, напр., г. Чичеринъ (впрочемъ, болѣе съ формальной стороны, чѣмъ по существу), возникаютъ неразрѣшимыя логическія затрудненія и противорѣчія; изъ этихъ затрудненій возможенъ, по мнѣнію г. Сергѣевича, только одинъ выходъ — „въ признаніи за черными людьми правъ собственности на черныя земли, а за князьями — правъ высшей государственной власти на тѣ же земли“. Черные люди „владѣютъ, пользуются и распоряжаются черными землями. Князья же, въ качествѣ представителей государственной власти, получаютъ съ нихъ дани и всякаго рода повинности и имѣютъ право суда. Таковы же отношенія князей къ владѣльческимъ землямъ“. Если же князья раздають черныя земли монастырямъ и служилымъ людямъ или перечисляютъ ихъ въ разрядъ дворцовыхъ, то они дѣлаютъ это только въ силу права государственной власти. „По мѣрѣ усиленія своей власти, князья все менѣе и менѣе стѣсняются существующими частными правами и не стѣсняются нарушать ихъ для достиженія преслѣдуемыхъ ими цѣлей государственной жизни. Но черныя земли не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Князья налагаютъ свою руку на всякую собственность, если только находятъ это необходимымъ“. Вообще, „великіе князья московскіе все могутъ“¹⁾.

При такомъ положеніи вопроса въ спеціальной литературѣ нельзя не удивляться мнѣнію г. В. Якушкина, что будто бы черныя или тяглыя земли „собственно и составляли государственное имущество“, что и городскія земли представляются „вообще тяглыми, черными, государственными“ и что „въ этой области правительству приходилось бороться съ частными захватами“. Относительно городскихъ земель авторъ тутъ же упоминаетъ о дѣленіи ихъ на „купленные и данныя“; каковымъ же образомъ покупныя земли, пріобрѣтенныя отдѣльными лицами по частнымъ актамъ, могли въ то же время составлять „государственное имущество“? Или эти пріобрѣтенія и застройки городскихъ земель должны считаться незаконными „частными захватами“ поземельныхъ правъ, принадлежавшихъ одному лишь московскому правительству? Для г. Якушкина право государства на взиманіе подати съ земель означаетъ право собственности государства на эти земли; слово: „тяглый“, „черный“ (по нынѣшнему, податной) — для него сино-

¹⁾ В. Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности, т. I. Спб. 1890, стр. 211—263.

нимъ государственнаго, казеннаго ¹⁾). Зачисливъ помѣстья въ разрядъ частнаго землевладѣнія, а тяглыя земли—въ государственныя или казенныя (оба эти термина отождествляются авторомъ), г. Якушкинъ совершилъ двойную ошибку: онъ принялъ ограниченное служилое владѣніе за частную собственность, а податныя частныя земли—за казенныя. Въ дѣйствительности, нужно признать, какъ разъ наоборотъ, что тяглое землевладѣніе было частнымъ, а помѣстное—государственнымъ. Такъ полагаютъ лучшіе наши юристы-историки.

„Право собственности на землю помѣстную,—по словамъ Неволіна,—принадлежало государю или казнѣ“. Государство отдавало служилому человѣку, вмѣсто денежнаго жалованья, право собирать въ свою пользу подати съ крестьянъ извѣстной мѣстности; поэтому—какъ говоритъ Неволінь—„первоначальное право помѣщика пользоваться пахатною землею ограничивалось только полученіемъ и обращеніемъ въ свою собственность тѣхъ денежныхъ, хлѣбныхъ и другого рода доходовъ отъ помѣстья, которые принадлежали самой казнѣ, а отъ нея были ему предоставлены“. Всѣ дальнѣйшія права „образовались мало-по-малу и только съ теченіемъ времени достигли до того развитія, какое они имѣли особенно во второй половинѣ XVII вѣка“. Всякое распоряженіе помѣщика относительно имѣнія требовало разрѣшенія правительства. Сдавать помѣстье запрещено было до 1676 г., и потомъ даже разрѣшенная сдача на деньги не признавалась продажей ²⁾. Право государства на помѣстныя земли и условный характеръ служилаго землевладѣнія сохранялись на практикѣ до конца семнадцатаго столѣтія, а въ теоріи гораздо дольше—до отмены обязательной службы дворянства. „Частныя захваты“ въ ущербъ государству совершались относительно помѣстныхъ земель и населявшаго ихъ крестьянства, а нивакъ не относительно тяглыхъ земель, которыя сами сдѣлались предметомъ постепеннаго завладѣнія со стороны казны.

Взглядъ Неволіна раздѣляется и К. П. Побѣдоносцевымъ въ его „Курсѣ гражданскаго права“. Старинный типъ нашего служилаго землевладѣнія есть, по его мнѣнію, „типъ бесспорно государственнаго, а не гражданскаго происхожденія“. Помѣстное право—это „по существу своему временное, условное, пожизнен-

¹⁾ Иногда самъ авторъ упоминаетъ о „тягломъ землевладѣніи“, о томъ, что „черною, тягломъ землею владѣли только люди тягле“ (стр. 70), даже о „крестьянской черной землѣ“ (стр. 124); но эти обмолвки пропадаютъ безслѣдно для общихъ взглядовъ автора.

²⁾ Неволінь, т. IV, стр. 210—218.

ное владѣніе,—право, принадлежавшее лицу владѣльца въ той мѣрѣ, въ какой онъ лицомъ своимъ отправлялъ служебную повинность. Помѣстья давались въ опредѣленномъ окладѣ, соотвѣтствовавшемъ мѣсту, чину, службѣ. Слѣдовательно, сынъ, поступающій на службу, получалъ соотвѣтственное помѣстье не потому, что онъ сынъ отца своего, а потому, что имѣетъ по службѣ право на извѣстный окладъ: могъ получить отцовское помѣстье, могъ получить и не отцовское, чужое. Женщинамъ же, такъ какъ онѣ не служили, вовсе и слѣду не было получать помѣстья. Но, по силѣ обстоятельствъ, помѣстья стали мало-по-малу принимать характеръ наслѣдственныхъ имѣній, и наконецъ, вовсе съ ними сравнялись“. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о помѣстьяхъ, авторъ называетъ ихъ „имуществами, имѣвшими специальное значеніе государственныхъ“; помѣстное право было „владѣніемъ, коего свойство было государственнымъ“¹⁾. Такъ же точно А. Д. Градовскій считалъ помѣстное владѣніе условнымъ и зависимымъ. „Помѣщики признаются (въ московскій періодъ) временными владѣльцами земли, которой собственникъ—великій князь. Они обязаны служить за данную имъ землю, но служба эта не обезпечиваетъ за ними обладанія землею“²⁾. Помѣстья отбирались въ казну не только за нарушеніе или неисполненіе служебной повинности, но и за неправильное и разорительное пользованіе данными правами: „кто по небреженію разорялъ помѣстье, у того оно отбиралось, а крестьянамъ возвращались излишне взятые съ нихъ оброки“³⁾. Такія условныя поземельныя права, даваемые и отнимаемые государствомъ, имѣютъ, конечно, мало общаго съ частною собственностью. Политическая сущность этихъ поземельныхъ правъ проявлялась уже въ томъ, что они связаны были съ властью и господствомъ надъ людьми.

Упустивъ изъ виду государственный характеръ всего нашего стараго служилого землевладѣнія, г. Яеушкинъ усмотрѣлъ въ обычныхъ условіяхъ послѣдняго какія-то особенныя ограниченія частныхъ правъ (которыхъ въ данномъ случаѣ не существовало), а въ этихъ „ограниченіяхъ“ онъ видитъ особенный принципъ государственнаго поземельнаго права и какую-то специальную поземельную политику. Но границы помѣстныхъ правъ, уступленныхъ

¹⁾ К. П. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права, II часть, 3-е изд. Спб., 1889, стр. 275—7, а также т. I (Москва, 1868), стр. 82 и слѣд.

²⁾ „Общественные классы въ Россіи до Петра I“, А. Градовскаго, „Журн. мин. нар. пр.“, 1868, кн. 4 и 5, стр. 44 и слѣд. Эти интересныя очерки вошли въ „Исторію мѣстнаго управленія въ Россіи“, т. I (Спб., 1868).

³⁾ Лавиеръ, О помѣстьяхъ и вотчинахъ, стр. 191 и др.

служилому классу, не были вовсе „ограниченіями частнаго землевладѣнія“, такъ какъ, во-первыхъ, самое землевладѣніе не было частнымъ по характеру и происхожденію, и во-вторыхъ, не было повода ограничивать то, что съ самаго начала и по существу являлось чѣмъ-то ограниченнымъ и условнымъ. Границы помѣстныхъ правъ все болѣе расширялись, владѣльцы все болѣе присвоивали себѣ частныя права на землю и на крестьянъ, пользуясь уступчивостью и покровительствомъ власти, а г. Якушкинъ думаетъ, что, напротивъ, государство раздвигало и поддерживало свои собственныя поземельныя права на счетъ частнаго землевладѣнія помѣщиковъ и вотчинниковъ. Рѣшительно непонятно, какъ могутъ предлагаться подобныя теоріи, изображающія ходъ вещей въ обратномъ видѣ.

III.

Г. Якушкинъ считаетъ чѣмъ-то новымъ свое указаніе на смѣшеніе вотчинныхъ и помѣстныхъ земель ранѣе указа Петра I объ единонаслѣдіи, хотя почти всѣ, писавшіе объ этомъ предметѣ, упоминали объ этомъ обстоятельстве. „Въ нашей литературѣ,—разсказываетъ авторъ,—довольно долго держался такой взглядъ: вотчина конца XVI вѣка представляла собою полную частную собственность; помѣстье, напротивъ, было условнымъ владѣніемъ, которое подчинялось весьма серьезнымъ ограниченіямъ со стороны государства; и вотъ Петръ Великій своимъ знаменитымъ указомъ объ единонаслѣдіи, такъ-называемыми (?) пунктами 1714 года, соединилъ оба вида владѣнія, вотчинное и помѣстное, въ одно, подчинилъ его одинаковымъ правиламъ, причемъ государство гораздо больше проиграло въ умаленіи своихъ правъ надъ помѣстьями, чѣмъ сколько выиграло отъ введенія нѣкоторыхъ ограниченій въ вотчинное право; такимъ образомъ, Петръ Великій будто-бы лишилъ государство важныхъ преимуществъ, съузилъ, умалилъ поземельныя права его. Само по себѣ обвиненіе Петра Великаго въ ослабленіи государственныхъ правъ и въ поощреніи частныхъ интересовъ въ ущербъ государству не можетъ казаться вѣроятнымъ; подробное изслѣдованіе вопроса и сняло съ него указанное обвиненіе, хотя отголосокъ послѣдняго все еще не исчезъ совсѣмъ въ нашей литературѣ“. „Прежде всего,—поясняетъ авторъ,—совершенно невѣрно, будто смѣшеніе между вотчинами и помѣстьями произведено закономъ 1714 года: и до него уже вотчины и помѣстья почти слились въ одинъ разрядъ частнаго, служилаго землевладѣнія, причемъ вотчины уже под-

лежали почти всѣмъ ограниченіямъ, которымъ подчинялись помѣстья, а вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщики освоили себѣ нѣкоторые изъ вотчинныхъ правъ“.

Къ сожалѣнію, для читателей остается неизвѣстнымъ, кто и когда высказывалъ мнѣнія, опровергаемыя и исправляемыя теперь г. Якушкинымъ; подобное указаніе было бы тѣмъ болѣе необходимо, что такихъ мнѣній, пожалуй, вовсе не существуетъ въ ученой литературѣ, насколько можно судить по трудамъ наиболѣе авторитетныхъ изслѣдователей. Невольно говорить о сляніи вотчинъ съ помѣстьями со времени послѣднихъ годовъ XVII вѣка, такъ какъ „обязанности владѣльцевъ и повинности крестьянъ были одинаковы въ тѣхъ и другихъ“. По словамъ Лакіера, мало-по-малу „надзоръ и вліяніе правительства на переходъ помѣстій ослабѣвалъ, и вотчинныя права приобрѣтались помѣщиками одно за другимъ“; уже съ 1683 г. можно было передавать имѣнія наслѣдникамъ, а затѣмъ, въ 1685 и 1690 годахъ, предоставлено было владѣльцамъ почти полное право распоряжаться, переводить крестьянъ и пр., такъ что „на практикѣ все перемѣнилось ранѣе указа 1714 года“, объединявшаго помѣстья и вотчины подъ общимъ названіемъ недвижимыхъ имуществъ. Бѣляевъ утверждаетъ, что въ XVII вѣкѣ вотчины почти сравнились съ помѣстьями и одинаково обусловливались службою. А. Д. Градовскій говоритъ о постепенномъ сравненіи вотчинъ съ помѣстьями, при обязательной во всякомъ случаѣ службѣ дворянства. По мнѣнію г. Владимірскаго-Буданова, различіе между помѣстьями и вотчинами исчезало само собою „бытовымъ образомъ“, и указъ 1714 года объ единонаслѣдіи былъ законодательнымъ свидѣтельствомъ о состоявшемся сравненіи помѣстій съ вотчинами. К. П. Побѣдоносцевъ замѣчаетъ, что съ 1684 года, когда помѣстья отца велѣно отдавать нисходящимъ, „на дѣлѣ помѣстья уже уравнились съ вотчинами“¹⁾.

Кого же опровергаетъ и поправляетъ г. Якушкинъ въ своей полемикѣ съ мнимыми обвинителями Петра I, приписывающими ему будто бы „ослабленіе государственныхъ правъ“ на землю указомъ 1714 года? Приведа нѣкоторые „важнѣйшія данныя“ изъ Полнаго собранія законовъ, авторъ устанавливаетъ то „несомнѣнное“ положеніе, что „помѣстья и вотчины совершенно сблизились до закона 1714 года, еще въ началѣ XVIII в. и въ концѣ

¹⁾ Невольно, т. IV, § 307 и слѣд., Лакіеръ, стр. 221 и сл.; И. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси (М., 1860), стр. 254 и сл.; А. Градовскій, Общества, классы и пр., кн. 4, стр. 67 и слѣд.; Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, стр. 474; Побѣдоносцевъ, Курсъ II ч., стр. 278 (изд. 1889 г.).

XVII в.⁶⁶. Мы видѣли выше, что не было никакой надобности выдавать этотъ давно установленный и всѣми повторяемый выводъ за нѣчто новое, противорѣчащее какому-то другому взгляду, отголосокъ котораго будто бы „еще не исчезъ совсѣмъ въ нашей литературѣ“.

Крайне странно слѣдуетъ признать попытку г. Якушкина защитить Петровскій указъ 1714 года отъ обвиненій и „рѣзкихъ упрековъ“, выставляющихъ его будто бы въ ложномъ свѣтѣ, и разсѣять какія-то недоразумѣнія, вызванныя будто бы неправильнымъ истолкованіемъ его текста. При этомъ опять не названъ ни одинъ писатель, и полемика ведется глухо противъ мнѣній, неизвѣстно кому принадлежащихъ. Въ результатѣ оказывается, что самъ авторъ не совсѣмъ вѣрно излагаетъ и толкуетъ законъ, вслѣдствіе своего незнакомства съ вопросами права и законодательства. Чтобы оцѣнить разсужденія г. Якушкина, мы прежде всего отмѣтимъ установившіеся по этому предмету въ литературѣ взгляды. К. П. Побѣдоносцевъ, передавъ сущность указа объ единонаслѣдіи, объясняетъ скорую его отмѣну практической его непримѣнностью и несостоятельностью: „родители, — говоритъ онъ между прочимъ, — по равной любви ко всѣмъ дѣтямъ, употребляли всѣ средства, чтобы раздѣлить между ними имѣніе по равнымъ частямъ, прибѣгали для того къ подложнымъ продажамъ и закладамъ, обязывали дѣтей великими клятвами, чтобы получившій послѣ нихъ все имѣніе передалъ часть его своимъ братьямъ; изъ наслѣдства рождались между родственниками ссоры, ненависть, смертоубійства“¹⁾. „Впрочемъ, — говорится дальше, — кромѣ этихъ причинъ могло быть и другое, политическое побужденіе — предупредить усиленіе знатныхъ родовъ, которое могло произойти отъ единонаслѣдія“. Г. Владимірскій-Будановъ обращаетъ вниманіе на явное противорѣчіе указа 1714 г. старымъ началамъ русскаго законодательства и русской дѣйствительности. Указъ не вытекалъ изъ аристократическихъ принциповъ, касался лавовъ и амбаровъ, т.-е. относился также къ купцамъ и однодворцамъ; главнѣйшій мотивъ закона — казенный интересъ²⁾. Оба автора, какъ и другіе писавшіе объ упомянутомъ законѣ 1714 года, называютъ его не иначе, какъ указомъ объ единонаслѣдіи. Что же дѣлаетъ г. Якушкинъ? Онъ долго доказываетъ, что въ литературѣ напрасно приписываютъ этому

¹⁾ Курсъ гражд. права, ч. II (изд. 1889 г.), стр. 278—81. Г. Владимірскій-Будановъ (стр. 493), приводя цитируемыя нами слова, дѣлаетъ ссылку на Неволлина (т. V, стр. 412).

²⁾ Владимірскій-Будановъ, стр. 481 и сл.

закону аристократическѣя тенденціи, что законъ касается и лавокъ, и дворовъ, что въ немъ идетъ рѣчь не о майоратѣ, какъ ошибочно предполагають, а объ единонаслѣдіи, и т. п. Съ одной стороны, упрекая и поучая какую-то отвлеченную литературу, авторъ повторяетъ лишь то, что высказано и признано въ литературѣ дѣйствительной; съ другой стороны, самостоятельные комментарии его, клонящіеся къ восхваленію Петровскаго указа, основаны на явныхъ недоразумѣніяхъ.

Г. Якушкинъ, повидимому, полагаетъ, что законы, хорошо или интересно написанные и много говорящіе о государственной или народной пользѣ, суть прекрасные законы и что для правильнаго пониманія законодательныхъ вопросовъ ничего другого, кромѣ добрыхъ намѣреній, не требуется. О существованіи экономическихъ и юридическихъ точекъ зрѣнія онъ какъ будто не подозреваетъ. Онъ придаетъ наибольшее значеніе мотивамъ, предпосланнымъ закону, или вѣрнѣе, нѣкоторымъ фразамъ, болѣе или менѣе краснорѣчивымъ, и затѣмъ берется судить о достоинствахъ закона по своему личному вкусу, не справляясь ни съ какими данными и не входя даже въ разборъ его возможнаго практическаго дѣйствія.

Упомянувъ о какихъ-то невѣдомыхъ литературныхъ нападевахъ противъ закона 1714 года объ единонаслѣдіи и косвенно „противъ всей дѣятельности великаго преобразователя“, авторъ продолжаетъ: „внимательная оцѣнка содержанія знаменитыхъ пунктовъ (т.-е. означеннаго указа) показываетъ однако, что обычные рѣзкіе упреки выставляютъ законъ 1714 г. въ ложномъ свѣтѣ, что, по своему содержанію, законъ этотъ является замѣчательною мѣрой, неудача которой зависѣла не отъ ложности ея основъ, а отъ слишкомъ рѣзкой постановки дѣла и отъ торжества по смерти Петра такихъ стремленій и такихъ принциповъ, которые не могли бы проявиться при Петрѣ, которые по государственнымъ идеямъ его были немислимы, недопустимы вообще“. Въ мотивахъ закона, по увѣренію автора, стоятъ на первомъ мѣстѣ „государственные интересы“ и забота о благосостояніи крестьянъ, какъ „основъ государственнаго благосостоянія“; ибо, во-первыхъ, указъ объявлялся всѣмъ подданнымъ, „какого чина и достоинства оные ни есть“, и слѣдовательно не имѣлъ аристократическаго тенденціи (всякіе вообще указы объявлялись подобнымъ же образомъ); во-вторыхъ, въ указѣ сказано, что отъ раздѣла имѣній между наслѣдниками „великій есть вредъ въ государствѣ нашемъ, какъ интересамъ государственнымъ, такъ и подданнымъ, и самимъ фамиліямъ паденіе“; въ-третьихъ, при меньшемъ размѣрѣ имѣній владѣльцы больше обременяють крестьянъ, „и тако отъ того раздѣленія

казнѣ государственной великій есть вредъ и людямъ подлымъ разореніе“.

Этихъ отдѣльныхъ упоминаній о разореніи крестьянъ и „подлыхъ людей“ къ ущербу казны — достаточно для г. Якушкина, чтобы приписать закону небывалое значеніе: „мы встрѣчаемъ здѣсь — говоритъ онъ — очень характерную постановку крестьянскаго вопроса (?), показывающую, что Петръ задумывался надъ положеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ, понималъ его, заботился о немъ, — а эта черта въ дѣятельности Петра нерѣдко забывается изслѣдователями; въ самомъ дѣлѣ, у богатыхъ помѣщиковъ крестьянамъ жилось легче, это такъ было и потомъ, — и разсматриваемый законъ могъ дѣйствительно улучшить положеніе крестьянъ“ и т. д. Понятно, что еслибъ Петръ I думалъ о „крестьянскомъ вопросѣ“, онъ поставилъ бы его не въ указѣ объ единойнаслѣдїи, и еслибы дѣло шло объ облегченіи помѣщичьихъ крестьянъ, онъ нашелъ бы болѣе дѣйствительные и непосредственные способы для достиженія цѣли, чѣмъ нераздѣльность помѣстій и вотчинъ. При изложеніи мотивовъ закона, авторъ пропустилъ одну характерную фразу, — что нераздѣльность имѣнія „впрочемъ облегчить крестьянамъ, которые исправнѣе въ казну и господину подати платить могутъ“; вся забота направлена была къ обезпеченію интересовъ казны, на которые настойчиво указывается въ законѣ, и самое выраженіе: „государственный интересъ“, означало интересъ финансовый, фискальный. Г. Якушкинъ утверждаетъ, что желаніе „поддержать фамиліи“ не играло въ глазахъ законодателя рѣшигальной роли, и еслибы объ этомъ не было упомянуто въ началѣ указа, то „по самому тексту закона, по самымъ пунктамъ, мы не могли бы вывести никакой аристократической тенденціи“.

Это ужъ прямо невѣрно. Во всѣхъ пунктахъ указа (изъ которыхъ авторомъ приведено почему-то только четыре, въ видѣ будто бы „главныхъ“) говорится исключительно о владѣльцахъ помѣстій и вотчинъ, о дворянскихъ фамиліяхъ, — если не буквально, то по внутреннему содержанію и смыслу постановляемыхъ правилъ. Въ пунктѣ 7 сказано, что „для возобновленія фамиліи“, въ которой нѣтъ наслѣдниковъ мужескаго пола, а есть только наслѣдницы — дѣвицы или замужня, послѣдній въ родѣ обязанъ недвижимое имущество передать одной изъ нихъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы мужъ ея принялъ прозвище того, отъ кого получить имѣніе, а дѣвицѣ или вдовѣ — искать такого, который приметъ прованіе; если же не найдется желающаго, то недвижимое имѣніе взято будетъ на государя. Никакого другого принципа, кромѣ аристократическаго, не содержится, конечно, въ этомъ

правилъ о сохраненіи фамилій. Въ пунктѣ 15-мъ говорится о „кадетахъ дворянскихъ фамилій“, т.-е. о младшихъ сыновьяхъ, не допускаемыхъ къ наследованію недвижимыхъ имуществъ; если они захотятъ идти „въ чинъ купеческій или какое знатное художество“ или въ священники, то „не ставить ни въ какое безчестіе имъ и ихъ фамиліямъ, ни словесно, ни письменно“. Въ цѣломъ вообще законъ—за исключеніемъ только двухъ словъ въ первомъ пунктѣ, о дворахъ и лавкахъ,—нѣтъ даже и намека на практическое примѣненіе новаго порядка наследованія къ лицамъ другихъ сословій, кромѣ землевладѣльческаго дворянства; самыя мотивы, касающіеся помѣщиковъ и крестьянъ (причемъ приводится въ примѣръ раздѣленіе помѣстья въ тысячу душъ между пятью наследниками), не имѣли бы смысла по отношенію къ купечеству или мѣщанству. Ни въ одной статьѣ указа не упомянуто о переходѣ имуществъ въ другихъ классахъ населенія, кромѣ дворянства, и всѣ отдѣльныя пункты имѣютъ въ виду одно лишь служилое сословіе, дворянскія фамиліи, владѣльцевъ помѣстій и вотчинъ. Г. Якушкинъ представляетъ дѣло въ иномъ видѣ, при помощи весьма неполнаго и односторонняго изложенія сущности разбираемаго закона; разумѣется, эти пропуски и умолчанія, — какъ, напримѣръ, заявленіе объ отсутствіи заботы о „фамиліяхъ“ въ самыхъ пунктахъ указа, — дѣлаются ненамѣренно, по невниманію ¹⁾.

При всемъ томъ, авторъ дѣлаетъ еще какіе-то упреки писателямъ (какимъ — опять неизвѣстно), находившимъ въ указѣ 1714 года аристократическую тенденцію. По его мнѣнію, забота о поддержаніи дворянскихъ родовъ не имѣла рѣшающаго значенія; что мотивъ этотъ неваженъ—это видно будто бы „какъ изъ того, что онъ менѣе развитъ, чѣмъ два другіе, а также изъ того, какое мѣсто ему отводится въ самомъ законѣ. А между тѣмъ,—продолжаетъ г. Якушкинъ, — этотъ мотивъ и прежде въ нашей литературѣ считался самымъ основаніемъ всего закона, и теперь также, съ тою разницею, что прежде обыкновенно обвиняли Петра

¹⁾ Между прочимъ, авторъ находитъ въ этомъ законѣ противорѣчіе, котораго, вѣроятно, не призналъ бы ни одинъ юристъ,—противорѣчіе между первымъ пунктомъ, запрещающимъ вообще продавать и закладывать недвижимость, и 12-мъ, разрешающимъ продажу имѣнія „по нуждѣ“, въ извѣстныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія властей и со взносомъ пошлины. Такихъ мнимыхъ „противорѣчій“ г. Якушкинъ можетъ найти много въ гражданскихъ законахъ, если займется „оцѣнкою“ ихъ по принятой имъ упрощенной методѣ; укажемъ для примѣра на право опеки продавать имущество подопечнаго тоже „по нуждѣ“, въ извѣстныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія властей, при существованіи общаго правила, не позволяющаго отчуждать имѣніе малолѣтняго, находящагося подъ опекою.

въ бессмысленной попыткѣ создать у насъ крупную поземельную аристократію, а теперь начинаютъ восхвалять за то же". Въ дѣйствительности, аристократическіе мотивы занимаютъ преобладающее мѣсто въ законѣ, хотя они и находятся въ тѣсной связи съ другими побужденіями — съ желаніемъ обезпечить исправный сборъ податей съ помѣщичьихъ „подданныхъ“ и заставить „кадетовъ дворянскихъ семействъ“ искать самостоятельныхъ средствъ въ жизни на службѣ или въ полезной частной дѣятельности.

Дѣлать открытія въ общедоступномъ печатномъ указѣ, вошедшемъ въ Полное собраніе законовъ — довольно мудрено, и конечно ничего новаго, неизвѣстнаго раньше, не нашель въ немъ и г. Якушкинъ. Весь тонъ автора при оцѣнкѣ этого закона и обычнаго пониманія его въ литературѣ долженъ быть признавъ неумѣстнымъ, а сужденія его объ этомъ предметѣ — совершенно голословны и неосновательны. Приводимъ образчики этихъ сужденій. Пункты 1714 г. „имѣли въ виду важныя государственныя цѣли — облегчить судьбу вѣрностнаго крестьянства и развитіе производительныя силы страны“. И „нельзя не признать, что законъ достигалъ своихъ цѣлей при строгомъ примѣненіи: выше уже было сказано (на какомъ основаніи — не объяснено), что дѣйствительно положеніе крестьянъ было лучше у богатыхъ помѣщиковъ; а что касается до другого мотива, то, кажется, нельзя сомнѣваться, что правдая помѣщичья жизнь начала связываться уже въ то время, а также нельзя сомнѣваться и въ томъ, что средство для пробужденія дѣятельности кадетовъ было выбрано дѣйствительное“. Почему во всемъ этомъ нельзя сомнѣваться и гдѣ данныя для такихъ заключеній — понять трудно. Далѣе, — указъ объ единонаслѣдіи „имѣлъ основанія въ русской жизни, имѣлъ связи съ русскою дѣйствительностью“, причемъ дѣлается ссылка на прежнюю практику передачи помѣстій сыновьямъ, — практику, основанную на принципѣ помѣстныхъ окладовъ за службу и не имѣющую слѣдовательно ничего общаго съ наслѣдованіемъ недвижимыхъ имуществъ. „Я не хочу этимъ сказать, — оговаривается г. Якушкинъ, — что въ пунктахъ 1714 года вижу желательное и справедливое установленіе; я только опредѣляю истинный (?) смыслъ, истинные (?) мотивы закона и признаю эти мотивы важными и симпатичными, признаю, что и средства были выбраны цѣлесообразныя; но я вовсе не дѣлаю здѣсь всесторонней оцѣнки закона 1714 г. и не утверждаю, что онъ, достигая намѣченныхъ имъ цѣлей, не вызывалъ бы неизбѣжно явленій нежелательныхъ и печальныхъ. Симпатичный по своимъ цѣлямъ, цѣлесообразный въ своихъ средствахъ, онъ (указъ) могъ бы все-

таки вызвать явленія нежелательныя и прямо вредныя“. Въ подобныхъ случаяхъ мало еще признавать, — надо и доказывать: простое „признаніе“ достоинствъ спорнаго закона г. Якушкинымъ представляетъ интересъ совсѣмъ не съ той стороны, которую имѣлъ въ виду авторъ.

Напомнимъ только, что въ силу закона объ единонаслѣдіи оставались бы нераздѣльными громадныя помѣстья вельможъ и фаворитовъ; никакого максимальнаго размѣра имѣній не установлено указомъ. Очевидно, недѣлимость этихъ латифундій и обязательный переходъ ихъ въ однѣ руки не оправдывались бы ни однимъ изъ тѣхъ мотивовъ, которые приведены въ указѣ, и никакъ не могли быть истолкованы иначе, какъ въ смыслѣ аристократической тенденціи. Къ этому періоду, по справедливому замѣчанію г. Побѣдоносцева, относится образованіе многихъ большихъ имѣній, принадлежавшихъ знатнѣйшимъ родамъ въ Россіи. Въ 1720 году считалось за Меньшиковымъ до 50 тысячъ, да приписныхъ 32.000 душъ крестьянъ, а въ 1724 году ему принадлежало уже около ста тысячъ душъ; въ 1730 году графиня Головкина наслѣдовала послѣ отца своего, князя Ив. Ромодановскаго, болѣе 20 тысячъ душъ; а въ 1724 г. послѣ князя Ал. Мих. Черкасскаго осталось 70 тысячъ ¹⁾. Не думаемъ, чтобы г. Якушкинъ сознательно защищалъ принципъ непривосновенности и нераздѣльности всѣхъ этихъ обширныхъ, случайно разросшихся владѣній отдѣльныхъ лицъ и семействъ. Нивакие государственныя интересы не могли бы быть приведены въ пользу принудительнаго сосредоточенія этихъ „недвижимыхъ имуществъ“ въ рукахъ немногихъ знатныхъ фамилій. Въ попыткѣ увѣковѣчить щедрое распредѣленіе крестьянскихъ „душъ“ и земель между крупными владѣльцами довольно странно было бы видѣть заботу о крестьянствѣ. Чѣмъ сильнѣе и отдаленнѣе отъ крестьянства были помѣщики, тѣмъ безконтрольнѣе и смѣлѣе могли распоряжаться ихъ довѣренные люди, управляющіе, и тѣхъ хуже и крѣпче могло проявляться безправіе „подданныхъ“. Въ указѣ 1714 г., какъ упомянуто уже выше, объясняется, для примѣра, неудобство раздѣленія помѣстья въ тысячу душъ между пятью наслѣдниками; но достаточно замѣнить эти произвольныя числа другими, чтобы все доказательство утратило свою кажущуюся убѣдительность. Если раздѣлъ между пятью лицами приводитъ къ невыгодному дробленію помѣстья, то этого нельзя сказать при существованіи

¹⁾ Приводимъ эти цифры со словъ г. Побѣдоносцева въ его „Курсѣ“, т. I (изд. 1868 г.), стр. 298—4.

только двухъ наследниковъ, изъ которыхъ каждому достанется по пятьсотъ душъ—доля крупная, могущая еще прокормить „фамилію“. Если же дѣлить имѣніе въ тысячу душъ все-таки нежелательно, то почему же нужно было ради этого запрещать раздѣлъ помѣстій въ десятки тысячъ душъ, въ родѣ имѣній Меншиковыхъ, Головкиныхъ и Черкасскихъ?

Мы увѣрены, что г. Якушкинъ даже не подумалъ обо всемъ этомъ, когда „призналъ“ указъ объ единонаслѣдіи симпатичнымъ и цѣлесообразнымъ и рѣшился доказывать отсутствіе въ немъ аристократической тенденціи. Это и есть самое печальное въ разсужденіяхъ г. Якушкина, что дѣлаетъ его книгу положительно характерною для нашего времени. Если можно въ ученомъ изслѣдованіи восхвалять или осуждать законодательные акты по случайному личному впечатлѣнію, не вникнувъ даже въ ихъ практическую сущность, съ полнымъ пренебреженіемъ и невниманіемъ къ фактамъ жизни и къ критикѣ свѣдущихъ лицъ въ специальной литературѣ, то слѣдуетъ ли удивляться легкомыслію и невѣжественной смѣлостію, съ какими нерѣдко обсуждаются текущіе законодательные вопросы въ нашей ежедневной печати? Намъ кажется, что изслѣдованіе г. Якушкина не могло бы появиться въ прежнее время; теперь оно вполне подходитъ къ тону публицистики, совмѣщающей наружный демократизмъ съ реакціонною сущностью и имѣющей одну общую отличительную черту—безпринципную легкость сужденій.

Г. Якушкинъ хочетъ увѣрить себя и другихъ, что нераздѣльность крупныхъ помѣстій устанавливалась Петромъ преимущественно для облегченія „судьбы крѣпостного крестьянства“; а въ самомъ законѣ 1714 выставляется на видъ, что при свободномъ раздѣлѣ имуществъ фамиліи могутъ обѣднѣть — „и поселяне будутъ, какъ уже много тѣхъ экземпляровъ есть въ російскомъ народѣ“ (это мѣсто приведено и авторомъ). Какъ ни печальна для владѣльцевъ перспектива превратиться въ поселянъ, но никому конечно не могло бы придти въ голову предположеніе, что эта метаморфоза опасна или нежелательна для крестьянства: помѣщики, обѣднѣвшіе до того, что превращались въ поселянъ, не были уже „господами“ и терялись въ народной массѣ; это превращеніе, еслибы оно происходило въ самомъ дѣлѣ путемъ раздѣловъ, грозило бы фактическимъ упраздненіемъ крѣпостного права. Стараться предупредить подобную опасность можно было съ какою угодно точки зрѣнія, но уже никакъ не ради интересовъ крестьянства. Столь же произвольно толкованіе, что въ указѣ 1714 года „выразилась широкая поземельная политика русскаго правительства“, несо-

гласная съ „частными стремленіями служилаго сословія“, и что скорая отмѣна указа объясняется именно этимъ, а вовсе „не внутреннимъ безсиліемъ самого закона, его отдаленностью отъ русской жизни и непримѣнностью къ ней“; эта отмѣна была будто бы „уступкой притязаніямъ шляхетства, уступкой частнымъ интересамъ“ (стр. 198).

Поземельная „политика“ заключается для автора въ самомъ фактѣ стѣсненія землевладѣльцевъ, составляющемъ „яркое выраженіе верховныхъ поземельныхъ правъ государства“. Для чего устанавливается данная форма стѣсненія, а не другая, и какиа послѣдствія будетъ она имѣть для народа, — это ужъ представляется второстепеннымъ. Государство стѣсняетъ землевладѣніе, а слѣдовательно сохраняется „основной принципъ“ беспрепятственнаго распорядительства власти въ области поземельныхъ интересовъ, принципъ, въ которомъ и безъ того никто не сомнѣвался при Петрѣ; это кажется наиболѣе существеннымъ г. Якушкину. Но вмѣшательство можетъ быть полезно или вредно, можетъ нарушать справедливыя и важныя интересы, или напротивъ удовлетворять общественныя и народныя нужды, и только этимъ практическимъ направленіемъ и дѣйствіемъ принимаемыхъ мѣръ опредѣляется достоинство всякой политики, и между прочимъ поземельной. Принципъ стѣсненія для стѣсненія, чтобы частныя стремленія всегда подавлялись и ограничивались государствомъ, даже въ ущербъ народу и обществу (какъ напр. въ вопросѣ о нераздѣльности латифундій), — этотъ принципъ, вопреки предположенію г. Якушкина, не только не выражаетъ собою никакой политики, но является даже отрицаніемъ всякой разумной политики. Не говоримъ уже о томъ, что далеко не все, написанное въ законѣ, осуществляется и дѣйствуетъ въ жизни такъ, какъ предполагалъ законодатель; обыкновенно происходитъ какъ разъ наоборотъ, если законъ не согласованъ съ дѣйствительными потребностями, правами и понятіями населенія. Такъ и дворянскіе „кадеты“, которыхъ Петръ хотѣлъ оставить безъ правъ наслѣдства въ недвижимыхъ имѣніяхъ, едва-ли ушли бы въ полезную частную дѣятельность; въ способахъ избѣгнуть примѣненія неудобнаго и несправедливаго закона никогда не было бы недостатка.

Въ указахъ Петра I говорится часто о крестьянствѣ въ смыслѣ заботливости объ его положеніи, какъ платежной силы; встрѣчаются замѣчанія весьма выразительныя, въ родѣ того, что „бѣдныхъ плачь привлечетъ гнѣвъ Божій на все государство“. Но не слѣдуетъ забывать, что эти и подобныя выраженія нисколько не характеризуютъ цѣлей и намѣреній Петра Великаго. Госу-

дарственные интересы понимались имъ не такъ, какъ принято разумѣть ихъ въ настоящее время; онъ смотрѣлъ на народныя массы и на частныя права людей совсѣмъ иначе, чѣмъ относятся къ управляемымъ современнымъ правительства. Петръ Великій совершилъ столько великихъ дѣлъ, что нѣтъ никакой надобности приписывать ему еще заботу объ облегченіи крѣпостного права. Подушная подать, смѣнившая собою старыя поземельныя налоги, введена была Петромъ, къ великому отягощенію народа; своеобразная народная кадастрація, выработанная вѣковымъ опытомъ, была вдругъ уничтожена, и мѣсто поземельнаго посопнаго сбора, соотвѣтствовавшаго доходамъ съ земли и общимъ условіямъ жизни населенія, заступила, — какъ мѣтко выразился гр. Д. А. Толстой, — „варажская дань подь новымъ названіемъ“. Подушный налогъ означалъ окончательное установленіе и обобщеніе рабства; обязанность взноса податей могла уже позднѣе перейти къ владѣльцамъ крестьянскихъ душъ, такъ что порвались прямыя отношенія между государствомъ и большинствомъ сельскаго населенія. Ревнія 1719 года зачислила крестьянъ въ одинъ разрядъ съ задворными, дѣловыми и дворовыми людьми, т.-е. распространила личную крѣпостную зависимость на всѣ категоріи владѣльческихъ крестьянъ, превративъ ихъ одинаково въ безправную массу помѣщичьихъ „подданныхъ“. „Земскіе камериры“ и комиссары, посылаемые для сбора и раскладки податей, „притѣсняли и грабили крестьянъ“, по выраженію графа Д. Толстого¹⁾. Г-жа Александра Ефименко, въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи о крестьянскомъ землевладѣніи на крайнемъ сѣверѣ, могла даже сказать, что „вѣкъ Петра... оставилъ на сѣверныхъ деревняхъ болѣе рѣзкіе слѣды опустошенія, чѣмъ набѣги литовскихъ людей за столѣтіе предъ тѣмъ“²⁾.

Если судить объ отношеніи государства къ крестьянству по отдѣльнымъ выраженіямъ указовъ, то и Іоанну Грозному можно приписать спеціальную заботливость о низшемъ земледѣльческомъ классѣ, какъ это и дѣлается нерѣдко въ литературѣ. Въ доказательства ссылаются обыкновенно на извѣстный указъ объ излюбленныхъ старостахъ, „которыхъ себѣ крестьяне межъ себя избюбить и выберуть всею землею, отъ которыхъ бы имъ продажъ и убытковъ и обиды не было“ и пр. Выборные старосты должны были замѣнить собою намѣстниковъ и волостелей въ раскладкѣ

¹⁾ Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, графа Дмитрія Толстого (Спб. 1848), стр. 23, 47 и др.; Крестьяне на Руси, Вилева, стр. 250 и сл.

²⁾ Александра Ефименко, Изслѣдованія народной жизни. Вып. I (М., 1884), стр. 243.

и сборѣ податей, а также въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда; между прочимъ, они должны были собирать въ пользу казны тѣ поборы, которые раньше взимались для себя намѣстниками и волостелями. Легко увлечься содержаніемъ этого указа и принять его буквѣ за дѣйствительность; таковъ серьезный изслѣдователь, какъ гр. Толстой, высказалъ (правда, больше сорока лѣтъ тому назадъ), что этимъ установленіемъ „вполнѣ обезпечивалось благосостояніе народа, избавленнаго отъ притѣсненій и грабежа царскихъ чиновниковъ“. Но свойство самоуправленія, предоставленнаго крестьянству, выясняется уже тѣмъ, что излюбленные старосты, за неисполненіе своихъ обязанностей „хитростью или небреженіемъ“, подвергались смертной казни „безъ отпосу“, а имущества ихъ конфисковались и раздавались истцамъ и доносителямъ. Исполнять обязанности самоуправленія подѣ постояннымъ страхомъ смертной казни было, разумѣется, не особенно удобно. Этой реформѣ, — говоритъ П. А. Соколовскій, — приписываютъ обыкновенно большое значеніе въ томъ отношеніи, что она будто бы облегчила положеніе народа. Но такое мнѣніе совершенно несправедливо. Устраняя намѣстниковъ, правительство и не думало отказываться отъ сборовъ, шедшихъ въ ихъ пользу. Признавая, что „запустѣніе (сель и деревень) происходитъ отъ царскихъ податей и разметовъ“, оно тѣмъ не менѣе не уменьшало своихъ требованій... И дѣйствительно, какъ до устраненія намѣстниковъ, такъ и послѣ, накоплялась масса недоимокъ, для полученія которыхъ по прежнему прибѣгали къ жестокому правеву; но если и могла быть какая-нибудь выгода вслѣдствіе назначенія опредѣленнаго оброка вмѣсто произвольныхъ поборовъ намѣстниковъ, то и эта выгода скоро была уничтожена необузданнымъ своеволіемъ опричины, учрежденной въ 1565 г., почти въ то же время, когда Іоаннъ Грозный, „жалуячи крестьянство, для тѣхъ великихъ проторъ и убытковъ“, отставлялъ намѣстниковъ и волостелей. Нѣтъ нужды повторять здѣсь почти невѣроятные рассказы о притѣсненіяхъ и грабежахъ опричниковъ, свирѣпствовавшихъ въ русской землѣ въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ (1565—1572); достаточно сказать, что опричный правевъ по словамъ крестьянъ (по обыскнымъ книгамъ 1574 г.), былъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ запустѣнія сель и деревень¹⁾. Но о подвигахъ опричины ничего не говорится въ официаль-

¹⁾ Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, П. А. Соколовскаго (Спб., 1877), стр. 41—2, 46—7. Здѣсь говорится о Новгородской области и отчасти объ одной лишь Вотской латинѣ, но замѣчанія автора характеризуютъ положеніе дѣлъ и въ другихъ областяхъ.

ныхъ указахъ, и самое учрежденіе опричины мотивировалось желаніемъ снзойти къ просьбамъ и жалобамъ народа; а потому будущіе изслѣдователи, подобные г. Якушкину, найдутъ, пожалуй, что Іоаннъ IV по недоразумѣнію названъ Грознымъ и что главнымъ предметомъ его заботъ было облегченіе народныхъ тягостей.

IV.

Высказанныя нами до сихъ поръ замѣчанія по поводу книги г. Якушкина относятся только къ одной первой вступительной ея главѣ, занимающей всего 15 печатныхъ страницъ. Еслибы мы захотѣли въ такомъ же масштабѣ разобрать всѣ остальные главы, то пришлось бы написать цѣлую книгу: до того значительны и назидательны ошибки въ самыхъ основахъ разсужденій автора.

Въ главахъ объ „ограниченіяхъ землевладѣльцевъ въ пользованіи“ (и распоряженіи) проводятся взгляды, совершенно невозможные съ историко-юридической и народно-хозяйственной точекъ зрѣнія. Авторъ видитъ „ограниченія“ частныхъ правъ тамъ, гдѣ эти права вовсе не существовали въ современномъ смыслѣ; онъ говоритъ о „стѣсненіяхъ“ владѣльцевъ въ пользованіи лѣсомъ и рѣками, когда помѣщики не были въ сущности собственниками лѣса и могли только условно пользоваться водами. Лѣсомъ пользовались одинаково и помѣщики, и крестьянскія общины; тогда еще не утвердилась идея, что выросшій на просторѣ лѣсъ, даръ Божій, можетъ быть присвоенъ кѣмъ-либо въ частную собственность, хотя бы онъ и находился въ предѣлахъ даннаго помѣстья или вотчины. До новѣйшаго времени сохранилось у насъ во многихъ мѣстахъ право въѣзда въ частные лѣса,—остатокъ прежняго общаго пользованія лѣсомъ. Разсужденія г. Якушкина о „частновладѣльческихъ лѣсахъ“, относительно которыхъ правительство примѣняло будто бы свой „основной принципъ“ стѣсненія и пользованія,—просто фантастичны. Еслибы даже служилые люди имѣли какія-либо самостоятельныя права на землю, а не получили ихъ отъ государства, то и тогда не могло быть рѣчи о полномъ правѣ частной собственности на лѣсъ (хотя номинально лѣсъ принадлежалъ къ помѣстью); еще гораздо позже Петра Великаго это право на лѣсъ не признавалось въ такой странѣ, какъ Пруссія: по прусскому уложенію, изданному въ концѣ прошлаго столѣтія, владѣлецъ не долженъ распоряжаться лѣсомъ, не долженъ рубить его и истреблять для продажи,—

иначе онъ подвергается денежнымъ взысканіямъ и даже тюремному заключенію ¹⁾. Г. Якушкинъ по обыкновенію превозноситъ суровыя мѣропріятія Петра I для охраны лѣсовъ; онъ находитъ „высокія государственныя идеи“ какъ въ назначеніяхъ смертной казни за недозволенную рубку лѣса, такъ и въ указахъ о свободной рубкѣ лѣса „большими компаніями“ въ чужихъ дачахъ подь Петербургомъ,—все дѣлалось мудро и хорошо, потому что совершалось во имя государственныхъ интересовъ. Правда, учрежденные Петромъ „вальдмейстеры“ тѣснятъ народъ, и поздѣе правительство упразднило ихъ вслѣдствіе ихъ злоупотребленій, но задача государства именно и заключается будто бы въ томъ, чтобы тѣснить народъ во имя своихъ высшихъ правъ и интересовъ.

„До Петра I,—говоритъ авторъ,—мы не встрѣчаемъ въ русскомъ законодательствѣ проявленія государственныхъ правъ по отношенію къ охраненію лѣса (т.-е., вѣрнѣе, не чувствовалась еще потребность въ охранѣ лѣсовъ при обилии ихъ и при обширности лѣсныхъ пространствъ,—а вопросъ о государственныхъ правахъ тутъ не при чемъ). При Петрѣ же, подь влияніемъ особыхъ обстоятельствъ времени, подь влияніемъ той сознательной энергіи, какую онъ придалъ государственной власти, образуется цѣльная и строгая система лѣсоохранительныхъ законовъ“. Запутанныя, противорѣчивыя и крайне жестокія распоряженія Петра по этому предмету представляются г. Якушкину актами высшей государственной политики. Понятно, что „правительство, преслѣдуя важную цѣль охраненія лѣсовъ, не отступало передъ самыми строгими мѣрами“; но каковы были эти мѣры, можно видѣть изъ свѣденій и документовъ, приводимыхъ авторомъ изъ дѣлъ вотчиннаго архива. Такъ, по случайному доносу какого-то писаря Голаго и солдата Мещеринова на допущеніе будто бы незаконной порубки въ рощахъ подь Петербургомъ, возбуждено было „розыскное дѣло“, къ которому привлечено до 500 чловѣкъ, и „изъ нихъ нѣкоторые по розыску и къ смертной казни удостоены были (sic), а другіе къ наказанію произведены, и учинено“,—именно, биты кнутомъ и въ каторгу сосланы; а петербургскому воеводѣ, полковнику Теофилачеву, объявлена смертная казнь, въ виду того, что названные писарь и солдатъ избоблчали его въ недостаткѣ усердія по охранѣ лѣса отъ порубщицъ: „онъ (воевода) въ нѣкоторыхъ винахъ сперва запирался, а потомъ и самъ при розыскѣ съ подъему въ застѣнѣ (на вязкѣ)

¹⁾ Pr. Landrecht, 1791, Th. I, § 88—89.

винился же“, и при той экзекуці у висѣлицы объявлено ему помилованіе,— „смертью не казненъ, а учинено наказаніе—бить кнотомъ и сослать въ галерную работу на десять лѣтъ, а помѣстья его и вотчины со всякими заводами и съ угодьями и со всякимъ скотомъ и лошадьми и хлѣбомъ и съ людьми и крестьянами, гдѣ за нимъ по дачамъ есть, о чемъ у него, Теофилаьева, взята сказка подъ лишеніемъ живота“, повелѣно взять въ казну. Двое офицеровъ обвинялись въ томъ, что посылали въ рошу для рубки дровъ—одинъ своего деньщика, а другой—человѣка, и за это преступленіе „смертью не казнены“, но при экзекуціи воеводы Теофилаьева объявлено имъ „высокое милосердіе—сосланы на галеру на пять лѣтъ, а помѣстья ихъ и вотчины взяты на его царское величество“. Прочіе „биты кнотомъ и морскими кошками, а иные гоняты шпирцрутень“.

Само собою разумѣется, что воевода Теофилаьевъ погибъ не потому, что былъ дѣйствительно виновенъ болѣе другихъ; онъ могъ быть даже совершенно невиненъ, такъ какъ сами доносители обвиняли его только въ бездѣйствіи и упущеніяхъ власти (что, принимая отъ нихъ рапорты о порубкахъ, пойманныхъ ими людей „не токмо не розыскивалъ, но, наказанія никакого не чиня, освобождалъ“ и т. п.), повинился же онъ только подъ вліяніемъ мучительной пытки, когда его вздергивали на дыбу въ застѣнкѣ. Вся вина Теофилаьева въ данномъ случаѣ заключалась, быть можетъ, въ томъ, что онъ чѣмъ-нибудь возбудилъ противъ себя неудовольствіе писаря Голага и солдата Мещеринова и не успѣлъ убогаторить ихъ своевременно; никакого розыскаго дѣла не возникло бы, еслибы названные писарь и солдатъ не имѣли личной злобы на воеводу, а погасить эту злобу можно было, вѣроятно, дешевою цѣною, напр. поднесеніемъ какой-нибудь бутылки съ интереснымъ напиткомъ. Большинство тогдашнихъ исполнителей закона могло поступать и поступало несравненно хуже Теофилаьева, притѣсняя и грабя народъ безъ зазрѣнія совѣсти; но они спасались отъ доносовъ и розысковъ тѣмъ, что дѣлались съ возможными доносителями и остерегались вызывать неудовольствіе даже такихъ ничтожныхъ соучастниковъ, какъ писарь Голый и солдатъ Мещериновъ. Два офицера осуждены за допущеніе порубки лѣса—значить ли это, что другіе не дѣлали того же, и даже въ гораздо большей мѣрѣ, безнаказанно, при помощи нѣкоторыхъ предосторожностей? Эти офицеры посылали за дровами, одинъ—своего человѣка, а другой—деньщика; уже изъ этого видно, что порубка была мелкая и производилась для собственныхъ домашнихъ надобностей. Суровая кара по-

стигла этихъ случайно попавшихся людей, ни въ чемъ въ сущности невиновныхъ, а лѣсные торговцы, производившіе крупныя и систематическія порубки для продажи, умѣли, конечно, такъ обставлять свою дѣятельность, что никакихъ розыскныхъ дѣлъ объ нихъ не возбуждалось. Въ ту печальную эпоху, когда главными орудіями судебного преслѣдованія были доносы и пытки, подвергаться грознымъ ударамъ государственной власти значило сдѣлаться жертвою несчастнаго случая, подобно тому, какъ этимъ же характернымъ словомъ „случай“ опредѣлялась и особая благосклонность власти къ отдѣльнымъ лицамъ.

Съ точки зрѣнія указовъ Петра I, жизнь человѣка цѣнилась дешевле дерева, напр. дуба,—хотя деревьевъ было несравненно больше, чѣмъ людей, и громадныя лѣса покрывали значительную часть страны. „За дубъ, буде кто хотя одно дерево срубить, учинена будетъ смертная казнь“; ибо дубъ имѣетъ цѣнность, изъ него можно сдѣлать корабельную мачту, а люди никакой цѣны не имѣютъ. Это своеобразное отношеніе къ народу, позволявшее цѣнить деревья дороже людей, восхищаетъ теперь г. Якушкина и производитъ на него впечатлѣніе „сознательной энергіи“, достойной подражанія и восхваленія. Смертныя казни и каторга, съ вырѣзаніемъ ноздрей, выпадали на долю тѣхъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ порубщиковъ, на которыхъ случайно указывали какіе-нибудь презрѣнные доносители, побуждаемые жадною наживы изъ имущества осужденныхъ; эти непомерныя строгости, примѣняемыя какъ бы наугадъ, и сложныя предписанія, постоянно измѣнявшіяся въ различныхъ указахъ, были нужны будто бы для созданія русскаго флота. Если это законодательство смягчилось при ближайшихъ преемникахъ Петра I, то только отъ того, что государственныя соображенія „ослабли“. „Ни жена, ни внукъ Петра,—объясняетъ г. Якушкинъ,—не могли имѣть тѣхъ идей о необходимости развитія флота, какія имѣлъ державный пшперъ; они не имѣли также и тѣхъ высокихъ государственныхъ идей вообще, какими былъ пронизанъ нашъ первый императоръ; наконецъ, ни правительство Екатерины I, ни правительство Петра II не могли поддерживать прежнюю энергію государственной власти“. Между тѣмъ, по отношенію къ лѣснымъ законамъ, эти громкія фразы совершенно несправедливы. Строгости смягчались просто потому, что не имѣли разумнаго основанія и причиняли вредъ народу безъ всякой надобности для государства, какъ подробно указывалось въ позднѣйшихъ постановленіяхъ. Официально признано было, что лѣсные надзиратели и „вальдмейстеры придираются и тѣснятъ народъ“, что для заповѣдныхъ лѣсовъ назна-

чены около рѣвъ такія большія пространства, что „едва можетъ ли гдѣ сыскаться свободное мѣсто, гдѣ бы было не заповѣдано“; что многіе изъ этихъ лѣсовъ неудобны для сплава и для адмиралтейства не нужны; что люди терпятъ отъ большихъ проволокъ, чтобы получить дозволеніе рубки на законныя нужды. Почему же эти вполне убѣдительныя указанія на практическую несообразность многихъ Петровскихъ указовъ выражаютъ упадокъ сознательной государственной энергіи и отсутствіе „высокихъ государственныхъ идей вообще“?

Распоряженія Петра I относительно лѣсовъ, какъ и относительно многого другого, носили на себѣ печать его могучей, нервной, стремительной натуры, дѣйствовавшей порывисто, быстро, съ безпоощадною поспѣшностью; но они далеко не составляли „цѣльной и строгой системы“, а напротивъ, состояли изъ ряда скачковъ, измѣненій, дополненій и изъятій, свидѣтельствовавшихъ о явной необдуманности принимавшихся мѣръ. Жестокіе законы объ охранѣ лѣсовъ основывались отчасти на забвеніи того, что лѣсъ необходимъ не только для флота и для государственныхъ потребностей вообще, но и для ежедневныхъ и настоятельныхъ нуждъ всего населенія. Подъ вліяніемъ принятыхъ мѣръ, лѣсъ неизбежно долженъ былъ вздорожать, а когда дороговизна дала себя чувствовать въ Петербургѣ, Петръ I тотчасъ же поступилъ въ духъ прямо противоположномъ всѣмъ своимъ прежнимъ указамъ: велѣлъ рубить лѣсъ и дрова во всѣхъ дачахъ, чьи бы онѣ ни были, на извѣстномъ разстояніи отъ Невы и Петербурга, а чтобы избѣгнуть противодѣйствія владѣльцевъ, предложилъ желающимъ ѣздить на рубку большими компаніями, не меньше двадцати человекъ; если же владѣльцы будутъ все-таки противиться истребленію ихъ лѣса чужими людьми, то дачи отбираются на государя, для чего достаточно простой жалобы или доноса со стороны порубщиковъ. По смыслу этого оригинальнаго указа, истребленіе лѣса въ тѣхъ или другихъ дачахъ зависѣло отъ произвола постороннихъ лѣсопромышленниковъ, такъ что въ однихъ частяхъ лѣсъ могъ быть вырубленъ сполна, къ положительному вреду мѣстныхъ жителей и владѣльцевъ, а въ прочихъ, болѣе счастливыхъ земляхъ лѣсъ остался бы нетронутымъ. И этотъ указъ вполне нравится г. Якушкину, который находитъ въ немъ „очень дѣйствительное средство“ для уменьшенія дороговизны лѣса, „очень простой способъ“ для противодѣйствія землевладѣльцамъ и, наконецъ, „весьма яркое и характерное выраженіе энергичной поземельной политики царя“. Нечего и говорить, что это предписаніе о невозбранной всѣмъ рубкѣ лѣса въ чужихъ

дачахъ для продажи совершенно не соответствуетъ заботамъ о сохраненіи лѣсовъ, а вся совокупность мѣропріятій, одинаково рѣшительныхъ и поспѣшныхъ, но разнородныхъ и противорѣчныхъ по содержанію, производитъ довольно смутное и тягостное впечатлѣніе. Можно и слѣдуетъ безусловно осуждать безконтрольную свободу въ распоряженіи лѣсомъ, предоставленную помѣщикамъ при Екатеринѣ II, одновременно съ признаніемъ права полной частной собственности на землю; но зачѣмъ провозносить предшествовавшія распоряженія и предписанія, приводившія къ жестокимъ несправедливостямъ и признанныя несостоятельными даже для своего времени? Петръ I былъ великій историческій дѣятель; но это не значитъ, что всѣ его взгляды на задачи и способы дѣйствія государственной власти должны быть восхваляемы въ настоящее время, безъ надлежащей исторической критики.

Мы не видимъ никакого интереса въ подробномъ разборѣ дальнѣйшихъ главъ, трактующихъ объ „ограниченіяхъ частнаго землевладѣнія“. Авторъ неизмѣнно остается вѣренъ себѣ: онъ не признаетъ существованія такихъ спеціальностей, какъ правовѣденіе, исторія права и законодательства, наука о народномъ хозяйствѣ, а между тѣмъ вся книга посвящена вопросамъ, входящимъ непосредственно въ эти сложные и обширные области знанія. Съ утомительнымъ однообразіемъ, на всемъ протяженіи своей книги, г. Якушкинъ отыскиваетъ и находитъ на каждомъ шагѣ одинъ и тотъ же „принципъ поземельной политики“, который въ дѣйствительности есть не что иное, какъ общепризнанный и существующій во всѣхъ законодательствахъ принципъ подчиненности землевладѣнія интересамъ общественнымъ и государственнымъ. Авторъ упоминаетъ иногда и объ „европейскомъ правѣ“, и даже о „западно-европейскомъ законѣ“ (т.-е. о западно-европейскихъ законодательствахъ?); но еслибы онъ поинтересовался узнать, въ чемъ заключается это право и эти законы, онъ легко убѣдился бы, что вездѣ и всегда въ частныхъ правахъ на землю присутствуетъ элементъ общественный, государственный, что право собственности на землю имѣетъ свои границы въ правахъ и интересахъ сосѣдей, мѣстныхъ жителей и всего общества, что одна и та же земля служитъ одновременно предметомъ различныхъ правъ — частныхъ и публичныхъ, имущественныхъ и политическихъ, формальныхъ и фактическихъ. То, что авторъ называетъ принципомъ поземельной политики, — „право государства ограничивать частное землевладѣніе ради государственныхъ и общественныхъ цѣлей“, — есть принципъ права и законодательства, коренящійся въ самой природѣ поземельныхъ отношеній и имѣющій еще сверхъ

того спеціальнаго историческаго основанія, относительно привилегированной поземельной собственности, созданной государственною властью ¹⁾. Нельзя поэтому считать стѣсненіями и ограниченіями частнаго землевладѣнія такія постороннія или общественныя права, которыя существовали раньше частныхъ поземельныхъ правъ, существуютъ рядомъ съ ними, независимо отъ нихъ, и вовсе не могутъ быть поглощены ими. Таково, напр., право пользоваться рѣками и озерами, право прохода и проѣзда по установленнымъ дорогамъ и др. Г. Якушкинъ думаетъ однако, что эти общія права, ограниченныя частными правами владѣльцевъ, составляютъ лишь искусственныя ограниченія чужихъ правъ, введенныя или расширенныя Петромъ I. Къ числу этихъ ограниченій онъ относитъ дозволеніе всѣмъ желающимъ добывать жемчугъ въ рѣкахъ и озерахъ; это дозволеніе, касающееся пользованія водами, а не землею, имѣетъ будто бы связь съ „рудовопнымъ дѣломъ“, къ которому оно, „конечно, стоитъ въ известномъ отношеніи“ (?). Ограниченіемъ помѣщичьихъ правъ являлось будто бы и устройство путей сообщенія: „если большія, проѣзжія дороги исключались изъ дачъ при генеральномъ межеваніи, то все-таки и при этомъ являлось нѣкоторое ограниченіе частнаго землевладѣнія, известная экспроприація“. Авторъ могъ бы въ этомъ случаѣ обратить вниманіе на противоположный—и, конечно, болѣе основательный—взглядъ Неволіна. Такъ какъ „дороги были исключены изъ числа земель, принадлежащихъ владѣльцу (въ писцовыхъ наказахъ опредѣлялась ширина проѣзжихъ дорогъ, и повелѣно было не класть ихъ въ четверти и дачи), то право лицъ проходить и проѣзжать по нимъ не могло уже рассматриваться какъ ограниченіе поземельной собственности“ ²⁾. Подобными промахами и произвольными, ничѣмъ не поддѣржанными мнѣніями переполнена книга г. Якушкина.

V.

Главная мысль, развиваемая г. Якушкинымъ во второй части его труда, представляетъ нѣкоторое подобіе оригинальности. Крестьянскій поземельный надѣлъ имѣетъ будто бы преемственную логическую связь съ надѣломъ помѣстнымъ и вытекаетъ изъ него

¹⁾ См. статью о поземельной собственности въ „Вѣстникѣ Европы“, 1885 (мартъ и апрѣль),—докладъ, читанный мною въ юридическомъ обществѣ при имп. с.-петербургскомъ университетѣ, въ засѣданіяхъ 26-го января и 16-го марта.

²⁾ Неволінь, Сочиненія, т. IV, стр. 155.

исторически, по мѣрѣ измѣненія и развитія государственныхъ потребностей. „Мы имѣемъ дѣло не съ поземельнымъ надѣломъ крестьянъ, а съ поземельнымъ надѣломъ вообще, какъ основнымъ факторомъ всей нашей экономической и финансовой политики въ XVIII и XIX вѣкѣ“. Прежде правительство давало землю за службу и заботилось о равномѣрномъ и соотвѣтственномъ распредѣленіи этого вознагражденія, т.-е. о равномѣрномъ помѣстномъ надѣлѣ. „Когда вмѣстѣ съ переменною обстоятельствомъ мѣняется служебная система, когда вознагражденіе за службу производится уже не помѣстьями, а деньгами, правительство перестаетъ заботиться о помѣстномъ надѣлѣ (т.-е., вѣрнѣе сказать, оставляетъ помѣстья за владѣльцами и продолжаетъ раздачу земель и крестьянскихъ душъ въ громадныхъ размѣрахъ, независимо отъ какихъ бы то ни было государственныхъ интересовъ); его старанія направляются къ тому, чтобы возможно полнѣе обезпечить себѣ исправное поступленіе денежныхъ средствъ, необходимыхъ для беспрепятственнаго отправленія службы; а для того, чтобы обезпечить эти денежные средства, правительство, въ виду земледѣльческаго характера страны, не имѣетъ другого способа, какъ заботу о поземельномъ надѣлѣ крестьянина-плательщика“. Такимъ образомъ, „прежній помѣстный надѣлъ переходитъ въ тотъ крестьянскій надѣлъ, вопросъ о которомъ, начиная съ 1861 года, составляетъ постоянный предметъ заботъ нашего законодательства“.

Проводить такую параллель между помѣстнымъ и крестьянскимъ землевладѣніемъ кажется намъ совершенно непростительнымъ, какъ мы упоминали уже выше. Служилый человѣкъ получалъ отъ государства помѣстье, котораго раньше не имѣлъ и которое обезпечивало его крестьянскимъ трудомъ; это былъ дѣйствительно надѣлъ землею и доходомъ,—помѣстный окладъ жалованья. Крестьянству предоставлялась нѣкоторая доля земель, искони находившихся въ его обработкѣ и фактическомъ владѣніи, предоставлялась въ силу безусловной необходимости, для пропитанія населенія и для обезпеченія исправной уплаты податей, и въ томъ только размѣрѣ, какой нуженъ для этихъ цѣлей;—никакого надѣленія землею тутъ въ сущности и не было, а если предписывался уравнительный раздѣлъ земель между крестьянами, то онъ заключался въ отобраніи частныхъ владѣній у однихъ крестьянъ въ пользу другихъ, ибо за крестьянствомъ не признавалось никакихъ самостоятельныхъ поземельныхъ правъ, хотя бы эти права основывались на несомнѣнныхъ юридическихъ актахъ и документахъ. Сопоставлять эти трудовые крестьянскіе участки

съ помѣстьями или видѣть въ обоихъ разрядахъ владѣнія что-либо общее—было бы злою и несправедливою пронию. Г. Якушкинъ имѣеть возможность съ сповойною совѣстью развивать свою теорію только потому, что считаетъ всѣ тяглыя земли государственными и судить исключительно по официальнымъ указамъ. Государство является, по его мнѣнію, раздавателемъ своихъ собственныхъ земель крестьянскимъ общинамъ и городскимъ тяглымъ людямъ, внимательно заботится о снабженіи ихъ землею и исполняетъ относительно нихъ ту же роль, каковую прежде исполняло относительно служилыхъ людей. Изображая эту идиллію поземельной политики въ прошломъ вѣкѣ, авторъ совершенно упускаетъ изъ виду общезвѣстный фактъ постепеннаго перехода тяглыхъ владѣній, крестьянскихъ и городскихъ, въ руки государственной власти.

„Прежнее право государства, простиравшееся на всякія земли, и общинныя и частныя (т.-е. верховное право на государственную территорію), окончательно специализируется, — какъ говорить проф. Владимірскій-Будановъ: — казна, какъ фискъ, является частнымъ (юридическимъ) лицомъ, наравнѣ съ другими субъектами имущественныхъ правъ“. Публичныя, государственныя права на землю превращаются въ частное право собственности государства только по отношенію къ крестьянскимъ владѣніямъ; относительно же вотчинныхъ и помѣстныхъ земель государство, напротивъ, отказывается отъ своихъ правъ и отдаетъ ихъ всецѣло отдѣльнымъ лицамъ служилого сословія. Крестьянскія земли считаются принадлежащими государству, а земли, розданныя временно и условно служилымъ людямъ, признаются ихъ частными „недвижимыми имуществами“. „Въ межевой инструкціи 1754 года, вообще вся сельская земля, не состоящая за вѣмъ-либо изъ служилыхъ лицъ на вотчинномъ и помѣстномъ правѣ, признана казенною. Земли, отмежеванныя вновь на цѣлыя общества, считаются казенными, состоящими лишь въ пользованіи общинъ“. Относительно городскихъ тяглыхъ земель государство не успѣло совершить эту метаморфозу завладѣнія; „въ сферѣ правъ городской общины произошелъ обратный переворотъ: здѣсь по разрушеніи общины беретъ перевѣсъ не право казны, а права частныхъ лицъ“¹⁾. Историческій процессъ экспроприаціи крестьянства прекрасно описанъ г-жею Ефименко, по отношенію къ нашему сѣверу. Московское завоеваніе внесло на сѣверѣ принципъ, что земля есть собственность государя: „больше трехъ вѣковъ прошло

¹⁾ Владимірскій-Будановъ, стр. 479.

прежде, чѣмъ принципъ доведенъ до конца, т.-е. право собственности крестьянъ на воздѣлываемую землю окончательно перешло въ государство¹. Сначала государству приписывалось вотчинное право на всю пустую землю, а потомъ и на воздѣлываемую. Внесеніе въ писцовыя книги замѣняло и прекращало силу всякихъ старыхъ крѣпостныхъ документовъ на землю. „Если государство есть настоящій собственникъ тяглой земли, а не крестьянство, если каждая душа должна платить“, то отсюда возникаетъ „естественный выводъ, что государство обязано обезпечить за каждою душою возможность платить путемъ надѣленія ея землею“. Эта идея, основанная на отрицаніи самостоятельныхъ крестьянскихъ правъ на землю, энергически проводилась въ межевыхъ инструкціяхъ, которыя, — какъ замѣчаетъ г-жа Ефименко, — „по отношенію къ сѣверному крестьянскому землевладѣнію, да и не къ нему одному, являются настоящими декретами конвента“. По инструкціямъ 1754 и 1766 г. и манифесту 1765 г., вѣльно тяглыя земли государственныхъ крестьянъ, отчужденныя въ другія руки, въ случаѣ споровъ безденежно возвращать въ число государственныхъ земель черносошныхъ крестьянъ, а вновь расчищенныя земли, которыя крестьяне „подъ видомъ собственныхъ продали и заложили“, также отбирать отъ владѣльцевъ и межевать въ число земель государственныхъ. Понятно, что неотчуждаемость этихъ земель была логическимъ послѣдствіемъ признанія ихъ собственностью государства. Затѣмъ предполагались уравнивательные раздѣлы по указамъ; наследственные земли крестьянъ должны были смѣшаться съ душевыми — въ „генеральномъ поравненіи“. Возраженія и споры крестьянъ, ссылки на старыя права, оставались безъ вниманія; всѣ иски кончались приказами объ отдачѣ земель въ раздѣлъ. „Трудно было крестьянину освоиться съ мыслью, что его неоспоримая вчерашняя собственность сегодня уже сдѣлалась почему-то не его, а чужая, и онъ невольно относился къ раздѣлу, какъ къ акту насилія“¹). Эти настойчивыя и систематическія мѣры экспроприаціи и насилія по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію могли косвенно повліять на укрѣпленіе и развитіе общиннаго духа въ народѣ; по справедливому замѣчанію г-жи Ефименко, „идея объ уравнительномъ раздѣлѣ, пущенная въ сознаніе массъ, не могла въ немъ не пустить ростковъ“. Но та же цѣль гораздо лучше и прямѣе достигалась бы признаніемъ крестьянскихъ земель собственностью самихъ крестьянскихъ обществъ, которымъ эти земли принадлежали по праву;

¹) А. Ефименко, Исслѣдованія нар. жизни, стр. 315—349

тогда не было бы повода толковать о благодѣтельныхъ принципахъ поземельной политики, въ силу которыхъ крестьянство сдѣлалось или частною собственностью помѣщиковъ, или безправнымъ предметомъ государственнаго хозяйства. Стремленіе г. Якушкина выставить поземельную политику прошлаго въ видѣ цѣльной сознательной системы, проникнутой высокими государственными началами и интересами, не согласуется съ элементарными историческими фактами и предполагаетъ наивнѣйшій взглядъ на исторію.

Государственныя мѣры въ области землевладѣнія не всегда могли быть осуществляемы съ беспощадною строгостью, такъ какъ частныя поземельныя права крестьянства обнаруживали нѣкоторую жизненность, хотя и пассивную;—въ этихъ случаяхъ, съ точки зрѣнія г. Якушкина, высшія заботы и задачи государства наталкиваются на „постоянное противодѣйствіе со стороны частныхъ интересовъ“, которые конечно не заслуживаютъ вниманія. Примѣры такого „противодѣйствія“ можно найти въ матеріалахъ, извлеченныхъ авторомъ преимущественно изъ вотчиннаго архива и напечатанныхъ въ приложеніи къ книгѣ. Такъ, правительство распорядилось отвести земли ямщикамъ въ определенныхъ мѣстностяхъ; по этому поводу новгородскій обыватель Лаптевъ жалуется, что „у него взята и отмежевана подъ селитьбу онымъ ямщикамъ деревня Залозье въ Вотской пятинѣ, а противъ того ему и по сіе число не дано, а которые крестьяне въ той его деревнѣ жили и платили всякія подати и тѣ крестьяне съ 1715 г. вровъ разбрелись, а всякія подати съ того числа платить овъ самъ и отъ того пришелъ въ всеконечное разоренье“. Очевидно, частныя интересы, и въ томъ числѣ крестьянскіе, были дѣйствительно нарушены отдачею чужихъ участковъ ямщикамъ, и обѣщаніе вознаградить владѣльцевъ изъ „порозжихъ“ казенныхъ земель въ соответственномъ размѣрѣ не могло конечно улыбаться потерпѣвшимъ лицамъ; въ данномъ же случаѣ даже это обѣщаніе не было исполнено относительно Лаптева. Положеніе крестьянъ было повсюду печальное; въ Вятской провинціи, по доношенію мѣстнаго воеводы, „государственные черносолные крестьяне, яко сущіе безгласные“, не могутъ платить накопившихся недоимокъ и „настоящія съ написныхъ своихъ душъ подушныя деньги платятъ съ великою тягостью для того, что изъ оныхъ множественное число разныхъ становъ и волостей крестьянъ, за неимѣніемъ своихъ земельныхъ жеребьевъ, сѣтаются межъ дворовъ, питаются подаеніемъ милостыни, а землями государственными по большей части владѣютъ домъ архіерейскій, монастыри, купечество и разнаго чина и званія изъ тамошнихъ жителей люди“, такъ какъ

крестьяне продавали эти земли другъ другу, посадскимъ, привязнымъ и всякаго чина людямъ, отдавали въ домъ архіерейскій и монастыри и пр.; вслѣдствіе того воевода предлагалъ отобрать означенныя земли изъ частнаго владѣнія и распредѣлить уравни- тельно между крестьянами, ибо „когда каждый крестьянинъ бу- детъ поселенъ и удовольствованъ пашенной землею, сѣнными покосами и прочими угодьями, тогда уже не будетъ имѣть при- чины только изъ одного (какъ нынѣ есть) дневного пропитанія межъ дворъ скитаться, но и подъ страхомъ, не тоюмо о своемъ домѣ и о пропитаніи, но и о заплатѣ подушныхъ денегъ все- чески стараться и прилежать долженъ“ и пр. Изъ дальнѣйшаго текста оазывается однако, что обѣднѣвшіе крестьяне едва-ли имѣлись въ виду при новомъ распредѣленіи земель: „которые же изъ нихъ чернососные крестьяне, за совершенною своею ску- достью и къ платежу собою подушныхъ и прочихъ казенныхъ денегъ несостояніемъ“, по силѣ указа 1725 о половникахъ „идти пожелаютъ (и нынѣ указомъ же... повелѣно будетъ) ко владѣль- цамъ въ половничество“, то тѣ владѣльцы должны платить за нихъ подати. Другими словами, земельные участки, проданные будто бы этими захудалыми крестьянами въ постороннія руки, или не отбирались изъ чужого владѣнія, или отбирались вовсе не для возвращенія прежнимъ хозяевамъ, такъ что приведенный выше мотивъ отобранія земель имѣлъ вѣроятно значеніе обычнаго официальнаго краснорѣчія. Крестьяне часто просили „о неотъемѣ отъ нихъ старинной ихъ владѣмой земли“, но подобныя хода- тайства не принимались въ уваженіе, и всѣ земли назначались въ уравнительный раздѣлъ.

Нерѣдко такое отнятіе земель у однихъ крестьянскихъ обществъ въ пользу другихъ вызывало серьезныя столкновенія; обиженные жалуются на нападеніе на нихъ „крестьянами болѣе 1500 чело- вѣкъ со всякимъ оружіемъ, въ немилостивномъ бою и въ побѣ- лотіи одного рогатиною въ руки и въ перерубленіи сохъ и прочей упряжи и въ увозѣ четырехъ челоуѣвъ невѣдомо куда“ (Прилож., стр. 84). Начальство переселяло крестьянъ на занятія уже земли, отнимая у мѣстныхъ обществъ всѣ владѣнія, превышающія поло- женную пропорцію по количеству душъ; чиновникъ отправлялся на мѣсто для отвода новоселившимся людямъ участковъ изъ чужихъ крестьянскихъ земель, но—какъ разсказывается въ интересныхъ актахъ, сообщаемыхъ въ книгѣ (тамъ же, стр. 99—106),— „онне, села Лѣвой Розсопи, крестьяне, собравшись многолюдственно, приступивъ къ нему, кричали упорно, что-де они тѣхъ Оболен- скихъ крестьянъ къ поселенію не допустить, чего ради посланъ

былъ капралъ Хрипуновъ“. По прїѣздѣ послѣдняго „крестьяне, собравшись съ дубемъ и дрекольемъ, какъ онаго же капрала Хрипунова, такъ и показанныхъ Оболенскихъ крестьянъ намѣрились бить и въ поселенію не допускаютъ“; тогда назначена была военная команда „для усмиренія оныхъ крестьянъ и забранія ихъ“, что и было исполнено; но всѣ крестьяне, согласясь, подали губернатору „жесоставное доношеніе“, въ которомъ объявили, что отъ поселенія вышеозначенныхъ Оболенскихъ крестьянъ (въ числѣ 150 чел.) „ихъ селу учинится немалое утѣшеніе, за тѣмъ, что по скудости у нихъ воды, которая, кромѣ малыхъ озерковъ, никуда не протекаетъ и въ сухменное время почти вся пересыхаетъ, а оныя Оболенскіе стали своимъ обозомъ у самого нужнаго озера, гдѣ болѣе все село ихъ водою довольствовалось и нынѣ довольствуются да и впредь на то озеро довольствія уповаютъ“ (эти указанія въ официальномъ изложеніи названы „непринадлежащими оговорками“). Въ свою очередь изъ новыхъ поселенцевъ нѣкоторые, „взявъ ружья, а иные—болья, хотѣли всѣхъ ихъ, жителей, побить, отчего они устрашились и отошли отъ нихъ прочь порядочно и нынѣ находятся въ немаломъ опасеніи“; жители выбрали двухъ человекъ для подачи челобитья въ губернскую канцелярію, гдѣ эти выборные были однако задержаны и оставлены подъ карауломъ, вмѣстѣ съ прочими, взятыми раньше военной командой. Дѣло закончилось рѣшеніемъ: на случай упорства или своевольничества крестьянъ отправить „пристойную команду“ и при ней надлежащее исполненіе учинить согласно мѣстнымъ обстоятельствамъ, а „пущихъ ослушниковъ, дабы имъ впредь того чинить было неповадно, въ страхъ другимъ, при вотчинѣ наказать батошьемъ“. По другому дѣлу крестьяне обвинялись въ нежеланіи отдать часть своей крѣпостной земли, отмежеванную отъ нихъ экономическимъ правленіемъ въ пользу постороннихъ крестьянъ, во имя принципа уравнительности („чтобы у нихъ, крестьянъ, земли яко одного вѣдомства, на душу кому сколько слѣдуетъ уравнительно было“); за своевольство „старостамъ и прочимъ на сходѣ учинено нещадное батошьемъ наказаніе“ (стр. 109—111). Какимъ произволомъ и насиліемъ сопровождалась эти распоряженія по отношенію къ крестьянству, можно судить по дѣйствіямъ чиновника Рагозина, который обвинялся въ вымогательствѣ, въ „свѣченіи старость неповинно батошьемъ“ и во многихъ другихъ незаконныхъ поступкахъ; даже мѣстное „экономическое правленіе“ допускало, что этотъ дѣятель можетъ по слѣдствію оказаться „во взяткахъ при-

личнымъ“ (т.-е. уличеннымъ) и, что „онъ, Рагозинъ, во взяткахъ чинилъ лакомство“ (стр. 114).

Возраженія и споры противъ такихъ исполнителей и противъ такого отношенія къ крестьянской массѣ едва-ли могутъ считаться лишь предосудительнымъ „противодѣйствіемъ“ государству „со стороны частныхъ (т.-е. крестьянскихъ) интересовъ“. Напротивъ, права и интересы крестьянъ откровенно ставились тогда ни во чтѣ, послѣдовательно и рѣшительно ломались ради увеличенія казенныхъ доходовъ, и самый принципъ уравнительнаго раздѣла состоялъ скорѣе въ отнятіи „излишней“ собственной земли у крестьянскихъ обществъ для отдачи другимъ, чѣмъ въ снабженіи крестьянъ новыми свободными землями. Забота о томъ, чтобы у крестьянъ не было „излишнихъ“ земель противъ положенной душевой пропорціи, т.-е. противъ того, сколько нужно для исправной уплаты податей,—эта забота существовала рядомъ съ старательнымъ сохраненіемъ и увеличеніемъ помѣстій и вотчинъ, каковы бы ни были ихъ размѣры; въ то же время вновь раздавались обширныя пространства земель заслуженнымъ или случайнымъ фаворитамъ, и никто не возбуждалъ вопроса объ излишней обширности этихъ владѣній: такой вопросъ возникалъ лишь по отношенію къ крестьянамъ, имѣвшимъ болѣе установленнаго числа десятинъ на душу. Принципъ крестьянскаго надѣла и передѣла получаетъ правильное освѣщеніе только въ связи съ общей исторіей частной поземельной собственности въ Россіи. Эта исторія еще не написана съ надлежащей точностью и полнотою; но прекрасныя работы В. И. Семевскаго, П. А. Соколовскаго, г-жи А. Я. Ефименко, служатъ достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что она будетъ написана не въ духѣ предвзятаго и наивнаго восхваленія поземельной политики государства въ прошедшемъ.

Л. Слонимскій.

ПОДЪ ИГОМЪ СТРАСТЕЙ

Романъ Ричарда Ашвинга.

VIII *).

На небольшомъ озерѣ парка находилось нѣчто въ родѣ водяного велосипеда: двѣ небольшихъ лодки съ деревянной настилкой, соединенныя довольно неуклюжей трехъ-колесной машиной, двигавшей веслами.

Эта штука была построена для Герберта, когда онъ былъ еще мальчикомъ, и съ тѣхъ поръ ей предоставлено было „гнить на свободѣ“ посреди озера, гдѣ ее не могли достать уорстонскіе мальчишки. Но уорстонскіе мальчишки добрались бы до нея, еслибы догадались, что веревка, за которую она была привязана къ столбу, покрытая водой, находилась неподалеку отъ берега.

Этой машиной Клара притворилась сильно заинтересованной, такъ какъ вообще дѣлала видъ, что ее занимаетъ все, что касается Герберта и его дѣтства. Между тѣмъ самому Герберту любопытно было узнать, насколько пострадала отъ времени его старинная игрушка. Добраться до столба, къ которому она привязана, было не трудно, если онъ не боялся промочить ногъ; но самъ столбъ настолько сгнилъ, что переломился на-двое, когда Гербертъ оперся на него, доставая веревку. Веревка, однако, была крѣпка, несмотря на продолжительное пребываніе подъ водой, и съ помощью ея Гербертъ притянулъ велосипедъ къ берегу.

— Я боюсь, что ноги мои окажутся слишкомъ длинны для управленія имъ, — говорилъ онъ, осторожно вступая на утлый

*) См. выше: июль, стр. 184.

плоть и усаживаясь не безъ труда на углое сидѣнье. Съ большимъ еще трудомъ оставилъ онъ ноги на педали въ родѣ стремянъ и привелъ въ движеніе машину. Не безъ труда добрался онъ до середины озера, потому что машина отъ долгаго бездѣйствія пришла въ негодность, а лодки, куда, предполагалось, вода не должна проникать, на дѣлѣ были полны водой.

Когда Гербертъ достигъ до середины озера, онъ увидѣлъ мать съ ея компаніей на холмѣхъ, съ котораго открывался видъ на озеро.

— Вотъ м-ръ Веріенъ, — сказала Китти въ отвѣтъ на удивленный вопросъ его матери: „куда они могли дѣться?“

— Какой онъ еще ребенокъ! — вскричала мать, когда надѣла очки и увидѣла его на водѣ.

— У него просто игрушечная лодка; онъ умѣетъ плавать? — спросила м-съ Рутвенъ съ обычной беззаботностью.

— Онъ былъ лучшимъ пловцомъ въ свое время въ Итонѣ, и мальчикомъ нѣсколько разъ переплывалъ озеро въ платьѣ, котораго нарочно не снималъ, — отвѣчала м-съ Веріенъ, нимало не встревоженная.

Но Китти, которая еще на старомъ своемъ пепелищѣ, въ Дерриморѣ, привыкла къ греблѣ и къ управленію лодкой, была не совсѣмъ покойна. На ея зоркій глазъ углое суденышко погружалось въ воду. Гербертъ усердно работалъ каждой ногой поочередно наклонялъ черезъ-чуръ лодки то на одну сторону, то на другую, и онѣ каждый разъ черпали воду. Вода быстро набиралась сквозъ отверстія въ палубѣ на дно лодокъ, и вдругъ Китти увидѣла, что уключины, которыя за минуту передъ тѣмъ она ясно видѣла надъ поверхностью воды, очутились на дюймъ или на два ниже ея. Инстинктивно и неудержимо она приложила обѣ руки ко рту, какъ дѣлаютъ дѣти, и во все горло закричала Герберту: „Лодка тонетъ!“

Прежде чѣмъ м-съ Веріенъ опомнилась отъ удивленія при такомъ неожиданномъ пассажѣ со стороны дѣвушки, которая казалась совсѣмъ парализованной отъ застѣнчивости, плотъ исчезъ подъ водой, а съ нимъ вмѣстѣ и Гербертъ. Клара вскрикнула, и на ея крикъ отвѣчали громкіе вопли м-съ Веріенъ и м-съ Рутвенъ; а Китти, дожидавъ мгновеніе, молча, съ широко раскрытыми глазами и ртомъ, появленія Герберта надъ водой, проговорила: „Онъ запутался въ стремянахъ!“ — и опрометью бросилась внизъ съ холма въ берегу озера.

Здѣсь она нашла Клару, которая стояла, окаменѣвъ какъ статуя и дико глядя на то мѣсто, гдѣ погрузился плотъ. Помощи

не предвидѣлось ни отъ нея, ни отъ кого другого въ то время, когда Китти озиралась по сторонамъ. Она опять перевела глаза на то мѣсто, гдѣ затонулъ плотъ, въ надеждѣ, что Гербертъ окажется на поверхности, выпутавшись изъ стремянъ. Но нѣтъ; не было даже больше никакой ряби на поверхности воды.

Вдругъ Китти схватила за руку Клару:

— Что, лодка была привязана къ этому обломку? — закричала она, указывая на обломокъ столба, который плавать въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега, вмѣстѣ съ привязанной къ нему веревкой.

Клара бессмысленно глядѣла, ничего не отвѣчая, пока Китти не потрясла ее за руку и не кривнула во все горло въ волненіи:

— Что это? не къ этому ли была привязана лодка?

— Да.

Въ слѣдующій моментъ дѣвушка была уже въ водѣ; она брела въ ней, пока вода не оказалась слишномъ глубока, а затѣмъ подплыла къ обломку и, схвативъ его, поплыла обратно къ берегу.

— Сюда! Помогите, помогите! — кричала она Кларѣ; но та поняла ее только тогда, когда та съ веревкой вышла на берегъ. Тогда обѣ, напрягая всѣ свои силы, стали тянуть веревку, но она туго подавалась. Гербертъ успѣлъ бы двадцать разъ захлебнуться прежде, чѣмъ онѣ вытащили бы плотъ на берегъ, еслибы не подошлѣла помощь. Китти все время кричала: „помогите!“ и къ нимъ подбѣжалъ человекъ и принялся тоже тянуть за веревку, не подозрѣвая о томъ, что находится на концѣ ея.

Когда они подтянули плотъ къ берегу, Китти закричала: „переверните его!“ — и сдѣлала это съ помощью того человека, такъ какъ плотъ опрокинулся въ водѣ.

Когда они перевертывали его, тѣло Герберта, повидимому уже мертвое, повисло сбоку, между тѣмъ какъ обѣ ноги такъ крѣпко запутались въ стремянахъ, что ихъ нельзя было освободить, не разрѣзавъ разбухшихъ въ водѣ сапогъ.

Сдѣлавъ это, Китти вмѣстѣ съ человекомъ снесли его на берегъ, гдѣ Китти поспѣшно послала человека за докторомъ. Она ничего не могла припомнить изъ медицинской практики въ дѣлѣ обращенія съ утопленниками, да еслибы и припомнила, то не могла бы въ настоящую минуту примѣнить ее, потому что сама была не своя.

Реакція послѣ такого сильнаго возбужденія уже сказывалась: она промолла до костей и дрожала отъ холода и отъ страха, что Гербертъ уже умеръ. Мысль эта такъ ошеломила ее, что

она чуть не въ обморожѣ присѣла на землю спиной въ тѣлу. Но тутъ она услышала глубокой вздохъ и поняла, что онъ живъ. Она быстро обернулась.

Да; глаза его были открыты, хотя какъ будто ничего не видѣли. Безъ сомнѣнія онъ останется живъ, если такъ скоро пришелъ въ себя; она вскочила на ноги, говоря Кларъ, стоявшей рядомъ и все еще не вполне пришедшей въ себя:

— Онъ оживаетъ; постойте около него, а я побѣгу сказать его матери!

И она понеслась, какъ стрѣла, вверхъ по холму, хотя только-что передъ тѣмъ ноги у нея подкашивались.

Тѣмъ временемъ м-съ Веріенъ сначала вдругъ присѣла на землѣ въ состояніи такого оцѣпенѣнія, что хотя она знала, что случилось нѣчто ужасное, но не могла отдать себѣ отчета въ томъ, что произошло. Она нѣсколько разъ повторила страннымъ, безжизненнымъ, монотоннымъ голосомъ:

— Что такое? что случилось? поглядите, что случилось?

Наконецъ, м-съ Рутвенъ, чтобы отдѣлаться отъ этихъ вопросовъ, сказала, что пойдетъ и посмотритъ, и сошла внизъ какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ Китти поплыла за обломкомъ столба, и, схвативъ его, вернулась на берегъ,—поступокъ, показавшійся ей, конечно, безумнымъ. Но прежде чѣмъ она увидѣла причину его, крикъ сверху заставилъ ее вернуться къ м-съ Веріенъ, которая теперь настолько опомнилась, что поняла, что сынъ ея погрузился въ воду вмѣстѣ съ плотомъ.

— Спасенъ ли онъ?—закричала она при видѣ м-съ Рутвенъ.

— Я... я не знаю,—пробормотала та.—Она поплыла къ нему.

— Кто поплыла?

— Миссъ Керью.

— Чтобы помочь ему?

— Кажется; но только она вернулась назадъ на берегъ...

Въ этотъ мигъ крики Китти о помощи привели м-съ Веріенъ снова въ состояніе не то полу-обморока, не то безчувственности, съ ужаснымъ, смутнымъ, въ родѣ кошмара, сознаниемъ, что произошло нѣчто ужасное. Въ этомъ состояніи она оставалась до появленія Китти.

— Онъ спасенъ! — закричала та, и видя, въ какомъ положеніи находится м-съ Веріенъ, стала передъ нею на колѣни и взяла нѣжно ея руку въ обѣ свои.

— М-съ Веріенъ! онъ спасенъ!—снова вскричала она.

Но прошло нѣкоторое время, прежде нежели м-съ Веріенъ пришла въ себя и повторила машинально:

— Что случилось?

— Его ноги запутались въ машинѣ, но мы вытащили плоть на берегъ и онъ цѣлъ и невредимъ.

— Гдѣ онъ?—и м-съ Веріенъ попыталась-было встать.

— Нѣтъ, нѣтъ! пожалуйста, не старайтесь его увидѣть; это разстроитъ васъ. Онъ вскорѣ совсѣмъ оправится, увѣряю васъ.

И такъ какъ старая лѣди все-таки порывалась къ нему идти, Китти прибавила:

— Если вы можете дойти домой, то онъ сейчасъ туда придетъ. Вы проводите ее домой?—обратилась она къ м-съ Рутвенъ.

Это предложеніе естественно напугало м-съ Веріенъ, и Китти пришлось не только снова и торжественно завѣрить ее, что все обошлось благополучно, но и подробно рассказать, какъ онъ спасся; послѣ этого старушка согласилась пойти домой.

Китти вернулась къ Герберту и нашла его лежащимъ съ головой на колѣняхъ у Клары, причемъ эта молодая особа склонилась надъ нимъ съ нѣжнымъ выраженіемъ въ красивыхъ глазахъ.

Онъ, должно быть, совсѣмъ опомнился въ тѣ десять минутъ, какія продолжалось отсутствіе Китти, потому что, когда она вернулась, онъ говорила Кларѣ нѣчто въ родѣ рѣчи Лира при пробужденіи, обращенной къ Корделии... что онъ считалъ себя мертвымъ, и что ея небесное личико, склоненное надъ нимъ, укрѣпляетъ въ немъ это впечатлѣніе!

Само собою разумѣется, что такой комплиментъ и въ такую минуту, съ одной стороны, показывалъ только, что молодой человѣкъ легко относится къ пережитой опасности, но съ другой стороны онъ былъ вызванъ и благодарностью за нѣжность, съ какою Клара приподняла его голову и положила къ себѣ на колѣни, отбросила со лба мокрые и спутанные волосы и наклонилась такъ близко къ нему, что онъ могъ почти чувствовать ея теплое дыханіе на лбу,—вниманіе, которое помогло восстановленію кровообращенія почти такъ же дѣйствительно, какъ и предписываемое въ этихъ случаяхъ прикладываніе горячихъ кирпичей къ подошвамъ ногъ.

Мнѣ надо теперь сдѣлать признаніе, которое, боюсь, послужитъ не къ чести моей героини. Китти была возмущена театральной внимательностью Клары не потому только, что она была неприлична и беззащѣнна. Я вовсе не хочу сказать, что Китти была также очарована Гербертомъ, какъ тотъ Кларой, но сознаніе, что она спасла ему жизнь, сдѣлало его интереснымъ въ ея глазахъ—черта чисто женская. И мужчины, какъ и женщины,

склонны любить тѣхъ, кому оказали благодѣяніе, но женщины еще больше, чѣмъ мужчины, и соразмѣрно величинѣ оказаннаго благодѣянія. Этимъ, можетъ быть, объясняется любовь матери вообще и ея предпочтеніе въ тому ребенку, который стоить ей наибольше хлопотъ.

Прибавьте въ настоящемъ случаѣ еще и то, что Гербертъ былъ первый интересный молодой человѣкъ, котораго Китти видѣла: красивый, умный, пріятный и джентльменъ до мозга костей. И тогда вы, можетъ быть, простите ей чувство близкое къ ревности, испытанное ею при видѣ сентиментальнаго поведенія Клара и очевиднаго удовольствія, какое оно доставляло Герберту.

Картина дышала тавой Аркадіей, что она почувствовала себя de trop.

— М-съ Веріенъ пошла домой, надѣясь скоро увидѣть васъ тамъ,—сказала она застѣнчиво. — Могу я прислать кого-нибудь изъ слугъ, чтобы помочь вамъ?

— Какъ? да и вы вся мокрая?—съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Миссъ Керью спасла васъ,—поспѣшила заявить Клара. — Она доплыла до веревки, за которую мы вытащили плоть.

Онъ задумался, не вполне осиливая то, что слышалъ, такъ какъ голова у него кружилась.

— Я слишкомъ слабъ, чтобы понять, въ чемъ дѣло, или отблагодарить васъ,—сказалъ онъ съ блѣдной улыбкой, тронувшей Китти и запечатлѣвшейся у нея въ памяти.

— О! это пустяки!—проговорила она. — Я пойду въ домъ и пришлю кого-нибудь.

И она ушла поспѣшно.

— Я совсѣмъ не умѣю плавать,—жалобно пролепетала Клара.—Я бы все отдала на свѣтъ, чтобы умѣть плавать, когда это случилось.

— Я плохо помню, что случилось,—отвѣчалъ онъ мечтательнымъ равнодушнымъ голосомъ, потому что слабость его все увеличивалась.

— Я никогда этого не забуду, никогда!—проговорила Клара съ содроганіемъ, и прибавила съ невыразимой нѣжностью:—Лучше ли вы себя чувствуете?

— Да, благодарю васъ,—отвѣчалъ онъ устало, закрывая глаза.

Клара, видя, что онъ слишкомъ слабъ, чтобы разговаривать или даже слушать, ограничила выраженія своей нѣжности тѣмъ, что ласково оправила его голову на своихъ волѣнкахъ и вытерла его лобъ надушеннымъ платкомъ. Постѣ того она стала выти-

рать его руки своимъ платкомъ въ то время, какъ онъ лежалъ неподвижно съ закрытыми глазами, и растирала ихъ собственными мягкими ручками. Все это онъ только смутно ощущалъ, такъ какъ былъ очень-очень слабъ.

Только позднѣе отчетливо припомнилась ему эта сцена, точно ароматъ розы, и наполнила его восторгомъ и опьянѣнiемъ.

Тѣмъ временемъ Китти, дойдя до замка раньше м-съ Веріенъ, взяла на себя смѣлость послать немедленно буфетчика съ водкой и съ нимъ вмѣстѣ другого слугу съ кресломъ-носилками, которыя иногда употребляла м-съ Веріенъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ дѣловитой старомодной распорядительностью, она попросила экономку нагрѣть салфетки, на-скоро передавая ей чтó случилось и умаляя свою роль. Послѣ этого она побѣжала домой, чтобы переодѣться и лечь въ постель, такъ какъ чувствовала, что если пробудеть еще нѣсколько минутъ въ замкѣ въ бездѣйствiи, то заболѣетъ. И безъ того, когда она дошла домой, то ожидаемая реакція такъ обезсилила ее, что она не могла связно передать матери о случившемся.

— Милая мама, помогите мнѣ лечь въ постель и дайте мнѣ чашку кружкаго чая и ни о чемъ меня не спрашивайте, пока я его не выпью.

Но добрая глупенькая женщина такъ безтолково суетилась, что безъ ея помощи Китти гораздо скорѣе раздѣлась бы и легла въ постель. Наконецъ, она отдѣлалась отъ матери, попросивъ ее собственноручно заварить чай, и вскорѣ затѣмъ улеглась въ постель, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

Когда мать вернулась съ чаемъ, то рассказывать ей ничего не пришлось, такъ какъ она уже узнала о происшедшемъ отъ м-съ Рутвенъ.

М-съ Веріенъ съ удивительной заботливостью—принимая во вниманіе ея собственное разстройство и тревогу о сынѣ—просила м-съ Рутвенъ сходить справиться о Китти, такъ какъ экономка очень живописно описала жалкое состояніе, въ какомъ находилась эта дѣвушка, когда приходила въ замокъ.

— Помилуйте, ма'амъ, она сама была больше похожа на утопленницу, чѣмъ на живую дѣвушку!

— Бѣдное дитя! бѣдное дитя!—сказала м-съ Веріенъ съ сердечной нѣжностью, припоминая все, чѣмъ она была обязана дѣвушкѣ.—Надо послать ее провѣдать.

И тутъ м-съ Рутвенъ, которая сама очень интересовалась Китти, вызвалась пойти къ ней, и такимъ образомъ м-съ Керью отъ нея узнала, въ чемъ дѣло.

Придя въ комнату Китти и видя, что она дрожитъ какъ въ лихорадкѣ, м-съ Керью передала самыя тревожныя свѣденія о ея здоровьѣ, которыя м-съ Рутвенъ и доставила въ замокъ. Послѣ того м-съ Веріенъ послала къ ней доктора, который ухаживалъ за Гербертомъ и объявилъ его состояніе вполне удовлетворительнымъ.

Позднѣе, когда Гербертъ совсѣмъ оправился, м-съ Веріенъ сама поѣхала къ Керью, несмотря на поздній часъ.

— Я всю ночь не заснула бы,—говорила она Джоржу Керью, —еслибы не увидѣла ее и не поблагодарила.

— Она будетъ очень рада васъ видѣть, если только вы потрудитесь пройти къ ней въ комнату. Мы съ трудомъ удержали ее въ постели, и то только съ помощью доктора.

— Ей, значитъ, лучше?

— О! она себя хорошо чувствуетъ, благодарю васъ. Она рисковала вѣдь простудиться и только.

— Вы должны гордиться своей дочерью, м-ръ Керью; я и не слыхивала о такой храбрости и присутствіи духа.

— Она чудная дѣвушка!—проговорилъ отецъ съ волненіемъ, которое было понятно и симпатично м-съ Веріенъ.—Извините, я пойду предупрежу ее о вашемъ желаніи ее видѣть.

Китти обрадовалась перерыву. Отецъ началъ-было читать ей „Мартина Чодзльвита“, но его оторвали по какому-то дѣлу, и онъ передалъ книгу женѣ. Между тѣмъ м-съ Керью была вполне лишена юмора и читала все рѣшительно на одинъ ладъ, а именно какъ молитвенникъ. И комористичныя сцены, вышедшія изъ-подъ пера Диккенса, въ ея передачѣ принимали мрачный и грозный характеръ пророчествъ Исаи.

Китти обрадовалась приходу отца, потому что вся дрожала отъ сдерживаемаго хохота, между тѣмъ какъ мать воображала, что съ нею опять припадокъ лихорадки. Но она тотчасъ же перестала смѣяться, когда отецъ возвѣстилъ о приходѣ м-съ Веріенъ.

— Она очень добра, конечно, но... конечно, она можетъ войти!

— Но что?—спросилъ отецъ.

— Она навѣрное станетъ благодарить меня, а я такъ этого не люблю. Всегда при этомъ бываетъ такъ неловко.

Однако, м-съ Веріенъ не особенно разсыпалась въ благодарности, на словахъ. Она поцѣловала Китти—совсѣмъ непривычная для нея вещь,—очень нѣжно освѣдомилась о ея здоровьѣ и все время визита держала ея руку въ своихъ. Она произнесла то-ропливо, какъ бы боясь расплаваться, всего лишь нѣсколько словъ

о томъ, что будетъ поминать ее въ своихъ молитвахъ, и слеза дѣйствительно скатилась на руку Китти, которую она держала.

Китти была глубоко тронута и могла только проговорить:

— О! это пустяки! всякій бы сдѣлалъ то же самое на моемъ мѣстѣ!

М-съ Веріенъ только покачала головой и затѣмъ встала, чтобы уйти, и, прощаясь, еще нѣжнѣе прежняго поцѣловала дѣвушку.

— Я немножко разстроена, но завтра опять навѣщу васъ, — сказала она и уѣхала.

— Она очень мила, — замѣтила м-съ Керью, когда м-съ Веріенъ вышла изъ комнаты вмѣстѣ съ ея мужемъ.

— Да, — отвѣчала разсѣянно Китти.

И прибавила такую вещь, какую могла узнать только изъ книгъ, такъ какъ была слишкомъ молода, чтобы вывести ее изъ житейскаго опыта.

— Я бы желала, чтобы она не придавала этому такого важнаго значенія, точно это долгъ, котораго и уплатить нельзя. Кредиторъ всегда кончаетъ тѣмъ, что становится ненавистенъ.

IX.

Китти была права въ оцѣнкѣ средняго уровня человѣческой природы, откуда бы она ее ни почерпнула, когда говорила, что должникъ чувствуетъ больше антипатіи, нежели благодарности, въ кредитору.

Человѣкъ долженъ быть или выше, или ниже общаго уровня человѣческой природы, если не чувствуетъ въ присутствіи или при мысли о такомъ кредиторѣ неловкость, постепенно переходящую въ нелюбовь къ своему благодѣтелю. По правдѣ сказать, требуется меньше великодушія для того, чтобы оказать большое благодѣяніе, чѣмъ для того, чтобы отвѣтить соотвѣтственной благодарностью; одолженіе, за которое нельзя заплатить, оскорбляетъ гордость того, кто его принялъ, столько же, сколько льститъ гордости того, кто его оказалъ.

Какъ бы то ни было, а всякій шансъ на то, чтобы Гербертъ влюбился въ Китти (а такой шансъ существовалъ, несмотря на оболъщенія Клары), былъ устраненъ тѣмъ, что она спасла ему жизнь. Еслибы онъ спасъ ей жизнь, то навѣрное влюбился бы въ нее; но любовь не есть милосердіе, а потому не только не поощряется сознаніемъ обязанности, а, напротивъ того, одного вопроса объ обязанности достаточно, чтобы ее убить.

Какъ бы то ни было, но присутствіе духа и мужество Китти казались Герберту геройскими и удивительными, между тѣмъ какъ безпомощность и растерянность Клары женственными и (въ Кларѣ) оболъстительными. Эта юная особа сумѣла оставить въ немъ такое впечатлѣніе, какъ будто участіе къ нему и ужась, испитанный ею отъ его опасности, парализировали ее.

Первое, о чемъ онъ вспомнилъ, проснувшись на другое утро — это ее прелестное личико, склоненное надъ его головой, лежавшей у нея на колѣняхъ. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, припоминая нѣжный взглядъ ее очаровательныхъ глазъ, жаркое пожатіе ее бархатныхъ ручекъ, ее сладкое дыханіе, которое онъ ощущалъ на лбу, и трепещущія слова испуга и нѣжности. Прелестный ароматъ ее носового платка (который она ухитрилась оставить у него, чтобы доставить ему предметъ для визита) съ особенной живостью воскресилъ все обаяніе вчерашней сцены, и онъ гораздо сильнѣе ощущалъ его сегодня, чѣмъ вчера.

О Китти онъ почти и не думалъ, а когда думалъ, то скорѣе съ досадой. Какъ отблагодарить онъ ее за такую услугу?

Когда мать, нѣсколько разъ навѣдывавшаяся къ нему утромъ, увидѣла, наконецъ, что онъ проснулся и успокоилась насчетъ того, что онъ здоровъ, она сказала:

— Мнѣ бы такъ хотѣлось что-нибудь для нихъ сдѣлать, не оскорбивъ ихъ.

— Для кого? — спросилъ онъ, такъ какъ мысли его естественно унеслись опять къ Кларѣ.

— Для Керью, — отвѣчала мать тономъ удивленія.

— О! да, конечно! — согласился онъ.

— Она настоящая героиня!

И мать пересказала ему, какъ было дѣло.

— Она, должно быть, не теряла ни секунды времени, — сказала онъ: — я слышалъ, какъ она закричала: „лодка тонетъ!“ и затѣмъ ничего не помню. Опомился только, когда голова моя лежала... когда я лежалъ на спинѣ на берегу, — поправился онъ.

— И подумать, что она такая тихая, спокойная дѣвушка! Я считала ее застѣнчивой. Она врядъ-ли застѣнчива и совсѣмъ не глуха.

— Нѣтъ, — разсѣянно отвѣтилъ онъ и прибавилъ: — мнѣ слѣдуетъ пойти и поблагодарить ее сегодня.

Послѣ этого они заспорили о томъ, слѣдуетъ ли ему вообще выходить сегодня изъ дому. Но такъ какъ онъ на этомъ настаивалъ и докторъ поддержалъ его, то рѣшено было, что м-съ Ве-

риенъ, согласно своему обѣщанію, побываетъ утромъ у Керью и спросить, можетъ ли Китти принять Герберта.

Между тѣмъ этотъ визитъ и его возможныя послѣдствія очень тревожили м-съ Веріенъ. Рѣшивъ въ своемъ тупомъ и упрямомъ умѣ, что Гербертъ долженъ жениться на миссъ Проссеръ, она нисколько не желала, чтобы онъ предложилъ Китти руку и сердце взаимнѣ жизни. Поэтому она всю ночь промучилась, измышляя, какимъ бы другимъ способомъ заплатить свой долгъ, который она считала громаднымъ. Поэтому первыми ея словами Герберту поутру и было: „Я бы такъ желала что-нибудь для нихъ сдѣлать, не оскорбивъ ихъ“.

Съ этой мыслью она отправилась къ Керью, чтобы, выражаясь грубо, выкупить сына.

И однако, въ то же самое время она питала чувство благодарности, восхищенія и почти любви къ Китти.

Но во время своего визита бремя долга стало ей значительно легче отъ той легкости, съ какою Китти и ея рыцарь-отецъ относились ко вчерашнему подвигу.

Не успѣла м-съ Веріенъ выразить свою благодарность, какъ Китти перебила ее:

— Помилуйте, м-съ Веріенъ, вы возненавидите меня, если будете такъ преувеличивать. Знаете ли, что разъ въ Дерриморѣ я бросилась въ воду, чтобы спасти кошку. Не правда ли, папа?

— Да, моя душа, и какую еще кошку! самую безобразную и самую безнравственную во всемъ графствѣ: воровку и грабительницу. И однако, потому именно, что ты спасла ее, она стала твоей фавориткой и бичемъ всего околотка.

Тутъ лестная параллель, какую можно было провести между самой безобразной и негодной кошкой—и м-ромъ Гербертомъ Веріенъ показалась Китти необыкновенно забавной.

Она расхохоталась, но при видѣ серьезнаго, неотзывчиваго лица м-съ Веріенъ удержалась и сказала:

— Она была кошка съ характеромъ.

— Очень севернымъ характеромъ,—перебилъ отецъ.

— Потому что съ нею дурно обращались. Всякій человѣкъ, котораго бы преслѣдовали всю жизнь и, наконецъ, выкинули изъ лодки въ озеро, чтобы утопить, сталъ бы тоже отщепенцемъ.

— Вы, должно быть, очень хорошо плаваете,—замѣтила м-съ Веріенъ.

— Это единственный мой талантъ, и я очень рада случаю показать его.

— Она отлично плавала и ѣздила верхомъ, когда была еще

вотъ какой крошкѣй!—сказалъ отецъ, показывая рукой небольшое разстояніе надъ поломъ.— Она ѣздила даже на охоту; но такъ какъ всегда жалѣла звѣря и негодовала на собакъ, то и бросила охоту, прежде чѣмъ ей исполнилось десять лѣтъ. Съ тѣхъ поръ ей не приходилось много ѣздить верхомъ, — прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Еслибы она согласилась ѣздить на нашихъ лошадяхъ, то оказала бы намъ большую услугу. Наши лошади застаиваются, потому что на нихъ никому ѣздить, — сказала съ жаромъ м-съ Веріенъ.

— Но это не было бы услугой мнѣ, потому что я совсѣмъ развучилась и разлюбила верховую ѣзду. Тѣмъ не менѣе, благодарю васъ очень за великодушное предложеніе.

— Ей теперь приходится много ухаживать за своей семьей, —сказалъ отецъ не то съ юморомъ, не то съ чувствомъ. — Ей стоитъ только отвернуться, и мы съ ея матерью непременно напроказимъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, она смотритъ за всѣмъ хозяйствомъ, хотя бы мнѣ слѣдовало стыдиться въ этомъ признаваться, — замѣтила мать просто.

— Мнѣ кажется, мнѣ слѣдуетъ стыдиться того, какъ вы меня расписываете.

И Китти ловко повернула разговоръ на другое, но м-съ Веріенъ опять свернула его на спасеніе Герберта.

— Онъ желаетъ какъ можно скорѣе поблагодарить васъ... сегодня же, если вы будете дома.

— Я буду дома, —отвѣчала Китти, слегка повраснѣвъ.— Но надѣюсь, что онъ не найдетъ нужнымъ еще благодарить меня.

— Но онъ васъ еще не благодарилъ.

— Но вы благодарили за двоихъ, —отвѣтила она, смѣясь.— Право, меня конфузить то значеніе, какое придается моему поступку. Вы вѣрите мнѣ?

И она взглянула почти съ мольбой въ лицо м-съ Веріенъ.

— Разумѣется, душа моя; но ему будетъ тяжело, если вы не позволите ему облегчить себя нѣсколькими словами благодарности.

Вернувшись въ замокъ, м-съ Веріенъ, не одаренная юморомъ, рассказала сыну исторію про северную и безнравственную кошку въ подтвержденіе великодушія, съ кавимъ Китти отрицала свой вчерашній героизмъ.

Гербертъ засмѣялся.

— Мнѣ кажется, что ваша тихая и спокойная молодая дѣвица склонна къ сарказму, —сказалъ онъ.

— Къ сарказму? почему ты такъ думаешь? Я не слыхала отъ нея ни одинаго саркастическаго слова.

— Вы, конечно, не могли признать своего сына въ такомъ описаніи.

— Какомъ описаніи? о чемъ ты говоришь, Гербертъ?

— Ничего, я шучу, матушка. Итакъ, вы совсѣмъ влюбились въ этихъ Керью?

„Этихъ Керью“ показалось ей очень нелюбезнымъ выраженіемъ въ его устахъ.

— Ты слышалъ еще что-нибудь дурное на ихъ счетъ?

— Нѣтъ, ничего, кромѣ того, что я вамъ уже говорилъ: что они очень нуждаются въ деньгахъ. Почему вы думаете, что я слышалъ?

— Потому, что ты такъ, кажется, предубѣжденъ противъ нихъ, даже послѣ того, какъ... О, Гербертъ, мнѣ бы такъ хотѣлось помочь имъ выпутаться изъ денежныхъ затрудненій!

— Да и мнѣ также, увѣряю васъ.

— Но этого никакъ нельзя сдѣлать. Керью ни за что не согласится принять одолженіе такого рода.

— Мнѣ кажется, если ловко взяться... Ботомли говорить...

— Ботомли! онъ столько же понимаетъ чувства джентльмена, какъ его лошадь.

— Прекрасно... Но если Керью кругомъ долженъ, то отчего бы не принять денегъ... въ долгъ, напримѣръ.

— Я не слыхала, чтобы онъ былъ кругомъ долженъ, и не вѣрю этому. Во всякомъ случаѣ, онъ не согласится, чтобы ему заплатили деньгами за одолженіе, оказанное намъ его дочерью.

— Конечно, не согласится, если вопросъ будетъ поставленъ прямо; но дипломатическимъ путемъ...

Мать покачала головой.

— Хорошо, хорошо, увидимъ, — сказала Гербертъ со смѣхомъ.

Конечно, ему самому хотѣлось этого, такъ какъ съ его души спало бы большое бремя, еслибы онъ могъ уплатить свой большой долгъ звонкой монетой отцу Китти. Поэтому онъ надѣялся, что Керью больше похожъ на то, какимъ его описываетъ Ботомли, чѣмъ какъ описывала мать. Въ сущности, всѣ люди, прибѣгающіе къ займамъ, должны быть пріятнаго обращенія: это входитъ въ ихъ расчеты. Естественно, что Керью въ душѣ таковъ, какимъ его считаетъ Ботомли, а по внѣшности отвѣчаетъ представленіямъ о немъ матери.

Въ такихъ думахъ Гербертъ направился послѣ завтрака въ

Керью. Уже дойдя до дверей, онъ подумалъ: въ какихъ выраженіяхъ онъ поблагодарить Китти? Чтò онъ ей скажетъ? Ему ничего не приходило въ голову, кромѣ пошлостей. Онъ ничего не нашель и тогда, когда дверь отворилась и онъ увидѣлъ Китти молчаливую и почему-то не въ духѣ. Впрочемъ отецъ ея очень ловко и любезно перевелъ разговоръ на другое и сталъ спрашивать Герберта о его путешествіяхъ.

Гербертъ вынужденъ былъ сознаться передъ самимъ собой, что манеры Керью были приличны, изящны и полны чувства собственнаго достоинства. Въ немъ не было и тѣни жалкаго смущенія или нахальной развязности беззащитнаго должника и мота. Онъ даже заговорилъ—чѣмъ усилилъ смущеніе Китти—очень сповойно о томъ, что находится въ числѣ арендаторовъ Герберта.

Что-жъ это такое? Ботомли ошибался, или же онъ, Гербертъ, не понялъ Ботомли?

— Да, мнѣ нравится эта мѣстность,—говорилъ онъ,—во многихъ отношеніяхъ я нахожу ее удобной и, вѣроятно, проживу здѣсь еще годъ или два.

— Матушкѣ пріятно будетъ объ этомъ услышать,—пробормоталъ Гербертъ,—да и моему старому учителю тоже.

— Крозье? да; онъ, я думаю, отлично могъ бы обойтись безъ меня и пережить мои похороны, но ему разбила бы сердце разлука съ Китти, да и ей—разлука съ нимъ. Не правда ли, Китти?

— Я радъ, что у насъ есть такой крѣпкій якорь, чтобы удерживать васъ,—сказалъ Гербертъ, обращаясь къ Китти.

— Благодарю васъ,—отвѣтила она съ улыбкой, и только.

У нея опять языкъ прилипъ къ гортани, хотя она сама не сдумѣла бы сказать, почему.

Наступило молчаніе, послѣ котораго Гербертъ сказалъ:

— Я вполне сочувствую вамъ. За исключеніемъ матушки, я никого такъ не люблю, какъ вашего дядю.

Тутъ лицо Китти просіяло и стало, по мнѣнію Герберта, необыкновенно красиво.

— Я рада это слышать!—съ жаромъ вскричала она.—Съ нимъ никто не можетъ сравниться.

— Какъ? даже твой отецъ!—вскричалъ ея родитель, прикидываясь оскорбленнымъ.

Китти рѣшительно покачала головой, глядя на отца съ выраженіемъ непритворной любви, какъ показалось Герберту.

— У него есть одно преимущество надо мной, я согласенъ,—замѣтилъ отецъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила Китти.

— Да, у него есть одно преимущество надо мной: у него нѣтъ дочери!

— Тѣмъ болѣе, значить, онъ всѣми своими качествами обязанъ самому себѣ,—отвѣтила Китти со смѣхомъ; но, чувствуя, что это насмѣшливое препирательство не можетъ быть интересно для ихъ гостя, перевела разговоръ на улучшения въ приходѣ, произведенныя ея дядей, и заговорила съ юморомъ и веселостью, очень удивившими Герберта. Въ самомъ дѣлѣ, отъ крайней сдержанности она вдругъ перешла въ возбужденной болтливости, которая удивляла ее самое не меньше, чѣмъ гостя.

Когда онъ всталъ, чтобы проститься, то сдѣлалъ новую попытку выразить, какъ много онъ ей обязанъ.

— Мнѣ, право, не вѣрится, что я вчера былъ обязанъ жизнью вашему геройству, до того вы слегка относитесь къ этому,—сказалъ онъ.

— Но вѣдь это были такіе пустяки,—для меня, то-есть. Я вѣдь не рисковала жизнью и сдѣлала бы это для всякаго другого,—прибавила она съ безъискусственной серьезностью.

— Даже для безобразной и безнравственной кошки!—отвѣтилъ онъ, смѣясь.

— Это папа такъ характеризовалъ ее,—сказала она, тоже смѣясь, но въ то же время краснѣя.—Но кошка была очень красивая.

— Ты бы этого не сказала, еслибы не спасла ее,—замѣтилъ отецъ.

— Это подаетъ мнѣ надежду, на... на то, что я заслужу ваше доброе мнѣніе,—пробормоталъ Гербертъ, улыбаясь. Вмѣсто живого, остроумнаго, а можетъ быть и ѣдкаго отвѣта, какой она дала бы, еслибы все еще находилась въ томъ возбужденномъ и болтливомъ состояніи духа, въ какомъ была нѣсколько минутъ тому назадъ, Китти опять только глупо повраснѣла, въ величайшему своему неудовольствію, и что-то пролепетала въ родѣ того, что „ей мнѣніе не важно“.

— Какъ можете вы такъ думать!—замѣтилъ онъ тоже неловко и ушелъ.

Послѣ его ухода Китти убѣжала къ себѣ въ комнату, страшно разозленная на себя. Она была разстроена и взволнована послѣ вчерашняго, благодаря естественной реакціи,—она это знала. Но это не объясняло ей глупаго смущенія, когда пришелъ этотъ мальчишка, ни ея внезапнаго оживленія и болтливости, смѣнившихся новымъ припадкомъ замѣпательства. Добросовѣстно раз-

бирая это, приходилось сознаться, что это не просто. Конечно, не влюбилась же она (какое отвратительное слово!) въ этого мальчишку! Но неужели она вела себя такъ, что онъ могъ это подумать? Но что за дѣло!

Однако она была въ очень дурномъ расположеніи духа во весь остатокъ вечера.

X.

— Какъ, опять!—воскликнулъ викарій, смѣясь.

— Да,—отвѣчала его жена:—у него самое мягкое въ свѣтѣ сердце, для молодого человѣка.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь увѣрить меня, Бесси, будто онъ пріѣзжаетъ сюда изъ-за этихъ куколъ?

— А изъ-за чего же другого?

— Ну! и ты еще женщина! Ты такой же большой ребенокъ, какъ и тѣ, для кого предназначаются эти куклы. Другая женщина все бы разглядѣла, прежде чѣмъ было бы на что глядѣть!

— О! если ты говоришь про Китти, то очень ошибаешься, Ральфъ: она совсѣмъ и не бываетъ на нашихъ собраніяхъ.

— Но я не говорю про Китти, ни про м-съ Почэтъ, ни про м-съ Мургатройдъ, ни про м-съ Рутвенъ, ни про Мэри Эльмсли, ни про Елизавету Слейсеръ,—перечислилъ викарій всѣхъ членовъ кукольнаго комитета, за исключеніемъ одного имени.

— Какъ! миссъ Рутвенъ?

— Какъ это ты догадалась?

М-съ Крозье долго глядѣла на него черезъ очки и, наконецъ, воскликнула:

— А вѣдь ты, пожалуй, правъ! О, Ральфъ! а я-то думала... Но я никакъ не могла уговорить ее бывать на нашихъ собраніяхъ.

— *Ее*—означаетъ, какъ водится, Китти?

— Да; она не захотѣла помогать имъ, говоря, что она не филантропка.

— Какъ миссъ Рутвенъ; та рѣшительная филантропка. Это трудное слово, душа моя, и требуетъ поясненія. Оно происходитъ отъ двухъ греческихъ словъ и означаетъ: „любить человѣка“. Такъ какъ ты помогаешь выполненію филантропической задачи миссъ Рутвенъ, тебѣ слѣдуетъ знать это...

— Неужели ты думаешь, Ральфъ, что она все это затѣяла только изъ личныхъ видовъ?

— Душа моя, я знаю только одно: по наведеннымъ мною справкамъ, эта молодая лэди ниваеъ не можетъ имѣть въ виду доставить удовольствіе бѣднымъ дѣтямъ. Она ненавидитъ дѣтей и презираетъ бѣдныхъ, и самая безсовѣстная и безсердечная кокетка въ цѣлой Англіи.

Викарій говорилъ съ необыкновеннымъ жаромъ и горечью. Кто знаетъ: онъ, быть можетъ, тоже мечтаетъ о женихѣ для Китти, какъ и жена, которая такъ наивно выдала свое задушевное желаніе?

Но во всякомъ случаѣ его смутила бы мысль, что Гербертъ можетъ связать себя на всю жизнь съ такою дѣвушкой, какъ Клара Рутвенъ.

Онъ собралъ справки о ней, потому что всѣми было замѣчено, что Гербертъ за нею ухаживаетъ. Уорстонъ былъ не такой большой городъ, чтобы вывѣты молодого человѣка, самой выгодной партіи во всемъ околотеѣ, къ Рутвенамъ могли пройти незамѣченными и не возбудить комментаріевъ.

Что касается м-съ Дальби, то вѣсть объ этихъ визитахъ была для нея тѣ, что первая тяжба для адвоката: интересна сама по себѣ и въ силу будущихъ благъ, какія обѣщала. Она носилась по городу, возвѣщая объ этихъ визитахъ всѣмъ рѣшительно, въ томъ числѣ и викарію.

— Какое удовольствіе видѣть васъ въ Уорстонѣ, м-ръ Крозье! Вы не часто удостоиваете насъ своихъ посѣщеній. Вы приплы въ нашу пустыню спасать какую-нибудь заблудшую овцу?

— Гм! какая надежда найти черную овцу тамъ, гдѣ всѣ овцы одного цвѣта!

— О! я не сказала: *черную* овцу, а заблудшую и притомъ красу вашего стада.

— Я думалъ, что вы говорите вообще, ни на кого не намекая въ частности.

— Такъ неужто вы не знаете нашей главной новости?

— Понятія не имѣю.

— Мы всѣ со дня на день ждемъ объявленія о бракѣ между миссъ Р..., единственной дочерью Вальтера Р..., эсквайра, покойнаго адъютанта волонтеровъ, и Герберта В..., эсквайра изъ Миллторпъ-Голла.

— О! послушайте! вотъ сплетня черезъ-чуръ смѣлая даже для провинціального городка!— вскричалъ викарій не то серьезно, не то шута, такъ какъ этотъ слухъ былъ ему непріятенъ.

— Что-жъ дѣлать! подумайте, шутка сказать: *три визита* и

только для того, чтобы передать носовой платокъ, который молодая особа обронила въ паркѣ. Nonni soit qui mal у pense!

— Три визита! три черныхъ вороны?

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ; три визита, по часу каждый, въ казыхъ-нибудь десять дней!

— Фи! миссисъ Дальби! пустой слухъ, увѣряю васъ. Дѣло въ томъ, что мать этой молодой особы заинтересовала его мать филантропической затѣей надѣленія куклами бѣдныхъ больныхъ дѣтей, и онъ бываетъ у нихъ по этому поводу.

М-съ Дальби отъ души расхохоталась. Мысль, что этотъ молодой человѣкъ являлся посланникомъ двухъ старухъ, казалась черезъ-чуръ забавной.

— Дорогой сэръ, вся эта исторія съ куклами изобрѣтена, чтобы заманить его въ сѣти.

Викарій недовѣрчиво взглянулъ на нее.

— Безъ всякаго сомнѣнія, — положительно заявила м-съ Дальби. — Сама старуха говорила мнѣ, что она тутъ не при чемъ, что это фантазія Клары, которая ее втянула въ это дѣло. Ну, а сама миссъ Клара любитъ дѣтей такъ, какъ человѣкъ любитъ грязь; она бы ихъ всѣхъ смела въ помойную яму, еслибы могла. Всѣхъ, всѣхъ въ помойную яму! — энергически докончила м-съ Дальби.

— Вы очень немилосердны.

— Нисколько. Я оказываю услугу вашему юному другу, предупреждая васъ, что миссъ Клара Рутвенъ — кокетка и интригантка, безъ всякаго сердца. Она уже насмѣялась надъ двумя или тремя молодыми людьми и завтра же прогонитъ вашего друга, если ей представится болѣе выгодная партія.

Она говорила съ такимъ жаромъ, что викарій не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Извините меня, но вы поссорились съ нею!

М-съ Дальби покраснѣла до волосъ.

— Если хотите, да, я поссорилась съ нею, или, вѣрнѣе сказать, она поссорилась со мной. Она разсердилась за то, что я догадалась объ истинномъ мотивѣ ея кукольнаго предирія.

— Помилуйте, Гризельда разсердилась бы за это! — вскричалъ викарій, удивленный ея обиженнымъ тономъ.

— Я сказала это въ шутку; но когда она пришла въ такую ярость, я подумала, что вѣрно я догадалась о правдѣ, и стала наблюдать, и скоро увидѣла, въ чемъ дѣло.

Онъ покачалъ головой.

— Вы очень сердиты на нее, м-съ Дальби, вотъ и все.

— Хорошо; когда она выйдетъ за него замужъ, тогда вы сами увидите и она увидитъ.

Она говорила съ такой увѣренностью, что виварій поколебался, и тотчасъ же принялся наводить тѣ справки, о которыхъ мы говорили. Онъ взялся за это дѣло дипломатически и успѣлъ собрать такія свѣденія о Кларѣ, которыя подтверждали мнѣніе м-съ Дальби объ этой молодой особѣ.

По возвращеніи изъ похода, который онъ предпринялъ съ этою цѣлью, началъ онъ тотъ разговоръ съ женой, который мы привели въ началѣ этой главы.

Не успѣлъ онъ войти послѣ того въ свой кабинетъ, какъ доложили о приходѣ Герберта.

— Это вы, Гербертъ?

— Я уже приходилъ сегодня, — отвѣчалъ тотъ, не безъ смущенія пожимая руку виварію.

— Мнѣ говорили; для наблюденія за курами или за ихъ поставщицами?

Гербертъ покраснѣлъ подъ пристальнымъ взглядомъ виварія.

— Не совсѣмъ; хотя я остался, конечно, чтобы поболтать. Это, надѣюсь, не противъ правилъ?

— Ну, вотъ еще! конечно, нѣтъ; вѣдь это не мистерія Вопа Деа:

— Кромѣ того, — и тутъ Гербертъ покраснѣлъ сильнѣе, — мнѣ нужно было видѣть миссъ Рутвенъ.

— Миссъ Рутвенъ!

Виварій былъ совсѣмъ озадаченъ такой откровенностью. Уже не сдѣлалъ ли ей Гербертъ предложеніе сегодня?

— Да, — нервно торопился Гербертъ: — вы знаете, что она превосходная актриса, а такъ какъ миссъ Джерардъ намъ измѣнила...

— Миссъ Джерардъ не пріѣдетъ?

— Нѣтъ; развѣ я вамъ не говорилъ? мамаша получила сегодня утромъ письмо отъ нея, съ извѣщеніемъ, что у нея умерла тетка.

— Какое несчастіе! Какъ же вы думаете справиться безъ нея?

— Перебѣнилъ программу и пригласилъ миссъ Рутвенъ; она — превосходная актриса.

— Почему вы знаете? она сама вамъ это говорила?

Гербертъ разсердился и отвѣчалъ съ досадою въ голосѣ и уклончиво:

— Какъ-нибудь справимся... Кстати, вы знаете пьесу: „Трагедія и Комедія“ Джилльберта?

И онъ торопливо и нервно изложилъ ей содержаніе.

Послѣ того какъ викарій высказался неодобрительно о пьесахъ съ однимъ дѣйствующимъ лицомъ, Гербертъ съ нимъ простился, очевидно торопясь поскорѣе отъ него отдѣлаться. Послѣ его ухода, викарій въ задумчивости принялся расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ. Манеры Герберта не оставляли сомнѣнія въ томъ, что онъ увлекается миссъ Рутвенъ. Викарій рѣшилъ на другое утро пойти въ Голль и объясниться съ Гербертомъ откровенно, даже рискуя съ нимъ поссориться. Онъ скажетъ, почему не довѣряетъ миссъ Рутвенъ.

Но когда викарій пришелъ, птица уже улетѣла. Но куда? Изъ словъ матери Герберта о новыхъ пьесахъ, викарій заключилъ, что онъ отправился на новое совѣщаніе съ миссъ Кларой... и не ошибся.

Когда совѣщаніе было окончено, эта молодая особа ловко свернула разговоръ на м-съ Дальби и воскликнула:

— Мама! вы помните, какія нелѣпости выводила м-съ Дальби изъ вашего увлеченія куклами? Она увѣряла, будто я выдумала все это, чтобы познакомиться съ м-съ Крозье; я думала, что она шутить, но вовсе нѣтъ. Она разнесла эту исторію по всему Уорстону.

— Милая моя!

— Да, разнесла. Она даже увѣрила въ этомъ м-ра Крозье, какъ сама хвалилась передъ м-съ Годсонъ!

— Она пустая женщина!

— Пустая! не знаю, что вы зовете „пустой“. Нужно очень много воображенія, чтобы выдумать цѣлую исторію изъ-за куколь... и такую исторію. Къ чему бы мнѣ, казалось, знакомство съ м-съ Крозье? Нехорошо смѣяться надъ людьми за ихъ спиной, но не могу удержаться, чтобы не сказать, что м-съ Крозье очень случна, хотя, какъ говорится, „очень достойная особа“.

Гербертъ засмѣялся, между тѣмъ какъ м-съ Рутвенъ выпучила глаза отъ удивленія.

— Ну да, мама,—настаивала Клара, какъ будто бы удивленіе матери выражало несогласіе:—вы сами говорили, что съ ней „не очень легко разговаривать“. Ну, къ чему же мнѣ знакомство съ женщиной, у которой нѣтъ ни одной мысли въ головѣ, когда по части такихъ существъ въ Уорстонѣ *embarras de richesses!*

М-съ Рутвенъ, по обыкновенію, не могла оставить безъ протеста французскія фразы Клары и ея нападки на Уорстонъ, не смотря на присутствіе м-ра Веріена. Она стала защищать жи-

телей Уорстона съ машинальной точностью часовъ съ репетиціей, когда заведена пружина.

— Не знаю, почему ты всегда нападаешь на Уорстонъ, Клара? Здѣсь всѣ такъ добры къ намъ, и еслибы ты хотѣла, то могла бы каждый вечеръ проводить въ гостяхъ.

— Именно, я это самое и говорю; здѣсь всѣ такъ любезны, что мнѣ нѣтъ надобности ухаживать за м-съ Крозе, и на будущее время, мама, я предоставлю ее вамъ.

— Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не придете больше въ пригородскій домъ?—спросилъ Гербертъ тревожно.

— Нѣтъ, не приду; сказать вамъ правду, я рада отдѣлаться. Я ходила только затѣмъ, чтобы опеять мама... потому что такъ же ловко владѣю иглою, какъ верблюдь... не правда ли, мама?

М-съ Рутвенъ была слишкомъ удивлена этимъ сравненіемъ, чтобы сразу отвѣтить.

— Чѣмъ лилія полей, хотите вы сказать,—поправилъ Гербертъ, покраснѣвъ, какъ мальчишъ, отъ своего комплимента.

— Нѣтъ; вотъ лиліи полей!—отвѣчала она, указывая на двухъ великолѣпно одѣтыхъ куколъ.—„Соломонъ во всей славѣ своей одѣвался не пышнѣе ихъ“.

— Клара, душа моя!—съ упрекомъ воскликнула мать.

— Ну да, конечно, мама, онѣ черезъ-чуръ пестро одѣты... для госпиталя по крайней мѣрѣ,—отвѣтила Клара, какъ будто бы мать остановила ее оттого, что она критикуетъ куклы.

— Кстати: вы напомнили мнѣ про костюмы для „Трагедіи и Комедіи“. Я выпишу ихъ изъ Лондона,—сказалъ Гербертъ.

— Я не могу играть въ этой пьесѣ; право же, не могу. Вы ее не помните, а не то не предлагали бы мнѣ; вѣдь тамъ всего одно дѣйствующее лицо!

— Но потому то я васъ и прошу,—отвѣтилъ онъ со всѣмъ жаромъ влюбленнаго.

— Вамъ, можетъ быть, это была бы игрушка, но мнѣ это было бы погибелью,—покачала она головой:—каждый членъ вашего общества возненавидѣлъ бы меня, и чѣмъ лучше я сыграла бы, тѣмъ сильнѣе была бы ненависть.

Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы заставить ее измѣнить рѣшеніе, но напрасно. Она была слишкомъ разсудительная молодая особа, чтобы скомпрометировать свою большую ставку въ начатой игрѣ, показавъ заблаговременно свои козыри.

Но она согласилась, однако, сыграть эту пьесу при немъ на репетиціи... чтобы онъ могъ судить о томъ, какъ она играетъ.

Итакъ, м-съ Годсонъ, передавая Кларѣ о томъ, что м-съ Дальби хвалилась, что избличила ее передъ м-ромъ Крозье, заставила этимъ хитрую дѣвицу принять свои мѣры и подготовитъ Герберта къ тому, чтобы онъ не обращалъ вниманія на такія инсинуаціи.

XI.

Слѣдуетъ сознаться, что Клара предприняла очень трудное дѣло, взявшись исполнить „Трагедію и Комедію“ на частной репетиціи.

„Играть безъ публики—все равно, что танцовать безъ музыки“, говорила она Герберту, предупреждая строгую критику.

Гербертъ, принявъ это замѣчаніе къ сердцу, безъ вѣдома Клары позаботился о томъ, чтобы была публика.

Къ этому времени онъ до того влюбился въ миссъ Рутвенъ, что чуть не поссорился съ бывшимъ наставникомъ за простой намекъ объ осторожности.

М-ръ Крозье только всего и сказалъ:

— Надѣюсь, что вы не оскорбились моимъ мнѣніемъ, что слѣдуетъ быть осторожнѣе съ миссъ Рутвенъ и поближе узнать ее?

— Если вы разумѣете при этомъ низкія сплетни м-съ Дальби, то я считаю ихъ недостойными вниманія.

— Но я говорю совсѣмъ не объ этихъ сплетняхъ, но о той репутаціи кокетки, какую эта молодая дѣвушка снискала въ Уорстонѣ. Она поставила себѣ, повидимому, дѣлью кружить головы и...

Но тутъ Гербертъ положилъ конецъ разговору.

— Надѣюсь, что вы не разсердитесь, если я скажу, что считаю уорстонскія сплетни о миссъ Рутвенъ, или о комъ бы то ни было, нестоющими вниманія и... *повторенія*...

Послѣ этого ничего не оставалось какъ переимѣнить разговоръ, что и сдѣлалъ викарій очень добродушно.

Гербертъ, чувствуя, что былъ слишкомъ рѣзокъ, и за это разсердившись на себя, разсердился вмѣстѣ съ тѣмъ и на жертву своего гнѣва. Онъ былъ такъ сердитъ на себя и такъ увлеченъ Кларой, что объяснилъ предубѣжденіе викарія противъ нея ревностью, причиною которой была Китти. Подозрѣніе было недостойное; но, съ одной стороны, долгъ передъ Китти тяготилъ его нестерпимо, а съ другой Клара представлялась его разыгравшейся фантазіи выше всякихъ сплетенъ, какъ выше облаковъ. Поэтому

все, что говорилось не въ ея пользу, было продуктомъ зависти, ревности, злости и недоброжелательства.

Но, рѣшивъ, какъ мы уже выше сказали, доставить публику Кларѣ, Гербертъ не могъ обойтись безъ своего стариннаго режиссера—викарія. Кромѣ того онъ вѣрилъ, что м-ру Крозье стоитъ только поближе узнать Клару, чтобы обратиться на путь истинный.

Вслѣдствіе этого рѣшено было дать обѣдъ и пригласить на него м-ра и м-съ Крозье, Китти, ея отца и мать и нѣкоего м-ра Кросли (который долженъ былъ участвовать въ театральномъ представленіи), м-съ Рутвенъ и Клару.

Клара, узнавъ ловкимъ манеромъ, что будутъ гости, нарядилась. Въ сущности, она одѣлась или, вѣрнѣе сказать, раздѣлась, не совсѣмъ умѣстно для семейнаго собранія, къ великому скандалу м-съ Веріенъ, которая должна была, однако, согласиться, что въ этомъ туалетѣ ослѣпительная и чувственная красота дѣвушки выступала особенно рельефно.

Такъ несомнѣнно думалъ Гербертъ и не могъ отвести отъ нея глазъ; между тѣмъ какъ м-ръ Кросли, циникъ и blasé, который велъ ее къ обѣду, пришелъ въ звѣрское восхищеніе (единственное, на которое онъ былъ способенъ), равнаго которому давно уже не чувствовалъ. Его ухаживаніе и несомнѣнное удовольствіе, съ какимъ Клара его принимала, возбудили такую ревность въ Гербертѣ, что довели его страсть до апогея. Клара это замѣтила и стала играть на этой нотѣ, не только изъ воекетства, но и соп апоге, потому что циничный, холодный, но красивый м-ръ Кросли очень ей понравился и произвелъ на нее впечатлѣніе казкого-то потухшаго волкана: спокойнаго, холоднаго и оваменѣлаго, но способнаго къ бурнымъ и грознымъ изверженіямъ.

За обѣдомъ она употребляла всѣ усилія, чтобы очаровать его, и настолько успѣла, что онъ нашелъ ее самой интересной дѣвушкой, какую когда-либо встрѣчалъ. У нея былъ очень ловкій приемъ: выспросить собесѣдника о чемъ-нибудь и затѣмъ преподнести ему его же собственныя мысли или свѣденія, но только въ иной формѣ. Она обладала также еще болѣе счастливымъ искусствомъ увѣрить человѣка, что находить его необыкновенно блестящимъ и пріятнымъ, такъ какъ секретъ быть пріятнымъ другимъ заключается въ томъ, чтобы возбудить въ нихъ довольство самими собою—voilà tout!

Къ концу обѣда м-ръ Кросли внезапно и многозначительно спросилъ ее:

— Читали вы послѣдній номеръ „Гептамерона“?

„Гептамеронъ“ былъ еженедѣльный журналъ съ большими претензіями, посвященный исключительно беллетристичѣсь.

— Почему вы спрашиваете?—отвѣчала она съ хитрой улыбкой, какъ будто говорившей: „я васъ понимаю“, хотя она не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, что онъ разумѣлъ.

— Потому, что тамъ напечатана повѣсть объ Уорстонѣ, про которую всѣ толкуютъ: „Утѣкъ и Основа“.

— О!

— Мнѣ казалось, что вамъ она извѣстна?

Онъ сказалъ это такимъ тономъ, который ясно говорилъ: „я думаю, что авторъ этой повѣсти—вы“.

— Нѣтъ,—отвѣчала Клара и такъ рѣшительно покачала головой, что казалось, что она слишкомъ усердно протестуетъ, а потому говорить неправду.

— Авторъ во всякомъ случаѣ женщина.

— Почему вы знаете?

— Потому что, наблюдательность такая отчетливая и микроскопическая...

— Авторъ выѣзжаетъ на мелочахъ, хотите вы сказать?

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Но въ повѣсти отмѣчены такія тонкости, особенно въ характерѣ женщинъ, что это обличаетъ женское перо, и, кромѣ того...

Тутъ онъ колебался съ минуту.

— Ну, и кромѣ того?—спросила она, лукаво и весело поглядывая на него.

— Я хотѣлъ только сказать, что герой... женскій герой. Но роль героя такъ же трудно сыграть хорошо и натурально, какъ и роль новобрачнаго; ибо въ сущности герой не что иное какъ эмбрионъ новобрачнаго.

— Это касается всѣхъ героевъ вообще; но что особенно презрѣннаго въ героѣ повѣсти... какъ вы ее назвали?

— „Утѣкъ и Основа“,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь надъ ея притворнымъ, какъ ему казалось, невѣденіемъ заглавія повѣсти.

— Что особенно презрѣннаго въ героѣ „Утѣкъ и Основа“, заставляющаго считать его женскимъ издѣліемъ?

— Онъ вовсе не презрѣнный и не то чтобы женское издѣліе, а какъ бы вамъ сказать: чуть-чуть фатъ. Всѣ женскіе герои бываютъ или злодѣи, или фаты.

— Это происходитъ отъ „отчетливой и микроскопической наблюдательности“, которую вы сами за ними признаете, когда онѣ изображаютъ что бы то ни было, кромѣ вашей величественной

персоны. Когда левъ въ баснѣ взялся написать портретъ чело-
вѣка, человекъ принялъ его за грубую каррикатуру.

— Льву не слѣдовало добиваться мнѣнія человекъ о своемъ
произведеніи,—отвѣчалъ онъ со смѣхомъ, убѣжденный, что дѣй-
ствительно угадалъ въ ней автора повѣсти „Утѣкъ и Основа“.

— Критика была добровольная.

— Нѣтъ, нѣтъ, она была вынужденная. Вы перебили меня
какъ разъ тогда, когда я собирался сказать, что нахожу эту по-
вѣсть самой талантливой изъ всѣхъ, какія я читалъ послѣ „Дженъ
Эйръ“. Какъ вы думаете, Веріенъ?

— О чемъ думаю?—спросилъ Гербертъ рѣзко; онъ слышалъ
каждое слово изъ ихъ разговора, хотя и притворился, что слу-
шаетъ скучную болтовню м-съ Крозье.

— Вы не думаете, что уорстонская повѣсть „Утѣкъ и
Основа“, которая печатается въ „Гептамеронѣ“, обѣщаетъ быть
наилучшей повѣстью послѣ „Дженъ Эйръ“?

— Не знаю, почему вы называете ее „уорстонской“ повѣстью.
Отчего не повѣстью Лидса, Галифакса или какого угодно другого
города?

— Любезный другъ, вы, значить, ее не читали. Это сама
фотографія съ Уорстона: начать съ того, что двое или трое изъ
его знаменитостей прямо-таки дали снять съ себя портретъ. Кромѣ
того нельзя ошибиться въ діалектѣ. Не правда ли, м-ръ Крозье?
Вѣдь вы читали эту повѣсть?

— Читалъ и думаю, что вы правы,—отвѣчалъ викарій ко-
ротко.

— Конечно, правъ, и въ томъ, что это написала женщина,
и въ томъ, что ставлю ее рядомъ съ Шарлоттой Бронти.

— Слогъ совсѣмъ не такой, какъ у Бронти,—замѣтилъ Гер-
бертъ почти раздражительно.

— Я сравниваю сюжетъ, а не слогъ. Возьмите, напримѣръ,
сцену въ слесарной мастерской: ничего юмористичнѣе вы не най-
дете у самого Джоржа Эллиота.

Энтузіазмъ м-ра Кросли—весьма въ немъ необыкновенный—
былъ встрѣченъ несочувственнымъ молчаніемъ присутствующихъ.
Гербертъ не расположенъ былъ соглашаться съ какимъ бы то ни
было мнѣніемъ своего соперника; между тѣмъ какъ ни м-ръ и
м-съ Крозье, ни Джоржъ Керью и м-съ Керью, ни сама Китти
не могли критиковать ея повѣсти, такъ какъ читатель, конечно,
уже догадался, что Китти была ея авторомъ Ни м-съ Веріенъ,
ни м-съ Рутвенъ, ни Клара не читали повѣсти.

Клара перевела разговоръ на другое съ такимъ видомъ, какъ

будто этотъ сюжетъ ее смущалъ, и такимъ образомъ убѣдила м-ра Кросли, что онъ угадалъ въ ней автора.

Такого рода мистификаціи были наслажденіемъ для дѣвушки, не говоря уже о томъ, что ей пріятно было, что въ ней предполагали блестящій литературный талантъ.

Годфри Кросли былъ такъ увѣренъ въ своемъ открытіи, что позднѣе вечеромъ сообщилъ о немъ викарію, который выразилъ сомнѣніе.

— Но вѣдь она почти созналась, если не словами, то общимъ тономъ разговора.

— О! въ самомъ дѣлѣ! — сухо проговорилъ викарій.

И немного спустя онъ самымъ иезуитскимъ манеромъ втянулъ въ разговоръ Клару о повѣсти и заставилъ ее блистательно доказывать, что она ее даже не читала.

Клара смутилась и въ душѣ поклялась вѣчной ненавистью къ викарію. Она не сомнѣвалась, что онъ сдѣлалъ это нарочно, а мотивомъ было его тайное желаніе женить Герберта на своей племянницѣ и раздраженіе противъ Клары за то, что она очаровала м-ра Веріена.

Но, въ сущности, ей легко было примириться съ тѣмъ, что ея предполагаемый литературный талантъ оказался ясно для всѣхъ миеомъ, послѣ того блестящаго триумфа, какой она снискала какъ актриса. Игра ея въ пьесѣ „Трагедія и Комедія“ заставила даже враждебно настроеннаго противъ нея викарія сознаться, что она выше всякихъ похвалъ.

— Хорошо, что въ этой пьесѣ только одно дѣйствующее лицо, — сказалъ онъ, — а остальные актеры въ сущности только зрители, такъ какъ для любителей-актеровъ невозможно было бы конкурировать съ миссъ Рутвенъ.

— О, полноте! неужели мы такіе профаны? — отвѣтилъ Гербертъ съ притворной обидчивостью, но видимо въ восторгѣ отъ похвалы викарія игрѣ Клары.

— Я ничего подобнаго не видывала! — воскликнула Китти.

Будучи неопытной въ драматическомъ искусствѣ, она была просто виѣ себя отъ игры Клары.

— Ну, моя душа, а я такъ очень рада, что ты такъ играть не сумѣла бы, — замѣтила простодушная м-съ Крозье.

— Отчего, тетушка?

— Это было бы великимъ соблазномъ, — торжественно произнесла жена викарія.

— Гербертъ, надо попросить миссъ Рутвенъ сыграть на нашемъ вечерѣ, — сказала м-съ Веріенъ сыну.

— Попросите ее, матушка; для васъ она это сдѣлаетъ; мнѣ она отказала.

— Вы всё будете рядомъ съ нею ни на что не похожи,— замѣтилъ викарій,—и дамы вашей компаніи будутъ этимъ довольны.

— Мужчины зато будутъ довольны, — сухо отвѣтилъ м-ръ Кросли.

Въ эту минуту Клара, уходившая съ матерью поправить туалетъ, вернулась въ гостиную. Ее встрѣтили искренними аплодисментами, на которые она отвѣчала низкимъ сценическимъ поклономъ и прелестной улыбкой. Послѣ того всё принялись до того превозносить ея игру, что даже ея жажда похвалъ была удовлетворена.

— Ну, что-жь, матушка?—напомнилъ Гербертъ.

— Сынъ говорить мнѣ, что вы отказались играть на нашемъ вечерѣ, миссъ Рутвенъ,—сказала м-съ Веріенъ,—но теперь, когда вы видѣли, какое удовольствіе доставляетъ намъ ваша игра, я надѣюсь, что вы перемѣните ваше рѣшеніе.

— Но вѣдь это пьеса-solo,—замѣтила Клара скромно.

— Тѣмъ лучше,—поклонился любезно ей м-ръ Кросли.

— Вы будете играть?—спросилъ Гербертъ.

— Конечно, если вы... если м-съ Веріенъ этого желаетъ.

— У нея будетъ тогда приличный головной уборъ,—вскричала м-съ Рутвенъ, которую успѣхъ дочери окрылилъ настолько, что она внезапно заговорила.

Бѣдная м-съ Рутвенъ придавала такое же значеніе головному убору у актрисы, какое костюмеръ одного изъ героевъ Диккенса придавалъ шоловкамъ чулкамъ Гамлета.

Клара такъ взглянула на мать, что та прикусила языкъ на весь вечеръ.

— Гораздо лучше, если вы будете играть съ распущенными волосами,—рѣшительно произнесъ м-ръ Кросли.

— Вы такъ думаете?—спросила Клара со взглядомъ застѣнчиваго почтенія.

— Не сомнѣваюсь. Что вы скажете, Веріенъ?

— Я съ этимъ несогласенъ,—рѣзко отвѣтилъ Веріенъ.

Тутъ возбудился споръ, который м-ръ Кросли хладнокровно предложилъ рѣшить въ нѣкоторомъ родѣ *solvitur ambulando*. Обратившись къ Кларѣ, онъ спросилъ:

— Вы имѣете что-нибудь противъ того, чтобы на опытѣ убѣдить ихъ?

— Ничего ровно,—отвѣчала Клара, смѣясь.

Ей очень пріятно было показать, какіе у нея роскошныя волосы.

Кросли съ непостижимой смѣлостью пригласилъ ее пойти на другой конецъ залы и позволить ему убрать какъ слѣдуетъ ея волосы. Онъ занялся ея головой, не торопясь и пожимая пальцами ея шею или щеку, когда ему приходилось до нихъ дотрогиваться. Но Клара не только не обижалась за такія вольности, но считала ихъ лестной данью своей красотѣ.

Зато Гербертъ былъ въ ярости. Онъ не упрекалъ ее за то, что она позволила Кросли быть такимъ безцеремоннымъ и смѣлымъ куафферомъ, ибо чтѣ же, въ сущности, она могла сдѣлать? Не сцену же ему? Но онъ былъ въ бѣшенствѣ на Кросли и почти невѣжливо съ нимъ весь остатокъ вечера. Ухитрившись завладѣть Кларой, онъ сказалъ ей тихо:

— Я долженъ извиниться передъ вами за вольность, какую позволилъ себѣ этотъ человѣкъ. Онъ велъ себя какъ болванъ! — прибавилъ онъ свирѣпо.

— Вы очень добры, что замѣтили это, — кротко отвѣчала она.

— Замѣтилъ! я бы замѣтилъ это со всякой другой гостьей, тѣмъ болѣе съ вами.

— Онъ, вѣроятно, не хотѣлъ быть дерзкимъ.

— Хотѣлъ или не хотѣлъ, а не долженъ былъ такъ вести себя. Хуже всего то, что я пригласилъ его участвовать въ нашемъ спектаклѣ и теперь не знаю, какъ отъ него отдѣлаться.

— О, пожалуйста, не хлопочите объ этомъ! Право, не стоитъ. Я хочу сказать, что не стоитъ придавать такъ много значенія поступку, который, вонечно, былъ сдѣланъ безъ всякаго намѣренія.

— Во всякомъ случаѣ этого не повторится, ручаюсь вамъ.

— Благодарю васъ; вы такъ добры, что заботитесь обо мнѣ! — прошептала она, опуская глаза.

— Вы были такъ прелестны съ распущенными волосами, — сказалъ онъ трепетнымъ голосомъ: — но могу я попросить васъ не распускать ихъ, когда вы будете играть?

— Конечно, конечно, если это вамъ не нравится, — отвѣчала она.

Но тутъ имъ помѣшалъ визарій, уходившій домой, и вскорѣ за нимъ отправилась домой и Клара, чтобы мечтать о... Годфри Кросли!

XII.

— Ну, Китти, какъ тебѣ понравилась первая критика твоего произведенія?—спросилъ викарій, когда они возвращались вмѣстѣ изъ Голла.

— Мнѣ бы она больше понравилась, еслибы касалась моей повѣсти.

— Чтѣ ты хочешь сказать? похвала твоей повѣсти была тѣмъ искреннѣе, что Кросли не зналъ, что ты авторъ.

— Но его похвала касалась вовсе не повѣсти, но автора.

— Развѣ ты думаешь, что ему извѣстно было, что ты авторъ?

— Нѣтъ; но онъ воображалъ, что миссъ Рутвенъ—авторъ повѣсти.

— Почему ты знаешь?

— Я сидѣла около нихъ за обѣдомъ.

— И слышала, какъ она говорила о томъ, что повѣсть написана ею?

— Не словами, но, все равно, заставила его это думать. Она отвратительная дѣвушка!—вскричала Китти съ удивительной горечью, которой сама тотчасъ же устыдилась.—Я хочу сказать, что она неправдива,—прибавила она.

Тутъ викарій разсказалъ, какъ онъ ее поймалъ.

— Она настоящая Бекки Шарпъ,—прибавилъ онъ.

— Но какъ хороша!—вскричалъ Джоржъ Керью.

Китти, опиравшаяся на его руку, выдернула свою при этихъ словахъ, но тотчасъ же опять продѣла, сдѣлавъ видъ, что поправила платье. Она была сегодня очень раздражительна.

— Какой толкъ въ одномъ хорошенькомъ личиѣ?—съ необычной для нея рѣзкостью проговорила м-съ Керью.

— Джоржъ полагаетъ вмѣстѣ съ Китсомъ, что „красота есть истина, истина есть красота“,—сказалъ викарій.

— Красивая кукла—ничего больше,—заявила м-съ Крозье.

— Ну, Китти, теперь очередь за тобой,—смѣясь, проговорилъ отецъ.—Я забылъ, что похвалить женщину при другихъ женщинахъ значитъ то же самое, что навязать красную ленточку курицѣ на птичьемъ дворѣ; остальные куры заклюютъ ее до смерти.

— Не нужно и красной ленточки для того, чтобы два пѣтуха заклевали другъ друга до смерти,—сказалъ викарій.—Развѣ вы не видѣли этихъ двухъ молодыхъ людей сегодня вечеромъ? Они чуть-чуть не поссорились изъ-за улыбки, которая дарится

всѣмъ молодымъ людямъ въ Уорстонѣ поочередно и которая такъ же дешева, какъ и тѣ, что красуются на выставкѣ у Горрока.

Горрокъ былъ мѣстный фотографъ, выставлявшій на окнахъ улыбающіяся фотографіи театральныхъ сиренъ.

Неожиданная рѣзкость викарія всѣхъ удивила, а Джоржъ Керью объяснилъ ее по своему.

— Ральфу не хочется, чтобы Клара Рутвенъ стала м-съ Гербертъ Веріенъ.

— Его мать никогда этого не допустить! — закричала м-съ Кроузе съ необыкновенной положительностью.

— Ральфу слѣдуетъ употребить свое вліяніе, — замѣтила м-съ Керью.

— Но Ральфъ уже сдѣлалъ что могъ, — вступилась его жена. — Онъ пытался раскрыть глаза самому Герберту.

— И ужъ, конечно, больше вмѣшиваться въ это дѣло не буду, — рѣшительно заявилъ викарій.

Но онъ слишвомъ поторопился съ своимъ заявленіемъ,

На другое утро онъ получилъ записку отъ м-съ Веріенъ, въ которой та просила его немедленно посѣтить ее, и предчувствіе сказало ему, что она хочетъ посоветоваться о дѣлѣ, въ которое онъ не желалъ вмѣшиваться.

Онъ угадалъ. Не успѣлъ онъ сѣсть, какъ она нервно спросила его:

— Знаете ли вы что-нибудь объ этой миссъ Рутвенъ?

— Не очень много.

— Знаете ли вы, что Гербертъ безпрестанно у нихъ бываетъ?

— Онъ устроиваетъ домашній спектакль, а потому и видится съ нею.

— Домашній спектакль — одинъ предлогъ. Я получила сегодня утромъ письмо. Вотъ прочитайте.

Викарій взялъ письмо и прочиталъ не безъ презрительнаго негодованія.

То было анонимное письмо, и онъ приписалъ его — несправедливо — всеобщей вѣстовщицѣ Уорстона, м-съ Дальби.

— Стоитъ ли обращать вниманіе на анонимныя письма?

— Но тутъ говорится правда. Я спрашивала Герберта сегодня утромъ, и онъ не отрицаетъ; онъ сознался.

И тутъ бѣдная старушка расплакалась, и викарій совершенно вѣрно пришелъ къ заключенію, что Гербертъ сознался въ своемъ намѣреніи жениться на Кларѣ.

Викарій утѣшалъ ее какъ могъ и обѣщалъ исполнить ее же-

ланіе переговорить съ Гербертомъ и убѣдить его отложить, по крайней мѣрѣ, свое сватовство на годъ.

Гербертъ, съ своей стороны, желалъ повидаться съ викаріемъ, и такимъ образомъ не успѣлъ послѣдній вернуться къ себѣ, какъ Гербертъ явился къ нему.

— Ого, Гербертъ! я только что-собирался отправиться на поиски за вами.

— За мной?

— Да; ваша матушка очень разстроена этимъ дѣломъ.

— Вы видѣли ее... и читали письмо?

— Да; письмо это неблагородное и бессмысленное. Оно никого не заставитъ думать объ этой дѣвушкѣ ни хуже... ни лучше.

— Ни лучше?

— Ну да, конечно; согласитесь, что вы готовились предложить руку дѣвушкѣ, которую вы такъ же мало знаете, какъ эту книгу, — сказалъ викарій, указывая на богато-переплетенный томъ въ своей библиотекѣ.

— Я знаю, что въ этомъ письмѣ нѣтъ ни одного слова правды.

— Но этого знанія недостаточно для того, чтобы жениться на дѣвушкѣ. Другъ мой, вы не купите лошади, если вамъ не дадутъ гарантіи въ томъ, что она безъ пороковъ. Эта дѣвушка можетъ совсѣмъ не походить на то, какъ ее описываютъ въ письмѣ, и тѣмъ не менѣе совсѣмъ не годятся вамъ въ жены.

— Я лучший судья въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ кто бы то ни было.

— Конечно, конечно, въ извѣстномъ отношеніи. Она очень хороша собой, словъ нѣтъ, но, Гербертъ, — и викарій любовно положилъ руку на плечо молодому человѣку, — дѣло въ томъ, что она безсовѣстная кокетка и одурачила почти всѣхъ молодыхъ людей въ Уорстонѣ. Она рѣшила завербовать васъ въ списокъ своихъ поклонниковъ, прежде нежели увидѣла васъ, и только для этого придумала всю эту исторію съ куклами.

— Ну! гнусная выдумка м-съ Дальби! я уже слышалъ объ этомъ отъ самой миссъ Рутвенъ!

— Она удивительно умная дѣвушка! — вскричалъ викарій.

— Вы хотите сказать...

— Я не хочу, во всякомъ случаѣ, поспорить съ вами изъ-за нея. Но подумайте о своей матери, Гербертъ; она всѣмъ этимъ очень разстроена, да и понятно, такъ какъ ея жизнь и счастье зависятъ отъ васъ. Безъ сомнѣнія, ея чувства заслуживаютъ уваженія и вниманія.

— Но она считаетъ, что дѣвушка эта такова, какъ ее опи-

сывають. Еслибы только она знала ее, она бы примирилась съ нею.

— Еслибы только знала! но она говорить также: еслибы только онъ ее знает! И правда въ томъ, что ни вы, ни она ее не знаете. Да и какъ могли бы вы ее знать! Подождите, пока вы лучше съ нею познакомитесь.

— Но мама не хочетъ даже, чтобы я былъ съ нею знакомъ.

— Она согласится, если вы общаете, что не свяжете себя раньше известнаго срока... скажемъ, ну, хоть одного года.

— Года!

— Дорогой другъ, что значитъ одинъ годъ въ вашемъ возрастъ?

— Вы хотите сказать, чтобы я цѣлый годъ не объяснялся съ нею?

— Да.

— Помилуйте! неужели вы хотите, чтобы я цѣлый годъ уживалъ за нею и оставлялъ бы ее въ неизвѣстности насчетъ моихъ намѣреній? Честно ли это? и какого она будетъ обо мнѣ мнѣнія? Это все равно, что требовать отъ меня, чтобы я постарался потерять ее уваженіе и стать ей противнымъ, пока кто-нибудь другой не появится и не женится на ней!

Викарій долженъ былъ сознаться, что въ этихъ словахъ была доля правды.

— Вы можете уѣхать пока за границу.

— И это будетъ способомъ поближе съ нею познакомиться! Такъ какъ я не знаю достаточно дѣвушку, чтобы сдѣлать ей предложеніе, я долженъ ждать годъ, чтобы познакомиться съ нею, и для этого провести этотъ годъ за границей. Другими словами, вы съ мама думаете, что это мимолетный капризъ съ моей стороны, и что черезъ мѣсяцъ или два онъ пройдетъ, и вотъ смыслъ всѣхъ вашихъ толковъ о томъ, что дѣвушка не такова, какою она должна быть, или какою я ее считаю.

Гербертъ говорилъ съ жаромъ и не совсѣмъ неосновательно съ своей точки зрѣнія, какъ почувствовалъ викарій.

XIII.

Выполнивъ первую часть своей миссіи и переговоривъ съ Гербергомъ—съ очень малымъ, какъ мы видѣли, успѣхомъ,—викарій отправился выполнять вторую часть и выяснить, кто былъ авторъ анонимнаго письма.

Въ Уорстонѣ онъ узналъ адресъ м-съ Дальби и прямо направился къ ней. М-съ Дальби была очень удивлена визитомъ викарія.

— Какъ поживаете, м-ръ Крозье?—спросила она съ обычнымъ радушіемъ и прибавила съ лукавой миной:

— Вы пришли, безъ сомнѣнія, за справками?

— Да, — отвѣчалъ викарій.—Я желаю, чтобы вы помогли мнѣ отыскать автора этого письма.

М-съ Дальби взяла письмо и жадно прочитала его. Затѣмъ, зорко взглянувъ на викарія, спросила:

— Итакъ, вы вообразили, что я написала это письмо?

— Не знаю... я думалъ, — началъ онъ, смутясь.

— О, да, вы думали, что я написала его. Тѣмъ хуже для васъ, что вы такъ плохо меня знаете. Дорогой сэръ, я такъ же неспособна анонимно сплетничать, какъ и анонимно раздавать рождественскіе подарки. Я люблю видѣть удовольствіе, какое доставляю, и слышать, какъ меня благодарятъ за него... Но я думаю, что знаю автора этого письма.

— Въ самомъ дѣлѣ? Кто же это?

Она тщательно осмотрѣла конвертъ и перечитала письмо прежде, чѣмъ отвѣтить.

— Клара — кокетка безъ совѣсти и безъ сердца; но она не такова, какъ ее здѣсь описываютъ, и не такова, какъ та, которая написала это письмо.

— Но кто же она?

— Она очень набожная молодая дѣвушка, никогда не пропускающая ни одной воскресной службы... то-есть, если мои догадки вѣрны...

— Я бы никогда не повѣрилъ, чтобы молодая дѣвушка способна была написать такое письмо.

— Но почему же нѣтъ, дорогой сэръ, почему нѣтъ? Вы лишаете молодыхъ дѣвушекъ всякой свободы; что же удивительнаго, если онѣ или умираютъ отъ скуки, или выкидываютъ какія-нибудь отчаянныя штуки? Въ каждомъ городѣ Англіи есть сотни молодыхъ дѣвушекъ, жизнь которыхъ до такой степени пуста, что онѣ легко становятся жертвой всякаго соблазна. Что бы сдѣлали молодые люди, еслибы ихъ натура и ихъ жизнь была такъ же скована, какъ натура и жизнь ихъ сестеръ? Они бы населили тюрьмы и больницы для умалишенныхъ.

— Въ вашихъ словахъ есть доля правды, но все же это не оправдываетъ и даже не объясняетъ такого письма.

— Напрасно вы такъ думаете... Но, во всякомъ случаѣ, если вы оставите мнѣ это письмо, то я могу вамъ обѣщать, что авторъ

его явится къ вамъ съ повинной сегодня же въ тотъ часъ, какой вы назначите сами.

— Какъ вы думаете, удобно ли будетъ автору придти ко мнѣ въ три часа?

— Хорошо; пусть будетъ въ три; и ручаюсь вамъ, что она будетъ пунктуальна.

Вернувшись въ Голль, викарій условился, что м-съ Веріенъ свидится въ приходскомъ домѣ съ авторомъ письма, если только онъ явится. Будучи рыцарски добрымъ человѣкомъ, викарій желалъ избавить молодую дѣвушку отъ униженія признаваться ему въ томъ, что она написала письмо. Ему казалось, что ей легче будетъ повиниться передъ особой своего пола.

Но м-съ Веріенъ напрасно приходила въ приходскій домъ. Когда пробило по очереди три, четыре, пять и шесть часовъ, а никто не появлялся, викарій и м-съ Веріенъ заключили, что или м-съ Дальби ошиблась въ личности автора, или же ей не удалось заставить его сознаться въ своемъ поступкѣ.

Однако, въ семь часовъ, когда м-съ Веріенъ ушла домой обѣдать, викарій получилъ слѣдующее письмо, принесенное молодой особой подъ вуалью, которая отказалась назвать себя. Тѣмъ не менѣе, письмо было подписано полнымъ именемъ.

„Я сознаюсь, что анонимное письмо, которое я написала м-съ Веріенъ о миссъ Рутвенъ, безусловно лживо. Не понимаю сама, что побудило меня написать его; быть можетъ, я приревновала ее къ человѣку, который сначала ухаживалъ за мной, а затѣмъ сдѣлалъ ей предложеніе и былъ отвергнутъ. Я не могу даже сказать, чтобы она хоть сколько-нибудь поощряла это ухаживанье; напротивъ того, въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ подобнаго рода, она изъ всѣхъ силъ старалась показать свое равнодушіе. Но, ревнуя къ ней и слыша, что кто-то собираетъ про нее разные сплетни, чтобы повредить ей во мнѣніи м-съ Веріенъ, я написала это письмо. Я такъ сожалѣю и такъ стыжусь своего поступка, что не могу выразить, и умоляю м-съ Веріенъ простить меня и забыть это ужасное письмо.“

(Подписано:) Эмма-Дженъ Джавсонъ“.

Письмо поставило викарія втупикъ. Но ему и въ голову не пришло, что „кто-то, собирающій сплетни про Клару, чтобы повредить ей во мнѣніи м-съ Веріенъ“—это онъ самъ. Даже еслибы онъ и догадался объ этомъ, то все же бы не сообразилъ, что эта апологія написана подъ диктовку самой Клары.

Миссъ Джавсонъ была такъ запугана м-съ Дальби, что обѣщала пойти и во всемъ сознаться викарію. Но по мѣрѣ того,

какъ наступалъ часъ рокового свиданія, она отчаянно искала какого-нибудь выхода отъ предстоящаго ей унижительнаго положенія.

И ничего лучшаго она не придумала, какъ попросить великодушнаго прощенія не у Клары, а у ея врозной матери. Она поспѣшила къ ней и застала ее дома одну.

Но пока послѣдняя поняла, въ чемъ дѣло, Клара вернулась домой, и мать естественно передала все дѣло въ ея руки. Клара заставила миссъ Джаксонъ написать вышеизложенную апологію Клары и дать обѣщаніе, что она никому не скажетъ о томъ, что обращалась къ Рутвенамъ за совѣтомъ.

И такимъ образомъ вышло, что вся исторія съ анонимнымъ письмомъ послужила въ пользу Клары. Она вызвала реакцію относительно ея какъ въ Голлѣ, такъ и въ приходскомъ домѣ, и въ то же самое время послужила ей путеводною нитью въ томъ, какъ отнынѣ держать себя съ м-съ Веріенъ.

Она убѣдила мать отправиться вмѣстѣ съ нею съ визитомъ въ Голлъ и объявила м-съ Веріенъ, что пришла отказаться отъ участія въ домашнемъ спектаклѣ, потому что уорстонское общество не одобряетъ домашнихъ спектаклей, а ея мать боится сужденій уорстонскаго общества и запретила ей идти наперекоръ общественному мнѣнію.

М-съ Рутвенъ только усиленно моргала глазами, когда дочь приписывала ей способность приказывать или запрещать что-либо своей дочери.

— Но надѣюсь, что мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ на балѣ, миссъ Рутвенъ?—сказала м-съ Веріенъ, которая была очень рада такому обороту дѣла.—Надѣюсь, что уорстонское общество ничего не имѣетъ противъ танцевъ?

— О, въ этомъ ужъ я его не послушаюсь!—закричала Клара рѣшительно. — Право, мама, не послушаюсь, — обратилась она къ матери съ шутливой неповорностью.—Вы знаете, что даже миссъ Эмма-Дженъ Джаксонъ, несмотря на свою набожность, танцуетъ, и миссъ Берсто перестала танцовать только тогда, когда ее перестали приглашать.

— Прекрасно; мы, значить, будемъ имѣть въ васъ зрителя и критика. Прощайте.

Когда онѣ уходили изъ Голла, Клара подумала: „вы будете имѣть во мнѣ и актрису, моя добрая лѣди, будьте спокойны!“

XIV.

Клара не ошиблась, предполагая, что Гербертъ не захочетъ и слышать объ ея отказѣ участвовать въ спектаклѣ.

Когда мать сообщила ему о ея визитѣ и его цѣли, онъ просто и крото объявилъ по французски: она необходима.

— Но чтѣ могло заставить ее переѣхать мнѣ? — спросилъ онъ.

— Мать не позволяетъ ей участвовать въ спектаклѣ, потому что это возбуждаетъ сплетни и скандалъ въ приходѣ.

— Сплетни и скандалъ! Какъ? оттого, что она участвуетъ въ спектаклѣ?

— Онѣ такъ говорятъ.

— Никогда не слыхивалъ ни о чемъ подобномъ!

И помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Повѣрьте, мама, онѣ слышали про это отвратительное письмо.

— Нѣтъ; онѣ упоминали о миссъ Джаксонъ, въ числѣ другихъ знакомыхъ, съ большимъ уваженіемъ.

— О! прекрасно въ такомъ случаѣ; если отказъ объясняется только несочувствіемъ миссъ Джаксонъ и ей подобныхъ къ домашнему спектаклю, то мнѣ не трудно будетъ заставить ее переѣхать рѣшеніе.

— Мнѣ кажется, Гербертъ, тебѣ не слѣдуетъ убѣждать миссъ Рутвенъ сдѣлать то, чтѣ она или ея мать считаютъ предосудительнымъ... или по крайней мѣрѣ неблагоприятнымъ.

— Если онѣ сами считаютъ это предосудительнымъ, то я не стану настаивать; но если это потому, что миссъ Джаксонъ не одобряетъ домашнихъ спектаклей, то я не считаю нужнымъ падать ея щекотливую совѣсть.

— Дѣло не въ миссъ Джаксонъ...

— Вы знаете, мама, — перебилъ Гербертъ съ нѣкоторымъ возбужденіемъ: — вы знаете, мама, что обѣщали мнѣ принимать миссъ Рутвенъ по прежнему, если письмо окажется вздоромъ и я не буду предпринимать ничего рискованнаго. Если вы протестуете теперь дѣйствительно потому, что это вопросъ чьей-нибудь совѣсти, то я обѣщаюсь не настаивать, но если совѣсть тутъ не причемъ, то позвольте мнѣ попытаться уговорить ее.

Послѣ этого м-съ Веріенъ немедленно сложила оружіе, и такимъ образомъ ожиданія Клары не были обмануты: Гербертъ

явился къ ней на другое утро. Поджидая его, она одѣлась съ обольстительной простотой и отправила мать съ визитами.

Гербертъ пришелъ какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ она ждала, и началъ точь-въ-точь такъ, какъ она думала.

— Я надѣюсь, что ваше рѣшеніе насчетъ спектакля не непоколебимо?

— Мое рѣшеніе? Я тутъ не при чемъ. Мама говоритъ, что весь Уорстонъ, то-есть м-ръ Гартъ, м-съ Доунсъ и миссъ Джаксонъ—скандализированы.

— Домашнимъ спектаклемъ?

— И мною вообще, полагаю. Спектакль—самое послѣднее и худшее изъ моихъ беззаконій.

— Остальныя должны быть ужасны!

— Да... по крайней мѣрѣ для мамыши. Она говоритъ, что это ужасно, когда про дѣвушку такъ много сплетничаютъ.

— Злая старуха и глупыя дѣвицы въ родѣ миссъ Джаксонъ?.. Это навѣрное завистливая старая дѣва...

— Но онѣ—столпы англиканской церкви, и мама не можетъ не вѣрить имъ, когда онѣ зовутъ меня кокеткой и тому подобное. Мнѣ кажется, что въ Уорстонѣ „кокетка“ значитъ дѣвушка, которая не хочетъ выходить замужъ за каждаго мужчину, который ей дѣлаетъ предложеніе.

— А вы, должно быть, многихъ здѣсь оскорбили такимъ образомъ?—замѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Вы бы посмотрѣли сначала на моихъ побѣжденныхъ, прежде чѣмъ поздравлять меня съ побѣдой,—презрительно отвѣтила она.—Увѣряю васъ, что я за ними не гонялась.

— Но помимо воли очаровываете людей,—сказалъ онъ уже серьезно и съ горячимъ взоромъ восторга.

— Ваше мнѣніе очень лестно, но не раздѣляется Уорстономъ.

— Уорстонъ не весь свѣтъ.

— Къ несчастью, это тотъ свѣтъ, въ которомъ я живу.

— И однако, вы не хотите расширить его настолько, чтобы включить даже Мильнторпъ.

— Я!—вскричала она тономъ лестнаго протеста.

— О! я не повѣрю, чтобы ваша матушка была такъ неумолима!

— Дѣло не въ моей только матушкѣ!—отвѣчала она неувѣренно и какъ бы боясь его оскорбить.

— Но и въ моей также?

— Я боюсь, что не правлюсь м-съ Веріентъ. Вы не разсердитесь, что я это говорю?

— Конечно, нѣтъ. Но что заставляетъ васъ такъ думать?— нервно спросилъ онъ.

Она покачала головой.

— Женщины чуютъ расположеніе женщинъ, какъ моряки погоду. Они знаютъ признаки дурной погоды, хотя бы и не могли ихъ описать. Я не по душѣ м-съ Веріенъ, и она не желаетъ, чтобы я участвовала въ вашемъ спектаклѣ.

— Такъ это и есть истинная причина вашего отказа?

— Откровенно говоря— да, въ томъ, что меня касается. Конечно, мама вообще противъ спектакля, но она, какъ вы выразились, не неумолима.

— Но какъ могу я убѣдить васъ, что матушка желаетъ, чтобы вы участвовали въ нашемъ спектаклѣ? Хотите, она придетъ сама васъ просить?

— Нѣтъ, нѣтъ; я и подумать не могу о такой вещи!

— Хотите, она напишетъ въ такомъ случаѣ?

— Зачѣмъ ее беспокоить? Она не хочетъ, чтобы я играла, право, не хочетъ.

— Но если она напишетъ, вы будете играть?

— Пожалуйста, не просите ее объ этомъ! Она найдетъ такую претензію съ моей стороны прямо дерзкой.

— Но вѣдь вы вовсе не выражали такой претензіи, и во всякомъ случаѣ я не скажу ей о вашемъ ложномъ взглядѣ на ея чувства.

Клара покачала головой, какъ бы протестуя противъ слова: „ложный“, но ничего больше не сказала. Она рѣшила, что заставить м-съ Веріенъ просить себя участвовать въ спектаклѣ, такъ какъ понимала, что одного приглашенія со стороны Герберта недостаточно, и теперь дипломатически привела самого Герберта къ тому, что онъ предложилъ добыть ей приглашеніе отъ матери.

Еслибы Гербертъ зналъ, какъ страстно хотѣлось ей участвовать въ репетиціяхъ и въ спектаклѣ, то, вѣроятно, былъ бы польщенъ; между тѣмъ вовсе не онъ привлекалъ ее и занималъ ея мысли. Годфри Кросли былъ идеаломъ всѣхъ ея мечтаній, и она такъ сильно влюбилась въ него,—какъ только была способна. Все, что она слышала про него,—а она старалась разузнавать о немъ все, что можно,—клонилось не къ выгодѣ его. Онъ былъ мотъ и въ сношеніяхъ съ женщинами вполне безсовѣстенъ и даже гордился этой безсовѣстностью. Онъ считалъ женщинъ такою же законной и естественной добычей для своихъ страстей, какъ зайца—для охотничьей собаки. Онъ былъ „великій ловецъ“

и дичью его были женщины. Все это Клара разузнала про него и все это только увеличивало, а не уменьшало его обаяние.

Это необходимо знать, чтобы понять обращеніе Клары съ Гербертомъ въ это свиданіе и во всѣ послѣдующія.

Когда Гербертъ, увлеченный мальчишеской страстью, позволялъ себѣ взгляды или слова, нарушавшіе договоръ его съ матерью, заключенный черезъ посредство викарія, Клара охлаждала его рвеніе съ холоднымъ и спокойнымъ достоинствомъ, чѣмъ, конечно, только сильнѣе подзадоривала его.

„Эта дѣвушка—кокетка!“ думалъ онъ, уходя изъ ея дома: „если такъ, то кокетство значить самоуваженіе и сдержанность, доведенныя до чопорности“.

По возвращеніи домой, онъ сообщилъ матери, что ему не удалось уговорить миссъ Рутвенъ переимѣнить свое рѣшеніе, не потому, чтобы ея совѣсть возставала противъ спектакля, но потому, что она вообразила, что ея участіе нежелательно въ Голтѣ.

— Почему она могла это вообразить? я ничѣмъ не подала ей къ тому повода.

— Вы забываете, мама, что вы были только сухо-вѣжливы съ нею въ концѣ того вечера, когда она обѣдала у насъ.

— Я, конечно, была сердита за вольности, какія она позволила м-ру Кросли.

— Но чтѣ же она могла сдѣлать? Не сцену же въ вашей гостиной, хотя и была очень разсержена.

— Не знаю, почему ты думаешь, что она была разсержена; я...

— Потому что она сама мнѣ въ этомъ призналась!—закричала Гербертъ, съ простительнымъ преувеличеніемъ того, чтѣ онъ вынудилъ Клару сказать по этому поводу.

— Еще бы она созналась тебѣ, что была очень довольна!—отвѣтила мать съ попыткой на иронию, насколько умѣла.

Послѣ этого Гербертъ разсердился и довелъ мать до состоянія рабскаго подчиненія. Она пуще всего боялась, какъ бы онъ тотчасъ же и безповоротно не отдалъ себя во власть этой дѣвушки.

Такимъ образомъ, ему легко было заставить мать написать церемонное письмо, въ которомъ она просила Клару переимѣнить свое рѣшеніе, такъ какъ она не можетъ обойтись безъ ея содѣйствія. Въ постскриптумѣ сообщались день и часъ первой репетиціи.

На это Клара отвѣчала такимъ же церемоннымъ письмомъ, извѣщая, что ей удалось убѣдить мать позволить ей играть и что поэтому она явится на репетицію въ четвергъ, на которую м-съ Веріенъ была такъ добра пригласить ее.

Взамѣнъ этой уступки Гербертъ долженъ былъ общать

предоставить большую и красивую роль въ первой пьесѣ миссъ Дженъ Проссеръ.

— Помилуйте! да она такъ же неспособна играть, какъ деревянная кукла, — вскричалъ онъ въ отчаяніи.

— Почему ты знаешь? ты никогда не видѣлъ, какъ она играетъ.

— Я никогда не видѣлъ, какъ танцуетъ слонъ, но знаю, что онъ не годится въ танцоры.

— Дженъ совсѣмъ не похожа на слона. Она самая приличная дѣвушка и прекрасно танцуетъ... прекрасно. Она ни на одномъ балѣ не засиживается на мѣстѣ.

— Но играть — не то, что танцовать, мама, и я увѣренъ, что миссъ Проссеръ понятія не имѣетъ о томъ, какъ играть.

— Почему ты можешь быть въ этомъ увѣренъ? ты, кажется, считаешь эту дѣвушку за идиотку, а между тѣмъ она самая разумная дѣвушка, какую я только знаю.

— Разумѣется, если вы этого желаете и она также, то пусть беретъ такую роль, какую ей угодно.

Не столько безтактность, сколько пустое упрямство м-съ Веріенъ заставляло ее настаивать на томъ, чтобы поставить миссъ Дженъ Проссеръ въ самое невыгодное для нея положеніе сравнительно съ Кларой Рутвенъ.

Гербертъ съ своей стороны согласился, рассчитывая, что сама деревянная Дженъ признаетъ свою неспособность и откажется отъ роли. Но онъ ошибся въ расчетѣ. Деревянная Дженъ взялась бы командовать британскимъ флотомъ, еслибы англійскій парламентъ хорошенько попросилъ ее принять этотъ постъ. Она питала ту несокрушимую вѣру въ свою непогрѣшимость, какая составляетъ счастливый удѣлъ людей, которые не видятъ дальше своего носа. Не было эксперта, котораго бы она не взялась поучать въ его собственной специальности съ самодовольной увѣренностью, что она пролила новый и блестящій свѣтъ на предметъ, который онъ изучалъ всю жизнь. Дѣло въ томъ, что ограниченность Дженъ, отсутствіе въ ней всякаго воображенія и способности юмора, ея слѣпая недалновидность придавали ей ту безусловную самоуувѣренность, которая является лишь отъ невѣденія собственнаго невѣжества.

Слушать, какъ она поучала пастора — было чистѣйшей забавой, но не особенно оригинальной, такъ какъ каждая женщина знаетъ дѣло клерджимена болѣе или менѣе такъ же хорошо, какъ и онъ самъ. Но она учила также и своего доктора и на-

ставляла адвоката. Она не затруднилась бы учить Герберта, какъ управлять труппой и какъ играть роли въ различныхъ пьесахъ.

Мы должны сказать, что удивительное самодовольство и апломбъ Дженъ происходили частью отъ того, что ее съ дѣтства баловали какъ богатую наслѣдницу.

Не много на свѣтѣ людей, которые были бы такъ разсудительны, чтобы объяснить оказываемое имъ вниманіе какъ слѣдуетъ. Вниманіе, оказываемое богатству, рожденію, уму или красотѣ, никогда не принимается владѣльцами этихъ благъ, какъ исключительная дань этимъ послѣднимъ; но богатые высокорожденные приписываютъ часть уваженія, какимъ ихъ окружаютъ, своему уму, умный человѣкъ—своему общественному положенію или личной привлекательности, а красавица воображаетъ, что ее хвалятъ за то, что она умница.

Поэтому наша самодовольная Дженъ была отнюдь не единственная въ своемъ родѣ, когда принимала почтеніе, оказываемое ей богатству, какъ дань своему уму. Кромѣ того, она несомнѣнно обладала тѣмъ, что дюжинные люди называютъ „здравымъ смысломъ“, то-есть привычкой судить съ самой плоской и прозаической точки зрѣнія о всѣхъ мотивахъ, поступкахъ, событіяхъ, людяхъ и вещахъ. У нея всегда былъ въ карманѣ свернутый аршинъ, который она готова была предложить астроному для измѣренія разстоянія неподвижной звѣзды.

XV.

Появленіе миссъ Дженъ Проссеръ на сценѣ было не менѣе пріятно для Клары, чѣмъ и для м-съ Веріенъ. Дженъ забавляла Клару безмѣрно, но это не главное. Деревянное самодовольство, съ какимъ Дженъ исполняла свою роль такъ же механически, какъ солдатъ на ученьѣ, составляло предметъ истиннаго наслажденія для Клары, но и самая роль Дженъ была какъ нельзя болѣе на руку Кларѣ. М-съ Веріенъ настояла на томъ, чтобы Дженъ сама выбрала себѣ роль, а такъ какъ этой молодой дѣвицѣ очень нравился Гербертъ, то она и выбрала роль, въ которой онъ долженъ былъ объясняться ей въ любви. Такимъ образомъ вышло, что Годфри Кросли долженъ былъ ухаживать за Кларой къ его собственному удовольствію и къ удовольствію самой Клары и м-съ Веріенъ, хотя къ яростной досадѣ Герберта. Какъ бы то ни было, но онъ не смѣлъ при настоящихъ натянутыхъ отношеніяхъ между его матерью, Кларой и имъ са-

мимъ, настаивать на томъ, чтобы играть роль влюбленного въ Клару.

Такое распредѣленіе ролей было столь же неприятно для Герберта, какъ и невыгодно для самой пьесы. „По любви“— была пьеса безъ особенныхъ претензій (извлеченная изъ моднаго въ то время романа), въ которой героиня, богатая невѣста (Джень), мѣняется именами съ бѣдной вузиной (Кларой) съ отчаянія, что иначе на ней женятся не по любви, а изъ-за денегъ. Герберту приходилось такимъ образомъ играть истиннаго влюбленного, стремящагося жениться на Джень, несмотря на ея мнимую бѣдность, между тѣмъ какъ Годфри Кросли ухаживаетъ за Кларой только ради ея предполагаемаго богатства. И такъ же трудно было для Герберта играть съ должнымъ жаромъ свою роль, какъ для Кросли выказывать относительно Клары расчетливую холодность человѣка въ погонѣ за богатой невѣстой.

Какъ бы то ни было, а Годфри Кросли увѣрялъ (наединѣ съ Кларой), что расчетливый искатель приданаго будетъ „черезчуръ нѣженъ“, будетъ выказывать больше жара, чѣмъ будетъ чувствовать его искренній влюбленный,—короче сказать, будетъ естественно тѣмъ экспансивнѣе, чѣмъ бездушнѣе. На что Клара отвѣчала двусмысленно:

— Все это прекрасно въ дѣйствительной жизни, но на сценѣ только введетъ въ заблужденіе публику. М-съ Веріенъ и Марионетка, безъ сомнѣнія, не поймутъ всей тонкости вашей игры.

„Марионетка“ было невѣжливо мъ прозвищемъ величественной Джень.

Тѣмъ не менѣе Годфри, когда за нимъ не наблюдали, вносилъ столько страсти въ свои любовныя объясненія, что совсѣмъ вскружилъ голову Кларѣ. Она была вполнѣ увѣрена, что онъ не замедлитъ сдѣлать ей предложеніе, и изъ всѣхъ силъ старалась ускорить это событіе.

Съ другой стороны Джень, не столько вслѣдствіе любезности Герберта, сколько вслѣдствіе ухаживанья м-съ Веріенъ и глубокаго убѣжденія въ собственныхъ достоинствахъ, была не менѣе увѣрена въ томъ, что Гербертъ предложитъ ей руку и сердце.

Слѣдуетъ помнить, что мы говоримъ о положеніи дѣлъ во время и тотчасъ же вслѣдъ за первой репетиціей. Она оказалась полнымъ фіаско, благодаря самодовольно-невозможной игрѣ Джень. Она исполняла каждую сцену съ военной точностью: аккуратно продѣлывала всѣ требуемые жесты и выговаривала каждое слово съ отчетливостью ребенка, который учится читать. Мило было слышать, какъ она произносила: „Помогите! помогите! Неужели

никто не слышитъ! умереть такой смертью! О, Боже мой!“ — тономъ дьячка, читающаго псалтырь.

Даже м-съ Веріенъ вынуждена была извиниться за нее.

— Она успѣла только выучить свою роль, но не вникнуть въ нее, — говорила она Кросли.

— Однако, она знаетъ ее наизусть, — отвѣчалъ тотъ.

— Да; она всегда добросовѣстно исполняетъ то, за что берется. Она самая разсудительная дѣвушка, какую я только знаю, и наименѣе избалованная, — если принять во вниманіе, что она самая богатая невѣста въ Чокширѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Да; у нея по крайней мѣрѣ 8.000 фунтовъ годового дохода.

М-съ Веріенъ также пожалѣла, что проговорила, какъ шпильникъ, который напелъ гнѣздо и отъ радости проболтался товарищу, а тотъ его и укралъ у него изъ-подъ самаго носа.

И дѣйствительно, сообщеніе это заставило нашего джентльмена задуматься.

Позднѣе, когда всѣ другіе уѣхали или ушли спать, онъ сѣзаль Герберту, когда они сидѣли въ бильярдной и бурили:

— Знаете, такъ совсѣмъ не пойдетъ.

— Чтѣ? — спросилъ Гербертъ коротко.

— „По любви“, при такомъ распредѣленіи ролей. Вы довольно хороши въ роли Джоржа Фримана, но миссъ Рутвенъ должна бы играть Сивиллу. Послѣ Джоржа Фримана это самая важная роль въ пьесѣ, а эта миссъ — какъ ее зовутъ? — такая же актриса, какъ деревянная кукла.

— Матушка настаивала, чтобы ей предоставили выбирать роль, и она выбрала Сивиллу, — отвѣчалъ Гербертъ довольно ласково, послѣ того, какъ увидѣлъ, что Кросли предлагаетъ помѣнять Клару на Дженъ.

— Нельзя ли убѣдить ее помѣниться ролями?

— Брядъ-ли; она слишкомъ довольна собой и своей ролью.

— Въ такомъ случаѣ лучше отказаться совсѣмъ отъ этой пьесы. Она не только сама держится какъ палка, но парализируетъ и другихъ. Попробуйте вальсировать съ дамой на деревянныхъ ногахъ!

— Но чтѣ же я могу сдѣлать? Не могу же я сказать ей, что она палка! Кромѣ того, матушка желаетъ, чтобы у нея была главная роль.

— Еслибы это была одна нервозность...

— Нервозность!—вскричалъ Гербертъ. — Помилуйте, она возьмется за какую-угодно роль.

Помолчавъ немного, Кросли сказалъ:

— Знаете что: убѣдите ее, что миссъ Рутвенъ губить свою роль, и она возьмется за нее, чтобы спасти пьесу.

— О! я не могъ бы сказать такую... неправду, — хотѣлъ было сказать Гербертъ, но поправился: — такую рѣзкость.

— Хорошо; позвольте мнѣ въ такомъ случаѣ попытаться и убѣдить ее.

— Сдѣлайте одолженіе; убѣждайте ее въ чемъ угодно.

И вотъ рѣшено было, что Кросли пріѣдетъ завтра утромъ съ визитомъ и ему доставленъ будетъ случай испытать силу своего краснорѣчія на миссъ Проссеръ. Гербертъ постарался, чтобы его пріятель засталъ ее одну: м-съ Веріенъ была въ Уорстонѣ, а самъ онъ немедленно послѣ пріѣзда Кросли въ Голль извинился, что долженъ идти куда-то по дѣлу.

Кросли спокойно оглядѣлъ величественную Дженъ: высокую, приличную дѣвушку съ правильными чертами лица и холодными стальными глазами, которые были бы красивы, еслибы не ихъ пристальный, безжизненный взглядъ. Кросли рѣшилъ, что если въ нее никакъ нельзя влюбиться, зато жениться можно какъ нельзя лучше. Во многихъ отношеніяхъ даже она была его идеаломъ *châtelaine*, а въ женѣ онъ ничего иного не искалъ, какъ образцовую *châtelaine*. Кромѣ того, онъ былъ бѣдный человѣкъ, промотавъ все свое состояніе въ ранней молодости, а у нея было 8.000 фунтовъ годового дохода. Онъ рѣшилъ попытаться на Дженъ силу своего обаянія надъ женщинами, которое до сихъ поръ оказывалось непреодолимо.

— Какъ вы нашли нашу игру?—спросилъ онъ ее тревожно, точно оракула.

— Я не очень большой судья въ этомъ дѣлѣ, — отвѣчала Дженъ свысока, — но мнѣ кажется, что мы играли такъ, какъ можно было ожидать на первой репетиціи.

— Я радъ это слышать, — отвѣтилъ онъ, точно у него гора свалилась съ плечъ: — я такъ боялся вашей критики.

— Почему?—спросила Дженъ съ крайнимъ самодовольствомъ.

— Мнѣ показалось, судя по вашей классической и строгой игрѣ, что вамъ должна не понравиться наша нѣсколько развязная игра... Я разумѣю себя и миссъ Рутвенъ.

Дженъ успѣла уже возненавидѣть Клару.

— О! миссъ Рутвенъ! я не могу сказать, что восхищаюсь ея манерами.

— Она немного развязна.

— Развязна? Чтожь, можетъ быть, это сценическое слово для такой игры. Я бы назвала ее нахальной и... Но вы ее поклонникъ?—сдержала она себя.

— Ея красоты, безъ сомнѣнїя. Она очень хорошенькая, но ея манерамъ, какъ вы справедливо замѣтили, недостаетъ спокойствїя и утонченности.

— Она хороша въ своемъ родѣ,—отвѣчала Дженъ тономъ, изъ котораго можно было заключить, что она разумѣетъ очень невысокій родъ красоты.—Но она не изящна и не можетъ даже представить изящную женщину.

— Вы видите, что я былъ правъ, опасаясь вашей критики,—сказалъ онъ съ одной изъ своихъ обольстительныхъ улыбокъ.—Когда я увидѣлъ, какъ вы играете, я сейчасъ понялъ, какъ вы должны посмотрѣть на мою игру.

— На вашу? я нашла ее очень хорошей, увѣряю васъ. Я говорила только про миссъ Рутвенъ.

Онъ покачалъ головой.

— Человѣку приходится сообразоваться съ игрой своего партнера. Миссъ Рутвенъ задавала тонъ, и мнѣ оставалось только придерживаться его; поэтому, если вы критикуете игру миссъ Рутвенъ (и вполне основательно, долженъ допустить), то критикуете и мою игру. Но, право, я самъ такъ сознавалъ свои ошибки, что просилъ вчера вечеромъ м-ра Верїена о перемѣнѣ ролей!

— О перемѣнѣ ролей?

— Я просилъ его позволить мнѣ играть съ вами, вмѣсто миссъ Рутвенъ. Онъ таковой превосходный актеръ, что не нуждается въ поддержкѣ партнера, какъ я; онъ по всей вѣроятности заставитъ миссъ Рутвенъ умѣрить свою игру сообразно съ его игрой.

— Вы хотите взять его роль на себя? —спросила Дженъ, подозрѣвая, что это не что иное съ его стороны, какъ лестный способъ присвоить себѣ главную роль.

— Разумѣется, нѣтъ; я бы съ ней не справился. Но я чувствую, что еслибы вы играли роль миссъ Рутвенъ, вы бы руководили мной, какъ Верїенъ—миссъ Рутвенъ.

— Онъ самъ желаетъ этой перемѣны?—поспѣшно спросила Дженъ, пропуская мимо ушей комплиментъ.

— Я желаю этого; но онъ, боюсь, не такъ безворыстенъ,—отвѣчалъ Кросли съ улыбкой.

— Конечно, если онъ этого желаетъ, то я могу взять другую роль, —настаивала она, подозрѣвая, что Гербертъ, восхи-

щеніе котораго Кларой не ускользнуло отъ ея ревниваго вниманія, уговорилъ Кросли согласиться на такую перемѣну.

— Но увѣряю же васъ, что это моя исключительно мысль: онъ не хотѣлъ даже и говорить о ней. Мнѣ самому жаль теперь, что я объ этомъ заговорилъ, такъ какъ я вижу, что вы думаете, что я сдѣлалъ это только ради собственной выгоды. Вѣдь вы такъ думаете, не правда ли?

— Я вполне понимаю, что вамъ хочется отдѣлаться отъ миссъ Рутвенъ.

— Не это или, по крайней мѣрѣ, не одно это соображеніе побуждаетъ меня. Въ сущности, я восхищаюсь миссъ Рутвенъ вообще, но мнѣ хотѣлось только имѣть счастье играть съ вами, — проговорилъ онъ робко, какъ бы боясь оскорбить: — и кромѣ того, — поспѣшилъ онъ прибавить, какъ будто все подъ влияніемъ той же боязни, — и кромѣ того я въ самомъ дѣлѣ думаю, что пьеса отъ того выиграетъ.

Лестъ такого человѣка и въ такой почтительной формѣ была чрезвычайно пріятна для Дженъ и утѣшила ее въ ледяной вѣжливости Герберта.

— Я боюсь, что перемѣна ролей покажется оскорбительной для миссъ Рутвенъ?

— Миссъ Рутвенъ! такая перемѣна ее, конечно, не оскорбитъ. Затруднительно только будетъ получить согласіе м-съ Веріенъ.

— Я думаю, что лучше оставить все какъ есть, — проговорила Дженъ съ необыкновенной неувѣренностью для такой рѣшительной особы.

Кросли не сталъ настаивать. Онъ видѣлъ, что она подозрѣваетъ участіе Герберта въ планѣ помѣняться ролями, и нашелъ, что слѣдуетъ во что бы то ни стало разубѣдить ее въ томъ. Еслибы онъ могъ увѣрить ее, что предложеніе идетъ отъ него исключительно и только изъ личныхъ интересовъ, то это возвысило бы его въ ея мнѣніи и, слѣдовательно, проложило бы дорогу къ ея сердцу.

Съ другой стороны, Дженъ не трудно было убѣдить въ этомъ, потому что она находила вполне естественнымъ, что м-ръ Кросли предпочитаетъ *леди*, а ея идеалъ леди была механическая кукла.

— Вѣроятно, вы правы, — отвѣтилъ онъ ей съ покорностью: — оставимъ все какъ есть. Я боюсь, что вы сочтете меня большимъ эгоистомъ и Веріена тоже, еслибы вы согласились на перемѣну, а потому я покоряюсь своей судьбѣ.

Послѣ того онъ сталъ съ необыкновенно серьезной миной

спрашивать ее совѣта о томъ, какъ играть, а Дженъ, всесвѣтная совѣтчица по всевозможнымъ вопросамъ, — давала эти совѣты такъ рѣшительно и развязно, что онъ увидѣлъ, что затронулъ ее слабую струну. Отъ совѣтовъ легко было перейти къ просьбѣ прослушать роль, и когда Гербертъ вернулся, то засталъ Кросли пламенно объясняющимся въ любви Дженъ, которая давала реплики (по книгѣ) съ видомъ милостивой учительницы, выслушивающей урокъ ребенка.

— Я боюсь, что я лишній, — сказалъ онъ, смѣясь, и его слова вызвали слабый румянецъ на щекахъ Дженъ, доказавшій, что она испытывала болѣе сильное удовольствіе, чѣмъ учительница, проходящая урокъ съ способнымъ ученикомъ.

Позднѣе, когда Гербертъ изъ разговоровъ съ Кросли убѣдился, что тотъ не прочь посвататься за богатую невѣсту, онъ сталъ на всѣ лады и очень тонко поощрять его ухаживанье, доставляя поминутно ему случаи быть наединѣ съ Дженъ, въ великому неудовольствію и тревогѣ м-съ Веріенъ.

Гербертъ рассчитывалъ, что, сосватавъ Кросли и Дженъ Просеръ, онъ удалитъ одно изъ серьезнѣйшихъ препятствій къ согласію матери на его бракъ съ Кларой. Поэтому онъ занялся этимъ сватовствомъ съ ревностью записной свахи и съ немалымъ тактомъ и ловкостью. Онъ пригласилъ Кросли въ гости въ замокъ на нѣсколько дней, и такимъ образомъ тотъ могъ изощряться въ обольщеніи Дженъ въ такую минуту, когда она была всего доступнѣе ему, такъ какъ страдала отъ ледяного и почти презрительнаго равнодушія Герберта. Кромѣ обычной баттарей обольщеній, Кросли съ успѣхомъ пустилъ въ ходъ новое оружіе. Онъ усаживался у ногъ Дженъ и спрашивалъ ее совѣта обо всѣхъ рѣшительно предметахъ въ мірѣ.

Очаровательно было слышать сужденія энциклопедической Дженъ, изрекаемыя какъ оракулъ и съ видомъ жрицы Дидоны.

— Что, вы считаете куреніе табака вреднымъ? — спрашивалъ Кросли съ любознательно серьезнымъ лицомъ.

— Чрезмѣрное куреніе, безъ сомнѣнія, вредно, — отвѣчала Дженъ рѣшительно.

— Но умѣренное?

— Это зависитъ отъ того, вредитъ оно человѣку или нѣтъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, — задумчиво замѣчалъ Кросли, какъ будто его поразила оригинальность мысли, что куреніе табаку вредитъ, когда оно вредно.

Еще рѣшительнѣе и поучительнѣе были взгляды Дженъ на высшіе вопросы религіи и политики, насчетъ которыхъ м-ръ

Кросли, несомнѣнно нуждаясь въ принципахъ, какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ, совѣщался съ нею.

Что касается религіи, то, разумѣется, каждый долженъ былъ принадлежать къ англиканской церкви—это аксіома, не нуждающаяся въ аргументахъ. И изъ среды англиканскаго духовенства только тѣ заслуживали вниманія, которые проповѣдовали слово Божіе, а послѣднее было, повидимому, только то, во что вѣрила сама Дженъ. Такимъ образомъ, англиканская церковь въ ея простѣйшемъ выраженіи была сама Дженъ.

Я не совсѣмъ увѣренъ въ томъ, что и государство не было тоже—сама Дженъ, потому что ея политика состояла въ томъ, что чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе патріотъ, а наилучшіе патріоты, конечно, наилучшимъ образомъ управятся со страной; а потому править страной должны богатые люди, у которыхъ 8.000 тысячъ фунтовъ стерлинговъ дохода и болѣе того. Это тоже были аксіомы, не требовавшія аргументаціи.

Изъ любознательности, Кросли спросилъ ея мнѣніе о другомъ великомъ вопросѣ, волнующемъ планету: можетъ ли человѣкъ жениться на сестрѣ покойной жены?

Но такъ какъ у Дженъ не было сестры, то вопросъ этотъ выходилъ за предѣлы практической политики; чистыми же умозрѣніями Дженъ нисколько не интересовалась.

Кросли устроилъ, чтобы одна изъ репетицій происходила въ его собственномъ помѣстьѣ Силькотъсъ, куда м-съ Веріенъ съ своими гостями и вся труппа любителей приглашены были не только къ завтраку, но и къ обѣду.

Въ Силькотъсѣ Дженъ могла выказать всеобщность своего великаго ума, такъ какъ оказалась такимъ же компетентнымъ судьей въ дѣлѣ ковровъ и мебели, какъ и въ высшихъ вопросахъ политики и религіи.

Еслибы они были женихъ и невѣста, то Кросли не могъ съ большимъ рвеніемъ освѣдомляться о томъ, одобряетъ ли она убранство и распредѣленіе комнатъ въ его домѣ и не посовѣтуетъ ли какихъ перемѣнъ.

На всѣ такіе вопросы премудрая Дженъ давала замѣчательно быстрые и рѣшительные отвѣты; ей это было не трудно, такъ какъ стоило только припомнить, какая мебель стояла въ Актонъ-кортъ, ея собственномъ помѣстьѣ, и она могла безошибочно рѣшить о томъ, какой видъ должны имѣть комнаты во всякомъ домѣ въ Англии, претендующемъ на респектабельность; со стороны Дженъ это было скромно, такъ какъ Актонъ-кортъ выстроенъ былъ нѣсколько столѣтій тому назадъ и отдѣланъ и меблированъ

ея правдомъ, такъ что ни расположеніе, ни убранство комнатъ не принадлежали ей.

Въ общемъ, какъ бы то ни было, Годфри Кросли удивительно искусно и успѣшно велъ свою игру, такъ что послѣ недѣльнаго знакомства съ нимъ разсудительная и осторожная Дженъ считала его самымъ пріятнымъ и благонамѣреннымъ человѣкомъ, какого когда-либо встрѣчала.

Что касается его привлекательной наружности и обаятельныхъ манеръ, то хотя это были пустяки въ сравненіи съ его здравымъ смысломъ и принципами и не должны были бы имѣть никакого значенія для разумной дѣвушки, но тѣмъ не менѣе даже на разумную Дженъ они вліяли вдвое сильнѣе, чѣмъ его здравый смыслъ и принципы, вмѣстѣ взятые.

А. Э.

БИСМАРКЪ

и

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМЪ

— Bismarck and State Socialism. An Exposition of the social and economic Legislation of Germany since 1870, by William Harbutt Dawson. London. 1890.

Трудно указать болѣе своевременно появившуюся книгу, какъ настоящее сочиненіе Вилльяма Даусона о бывшемъ канцлерѣ германской имперіи и его экономической политикѣ, извѣстной подъ именемъ системы или скорѣе направленія (*Richtung*) государственнаго социализма. Послѣ безъ малаго тридцати лѣтъ прусскаго министерства и двадцати—германскаго канцлерства, въ теченіе котораго кн. Бисмаркъ игралъ такую выдающуюся роль въ судьбахъ цѣлой Европы, онъ, наконецъ, сошелъ повидимому съ политической арены и превратился въ мирнаго вардинскаго помѣщика, сановника „не у дѣлъ“, проживающаго на покоѣ въ своемъ имѣніи. Но многія великія законодательныя реформы, которыя онъ задумалъ во внутренней жизни своей страны и спеціально въ рабочемъ законодательствѣ, остались недовершенными, неоконченными; Бисмаркъ лишь положилъ имъ начало, далъ ходъ, а затѣмъ молодой императоръ взялъ это важное дѣло въ свои собственныя руки, и одно лишь будущее покажетъ, чтѣ изъ этого получится въ конечномъ результатѣ. Такимъ образомъ, необходимо подвести итоги социальной политики Бисмарка, всему, чтѣ онъ успѣлъ въ ней сдѣлать въ теченіе жизни, и именно разрѣшеніе этой задачи и взялъ на себя англійскій писатель.

Вильямъ Даусонъ принадлежитъ къ той обширной категоріи молодыхъ англійскихъ и американскихъ ученыхъ, которые въ послѣдніе два десятка лѣтъ наполняютъ аудиторіи нѣмецкихъ университетовъ и усердно работаютъ въ семинаріумахъ А. Вагнера, Шмоллера, Конрада и другихъ корифеевъ современной науки. Почти всѣ эти представители молодого поколѣнія въ Англии отличаются большою, сравнительно съ прежнимъ, ученостью и начитанностью, особенно же знакомствомъ съ иностранной литературой; но въ то же самое время они повидимому остаются подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ нѣмецкихъ руководителей и, можетъ быть, поэтому отличаются меньшею оригинальностью мысли, чѣмъ поколѣніе, давшее міру Д. С. Милля, Спенсера, Бокля, Карнеа и многихъ другихъ. Имя Даусона уже извѣстно въ экономической литературѣ, благодаря труду, изданному имъ два года назадъ по исторіи нѣмецкаго социализма вообще и спеціально по ученію Лассалля ¹⁾. Настоящее изслѣдованіе должно представлять собою собственно какъ бы продолженіе этой прежней книги: авторъ излагаетъ начала государственнаго социализма и даетъ описаніе законодательной дѣятельности его важнѣйшаго дѣятеля и представителя, князя Бисмарка, съ 1870 года по 1889, отъ объединенія Германіи и до выхода канцлера въ отставку.

Такъ какъ важнѣйшимъ представителемъ и комментаторомъ теоріи государственнаго социализма въ Германіи является берлинскій профессоръ Адольфъ Вагнеръ, то Даусонъ и посвящаетъ первую главу почти всецѣло ознакомленію съ его социальными воззрѣніями, лишь изрѣдка дополняя ихъ объясненіями, взятыми у профессора Шмоллера; затѣмъ авторъ уже прямо переходитъ въ исторіи ранней экономической политики Пруссіи, социальнымъ принципамъ самого Бисмарка и изложенію его разносторонней дѣятельности въ области экономической политики. Такимъ образомъ, если послѣдній можетъ считаться практическимъ осуществителемъ, проводникомъ въ жизнь, путемъ законодательства, государственнаго социализма, то его выразителемъ и толкователемъ является у Даусона проф. Вагнеръ, по указаніямъ и планамъ котораго Бисмаркъ и дѣйствовалъ въ своей социальной политикѣ. Правда, Даусонъ нигдѣ прямо и открыто не высказываетъ этой мысли, но содержаніе первой главы, вмѣстѣ взятое, и важность, которую англійскій ученый приписываетъ воззрѣніямъ и вліяніямъ того или иного германскаго профессора на Бисмарка, невольно

¹⁾ German Socialism and Ferdinand Lassalle: A Biographical History of German Socialistic Movements during this Century.

приводятъ къ такому заключенію всякаго читателя. Нѣтъ сомнѣнія, что Бисмаркъ могъ заимствовать тотъ или иной планъ или мысль у проф. Вагнера или Лассала, съ которымъ онъ былъ знакомъ давно и къ которому относился съ уваженіемъ; но общій планъ и характеръ его политики, конечно, являются уже продуктомъ всѣхъ обстоятельствъ даннаго, какъ и предшествовавшаго времени и его собственнаго ума и административныхъ талантовъ. Насколько „теорія государственнаго социализма“, какъ она является въ сочиненіяхъ А. Вагнера и Шмоллера, не совпадаетъ зачастую и во многихъ отношеніяхъ съ „практикой государственнаго социализма“, какъ она выразилась въ мѣропріятіяхъ кн. Бисмарка, для этого представляетъ достаточно матеріала и самъ Даусонъ. Научныя теоріи, какъ и ихъ авторы, служили въ рукахъ германскаго канцлера весьма часто лишь орудіемъ политики, а не источникомъ ея, и онъ ими пользовался ровно въ той степени, въ какой, по его соображеніямъ, это было необходимо для достиженія поставленныхъ имъ цѣлей.

Существуютъ, говоритъ Даусонъ, двѣ экономическія и философскія системы, съ которыми возможно сопоставить государственный социализмъ: въ то время, какъ *индивидуализмъ* ограничиваетъ дѣятельность государства, насколько возможно, тѣснѣе и уже, *социализмъ* увеличиваетъ, расширяетъ ее; индивидуалисты желали бы вовсе не прибѣгать къ помощи государства, социалисты, наоборотъ — все черезъ государство или черезъ его посредство. Государственный же социализмъ занимаетъ средину между этими двумя направленіями мысли: въ немъ двѣ крайности сходятся. Онъ беретъ отъ индивидуализма сколько это нужно для культуры индивидуальности, и отъ социализма — сколько требуется, чтобы дать человечеству благоприятные шансы для развитія; но послѣдній стремится разрушить или, по крайней мѣрѣ, совершенно передѣлать государство, между тѣмъ какъ государственный социализмъ беретъ его политическія формы такъ, какъ онѣ существуютъ, употребляя государство для достиженія великихъ экономическихъ и социальныхъ цѣлей и считая, вслѣдъ за Фридрихомъ Великимъ, главной обязанностью государства „поддерживать равновѣсіе“ между классами и партіями.

Въ то же самое время, отъ индивидуализма государственный социализмъ отличается своей исходной точкой, которая заключается въ принципѣ „величайшаго счастья для величайшаго числа людей“; почему эта система, обратно съ индивидуализмомъ, и стремится всячески ограничить господство эгоизма въ экономической сферѣ, всюду выдвигая благополучіе общества впереди инди-

видуальнаго: ея идеализмъ являетъ скорѣе *экстенсивное*, нежели *интенсивное* матеріальное преуспѣяніе. Поэтому задачами будущаго, выражаясь словами профессора Шмоллера, служатъ „возстановленіе дружественныхъ отношеній между социальными классами, совершенное устраненіе или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе существующихъ несправедливостей, возможное приближеніе къ принципу правильнаго распредѣленія всѣхъ благъ путемъ введенія социальнаго законодательства, которое поощряло бы прогрессъ и гарантировало моральное и матеріальное возвышеніе низшихъ и среднихъ классовъ“¹⁾.

Изъ этихъ задачъ именно и проистекаетъ соотвѣтствующее отношеніе государства къ его членамъ: принципъ невмѣшательства совершенно покидается, но въ то же самое время оставлено поле и для самостоятельности; единственное руководящее начало заключается въ томъ, что слабый въ экономической борьбѣ нуждается въ специальной заботѣ со стороны государства. Самопомощь для этого недостаточна, и рабочіе, составляющіе массу народа, такимъ образомъ, не могутъ собственными силами вырваться изъ нужды и зависимости. Поэтому государство не только должно поощрять образованіе между ними союзовъ (*trades unions*) и развитіе ассоціацій, но и прямо содѣйствовать поднятію ихъ благосостоянія самими разнообразными мѣрами. Единственная цѣль ихъ „дать рабочимъ классамъ лучшую долю въ выгодахъ и благодѣяніяхъ цивилизаціи, которая и является, главнымъ образомъ, результатомъ ихъ труда“. Но, стремясь къ этому вмѣстѣ съ другими социалистами, государственный социализмъ, напр. въ лицѣ проф. А. Вагнера, отнюдь не мечтаетъ уничтожить всѣ социальныя неравенства, а лишь уменьшить ихъ. Такъ, онъ считаетъ необходимымъ сократить число часовъ работы для всѣхъ видовъ труда, уничтожить воскресную работу и въ то же самое время увеличить (а не уничтожить) заработную плату, чтобы поднять общую матеріальную обстановку жизни рабочаго (*standard of life*). Рядомъ съ законодательными постановленіями по этой части должна быть специальная организація такъ-называемыхъ примирительныхъ камеръ и рабочихъ палатъ и устройство строгаго надзора надъ всѣми условіями труда, которыя, какъ съ санитарной, такъ и съ моральной точекъ зрѣнія, должны быть таковы, чтобы одинаково охранять душу и тѣло отъ вредныхъ вліяній. Сюда относится заключеніе лишь „справедливыхъ“ договоровъ найма и вознагражденія, содѣйствіе принципамъ товарище-

¹⁾ Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft. 1875, стр. 92.

ства, образованію артелей и устройству общедоступнаго государственнаго кредита, и вообще всѣ способы къ возможному освобожденію рабочаго изъ-подъ власти капиталиста.

Наконецъ, въ отношеніи организаціи налоговъ ученіе государственнаго социализма, — какъ оно, по изложенію Даусона, представляется Вагнеромъ, — ставитъ задачей государства возможное облегченіе рабочихъ классовъ отъ всякой излишней податной тягости. Такъ, въ косвенныхъ налогахъ всѣ предметы общаго, распространенаго потребленія должны быть обложены крайне умѣренно; наоборотъ, предметы прихоти или роскоши — высоко. Что касается до прямыхъ налоговъ, то доходъ работника долженъ быть по возможности совершенно изъять отъ нихъ, а классы зажиточные — платить пропорціонально больше. Мало того: рекомендуется устройство прогрессивныхъ прямыхъ налоговъ и широкое право государства на высокое обложеніе наслѣдствъ: относительно дальнихъ родственниковъ Вагнеръ считаетъ государство даже въ правѣ, если нѣтъ завѣщаній, объявлять наслѣдство выморочнымъ и отбирать въ свою пользу. Наконецъ, всякія биржевыя и спекулятивныя сдѣлки могутъ подлежать самому высокому обложенію.

Обширная область частной и государственной собственности, по ученію государственнаго социализма, также подлежитъ, согласно объясненіямъ Вагнера и Даусона, значительнымъ измѣненіямъ и модификаціямъ. Такъ какъ земельная собственность по самымъ свойствамъ своимъ имѣетъ монополичный характеръ и произвольному увеличенію не подлежитъ, то за ней отнюдь и нельзя признать абсолютнаго права: индивидуальныя интересы здѣсь должны быть строго подчинены социальнымъ во всѣхъ экономическихъ и юридическихъ учрежденіяхъ, касающихся земли. Рядомъ съ частной (мелкой) собственностью является желательной государственная и коллективная; тенденція сосредоточенія земли въ немногихъ рукахъ встрѣчаетъ со стороны государства рѣшительное противодѣйствіе; напротивъ, государственная, какъ и коллективная собственность и дѣятельность растутъ и расширяются, захватывая въ свое вѣденіе все новыя области. Множество разныхъ промысловъ постепенно переходятъ изъ сферы частной дѣятельности въ руки государства и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ исключительное пользованіе его, т.-е. становятся монополиями. Въ то же самое время, въ противоположность системъ обыкновеннаго социализма, государственный социализмъ представляетъ собою протестъ націонализма противъ космополитизма. Первая обязанность государства заботиться о преуспѣяніи своей націи, своего народа, а не человѣчества вообще.

Такова въ краткихъ чертахъ сущность ученія или направленія въ экономической политикѣ, извѣстнаго подъ именемъ государственнаго социализма и съ изложенія котораго Даусонъ начинаетъ свою книгу о Бисмаркѣ. Что же сдѣлалъ въ этой области бывшій германскій канцлеръ и насколько въ дѣйствительности его „практическій“ государственный социализмъ совпадаетъ съ описаннымъ „теоретическимъ“, какъ онъ излагается германскими профессорами Вагнеромъ и Шмоллеромъ.

Область социальной политики, въ которой могла выразиться дѣятельность кв. Бисмарка, Даусонъ подраздѣляетъ на слѣдующія пять рубрикъ различной важности:

1) Фабричное и вообще рабочее законодательство. Сюда относятся: а) законодательное опредѣленіе времени (часовъ) работы; б) условій работы; в) специальные законы, относящіеся къ женщинамъ и дѣтямъ; г) страхованіе рабочихъ.

2) Покровительственная (таможенная) система національнаго производства.

3) Организація налоговъ.

4) Поощреніе и система колониальной политики.

5) Государственные предприятия и монополіи.

Первая и важнѣйшая часть социальной политики германскаго канцлера—рабочее законодательство,—какъ извѣстно, связываетъ имя Бисмарка съ именемъ Лассаля, хотя собственно все сдѣланное имъ по этой части въ законодательствѣ страны относится къ послѣднему десятилѣтію, вслѣдъ за рѣшительнымъ закономъ 1878 г., направленнымъ противъ тѣхъ же социалистовъ и, стало быть, послѣдователей того же самаго Лассаля. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ Бисмаркъ (сообщаетъ Даусонъ), послѣ посѣщенія Англїи, находился подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія, оказаннаго на него успѣхомъ въ этой странѣ кооперативнаго движенія; въ это же самое время, какъ самъ Бисмаркъ передавалъ въ рейхстагъ, онъ познакомился и имѣлъ неоднократно свиданія и совѣщанія съ Фердинандомъ Лассалемъ, который агитировалъ въ Пруссїи, стремясь основать „Всеобщій союзъ германскихъ рабочихъ“, и тѣмъ какъ бы предвосхищаль у Бисмарка идею необходимаго объединенія Германіи. Тѣмъ не менѣе, къ этой ранней эпохѣ относятся лишь нѣкоторыя мелкія мѣры Бисмарка въ родѣ выдачи въ 1865 году казенной субсидїи силезскимъ ткачамъ на основаніе ассоціаціи и его громкая рѣчь въ защиту этого дѣла въ прусскомъ парламентѣ: „Я спрашиваю васъ,—говорилъ онъ между прочимъ, обращаясь къ противникамъ:—какое право я имѣю заграждать этимъ людямъ (силезскимъ тка-

чамъ) доступъ въ трону? Пруссіе короли никогда не были по преимуществу королями богатыхъ. Фридрихъ Великій, будучи наследнымъ принцемъ, любилъ говорить: „Quand je serai roi, je serai un roi des gueux“. Онъ желалъ быть всегда покровителемъ и защитникомъ бѣдныхъ, и этотъ принципъ перешелъ и къ послѣдующимъ нашимъ королямъ. Къ ихъ трону свободенъ доступъ каждому несчастному, и каждый будетъ выслушанъ“...

Прошло, однако, не менѣе семнадцати лѣтъ со времени произнесенной Бисмаркомъ этой извѣстной рѣчи, прежде чѣмъ онъ приступилъ къ какому-либо серьезному мѣрамъ на пользу рабочихъ классовъ, и притомъ до извѣстной степени вынужденнымъ; проводя въ 1878 году репрессивный законъ противъ социалистовъ, онъ обѣщавъ взять попеченіе о нуждахъ рабочихъ въ руки государства и специально позаботиться объ ихъ удовлетвореніи. Нельзя было долѣе ограничиваться одними карательными и полицейскими мѣрами и необходимо было вспомнить объ исполненіи обѣщаннаго. Такимъ образомъ явились съ 1883 года, одинъ за другимъ, три знаменитыхъ закона о страхованіи рабочихъ. Первымъ по времени прошелъ въ рейхстагъ (въ 1883 году) законъ обязательнаго страхованія отъ болѣзней: онъ заключается въ томъ, что каждый рабочій страхуется на случай болѣзни въ одной изъ многочисленныхъ мѣстныхъ, цеховыхъ или фабричныхъ кассъ для больныхъ (Krankenkasse) и получаетъ въ теченіе 13 недѣль болѣзни денежное пособіе и медицинскую помощь. Но онъ дѣлаетъ въ настоящее время принудительно и подъ контролемъ государства то, что прежде дѣлало добровольно и безъ вмѣшательства его. Такимъ образомъ, собственно не Бисмаркъ или ученіе государственнаго социализма выдумали этотъ видъ страхованія рабочихъ; онъ лишь утвердилъ, нѣсколько расширилъ и взялъ въ руки государства заранѣе и самобытно развившееся учрежденіе (Krankenkassen).

Болѣе оригинальнымъ является второй страховой законъ—отъ несчастныхъ случаевъ, прошедшій въ рейхстагъ въ 1884 году, но вступившій въ дѣйствіе лишь въ слѣдующемъ году и затѣмъ постепенно распространенный теперь почти на всѣхъ рабочихъ Германіи. Изъ всѣхъ мѣропріятій этого рода кн. Бисмаркъ законъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ былъ первымъ, который возложилъ на хозяевъ и предпринимателей серьезную тягость, такъ какъ они обязаны были страховать своихъ рабочихъ *всечью* на свой собственный счетъ, тогда какъ при страхованіи отъ болѣзни они платятъ лишь $\frac{1}{3}$ страховой суммы, двѣ же трети несутся самими застрахованными. Кромѣ того, законъ 1884 года

замѣчателенъ и тѣмъ, что здѣсь впервые правительство вынуждено было завести особое новое учрежденіе (Reichsversicherungsamt) для завѣдыванія этимъ видомъ имперскаго страхованія.

Третій и, можетъ быть, важнѣйшій законъ о страхованіи рабочихъ, „на случай старости и неспособности къ труду“, прошелъ всего лишь въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года (1889). Два предшествовавшіе закона, какъ было упомянуто, имѣли свой корень въ уже существовавшихъ учрежденіяхъ и въ недостаткѣ законодательныхъ постановленій по этому предмету; но новѣйшій законъ 1889 г. не имѣлъ прецедента на практикѣ, хотя проекты, можетъ быть, раньше и встрѣчались. Такимъ образомъ честь инициативы на этотъ разъ всецѣло принадлежитъ вн. Бисмарку и составляетъ едва-ли не главнѣйшую его заслугу передъ своей страной въ области соціальной политики. Какъ указываетъ уже самое названіе, законъ 1889 г. имѣетъ въ виду обезпечить работника въ его преклонномъ возрастѣ (старше 70 лѣтъ) или преждевременной дряхлости и непригодности къ работѣ (во всякомъ возрастѣ) путемъ выдачи ему или членамъ его семьи пожизненной пенсіи. Въ то время, какъ въ первыхъ двухъ видахъ страхованія необходимы для того средства получаютъ или отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ—хозяевъ и рабочихъ, или одной стороны—хозяевъ,— въ страхованіи по закону 1889 г., на случай старости и неспособности къ заработку, нужныя для того суммы получаютъ одинаково какъ отъ хозяевъ и рабочихъ, такъ и въ видѣ помощи отъ самого государства; хозяева и рабочіе платятъ поровну, а правительство гарантируетъ ежегодную субсидію въ 50 марокъ на человѣка.

За этими дѣйствительно крупными приобрѣтеніями, германское законодательство по рабочему вопросу не получило отъ Бисмарка почти ничего новаго, а во многихъ случаяхъ, когда весьма полезныя мѣропріятія проектировались членами рейхстага, онѣ встрѣчались съ его стороны прямое противодѣйствіе, чего не скрываетъ и Даусонъ, несмотря на все свое пристрастіе къ личности и дѣятельности „железнаго канцлера“. Такъ, германское фабричное законодательство не только до сихъ поръ весьма неполно и несовершенно, но, какъ замѣчаетъ Даусонъ, по его личнымъ наблюденіямъ, даже и существующія уже въ Германіи законоположенія по этой части мало соблюдаются: такъ, воскресная работа номинально воспрещена, но на дѣлѣ очень часто и повсемѣстно производится и т. д. Важнѣйшій вопросъ въ этомъ отдѣлѣ соціального законодательства есть, безъ сомнѣнія, регулированіе времени труда и между прочимъ установленіе такъ-называемаго „нормаль-

наго рабочаго дня“; Бисмаркъ былъ *всегда* рѣшительнымъ противникомъ этой мѣры и, несмотря на то, что она вносилась въ рейхстагъ нѣсколько разъ не только социаль-демократами, но консерваторами и католиками, канцлеръ, измѣняя навязываемымъ ему принципамъ государственнаго социализма, постоянно повторялъ по этому поводу старые доводы въ пользу невмѣшательства, имъ же рѣзко осуждаемаго, когда проектъ вносился въ парламентъ не частнымъ лицомъ, а самимъ правительствомъ.

Къ регулированію женскаго и дѣтскаго труда, замѣчаетъ Даусонъ, Бисмаркъ всегда относился нейтрально и сочувствовалъ подобнымъ вопросамъ лишь теоретически, а не на дѣлѣ, и потому всѣ предложенія въ рейхстагъ въ этихъ видахъ (напр. въ 1887 г.) или терпѣли крушеніе, или откладывались въ долгій ящикъ. Совершенно также бывшій канцлеръ относился и къ воспрепятствованію воскресной работы: онъ неоднократно выражался за „свободное воскресенье“, но когда толки доходили до дѣла въ формѣ законодательнаго проекта, то Бисмаркъ немедленно отступалъ, „отказывался отъ инициативы“, „высказывалъ сомнѣнія“, а наконецъ прямо заявлялъ свои опасенія передъ подобной мѣрой (т.-е. фактическимъ прекращеніемъ воскреснаго труда). „Какъ бы не убить ту курицу, которая несетъ для рабочаго золотыя яйца“. Такое убѣжденіе онъ высказывалъ еще наканунѣ своей отставки.

Что касается до прочихъ частей промышленнаго законодательства Германіи, то оно ограничилось, при Бисмаркѣ, или нѣкоторыми нерѣшительными шагами въ пользу возвращенія къ старой цеховой системѣ, или же фактической отмѣной одного закона, пока еще не замѣненнаго другимъ, или такъ-называемыми временными репрессивными мѣрами. Такъ, право коалиціи рабочихъ съ цѣлью повышенія платы, и пр., признаваемое и допускаемое германскимъ промышленнымъ закономъ фактически, какъ заявляетъ Даусонъ на основаніи собственныхъ наблюденій, было отмѣнено закономъ 1878 года противъ социалистовъ. То же самое слѣдуетъ сказать о правѣ производства того или иного промысла, передвиженія и мѣстожителства рабочаго, свободныхъ по основнымъ законамъ государства и уничтоженныхъ этой послѣдней мѣрой.

Если Бисмаркъ далеко не всегда слѣдовалъ принципамъ государственнаго социализма въ сферѣ фабричнаго и рабочаго законодательства, то онъ еще болѣе удалялся отъ нихъ въ своей таможенной политикѣ. Какъ извѣстно, германская имперія съ самаго своего объединенія, т.-е. съ 1870 г., продолжала держаться въ отношеніи своей ввозной торговли тѣхъ же началъ свободной торговли, которыя были приняты за руководство таможеннымъ

союзомъ еще въ 1865 году. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, однако, наступила реакція во всей ея внутренней политикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали раздаваться и голоса протекціонистовъ, особенно между землевладѣльцами. Это настроеніе между прочимъ рѣзко выразилось въ 1878 году на съѣздѣ въ Гейдельбергѣ министровъ финансовъ различныхъ германскихъ государствъ съ цѣлью рассмотреть мѣры къ увеличенію имперскихъ доходовъ отъ таможенныхъ пошлинъ. Кн. Бисмаркъ, — какъ выражается Даусонъ, — „увидѣвъ, откуда дуетъ вѣтеръ, рѣшилъ перемѣнить политику въ смыслѣ протекціонизма“. Начались соотвѣтствующія предложенія и рѣчи въ рейхстагѣ и поворотъ мнѣній и агитація въ прессѣ; сначала это измѣненіе въ таможенной политикѣ и воззрѣнія канцлера высказывались скромно и нерѣшительно. Такъ, въ февралѣ 1879 года новая программа въ тарифномъ дѣлѣ была выражена устами короля въ его тронной рѣчи. Тогда же въ рейхстагѣ, въ отвѣтъ депутату Рихтеру, обвинявшему его въ противорѣчій и непоследовательности, вн. Бисмаркъ смиренно каялся, что онъ, „къ своему стыду“, въ шестидесятыхъ годахъ „еще не имѣлъ никакихъ экономическихъ мнѣній“, забывая или умалчивая, что онъ еще въ 1850 году въ нижней палатѣ прусскаго парламента высказывалъ по близкому предмету очень рѣшительныя убѣжденія. Въ 1879 г. Германія вернулась къ покровительственной системѣ, а черезъ два года Бисмаркъ уже прямо заявляетъ, что онъ въ будущемъ станетъ противиться всякой попыткѣ ея поворота на путь свободной торговли.

Новая таможенная политика принята Бисмаркомъ, какъ онъ неоднократно о томъ упоминалъ, по тремъ главнымъ основаніямъ: въ видѣ возмездія нѣкоторымъ „сосѣднимъ странамъ“, которыя держатся той же политики и тѣмъ заграждаютъ къ себѣ доступъ нѣмецкимъ произведеніямъ, затѣмъ для поощренія и развитія собственныхъ мануфактуръ, и наиболѣе всего для поощренія интересовъ землевладѣльческихъ классовъ. Эти интересы составляютъ основу всей реформы, хотя, конечно, вовсе не соотвѣтствуютъ общимъ интересамъ наибольшаго числа людей, такъ какъ всѣ являются потребителями земледѣльческихъ продуктовъ и лишь часть людей — ихъ производителями. Въ теченіе восьми лѣтъ таможенные пошлины на многіе земледѣльческіе продукты въ Германіи повышались *три раза* на сотню процентовъ и, тѣмъ не менѣе, земледѣліе отсюда ничего не выиграло, какъ въ этомъ недавно сознался самъ д-ръ Луціусъ, министръ земледѣлія. Въ то же самое время „сосѣднія страны“ получаютъ во всѣхъ этихъ мѣрахъ оправданіе собственной таможенной политики, и сокра-

щенный уже сбытъ германскихъ мануфактуръ долженъ уменьшиться еще болѣе и вовлекать Германію, ради созданія въ будущемъ новыхъ рынковъ для нихъ, въ рискованныя и во всякомъ случаѣ долго не окупаемая колониальныя приобрѣтенія и авантюры, которыя грозятъ безчисленными столкновеніями съ иностранцами.

Еще болѣе рѣзко противорѣчатъ принципамъ государственнаго социализма финансовыя мѣры Бисмарка касательно организаціи налоговъ. Извѣстно, какой дурной репутаціей въ смыслѣ неуравнительности пользуются повсюду косвенные налоги: тенденція ихъ къ обратной пропорціональности подтверждается вѣждодневымъ опытомъ и наблюденіемъ. Между тѣмъ Бисмаркъ весьма рѣшительно и на этотъ разъ постоянно высказывался за предпочтеніе косвенныхъ налоговъ передъ прямыми. Еще въ 1850 году въ прусскомъ парламентѣ онъ называлъ „здоровымъ финансовымъ принципомъ“ взиманіе путемъ косвенныхъ налоговъ какъ можно большей части государственнаго дохода. Въ силу этого онъ защищалъ горячо даже такіе, всюду осуждаемые объекты обложенія, какъ налоги на хлѣбъ и на мясо, и, наоборотъ, противодѣйствовалъ устройству прямыхъ налоговъ. Въ 1869 г. во время преній въ рейхстагѣ по поводу новыхъ налоговъ Бисмаркъ объявилъ, что единственнымъ „приличнымъ базисомъ въ обложеніи въ современныхъ цивилизованныхъ странахъ онъ считаетъ лишь налоги на потребленіе, т.-е. косвенные“; въ 1878 году онъ доказывалъ то же самое. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что никакіе принципы для него не были обязательны, а въ томъ числѣ и начало „величайшаго счастья для величайшаго числа людей“, возвѣщаемое главнымъ представителемъ государственнаго социализма—А. Вагнеромъ.

Наконецъ, въ связи съ вопросомъ организаціи обложенія находится и расширеніе хозяйственныхъ функцій государства, или, выражаясь иначе, устройство государственныхъ монополій. Извѣстно стремленіе кн. Бисмарка къ выкупу частныхъ желѣзныхъ дорогъ, основанію табачной и питейной монополій, что потомъ нашло себѣ откликъ и въ другихъ странахъ. Безъ сомнѣнія все это совершенно соотвѣтствуетъ ученію государственнаго социализма, какимъ оно является въ трудахъ Вагнера; но тамъ оно имѣетъ въ виду исключительно общее благо—взятіе на себя государствомъ такихъ промышленныхъ занятій, которыя, ради общихъ интересовъ, государство можетъ выполнять съ большимъ удобствомъ или выгодой. Между тѣмъ созданіе табачной монополіи, чего нѣсколько разъ такъ настойчиво Бисмаркъ добивался, не

имѣть ничего общаго съ благомъ народа, можетъ вестись гораздо лучше въ частныхъ рукахъ и обусловливается исключительно фискальными интересами; даже приобрѣтеніе Пруссіей большинства частныхъ желѣзно-дорожныхъ линій чаще вызывалось соображеніями военными, нежели экономическими.

Такимъ образомъ, даже бѣглый обзоръ главнѣйшихъ фактовъ изъ дѣятельности кн. Бисмарка въ области соціальной политики доказываетъ, что его отнюдь нельзя считать представителемъ новѣйшаго ученія государственнаго социализма, какъ оно излагается нѣкоторыми германскими профессорами, и въ чемъ, по видимому, убѣжденъ Даусонъ. Какъ ревностный ученикъ Вагнера, этотъ послѣдній смотритъ на все его глазами и въ своемъ изслѣдованіи старается приискать оправданіе каждому дѣйствию Бисмарка и согласовать его съ общей системой воззрѣній, взятыхъ будто бы у Вагнера. Но, какъ мы видѣли, кн. Бисмаркъ, собственно говоря, не имѣлъ никакихъ твердыхъ экономическихъ убѣждений: онъ дѣйствительно пользовался воззрѣніями А. Вагнера, но лишь тогда, когда находилъ ихъ годными для достиженія своихъ цѣлей¹⁾, и немедленно отбрасывалъ всякіе принципы государственнаго социализма въ сторону и даже противодѣйствовалъ имъ, когда считалъ то для себя болѣе подходящимъ, нисколько не заботясь о противорѣчійхъ и непослѣдовательности. „Князь Бисмаркъ, — вѣрно судилъ о немъ еще въ 1878 г. другой профессоръ, д-ръ Вирховъ, — желаетъ вести не германскую, а *Бисмарковскую* политику. Онъ далъ намъ славу, но лишилъ насъ свободы, не доставивъ въ то же время и благосостоянія. Онъ всегда готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобы помочь своей политикѣ, и готовъ вступить въ союзъ съ какою угодно партией, если будетъ видѣть въ этомъ свой интересъ... Онъ никогда не можетъ отрѣшиться отъ своей личности и ни по какому поводу“...

И. Я.

¹⁾ Многимъ экономическимъ мѣропріятіямъ Бисмарка предшествовали иногда публичныя лекціи и статьи многихъ германскихъ ученыхъ, какъ бы подготовляя нѣмецъ къ его реформамъ. Такъ, въ 1872 г. А. Вагнеръ, накануне основанія „имперскаго банка“, развѣждалъ по Германіи и, какъ авторитетъ въ вопросахъ о кредитѣ, читалъ публичныя лекціи о необходимости устройства такого банка...

ПОИСКИ

ВЪ

ДАЛЕКОЙ СТАРИНѢ

— Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XI—XVII. Академика А. Н. Веселовскаго. Спб. 1889.

— Д. Н. Анучинъ. Сани, лабя и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда. Археолого-этнографическій этюдъ. Съ 44-мя рисунками въ текстѣ. М. 1890.

За послѣднее время наука во всѣхъ своихъ отрасляхъ дѣлаетъ необычайные успѣхи. Приобрѣтенія, сдѣланныя ею, напримѣръ, въ естествознаніи и его приложеніяхъ, по истинѣ изумительны: многое, что еще для очень недавняго времени показалось бы невѣроятнымъ, становится дѣломъ обыкновеннымъ; прикладныя знанія вводятъ въ самый внѣшній бытъ новыя формы, которыя въ будущемъ должны сильно измѣнить наши бытовые нравы и обычаи.

Подобнымъ образомъ нельзя не видѣть громадныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ историческимъ знаніемъ въ его различныхъ направленіяхъ. Необычайно разростается какъ матеріаль этого знанія, такъ и приемы научной пытливости. Черта историческаго изслѣдованія раздвигается все дальше, на такіе періоды и такія явленія прошлой жизни, которые еще не очень давно считались и дѣйствительно были „покрыты мракомъ неизвѣстности“, недоступны для историческаго знанія. Необычайные успѣхи новѣйшей археологіи открыли неподозрѣваемые ранѣе остатки старыхъ народовъ и цивилизацій; успѣхи языковѣданія дали возмож-

ность заглянуть въ самый процесс мысли, растолковать значеніе вѣрованій отдаленныхъ вѣковъ; по остаткамъ письменности въ старыхъ загадочныхъ надписяхъ угаданы были языки давно исчезнувшихъ племенъ, наконецъ, прочтены почти цѣлыя литературы. Если современная культурная жизнь все дальше отгоняетъ отъ насъ вчерашнюю старину бытовыхъ обыкновений, то наука приближаетъ къ нашему пониманію старину самую отдаленную.

Нѣчто подобное совершается и въ изученіи нашей собственной исторіи. Послѣдніе полъ-вѣка въ особенности отличаются неизвѣстнымъ прежде объемомъ и глубиною изслѣдованій. При всѣхъ скудныхъ средствахъ нашей науки, при малочисленности людей, которые имѣютъ возможность сполна отдавать ей свой трудъ и время, при ограниченности пособій матеріальныхъ, которыя, однако, становятся все болѣе необходимы для научнаго труда (какъ, на примѣръ, для ученыхъ экспедицій, для предпріятій археологическихъ, наконецъ, для составленія библиотекъ), самая постановка историческаго вопроса такъ измѣнилась и по отдѣльнымъ частямъ его сдѣлано такъ много замѣчательныхъ трудовъ, что измѣняется весь внѣшній образъ науки и сущность задачъ, какія она ставитъ для изслѣдованія и разрѣшенія. Одну изъ тѣхъ областей, гдѣ въ особенности замѣтна эта перемѣна, представляетъ, безъ сомнѣнія, наша археологія въ широкомъ смыслѣ слова, изученіе отдаленныхъ вѣковъ народнаго быта, письменности и народнаго преданія. Не скажемъ, чтобы здѣсь могли мы похвалиться какими-нибудь монументальными трудами, какіе не разъ создавала европейская наука. Здѣсь такіе труды являлись результатомъ настоящаго творчества, бывали для современниковъ открытіями и назначали путь для цѣлыхъ поволѣній изслѣдователей: таковы были нѣкогда труды Вильгельма Гумбольдта, Боппа, Гримма, въ славянской древности — Шафарика. Въ нашей наукѣ не было создано такихъ монументальныхъ трудовъ, и это весьма естественно: для того, чтобы могло явиться такое творчество, нужно, чтобы оно могло опереться на многія поколѣнія научныхъ изыскателей, на много предварительныхъ разслѣдованій, даже на много цѣлыхъ системъ, которыя пытались бы найти основу историческаго процесса и метода изслѣдованія.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни велики, почти геніальны многіе труды, подобные названнымъ, которые установили современную науку о древности, они могли быть совершены только на фундаментѣ, заложенномъ въ прежнемъ развитіи науки. Гумбольдтъ, Боппъ или Гриммъ въ своей области совершали открытія; они создавали

нѣчто новое, до нихъ неизвѣстное, но эта творческая работа въ новой филологіи была возможна только потому, что энергія анализа воспитана была богатымъ предшествоющимъ развитіемъ германской классической филологіи и германской философіи, а работа Гримма кромѣ того—сильнымъ національнымъ возбужденіемъ, одушевлявшимъ лучшіе умы въ Германіи въ началѣ столѣтія. Оглянувшись на русскую науку, мы не найдемъ, конечно, ничего подобнаго тому могущественному развитію науки, какимъ отличалась Европа и въ частности Германія не только XVIII столѣтія, но и въ предыдущіе вѣка, съ самой эпохи Возрожденія. Съ начала XVIII вѣка мы едва дѣлали первые шаги школьнаго усвоенія европейскаго знанія; за исключеніемъ немногихъ людей, за все XVIII столѣтіе извѣстныхъ счетомъ, которые получили болѣе или менѣе правильное ученое образованіе въ размѣрахъ нѣмецкой университетской науки того времени, за этимъ исключеніемъ мы только-что привыкли къ популярнымъ формамъ тогдашняго европейскаго мышленія и въ нѣкоторымъ элементарнымъ приложеніямъ вычитаннаго къ фактамъ русской жизни и исторіи. Единственнымъ пріютомъ европейской науки въ теченіе XVIII-го вѣка былъ недолго и неправильно существовавшій, такъ называемый академическій университетъ въ Петербургѣ, и потомъ университетъ московскій, основанный къ концу царствованія Елизаветы и остававшійся единственнымъ до основанія новыхъ университетовъ при Александрѣ I. Извѣстно, чѣмъ были въ свое первое время эти университеты: преподаваніе въ большинствѣ случаевъ было элементарное, далеко не ставившее университетскихъ слушателей въ уровень съ дѣйствительной наукой и едва только приготавливавшее къ пониманію руководствъ. Тѣ, кто знакомъ съ исторіей нашихъ университетовъ, знаютъ, что это элементарное состояніе науки продолжалось до весьма недавняго времени; примѣры его бывали даже на нашей памяти. До тридцатыхъ годовъ въ московскомъ университетѣ (не говоря о другихъ) бывали профессора стараго вѣка, очень мало знакомые съ тѣмъ, что творилось въ европейской наукѣ, и кафедре словесности занималъ еще псевдо-классикъ, не признававшій Пушкина. До пятидесятыхъ годовъ въ университетахъ бывали еще выписные профессора-нѣмцы для иныхъ наукъ, видимо не имѣвшихъ корня въ русской почвѣ: бывали выписные профессора классическихъ, восточныхъ и новѣйшихъ языковъ, римскаго и международнаго права, даже философіи въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Почти первые примѣры проникновенія въ университеты настоящей науки относятся къ тридцатымъ годамъ, когда по какому-то счастливому

противорѣчію, при господствѣ системы официальной народности, посланъ былъ цѣлый рядъ молодыхъ начинающихъ ученыхъ въ заграничные университеты (одинъ изъ этихъ тогда молодыхъ ученыхъ и теперь, въ свои преклонные годы, даетъ литературѣ замѣчательный вкладъ изданіемъ лекцій по философіи права): такъ не далеко отъ насъ то время, съ котораго можно считать наше усвоеніе подлинной европейской науки, — хотя все-таки въ неполномъ, укороченномъ видѣ.

Какъ это было вообще въ наукахъ, называемыхъ нравственными, такъ и въ изученіи народности. Извѣстно, что первое пробужденіе этого послѣдняго интереса восходитъ у насъ еще ко второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда онъ былъ въ сущности прямымъ непосредственнымъ продолженіемъ бытового преданія: первые сборники народныхъ пѣсенъ, которые были, напримѣръ, въ Германіи (у Гердера и его современниковъ) результатомъ сознательнаго плана, внушеннаго общественно-философскимъ развитіемъ по стопамъ Руссо, — у насъ были сначала просто изданіемъ ходячихъ рукописныхъ сборниковъ, служившихъ любителямъ народной пѣсни въ практическомъ обычаѣ. Народная поэзія, въ сущности, еще не нуждалась въ томъ, чтобы ее разыскивали, защищали и восстанавливали ея права, и хотя одинъ разрядъ образованнаго общества дѣйствительно удалялся отъ стародавнихъ обычаевъ, въ другомъ эти обычаи были близко и на-лицо. Уже нѣсколько позднѣе, къ началу нашего столѣтія народная поэзія стала забываться и здѣсь, и новѣйшіе собиратели, съ тридцатыхъ годовъ (какъ Сахаровъ и другіе), должны были искать пѣсенъ, относились къ дѣлу уже намѣренно и искусственно, такъ сказать, съ ученой точки зрѣнія. Извѣстно, что на первое время эта ученость (у Сахарова и его современниковъ) была очень плохая: первые этнографы были чистыми самоучками и не имѣли понятія о научномъ обращеніи съ предметомъ. Подъ вліяніемъ времени въ обществѣ пробуждались какіе-то неясные инстинкты, догадки о значеніи народности, о необходимости изучать ее и результатъ изученія прилагать къ жизни; но какъ изучать, какіе извлечь результаты, какъ примѣнить ихъ, это оставалось совершенно неизвѣстно. Напр. у Сахарова эти разысканія были просто темнымъ блужданіемъ, а результатомъ, — нисколько, впрочемъ, не мотивированнымъ, — какою по его мнѣнію слѣдовало изъ обращенія къ „народности“, была опять только глухая, бессознательная ненависть ко всему иноземному, которое, на манеръ XVII-го столѣтія, отождествлялось съ „нѣмцкимъ“.

Стремленіе къ изученію народнаго тѣмъ не менѣе все больше

укрѣплялось въ литературѣ. Чѣмъ отвѣчала на него наша университетская наука? Въ то время, когда въ нѣмецкой литературѣ появились уже и оказывали свое могущественное дѣйствіе труды Гримма и новая система сравнительнаго языковѣдѣнія, у насъ едва подозрѣвали о ихъ существованіи, едва знали имена уже знаменитыхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Первые опыты научной этнографіи появляются въ университетахъ только по возвращеніи изъ путешествій („командировокъ“) первыхъ нашихъ славистовъ: рѣчь о народномъ преданіи, обычаяхъ, интересѣ и способахъ ихъ изученія ведется съ каѳедры славянскихъ нарѣчій, но объ этомъ пока еще ничего или очень мало знаетъ каѳедра русской словесности. Когда г. Буслаевъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ заговорилъ о необходимости новыхъ изученій русскаго языка и въ первый разъ назвалъ Гримма, какъ своего руководителя, это обращеніе къ руководству нѣмецкой науки было его собственнымъ личнымъ дѣломъ: онъ самъ прямо черпалъ изъ нѣмецкаго источника, независимо отъ своей университетской шеолы. Когда Катковъ въ 1845 издавалъ свой опытъ по изученію языка на почвѣ сравнительной филологіи, онъ опять не имѣлъ руководства въ русской университетской наукѣ и черпалъ сравнительно-филологическій приѣмъ изъ нѣмецкаго источника. Такимъ образомъ, когда изученіе нашей народности ставилось въ первый разъ на научную основу, это дѣлалось чисто личными усиліями людей новаго ученаго поколѣнія, безъ помощи университетскаго руководства. Это руководство возникаетъ, въ московскомъ университетѣ, лишь съ тѣхъ поръ, когда каѳедра русской словесности была занята г. Буслаевымъ; въ другихъ университетахъ этого руководства не было и долго послѣ, кромѣ тѣхъ косвенныхъ указаній, какія давались преподаваніемъ славянскихъ нарѣчій.

Какъ видимъ, наша наука о народности не имѣла никакого преданія, никакихъ предшествующихъ крупныхъ работъ, на которыхъ могла бы основать широкую самобытную систему.

Съ дѣятельностью г. Буслаева этнографическія изученія, собственно говоря, въ первый разъ получали мѣсто въ университетскомъ курсѣ; онъ первый имѣлъ учениковъ, продолжавшихъ его дѣло. Другіе ученые, дѣйствовавшіе въ томъ же кругѣ изысканій, или бывали славистами по своей спеціальности, или работали собственными средствами, какъ напр. Афанасьевъ и др. Новый рядъ изслѣдователей набирается въ молодомъ ученomъ поколѣніи шестидесятыхъ годовъ, когда совершены были новыя многочисленныя ученныя странствія за границу, и наши молодые спеціалисты опять получили возможность черпать прямо изъ источниковъ западной,

особливо нѣмецкой науки. Здѣсь образовалось, послѣ предварительной подготовки дома, то новое ученое поколѣніе, нѣкоторые представители котораго приобрѣли теперь руководящее значеніе въ изслѣдованіи народнаго преданія, литературы и языка. Назовемъ гг. Веселовскаго и Потебню. Къ счастью въ нашей университетской жизни установился, кажется, прочно обычай послыки молодыхъ ученыхъ за границу для довершенія ихъ занятій,—обычай, отвѣчающій настоятельному требованію современнаго положенія науки: дѣло въ томъ, что русскіе университеты (какъ и естественно по ихъ давнему и нынѣшнему положенію) не обладаютъ настолько научными силами, чтобы удовлетворить той специализаціи, какая распространяется теперь въ науцѣ; необходимо знакомиться съ положеніемъ науки не только въ Германіи, но и во Франціи, иногда и въ Англии. Университетскій уставъ 1863 г. (насколько благотворное дѣйствіе его не устранено позднѣйшей реформой) устанавливалъ нѣсколько новыхъ кафедръ по филологическому факультету, которыя должны были въ разныхъ отношеніяхъ способствовать изученіямъ этнографическимъ, но дѣйствіе этихъ кафедръ еще слишкомъ ново, чтобы положить прочное основаніе новымъ отраслямъ науки на русской почвѣ (какъ напримѣръ сравнительное языкованіе или исторія искусства).

Такимъ образомъ наша наука, въ самыхъ изученіяхъ русской народности, требующихъ нынѣ цѣлаго ряда спеціальныхъ познаній, едва начинаетъ свое собственное преданіе и пока все еще находится въ тѣсной зависимости отъ науки европейской. Эта послѣдняя владѣетъ такими обширными силами, что, очевидно, эта зависимость будетъ продолжаться еще долго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока у насъ самихъ не наберется достаточный контингентъ этихъ силъ и не образуется своя научная традиція.

Г. Веселовскій, новый трудъ котораго мы хотимъ здѣсь указать, также только отчасти воспользовался домашней университетской школой и, получивъ первыя научныя возбужденія въ трудахъ и лекціяхъ г. Буслаева, съ самаго начала принялъ направленіе, не совсѣмъ совпадавшее съ направленіемъ учителя, а вскорѣ какъ бы совсѣмъ отъ него отдалившееся. Это совершилось подъ влияніемъ той новой ступени изслѣдованій, на которую стало изученіе народнаго преданія и литературной старины въ западной, особливо нѣмецкой наукѣ. Г. Буслаевъ былъ по преимуществу, почти исключительно, послѣдователемъ Гримма; г. Веселовскій началъ свои самостоятельныя работы въ ту пору, когда ученіе Гримма на самой его родинѣ повело съ одной стороны къ утрированному развитію его мифологическихъ идей, а съ другой—под-

верглось сильному ограниченію, почти отрицанію въ новыхъ ученіяхъ. Въ первомъ направленіи дѣйствовали ученые, которые оказали вліяніе и у насъ, какъ напримѣръ Кунъ, Шварцъ, Вольфъ, Маннгардтъ (у Аванасьева и другихъ); въ другомъ направленіи особенно сильное впечатлѣніе произвели труды Бенфея. Въ то время какъ школа Гримма и его послѣдователей исходила изъ предположенія (которое считала аксіомой), что видимое и безвѣчно повторяющееся сходство преданій у разныхъ народовъ происходитъ изъ до-историческаго родства или тождества происхожденія, Бенфей собралъ массу указаній, что, напротивъ, сходство преданія объясняется очень часто внѣ условій племеннаго родства и до-историческаго единства путемъ чисто внѣшняго, устнаго или письменнаго заимствованія. Для доказательства этого положенія требовалось обширное сличеніе преданій и разысканіе тѣхъ литературныхъ путей и международныхъ сношеній, при помощи которыхъ могла произойти передача и заимствованіе; и дѣйствительно, въ послѣднія лѣтъ тридцать совершены были въ этомъ направленіи громадныя работы, которыя приводятъ уже теперь къ любопытнѣйшимъ результатамъ. Эти работы дѣлались опять въ особенности нѣмецкими учеными, и это весьма естественно. Едва-ли какая-нибудь изъ европейскихъ литературъ была въ этомъ отношеніи вооружена столько, сколько нѣмецкая, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ Гердеръ въ „*Stimmen der Völker*“ собиралъ образцы всемірной поэзіи и тогда уже ставилъ нѣмецкой литературѣ задачу усвоенія величайшихъ литературныхъ произведеній и народной поэзіи всѣхъ человѣческихъ племенъ, находя, что нѣмецкая литература способна сдѣлать въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ какая-нибудь другая. Едва-ли гдѣ въ самомъ дѣлѣ существуетъ столько переводовъ изъ всемірной литературы и изслѣдованій, ей посвященныхъ, сколько въ литературѣ нѣмецкой, и когда поставлена была вслѣдъ за Бенфеемъ эта задача сличенія народныхъ и книжныхъ преданій, нѣмецкій изслѣдователь стоялъ къ ней всего ближе, подготовленный всѣмъ прежнимъ движеніемъ нѣмецкой науки.

Вскорѣ уже накопился необыкновенно богатый запасъ изданій старыхъ памятниковъ средневѣковой литературы, западной и восточной, и запасъ изслѣдованій объ ихъ происхожденіи и взаимныхъ связяхъ. Одновременно съ этимъ, въ два-три послѣднія десятилѣтія развился во всѣхъ европейскихъ литературахъ въ невиданныхъ прежде размѣрахъ интересъ къ народной поэтической старинѣ: преданіямъ, поэзіи, за которыми теперь все больше утверждается взятый съ англійскаго терминъ „фольклора“ (folk-

loge), и въ настоящее время издается множество небольшихъ журналовъ въ Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи, посвященныхъ фольклору, и отдѣльныхъ, часто весьма обширныхъ сборниковъ народныхъ преданій. То и другое еще чрезвычайно умножаетъ массу матеріала народныхъ преданій, подлежащихъ изученію и сравненію. Это движеніе направило прежнія изслѣдованія на совершенно новую дорогу. Въ прежнее время предположеніе исконной старины того или другого народнаго сказанія, суевѣрія и т. п. вело прямо къ заключеніямъ о древней (общей) мифологіи: на дѣлѣ каждаго сказанія видѣлся первобытный мифъ; по указаніямъ болѣе или менѣе выработанныхъ мифологій принималось какое-либо натуралистическое толкованіе мифа (напр. почитаніе солнца, олицетвореніе тучи и грозы и т. п.), и такъ какъ можно было предполагать для древнѣйшихъ стадій развитія народовъ одного племенного корня одни психологическія основанія мифологическаго творчества, то казалось естественнымъ объяснять содержаніе мифа по тѣмъ же основамъ, какія считались доказанными для другой, чужой мифологіи. Такъ древняя русская мифологія часто объяснялась на основаніи германской. Теперь оказывалось нѣчто иное. Изслѣдованіе средневѣковыхъ книжныхъ памятниковъ, въ сравненіи ихъ между собою и съ живымъ современнымъ фольклоромъ, указало въ всякаго сомнѣнія, во-первыхъ, обильные факты книжнаго заимствованія въ средніе вѣка, факты международной передачи сказаній, и во-вторыхъ продолжающееся существованіе этихъ сказаній въ современной народной памяти, и при послѣднемъ обнаруживалось, что очень многое, что могло бы показаться чисто народнымъ мифомъ, бывало не болѣе какъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ вычитаннаго въ книгѣ. Г. Веселовскій съ самаго начала вошелъ въ это критическое движеніе, столь далекое, какъ видимъ, отъ старой Гриммовой школы. Освоившись въ новыхъ западныхъ изслѣдованіяхъ, руководимыхъ этой точкой зрѣнія, ему не трудно было убѣдиться, что тѣ же самые потоки народныхъ сказаній, которые въ разныхъ направленіяхъ шли съ востока на западъ и обратно въ средневѣковой Европѣ, захватывали и древнюю Русь; мало того, что старая русская письменность и современное народное преданіе не однажды разъясняютъ тѣ или другіе темные пункты въ исторіи средневѣковыхъ сказаній. Древняя Русь стояла въ этомъ отношеніи въ особыхъ условіяхъ. По старой исторической традиціи мы привыкли думать, что она держалась особнякомъ, мало сносилась съ другими народами, имѣла небогатую, почти только церковную письменность, рано отдѣлилась отъ католическаго запада и его литературнаго содер-

жанія и такимъ образомъ создала себѣ свою исключительную сферу существованія; между тѣмъ изслѣдованіе народныхъ преданій раскрывало слѣды неподозрѣваемаго ранѣе общенія, путемъ котораго приходила масса чужихъ преданій и воздѣйствій культурныхъ. Къ сожалѣнію, какъ скажемъ далѣе, до сихъ поръ не сведены въ какое-либо цѣлое результаты новыхъ изслѣдованій, наибольшая доля которыхъ доставлена именно трудами г. Веселовскаго; но уже теперь очевидно, что прежнее построеніе мифологии и „поэтическихъ воззрѣній“ русскаго народа было въ очень большой мѣрѣ только созданіемъ ученой фантазіи. То, въ чемъ видѣлся мифъ, оказывалось книжнымъ связаніемъ, отъ долгаго обращенія въ народѣ получившимъ внѣшнюю народную складку; чтѣ представлялось древнимъ, оказывалось сравнительно новымъ; чтѣ казалось исключительно русскимъ, было весьма распространеннымъ, почти всеобщимъ достояніемъ европейскихъ среднихъ вѣковъ. Понятно, что когда разъ оказались и раскрыты были такіа недоразумѣнія, необходимъ былъ новый пересмотръ всего состава народнаго преданія, новое указаніе своего и чужого распредѣленія дѣйствительно мифологическихъ и чисто поэтическихъ элементовъ, расположеніе ихъ (насколько возможно) по хронологіи народной жизни и письменности, опредѣленіе ихъ источниковъ—для того, чтобы зданіе могло быть построено вновь по болѣе правильному плану и болѣе устойчиво.

На первый разъ предстояла, конечно, работа по преимуществу аналитическая и г. Веселовскій положилъ на нее столько труда, сколько еще не было положено на это кѣмъ-либо другимъ изъ нашихъ изслѣдователей. И работа была весьма нелегкая. При томъ обширномъ распространеніи средневѣковаго и новѣйшаго европейскаго фольклора, который мы сейчасъ указывали, передъ изслѣдователемъ лежала громадная масса сравнительнаго матеріала, который нужно было имѣть въ виду и которымъ трудно было овладѣть. Между новѣйшими учеными въ этой области найдется немного людей, которые усвоили бы этотъ матеріалъ до такой степени, какъ нашъ ученый: останавливаясь на томъ или иномъ вопросѣ, онъ привлекаетъ къ сравненію огромную литературу, восточную и западную, древнихъ и среднихъ вѣковъ и современнаго фольклора, отличаясь отъ своихъ западныхъ собратій еще тѣмъ, что въ его распоряженіи находится также мало или совсѣмъ неизвѣстный на западѣ матеріалъ старославянскій, матеріалъ новославянскій и русскій, и, наконецъ, византійскій—въ тѣхъ рукописяхъ нашихъ библіотекъ, которыя оставались неизданы и неизвѣстны западнымъ ученымъ. Изложеніе его пересыпано всегда

оригинальными, часто совершенно неожиданными сближеніями, бросающими новый свѣтъ на темные пункты старины не только нашей, но и западной—хотя бы и не всегда ихъ вполне разъясняющіе.

Задача изслѣдованій была чрезвычайно сложная. Если при первыхъ сличеніяхъ можно было легко разубѣдиться въ вѣрности прежнихъ миеологическихъ теорій, то предстоялъ вопросъ о новомъ созиданіи. Но сравнительно-историческому анализу предлежалъ такой обширный и запутанный лабиринтъ преданій, что нашъ изслѣдователь, послѣ множества частныхъ изслѣдованій, имъ исполненныхъ, все еще не рѣшается на это предпріятіе. Но кромѣ того, что отрывалось слишкомъ много частныхъ подробностей, которыя требуютъ истолкованія прежде, чѣмъ можетъ быть построенъ планъ цѣлаго, нашъ изслѣдователь повидимому увлекается самымъ процессомъ анализа, который доставляетъ столько любопытныхъ комбинацій для рѣшенія трудныхъ ученыхъ загадокъ. Во всякомъ случаѣ уже и въ настоящемъ положеніи изслѣдованій, сдѣланныхъ г. Веселовскимъ и другими учеными этого направленія, частію его послѣдователями, множество подробностей старой народной поэзіи и современнаго народнаго преданія находятъ чрезвычайно интересныя разъясненія, которыя уже теперь раскрываютъ таившіеся доселѣ отъ науки факты древняго народнаго міровоззрѣнія и самого быта.

Приступая къ изслѣдованію русскаго содержанія, нашъ критикъ встрѣчался съ удивительнымъ совпаденіемъ многихъ мотивовъ нашего преданія съ мотивами западными и византійскими. Въ результатѣ получались новыя данныя для объясненія, во-первыхъ, миеологии народной поэзіи, а во-вторыхъ, быта. Какъ мы сказали, изъ миеологии, какъ она понималась прежде, многое окончательно отпадало; не исчезало, конечно, миеологическое содержаніе, но оно представлялось уже далеко не въ томъ, въ сущности незамысловатомъ видѣ, гдѣ отъ какой-либо формы поэтическаго выраженія или подробности обряда и суевѣрія полагалось возможнымъ прямо заключать о солнцѣ, явленіяхъ природы, зооморфическихъ божествахъ и т. п.; а напротивъ являлось чрезвычайно осложненнымъ разнородными примѣсами, которыя нерѣдко удавалось выдѣлить съ большою, иногда полною точностью. Напомнимъ, на примѣръ, знаменитый „камень-алатырь“, столь необходимый для народнаго заговора и заклинанія и которому давались тонкія натуралистическія толкованія; правда, названіе его и донныя не вполне ясно, но несомнѣнно то, что преданія о немъ принадлежатъ не первобытному языческому вѣрованію, а христиан-

свой легендѣ, столь древней и столь нѣкогда популярной, что она успѣла переработаться въ народной фантазіи до неузнаваемости. Или напомнимъ прежнія заключенія о мнимо первобытныхъ „старшихъ богатыряхъ“, будто бы предшествовавшихъ циклу князя Владиміра, и въ которыхъ однако оказались элементы поздней книжности и т. д. На этихъ и подобныхъ мифологическихъ представленіяхъ можно было именно наблюдать, что подлинное древнее языческое вѣрованіе часто до того заслонено отъ насъ позднѣйшими наслоеніями, что разыскать его въ чистомъ видѣ оказывается несравненно труднѣе, чѣмъ это думали: не разъ это позднѣйшее наслоеніе принимали за самую основу. Старая летопись и поученіе говорятъ уже о „двоевѣрїи“, господствовавшемъ въ народѣ, принявшемъ христіанство, и это былъ дѣйствительно фактъ характеристическій для тогдашняго состоянія умовъ. Старые книжники разумѣли подъ „двоевѣрїемъ“ то, что и происходило на дѣлѣ—совмѣстное существованіе двухъ разнородныхъ вѣрованій: народъ ходилъ въ церкви (хотя и это не весьма усердно) и рядомъ совершалъ старыя языческія празднества. Мифологи прежней школы понимали двоевѣрїе довольно механически, думали, что язычество сохранялось подъ христіанскою внѣшностью и именами, и въ народномъ преданіи, не носившемъ явно христіанскаго характера, склонны были видѣть непосредственную первобытную старину. Очевидно между тѣмъ, что если въ первое время двоевѣрїе могло быть такимъ внѣшнимъ сопоставленіемъ двухъ порядковъ мыслей, какое изобличали древніе книжники, то уже вскорѣ народное вѣрованіе должно было испытать настоящее перерожденіе: два элемента должны были подвергнуться взаимодействию и была вѣроятность, что возобладаетъ тотъ, который получалъ все новые запасы преданія и бытового значенія, т.-е. христіанскій. Дѣло въ томъ, что когда съ одной стороны несомнѣнно должна была истощаться память стараго язычества и самый источникъ его развитія былъ подорванъ, то съ другой стороны все болѣе расширялся притокъ понятій, преданій, повѣрїй и суевѣрїй склада христіанскаго. Если будетъ когда-нибудь написана послѣдовательная исторія народныхъ вѣрованій, она несомнѣнно должна будетъ указать постепенное возростаніе этихъ христіанскихъ вліяній и именно въ ихъ популярной, полу-поэтической, полу-суевѣрной формѣ. Въ народѣ очевидно не проходили философско-догматическія положенія: онѣ были бы ему недоступны; ему понятны были только другія стороны христіанства—главнѣйшія положенія нравственныя (спасеніе души, любовь къ ближнему) вмѣстѣ съ преувеличенной наклонностью къ обрядовой сторонѣ вѣры, и далѣе,

тотъ поэтический матеріалъ, который въ изобиліи представляла церковно-популярная письменность. Историки прежняго времени, а также писатели славянофильскіе настаивали на быстромъ распространеніи христіанства въ древней Руси, видѣли въ русскомъ народѣ народъ единственно христіанскій, глубоко проникнутый высокими началами христіанскаго ученія. На это, разумѣется, весьма были не похожи утвержденія миеологовъ, которые полагали, что русскій народъ вѣриво держался языческихъ преданій и весьма успѣшно сберегъ ихъ до настоящаго времени. Истина находится приблизительно на серединѣ. Христіанство, хотя воспринятое не вдругъ, тѣмъ не менѣе уже скоро становится народнымъ вѣрованіемъ; масса невѣжественная, какою она была и въ значительной долѣ остается донинѣ, не могла понимать новаго ученія во всей его возвышенности, но, сохраняя по умственной и бытовой инерціи старое преданіе, вмѣстѣ съ тѣмъ жадно ловила легендарныя сказанія всякаго рода, какія въ изобиліи сообщала церковная литература и устные рассказы. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, достаточно свѣденій о томъ, какъ это совершалось въ первые вѣка нашего христіанства; по тѣмъ церковнымъ и лѣтописнымъ памятникамъ, какіе сохранились, очевидно, что вліянія этого рода дѣйствовали съ самыхъ первыхъ вѣковъ; въ этихъ памятникахъ уже проглядываютъ элементы апокрифическихъ сказаній, и очень рано начинаются увѣщанія противъ „ложныхъ книгъ“, въ число которыхъ помѣщаются также бытовыя суевѣрія, и языческія (какъ сонъ и чохъ и т. п.), и христіанскія (какъ „лживыя молитвы“, „худые номоканунцы“ и т. п.). Очень рано начинается монашество съ монастырской легендой и паломничество съ тою массою чудесныхъ повѣствованій, какими оно обыкновенно сопровождается. Едва-ли сомнительно, наконецъ, что церковь у насъ, какъ то бывало и въ другихъ мѣстахъ, старалась замѣнять языческія празднества христіанскими, приурочивать церковный обрядъ къ языческимъ обыченіямъ и т. п., такъ что старое преданіе, не исчезая, получало новое освѣщеніе. Однимъ словомъ, съ самаго начала различными путями въ популярное міровоззрѣніе входитъ все больше христіанскихъ элементовъ, которые питаютъ народную фантазію и направляютъ на новый путь народно-поэтическое творчество. Извѣстно, какую оригинальную смѣсь христіанскаго и языческаго представляетъ памятникъ, близкій къ XII вѣку—„Слово о Полку Игоревѣ“, гдѣ рядомъ съ воспоминаніями о ДажьБогѣ и Велесѣ стоитъ Богородица Пырогощая. Если уже вскорѣ русскій народъ начинаетъ противопоставлять себя „поганымъ“ и невѣрнымъ, онъ очевидно дорожитъ уже своимъ

христіанскимъ достоинствомъ, и естественно предположить, что его поэтическое творчество не останется чуждымъ этому сознанию и проявитъ свою дѣятельность подъ его влияніемъ. Дѣйствительно, періодъ „двоевѣрія“, а тѣмъ болѣе послѣдующее время представляютъ именно богатое развитіе христіанскихъ элементовъ въ поэзіи и бытовомъ суевѣріи, такъ что многое, что было относимо прежде въ древнюю языческую мифологию, можетъ быть съ большимъ основаніемъ разыскиваемо въ мифологіи христіанской.

Изъ того, что мы сказали, должно слѣдовать, что судьба народной поэзіи была не совсѣмъ такова, какъ ее представляли прежніе изслѣдователи. Они полагали, что, напримѣръ, мы имѣемъ возможность непосредственно возводить нашу богатырскій эпосъ къ его предшествовавшей ступени—эпосу мифологическому; что въ немъ какъ будто произошло только переименованіе его героев, что, напримѣръ, за Ильей Муромцомъ можно углядѣть бога грома-ника или за княземъ Владиміромъ—красное солнышко. На дѣлѣ переходъ отъ временъ языческихъ, когда можно было бы предполагать мифологическій эпосъ, ко временамъ христіанскимъ составлялъ такой переворотъ, что въ сущности трудно даже представить пока, что могло при этомъ произойти. Тотъ народный эпосъ, каковой мы знаемъ теперь по живымъ остаткамъ, сохранившимся въ олонецкой пустынѣ и каковой знаемъ по записямъ XVIII в. у Кириши Данилова и по двумъ-тремъ записямъ XVII вѣка, имѣлъ во всякомъ случаѣ нѣсколько столѣтій для своего образованія, въ теченіе которыхъ народное творчество находилось подъ постояннымъ воздѣйствіемъ христіанскихъ воззрѣній и соединеннаго съ ними легендарно-поэтическаго содержанія. Если извѣстныя темы этого эпоса могутъ относиться къ первымъ историческимъ вѣкамъ, то другія принадлежать все болѣе позднимъ, минуя вѣка татарскаго ига и московскаго княжества, до Грознаго, до московскихъ царей XVII вѣка, наконецъ, до временъ Петра В., когда былина превращается уже въ историческую пѣсню. Невозможно представить, чтобы на этомъ пространствѣ народное творчество осталось безучастно и нечувствительно къ тѣмъ новымъ стихіямъ, какія входили въ народное мировоззрѣніе изъ христіанской легенды или вообще изъ той новой массы поэтическаго содержанія, которое проникало къ народу въ теченіе вѣковъ. Въ самомъ дѣлѣ, новѣйшія изслѣдованія ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, что былина рядомъ съ своими традиционными народными сюжетами разрабатывала и сюжеты по своему происхожденію книжные, и разрабатывала въ томъ же самомъ стилѣ приемы, стиха и языка. Такимъ образомъ о прямой преемственности, о неизмѣнномъ само-

стоятельному развитіи исконнаго содержанія не можетъ быть рѣчи; напротивъ, эпосъ свободно воспринималъ то книжное или инымъ путемъ приходившее новое содержаніе, которое отвѣчало интересамъ народной фантазіи, и включалъ эти произведенія въ свой героическій кругъ. Подобнымъ образомъ новое входило въ самую область обрядовой пѣсни, въ которой можно искать именно отголосковъ древнѣйшей поэзіи и быта.

Такимъ образомъ, когда прежніе изслѣдователи искали, и думали находить, въ народномъ преданіи и поэзіи готовые слѣды первобытной эпохи народной жизни, новѣйшіе изыскатели, напротивъ, прежде всего считаютъ нужнымъ точный анализъ данныхъ фактовъ и, разъясняя въ особенности то переходное состояніе, въ какомъ дошли до насъ памятники народнаго творчества, раскрываютъ передъ нами сложное и пестрое зрѣлище той двоувѣрной поры, гдѣ разнообразно перекрещиваются элементы стараго и новаго, подлинно народнаго и чужого, устнаго и письменнаго, суевѣрно-языческаго или суевѣрно-христіанскаго. Здравый критическій приемъ состоялъ именно во всестороннемъ осмотрѣ наличныхъ данныхъ, и первое общее впечатлѣніе или первый научный результатъ заключались въ томъ наблюденіи, что наша старина и народная поэзія тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ цѣлому составу средневѣковаго христіанскаго народнаго мышленія и легендарной поэзіи: многочисленныя сличенія подробностей народнаго сказанія и повѣрья приводили постоянно въ этому общему міру европейскаго средневѣковаго преданія, нерѣдко удивительнымъ образомъ совпадавшаго у самыхъ далекихъ одинъ отъ другаго народовъ, въ самыя различныя эпохи, въ самыхъ различныхъ сюжетахъ. Это было впрочемъ весьма естественно: европейскіе христіанскіе народы имѣли одинъ общій источникъ легенды, суевѣрія и обычая; прежде чѣмъ совершилось раздѣленіе церквей, успѣла уже создаться и распространиться одинаково на востокъ и западъ масса легендарно-поэтическаго матеріала, который одинаково на западѣ и на востокѣ успѣлъ перейти въ народную среду и возбудить въ ней самостоятельную дѣятельность въ томъ же направленіи. Естественно, что одна основная тема разбивалась смотря по множеству мѣстныхъ условій на разнообразныя варианты: они и застыли какъ въ литературѣ, такъ и въ народномъ преданіи у разныхъ племенъ, и, встрѣчаясь съ ними, изслѣдователь имѣетъ возможность возвести ихъ къ общему источнику.

Такое было поприще, которое отрывалось передъ научнымъ анализомъ съ тѣхъ поръ, какъ понята была односторонность Гриммова метода, и съ тѣхъ поръ, какъ Бенфей выставилъ свою

теорію международныхъ заимствованій. Къ тѣмъ трудамъ, которые совершены были въ европейской наукѣ для изслѣдованія новаго возникшаго вопроса, достойнымъ образомъ примыкаютъ труды г. Веселовскаго, имѣющіе, какъ было выше замѣчено, еще то преимущество, что къ обширному знанію средневѣковыхъ литературъ западно-европейскихъ, у него присоединяется рѣдкое на западѣ обладаніе славянскимъ, а также византійскимъ матеріаломъ.

Дѣятельность его на этомъ поприщѣ была замѣчательно плодотворна и плодотворна. Обширная начитанность въ средневѣковыхъ памятникахъ обнаружилась съ самыхъ первыхъ его трудовъ. Оригинальнымъ для русскаго ученаго образомъ его первые труды посвящены были изысканіямъ въ чужой, именно итальянской, литературѣ; уже освоившись съ западнымъ средневѣковымъ міромъ на специальной работѣ, г. Веселовскій перешелъ къ изслѣдованіямъ въ мірѣ славяно-русскомъ и съ тѣхъ поръ издалъ многочисленныя изслѣдованія, посвященныя именно упомянутой двоякой легендѣ и международнымъ поэтическимъ заимствованиямъ. Сдѣланныя имъ сличенія поражаютъ своимъ разнообразіемъ, обширностью обзорѣяемаго горизонта и часто неожиданностью. Остановливаясь на русскомъ легендарномъ преданіи, на той или другой подробности эпоса, г. Веселовскій обставляетъ ихъ множествомъ сравненій и аналогій, заимствованныхъ отовсюду: ему послужать древнее византійское житіе или церковные каноны, западная латинская легенда, скандинавская сага, нѣмецкая и французская средневѣковая поэма, западно-славянское преданіе, румынская или ново-греческая пѣсня, сказанія восточныхъ народовъ, преданія русскихъ полудивихъ инородцевъ,—словомъ, громадный матеріалъ, раскиданный на огромномъ пространствѣ географіи и хронологіи, и гдѣ однако отыскиваются общія нити народнаго міра и поэзіи. Русская тема, которая служитъ ему исходнымъ пунктомъ и предметомъ разысканія, окружена разъясняющими ее чертами чужихъ преданій и письменности, между прочимъ такими чертами, которыя невозможно было бы объяснить какимъ-либо до-историческимъ родствомъ и наслѣдственностью отъ одного первобытнаго источника; такъ что прежде всего эта русская тема теряетъ ту исключительность, какая за ней предполагалась, и напротивъ является только отдѣльнымъ звѣномъ въ международной цѣпи міра и поэческаго сказанія. Понятно, что только послѣ этого признанія ея однородности съ другими подобными можетъ быть съ успѣхомъ опредѣлена ея дѣйствительная національная особенность. Во-вторыхъ, изъ этихъ многочис-

сленныхъ сравненій открывається единство иного рода, именно — единство цѣлаго обширнаго міра христіанско-миѳологическихъ сказаній и повѣрій, господствовавшаго въ различныхъ вариантахъ во всемъ средневѣковомъ христіанствѣ и очевидно повліявшаго на міровоззрѣніе русскаго народа гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде думали, и гораздо болѣе замѣтившаго языческое наслѣдіе, чѣмъ предполагала прежняя миѳологическая школа.

Было бы долго перечислять разнообразныя темы, на которыхъ останавливались изысканія г. Веселовскаго. Онѣ останавливались на древней повѣсти и сектаторской легендѣ, и на житіяхъ, и на русскомъ эпосѣ, и на обрядовой поэзіи, и на старомъ языческомъ или двоевѣрномъ обычаѣ и т. д. Привлекая къ ихъ объясненію тотъ различный матеріалъ средневѣковыхъ сказаній, который мы сейчасъ упоминали, нашъ изслѣдователь нерѣдко достигалъ двойной цѣли: давая комментарий къ русскимъ сказаніямъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ для сказаній западныхъ такія параллели, которыя не были принимаемы въ соображеніе западными комментаторами или вовсе не были имъ извѣстны. Былъ и третій результатъ: въ приложеніяхъ къ своимъ изслѣдованіямъ онъ издалъ не мало неизвѣстныхъ ранѣе текстовъ, напр., старыхъ русскихъ и византійскихъ. Въ послѣднее время длинная серія изслѣдованій была имъ посвящена нашимъ южно-русскимъ былинамъ и духовнымъ стихамъ. Поэтическія темы древнѣйшей русской былины нѣкогда еще не были представлены въ такой обстановкѣ, какую давалъ имъ г. Веселовскій. Нѣкогда, и еще весьма недавно, онѣ получали толкованіе миѳологическое или символично-мистическое — въ обоихъ случаяхъ переносились въ далекую фантастическую область, куда не могло, наконецъ, слѣдовать за ними осязательное изысканіе; теперь мы видѣли ихъ въ наглядныхъ параллеляхъ изъ средневѣковой поэзіи, гдѣ ихъ подробности становились понятны наряду съ примѣрами, указывающими процессъ поэтическаго творчества у другихъ народовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ многія изъ этихъ подробностей получали реальное истолкованіе въ реставрированной по тѣмъ же былинамъ и другимъ смежнымъ памятникамъ бытовой старинѣ. Было бы долго приводить примѣры для тѣхъ, кто незнакомъ ближе съ самими изслѣдованіями; для знакомыхъ съ ними напомнимъ объясненіе дуалистическихъ легендъ о міротвореніи, указанія на палестинскія легенды въ былинахъ о Василии Буслаевичѣ, объясненіе реальныхъ основаній въ былинахъ о Чурилѣ Пленковичѣ, намеки на происхожденіе богатыря Потока, или новгородскаго Садки, объясненіе древняго скомошества, или въ другой области сопоставленіе узаній о руса-

ліяхъ и т. п. Комментарій объясняетъ не только самыя поэтическія произведенія, но и даетъ угадывать неразъясненную до сихъ поръ инымъ путемъ бытовую старину тѣхъ вѣковъ, когда былина кромѣ русскихъ сюжетовъ стала вводить въ свои картины заѣзжихъ богатырей иноземныхъ.

Вышедшій теперь новый томъ разысканій о духовныхъ стихахъ составляетъ продолженіе давно начатой работы. Это не есть систематическое изложеніе этой области русской народной поэзіи, а именно разборъ отдѣльныхъ вопросовъ, обыкновенно соприга-сающихся съ общей средневѣковой легендой. Вопросы подобнаго рода даютъ г. Веселовскому поводъ къ цѣлымъ болѣе или менѣе обширнымъ изслѣдованіямъ, до сихъ поръ не сведеннымъ въ какому-либо общему выводу. Повидямому авторъ и не ставитъ этого послѣднаго своей близкой цѣлью, и здѣсь новый пунѣтъ различія новой школы и прежней. Эта прежняя школа была вообще гораздо смѣлѣе въ своихъ обобщеніяхъ: передъ нею стояла образцомъ грандіозная система, созданная Гриммомъ, съ ясно поставленнымъ исходнымъ пунѣтомъ, съ положительными выводами, съ цѣльнымъ впечатлѣніемъ архаическаго быта и міровоззрѣнія,—и наша школа не усомнилась дать такую же определенную систему русской реставрированной древности (у Афанасьева, частію у Ор. Миллера). Правда, выводы оказались нѣсколько поспѣшными; но когда собрана была обширная масса новыхъ наблюденій, можно было бы думать, что прежняя картина поэтической и мифологической старины будетъ замѣнена новою. Между тѣмъ этого не видимъ. Опыты обобщенія рѣдки теперь и въ западной литературѣ; упомянутая нами выше литература западнаго фольклоризма занята въ громадномъ большинствѣ или собираніемъ сырого матеріала или мелкими детальными работами. Преобладающій интересъ къ анализу имѣеть, конечно, основаніе въ справедливомъ предположеніи, что только возможно изобильное изученіе подробностей, на которыя разбивается легенда, дастъ возможность уловить сложный процессъ ея возникновенія, развитія и распространенія. Но для успѣховъ самаго изученія нельзя не желать, чтобы надъ этой детальной разработкой поставлена была обобщающая идея, которая одна могла бы дать частнымъ фактамъ ихъ настоящее освѣщеніе и объяснила бы самый процессъ международной поэтической дѣятельности; уразумѣніе этого процесса и есть настоящая задача, ради которой предпринимаются эти сложныя и доселѣ еще запутанныя разысканія. Вопросъ о методѣ становится все болѣе настоящимъ: о немъ уже и заходитъ рѣчь,—въ сожалѣнію, онъ еще не былъ поставленъ достаточно катего-

рически. Нечего говорить о томъ, какъ важно было бы это сосредоточеніе изслѣдованій для дальнѣйшаго хода самаго дѣла; но и внѣ спеціального вѣдомства науки важно было бы установить въ популярномъ пониманіи и школьномъ преподаваніи предмета болѣе здравыя представленія, чѣмъ тѣ, какія здѣсь продолжаютъ до сихъ поръ господствовать.

Въ ожиданіи этого, новыя изслѣдованія даютъ чрезвычайно любопытныя разъясненія многихъ темныхъ пунетовъ стараго преданія. Таковы новыя трактаты, наполняющіе выпедшія теперь томъ „Разысканій“ г. Веселовскаго. Какъ мы замѣтили, это отдѣльные трактаты о различныхъ подробностяхъ преданій, затронутыхъ въ духовныхъ стихахъ; въ сущности они идутъ гораздо дальше этихъ произведеній, захватывая цѣлую исторію народныхъ вѣрованій, поэзіи и обряда. Въ первомъ изъ этихъ трактатовъ авторъ останавливается на дуалистическихъ повѣрьяхъ о сотвореніи міра. Славянскіе и русскіе этнографы давно уже обратили вниманіе на одну колядную пѣсню (записанную въ первый разъ, кажется, въ Галиціи), гдѣ создателями міра являются два (по другимъ вариантамъ три) голубя: на свѣтѣ не было еще ничего, ни неба, ни земли, было только синее море, среди моря зеленый яворъ, а на яворѣ эти голуби; они судили и рядили о томъ, какъ создать міръ, и рѣшили опуститься на морское дно, вынести оттуда дробнаго песку и синяго камня, изъ которыхъ и создали черную землю, студеную воду, синее небо, потомъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, зарю и пр. Въ другомъ пѣсенномъ вариантѣ вмѣсто голубей является нѣсколько неожиданно Христосъ и апостолы Петръ и Павелъ: послѣдніе также ныряютъ на дно морское, но неудачно, и тогда нырнулъ самъ Господь, досталъ земли съ морского дна и создалъ изъ него весь міръ. Впослѣдствіи отыскались письменные памятники, гдѣ рассказывалось преданіе, носившее характеръ древней южно-славянской дуалистической секты (богомилства) и изображавшее творцами міра съ тѣмъ же ныряніемъ на морское дно Господа Бога и Сатанаила. Богомилское сказаніе, извѣстное по древнимъ историческимъ свидѣтельствамъ, примыкало въ библейскому преданію. Какое было соотношеніе этихъ дуалистическихъ повѣствованій?

Задача представлялась въ такомъ видѣ: „Колядкой о двухъ голубяхъ началъ Эрбенъ свой небольшой сборникъ славянскихъ рассказовъ о созданіи свѣта,—говоритъ г. Веселовскій.—Съ тѣхъ поръ свѣденія о нихъ настолько расширились и обогатились, что представляется любопытной задачей—пересмотрѣть ихъ въ совокупности въ виду вопросовъ, поднимаемыхъ самымъ повѣрьемъ.“

Эрбенъ считалъ его исконнымъ славянскимъ; онъ же, О. Миллеръ и Аванасевъ даютъ ему непосредственно миеологическое объясненіе; Кастренъ склоненъ былъ предположить, по поводу аналогическихъ восточно-финскихъ повѣрій, что они могли быть заимствованы изъ Библии; другіе, въ томъ числѣ и я, усматривали въ славянскихъ легендахъ отраженіе богомилскаго ученія, приписывавшаго сотвореніе міра совокупному творчеству Бога и дьявола. Проф. Юлій Кронъ, недавно пересмотрѣвшій этотъ вопросъ по поводу космогоническаго миеа Калевалы, склоняется къ тому, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ финско-угорскимъ, даже урало-алтайскимъ древнимъ повѣрьемъ: именно на востокъ, среди финскихъ и, специальнѣе, волжскихъ племенъ оно сохранилось въ большой цѣлостности, хотя не безъ вліянія христіанскихъ элементовъ; славяне переняли его и удержали въ менѣе ясныхъ очертаніяхъ, напр. сербы... На первый разъ устранимъ кажущееся разногласіе воззрѣнія: народный (финскій, славянскій) или заходій богомилско-христіанскій миеъ. Одинъ взглядъ не исключаетъ другого, какъ ни противоположными они представляются. Богомилство не было самостоятельнымъ религіознымъ толкомъ; его дуализмъ восходитъ въ ученію манихеевъ и павликианъ, его миеъ о мірозданіи напоминаетъ древне-иранскія представленія о совмѣстномъ, враждебномъ другъ другу творествѣ Ормузда и Аримана, но *внѣшнія* формы миеа могли быть мѣстныя, народныя. Были ли онѣ исконно славянскими? Этническій составъ населенія Балканскаго полуострова, гдѣ развилась и долго гнѣздилась ересь, не исключаютъ предположенія, что въ его космогоническихъ преданіяхъ сохранились слѣды другого, можетъ быть, не-арійскаго міросозерцанія. Но это лишь одна изъ многихъ возможностей, осложняющихъ рѣшеніе вопроса. Встрѣчая дуалистическія легенды о созданіи міра на почвѣ Россіи, мы можемъ двоиться въ объясненіи ихъ сходства, напр. съ болгарскими: можемъ говорить о пра- или до-славянскомъ вѣрованіи, одинаково или сходно отразившемся тамъ и здѣсь, но съ такимъ же правомъ о воздѣйствіи на народную фантазію тѣхъ отреченныхъ легендъ въ духѣ богомилства, которыя, явившись на славянскомъ югѣ выраженіемъ еретическаго вѣроученія, распространились и далѣе вмѣстѣ съ памятниками южно-славянской церковно-учительной письменности. Та же двойственность рѣшенія, и еще болѣе принципиальная, представляется и въ слѣдующемъ: дуалистическія сказки о мірозданіи записаны были у нашихъ инородцевъ; откуда взяли ихъ онѣ (стр. 3—5)?“

Нашъ изслѣдователь независимо отъ Крона приходилъ къ

мысли объ участи въ славянскомъ дуалистическомъ мифѣ такого восточнаго финскаго или урало-алтайскаго преданія. Онъ пересматриваетъ теперь массу вариантовъ, повторяющихся у нашихъ сѣверныхъ финно-тюркскихъ инородцевъ и даже азіатскихъ тюрковъ на Алтаѣ: всѣ они сосредоточиваются на одной общей темѣ о твореніи міра двумя разными силами, Богомъ и дьяволомъ, добрымъ и злымъ духомъ, и очевидно находятся въ какой-то не легко опредѣлимой, но несомнѣнной связи и съ древними богомилскими сказаніями у южныхъ славянъ, съ галицкой колядкой и со многими иными обломками этого мифа, иногда потерявшими даже первоначальную дуалистическую подкладку. Южно-славянское богомилство имѣло свое продолженіе въ дуалистическихъ сектахъ сѣверной Италіи и южной Франціи, у катаровъ и альбигойцевъ, такъ что дальнѣйшія развѣтвленія дуалистическаго мифа о міротвореніи проникаютъ и сюда.

Такова громадная область, отъ Алтая и до южной Франціи, на которую раскидывается распространеніе мифа. Какимъ же образомъ опредѣляется его генезисъ? Относительно связи сказаній богомилскихъ съ преданіями нашихъ сѣверо-восточныхъ инородцевъ г. Веселовскій дѣлаетъ такое предположеніе: „Всѣ эти преданія, записанныя среди инородческихъ элементовъ русскаго населенія, оказываются сходными, нерѣдко буквально, съ разсказами русскими и болгарскими и съ старой повѣстью о мірозданіи, распространенной въ рукописяхъ и популярной среди нашихъ раскольниковъ. Раскольничья колонизація могла занести ее на окраины русской земли, гдѣ она могла быть перенята и усвоена инородцами; но возможно и другое предположеніе, уже ранѣе намѣченное нами: что, напр., черемисская, мордовская и т. д. и южно-славянская легенды принадлежали первично одной и той же полосѣ развитія и религіознаго міросозерцанія; богомилы лишь внесли въ кругъ своихъ дуалистическихъ мифовъ, можетъ быть, не славянское преданіе, отвѣчавшее ихъ цѣлямъ, а черемисы и алтайцы получили обратно свой старый космогоническій мифъ въ освѣщеніи христіанской ереси и апокрифовъ“ (стр. 32).

Исконно-славянскій характеръ мифа о міротвореніи нашъ изслѣдователь оставляетъ подъ сильнымъ сомнѣніемъ; между тѣмъ въ прежнее время онъ именно считался непреложнымъ и самобытнымъ фактомъ славянской мифологіи. Самое распространеніе мифа представляется, какъ видимъ, очень сложнымъ: принятый извнѣ въ славянскую среду, онъ получаетъ здѣсь обширное развитіе и затѣмъ въ христіанизированной формѣ возвращается снова

къ своему источнику, гдѣ и живетъ до настоящаго времени въ своей подновленной формѣ.

Второе обширное изслѣдованіе г. Веселовскій посвящаетъ: „Безразличнымъ и обоюднымъ въ житіи Василя Новаго и народной эсхатологіи“. Подъ этими „безразличными“ и „обоюдными“ онъ разумѣетъ тѣхъ людей, которые по средневѣковому преданію не попадали ни въ рай ни въ адъ, не получали вѣчнаго блаженства, но и не были предаваемы на вѣчную муку. По западному средневѣковому представленію, на томъ свѣтѣ кромѣрая и ада было еще третье мѣсто, „лоно Авраамово“, гдѣ находились ветхозавѣтные святые, которые лишены были лицезрѣнія Бога вслѣдствіе первороднаго грѣха и были введены въ рай только Христомъ. Было кромѣ того другое мѣсто, гдѣ пребывали непрещенные младенцы; далѣе, сюда же были помѣщены добродѣтельные язычники; наконецъ иные грѣшники, которыхъ проступки уравновѣшивались сполна ихъ добрыми дѣлами, особливо милостыней. Подобныя повѣрья были распространены и въ восточно-христіанской легендѣ въ различныхъ вариантахъ, и г. Веселовскій возстановляетъ это средневѣковое представленіе по памятникамъ западнымъ, въ ряду которыхъ первое мѣсто занимаетъ поэма Данта, и восточнымъ, гдѣ тема загробнаго міра трактуется въ житіяхъ, видѣніяхъ и иныхъ каноническихъ и апокрифическихъ легендахъ. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ произведеній этого рода въ литературѣ византійской, очень извѣстнымъ и въ славянскомъ переводѣ, было житіе Василя Новаго, гдѣ рассказано хожденіе по мытарствамъ Θεодоры, которая находилась у этого святого въ услуженіи: когда она умерла, то ученикъ святого, Григорій, — онъ же и авторъ житія, — по молитвѣ своего наставника имѣлъ видѣніе, въ которомъ представилась ему Θεодора и рассказала ему о разлученіи души отъ тѣла и о пройденныхъ ею мытарствахъ. Василий Новый жилъ въ первой половинѣ десятаго вѣка, такъ что сказаніе о немъ, составленное тогда же, на нѣсколько вѣковъ предваряетъ поэму Данта и вмѣстѣ съ другими подобными произведеніями можетъ служить любопытнымъ матеріаломъ для того, чтобы объяснить образованіе тѣхъ легендарно-поэтическихъ представлений, какія заняли мѣсто въ „Божественной Комедіи“. Г. Веселовскій дѣлаетъ подробное сличеніе поэмы Данта съ хожденіемъ Θεодоры по мытарствамъ и съ другими памятниками по этому частному вопросу о судьбѣ „безразличныхъ“ и „обоюдныхъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ къ сравненію множество другихъ отраженій легенды о загробной судьбѣ человѣка въ дру-

гихъ произведеніяхъ старой письменности и наконецъ народной сказки (даже сказки татарской).

Своему изслѣдованію объ этомъ предметѣ авторъ предпосылаетъ любопытныя замѣчанія о томъ, въ какой степени развивались въ народныхъ массахъ на западѣ и у насъ представленія эсхатологическія, то-есть представленія о конечныхъ судьбахъ міра и съ нимъ челоѳчества, а также о загробной долѣ каждаго отдѣльнаго челоѳка до послѣдняго разсчета на страшномъ судѣ.

„Всѣ эти вопросы,—говоритъ онъ,—волновали средневѣковое общество, отражались въ его легендѣ и поэзи, въ которыхъ интересно подѣлать долю своего и чужого, представленія христіанства и—условія народнаго вѣрованія, сдѣлавшія возможнымъ ихъ усвоеніе. Усвоеніе это было неравномѣрное, и не трудно, въ частности, разгадать его причины. Вопросъ о конечныхъ судьбахъ міра могъ сложиться въ средѣ съ богатымъ историческимъ и культурнымъ прошлымъ; чѣмъ оно сложнѣе, чѣмъ больше оно поставило вопросовъ, тѣмъ страстнѣе желаніе усмотрѣть ихъ разрѣшеніе въ будущемъ. Христіанство воспринято было и окрѣпло въ такой именно средѣ, полной разочарованій и гоненій, которыхъ не вѣдали полудикіе народы сѣвера. Ихъ эсхатологія могла отвѣчать вообще на вопросъ о катастрофѣ, имѣющей постигнуть видимый міръ, но не могла имѣть исторической подкладки Апокалипсиса. Его толковали и надъ нимъ задумывались немногіе избранные; его данныя разрабатывали по еретическимъ и политическимъ тенденціямъ; собственно въ народѣ онъ интереса не возбуждалъ. Такъ объясняется и оправдывается мнѣніе Сахарова ¹⁾, что, несмотря на распространенность въ древней Руси сочиненій и сказаній объ Антихристѣ и о кончинѣ міра и видимое вліяніе ихъ на возрѣвнія русскаго народа, народныхъ стиховъ, возникшихъ подъ ихъ вліяніемъ, почти нѣтъ... Къ образамъ эсхатологической борьбы фантазія не была, очевидно, приготовлена и не внесла въ нихъ ничего новаго своего...

„То же слѣдуетъ сказать и о представленіяхъ, связанныхъ съ идеей страшнаго суда, конечной участи праведныхъ и грѣшниковъ—въ раю или аду. И здѣсь фантазія европейскихъ народовъ представила если не *tabula rasa*, то едва загрунтованное полотно; образы и краски дали христіанскія картины страшнаго суда и соотвѣтствующія легендарныя и апокрифическія статьи, въ родѣ Хожденія Богородицы по музамъ, Видѣнія ап. Павла

¹⁾ Автора книги: „Эсхатологическія сказанія въ древне-русской письменности“.

и популярных на Руси откровеній Меѳодія, Слова Палладія мниха и Житія Василя Новаго. Зависимость русскихъ духовныхъ стиховъ отъ этихъ и тому подобныхъ памятниковъ не указываетъ на встрѣчную дѣятельность народнаго воображенія. Воспринявъ ихъ содержаніе, оно почти ихъ не переработало: описаніе райскихъ блаженствъ блѣдно, потому что оно блѣдно и полно общихъ декоративныхъ мѣстъ и въ ихъ христіанскихъ изображеніяхъ, напр. въ житіи Андрея Юродиваго; муки народнаго ада также однообразны и также схематически распределены, какъ въ навѣявшей ихъ церковной или отреченной легендѣ. Если здѣсь можно говорить о какомъ-нибудь усвоеніи, то развѣ въ самомъ внѣшнемъ значеніи этого слова: наказанія и характеристика грѣшниковъ популяризовались, и сочетались на ново черты, иначе распределенныя въ источникахъ... Иначе ставится вопросъ объ отношеніи своего и чужого въ народныхъ представленіяхъ о временной участи каждаго за гробомъ до наступленія послѣдняго суда. Въ этой области эсхатологическихъ интересовъ народное вѣрованіе сложилось въ опредѣленныя формы быта и обряда: усопшіе, „родители“, т.-е. старшіе въ родѣ, продолжали и на томъ свѣтѣ жить прежней матеріальной жизнью; у нихъ „домовина“, ихъ кормятъ на поминкахъ, ждуть ихъ посѣщенія и ходятъ къ нимъ на погостъ, „на гостебище“ и т. п. Это представленіе, свойственное не однимъ только индоевропейскимъ народамъ на извѣстной степени развитія, не разрывало связи между живыми и мертвыми: одинъ и тотъ же *родъ* жилъ на землѣ и подъ нею, отжившіе не покидали живущихъ, пелись объ нихъ, опредѣляли ихъ судьбу, то, что имъ на роду написано; они — старшіе предки, окружены въ свою очередь сусвѣрнымъ культомъ потомковъ.

„Въ эту цѣльность живыхъ и мертвыхъ христіанство внесло элементъ раздвоенія — разграниченіемъ души и тѣла, идеей грѣха и воздаянія, грознымъ образомъ смерти, побѣждающей жизнь, ангеловъ, препирающихся изъ-за души съ духами тьмы. Оба круга идей сошлись въ синкретическомъ двоевѣрїи, въ которомъ трудно бываетъ разглядѣть составныя части и поводы смѣшенія“ (стр. 117—120).

Такимъ образомъ, если въ нѣкоторыхъ подробностяхъ повѣрїи о загробной жизни можно предполагать какую-нибудь основу древняго языческаго вѣрованія, въ которой могло применить представленіе христіанское, то въ другихъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собой представленія, христіанское происхожденіе которыхъ можетъ быть доказано документально по памятникамъ. Эти по-

слѣднія представленія несомнѣнно были гораздо изобильнѣе, такъ что въ данномъ вопросѣ мы имѣемъ дѣло съ „двоевѣріемъ“, въ которомъ гораздо большій процентъ принадлежитъ христіанству.

Слѣдующая статья говоритъ о „Судьбѣ-Доли въ народныхъ представленіяхъ славянъ“. Это — предметъ, на которомъ давно уже останавливались изслѣдователи народныхъ вѣрованій, съ тѣхъ поръ, какъ были открыты древнія свидѣтельства о родѣ и рожа-нцахъ; сопоставленныя съ подобными западно-славянскими и южно-славянскими преданіями еще Срезневскимъ, эти вѣрованія были потомъ предметомъ изысканій Аванасьева, Потебни, Крауса, и теперь подвергнуты новому обстоятельному толкованію, при помощи разнообразнаго сравнительнаго матеріала славянскаго, античнаго и западно-европейскаго. „Съ христіанской точки зрѣнія, — говоритъ г. Веселовскій, — неравномѣрность человѣческой судьбы (гдѣ злые нерѣдко преуспѣваютъ, а добродѣтель въ за-гонѣ) объясняется божіимъ попусценіемъ или испытаніемъ: она — временная и имѣетъ окончательно уравновѣситься за гробомъ. Въ практической жизни, еще не просвѣщенной христіанствомъ или не обращающейся къ его синтезу для разрѣшенія своихъ противорѣчій, такое рѣшеніе не подсказывается естественно и не успокаиваетъ. Понятіе судьбы объясняло дѣло проще, минуя вопросъ о вмѣняемости: человѣкъ счастливъ или нѣтъ потому, что такъ ему *прирождено, суждено, на роду написано*, ни вѣсть откуда *навъяно*. Всѣ эти понятія входятъ въ представленіе народной славянской Доли, Сречи (у сербовъ) и ихъ фантастическихъ образовъ. Образы колеблющіеся, представленіе сложное, объединившее разнородные элементы прирожденности и случайности, непрекаемости и свободной воли, которая можетъ измѣнить Долю“. Въ разнообразную смѣсь суевѣрій, выражающихъ понятіе судьбы, г. Веселовскій хотѣлъ внести идею историческаго генезиса.

Упомянувъ извѣстное древнее свидѣтельство Прокочія, что славяне „не знаютъ судьбы“, г. Веселовскій объясняетъ, что они дѣйствительно не знали ея въ смыслѣ отвлеченнаго античнаго фатума; но они очень знали личное, частное, родовое представленіе судьбы, которое упомянуто не однажды и старыми памятниками и во множествѣ вариаций повторяется въ народной поэзіи. Г. Веселовскій возводитъ это понятіе къ первобытнымъ условіямъ быта. Доля прежде всего бываетъ прирожденная, дается матерью. Указавши рядомъ примѣровъ изъ русской народной поэзіи, что судьба дается именно рожденіемъ, матерью, онъ замѣчаетъ, что и въ другихъ случаяхъ судьба опредѣляется родомъ, предками.

„Бытовая форма рода древнѣе личной семьи; понятіе о долѣ выработалось впервые въ отношеніяхъ рода, въ связи съ культомъ предковъ, незримыхъ блюстителей домашнего очага и нарастающаго поколѣнія. Долю давалъ Родъ, которому въ старину у славянъ клали требы (т.-е. приносили жертвы), какъ теперь угощаютъ замѣниваемаго его дѣдушку домашнего, также пребывающаго у очага, въ печи, подобно Горю, Нуждѣ, Кручинѣ, Злыднямъ— другимъ олицетвореніямъ русской Доли“ (стр. 177).

Кромѣ „Рода“ старыя памятники упоминаютъ „Рожаницъ“, которымъ также „клали требы“ — на подобіе того, замѣчаетъ г. Веселовскій, какъ приносить подобныя жертвы (хлѣбы, медъ и плоды) греческимъ мойрамъ, которыя приходятъ надѣлать новорожденнаго долею.

Источникъ вѣрованія въ рожаницъ, дающихъ судьбу человѣку, г. Веселовскій объясняетъ бытовыми отношеніями, именно общинно-родовымъ бракомъ. „Родъ—производитель, совокупность мужскихъ членовъ племени, сообща владѣющаго Рожаницами, матерями новаго поколѣнія. Вѣрованіе въ мифическихъ Рожаницъ, дѣвъ судьбы, опредѣляющихъ долю новорожденнаго, явилось на субстратѣ дѣйствительныхъ бытовыхъ отношеній. Не Родъ, а Рожаницы выступаютъ въ значеніи одаряющихъ счастливой или несчастной долей, не потому ли, что въ условіяхъ общинно-родового брака связь новорожденныхъ съ цѣлымъ родомъ была, по необходимости, менѣе тѣсна, чѣмъ съ извѣстной рожаницей?“ Въ объясненіе этого г. Веселовскій приводитъ уцѣлѣвшіе остатки подобныхъ древнѣйшихъ бытовыхъ условій у вотяковъ: „вотаціе воршуды, это—родовыя божества; ихъ отношеніе къ судьбѣ дано въ самомъ имени: скрытая, таинственная доля; отдѣльные вотаціе роды обозначаются прибавленіемъ къ общему понятію воршудъ имени родоначальницы, переходящему по женской линіи; входя въ новый родъ, невѣстка сохраняетъ покровительство воршуднаго божества своей матери, но послѣ свадьбы съ особыми обрядами сопричисляется къ воршуду семьи, куда вошла, получаетъ право молиться передъ семейнымъ воршудскимъ воробомъ, хотя призываетъ при этомъ соответствующее божество своего рода“ (стр. 179—180).

Авторъ собираетъ по обыкновенію цѣлую массу свидѣтельствъ старыхъ памятниковъ и современныхъ народныхъ повѣрій русско-славянскихъ, западныхъ, инородческихъ. Онъ не отождествляетъ прямо явленій сходныхъ, но принимаетъ ихъ лишь какъ аналогіи и сравненія, предполагая возможность чрезвычайно разнообразнаго *послѣдующаго* развитія и дополненія первоначальнаго

понятія, приче́мъ перво́бытно-грубое приоб́рѣтаетъ со временемъ болѣе широкую обработку и осмысливается по новымъ опытамъ и соображеніямъ народа. Варіанты одного первоначальнаго представленія доходятъ до противоположности. Такъ, авторъ находитъ подобную противоположность въ русской „долѣ“ и сербской „сречѣ“. „Это—судьба прирожденная, сужденная, и судьба случайно навѣянная, встрѣченная. Второе представленіе свободнѣе перваго, первое архаистичнѣе и коснѣе, ощущается какъ гнеть— въ формѣ Недоли. Не это ли ощущеніе гнета, связанности, накопило въ фантазіи русскаго народа преимущественно отрицательные образы: Гора, Обиды, Кручины, Нужи; дало самому пониманію Судьбы-Судины, Судьбины, отвлеченному по существу, конкретное значеніе: Злой Судьбы, Недоли? Слѣдовательно, такое же пессимистическое развитіе понятій *fatum*'а (смерть), Немезиды, Эринній. И адѣсь сербская среча представляетъ обратный процессъ: вначалѣ просто встрѣча, встрѣчный случай, случайная судьба, она перешла въ значенію счастливой судьбы, счастья; уже отъ нея отвлечается понятіе противоположное: Несреча— Недоля. Судина и Среча принадлежать, во всякомъ случаѣ, двумъ исключаящимъ другъ друга міросозерцаніямъ, разнообразно помирившимся въ славянскомъ представленіи судьбы. И не въ одномъ славянскомъ: *soğa* и *foğa*, *moiga* и *tuche* точно также отличаются содержаніемъ идеи. Отличіе обусловлено исторіей, ростомъ мысли, вездѣ болѣе или менѣе пропешшей по тѣмъ же стезямъ; но оно можетъ также являться показателемъ народно-культурныхъ особенностей, смотря по тому, какое изъ возможныхъ опредѣленій судьбы восторжествовало не только въ словарѣ, но и въ сознаніи той или другой народности. Доля русской сказки и *aventure* рыцарскаго романа одинаково подлежатъ историческому и народно-культурному опредѣленію; первому— причудливый образъ *tuche*, незнакомой Гомеру, являющейся у Пиндара сильнѣйшей изъ мойръ и затѣмъ предстающей въ поздне-греческую пору, у комедіографовъ и романистовъ, капризной богиней слѣпотаго случая, царящаго безраздѣльно надъ людьми и богами“ (стр. 259—260).

Сравнительно съ прежними изслѣдованіями по этому вопросу, въ разысканіяхъ г. Веселовскаго важно привлеченіе новаго сравнительнаго матеріала, далеко не столь обширнаго прежде, а въ особенности введеніе соображеній объ историческомъ развитіи вѣрованія. Въ прежнихъ изысканіяхъ предполагалось всего чаще, что оно оставалось съ древнѣйшихъ временъ какъ бы неизмѣннымъ, и только затемнялось въ послѣдующее время и получало только механическія примѣси; гораздо вѣроятнѣе исторически

принять, какъ дѣлаетъ г. Веселовскій, что здѣсь, напротивъ, совершалось настоящее развитіе старой темы въ новыхъ условіяхъ народной жизни. „Услѣдить дальнѣйшія измѣненія понятія и соответствующаго ему образа, — говоритъ онъ, — можно только путемъ логическихъ и психологическихъ наведеній, ибо мы имѣемъ дѣло съ народно-бытовымъ матеріаломъ, наслоившимся во времени, въ которомъ логика развитія подчинялась случайности постороннихъ вліяній: заходяая, христіанская легенда даетъ формы для выраженія древнѣйшаго бытового содержанія и каждый образъ, при анализѣ, разлагается на части, принадлежащія разнымъ періодамъ мысли и вѣрованія“ (стр. 185).

Подобнымъ оригинальнымъ образомъ поставленъ далѣе вопросъ о „генварскихъ Русаліяхъ и готскихъ играхъ въ Византіи“. Исслѣдованіе касается здѣсь предмета, опять издавна занимавшаго нашихъ мѣологовъ и этнографовъ и объяснявшагося почти только въ предѣлахъ русскаго народнаго преданія. Когда Миклошичъ въ первый разъ объяснял русаліи какъ средневѣковые *dies rosae, rosalia* (перешедшіе съ латинскаго въ греческія *guzalia*), его мысль возвести славянскій, а затѣмъ и русскій народный праздникъ къ какому-то греко-римскому языческому обычаю, запрещаемому древними церковными постановленіями, была сочтена за ученую ересь. Между тѣмъ связь того и другого не подлежала сомнѣнію. Теперь г. Веселовскій, уже прежде останавливавшійся на этомъ вопросѣ, собралъ новыя историческія свидѣтельства, новыя аналогіи и этнографическія указанія о современныхъ обрядахъ и повѣрьяхъ, относящихся сюда у балканскаго славянства, и передъ нами реставрируется древній обычай, въ очень странныхъ формахъ существующій и понинѣ на Балканскомъ полуостровѣ по новѣйшимъ этнографическимъ описаніямъ. Очевидно, что этотъ самый обычай въ какомъ-либо вариантѣ надо подозрѣвать въ тѣхъ старыхъ церковныхъ обличеніяхъ, которыя называютъ существованіе русалій въ древней Руси. Именно, недавно однимъ изъ болгарскихъ этнографовъ подробно былъ описанъ русальскій обрядъ, носящій признаки далекой древности, иногда не совсѣмъ даже понятный и во всякомъ случаѣ языческій: „нигдѣ,—говоритъ г. Веселовскій, — эта языческая окраска не выступаетъ такъ ярко и знаменательно, какъ въ Македоніи: русаліи за все время игры не молятся, входятъ въ церковь не снимая шапки“ и т. д. Это, очевидно, остатокъ языческаго празднованія, противъ котораго древняя церковь поднимала свои строгія осужденія. Только очень слабыя отголоски этой старины сохранились въ обычаяхъ другихъ народовъ, въ томъ числѣ и русскихъ.

Г. Веселовскій объясняетъ русалии какъ „отголосокъ еракійско-македонскаго, народно-классическаго вѣвта, противъ котораго церковь нерѣдко поднимала свой голосъ, и который тѣмъ не менѣе не только удержался при ней, но и распространился по ея слѣдамъ какъ элементъ народно-церковнаго обряда“. Остается, впрочемъ, до сихъ поръ мало выяснено, какъ произошло это послѣднее, какъ еракійско-македонскій обычай могъ распространиться не только въ сосѣднемъ, но и весьма далекомъ, напр., русскомъ славянствѣ; во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь чрезвычайно любопытный намекъ на какое-то древнее международное культурное взаимодействіе. О немъ не сохранилось никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ древности; но изъ этого обычая, какъ изъ нѣкоторыхъ другихъ указаній, можно съ увѣренностью предполагать, что это взаимодействіе было весьма значительно въ древнемъ періодѣ русской жизни, во всякомъ случаѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ можно было заключать (и какъ заключали до сихъ поръ) по скуднымъ даннымъ лѣтописи. Между прочимъ въ этомъ взаимодействіи представлялся путь для перехода и взаимнаго вліянія поэтическихъ сказаній и легендарной миеологии.

Новая глава говоритъ о валькиріяхъ и славянскихъ вилахъ, опять съ новыми и любопытными сближеніями. Наконецъ, еще двѣ главы, изъ которыхъ послѣдняя посвящена „легендамъ объ Иродѣ и Иродіадѣ и ихъ народнымъ отраженіямъ“. Не входя въ подробности, замѣтимъ только, что эти отраженія были очень разнообразны въ западныхъ и восточныхъ, а также славянскихъ и русскихъ сказаніяхъ. Сюда г. Веселовскій относитъ, между прочимъ, извѣстное и особливо въ Германіи распространенное повѣрье о „диной охотѣ“, которое прежде относили обыкновенно къ первобытному миеу, и которое г. Веселовскій, напротивъ, считаетъ развившимся, довольно сложнымъ путемъ, изъ варіацій на тему безумной пляски Иродіады. Сюда съ другой стороны принадлежатъ очень популярныя между прочимъ въ нашей старой и народной письменности и современномъ суевѣрѣ сказанія о двѣнадцати тринавицахъ (лихорадкахъ), дочеряхъ Ирода царя.

Въ приложеніяхъ въ книгѣ помѣщены обширные тексты изъ греческаго житія Василия Новаго, до сихъ поръ не изданные—сказанія Теодоры о мытарствахъ и нѣкоторые эпизоды житія.

Мы могли только въ самыхъ общихъ чертахъ воснуться новымъ изслѣдованіемъ г. Веселовскаго, но и отсюда читатель могъ увидѣть, какъ они богаты важными объясненіями народнаго преданія въ старой письменности и въ современномъ обращеніи. Эти

ислѣдованія не представляютъ ни специальной миеологии, ни специального ислѣдованія письменности, но то и другое соединено здѣсь неразрывно, какъ было соединено въ исторической дѣйствительности; кромѣ того, никогда почти русское преданіе не является въ этихъ изысканіяхъ одинокимъ—напротивъ, для него находится параллель, которую авторъ умѣетъ отыскать на огромномъ пространствѣ средневѣковой литературы и современнаго фольклора. Ислѣдованіе сопровождается, такимъ образомъ, всегда обширнымъ литературнымъ аппаратомъ, который бываетъ необходимъ, такъ какъ авторъ лишь рѣдко можетъ сослаться на предварительную разработку подлежащаго матеріала въ нашей литературѣ; и тамъ, гдѣ эта разработка была сдѣлана (какъ напр. въ книгѣ Аванасьева), не только является необходимостью въ дополненіяхъ, которыхъ доставляетъ множество обширная начитанность г. Веселовскаго, но обыкновенно и въ значительной, иногда полной передѣлкѣ заключеній. Чрезвычайно цѣннымъ качествомъ его работъ, здѣсь какъ и прежде, составляетъ упомянутое выше стараніе разъяснять историческій генезисъ преданія съ тѣхъ его формъ, какія только возможно услѣдить или предположить въ древнѣйшую пору, и до тѣхъ сложныхъ и запутанныхъ развитій, какія испытало оно на пространствѣ столькихъ вѣвовъ, подъ вліяніемъ столькихъ новыхъ условій народной жизни и народной мысли. Очевидно, что только въ этомъ видѣ и можетъ быть понятно соотношеніе древняго преданія и его новѣйшихъ отголосковъ. Объ этомъ догадывались прежніе ислѣдователи, но рѣдко проводили мысль историческаго развитія въ самомъ анализѣ преданія: всего чаще, увлекаемые примѣромъ Гримма, а также не владѣвшіе на первое время достаточнымъ запасомъ сравнительнаго матеріала, они слишкомъ легко переходили отъ очень древняго въ очень новому и, вообще говоря, увидали въ современномъ народномъ міровоззрѣніи гораздо больше остатковъ первобытнаго язычества, чѣмъ было ихъ на самомъ дѣлѣ. Въ разысканіяхъ г. Веселовскаго, напротивъ, едва-ли не гораздо сильнѣе и вліятельнѣе въ этомъ смыслѣ является эпоха „двоевѣрія“, когда въ старое народное преданіе влился цѣлый потокъ новаго христіанскаго и особливо популярно-христіанскаго и „отреченнаго“ миеа, который чѣмъ дальше, тѣмъ больше овладѣвалъ и народной вѣрой и фантазіей. Трудамъ г. Веселовскаго въ особенности принадлежитъ заслуга разъясненія этой критической поры въ развитіи народнаго преданія: не только указано было въ нихъ обширное вліяніе популярно-христіанскихъ элементовъ на народное міровоззрѣніе; не только раскрыта была тѣсная связь

послѣдняго съ средневѣковымъ двоевѣріемъ вообще, но—что было въ особенности любопытно и исторически важно—сдѣланы намеки на такіе примѣры международнаго культурнаго взаимодействія, о которыхъ ничего не знаетъ писанная исторія, и которые, однако, заставляютъ угадывать цѣлую давнюю эпоху народной культурной жизни во времена почти до-историческія.

Къ другой, но иногда параллельной области изученія старины относится книга г. Анучина. Авторъ имѣетъ уже почетную извѣстность въ нашей ученой литературѣ своими трудами въ области антропологии, этнографіи и археологіи. Настоящая его книга есть полу-этнографическая, полу-археологическая. Изслѣдованіе относится къ различнымъ подробностямъ древняго похороннаго обряда, отчасти удержавшимся и въ обрядѣ болѣе позднемъ. Авторъ не ограничиваетъ своей темы: главнымъ образомъ онъ имѣетъ въ виду древность русскую, но отъ нея переходитъ и въ древность другихъ народовъ, насколько она извѣстна между прочимъ по новѣйшимъ археологическимъ раскопкамъ, а также переходитъ и въ современные обычай разныхъ народовъ Стараго и Новаго Свѣта. Онъ начинается съ извѣстнаго лѣтописнаго разсказа о погребеніи кіевскаго великаго князя Владиміра Святого ¹⁾. Это извѣстіе приводило прежнихъ историковъ и археологовъ въ недоумѣніе: не говоря о томъ, зачѣмъ нужно было „потантъ“ смерть князя (или собственно, самого князя), когда вслѣдъ затѣмъ на погребеніе сошло народа „безъ числа“; далѣе, къ чему нужно было „принимать помость“ (разбирать полъ?) и везти тѣло на саняхъ въ іюлѣ мѣсяцѣ? Еще недавно полагали, что проиманіе помоста означало то, что по старинному обычаю умершаго выносили не дверью, но разбирали полъ и въ отверстіе спускали тѣло; что таковой обычай сохранился до сихъ поръ у племенъ нѣмцевъ и славянскихъ; что подъ вліяніемъ христіанства языческой обычай сталъ суевѣріемъ; что по современнымъ извѣстіямъ тѣло Бориса Годунова, оглашеннаго чародѣемъ, было извергнуто изъ могилы (въ Архангельскомъ соборѣ) чрезъ нарочно сдѣланный въ стѣнѣ проломъ. Котляревскій, въ своей книгѣ о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, предполагалъ въ лѣтописномъ извѣстіи о

¹⁾ Лѣтопись говоритъ подъ 15-мъ іюля 1015 года слѣдующее: „Умре же на Берестовѣмъ, и потанша ѿ, бѣ бо Святѣполкъ Кнезь. Ночью же между клѣтками проимавше помость, обертѣвши въ коверъ и ужи съвѣсивша на землю; възложьше ѿ на сани, везьше, поставивша ѿ въ святѣй Богородици, уже бѣ създакъ самъ. Се же увидѣвъше людье, безъ числа сидѣшася и плакашася по немъ“.

смерти Владиміра именно остатки древняго погребальнаго обряда и говорилъ: „Смысль его темень: быть можетъ, его создала мысль, что мертвецъ, отошедшій изъ царства жизни, не долженъ выходить тѣмъ же путемъ, который служить для прихода и ухода живыхъ; смерть не должна знать семейнаго порога и двери, открывающейся лишь для родныхъ и друзей“. Догадка была справедлива, но не была вполнѣ объяснена, и теперь г. Анучинъ постарался собрать однородные факты, какъ изъ русской старины, такъ и изъ обычаевъ другихъ народовъ, и при помощи этихъ данныхъ становятся совершенно понятны слова лѣтописи какъ о погребеніи и проиманіи помоста, такъ и о саяхъ. А именно г. Анучинъ предполагаетъ, во-первыхъ, что слово: „погребать“ значитъ здѣсь то же, что въ другихъ случаяхъ выражалось словомъ: „спрятать“, т.-е. убрать покойника; затѣмъ онъ объясняетъ, что обертываніе въ коверъ (или въ „ворзно“, плащъ) долго было обычной подробностью погребенія. Авторъ приводитъ примѣры изъ обычаевъ современныхъ дивныхъ народовъ, или нашихъ сибирскихъ инородцевъ, или древнихъ египтянъ, что обертываніе тѣла замѣняло гробъ; у русскихъ употребленіе гроба является очень поздно, только съ XVII столѣтія; въ прежнее время тѣло обертывалось въ лубъ или въ бересту и даже въ XVII вѣкѣ гробъ употреблялся иногда только для переноса тѣла до могилы, гдѣ оно вынималось изъ гроба и перекладывалось въ каменную гробницу. Въ древней Руси, какъ видимъ, тѣло завертывалось въ коверъ и обвязывалось веревками. Далѣе, относительно проиманія помоста для выноса тѣла, авторъ приводитъ обычаи многихъ народовъ отъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ, эскимосовъ, американскихъ индѣйцевъ, до древнихъ скандинавовъ и германцевъ, изъ которыхъ ясно, что вынесеніе тѣла не чрезъ дверь, а черезъ особое, нарочно продѣланное отверстіе въ жилищѣ было весьма распространеннымъ обыкновеніемъ на извѣстныхъ ступеняхъ культуры. Упомянутые дикари выносятъ покойниковъ нарочно проламывая для этого отверстіе въ стѣнѣ своихъ хижинъ. Скандинавы также считали необходимымъ проломъ стѣны, приходившейся за головой покойника, или прорываніе отверстія подъ стѣной, черезъ которое вытаскивался трупъ. Когда стали строиться болѣе прочныя зданія изъ камня, то проломъ стѣны замѣняли окномъ или дѣлали особенныя двери, которыя служили исключительно для выноса покойника. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ средней Италіи до сихъ поръ можно въ каждомъ домѣ видѣть особенныя двери для выноса умершихъ. Очевидно, что „проиманіе помоста“ при погребеніи князя Владиміра относилось къ тому же обычаю.

Объясненія этого обычая, по справедливому замѣчанію г. Анучина, слѣдуетъ искать у тѣхъ народовъ, у которыхъ онъ и до нынѣ сохранился. Такъ готтентоты говорятъ, что выносъ покойника не черезъ обыкновенный ходъ дѣлается для того, чтобы умершій забылъ обратный входъ и не могъ, еслибы захотѣлъ, опять войти въ жилище; обитатели Конго объясняютъ обычай тѣмъ, чтобы умершій не могъ представиться живымъ какъ привидѣніе, одинъ взглядъ на которое можетъ быть причиною смерти; по понятіямъ нѣкоторыхъ нашихъ сибирскихъ инородцевъ, если вынести покойника въ дверь, онъ можетъ вернуться (зная входъ) и утащить кого-нибудь изъ живыхъ—народная фантазія, повидимому, полагаетъ, что умершій можетъ возвратиться только тѣмъ путемъ, какимъ его вынесли. „Страхъ передъ умершимъ, признаніе его опаснымъ и нечистымъ, можетъ быть констатированъ, какъ у дикихъ австралійцевъ, индѣйцевъ, готтентотовъ, такъ и у древнихъ грековъ, римлянъ и у современныхъ германскихъ и славянскихъ народовъ, причѣмъ страхъ этотъ отражается и на похоронныхъ обрядахъ принятіемъ извѣстныхъ предосторожностей или предохранительныхъ мѣръ отъ возвращенія мертвеца въ жилище и отъ вреда, который онъ можетъ причинить живымъ“ (стр. 13).

Между прочимъ проиманіе помоста при погребеніи Владиміра находитъ объясненіе въ миниатюрѣ, находящейся въ извѣстномъ Сильвестровскомъ спискѣ сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ. Здѣсь именно изображено, какъ два отрока спускаютъ въ сани обернутое въ воверь тѣло черезъ *разобранную верхнюю часть забора* ¹⁾.

Что касается саней, то очевидно, что присутствіе ихъ въ такое время года (въ серединѣ лѣта), когда обыкновенно употребляются уже другого рода экипажи, должно быть отнесено также къ какому-нибудь старому обычаю. Дѣйствительно, въ лѣтописи сохранился цѣлый рядъ упоминаній о погребеніяхъ, гдѣ такимъ же образомъ лѣтомъ употреблялись сани, которыя везли люди за веревки, или же несли на рукахъ. Сани употреблялись при царскихъ похоронахъ еще въ XVII столѣтіи, причѣмъ въ современныхъ записяхъ этотъ обычай называется „давнимъ“. Мало того, сохранились любопытныя упоминанія, что въ другихъ саняхъ несли отъ дома до церкви и вдову покойнаго ²⁾. Въ Цар-

¹⁾ Что дѣйствительно отвѣчаетъ тексту: „между кѣтymi проиавше помость“, т.-е. разобравши заборъ между домами.

²⁾ Такъ говорится о погребеніи великаго князя Василя Ивановича, въ 1584 году: „Тогда же вьяша тѣло великаго князя... старци Троицкие и Осифовскіе и повесоша его на головахъ... Великую же княгиню Елену несоша ея изъ еѣ хоромъ въ саняхъ на себѣ дѣти боярскіе, а съ нею или бояре“ (Вторая Софійская лѣтопись)....

ственной книгѣ, какъ сообщаетъ г. Анучинъ, одна изъ миниатюръ изображаетъ выносъ тѣла вел. князя Василя Ивановича. Представленъ Кремль: на переднемъ планѣ верхи стѣнъ, на заднемъ— соборъ. Тѣло несется на одрѣ, безъ гроба, на плечахъ, монахами и боярами: за тѣломъ идутъ духовенство, князья, придворные и несутъ овдовѣвшую царицу въ саняхъ. Царица сидитъ одна, съ покрытою головою, и повидимому утираетъ слезы кулаками, закутанными одѣяніемъ. Сани походятъ своею формою на изображенныя въ Сильвестровскомъ спискѣ свазанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, только повидимому онѣ нѣсколько болѣе украшены рѣзьбою и снабжены болѣе креслообразнымъ задкомъ. Около саней и за ними идутъ бояре и боярыни, на заднемъ планѣ виднѣется народъ (стр. 21).

Авторъ приводитъ изъ старыхъ документовъ выписки о царскихъ погребеніяхъ до первыхъ годовъ XVIII вѣка. До конца XVII вѣка постоянно упоминаются сани, обыкновенно обиты червчатымъ сукномъ, или бархатомъ, или бархатомъ золотнымъ, но тѣло полагается уже не прямо въ сани, а на сани ставится гробъ. Такъ хоронили царицу Наталью Кирилловну въ 1694 году, царя Іоанна Алексѣевича въ 1696; но въ 1706 году, когда хоронили тетку царя Петра Алексѣевича, Татьяну Михайловну, то въ современной записи отмѣчено, что гробъ ея былъ поставленъ „на одрѣ уготовленный, и тотъ одрѣ обить былъ сукномъ алымъ“, а затѣмъ въ Вознесенскій монастырь, „несли на одрѣ, а не на саняхъ, и затѣмъ поставили посреди церкви на одрѣ, на чемъ несли“ (стр. 29). Это была уже окончательная отмѣна саней.

Затѣмъ г. Анучинъ, возвращаясь къ объясненію пользованія санями при погребеніи, опровергаетъ мнѣніе прежнихъ изслѣдователей, что эти сани, упоминаемыя старой лѣтописью, кромѣ своего обыкновеннаго значенія имѣли еще и другія, а именно, что подъ ними разумѣлся особый одрѣ и повозка, на которой относили или отвозили въ погребенію, а также родъ носилокъ, въ которыхъ носили иногда знаменитыхъ особъ,—и утверждаетъ, по нашему мнѣнію совершенно справедливо, что это были именно сани. Колесные экипажи существовали и въ далекой древности: это были „кола“, или „возъ“, позднѣе заимствованная отъ тюркскихъ народовъ „телѣга“¹⁾, еще позднѣе „колымага“, кажется съ XVII вѣка „ворѣта“, коляска, а со времени Петра и другіе экипажи съ западно-европейскаго образца²⁾.

¹⁾ Слово: „колесница“ было старо-славянское.

²⁾ Слово: „кола“ г. Анучинъ считаетъ, кажется, существительнымъ женскаго рода и единственнаго числа; вѣрнѣе это—множественное число средняго рода, и означало

Собирая упоминанія о саняхъ, г. Анучинъ приходитъ къ выводу, что сани употреблялись вообще и лѣтомъ, какъ болѣе спокойный экипажъ, и особенно въ торжественныхъ случаяхъ онѣ были какъ будто необходимой принадлежностью церемоніи. Въ прежнее время, историкъ приводитъ въ недоумѣніе это обстоятельство, и напр. Устряловъ и даже таковой знатокъ русскаго стараго обычая, какъ г. Забѣлинъ, полагали, что сани въ подобныхъ случаяхъ (когда говорилось о лѣтнемъ времени) обозначали что-либо другое, воляску или иной экипажъ; нашъ авторъ настаиваетъ, что дѣло шло именно о самыхъ настоящихъ саняхъ. Патріархъ Питиримъ, поставленный въ 1672 году, ѣздилъ около Кремля въ каретѣ, но его предшественникъ ѣздилъ еще въ саняхъ, и въ путешествіи Мейерберга, бывшаго въ Москвѣ въ 1661—1662 годахъ, помѣщенъ рисунокъ саней крутицкаго митрополита Петра, причемъ въ подписи къ рисунку значится, что въ этихъ саняхъ митрополитъ ѣздитъ какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Употребленіе саней объясняется между прочимъ и состояніемъ тогдашнихъ мостовыхъ или ихъ отсутствіемъ. Вообще, замѣчаетъ г. Анучинъ, „дороги были часто трудно проходимы, а во многихъ болотистыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ дорогъ, можно сказать, не было, и ѣзда на колесахъ была почти невозможна. Въ нѣкоторыхъ глухихъ частяхъ олонецкой, вологодской, костромской губерній еще и теперь колеса почти неизвѣстны, и крестьяне ѣздятъ и зимою и лѣтомъ на дровняхъ или на волокушахъ“²⁾.

Въ заключеніе г. Анучинъ обращается къ вопросу: почему же сани пользовались такой привилегіей при похоронномъ обрядѣ, почему ихъ употребляли не только при перевозѣ, но и для несенія тѣла и потомъ гроба? Для отвѣта на вопросъ авторъ обращается къ бытовымъ обычаямъ древнимъ и современнымъ ино-

во все не „обыкновенную телегу, на четырехъ колесахъ одинаковой величины и, конечно, такую же тряскую, какъ и современная“ (стр. 31—32): скорѣе это повозка двухъ-колесная, по нынѣшнему одноколка; повозка четырехъ-колесная (телега) была принята вѣроятно позднѣе и заимствованіе ея сопровождалось и заимствованіемъ именованіемъ. Въ миниатюрѣ Сильвестровской рукописи для изображенія этой одноколки могла быть нарисована четырехъ-колесная повозка просто потому, что въ то время, въ XIV вѣкѣ, это была уже обыкновенная вещь.

¹⁾ Дѣтъ тридцать тому назадъ намъ случилось быть лѣтомъ въ Амстердамѣ и мы собственными глазами видѣли употребленіе саней для перевозки небольшихъ тяжестей, причемъ на передкѣ саней прилаженъ былъ боченокъ, изъ котораго при каждомъ толчкѣ выплескивалась вода, смачивая мостовую передъ санями. Не знаемъ, существуетъ ли до сихъ поръ этотъ архаическій экипажъ. На картинкѣ египетскихъ саней, приведенной г. Анучинимъ (стр. 59), видно, что у египтянъ для поливанія воды подъ полозья саней приставлялся особый человекъ.

родческимъ и ему кажется вообще, что этотъ обычай, быть можетъ, былъ не столько славянскій, сколько представляетъ пережитой остатокъ финскаго. У сѣверныхъ финновъ (у которыхъ сани составляютъ единственную повозку) тѣло умершаго кладется на сани, которыя везутся оленями на кладбище, и послѣ погребенія (или просто прикрытія трупа досками) олени убиваются и совершается тризна, т.-е. мясо олене съѣдается, а кости и рога оставляются на могилѣ вмѣстѣ съ санями. У финновъ, какъ вообще у многихъ древнихъ и дикихъ народовъ, съ покойникомъ владѣли въ могилу служившія ему вещи, орудія, украшенія—по предположенію, что умершій можетъ нуждаться въ нихъ въ загробной жизни. „Обычай оставленія саней былъ вызванъ, несомнѣнно, тѣми же мотивами, какъ и погребеніе съ умершимъ другихъ видовъ его собственности; съ одной стороны, боязнью умершаго и всего того, что ему принадлежало, и опасеніемъ, какъ бы пользованіе его вещами не причинило вреда живущимъ; съ другой—представленіемъ о загробной жизни, какъ о сходной съ настоящею и слѣдовательно требующей подобной же обстановки быта, причѣмъ требованіе это становится тѣмъ болѣе обязательнымъ, что неисполненіе его было бы невниманіемъ къ умершему, за которое покойникъ могъ бы отомстить живымъ“.

Въ заключеніе г. Анучинъ излагаетъ такъ сказать исторію саней, ихъ происхожденіе и различное бытовое примѣненіе у разныхъ народовъ. Первымъ началомъ саней весьма естественно принять тотъ способъ передвиженія и перевозки, какой употребляется доннѣ въ разныхъ мѣстахъ на сѣверѣ Россіи, въ Сибири, какъ и въ Техасѣ, и отличается самой первобытной и элементарной простотой: это такъ-называемая волокуша, двѣ жерди, которыя привѣршляются по бокамъ лошади или быка такъ, что длинные концы жердей волочатся по землѣ; нѣсколько выше этихъ концовъ онѣ соединяются перекладинами, на которыхъ кладется грузъ или устроивается сидѣнье. Изъ этой элементарной формы не трудно представить дальнѣйшее усовершенствованіе, когда она превратилась въ сани въ ихъ разныхъ видахъ. „Опытъ могъ показать неудобство подобнаго способа перевозки (на волокушахъ) въ томъ отношеніи, что такія длинныя жерди, при значительной влادی или неровной дорогѣ, легко могли ломаться въ мѣстѣ своего наибольшаго перегиба. Пришлось, можетъ быть, иногда привязывать во время пути отломившуюся оглобельную половину къ остальной, помощью веревки или ремня, и практика могла показать, что такое раздвоеніе жерди связкой ея половинокъ представляетъ многія удобства и выгоды. Разъ это

было дознано, изобрѣтеніе саней могло считаться, въ принципѣ, совершившимся, и оставалось только приспособить лучше полозья въ томъ смыслѣ, чтобы они не натыкались своими передними концами (были загнуты напереди кверху), скользили бы легче и были бы снабжены болѣе удобнымъ помѣщеніемъ для кладѣ и сидѣнья. Это было достигнуто загибомъ вверху переднихъ концовъ полозьевъ (ихъ головокъ), сглаженіемъ (обтесываніемъ) ихъ нижнихъ сторонъ и укрѣпленіемъ въ ихъ верхнихъ сторонахъ копыльцевъ, связанныхъ „вязками“ поперекъ и „грядками“ вдоль, послѣ чего на такомъ остовѣ могъ быть, въ случаѣ надобности, прилаженъ кузовъ“ (стр. 66).

Но несмотря даже на изобрѣтеніе колесныхъ экипажей, волокуши употребляются и донинѣ, какъ простѣйшее средство передвиженія, или за недостаткомъ другихъ средствъ перевозки, или по свойству дикой мѣстности, не допускающей другого экипажа, или по инымъ соображеніямъ удобства. Что касается употребленія саней при погребальномъ обрядѣ, какъ у насъ до конца XVII-го столѣтія, онѣ очевидно держались по давнему обычаю, который естественно сохранялся при такомъ важномъ обрядѣ, какъ погребеніе.

Слѣдующій трактатъ книги г. Анучина посвященъ ладѣ. Русская древность опять дала поводъ къ изслѣдованію этого вопроса, такъ какъ арабскій путешественникъ начала X вѣка, Ибнъ-Фадланъ, посѣтившій древній городъ Булгаръ на Волгѣ, гдѣ велась тогда большая торговля, между прочимъ подробно описываетъ похоронный обрядъ, который онъ самъ видѣлъ: въ этотъ городъ приходили для торговли также русы, и Ибнъ-Фадланъ рассказываетъ, какъ хоронили въ его время одного знатнаго руса. По словамъ его, въ случаѣ смерти знатнаго человѣка совершался вообще слѣдующій обрядъ: „его судно вытаскивали на берегъ, ставили между деревянными столбами на костеръ изъ дровъ и приготовляли для помѣщенія умершаго. Судно убирали коврами, подушками изъ „румской“ (византійской) матеріи; на немъ разбивали шатеръ и въ шатрѣ этомъ помѣщали умершаго, который за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ вынесенъ изъ дому и положенъ во временную могилу. На мертвеца надѣвали шаравары, сапоги, куртку, кафтанъ съ золотыми пуговицами, соболью шапку и сажали его на коверъ, подпирая подушками; рядомъ съ нимъ ставили „горячій напитокъ“, плоды, хлѣбъ, мясо, лукъ, благовонныя травы и клали все его оружіе; въ шатеръ бросали также убитую и разрубленную на части собаку, а равно двухъ разрубленныхъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицу, затѣмъ вво-

дили туда же одну изъ дѣвушекъ повойнаго, которую убивали, удавливая веревкой и вонзая кинжалъ между ребрами, наконецъ зажигали костеръ, который и сгоралъ вмѣстѣ съ судномъ, и со всѣмъ, что въ немъ было положено“ (стр. 73).

Ибнъ-Фадланъ передаетъ все это съ большими подробностями.

Толкованіе этого извѣстія нашими историками можетъ служить примѣромъ неустойчивости нашей археологической науки. Первый издатель арабскаго историка, знаменитый ориенталистъ Френъ, думалъ, что „во всей той картинѣ, которую представляетъ намъ арабскій писатель о положеніи русовъ на Волгѣ во время Игоря, сына Рюрика, мы снова находимъ норманновъ, какъ ихъ описываютъ, около того же самаго времени, франкскіе и англійскіе писатели, и видимъ, какъ арабъ точно будто протягиваетъ имъ руку на Востокъ“. Это мнѣніе раздѣлялось большинствомъ нашихъ историковъ; но, замѣчаетъ г. Анучинъ, „когда явилась оппозиція норманской теоріи и стало распространяться воззрѣніе, что русы были славяне, тогда оказалось, что данныя Ибнъ-Фадлана могутъ быть, *съ тою же степенью вѣроятности*, приурочены и къ древнимъ славянамъ“. По заключенію г. Самоквасова „въ общемъ и въ частностяхъ обрядъ, описанный Фадланомъ и обрядъ черниговскихъ (сѣверянскихъ) кургановъ сходны до такой степени, что несомнѣнно принадлежать одному народу“. На это еще раньше, въ 1850, указывалъ Бѣляевъ, который находилъ, что арабскій писатель „русскими“ похоронами называетъ похороны сѣверянъ. Въ то время еще не были извѣстны формы погребенія въ древнихъ сѣверянскихъ курганахъ; теперь несомнѣнно, что у древнихъ сѣверянъ, а также у кривичей и частью въ землѣ мерянской практиковалось сожженіе. „Конечно,—замѣчаетъ г. Анучинъ,—раскопки указанныхъ кургановъ не въ состояніи были доставить всѣ данныя для идентифицированія ссыпавшихъ эти курганы народностей съ русами Ибнъ-Фадлана, но, во всякомъ случаѣ, онѣ нѣсколько подтвердили вѣроятность принадлежности этихъ русовъ къ славянамъ“. Авторъ упоминаетъ затѣмъ мнѣніе о томъ же предметѣ г. Стасова и находитъ остроумными его соображенія въ пользу того, что подъ русами Ибнъ-Фадлана можно съ гораздо болѣею вѣроятностью видѣть инородческое племя, въ бытѣ котораго совмѣстно присутствовали черты финскія и тюркскія; г. Стасовъ находилъ, однако, что похороны въ ладѣ составляютъ коренную черту быта древнихъ германцевъ и скандинавовъ, причемъ, по замѣчанію г. Анучина, онъ „повидимому не зналъ, что ладва составляетъ столь же характерный и существен-

ный атрибутъ похоронъ и у нѣкоторыхъ финскихъ народностей“ (стр. 73—74).

Затѣмъ г. Анучинъ находитъ, однако, что сожженіе въ ладѣ было типическою чертою похороннаго обряда у скандинавовъ, и сопоставляетъ много любопытныхъ археологическихъ свидѣтельствъ въ объясненіе этого обряда.

Такимъ образомъ мы, собственно говоря, остаемся въ недоумѣніи: о комъ же рассказывалъ арабскій писатель? У скандинавовъ погребеніе и сожженіе въ ладѣ было „типическою чертой“, но „съ тою же степенью вѣроятности“ можно приписать это погребеніе сѣверянамъ и кривичамъ, мерянской землѣ (т.-е. у русскихъ славянъ или у мери?), наконецъ, какъ дальше указывается, и самимъ финно-тюрескимъ племенамъ; вопросъ остается неразрѣшеннымъ. Но такъ или иначе, г. Анучинъ собралъ по крайней мѣрѣ въ большомъ изобиліи факты относительно погребенія въ ладѣ или въ ладьеобразной могилѣ: онъ сообщаетъ о любопытныхъ раскопкахъ въ Швеціи и Норвегіи, гдѣ между прочимъ найдены были въ курганахъ погребальныя ладьи скандинавскихъ викинговъ, впрочемъ несожженные; скандинавскія саги рассказываютъ и о сожженіи въ ладѣ; далѣе г. Анучинъ указываетъ въ остзейскомъ краѣ, въ Швеціи и сѣверной Германіи ладьеобразныя каменные ограды, означавшія мѣсто погребенія, и т. д. Погребеніе въ лодкѣ или въ ладьеобразномъ ящикѣ, но не въ землѣ, а на столбахъ, извѣстно у разныхъ дикарей Америки и Полинезіи; у нашихъ инородцевъ въ Сибири употребительно донныя погребеніе подъ лодкой или въ ладьеобразномъ гробѣ, или подъ лодкою, которая служитъ покрывшею для могилы.

Къ этому погребенію въ лодкѣ, или вообще съ ея присутствіемъ, г. Анучинъ приурочиваетъ извѣстіе, находящееся въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ, что когда князь Глѣбъ былъ убитъ, то онъ былъ положенъ въ пустомъ мѣстѣ „между двѣма колодами“, т.-е. между двумя колодами, а миниатюра въ упомянутомъ Сильвестровскомъ спискѣ, прибавляетъ еще: „подъ насадомъ“, т.-е. подъ лодкой; на картинкѣ дѣйствительно изображено завернутое тѣло святого Глѣба между двумя обрубленными стволами и нѣсколько варяговъ владутъ поверхъ лодку. Г. Анучинъ припоминаетъ сходный обычай алтайцевъ, монголовъ, а также эскимосовъ. Въ древнихъ курганахъ европейской Россіи и Сибири, кажется, не было находимо остатковъ большой ладьи, какіе упомянуты выше въ могилахъ скандинавскихъ; но нѣкоторое подобіе лодокъ встрѣчено было и въ русскихъ курганахъ: такъ находимы

были деревянные склепы, похожіе на большую лодку; въ раскопкахъ мордовскихъ кургановъ находили обыкновенно яму лодкообразной формы. Наконецъ, нѣкоторымъ подобіемъ лодокъ были деревянные выдолбленные колоды, которыя употреблялись въ качествѣ гробовъ у германскихъ и славянскихъ народовъ и даже у населенія бронзоваго вѣка западной Европы.

Употребленіе ладьи при погребеніи вызывалось, какъ говоритъ г. Анучинъ, не однимъ удобствомъ такого способа похоронъ: многіе народы, имѣющіе лодки, не пользуются ими для этого; удобнымъ не могло быть употребленіе слишкомъ большихъ лодокъ, надъ которыми нужно было насыпать высокіе курганы (какъ это бывало, напр., въ скандинавскихъ погребеніяхъ); иногда слишкомъ большая лодка перепиливалась на-двое и т. п. Очевидно употребленіе лодки вызывалось другими причинами. „Одною изъ такихъ причинъ,—говоритъ Анучинъ,—могла быть та же, какъ и по отношенію къ другимъ предметамъ бытовой обстановки покойника. Если ладья составляла собственность умершаго и была столь же необходима ему для добыванія средствъ къ существованію, какъ напримѣръ оружіе, лыжи и т. п., то на обязанности родственниковъ или односельцевъ лежало снабдить его въ могилѣ и этимъ средствомъ къ передвиженію, чтобы не причинить ему ущерба въ загробной жизни и не вызвать тѣмъ его гнѣва на оставшихся. Но, кромѣ того, употребленіе при похоронахъ ладьи могло имѣть еще и другой смыслъ. У многихъ народовъ существуетъ представленіе, что загробный міръ находится гдѣ-то на землѣ же, хотя и на значительномъ разстояніи, за горами, или за моремъ, или въ низовьяхъ длинной рѣки и т. п. Въ томъ случаѣ, когда путь туда идетъ по сушѣ, является забота облегчить прохожденіе его умершему обуваніемъ его въ саногі, положеніемъ съ нимъ палки, умерщвленіемъ на его могилѣ коней или оленей, оставленіемъ саней. Многіе народы раздѣляютъ однако воззрѣніе, что загробный міръ отдѣленъ отъ настоящаго водою, что онъ находится за предѣлами обширнаго моря. Употребленіе ладьи при погребеніи въ этомъ случаѣ могло вызываться тѣмъ воззрѣніемъ, что души умершихъ, сами по себѣ, не могутъ перемѣщаться по водѣ, что вода составляетъ недоступный для нихъ элементъ, что для переправы на тотъ свѣтъ имъ необходима нѣкоторая посуда, лодка. Чаше однако встрѣчается представленіе, что міръ здѣшній отдѣленъ отъ міра загробнаго рѣкою, собственно „рѣкою смерти“, но которая иногда отождествляется до извѣстной степени съ ближайшею большою дѣйствительною рѣкою, впадающею въ море“ (стр. 100).

Представленіе объ этой рѣкѣ не дѣлало однако необходимымъ снабжать умершаго лодкой: черезъ рѣку могъ перевести особый перевозчикъ, какъ знаменитый классическій Харонъ, и на плату ему греки, а потомъ римляне клали умершему въ ротъ монету. Какъ полагають, отъ римлянъ этотъ обычай перешелъ въ бриттамъ, германцамъ, славянамъ; монеты находили также въ могилахъ финскихъ и тюрескихъ; наконецъ, тотъ же обычай указываютъ у многихъ народовъ Азии и у американскихъ индѣйцевъ. Въ предѣлахъ Россіи монеты кладутся еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи; кое-гдѣ этотъ обычай существуетъ у бѣлоруссовъ, у великоруссовъ, у финновъ; обычай существуетъ также до настоящаго времени во Франціи и въ Германіи.

Третья статья г. Анучина говорить о роли коней въ погребальномъ обрядѣ.

Новѣйшія раскопки сдѣлали общезвѣстнымъ фактъ нахожденія лошадиныхъ костей въ могилахъ. Обычай погребать или сожигать лошадей при погребеніи относится къ очень далекой древности. Лошадиныя кости находятъ одинаково въ могилахъ съ погребеніемъ и съ сожженіемъ покойника. Полагають, что начало этого обычая относится къ эпохѣ металлической: въ каменномъ вѣкѣ лошадь прирученная была еще рѣдка и распространилась съ появленіемъ металловъ, бронзы и желѣза; но были однако случаи, что кости лошадей находимы были и въ такихъ могилахъ, гдѣ не оказывалось никакихъ издѣлій кромѣ каменныхъ и костяныхъ, — полагають, что это было въ самомъ концѣ каменнаго вѣка, предъ введеніемъ металловъ.

Погребеніе или сожженіе лошади очевидно имѣло тотъ же смыслъ, какъ вообще положеніе въ могилу различныхъ предметовъ, долженствовавшихъ служить умершему въ его загробной жизни. Отъ древнѣйшихъ временъ обычай сохранился, въ болѣе грубыхъ формахъ быта (напр., у нашихъ сибирскихъ инородцевъ), даже до настоящаго времени. Онъ совершался, конечно, въ различныхъ вариантахъ, отъ погребенія покойника верхомъ на лошади до положенія въ могилу только ея черепа или ножныхъ костей или положенія только удила и стремятъ ¹⁾.

Одною изъ самыхъ торжественныхъ формъ погребенія съ ло-

¹⁾ Между прочимъ описывая разныя обычаи погребенія, въ которыхъ участвуетъ лошадь, г. Анучинъ приводитъ (стр. 107) показаніе стариннаго путешествія Георга, что у башкиръ, когда везутъ покойника къ могилѣ, „мертвое тѣло, привязанное къ доскамъ, висеть промежъ двухъ лошадей“. Если не ошибаемся, въ этой подробности нѣтъ никакого спеціально похороннаго обряда; это былъ обычный способъ передвиженія для вещей — и для людей, которые не могли ѣхать верхомъ.

шадью было погребеніе умершаго верхомъ, въ парадномъ костюмѣ, съ оружіемъ и украшеніями. Такого погребенія удостоивались, какъ полагаетъ г. Анучинъ, извѣстные вожди, воины и богатыри. Древнія погребенія подобныхъ важныхъ лицъ получали ужасающую форму. При похоронахъ убивали не только лошадей, собакъ, но и людей; Иліада рассказываетъ о плѣнныхъ троянцахъ, которые вмѣстѣ съ собаками и лошадьми повержены были на погребальный костеръ Патрокла; поэтъ Лукіанъ, говоря вѣроятно о погребеніяхъ у эллинизированныхъ варваровъ, восклицаетъ: „сколько умерщвляется на могилахъ лошадей, наложницъ, виночерпій! сколько одеждъ, уборовъ сожигается или зарывается въ землю вмѣстѣ съ умершими!“ Остатки такого рода погребеній именно представляютъ скиѣскіе курганы въ южной Россіи и въ Крыму, относящіеся къ періоду времени съ V-го вѣка до Р. Х. и позднѣе и нерѣдко замѣчательно отвѣчающіе рассказамъ Геродота: это тѣ курганы, изъ которыхъ извлечены богатые памятники греко-скиѣской древности, собранные въ музеяхъ, и въ особенности въ Эрмитажѣ. Геродотъ подробно рассказываетъ, какъ въ его времена хоронили скиѣскаго царя, къ которому въ могилу помѣщали его наилучшую утварь, вооруженіе, а также задушенную наложницу и слугъ; но черезъ годъ совершались еще поминки на могилѣ царя. „При этомъ скиѣы удушали 50 человекъ отборныхъ его слугъ и 50 самыхъ красивыхъ коней, вынимали изъ нихъ внутренности, наполняли тѣла мякиною (соломою) и зашивали; затѣмъ укрѣпляли эти трупы лошадей на пестяхъ, поддерживаемыхъ подставками, такъ что переднія и заднія ноги ихъ висѣли на воздухѣ, и надѣвали на головы ихъ уздечки, а на лошадиные трупы усаживали тѣла 50-ти давленныхъ коношей, именно сажали ихъ на воль, нижній конецъ котораго укрѣпляли на перекладинѣ, проходившей черезъ тѣло лошади. Уставивъ вокругъ могилы такихъ всадниковъ, говоритъ Геродотъ, скиѣы уходили. — И. Е. Забѣлинъ высказалъ предположеніе, что эти убитые, въ годовщину смерти царя, слуги и кони погребались затѣмъ въ особомъ курганѣ, по близости царскаго“ (стр. 122—123).

„Испанскій герой Сидъ,—говоритъ г. Анучинъ,—былъ похороненъ, по преданію, верхомъ на своемъ боевомъ конѣ, Бабіевѣ, и съ своимъ вѣрнымъ мечемъ Тизоной въ рукахъ, какъ бы вѣчно готовый драться съ невѣрными. Нашъ сказочный богатырь, Потокъ Михаилъ Ивановичъ, по смерти жены, велѣлъ себя похоронить заживо на своемъ конѣ:

А и тутъ стали могилу копать,
 Выкопали могилу глубокую и великую,
 Глубиною, шириною по двадцати сажень...
 И тутъ Потокъ Михаилъ Ивановичъ
 Съ конемъ и вбруею ратною
 Опустился въ тоежъ могилу глубокую,
 И заворочали потолокомъ дубовымъ
 И засыпали песками желтыми (стр. 110).

Укажемъ еще любопытное замѣчаніе г. Анучина. Въ Австраліи, — говоритъ онъ, — въ Полинезіи, въ Америкѣ, въ большей части южной Африки, лошадь не была извѣстна до прибытія европейцевъ; американскіе туземцы узнали лошадь только отъ европейскихъ колонистовъ, но въ XVII-мъ столѣтіи нѣкоторые изъ степныхъ индѣйскихъ племенъ были уже настоящими конными народами, и лошадь заняла въ ихъ погребальномъ обрядѣ то же самое значеніе, какое мы упоминали выше у первобытныхъ племенъ Европы и Азіи. „Любопытно, что у какихъ-нибудь Команчей, Апашей, Патагонцевъ — похоронные обряды сложились скоро въ такомъ видѣ, что стали отчасти напоминать соотвѣтственные обряды многихъ конныхъ народовъ древности, какъ, напримѣръ, скифовъ, половцевъ и другихъ“ (стр. 106). Описаніе похоронъ индѣйскаго вождя, Черной Птицы, приведенное г. Анучинымъ изъ одного американскаго писателя, очень недалеко отъ погребенія скинскаго царя, какъ оно описано Геродотомъ.

Въ нашей литературѣ еще немного изслѣдованій, какое представляетъ книга г. Анучина, и было бы очень желательно, чтобы онѣ размножились, для успѣховъ нашей бытовой археологіи и археологіи вообще. По тѣмъ примѣрамъ, какіе мы приводили, можно видѣть, какъ съ расширеніемъ наблюдений обычаевъ другихъ народовъ, древнихъ и новыхъ, объясняются факты нашей собственной бытовой археологіи, которые безъ этого еще недавно казались загадочными. Многое, что давно стало у насъ отжитымъ фактомъ, еще сохраняется въ быту какаго-нибудь полудикаго племени, и смыслъ явленія, обряда и обычая, какъ вѣрно замѣчалъ г. Анучинъ, можетъ быть въ особенности понять тамъ, гдѣ этотъ обрядъ и обычай сбереглись еще на практикѣ. Такимъ образомъ можетъ быть объясняема самая психологія народнаго быта, въ чемъ, конечно, и заключается главнѣйшій интересъ науки. Мы видѣли также, какую помощь этимъ изысканіямъ доставляютъ новѣйшія археологическая изслѣдованія, раскопки кургановъ и могилъ; но что касается нашихъ изслѣдованій этого рода, ихъ результаты (какъ признаетъ и нашъ авторъ, стр. 125) остаются

пока еще очень загадочными. Трудность заключается какъ въ томъ, что наиболѣе замѣчательные курганы въ большинствѣ случаевъ оказываются давно расхищенными, такъ и въ томъ, что памятники этого рода остаются у насъ единственными, не сопровождаясь никакими иными свидѣтельствами древности: племена, проживавшія на огромныхъ пространствахъ южной Россіи, были издавна кочевыя; архитектура также издавна—самая неблагодарная, деревянная, такъ что наша бытовая археологія лишена цѣлаго отдѣла памятниковъ, какими богаты другіе народы не кочевые и съ архитектурой каменной; наконецъ, для насъ очень поздно начинается и еще одинъ важный отдѣлъ памятниковъ—памятники письменные. Во всякомъ случаѣ изъ того, что есть, именно при помощи сравнительно-археологическаго приѣма можно извлечь еще многое для пользы нашихъ историческихъ и этнографическихъ знаній. Наша наука все еще молода, и по молодости лѣтъ въ ней донинѣ возможны такія фантастическія реставраціи старинны, какія, напримѣръ, недавно предложилъ г. Самоквасовъ; тѣмъ пріятнѣе встрѣтить работы, исполненныя съ такимъ изобиліемъ начитанности и съ такою здравою критикою, какъ настоящая книга г. Анучина.

А. Пыпинъ.

ГУСТАВЪ IV и ЕКАТЕРИНА II

въ 1796 г.

Исторія отношеній между Россією и Швецією во время царствованія императрицы Екатерины II неоднократно служила предметомъ спеціальнаго разбора. Въ особенности были изучаемы частности болѣе или менѣе враждебныхъ отношеній между Екатериною II и Густавомъ III. Гораздо менѣе въ исторической литературѣ было обращено вниманіе на факты, относящіеся къ послѣднему времени царствованія Екатерины, на ту роль, которую игралъ преемникъ Густава III, юный король Густавъ IV. Пребываніе этого государя въ Россіи въ 1796 году, почти наканунѣ кончины императрицы Екатерины II, пока еще не было предметомъ подробнаго изученія на основаніи изданныхъ въ изобиліи источниковъ. Вопросу о путешествіи Густава IV въ Россію, о его сватовствѣ на дочери Павла и о томъ, какъ этотъ бракъ, котораго желали и въ Швеціи, и въ Россіи, не состоялся — посвящено слѣдующее изложеніе.

Уважемъ вератцѣ на источники и пособія, которыми мы могли пользоваться при рѣшеніи этой задачи.

Безпристрастное и всестороннее изученіе этого предмета сдѣлалось возможнымъ не раньше, какъ послѣ появленія въ свѣтъ множества документальныхъ данныхъ, а именно дипломатическихъ нотъ, писемъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и слѣдившихъ въ качествѣ зрителей за этими событіями современниковъ и пр. Устные разсказы, анекдоты, сплетни, гораздо раньше извѣстные, оказывались далеко не достаточнымъ матеріаломъ для разъясненія относящихся къ этому предмету фактовъ. А именно анекдоты занимаютъ самое видное мѣсто въ первыхъ попыткахъ изложенія

этихъ событій. Мы говоримъ о сочиненіи Кастера: „Vie de Cathérine II“, появившемся въ 1797 году, и о первомъ томѣ „Mémoires secrets sur la Russie“ Массона, изданныхъ въ 1800 году. При всей важности нѣкоторыхъ данныхъ, сообщенныхъ этими авторами, многіе факты, передаваемые этими историками-памфлетистами, оказываются невѣрными. Къ сожалѣнію, эти источники, при употребленіи которыхъ требуется крайняя осторожность и строгая критика, сильно повліяли въ исторической литературѣ на оцѣнку характера и личности императрицы Екатерины II, и еще недавно служили главнымъ матеріаломъ при разсказѣ о пребываніи Густава IV въ Россіи. Такъ напр., въ появившемся въ 1871 году сборникѣ „Памятники новой русской исторіи“, изданномъ Кашпиревымъ, былъ помѣщенъ разсказъ Массона въ русскомъ переводѣ; сопровождающія этотъ переводъ примѣчанія основаны лишь на весьма немногихъ другихъ источникахъ и не представляютъ собою достаточнаго контроля правдивости Массона. Это повторилось и въ 1876 году, когда въ монографіи о Платонѣ Зубовѣ („Р. Старина“, т. XVII) также былъ воспроизведенъ разсказъ Массона; и на этотъ разъ критика этого источника ограничивалась нѣкоторымъ числомъ вопросительныхъ знаковъ, поставленныхъ въ текстѣ перевода.

Гораздо солиднѣе относились къ этому предмету и къ соотвѣтствующему ему историческому матеріалу Карновичъ и Чумиковъ.

Карновичъ помѣстилъ въ журналѣ „Древняя и новая Россія“ (1879, I) монографію: „Александра Павловна, палатина венгерская“. Этотъ трудъ Карновича, какъ и многія другія статьи этого плодовитаго и отличающагося обширною начитанностью писателя, имѣетъ главнымъ образомъ беллетристическій, а не научный характеръ; однако автору извѣстны нѣкоторыя изъ новѣйшихъ коллекцій дѣловыхъ бумагъ и писемъ современниковъ, и разсказъ его оказывается довольно полнымъ и отчетливымъ. Къ сожалѣнію, въ статьѣ почти нѣтъ ссылокъ на источники.

Этимъ же недостаткомъ страдаетъ и интересная и богатая содержаніемъ статья Чумикова: „Густавъ IV и великая княжна Александра Павловна. Составлено по шведскимъ источникамъ“ („Русскій Архивъ“, 1887, I). Авторъ сообщаетъ отчасти очень любопытныя данныя, но указаніе на источники слишкомъ общее, и такимъ образомъ читатель-спеціалистъ лишенъ возможности контроля надъ матеріаломъ, находившимся въ распоряженіи автора, который, впрочемъ, почти вовсе не обращаетъ вниманія на изданный въ послѣднее время въ Россіи архивный матеріалъ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ богатствѣ архивныхъ

данныхъ, допускающихъ въ настоящее время полную оцѣнку и разработку фактовъ.

Въ девятомъ томѣ „Сборника Русскаго Историческаго Общества“ (1872 г.) помѣщена „Переписка относительно несостоявшаго брака Густава-Адольфа IV съ великою княжною Александрою Павловною. Извлечено барономъ А. Ф. Будбергомъ изъ семейнаго архива“. Множество самыхъ драгоценныхъ бумагъ — дипломатическихъ нотъ, писемъ Екатерины къ русскому послу въ Стокгольмъ, донесеній Будберга къ императрицѣ и Моркову и пр., сопровождается подробными замѣчаніями издателя, тщательно изучившаго предметъ и публиковавшаго, такимъ образомъ, богатый матеріалъ въ полуразработанномъ видѣ. Можно прямо назвать трудъ барона А. Ф. Будберга монографіею и первою научною попыткою оцѣнки политическаго значенія событій 1796 года.

Нѣсколько позже, а именно въ 1874 году, появилась въ „Русской Старинѣ“ (т. IX) статья: „Императрица Екатерина II. Историческіе матеріалы, хранящіеся въ библіотекѣ дворца города Павловска“. Тутъ сообщена переписка императрицы съ великою княгинею Маріею Феодоровною и съ Павломъ по поводу пребыванія въ Петербургѣ молодого шведскаго короля ¹⁾. Интимныя письма, которыми обмѣнивались члены царской фамиліи, даютъ возможность всмотрѣться, такъ сказать, въ закулисную часть событій, происходившихъ при дворѣ, и служатъ очень важнымъ дополненіемъ къ бумагамъ Будберга.

Менѣе важны нѣкоторыя данныя въ біографіи Безбородка, составленной Григоровичемъ (въ XXVI и XXIX томахъ Сб. И. Общ.) и въ трудѣ Кобеко о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ.

Далѣе, при изученіи нами этого предмета и при изложеніи его мы имѣли возможность воспользоваться списанными въ берлинскомъ архивѣ и обязательно сообщенными намъ С. Н. Шубинскимъ донесеніями прусскаго посланника Тауэнцина. Довольно важныя данныя мы заимствовали изъ писемъ современниковъ, саксонскихъ дипломатовъ въ изданіи Германна „Geschichte des russischen Staats“ (Ergänzungsband. Gotha 1866), Ростопчина, Завадовскаго, Татищева, Моркова, Роджерсона (въ разныхъ томахъ „Архива князя Воронцова“), Н. П. Панина (въ XVI т. „Сборника Ист. Общества“), княгини Анны Александровны Голицыной (въ XXX т. „Историческаго Вѣстника“), Гримма къ Екатеринѣ II и Екатерины II къ Гримму (томы XXIII и XLIV „Сб. Истор. Общества“), Будберга („Р. Архивъ“, 1876, I) и пр.

¹⁾ Этимъ матеріаломъ, главнымъ образомъ, воспользовался Карновичъ.

I.—ПЕРЕГОВОРЫ О БРАКѢ ДО 1796 г.

Массонъ пишетъ: „Говорили, что бракъ между великою княжною Александрю Павловною и Густавомъ (IV) былъ поставленъ въ видѣ особаго условія въ секретныхъ пунктахъ „Верельскаго мира“ (1790). При этомъ,—прибавляетъ этотъ публицистъ,—„Екатерина готовилась разыгрывать роль регентши несовершеннолѣтняго короля, котораго она вмѣстѣ съ его государствомъ взяла бы въ свою опеку“¹⁾. Въ сочиненіи Кобеко о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ указано на донесеніе саксонскаго резидента Гельбига отъ 30-го сентября 1790 г., будто Екатерина тогда уже, т.-е. именно во время заключенія Верельскаго мира, поручила отправленному въ Стокгольмъ генералу Палену дѣйствовать съ цѣлью устройства этого брака²⁾.

Эти слухи не подтверждаются какими-либо документальными данными. Къ тому же, сыну Густава III тогда было не болѣе двѣнадцати лѣтъ, а великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ лишь семь лѣтъ. А далѣе, какъ извѣстно, тотчасъ послѣ заключенія мира между Швеціею и Россіею отношенія между обонми государствами сдѣлались до того натянутыми, что можно было ожидать возобновленія войны. Уже въ апрѣлѣ 1791 года. Екатерина писала къ барону Гримму, что считаетъ вѣроятнымъ новое нападеніе на Россію Густава III; и въ другихъ письмахъ, писанныхъ въ маѣ и въ октябрѣ³⁾ она возвращалась къ этому предмету. Около этого времени русскій посланникъ въ Лондонѣ, графъ С. Р. Воронцовъ, обмѣнивался колкими выходками съ шведскимъ дипломатомъ, барономъ Нолькеномъ⁴⁾, а Суворовъ въ Финляндіи былъ занятъ приведеніемъ въ надлежащее состояніе русскихъ крѣпостей въ этомъ краѣ⁵⁾. И въ письмахъ къ барону Штапельбергу весною и лѣтомъ 1791 г. императрица повторяла, что ожидаетъ враждебныхъ дѣйствій со стороны Швеціи⁶⁾. Принцу Нассау-Зигену она приказала въ то же время, въ случаѣ какихъ-либо неблаговидныхъ поступковъ со стороны шведовъ, принять сильныя мѣры и грозить шведамъ сожженіемъ деревень въ швед-

¹⁾ Массонъ, *Mémoires secrets sur la Russie*, I, 1, 4.

²⁾ См. нѣмецкій переводъ труда Кобеко, стр. 387. Въ изданныхъ въ Архивѣ Воронцова документахъ Гельбига мы не нашли этого замѣчанія.

³⁾ Сб. Ист. Общ. XXIII, 516, 521, 562, 564.

⁴⁾ Архивъ кн. Воронцова, XVI, 286.

⁵⁾ См. его письма къ роднымъ въ іюлѣ 1791 въ „Русской Старинѣ“, VI 411.

⁶⁾ Русская Старина, III, 606—627.

ской Финляндіи и уведеніемъ въ плѣнъ жителей ¹⁾. Англійскій посланникъ Витвортъ писалъ въ маѣ 1791 г. въ Англію, что возобновленіе войны между Швеціею и Россіею въ Петербургѣ считаютъ столько же вѣроятнымъ, сколько сохраненіе мира ²⁾.

Весною 1792 г. совершилась перемѣна на шведскомъ престолѣ. Густавъ III погибъ отъ руки убійцы. Съ извѣстіемъ объ этомъ событіи прибылъ въ Петербургъ генераль Клингспоръ. Бесѣдуя наединѣ съ императрицею, онъ сообщилъ ей между прочимъ, что покойный король имѣлъ намѣреніе породниться съ русскимъ императорскимъ домомъ, женивъ своего единственного сына на одной изъ внучекъ Екатерины. Императрица отнеслась къ этому неофициальному сообщенію съ живѣйшимъ сочувствіемъ, предвидя отъ родственнаго союза со Швеціею многія выгоды для Россіи и въ настоящемъ, и въ будущемъ ³⁾.

Екатерина, впрочемъ, не довѣрала дядѣ юнаго короля, регенту, герцогу Карлу Сюдерманландскому, извѣстному противнику Россіи; слѣды этого недоувѣрія замѣтны въ перепискѣ ея съ герцогомъ въ 1792—94 годахъ. Когда герцогъ весною 1793 г. для веденія переговоровъ отправилъ въ Петербургъ нѣкоего барона Виталю, родомъ еврея, въ качествѣ не формально аккредитованнаго дипломатическаго агента, Екатерина не изъявила желанія его видѣть, а поручила объясниться съ нимъ графу Платону Зубову; послѣдній заставилъ его все высказать и, отвѣчавъ общими фразами, отпустилъ его, вовсе не вступая въ переговоры ⁴⁾. Виталю было въ Петербургѣ предложено изложить письменно о томъ, зачѣмъ пріѣхалъ. Смыслъ письма Виталю, переданнаго императрицѣ, былъ до того затемненъ различнаго рода мудростью, что Екатерина сочла нужнымъ показать его графу Стединку и только съ его помощью догадалась, что дѣло касается сватовства ⁵⁾. Рассказывая о всемъ этомъ, она въ письмѣ къ герцогу Сюдерманландскому замѣчаетъ: „Такъ какъ присланное имъ ⁶⁾ на нѣмецкомъ языкѣ посланіе по своему изложенію было крайне темно для меня, то я и осталась въ прежнемъ своемъ невѣденіи“, а немного дальше Екатерина въ этомъ же письмѣ отъ 15-го мая 1793 говоритъ: „Между тѣмъ я не хотѣла отсрочить увѣрить ваше королевское высочество въ моему, соотвѣтствующему ва-

¹⁾ Письма и бумаги Екатерины II, изд. А. О. Бичковымъ, 1873, стр. 88.

²⁾ Herrmann, Ergänzungsband, стр. 111.

³⁾ Сб. Ист. Общ. IX, 198.

⁴⁾ Сб. Ист. Общ. IX, 202—203.

⁵⁾ Чумиковъ въ Русск. Архивѣ 1887, I, 60.

⁶⁾ Виталемъ.

шему, желаніи узрѣть еще болѣе тѣсными тѣ кровныя и дружественныя связи, которыя существуютъ между нашими домами“ и проч. ¹⁾

Въ октябрѣ 1793 г. происходило бракосочетаніе великаго князя Александра Павловича; скоро послѣ этого прибылъ изъ Стокгольма въ Петербургъ съ поздравленіемъ отъ регента графъ Стенбокъ, и онъ уже болѣе официально вступилъ въ переговоры о бракѣ короля съ старшею изъ великихъ княженъ; но и онъ не былъ уполномоченъ на что-либо рѣшительное и сообщилъ, что для подписанія брачнаго трактата посланъ будетъ баронъ Рейтергольмъ ²⁾.

Графъ Стенбокъ успѣлъ приобрести себѣ особое расположеніе Екатерины, и однажды въ Эрмитажѣ, пригласивъ его съѣсть подлѣ себя, она спросила, чтѣ разумѣетъ герцогъ-регентъ подлѣ собою цѣлью, о которой онъ ей пишетъ. „Государыня,—отвѣчалъ Стенбокъ,—это касается брака нашего молодого короля“. „Ахъ, да,—сказала Екатерина,—я знаю! Значить, и вамъ все извѣстно. Но я въ этомъ случаѣ очень осторожна. Я никакъ не могу рѣшить это дѣло, не зная, насколько самъ король сочувствуетъ ему“ и пр. ³⁾

Екатерина выразила желаніе, чтобы король самъ прибылъ въ Петербургъ и лично познакомился съ великою княжною. Графъ Стенбокъ возразилъ, что по основному закону Швеціи король не можетъ выѣзжать изъ отечества до совершеннолѣтія, особенно посѣщать иностранныя столицы. Императрица приняла этотъ доводъ и не настаивала болѣе.

Другой вопросъ былъ поднятъ графомъ Зубовымъ въ бесѣдахъ съ Стенбоккомъ. То былъ вопросъ относительно религіи будущей королевы шведской. Онъ не представлялъ никакого затрудненія. Предполагалось, что великая княжна не перемѣнитъ религіи, что она будетъ исповѣдовать ту, въ которой была воспитана, и что это исповѣданіе будетъ безусловно за нею обезпечено. Этого требовала Екатерина, и шведскій дворъ, казалось, вполне одобрялъ такой взглядъ ⁴⁾. О бракѣ короля съ великою княжною говорили въ Петербургѣ какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, которое имѣетъ совершиться, какъ только молодой король достигнетъ совершеннолѣтія. На придворныхъ празднествахъ и балахъ великая княжна,—которой, впрочемъ, тогда было не болѣе одиннадцати лѣтъ,—считала

¹⁾ Р. Старина XXIV. 534—535.

²⁾ Сб. Ист. Общ. IX, 204.

³⁾ Русскій Архивъ, 1887, I, 63.

⁴⁾ Сб. Ист. Общ. IX, 205.

за особое удовольствіе танцовать съ графомъ Стенбокомъ—честь, которой до сихъ поръ удостоивались только одни послы. Однажды она танцевала съ нимъ даже сряду два менюета, что взволновало весь дипломатическій корпусъ ¹⁾).

17-го января 1794 г. императрица писала къ герцогу-регенту: „Я не только не скрывала моего удовольствія, извѣстясь о планѣ будущаго союза между молодымъ королемъ и великою княжною моею внучкой, но выразила его еще тогда, когда это предложеніе впервые было сдѣлано вашимъ высочествомъ. Какъ съ политической точки, такъ и съ точки семейной связи я всегда смотрѣла и теперь смотрю на этотъ союзъ какъ на самый желательный во всѣхъ отношеніяхъ. Но я неизмѣнно рѣшилась не допускать, чтобы одно изъ дѣтей, принадлежащихъ къ моему семейству, заключило подобный союзъ не по своему собственному избранію. Кромѣ того внучкѣ моей еще не исполнилось одиннадцати лѣтъ, и она еще не въ состояніи сама сдѣлать выборъ или принять въ супруги того, кого ваше королевское высочество предлагаете ей, тѣмъ болѣе, что в. к. в-о, упоминая объ этомъ предметѣ, ничего не говорите о желаніяхъ самого молодого короля, о чемъ въ подобныхъ случаяхъ предварительно знать весьма важно. И такъ, кажется, слѣдуетъ нѣсколько повременить заключеніемъ союза, клонящагося къ обоюдной пользѣ. Между тѣмъ я, съ своей стороны, не премину приготовить и споспѣшествовать союзу столь согласному съ моими желаніями, склонностію и чувствами“ ²⁾).

Почти одновременно однако проектъ брака встрѣтилъ затрудненіе въ заговорѣ барона Г. М. Армфельдта, направленномъ противъ герцога-регента. Заговорщики надѣялись на помощь Россіи ³⁾. Армфельдтъ, когда заговоръ былъ открытъ, бѣжалъ сперва въ Неаполь, затѣмъ въ Австрію и, наконецъ, нашелъ убѣжище въ Россіи. Екатерина дозволила ему поселиться въ Калугѣ. Армфельдтъ и нѣкоторые другія лица при шведскомъ дворѣ, напр. фрейлина Руденшѣльдъ (Rudenskjöld), находившаяся въ перепискѣ съ Армфельдтомъ, были сторонниками проекта брака Густава IV съ Александрю Павловною. Въ этомъ направленіи они до заговора старались дѣйствовать на молодого монарха ⁴⁾. Въ Швеціи узнали о какихъ-то письмахъ императрицы къ Армфельдту, о пребываніи послѣдняго въ Россіи. Дѣло дошло до рѣзкихъ пререканій между герцогомъ Сюдерманландскимъ и Екатериною. Въ

¹⁾ Чумиковъ. Русскій Арх. 1887, I, 63.

²⁾ Р. Старина XXIV, 588—589.

³⁾ См. изложеніе у Германа, стр. 561 и слѣд.

⁴⁾ См. письмо фрейлины Руденшѣльдъ къ Армфельдту у Германа, стр. 567.

газетахъ, по внушенію Рейтергольца, главнаго министра, появился протоколъ шведскаго государственнаго совѣта отъ 9-го апрѣля 1794 г., въ которомъ заявлялось, что Армфельдтъ находился въ перепискѣ съ одной иностранной державой и побуждалъ оную послать свой флотъ къ Стокгольму. Этой державой могла быть только Россія. Узнавъ объ этой выходкѣ шведскаго двора, Екатерина усмотрѣла въ этомъ поступкѣ намѣреніе очернить ее въ глазахъ шведскаго народа въ то самое время, когда она желала сблизиться съ нимъ тѣснымъ союзомъ. Поэтому она объявила въ письмѣ къ регенту, что до поры до времени дальнѣйшіе переговоры о бракѣ невозможны ¹⁾.

При такомъ положеніи дѣлъ отправленіе графа Сергѣя Петровича Румянцова въ Стокгольмъ въ качествѣ посла съ цѣлью сближенія Россіи со Швеціею не могло имѣть успѣха. Понятно, что раздраженная императрица въ сильныхъ выраженіяхъ отзывалась, между прочимъ въ письмахъ къ барону Гримму, о герцогѣ-регентѣ ²⁾. Румянцовъ держалъ себя высокомерно въ Стокгольмѣ и довелъ дѣло до того, что Рейтергольмъ чрезъ Стединга, шведскаго посла въ Петербургѣ, добился удаленія его. Онъ былъ отозванъ, пробывъ при стокгольмскомъ дворѣ менѣе года ³⁾.

Баронъ Стединкъ въ Петербургѣ между тѣмъ возобновилъ переговоры о бракѣ, предъявивъ формальное полномочіе, которымъ ему было поручено рассмотреть проектъ брака во всѣхъ подробностяхъ. Первый пунктъ касался приданаго невѣсты, — онъ оказался неважнымъ; второй относился къ исповѣданію будущей шведской королевы. Несмотря на то, что это дѣло считалось совершенно улаженнымъ еще во время переговоровъ съ графомъ Стенбокомъ, шведскій посолъ заявилъ, что было бы желательно, чтобы будущая королева согласилась принять религію, господствующую въ Швеціи. Рѣшеніе Екатерины было высказано весьма категорически; нельзя было и думать объ уступкѣ въ этомъ дѣлѣ. Третій пунктъ заключался въ требованіи выдачи Армфельта. Екатерина отвѣчала отказомъ.

Тогда-то герцогъ Сюдерманландскій повелъ въ Шверинѣ другіе брачныя переговоры. Французское правительство благопріятствовало этому проекту. Принцесса Луиза мекленбургъ-шверинская была объявлена невѣстою короля; 1-го ноябра 1795 г. было

¹⁾ Чумиковъ въ Р. Архивѣ 1887, I, 68 (изъ донесенія графа Стенбока).

²⁾ Сб. Ист. Общ., XXIII, 628, 630, 658.

³⁾ О выходкахъ Румянцова см. анекдотъ, рассказанный у Чумикова въ Р. Архивѣ 1887, I, 64.

торжественно отпраздновано обрученіе въ Столгольмѣ, и во всѣхъ церквяхъ приказано молиться о здравіи будущей королевы ¹⁾).

Какъ Екатерина лично относилась къ этому вопросу, видно изъ двухъ писемъ ея къ Гримму. За нѣсколько мѣсяцевъ до полученія извѣстія о помолвѣ короля съ мекленбургскою принцессою она писала (10-го апрѣля 1795 г.): „Невѣста (т.-е. великая княжна Александра Павловна) можетъ спокойно ожидать совершеннолѣтія жениха, потому что ей только одиннадцать лѣтъ, и утѣшиться, если бракъ съ нимъ не состоится, потому что тотъ въ убыткѣ, кто женится на другой. Скажу смѣло, что трудно найти равную ей по красотѣ, талантамъ и любезности, не говоря уже о приданомъ, которое одно могло бы быть для бѣдной Швеціи предметомъ немаловажнымъ; сверхъ того и миръ утвердился бы на многіе годы. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, да и нельзя расположить къ себѣ выходками и оскорбленіями; да еще есть условіе: чтобы женихъ-король понравился невѣстѣ“. А затѣмъ, по полученіи извѣстія о мекленбургской принцессѣ, Екатерина писала: „Поздравляю васъ съ тѣмъ, что 1-го ноября будетъ объявленъ бракъ молодого шведскаго короля съ чрезвычайно некрасивою и горбатою дочерью вашего друга, герцогини мекленбургской. Говорятъ, впрочемъ, что несмотря на некрасивость и горбъ она мила. Еслибы регентъ-якобинецъ былъ частное лицо, то я отколотила бы его палкою за то, что онъ не сдержалъ своего слова, не снесся со мною по настоящему дѣлу. Не только графъ Стенбокъ говорилъ отъ имени регента и короля-ребенка, и не одной мнѣ, но и каждому, кто хотѣлъ слушать, что онъ былъ посланъ сюда для того, чтобы, согласно волѣ покойнаго короля, устроить бракъ молодого короля съ Александрою. Стединкъ въ продолженіе многихъ лѣтъ рассказывалъ то же самое. Различіе религій не должно было препятствовать этому дѣлу, спасительному для обоихъ государствъ. Пусть регентъ ненавидитъ меня, пусть онъ выискиваетъ случая и обмануть — въ добрый часъ! Но затѣмъ онъ женить своего питомца на безобразной дурняшѣ (*laideron contrefaite*)? Чѣмъ король заслужилъ такое жестокое наказаніе, тогда какъ онъ думалъ жениться на невѣстѣ, о красотѣ которой всѣ говорятъ въ одинъ голосъ?“ ²⁾).

Около этого же времени Безбородко писалъ къ графу А. Р.

¹⁾ Сб. Ист. Общ. IX, 209. Чумиковъ замѣчаетъ, что важнымъ источникомъ для этого фазиса переговоровъ служить переписка Рейтергольма со Стединкомъ.

²⁾ Сб. И. О., XXIII, 630, 656.

Воронцову: „Со Швеціею мы очень холодны, да и нельзя съ негодемъ регентомъ инако быть. Теперь, кажется, рѣшилася свадьба короля шведскаго съ принцессою мекленбургъ-шверинскою, которая очень нехороша, вмѣсто того, что великая княжна большая, по наружнымъ и душевнымъ ея качествамъ, безъ сомнѣнія первая принцесса въ Европѣ“¹⁾).

Между тѣмъ шверинскій дворъ былъ чрезвычайно польщенъ предложеніемъ шведскаго правительства. Женихъ и невѣста обмѣнялись портретами, принцесса Луиза-Шарлотта прислала королю свою миниатюру, писанную ею самою. Она такъ дорожила портретомъ короля, что никогда съ нимъ не разставалась и даже во время стола постоянно смотрѣла на него съ восторгомъ; тотчасъ же она стала обучаться шведскому языку и оказала въ немъ быстрые успѣхи. И въ Швеціи сочувствовали этому браку. Распредѣлены были всѣ должности будущаго молодого двора и отправлены съ радостною вѣстью чрезвычайныя посольства къ ближайшимъ родственнымъ дворамъ, датскому, прусскому и русскому.

Въ Петербургъ былъ отправленъ гофшталмейстеръ баронъ Шверинъ. Екатерина, какъ скоро узнала объ этомъ, приказала Остерманну дать понять Стединку, что Шверинъ по различнымъ причинамъ принять быть не можетъ. Непріятное извѣстіе, сообщенное Стединкомъ Шверину, настигло его какъ только онъ успѣлъ выѣхать изъ Выборга. Тогда же былъ посланъ ему и совѣтъ сказаться больнымъ до полученія новыхъ инструкцій. Чтобы прикрыть постигшую его неудачу, онъ велѣлъ незамѣтно отвинтить у своего экипажа гайку, вслѣдствіе чего онъ вывалился, и это послужило ему поводомъ воротиться въ Выборгъ и лечь въ постель²⁾).

Современники сильно осуждали Екатерину за рѣзкость ея образа дѣйствій при этомъ случаѣ³⁾. Массонъ замѣчаетъ о приказаніи Шверину не являться къ императрицѣ: „Изъ этого страннаго приказанія можно было видѣть скорѣе досаду оскорбленной женщины, чѣмъ благоразуміе государыни. Уваженіе къ самой себѣ, къ своему полу и въ особенности къ прелестной внукѣ должно было предостеречь Екатерину отъ столь громкаго заявленія своей досады. Но въ эту минуту Екатерина не была Екате-

¹⁾ Сб. И. О., XXIX, 318.

²⁾ Чумиковъ, въ „Русскомъ Архивѣ“, 1887, I. 64—65.

³⁾ Кастера (Vie de Catherine II, томъ II, стр. 280) сообщаетъ декларацію, будто бы обнародованную регентомъ по этому случаю, гдѣ было сказано: „Le roi a résolu de ne recevoir à l'avenir aucune de ces missions particulières, qui ont rapport aux événements de famille“ и пр. Явилась ли въ самомъ дѣлѣ такая декларація?

риною Великою“¹⁾. Въ шведскихъ источникахъ разсказано, что Рейтергольмъ, узнавъ о распоряженіи Екаторины въ отношеніи къ Шверину, воскликнулъ: „увы, отъ прежней Сѣверной Семирамиды остается только тѣнь!“ Стединъ чуть не заболѣлъ отъ досады. „Вы не можете себѣ представить,—писалъ онъ,—что я долженъ переносить въ этой странѣ... мнѣ не суждено здѣсь пользоваться ни одною минутою счастья и покоя“. Герцогъ-регентъ сказалъ Рейтергольму: „отвѣчать на выходы высокоумной старушонки (Kåring) значить разжечь распрю до отвѣта на нее пушками; лучше избѣгнуть этой крайности и не проливать крови изъ-за мелочей; какъ ни оскорбителенъ подобный шагъ императрицы, но на него нужно отвѣчать тѣмъ, чѣмъ отвѣчаетъ молодой человѣкъ старой кокеткѣ—презрѣніемъ. Я тѣмъ менѣе думаю объ отвѣтѣ, что замѣчаю намѣреніе причинить намъ досаду; но я не доставлю этого удовольствія старухѣ, и мы на удочку не попадемъ“²⁾.

Зато въ Россіи насмѣхались надъ Швеціею и регентомъ. Шутя писалъ Гриммъ къ Екаторинѣ о подвигахъ „Сидора Ермолаевича“, какъ любила называть герцога Сюдерманландскаго императрица, и передавалъ разныя извѣстія о проектѣ брака Густава съ мекленбургскою принцессою, о приготовленіяхъ къ войнѣ въ Швеціи, о нежеланіи молодого короля жениться на мекленбургской принцессѣ, о разладѣ его съ герцогомъ-регентомъ и пр.³⁾ Екаторина въ письмахъ къ Гримму употребляла сильныя выраженія, говоря о Карлѣ Сюдерманландскомъ, и радовалась слухамъ, будто Густавъ IV напрямикъ объявилъ, что никогда не женится на нехорошей собою мекленбургской принцессѣ. Императрица называла герцога и Рейтергольма „лжецами“ и, рассказывая о своемъ образѣ дѣйствій въ отношеніи къ Шверину, сознавалась въ томъ, что русскіе министры не одобряли ея „каприза“⁴⁾.

Нельзя удивляться тому, что русскіе дипломаты, баронъ Будбергъ, повѣренный въ дѣлахъ, и чрезвычайный дипломатическій агентъ генералъ Будбергъ, въ Стокгольмѣ встрѣтили холодный пріемъ. Всѣмъ состоящимъ при дворѣ былъ отданъ приказъ избѣгать знакомства съ барономъ Будбергомъ. Той же системы рѣшено было держаться и относительно генерала, не имѣвшаго официаль-

¹⁾ Masson, Mémoires secrets, I, 9. Массонъ разсказываетъ, будто Екаторина въ особенной нотѣ обвиняла герцога Сюдерманландскаго въ „crime de lèse-majesté trahison“.

²⁾ Чумиковъ, въ Р. Архивѣ, 1887, I, 65—66.

³⁾ Сб. Ист. Общ. XLIV, стр. 706—7, 725.

⁴⁾ Сб. И. Общ., XXIII, 676—679.

наго характера; замедляли представленіе его ко двору и особенно старались не дать ему возможности объясниться съ молодымъ королемъ. Онъ воспользовался пребываніемъ въ Стокгольмѣ швейцарскаго путешественника Кристина, который былъ близокъ съ однимъ изъ наставниковъ молодого короля, пользовался нѣкоторымъ расположеніемъ герцога-регента и могъ, слѣдовательно, служить посредникомъ ¹⁾.

Сохранились лишь неполныя, отрывочныя данныя о той роли, которую разыгрывалъ этотъ Кристинъ, какъ кажется, бывший тайнымъ агентомъ Россіи ²⁾. По разсказу Массона, онъ уговорилъ регента возобновить переговоры о бракѣ короля съ внучкою Екатерины, и при этомъ состоялъ въ нѣкоторой связи съ женщиною, бывшей въ интимной связи съ Морковымъ ³⁾. По другимъ извѣстіямъ онъ за оказанныя Россіи при этомъ случаѣ услуги получилъ отъ Екатерины 300 душъ крестьянъ и чинъ надворнаго совѣтника ⁴⁾. Въ шведскихъ источникахъ сообщаются нѣкоторыя частности о бесѣдахъ Кристина съ герцогомъ-регентомъ и съ Рейтергольмомъ; тутъ онъ съ одной стороны грозилъ нападеніемъ Россіи на Швецію, съ другой говорилъ о расположеніи императрицы въ пользу Швеціи и о ея желаніи сблизиться съ этою страной ⁵⁾. Онъ же просилъ регента о томъ, чтобы отложить бракъ короля до его совершеннолѣтія и предоставить ему свободу выбора невѣсты.

Въ письмѣ генерала Будберга къ Екатеринѣ отъ 21-го апрѣля 1796 г. сказано: „Шевалье Сюрменъ ⁶⁾, по просьбѣ друга своего, г. Кристина, рѣшился, наконецъ, высказать королю во время одного изъ уроковъ, которые онъ даетъ этому монарху, все, что произошло между герцогомъ и помянутымъ путешественникомъ. Король сказалъ, что, далеко не раздѣляя непріязненныхъ чувствъ, которыя видимо господствуютъ здѣсь относительно в. и. в—а, онъ, напротивъ, питаетъ къ вамъ великое уваженіе“ и пр. ⁷⁾. Сколь важно было дѣйствовать на самого короля, видно изъ письма Екатерины къ генералу Будбергу отъ 6-го мая. Тутъ сказано между прочимъ: „Регентъ Швеціи старается насъ мисти-

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 214.

²⁾ Castéra, II, 281.

³⁾ Masson, I, 45.

⁴⁾ Др. и новая Россія, 1879, I, 275.

⁵⁾ См. воспроизведеніе этихъ бесѣдъ у Чумикова, стр. 68—70; о сношеніяхъ между королемъ и Кристиномъ тутъ не говорится.

⁶⁾ Наставникъ короля.

⁷⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 218—219.

фицировать... Россійская имперія пребудетъ великою и могуще-
ственною, несмотря на сплетни, которыя онъ о насъ распускаетъ.
Я думаю, лучше будетъ не вступать ни въ какія сношенія съ
этими людьми, пока этотъ негодяй (scélérat) будетъ управлять
Швеціею или даже оставаться въ ней. Если молодой король пред-
убъжденъ противъ меня, то они предубѣдили его противъ его
искренняго друга. Я жду отъ васъ сообщеній о королѣ и его
образѣ мыслей“ и пр. ¹⁾

О способѣ сношеній Кристина съ королемъ мы находимъ
довольно любопытный разсказъ въ запискахъ Ф. Ф. Вигеля,
лично знакомаго съ этимъ авантюристомъ. На одномъ изъ при-
дворныхъ баловъ въ Столгольмѣ, связано тутъ, Кристина, какъ
будто разбѣжавшись, наткнулся на стоявшаго у камина молодого
короля; низко кланаясь и какъ будто въ смущеніи извиняясь,
понизивъ голосъ, онъ шепнулъ Густаву: „Ваше величество, васъ
обманываютъ, хотятъ женить на уродѣ; позвольте съ вами объяс-
ниться“. Едва внятнымъ голосомъ король отвѣчалъ ему: „У меня
учитель математики вашъ землякъ, шевалье такой-то (Сюрментъ);
напишите мнѣ черезъ него“. Въ запискѣ своей Кристина изобрази-
ла всѣ прелести великой княгини Александры Павловны и всю
пользу отъ родственнаго союза съ Екатериной. Въ это время,
черезъ мѣсяць, ожидали невѣсту, кривобокую принцессу меклен-
бургскую. Король вдругъ заупрямился, объявилъ, что этому браку
не бывать, и какъ ни старались убѣдить его—онъ поставилъ на
своемъ ²⁾.

Какъ бы то ни было, въ то самое время, когда были сдѣ-
ланы попытки сблизить Россію съ Швеціею, или приготовленія
къ войнѣ. Ходили слухи о предстоящемъ въ ближайшемъ буду-
щемъ разрывѣ между обѣими державами. Еще въ мартѣ 1795 г.
Протасовъ писалъ въ графу С. Р. Воронцову изъ Петербурга:
„Всѣ здѣсь въ городѣ говорятъ о войнѣ со Швеціею; флотъ

¹⁾ Въ этомъ же письмѣ къ Будбергу (см. Сб. И. Общ., IX, 217—218) сказано
о Рейтергольмѣ: „Якобинецъ Рейтергольмъ сильно солгалъ, ибо я ни велика, ни
мала, но средняго роста“. Издатель къ этому замѣтилъ: „Объясненія къ этой фразѣ
въ бумагахъ генерала Будберга нѣтъ. По всей вѣроятности она относится къ сло-
вамъ, сказаннымъ Рейтергольмомъ, о коихъ генералъ сообщалъ въ депешѣ, которой
нѣтъ въ его частной корреспонденціи“. Въ статьѣ г. Чумикова сказано, что Рейтер-
гольмъ въ бесѣдѣ съ Кристиною, порицая императрицу за ея обращеніе съ Стедни-
комъ въ нѣкоторомъ случаѣ, сказала: „Великая Екатерина, какъ въ этомъ случаѣ,
такъ и во многихъ другихъ, относительно насъ оказалась очень *маленькой*“. Р. Арх.
1887, I, VI.

²⁾ Вигель, „Воспоминанія“, Москва, 1865, VI, стр. 15. Тамъ же, о бѣгствѣ
Кристина изъ Швеціи, вѣроятно состоявшемъ въ связи съ этою исторіей, и пр.

приводится въ надлежащее состояніе; Кутузовъ отправился въ Финляндію“ и пр. ¹⁾ Въ декабрѣ 1795 г. англійскій дипломатъ Арбутнотъ писалъ изъ Стокгольма къ лорду Гренвиллю, что образъ дѣйствій императрицы обнаруживаетъ ея готовность довести дѣло до полного разлада. Особенно Моркова считали тогда агитаторомъ, желавшимъ войны со Швеціей ²⁾. Къ барону Гримму Еватерина писала въ декабрѣ 1795 г., что, благодаря мѣрамъ, принятымъ Суворовымъ, шведы не будутъ имѣть возможности вступить въ Финляндію ³⁾. Въ концѣ марта 1796 г. княгиня А. А. Голицына писала къ своему родственнику, князю А. М. Голицыну: „Говорятъ, что война съ шведами рѣшена, но публично не смѣютъ говорить объ этомъ; вчера курьеръ привезъ извѣстіе, что шведы приближаются къ нашей границѣ; утверждаютъ, что великій князь Константинъ назначается въ походъ“ и пр. ⁴⁾

И въ Швеціи, и въ Россіи происходило вооруженіе. Въ статьѣ г. Чумикова сказано: „вся финляндская армія была подвинута къ границѣ, и герцогъ вмѣстѣ съ королемъ собирались въ путь, чтобы стать во главѣ ея. Уже отданъ былъ приказъ готовиться въ походъ“ и пр. ⁵⁾ Въ Петербургѣ показывали видъ, будто отправляютъ всю артиллерію въ Финляндію, и министры и генералы не скрывали, что дѣло легко можетъ дойти до войны ⁶⁾.

Однако, именно весною 1796 г., положеніе дѣлъ измѣнилось къ лучшему, и не только перестали говорить о войнѣ, но даже происходило сближеніе между Швеціей и Россією.

Дѣло въ томъ, что въ Швеціи рѣшили отказаться отъ брака короля съ мекленбургскою принцессою. Король самъ, какъ кажется, не жалѣлъ этого брака, а къ тому же отношенія къ Россіи заставили регента измѣнить образъ дѣйствій въ области внѣшней политики. Современники не понимали, какимъ образомъ шведское правительство рѣшилось отказать мекленбургской невѣстѣ. Имъ казалось, что тутъ главную долю имѣли угрозы императрицы Еватерины, давленіе русскаго правительства на герцога-регента и на главнаго министра Рейтергольма ⁷⁾.

¹⁾ Арх. кн. Воронцова XV, 47.

²⁾ Hermann, Ergänzungsband, стр. 573 и 575.

³⁾ Сб. Ист. Общ. XXIII, 666.

⁴⁾ Историч. Вѣстникъ, XXX, 84.

⁵⁾ Р. Архивъ, 1887, I, 68.

⁶⁾ Masson, Mémoires secrets sur la Russie, I, 45.

⁷⁾ Такъ, напр., сказано у Э. М. Арикта, Schwedische Geschichten unter Gustav III и Gustav IV Adolf (Leipzig 1839), стр. 181.

Уже 21-го апрѣля 1796 г. генералъ Будбергъ писалъ Екатерину изъ Стокгольма о мекленбургскомъ бракѣ: „Это дѣло по мнѣнію публики кажется вопросомъ ¹⁾. Я нисколько не сомнѣваюсь, что еслибы удалось заставить здѣшній дворъ объявить самымъ рѣшительнымъ образомъ, что бракъ короля откладывается до его совершеннолѣтія, то союзъ съ мекленбургскимъ домомъ можно было бы положительно считать несостоявшимся ²⁾).

Въ Швеціи нашлось много сторонниковъ русскаго брака. Въ числѣ этихъ послѣднихъ были графъ Авсель Фервентъ, генералъ Таубе и эмигранты графъ и графиня Сень-При, имѣвшіе большія связи въ Петербургѣ. Положеніе дѣлъ усложнилось еще и слѣдующимъ обстоятельствомъ. Король, никогда не видѣвшій своей мекленбургской невѣсты, скоро послѣ помолвки на послѣдней, какъ разсказываютъ, страстно влюбился въ фрейлину Модѣ (Modée) и возымѣлъ намѣреніе соединиться съ нею законнымъ бракомъ, отказавшись отъ престола. Говорятъ даже, что онъ составилъ актъ отреченія во всей формѣ; этимъ актомъ онъ представлялъ престолъ своему дядѣ и отказывался отъ брака съ мекленбургской принцессой. Такое рѣшеніе объясняли еще тѣмъ, что его всегда преслѣдовала мысль, будто его семейное счастье намѣрены подчинить политическому расчету. Не задолго до страсти своей къ фрейлинѣ Модѣ, онъ былъ влюбленъ въ красавицу графиню Софію Пиперь. Лишь совокупными стараніями разсудительной дѣвицы Пиперь и герцога онъ былъ отклоненъ отъ намѣренія жениться на ней. Партія, желавшая разстроить мекленбургскій бракъ, прибѣгала также къ клеветѣ. Распространяли, между прочимъ, слухъ, что портретъ, присланный принцессой, имѣлъ съ нею малое сходство, что она маленькаго роста, косая и вообще уродлива и некрасива. Этимъ достигли того, что мысль объ этомъ бракѣ стала противна неопытному юношѣ, и онъ рѣшился отослать принцессѣ обратно портретъ ея и просить о возвращеніи собственнаго. Въ то же время разглашали, что великая княжна Александра Павловна оставалась постояннымъ и единственнымъ предметомъ желаній короля ³⁾.

Эти данныя, заимствованныя г. Чумиковымъ изъ шведскихъ источниковъ, нѣкоторымъ образомъ подтверждаются документами, свидѣтельствующими о сближеніи между Екатериною съ одной стороны и регентомъ и королемъ съ другой.

¹⁾ „Parait demeurer en suspens“.

²⁾ Русскій переводъ въ Сб. Ист. Общ., IX, 221—222, въ этомъ мѣстѣ неправиленъ.

³⁾ Чумиковъ, въ Р. Архивѣ, 1887, I, 67—68.

Въ собственноручномъ письмѣ герцога Сюдерманландскаго къ Екатеринѣ отъ 5-го (16) апрѣля 1796 г. сказано о желаніи возстановить благопріятныя отношенія между обѣими державами, между прочимъ, слѣдующее: „Я думаю, что намъ съ обѣихъ сторонъ остается только забыть прошлое и не входя дагѣе въ непріятныя споры, мы, если желаете, съ этого же дня сходимся какъ два друга и родственника, неожиданно встрѣтившіеся послѣ долгой разлуки... Даю в. в.—у мое честное слово, что бракъ короля съ принцессою мекленбургъ-шверинской не состоится, пока я управляю государствомъ¹⁾. Я отдаю приказанія отмѣнить военныя приготовленія, сдѣланныя здѣсь, и только ожидаю отвѣта вашего, чтобы отдать подобное же приказаніе въ Финляндію“.

Екатерина все еще была недовольна герцогомъ-регентомъ и въ письмѣ къ генералу Будбергу отъ 18-го апрѣля, упоминая о мекленбургскомъ дѣлѣ и о редакціи письма регента, писала: „эта фраза, касающаяся предмета самаго деликатнаго и интереснаго, отличается отсутствіемъ ясности и даже неправильна въ отношеніи къ грамматикѣ. Не все ли равно, будетъ ли бракъ короля, если онъ долженъ осуществиться, совершенъ теперь же, или семью-восемью мѣсяцами позже? Герцогъ желаетъ, чтобы я вѣрила этимъ словамъ, этимъ увѣреніямъ, столь двусмысленнымъ, столь неискреннимъ: онъ, безъ сомнѣнія, плохо меня знаетъ и не отдаетъ должнаго уваженія моей опытности“ и пр.²⁾.

Возобновленіе переговоровъ о шведско-русскомъ бракѣ между Стединкомъ и Остерманномъ, очевидно, имѣло успѣхъ уже въ апрѣлѣ 1796 г., потому что герцогъ Сюдерманландскій рѣшился писать къ императрицѣ 15-го (26) мая: „я не колеблюсь повѣрить вамъ (но повуда только вамъ), что бракъ короля³⁾, моего племянника, который, какъ было сказано, отложенъ до времени его совершеннолѣтія, не осуществится никогда, и въ этомъ я вамъ даю мое честное слово. Зная нѣжное участіе, которое в. в. принимаете во всемъ, что касается короля, я увѣренъ, что секретъ его не можетъ быть въ лучшихъ рукахъ, будучи вѣренъ в. и. в.—у... Что касается до известнаго дѣла⁴⁾, я не сомнѣваюсь, что оно будетъ окончено ко взаимному нашему удовольствію и увѣнчается полнымъ успѣхомъ, если съ обѣихъ сторонъ къ этому будутъ стремиться одинаково и съ осмотрительностью, которой безусловно требуютъ обстоятельства“ и пр.⁵⁾.

¹⁾ И тутъ русскій переводъ въ Сб. И. О., IX, 280—281, неправиленъ.

²⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 244.

³⁾ Съ мекленбургскою принцессой.

⁴⁾ Сватовство на Александрѣ Павловичѣ.

⁵⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 288.

Итакъ, весной 1796 г. въ самой Швеціи взяло верхъ желаніе избѣгнуть разрыва съ Россіею. Какъ кажется, тамъ даже завзятый врагъ Россіи, Рейтергольмъ, теперь сталъ придержи-ваться мнѣнія о необходимости сближенія съ Россіею. Въ этомъ же смыслѣ дѣйствовали графъ и графиня Сень-При. Происходило сближеніе между барономъ Эссеномъ, имѣвшимъ вліяніе при дворѣ, и генераломъ Будбергомъ ¹⁾. Пустили въ ходъ въ одно и то же время и любезности, и угрозы. Такъ напр., вдругъ распространившееся въ Стокгольмѣ извѣстіе, что Екатерина приказала генералу Будбергу прибыть въ Петербургъ, произвело ужасъ въ публикѣ и привело въ безпокойство правительство ²⁾. Изъ писемъ англійскаго дипломата Арбутнота къ Гренвиллю (въ апрѣлѣ 1796 г.) видно, что Будбергъ категорически требовалъ прекращенія близкихъ сношеній Швеціи съ французскою республикою и окончательнаго устраненія проекта мекленбургскаго брака ³⁾.

Слухи о сближеніи между Швеціею и Россіею, впрочемъ, уже въ апрѣлѣ распространены были въ Петербургѣ. Откуда прусскій дипломатъ Тауэнцинъ доносилъ 25-го апрѣля (6-го мая): „Много говорятъ о свиданіи императрицы съ шведскимъ королемъ для соглашеній о его женитьбѣ на великой княжнѣ. Неизвѣстно, гдѣ послѣдуетъ свиданіе; одни говорятъ—въ Петербургѣ, а другіе—въ Финляндіи, куда выѣдетъ императрица съ великими княжнами“. А въ депешѣ Тауэнцина же отъ 6-го (17) мая сказано: „Баронъ Будбергъ пріѣхалъ третьяго дня изъ Стокгольма, говорятъ, съ хорошими извѣстіями“ ⁴⁾. Въ письмѣ Ростопчина къ Воронцову, писанномъ также въ первой половинѣ мая, говорится о совершенно неожиданномъ пріѣздѣ въ Петербургъ Будберга, но тутъ же сказано, что поводомъ къ путешествію генерала были переговоры о бракѣ короля съ великою княжною. „Отѣздъ его изъ Стокгольма,—прибавилъ Ростопчинъ,—произвелъ много шума и безпокойства въ Стокгольмѣ, потому что не ожидали ничего иного, какъ объявленія войны. Послѣ пріѣзда Будберга между Морковымъ и Стединкомъ происходили частыя совѣщанія. Говорятъ, что Будбергъ не возвратится въ Швецію“ и пр. ⁵⁾.

О предметѣ бесѣды Моркова со шведскимъ посломъ можно судить по слѣдующимъ документамъ. Начали говорить о путешествіи короля и регента въ Петербургъ.

¹⁾ Чумиковъ, въ Р. Архивѣ, 1887, I, 72—74.

²⁾ Сб. Ист. Общ. Общ., IX, 255.

³⁾ Neumann, Ergänzungsband 580—581.

⁴⁾ Берлинскій архивъ.

⁵⁾ Арх. зн. Воронцова, VIII, 139.

Послѣ того, какъ король въ апрѣлѣ обратился къ императрицѣ съ письмомъ, въ которомъ, впрочемъ, лишь въ общихъ выраженіяхъ, говорилось о желаніи возобновить блаприятныя и дружескія отношенія между обоими дворами ¹⁾, Екатерина писала Густаву 30-го мая: „Для этого я не знаю средства болѣе скорого и дѣйствительнаго, какъ устроить наше свиданіе, и я смѣло предлагаю это в. в—у, будучи увѣрена, что въ такомъ случаѣ мы сойдемся гораздо легче и скорѣе, чѣмъ путемъ дипломатическихъ сношеній... Путешествіе, предпринятое в. в—мъ при подобныхъ условіяхъ, въ видахъ столь важныхъ и полезныхъ, заслужитъ вамъ не только удивленіе всей Европы, но и любовь и признательность вашихъ подданныхъ. Что касается до меня, то при этомъ случаѣ я буду имѣть искреннее удовольствіе ознакомиться лично съ государемъ, моимъ близкимъ родственникомъ, которому я съ самаго дня его рожденія посвятила и до сихъ поръ сохраняю самое нѣжное и чистое участіе; онъ самолично будетъ имѣть возможность убѣдиться въ искренности этихъ чувствъ моихъ“ и пр. ²⁾

Генераль Будбергъ возвратился въ Стокгольмъ, въ качествѣ посла, именно съ цѣлью склонить короля и регента пріѣхать въ Россію, чтобы познакомиться съ великою княжною. Пріемъ, оказанный ему въ Швеціи, существенно отличался отъ пріема, который встрѣтилъ онъ въ первый пріѣздъ свой въ Стокгольмъ. Его встрѣтили съ радушіемъ и любезностью. Тѣмъ успѣшнѣе онъ могъ вести переговоры о путешествіи Густава въ Россію ³⁾. Изъ писемъ Будберга къ императрицѣ и Мореву, писанныхъ въ концѣ іюля, видно, что при достиженіи желанной цѣли ему не приходилось бороться съ большими затрудненіями, хотя положеніе, въ которомъ находился шведскій дворъ, было очень невыгоднымъ. Такъ напр., Рейтергольмъ говорилъ Будбергу, что было бы слишкомъ неблаговидно предпринимать что-либо относительно новаго брака въ то время, когда во всѣхъ церквахъ творятся молитвы за принцессу мекленбургскую. На это Будбергъ отвѣтилъ, что было бы ошибкою смотрѣть на путешествіе какъ на дѣло неразрывно связанное съ бракомъ, что императрица не допуститъ, чтобы этотъ бракъ состоялся безъ взаимной склонности и пр. Въ письмѣ Будберга къ Мореву отъ 26-го іюля сказано: „Здѣсь желаютъ согласиться на путешествіе не иначе, какъ заручившись напередъ одобреніемъ публики, указавъ ей на нѣкоторыя суще-

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 286.

²⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 261.

³⁾ См. частности въ Сб. Ист. Общ., IX, 266.

ственные выгоды. Личный таѣтъ короля заставляетъ еще прибавить, что при этомъ свиданіи не должно возбуждать вопроса о бракѣ, пока отъѣзна прежде предполагавшагося не объявлена публично¹⁾.

Между тѣмъ въ Швеціи было распространено мнѣніе, будто Екатерина угрозами заставляетъ регента и короля подчиниться ея волѣ и прійхать въ Россію²⁾. Рассказывали о слѣдующихъ выраженіяхъ регента при этомъ случаѣ: „Путешествіе противорѣчить завѣщанію покойнаго короля, конституціи и моимъ священнымъ обязанностямъ относительно короля. Притомъ же я не имѣю права оставлять государство. Но съ другой стороны я вполне сознаю трудность отдѣлаться отъ поѣздки, которая только можетъ насъ унижить и дать поводъ нашимъ врагамъ сказать, что мы, король и я, отправились исцѣлять пощады и мира у ногъ могущественной государыни, которую я ненавижу отъ всей души. Я не чувствую въ себѣ достаточныхъ силъ для подобной роли, могу показаться при русскомъ дворѣ довольно докучной фигурой и, въ концѣ концовъ, все-таки вынужденъ буду признаться въ моемъ опасеніи, что цѣль поѣздки не будетъ достигнута“. Столь же мало склоненъ былъ къ этой поѣздкѣ и самъ король: его самолюбіе не могло не страдать отъ мысли, что онъ явится, какъ бы по приказанію Екатерины, просить у нея руки ея внучки. Ко всему этому присоединились, какъ видно изъ шведскихъ источниковъ, религіозныя сомнѣнія. Взглядъ на затруднительность положенія вполне раздѣлялъ и Рейтергольмъ, которому эта поѣзда тоже не нравилась.

Но тщетны были всѣ усилія избѣжать этого путешествія; министры императрицы не переставали представлять эту поѣздку какъ непремѣнное условіе сближенія обоихъ дворовъ. Баронъ Стединъ не сомнѣвался въ необходимости какъ этой поѣздки, такъ и брачнаго союза. Онъ всячески старался убѣдить и регента, и Рейтергольма въ томъ, что нужно ѣхать. Фрейлины Модэ и Пиперъ, въ свою очередь, съ этою же цѣлью старались употребить свое вліяніе на молодого короля, который, однако, все еще не скрывалъ своего неудовольствія относительно поѣздки³⁾.

Между тѣмъ и въ Россіи, и въ западной Европѣ въ публикѣ начала ходить молва о предстоявшемъ путешествіи короля въ

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 266—271.

²⁾ Ernst Moritz Arndt, Schwed. Gesch. 182. „Wie jedermann flüsterete, auf Katharina's Befehl“.

³⁾ См. частности, заимствованныя Чумиковымъ изъ шведскихъ источниковъ въ „Русскомъ Архивѣ“, 1887, I, 75—76.

Россію. Уже 10-го апрѣля княгиня Голицына писала изъ Петербурга: „О войнѣ со шведами перестали болтать: напротивъ, говорятъ о блистательныхъ празднествахъ въ Петергофѣ по случаю ожидаемаго прибытія сосѣда, который прійдетъ жениться на сосѣдѣ“¹⁾. Баронъ Гриммъ писалъ Екатеринѣ 28-го мая о слухѣ, будто молодой шведскій король намѣренъ предпринять поѣздку съ цѣлью „faire son premier sacrifice au temple de Minerve afin d'attirer la faveur des dieux sur le commencement de son règne“; въ то же самое время Гриммъ не скрывалъ своего удивленія тому, что и „Сидоръ Ермолаевичъ“ будетъ участвовать въ этомъ „voyage de dévotion“²⁾; Гриммъ удивлялся успѣхамъ дипломатической дѣятельности Будберга и пожелалъ Екатеринѣ дальнѣйшихъ успѣховъ. Екатерина въ свою очередь писала къ барону Гримму 14-го іюля: „Король еще не прійхалъ, и никто не знаетъ, прійдетъ ли онъ; такъ какъ лѣто приходитъ въ концу, вѣроятно онъ не прійдетъ; легко возможно, однако, что этотъ молодой человекъ, если бы ему дали волю, прилетѣлъ бы сюда; впрочемъ, это лишь гипотеза въ родѣ Бюфоновой о сотвореніи міра. Пока, однако, въ Швеціи во всѣхъ церквахъ продолжаютъ молиться за будущую королеву, мекленбургскую принцессу“³⁾.

Поѣздка была рѣшена въ принципѣ. Оставалось условиться о частностяхъ встрѣчи. Будбергъ писалъ Мореву: „Мнѣ сказывали, что король изъявилъ желаніе, чтобы случай привелъ въ Финляндію въ это лѣто одного изъ великихъ князей и далъ ему возможность свести прежде личное знакомство и затѣмъ быть введеннымъ, такъ сказать, во дворъ императрицы“. Въ письмѣ Екатерины къ Будбергу, которое сей послѣдній долженъ былъ показать между прочимъ барону Эссену, было сказано: „Я желаю установить личное знакомство съ королемъ только для того, чтобы убѣдиться въ его ко мнѣ расположеніи“⁴⁾. Стединкъ велъ переговоры съ Зубовымъ о частностяхъ предстоявшаго пребыванія короля въ Петербургѣ; объ этомъ же предметѣ переписывался Моревъ съ Будбергомъ, который писалъ къ императрицѣ 25-го іюля: „Послѣдній курьеръ Стединка, привезшій рѣшеніе в. и. в.—а, прибылъ сюда ночью. Г. Рейтергольмъ разбудилъ регента и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ королю, чтобы склонить его предпринять поѣздку, прежде чѣмъ ему могли бы внушить другое. Рѣшеніе

¹⁾ Истор. Вѣстникъ, XXX, 86.

²⁾ „Est-ce donc pour y faire pénitence, pour y être fustigé ou pour y obtenir par un repentir sincère l'absolution?“ Сб. И. Об. IV, стр. 726.

³⁾ Сб. Ист. Общ., XXIII, 683.

⁴⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 272, 282.

было принято въ то же утро“, и пр. Затѣмъ Будбергъ сообщаетъ разныя данныя о лицахъ, составляющихъ свиту короля. Кромѣ Рейтергольма, короля и регента должны были сопровождать баронъ Эссенъ, графъ Стенбогъ, баронъ Шверинъ, баронъ Флеммингъ, графъ Ферзенъ и пр. ¹⁾

Тауэнцигъ доносилъ прусскому двору 29-го іюля: „Навонецъ, прїѣздъ шведскаго короля рѣшенъ къ 15-го августа ст. ст. Онъ прибудетъ инкогнито съ регентомъ и г. Рейтергольмомъ и останется у своего посла. Это извѣстіе принято при дворѣ съ большою радостью“. И далѣе 5-го августа: „Всѣ необыкновенно радуются прїѣзду короля шведскаго. Императрица совершенно счастлива; она безпрестанно говоритъ о немъ. Всѣ удивляются успѣшному окончанію этого дѣла, потому что въ такомъ случаѣ Швеція должна отстать отъ своего стариннаго союзника, отъ Франціи. Король вѣроятно прибудетъ сюда 12-го ст. ст. и останется здѣсь мѣсяць, несмотря на ненависть, которую имѣютъ здѣсь къ регенту; настоящая минута заставляетъ забыть прошедшее, а императрица говоритъ, что она увидитъ его съ удовольствіемъ“ ²⁾.

Княгиня Голицына писала 28-го іюля: „Весь городъ заинтересованъ теперь прибытіемъ сюда шведскаго короля съ регентомъ къ 20 числу будущаго мѣсяца. Шведскій посланникъ приготовилъ для нихъ свой домъ, что заставляетъ предполагать, что король прїѣдетъ инкогнито“. И далѣе 31-го іюля: „Король навѣрное прїѣдетъ сюда 15-го августа. Императрица отдала приказаніе, какъ должны быть одѣты дамы къ его прїѣзду; говорятъ, что онъ прїѣдетъ подъ чужимъ именемъ; будутъ блистательные праздники, онъ будетъ жить въ домѣ моего свояка, князя Михаила Андреевича. Императрица приказала моей belle-soeur отдать свой домъ королю; это рядомъ съ домомъ шведскаго посланника. 3-го августа король выѣдетъ изъ Стокгольма; поправляютъ дороги, строятъ новые мосты, и императрица переѣзжаетъ изъ Царскаго Села въ Таврической дворецъ. Прїѣздъ короля занимаетъ весь городъ, только и разговоры о предстоящихъ празднествахъ. Императрица очень весела и сказала моей belle-soeur, чтобы она не уѣзжала во все время пребыванія въ Петербургѣ шведскаго короля, что весь августъ пройдетъ въ праздникахъ... Никто не ожидалъ, что такъ скоро прїѣдетъ шведскій король; начали уже было говорить и за и противъ, императрица не показывалась въ теченіе 8 дней, и всѣ предполагали, что получены какія-нибудь не-

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX. 291—295.

²⁾ Берлинскій архивъ.

благопріятныя вѣсти, но, слава Богу, все разрѣшается согласно ея желаніямъ; многія частныя лица дадутъ праздники; говорятъ, между прочимъ, графъ Строгановъ, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, графъ Безбородко, графъ Самойловъ. Къ 1-му сентября приказано изготовить блистательный фейерверкъ. Приготавливаютъ новыя оперы, и весь городъ въ волненіи. Мы же съ своей стороны заняты приготовленіемъ туалетовъ, что обходится очень дорого; надо приготовить богатыя платья и притомъ въ большомъ количествѣ, чтобы на каждомъ праздникѣ быть въ новомъ платьѣ¹⁾ и пр.¹⁾

Князь Адамъ Чарторыйскій рассказываетъ въ своихъ запискахъ: „Въ это время ни о чемъ иномъ не говорили какъ объ ожидаемомъ пріѣздѣ шведскаго короля, который намѣревался жениться на старшей изъ великихъ княженъ. Императрица требовала, чтобы великія княжны и фрейлины учились танцовать французскую кадрилъ, которая особенно была въ модѣ при шведскомъ дворѣ. Этимъ и занимались усердно всѣ танцующія вообще лица“²⁾. Державинъ 5-го августа писалъ къ Дмитріеву: „Ждутъ уже публично пріѣзда шведскаго короля съ большою свитою и готовятъ множество при дворѣ и у большихъ бояръ пировъ“³⁾. Въ тотъ же день Екатерина писала къ барону Гримму: „Графъ Шверинъ въ Царскомъ Селѣ сегодня объявилъ о пріѣздѣ въ ближайшемъ будущемъ графа Гага, сына того, котораго вы видѣли девятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Петергофѣ⁴⁾; графъ Гага прибудетъ вмѣстѣ со своимъ дядею, графомъ Ваза“. А 13-го августа она писала: „Графовъ Гага и Ваза ожидаютъ сегодня въ вечеру; говорятъ, что они будутъ гостить у насъ двѣ недѣли“⁵⁾. Морковъ писалъ къ графу С. Р. Воронцову 10-го августа: „Со дня на день мы ожидаемъ пріѣзда короля шведскаго; онъ уже въ Або. Онъ останется двѣ недѣли; его пребываніе здѣсь послужитъ къ политическому сближенію и, быть можетъ, къ семейнымъ узамъ. Будетъ ли достигнута эта цѣль? этотъ вопросъ покрытъ неизвѣстностью, и эти тучи разсѣются лишь со временемъ“⁶⁾. Въ письмѣ Роджерсона къ Воронцову сказано: „Сегодня или завтра пріѣдетъ шведскій король. Всѣ на ногахъ. Если это пу-

1) Истор. Вѣстникъ, XXX, 95.

2) Mémoires. Paris, 1887, I, 116.

3) Державинъ, Соч., изд. Грота, VI, 55.

4) Въ 1777 г. одновременно и Густавъ III, и баронъ Гриммъ были въ Россіи.

5) Сб. Ист. Общ., XXIII, 687 и 689.

6) Архивъ кн. Воронцова, XX, 72.

тешествіе не измѣнить системы Швеціи, то по крайней мѣрѣ оно заставитъ ее задуматься“¹⁾).

Императрица принимала мѣры по поводу пріѣзда короля. Генералъ-губернатору Архарову она писала: „Николай Петровичъ, держи ухо востро, дабы не вздумали нахалы, когда гости пріѣдутъ ближе къ городу, толпами, верхами и пѣшкомъ, да и женщины въ каретахъ, встрѣчать еще за Парголово“²⁾).

Тауэнцинъ доносилъ въ Берлинъ 9-го августа: „Шведскій посланникъ выѣхалъ вчера на встрѣчу королю, а каммергеръ, графъ Віельгорскій, посланъ императрицею поздравить короля на дорогѣ“³⁾).

А. БРИВНЕРЪ.

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, XXX, 64.

²⁾ Р. Архивъ, 1864, стр. 913.

³⁾ Берлинскій архивъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1890 г.

Новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ.— Сохраненіе прежней компетенціи земства.— Существенныя перемѣны въ его организаціи.— Пониженіе числа гласныхъ и избирательнаго ценса.— Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе.— Отношеніе земскихъ управъ къ администраціи.— Манифестъ о почтовой части въ Финляндіи.

Преобразованіе мѣстнаго управленія и самоуправленія, стоявшее на очереди около десяти лѣтъ, въ настоящее время почти закончено. Къ закону 12-го іюля 1889 г. о земскихъ начальникахъ присоединилось утвержденное 12-го іюня текущаго года положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Незмѣненнымъ остается, пока, только городовое положеніе—но въ близкомъ будущемъ и оно, судя по газетнымъ слухамъ, должно подвергнуться коренной передѣлкѣ. Обстоятельства, при которыхъ завершается реформа, имѣютъ мало общаго съ тѣми, при которыхъ она была предпринята. Намѣченная еще въ семидесятыхъ годахъ, ходатайствами земскихъ учреждений, она была официально признана необходимой въ эпоху „диктатуры сердца“, инструкцію ревизующимъ сенаторамъ и декабрьскимъ циркуляромъ гр. Лорисъ-Меликова. И здѣсь, и тамъ не имѣлось въ виду ничего другаго, кромѣ дальнѣйшаго осуществленія началъ, внушившихъ законодательные акты 1861—64 гг. Предполагалось устранить противорѣчія, пополнить пробѣлы, исправить отдѣльныя ошибки; смѣсь стараго съ новымъ должна была уступить мѣсто гармоническому цѣлому, всѣ части котораго были бы строго согласованы между собой. Такова была, за немногими исключеніями, цѣль проектовъ, составленныхъ земскими собраніями 1881 г. Не слишкомъ рѣзко уклонилось отъ нея и большинство такъ-называемой кахановской комиссіи, учрежденной осенью того же года. Первые признаки противоположнаго направленія проявились въ мнѣніяхъ меньшинства этой комиссіи, скоро получившихъ перевѣсъ и въ другихъ сферахъ. Съ

осени 1885 г., т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ подготовка административной реформы перешла въ руки министерства внутреннихъ дѣлъ, рѣчь идетъ уже не о развитіи основаній, созданныхъ четверть вѣка тому назадъ, а о замѣнѣ ихъ другими, существенно различными. Этому не слѣдуетъ забывать при изученіи и оцѣнкѣ новыхъ органическихъ узаконеній. Мы никакъ не можемъ признать, что положенія 12-го іюля 1889 и 12-го іюня 1890 г. „не измѣняютъ коренныхъ и бытовыхъ условій жизни и затрѣгиваютъ только частности и формальныя стороны преобразованій, вызванныхъ упраздненіемъ крѣпостного права“ („Новости“, № 178). Раздѣленіе властей судебной и административной, самостоятельность суда и судьи, бесспорный характеръ мѣстнаго самоуправленія, независимость земскихъ дѣятелей—все это не *частности*, не *формальная сторона* „преобразованій, вызванныхъ упраздненіемъ крѣпостного права“, а важнѣйшія ихъ черты, опредѣлявшія собою ихъ общій духъ и внутренній смыслъ. Можно смотрѣть на эти черты такъ или иначе, можно считать ихъ полезными или вредными, соответствующими или несоответствующими способностямъ и потребностямъ русскаго народа—но нельзя приписывать имъ только второстепенное значеніе, нельзя утверждать, что ихъ отлѣна „не измѣняетъ коренныхъ и бытовыхъ условій жизни“. Передъ нашими глазами совершается не починка, даже не капитальный ремонтъ мѣстныхъ учрежденій, а полная ихъ перестройка, по новому плану и примѣнительно къ новому назначенію.

Не менѣе спорными кажутся намъ разсужденія названной нами газеты о причинахъ противодѣйствія, встрѣченнаго реформами прошлаго царствованія. Эти реформы, по словамъ „Новостей“, были „настолько идеальны, что требовали и идеальныхъ къ нимъ отношеній со стороны населенія; государство же не могло въ то время располагать запасомъ силъ, вполне отвѣчающихъ этимъ высокимъ требованіямъ. Законъ былъ впереди общества и давалъ больше, нежели оно заслуживало по своему нравственному и умственному складу. Это—прекраснѣйшая, святая задача законодательства, но нечего удивляться, если она не сразу осуществляется, если инертность, непониманіе, дурныя привычки и старыя противообщественныя и себлюбивыя инстинкты возстаютъ противъ идеальныхъ требованій закона, окружая примѣненіе его всякими затрудненіями, противорѣчіями и даже противодѣйствіемъ“. Читая эти строки, можно подумать, что положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, судебные уставы 1864 г. не нашли ни исполнителей, достойныхъ великаго дѣла, ни общественнаго сочувствія и общественной поддержки; можно подумать, что всѣ послѣдующія отступленія и ограниченія были вызваны единственно

невозможностью осуществить реформу во всей ея полнотѣ и цѣлости. На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, не было ничего подобнаго. Мрачныя предсказанія пессимистовъ, ссылавшихся на „недостатокъ людей“, не оправдались; нашлись, въ свое время, мировые посредники, нашлись земскіе дѣятели, нашлись судьи, стоявшіе на высотѣ своего призванія. Общество не оказалось ни „инертнымъ“, ни „непонятливымъ“; изъ-подъ власти „себялюбивыхъ инстинктовъ“ не сумѣло освободиться лишь меньшинство, бессильное затормозить движеніе. Правда, увлеченіе новизною уступило мѣсто нѣкоторому охлажденію, но когда? Только тогда, когда преобразованія были признаны „равновременными“. Лучшіе изъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва оставили свои мѣста не вслѣдствіе побѣды „дурныхъ привычекъ“ надъ „идеальными требованіями“ закона, а вслѣдствіе предпринятаго сверху сокращенія числа мировыхъ участковъ. Нравственный и умственный уровень земства понизился, впрочемъ, только на время, подъ вліяніемъ мѣръ 1867 г. Въ области суда многое измѣнилось къ худшему лишь послѣ продолжительнаго господства стремленій, враждебныхъ судебной реформѣ. Ни одинъ изъ великихъ законодательныхъ актовъ шестидесятихъ годовъ не былъ идеальнымъ, ни въ смыслѣ абсолютнаго совершенства его основаній и полной гармоніи ихъ между собою, ни въ смыслѣ разлада между теоріей и дѣйствительностью. Они всѣ были примѣнны въ данное время, при данныхъ условіяхъ; только этимъ можно объяснить громадную пользу, принесенную ими несмотря на быструю и неблагоприятную переменъ обстоятельствъ. Именно потому, что они не были идеальны, они требовали поправокъ и дополненій, согласованныхъ, конечно, съ первоначальнымъ, основнымъ характеромъ преобразованія. Случилось совсѣмъ не то. Почти каждая новелла приносила съ собою нѣчто чуждое тому цѣлому, въ составъ котораго она должна была войти; единство терялось все больше и больше—и это чувствовалось тѣмъ сильнѣе, что рядомъ съ преобразованными учрежденіями оставались другія, едва затронутыя движеніемъ. Итакъ, въ *противодѣйствіи* реформамъ шестидесятихъ годовъ русское общество неповинно. Оно было позади ихъ развѣ настолько, насколько это обуславливалось недостаткомъ опыта. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, ожидать, чтобы человекъ, никогда не видавшій воды, обладалъ искусствомъ плавать; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онъ, получивъ доступъ къ водѣ, не могъ въ самомъ скоромъ времени научиться этому искусству. Способность приспособленія къ новымъ, лучшимъ условіямъ свойственна русскому обществу, русскому народу; если этимъ условіямъ не всегда суждена долговѣчность, то вовсе не потому, чтобы для нихъ не было у насъ подходящей почвы.

Обратимся, однако, отъ прошедшаго къ настоящему. Законъ

12-го іюня 1890 г. вносить много важныхъ перемѣнъ въ устройство земскихъ учреждений, но отличается, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма существенно и отъ проекта графа Д. А. Толстого, и отъ послѣднаго проекта министерства внутреннихъ дѣлъ. *Компетенція* земства остается, въ общихъ чертахъ, безъ измѣненій—и это одно изъ главныхъ достоинствъ новаго закона. Сравнивая вторую его статью съ соответствующею (также второю) статьею положенія 1-го января 1864 г., мы видимъ, что за земствомъ сохраняется прежняя его роль въ области народнаго образованія и народной медицины, т.-е. въ обѣихъ сферахъ, служившихъ до сихъ поръ главнымъ театромъ земской дѣятельности. Въ послѣднее время къ этимъ двумъ сферамъ присоединилась еще третья, не менѣе важная. Земство заботится все больше и больше о поднятіи матеріальнаго благосостоянія народной массы; оно принимаетъ мѣры къ увеличенію производительности народнаго труда, къ улучшенію условій производства, къ огражденію трудящихся отъ эксплуатаціи скупщиковъ и ростовщиковъ. Сдѣлано, въ этомъ направленіи, еще немного, но многое намѣчено, подготовлено, предпринято. Широкое и твердое основаніе для будущей дѣятельности создано земскими статистическими изслѣдованіями, пролившими массу свѣта на мало извѣстныя стороны народной жизни. Въ высшей степени важнымъ представлялся вопросъ, сохранится ли за преобразованнымъ земствомъ возможность продолжать начатое дѣло. Юридическимъ базисомъ его служилъ до сихъ поръ пун. VI, ст. 2 положенія о земскихъ учрежденіяхъ, возлагавшій на земство „попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности“. Въ нѣкоторыхъ проектахъ этотъ пунктъ былъ совершенно опущенъ и ничѣмъ не замѣненъ; въ законѣ 12-го іюня ему соответствуетъ пун. XI, ст. 2, включающій въ число предметовъ вѣдомства земскихъ учреждений „воспособленіе зависящими отъ земства способами мѣстному земледѣлію, торговлѣ и промышленности“. Дорога, проложенная прежнимъ земствомъ, не закрыта, слѣдовательно, и для его преемника... О нѣкоторыхъ земскихъ функціяхъ, перечисленныхъ въ ст. 2 положенія 1864 г., статья 2-ая новаго закона не упоминаетъ; но это еще не значитъ, что онѣ упразднены. Такъ напримѣръ, право земскихъ собраній ходатайствовать о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ обезпечено статьями 63 и 64 закона 1890 г. ¹⁾; тѣ же статьи сохраняютъ за

¹⁾ Право ходатайства новымъ закономъ даже нѣсколько расширяется: предметомъ ходатайства, по буквѣ положенія 1864 г., могли служить только мѣстныя хозяйственныя пользы и нужды, а теперь могутъ служить всѣ вообще мѣстныя пользы и нужды. Нельзя не замѣтить, однако, что свобода земскихъ ходатайствъ зависитъ не столько отъ текста закона, сколько отъ болѣе или менѣе широкой его интерпретаціи.

земствомъ участіе въ раскладѣ государственныхъ сборовъ. Не говорится прямо, что земство можетъ принимать мѣры къ „превращенію нищенства“ (см. пун. IV, ст. 2 положенія 1864 г.), но это право вытекаетъ изъ общаго смысла пун. VII, ст. 2 новаго закона, возлагающаго на земство „попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ“. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что въ компетенцію земскихъ учреждений законъ 12-го іюня внесъ только одну переимѣну: онъ исключилъ изъ нея попеченіе о построеніи церквей и устранилъ этимъ самымъ поводъ къ несправедливымъ нареканіямъ на земство. Наша реакціонная печать еще недавно обвиняла земскія учреждения въ тенденціозномъ нарушеніи долга, возложеннаго на нихъ по отношенію къ православнои церкви, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, у земства просто не хватало средствъ на исполненіе задачи менѣе неотложной, чѣмъ многія другія.

Новая *организация* земскихъ учреждений во многомъ противоположна прежней. Въ составъ земскихъ собраній входили до сихъ поръ представители различныхъ группъ плательщиковъ земскаго сбора; теперь въ составъ собраній будутъ входить представители *сословій*. Положеніе 1864 г. стремилось къ равновѣсію между избирательными группами, въ рѣдкихъ только случаяхъ предоставляя одной изъ нихъ численный перевѣсъ надъ остальными; при дѣйствіи закона 12-го іюня дворянству почти вездѣ будетъ принадлежать большинство въ собраніи. Возьмемъ, для примѣра, три губерніи: одну изъ сѣверной полосы, одну изъ центральной, одну изъ юго-восточной. Въ псковской губерніи было до сихъ поръ 255 уѣздныхъ гласныхъ: 123—отъ личныхъ землевладѣльцевъ, 33—отъ городовъ, 99—отъ сельскихъ обществъ. Въ орловской губерніи уѣздныхъ гласныхъ отъ личныхъ землевладѣльцевъ было 263, отъ городовъ—68, отъ сельскихъ обществъ—207, всего—538. Въ саратовской губерніи уѣздныхъ гласныхъ отъ личныхъ землевладѣльцевъ было 258, отъ городовъ—69, отъ сельскихъ обществъ—204, всего—531. Во всѣхъ трехъ губерніяхъ, такимъ образомъ, уѣздныхъ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ было вѣскольکو меньше, чѣмъ гласныхъ двухъ другихъ категорій, вмѣстѣ взятыхъ. По новому закону, уѣздныхъ гласныхъ въ псковской губерніи будетъ 249, въ орловской—390, въ саратовской—317; изъ нихъ на долю дворянъ будетъ приходиться въ псковской губерніи—146, въ орловской—229, въ саратовской—177, т. е. гораздо больше половины. Землевладѣльцы не-дворяне будутъ представлены въ псковской губерніи—тридцатью, въ орловской—45, въ саратовской—44 гласными; сельскія общества будутъ имѣть въ псковской губерніи 73, въ орловской—116, въ саратовской—96 представителей. Чтобы уяснить себѣ вполнѣ значеніе этой переимѣны, необходимо припомнить, что въ со-

ставъ землевладѣльческаго сѣзда входили до сихъ поръ какъ землевладѣльцы, безъ различія сословій, такъ и обладатели промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній, годовой оборотъ которыхъ простирается до шести тысячъ рублей. На многочисленную группу плательщиковъ приходилось, слѣдовательно, сравнительно менѣе представителей, нежели ихъ будетъ имѣть теперь группа гораздо меньшая. Что касается до будущихъ губернскихъ земскихъ собраній, то рѣшительное преобладаніе дворянскаго элемента обезпечено здѣсь не только составомъ уѣздныхъ собраній, отъ которыхъ зависитъ выборъ губернскихъ гласныхъ, но и включеніемъ въ число послѣднихъ, *ipso jure* (т. е. безъ выборовъ), всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства.

Членами обоихъ избирательныхъ собраній дворянскаго и не-дворянскаго могутъ быть, на основаніи закона 12-го іюня, только владѣльцы недвижимой собственности, земельной или не-земельной. Совершенно устранены отъ участія въ земскомъ дѣлѣ владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ заведеній, хотя они и продолжаютъ быть плательщиками земскихъ сборовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣйствовавшій до сихъ поръ порядокъ, возводившій шеститысячный годовой оборотъ на степень земскаго избирательнаго ценса, способствовалъ злоупотребленіямъ, достигавшимъ иногда весьма серьезныхъ размѣровъ; столь же безспорно и то, что между хозяевами промышленныхъ заведеній интересъ къ земскому дѣлу, говоря вообще, развитъ гораздо меньше, чѣмъ между землевладѣльцами. Логическимъ выводомъ отсюда было бы, однако, не упраздненіе цѣлой категоріи избирателей, а упорядоченіе ея и ограниченіе ея значенія. Еслибы мѣрили избирательнаго права, по отношенію къ промышленникамъ и торговцамъ, была принята цифра платимаго ими промысловаго налога, и еслибы они были выдѣлены въ особую группу, избирающую определенное, небольшое число земскихъ гласныхъ, то вліяніе ихъ на земское дѣло было бы введено въ надлежащія границы и вмѣстѣ съ тѣмъ соблюденно было бы нѣкоторое соотношеніе между обязанностью и правомъ. Другая категорія плательщиковъ, также устраняемая изъ состава избирательныхъ собраній — это крестьяне, владѣющіе землею (или другимъ недвижимымъ имуществомъ) на правѣ личной собственности, если они принадлежатъ къ составу мѣстныхъ сельскихъ обществъ. Предполагалось, очевидно, что они уже достаточно представлены гласными отъ сельскихъ обществъ. Едва-ли, однако, сельскія общества и крестьяне-личные землевладѣльцы настолько солидарны между собою, чтобы послѣдніе не нуждались въ особомъ представительствѣ. Крестьянинъ, купившій землю въ личную собственность, тамъ, сплошь и рядомъ, и поселяется, сохраняя только номинальную связь съ своими прежними односельцами. Къ землевла-

дѣльцамъ-купцамъ, разночинцамъ и мѣщанамъ онъ приближается гораздо больше, ничѣмъ существенно отъ нихъ не отличаясь. Безъ крестьянъ-землевладѣльцевъ, второе избирательное собраніе будетъ служить, во многихъ уѣздахъ, крайне неполнымъ представительствомъ не-дворянскаго землевладѣнія. Чтобы избѣжать двойного пользованія избирательнымъ правомъ, достаточно было бы постановить, что крестьяне, лично обладающіе цензомъ, не могутъ участвовать въ выборѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Третью категорію плательщиковъ, лишаемыхъ избирательнаго права, составляютъ евреи, впредь до пересмотра дѣйствующихъ о нихъ узаконеній. Значеніе этого послѣдняго извѣтія—болѣе принципиальное, чѣмъ практическое, потому что въ земскихъ губерніяхъ евреевъ, владѣющихъ недвижимою собственностью, весьма немного.

При дѣйствіи положенія 1864 г., выборъ гласныхъ, безъ различія категорій, принадлежалъ непосредственно и исключительно избирательнымъ сѣздамъ. Другими словами, лицо, законно избранное, приобрѣтало, этимъ самымъ, всѣ права гласнаго. Новымъ закономъ этотъ порядокъ оставленъ въ силѣ только для обоихъ землевладѣльческихъ избирательныхъ собраній. Что касается до гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, то по отношенію къ нимъ установлено слѣдующее правило: каждый волостной сходъ избираетъ одно или два лица (два—въ тѣхъ случаяхъ, когда число волостей въ уѣздѣ не превышаетъ опредѣленнаго для него числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ), а изъ числа избранныхъ губернаторъ утверждаетъ положенный росписаніемъ комплектъ гласныхъ. Остальные считаются кандидатами; очередь, въ которой они заступаютъ мѣсто выбывшихъ гласныхъ, также опредѣляется губернаторомъ. Чтобы понять значеніе этого правила, возьмемъ три уѣзда, близко намъ знакомыхъ. Въ лужскомъ уѣздѣ (петербургской губерніи) числится двадцать пять волостей, въ хвалынскомъ и вольскомъ (саратовской губерніи)—двадцать три и двадцать семь. Гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, по новому росписанію, въ лужскомъ уѣздѣ девять (вмѣсто прежнихъ тринадцати), въ хвалынскомъ и вольскомъ—по восьми (вмѣсто прежнихъ 19 и 17). Итакъ, въ лужскомъ земскомъ собраніи не будутъ представлены шестнадцать волостей, въ хвалынскомъ—пятнадцать, въ вольскомъ—девятнадцать. Конечно, и при дѣйствовавшемъ до сихъ поръ порядкѣ не приходилось по одному гласному на каждую волость, но гласные отъ сельскихъ обществъ избирались сходами, въ которыхъ участвовали представители всѣхъ волостей. При соединеніи избранія съ назначеніемъ, послѣднее, притомъ, почти всегда получаетъ верхъ надъ первымъ. Гласные отъ сельскихъ обществъ, избранные волостными сходами, но допущенные въ собраніе губернаторомъ, будутъ чувствовать себя, въ

большинствѣ случаевъ, скорѣе довѣренными администраціи, чѣмъ уполномоченными крестьянскаго населенія.

Сельскіе избирательныя сѣзды могли, до сихъ поръ, избирать въ гласныя не только крестьянъ, но и личныхъ землевладѣльцевъ и священниковъ. За волостными сходами это право, повидимому, не сохраняется. По ст. 38 новаго закона, избирательныя собранія и сѣзды могутъ избирать въ гласныя или уполномоченныя только лицъ, имѣющихъ право голоса въ томъ самомъ собраніи или сѣздѣ, гдѣ выборъ производится. Хотя волостной сходъ и не подходитъ подъ букву этой статьи, но внутренній ея смыслъ исключаетъ, кажется, возможность избранія волостными сходами не-крестьянъ и даже крестьянъ, не входящихъ въ составъ схода. Существуетъ мнѣніе, будто бы при дѣйствиіи прежняго порядка „въ гласныя отъ крестьянъ попадали, сплошь и рядомъ, лица забаллотированныя на землевладѣльческихъ сѣздахъ, весьма нерѣдко—если не въ большинствѣ случаевъ—самый негодный, паразитическій элементъ въ земствѣ“ („Новости“, № 181). Съ этимъ мнѣніемъ едва-ли можно согласиться. Дѣйствительно, выборъ крестьянъ упалъ *иногда* на лицъ, забаллотированныхъ землевладѣльческимъ сѣздомъ, но негодными этому сѣзду бывали весьма часто полезные земскіе дѣятели, оказавшіе существенныя услуги крестьянскому населенію. Достаточно назвать барона Н. А. Корфа, заставлявшаго въ земскомъ собраніи (александровскомъ, екатеринославской губерніи) сначала по выбору землевладѣльцевъ, потомъ—по выбору крестьянъ. Случалось, правда, что крестьяне выбирали въ гласныя своихъ ближайшихъ начальниковъ — предводителей дворянства, непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій — не безъ давленія со стороны сельскихъ властей; но этому легко было положить конецъ устранивъ начальствующихъ надъ крестьянами изъ числа лицъ, могущихъ быть избранными въ гласныя на сельскихъ избирательныхъ сходахъ. Въ концѣ концовъ, право крестьянскихъ сходовъ избирать не-крестьянъ имѣло, думается намъ, больше хорошихъ, чѣмъ дурныхъ сторонъ; оно составляло противовѣсъ сословной исключительности и увеличивало шансы вниманія земскихъ собраній къ интересамъ народной массы. При данныхъ условіяхъ, однако, мы не жалѣемъ о его отиѣнѣ. Необходимымъ его коррективомъ была *непосредственность* избранія, т.-е. признаніе гласными *естя* выбранныхъ лицъ, помимо посторонняго утвержденія. Теперь, когда гласными отъ сельскихъ обществъ становятся только *нѣкоторые* изъ избранныхъ, да и самое число гласныхъ отъ крестьянъ значительно уменьшено, ограниченіе круга избираемыхъ одними крестьянами представляется вполне желательнымъ и цѣлесообразнымъ.

Сравнительно съ прежними проектами, новыя законъ имѣетъ одно

существенно-важное преимущество: онъ не вводитъ въ составъ земскихъ собраній ни гласныхъ по собственному праву, основанному на размѣрахъ принадлежащей имъ поземельной собственности, ни гласныхъ по назначенію административной власти. Чѣмъ обусловливалась и мотивировалась привилегія, которую, одно время, предполагалось предоставить крупнымъ землевладѣльцамъ—это извѣстно читателямъ изъ нашихъ прежнихъ обзорѣній. Что касается до *назначенія* гласныхъ, то, по словамъ „Русскаго Вѣстника“ (1890 г., № 5, Внутреннее Обзорѣніе), оно проектировалось какъ на случай кассации выборовъ или избранія не всего требуемаго росписаніемъ числа гласныхъ, такъ и въ видѣ дополненія къ правильно избранному составу гласныхъ. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлялось приглашать въ гласные тѣхъ изъ числа лицъ, пользующихся особымъ довѣріемъ въ своей мѣстности и имѣющихъ право голоса на одномъ изъ земскихъ избирательныхъ собраній, участіе которыхъ было бы признано полезнымъ. Число такихъ „приглашенных“ гласныхъ не должно было превышать одной пятой общаго числа гласныхъ, опредѣленнаго росписаніемъ. Ничего подобнаго положеніе 12-го іюня не устанавливаетъ; въ случаѣ кассации выборовъ или недостаточнаго числа законно избранныхъ гласныхъ оно требуетъ производства новыхъ выборовъ. Другое различіе между закономъ 12-го іюня и предшествовавшими ему проектами реформы заключается въ томъ, что число гласныхъ уменьшается первымъ далеко не въ той степени, какъ это предполагалось послѣдними. Мы узнаемъ изъ „Русскаго Вѣстника“, что вмѣсто 13.360 нынѣ существующихъ уѣздныхъ гласныхъ одинъ изъ проектовъ оставлялъ только 8.895, вмѣсто 2.281 губернскихъ гласныхъ—только 1.100. По закону 12-го іюня, уѣздныхъ гласныхъ будетъ 10.231, губернскихъ—1.566. Сокращенъ въ особенности составъ такихъ уѣздныхъ собраній, которыя дѣйствительно отличались излишнею многочисленностью. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ орловской губерніи число гласныхъ доходило, напримѣръ, до 70, въ бузулукскомъ уѣздѣ (самарской губерніи)—до 80, въ тамбовскомъ—до 87, въ елизаветградскомъ (херсонской губерніи)—до 96. Теперь максимальная цифра уѣздныхъ гласныхъ—40, и въ большинствѣ случаевъ она представляется достаточною. Пожалѣть можно только о томъ, что слишкомъ часто встрѣчается минимальная цифра—15. Правда, при дѣйствіи положенія 1864 г. были собранія еще болѣе малочисленные—въ 14, даже въ 12 гласныхъ; но практика показала, что такая малочисленность сопряжена съ существенными неудобствами, которыхъ едва ли можно будетъ избѣжать и при пятнадцати гласныхъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ уменьшеніе числа гласныхъ достигаетъ поразительныхъ размѣровъ. Въ вазниковскомъ уѣздѣ, напримѣръ, ихъ было 30, будетъ

16; въ ковровскомъ—было 34, будетъ 17; въ павловскомъ—было 41, будетъ 15; въ юрьевецкомъ—было 36, будетъ 15; въ богородскомъ—было 44, будетъ 16; въ камышинскомъ—было 46, будетъ 15. Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, по самому ихъ назначенію, многочисленность гласныхъ болѣе желательна, чѣмъ въ уѣздныхъ; для уѣзда весьма важно, чтобы губернское представительство его обнимало собою всѣ лучшія мѣстныя силы. Этого трудно будетъ достигнуть при двухъ, трехъ, даже четырехъ губернскихъ гласныхъ—а эти цифры встрѣчаются въ росписаніи всего чаще. Въ московское губернское собраніе, напримѣръ, трехъ гласныхъ посылалъ до сихъ поръ только одинъ уѣздъ, четырехъ—только три; всѣ остальные имѣли по 5, 6, 7 представителей. Теперь ни одинъ уѣздъ этой губерніи не будетъ представленъ болѣе нежели четырьмя гласными. Въ курской губерніи всѣ уѣзды, кромѣ одного, посылали въ губернское собраніе болѣе четырехъ гласныхъ; теперь эта цифра будетъ превзойдена лишь однимъ уѣздомъ. Какъ бы то ни было, хорошо уже и то, что общее число губернскихъ гласныхъ уменьшилось только на одну четверть, а не на цѣлую половину.

Положительнымъ достоинствомъ новаго закона слѣдуетъ считать пониженіе избирательнаго ценза. Необходимость этой мѣры, хотя бы въ виду одного только повышенія цѣны на землю, давно уже доказывалась въ печати, въ ходатайствахъ земскихъ собраній, въ отчетахъ ревизирующихъ сенаторовъ. Въ официальныхъ проектахъ земской реформы имущественный цензъ намѣчался, однако, прежній, и пониженіе его рѣшено, повидимому, въ одномъ изъ послѣднихъ фазисовъ законодательной процедуры. Размѣры пониженія довольно скромны; оно касается, притомъ, исключительно *воземельной* собственности ¹⁾. До сихъ поръ минимальная цифра десятинъ, дающая право непосредственнаго участія въ выборахъ, равнялась *двумъ стами*; теперь она понижена до *ста двадцати пяти*. Правда, это послѣднее количество признается достаточнымъ только въ *двѣнадцати* уѣздахъ; но въ *тридцати шести* уѣздахъ цензъ опредѣленъ въ *сто пятьдесятъ*, въ *тридцати девяти* уѣздахъ—въ *сто семьдесятъ пять* десятинъ. Этимъ однимъ пониженіе ценза еще далеко не ограничивается. Оно не коснулось вовсе только трехъ губерній (екатеринославской, симбирской и уфимской); всѣ другія воспользовались имъ, въ болѣшихъ

¹⁾ Для другихъ недвижимыхъ имуществъ, расположенныхъ въ уѣздѣ, сохранена прежняя норма—стоимость пятнадцать тысячъ рублей, а для домовладѣльцевъ въ городахъ цензъ даже повышенъ; такъ уничтожена всякая разница между имуществами городскими и не-городскими (въ городахъ избирательное право приурочивалось, до сихъ поръ, къ владѣнію имуществомъ, оцененнымъ въ 3.000, 1.000 или 500 рублей, смотря по населенности города).

или меньшихъ размѣрахъ. Такъ напримѣръ, въ тѣхъ двухъ уѣздахъ псковской губерніи, въ которыхъ цензъ равнялся 250 десятинамъ, онъ составляетъ теперь только 225 десятинъ; въ остальныхъ уѣздахъ онъ пониженъ съ 350 десятинъ до 275 или 300. Въ ярославской губерніи прежній цензъ сохраненъ только для трехъ уѣздовъ; во всѣхъ остальныхъ онъ пониженъ съ 250 до 200 или 225. Повышенъ, зато, предѣльный цензъ, дающій право на участіе въ сѣздѣ мелкихъ землевладѣльцевъ. Прежде онъ составлялъ одну двадцатую часть полного ценза, теперь составляетъ одну десятую—а такъ какъ полный цензъ нигдѣ не пониженъ вдвое, то вездѣ, слѣдовательно, уменьшилось число лицъ, имѣющихъ право избирать изъ своей среды уполномоченныхъ для выбора гласныхъ.

Менѣе существенны, чѣмъ пониженіе ценза, но все же не безполезна перемѣны, касающіяся порядка избранія гласныхъ. Если, при дѣйствіи положенія 1864 г., число явившихся избирателей было менѣе числа подлежащихъ избранію гласныхъ, то выборы не производились вовсе и всѣ наличные избиратели признавались гласными. Закономъ 12-го іюня такое рѣшеніе вопроса допускается лишь тогда, когда число явившихся избирателей не превышаетъ *двухъ третей* числа подлежащихъ избранію гласныхъ; въ противномъ случаѣ, наличные избиратели приступаютъ къ производству выборовъ, съ правомъ подвергать баллотировкѣ и отсутствующихъ членовъ собранія, не заявившихъ отказа отъ принятія званія гласнаго. Новый порядокъ, безъ сомнѣнія, лучше прежняго; онъ уменьшаетъ вліяніе случая и затрудняетъ доступъ въ гласные для такихъ лицъ, которыя не пользуются довѣріемъ населенія. Представимъ себѣ, напримѣръ, что слѣдуетъ избрать 18 гласныхъ. Одинъ изъ наличныхъ избирателей до такой степени несимпатиченъ всѣмъ остальнымъ, что при баллотировкѣ за него не было бы подано ни одного голоса; но избирателей явилось только семнадцать—и онъ, за силою дѣйствующаго закона; становится гласнымъ. При новомъ законѣ онъ будетъ забаллотированъ или вовсе не рѣшится подвергнуться баллотировкѣ. Конечно, въ случаѣ явки двѣнадцати избирателей или числа еще меньшаго, прежнія неудобства останутся въ силѣ и при дѣйствіи новаго закона, но чѣмъ меньше минимальная цифра, при которой возможно производство выборовъ, тѣмъ больше шансовъ, что выборы будутъ производиться. Нельзя не одобрить, дажѣ, ограниченіе числа случаевъ, въ которыхъ допускается передача голоса по довѣренности. При дѣйствіи положенія 1864 г. всякій избиратель, не желавшій прибыть на выборы, могъ передать свой голосъ другому избирателю. Это вело, сплошь и рядомъ, къ образованію искусственнаго большинства, путемъ набіранія или выпрашиванія довѣренностей. Заяв-

мались этимъ въ особенности руководители группъ, составлявшихся въ видахъ достиженія личныхъ цѣлей. Они являлись на выборы съ массой довѣренностей, снабжали ими своихъ сторонниковъ и проводили въ гласные кого хотѣли. Побѣда доставалась имъ тѣмъ легче, что противники ихъ, серьезно преданные земскому дѣлу, пренебрегали, болѣею частью, не совсѣмъ красивыми средствами борьбы и не стремились, *per fas et nefas*, къ добыванію довѣренностей. Новый законъ допускаетъ выдачу довѣренностей только со стороны отцовъ — неотдѣленнымъ сыновьямъ, со стороны лицъ женскаго пола — мужьямъ или ближайшимъ родственникамъ, и со стороны лицъ, достигшихъ совершеннолѣтія, но не имѣющихъ еще двадцати-пяти лѣтъ отъ роду — одному изъ членовъ того же избирательнаго собранія. Проще и правильнѣе было бы, кажется, признать за послѣдней категоріей избирателей право непосредственнаго участія въ выборахъ. Трудно понять, почему юноша, могущій занять болѣе или менѣе ответственное мѣсто въ гражданской или военной службѣ, могущій даже, въ качествѣ уѣзднаго предводителя дворянства, предсѣдательствовать въ земскомъ собраніи ¹⁾, признается неспособнымъ исполнять обязанности гласнаго или хотя бы члена земской управы. А между тѣмъ польза привлеченія молодыхъ людей къ земской дѣятельности едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію... Отмѣнено новымъ закономъ, и совершенно основательно, право землевладѣльцевъ передавать свой голосъ арендаторамъ — лицамъ, болѣею частью, вовсе не заинтересованнымъ въ земскомъ дѣлѣ. Только въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ, мало населенныхъ мѣстностяхъ землевладѣльцамъ предоставлено право передовѣрять свой голосъ управляющимъ ихъ имѣніями. Это исключеніе объясняется тѣмъ, что на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ имперіи крупныя землевладѣльцы рѣдко бываютъ въ своихъ имѣніяхъ, еще рѣже принимаютъ на себя обязанности, требующія періодической явки на мѣсто. Безъ отступленія отъ общаго правила не легко было бы здѣсь достигнуть достаточнаго числа избирателей и кандидатовъ въ гласные.

Радикально измѣненъ новымъ закономъ порядокъ повѣрки выборовъ. Положеніе 1864 г. предоставляло эту повѣрку самимъ земскимъ собраніямъ. Когда предметомъ жалобы или протеста было избраніе одного или немногихъ гласныхъ, собраніе могло отнестись къ нимъ спокойно и безпристрастно; но если споръ былъ направленъ противъ избранія цѣлой категоріи гласныхъ, противъ дѣйствительности цѣлаго

¹⁾ Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что одинъ изъ петербургскихъ *убернскихъ* предводителей дворянства, въ продолженіе многихъ лѣтъ съ честью занимавшій это мѣсто, не достигъ еще 25 лѣтъ, когда предсѣдательствовалъ въ первый разъ въ *убернскомъ* земскомъ собраніи.

избирательнаго съѣзда, то значительная часть собранія являлась судьей въ собственномъ дѣлѣ. Съ большими неудобствами было сопряжено и дальнѣйшее разсмотрѣніе спорнаго вопроса, если губернаторъ, вопреки мнѣнію собранія, продолжалъ находить выборы незаконными и настаивать на ихъ отмѣнѣ. Могло случиться—и дѣйствительно случалось,—что сенатъ отмѣнял выборы черезъ годъ или болѣе послѣ ихъ производства,—и вмѣстѣ съ ними падало все сдѣланное неправильно избраннмъ собраніемъ и неправильно избранною управою. Бывало и такъ, что цѣлые уѣзды, въ виду опротестованія выборовъ, оставались безъ представительства въ губернскомъ земскомъ собраніи. Гораздо болѣе цѣлесообразной въ виду всего этого слѣдуетъ признать систему, принятую городовымъ положеніемъ 1870 г.,—систему, въ силу которой жалобы на неправильное избраніе *отдѣльныхъ лицъ* разрѣшаются городскою думою, а жалобы на нарушеніе *вообще* установленнаго для выборовъ порядка—губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутвіемъ. Нельзя не пожалѣть, что законъ 12-го іюня не послѣдовалъ примѣру городского положенія и предоставилъ разсмотрѣніе *всѣхъ* жалобъ и протестовъ, относящихся къ выборамъ, исключительно губернскому по земскимъ дѣламъ присутвію. Всего правильнѣе, конечно, было бы возложеніе этой функціи на одинъ изъ органовъ судебной власти, стоящей совершенно въ сторонѣ отъ земскаго дѣла.

Мы только-что упомянули о губернскомъ по земскимъ дѣламъ присутвіи. Это—учрежденіе новое, составляющее одну изъ характеристическихъ особенностей закона 12-го іюня. Въ проектѣ гр. Д. А. Толстого не было рѣчи ни о чемъ подобномъ: земскія учрежденія ставились прямо лицомъ къ лицу съ администраціей, какъ подчиненныя съ начальствомъ. Чтобы смягчить рѣзкость этого положенія, новый законъ сдѣлалъ заимствование изъ области городского самоуправления, — но заимствование далеко не буквальное. Во многомъ сходное съ присутвіемъ по городскимъ дѣламъ, губернское по земскимъ дѣламъ присутвіе во многомъ отъ него и отличается. Въ составѣ того и другого преобладаетъ элементъ административный, представленный и здѣсь, и тамъ губернаторомъ, вице-губернаторомъ, управляющимъ казенной палатой и прокуроромъ окружнаго суда. Представителями самоуправления въ земскомъ присутвіи служатъ губернской предводитель дворянства, предсѣдатель губернской земской управы и одинъ изъ губернскихъ гласныхъ, по выбору губернскаго земскаго собранія. Самая существенная разница между обоими присутвіями заключается въ томъ, что присутвіе по городскимъ дѣламъ повѣряетъ единственно *законность* постановленій городскихъ

думъ ¹⁾, а присутствіе по земскимъ дѣламъ — не только законность, но и *цѣлесообразность* постановленій земскихъ собраній. Законъ 12-го іюня различаетъ, въ этомъ отношеніи, постановленія, подлежащія утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ, постановленія, подлежащія утвержденію губернатора, и наконецъ—всѣ остальные. По отношенію къ первымъ роль губернскаго присутствія ограничивается составленіемъ заключенія, представляемаго на усмотрѣніе министра. Постановленія второго рода, если губернаторъ не признаетъ возможнымъ утвердить ихъ, вносятся на обсужденіе присутствія. Если большинство присутствія согласится съ мнѣніемъ губернатора, постановленіе считается несостоявшимся; въ противномъ случаѣ, дѣло поступаетъ на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Исполненіе постановленій третьяго рода (т.-е. постановленій, не подлежащихъ утвержденію губернатора или министра) можетъ быть остановлено губернаторомъ, если онъ найдетъ ихъ несогласными съ закономъ, или несоответствующими общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, или явно нарушающими интересы мѣстнаго населенія. Въ первомъ случаѣ постановленіе собранія можетъ быть отмѣнено губерnskимъ присутствіемъ, на рѣшеніе котораго собраніе въ правѣ принести жалобу сенату. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ соблюдается слѣдующій порядокъ: если постановленіе, признаваемое неправильнымъ, состоялось въ уѣздномъ собраніи, оно передается губернаторомъ на обсужденіе губернскаго собранія; если оно состоялось въ губернскомъ собраніи (все равно, по дѣлу ли, переданному губернаторомъ на основаніи только-что упомянутаго правила, или по дѣлу, возникшему въ самомъ губернскомъ собраніи), оно представляется, съ заключеніемъ губернскаго присутствія, министру внутреннихъ дѣлъ. Если министр и съ своей стороны усмотритъ въ постановленіи что-либо несоответствующее общимъ государственнымъ нуждамъ и пользамъ, или что-либо явно нарушающее интересы мѣстнаго населенія, онъ входитъ съ представленіемъ объ измѣненіи или отмѣнѣ постановленія: въ государственный совѣтъ—когда отъ того должно послѣдовать возвышеніе земскаго обложенія противъ опредѣленнаго земскимъ собраніемъ размѣра, въ комитетъ министровъ—во всѣхъ прочихъ случаяхъ. Ко всему этому необходимо прибавить, что при несогласіи губернатора съ опредѣленіемъ губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, состоявшимся по большинству голосовъ, исполненіе опредѣленія приостанавливается и дѣло представляется министру внутреннихъ дѣлъ, который или предлагаетъ губернатору исполнить опредѣленіе присутствія,

¹⁾ Исключеніе изъ этого правила допущено лишь по отношенію къ обязательнымъ постановленіямъ, издаваемымъ думой.

или входить въ сенатъ съ представленіемъ о его отиѣнѣ. Собственною своею властью министръ можетъ отиѣнить опредѣленіе большинства членовъ присутствія въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о постановленіяхъ, подлежащихъ утвержденію губернатора.

Итакъ, губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе имѣетъ голосъ отчасти совѣщательный, отчасти рѣшительный; по нѣкоторымъ дѣламъ оно даетъ заключенія, по другимъ—постановляетъ опредѣленія. Относительно дѣлъ перваго рода мы можемъ замѣтить лишь одно: заключеніе присутствія по вопросамъ о цѣлесообразности земскихъ постановленій правильнѣе было бы, кажется, требовать не тогда, когда уже обнаружилось разногласіе (наложеніемъ губернаторскаго veto на исполненіе постановленія), а тогда, когда только-что возникаетъ его возможность. Приглашаемое высказаться *послѣ* губернатора, губернское присутствіе не имѣетъ надлежащей свободы дѣйствій; большинство членовъ легко можетъ стать на сторону губернатора не по убѣжденію, а только въ видахъ поддержанія авторитета губернаторской власти. Другое дѣло, еслибы заключеніе присутствія предшествовало губернаторскому veto; тогда оно могло бы быть основано исключительно на обстоятельствахъ даннаго случая и представлять собою не критику совершившагося факта, а *сомнѣніе*, который еще не поздно принять во вниманіе. Разногласія между губернаторомъ и земствомъ часто прекращались бы, такимъ образомъ, въ самомъ началѣ, не принимая остраго характера. Соблюденіе указываемаго нами порядка *возможно*, впрочемъ, и при дѣйствіи закона 12-го іюня; онъ не *требуетъ*, чтобы губернаторъ узналъ *предварительно* мнѣніе губернскаго присутствія, но не воспрещаетъ обращенія къ присутствію при первомъ же *сомнѣніи* въ правильности постановленія земскаго собранія. Что касается до *опредѣленій* губернскаго присутствія, то нѣкоторыя изъ нихъ вовсе не подлежатъ обжалованію со стороны земства. До сихъ поръ разрѣшеніе разногласій, возникавшихъ между земскими собраніями и административною властью, принадлежало прав. сенату. Теперь изъ вѣденія сената изъемяются всѣ постановленія земскихъ собраній, подлежащія утвержденію губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ. Достаточно губернскому присутствію согласиться съ губернаторомъ, не утвердившимъ постановленіе земскаго собранія—и дѣло рѣшено безповоротно и безапелляціонно. Чтобы оцѣнить значеніе этой перемѣны, стоитъ только припомнить громадную разницу въ составѣ и положеніи губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія и перваго департамента сената. Значеніе апелляціонной инстанціи сенатъ сохраняетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда разногласіе между губернаторомъ и земствомъ касается закон-

ности постановленій, не подлежащихъ утвержденію административной власти.

Постановленій, не подлежащихъ утвержденію администраціи, и при дѣйствіи новаго закона будетъ гораздо болѣе, чѣмъ постановленій, подлежащихъ утвержденію; но различіе между тѣми и другими теперь уже далеко не такъ существенно, какъ прежде. До сихъ поръ постановленія, не подлежащія утвержденію, могли быть опротестованы губернаторомъ или министромъ лишь въ такомъ случаѣ, если они признавались противными закону или общимъ государственнымъ пользамъ; теперь, какъ мы уже видѣли, рамки протеста значительно раздвинуты, административное veto можетъ быть наложено и на постановленія, „явно нарушающія интересы мѣстнаго населенія“. Другими словами, нѣтъ такого постановленія земскаго собранія, которое не могло бы быть перенесено на судъ высшей власти. На мѣсто прав. сената становится, въ случаяхъ разномыслія по существу дѣла, государственный совѣтъ или комитетъ министровъ (послѣдній гораздо чаще, чѣмъ первый). Другими словами, повѣрка, заключенная въ тѣсныя предѣлы, уступаетъ мѣсто повѣркѣ, ничѣмъ не ограниченной. На значеніе этой перемѣны можно смотрѣть такъ или иначе,—но во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что порядокъ, устанавливаемый новымъ закономъ, имѣетъ большія преимущества передъ проектомъ гр. Д. А. Толстого, ничѣмъ почти не стѣснявшимъ дискреціонную власть губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ.

Для дѣйствительности засѣданій земскаго собранія положеніе 1864 г. требовало присутствія, по меньшей мѣрѣ, *одной трети* гласныхъ; по закону 12-го іюня, засѣданіе можетъ считаться состоявшимся только при наличности *половины* общаго числа гласныхъ ¹⁾. Это повышеніе минимальной цифры находится въ тѣсной связи съ другимъ постановленіемъ новаго закона, опредѣляющимъ отвѣтственность гласныхъ, безъ уважительной причины не являющихся въ собраніе. Взысканіе за неявку налагается самимъ собраніемъ, по большинству двухъ третей голосовъ, и возрастаетъ въ слѣдующей постепенности: въ первый разъ—замѣчаніе отъ имени предсѣдателя собранія, во второй разъ—денежный штрафъ, въ размѣрѣ до семидесяти-пяти рублей, въ третій разъ—такой же штрафъ и сверхъ того временное исключеніе изъ земскаго собранія. Абсентеизмъ гласныхъ былъ несомнѣннымъ зломъ, особенно чувствительнымъ въ губернскихъ

¹⁾ Если въ собраніи числится, по росписанію, менѣе двадцати членовъ, то въ засѣданіяхъ его должно присутствовать не менѣе десяти гласныхъ. Это требованіе, заимствованное изъ дѣйствующаго закона, совершенно понятно, но гораздо лучше было бы сдѣлать его излишнимъ, повнѣсивъ минимальную цифру гласныхъ, во всѣхъ безъ исключенія уѣздахъ, до двадцати.

собраніяхъ; но едва-ли можно ожидать, что онъ будетъ искорененъ системою взысканій, да еще столь незначительныхъ, какъ перечисленные нами выше. Семьдесятъ-пять рублей—сумма, во многихъ случаяхъ близкая къ той, которую приходится издержать на пріѣздъ въ собраніе. Исключеніе изъ собранія едва-ли устранило того, кто такъ явно не дорожитъ своимъ правомъ и такъ небрежно относится въ своей обязанности. Всѣмъ извѣстно, притомъ, какъ легко добываются у насъ свидѣтельства о болѣзни, составляющей „уважительную причину“ неявки въ собраніе. Мы продолжаемъ думать, что единственной надежной гарантіей аккуратнаго посѣщенія земскихъ собраній служитъ сознаніе долга, находящееся въ прямомъ соотношеніи съ важностью земскаго дѣла и съ самостоятельностью земской дѣятельности. Нѣкоторую пользу можетъ, также, принести все то, что облегчаетъ гласнымъ явку въ собраніе и участіе въ немъ до самаго конца сессіи. Исходя изъ этого убѣжденія, мы сочувствуемъ вполне тому правилу новаго закона, въ силу котораго, вопреки существовавшему до сихъ поръ порядку, волостнымъ сходамъ предоставляется назначать избраннымъ отъ нихъ гласнымъ содержаніе изъ волостныхъ мирскихъ сборовъ.

Официальные проекты земской реформы стремились, между прочимъ, къ расширенію дискреціонной власти предсѣдателя собранія, т.-е. предводителя дворянства. Если вѣрить „Русскому Вѣстнику“, усмотрѣнію предсѣдателя предполагалось предоставить принятіе или непринятіе къ обсужденію предложеній, сдѣланныхъ членами собранія. Новый законъ ничего подобнаго не устанавливаетъ; всякое предложеніе, сдѣланное однимъ изъ гласныхъ, передается предсѣдателемъ на разсмотрѣніе собранія, *если не встрѣтится законныхъ къ тому препятствій*. Иными словами, устранены властью предсѣдателя могутъ быть *только* такія предложенія, которыя въ чемъ-либо противорѣчатъ закону. Положеніемъ 1864 г. закрытая подача голосовъ допускалась только при выборахъ и при рѣшеніи вопросовъ объ устраненіи отъ должности или о преданіи суду; законъ 12-го іюня, удерживая для этихъ случаевъ закрытую подачу голосовъ и присоединяя къ нимъ вопросы о назначеніи содержанія и денежныхъ пособій служащимъ, предоставляетъ самому собранію опредѣлять способъ голосованія по всѣмъ остальнымъ дѣламъ: Это, безспорно, перемѣна къ лучшему. Всѣхъ случаевъ, въ которыхъ неудобна открытая подача голосовъ, законъ предусмотрѣть не можетъ. Свободѣ рѣшенія—особенно въ такомъ собраніи, въ которомъ засѣдаютъ власть имѣющіе рядомъ съ подвластными, земскіе начальники рядомъ съ крестьянами—закрытая подача голосовъ способствуетъ гораздо больше,

чѣмъ открытая; весьма важно, поэтому, ничѣмъ не ограниченное право собранія прибѣгать къ баллотировкѣ шарами.

Проектъ графа Д. А. Толстого предоставлялъ администраціи право *назначать* предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, изъ числа гласныхъ соотвѣтствующаго земскаго собранія. Слѣдующій, по времени, проектъ сохранялъ,—если вѣрить „Русскому Вѣстнику“,—выборъ управъ самими земскими собраніями, но съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неутвержденія кого-либо изъ избранныхъ администрація немедленно была въ правѣ назначить вмѣсто него не только одного изъ гласныхъ, но и любого члена мѣстныхъ избирательныхъ собраній. Законъ 12-го іюня разрѣшаетъ спорный вопросъ въ смыслѣ сравнительно благоприятномъ для выборнаго начала. Избраніе предсѣдателей и членовъ управъ предоставляется земскимъ собраніямъ; избираемы могутъ быть какъ гласные, такъ и другія лица, имѣющія право голоса на одномъ изъ избирательныхъ собраній. Предсѣдатели губернскихъ управъ утверждаются въ должности министромъ внутреннихъ дѣлъ, члены губернскихъ управъ, равно какъ и предсѣдатели и члены управъ уѣздныхъ—губернаторомъ. Если кто-либо изъ избранныхъ не будетъ утвержденъ, производятся новые выборы; если и вновь избранное лицо утверждено не будетъ, должность его замѣщается, въ случаѣ надобности ¹⁾, по назначенію. Нужно надѣяться, что такая комбинація условій будетъ встрѣчаться крайне рѣдко. Предоставленіе земскимъ собраніямъ избирать на земскія должности не только гласныхъ, но и другихъ мѣстныхъ жителей, составляетъ, само по себѣ, перемѣну къ лучшему, много разъ бывшую предметомъ земскихъ ходатайствъ. Иное дѣло—*назначеніе* такихъ лицъ; оно не представляло бы никакого ручательства въ томъ, что назначаемые пользуются довѣріемъ мѣстнаго населенія... Другая разница между проектомъ гр. Д. А. Толстого и закономъ 12-го іюня, также дающая послѣднему преимущество надъ первымъ, заключается въ томъ, что для предсѣдателей управъ не обязательна принадлежность къ дворянскому сословію; требуется только, чтобы они имѣли право на вступленіе въ государственную службу. Содержаніе предсѣдателямъ и членамъ управъ назначается собраніями, а не опредѣляется разъ навсегда закономъ, какъ предполагалось въ проектѣ гр. Д. А. Толстого.

Законъ 12-го іюня подчиняетъ земскія управы губернатору, но не въ той мѣрѣ, въ какой это предполагалось первоначально. Усмотрѣвъ, какимъ бы то ни было образомъ, что-либо неправильное въ дѣйствіяхъ управы, губернаторъ предлагаетъ ей о возстановленіи

¹⁾ Слова: *въ случаѣ надобности*, мы понимаемъ такимъ образомъ, что при наличности трехъ утвержденныхъ членовъ управы вакансія четвертаго, неутвержденного, можетъ остаться незамѣщенной.

нарушеннаго порядка. Если управа встрѣтитъ затрудненія къ исполненію таковаго предложенія, она представляетъ о томъ губернатору, который передаетъ дѣло на разрѣшеніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія. Рѣшеніе присутствія обязательно для управы и можетъ быть обжаловано лишь земскимъ собраніемъ, передъ правительствующимъ сенатомъ. Гораздо болѣе серьезнымъ источникомъ зависимости земскихъ управъ служатъ новыя правила о дисциплинарной ихъ отвѣтственности. Дисциплинарное производство противъ предсѣдателей и членовъ управъ можетъ быть возбуждено, по закону 12-го іюня, либо земскимъ собраніемъ, либо губернаторомъ. Оно рассматривается въ первой инстанціи губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ, во второй—совѣтомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Замѣчаніе или выговоръ могутъ быть сдѣланы члену уѣздной управы губернскимъ присутствіемъ, предсѣдателю уѣздной управы, а также предсѣдателю или члену губернской управы—совѣтомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Отъ этого совѣта (всѣ дисциплинарныя постановленія котораго подлежатъ утвержденію министра) зависитъ также *удаленіе отъ должности* какъ предсѣдателей, такъ и членовъ управъ. Члены уѣздныхъ управъ предаются суду постановленіями губернскаго присутствія, предсѣдатели управъ и члены управъ губернскихъ—постановленіями совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, утвержденными министромъ. Припомнимъ, что до сихъ поръ никто изъ предсѣдателей и членовъ управъ не могъ быть удаленъ отъ должности иначе какъ сенатомъ, отъ котораго зависѣло и преданіе ихъ суду, по представленію губернскаго земскаго собранія.

Предсѣдателямъ и членамъ земскихъ управъ, а равно и прочимъ лицамъ, служащимъ въ земскихъ учрежденіяхъ, воспрещено участвовать въ подрядахъ и поставкахъ по предметамъ земскаго хозяйства и вообще входить въ какія-либо сдѣлки по имуществу съ земствомъ своей губерніи или своего уѣзда. Это воспрещеніе кажется намъ вполне цѣлесообразнымъ. Несомнѣнной перемѣной къ лучшему слѣдуетъ признать также предоставленіе частнымъ лицамъ возможности обжалованія постановленій земскихъ собраній, нарушающихъ ихъ *интересы* (нарушеніе гражданскихъ правъ и теперь могло служить предметомъ судебного иска). Последнее слово по такимъ жалобамъ принадлежитъ правительствующему сенату.

Мы перечислили всѣ существенныя черты новаго закона; отъ общей его оцѣнки мы воздерживаемся, въ виду прежнихъ многочисленныхъ обзрѣній и статей, посвященныхъ нашимъ журналомъ вопросу о земской реформѣ.

Въ виду чрезвычайной важности манифеста (31-го мая—12-го іюня), опредѣлившаго новое устройство почтовой части въ Финляндіи, мы считаемъ необходимымъ воспроизвести буквально весь текстъ этого государственнаго акта:

„Признавъ за благо установить единообразіе въ устройствѣ почтовой части на всемъ пространствѣ російскаго государства, повелѣваемъ завѣдываніе почтовою частью Финляндіи сосредоточить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имперіи по главному управленію почтъ и телеграфовъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Министерству внутреннихъ дѣлъ предоставляется: а) вводить по почтовой части великаго княжества финляндскаго, взаимнѣ мѣстныхъ постановленій, правила и таксы, дѣйствующія въ имперіи, равно какъ и давать чинамъ этого вѣдомства инструкціи и указанія относительно ихъ обязанностей и занятій, сообщая сіи мѣропріятія финляндскому генераль-губернатору, въ первомъ случаѣ, для обнародованія въ установленномъ порядкѣ, а въ послѣднемъ для распоряженія;—и б) производить чрезъ начальника главнаго управленія почтъ и телеграфовъ или подвѣдомственныхъ ему чиновъ ревизіи почтовыхъ учреждений Финляндіи.

2. Финляндскій почтъ-директоръ опредѣляется Нами, по представленію генераль-губернатора, основанному на соглашеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

3. Назначеніе на прочія должности по финляндскому почтовому вѣдомству слѣдуетъ существующему порядку, причемъ должностныя лица, опредѣляемыя финляндскимъ сенатомъ, избираются по соглашенію съ начальникомъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ.

4. Для всѣхъ вновь опредѣляемыхъ на службу лицъ въ почтовые учреждения, находящіяся въ городахъ великаго княжества и въ Выборгской губерніи, знаніе русскаго языка обязательно.

5. Смѣтныя предположенія по почтовой части въ Финляндіи разсматриваются предварительно въ главномъ управленіи почтъ и телеграфовъ и съ его заключеніемъ вносятся въ Императорскій финляндскій сенатъ для дальнѣйшаго распоряженія“.

НАША ВНѢШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ВЪ 1889 ГОДУ.

Балансъ по внѣшней торговлѣ, т.-е. разность въ цѣнности ввезенныхъ въ государство и вывезенныхъ изъ него товаровъ, многими признается наиболѣе непогрѣшимымъ указателемъ экономическаго преуспѣянія той или другой страны. Не отвергая значенія баланса, мы полагаемъ, однако, что съ точностью оно можетъ быть выяснено не иначе какъ въ сопоставленіи съ весьма многими и весьма разнообразными условіями. Во всякой нормальной торговлѣ (такой, гдѣ нѣтъ эксплуатаціи или обмана), внутренней или международной, все равно, всегда устанавливается приблизительный балансъ, т.-е. равная стоимость обмѣняваемыхъ цѣнностей, причемъ избытокъ отпуска или полученія одного года уравнивается противоположнымъ результатомъ другого года. Если между привозомъ и вывозомъ существуетъ разница въ одну сторону постоянная въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то это происходитъ отъ того, что между странами происходитъ обмѣнъ не только товаровъ на товары, но и товаровъ на услуги, которыя, однако, въ реестръ обмѣняваемыхъ цѣнностей не попадаютъ. Значительная доля нашей пшеницы или нашихъ досокъ несомнѣнно уходитъ за границу въ возмѣщеніе арій Мазини, пиретовъ Цукки, дѣловой поѣздки въ Россію Ротшильда, законтрактованшаго нашу нефть, комфорта и пользы, доставляемыхъ русскимъ людямъ курортами, выставками и шеолами западной Европы, и т. п. Всѣ такія услуги въ торговыхъ билетахъ не значатся, а пшеница, доски или нефть фигурируютъ въ полной цифрѣ ихъ стоимости. Но главный видъ услугъ, за которыя въ значительной степени намъ приходится расплачиваться нашими произведеніями, это наша задолженность странамъ западной Европы. У насъ, какъ извѣстно, вовсе нѣтъ заграничныхъ обязательствъ, тогда какъ наши цѣнныя долговныя бумаги находятся преимущественно за границей, въ Германіи, во Франціи, въ Голландіи, Англии и другихъ странахъ, и по нимъ намъ ежегодно приходится уплачивать процентовъ и погашенія, по всему вѣроятію, не менѣе 100 мил. рублей.

Все сказанное необходимо имѣть въ виду для того, чтобы торговому балансу по нашей внѣшней торговлѣ, столь для насъ въ послѣднее время благоприятному, придать его настоящее значеніе. Нужно помнить, что это лишь балансъ по обмѣну товаровъ, въ который вовсе не входитъ цѣнность услугъ, оказываемыхъ намъ западной

Европой, и что съ нашей стороны услугъ ей взаимно оказывается весьма немного. Нужно въ этому прибавить, что обмѣнъ товаровъ на услуги, и особенно отпускъ ихъ для уплаты долговъ, не совсѣмъ выгоденъ, такъ какъ при такомъ условіи цѣна товара въ значительной степени зависитъ отъ кредитора. Такъ, въ 1888 году, несмотря на общій неурожай въ западной Европѣ, мы должны были продавать нашъ хлѣбъ за границу по очень дешевой цѣнѣ, часто не возмѣщавшей издержекъ производства. Во всякомъ случаѣ хорошо, если, благодаря значительному отпуску нашихъ произведеній за границу, мы имѣемъ возможность не увеличивать нашей задолженности.

Недавно опубликованный отчетъ таможеннаго департамента о нашей внешней торговлѣ за 1889 годъ ¹⁾ даетъ за послѣднія шесть лѣтъ слѣдующія цифры нашего вывоза и ввоза по европейской границѣ, за исключеніемъ торговли по черноморской границѣ кавказскаго края и торговли съ Финляндіей, отдѣленной, какъ извѣстно, отъ имперіи таможенной чертою. Приводимъ эти цифры какъ въ кредитной, такъ и въ золотой валютѣ. Переложеніе одной въ другую сдѣлано департаментомъ по курсу современному ввозу или вывозу, причемъ курсъ этотъ мѣняется отъ 1 р. 93 к. кред. (въ апрѣлѣ 1888 года) до 1 р. 49 коп. (въ февралѣ и въ декабрѣ 1889 г.) за кредитный рубль.

Года.	Отпускъ: товаровъ		драгоцен. металловъ.
	М и л л и о н н ы р у б л е й.		
	кредитн.	металлич.	
1884	550 ¹ / ₂	849	8 ¹ / ₂
1885	498	312	7
1886	436 ¹ / ₂	265	14
1887	563 ¹ / ₂	318	19
1888	728	481 ¹ / ₂	34 ¹ / ₂
1889	687	452	17 ¹ / ₂
Всего за 6 лѣтъ . . .	3468 ¹ / ₂	2127 ¹ / ₂	95 ¹ / ₂
	П р и в о з ъ.		
1884	486	808	5
1885	380	288 ¹ / ₂	6
1886	358	288	6
1887	333	186 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂
1888	332	197	29 ¹ / ₂
1889	373 ¹ / ₂	246 ¹ / ₂	9
	2237 ¹ / ₂	1409 ¹ / ₂	60

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что въ теченіе шести лѣтъ

¹⁾ „Внѣшняя торговля по Европейской границѣ, 1889 г., изданіе Департамента Таможенныхъ Сборовъ“. Петербургъ, 1890.

нашъ отпускъ товаровъ по западной границѣ превысилъ ввозъ ихъ почти на 1.200 мил. руб. кред. или на 700 мил. р. зол., но что въ то же время этой суммы оказалось, повидимому, недостаточно для покрытія нашихъ текущихъ счетовъ съ западной Европой и понадобился еще излишекъ вывоза драгоценныхъ металловъ на 35 мил. рублей. Впрочемъ очень можетъ быть, что усиленный вывозъ золота объясняется финансовыми операціями, конверсіей нашихъ займовъ, разными мѣрами къ поддержкѣ курса нашихъ бумагъ и кредитнаго рубля, и т. п. Несомнѣнно, однако, что еслибы не существовало тѣхъ условій, о которыхъ мы говорили выше, то при столь благопріятномъ для насъ торговомъ балансѣ не мы въ Европу, а она къ намъ повезла бы золото.

При сравненіи нашего вывоза и ввоза необходимо принять во вниманіе еще одно обстоятельство: значительный ввозъ къ намъ товаровъ контрабанднымъ путемъ, причемъ они, разумѣется, въ торговые реестры не попадаютъ. Еще недавно главнымъ предметомъ контрабанды былъ спиртъ; въ настоящее время имъ сдѣлался чай, и настоящій, и въ значительной мѣрѣ поддѣльный; и прежде, и теперь въ большомъ количествѣ ввозятся кружева, шолкъ, шолковыя издѣлія и нѣкоторые другіе болѣе цѣнные мануфактурные товары. Какъ велика цѣнность ввозимыхъ къ намъ контрабандой товаровъ, опредѣлить, разумѣется, нельзя; но что она не мала, можно судить по неоднократнымъ официальнымъ сообщеніямъ (напр. въ отчетахъ департамента неогладныхъ сборовъ) о томъ, что населеніе по обѣ стороны нашей западно-европейской границы почти поголовно промышляетъ контрабандой. Въ Австріи и Пруссіи, по слухамъ, существуютъ страховыя общества, принимающія на страхъ отправляемые къ намъ тайно товары. Наши среднеазиатскія владѣнія почти совершенно открыты для водворенія въ нихъ противозаконнымъ путемъ заграничныхъ товаровъ.

На вопросъ, не возмѣщается ли тайный ввозъ къ намъ иноземныхъ товаровъ такимъ же вывозомъ нашихъ товаровъ за границу, помимо таможи, слѣдовательно безъ занесенія въ реестры, приходится отвѣчать отрицательно. Контрабандный вывозъ отъ насъ невозможенъ по самой сущности дѣла, такъ что ни Австріи, ни Пруссіи нѣтъ никакой надобности охранять свою границу съ тою же бдительностью, съ какою мы должны охранять нашу. Проносъ компактныхъ и цѣнныхъ заграничныхъ товаровъ — узла съ чаемъ, свертка кружевъ — и возможенъ, и весьма выгоденъ, особенно при нашихъ высокихъ пошлинахъ. Но провести отъ насъ тайно хлѣбъ, лѣсъ, кожи и т. п. едва-ли удобно.

По нашей азиатской границѣ сверхъ контрабанднаго ввоза иностранныхъ товаровъ происходитъ еще весьма курьезное явленіе: тайный ввозъ нашего же продукта, первоначально явно отъ насъ вывезеннаго, именно сахара. При вывозѣ сахара изъ имперіи, какъ извѣстно, не только возвращается акцизъ (нынѣ 1 р. съ пуда), но еще за сахаръ, вывозимый въ Персію и на среднеазиатскіе рынки, выдается премія (80 к. съ пуда)¹⁾. Сумма акциза и преміи, какъ оказывается, и служитъ достаточнымъ поводомъ къ вывозу сахара и вновь къ тайному ввозу его, круговымъ путемъ, въ наши владѣнія. Впрочемъ выдача преміи за вывозимый изъ Россіи сахаръ, которая до 1886 года существовала и по другимъ границамъ, съ 1-го мая 1891 г. прекращается и по торговлѣ съ Персіей и Средней Азіей.

Цифрами вывоза и ввоза по европейской границѣ не исчерпываются обороты нашей внѣшней торговли. Къ нимъ нужно присоединить обороты по кавказской черноморской границѣ и съ Финляндіей и, наконецъ, по всей нашей сухопутной азиатской границѣ. Цифры вывоза и ввоза по кавказской, черноморской и финляндской границамъ приводятся въ отчетѣ таможеннаго департамента лишь за три послѣдніе года и представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Года.	Отпускъ товаровъ.		Привозъ.	
	кредитн.	металлич.	кредитн.	металлич.
М и л л и о н н р у б л е й:				
По Черноморской границѣ.				
1887	23½	13	5½	3
1888	31	18½	7½	4½
1889	47	31	7½	5
По торговлѣ съ Финляндіей.				
1887	17	9½	11	6
1888	19	11	11½	6½
1889	18	12	13	8½

Изъ свѣденій по торговлѣ чрезъ сухопутную азиатскую границу приведена лишь цѣнность ввезеннаго въ Россію чая чрезъ иркутскую таможену, а именно: въ 1887 г. на 31 мил. руб. кред., въ 1888 г. на 19 м. р. и въ 1889 году на 17 мил. руб. кредитныхъ.

Вообще же въ итогѣ привозной и отпускной нашей торговли за три послѣдніе года, не считая драгоценныхъ металловъ, оказывается слѣдующее:

¹⁾ До 1886 г. премія выдавалась вообще за вывезенный за границу сахаръ.

Года.	О т п у с к ъ.		П р и в о з ъ ¹⁾ .	
1887	609 м. р. кр. или	340 м. р. мет.	380 м. р. кр. или	216 м. р. мет.
1888	778	461	370	220
1889	752	495	411	272
Итого:	2189	1296	1161	708

Такимъ образомъ, за три года отпускъ превышаетъ привозъ почти на миллиардъ рублей кредитныхъ или около 600 миллионъ рублей металлическихъ. Нѣкоторое несопадение цифръ кредитной валюты съ цифрами металлической объясняется рѣзкими колебаніями въ курсѣ, по которому въ то или другое время перечислялись кредитные рубли въ металлические и обратно. Наиболѣе замѣтнымъ несоотвѣтствіемъ отличается показаніе отпуска 1889 года сравнительно съ предшествующими годами: по счету на метал. валюту отпускъ 1889 г. болѣе отпуска 1888 г. на 34 мил. р., а на кредитную—менѣе на 26 мил. рублей. Едва-ли мы ошибемся, предположивъ, что цѣнность отпускаемыхъ отъ насъ товаровъ первоначально показывалась въ кредитныхъ рубляхъ и лишь затѣмъ самимъ таможеннымъ департаментомъ перелагалась, по курсу дня, въ золотую. Наоборотъ, цѣнность привоза, отмѣчаемая въ метал. рубляхъ, уже послѣ перелагалась въ кредитные. Исходя изъ этого, при обзорѣни нашего отпуска товаровъ, мы исключительно останавливаемся на кредитной валютѣ, въ которой отпускъ 1889 года уменьшился, сравнительно съ предшествующимъ годомъ, на 26 мил. рублей.

Главные предметы нашего вывоза: зерновой хлѣбъ и его продукты (крупа, мука, отруби), ленъ и пенька, льняное и другія маслянистыя сѣмена, лѣсной товаръ, шерсть непряденная, щетина, сахаръ, нефть и, наконецъ, яйца. Первое мѣсто занимаетъ хлѣбъ, вывозъ котораго въ теченіе послѣдняго шестилѣтія составляетъ, по цѣнности, отъ 50 и до 59% всѣхъ отпущенныхъ товаровъ, въ количествѣ отъ 261 мил. пудовъ на 217 м. р. (въ 1886 г.) до 531 мил. пудовъ на 427 мил. рублей (въ 1888 году). Вывозъ хлѣба въ 1888 году, 437 мил. пудовъ на 352 мил. р., представляя огромное превышеніе противъ вывоза 1884-1887 годовъ, значительно, однако, на 94 м. пудовъ, а по цѣнности на 75 мил. р., менѣе вывоза 1889 года, чѣмъ и объясняется упомянутое выше пониженіе въ сравненіи съ предшествующимъ годомъ нашей отпускной торговли, вознаграждаемое, однако, на двѣ трети увеличеніемъ сбыта нѣкоторыхъ другихъ товаровъ и преимущественно лѣса. Съ марта 1885 года послѣдовало въ Германіи повышеніе пошлины на лѣсъ, ввозимый въ ея предѣлы. Такъ какъ

¹⁾ Цѣнность чая, ввезеннаго чрезъ Иркутскую таможену и показанная въ отчетѣ въ кред. рубляхъ, переложена нами въ метал. валюту за всѣ три года по курсу мет. рубля по 1 р. 50 коп. кред.

о предстоящемъ повышеніи было извѣстно заранее, то германскими лѣсопромышленниками своевременно были сдѣланы большіе запасы лѣсныхъ матеріаловъ, которые повидимому окончательно истощились только въ 1888 году, а это тотчасъ же замѣтно увеличило отпускъ нашего лѣса. Въ 1887 году его было вывезено 94 мил. пудовъ на 27 мил. руб.; въ 1888 году 122 м. п. на 38 м. р. и въ 1889 году 155 м. п. на 55 мил. рублей, причеиъ и цѣна постепенно возвысилась: въ 1887 году она составляла 29 к. за пудъ, въ 1888 году 31 коп., а въ 1889 году уже 35½ к. за пудъ лѣсного товара. Почти вдвое увеличился, и по количеству, и по суммѣ, отпускъ шерсти, которой вывезено въ 1888 году 1.200.000 п. на 12½ м. р., а въ 1889 г. 2.100.000 п. на 23½ м. р. Увеличился также въ 1889 году отпускъ пеньки и щетины. Нѣсколько уменьшился вывозъ сахара, льна, нефтяныхъ продуктовъ и яицъ.

Вывозъ яицъ заслуживаетъ отдѣльно нѣсколькихъ словъ. Въ 1883 году онъ не превышалъ 127 мил. штукъ, но затѣиъ, годъ отъ года возростая, дошелъ въ 1888 году до 678 м. штукъ, а въ 1889 г. составлялъ 605 м. штукъ; сверхъ того, вывезено яичныхъ бѣлковъ и желтковъ въ 1888 году 74 т. пудовъ, а въ 1889 году 87 т. пудовъ. Общая цѣнность отправленныхъ за границу яицъ равнялась въ 1888 году 11½ м. р., а въ 1889 году почти 10 м. рублей. Такимъ образомъ, яйца являются весьма замѣтной статьёй нашей отпускной торговли, превосходящею по цѣнности вывозъ лошадей, рогатаго скота, овецъ и свиней (всего около 8 м. р.).

Привозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ, цѣнность котораго въ 1884 г. превосходила 300 мил. р. металлическихъ, въ слѣдующіе годы, до 1887 г. включительно, постоянно падалъ; въ 1889 г. онъ простирался до 272 мил. р. мет., превысивъ цѣнность товаровъ, ввезенныхъ въ 1888 году, на 50 мил. р. слишкомъ.

Увеличеніе это оказывается по весьма многимъ статьямъ привоза, преимущественно же по привозу хлопчатой бумаги въ сыромъ видѣ (сырца), каменнаго угля, машинъ, металловъ и металлическихъ издѣлій, часового товара, шерстяныхъ издѣлій и фруктовъ. Замѣтнаго пониженія не оказывается ни по одному виду товаровъ, перечисленныхъ въ таблицахъ отчета департамента таможенныхъ сборовъ. Хлопка ввезено въ 1889 г. около 10½ м. пуд., болѣе противъ 1888 года слишкомъ на 2 м. п., что объясняется, впрочемъ, усиленнымъ ввозомъ его (до 11½ м. п.) въ 1887 г. въ виду, какъ кажется, ходившихъ въ то время слуховъ о значительномъ увеличеніи таможенныхъ пошлинъ на этотъ товаръ.

Вообще измѣненіе таможеннаго тарифа, иногда даже одни слухи о предполагаемомъ измѣненіи, постоянно оказывали вліяніе на раз-

мѣръ ввоза того или другого продукта. Такъ, весьма неблагоприятное вліяніе, какъ извѣстно, оказало и на отечественную промышленность, и на удобства жизни въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, возвышеніе или установленіе вновь пошлинъ на каменный уголь, создавъ въ южной Россіи такъ-называвшійся каменноугольный кризисъ, для устраненія котораго потребовались особенныя административныя распоряженія. Въ 1883 г. иностраннаго каменнаго угля было ввезено въ имперію свыше 130 мил. пудовъ; но затѣмъ, вслѣдствіе увеличенія на него пошлины при ввозѣ чрезъ таможи царства польскаго и установленія ея при ввозѣ чрезъ другія таможи, ввозъ угля быстро сталъ понижаться годъ отъ года, и въ 1887 году количество его не превосходило 87 мил. пудовъ; въ 1888 г. угля ввезено 96 м. п., а въ 1889 году 114 м. п., т.-е. то количество, какое было въ 1884 г. Нельзя не замѣтить, что затрудненія, которыя, особенно въ 1887 г., испытывала южная Россія отъ недостатка на рынкахъ каменнаго угля, вслѣдствіе уменьшенія привоза его изъ-за границы, искупается отчасти выгодами казны, въ которую, напр. въ 1889 г., поступило таможенныхъ пошлинъ съ каменнаго угля около 1.800.000 р.; съ другой стороны, вздорожаніе привознаго угля, по свидѣтельству отчета, подняло добычу угля въ Россіи, котораго въ 1882 г. было получено 230 м. п., а въ 1887 году 277 м. пудовъ. Тѣмъ не менѣе увеличеніе привоза угля, какъ только улучшился курсъ кредитнаго рубля, показываетъ, что отечественнаго угля намъ недостаточно, и что онъ не всегда выгоднѣе для потребителей, нежели уголь иностранный. Любопытенъ указываемый отчетомъ фактъ, что вздорожаніе угля въ Россіи, и особенно въ Одессѣ, зимою 1887-1888 г. совпало съ паденіемъ цѣнъ на уголь въ Нью-Кэстлѣ.

Главный предметъ нашей ввозной торговли составляетъ чай, однѣхъ пошлинъ съ котораго въ послѣднее время поступило среднимъ числомъ по 23 мил. р. зол. въ годъ, т.-е. около 30% (почти треть) всего таможеннаго дохода. Въ обзорѣннй внѣшней торговли за 1888 годъ ¹⁾ мы говорили о ненормальномъ положеніи нашей чайной торговли и указывали на трудно объяснимое пониженіе въ послѣдніе годы цѣнности ввозимаго къ намъ чая. Въ 1889 году она еще понизилась въ сравненіи съ 1888 г. и составила всего 32 м. р., тогда какъ въ періодъ 1881-1886 гг. цѣнность эта простиралась въ средней цифрѣ до 68 м. р. въ годъ, а въ отдѣльные года доходила до 75 и даже 81 м. р. въ годъ (1884 г.). Такое паденіе цѣнности объясняется не уменьшеніемъ количества ввозимаго къ намъ чая—чая въ общемъ за послѣдніе годы ввозится больше,—

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, іюнь 1889, стр. 790 и слѣд.

а прямо, судя по цифрамъ отчета таможеннаго департамента, цѣна на чай. Такъ, стоимость байховаго ¹⁾, ввезеннаго въ 1884 году чрезъ западно-европейскую границу въ количествѣ 989 т. пудовъ, показана почти въ 57 м. р. кред., т.-е. выше 57 р. за пудъ (1 р. 40 к. фунтъ), а стоимость 325½ т. п., доставленныхъ чрезъ иркутскую таможену (кахтинскій чай), въ 12½ м. р., т.-е. 38 р. пудъ, около 1 р. за фунтъ. Въ свѣдѣніяхъ за 1889 годъ находимъ такія цифры: чрезъ европейскую границу ввезено 702 т. п. байховаго чая, стоимостью въ 14½ м. р., т.-е. немного выше 20 р. за пудъ или 50 к. за фунтъ; а чрезъ иркутскую таможену 416 т. п., цѣнностью въ 9½ м. р., т.-е. нѣсколько менѣе 23 р. за пудъ. Между тѣмъ въ розничной продажѣ цѣна чая въ послѣднее время не только не понизилась, но, напротивъ, повысилась, по крайней мѣрѣ, въ размѣрѣ повышенія пошлины съ чая ²⁾. Такимъ образомъ (какъ это и было замѣчено въ упомянутой статьѣ), потребители чая уплачиваютъ теперь за чай стоимостью въ 32 м. р. ту же сумму, какую 5—10 лѣтъ тому назадъ платили за чай стоимостью въ 70 мил. рублей и даже больше. Независимо отъ худшаго качества чая, онъ ввозится къ намъ въ послѣднее время въ меньшемъ количествѣ. „Привозъ байховаго чая,—говорится въ отчетѣ,— за послѣдніе три года былъ меньше, чѣмъ за предшествовавшіе четыре года (1883-1886), а именно среднимъ количествомъ за 1883-1884 г. привезено 1.248.000 пудовъ, а за 1887-1889 гг. не болѣе 1.117.000 п., т.-е. на 131.000 п., или на 10½%, меньше. До известной степени такое уменьшеніе привоза байховаго чая объясняется замѣною байховаго чая кирпичнымъ въ заволжскихъ губерніяхъ, а также тѣмъ, что со времени послѣдняго повышенія пошлины на чай (въ 1885 г. съ 17 р. до 21 р. зол. съ пуда по европейской границѣ) нѣсколько приостановилось развитіе потребленія байховаго чая, а напротивъ усилилась фальсификація чая, противъ которой правительствомъ были принимаемы различныя мѣры“.

Привели ли эти мѣры къ чему-нибудь, отчетъ не говоритъ, и это умолчаніе уже служить нѣкоторымъ указаніемъ на неудовлетво-

¹⁾ Какъ известно, чай бываетъ двухъ видовъ: *байховый*, обыкновенно потребляемый, цвѣточный и черной, и *кирпичный*, приготовляемый особеннымъ образомъ въ котлахъ. Кирпичный чай въ употребленіи почти исключительно на восточныхъ окраинахъ.

²⁾ Пошлина съ чая по европейской границѣ, въ 17 р. золотомъ съ пуда, въ 1885 году возвышена до 21 р. зол.; по иркутской таможнѣ она была 11 р. зол. съ пуда, а въ концѣ 1888 года возвышена до 18 р. съ пуда. Если сопоставить эти цифры съ приведенною цѣнностью чая, съ переложеніемъ золотыхъ рублей въ кредитные, то оказывается, что пошлина съ кахтинскаго чая почти равна его стоимости при ввозѣ, а пошлина съ чая, привозимаго по европейской границѣ, въ полтора раза превосходитъ эту стоимость.

рительный результатъ, достигнутый мѣрами. Но отчетъ коснулся только одной стороны зла, а есть еще и другая, также официально признанная,—это все усиливающийся контрабандный ввозъ къ намъ чая, причемъ часто ввозится не настоящій чай, а поддѣльный, изготовленный нерѣдко изъ растений вредныхъ.

Мы намѣренно, *in extenso*, цитировали приведенное мѣсто отчета департамента таможенныхъ сборовъ для указанія, что само министерство финансовъ ставитъ въ непосредственную связь, съ одной стороны, возвышеніе таможенной пошлины на чай, съ другой—уменьшеніе ввоза чая и его фальсификацію. Если такая связь дѣйствительно существуетъ,—а въ этомъ едва-ли кто-либо усомнится,—то позволительно спросить, почему въ ряду мѣръ не была принята самая дѣйствительная, устраняющая причину, породившую зло: почему не пониженъ на чай размѣръ таможенной пошлины? Если препятствіе къ этому находить въ выгодахъ государственнаго казначейства, то едва-ли это вѣрно. Изъ того же отчета видно, что за три года, 1883-1885 гг., пошлинъ съ чая поступило 58 м. р. золотомъ, а за три послѣдніе, 1887-1889 гг., 65 м. р. зол., т.-е. болѣе на 7 м. р. или на 2 м. р. въ годъ. Во-первыхъ, эти 2 мил. р. въ сравненіи съ тѣми десятками миллионовъ, которые, какъ показано выше, переплачиваются въ послѣднее время за чай, совершенно ничтожны; во-вторыхъ, несомнѣнно, что эти 2 м. р., потерянные на пониженной пошлинѣ, съ лихвой возмѣстились бы усиленіемъ сбыта китайскаго чая вмѣсто копорскаго, особенно въ столь благоприятные въ экономическомъ отношеніи годы, каковы были послѣдніе.

Въ настоящее время въ нашей періодической печати такъ много говорится о Финляндіи, что не безынтересны данныя, которыя можно извлечь изъ отчета о нашихъ торговыхъ съ нею сношеніяхъ. Изъ приведенныхъ выше цифръ видно, что въ Финляндію мы отпускаемъ товаровъ на сумму въ полтора слишкомъ раза превышающую цѣнность получаемыхъ отъ нея товаровъ. Какими же товарами производится обмѣнъ? Главный предметъ отпуска составляетъ хлѣбъ (зерно, крупа и мука), котораго въ послѣдніе 2 года отправлено въ Финляндію болѣе нежели на 6 м. р. кред. въ годъ, что составляетъ по цѣнности треть нашего съ нею отпускнаго торговаго оборота. Затѣмъ значителенъ вывозъ бумажныхъ тканей: въ 1889 г. на 1.600.000 р. (въ 1888 г. 2.400.000 р.); табаку вывезено въ 1889 г. на 540 т. р., нефтяныхъ продуктовъ на 700 т. р. и гутаперчевыхъ издѣлій на 670 т. р. Въ общемъ же въ 1889 г. вывезено: жизненныхъ принадлежностей на 10 м. р., сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ на 3 м. р., издѣлій на 5 м. р., и животныхъ на 50 т. р. Вывозъ 1888 г. весьма близокъ къ этимъ цифрамъ. Ввезено изъ Финляндіи въ 1889 г.

жизненных припасовъ на 3 м. р.; сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ на 4.700.000 р., издѣлій на 4.800.000 р. и животныхъ на 570 т. р. Такимъ образомъ, если исключить хлѣбъ, то оказывается, что небольшая Финляндія твердо держитъ свой торговый балансъ по другимъ категоріямъ товаровъ съ большой Россіей, а полуобработанныхъ товаровъ и животныхъ ввозитъ къ намъ больше, нежели беретъ отъ насъ. Чѣмъ уравнивается Финляндіей избытокъ отпускаемаго ей отъ насъ хлѣба, свѣденій въ отчетѣ мы не находимъ. Нельзя не пожалѣть, что таможенный департаментъ, приводящій въ своемъ отчетѣ много интересныхъ данныхъ относительно иностранныхъ государствъ, не счелъ интереснымъ собрать кое-какіе матеріалы относительно собственно Финляндіи, напр. о ея торговыхъ оборотахъ, о количествѣ получаемыхъ ею таможенныхъ пошлинъ, какъ собралъ о количествѣ пошлинъ, получаемыхъ разными государствами Европы и Сѣверо-американскими Штатами. Но такова уже участь Финляндіи оставаться для насъ менѣе извѣстной, нежели Японія или Бразилія.

Главные предметы ввоза изъ Финляндіи составляютъ слѣдующіе товары: бумага писчая, папиросная и др., картонъ, древесная и всякая бумажная масса (въ 1889 г. всего на 2¹/₂ мил. р.), масло коровье и овечье (на 2 мил. р.), грубые бумажныя ткани (на 1¹/₂ м. р.), выдѣланныя кожи, желѣзо, стекло и пр.

Первый отдѣлъ изданія департамента таможенныхъ сборовъ отведенъ таможеннымъ свѣденіямъ за 1889 годъ и выводамъ изъ нихъ. Таможенный доходъ этого года, какъ извѣстно, оказался особенно великъ, доставивъ около 80 мил. р. металлическихъ (золотомъ) и около 2¹/₂ м. кред., болѣе предшествовавшаго года на 10 мил. р. мет. Такое возростаніе таможенного дохода департаментъ объясняетъ значительнымъ отпускомъ за границу нашего хлѣба въ 1888 и отчасти въ 1889 г., что повело къ усилению требованія на привозные жизненные припасы, на сырье и на машины, и къ улучшенію курса кредитнаго рубля. Увеличеніе таможенныхъ поступленій оказалось почти по всѣмъ видамъ товаровъ, главнымъ же образомъ съ хлопка, съ машинъ и земледѣльческихъ орудій, съ металловъ и металлическихъ издѣлій, съ свѣжихъ фруктовъ, съ сельдей и другой рыбы, съ шерстяныхъ матерій и съ оливковаго масла. Главною статьею таможенного дохода, значительно превосходящею всѣ другія, въ 1889 г., какъ и въ прежніе годы, былъ чай, доставившій пошлинъ около 22¹/₂ мил. р. зол.; затѣмъ хлопокъ (около 9 м. р. зол.). Отчетъ приводитъ любопытныя свѣденія (за 1886-1888 гг.) о размѣрѣ таможенного

дохода въ главнѣйшихъ иностранныхъ государствахъ и въ каждомъ изъ нихъ о товарахъ, доставляющихъ наибольшую сумму таможенныхъ пошлинъ.

Высшій таможенный доходъ (273¹/₂ мил. мет. рубл. за 1888 г.) получается Сѣверо-Американскими Штатами. За ними слѣдуютъ: Великобританія (126 м.), Франція (95 м.), Германія (91¹/₂ м.), Россія (70 м.), Италія (47 м.), Австро-Венгрія (24 м.). Наибольшій доходъ доставляется товарами: въ Сѣверо-америк. Штатахъ сахаръ (69 м. р. м.), шерсть и шерстяныя издѣлія (47¹/₂ м.); въ Великобританіи табакъ (54¹/₂ м.), чай (29 м.), виногр. вино (7 м.), прочіе напитки (27 м.); во Франціи кофе (26 м.), сахаръ (11 м.), хлѣбъ (10 м.); въ Германіи хлѣбъ и друг. земледѣльческіе продукты (14¹/₂ м.), кофе (14 м.), табакъ и керосинъ (по 10 м.); въ Италіи сахаръ (15 м.); въ Австро-Венгріи сахаръ (8 м. р. м.).

Къ сожалѣнію, отчетъ не даетъ свѣденій ни о цѣнности товаровъ, дающихъ въ указанныхъ государствахъ тотъ или другой таможенный доходъ, ни о размѣрѣ, хотя бы приблизительномъ, таможенныхъ пошлинъ по отношенію къ цѣнности товара. Что же касается Россіи, то мы находимъ любопытное сопоставленіе этого отношенія за три года послѣдняго двадцатилѣтія. Отношеніе таможенныхъ пошлинъ къ цѣнности товаровъ равнялось, по отдѣламъ, въ процентахъ:

Года.	Жизн. припасы.	Сырье и	Издѣлія.	Вообще.
		полуобработ. матер.		
1869	31	5	9	12
1879	41	10	15	17
1889	71 ¹)	19	28	28

Эти цифры, — замѣчаетъ департаментъ, — показываютъ непрерывное усиленіе обложенія привозныхъ товаровъ; всѣ товары вообще обложены въ 1889 г. пошлиною болѣе чѣмъ вдвое вышею противъ 1869 г., притомъ, въ частности, жизненные припасы почти въ 2¹/₂ раза, издѣлія болѣе чѣмъ въ 3 раза, а сырые и полуобработанные матеріалы почти въ 4 раза.

Обозрѣвая поступленіе таможенныхъ пошлинъ въ разныхъ государствахъ, таможенный департаментъ дѣлаетъ такіе выводы. Къ числу наиболѣе важныхъ въ пошлинномъ отношеніи товаровъ принадлежатъ: чай (Россія, Англія) и кофе (Франція, Австро-Венгрія, Италія, Германія); въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки эти два товара ввозятся беспошлинно; въ этихъ Штатахъ около четверти

¹) Выше мы показали, что пошлины съ чая поступило въ 1889 г. болѣе его стоимости, т.-е. свыше 100%.

таможенного дохода поступает съ сахара, который впрочемъ и въ европейскихъ государствахъ даетъ немаловажный таможенный доходъ, помимо акцизнаго дохода, равнымъ образомъ какъ и табакъ. Вино виноградное и спиртные напитки составляютъ крупную статью дохода во всѣхъ названныхъ выше государствахъ, кромѣ Италіи. Нефть и керосинъ не даютъ таможенного дохода только въ Англии и въ тѣхъ двухъ государствахъ, въ которыхъ почти исключительно добываются (Россія и Сѣв.-ам. Штаты). Съ зернового хлѣба взимаются большія суммы въ Германіи, Италіи и Франціи. Такимъ образомъ, по отношенію къ Россіи главные предметы ея отпуски—хлѣбъ, нефтяные продукты, сахаръ, табакъ, хлѣбное вино, лѣсной товаръ (въ Германію)—не только обложены высокими пошлинами, но и дѣйствительно служатъ источниками крупнаго таможенного дохода въ поименованныхъ иностранныхъ государствахъ.

0.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1890.

Конгрессъ приверженцевъ общаго мира въ Лондонѣ. — Принципъ третейскаго суда въ международныхъ спорахъ. — Странныя противорѣчія и недомолвки. — Вопросъ о нейтрализаціи Эльзасъ-Лотарингіи. — Нѣмецкая брошюрка по этому предмету. — Примирительное настроеніе въ Германіи. — Оффиціозная печать при князѣ Бисмаркѣ и теперь. — Заявленія и отзывы бывшаго канцлера въ бесѣдахъ съ корреспондентами. — Внутреннія нѣмецкія дѣла. — Новыя путешествія Вильгельма II. — Возможное сближеніе съ Россією и толки о болгарскомъ вопросѣ. — Последнія событія въ Испаніи и въ другихъ мѣстахъ.

Недавно собрался въ Лондонѣ международный парламентскій конгрессъ сторонниковъ примѣненія третейскаго суда въ политическихъ спорахъ между державами. Этотъ сѣздъ, продолжавшійся всего два дня (22-го и 23-го іюля, н. ст.), отличался отъ обычныхъ конгрессовъ друзей мира не только своимъ составомъ, но и болѣе практическимъ характеромъ своей программы. Въ сѣздѣ участвовали только члены законодательныхъ учрежденій различныхъ государствъ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго лорда-канцлера, лорда Гершелля. Вопросъ о вредѣ милитаризма и о пользѣ разоруженія не ставился и не обсуждался въ общей теоретической формѣ; не было также громкихъ рѣчей въ духѣ миролюбія и филантропіи, а предлагались только практическіе способы предупрежденія международныхъ распрей, могущихъ привести къ войнѣ. Доказывать ненормальность современнаго вооруженнаго мира считается уже излишнимъ; всѣ видятъ и чувствуютъ, что система постоянныхъ и всеобщихъ вооруженій не можетъ продолжаться долго. Никто уже не сомнѣвается въ необходимости избѣгнуть опаснаго кризиса и найти изъ него какой-нибудь выходъ; спорнымъ является только вопросъ о средствахъ, которыми можетъ быть достигнута желанная цѣль.

Существующія разногласія по этому предмету отразились и на занятіяхъ конгресса, собравшагося въ Лондонѣ. Организационная коммиссія внесла предложеніе, клонящееся къ тому, чтобы державы заключали между собою договоры о третейскомъ судѣ для разрѣшенія возможныхъ пререканій, въ видахъ облегченія тягостей милитаризма. Нѣмецкіе делегаты нашли это пожеланіе недостаточно практичнымъ и указали на важную роль общественнаго мнѣнія во внѣшней политикѣ: нужно, чтобы печать и парламенты культурныхъ государствъ

дѣйствовали въ томъ же смыслѣ, при энергическомъ участіи всѣхъ приверженцевъ прочнаго международнаго мира. Большинство согласилось съ замѣчаніями нѣмецкихъ делегатовъ и приняло резолюцію въ слѣдующей измѣненной и дополненной редакціи: „Члены международнаго парламентскаго конгресса настоятельно предлагаютъ всѣмъ цивилизованнымъ правительствамъ подвергать рѣшенію третейскаго суда всѣ могущіе возникнуть между ними споры. Члены конгресса съ своей стороны обязываются, по мѣрѣ силъ, употреблять все свое вліяніе для достиженія предположенной цѣли, особенно при помощи парламентовъ и печати своихъ странъ, чтобы постепенно завоевать общественное сочувствіе въ пользу этого взгляда. Первымъ шагомъ къ осуществленію послѣдняго было бы включеніе во всѣ международныя конвенціи особой оговорки относительно истолкованія и исполненія спорныхъ пунктовъ путемъ третейскаго суда“.

Нѣмецкій депутатъ Дорнъ (Dorn) пытался объяснить неосновательность взаимнаго недовѣрія, поддерживаемаго шовинистскою печатью между такими культурными націями, какъ французы и нѣмцы. Участники конгресса, какъ и всѣ сторонники мира, — говорилъ Дорнъ, — должны позаботиться о томъ, чтобы въ ихъ отечествѣ сообщались вѣрныя свѣденія о дѣйствительномъ настроеніи сосѣднихъ народовъ. Воинственная печать существуетъ повсюду, въ томъ числѣ и во Франціи, и въ Германіи; посредствомъ одностороннихъ сообщений и толкованій она возбуждаетъ вражду между націями, которыя, въ сущности, провинуты взаимнымъ уваженіемъ и миролюбіемъ. Для всѣхъ культурныхъ народовъ Европы въ высшей степени важно, — продолжалъ Дорнъ, — чтобы Германія и Франція находились въ хорошихъ отношеніяхъ и образовали общую лигу мира для надлежащаго отпора стремленіямъ тѣхъ странъ, которыя остаются еще на низкой степени культурнаго развитія. Единеніе народовъ вѣрнѣе всего достигалось бы, еслибы чувства обоюднаго уваженія и миролюбія, фактически господствующія во Франціи и Германіи, дѣлались извѣстными всѣмъ, а этому долженъ способствовать каждый членъ парламента по мѣрѣ возможности, въ предѣлахъ своего вліянія. Въ отвѣтъ на рѣчь Дорна, произнесенную на французскомъ языкѣ, французскій сенаторъ Траріѣ напомнилъ, что существуетъ вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи и что только нейтрализація этой пограничной области могла бы обезпечить прочный миръ между Франціею и Германіею.

Щекотливая политическая тема, затронутая ораторами, отчасти нарушила мирный ходъ преній конгресса. Нѣмецкій делегатъ заявилъ, что о примѣненіи третейскаго суда къ дѣламъ международнымъ можно говорить лишь на почвѣ территоріальнаго status quo и что Германія твердо стоитъ на своей исторической точкѣ зрѣнія, съ

которою должны помириться французы, подобно тому какъ нѣмцы въ свое время мирились съ фактомъ принадлежности Эльзась-Лотарингіи французамъ. Понятно, что это заявленіе взволновало французскихъ делегатовъ, и готовился уже шумный ораторскій турниръ, который удалось предупредить только благодаря находчивости и энергіи предсѣдательствовавшего депутата Виллари. Собраніе успокоилось подъ вліяніемъ настойчиваго напоминанія, что политическіе вопросы не входятъ въ программу конгресса и что, занявшись подобною полемикою, конгрессъ пересталъ бы быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть. Дальнѣйшія пренія имѣли уже второстепенный интересъ. Конгрессъ принялъ еще нѣсколько резолюцій, касающихся заключенія договоровъ о третейскомъ судѣ и назначенія парламентскихъ комиссій въ отдѣльныхъ государствахъ для правильнаго обмѣна мыслей по данному предмету; затѣмъ выбрана постоянная международная комиссія изъ 36 членовъ для возможнаго практическаго осуществленія установленной программы и для подготовки будущаго конгресса, мѣстомъ котораго назначенъ Римъ. Каждая великая держава имѣетъ по три представителя въ числѣ членовъ этой постоянной комиссіи; для Германіи выбраны Вирховъ, Бартъ и Дорнъ.

На лондонскомъ съѣздѣ была вновь подтверждена практическая идея, неоднократно уже санкціонированная парламентами, начиная съ семидесятыхъ годовъ, и еще недавно признанная палатами депутатовъ въ Италіи, по почину Бонги, и въ Испаніи, по предложенію Маркоарту. Правительствоныя и парламентскія дѣятели, въ томъ числѣ такіе какъ итальянскій министръ-президентъ Криспи, выражали свое восторженное сочувствіе человѣколюбивымъ цѣлямъ конгресса. „Задача, которую преслѣдуетъ конференція,—писалъ Криспи въ своей привѣтственной телеграммѣ ко дню открытія съѣзда,—принадлежитъ къ числу самыхъ похвальныхъ, хотя практическимъ умамъ она можетъ казаться трудно выполнимою. Всякій другъ мира долженъ содѣйствовать успѣху дѣла, которое вы стараетесь осуществить. Что касается меня, то мои официальные обязанности не позволяютъ мнѣ присутствовать на съѣздѣ, и я могу только выразить свои искреннія пожеланія успѣха предпріятію, имѣющему столь высокое политическое и нравственное значеніе“. Но при всемъ сочувствіи къ человѣколюбивымъ усиліямъ проповѣдниковъ общаго мира нельзя не замѣтить слабыхъ сторонъ проекта, о которомъ идетъ рѣчь; эти слабыя стороны невольно бросаются въ глаза при чтеніи краткихъ газетныхъ извѣстій о засѣданіяхъ послѣдней конференціи въ Лондонѣ.

Приведенный нами выше эпизодъ, относящійся къ франко-германскимъ счетамъ изъ-за Эльзась-Лотарингіи, какъ нельзя лучше характеризуетъ дѣйствительное положеніе дѣла. Когда на конгрессѣ

затронуть былъ главнѣйшій источникъ современныхъ международныхъ затрудненій—территориальный вопросъ, раздѣляющій Францію и Германію на два враждебные лагеря, то щекотливый споръ былъ просто устраненъ, какъ не входящій въ программу конгресса и не соответствующій его истиннымъ задачамъ. Политическіе вопросы не должны будто бы смущать сторонниковъ третейскаго суда въ примѣненіи къ международнымъ распрямъ. А между тѣмъ третейскій судъ предлагается какъ способъ предупрежденія и избѣжанія войнъ, возникающихъ именно изъ споровъ чисто политическихъ! Всѣ знаютъ, что война грозитъ западной Европѣ преимущественно изъ-за Эльзасъ-Лотарингіи, отъ которой Франція не можетъ и не хочетъ отречься окончательно въ пользу Германіи, и объ этомъ именно предметѣ общаго безпокойства находятъ нужнымъ умалчивать приверженцы международного умиротворенія,—какъ будто умолчаніе есть средство къ устраненію неприятнаго факта. Предпринимать мѣры противъ какого-либо явленія, не касаясь его фактическихъ причинъ и условій, и считать даже неумѣстнымъ указаніе на эти причины и условія,—значитъ сознательно закрывать себѣ путь къ серьезному обсужденію и рѣшенію поставленнаго вопроса. Зачѣмъ же толковать о предупрежденіи военной расправы и о замѣнѣ ея третейскимъ судомъ, если заранѣе устраняются изъ программы тѣ именно политическіе вопросы, которые по общему сознанію могутъ привести къ войнѣ? Предложенное на лондонскомъ съѣздѣ включеніе оговорки о третейскомъ судѣ во всѣ новыя международныя конвенціи имѣетъ, въ сущности, очень мало связи съ тою высокою задачею, которую ставятъ себѣ сторонники общаго европейскаго мира, ибо серьезные и опасные споры порождаются вовсе не толкованіемъ какихъ-либо торговыхъ, судебныхъ, литературныхъ или иныхъ договоровъ между государствами, а политическими дѣйствіями и стремленіями, не предусмотрѣнными ни въ какихъ конвенціяхъ и не поддающимися никакому третейскому разбирательству. Если Франція стремится возвратить себѣ утраченныя провинціи и вновь занять самостоятельное положеніе въ Европѣ, а Германія не допускаетъ мысли о добровольной отдачѣ Эльзаса и Лотарингіи, то здѣсь очевидно нѣтъ матеріала ни для третейскаго суда, ни для прочнаго умиротворенія. Точно также, если Австро-Венгрія и Россія имѣютъ противоположные интересы на Балканскомъ полуостровѣ, то никакой третейскій судъ не устранитъ разногласій, вытекающихъ изъ этой противоположности интересовъ. Третейскій судъ оказывается примѣнимымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда опасность войны совсѣмъ не существуетъ, и слѣдовательно онъ не можетъ служить цѣлесообразнымъ способомъ для избѣжанія кровавыхъ столкновеній и для облегченія тягостей милитаризма. На лон-

донскомъ конгрессѣ было молчаливо признано, что принципъ арбитража непримѣнимъ къ такимъ вопросамъ, какъ эльзась-лотарингскій, и что подобные вопросы не должны быть обсуждаемы приверженцами прочнаго мира; другими словами, сами проповѣдники третейскаго суда признають его бесполезность и непригодность по отношенію къ дѣйствительнымъ международнымъ кризисамъ и заботамъ.

Въ основѣ миролюбивыхъ проектовъ, клонящихся къ замѣнѣ войны третейскимъ судомъ, лежитъ какая-то странная, какъ бы намѣренная иллюзія: возможные поводы къ войнѣ остаются въ полной силѣ и старательно обходятся молчаніемъ, а суррогаты войны предлагаются тамъ, гдѣ самая война и безъ того не имѣла бы мѣста. Для того, чтобы могла осуществиться идея общаго разоруженія, безусловно необходимо предварительное водвореніе духа взаимной справедливости и уступчивости въ политическомъ сознаниіи народовъ и правительствъ; люди должны проникнуться убѣжденіемъ, что самая счастливая война есть великое несчастье для страны, что признаніе чужого права и внимательное, человѣческое отношеніе къ чужимъ интересамъ, стремленіямъ и слабостямъ никогда не могутъ вредить національному достоинству,—что при существованіи нѣсколькихъ великихъ и культурныхъ націй ни одна изъ нихъ не имѣетъ права всецѣло отдаваться влеченіямъ односторонняго національнаго эгоизма и самолюбія,—что замѣнутое въ себѣ національное чувство должно быть умѣряемо живымъ и ободряющимъ сознаниемъ общечеловѣческаго единства и солидарности. Пока непреклонное отрицаніе всякихъ уступокъ и компромиссовъ въ сношеніяхъ съ сосѣдними народами будетъ считаться патриотизмомъ, до тѣхъ поръ духъ войны будетъ господствовать въ международной политикѣ Европы, и разорительныя вооруженія не перестанутъ угнетать народы. Нѣмецкій представитель миролюбія, высокоумно и категорически заявляющій, что Германія ни на шагъ не отступитъ отъ своего права на отвоеванную у Франціи территорію, могъ только по недоразумѣнію считать себя принципиальнымъ противникомъ войны. Не дѣлая ни въ чемъ уступки могущественнымъ соперникамъ, нельзя разсчитывать на уступчивость и съ ихъ стороны, а обоюдная непреклонность, при накопившемся взаимномъ раздраженіи, приводитъ рано или поздно къ катастрофѣ. Французскій делегатъ, высказавшій мысль о нейтрализаціи Эльзась-Лотаринги, обнаружилъ безспорную умѣренность съ французской патриотической точки зрѣнія: онъ уже не мечтаетъ о возвратѣ отнятыхъ провинцій, а довольствуется образованіемъ изъ нихъ особаго нейтральнаго государства, которое не принадлежало бы ни французамъ, ни нѣмцамъ. Такая нейтрализація пограничной области, составляющей издавна яблоко раздора между Франціею и Гер-

манією, была бы дѣйствительнымъ рѣшеніемъ тяжелаго спора, грозящаго всей будущности обѣихъ націй. Германія ничего не отдала бы обратно Франціи и не ослабила бы ни одного изъ преимуществъ своего выдающагося международнаго положенія; только Эльзась и Лотарингія получили бы возможность жить и развиваться самостоятельно, согласно потребностямъ и желаніямъ населенія, не опасаясь уже сдѣлаться театромъ будущихъ кровопролитій. Германія выиграла бы очень много уже тѣмъ, что освободилась бы отъ тяготѣющаго надъ нею кошмара войны на два фронта и могла бы возстановить нормальныя отношенія съ Франціей, которая съ своей стороны была бы, конечно, въ высшей степени довольна предположеннымъ компромиссомъ. Обѣ державы могли бы сократить свои вооруженія и направить большую часть своихъ усилій на культурныя и народно-хозяйственныя цѣли, вмѣсто того, чтобы заниматься безъисходнымъ соперничествомъ въ дѣлѣ военныхъ усовершенствованій и приготовленій.

Что подобныя идеи находятъ уже нѣкоторую почву и въ германской печати, можно видѣть изъ появившейся недавно брошюры неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: „Post tenebras lux“ („Послѣ тьмы — свѣтъ“). Брошюра обратила на себя вниманіе нѣмецкой журналистики, которая вообще отнеслась къ ней далеко не столь отрицательно, какъ можно было ожидать по содержанію и направленію брошюры. Насколько позволительно судить по извлеченіямъ, сдѣланнымъ въ „Berliner Tageblatt“ отъ 23-го іюля (самой брошюры мы еще не имѣемъ), авторъ предлагаетъ и обстоятельно мотивируетъ именно то самое, что весьма скромно указано было на лондонскомъ съѣздѣ французомъ Траріе и что вызвало тогда рѣшительный и надменный отпоръ со стороны нѣмецкихъ делегатовъ. Упомянувъ о рядѣ небольшихъ государствъ, отдѣляющихъ Францію отъ Германіи и признаваемыхъ нейтральными, каковы Швейцарія, Бельгія и Люксембургъ, авторъ продолжаетъ: „Еслибы этотъ пограничный валъ былъ пополненъ на разстояніи отъ моря до Альпъ, еслибы эта линія не прерывалась Эльзась-Лотарингією, гдѣ Германія и Франція непосредственно соприкасаются между собою, то по всей нашей западной границѣ мы имѣли бы нейтральную полосу, которая была бы неодолимою преградой для обѣихъ народовъ и не допускала бы столкновений между ними“. „Мы не затрудняемся громко заявить, — говоритъ далѣе авторъ, — что нейтрализація Эльзась-Лотарингіи, какъ мы ее понимаемъ, признается нами абсолютною необходимостью, единственнымъ вѣрнымъ средствомъ поставить миръ Европы на твердую почву. Какъ ни чувствительно задѣвалось бы этимъ наше самолюбіе, какія бы справедливыя надежды ни пришлось отбросить, но высшая нрав-

ственность и разумно понимаемый интересъ Германіи требуютъ, чтобы мы принесли эту жертву для блага всей Европы и чтобы мы сняли съ Эльзась-Лотарингіи ея мученическій вѣнецъ. Эта высшая мораль предписываетъ обѣимъ націямъ отказаться—Германіи отъ приобретеннаго завоеваніемъ права собственности, а Франціи—отъ своихъ надеждъ. Ибо Германія не можетъ еще въ теченіе дальнѣйшихъ тридцати лѣтъ, какъ предсказывалъ Мольтке, нести на себѣ страшное бремя вооруженій, до предѣла которыхъ мы уже дошли, хотя она съ полнымъ правомъ считаетъ себя достаточно сильною, чтобы быть въ состояніи сохранить за собою присоединенныя провинціи. Для внимательнаго наблюдателя послѣднихъ совѣщаній въ имперскомъ сеймѣ не можетъ оставаться никакихъ сомнѣній въ томъ, что принятіемъ стоящаго на очереди военнаго проекта нѣмецкое народное представительство сказало свое послѣднее слово. Въ этомъ убѣжденіи мы приходимъ къ предлагаемому нами рѣшенію вопроса. Германія должна отказаться отъ владѣнія Эльзась-Лотарингіею, какъ имперскою областью, и предоставить эту страну самимъ эльзась-лотарингцамъ, которые съ благодарностію приняли бы ее изъ рукъ великодушнаго, могущественнаго императора. Страна была бы вѣрена управленію нѣмецкаго принца, одного изъ Гогенцоллерновъ, и нейтралитетъ ея гарантировался бы всѣми великими державами*. На случай, еслибы Англія и Италія отказались взять на себя охрану неприкосновенности нейтральныхъ территорій, эта охрана могла бы быть возложена на сами нейтральныя государства, а именно на Швейцарію, Эльзась-Лотарингію, Люксембургъ, Бельгію и вѣроятно также Голландію, которыя заключили бы между собою союзъ съ означенною цѣлью. Такимъ образомъ нейтралитетъ пограничныхъ земель имѣлъ бы энергическихъ защитниковъ, и преграда, воздвигнутая между Германіею и Франціею, сдѣлала бы навсегда невозможными прямыя столкновенія обѣихъ націй. Авторъ предусмотрѣлъ также финансовую сторону вопроса: такъ какъ Германія потратила много милліоновъ на общепользныя сооруженія и улучшенія въ занятыхъ провинціяхъ, то эти суммы составили бы государственный долгъ Эльзась-Лотарингіи и были бы возвращены имперскому казначейству. Сверхъ того, страна должна остаться въ таможенномъ союзѣ съ Германіею, чтобы осуществленіе проекта не сопровождалось потерями для нѣмцевъ въ экономическомъ отношеніи. Наконецъ, германскія войска временно занимали бы страну, пока въ ней прочно не водворился бы новый порядокъ вещей. Само собою разумѣется, что отдѣльныя частности этого проекта не имѣютъ значенія и могутъ легко быть замѣнены другими; вѣроятно, не было бы особеннаго повода настаивать, чтобы правителемъ области былъ принцъ непремѣнно Го-

генцоллернскаго дома или чтобы новое государство оставалось въ таможенномъ союзѣ съ Германіею, ибо, согласившись въ главномъ и основномъ, сосѣднія державы не стали бы спорить изъ-за второстепеннаго и безъ труда сошлись бы и въ выборѣ какаго-нибудь нейтральнаго принца на вакантный постъ правителя, и въ способахъ обезпеченія нейтралитета страны, и въ опредѣленіи ея правъ и обязанностей относительно Германіи и Франціи въ области торговыхъ и экономическихъ интересовъ. Важно уже то, что самая мысль о нейтрализаціи Эльзась-Лотарингіи пущена въ ходъ почти одновременно съ обѣихъ сторонъ и не встрѣчаетъ особеннаго протеста среди нѣмецкихъ и французскихъ патріотовъ, недавно еще повторявшихъ свое непримиримое „*non possumus*“. Патріотическое чувство внушало французамъ увѣренность, что отрѣзанныя пограничныя земли не утрачены для Франціи навсегда и что рано или поздно захваченная нѣмцами добыча ускользнетъ изъ германскихъ рукъ, даже независимо отъ случайностей войны, подъ давленіемъ общаго международнаго положенія въ Европѣ. Такъ же точно и нѣмецкій патріотизмъ безусловно исключалъ возможность какой-либо уступки въ вопросѣ объ Эльзась-Лотарингіи. Теперь германская печать не видитъ уже ничего удивительнаго въ томъ, что нѣмецкій патріотъ доказываетъ необходимость отречься отъ злополучной имперской области и предоставить ей значеніе самостоятельнаго нейтральнаго государства. Съ другой стороны, и французская журналистика находитъ вполне естественнымъ и патріотичнымъ пожеланіе, высказанное французскими делегатами на лондонскомъ съѣздѣ, чтобы Эльзась-Лотарингія была признана нейтральною и чтобы отъ нея отказались одинаково и нѣмцы, и французы.

Въ этомъ отношеніи замѣчается существенный успѣхъ миролюбія въ обѣихъ странахъ, и намъ кажется, что значительная доля этого успѣха зависитъ отъ измѣнившагося общаго политическаго тона въ Германіи со времени паденія князя Бисмарка и его оффиціозной прессы. Оффиціозные публицисты непрерывно занимались политическою травлею, возбуждали и распространяли горячую вражду противъ французовъ, раздували всякіе мелкіе инциденты до степени грозныхъ симптомовъ и систематически запугивали общественное мнѣніе перспективою военныхъ нападений со стороны Франціи. Поддерживая эту искусственную тревожную атмосферу, газетные патріоты успѣшно налагали молчаніе на всѣхъ искреннихъ друзей дѣйствительнаго и прочнаго мира. Кто позволялъ себѣ усомниться въ справедливости рѣзкихъ и грубыхъ вызововъ по адресу сосѣдей, тотъ объявлялся врагомъ имперіи, измѣнникомъ, недостойнымъ званія нѣмецкаго гражданина. Это былъ особый оффиціозно-газетный терроръ, направляемый

берлинскими руководителями въ ту или другую сторону, смотря по обстоятельствамъ. Тогда немислимо было спокойное и разумное обсужденіе франко-германскихъ политическихъ счетовъ, и проектъ нейтрализаціи Эльзасъ-Лотарингіи не могъ бы вовсе появиться въ нѣмецкой печати или вызвалъ бы общіе негодующіе протесты благонамѣренныхъ патріотовъ всѣхъ направленій и оттѣнковъ. Всякій старался тогда не отступать отъ общаго надменнаго тона во внѣшней политикѣ, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ своихъ патріотическихъ чувствахъ. Система официозныхъ заподозриваній и обвиненій перестала дѣйствовать въ Германіи съ удаленіемъ грознаго канцлера, и вчерашніе Юпитеры печатнаго слова превратились въ жалкихъ и растерянныхъ искателей новыхъ вѣяній и новой протекціи. Самъ Бисмаркъ заклеивалъ этихъ бывшихъ своихъ газетныхъ слугъ заслуженнымъ ими эпитетомъ „трусовъ“, такъ какъ они слишкомъ явно и поспѣшно отреклись отъ своего прежняго кумира и начальника, чтобы приобрести благосклонность новыхъ руководящихъ дѣятелей.

Интересныя и иногда довольно откровенныя бесѣды бывшаго канцлера съ газетными корреспондентами и репортерами доставляютъ весьма поучительный матеріалъ для оцѣнки его личныхъ политическихъ взглядовъ, разочарованій и слабостей. Князь Бисмаркъ, привыкшій господствовать надъ людьми и распоряжаться ими въ теченіе почти цѣлыхъ тридцати лѣтъ, не имѣлъ очевидно случая наблюдать обыкновенную человѣческую психологію и долженъ теперь впервые испытывать на себѣ практическое значеніе общезвѣстныхъ истинъ о людской неблагодарности и переменчивости; онъ удивляется и негодуетъ по поводу того, что газеты, бывшія его послушными органами и даже питавшіяся только его субсидіями и внушеніями, сразу покинули его, разорвали съ нимъ всякія связи и не только не защищаютъ его отъ самыхъ несправедливыхъ оппозиціонныхъ нападокъ, но даже избѣгаютъ упоминать его имя. Въ разговорѣ съ издателемъ „Frankfurter Journal“, Риттерсгаузомъ, князь Бисмаркъ выразился между прочимъ, что газеты, зависѣвшія отъ него прежде, не хотятъ уже болѣе знать его, такъ какъ неудобно имѣть дѣло съ „павшей величиною“; эта печать вообще обнаружила „трусость, отсутствіе мужества и личнаго достоинства“, чего онъ, Бисмаркъ, не ожидалъ отъ нея въ такой мѣрѣ. Бывшій канцлеръ назвалъ при этомъ двѣ газеты—„Post“ и „Kölnische Zeitung“, а затѣмъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Dresdner Nachrichten“, Эйхардтомъ, онъ особенно рѣзко отозвался о поведеніи знаменитаго спеціальнаго органа канцлерской политики, „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“. „Наша печать,—говорилъ князь Бисмаркъ,—не имѣетъ убѣжденій; въ сущности, только социалистическая пресса обладаетъ мужествомъ. Изъ всѣхъ газетъ,

которыя я поддерживалъ, ни одна не явилась ко мнѣ. Никто не показывался ко мнѣ, никто не пожелалъ имѣть разговоръ со мною". Въ отвѣтъ на эти горькіе упреки своего еще недавно всемогущаго шефа и вдохновителя бывшіе офиціозы или скромно отмалчиваются, какъ „Сѣверо-германская газета“, или пускаются въ сбивчивыя и непонятныя объясненія, какъ „Post“, или позволяютъ себѣ возражать съ апломбомъ, какъ „Kölnische Zeitung“.

Нечего и говорить, что эта своеобразная полемика доставляетъ истинное удовольствіе либеральнымъ и оппозиціоннымъ газетамъ, терпѣвшимъ столько времени и отъ ядовитыхъ офиціозныхъ стрѣлъ, и отъ вражды самого канцлера. Для посторонняго наблюдателя остаются одинаково странными и недоумѣніе князя Бисмарка, и растерянность бичуемыхъ имъ офиціозовъ. Можно сказать, наоборотъ, что съ той точки зрѣнія, которую всегда поддерживалъ бывшій имперскій канцлеръ, его газетные органы поступили именно такъ, какъ должны были поступить, и остались вполнѣ вѣрными своему всегдашнему основному правилу—слѣдовать мнѣніямъ высшаго начальства и не признавать другихъ взглядовъ, кромѣ тѣхъ, которые одобряются или рекомендуются правительствомъ въ данное время. Благонадежная министерская печать, столь старательно воспитанная въ школѣ слѣпного подчиненія и преклоненія, измѣнила бы всѣмъ своимъ принципамъ, еслибы вздумала вдругъ обнаруживать какія-либо самостоятельныя убѣжденія и даже мужество, въ духѣ несогласномъ съ предполагаемыми видами и мнѣніями правительства. Да и откуда могли бы взяться эти самостоятельныя убѣжденія и это мужество? Въ теченіе многихъ лѣтъ считалось достоинствомъ и заслугою офиціозныхъ публицистовъ умѣнье проводить аккуратно и усердно чужія идеи, безъ всякой примѣси своихъ собственныхъ, противорѣчащихъ имъ, взглядовъ и понятій; независимость убѣжденій преслѣдовалась и изгонялась, какъ порокъ, по крайней мѣрѣ въ области офиціозной и покровительствуемой журналистики; мужество могло выражаться только въ дозволенныхъ или предписанныхъ вылазкахъ противъ газетъ и лицъ, позволявшихъ себѣ имѣть и высказывать самостоятельныя мнѣнія по текущимъ политическимъ вопросамъ. Князь Бисмаркъ не могъ и, конечно, не желалъ помѣшать существованію и развитію свободной печати въ Германіи, но онъ много сдѣлалъ для того, чтобы наложить обезличивающій офиціозный отпечатокъ на возможно большее число газетъ и журналовъ, при помощи своего подавляющаго политическаго авторитета и обаянія, а также при содѣйствіи другого фактора, имѣющаго связь съ извѣстнымъ „фондомъ пресмыкающихся“. Князь Бисмаркъ, сверхъ того, не щадилъ законныхъ способовъ судебного преслѣдованія по отношенію къ газетамъ,

проявлявшимъ свое мужество и самостоятельность мнѣній въ непріятной для него формѣ; особенно доставалось, конечно, органамъ социалистическаго отъѣнка, для которыхъ установлены были спеціальныя ограниченія и стѣсненія. Теперь оказывается уже, что мужество и самостоятельность мнѣній составляютъ вовсе не недостатки, заслуживающіе порицанія и преслѣдованія, а напротивъ, должны быть признаны достоинствами, такъ что вся многолѣтняя политика князя Бисмарка относительно печати, направленная къ водворенію рабскаго оффиціознаго духа въ значительной части журналистики, торжественно объявляется теперь ошибочною самимъ творцомъ этой системы въ Германіи.

Такое прямое или косвенное признаніе придаетъ несомнѣнный общій интересъ теперешнимъ заявленіямъ и отзывамъ князя Бисмарка. Упреки его по адресу извѣстныхъ газетъ могли бы быть легко отклонены напоминаніемъ, что эти газеты продолжаютъ по прежнему идти за властью и что не ихъ вина, если во главѣ правительства стоитъ другое лицо, а не князь Бисмаркъ. Но такъ какъ новые люди не имѣютъ ни той страсти къ господству, ни той нетерпимости, которыми отличался бывшій канцлеръ, то прежняя оффиціозная пресса, столь великолѣпная и грозная въ недавнее время, осталась отчасти не у дѣла и должна довольствоваться весьма скромнымъ и даже двусмысленнымъ положеніемъ. Эта печальная и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшительная метаморфоза составляетъ одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ фактовъ новѣйшей политической жизни въ Германіи.

Болѣе спокойное политическое настроеніе въ Германіи поддерживается и правительственными дѣйствіями Вильгельма II. Исключительныя мѣры противъ социальной демократіи отмѣняются съ осени настоящаго года, и массы рабочихъ будутъ подлежать общимъ для всѣхъ законамъ, независимо отъ принадлежности къ той или другой оппозиціонной партіи. Одинъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ дѣятелей парламента, депутатъ Микель, назначенъ прусскимъ министромъ финансовъ на мѣсто Шольца, занимавшаго этотъ постъ около десяти лѣтъ безъ замѣтной пользы для государства; необходимыя реформы, долго задерживаемыя одностороннею экономическою политикою князя Бисмарка, опять выдвигаются на первый планъ, и новый министръ, вышедшій не изъ состава администраціи, а изъ болѣе свѣжей и независимой среды народнаго представительства, имѣетъ передъ собою обширное и благодарное поле дѣятельности. Рядомъ съ вопросами внутренними, ведутся удачно и внѣшнія дѣла имперіи, какъ можно видѣть изъ послѣдняго англо-германскаго соглашенія, одобреннаго уже обѣими палатами англійскаго парламента. Этими внѣшними успѣхамъ способствуютъ личныя свиданія Вильгельма II

съ различными монархами Европы и его энергическія усилія сблизиться непосредственно съ правительствами всѣхъ главныхъ и второстепенныхъ европейскихъ державъ; въ послѣднее время онъ успѣлъ побывать въ Копенгагенѣ и въ Швеціи, а теперь собирается вновь посѣтить Россію.

Предстоящій прїѣздъ германскаго императора въ русскіе предѣлы даетъ, конечно, широкій просторъ воображенію и проницательности публицистовъ, привывшихъ предсказывать событія; но едва-ли будетъ ошибочно предположить, что смѣлыя догадки, вызываемыя этимъ фактомъ, останутся лишь пустыми фантазіями и что никакой новой группировки государствъ не предстоитъ въ настоящее время въ Европѣ. Официальное сближеніе между Германією и Россією есть само по себѣ результатъ весьма благоприятный для общаго европейскаго мира, послѣ той холодной натянутости, которая существовала въ послѣдніе годы Бисмарковскаго режима; но сближеніе не предполагаетъ еще готовности заключить союзъ, для котораго, по крайней мѣрѣ съ русской стороны, не оказывается пока никакихъ разумныхъ основаній. Сознаніе ненужности и даже опасности международныхъ политическихъ обязательствъ для Россіи при современномъ ходѣ дѣлъ твердо установилось, кажется, въ русскомъ обществѣ и правительствахъ; намъ нечего дѣлать съ Германією, и мы не имѣемъ повода вмѣшиваться въ чужія дѣла во имя какихъ-либо временныхъ и обманчивыхъ выгодъ. Нѣкоторыя иностранныя газеты намекаютъ на рѣшеніе болгарскаго вопроса, которое будто бы можетъ быть предложено намъ берлинскимъ кабинетомъ; но великія державы не отнимали у насъ Болгаріи и никто не можетъ отдавать ее намъ обратно, кромѣ развѣ самихъ болгаръ, которые, однако, не обнаруживаютъ къ тому склонности. Удаленіе принца Кобургскаго не имѣло бы для насъ, въ сущности, никакого значенія: будутъ ли тамъ править Кобургъ или Баттенбергъ, Стамбуловъ или Стоиловъ, отношенія болгаръ къ Россіи останутся болѣе или менѣе одинаковы, а прибѣгать къ насильственной экзекуціи для устройства новаго порядка въ княжествѣ было бы немыслимо по общимъ политическимъ причинамъ. Принимать какія-либо мѣры противъ болгаръ и ихъ правительства—значило бы уже прямо возстановлять противъ себя народъ, могущій еще со временемъ измѣнить къ лучшему свои отношенія къ Россіи. Относительно болгарскихъ дѣлъ высказывается въ нашихъ газетахъ не мало такого, чтó звучитъ несомнѣнною фальшью. Одна изъ газетъ возмущается при мысли, что болгарское правительство, достигнувъ важнаго успѣха въ дѣлѣ назначенія Портою болгарскихъ епископовъ въ Македоніи, готово будто бы вступить въ союзъ съ Турцією для со-вмѣстной военной защиты противъ внѣшнихъ враговъ. Негодующая

газета забываетъ, что въ нашей же патриотической печати серьезно предлагался и обсуждался проектъ „усмиренія“ Болгаріи посредствомъ турецкихъ войскъ: теперь болгарскіе публицисты ищутъ опоры у тѣхъ же турокъ, въ видахъ обороны. Лучше всего было бы не давать болгарамъ повода думать, что они нуждаются въ защитѣ отъ Россіи и ея дипломатіи, а наша мнимо-патриотическая печать, къ сожалѣнію, дѣйствуетъ какъ разъ въ духѣ противоположномъ, вызывая въ болгарскихъ умахъ безпокойство и недоумѣнія относительно вѣроятныхъ намѣреній и цѣлей русской политики. Пребываніе Вильгельма II въ предѣлахъ Россіи не измѣнитъ, конечно, положенія дѣлъ въ Болгаріи и на Балканскомъ полуостровѣ вообще.

Французскія дѣла мало заставляютъ говорить о себѣ въ послѣднее время. Нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ, Рибо, проявляетъ нѣкоторую энергію и настойчивость въ вопросахъ колониальной политики, и начатые имъ переговоры съ лондонскимъ кабинетомъ должны повидимому привести къ формальному признанію французскаго протектората надъ Мадагаскаромъ и къ болѣе точному разграниченію французскихъ владѣній при рѣкѣ Конго. Въ Испаніи пало либеральное министерство Сагасты, управлявшее страной около пяти лѣтъ и успѣвшее ввести принципъ всеобщей подачи голосовъ; власть перешла къ главѣ консервативной партіи, Кановасу дель Кастильо, бывшему первымъ министромъ при Альфонсѣ XII. Въ новомъ кабинетѣ удѣлено мѣсто и либераламъ, и вообще весь министерскій кризисъ не имѣлъ партійнаго характера. Французскія газеты выразили нѣкоторыя сомнѣнія по поводу предполагаемыхъ германскихъ симпатій Кановаса дель-Кастильо; но изъ первыхъ же официальныхъ заявленій новаго министра-президента можно видѣть, что внѣшняя политика Испаніи ни въ чемъ не измѣнится и останется тою же политикой безусловной сдержанности и миролюбія, какъ и при Сагастѣ. Что касается послѣднихъ переворотовъ въ Аргентинской республикѣ и въ небольшихъ центральныхъ республикахъ Америки, которыя еще недавно собирались образовать между собою федерацію, то объ этихъ событіяхъ трудно еще пока составить себѣ опредѣленное мнѣніе.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа, 1890.

— *Русская наука въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ.* Публичная лекція, прочтенная 17-го апрѣля 1890 г. въ актовомъ залѣ Императорскаго Новороссійскаго университета, по случаю двадцатипятилѣтія университета, орл. проф. В. И. Модестовымъ. Одесса, 1890.

Авторъ выбралъ весьма удачную тему для своей рѣчи: въ тотъ день, когда Новороссійскій университетъ праздновалъ первыя двадцать-пять лѣтъ своего существованія, что было естественнѣе, какъ не оглянуться на эти двадцать-пять лѣтъ въ исторіи самой науки? Этимъ должно было опредѣлиться и положеніе самого университета, и сознана судьба самой науки, которой онъ призванъ служить. Нѣкогда, и еще не очень давно, университетъ занималъ едва-ли не больше мѣста въ интересахъ общества, чѣмъ мы видимъ это теперь. Если теперь университеты, какъ намъ кажется, привлекаютъ къ себѣ меньше вниманія, этому были разныя причины: общество новѣйшаго времени, по всеобщимъ признаніямъ, представляетъ странный и печальный упадокъ тѣхъ лучшихъ стремленій, какія нѣкогда его наполняли; мѣсто умственныхъ и нравственно-общественныхъ интересовъ заняли интересы чисто эгоистическіе, литературные вкусы упали, старинный идеализмъ смѣнился низменными инстинктами застоя, вражды къ наукѣ, наконецъ, прямо доноса на все то, что хотѣло бы напомнить о лучшихъ задачахъ и обязанностяхъ общественности. Не мудрено, что университетъ забыть, что дѣла его не интересуютъ толпы, нашедшей себѣ болѣе дешевые интересы, и передъ которой наука иной разъ является какъ бы укоромъ совѣсти. Отчасти, однако, это ослабленіе интереса къ жизни университета имѣло причину въ его собственномъ положеніи, невольномъ и вольномъ. Въ прежнее время въ самой университетской корпораціи, болѣе самостоятельной, было сильнѣе чувство нравственной солидарности и обязанности. Подъ вліяніемъ многообразныхъ условій, отчасти стоявшихъ совершенно внѣ уни-

верситета, послѣднія десятилѣтія представляютъ, къ сожалѣнію, не мало примѣровъ внутренняго разлада въ самой университетской средѣ: въ университетахъ, особливо провинціальныхъ, шла мелкая борьба эгоистическихъ интересовъ, которая не останавливалась передъ самыми жалкими средствами; проповѣдники научной истины становились въ ряды злостныхъ реакціонеровъ. Такіе примѣры бывали, но были рѣже; общество знало ихъ и ихъ цѣну; къ сожалѣнію, теперь подобныя примѣры стали менѣе рѣдки... Г. Модестовъ помнитъ лучшія старыя времена и сохранилъ къ университету то чувство теплаго уваженія, какое нѣкогда возбуждалъ университетъ въ своихъ дѣятеляхъ и питомцахъ. Университетъ въ его глазахъ есть великая умственная и нравственная сила, каковы бы ни были его внѣшнія неблагопріятныя условія. Въ первыхъ словахъ своей рѣчи г. Модестовъ замѣчаетъ, что Новороссійскій университетъ, хотя еще небогатый слушателями, не владѣющій пока всѣми факультетами, составляетъ самый крупный фактъ умственной жизни края и лучшее ея украшеніе. „Университетъ, каковъ бы онъ ни былъ, въ какія бы условія онъ ни былъ поставленъ, есть все-таки университетъ, то-есть вмѣстилище высшей науки, авторитетный органъ современнаго знанія, представитель умственныхъ успѣховъ, достигнутыхъ человѣчествомъ въ его совокупности. Даже слабый, даже умаленный въ своихъ правахъ университетъ есть сила, съ которою долженъ всякій считаться, которую по-неволѣ всякій признаетъ и уважаетъ“.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Модестовъ указываетъ господствующую мысль своей лекціи слѣдующими словами: „какъ бы ни были велики недочеты нашей жизни матеріальной, общественной и нравственной, несомнѣнно то, что русская наука въ послѣднія двадцать лѣтъ сдѣлала большіе успѣхи“. „Успѣхи эти, насколько доступно моему пониманію, въ той или въ другой степени сдѣланы ею во всѣхъ областяхъ знанія, но въ нѣкоторыхъ областяхъ они, въ сравненіи съ предыдущимъ временемъ, громадны“. Для доказательства авторъ приводитъ цифры лицъ, собирающихся теперь на различные ученые съезды. Въ 1879 году на съѣздѣ естествоиспытателей въ Петербургѣ собралось до 1.200 членовъ, и эта цифра показалась тогда г. Модестову колоссальной; въ началѣ 1890 года, едва черезъ десять лѣтъ, на петербургскій съѣздъ естествоиспытателей собралось уже болѣе 2.000 человѣкъ; а когда въ 1867 году устроенъ былъ первый съѣздъ специалистовъ и любителей естествознанія, цифра посѣтителей была только 465. Понятно, что съ увеличеніемъ числа дѣятелей должны были увеличиться количественно и качественно самые результаты ихъ работы. „Вы сами знаете, что нѣкоторые изъ русскихъ ученыхъ успѣли за это время приобрести первостепенное значеніе

среди ученыхъ всѣхъ странъ, сдѣлались общепризнанными столпами науки, другіе приобрѣли громкую извѣстность у насъ въ Россіи изслѣдованіями въ области того или другого царства природы внутри нашего отечества, третьи прославились экспедиціями въ отдаленныя страны“.

Съѣзды археологическіе не представляютъ такого особеннаго увеличенія посѣтителей, но и здѣсь можно отмѣтить увеличеніе числа представляемыхъ на обсужденіе работъ и большую серьезность изслѣдованій, которыя, между прочимъ, начинаютъ въ значительной степени привлекать вниманіе европейской науки.

Ничего этого не было двадцать-пять лѣтъ назадъ: никакихъ ученыхъ съѣздовъ; въ университетахъ, только-что получившихъ новый уставъ, множество незанятыхъ кафедръ, всего лишь нѣсколько ученыхъ обществъ; но уже замѣтно нѣкоторое оживленіе, появляются толки о томъ, что было бы нужно для оживленія нашей науки. Появляются впервые имена дѣятелей, получившихъ впоследствии почетную извѣстность въ ученomъ мѣрѣ,—словомъ, мы только предчувствуемъ возможность того, что осуществляется впоследствии. Г. Модестовъ предлагаетъ заглянуть еще нѣсколько далѣе назадъ, въ то время, когда не возникла еще и самая мысль о лучшемъ положеніи науки: онъ вспоминаетъ порядокъ вещей, завѣщанный второй четвертью столѣтія.

„Въ естественныхъ наукахъ, которыя такъ развились у насъ въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ, въ то время авторитетными дѣятелями были почти вездѣ у насъ приглашенные изъ-за границы или дерптскіе ученые: такъ было въ академіи наукъ, такъ было въ университетахъ, такъ было въ медико-хирургической академіи. Въ области классической филологіи дѣйствовали въ академіи наукъ исключительно нѣмцы, въ университетахъ—большою частью тоже нѣмцы; да и въ другихъ наукахъ, если исключить русскую исторію и русскую словесность съ славянскими нарѣчіями, да русское право, русскіе элементы мало выдвигались. Въ главномъ педагогическомъ институтѣ, поставлявшемъ гимназическихъ учителей на всю Россію, всеобщая исторія читалась даже на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ читавшій ее, впрочемъ ученый солидный и талантливый (Лоренцъ), не владѣлъ русскимъ. Въ западной Европѣ тогда укоренилось мнѣніе, что русскіе не способны къ высшей наукѣ, и что вся наука, какая у насъ есть, за исключеніемъ математики, гдѣ русскія имена (Лобачевскаго, Остроградскаго, Чебышева) кое-что говорили о русскомъ умѣ, находится въ рукахъ иностранцевъ, по преимуществу нѣмцевъ. Какъ это ни странно, многіе изъ ученыхъ Германіи были даже убѣждены, что и лекціи въ нашихъ университетахъ читаются на нѣмецкомъ языкѣ“.

Въ началѣ 60-хъ годовъ были ясно почувствованы недостатки тогдашняго университетскаго строя. Г. Модестовъ цитируетъ изъ официальной статьи въ журналѣ министерства просвѣщенія 1863 г. правдивыя указанія на недостатки, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго строя университетовъ, гдѣ не имѣла должнаго значенія корпорація профессоровъ и гдѣ самыя научныя работы оставляли многого желать: необходимо было преобразование. Оно дѣйствительно совершилось, и если въ послѣднія десятилѣтія можно было указать тотъ новый замѣчательный прогрессъ русской науки, который отмѣченъ былъ г. Модестовымъ, то этими успѣхами русская наука обязана тому же историческому явленію, которое произвело тогда благотворный переворотъ въ русской государственной и общественной жизни. Эпоха реформъ отразилась и преобразованиемъ университетовъ. Г. Модестовъ указываетъ два главные факта, которые дѣйствительно произвели тогда цѣлый переворотъ въ жизни русскихъ университетовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ развитіи цѣлой русской науки: это была, во-первыхъ, посылка цѣлаго многочисленнаго ряда молодыхъ ученыхъ изъ всѣхъ русскихъ университетовъ за границу для довершенія ихъ научныхъ занятій; во-вторыхъ, университетскій уставъ 1863 г., начавшій дѣйствовать въ 1864 году.

Посылки за границу начались въ 1862 году: тогда же стали появляться въ журналѣ министерства просвѣщенія отчеты этихъ молодыхъ людей объ ихъ ученыхъ занятіяхъ, и въ 1863 г. насчитывалось уже 59 такихъ путешественниковъ.

„Русскіе молодые люди,—говоритъ г. Модестовъ,—занимались наукой у самыхъ ея источниковъ, усвоивали себѣ современныя теоріи, новѣйшіе приемы изслѣдованія, вникали въ жгучіе вопросы, волновавшіе ученыхъ въ разныхъ областяхъ знанія. Черезъ два-три года, проведенныхъ въ живѣйшемъ общеніи съ современною наукой, молодые люди возвращались въ Россію. Составляя диссертациі, вступая на кафедры, они естественно вносили и въ свои ученые труды, и въ университетское преподаваніе новыя взгляды и иные приемы обращенія съ наукой, приемы ея изслѣдованія и преподаванія. Это почувствовалось сразу и не могло не вызвать и на нашей почвѣ университетскаго обновленія и научнаго движенія. Я назову вамъ хоть нѣсколько лицъ, которыя въ 1862-1863 гг. принадлежали къ этому контингенту молодыхъ ученыхъ, вступившихъ затѣмъ на кафедры, и вы поймете, какъ много, въ самомъ дѣлѣ, значила для русской науки организованная Головиннымъ посылка молодыхъ людей за границу,—посылка, встрѣченная въ свое время рѣзкими нападками въ московской печати: Авенаріусъ (физикъ), Алексѣевъ (химикъ), Васильевскій (историкъ), Вериго (химикъ), Веселовскій (А. Н., специалистъ по романо-германской фило-

логіи), Вольскій (экономистъ), Герье (историкъ), Головкинскій (геологъ), Имшенецкій (математикъ), Коркинъ (математикъ), Лебедевъ (финансистъ), Орестъ Миллеръ (словесникъ), Потебня (по славяно-русской филологіи), Сергѣевичъ (юристъ), Троицкій (философъ). Сколько тутъ, среди этихъ, взятыхъ мною почти на удачу, именъ, сколько именъ, привычныхъ для слуха каждаго изъ васъ, и сколько между ними такихъ, которыя ближайшимъ образомъ связаны съ процвѣтаніемъ у насъ той или другой каеедры!“ Эти отчеты нашихъ молодыхъ ученыхъ, писанные въ особенности изъ главныхъ городовъ Германіи, представляютъ, по замѣчанію г. Модестова, „самый живой матеріалъ для знакомства съ вопросами, какими жила въ то время западная наука, съ ученою и преподавательскою дѣятельностью лицъ, стоявшихъ тогда во главѣ научнаго движенія, съ методами университетскаго преподаванія, съ явленіями ученой литературы, обращавшими на себя наибольшее вниманіе“. Добавимъ, что эти отчеты или собственно извлеченія изъ отчетовъ изъ журнала министерства просвѣщенія собраны были въ отдѣльное изданіе въ семи томахъ (Спб. 1863—1867).

Когда эти молодые ученые возвратились въ Россію, они нашли въ университетахъ большую переимѣну. Уставъ 1835 года уже не существовалъ и взамѣнъ его дѣйствовалъ новый уставъ 1863 года, при которомъ университеты получали внутреннюю автономію, число каеедръ было значительно умножено, матеріальныя средства на учебныя пособія и учрежденія увеличены, жалованье профессоровъ удвоено.

Г. Модестовъ упоминаетъ, съ какой внимательностью составленъ былъ этотъ уставъ, прошедшій цѣлый рядъ специальныхъ и высшихъ правительственныхъ разсмотрѣній въ Россіи и разборъ иностранныхъ специалистовъ, получившихъ проектъ устава во французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ переводахъ. „Рѣдкій законодательный актъ былъ разработанъ съ такою тщательностью и съ столь разныхъ точекъ зрѣнія, и нечего удивляться, что въ сферахъ, для которыхъ этотъ законодательный актъ, одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ законодательной дѣятельности прошлаго царствованія, былъ назначенъ, онъ былъ принятъ съ самымъ живымъ и единомышленнымъ одобреніемъ. Конечно, какъ и всякое дѣло рукъ человѣческихъ, онъ имѣлъ свои недостатки, но надо сказать правду, что уставъ, о которомъ идетъ рѣчь, чрезвычайно много содѣйствовалъ подъему русской науки, и та научная жизнь, какая вскорѣ проявилась въ русскихъ университетахъ и какую мы теперь имѣемъ, создалась подъ его вліяніемъ“.

Однимъ изъ наглядныхъ выраженій новой дѣятельности университетовъ, пробужденной упомянутыми мѣрами, было сильное распро-

страненіе ученыхъ обществъ при университетахъ. Наиболѣе многочисленны были и дали наибольшіе результаты общества естественно-историческія; меньше распространялись общества юридическія, между прочимъ потому, что по введеніи судебной реформы много лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ отвлечено было на практическую дѣятельность въ судахъ и адвокатурѣ; еще менѣе силъ привлекали общества филологическія (по замѣчанію г. Модестова, „русская молодежь никогда не чувствовала особеннаго влеченія къ занятіямъ историко-филологическими науками“), но въ послѣднее время стали прививаться и такія общества—учено-литературныя, по филологіи классической, славянской и романо-германской.

Выработка и введеніе университетскаго устава 1863 года и послыла за границу большого числа молодыхъ ученыхъ, изъ которыхъ образовалось потомъ столько замѣчательныхъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ науки, были дѣломъ тогдашняго министра просвѣщенія А. В. Головнина, „въ несчастію, такъ недолго управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія“, по словамъ г. Модестова; Головнинъ уже вскорѣ былъ смѣненъ гр. Д. А. Толстымъ, но г. Модестовъ приводитъ цѣлый рядъ цитатъ изъ министерскихъ отчетовъ послѣдняго, гдѣ указывается благотворное развитіе ученой дѣятельности университетовъ, которое именно и должно быть приписано инициативѣ его предшественника.

„Фактъ усиленія ученой дѣятельности въ средѣ нашихъ историковъ, филологовъ и юристовъ въ семидесятыхъ годахъ сталъ замѣтенъ и въ официальной средѣ, такъ что, начиная съ отчета министра народнаго просвѣщенія за 1872 годъ, онъ отмѣчается такъ или иначе уже во всѣхъ его слѣдующихъ отчетахъ. Въ отчетѣ за 1872 г. министръ указываетъ на значительное число ученыхъ трудовъ, „внесшихъ“, по его словамъ, „цѣнныя вклады въ сокровищницу науки во всѣмъ ея отраслямъ“, и при этомъ замѣчаетъ, что ученые труды русскихъ профессоровъ „съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приобрѣтаютъ, кромѣ общаго научнаго интереса, еще особое для насъ значеніе, касающъ всѣхъ сторонъ нашей внутренней и внѣшней жизни и примѣняя научныя изслѣдованія какъ къ юридическому и государственному строю нашей жизни, такъ и къ физическимъ условіямъ различныхъ мѣстностей нашего отечества“. Это значитъ, что официально обозрѣвателю ученой дѣятельности нашихъ университетовъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ русская наука казалась уже въ разныхъ ея областяхъ приобрѣвшею общественное значеніе, тѣснымъ образомъ связанною съ жизнью народа и государства и отвѣчающею на разные запросы этой жизни. При этомъ министръ уже прямо указываетъ, какъ на одинъ изъ главныхъ двигателей „такого

плодотворнаго направленія“ дѣятельности нашихъ представителей науки, на ученыхъ общества: „филологическія, историческія, юридическія“, прибавляя къ нимъ „математическія и естественныя“.

Далѣе, г. Модестовъ указываетъ признаки возростанія нашей науки въ распространяющемся участіи русскихъ ученыхъ въ международныхъ научныхъ сѣздахъ по разнымъ специальностямъ. Такъ, они участвуютъ въ 1870 годахъ на сѣздахъ ориенталистовъ, антропологовъ, на сѣздахъ географическомъ, статистическомъ, ботаническомъ, зоологическомъ и пр., въ Лондонѣ, Стокгольмѣ, Парижѣ, Пештѣ, Дюрихѣ и пр. Международные сѣзды собираются затѣмъ и въ Россіи, напр. сѣзды ориенталистовъ, статистиковъ, недавній тюремный конгрессъ въ Петербургѣ. Прибавимъ, что русскіе ученые въ послѣднее время начинаютъ занимать мѣста и въ университетахъ иностранныхъ или приглашаются за границу для публичныхъ лекцій.

Имена русскихъ ученыхъ встрѣчаются все чаще и чаще на международномъ форумѣ; съ другой стороны, начинаютъ появляться одинъ за другимъ иностранные ученые, считающіе нужнымъ знакомиться съ русскимъ языкомъ, и это стремленіе, сначала казавшееся чѣмъ-то исключительнымъ, начинаетъ серьезно распространяться во Франціи, въ Англіи, въ Германіи. Въ специальныхъ европейскихъ журналахъ начинаютъ появляться рецензіи на русскія книги по разнымъ наукамъ и, между прочимъ, даже по наукамъ историческимъ и филологическимъ, и это явленіе становится уже не исключительнымъ, какъ было прежде, а довольно обыкновеннымъ, что неоспоримо указываетъ не только на признаніе въ западной Европѣ существованія русской науки, но и на признаніе въ ней движенія, возростающей силы“.

Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ замѣчаніе, что если двадцатипятилѣтній періодъ, о которомъ онъ говоритъ, представлялъ не мало колебаній въ другихъ сферахъ нашей жизни, то въ области науки онъ представляетъ постоянное движеніе впередъ. Это было наслѣдіе, оставленное благотворными мѣрами шестидесятихъ годовъ. Восьмидесятие года только собираютъ жатву прежняго. „Сами по себѣ, восьмидесятие годы создали не много новыхъ средствъ къ усиленію или къ расширенію научнаго движенія въ Россіи. На эти годы падаетъ, правда, открытіе Томскаго университета (1888); но университетъ этотъ явился на свѣтъ въ лицѣ лишь одного (медицинскаго) факультета. Они создали также новый университетскій уставъ (1884). По понятнымъ для моихъ слушателей причинамъ я не могу пуститься въ критику этого устава; но вмѣстѣ съ тѣмъ я не беру на себя обязанности и защищать его или оправдывать его появленіе. Я могу

только сказать, что, ограничивъ права университетскихъ коллегій и стѣснивъ во многомъ ихъ дѣятельность, онъ не имѣлъ въ виду ни прямо, ни косвенно стѣснить научную дѣятельность университетовъ и тѣмъ паче наложить руку на саму науку, которая, какъ таковая, имѣетъ, и при дѣйствіи этого устава, возможность развиваться по прежнему, особенно послѣ устраненія на историко-филологическомъ факультетѣ тѣхъ препятствій, какія въ первыя пять лѣтъ дѣйствія этого устава были созданы для простора преподаванія разныхъ факультетскихъ предметовъ и для специальныхъ занятій внѣ области классической филологіи“.

Мы остановились подробно на маленькой книжкѣ г. Модестова потому, что она весьма разумно затрогиваетъ одну изъ самыхъ серьезныхъ и отрадныхъ сторонъ нашей новѣйшей общественности. За известными исключеніями, которыхъ мы коснулись вначалѣ, развитіе нашей науки доставляетъ одно изъ главнѣйшихъ доказательствъ того, что при всѣхъ слабыхъ сторонахъ нашей общественности за послѣднее время, хранится и развивается зерно здраваго развитія, которое, по всѣмъ вѣроятіямъ, сохранитъ свою силу и въ будущемъ. По крайней мѣрѣ научныя потребности, вѣжета, можно считать укрѣпившимися; путешествія молодыхъ ученыхъ за границу, обширное вліяніе которыхъ указывалъ г. Модестовъ, становятся дѣломъ обычнымъ даже независимо отъ прямыхъ университетскихъ потребностей, и общеніе съ западной наукой, которое впервые теперь становится взаимнымъ, имѣетъ шансы возрастать и поддерживать дѣятельность нашей все еще молодой науки. Авторъ изложенной нами книжки, при всей радости его успѣхамъ русской науки, далеко ихъ не превеличиваетъ: „Мы и не сравниваемъ нашу науку съ французскою, англійскою, германскою, съ наукою странъ, стоящихъ во главѣ образованнаго міра. Во многихъ отношеніяхъ намъ далеко до Италіи и до Испаніи, которыя кажутся многимъ изъ насъ отсталыми, далеко до Скандинавскихъ странъ, несмотря на ихъ географическую, а въ настоящее время и на политическую незначительность. Вообще намъ еще трудно тягаться съ западно-европейскими странами въ напряженности научной жизни, въ напряженности, о которой у насъ немногіе имѣютъ и понятіе“.

Можно пожалѣть объ одномъ—что форма рѣчи, по необходимости ограниченной очень тѣсными предѣлами, допустила только очень короткое изложеніе предмета, очень интереснаго, для котораго желательнее было бы гораздо болѣе подробное изложеніе.

— *Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1887 годъ. Слб. 1890.*

Упомяная въ послѣдніе годы объ „Отчетахъ“ Публичной Библиотеки, мы замѣчали, что они, кромѣ обычныхъ свѣдѣній о книжномъ и денежномъ состояніи Библиотеки, начинаютъ все больше сообщать свѣдѣній историческихъ и историко-литературныхъ: такъ, недавно, не довольствуясь упоминаніемъ о приобрѣтеніи Библиотекою рукописей В. А. Жуковского, отчетъ далъ подробное описаніе этихъ рукописей, которымъ прямо могъ пользоваться историкъ литературы; такъ, сообщались и другія немаловажныя свѣдѣнія изъ новыхъ рукописныхъ или книжныхъ приобрѣтеній. То же мы встрѣчаемъ и теперь. Библиотека каждый годъ дѣлаетъ, конечно, болѣе или менѣе богатыя приобрѣтенія: какъ первое и единственное въ своемъ родѣ учрежденіе, Библиотека, не говоря о всѣхъ новыхъ русскихъ изданіяхъ, поступающихъ въ нее по закону, имѣетъ возможность получать множество важныхъ и дорогихъ изданій официальными путями отъ иностранныхъ правительствъ, ученыхъ учреждений и изъ нашихъ источниковъ; но важно кромѣ этого и то, что Библиотека по собственной инициативѣ приобрѣтаетъ важныя изданія, пополняетъ пробѣлы русскаго отдѣленія за старыя годы, покупаетъ рукописи.

Въ настоящемъ отчетѣ въ числѣ новыхъ книжныхъ приобрѣтеній можно отмѣтить большое собраніе книгъ, поступившихъ изъ Эрмитажа и принадлежавшихъ прежде князю М. А. Голицыну: „этотъ почтенный собиратель, составлявшій свою библиотечку въ 1850 и 1860 годахъ, въ теченіе долговременнаго пребыванія за границей, успѣлъ обогатить свое собраніе большимъ количествомъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ сочиненій на языкахъ греческомъ и латинскомъ, а также на языкахъ романскихъ и германскихъ“. Въ числѣ рѣдкихъ сочиненій есть такія, которыя принадлежатъ начальному періоду типографскаго искусства; другія были изданы или сохранились въ немногихъ экземплярахъ, извѣстныхъ счетомъ по библиотечкамъ Европы; третьи съ важностью содержанія соединяютъ типографскую роскошь, такъ что поступленіе собранія князя Голицына въ Публичную Библиотеку обогатило ее цѣнными экземплярами отборныхъ старинныхъ изданій западной Европы, приобрѣтеніе которыхъ въ такой полнотѣ представлялось бы въ настоящее время почти невозможнымъ.

Другая коллекція, также послужившая къ пополненію собраній Библиотеки, поступила изъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и заключаетъ собраніе книгъ и рукописей, принадлежавшихъ закрытому въ 1886 году римско-католическому доминиканскому монастырю въ городѣ Люблинѣ.

Относительно рукописей, поступившихъ въ Библіотеку изъ даровыхъ пожертвованій или приобрѣтаемыхъ покупкою, мы уже замѣчали прежде, что рукописи древнія встрѣчаются все рѣже, какъ онѣ становятся все болѣе рѣдкими и вообще: повидимому, рукописная старина истощается и вошла уже вся въ собранія публичныя и частныя. Взаимно этого размножаются въ обращеніи рукописи позднѣйшія, именно коллекціи бумагъ и переписки, особливо конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія и позднѣе. Въ числѣ такихъ приобрѣтеній Библіотеки выдаются особенно два: во-первыхъ, бумаги такъ-называемаго Рѣшетилловскаго архива, принадлежавшія В. С. Попову, извѣстному секретарю Потемкина, а послѣ завѣдывавшаго кабинетомъ императрицы Екатерины и, наконецъ, занимавшаго другія важныя служебныя мѣста до своей смерти въ 1822 году. Многія изъ этихъ бумагъ бывали уже въ рукахъ нашихъ историковъ и многія изданы, но сполна не были извѣстны. Во-вторыхъ, любопытно отмѣтить нѣсколько бумагъ, касающихся литературнаго общества „Арзамасъ“: протоколы двухъ собраній этого общества 1816 года, программа журнала, который предполагало издавать арзамасское общество, и пр., и рядомъ съ этимъ нѣсколько писемъ къ Блудову, писанныхъ около того же времени его нѣсколькими друзьями, принадлежавшими къ тому же Арзамасу. Далѣе, любопытно: тетрадь стихотвореній Жуковскаго, 1802—1810 года; тетрадь, заключающая черновые автографы нѣкоторыхъ сочиненій Гоголя, и т. д.

Относительно старыхъ русскихъ книгъ, недостававшихъ въ Библіотекѣ, читаемъ слѣдующее замѣчаніе: „Продолжаемая рижскимъ книгопродавцемъ Н. Киммелемъ распродажа книгъ библіотеки А. Ф. Смирдина, перешедшей впоследствии къ П. Крашенинникову, дала Библіотекѣ возможность въ отчетномъ году, какъ и въ предшествовавшемъ, пополнить русское отдѣленіе многими недостававшими въ немъ сочиненіями. Этимъ путемъ приобрѣтено отъ Киммеля въ 1887 году 131 сочиненіе въ 137 томахъ“. Замѣтимъ, что послѣ Крашенинникова библіотека Смирдина имѣла еще нѣсколько владѣльцевъ, и судьба ея можетъ служить незавиднымъ образчикомъ нашего общественнаго просвѣщенія: владѣльцы ея съ пренебреженіемъ относились къ той массѣ старыхъ рѣдкихъ изданій, какою она владѣла, и не нашли лучшаго, какъ сбыть съ рукъ весь ея старыи отдѣлъ и превратить знаменитую нѣкогда библіотеку въ заурядную библіотеку для чтенія съ новыми журналами и французскими переводными романами. Очень характерно, что покупщикъ для нея нашелся въ лицѣ *нѣмецкаго* книгопродавца въ Ригѣ, который сумѣлъ понять ея значеніе. Теперь изъ остатковъ ея дополняетъ свои пробѣлы Публичная Библіотека—ни болѣе, ни менѣе.

Въ текстѣ Отчета и приложеніяхъ находится не мало историческихъ и историко-литературныхъ указаній и матеріаловъ. Таково подробное исчисленіе содержанія Рѣшетилловскаго архива; бумаги, относящіяся къ „Арзамасу“; письма и записки Екатерины II къ В. С. Попову; письма Н. М. Лонгинова изъ начала столѣтія (между прочимъ любопытное письмо о петербургскомъ наводненіи 1824 года, о послѣднихъ дняхъ императрицы Елизаветы Алексѣевны); очень любопытныя новыя письма Жуковскаго къ Гоголю отъ 1844 до 1852 года (всего 18); перечень писемъ, сохранившихся въ бумагахъ архіепископа херсонскаго Инновентія; наконецъ, продолженіе описанія „Флорентинской елки“, огромной коллекціи историко-литературной и художественной, которая пожертвована Библіотекѣ г. Бецкимъ.

— *Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Томъ 2-й.*
Харьковъ, 1890.

Еще недавно высказывалось сожалѣніе, что, несмотря на существованіе съ начала текущаго столѣтія университета въ Слободской Украинѣ, мѣстная исторія этой страны принадлежитъ къ числу менѣе всего разработанныхъ отдѣловъ областной исторіи Россіи. Такъ говорилось по поводу книги г. Багалѣя объ исторіи колонизаціи этой Слободской Украины (1886). Это сожалѣніе, кажется, должно теперь устраняться, между прочимъ вслѣдствіе трудовъ новаго ученаго общества, начавшаго дѣйствовать въ Харьковѣ. Это Историко-филологическое Общество основалось еще въ декабрѣ 1876 года при харьковскомъ университетѣ. Долгое время оно не имѣло собственнаго органа и было поэтому мало извѣстно и труды оставались незамѣченными: годовые отчеты о его дѣятельности печатались въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ; работы его членовъ попадали въ другія изданія — въ воронежскія „Филологическія Записки“, въ „Кіевскую Старину“, въ „Харьковскій Сборникъ“ и пр. Лишь въ послѣдніе годы Общество нашло возможнымъ самостоятельное предпріятіе въ видѣ изданія своего собственнаго „Сборника“. Первый томъ его занять былъ упомянутымъ сочиненіемъ г. Багалѣя: „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. государства (харьковской и отчасти курской и воронежской губ.)“, представившимъ важныя документы по данному предмету. Теперь передъ нами второй огромный томъ сборника, почти до 800 страницъ, заключающій нѣсколько отдѣльныхъ работъ. Въ началѣ помѣщены отчеты о засѣданіяхъ Историко-филологическаго Общества за первые

мѣсяцы нынѣшняго года: предсѣдателемъ его состоитъ г. Потерна, секретаремъ—г. Сумцовъ.

Нечего и говорить о томъ, какое отрадное впечатлѣніе производить возникновеніе оживленной научной дѣятельности въ провинціальныхъ университетскихъ центрахъ, которыхъ доселѣ, къ сожалѣнію, такъ мало на громадной территоріи нашего отечества. Еще столько мрака, который предстоитъ разсѣять просвѣщеніемъ, а самое просвѣщеніе до послѣдняго времени было, къ прискорбію, такъ скудно и такъ лѣниво. При болѣе здоровомъ положеніи образовательнаго дѣла, университетамъ предстояла бы широкая и благотворная дѣятельность, между прочимъ въ провинціальной средѣ и для провинціальныхъ изученій. Недавно мы имѣли случай указывать почтенную дѣятельность кievскаго историческаго общества, оживившагося послѣ многихъ лѣтъ молчанія; подобное оживленіе представило теперь Историко-филологическое Общество въ Харьковѣ. Въ отчетахъ за нѣсколько мѣсяцевъ нынѣшняго года мы встрѣчаемъ рядъ любопытныхъ упоминаній о предпринятыхъ и исполняемыхъ работахъ, направленныхъ какъ на общіе вопросы историко-филологической науки, такъ и на изслѣдованія мѣстной исторіи и этнографіи. И здѣсь опять мы встрѣчаемъ, что работы, о которыхъ шла рѣчь въ средѣ Общества, появляются въ другихъ изданіяхъ; въ этомъ не было бы большой бѣды, но понятно, что сосредоточеніе работъ въ собственномъ органѣ расширило бы значеніе самого Общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, содѣйствовало бы и увеличенію его матеріальныхъ средствъ. Въ числѣ сообщений, о которыхъ упоминаютъ отчеты, большинство, какъ всегда бываетъ, относится къ детальнымъ вопросамъ мѣстной исторіи, но въ нѣкоторыхъ затрогиваются и вопросы болѣе широкіе и научно важныя.

Одинъ изъ членовъ Общества, г. Ласкинъ, сдѣлалъ докладъ о сочиненіяхъ Константина Багрянороднаго: „о Темахъ“ и „объ управленіи Имперіей“, которыя оба переведены имъ на русскій языкъ, и въ настоящее время онъ занятъ ихъ критическимъ разборомъ. Византійскому писателю, который между прочимъ сообщаетъ важныя указанія для русской исторіи, посчастливилось: въ настоящее время готовится къ изданію замѣчательный трудъ о Константинѣ Багрянородномъ, профессора казанскаго университета Бѣляева.

Въ трудахъ Общества принимаетъ участіе г-жа Ефименко, которая прочитала обширный рефератъ „О дворичномъ землевладѣніи вѣжной Россіи“, по поводу изслѣдованія г. Лучицкаго объ исторіи малорусскаго землевладѣнія. Г-жа Ефименко поставила вопросъ совершенно иначе и съ своей точки зрѣнія изложила исторію этой формы землевладѣнія на основаніи актовъ и сличенія ея съ формами землевладѣнія сѣвернаго.

Далѣ, г. Собѣстьянскій (нѣкогда это имя писалось у насъ иначе: Собѣщанскій) прочелъ въ засѣданіи Общества отрывокъ изъ приготовляемой имъ къ печати докторской диссертациі, гдѣ представилъ обзоръ ученыхъ мнѣній о характерѣ и бытѣ древнихъ славянъ. Г. Собѣстьянскій указывалъ, что идеализація этого характера, какъ мирнаго и даже „голубинаго“, начинается съ Гердера, который говорилъ въ такомъ тонѣ о славянахъ въ своихъ „Идеяхъ къ философіи исторіи“, 1791: „Эта идеализація, — читаемъ мы въ отчетѣ, — обусловлена, по мнѣнію докладчика, съ одной стороны, необходимостью подыскать историческую опору для общей идеи о возрастающей гуманности и прогрессѣ, съ другой, большой любовью автора къ русскимъ и въ особенности къ императрицѣ Екатеринѣ II, гуманный „Наказъ“ которой онъ высоко цѣнилъ. Съ русскими Гердеръ познакомился въ Ригѣ, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы своей жизни. Сентиментально-поэтическое возрѣніе на древнюю славянскую исторію, внесенное въ науку Гердеромъ, было вскорѣ усвоено чешскими и польскими писателями, въ особенности выдающимся польскимъ ученымъ начала нынѣшняго вѣка, Суroveцкимъ. Идеи Гердера и Суroveцкаго были усвоены славистами-патріотами, въ особенности Шафарикомъ, который имѣлъ въ виду прежде всего политическую цѣль возрожденія въ народѣ національной славянской идеи и слишкомъ мало дорожилъ объективной научной истиной. Карамзинъ въ „Исторіи государства російскаго“ высказалъ старинный трезвый взглядъ на славянъ, какъ народъ воинственный и жестокой, который не уступалъ другимъ народамъ въ хищничествѣ и корыстолюбіи. Карамзинъ держался такого взгляда на славянъ, зная теорію Гердера. Слависты-патріоты порицали за это Карамзина, напр. Мацеѣвскій и въ особенности Шафарикъ. Шафарикъ еще болѣе укрѣпилъ въ наукѣ ложный сентиментализмъ своими сочиненіями: „Ист. слав. литературъ“ и „Древности славянскія“. Въ первомъ сочиненіи V глава представляетъ перифразъ IV главы Гердера, съ добавкою, что славяне отличались религіозностью. Затѣмъ Шафарикъ цѣликомъ вставилъ въ это сочиненіе двѣ церковныя проповѣди Коллара, не указавъ имени автора, въ чемъ референтъ усматриваетъ неопозволительный плагиатъ. И въ „Древностяхъ“ Шафарика обнаруживается заимствование изъ Суroveцкаго. Референтъ вполне раздѣляетъ мнѣніе Добровскаго о Шафарикѣ, какъ жалкомъ компиляторѣ и фразерѣ, и влияніе его на славяновѣденіе считаетъ вреднымъ“.

Этотъ докладъ, по словамъ отчета, вызвалъ продолжительныя пренія и, между прочимъ, г. Дриновъ, извѣстный славистъ, указывалъ въ защиту Шафарика, что его „Исторія славянскихъ литературъ“ была его первымъ трудомъ и что его научная заслуга основывается

на другихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Мы думаемъ вообще, что ограничиться отзывомъ Добровскаго было во всякомъ случаѣ недостаточно: у Шафарика не было той широкой научной силы, какой отличался Добровскій; послѣднему могъ казаться компиляторствомъ первый значительный трудъ Шафарика, но довольно вспомнить то впечатлѣніе, какое производили труды Шафарика въ свое время, чтобы оцѣнить иначе ихъ историческое значеніе. Это были первые обобщающіе труды, какихъ не далъ самъ Добровскій: „Исторія славянскихъ литературъ“, „Древности“, „Этнографія“ впервые представляли славянской міръ какъ одно племенное цѣлое, и въ этомъ смыслѣ едва-ли новѣйшіи критики имѣли право сказать, что значеніе трудовъ его было „вредное“. На цѣлые десятки лѣтъ книги Шафарика оставались единственными въ своемъ родѣ: „Славянской этнографіи“ по тому плану, какъ издалъ ее Шафарикъ, не было составлено вновь и донинѣ, и значеніе „Древностей“ достаточно указывается тѣмъ, что надолго они оставались авторитетомъ въ славянской наукѣ — другими словами, эта наука долго не въ состояніи была создать ничего лучшаго.

Самый сборникъ состоитъ, во-первыхъ, изъ продолженія обширнаго труда г. Багалѣя: „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губерній“. Это дѣйствительно сырые матеріалы, собранные изъ архивныхъ документовъ, изъ старыхъ описаній края и объясняющіе отчасти исторію населенія, отчасти внутренней бытъ, отношенія сословныя, землевладѣніе. Для облегченія пользованія этимъ матеріаломъ г. Багалѣй составилъ подробный указатель личныхъ временъ и географическихъ названій, а также указатель предметный, относящійся какъ къ настоящему собранію, такъ и къ вышедшему раньше первому тому „Матеріаловъ“.

Во-вторыхъ, помѣщенъ здѣсь обширный сборникъ сказокъ, пословицъ, заговоровъ, преданій и пр., записанныхъ въ екатеринославской и харьковской губерніяхъ г. Манжукою: одни тексты съ указаніемъ мѣстности, гдѣ записано то или другое произведеніе; въ концѣ—сборникъ мало извѣстныхъ словъ народнаго языка.

Третью довольно обширную статью Сборника представляютъ: „Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ“, собранныя г. Ивановымъ. Въ предисловіи г. Сумцовъ, указавъ особенное достоинство сборника г. Иванова въ его полнотѣ и подробности описанія, замѣчаетъ, что онъ заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдователей еще потому, что „составленъ въ купянскомъ уѣздѣ харьковской губерніи, который до послѣдняго времени стоялъ внѣ этнографическихъ изученій, хотя вполне того заслуживаетъ. Этотъ уѣздъ вообще глухой, мало затронутый заводской и фабричной цивилизаціей, сохранилъ

еще кое-какія архаическія черты въ бытѣ и поэзіи народа. Къ тому же здѣсь ставятся взаимныя племенные вліянія малоруссовъ и великоруссовъ, по близкому ихъ сосѣдству“.

Въ томъ же предисловіи г. Сумцовъ указываетъ описанія малорусскихъ игръ, существующія въ литературѣ русской и польской, а также указываетъ матеріалъ для болѣе широкихъ сравненій въ иностранныхъ сборникахъ дѣтскихъ игръ нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ.

— *Нижегородскій Сборникъ*, издаваемый нижегородскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ подъ редакцію дѣйствительнаго члена и секретаря комитета А. С. Гацискаго. Томъ IX. Нижній-Новгородъ, 1890.

Изданіе настоящаго сборника начато еще въ 60-хъ годахъ и онъ принадлежитъ въ числу лучшихъ изданій въ нашей мѣстной статистической литературѣ, и г. Гацискій давно уже приобрѣлъ извѣстность ревностнаго дѣятеля по изученію своего края: кромѣ участія въ трудахъ статистическаго комитета онъ лично предпринималъ изданія, служившія той же цѣли—изученія края или, какъ онъ выражается (нѣсколько мудрено), „нижегородовѣденія“. Въ своемъ полномъ составѣ „Нижегородскій Сборникъ“ доставляетъ въ самомъ дѣлѣ большую массу полезныхъ свѣденій о нижегородскомъ краѣ. Послѣдніе томы его предназначены для спеціальнаго описанія кустарныхъ промысловъ въ различныхъ уѣздахъ губерніи; а именно здѣсь помѣщены матеріалы этого рода по четыремъ уѣздамъ; нѣсколько уѣздовъ описано было раньше въ „Трудахъ комиссіи по наслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи“.

Описанія исполнены весьма обстоятельно. Если сказать, что до 500 страницъ плотной печати дано на четыре уѣзда, это даетъ понятіе о степени подробности описаній. Рѣчь идетъ здѣсь не только о кустарныхъ промыслахъ собственно, но о цѣломъ бытѣ населенія—о томъ, какъ распределены промыслы кустарный или отхожіи съ земледѣльческой работой, какъ устроено и ведется хозяйство, затѣмъ дается обстоятельное описаніе каждаго промысла: его орудій, приѣмовъ, цѣнности матеріала и инструментовъ, количества производства, сбыта товара и т. д., словомъ, получается цѣлая картина жизни мѣстнаго населенія, для каждаго села, ведущаго тотъ или другой промыселъ. Въ описаніи лукояновскаго уѣзда составитель его говоритъ сверхъ того и о племенномъ составѣ населенія, гдѣ кромѣ русскихъ находится еще мордва въ двухъ ея отрасляхъ (эрья и мовша). Большинство промысловъ весьма первобытны: производство гончарное, кра-

сильное, тельжное, скорняжное, клееваренье, гонка смолы и дегтя, жженіе углей, выдѣлка рогожь, плетеніе лаптей, производство борозъ и граблей, колесъ, саней и т. д., почти всегда съ самыми первобытными способами и безъ перспективны улучшенія. Болѣе сложнымъ представляется производство земледѣльческихъ орудій и машинъ въ одномъ селѣ лукояновскаго уѣзда, но это производство выходитъ уже изъ разряда кустарныхъ: машины и орудія выдѣлываются въ механической мастерской и производство выходитъ изъ предѣловъ крестьянскаго труда; но въ 1870-хъ годахъ въ томъ же селѣ возникло другое „механическое заведеніе“, производившее подобныя работы, и на этотъ разъ руководимое крестьянами-самоучками. Авторъ описанія сообщаетъ любопытныя подробности объ этомъ заведеніи, которое могло возникнуть только благодаря особой даровитости братьевъ-самоучекъ, трудъ которыхъ былъ однако стѣсненъ и недостаткомъ капитала, и недостаткомъ знаній. Мало-по-малу хозяева мастерской успѣли однако расширить свое заведеніе пріобрѣтеніемъ необходимыхъ инструментовъ и приборовъ: они могли дѣлать сами то, что прежде, по частямъ, должны были отдавать въ чужія мастерскія. „Нужно дивиться, съ какимъ терпѣніемъ и стараніемъ сидѣли эти самоучки-механики надъ различными чертежами, вычисленіями, съ какимъ искусствомъ и опытностью исполняли они различные виды работъ. Одинъ изъ нихъ (Александръ Кильдишевъ), побуждаемый жаждою знанія и стремленіемъ къ пріобрѣтенію теоретическихъ свѣдѣній по техникѣ, прочелъ даже курсъ геометріи и физики“ (стр. 427). Подобная работа была бы весьма обыкновенной для человѣка, получившаго техническое образованіе, но, говоритъ авторъ, когда надъ нею ломаетъ голову самоучка, который на каждомъ шагу долженъ одолевать азбуку науки, то не знаешь, радоваться ли тому, что являются даровитые люди среди народа, или сожалѣть о томъ, что такіе люди „гибнуть, пропадаютъ въ глуши въ полнѣйшей неизвѣстности, благодаря бѣдности и тупому равнодушію къ нимъ такъ-называемаго культурнаго общества, которое одно только и могло бы, посредствомъ своего покровительства и содѣйствія, вызвать природныя дарованія „славныхъ“ бѣдняковъ наружу, дать имъ надлежащее развитіе и раскрыть передъ ними широкое поле дѣятельности“.

Напрасно только авторъ негодуетъ на „культурное общество“. При чемъ оно тутъ? Теперь въ модѣ нападать на „культурное общество“ и мы не посовѣтовали бы автору впадать въ этотъ тонъ, такъ часто вздорный. Въ самомъ дѣлѣ, никакое общество не въ состояніи выискивать по всѣмъ уѣздамъ имперіи даровитыхъ бѣдняковъ, воспитывать ихъ и раскрывать передъ ними широкое поле дѣйствія. Нужно просто, чтобы, какъ это есть уже у многихъ народовъ, существовала

школа, доступная для всѣхъ классовъ народа; эта школа въ состояніи была бы сообщить элементарныя познанія всѣмъ бѣднякамъ вообще, а даровитые бѣдняки могли бы впоследствии или переходить въ высшую школу, или увеличить свои познанія въ воскресныхъ школахъ, школахъ для взрослыхъ рабочихъ и т. п. Авторъ, вѣроятно, слышалъ о существованіи обязательности школьнаго обученія, издавна принятой, напримѣръ, въ Германіи, и о тѣхъ школахъ, какія у многихъ народовъ устроены теперь на пользу рабочихъ классовъ: на это и слѣдовало бы указывать тѣмъ людямъ, которые принимаютъ къ сердцу интересы народнаго труда. Лица, изучающія на мѣстѣ и на дѣлѣ, напримѣръ, кустарные промыслы нашего народа, могли бы именно близко видѣть эту необходимость здоровой постановки народной школы; если и онѣ не совсѣмъ понимаютъ настоящихъ потребностей народной жизни, то что же можетъ сдѣлать „культурное общество“, къ которому они сами принадлежатъ?

Въ предисловіи къ „Сборнику“ говорится, что въ „кустарномъ вопросѣ“ оказывается нѣкоторое движеніе, безъ сомнѣнія благодаря тому, что о немъ собираются свѣденія въ печати. „Въ теченіе декабрьской сессіи своей 1889 года нижегородское губернское земское собраніе приняло нѣсколько рѣшеній, которыя несомнѣнно должны имѣть тѣ или другіе практическіе результаты: съ одной стороны губернское земство постановило собрать мнѣнія уѣзднаго земства всей губерніи о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя могли бы наиболѣе способствовать правильному развитію мѣстной культурной промышленности, съ другой—образована специальная земская коммиссія, въ которую затѣмъ вошли и представители мѣстной и центральной правительственной администраціи, съ цѣлью изслѣдованія положенія одной изъ крупнѣйшихъ, по количеству рукъ и по географическому своему распространенію, отраслей этой промышленности“. Какія послѣдуютъ изъ этого практическія мѣры, еще неизвѣстно: обыкновенно считаютъ нужнымъ дѣлать вспоможеніе кустарному промыслу денежными пособіями и облегченіемъ сбыта; но надо бы желать, чтобы не было забыто еще то важное средство вспоможенія, какимъ является именно школа общая и профессиональная.

Въ этомъ же томѣ „Сборника“ редакція предприняла изданіе „историко-географическихъ первоисточниковъ по нижегородовѣденію“, а именно выдержекъ изъ сочиненій путешественниковъ, посѣщавшихъ нижегородскій край, начиная отъ XVI-го вѣка. Редакція имѣла въ виду доставить мѣстнымъ изслѣдователямъ и вообще любознательнымъ читателямъ эти свѣденія, имѣющія важность для исторіи края и разбѣяныя по рѣдкимъ и малодоступнымъ книгамъ. Здѣсь помѣщены извлеченія изъ Герберштейна, Барберини, Оларія, Стрюйса,

Де-Бруина. Желаетъ всякаго успѣха „нижегородовѣденію“, но совѣтовали бы почтенной редакціи не придумывать и не употреблять такихъ варварскихъ словъ.—А. В.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Васкель, Я. Темное дѣло. Повѣсть. (Изъ разсказовъ сибирскаго стряпчаго). Томскъ, 90. 167. 86 стр. Ц. 50 к.

Вирениусъ, А. Переутомленіе у учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи. Спб., 90. 53 стр. Ц. 50 к.

Ержемскій, А. К. Самоучитель фотографіи на броможелатинныхъ пластинкахъ и хлоросеребряной бумагѣ. Съ 137 рисунками въ текстѣ. Спб. 90. 214 стр. Ц.

Кайгородовъ, Дмитрій. Изъ царства пернатыхъ. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. I. Спб., изд. А. С. Суворина. Стр. 64. Съ двумя раскрашенными таблицами. Ц. 75 к.

Кирпичниковъ, А. Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Начата подъ редакціей В. Ѡ. Корша, продолжается подъ редакціей проф. А. Кирпичникова. Выпускъ XXIV.—Эпоха Гёте и Шиллера. А. И. Кирпичникова.—Нидерландская литература. А. И. Кирпичникова.—Скандинавская литература. Э. М. Диллена. Изданіе К. Л. Риккера. Спб. 90. 161 — 320 стр. Ц. 1 р.

Кроль, Джемсъ. Развитие звѣздъ и его отношеніе къ геологическому времени. Переводъ съ англійскаго. Изданіе журнала „Русское Богатство“. Спб. 89. 93 стр.

Новиковъ, Я. А. Протекціонизмъ. Спб. 90. Стр. 290. Ц. 2 р.

Окоевъ, Иос. Григ. Стихотворенія. Москва, 90. IX и 44 стр. Ц. 30 к.

Пешель, Оскаръ. Народовѣденіе. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора Э. Ю. Петри, съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгофомъ. Выпускъ IV. Спб. 90. 481—579 и XIV стр. Ц. 1 р. (конецъ изданія).

Робертсонъ. Исторія христіанской церкви отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней. Сочиненіе Джемса С. Робертсона, каноника кэнтерберійскаго, покойнаго профессора церковной исторіи въ королевской коллегіи въ Лондонѣ. Переводъ съ VI англійскаго изданія А. П. Лопухина. Въ двухъ томахъ. Томъ первый. Отъ апостольскаго вѣка до раздѣленія церквей. Спб. 90. XXXV и 1083 стр. Ц. за два тома 10 руб. (Второй томъ печатается и долженъ выйти въ концѣ года).

Рэдкинъ, П. Г., заслуж. проф., докторъ правъ. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. IV. Спб. 90. Стр. 515. Ц. 3 р.

Сербскій, В. П., ассистентъ московской психіатрической клиники. Формы психическаго разстройства, описываемыя подъ именемъ кататоніи. Бритическія и клиническія изслѣдованія. М. 90. 192 стр. Ц.

Симоновъ, Л. Н. Домашнее отопленіе. Съ 80 рисунками. Составлено Л.-мъ Л. С., подъ редакціей профессора инженеръ-генералъ-лейтенанта Генр. Ст. Войницкаго. Спб. 90. 132 стр. Ц. 1 р. (Библіотека практическихъ свѣденій).

— Гигіена звѣнія и выборъ очковъ, для публики, врачей-спеціалистовъ и архитекторовъ. Въ прибавленіи: Гигіена звѣнія въ школахъ. Съ 47 рисунками. Спб. 90. 160 стр. Ц. 1 р. (Библіотека практическихъ свѣденій).

— Отвармливаніе домашняго скота и птицъ. Съ 17 рисунками. Спб. 90. 64 стр. Ц. 40 к. (Библіотека практическихъ свѣденій).

— Обрѣзка и формованіе деревъ. Съ 37 рисунками. Составлено д-мъ Симоновымъ подъ редакцію директора Имп. Ботаническаго Сада въ Петербургѣ Э. Л. Регеля. Спб. 90. 54 стр. Ц. 40 к. (Библіотека практическихъ свѣденій).

Терпигоревъ (Атава), С. Н. Разказы. I. Въ раѣ.—II. Аверьянъ Михѣевъ и его жильцы. (Дешевая библіотека. Изданіе А. Суворяна). Спб. 90. 16°. 89 стр. Ц. 15 к.

Ферри, Энрико. Преступленія и преступники въ наукѣ и въ жизни. Двѣ лекціи. (Переводъ съ итальянскаго). Изданіе Н. Лейненберга. Спб. 90. Стр. 54. Ц. 40 к.

Чернышевъ, Л. В. О соли до и послѣ отгѣны акциза. Съ приложеніемъ трехъ графическихъ таблицъ годовыхъ колебаній движенія по группамъ желѣзныхъ дорогъ и родамъ сообщенія съ 1873 по 1888 г. включительно. Издано при содѣйствіи Общаго Съѣзда представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 90. Больш. 8°. 287 стр. Ц. ?

Шуфъ, Владиміръ. Крымскія стихотворенія. М. 90. 141 стр. Ц. 1 р.

Янжулъ, Екатерина. Руководіе, какъ предметъ обученія въ народной школѣ. Спб. 90. V и 195 стр. Ц. 1 р.

— Бросьте курить!—О вредѣ куренія табаку для здоровья. Изданіе третье. Одесса, 90. 33 стр. Ц. 20 к.

— Къ юбилею военнаго министра генераль-адъютанта Ванновскаго. Матеріалы для біографіи, съ краткимъ очеркомъ развитія военно-учебныхъ заведеній съ 1881 по 1890 годъ. Спб. 90. 99 стр.

— Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ. За 1889 годъ. Годъ пятый. Барнауль, 90. 12°. 50 стр.

— Положенія и правила о земскихъ участковыхъ начальникахъ, городскихъ судьяхъ и волостномъ судѣ. Съ дополненіями, разъясненіями и приложеніями. Изданіе типографіи В. Фрейманъ (неофициальное). Спб. 90. VIII, 324 и 253 стр. Ц. 3 р.

— Проектъ устава рабочаго дома въ городѣ Харьковѣ. Харьковъ, 90. 18 стр. Ц.

— Сборникъ статей по невропатологіи и психіатріи, посвященный профессору Алексію Яковлевичу Кожевникову его учениками въ двадцатипятилѣтнюю годовщину его докторской диссертациі. Москва, 90. 801 стр.

— VIII Съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ отъ 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. Съ рисунками и двумя гипсометрическими картами Европейской Россіи. Спб. 90. Большой томъ со многими пагинаціями.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

L'évolutionnisme des idées-forces, par *Alfred Fouillée* (Bibliothèque de philosophie contemporaine, éd. Félix Alcan). Paris, 1890. Стр. XCIV и 303. Ц. 7 фр. 50 с.

Теорія „идей-силъ“, излагаемая съ большою подробностью въ новомъ сочиненіи Альфреда Фулье, имѣетъ цѣлью пополнить важный пробѣлъ въ общей системѣ научнаго міросозерцанія. Естествоиспытатели не могутъ объяснить преемственную связь развитія при переходѣ отъ физическихъ явленій къ органическимъ, и отъ послѣднихъ къ психическимъ; оттого нѣтъ единства въ философскихъ основахъ знанія: понятіе о жизни не вытекаетъ изъ механическихъ процессовъ природы, а чувство и мысль не объясняются фактами біологіи. Такъ какъ элементъ психической устрояемости учеными изъ числа первоначальныхъ и активныхъ факторовъ естественно-историческаго развитія, то оказывается, во-первыхъ, непроходимая пропасть между неорганическимъ міромъ и жизнью и, во-вторыхъ, еще болѣе непроходимая пропасть между жизнью и мыслью, между біологіею и психологіею.

Фулье думаетъ, что всѣ роды явленій могутъ быть объединены ученіемъ объ идеяхъ, какъ независимыхъ творческихъ силахъ, присутствующихъ не одному только животному міру. Подъ идею онъ разумѣетъ всякое вообще состояніе сознанія, связанное съ какимъ-либо представленіемъ или ощущеніемъ; идея, понимаемая въ этомъ широкомъ смыслѣ, обладаетъ извѣстною активной силою, какъ движущая причина или условіе перемѣнъ въ дѣйствительныхъ явленіяхъ. Сознаніе того, что есть, что можетъ или должно быть, дѣлаетъ возможнымъ и даже отчасти производитъ видоизмѣненіе существующаго, выполнение того, что можетъ или должно быть. Идеи суть силы по преимуществу, ибо въ нихъ выражаются внутреннія стремленія существъ; самое понятіе силы имѣетъ значеніе чисто-психическое и не входитъ въ компетенцію механики или логики. Авторъ рѣшительно возстаетъ противъ пониманія идей, какъ простыхъ отраженій и тѣней, пассивно сопутствующихъ физиологическимъ процессамъ. Основ-

ными и первоначальными фактами умственной жизни должны считаться стремления, движения воли; кажущаяся бессознательность последних объясняется лишь недостатком или недоступностью точного анализа. Въ противоположность Эдуарду фонъ-Гартману, Фульё проповѣдуетъ „философію сознательнаго“; то, что принято называть бессознательнымъ, онъ относитъ къ полусознанію или „подсознанію“. Чувство и стремленіе (appétition) имѣютъ большую важность для психологіи и не могутъ быть изучаемы какъ простые представленія или идеи безъ силъ. Нужно всегда помнить, что подъ формою представленій скрывается элементъ желанія и слѣдовательно дѣйствія. Всякая идея обнимаетъ одновременно процессы ощущенія, впечатлѣнія и воли; поэтому вмѣсто идей неподвижныхъ и инертныхъ мы видимъ идеи дѣйствующія, идеи-силы. Въ умственную область вносятся такимъ образомъ жизнь, т.-е. внутренняя дѣятельность. Чтобы быть идеею-силою, идея должна быть живою мыслью, слѣдовательно чувствующею, желающею и дѣйствующею. Представленія неразрывно соединяются съ дѣйствіемъ и даже съ движеніемъ.

„Доктрина идей-силъ, — говоритъ Фульё, — есть не только ученіе объ единствѣ мировыхъ началъ, но и теорія развитія на основахъ психическихъ, а не только механическихъ. Спенсеръ, напротивъ, принимаетъ за основной законъ механическую эволюцію; но такая эволюція не есть законъ, а составляетъ результатъ законовъ, которые именно и нужно объяснить. Механизмъ есть только внѣшнее выраженіе дѣятельности тѣлъ относительно среды, послѣдствіе ихъ внутреннихъ свойствъ и взаимныхъ отношеній. Механическая эволюція предполагаетъ развитіе внутреннее, которое, въ свою очередь, предполагаетъ болѣе коренные законы явленій. Эволюція существъ происходитъ потому, что онѣ по свойствамъ своимъ имѣютъ такіе-то способы дѣйствія и пассивности, такія-то элементарныя стремленія и ощущенія. Реальный процессъ природы, выражающійся въ паденіи тѣла, совершенно отличенъ отъ того, что мы называемъ физическимъ закономъ паденія тѣла; природа не знаетъ этого закона, какъ и вѣроятно никакихъ законовъ, ибо законъ есть только умственная формула и символъ. Въ смыслѣ метафизическомъ, тѣло падаетъ только вслѣдствіе извѣстныхъ дѣйствій и бездѣйствій, вслѣдствіе извѣстныхъ внутреннихъ стремленій. Или мы не можемъ имѣть объ этихъ внутреннихъ энергіяхъ никакого представленія, ни механическаго, ни иного, или мы можемъ имѣть о нихъ представленіе только по аналогіи съ нами, съ тѣмъ, что мы сами дѣлаемъ и чувствуемъ. Не надо поэтому забывать, что эволюція не есть законъ, предшествующій самимъ факторамъ и управляющій ими, подобно кодексу, но что она

есть форма и знакъ стремленій, составляющихъ внутреннее существованіе какъ въ насъ, такъ и вѣроятно во всѣхъ тѣлахъ. Пора уже замѣнить эволюціонизмъ механической эволюціонизмомъ факторовъ психическихъ, ощущеній-силъ, идей-силъ, воли-силъ“. Жизнь и сознание не могутъ зависѣть отъ простого передвиженія безсмысленныхъ и мертвыхъ атомовъ въ пространствѣ и времени; однимъ перемѣщеніемъ безконечно малыхъ труповъ, переставляя ихъ направо или налево, не можетъ создаться жизнь, и тѣмъ болѣе жизнь, которая сама себя чувствуетъ. Внутреннія свойства и стремленія тѣлъ могутъ оставаться отчасти скрытыми; причинная сила не поглощается цѣлкомъ механическою природою, такъ какъ изъ этой же причинной силы произошла мысль и воля, сознание цѣли въ живыхъ существахъ; нельзя также ограничить всю эту силу предѣлами нашей мысли и нашихъ знаній. Настоящій міръ есть только частичное и преходящее проявленіе причинности, и мы не можемъ всю причинность измѣрять настоящимъ нашимъ опытомъ. „Итакъ, не только философія идей-силъ дѣлаетъ детерминизмъ болѣе гибкимъ и разумнымъ, но она превращаетъ его въ прогрессъ возможный и, быть можетъ, неограниченный въ умственномъ отношеніи. Напротивъ, эволюціонизмъ чисто-механической, заключая дѣйствіе умственнаго фактора въ тѣсныя и твердыя границы, и даже отрицая это дѣйствіе, уничтожаетъ надежду на истинный прогрессъ. Доктрина идей-силъ есть философія надежды, вмѣсто того, чтобы быть философіей отчаянія“. Понятія и возрѣнія, выработанныя цѣлыми обществами, суть коллективныя идеи-силы, къ которымъ должны быть причислены идеи нравственныя, социальныя, религіозныя, а также логическія. Идеи образуютъ коллективную силу, накопленную въ личностяхъ; онѣ воплощаютъ въ себѣ интеллектуальную наслѣдственность, которая воздѣйствуетъ на наслѣдственность физическую и можетъ направлять ее и иногда господствовать надъ нею, посредствомъ воспитанія. Для истинной теоріи развитія, идеи суть сознательныя формы дѣйствія. Не пассивнымъ существованіемъ, а движеніемъ, чувствованіемъ и дѣятельностью достигается способность мыслить, подобно тому, какъ только при быстромъ движеніи тѣло начинаетъ распространять теплоту и свѣтъ. Мысль есть проявленіе умственной энергіи, а не умственнаго бездѣйствія. Психическая жизнь, какъ и жизнь физиологическая, есть трудъ, борьба, постоянное усиліе; мускульное усиліе есть только послѣднее и наиболѣе видимое ея выраженіе. Физиологи, не признающіе другихъ напряженій, кромѣ мускульныхъ, напоминаютъ тѣхъ крестьянъ, которые увѣрены, что мыслитель не работаетъ, такъ какъ онъ не двигаетъ руками и ногами, чтобы копать землю. Идея есть

ясное сознание силы и ее отношений к другим силам; она служит ее высшей формой, одновременно интеллектуальной и импульсивной: она есть истинная идея-сила.

Мы только вкратце резюмировали сущность замечательного труда Фулье. В обширном введении изложены, в пяти главах, „общие принципы эволюционизма идей-силъ“; затѣмъ все остальное содержание книги посвящено объясненію „психологическихъ и метафизическихъ принциповъ“ этой теоріи. Книга распадается на четыре отдѣла: въ первомъ говорится о свойствахъ и значеніи сознания, причемъ критикуется также философія или, по автору, „миеологія безсознательнаго“; второй отдѣлъ трактуетъ объ умственныхъ силахъ и ихъ соотношеніяхъ; третій — о теоріи человѣка-автомата, и наконецъ четвертый — о монизмѣ идей-силъ и о состояніяхъ сознания, какъ факторахъ развитія. Авторъ подробно разбираетъ существующія научныя мнѣнія по каждому отдѣльному вопросу, приводитъ множество научныхъ фактовъ и свѣденій и вдается въ спеціальныя подробности по различнымъ предметамъ психологіи. Читатель найдетъ много поучительнаго и интереснаго въ этой книгѣ, хотя содержание ее можетъ показаться слишкомъ отвлеченнымъ и отчасти метафизичнымъ.

Основное предположеніе Фулье — желаніе внести единство въ систему знаній при помощи идей-силъ, — осталось совершенно неисполненнымъ, такъ какъ вся эта доктрина разработана почти исключительно въ примѣненіи къ человѣческой психологіи, а мысль о чувствахъ и идеяхъ въ мірѣ неодушевленномъ, высказанная мимоходомъ въ видѣ смѣлой гипотезы, даже не затронута въ книгѣ съ надлежащею серьезностью, — да и не могла быть затронута по отсутствію какихъ бы то ни было данныхъ. Желаніе перенести на внѣшній міръ нашу человѣческую психику едва-ли можетъ быть названо философскимъ и научнымъ; такія попытки обобщеній означали бы возвратъ къ первобытному міросозерцанію, населявшему природу фантастическими дѣятелями по человѣческому образу и подобию, въ родѣ греческой или римской міеологіи. Скрытыя стремленія, побуждающія камень падать, составляютъ нѣчто совершенно неизвѣстное для самого Фулье и абсолютно ничего не прибавляютъ къ нашему пониманію законовъ движенія тѣлъ; и самъ авторъ, повторяемъ, совсѣмъ не касается этихъ загадокъ въ положительномъ изслѣдованіи вопроса объ идеяхъ-силахъ. Такимъ образомъ, теорія Фулье не выходитъ за предѣлы человѣческой психологіи, въ тѣсномъ смыслѣ, и не имѣетъ логической связи съ тѣми широкими философскими задачами, которыя ставитъ себѣ авторъ.

II.

La civilisation et les grands fleuves historiques, par *Léon Metchnikoff*. Avec une préface de M. *Elisée Reclus*. Paris, 1889. Стр. XXVIII и 366. Ц. 3 фр. 50 с.

Авторъ этой книги, Левъ Мечниковъ, скончавшійся два года тому назадъ, былъ въ послѣдніе годы своей жизни профессоромъ статистики и сравнительной географіи въ Лозаннѣ. Въ интересномъ и тепло написанномъ предисловіи Элизе Реклю приводятся между прочимъ біографическія свѣденія, ярко характеризующія талантливую, богато одаренную натуру покойнаго ученаго. Во время крымской войны, Мечниковъ, имѣя шестнадцать лѣтъ отъ роду, отправился изъ Харькова на югъ для участія въ защитѣ Севастополя, но былъ задержанъ въ пути и доставленъ обратно къ родителямъ. По окончаніи курса гимназіи онъ изучалъ медицину въ Харьковѣ и Петербургѣ, затѣмъ перешелъ на физико-математическій факультетъ, занимался въ академіи художествъ и наконецъ поступилъ въ институтъ восточныхъ языковъ. Едва достигнувъ двадцати-лѣтняго возраста, онъ былъ назначенъ переводчикомъ при дипломатической миссіи, отправленной къ святымъ мѣстамъ подъ руководствомъ Мансурова. Онъ посѣтилъ Константинополь, Аѳонъ, Іерусалимъ; но вслѣдствіе какой-то дуэли долженъ былъ выйти въ отставку и поступилъ на службу въ частное общество мореходства и торговли. Послѣ недолгаго пребыванія въ Бейрутѣ и затѣмъ въ Галацѣ, безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ, онъ поѣхалъ въ Венецію, чтобы продолжать свои занятія живописью, которымъ онъ предавался страстно въ теченіе всей своей жизни. Между тѣмъ Гарибальди подготовлялъ знаменитую „экспедицію тысячи“; этимъ итальянскимъ движеніемъ увлекся и Мечниковъ. Тяжело раненый въ битвѣ, онъ помѣщенъ былъ въ неаполитанскій госпиталь, гдѣ вѣрные товарищи, и въ томъ числѣ Александръ Дюма, заботливо ухаживали за нимъ до его выздоровленія. Литературныя занятія не давали Мечникову обезпеченныхъ заработковъ, и онъ рѣшился принять мѣсто преподавателя на далекомъ азіатскомъ востокѣ. Съ этою цѣлью онъ занялся изученіемъ китайскаго и японскаго языковъ, и въ началѣ 1874 года онъ отправился въ Іеддо по порученію министра народнаго просвѣщенія для преобразованія основанной тамъ русской школы для японскихъ воспитанниковъ. Мечниковъ весьма дѣятельно и успѣшно занимался дѣломъ преподаванія въ Японіи, но вскорѣ заболѣлъ и долженъ былъ возвратиться въ Европу, черезъ Сандвичевы острова, Санъ-Франциско

и Нью-Йоркъ. Онъ привезъ съ собою обширное сочиненіе о Японіи, которое было потомъ издано въ Парижѣ. Тогда же онъ встрѣтился и близко сошелся съ извѣстнымъ географомъ Элизе Реклю, въ работахъ котораго принималъ съ тѣхъ поръ близкое участіе въ качествѣ сотрудника и секретаря. Мѣсто профессора въ Лозаннѣ было предложено ему въ 1883 году. Незадолго до своей смерти онъ передалъ Реклю рукопись настоящей книги; Реклю добросовѣстно отнесся къ желанію друга, старательно проредактировалъ этотъ трудъ и прибавилъ довольно значительное предисловіе, заключающее въ себѣ внимательную и сочувственную оцѣнку изслѣдованій и выводовъ автора.

Въ книгѣ Мечникова предлагается весьма оригинальная и остроумно мотивированная теорія прогресса, основанная на соображеніяхъ біологическихъ, историко-культурныхъ и географическихъ. Въ ходѣ развитія органическихъ коллективностей замѣчаются три ступени: соединенія механическія, вынужденныя фізіологическою необходимостью и наконецъ добровольныя. Въ исторіи человѣческихъ обществъ можно также различить три фазиса: соединенія принудительныя, насильственныя, — основанныя на подчиненности и раздѣленіи труда, — и сознательныя и добровольныя. На первой ступени находились древнія азіатскія государства, на второй — европейскія классическія и средневѣковыя, третья ступень — только началась въ западной Европѣ и Америкѣ. Этому соотвѣтствуетъ и географическое распредѣленіе цивилизацій, — сначала вдоль рѣкъ (Ниль, бассейнъ Тигра и Евфрата, Индъ и Гангъ, Гоангъ-Го и Янтсекіангъ), затѣмъ около морей (средиземно-морскія) и наконецъ всемірно-океаническія, составляющія дѣло настоящаго и будущаго. Существенное содержаніе этой географической теоріи культуръ было изложено авторомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1889, мартъ (стр. 331—362). Въ настоящей книгѣ, кромѣ вступительныхъ главъ о прогрессѣ и общихъ этюдовъ о значеніи расъ, вліяніи среды и географическихъ условій, разобраны спеціально только рѣчныя цивилизаціи — Египта, Халдеи, Индіи и Китая. Средиземно-морскія культуры и новѣйшія всемірно-океаническія — должны были составить предметъ дальнѣйшихъ томовъ изслѣдованія, задуманнаго очевидно по обширному плану и въ большихъ размѣрахъ. Къ сожалѣнію, автору не суждено было довести свою работу до конца; но и оставленные имъ этюды, по авторитетному свидѣтельству Элизе Реклю, имѣютъ прочную научную цѣнность и не пройдутъ безслѣдно въ литературѣ.

III.

Der nächste allgemeine Strike der deutschen Bergarbeiter und seine rationelle Bekämpfung, von *Ernst Matthias*, Königl. Bergmeister. Ratibor, 1890. Стр. 61.

Брошюрка прусскаго горнаго чиновника, Эрнста Маттиаса, заслуживаетъ вниманія по оригинальному проекту, излагаемому въ ней вполне серьезно и имѣющему цѣлью предупредить пагубныя слѣдствія будущихъ массовыхъ стачекъ рудокоповъ въ Германіи: дѣло идетъ, ни болѣе ни менѣе, какъ о замѣнѣ стачниковъ солдатами дѣйствующей арміи на все продолженіе забастовки. Тотчасъ послѣ объявленія всеобщей стачки и отказа отъ работы примѣрно 250.000 рабочихъ, отправлено было бы такое же количество солдатъ для дальнѣйшаго производства работъ въ каменноугольныхъ коляхъ, а 50 тысячъ войска понадобилось бы еще для поддержанія порядка, такъ что всего занято было бы 300.000 человекъ. При общей численности постоянной арміи въ мирное время въ 450 тыс. чел., остальныхъ 150 тысячъ было бы достаточно для гарнизоновъ, по увѣренію автора, а въ случаѣ надобности можно бы привлечь резервы и ландверъ.

Эта мысль — спустить дѣйствующую армію въ каменноугольныя шахты и превратить солдатъ въ чернорабочихъ — кажется намъ крайне характерною и замѣчательною. Она наглядно освѣщаетъ предъ нами любопытный уголокъ политико-экономическаго міросозерцанія, завладѣвающаго, повидимому, средними умами мелкаго чиновничьяго класса даже въ такой культурной странѣ, какъ Германія. Авторъ считаетъ несомнѣннымъ, что государство можетъ употребить армію на какія угодно цѣли; но люди берутся въ солдаты во имя обязательной для всѣхъ защиты отечества отъ враговъ, и личная воинская повинность не имѣетъ ничего общаго съ назначеніемъ въ каторжныя работы, по случайнымъ причинамъ, безъ какой-либо вины со стороны караемыхъ. Законы о военной службѣ имѣютъ въ виду интересы государственной обороны и безопасности; эти законы не даютъ еще права смотрѣть на солдатъ какъ на „публичныхъ рабовъ“, обязанныхъ превращаться въ рудокоповъ или какихъ-либо другихъ рабочихъ, по соображеніямъ экономической пользы постороннихъ лицъ или даже всего общества, — тѣмъ болѣе при современномъ составѣ армій.

Независимо отъ этой неудачной идеи, остальное содержаніе брошюры мало интересно. Авторъ доказываетъ, что прошлогоднія рабо-

ція стачки въ Вестфалии и въ другихъ мѣстахъ не могли быть вызваны бѣдственнымъ матеріальнымъ положеніемъ рабочихъ, такъ какъ въ означенныхъ мѣстностяхъ средняя годовая плата рабочаго превышаетъ 900 марокъ, при восьмичасовой дневной работѣ, а средний заработокъ горныхъ рабочихъ во всей Германіи гораздо меньше, а именно 777 марокъ. Но чѣмъ именно другимъ вызывались забастовки, при сносномъ будто бы матеріальномъ положеніи рабочихъ—объ этомъ авторъ не сообщаетъ никакихъ свѣденій.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го августа 1890.

Перемѣна въ гимназическихъ учебныхъ планахъ.—Уменьшеніе „концентраціи“ и конецъ господства экстенпоралій.—Увеличеніе гимназическихъ вакансій.—Сенсаціонная корреспонденція.—Съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній.—Дѣло Вальмана.—Изъ міра печати.

Наступающій учебный годъ принесетъ съ собою довольно чувствительныя облегченія для нашей учащейся молодежи. Въ учебныхъ планахъ и порядкахъ мужскихъ гимназій произошли перемѣны, мѣнѣ существенныя, чѣмъ можно было ожидать одно время, но во всякомъ случаѣ далеко не маловажныя. Первая изъ нихъ, это—уменьшеніе числа уроковъ по древнимъ языкамъ. Ихъ было до сихъ поръ, во всѣхъ классахъ гимназій, 85 въ недѣлю, а теперь будетъ только 75. Сверхъ того уменьшено число уроковъ по математикѣ (на одинъ) и по географіи (на два). Освободившіеся, такимъ образомъ, тринадцать учебныхъ часовъ распределены между Закономъ Божиимъ (три урока), русскимъ языкомъ (три урока), исторіей (одинъ урокъ), физикою (одинъ урокъ) и чистописаніемъ и рисованіемъ (пять уроковъ). Чтобы понять значеніе этой перемѣны, необходимо припомнить, въ главныхъ чертахъ, исторію вопроса о гимназическихъ учебныхъ планахъ.

Когда, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, была предпринята новая реформа гимназій, только-что преобразованныхъ уставомъ 1864 г., на первый планъ была выдвинута, между прочимъ, такъ-называемая *концентрація* преподаванія, т.-е. сосредоточеніе его на одномъ главномъ предметѣ, безусловно господствующемъ надъ всѣми остальными. Такимъ предметомъ избраны были древніе языки. Защитники реформы не находили достаточно словъ, чтобы выставить на видъ ихъ важность. Все, что могло соперничать съ ними, унижалось, обезцѣвливалося *per fas et nefas*. „Полезно было бы,—читаемъ мы, напримѣръ, въ одной изъ самыхъ раннихъ статей М. Н. Каткова по гимназическому вопросу ¹⁾,—сократить время, назначенное на такіе пред-

¹⁾ Эти статьи изданы недавно отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ: „Наша учебная реформа“ (Москва, 1890).

меты, преподаваніе которыхъ, какъ показалъ опытъ, не приноситъ въ гимназіяхъ существенной пользы, а напротивъ, нерѣдко причиняетъ большой вредъ. Въ ряду этихъ предметовъ самое видное мѣсто занимаетъ *такъ-называемая русская словесность*, т.-е. тотъ сборъ жалкихъ отрывковъ изъ эстетики, исторіи литературы и изъ журнальных критическихъ статей, который есть истинный крестъ для всякаго порядочнаго учителя, а молодыхъ людей приучаетъ только къ фразерству и верхоглядству. Преподаваніе исторіи, по крайней мѣрѣ въ среднихъ гимназическихъ классахъ, также можетъ быть сокращено съ большою пользою для учащихся“. „Отечественный языкъ,—говоритъ Катковъ въ другой статьѣ,—не можетъ служить тѣмъ педагогическимъ орудіемъ, какимъ служатъ древніе языки въ европейскихъ школахъ. *Своему языку учиться нечего*; дѣти всосали его съ молокомъ матери, его грамоту они усвоили себѣ прежде, чѣмъ поступили въ ту школу, которая должна воспитать ихъ умственные силы... Физикѣ предоставлено шесть часовъ; было бы совершенно достаточно, еслибы мы за физикой оставили четыре часа, а два остальные урока либо упразднили вовсе, либо замѣнили общимъ обзорѣніемъ царствъ природы... На исторію и географію полагается у насъ (при семигодичномъ гимназическомъ курсѣ) 22 часа времени; это слишкомъ много. Для географіи достаточно шести или много-много семи часовъ, а для исторіи—десяти или одиннадцати“. Когда реформа совершилась, и совершилась именно въ томъ направленіи, которое поддерживалъ Катковъ, онъ признавалъ ее недостаточно рѣшительной; онъ жалѣлъ о томъ, что на долю древнихъ языковъ выпала не половина учебныхъ часовъ, какъ въ прусскихъ гимназіяхъ (128 изъ 252), а *только* съ небольшимъ три восьмыхъ (85 изъ 206). Такого крайняго взгляда на „концентрацію“ держатся и до сихъ поръ поклонники Каткова. Издатель его статей о гимназической реформѣ, г. Поливановъ, продолжаетъ находить, что въ низшихъ классахъ гимназій древнимъ языкамъ отведено слишкомъ мало мѣста. Понятно, что объ *уменьшеніи* числа уроковъ по древнимъ языкамъ фанатики классицизма не могли и не могутъ думать безъ негодованія и ужаса. „*Всякое сокращеніе* занятій древними языками,—говоритъ г. Поливановъ,—было бы въ ущербъ основательности ученія и удалило бы русскую гимназію отъ нормальнаго типа классической школы“. По мнѣнію г. Свворцова ¹⁾, достаточно убавить число латинскаго и гре-

¹⁾ Книга г. Свворцова: „Объ организаціи гимназій“ знакома намъ только по статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 128), изъ которой мы и заимствуемъ вышеприведенную цитату.

ческаго языка въ гимназіяхъ—и „паровозъ, сбитый съ своихъ историческихъ рельсовъ, понесетъ молодое поколѣніе, а съ нимъ и судьбу отечества, туда, гдѣ мы теперь, быть можетъ, вовсе и не думаемъ быть“. Сохраненіе statu quo и, если возможно, дальнѣйшее усиленіе „концентраціи“ — вотъ послѣднее слово небольшой группы, девизомъ которой служить имя Каткова, органомъ—„Московскія Вѣдомости“.

Иначе былъ поставленъ вопросъ въ официальныхъ сферахъ, какъ только рѣшено было приступить къ пересмотру гимназическихъ учебныхъ плановъ. Необходимость *уменьшить* число уроковъ по древнимъ языкамъ была признана здѣсь съ самаго начала, и разногласіе возникло лишь относительно размѣровъ уменьшенія. Комиссія, учрежденная при министерствѣ народнаго просвѣщенія (подъ предѣтельствомъ товарища министра, князя Волконскаго), полагала ограничить его четырьмя часами (тремя—по латинскому языку и однимъ—по греческому). Большинство членовъ государственнаго совѣта, на разсмотрѣніе котораго поступилъ проектъ комиссіи, находило возможнымъ пойти гораздо дальше и уменьшить число древнихъ языковъ на *шестнадцать*, оставивъ по латинскому языку 36 уроковъ (вмѣсто 49), по греческому—33 (вмѣсто 36). Среднимъ между этими двумя предположеніями явилось мнѣніе министра народнаго просвѣщенія, поддержанное меньшинствомъ членовъ государственнаго совѣта. Оно оставляло по латинскому языку сорокъ два урока, по греческому—тридцать три. Уменьшая общее число уроковъ по древнимъ языкамъ на *десять*, оно приближалось, такимъ образомъ, скорѣе къ мнѣнію большинства, чѣмъ къ первоначальнымъ предначертаніямъ комиссіи. Не трудно представить себѣ переполохъ, вызванный имъ въ лагерѣ непреклонныхъ и нераскаянныхъ ультра-классиковъ. „Проектъ, желающій примирить серьезныхъ людей педагогическаго опыта съ людьми легкомысленнаго дилеттантства,—такъ загозорили „Московскія Вѣдомости“ (№ 154),—возникъ вслѣдствіе столь распространенной между нами слабохарактерной склонности къ уступкамъ, къ соглашеніямъ, къ компромиссамъ, словомъ, къ тѣмъ полумѣрамъ, которыя служатъ такою характерною особенностью всякой дурной политики. Полумѣра, идущая на встрѣчу каковой-нибудь крайней мѣрѣ, гораздо опаснѣе и вреднѣе ея“. На чемъ же основана столь рѣзкая оцѣнка „компромисса“, получившаго, въ настоящее время, силу закона? Только на томъ, что „сорокъ шесть часовъ для латинскаго языка—та крайняя, минимальная норма, ниже которой, по мнѣнію специалистовъ, идти нельзя“. Съ смѣлостью этого разсужденія можетъ сравниться только его несостоятельность, производящая по истинѣ

комическое впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, что это за педагогія, претендующая на точность математики или химіи? Что это за число уроковъ, уменьшеніе котораго столь же невозможно, какъ измѣненіе числа атомовъ, дающихъ то или другое химическое соединеніе? Мы понимаемъ врача, когда онъ опредѣляетъ минимальную дозу лекарства, необходимую для дѣйствія на организмъ, или максимальную дозу ядовитаго вещества, которую можетъ перенести больной безъ опасности для жизни; но мы можемъ только недоумѣвать, когда намъ говорятъ отъ имени педагоговъ: сорокъ шесть учебныхъ часовъ латинскаго языка, и ни одной минутой меньше! Такихъ сакраментальныхъ, неприкосновенныхъ цифръ въ области педагогіи нѣтъ и быть не можетъ. Сорокъ два часа вмѣсто сорока шести или сорока девяти—это, въ сущности, не что иное, какъ приглашеніе отбросить балластъ, установить болѣе строгое различіе между важнымъ и неважнымъ, упростить и облегчить приемы обученія. Все это требуетъ разрыва съ рутинной—разрыва всегда тяжелаго и неприятнаго. Отсюда нерасположеніе къ реформѣ въ средѣ „спеціалистовъ“, отсюда стремленіе отстоять, насколько возможно, существующее распредѣленіе учебнаго времени. Кто привыкъ справляться съ своимъ дѣломъ, располагая шестью часами въ недѣлю, тому, конечно, не легко будетъ исполнить его какъ слѣдуетъ въ продолженіе пяти часовъ—но трудность, въ данномъ случаѣ вовсе не равносильна невозможности. Пройдетъ лѣтъ пять, образуются новыя привычки—и тѣ же самыя „спеціалисты“ посмѣются, быть можетъ, надъ своими преувеличенными страхами. Едва-ли найдется между ними хоть одинъ, который сложитъ оружіе передъ страшной цифрой *сорокъ два* и воскликнетъ: „отдайте мнѣ мои сорокъ девять (или сорокъ шесть) часовъ—или освободите меня отъ неосуществимой задачи!“ Итакъ, мнѣніе спеціалистовъ вовсе не *gocher de bronze*, на которомъ неизбѣжно можно было бы утвердить знамя съ надписью: *сорокъ шесть, безъ запроса и безъ уступокъ*. Совсе не „легкомысленнымъ дилеттантизмомъ“ внушено, съ другой стороны, противоположное мнѣніе, ограничивавшее преподаваніе латинскаго языка тридцатью шестью уроками въ недѣлю. Не входя въ подробный разборъ этого мнѣнія, достаточно указать на то обстоятельство, что оно предоставляло латинскому языку столько же мѣста, сколько до сихъ поръ отводилось языку греческому и больше, чѣмъ сколько остается за послѣднимъ въ настоящее время. Возможное по отношенію къ одному языку едва-ли невозможно по отношенію къ другому—само собою разумѣется, подъ условіемъ отказа отъ преувеличенныхъ требованій и излишнихъ претензій.

Какъ бы то ни было, пониженіе числа уроковъ по древнимъ языкамъ съ 85 до 75 составляетъ существенное отступленіе отъ системы, восторжествовавшей двадцать лѣтъ тому назадъ и сохранившей до сихъ поръ не мало приверженцевъ, болѣе преданныхъ католицизму, чѣмъ самъ папа, т.-е. болѣе классиковъ, чѣмъ составители устава 1871 г. По ожесточенности противодѣйствія можно судить о важности побѣды. Не менѣе характеристично и то, что потерянное древними языками поступило, болѣею частью, въ активъ именно тѣхъ предметовъ, къ которымъ особенно неблагоклонно относились Катковъ и его послѣдователи. Катковъ предлагалъ понизить число уроковъ физики съ шести до четырехъ—оно повышено съ шести до семи. Катковъ предлагалъ ограничить преподаваніе исторіи, по крайней мѣрѣ въ среднихъ классахъ гимназій—ей отведенъ одинъ лишній урокъ въ пятомъ классѣ, т.-е. именно въ одномъ изъ среднихъ. Катковъ готовъ былъ довести до минимума число уроковъ по русскому языку и русской словесности—оно увеличено, и притомъ не только въ первомъ классѣ, но и въ восьмомъ, гдѣ занятія русскимъ языкомъ имѣютъ характеръ преимущественно литературный. Все это весьма утѣшительно; не вполне цѣлесообразнымъ кажется намъ только увеличеніе числа уроковъ по чистописанію и рисованію. Достигнуть улучшенія почерка учениковъ можно было бы гораздо вѣрнѣ инымъ путемъ—лучшей постановкой преподаванія, лучшимъ выборомъ преподавателей, въ настоящее время рѣдко пользующихся достаточнымъ авторитетомъ ¹⁾, и въ особенности болѣею требовательностью со стороны учителей другихъ предметомъ, слишкомъ мало обращающихъ вниманія на внѣшній видъ подаваемыхъ имъ письменныхъ упражненій. Что касается до рисованія, то мы висколько не отрицаемъ его образовательнаго значенія; но оно приурочено въ гимназіяхъ, новымъ учебнымъ планомъ, всецѣло къ первымъ тремъ классамъ—а въ столь короткое время трудно овладѣть имъ настолько, чтобы съ успѣхомъ продолжать самостоятельныя занятія. Мы думаемъ, что пять уроковъ, обращенныхъ на чистописаніе и рисованіе, могли бы быть употреблены съ гораздо болѣею пользою на преподаваніе естественной исторіи, de facto давно уже прекратившееся въ гимназіяхъ, а теперь

¹⁾ „Преподаваніе“ чистописанія сводится почти исключительно къ наблюденію за упражненіями учениковъ, списывающихъ съ прописей. Такое наблюденіе могло бы быть возложено на одного изъ учителей, преподающихъ въ томъ же классѣ другой предметъ, болѣе серьезный, и сообразно съ этимъ болѣе авторитетныхъ въ глазахъ учениковъ. Вѣдь учить же чистописанію, въ начальныхъ школахъ и приготовительныхъ классахъ, тѣ же лица, которыя обучаютъ другимъ предметамъ, и дѣло идетъ отъ того отнюдь не хуже.

и официально исключенное изъ гимназическихъ учебныхъ плановъ. Большинство членовъ государственнаго совѣта предполагало отдать естествознанію шесть уроковъ, взятыхъ отъ латинскаго языка (сверхъ семи, отобранныхъ отъ него согласно мѣнью министра народнаго просвѣщенія). Это было бы, съ нашей точки зрѣнія, весьма желательно, тѣмъ болѣе, что для естественныхъ наукъ нашлось бы, такимъ образомъ, мѣсто въ высшихъ классахъ, способныхъ къ болѣе или менѣе систематическому ихъ изученію; но разъ что это признано невозможнымъ, полезно было бы, по меньшей мѣрѣ, познакомить учениковъ низшихъ классовъ съ элементами естествовѣденія.

Второе существенное нововведеніе, тѣсно связанное съ первымъ (т.-е. съ уменьшеніемъ числа уроковъ по древнимъ языкамъ), касается самого характера преподаванія классическихъ языковъ. До сихъ поръ кульминаціоннымъ его пунктомъ признавались переводы съ русскаго языка на греческій и латинскій; они служили главнымъ мѣриломъ знаній ученика и усердія преподавателя, главнымъ предметомъ заботливости начальства, главной задачей переходныхъ и выпускныхъ экзаменовъ. Теперь они сохраняются лишь въ видѣ „дидактическаго приѣма“; преобладающее значеніе присвоивается чтенію образцовыхъ произведеній древнихъ авторовъ, полученіе аттестата зрѣлости ставится въ зависимость отъ письменныхъ переводовъ съ древнихъ языковъ на русскій. Это—именно та перемѣна, на которой давно настаивали всѣ противники прежнихъ гимназическихъ порядковъ. „Центръ тяжести классическаго обученія,—говорили мы, примѣръ, шесть лѣтъ тому назадъ ¹⁾,—лежалъ и лежитъ у насъ до сихъ поръ въ переводѣ съ русскаго языка на древніе. Чтобы справиться хоть какъ-нибудь съ главной задачей, приходится пренебрегать остальными, а въ числѣ остальныхъ заключается и та, которая одна только можетъ оплодотворить знаніе древнихъ языковъ: чтеніе авторовъ, съ переводомъ на русскій языкъ. Мы знаемъ, что она фигурируетъ въ программѣ и исполняется, такъ или иначе, на практикѣ: но она не можетъ не страдать отъ искусственнаго преобладанія другой, несравненно менѣе важной. Русская натура менѣе всего способна углубляться въ детали чисто формальнаго свойства, ставить условныя грамматическія требованія на одинъ рядъ съ крупными данными науки; не даромъ нерасположеніе къ изученію древнихъ языковъ (въ той формѣ, въ которой оно велось съ 1871 г.) составляетъ у насъ явленіе до такой степени распространенное и между родителями, и между учениками. Мы не возражаемъ безусловно противъ перевода

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 5 „Вѣстника Европа“ за 1884 г., стр. 427.

съ русскаго языка на древнїе, особенно въ низшихъ классахъ, гдѣ онъ способствуетъ твердому усвоенію основныхъ грамматическихъ и синтаксическихъ правилъ; мы желали бы только, чтобы въ концѣ концовъ успѣхи учениковъ измѣрялись сознательнымъ знакомствомъ съ авторами, привычкой понимать лучшія произведенія классической древности, а не механической снаровкой, выражающейся въ умѣньѣ написать нѣсколько фразъ по-гречески и по-латыни. Это умѣнье, за рѣдкими исключеніями, исчезаетъ съ быстротою, пропорціональною медленности его приобрѣтенія; пониманіе авторовъ, согрѣтое любовью, остается надолго или навсегда. Съ измѣненіемъ мѣрила измѣнился бы, самъ собою, и характеръ преподаванія“. И дѣйствительно, большая разница—стремиться къ *пониманію* мертвыхъ языковъ или къ *умѣнью владѣть ими*, хотя бы и съ грѣхомъ пополамъ. Между русскими образованными людьми весьма много такихъ, которые находятъ наслажденіе въ чтеніи французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ авторовъ; умѣнье писать на одномъ изъ этихъ языковъ составляетъ, наоборотъ, рѣдкое исключеніе и приобрѣтается обыкновенно только тѣми, кому удалось еще раньше—большею частью въ дѣтствѣ—овладѣть разговорною рѣчью. По-латыни и по-гречески у насъ никто не говоритъ; латинскую и греческую рѣчь дѣти слышатъ только въ классѣ. Прибавимъ къ этому трудности, свойственныя специально древнимъ языкамъ, припомнимъ громадную разницу между ними и новѣйшими языками—и мы поймемъ, какихъ усилій, непродуцируемыхъ и неблагодарныхъ, должно стоить достиженіе незавиднаго искусства подражать кое-какъ цicerоновской или ксенофоновской рѣчи. Отсюда упорство, съ которымъ приверженцы господствовавшей до сихъ поръ системы отстаивали неприкосновенность числа уроковъ по древнимъ языкамъ. Чтобы добиться виртуозности въ латинскихъ экстермпораліяхъ, мало, пожалуй, и сорока девяти уроковъ; лучшимъ доказательствомъ этому служить невысокій уровень большинства письменныхъ работъ, исполнявшихся, до сихъ поръ, на выпускныхъ экзаменахъ. Мы вполне понимаемъ, что правовѣрные ученики Каткова могли мечтать, вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, объ увеличеніи „концентраціи“; сколько бы ни было отведено уроковъ на древнїе языки, ихъ все-таки было бы мало, еслибы конечною ихъ цѣлью продолжало служить посвященіе учениковъ во всѣ тонкости греческаго синтаксиса и латинской стилистики. Теперь, съ измѣненіемъ цѣли, измѣняются и средства, необходимыя для ея достиженія. Мистическая цифра 46 теряетъ всякое значеніе уже потому, что содержаніе уроковъ будетъ далеко не прежнее. Для новой задачи сорокъ два часа—періодъ времени, въ сущности, болѣе достаточный, чѣмъ для старой—сорокъ девять. Педагогическая му-

дрость „спеціалистовъ“, на которую опираются ревнители рутины, очерпнута изъ обстановки, отходящей въ прошедшее; опытъ долженъ быть произведенъ вновь, примѣнительно къ новымъ требованіямъ и новымъ условіямъ. „Спеціалисты“ должны многое забыть и многому научиться. Они должны отказаться отъ формальнаго отношенія къ древнимъ авторамъ, отъ привычки видѣть въ нихъ преимущественно грамматическій матеріалъ, цѣнный какъ подкладка для экстемпоралій; они должны усвоить себѣ такой методъ толкованія классическихъ произведеній, который сдѣлалъ бы ихъ доступными и дорогими для учащихся. Эта сторона преподаванія обрѣталась до сихъ поръ далеко не въ авантажѣ. Многіе изъ учителей древнихъ языковъ, выписанные изъ-за границы, плохо владѣли русскимъ языкомъ и уже потому одному не могли ни дать почувствовать ученикамъ всю прелесть латинской или греческой рѣчи, ни объяснить имъ какъ слѣдуетъ содержаніе прочитаннаго, ни указать на точки соприкосновенія и различія между древними языками и языкомъ русскимъ, ни опѣнить внѣшнюю правильность перевода съ древнихъ языковъ на русский. Вполнѣ логичнымъ дополненіемъ къ реформѣ является, поэтому, то правило, въ силу котораго преподаваніе русскаго и обоихъ древнихъ языковъ, а особенно латинскаго, должно быть поручаемо, по крайней мѣрѣ въ трехъ младшихъ классахъ, одному и тому же учителю, русскому по происхожденію и вполнѣ свѣдущему какъ въ отечественномъ языкѣ, такъ и въ древнихъ.

Реформа, съ главными чертами которой мы ознакомили нашихъ читателей, имѣетъ значеніе не только для гимназій, но и для университетовъ. Не говоримъ уже о томъ, что она представляетъ больше шансовъ для правильнаго развитія учениковъ, для болѣе разносторонней ихъ подготовки къ слушанію университетскихъ лекцій; она должна отразиться непосредственно и прямо на учебныхъ планахъ историко-филологическаго факультета, на программахъ историко-филологическихъ испытательныхъ комиссій. Правила 1885 г., введившія въ историко-филологическій факультетъ своего рода „концентрацію“, уничтожившія различіе между разрядами, выдвигавшія на первый планъ, для всѣхъ безъ исключенія студентовъ, упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на греческій и латинскій, были составлены въ то время, когда въ официальныхъ сферахъ шла рѣчь объ *увеличеніи*, для гимназистовъ, числа уроковъ по древнимъ языкамъ. И дѣйствительно, если испытаніе въ историко-филологической комиссіи должно было служить чѣмъ-то въ родѣ повторенія или продолженія испытанія зрѣлости, если отъ студентовъ-филологовъ, каковую бы спеціальность они ни избрали, слѣдовало требовать больше всего и

прежде всего „твердости въ формахъ и синтаксическихъ оборотахъ, а для латинскаго языка — и въ стилистикѣ“, то необходимо было усилить съ самаго начала грамматическое изученіе древнихъ языковъ, необходимо было удвоить важность гимназическихъ экстермпоралій, какъ основанія и точки опоры экстермпоралій университетскихъ. Наоборотъ, низвести экстермпоралии, въ гимназіяхъ, на степень „дидактическаго приѣма“, замѣнить ихъ, на испытаніяхъ зрѣлости, переводомъ съ древнихъ языковъ на русскій, значить совершенно отказаться отъ нихъ въ университетѣ или до крайности ограничить ихъ значеніе, сохранивъ ихъ, притомъ, для однихъ лишь специалистовъ по древнимъ языкамъ. Нельзя же допустить, чтобы молодой человѣкъ, въ послѣдніе годы гимназическаго ученія вовсе или почти вовсе не занимавшійся экстермпоралиями, былъ вновь засаженъ за нихъ на университетской скамьѣ, хотя бы онъ и не думалъ посвящать себя изученію классической филологіи. Если чтеніе авторовъ выдвинуто на первое мѣсто уже въ гимназіяхъ, то тѣмъ болѣе оно должно удержаться въ университетѣ. Естественнымъ послѣдствіемъ гимназической реформы является, такимъ образомъ, возвращеніе къ прежнему устройству историко-филологическаго факультета — т. е. завершеніе обратнаго движенія, начавшагося еще въ 1889 г., подъ вліяніемъ извѣстной записки гг. Владиславлева и Помяловскаго.

Второстепеннымъ по важности, но вполне цѣлесообразнымъ представляется увеличеніе срока каникулъ въ гимназіяхъ, а также въ реальныхъ, уѣздныхъ и городскихъ училищахъ. На лѣтнія вакаціи назначено два мѣсяца, вмѣсто прежнихъ шести недѣль. На практикѣ послѣдняя цифра соблюдалась далеко не вездѣ, но были учебныя заведенія, которыя держались ея со всею строгостью, въ ущербъ здоровью и силамъ учащихся. Встрѣчались, однако, и такія школы, которыя предоставляли своимъ ученикамъ десяти- или одиннадцатинедѣльный отдыхъ, приблизительно съ 1-го іюня по 15-е августа. Сюда принадлежали, напримѣръ, всѣ или почти всѣ петербургскія гимназіи. Для нихъ точное примѣненіе новаго закона было бы шагомъ назадъ, одинаково тяжелымъ и для преподавателей, и для учащихся, и для родителей. Не лучше ли было бы, поэтому, узаконить тотъ срокъ вакацій, который наиболѣе соответствуетъ требованіямъ нашего климата и школьной гигиены? Осенью и зимой, въ сѣверной и центральной Россіи, учащейся молодежи мало приходится бывать на воздухѣ; весьма важно обезпечить за нею въ полной мѣрѣ пользование короткимъ русскимъ лѣтомъ. На югѣ Россіи позднее окончаніе и раннее возобновленіе ученія нежелательно въ виду лѣтней жары, мало располагающей къ занятіямъ.

Еще одно замѣчаніе, не лишенное, какъ намъ кажется, нѣкотораго значенія. Изъ числа двухъ новыхъ языковъ — французскаго и нѣмецкаго — обязательнъ для гимназистовъ, какъ извѣстно, только одинъ; обученіе обоимъ языкамъ разрѣшается только тѣмъ ученикамъ, которые успѣшно занимаются обязательными предметами. Это было бы понятно въ такомъ только случаѣ, еслибы изученіе новаго языка было сопряжено въ гимназіяхъ съ большими затрудненіями, съ большою затратой времени. На самомъ дѣлѣ это не такъ; требованія по новымъ языкамъ вовсе не высоки, исполненіе ихъ сравнительно легко даже для малоспособныхъ или лѣнивыхъ учениковъ. Запретить ученику изученіе одного изъ новыхъ языковъ — не значитъ еще увеличить для него шансы успѣха по остальнымъ предметамъ. Дурныя отмѣтки по древнимъ языкамъ или по математикѣ часто бываютъ, притомъ, простою случайностью; черезъ три мѣсяца или черезъ полгода онѣ могутъ быть изглажены вполнѣ, и ученику можетъ быть возвращено право заниматься обоими новыми языками. Всегда ли, однако, онъ воспользуется этимъ правомъ, всегда ли найдетъ возможнымъ пополнить пробѣлъ, образовавшійся въ его знаніяхъ во время вынужденнаго устраненія отъ занятій? Всегда ли, наконецъ, онъ рѣшится увеличить число часовъ, которые нужно проводить въ классѣ, всегда ли рѣшится разстаться съ свободой, предоставляемой, во время уроковъ нѣмецкаго или французскаго языка, тѣмъ, кто не занимается этимъ предметомъ? Временное прекращеніе занятій весьма легко можетъ обратиться въ постоянное; гимназистъ, получившій, во второмъ или третьемъ классѣ, нѣсколько неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по одному изъ главныхъ предметовъ, можетъ поплатиться за это совершеннымъ незнаніемъ французскаго или нѣмецкаго языка. Мы думаемъ, поэтому, что *запрещать* изученіе обоихъ новыхъ языковъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы.

Нѣсколько времени тому назадъ въ газетахъ появился циркуляръ могилевскаго губернатора, предписывавшій полиціи принять мѣры противъ невѣжливаго и неприличнаго поведенія евреевъ на улицахъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ. Такая же мѣра принята недавно одесскимъ градоначальникомъ. Указавъ на то, что „молодые люди изъ евреевъ“, во время занятія мѣстъ въ вагонахъ пригородныхъ желѣзныхъ дорогъ, стремительно бросаются къ вагонамъ, пренебрегая правилами вѣжливости, одесскій градоначальникъ объявляетъ во всеобщее свѣденіе, что „каждый еврей, замѣченный въ нарушеніи

порядка въ мѣстахъ скопленія публики или при посадкѣ въ вагоны пригородныхъ желѣзныхъ дорогъ, или же вообще въ оказаніи кому-либо при этомъ неуваженія или обиды—будетъ *немедленно подвергнутъ строгому взысканію* въ административномъ порядкѣ, *примыняемому къ лицамъ вреднымъ для общественнаго спокойствія*“. Последнія слова,—замѣчаютъ по этому поводу „Русскія Вѣдомости“,—вызываютъ невольное недоумѣніе. Самый фактъ, подавшій поводъ къ замѣчанію градоначальника, принадлежитъ къ числу совершенно заурядныхъ. Кому, въ самомъ дѣлѣ, изъ жителей большого города не приходилось наблюдать вполне однородныхъ явленій на загородныхъ гуляньяхъ и при всякомъ вообще скопленіи публики? Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ молодые и немолодые люди, изъ евреевъ и не-евреевъ, бросаются въ такихъ случаяхъ занимать лучшія мѣста въ вагонахъ, и рѣдко такое скопленіе обходится безъ давки или препирательства между пассажирами. Явленіе это, конечно, нежелательно, но устранить его вполне возможно болѣе простыми средствами, чѣмъ тѣ чрезвычайныя мѣры, которыя намѣревается примѣнить одесскій градоначальникъ: стѣитъ принудить общество конно-желѣзныхъ дорогъ пускать въ движеніе болѣе число вагоновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести, черезъ прислугу той же конки, правильный порядокъ допущенія къ вагонамъ. Въ Парижѣ, напримѣръ, въ такихъ случаяхъ каждому пассажиру выдается нумеръ его мѣста и безъ такого номера никто не вправе войти въ вагонъ. Но если даже г. градоначальникъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій, то въ его объявленіи, повидимому, вкралась немаловажная неточность относительно понятія лицъ, вредныхъ для общественнаго спокойствія. Едва-ли при изданіи Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ отъ 3-го мая 1882 года имѣлось въ виду примѣненіе чрезвычайныхъ мѣръ по отношенію къ лицамъ, виновнымъ лишь въ *пренебреженіи правилами въжливости*“. Вполнѣ раздѣляя мнѣніе почтенной газеты, мы можемъ только прибавить, что отступленіе отъ правилъ въжливости, если оно не подходитъ подъ понятіе объ обидѣ или о нарушеніи общественной тишины и общественнаго спокойствія, не составляетъ ни проступка, ни безпорядка, пресѣжаемаго мѣрами полиціи; въ противномъ случаѣ оно подвѣдомственно *судебной* власти, вмѣшательство которой, при нанесеніи *обиды* частному лицу, обусловливается, притомъ, жалобою обиженнаго. Но если бы невѣжливость и могла когда-либо служить объектомъ репрессіи со стороны полиціи, то эта репрессія, очевидно, должна была бы быть одинаковой для всѣхъ, независимо отъ національности и вѣроисповѣданія.

Представимъ себѣ, что къ вагону желѣзной дороги бросаются въ одно и тоже время, съ равною „стремительностью“, русскій и еврей, оба — молодые. Послѣдній ограничивается тѣмъ, что неделикатно пускаетъ въ ходъ свои локти, пробиваясь впередъ и не останавливаясь передъ препятствіями; первый, кромѣ того, сталкиваетъ съ подножки вагона даму и занимаетъ ея мѣсто. Справедливо ли было бы ограничиться по отношенію къ русскому замѣчаніемъ: „не толкайтесь, господинъ“, или даже (смотря по костюму): „куда лѣзешь, невѣжа“, а еврея немедленно подвергнуть строгому административному взысканію (какому—это угадать не трудно)? Стоитъ только подобной расправѣ повториться нѣсколько разъ, и евреи обратятся, въ глазахъ массы населенія, въ какихъ-то паріевъ, какихъ-то безправныхъ отщепенцевъ, стоящихъ внѣ охраны закона и не пользующихся благодѣяніями правильнаго гражданскаго быта.

Если вѣрить корреспонденціи изъ Мстислава (могилевской губерніи), напечатанной въ „Недѣльной хроникѣ Восхода“, такое отношеніе къ евреямъ начинаетъ уже проявляться на самомъ дѣлѣ, и притомъ въ сферахъ близкихъ къ официальнымъ. По словамъ корреспондента, мстиславскій предводитель дворянства, собравъ представителей мѣстнаго еврейскаго общества, сказалъ имъ рѣчь по поводу циркуляра могилевскаго губернатора (упомянутаго нами выше). Упрекая евреевъ въ заносчивости, дерзости и неуваженіи къ власти, онъ угрожалъ, будто бы, что „если впредь имъ будутъ замѣчены подобнаго рода (какіе именно—онъ не сказалъ) проступки со стороны евреевъ, то онъ виновныхъ, будь они даже самыя уважаемыя лица въ городѣ, подвергнетъ такому наказанію, которое сопряжено съ физическою болью и публичнымъ поворомъ для наказываемаго и сверхъ того ляжетъ пятномъ на все еврейское населеніе (такъ выразился г. предводитель; присутствовавшій же при этомъ случайно товарищъ прокурора г. С. присовокупилъ для большей ясности: „попросту будемъ драть на площади“). Это послѣднее заявленіе г. предводитель повторилъ съ особеннымъ удареніемъ, причемъ прибавилъ, что постарается, ради острастки прочимъ, привести свою угрозу въ исполненіе надъ самымъ уважаемымъ лицомъ въ городѣ и воспользуется для этого даже самымъ ничтожнымъ поводомъ“. „Новое Время“, откуда мы заимствуемъ это извѣстіе, отказывается признать его достовѣрнымъ и приписываетъ его разстроенному воображенію корреспондента. Мы также не можемъ допустить, чтобы предводитель дворянства произнесъ подобную рѣчь—не можемъ допустить этого уже потому, что предводителямъ не присвоено никакой карательной власти, ни судебной, ни административной. Еще менѣе по-

хожими на правду кажутся намъ слова, сказанныя будто бы товарищемъ прокурора. Нельзя забывать, однако, существованіе поговорки: „безъ огня дыму не бываетъ“. Извѣстія въ родѣ тѣхъ, которыя сообщены корреспондентомъ „Восхода“, были бы немислимы нѣсколько лѣтъ тому назадъ, потому что для нихъ не было тогда ни повода, ни почвы. Исключительныя мѣры по отношенію къ одной части населенія—это наклонная, очень наклонная плоскость; гдѣ остановится движеніе, однажды начавшееся—этого опредѣлить никто не можетъ. Отсюда, въ средѣ заинтересованной группы, готовность вѣрить всякому слуху, какъ бы онъ ни былъ неправдоподобенъ. Скажемъ болѣе: отсюда *возможность неутраченныхъ фактовъ* (le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable), въ родѣ рѣчи, приписываемой мстиславскому предводителю дворянства. Нужно надѣяться, что мы скоро встрѣтимъ въ газетахъ авторитетное опроверженіе корреспонденціи, напечатанной въ „Восходѣ“.

Въ настоящее время, когда все больше и больше распространяется область усиленнаго примѣненія тѣлесныхъ наказаній, когда не только въ „Гражданинѣ“, но и въ другихъ газетахъ появляются сочувственные отзывы о волостныхъ судахъ, приговаривающихъ къ розгамъ (см., напримѣръ, корреспонденцію: „Волостной судъ“ въ № 5149 „Новаго Времени“), когда въ фельетонѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ говорится о какой-то машинѣ, замѣняющей первобытный способъ сѣченія, отраднo было прочесть отчетъ о преніяхъ, происходившихъ, по вопросу о розгахъ, на сѣздѣ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній ¹⁾. Правда, тѣлесныя наказанія встрѣтили не мало защитниковъ и между членами сѣзда; но не слѣдуетъ забывать, что рѣчь шла о *дѣтяхъ*, и притомъ о дѣтяхъ испорченныхъ, осужденныхъ уголовнымъ судомъ. Можно отвергать тѣлесное наказаніе вообще—и допускать его въ видѣ рѣдкаго изъятія, для заключенныхъ въ исправительныхъ пріютахъ. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ мнѣнія компетентныхъ лицъ, признающихъ возможнымъ изгнаніе розогъ *даже* изъ области пріютской дисциплины. Если *даже* здѣсь можно, а слѣдовательно и должно, обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній, то они теряютъ, очевидно, всякое право на существованіе; нѣтъ такой сферы, въ которой они могли бы быть сохранены или введены вновь. Директоръ одесскаго пріюта, Э. Р. Савенко, заявилъ на сѣздѣ, что онъ никогда

¹⁾ Сѣздъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній, по порядку—третій, засѣдалъ въ Москвѣ во второй половинѣ минувшаго іюня.

не примѣнялъ тѣлесныхъ наказаній и считаетъ ихъ ненужными, вредными, развращающими дѣтей. Представитель саратовскаго пріюта, М. И. Паули, сообщилъ, что въ этомъ пріютѣ по уставу не допускаются тѣлесныя наказанія, и что правленіе пріюта никогда не согласится ходатайствовать о ихъ введеніи, даже еслибы о томъ состоялось постановленіе сѣзда. Представитель малолѣтнаго отдѣленія петербургской тюрьмы, докторъ А. П. Заболоцкій, довелъ до свѣденія сѣзда, что въ теченіе четырехъ лѣтъ не встрѣтилось въ отдѣленіи ни одного случая, въ которомъ оказалось бы необходимымъ прибѣгнуть къ розгамъ, „ожесточающимъ наказуемыхъ и развращающимъ наказуемыхъ“. Директоръ ярославскаго пріюта, А. М. Бурко, также высказался противъ тѣлесныхъ наказаній, хотя въ ярославскомъ пріютѣ было два случая ихъ примѣненія. Изъ числа ученыхъ юристовъ противъ розогъ говорили Д. А. Дриль и Н. С. Таганцевъ ¹⁾. Послѣдній призналъ тѣлесныя наказанія безусловно вредными и указалъ, между прочимъ, на слѣдующіе любопытные факты: съ тѣхъ поръ, какъ въ шестидесятыхъ годахъ въ нашихъ школахъ были отмѣнены тѣлесныя наказанія, въ практикѣ уголовного департамента правительствующаго сената не встрѣчалось случаевъ истязанія въ школахъ, хотя были случаи жестокаго истязанія въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ въ Германіи, гдѣ въ школахъ существуютъ тѣлесныя наказанія, въ уголовномъ судѣ разбиралась громадная масса дѣлъ объ истязаніи въ училищахъ. Это показываетъ, что установленіе тѣлесныхъ наказаній ведетъ къ страшному произволу наказывающихъ, переходящихъ легко грань отеческаго исправленія, и если въ Германіи, при высокой культурѣ, существуетъ масса злоупотребленій въ примѣненіи наказанія розгами, то у насъ они могутъ развиваться еще въ большей мѣрѣ. Такъ доводы, почерпнутые прямо изъ жизни, перевѣшиваютъ собою тысячи банальныхъ фразъ о неизбѣжности розогъ... Первый сѣздъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній, засѣдавшій въ Москвѣ въ концѣ 1881 г., поступилъ рѣшительнѣе чѣмъ третій: онъ прямо высказался, по

¹⁾ Велико было наше удивленіе и огорченіе, когда мы прочли въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 170), что къ лицамъ, стоявшимъ за введеніе тѣлесныхъ наказаній, надо отнести, *частію*, г. Таганцева. Столь же велика была наша радость, когда мы узнали изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ и „Новаго Времени“, что Н. С. Таганцевъ высказалъ прямо противоположное мнѣніе. Если онъ предложилъ отложить голосованіе вопроса, то, очевидно, не потому, чтобы онъ самъ сомнѣвался насчетъ правильнаго его рѣшенія, а исключительно въ виду разногласія, происшедшаго на сѣздѣ. За тѣлесныя наказанія высказались, между прочимъ, гг. Микляшевскій, Богоявленскій, Шамановскій, Остелецкій.

большинству голосовъ, противъ тѣлесныхъ наказаній. Tempora mutantur, et nos mutamur in illis.

Съ перемѣнами, зависящими отъ общаго хода событій, мы встречаемся, въ послѣднее время, въ самыхъ различныхъ сферахъ общественной жизни. Несвободна отъ нихъ и область суда, долгие другія, быть можетъ, сохранявшая прежній свой характеръ. Поразительное впечатлѣнiе производить, съ этой точки зрѣнiя, судебный отчетъ по дѣлу капитана Вальмана, обвинявшагося въ поджогѣ. Рассматривалось оно сначала въ петербургскомъ окружномъ судѣ. Присяжные осудили обвиняемаго; защитникъ его принесъ кассационную жалобу, указывая, между прочимъ, на неподсудность дѣла гражданскому суду. Сенатъ нашелъ это указанiе правильнымъ и отменилъ приговоръ присяжныхъ, не входя въ разсмотрѣнiе остальныхъ поводовъ къ кассацин ¹⁾. Между тѣмъ многіе изъ этихъ поводовъ заслуживали тщательнаго изслѣдованiя. Кассаторъ утверждалъ, что предсѣдательствовавшій на судѣ, *до чтенiя обвинительнаго акта*, высказалъ присяжнымъ свое мнѣнiе о возможныхъ мотивахъ преступленiя и совѣтовалъ имъ не обращать вниманiя на то, соответствовала ли страховая сумма стоимости застрахованнаго имущества (поводомъ къ поджогу выставлялось желанiе подсудимаго воспользоваться страховой суммой). Въ заключительномъ своемъ словѣ предсѣдательствовавшій, по словамъ кассатора, напомнилъ присяжнымъ про дѣло Ландсберга и сказалъ имъ, что о Ландсбергѣ всѣ товарищи-офицеры дали на судѣ самый хорошій отзывъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ съ цѣлью ограбленiя. Если эти заявленiя кассатора справедливы, образъ дѣйствій предсѣдательствовавшаго нельзя не назвать въ высшей степени неправильнымъ. До чтенiя обвинительнаго акта предсѣдатель въ правѣ обращаться къ присяжнымъ только съ разясненiемъ ихъ правъ и обязанностей. Въ этомъ разясненiи онъ вовсе не долженъ касаться существа дѣла, а тѣмъ болѣе высказывать свое мнѣнiе о мотивахъ преступленiя. Что касается до дальнѣйшаго хода дѣла, то еслибы обвинитель или защитникъ указалъ присяжнымъ на дѣло, производившееся десять лѣтъ тому назадъ и известное имъ только по слухамъ, онъ былъ бы немедленно остановленъ предсѣдателемъ. Что же сказать о предсѣдателѣ, который самъ позволяетъ себѣ подобныя указанiя? Гдѣ ручательство въ томъ, что сослуживцы Ландсберга дѣйствительно дали о немъ „самый хорошій отзывъ“? Если это и такъ—что этимъ доказы-

¹⁾ Военно-окружной судъ призналъ Вальмана невиновнымъ.

вается по дѣлу Вальмана?.. Намъ кажется, что признаніе дѣла неподсуднымъ гражданскому суду не должно было служить препятствіемъ къ разсмотрѣнію, въ порядкѣ надзора, обвиненій, введеныхъ противъ предсѣдательствовавшаго. Необходимо было потребовать объясненіе отъ него самого и отъ остальныхъ судей, и затѣмъ, въ случаѣ надобности, возбудить противъ него дисциплинарное или судебное производство. Новыя теченія не коснулись и, нужно надѣяться, не коснутся сената; онъ можетъ остановить или, по меньшей мѣрѣ, ограничить развитіе привычекъ и стремленій, еще недавно чуждыхъ нашему суду и нашимъ судьямъ.

Въ нашей ежедневной печати произошло нѣчто въ родѣ *chassez-croissez*; газеты, на нѣсколько минутъ, какъ бы помѣнялись ролями. Мы видѣли выше, во Внутреннемъ Обзорѣніи, какъ отнеслись „Новости“ къ новому закону о земскихъ учрежденіяхъ; статьи, посвященныя ими этому предмету (подъ заглавіемъ: „Обновленное земство“), показались бы намъ чѣмъ-то вполне нормальнымъ, еслибы были напечатаны на страницахъ „Новаго Времени“. Наоборотъ, статья „Новаго Времени“: „Новое земство“ (№ 5151) имѣетъ мало общаго съ обычнымъ тономъ этой газеты. Начинается она такъ: „Земство умерло въ видѣ самостоятельнаго мѣстнаго учрежденія, дѣйствующаго подъ надзоромъ правительства, и воскресло въ видѣ выборнаго вѣдомства, введеннаго въ общій строй нашихъ административныхъ учрежденій въ порядкѣ полной подчиненности губернатору. *Le roi est mort, vive le majordome!*“... „Земство, — читаемъ мы дальше, — отдано въ опеку мѣстной администраціи. По части избранія своихъ управъ земству предоставлено меньше самостоятельности, чѣмъ любой акціонерной компаніи въ избраніи своего правленія... При новомъ губернаторѣ или новомъ министрѣ земству по необходимости придется прилаживаться ко взглядамъ и желаніямъ новыхъ администраторовъ“... Укажемъ, въ заключеніе, на открытіе, сдѣланное одной газетой. Оказывается, что у насъ, какъ и у древнихъ римлянъ, есть *dies fasti* и *dies nefasti* — или, говоря словами купчихъ Островскаго, тяжелые и легкіе дни, счастливыя и несчастныя числа. *Цифра двѣнадцать*, — такъ гласитъ новѣйшій оракулъ, — *считается числомъ хорошимъ, предрекающимъ счастье*. Этого счастья „были лишены почти всѣ преобразованія прошлаго царствованія“. Итакъ, нужно остерегаться первыхъ и двадцатыхъ чиселъ ¹⁾; лучшее

¹⁾ *Первое* января (1864 г.) утверждено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ *двадцатого* ноября утверждены судебные уставы.

число для утвержденія новаго закона — двѣнадцатое. 12-го іюля (1889 г.) утверждено положеніе о земскихъ начальникахъ, 12-го іюля (1890 г.)—положеніе о земскихъ учрежденіяхъ; ergo—имъ предстоитъ счастливая участь. Секретъ успѣха найденъ, пользоваться имъ весьма легко; мы можемъ спать спокойно...

Поправка. На стр. 668 настоящей книги, въ 16-й строкъ сверху, слѣдуетъ читать: „дубъ нуженъ для постройки кораблей“.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1890.

Іюль. — Книга седьмая.

	СТР.
Три недели въ Сицили. — Кн. М. У—ОЙ	5
Злосчастная. — Изъ разсказовъ «казенной». — З. ГИПЦУСЪ	82
Воспоминанія дѣтства. — І. V. — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ	55
На дѣйствительной службѣ. — Повѣсть. — І. VIII. — И. ПОТАПЕНКА	99
А. А. Котляревскій. — А. В. СТОРОЖЕНКА	168
Стихотворенія. — К. МЕДВѢДСКАГО	182
Ловановщина. — Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть первая. — І. XIV. — В. ШИЛОВА	184
Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры (1829—1831). — І. V. — В. И. ШЕНРОБА	248
Стихотворенія. — О. М—ВОЙ	272
Новая исторія Императрицы Екатерины II. — По поводу книги г. Бильбасова. — А. В—НА	274
Подъ игромъ страстей. — Романъ Ричарда Ашкинга. — І. VII. — Съ англійскаго. — А. Э. ХРОНИКА. — Внутреннее Овозрѣніе. — Земско-статистическія работы, какъ матеріалъ для изслѣдованія условій сельскаго хозяйства. — Достоинства ихъ и недостатки. — Онынъ вывода изъ нихъ по вопросу о крестьянскихъ платежахъ и недоимкахъ. — Размѣры платежей въ двадцати уѣздахъ великорусскихъ губерній, и ихъ сборъ. — Количество недоимокъ въ тѣхъ же уѣздахъ и ихъ особенности. — Что собственно должно быть предметомъ обложенія?	862
По поводу выставки въ Ташкентѣ. — А—ВОВА	386
Иностранное Овозрѣніе. — Новая германская политика и ея практическіе результаты. — Англо-германское соглашеніе. — Внутренній смыслъ состоявшейся сдѣлки и значеніе ея для международныхъ отношеній въ Европѣ. — Дѣпеша лорда Сольсбери къ сэру Малету. — Официальные мотивы уступки Гельголанда. — Значеніе острова для Германіи и сомнительная выгодасть его присоединенія. — Военный законъ въ имперскомъ сеймѣ. — Мнѣнія таинственныхъ причины уступчивости Вьндгорста. — Вопросъ объ африканскихъ дѣлахъ въ Англіи	395
Литературное Овозрѣніе. — Е. Шепкиной: Старинные помѣщики на службѣ и дома. — Литературныя встрѣчи и знакомства, А. Милюкова. — Пѣснь о Нибелунгахъ, съ средне-верхне-нѣмецкаго перевелъ М. Кудряшевъ. — Полюбій, Всеобщая исторія, перев. Ѳ. Мищенко. — Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. І. Первольфа. — Новыя книги и брошюры	409
Новости иностранной литературы. — Les lois de l'imitation, par Tarde. — Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété, par Maxime Kovalevsky. — Le surmenage mental dans la civilisation moderne, par Marie Manacéine. Traduit du russe par E. Jauberts, avec une préface par Ch. Richet. — Д. С.	426
Изъ Общественной Хроники. — Д-ръ Г. А. Захарыинъ о „переутомленіи“ и „классицизмѣ“, и его предложеніе: сократить науки въ пользу классицизма. — Другія предложенія автора, и наши оговорки къ нимъ. — Что такое „концентрація“ обученія? — Предложеніе съ другой стороны: сократить гимназіи, не сокращая учебникъ часовъ. — Новыя признаки „маніи величія“ въ нашей печати и примѣры самобичеванія	434
Визмографическій Листокъ. — Американская республика, Дж. Брайса. Часть III. Пер. съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. — Въ чемъ сила жизни? Второе изданіе. Эльпе (Л. К. Попова). — Основанія политической экономіи. Проф. Д. И. Пихно. — Учебникъ психіатріи, сост. д-ръ Крафтъ-Эбингъ, пер. Александръ Черемшанскій. — Заразныя болѣзни въ учебникъхъ заведеніяхъ. Корь, скарлатина, оспа, тифъ, дифтеритъ, коклюшь, свинка и др. 2-ое изд. А. С. Виреніусъ.	

Книга восьмая. — Августъ.

	стр.
Ловановщина.—Романъ въ двухъ частяхъ.—XV-XX.—В. ШИЛОВА	445
Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры (1829—1831).—VI-XIV.—Окончаніе.—В. И. ШЕНРОКА.	487
На дѣйствительной службѣ.—Повѣсть.—IX-XV.—Окончаніе.—И. ПОТАПЕНКА.	521
Воспоминанія дѣтства.—VI-IX.—Окончаніе.—С. В. КОВАЛЕВСКОЙ	584
Поземельная политика въ прошломъ.—I-V.—По поводу книги В. Якушкина.—Л. З. СЛОНИМСКАГО.	641
Подъ игромъ страстей.—Романъ Ричарда Ашкинга.—VIII-XV.—Съ англійскаго.—А. Э.	679
Бисмаркъ и государственный социализмъ.—Bismarck and State Socialism, by Dawson.—И. Я.	728
Поиски въ далекой старинѣ.—„Разысканія“ А. Н. Веселовскаго; „Сани, лады и кони“, Д. Н. Анучина.—А. Н. ПЫЦИНА.	740
Густавъ IV и Екатерина II.—I.—А. Г. БРИКНЕРА	788
Хроника.—Внутреннее Овозрѣніе.—Новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ.—Сохраненіе прежней компетенціи земства.—Существенныя перемены въ его организаціи.—Пониженіе числа гласныхъ и избирательнаго ценза.—Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе.—Отношеніе земскихъ управъ къ администраціи.—Манифестъ о почтовой части въ Финляндіи	806
Наша важная торговля въ 1889 году.—О.	826
Иностранное Овозрѣніе.—Конгрессъ приверженцевъ общаго мира въ Лондонѣ.—Принципъ третейскаго суда въ международныхъ спорахъ.—Странныя противорѣчія и недомолвки.—Вопросъ о нейтрализаціи Эльзасы-Лотарингіи.—Нѣмецкая брошюрка по этому предмету.—Примирительное настроеніе въ Германіи.—Оффиціозная печать при князѣ Бисмаркѣ и теперь.—Заявленія и отзывы бывшаго канцлера въ бесѣдахъ съ корреспондентами.—Внутреннія нѣмецкія дѣла.—Новыя путешествія Вильгельма II.—Возможное сближеніе съ Россією и толки о болгарскомъ вопросѣ.—Послѣднія событія въ Испаніи и въ другихъ мѣстахъ	836
Литературное Овозрѣніе.—Русская наука въ послѣдніи двадцать пять лѣтъ, рѣчь В. И. Модестова.—Отчетъ Импер. Публичной Библиотеки за 1887 годъ.—Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества.—Нижегородскій Сборникъ, издаваемый нижегородскимъ губернскимъ стат. комитетомъ, подъ редакціей А. Гацискаго.—А. В.—Новыя книги и брошюры	851
Новости иностранной литературы.—I.—L'évolutionnisme des idées-forces, par Alfred Fouillée.—II.—La civilisation et les grands fleuves historiques, par Léon Metchnikoff.—III.—Der nächste allgemeine Strike der deutschen Bergarbeiter und seine rationelle Bekämpfung, von Ernst Mathias.—Л. С.	870
Изъ Общественной Хроники.—Пережѣна въ гимназическихъ учебныхъ планахъ.—Уменьшеніе „концентраціи“ и конецъ господства экстенсивной.—Увеличеніе гимназическихъ вакансій.—Сенсаціонная корреспонденція.—Съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній.—Дѣло Вальмана.—Изъ міра печати	878
Визуографическій Листокъ.—Я. А. Новиковъ, Протекціонизмъ.—Сэръ Даунъ Лѣббокъ, Успѣхи и радости жизни. Съ англійскаго четырнадцатаго изданія. Пер. М. Ловцовой.—М. М., Интеллигенція, какъ категория капиталистическаго строя.—Гигіена зрѣнія и выборъ очковъ для публики, врачей-неспециалистовъ и архитекторовъ, съ прибавленіемъ статьи о гигиенѣ зрѣнія въ школахъ. Съ 47 рисунками. Д-ра Л. Симонова.	

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Н. А. Новиковъ. Протекционизмъ. Сиб., 1890. Стр. 290. Ц. 2 р.

Книга г. Новикова, написанная горячо и съ знаніемъ дѣла, обратиться на себя вѣроятно, привлекая всѣхъ, интересующихся вопросами нашего народнаго и государственнаго хозяйства. Авторъ убѣдительно доказываетъ несостоятельность и вредъ протекционизма, разоблачаетъ ошибочность понятій и софизмовъ, приводимыхъ обыкновенно въ пользу охранительныхъ или запретительныхъ пошлинъ, объясняетъ нелѣзность предразсудка, побуждающаго искусственно насаждать промышленность въ странѣ земледѣльской, и выставляетъ вѣсныя практическіе аргументы въ подтвержденіе своихъ общихъ экономическихъ взглядовъ. Протекционизмъ, по опредѣленію г. Новикова, есть такая система, при которой «нѣкоторые лица получаютъ законное право вѣчно занимать дань со всѣхъ потребителей»; это обирание «всегда производитъ богатый въ ущербъ бѣднѣму, и въ этомъ состоитъ его главная несправедливость». Протекционизмъ «путь тождественъ съ конфискаціей»; онъ составляетъ нѣчто въ родѣ экономического рабства, «уменьшаетъ благосостояніе гражданъ, сокращаетъ государственные доходы и тормозитъ главнымъ образомъ развитіе производительныхъ силъ народа». Авторъ даетъ надлежащую оцѣнку тому фальшивому патриотизму, который обыкновенно пускается въ ходъ нашими купцами и промышленниками для пріобрѣтенія или закрѣпленія монопольныхъ выгодъ въ ущербъ всему народу и обществу. Громкая формула: «Россия — для русскихъ» означаетъ для этихъ дѣятелей исключительное право «самымъ грубымъ образомъ эксплуатировать народнаго масса». Въ началѣ книги авторъ предупреждаетъ читателей, что онъ «самъ промышленникъ», — очевидно для того, чтобы его мнѣнія не приписывались одному теоретическому доктринерству.

Сэръ Джонъ Лэббока. Успѣхи и радости жизни. Съ англійскаго четвернадцатаго изданія. Переводъ М. Ловцовой. Съ предисловіемъ А. Михайлова. Сиб., 1890. Стр. VIII в 363. Ц. 90 к.

Этюды сэра Лэббока объ удовольствіяхъ или угѣдахъ жизни (а не «успѣхахъ», какъ значится, вѣроятно по ошибкѣ, въ заглавіи перевода) пріобрѣли въ короткое время большую популярность въ Англии и въ другихъ странахъ, что видно уже изъ количества полившихся изданій и переводовъ. Авторъ говоритъ преимущественно цитатами изъ классическихъ писателей, старшихъ и новыхъ; искусный выборъ этихъ цитатъ, остроумныхъ изреченій и анекдотовъ дѣлаетъ чтеніе книги не только поучительнымъ, но и весьма занимательнымъ. Главное внутреннее достоинство книги — проникающая ее живая бодрость духа, незлобивая дѣйствующая на читателя. Тонкое знаніе жизни и людей, склонность находить и чувствовать пріятныя стороны даже въ самомъ заурядномъ существованіи, общій тонъ человечности и оптимизма, совершенно простое и ясное изложеніе, получающее иногда поэтической колоритъ, — все это дѣлаетъ этюды сэра Лэббока въ высшей степени симпатичными даже для людей несогласныхъ съ его отдѣльными взглядами.

Интеллигенція, какъ категория капиталистическаго строя. М. М. Казань, 1890. Стр. 52. Ц. 85 к.

Нѣтъ ничего печальнѣе тѣхъ неопредѣленныхъ и двусмысленныхъ разсужденій объ интеллигенціи, которая все еще встрѣчается по прежнему въ нашей печати и образчикомъ которыхъ можетъ служить, между прочимъ, брошюрка г. М. М. При самыхъ похвальныхъ и искреннихъ намѣреніяхъ, эти авторы нерѣдко сходятся заодно съ обскурантами въ такихъ существенныхъ вопросахъ, какъ образование. Г-нь М. М., очевидно, твердо убѣжденъ, что «интеллигенція» представляетъ особый классъ людей, который можетъ быть противопоставленъ обществу и народу, что этотъ классъ сталъ у насъ слишкомъ быстро размножаться, сравнительно съ спросомъ на умственный трудъ, и что въ настоящее время мы страдаемъ «перепроизводствомъ интеллигенціи», т. е. избыткомъ образованныхъ людей. Авторъ ведетъ свою аргументацію на точномъ основаніи положеній Маркса и нѣкоторыхъ другихъ экономистовъ; онъ забываетъ только объяснить, почему онъ отождествляетъ интеллигентныхъ дѣятелей съ наемными работниками, слугами или жертвами капитала. Умственный трудъ не есть непременно наемный и зависимый: онъ можетъ имѣть вполнѣ самостоятельное значеніе, пользуясь капиталомъ, какъ орудіемъ, при помощи кредита, какъ это мы видимъ у всѣхъ культурныхъ народовъ. Неудачники, снабженные дипломами и не находящіе сразу готовыхъ «мѣстъ», суть жертвы не капиталистическаго строя, а своей собственной безхарактерности и пассивности, недостатка самостоятельнаго почина и энергіи. Толковать же у насъ о «перепроизводствѣ интеллигенціи» при нашей крайней отсталости въ дѣлѣ народнаго образованія — просто грѣшно.

Гигиена зрѣнія и выборъ очковъ для публики, врачей-спеціалистовъ и архитекторовъ, съ прибаленіемъ статьи о гигиенѣ зрѣнія въ школахъ. Съ 47 рисунками. Д-ра Л. Симонова. Сиб., 1890. Стр. 160. Ц. 1 р.

Вопросъ о гигиенѣ зрѣнія, какъ справедливо напоминаетъ о томъ д-ръ Симоновъ, заслуживалъ бы гораздо большаго вниманія, чѣмъ принято удѣлять ему обыкновенно. Зрѣніе портится систематически «не только почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, но также въ частной жизни и въ большинствѣ общественныхъ заведеній для взрослыхъ». Слѣдствіемъ этого бываетъ близорукость, столь сильно распространенная въ образованномъ классѣ общества, а распространена она потому, что — какъ выражается авторъ — «мы ее неизмѣнно фабрикуемъ сами». Главнѣйшими фабриками, по словамъ д-ра Симонова, служатъ школы, въ которыхъ порокъ этотъ развивается прогрессивно отъ класса къ классу съ такою ужасающею быстротою, что «на общее число окончивающихъ среднія и высшія учебныя заведенія приходится отъ половины до трехъ четвертей близорукихъ». Въ книгѣ д-ра Л. Симонова подробно объяснены способы, которыми охраняется зрѣніе отъ преждевременной и напрасной порчи.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1890 г.

(Двадцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
ЗА ГРАНИЦЕЙ, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по частямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго іюля открыта подписка на третью четверть 1890 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ услугомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербурѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гостиной Двора и Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о);—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамоптова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія нѣи.—*Иногородные и иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журналы Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются

ПЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожителства, съ названіемъ ближайшаго къ почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если пѣтъ такого учрежденія и самомъ мѣстожителствѣ подписчика.—2) *Перемяна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на получение журналы высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

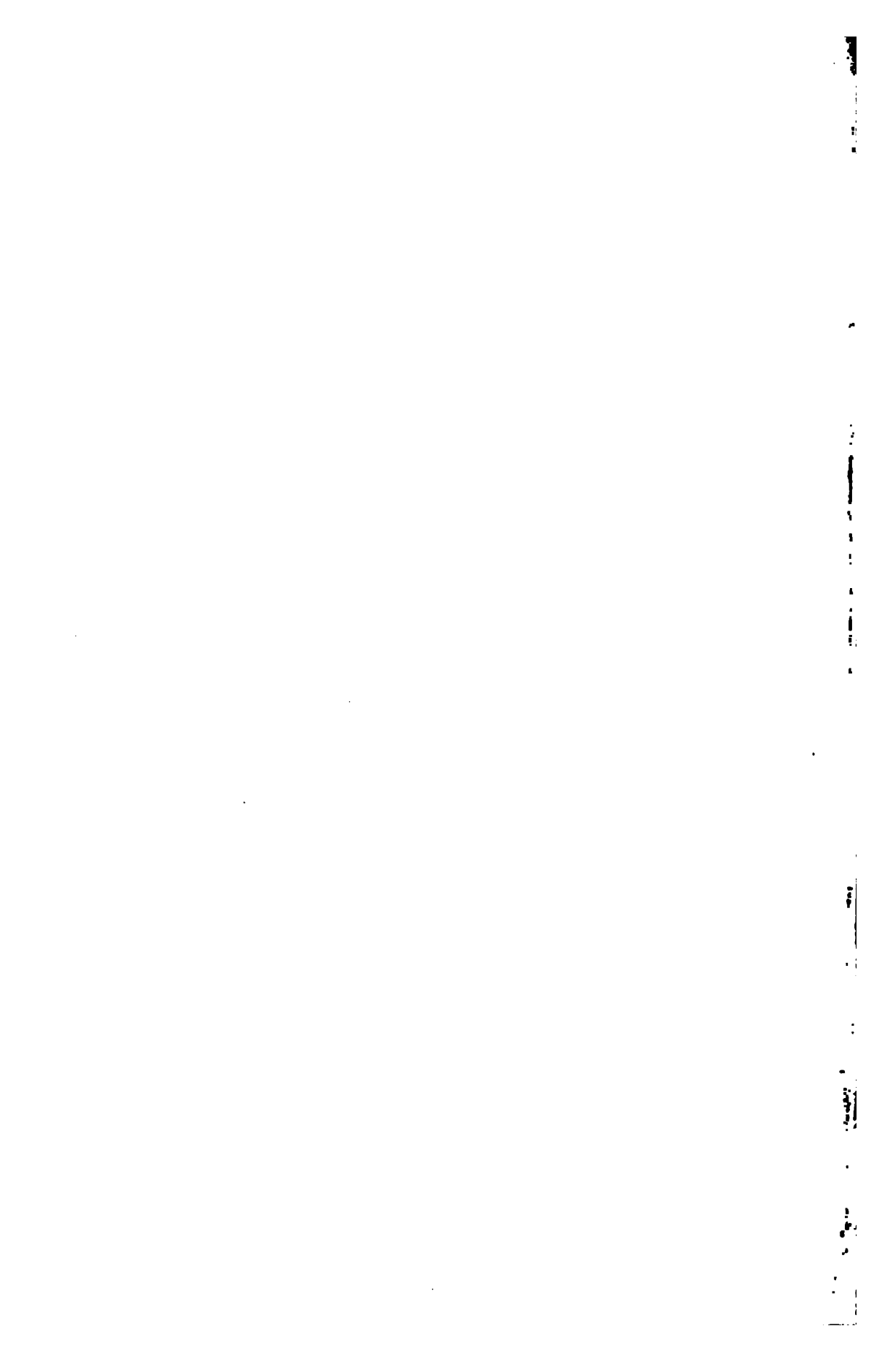
ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

3 2044 036 31

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE NOV 8 1913

STALE STUDY
CHARGE
CHARGE